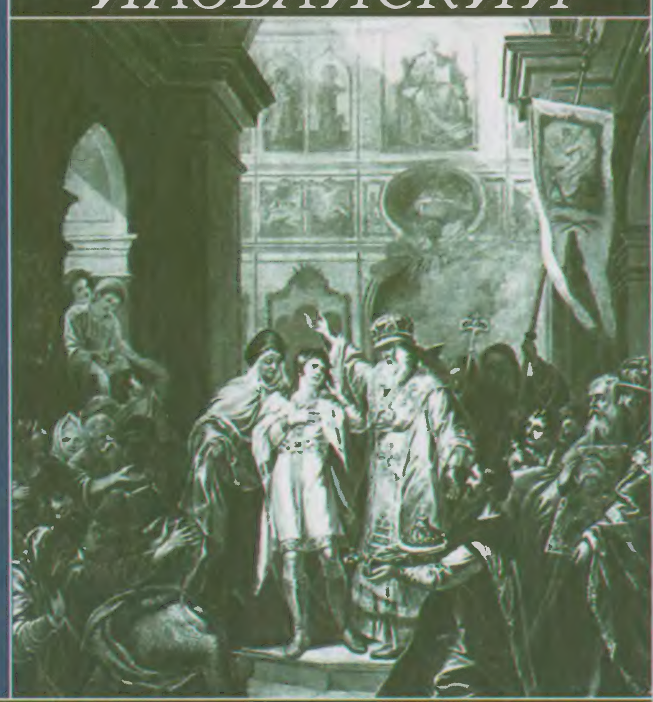
Дмитрий
ИЛОВАЙСКИЙ



Новая династия

Вряд ли какой-нибудь другой период российской истории так прямо соотносится с сегодняшним днем, как Смутное время.

Историческая библиотека

Дмитрий
ИЛОВАЙСКИЙ

Новая династия

Астрель
Москва
2003

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41
И44

Серия основана в 2001 году

Иловайский Д. И.

И44 Новая династия / Д.И. Иловайский. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 749, [3] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-017474-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-05704-6 (ООО «Издательство Астрель»)

Утрата законной власти, «голодные бунты», нашествие разного рода самозванцев, открытая интервенция Польши и Швеции... Патриотическая деятельность Земского собора, самоотверженный подвиг патриарха Гермогена, Минина и Пожарского... Все это — начало XVII века в государстве российском.

Лишь избрание «всей землей» на престол представителя новой династии Михаила Федоровича Романова положило конец Московскому разоренью. Народ сплотился именем монарха. Пробудившееся национальное достоинство и вера в свое великое предназначение спасли Россию.

Смута в итоге не изменила державного хода российской истории, а лишь временно нарушила его, но она стоила великих жертв, а еще — послужила и служит трагическим назидательным уроком всем поколениям русских людей.

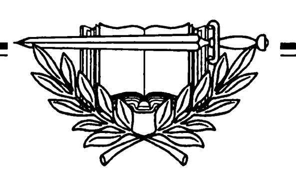
В издании частично сохранены орфография и пунктуация автора.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41

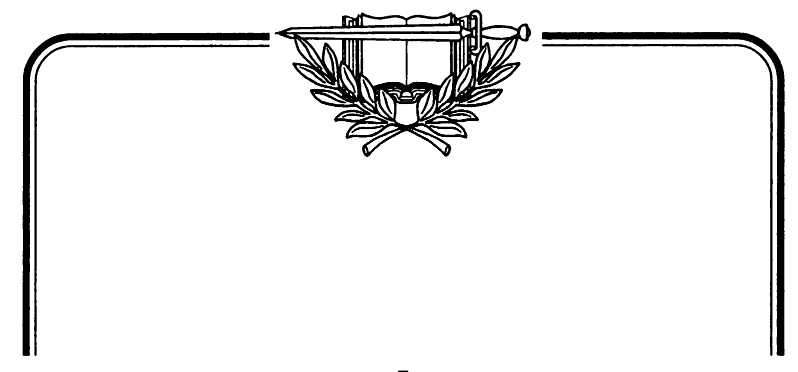
Подписано в печать 23.11.2002. Формат 84×108/32.
Усл. печ. л. 39,48. Бумага офсетная. Тираж 5000 экз. Заказ № 80.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953005 — литература учебная
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.11.953.П.002870.10.01
от 25.10.2001 г.

ISBN 5-17-017474-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-05704-6 (ООО «Издательство Астрель»)



СМУТНОЕ ВРЕМЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА



I

ПОЛЬСКИЕ КОЗНИ И НАЧАЛО САМОЗВАНСТВА

Три фамилии, виновные в самозванческой интриге. — Руководящее участие в ней Льва Сапеги. — Первый самозванец. — Григорий Отрепьев. — Объявление названого Димитрия Вишневецкими и комедия с приметами. — Роль Мнишков и самборское пребывание Лжедимитрия. — Участие нунция Рангони и Сигизмунда III. — Лжедимитрий в Кракове. — Участие иезуитов. — Покровители и противники обмана. — Меры Бориса Годунова и его суеверие. — Ошибочное отождествление Лжедимитрия с Отрепьевым. — Участие казачества. — Вербовка войска. — Поход. — Первые успехи. — Петр Басманов и неудачи Самозванца. — Его поражение у Добрыничей Кромы и новый поворот дела. — Пребывание в Путивле.

Адский замысел против Московского государства — замысел, плодом которого явилось самозванство — возник и осуществился в среде враждебной польской и ополяченной западнорусской аристократии. Три фамилии были главными зачинщиками и организаторами этой гнусной польской интриги: коренные католики Мнишки, незадолго изменившие православию Сапеги и стоявшая уже на пути к ополячению или окатоличению семья Вишневецких. Литовский канцлер Лев Сапега желал внести смуту в Московское государство, чтобы ею могла воспользоваться Речь Посполитая; следовательно, действовал в видах политических. Юрий Мнишек, воевода Сендомирской, руководился по преимуществу личными интересами; этот старый интриган хотел поправить свое расстроенное состояние и блистательным образом пристроить одну из своих дочерей. А два брата Виш-

невецких, Адам и Константин, по-видимому, вовлеклись в интригу по свойству с Мнишками. Адам еще держался православия, но отличался распущенными нравами; брат же его Константин, женатый на Урсуле Мнишковне, успел уже перейти в католичество.

Идея самозванства вытекала почти сама собою из тех обстоятельств, в которых находилась тогда Московская Русь. Эта идея уже носилась в воздухе со времен трагической смерти царевича Димитрия, которая, без сомнения, продолжала служить в народе предметом разнообразных толков и пересудов. От них недалеко было и до появления легенды о чудесном спасении, которому так склонна верить всякая народная толпа, особенно недовольная настоящим, жаждущая перемен, и прежде всего перемены правительственных лиц. Мы знаем, что Борису Годунову и по характеру своему, и по разным другим обстоятельствам не удалось ни приобрести народное расположение, ни примирить с необычайным возвышением своей фамилии старые боярские роды. Всякому постороннему наблюдателю была очевидна шаткость его положения и непрочность новой династии, еще не успевшей пустить корней в стране. Мысль выставить против Годуновых хотя бы одну тень прирожденного наследника престолу должна была представиться очень соблазнительною; успех казался легко достижимым. Идея самозванства, по всей вероятности, немалое время носилась в разных головах и внутри Московского государства, и вне его пределов, пока осуществилась на деле. Гораздо удобнее могла она осуществиться, конечно, не внутри государства, а в такой соседней и неприязненной ему стране, какою была Речь Посполитая с ее своевольным панством и хищным украинским казачеством. Здесь уже и прежде практиковались опыты выставлять самозванцев для соседей, а именно для Молдо-Валахии. Во второй половине XVI века не один смельчак, назвавший себя сыном или родственником какого-либо умершего господаря, добывал, хотя бы и на короткое время, господарский престол с помощью вольных казацких дружин. (К числу таких самозванцев принадлежали известные Ивоня и názваный его брат Подкова.) Праздная, бурная часть польско-русской шляхты и казацкая вольница представляли

готовый материал для всякого отчаянного предприятия, в случае успеха обещавшего богатую добычу и громкую славу. Если для добывания господарского престола какой-нибудь Молдавии претенденты собирали здесь тысячи смельчаков, то сколько же можно было найти их для такого заманчивого предприятия, как завоевание московского царского престола!

Кто был первый самозванец, принявший на себя имя царевича Димитрия, может быть, со временем объяснится какою-нибудь счастливою находкою, а может быть, навсегда останется тайною для истории. Есть глухое известие, которое называет его побочным сыном Стефана Батория, — известие само по себе достойное внимания; но мы не можем ни принять его, ни отвергнуть за недостатком более положительных данных. Можем только заключить, что, по разным признакам, это был уроженец Западной Руси, и притом шляхетского происхождения. В какой религии он был воспитан, трудно сказать: может быть, в православной; а возможно, что он принадлежал к Реформации и даже к столь распространенному тогда в Литовской Руси арианству. Во всяком случае, на историческую сцену молодой Самозванец выступил из среды бедного шляхетства, которое наполняло дворы богатых польских и западнорусских панов, нередко переходя на службу от одного из них к другому. Это был хотя и легкомысленный, но несомненно даровитый, предприимчивый и храбрый человек, с сильно развитой фантазией и наклонностью к романтическим приключениям. Сдается нам, что и самый толчок к столь отчаянному предприятию, самая мысль о самозванстве явилась у него не без связи с романтическими отношениями к Марине, дочери Сендомирского воеводы, у которого некоторое время он, по-видимому, находился на службе. Возможно, что кокетливая, честолюбивая полька, руководимая старым интриганом-отцом, вскружив голову бедному шляхтичу, сама внушила ему эту дерзкую мысль. Как бы то ни было, сие столь обильное последствиями предприятие, по нашему крайнему разумению, получило свое таинственное начало в семье Мнишков и было ведено с их стороны весьма ловко. Очевидно, они рассчитывали в случае удачи воспользоваться всеми ее выгодами, а в

случае неудачи остаться по возможности в стороне. Самое объявление названого царевича должно было совершиться не в их доме, а в другом, хотя и родственном, именно у Вишневецких, притом не у католика Константина Вишневецкого, женатого на Урсуле, младшей сестре Марины, и, следовательно, слишком близкого к семье Мнишков, а у его православного двоюродного брата Адама. Урсула, конечно, была в этой интриге усердным агентом своей старшей сестры, которая в ожидании московской короны успела уже сделаться зрелою девою.

Неизвестно, каким способом Мнишки сумели привлечь к своей интриге литовского канцлера Льва Сапегу; а еще вероятнее, что он-то и был первым начинателем замысла и самих Мнишков натолкнул на это предприятие. Во всяком случае, его близкое участие в сей интриге не подлежит сомнению. Как сановник, ведавший иноземные сношения, он хорошо знал положение дел в Московском государстве; имел случай наблюдать его и собственными глазами, так как был послом в Москве еще в царствование Федора Ивановича. Радея интересам Речи Посполитой и своей новой религии, т.е. католичеству, он сделался ярым врагом Московской Руси и хотел широко воспользоваться обстоятельствами для своих политических видов. Можно смело предположить, что он не только поощрил интригу Мнишков, но явился главным ее двигателем, заставив втайне действовать имевшиеся в его распоряжении государственные средства. В ноябре 1600 года, как известно, Лев Сапега вторично прибыл в Москву в качестве великого посла от польско-литовского короля Сигизмунда III к недавно воцарившемуся в Москве Борису Годунову для переговоров о вечном мире. Но при сем он выставил такие невозможные требования и держал себя так надменно, что вызвал большие споры и пререкания с московскими боярами. Долго, около девяти месяцев, Годунов задерживал это посольство — как оказалось потом, задерживал на свою голову, — пока заключено было двадцатилетнее перемирие. Несмотря на строгий присмотр, которым окружено было посольство, Сапега сумел войти в какие-то тайные сношения с некоторыми противными Годунову дьяками и боярами, вообще разведать и подготовить, что было

нужно для дела Самозванца. Мало того, есть полное основание полагать, что сам этот будущий Самозванец участвовал в огромной польской свите (заключавшей в себе до 900 человек) и таким образом имел возможность ознакомиться с Москвою, ее двором, населением и разными порядками. По-видимому, он продлил свое пребывание здесь и после отъезда посольства, бродил по Московской Руси в товариществе с несколькими монахами, переодетый чернецом, и при помощи каких-то доброхотов благополучно перебрался назад за литовский рубеж, сквозь пограничные русские заставы.

В числе помянутых бродячих монахов, вместе с ним или отдельно от него ушедших за литовский рубеж, находился и тот Григорий Отрепьев, которого потом московское правительство объявило лицом, тождественным с первым Лжедимитрием. Тождество сие, по тщательному пересмотру вопроса, оказывается ложным. Тем не менее бегство Отрепьева из Москвы и его прямое участие в деле Самозванца едва ли подлежат сомнению; хотя и нет пока возможности достаточно выяснить его истинную роль в этом деле. Известно только, что Юрий Отрепьев был родом из галицких боярских детей, в детстве остался сиротою после отца Богдана, оказался способным при обучении грамоте, в юности появился в Москве, жил некоторое время в услужении у бояр Романовых и их свойственника князя Черкасского. Затем он становится монахом, приняв имя Григория, и попадает в Чудов монастырь, где постригся дед его Замятня; там вскоре его посвятили в дьяконы. Своею грамотностию и сочинением канонов чудотворцам Григорий обратил на себя внимание самого патриарха Иова, который взял его к себе; потом даже брал его с собою в царскую думу, где он наблюдал придворные и правительственные порядки Московского государства (чем и мог впоследствии быть полезен Самозванцу). Но молодой Отрепьев любил выпить и был не в меру болтлив. Какие-то похвальбы или неосторожные речи о смерти царевича Димитрия, о возможности того, что царевич спасся от убийц и скоро объявится, навлекли на него подозрение. Донесли о том патриарху; последний не дал веры; тогда донесли самому царю Борису. Тот велел дьяку Смирному-Васильеву сослать нескромного монаха под начало в Соловки за его

якобы занятия чернокнижеством. Но у Григория нашлись заступники; дьяк не спешил исполнить приказ, а потом о нем забыл. Узнав о грозящей опасности, Отрепьев бежал из Москвы вместе с двумя другими чернецами, Варлаамом и Мисаилом Повадиным. После разных странствий и приключений беглецы перебрались за Литовскую границу, побывали в Киевском Печерском монастыре, потом жили некоторое время в Остроге у известного князя Константина-Василия Острожского. Отсюда Григорий отправился к пану Гойскому в его местечко Гощу, которая тогда славилась своею арианскою школою. А затем след Григория как бы пропадает из глаз истории. Вскоре в Западной Руси объявился человек, назвавший себя царевичем Димитрием.

Весьма возможно, что во время пребывания Сапегина посольства в Москве какие-то посредники привлекли Отрепьева к задуманному предприятию и свели его с тем шляхтичем, который готовился принять на себя имя Димитрия. Может быть, Отрепьев сделался его руководителем в странствованиях и в ознакомлении с Московскою Русью, а также одним из агентов для распространения вести о чудесном спасении царевича Димитрия. По некоторому известию, тот же Отрепьев из Литвы, и, конечно, не один, ездил на Дон, чтобы поднять казаков на помощь мнимому царевичу; а сам этот мнимый царевич, по-видимому, в это время ездил на Запорожье с тою же целью. Наконец, имеем довольно достоверное известие, что Григорий Отрепьев сопровождал Лжедимитрия при его походе в Московское государство.

Темные слухи о какой-то интриге, переплетенной с именем и судьбою царевича, рано дошли до Бориса и сильно его смутили. Едва ли не в связи с ними воздвигнуто было известное гонение на семью Романовых, а также их родственников и свойственников Черкасских, Репниных, Сицких и др. Гонение это началось как раз во время Сапегина посольства. Предлогом для того, как известно, послужили мешки с какими-то подозрительными кореньями, якобы найденными в кладовой одного из братьев Романовых. Точно так же впоследствии, когда гласно объявился названый Димитрий, Борис, узнав, что дьяк Смирной-Васильев не исполнил его повеления относительно Григория Отрепьева, придумал для

наказания дьяка совсем иной предлог: царь велел проверить дворцовую казну; на Смирнова при этом сделали большой начет, подвергли его правежу и забили до смерти.

Итак, 1600 — 1601 годы были эпохою первых, неясных слухов о самозванческой интриге. Та же эпоха отмечена несомненным переломом в поведении царя Бориса: он становится крайне подозрителен, поощряет шпионство и доносы, ищет и преследует своих тайных врагов. Очевидно, помянутые слухи подействовали на него крайне раздражающим образом. Современные свидетельства говорят, что, не решаясь прибегать к явным казням, он приказывает изводить подозреваемых людей разными другими способами: их морили голодом в тюрьмах, забивали палками, спускали под лед и т.п. Борис стал недоверчиво относиться к соседям; особенно опасался поляков и ожидал оттуда грозы; ибо с западного рубежа уже приходили зловещие слухи о близком появлении Димитрия. Эти опасения и тревожные слухи сообщались окружающим, а от них проникали и в народ. По Москве стали ходить рассказы о разных видениях и знамениях, предвещавших ужасные беды со стороны Польши. Страшный голод, угнетавший в то время население, казался только началом великих бедствий, долженствовавших разразиться над Русскою землею.

Человек, принявший на себя имя царевича Димитрия, объявился приблизительно во второй половине 1603 года. Объявился он в числе слуг богатого западнорусского вельможи князя Адама Вишневецкого, в его местечке Брагине, которое было расположено недалеко от Днепра, почти на самом порубежье с Московскою Северщиной. Названый Димитрий представлял из себя хотя молодого человека, но уже не первой молодости, — бывшего по крайней мере на пять лет старше убитого царевича. Небольшого роста, худощавый, но крепко сложенный, он отличался физическою силою и ловкостью в военных упражнениях; у него были рыжеватые волосы, серые глаза, смуглое некрасивое лицо; зато он обладал звучным голосом, даром слова и притом не лишен был некоторого образования. Вообще он был способен при случае производить впечатление и убеждать, увлекать за собой других. Те, которые выставили его, без сомнения приняли в расчет все эти качества.

Объявление названого царевича произошло как бы случайно. По этому поводу существуют разные рассказы, более или менее сомнительного свойства. Так, по одному известию, молодец сказался опасно больным и позвал для предсмертной исповеди священника; а сему последнему за великую тайну сообщил, что он не тот, за кого его принимают, и просил после его смерти прочесть скрытый под постелью свиток, который все разъяснит. Священник сообщил о сем самому пану, т.е. князю Адаму; а тот поспешил, конечно, взять указанный свиток и узнал из него, что в числе его слуг скрывался не кто иной, как сам московский царевич Димитрий, якобы чудесным образом спасенный от гибели, которую готовил ему Борис Годунов. Обрадованный князь Адам тотчас начал оказывать всевозможные почести мнимобольному, который, разумеется, не замедлил выздороветь. По другой басне, открытие произошло в бане, где князь Адам, за что-то рассердясь на слугу, ударил его. Тот горько заплакал и сказал, что если бы князь знал, кто он такой, то иначе обращался бы с ним. И затем по настоянию пана открыл ему свое царственное происхождение. Само собой разумеется, что объявление мнимого царевича должно было произойти вследствие той или другой случайности, заранее условленной между Вишневецким и другими главными действующими лицами. Рассказ Лжедимитрия о его спасении и последующей судьбе заключался в немногих словах: какой-то приближенный человек или его доктор, узнав о готовившейся царевичу гибели, подменил его на ночь другим мальчиком, который и был убит вместо него. Затем доброхоты царевича скрыли его куда-то и воспитывали в неизвестности; потом он под видом чернеца странствовал по монастырям, пока не ушел в Литву. Не говоря уже о небывалом ночном убийстве, никаких точных указаний на лица и обстоятельства, никаких достоверных подробностей он не мог представить; только показывал золотой крест, украшенный драгоценными камнями и будто бы данный его крестным отцом, покойным князем Ив. Фед. Мстиславским. И, однако, вся эта явно сочиненная, нелепая басня имела потом полный успех; ибо нашла весьма благоприятную для себя почву и как бы отвечала на потребность времени. Даже некоторые телесные отличия

или приметы Самозванца и те пошли в дело; у него оказалась бородавка на щеке, родимое пятнышко на правом плече и одна рука короче другой. Эти приметы объявлены принадлежавшими маленькому царевичу Димитрию, и с них начато было удостоверение в его подлинности.

Распустив по окрестностям известие о новоявленном царевиче, Адам Вишневецкий спешил как бы поделиться своею радостью с братом Константином и из Брагина сам повез мнимого Димитрия к нему на Волынь, где были обширные поместья Вишневецких и самое гнездо фамилии — замок Висневец, расположенный на берегах Горыни. Здесь устроена была следующая комедия, с помощью канцлера Льва Сапеги. У сего последнего находился в услужении какой-то беглый москвитин, называвший себя Юрием Петровским. Он говорил о себе, будто бывал в Угличе и видал маленького царевича. Вишневецкие призвали его и показали ему названого Димитрия. Слуга как только осмотрел вышеуказанные приметы, так и воскликнул: «Да, это истинный царевич Димитрий!» Константин Вишневецкий тоже недолго мешкал у себя с новооткрытым царевичем и повез его в Червонную Русь к своему тестю Юрию Мнишку, в замок Самбор. Этот деревянный замок был расположен в прекрасной местности, на верхнем течении Днестра, и служил средоточием королевских столовых имений того края или так называемой «экономии». Мнишек, в молодые годы вместе с братом Николаем бывший любимцем и самым приближенным человеком короля Сигизмунда II Августа, под старость сумел втереться в милость Сигизмунда III, получил от него воеводство Сендомирское, староство Львовское и управление Самборской экономией.

Старый интриган ловко разыграл радушного хозяина, удивленного и обрадованного прибытием столь неожиданного и высокого гостя. Повторилась та же комедия с приметами. В Самборе оказался слуга, при осаде Пскова попавший в московский плен и будто бы во время своего плена видавший царевича Димитрия. Теперь он признал его в неожиданном госте. Потом стали приезжать разные московские выходцы, бежавшие в Литву при Иване IV или при Годунове, и так как им не было никакого интереса отрицать басню,

на которой настаивали в Самборе, то они охотно подтверждали признание. (Например, братья Хрипуновы.) Названый Димитрий замешкался здесь на продолжительное время; что несомненно выдает значение Самборского воеводского двора как главного очага интриги. Мнишек стал приглашать окрестных панов с их семьями и задавал пиры в честь мнимого царевича, стараясь как можно более сделать его известным, расположить в его пользу польско-русскую шляхту и подготовить ее участие в его предприятии. От многочисленных гостей не скрывалось его настойчивое ухаживание за панной Мариной Мнишковной, которая играла, конечно, роль царицы самборских празднеств и балов, питая сладкую надежду вскоре сделаться царицею московскою. По наружности своей Марина была под стать Лжедимитрию, ибо отнюдь не представляла из себя какой-либо выдающейся красавицы; небольшого роста, худенькая брюнетка или шатенка, с довольно неправильными чертами лица, она привлекала внимание мужчин парою пригожих глаз, живостью характера и истинно польскою кокетливостью.

Пока молодежь предавалась здесь танцам и веселью, а старшее поколение упивалось венгерским, шла деятельная работа по разным тайным сношениям. С одной стороны, верные агенты ездили к донским и запорожским казакам поднимать их на службу названому царевичу, обещая великие и щедрые награды, а с другой, велись усердные переговоры с Краковским королевским двором.

Без прямого покровительства и содействия короля трудно, почти невозможно было рассчитывать на успешный исход предприятия. Коноводы его повели на Сигизмунда III приступы с двух сторон. С одной стороны действовали внушения канцлера Сапеги и некоторых единомышленных с ним сановников, например, виленского епископа Венедикта Войны и краковского воеводы Николая Зебжидовского. Они представили королю те выгоды, которые могла получить Речь Посполитая в случае удачи от человека, посаженного ею на престол Московского государства, а в случае неудачи — от имевшей произойти там смуты. Главным образом, конечно, имелось в виду отторжение от Москвы областей Северской и Смоленской, входивших когда-то в состав ве-

ликого княжества Литовского. Лично для Сигизмунда являлась надежда отвлечь Москву от союза с его дядею Карлом, захватившим шведский престол, и даже с ее помощью воротить себе этот престол. С другой стороны, начинатели дела постарались затронуть известную католическую ревность Сигизмунда III и обратились к помощи высшего духовенства. У Мнишка и тут были сильные связи; так кардинал-епископ краковский Бернард Мацейовский приходился родственником и начал охотно помогать ему в сем деле. Еще важнее то, что Мнишку удалось приобрести усердного себе пособника в лице папского нунция Клавдия Рангони. Юрий Мнишек писал к нему сам, заставлял писать и Лжедимитрия. Рангони пока не отвечал последнему, но письма его сообщал в Рим при своих донесениях. В первых сообщениях, отправленных в ноябре 1603 года, нунций приводит слышанную им от самого короля басню о чудесном спасении царевича, по-видимому не настаивая на ее достоверности. Сам папа Климент VIII отнесся к ней вначале недоверчиво и написал на донесении нунция: «это вроде воскресшего короля португальского» (известного Лжесебастиана). Тем не менее католичество и папство не могли, конечно, устоять против указанной Мнишком столь соблазнительной перспективы, как распространение только что введенной в Западной Руси церковной унии и на всю Восточную Русь посредством будущего самодержавного царя, выражающего явную склонность немедленно перейти в католицизм. По сему вопросу начались деятельные переговоры между Краковом и Самбором, с одной стороны, и между Краковом и Римом, с другой, в смысле благоприятном для Самозванца. Из роли наблюдателя Рангони скоро перешел к роли усердного его сторонника.

При всей недальновидности своей Сигизмунд III понимал, что имеет дело с грубым обманом; однако уступил помянутым внушениям и позволил вовлечь себя в это гнусное дело. Свое участие он начал как бы с соблюдением некоторой осторожности. В январе следующего, 1604 года от Краковского двора послан был в Самбор для поверки личности Димитрия какой-то ливонец, будто бы некогда находившийся у него в услужении в Угличе. Произошла новая комедия взаимного признания. Названый Димитрий узнал якобы сво-

его бывшего слугу; а сей последний узнал Димитрия по его отличительным знакам, особенно по его неровной длины рукам. По некоторым известиям, и этот лжесвидетель был подставлен все тем же Львом Сапегой. После того, по приглашению короля, в марте 1604 года, Лжедимитрий вместе с Константином Вишневецким прибыл в Краков, где остановился в доме Мнишка. Вскоре туда же приехал сам хозяин и также усердно начал задабривать влиятельных лиц, знакомя их с мнимым царевичем, стараясь ласкательством и угощениями привлечь их на его сторону. 13-го марта Мнишек давал пир для сенаторов. На этом пиру Рангони впервые увидал Лжедимитрия. В его донесении Риму, по поводу первого впечатления, уже заметно явное пристрастие. «Димитрий, — пишет он, — молодой человек с хорошею выдержкой, смуглым лицом и большим пятном на носу против правого глаза; белая продолговатая кисть руки указывает на его высокое происхождение; он смел в речах, а в его поступках и манерах отражается поистине что-то великое».

Спустя два дня после того, покровители Самозванца, с папским нунцием во главе добились самого важного: Лжедимитрий был принят королем на аудиенции. На ней присутствовали только немногие сановники, каковы: вице-канцлер, надворный маршал, королевский секретарь, виленский епископ Война и тот же нунций Рангони. Сендомирский воевода сопровождал своего будущего зятя во дворец; но во время аудиенции оставался в передней комнате. Король с горделивою осанкою, имея шляпу на голове, стоял, опершись одною рукою на маленький столик; а другую протянул вошедшему Лжедимитрию. Тот смиренно ее поцеловал; а затем пробормотал несколько бессвязных фраз о своих правах на московский престол и своем спасении от козней Годунова. Оправясь от первого смущения, мнимый царевич начал просить короля о помощи и даже напомнил ему, как он сам родился узником (во время заключения его отца Иоанна, гонимого своим братом королем шведским Эрихом) и как много претерпел в своем детстве. Сигизмунд дал ему знак удалиться; после чего несколько времени совещался с нунцием и вельможами. Мнимого царевича позвали снова, и тут вице-канцлер Пстроконский держал к нему ответную речь такого со-

держания: король соизволил объявить, что верит словам просителя, признает его истинным царевичем Димитрием, намерен назначить ему денежное вспоможение и разрешает ему искать совета и помощи у королевских дворян. Лжедимитрий выслушал этот ответ в почтительной позе, с наклоненной головой и сложенными на груди руками. Подействовали ли на дерзкого обманщика сухость и торжественность королевского приема, вместе с сознанием своего ничтожества, или он ожидал более существенных знаков внимания, только Самозванец пришел еще в большее смущение, так что не сказал ни слова, и нунций за него обратился к королю с выражением благодарности.

Хотя король не обещал прямой государственной помощи, да и не мог ее обещать без согласия сейма; однако, благодаря означенной аудиенции, предприятие Лжедимитрия делало большой шаг вперед: он был признан царевичем, мог теперь свободно вербовать себе сторонников и готовить военную экспедицию. Спустя несколько дней он вместе с Мнишком сделал парадный визит папскому нунцию уже как московский царевич; причем толпы народа сбежались посмотреть на иноземного принца, который привлекал общее внимание вследствие успевших уже распространиться толков о его чудесном спасении. Мнимый царевич благодарил нунция за его ходатайство перед королем и просил о таковом же перед римским престолом, изъявляя свое глубокое уважение к святейшему отцу и обещая заодно с другими европейскими государями вооружиться против врагов св. креста (турок), когда он воссядет на своем наследственном троне. Нунций похвалил его чувства; но не преминул напомнить, что пора исполнить его обещание и перейти в лоно католической церкви. Лжедимитрий не заставил себя долго убеждать, и его обращение вскоре совершилось при помощи известных мастеров этого дела, т.е. отцов иезуитов.

Трудно сказать с точностию, когда именно иезуитский орден вмешался в сию польскую интригу. Если верить известию, выходящему из среды самого ордена, то Лжедимитрий впервые вошел в сношения с несколькими иезуитами только по приезде в Краков и при посредстве самборского священника Помаского. Этот Помаский и некоторые мона-

хи францисканского ордена или бернардины, как их называли в Польше, подготовили Лжедимитрия к принятию католицизма; а иезуитам нунций поручил собственно довершить его обращение. Дело это не представляло никакой трудности; ибо Самозванец отлично понимал, что только под сим условием он мог рассчитывать в Польше на покровительство и помощь со стороны короля и могущественного духовенства. А потому он сам шел навстречу католическим убеждениям и, ни во что сам не веруя серьезно, показывал вид, что очень занят вопросом об истинной Церкви, что склонен признать таковою католичество, только его будто бы волнуют некоторые сомнения, которые он желал бы рассеять. По его просьбе воевода краковский Зебжидовский устроил ему в своем доме свидание с двумя иезуитскими патерами, Гродзицким и Савицким; но свидание это было обставлено таинственностию, чтобы не возбуждать подозрений со стороны тех русских людей, которые уже успели пристать к Самозванцу и состояли в его свите. В беседе с иезуитами Лжедимитрий высказал свои сомнения относительно трех известных пунктов: догмата о происхождении Св. Духа от Отца и Сына, причастия под одним видом и папы как наместника Христова. Произошли довольно оживленные прения; причем иезуиты заметили, что названый царевич в значительной степени напитан арианскою ересью. Несмотря на многие его возражения, разумеется, они постарались устранить все его сомнения и недоумения, так что в конце беседы он казался убежденным их доводами и высказал желание ввести святую унию в Московском государстве, когда воссядет на отцовском престоле. Однако хитрый Самозванец сдался не вдруг. Потребовалось еще новое его прение с иезуитами, которое происходило в доме отцов бернардинов. Тут он изъявил наконец желание исповедаться и причаститься по католическому обряду в самый день наступавшей Пасхи. Все эти тайные переговоры и беседы велись под руководством нунция, которому иезуиты подробно обо всем доносили. В обсуждении дела принимали участие главнейшие из членов иезуитского ордена, находившихся в Кракове, в том числе знаменитый проповедник Петр Скарга и духовник короля Фридрих Барщ, кроме того, воевода Зебжидовский, сделав-

шийся усердным покровителем Самозванца. По просьбе этого плута воевода устроил ему тайное свидание с патером Савицким, которого тот выбрал себе в духовные отцы.

В Кракове существовало братство Милосердия; оно было основано Скаргою, и в нем участвовали некоторые знатнейшие сановники. В последние дни Страстной недели братчики имели обычай одеваться в рубище и собирать милостыню для своего братства. Зебжидовский как член его, а вместе с ним Лжедимитрий, переодетые нищими и прося милостыню, пробрались 17-го апреля в Страстную субботу к церкви св. Варвары, находившейся в ведении иезуитской коллегии. Здесь настоятель церкви, патер Савицкий, исповедал Самозванца. Патер сам рассказывает в своих записках, что перед исповедью, желая рассеять сомнения в подлинности царевича (господствовавшие в польском обществе), красноречиво убеждал его открыть все свои тайные помыслы, если хочет получить Божью помощь в своем трудном предприятии. Лжедимитрий смутился было при этих словах; но скоро овладел собою и начал уверять в правоте своего дела; затем, упав на колени, стал каяться в грехах своих. Получив разрешение от них по правилам католической церкви, он соединился с Зебжидовским, который ожидал его на хорах; приняв снова вид нищих, они воротились домой.

Спустя несколько дней, т.е. на Святой неделе, 24-го апреля, Самозванец имел вторую аудиенцию у короля, прощальную; причем получил от него разные подарки, как-то: золотую цепь на шею с медальонным его портретом и куски шитой золотом и серебром парчи на платье. Кроме того, король назначил ему ежегодную пенсию или субсидию в 4000 злотых, которую Мнишек должен был выплачивать из доходов Самборской экономии — субсидия не особенно щедрая; но король извинялся тем, что пока не может дать более, а разве увеличить ее впоследствии. Самозванец униженно благодарил за милости. Из королевского дворца по заранее условленному плану он отправился к нунцию как бы для того, чтобы проститься с ним, а в самом деле, чтобы тайком от своей русской свиты принять из его рук причастие. Его вместе с Мнишком провели в одну из внутренних комнат, где уже были приготовлены алтарь и все принадлежно-

сти для исполнения католической мессы, которую нунций и совершил торжественно; ему прислуживали два капеллана; кроме них, был еще только патер Савицкий. Во время служения Рангони причастил Лжедимитрия и совершил над ним обряд миропомазания. По окончании мессы алтарь вынесли. Нунций подарил новообращенному восковое позолоченное изображение Агнца и 25 венгерских золотых. Самозванец горячо благодарил его, выражал большую радость о своем обращении; обещал ввести унию на место «греческой схизмы» в своем государстве и, упав на колени, хотел облобызать ноги нунция как представителя его святейшества папы, не имея возможности облобызать их у него самого. Рангони, однако, не допустил мнимого царевича до такого унижения, а поспешил его поднять и заключить в свои объятия. При сем Самозванец вручил ему свое послание к Клименту VIII, которое было им написано по-польски, а патером Савицким переведено на латинский язык. В послании этом повторялись те же выражения радости о своем присоединении к святой римской церкви и те же обещания ввести унию в московском народе по достижении прародительского престола; для чего мнимый царевич умолял святейшего папу не лишать его своей поддержки и милости.

В наружном рвении к католической церкви наш неофит, ищущий московского престола, пошел еще дальше. Он выразил нунцию свое якобы тяжкое недоумение по следующему поводу. По существующему в Москве обычаю, новый царь после обряда коронации принимает св. Причастие из рук патриарха; как теперь ему поступить, т.е. принять ли таинство из рук схизматика? По такому важному вопросу Рангони отказался выразить собственное мнение, а обещал донести о том в Рим. (Откуда впоследствии получился ответ отрицательный.) Зато он собственною властию разрешил ему по постам кушать скоромное; так как постное оказывалось вредным для его драгоценного здоровья. Далее. Самозванец просил назначить к нему в Москву священника из среды иезуитов, и нунций озаботился сообщить о том их польскому провинциалу. Вообще расставанье было трогательное: с той и другой стороны выражены самые теплые чувства, пожелания и надежды. Надобно отдать справедливость лице-

дейскому таланту молодого Лжедимитрия и дипломатическому искусству его руководителя старого Мнишка: им удалось опутать, провести и заставить служить своим личным целям даже таких знаменитых, искушенных в политической интриге деятелей, каковы римская курия и иезуитский орден. Этих деятелей, очевидно, подкупали преданность католичеству со стороны новообращенного искателя приключений и его якобы искренние обещания ввести унию в Московском государстве; хотя в подлинность его царского происхождения тогда в Кракове едва ли кто верил, и многие поляки открыто называли его Самозванцем; о чем помянутый патер Савицкий записал в своем дневнике.

Ввиду невыгодных толков о новоявленном московском царевиче, сам Сигизмунд III, как ни подстрекали его светские и особенно духовные покровители Лжедимитрия, затруднялся выступить в этом случае открыто и решительно. Он попытался заручиться согласием наиболее влиятельных сенаторов и разослал им письмо, приглашая их высказать свои мнения о деле царевича; причем указывал на те выгоды, которые могла бы извлечь из него Речь Посполитая. Но ответы, полученные им, большею частию оказались или уклончивые, или прямо неблагоприятные: сенаторы не советовали рисковать вмешательством в этом дело и ради какого-то сомнительного претендента нарушить недавно заключенное перемирие с Москвою, утвержденное торжественною присягою. Король по преимуществу старался склонить в пользу предприятия коронного канцлера и гетмана Яна Замойского и думал пленить его мыслию о будущем тесном союзе с московским царем, о его помощи против шведов и особенно против турок, столь еще грозных христианскому миру; причем внушал, что такое щекотливое дело не следует подвергать публичному обсуждению на сейме. Но маститый государственный человек решительно высказался и против подлинности Димитрия, и против нарушения перемирия; он советовал, во всяком случае, отложить это дело до ближайшего сейма, который имел открыться в январе следующего, 1605 года. Тщетно Юрий Мнишек несколько раз принимался писать Замойскому, убеждая его оказать участие московскому царевичу, в подлинности которого буд-

то бы не следует сомневаться, и толковал о выгодах, могущих произойти от того для Речи Посполитой. Руководимый Мнишком, Лжедимитрий тоже обращался к Замойскому с униженною просьбою о помощи. Канцлер отвечал Мнишку уклончиво, а письма Самозванца оставил без ответа. Кроме Замойского, открытыми противниками дерзкого предприятия заявили себя известный ревнитель православия, киевский воевода, престарелый Константин Острожский и сын его Януш, краковский каштелян. К противникам сего предприятия, хотя и не столь решительным, принадлежали родственник Замойского, товарищ его по гетманству, т.е. польный коронный гетман Станислав Жолкевский, воевода брацлавский князь Збаражский и некоторые другие. Но покровители превосходили их числом, искусством в интриге и усердием в этом деле. Напомним, что, кроме Мнишков и Вишневецких, тут действовали нунций Рангони, кардинал-епископ Мацейовский, литовский канцлер Сапега, виленский каштелян Иероним Ходкевич, виленский епископ Война и брат его литовский подканцлер, воевода краковский Зебжидовский, коронный подканцлер Пстроконский и еще некоторые менее важные сановники; притом они имели на своей стороне короля.

Итак, в конце апреля 1604 года Лжедимитрий с Мнишком воротился в Самбор, и здесь в течение нескольких месяцев они занимались приготовлениями к походу, т.е. вербовкою военных людей, их снаряжением и организацией, производившимися по преимуществу на средства Мнишков и Вишневецких. Сборным пунктом навербованных людей сделался Львов, главный город Русского воеводства; ибо Юрий Мнишек в числе своих санов имел и львовское староство. Рядом с этими приготовлениями в Самборском замке пошли опять празднества и угощение оркестной шляхты; при сем хозяин уже не скрывал своих отношений к мнимо-высокому гостю как к своему будущему зятю. А с сим последним он заключил формальные письменные условия, на основании которых соглашался жертвовать своим состоянием при добывании ему московского престола, а когда он сядет на этот престол, то выдать за него свою дочь Марину. До нас дошли две таких договорных грамоты, в которых Самозванец име-

нует себя «Димитрием Ивановичем, Божиею милостию царевичем Великой России, Углицким и пр.». Одною из них, данною в мае 1604 года, он, по достижении престола, обязывает: 1) уплатить воеводе Сендомирскому миллион злотых на покрытие его долгов и на расходы по снаряжению панны Марины в Москву; причем доставить ей из московской царской казны драгоценности и столовое серебро; 2) прислать торжественное посольство польскому королю с просьбою дать его согласие на брак с Мариною; 3) отдать ей в полное владение Великий Новгород и Псков со всеми их уездами и населением; 4) предоставить ей полную свободу вероисповедания с правом держать при себе латинских священников и строить латинские костелы в своих владениях; 5) ввести в своем государстве римскую веру. В другой грамоте, данной в июне, Самозванец идет еще далее по части раздробления своего будущего государства: он обязывается отдать своему тестю, Юрию Мнишку, часть Смоленской и Северской земли; причем упоминается о какой-то предшествующей грамоте, по которой остальная часть этих земель уступалась королю и польской Речи Посполитой.

Эти документы ясно свидетельствуют, до какой степени простиралось легкомыслие и Самозванца, и его пособников-руководителей, с королем Сигизмундом во главе, — которые принялись делить шкуру еще не затравленного медведя. Очевидно, Лжедимитрий не стеснялся ничем по части обязательств: он уже так далеко зашел в своем отчаянном предприятии, что ничего не оставалось, как обещать направо и налево самые неисполнимые вещи, лишь бы не останавливаться и идти вперед[1].

Посмотрим теперь, как эти события отозвались в Москве.

Когда пришла сюда весть, что в Литве уже открыто объявился царевич Димитрий, царь Борис, по выражению летописца, ужаснулся. Он понял всю грозившую ему опасность и почувствовал, как заколебалась под ним почва. Едва ли эта весть была для него неожиданностью; при своей крайней подозрительности и благодаря многочисленным шпионам он мог заранее к ней приготовиться. Тем не менее она произвела страшное впечатление, и при всей изворотливости своей Борис не мог придумать ни одной действительной меры для

борьбы с надвигавшейся грозой. Первым старанием его было по возможности скрыть грозную весть от народа и для того прекратить почти всякие сообщения с литовским зарубежьем. Около того времени в Смоленской области распространилось моровое поветрие, и по сему случаю учреждены были заставы по дорогам, ведущим из этой области в Москву. Борис воспользовался тем же предлогом и велел умножить заставы так, чтобы из Литвы не переходило никаких вестей в пограничные области. В то же время он разослал многих лазутчиков проведывать о Самозванце. Слухи о нем распространились уже за пределы Польши. Так император Германский в июне 1604 года через особого посланника извещал Бориса, как союзного себе государя, о появлении в Польше Димитрия и о той помощи, которую поляки намерены ему оказать; вообще советовал быть осторожным. Борис принял посла с обычною торжественностью и велел благодарить императора за предупреждение; но прибавил, что Димитрия давно нет на свете, а это какой-то обманщик, с помощью которого поляки думают возмутить его государство, но которого он может уничтожить одним пальцем.

Разумеется, такой ответ был только маскою равнодушия и презрения. В действительности Борис сильно тревожился и совсем лишился покоя. Никакие запрещения и наказания не прекращали проникших в народ толков о появлении Димитрия. Умножились только доносы и тайные казни. Всякий, кто неосторожно говорил о Димитрии, подвергался жестоким пыткам и обрекался на жалкую смерть со всем своим семейством и родными, если верить известию современника-иноземца. Отсюда народное недовольство и ропот против Бориса все более возрастали и сгущали тучи, нависшие над его домом. Особенно усилилась его подозрительность в отношении бояр; он предполагал их участие в приготовлении Самозванца и прямо говорил, что это их дело.

Верный сын своего века, Борис не был чужд грубому суеверию. В Москве при какой-то часовне в землянке жила юродивая по имени Елена, которую народная молва наделяла даром предсказания. Борис тайком и смиренно посетил ее пещеру, чтобы спросить о своей судьбе. Юродивая взяла обрубок дерева, призвала попов, велела служить панихиду

над этим обрубком и кадить ему. Царь в ужасе удалился. Черные мысли и всякие сомнения терзали его до того, что иногда он сам готов был усомниться в смерти царевича Димитрия. Чтобы успокоить себя с этой стороны, он велел тайно привезти из дальнего монастыря в Москву мать царевича инокиню Марфу; ездил к ней с патриархом в девичий Воскресенский монастырь; потом призвал ее к себе и, запершись в спальне, допрашивал ее, жив ее сын или нет. Если верить иноземному свидетельству, Марфа замялась и отвечала, что она не знает. При этом допросе присутствовала супруга Бориса Марья Григорьевна, как истая дочь Малюты Скуратова отличавшаяся жестокосердием и мстительностью, а потому имевшая вредное влияние на своего мужа. Ответ Марфы привел ее в ярость; она схватила горящую свечу и с ругательствами бросилась к старице, чтобы выжечь ей глаза; муж с трудом ее удержал. Тогда возмущенная Марфа будто бы сказала, что сын ее еще жив. Борис велел отвезти ее в другой монастырь и стеречь еще строже.

Трудно сказать, откуда произошло в Москве ложное мнение о личности Самозванца: было ли правительство само введено в заблуждение собственными неудачными лазутчиками или оно действовало умышленно. Первое нам кажется вероятнее. Побег в Литву чудовского монаха Григория Отрепьева с несколькими товарищами и его тайное участие в деле Самозванца повели к тому, что в Москве Борис и его приближенные сего беглого монаха начали отождествлять с названым Димитрием. Чтобы удостовериться в том, царь послал в Литву гонцом Смирного-Отрепьева, который приходился родным дядею Григория; но послал не от своего имени, а от имени бояр для переговоров с важнейшими литовскими сановниками, в особенности с канцлером Львом Сапегою и воеводою виленским Христофором Радивилом (в Москве еще не знали, что последний уже умер). В грамотах, привезенных Смирным, говорилось только о некоторых пограничных недоразумениях. Исполнив официальное поручение, гонец просил канцлера о свидании наедине; вероятно, московское правительство догадывалось о роли сего последнего в деле Самозванца и желало тем или другим способом склонить его на свою сторону. Сапега отвечал, что он

не может вести переговоры о пограничных делах без своих товарищей, т.е. других королевских комиссаров. Тогда Смирной вынужден был словесно объявить протест московского правительства против нарушения перемирия помощью, которую польский король оказывал человеку, принявшему на себя имя Димитрия; называл Самозванца своим племянником и для уличения его требовал очной с ним ставки, а если он окажется истинным сыном Ивана IV, то обещал присягнуть ему. Но подвергать подобному следствию личность названого Димитрия было совсем не в интересах его покровителей и руководителей. Напротив, в их интересах было поддерживать заблуждение московских правителей и тем заставлять их делать ложные шаги. Возможно, также, что покровители опасались каких-либо козней, например, подосланных убийц. Есть известие, что против ложного Димитрия совершено было несколько неудавшихся покушений; после чего поляки стали тщательно его оберегать. Как бы то ни было, Сапега ответил, что на такое следствие нужно не только разрешение короля, но и согласие сейма, до собрания которого и надобно отложить дело. Смирной так и уехал, не видав Самозванца.

В Москве этот отказ истолковали как подтверждение своей догадки, что Самозванец есть Григорий Отрепьев и что его побоялись свести на очную ставку с собственным дядею. Сего последнего Борис, вместо обычной в подобных случаях опалы, стал, напротив, держать в чести как средство уличить Самозванца. Здесь не оставили без внимания отсрочку вопроса до ближайшего сейма, и спустя несколько месяцев, в январе следующего, 1605 года, когда собрался этот сейм в Варшаве, явился послом от Бориса дворянин Постник Огарев и представил королю грамоту, в которой, кроме разбора пограничных дел, царь жаловался на помощь Самозванцу и прямо требовал или казни, или выдачи дьякона-расстриги, принявшего на себя имя царевича Димитрия; причем излагалась история его бегства из Москвы.

На этом сейме между прочими делами обсуждалось и дело Самозванца; целая партия сенаторов (с Замойским во главе) шумела против помощи, ему оказанной, и против нарушения перемирия. Замойский прямо смеялся над расска-

зами о том, что в Угличе был убит другой мальчик, вместо царевича. «Помилуй Бог! — говорил он, — это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело: велеть кого убить, а потом не посмотреть, тот ли убит или кто другой. Если никто не смотрел, действительно ли убит и кто убит, то можно было подставить для этого козла или барана». Назначили целую комиссию из сенаторов для переговоров с Огаревым. Так как в этой комиссии участвовали коронный канцлер Ян Замойский, Януш Острожский и князь Збаражский, то Огарев мог надеяться на успех своего посольства. Но в той же комиссии, кроме епископа Войны и виленского каштеляна Ходкевича, участвовал и литовский канцлер Лев Сапега, который, конечно, не допустил до погибели дело рук своих. В конце концов Сапега, от имени короля, ответил Огареву, что Речь Посполитая не думала нарушать перемирие; что не король, а частные лица и особенно запорожские казаки помогают претенденту и что сей последний находится уже не в польских пределах, а в московских, где его пусть и ловит московское правительство.

Около того же времени, когда Самозванец уже вошел в московские пределы, царь Борис решился объявить всенародно об Отрепьеве. По его желанию патриарх разослал в епархии и монастыри грамоту, в которой излагалась все та же история Гришки и его бегства из Чудова монастыря с чернецами Варлаамом и Мисаилом в Литву, где его видели еще два московских инока Пимен и Венедикт, да третий посадский человек Степанко Иконник, которые показали о том при допросе на освященном соборе. В Литве — говорила грамота — Гришка уклонился в ересь и «по сатанинскому учению, по Вишневецких князей воровскому умышлению и по королевскому велению учил называться князем Димитрием». Патриарх извещал, что он со всем освященным собором предал расстригу Отрепьева вечному проклятию и повелевает его впредь везде проклинать. Послали также соборные грамоты к литовскому и польскому духовенству, и особую князю Константину Острожскому, с обличением Самозванца и увещанием действовать против него. Но это были запоздалые меры, принятые в разгар ошеломляющих успехов ложного Димитрия. Прежде нежели появились пат-

риаршие послания, в Северской Украйне уже распространились подметные грамоты от имени якобы спасенного царевича, которые призывали народ отложиться от Годунова, незаконно похитившего престол, и присягать своему законному государю. Крепкие заставы не помешали этим подметным грамотам; их провозили в мешках с хлебом, который тогда в большом количестве шел из Литвы в Московское государство по причине неурожаев в последнем. Не помогло также и всенародное на Лобном месте свидетельство князя Василия Шуйского о том, что истинный царевич Димитрий умер в Угличе и что он сам был при его погребении. Народные умы при общем тогда недовольстве недоверчиво относились ко всем подобным увещаниям и свидетельствам и, наоборот, легко поддавались уверениям в спасении царевича. Волнение умов, как это бывает перед грозными событиями, еще более усиливалось разными странными явлениями, которые принимались как предзнаменования грядущих смут и бедствий. Так, по ночам видели огненные столпы на небе, сталкивавшиеся друг с другом; иногда вдруг показывались два, три солнца или две, три луны; страшные бури срывали верхи колоколен и городских ворот; слышался ужасный вой волков, которые большими стаями бродили по окрестностям Москвы; а в самой столице поймали несколько черно-бурых лисиц, забегавших из лесов. Особенно сильное впечатление произвело появление кометы весною 1604 года. Смущенный Борис обратился к одному иноземцу-астрологу и, посредством дьяка Афанасия Власьева, спрашивал его мнение об этом явлении. Тот будто бы ответил ему: «Тебе грозит великая опасность».

Первые, кто откликнулись на призыв Самозванца к вооруженной помощи ему, были донские и волжские казаки.

Около того времени, как нарочно, произошли у них столкновения с московским правительством. Выведенный из терпения их разбоями и нападениями на торговые волжские караваны, Борис начал принимать против них строгие меры и даже приходивших в какой-либо город по своим надобностям велел хватать и сажать в тюрьмы. В свою очередь, эти меры ожесточили казаков; они подняли явный бунт; между прочим, напали на царского родственника окольничего Сте-

пана Годунова, плывшего в Астрахань, и разбили его конвой, так что сам он с трудом спасся бегством.

Руководители Самозванца хорошо знали сии обстоятельства, и посланные ими агенты нашли полное сочувствие у казаков; как мы видели, есть известие, что в числе этих агентов находился и Григорий Отрепьев; кроме того, к ним ездил шляхтич Свирский. Казаки стали собираться в поход, а наперед отправили для разведок несколько человек с двумя атаманами, Андреем Корелой и Михаилом Нежекожей. Эти казацкие уполномоченные застали Самозванца в Кракове. Видя, что его признают за истинного царевича с одной стороны король и некоторые вельможи, а с другой, разные собравшиеся около него русские беглецы, они, не долго думая, послали объявить войску, чтобы не сомневалось и шло на помощь названому Димитрию против ненавистного Бориса. Казаками в этом случае двигали, конечно, не столько убеждения в подлинности царевича, сколько его обещания щедрых наград и надежда на богатую добычу при взятии московских городов. В то же время и с таким же успехом агенты Самозванца или, точнее, его покровителей волновали казаков запорожских и подобными же обещаниями поджигали их идти с ним на Московское государство[2].

Нельзя сказать, чтобы производившаяся во Львове вербовка ратных людей шла быстро и успешно. А между тем львовские обыватели и окрестные жители уже начали тяготиться пребыванием у них буйной вольницы, которая обижала мирное население, и послали жалобу о том королю. Сигизмунд отправил коморника для принятия строгих мер; но так как сам он втайне покровительствовал предприятию Самозванца, то коморник сумел прибыть во Львов тогда, когда Лжедимитрий и Мнишек с набранною вольницею уже выступили в поход. Это произошло в половине августа 1604 года. Спустя недели две, отряды собрались в червонорусском местечке Глиняны, где им произведен был смотр и дана окончательная организация. Тут насчитали всего 1100 всадников и 500 пехотинцев. Всадники, по польскому обычаю, устроены были в хоругви (эскадроны), заключавшие в себе по нескольку сот коней. Одна из пяти образовавшихся хоругвей находилась под личным предводительством

Самозванца; другою начальствовал молодой Мнишек (сын Юрия), староста Саноцкий. А старый воевода Сендомирский на рыцарском коле (офицерской сходке) провозглашен гетманом, т.е. общим предводителем всего войска. К 1600 польско-русской шляхты и поспольства присоединилось некоторое количество московских перебежчиков, а затем и передовой отряд донских казаков в 2000 человек; так что всего войска набралось около 4000.

Казаки явились не с пустыми руками: они привезли с собою московского дворянина Петра Хрущова, который отправлен был к ним царем Борисом уговорить их, чтобы не приставали к названому царевичу, а служили бы ему, Борису. Схваченный ими и заключенный в оковы, Хрущов как только увидал Самозванца, так упал ему в ноги, якобы узнав в нем истинного царевича Димитрия. Самозванец освободил его от оков и стал расспрашивать о московских делах. Хрущов рассказывал: что подметные письма царевича производят большое смущение в народе и даже между знатными людьми; что многие готовы отстать от Бориса; что некоторые уже претерпели ка́знь, ибо пили за здоровье царевича; что Борис часто бывает болен, а одну ногу волочит так, как будто разбит параличом; что он сам ускорил кончину своей сестры вдовствующей царицы Ирины, которая будто бы не хотела благословить на царство его сына, и т.п. Особенно любопытно было следующее его сообщение. На пути из Москвы к Дону Хрущов встретился с воеводами Петром Шереметевым и Михайлом Салтыковым, которые были посланы с войском в Ливны для обороны от набега крымских татар. Приглашенный одним из воевод на обед, а другим на ужин, Хрущов сообщил им о своем поручении к донским казакам. Тогда Шереметев сказал, что теперь он догадывается об истине: под предлогом татар, их посылают против царевича. «Но, — будто бы прибавил он, — трудно будет воевать против прирожденного государя».

Из Глинян маленькое войско Самозванца двинулось по направлению к Киеву уже с разными воинскими предосторожностями, разделенное на отряды. В средине шли Самозванец и Юрий Мнишек с несколькими хоругвями, по левой стороне латные копейники или тяжелая гусарская конница,

по правой менее тяжелая или так наз. «пятигорцы» и легкая конница или казаки; сторожевые посты впереди и назади войска держали казаки. Подобные предосторожности приняты были ввиду угроз краковского каштеляна князя Януша Острожского; он говорил, что не пропустит за границу государства толпу людей, вооружившихся самовольно и шедших нарушить мир с соседней державой. Януш, очевидно, действовал по соглашению с канцлером Яном Замойским, а также с киевским воеводою, т.е. своим престарелым отцом князем Константином. Так как в их распоряжении находилось несколько тысяч хорошего войска, то ополчение Самозванца очень боялось нападения, не спало по целым ночам и держало наготове коней. Юрий Мнишек в это время усиленно рассылал гонцов с просьбами и к Замойскому, чтобы он удержал Острожского, и к нунцию Рангони, чтобы тот повлиял на Замойского. Просьбы его были услышаны. А главным образом, конечно, подействовали тайные внушения короля, Льва Сапеги и других покровителей Самозванца. Он беспрепятственно достиг Днепра под Киевом. Только все лодки и паромы оказались угнанными по приказу князя Острожского, и это обстоятельство на несколько дней задержало переправу, пока собраны были перевозочные средства.

За Днепром войско Самозванца вскоре вступило в благодатные земли московской Северской Украйны. Тут оно было усилено еще несколькими тысячами казаков, донских и украинских, а также северских перебежчиков. Первая московская крепость, лежавшая на пути, был г. Моравск (древний Моравийск) на берегу Десны, снабженный пушками и обороняемый несколькими сотнями ратных людей. Для Самозванца наступила критическая минута: многое зависело от первой встречи, от первого препятствия; окажутся ли справедливыми донесения шпионов и клевретов о том, что украинское население с нетерпением ждет его как своего законного государя?

Действительность превзошла ожидания.

Подметные грамоты и тайные агенты так подготовили благодатную почву, что едва под стенами Моравска появился передовой казацкий отряд с требованием сдачи, как чернь, собравшись на сходку, решила покориться. Она связала во-

евод (Ладыгина и Безобразова), выдала их и присягнула на верность Димитрию. Самозванец с торжеством вступил в крепость. Отсюда он двинулся к Чернигову. То был довольно большой и хорошо укрепленный город. Точно так же подошел передовой двухтысячный отряд казаков и потребовал сдачи. Сначала ратные люди ответили пушечными выстрелами и многих убили; но чернь и здесь возмутилась и отворила городские ворота. Воевода князь Татев хотел было обороняться в замке; но когда казаки и чернь пошли на приступ, стрельцы связали воеводу и сдались. Казаки воспользовались оказанным, хотя и слабым, сопротивлением и принялись грабить город, как бы взятый ими с бою. Тщетно жители послали жалобу Самозванцу, а сей последний отрядил поляков с приказом оберегать граждан: пока они прибыли, казаки, как хищные коршуны, успели все разграбить и опустошить. Разгневанный Самозванец велел возвратить жителям все пограбленное, грозя в противном случае ударить на казаков; но дело окончилось возвращением небольшой части добычи. В замке, однако, нашлось казны на несколько тысяч рублей, которые поступили в раздел между польскими хоругвями. Был уже конец октября месяца. Самозванец с своим войском отдыхал целую неделю в лагере под Черниговом; а затем лесным краем двинулся к следующей подесненской крепости, Новгороду-Северскому.

Тут ждала его первая неудача.

Лжедимитрию помогали, с одной стороны, шатость украинского северского населения, еще некрепкого Москве и тянувшего отчасти к Западной Руси, а с другой, вялость или прямые измены местных московских воевод, не любивших царя Бориса. Сей последний вздумал было переменить некоторых начальников, но слишком поздно, когда враг уже вошел в его землю. Так, в Чернигов он отправил боярина князя Никиту Трубецкого и окольничего Петра Басманова. Они прибыли после сдачи Чернигова, а потому засели в Новгороде-Северском и начали готовить его к обороне. Тут выдвинулся своей энергией и знанием военного дела второй воевода, Басманов, который сделался действительным начальником. Этот Басманов был сын Федора, когда-то любимца Ивана Грозного, и брат воеводы, погибшего в битве с раз-

бойником Хлопкою. Он показал, что мог сделать даже один решительный и храбрый человек, несмотря на окружавшие шатость и колебание. Басманов выжег посады, а жителей перевел в замок, который имел более 500 стрельцов гарнизона и вооружен был тяжелыми орудиями. Посланные вперед для переговоров поляки и русские изменники пытались склонить ратных людей к сдаче якобы законному государю. Басманов, сам стоя на стене с зажженным фитилем подле пушки, отвечал, что их государь и великий князь Борис Федорович находится в Москве, а что пришедший с поляками есть вор и обманщик. Лжедимитрий велел копать траншеи и плести туры, за которыми поставил несколько бывших у него легких полевых орудий, и открыл пальбу по городу. В то же время его польские гусары или латники сошли с коней и двинулись на приступ; но, встреченные дружным огнем из пушек и пищалей, отступили. Поляки вздумали сделать ночной приступ; они тихо подошли к крепости, прикрываясь дощатыми забралами на катках; за ними шло 300 человек с приметом, т.е. соломою и хворостом, чтобы зажечь деревянные стены. Но русские вовремя заметили опасность и усиленною пальбою из своих орудий вновь отбили неприятелей; последние отступили с большим уроном. Лжедимитрий пришел в уныние и начал роптать на поляков, говоря, что он имел лучшее мнение об их мужестве. Задетое за живое этим упреком рыцарство кричало, чтобы он не порочил польской славы и что он увидит польскую доблесть, когда придется встретить неприятеля в открытом поле, да и крепость не устоит: пусть только сделает пролом в стене.

Среди таких пререканий вдруг начали приходить добрые вести в лагерь Самозванца.

Его шпионы и клевреты, разосланные с новыми увещательными грамотами, действовали успешно. Северщина продолжала волноваться и явно переходить на его сторону. Почти все Посемье разом отложилось от Бориса. Сначала поддались Самозванцу жители Путивля, возмущенные вторым воеводою, князем Масальским; а первого воеводу, Салтыкова, привели связанным в лагерь под Новгород. Дня через два явились с покорностью из Рыльска, потом из Курска, Севска и всей Комарицкой волости; поддались Кромы. Обыкно-

венно посланцы этих городов приводили с собою связанных воевод, которые затем большею частию вступали в службу Самозванца. За ними покорились украинные места Белгород, Оскол, Валуйки, Ливны, Борисов и некоторые другие. Призванные из покоренных городов вооруженные отряды усилили войско Самозванца. Из Путивля привезли несколько тяжелых орудий, стали ими громить Новгород-Северский; последнему приходилось плохо; начались перебежки к неприятелю. Басманов не унывал; он отстреливался, вступал в переговоры, требовал двухнедельного срока для сдачи крепости; а сам ждал выручки от царской рати. Эта рать давно уже стояла под Брянском, но ничего не предпринимала. Она была небольшая, трехполковая; главный ее воевода князь Димитрий Иванович Шуйский не решался двинуться с места и требовал подкреплений.

А в Москве меж тем занимались сочинением увещательных грамот, проклинанием Гришки Отрепьева, отправкою гонцов в соседние страны и т.п. Наконец, уже ввиду грозных успехов Самозванца, Борис принялся за решительные военные меры. По областям разосланы указы о скорейшем сборе служилых людей, под угрозой всяких наказаний и лишения имений ослушникам. С каждых 200 четвертей пахотной земли приказано было помещикам и вотчинникам выставлять ратника с конем, доспехом и запасом. Та же мера распространена была на имущества патриарха, митрополитов, архиепископов, епископов и монастырей, т.е. все они должны были выслать вооруженных людей сообразно с количеством своей земли. Но тут ясно сказалось, как упало ратное дело в царствование миролюбивого Бориса Годунова, особенно после страшного голода и других бедствий его времени. При всех стараниях и угрозах, под Брянском успели собрать только от 40 до 50 тысяч войска, которое разделили на пять полков. Назначенный главным воеводой князь Федор Иванович Мстиславский наконец двинул это наскоро собранное, нестройное ополчение на выручку Новгорода-Северского. К Самозванцу меж тем успело прийти еще несколько вновь сформированных отрядов из Польши и Литвы, куда он отправил значительную царскую казну, как говорят, везенную в северские города московскими купцами

2-2

в медовых бочках и перехваченную им на дороге. Когда царская рать приблизилась, Самозванец вывел свое войско из лагеря и, отрядив часть казаков против Басманова, сам смело выступил навстречу москвитянам, 21 декабря 1604 года. По некоторому известию, он произнес ободряющую, витиеватую речь к войску. Сначала битва была нерешительна; но рядом стремительных атак несколько гусарских хоругвей сломили наше правое крыло, предводимое князьями Димитрием Шуйским и Михаилом Кашиным; левое крыло обрушилось на центр и произвело замешательство. Тщетно Мстиславский пытался удержать бегущих и восстановить порядок; израненный, он упал с коня и едва был спасен от плена стрелецкою дружиною. Лжедимитрий, по неопытности своей, пропустил минуту, чтобы ударить всеми силами. Поэтому победа его была нерешительная, хотя поляки и хвастали, что при малой своей потере побили до 4000 московитян. Царская рать отошла к Стародубу-Северскому и стала ожидать там новых подкреплений.

Вскоре после битвы к Самозванцу явились давно ожидаемые им запорожцы, и в большом числе. Но вслед затем он лишился главной своей опоры: польско-литовских дружин. Наступила зима; дружины эти терпели от стужи и всяких неудобств. Они с ужасом увидели, что дело принимает серьезный оборот; триумфальное шествие вдруг прекратилось; приходилось осаждать крепкие города и давать отчаянные битвы. А тут еще, вместо богатой добычи, названый Димитрий не платил им и условленного жалованья. Последнее обстоятельство и послужило поводом к разрыву. Рыцарство потребовало уплаты, иначе грозило уйти назад; Самозванец находился в затруднении, имея для того слишком мало денег. На беду хоругвь пана Фредра склонила его тайком уплатить только ей одной: она не двинется, и другие роты, по ее примеру, тоже останутся. Вышло наоборот: другие роты, узнав об этой проделке, взбунтовались. Самозванца бранили позорными словами, даже сорвали с него соболью ферязь, которую русские выкупили потом за 300 золотых. Напрасно он ездил от одной хоругви к другой и умолял не оставлять его. Они ушли; только по нескольку человек от каждой остались. Вместе с хоругвями поехал обратно и нареченный их

гетман Юрий Мнишек. Последние события, очевидно, смутили его, и он начал сомневаться в успехе; притом военные труды и лишения очень не по сердцу пришлись старому подагрику; он решил вовремя убраться восвояси. Благовидным предлогом к тому послужило присланное от короля повеление возвратиться всем полякам в отечество. Такое послание дано было вследствие посольства Постника Огарева для отклонения от польского правительства обвинения в соучастии с Самозванцем, и, конечно, все понимали, что это только формальность. Тем не менее Мнишек им воспользовался. Клевреты Лжедимитрия, однако, уговорили еще часть поляков воротиться к нему с дороги; так что при нем осталось их до 1500 человек. Главная сила его войска теперь заключалась в казаках, преимущественно запорожцах. Если верить некоторым известиям, последних собралось около него до двенадцати тысяч; из них восемь конных, остальные пешие; они привезли с собою 12 исправных пушек. Самозванец снял осаду Новгорода-Северского и отвел свое войско на отдых в Комарицкую волость, обильную хлебом, медом и всякими съестными припасами; сам он засел в ее главном пункте, в укрепленном Севске. Гетманом на место уехавшего Мнишка был назначен Адам Дворжицкий.

Борис только стороною узнал о неудачной битве под Новгородом-Северским и послал изъявить воеводам свое неудовольствие; Мстиславскому, однако, велел передать свое милостивое слово и отправил одного из придворных врачей для лечения его ран. С новыми подкреплениями к нему царь прислал князя Василия Ивановича Шуйского, никогда не отличавшегося военными талантами; хотя Шуйскому велено быть вторым воеводою, но, за болезнию Мстиславского, ему на первых порах пришлось играть роль главного начальника.

С прибытием подкреплений численность царской рати возросла приблизительно до 60 тысяч. От Стародуба воеводы двинулись к Севску. Лжедимитрий, с своей стороны, выступил им навстречу. У него было от 15 до 20 тысяч. После нескольких схваток между передовыми отрядами главная битва произошла приблизительно 20 января у деревни Добрыничи, недалеко от Севска, на реке Севе. Самозванец разделил свое войско на три части: сам стал во главе гусарской

и русской конницы; второй отдел составили 8000 конных запорожцев, а третий — 4000 пеших казаков, которые с орудиями поставлены в резерве. Сидя на карем аргамаке, Лжедимитрий обнажил палаш и поскакал с своим отрядом; стремительным ударом он опрокинул одно крыло москвитян; потом повернул на главную рать, на которую запорожцы скакали с другой стороны. Ядро этой рати составляли стрельцы, т.е. лучшая часть царского войска. Они выставили впереди себя сани с сеном и, выждав приближение неприятельской конницы, из-за этого подвижного укрепления дали по ней дружный залп, который дымом своим покрыл поле битвы. Громкий залп и густой дым привели нападающих в замешательство; а запорожцы дрогнули и обратились в бегство. Оставшись без поддержки, поляки тоже повернули назад коней. Москвитяне преследовали разбитого неприятеля; тут встретила их казацкая пехота с орудиями; она почти вся погибла; но мужественным сопротивлением дала время Лжедимитрию спастись с остатками своей дружины. Он ускакал в Рыльск; а оттуда удалился в Путивль. С отчаяния он даже хотел бежать в Польшу; но, по русским известиям, путивляне удержали его; ибо не ждали никакой пощады со стороны Бориса. Они имели перед собою пример Комарицкой волости, где после Добрыничей царское войско, вместо усердного преследования неприятеля, встало и принялось казнить жителей за их измену, насиловать женщин, жечь дворы и гумна; чем возбудило в северском населении еще большую ненависть к Борису. Затем оно двинулось к Рыльску; но Самозванца здесь уже не было; а рыльщане успели получить от него подкрепление и приготовиться к обороне. Царская рать, постояв недели две под Рыльском и ничего не сделав, двинулась назад по ложному слуху о приближении сильного войска из Польши. Она снова расположилась в Комарицкой волости и снова начала свирепствовать над ее жителями.

С известием о победе под Добрыничами, с пленными поляками и отбитыми знаменами отправлен был молодой дворянин Михаил Борисович Шеин (впоследствии знаменитый смоленский воевода). Годунов очень обрадовался, велел звонить в колокола, петь благодарственные молебны, торжественно показывать народу пленных и трофеи; Шеина на-

градил званием окольничего, воеводам послал в награду золотые, а простым ратникам велел раздать 10000 рублей. Особенно щедро одарил он двух предводителей наемной немецкой дружины, Розена и Маржерета, отличившихся в той же битве. Но вскоре пришло известие, что победоносное войско упустило из своих рук Самозванца и что последний вновь усиливается. Царь очень огорчился и послал воеводам строгий выговор. Бояре, в свою очередь, оскорбились, и, по словам русской летописи, «с той поры многие начали думать, как бы царя Бориса избыти». А Годунов делал один промах за другим. В такую трудную пору, когда на театре военных действий нужнее всего были люди энергичные и решительные, он вздумал особенно наградить Басманова за его мужественное поведение; для чего вызвал его (и князя Трубецкого) в Москву, устроил ему пышную встречу, пожаловал саном боярина, хорошим поместьем, деньгами, дорогими сосудами; между прочим, подарил ему золотое блюдо, наполненное червонцами. Мало того, если верить иностранному свидетельству, когда дела снова приняли дурной оборот, он призвал к себе Басманова и, увещевая продолжать верную службу, обещал за уничтожение Самозванца отдать ему руку своей дочери Ксении, а в приданое за ней царства Казанское и Астраханское. Едва ли, однако, Басманов вполне поверил сему; ибо то же самое обещание дано было и князю Мстиславскому, когда Борис отправлял его против Лжедимитрия. Но, главное, осыпая Басманова милостями, царь держал его в Москве в самое нужное время и даже не пользовался его советами, а продолжал слушать наветы и внушения своего родственника и самого доверенного человека Семена Годунова, ненавистного народу исполнителя тайных казней.

Меж тем главные воеводы, Мстиславский и Шуйский, получив строгий выговор за бездействие, покинули Комарицкую волость и двинулись на соединение с Федором Ивановичем Шереметевым, который осаждал Кромы. Тут в московской рати явно обнаружились нелюбовь к Борису и шатость умов, которые мешали всякому решительному успеху. Ничтожный городок, обороняемый жителями и несколькими стами донских казаков, около двух месяцев сопротивлял-

ся сравнительно огромному войску и отбивал все его приступы. Современники удивлялись подвигам казачьего атамана Корелы и выставляли его каким-то колдуном. Но его удачная оборона более объясняется нерадением осуждавших воевод. Так четырехтысячное подкрепление, состоявшее из донских казаков и русских изменников, сумело пробраться в город мимо лагеря осаждающих. Измена уже гнездилась в царской рати. Последняя сделала приступ и сожгла деревянные стены Кром, так что город был почти взят; осажденные удалились в острог и там продолжали отстреливаться. Но тут один из воевод, Михаил Глебович Салтыков, не спросясь главных начальников, вдруг велел отступить ратникам, уже стоявшим на городском валу. Такой изменнический поступок его Мстиславский и Шуйский оставили безнаказанным. После того осажденные снова заняли вал; казаки стали копать под ним землянки, в которых укрывались от огня осаждавших; а по временам делали удачные вылазки. Воеводы не предпринимали более ничего решительного, ограничиваясь обложением и ожидая сдачи кромлян от голода. Был Великий пост; наступило таяние снегов; время стояло сырое; в царском войске, терпевшем лишения и всякие неудобства, открылись болезни; особенно свирепствовал понос. Эти бедствия еще более способствовали его бездействию и упадку духа. Борис прислал своих врачей с лекарствами, благодаря которым болезни стали уменьшаться.

Затянувшаяся осада Кром дала Самозванцу возможность вполне оправиться от своего поражения под Добрыничами и выжидать благоприятного момента.

Пребывая в хорошо укрепленном Путивле, он деятельно занимался набором и устроением своего войска. Поляки после поражения снова хотели его покинуть и уже двинулись на родину; но некоторые польские его клевреты отправились за ними и упросили их большею частью воротиться. Из них было опять сформировано несколько хоругвей. В то же время, по совету некоторых русских изменников, Лжедимитрий с особым усердием занимался рассылкою своих грамот или манифестов, в которых снова рассказывал басню о своем спасении в Угличе и убеждал народ, особенно ратных людей, служить ему как своему законному государю. Грамоты

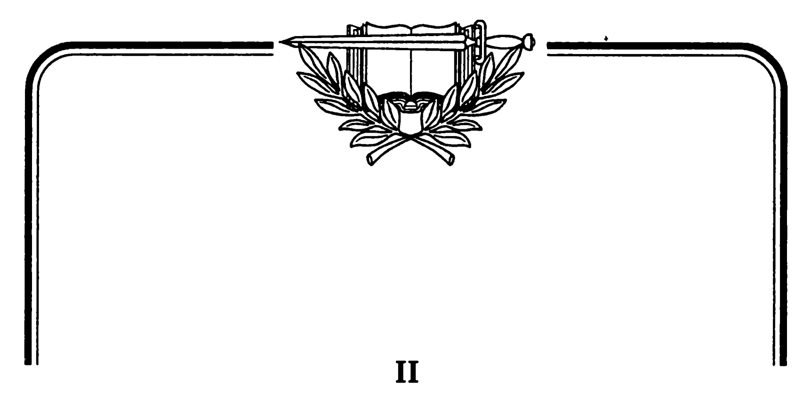
сии не остались без последствий: передавшиеся украинские города пребыли ему верны, а некоторые вновь перешли на его сторону, так что в его руках находилось до 18 городов. Из них многие ратные люди откликнулись на призыв и собрались под его знаменами. Между прочим, из Цареборисова пришло 500 стрельцов в своих красных кафтанах. Прибыли также новые дружины донцов и терских казаков или собственных пятигорцев. Для вящего убеждения русских людей в том, что Борис ложно назвал его расстригою Гришкою Отрепьевым, Самозванец призвал в Путивль настоящего Григория Отрепьева и показывал его народу.

С своей стороны Годунов продолжал бороться против Самозванца грамотами и тайными кознями. Так в Путивль явились три монаха, которые имели при себе увещательные к народу и духовенству письма от царя и патриарха. Царь требовал, чтобы путивляне взяли обманщика живым или мертвым и отправили в Москву, если хотят заслужить прощение; а патриарх предавал проклятию ослушников и изменников. Но монахи были схвачены, представлены Лжедимитрию и подвергнуты пытке. Один из них не выдержал мучений и, если верить иноземному свидетельству, открыл, что в сапоге его товарища спрятан страшный яд и что двое из русских знатных людей, окружавших названого Димитрия, уже вошли в заговор о его отравлении. Эти двое заговорщиков будто бы потом сами сознались в своем умысле и были выданы гражданам Путивля, которые, привязав их к столбу, расстреляли из луков и пищалей. Сознавшийся монах помилован, а товарищи его брошены в тюрьму.

В Путивле Лжедимитрий, при всех военных заботах и занятиях, имел много праздного времени, которое он задумал употребить с пользою. Когда он выступал в поход из Самбора, то просил иезуитского провинциала в Польше и Литве дать ему двух патеров для совершения церковных треб в польском отделе его ополчения. Тот отрядил из ближней к Самбору Ярославской коллегии иезуитов Николая Чировского и Андрея Лавицкого, которые во время похода ревностно отправляли католическое богослужение в особой палатке и исполняли разные требы при войске. И вот в Путивле весною 1605 года Лжедимитрий вдруг призывает обоих па-

теров и, в присутствии трех русских бояр, высказывает свое горячее желание заняться с ними школьным учением. По его словам, наилучшее достоинство государя составляют две вещи: знание военного искусства и основательное знакомство с науками. Иезуиты возражали, указывая на неудобное время и на ожидавшие его трудности при изучении основных элементов древнего языка. Самозванец настаивал и назначил следующий день для начала. Патеры явились в условленный час; причем Лавицкий держал том Квинтильяна, который успел достать у какого-то польского воина. Самозванец взял книгу и, повертев ее в руках, просил что-нибудь прочесть, перевесть и объяснить. Ему отвечали, что так вдруг нельзя, а надобно сначала заняться предварительным учением. Решили, что Чировский каждое утро будет преподавать ему один час философию, а Лавицкий столько же времени будет учить его после обеда риторике. И Лжедимитрий целых три дня усердно предавался сим занятиям, в присутствии некоторых русских и поляков из своей свиты; причем удивлял своих учителей острою памятью и быстрым пониманием. Но затем, очевидно, у него не хватило терпения. Под предлогом каких-то возникших по сему поводу и невыгодных для него толков, он отложил учебные занятия до другого времени и потом более к ним не возвращался. Вместо сих занятий, он нередко беседовал с иезуитами о том, как, воцарясь в Москве, немедленно начнет заводить школы, коллегии и академии, в которых наставники, конечно, будут набираться по преимуществу из них же, т.е. иезуитов. А между тем Самозванец пользовался их услугами для сочинения латинских писем, которые посылал нунцию Рангони и кардиналу-епископу Мацеевскому. Пример его, однако, не остался без подражателей: если верить тем же патерам, некоторые из русских приходили к ним и просили научить их читать и писать по-латыни; в числе таких желающих учиться был и один русский священник[3].

Вынужденное бездействие и выжидательная роль начали уже тяготить Самозванца и окружавших его, как вдруг в Путивле получено было известие о внезапной кончине Бориса Годунова. После того события пошли ускоренным ходом.



II

ЛЖЕДИМИТРИЙ I НА МОСКОВСКОМ ПРЕСТОЛЕ

Кончина Бориса Годунова. — Федор Борисович. — Измена Басманова и войска. — Движение Самозванца к Москве. — Мятеж московской черни. — Трагическая судьба Борисова семейства. — Вступление Лжедимитрия в столицу и первые его действия. — Неудачный заговор Шуйского. — Встреча мнимой матери. — Коронование Самозванца. — Его правительственная деятельность, военные потехи, постройки и легкомысленное поведение. — Сношения с Римом и Польшею. — Обручение московского посла с Мариною. — Поведение Мнишков. — Их прибытие в Москву. — Польские послы. — Торжественное венчание с Мариной и свадебные пиры. — Предвестники грозы. — Народное раздражение против поляков. — Вторичный заговор Шуйского. — Иезуиты. — Самоуверенность и беспечность Самозванца. — Кровавая московская заутреня. — Гибель Лжедимитрия. — Избиение поляков.

Несмотря на свои нестарые годы, Борис уже страдал разными недугами; по некоторым известиям у него была сильная подагра, а по другим и водяная. Тяжелые заботы и огорчения, испытанные после появления Самозванца, окончательно подорвали его здоровье. Вопреки неограниченной власти и могуществу, он видел свое бессилие справиться с этим страшным призраком, видел постоянные крамолы, неохоту воевод сражаться за него и даже прямую измену. Недостойное поведение их под Кромами и новое усиление Самозванца, без сомнения, терзали его душу и не давали ему покою, хотя наружно он старался сохранять вид бодрости и спокойствия. 13 апреля, после торжественного приема ино-

земных послов (датских), Борис угощал их в Золотой палате; но едва встал из-за стола, как у него открылось сильнейшее кровотечение из носу, рта и ушей. Тщетно врачи пытались остановить кровь. Через два часа он скончался, едва успев постричься в иноки с именем Боголепа. Такая внезапная кончина, естественно, не осталась без разных толков и догадок; прошел слух, повторенный и некоторыми иностранцами, будто Годунов принял яду — слух по всем признакам недостоверный.

Борис умер 53 лет от роду, после царствования, продолжавшегося с небольшим семь лет. Хотя сам он, как говорят, будто бы не умел ни читать, ни писать, тем не менее оказывал большое уважение к образованию вообще и особенно заботился о книжном учении своего сына Феодора. Для себя лично недостаток грамотности он восполнял своею опытностию, огромною памятью и другими умственными дарованиями. Но печальные, смущавшие его обстоятельства царствования не дозволили ему вполне развернуть свои выдающиеся правительственные способности. А подозрительность и доступность злым наветам своей жены и родственника Семена Годунова сделали из него тирана и лишили его народного расположения. Поэтому кончина его была встречена в Москве с явным равнодушием. На следующий день его погребли в Архангельском соборе; а народ начали приводить к присяге на верность новому царю, шестнадцатилетнему Федору Борисовичу, вместе с его матерью Марьей Григорьевной и сестрой Ксенией Борисовной. Разослали гонцов по городам с присяжными листами, по которым служилые люди, между прочим, давали клятву никого иного не хотеть на государство Московское, ни Симеона Бекбулатовича, ни того вора, который называет себя князем Димитрием Углицким.

Новый государь Федор Борисович вместе с цветущей, красивой наружностию, по словам современников, соединял и ум, и доброе сердце, и значительные книжные сведения; но, при крайней молодости и неопытности, ему недоставало главного: мужества и энергии. Тщательно воспитывая сына, Борис совсем упустил из виду обстоятельства времени. В спокойную эпоху, при упроченном престолонаследии, из юного Феодора мог выйти хороший правитель, подающий

подданным пример добрых семейных нравов; но теперь более всего требовались решительность и воинская отвага. Вместо того, чтобы сесть на коня и, окружив себя опытными воеводами, явиться во главе царской рати, Федор Борисович неподвижно оставался в кремлевских палатах, продолжая оказывать сыновнее повиновение своей матери. Марья Григорьевна и сделалась собственно правительницею государства, не имея к тому никаких способностей и пользуясь недоброю славою в народе. Вместо энергичных мер новое правительство занималось исполнением старых обычаев; например, раздавало щедрую милостыню на помин о царе Борисе и заставляло служить панихиды во всех монастырях; а относительно борьбы со Лжедимитрием семья Годуновых всю надежду свою возложила на одного человека: на Петра Басманова. Его наконец отправили начальствовать войском, осаждавшим Кромы, взяв с него клятву, что он будет служить Феодору так же верно, как служил его отцу. Однако и в этом случае поступили согласно старому обычаю: чтобы не нарушать местнических счетов, Басманов назначен был собственно товарищем воеводы большого полку; а титул этого воеводы дан князю Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому, человеку знатному родом, но незначительному по способностям и характеру. Ф.И. Мстиславский и оба брата Шуйские отозваны в Москву, под предлогом занять первые места в Боярской думе, чтобы помогать юному государю своими советами.

Вместе с Басмановым и Катыревым-Ростовским отправлен был новогородский митрополит Исидор, чтобы привести ратных людей к присяге. От рати зависела теперь судьба царствующего дома, и Годуновы с беспокойством ожидали от него вестей. Ратные люди беспрепятственно присягнули, хотя и с неравным состоянием духа: одни печалились о смерти Бориса, другие ей радовались. Митрополит Исидор воротился в Москву с доброю вестию об учиненной присяге. Но скоро пришли известия другого рода.

Трудно сказать, что, собственно, побудило Басманова к измене. Вероятнее всего, на него подействовали с одной стороны та шатость в умах и тот дух розни, которые он нашел в войске, а с другой — народное нерасположение к Годуновым

и правительственная их неспособность, которую он близко видел в Москве; таким образом он мог уже заранее считать их дело проигранным. Вероятно, и личное его честолюбие не надеялось добиться первой роли в государстве, имея перед собою целую лестницу местнических счетов с знатнейшими боярами и целую толпу Годуновской родни. К тому же недальновидные правители, отозвав из войска честного Мстиславского и братьев Шуйских, оставили при нем самых ненадежных воевод, каковы два брата князья Голицыны, крайне нерасположенные к Годуновым, и уже явно изменявший им Михаил Глебович Салтыков. Эти воеводы своими внушениями, кажется, повлияли на решимость Басманова и вошли с ним в тайное соглашение или просто в заговор, чтобы действовать в пользу Самозванца. Кроме сих главных лиц, в войске оказалось немало и второстепенных начальников, не скрывавших своей ненависти к Годуновской семье и принявших участие в заговоре. Среди сих последних особенно выдавались братья Ляпуновы, стоявшие во главе рязанских дворян и детей боярских. Но заговорщики пока скрывали свой замысел, потому что было много и приверженцев царствующего дома; а в числе воевод под Кромами находился один из Годуновых, Иван. Опасались они также четырехтысячного наемного отряда, состоявшего из иноземцев, большею частию немцев, которые доселе верно служили царю.

Получив радостные вести о смерти Бориса и колебании войска, Лжедимитрий все еще не решался лично выступить из Путивля; а отправил только передовой отряд из трех польских хоругвей и трехтысячной русской дружины, под начальством поляка Запорского, на помощь Кромам. Приблизясь к городу, Запорский, по некоторым иностранным известиям, употребил обычную тогда хитрость: он послал одного московского переметчика с письмом к осажденным; а в этом письме от имени названого Димитрия извещал о прибытии к нему 40 000 вспомогательного польского войска и скором своем пришествии. Посланный намеренно попался в плен и представил русским воеводам означенное письмо, которое и произвело большое смущение; оно еще более усилилось, когда в лагерь прибежал сторожевой русский отряд, разбитый Запорским. По-видимому, Басманов и его единомышлен-

ники воспользовались именно этими обстоятельствами, чтобы исполнить свой замысел. Они склонили на свою сторону начальника иноземцев лифляндца фон Розена. Он первый с своею дружиною перешел из лагеря на другую сторону реки Кромы и выстроился там в боевой порядок. За ним двинулись те полки, которые уже были подготовлены заговорщиками. Тогда Басманов, став посреди моста, обратился к остальному войску и призывал его идти на службу своему прирожденному государю Димитрию Ивановичу. В лагере произошли чрезвычайное смятение и беспорядок: одни бежали за реку и присоединялись к изменившим полкам; другие хотели оставаться верными присяге; произошла страшная сумятица, сопровождавшаяся междоусобной сечей. При возникшей давке на мосту сей последний обрушился; отчего смятение еще увеличилось. В это время Корела с своими казаками вышел из крепости и ударил на часть войска, верную Годуновым. Она рассеялась в бегстве. Иван Годунов и другие упорствующие воеводы были перевязаны. (Князь Василий Голицын сам велел себя связать.) Некоторые воеводы, не хотевшие изменять, в том числе Катырев-Ростовский и князь Телятевский, с небольшим числом ратных людей успели отступить и ушли в Москву.

Так окончилась трехмесячная жалкая осада Кром, и дело Самозванца окончательно восторжествовало.

Гонцы от Запорского известили Лжедимитрия о счастливом для него событии. А от царского войска прибыла к нему депутация, имевшая во главе князя Ивана Голицына, «с объявлением подданства и послушания». В половине мая он выступил из Путивля под Кромы, встречаемый по дороге перешедшими на его сторону воеводами (Голицын, Салтыков, Басманов, Шереметев) и другими знатными людьми с изъявлениями своей покорности. Обещая им свои милости, он, однако, еще не совсем доверял русской рати, ожидавшей его под Кромами, и значительную часть служилых людей на время распустил по домам; а с остальными направился к Москве через Орел, Тулу и Серпухов. Попутные города уже не сопротивлялись, а встречали его как своего государя. Однако он продолжал соблюдать осторожность и на стоянках обыкновенно располагался с своими польскими отрядами в

некотором отдалении от русского лагеря, окружая себя усиленной стражей. В то же время он усердно рассылал на север и восток свои грамоты к русскому народу с известиями о своем воцарении и обещаниями разных льгот и милостей тем, которые окажут ему преданность, и угрожал своим гневом непокорным.

В столице господствовала совершенная растерянность после того, как пришла весть об измене войска и явились из него беглецы. Думные бояре большею частию замышляли измену и вели себя двусмысленно; а Годуновы и их клевреты пытались мерами строгости поддержать повиновение; так они перехватывали людей, приезжавших с грамотами от Лжедимитрия, и подвергали их истязаниям. Чернь сохраняла еще наружное спокойствие; но купцы и вообще состоятельные граждане не доверяли этому спокойствию и заблаговременно старались припрятать деньги, дорогие вещи и товары в подпольях, по монастырям и в других безопасных местах, опасаясь всеобщего грабежа в случае народного бунта. Правительство, между прочим, попыталось привести столицу в оборонительное состояние и приказало подвозить орудия к городским стенам и валам. Но эти воинственные приготовления шли очень вяло и возбуждали насмешки среди черни. Сия последняя ожидала только внешнего толчка, чтобы выступить на сцену действия.

Такой толчок был дан прибытием двух дворян, Пушкина и Плещеева, которых Лжедимитрий послал из Тулы с своею грамотою. Эти посланцы избегли участи своих предшественников; они явились не прямо в столицу, а сначала в подмосковную слободу Красное Село, обитаемую торговым и ремесленным людом. Возмущенные их речами и грамотою, красносельцы большою шумною толпою отправились с ними к Лобному месту. Тщетно Годуновы высылали военных людей, чтобы остановить и рассеять толпу; по дороге она росла как лавина и наконец запрудила Красную площадь. Плещеев и Пушкин взошли на помост Лобного места и оттуда читали грамоту, обращенную к московским боярам, дворянам, приказным и торговым людям. В этой грамоте ложный Димитрий, именуя себя великим государем и царским величеством, напоминал присягу, данную Ивану IV и его чадам; за-

тем повторял басню о своем спасении в Угличе, говорил о захвате престола Борисом Годуновым, «не ставил в вину» служилым людям то, что они доселе стояли против своего прирожденного государя по неведению, «боязни казни»; теперь же приказывал им, «помня Бога и православную веру», прислать к нему с челобитьем архиереев, бояр, гостей и лучших людей; за что обещал служилых жаловать вотчинами, а гостям и торговым людям учинить облегчение в пошлинях и податях. В противном случае грозил праведным судом Божиим и своей царской опалой. В той же грамоте Самозванец говорил о многих ратях, русских, литовских и татарских, с которыми шел к Москве, о том, что города московские и поволжские уже добили ему челом, что ногаи предлагали прийти к нему на помощь, но он отказался, «не хотя видети разорение в христианстве». Очевидно, грамота была составлена людьми умелыми и опытными, так что затрагивала почти все важнейшие струны народного чувства.

Когда окончилось чтение, в народе поднялись крики и произошло величайшее смятение. Тщетно пришедшие из дворца бояре пытались его успокоить; их голоса терялись в общем шуме. «Буди здрав царь Димитрий Иванович!», «Долой Годуновых!» — кричали вожаки. Мятеж разразился с неудержимою силою. Толпа бросилась в Кремль, оттеснила стрелецкую стражу и ворвалась в царский дворец. Федора Борисовича с матерью и сестрою схватили, посадили на простую телегу и отвезли в их прежний боярский дом. Затем начался неистовый грабеж в домах Годуновых, их родственников Сабуровых, Вельяминовых и всех их известных приверженцев; досталось при этом и многим другим зажиточным людям; особенно пострадали придворные немецкие врачи. Рассказывают, что когда чернь хотела проникнуть в царские погреба, изобильно снабженные разными винами и напитками, Богдан Бельский, один из немногих опальных бояр, возвращенных Федором Борисовичем из ссылки, остановил толпу, сказав, что нечем будет угощать царя Димитрия Ивановича и его ближних, и указал ей на погреба немецких докторов Бориса, бывших его главными советниками и наушниками. Чернь послушалась и бросилась грабить дома ненавистных ей докторов, так что эти разбогатевшие

люди в один миг лишились всего движимого имущества и сделались почти нищими. Из разбитых погребов выкатывали бочки с вином, и работали около них так усердно, что, по иностранным известиям, в этот день от 50 до 100 человек опились до смерти. Годуновы, их родственники и свойственники взяты под стражу и отданы за приставы.

В следующие дни от московских всяких чинов людей составлена была повинная грамота, приглашавшая названого Димитрия прибыть в Москву и занять прародительский престол.

Лжедимитрий, однако, замедлил свое пребывание в Туле. Прежде вступления в столицу он хотел по возможности обеспечить за собой признание всем государством; для чего продолжал рассылать по городам известительные грамоты о своем восшествии на прародительский престол, прилагая к ним форму присяги, которую жители должны были ему приносить. Меж тем в Тулу на поклон новому царю приехали из Москвы первостатейные бояре, в том числе Мстиславский и братья Шуйские; а с Дона на службу к нему пришла новая толпа казаков. Самозванец начал вести себя как бы истинный государь, уверенный в своем неоспоримом праве: он принял казаков ласковее и допустил их к своей руке, прежде чем бояре, за то, что первые гораздо ранее последних признали его царевичем и оказали ему помощь.

Была и еще причина, почему Лжедимитрий медлил своим прибытием в столицу. Федор Борисович, хотя сверженный с престола и лишенный свободы, был еще жив и при случае мог послужить предметом движения со стороны Годуновских приверженцев. А во главе духовенства стоял еще патриарх Иов, заявивший себя столь ревностным поборником сверженной династии. Поэтому в Москву отправились из Тулы с тайными приказаниями два князя, Василий Голицын и Рубец Мосальский. По прибытии их прежде всего был насильно сведен с патриаршего престола Иов и отправлен в старицкий Богородицкий монастырь. На его место назначен рязанский архиепископ Игнатий, родом грек, который прежде других архиереев признал Самозванца и явился к нему на поклон. Годуновых, их родственников и свойственников из Москвы разослали в заточение по разным городам. Нена-

вистного народу Семена Годунова посадили в Переяславскую тюрьму и там его уморили. В заключение покончили с юным Федором Борисовичем и его матерью. В их дом явились некие Молчанов и Шерефединов с тремя дюжими стрельцами. Марью Григорьевну задушили без труда; но Федор Борисович оказал отчаянное сопротивление, прежде чем его умертвили. Красавицу Ксению сохранили в живых — для гнусной потехи Самозванца. Народу объявили, что бывшая царица Марья и ее сын сами лишили себя жизни посредством отравы. Прах царя Бориса вынули из Архангельского собора и погребли в Варсонофьевском монастыре, что на Сретенке; подле него положили тела жены и сына.

Спустя дней десять после этой трагедии, 20 июня 1605 года совершилось торжественное вступление Лжедимитрия в столицу. Стояла прекрасная летняя погода. Шествие открывали польские хоругви; их тщательно вычищенные латы и оружие ярко блистали на солнце; трубачи и барабанщики потрясали воздух звуками своих инструментов. За ними шли попарно русские стрельцы; ехали нарядные царские кареты, запряженные шестерней, и вели лучших царских коней. Потом следовали: конный отряд боярских детей в праздничных кафтанах, сопровождаемый громом бубнов и набатов, и духовенство в светлых ризах с хоругвями, образами и евангелиями, имея во главе нареченного патриарха Игнатия. Лжедимитрий ехал верхом на статном коне в золотом кафтане, окруженный боярами и окольничими. Шествие замыкали отряды казаков, татар и опять поляков. Все московское и окрестное население радостными кликами приветствовало того, кого оно в простоте сердца считало истинным сыном Ивана Грозного и называло своим ясным солнышком. Не только улицы и площади были полны народом; он теснился на кровлях домов и даже церквей. Самозванец приветливо кланялся на обе стороны. Вступление его в столицу, однако, не обошлось без некоторых случайностей. Так, когда он ехал по мосту, наведенному через Москву-реку от Стрелецкой Слободы в Китай-город, вдруг поднялся вихрь с такою пылью, которая заслепила глаза, и это явление некоторыми было принято за дурное предзнаменование. Не понравилось многим истым москвичам и то обстоятельство,

что на Лобном месте, где духовенство встретило нового царя с образами и церковным пением, польские трубачи и литаврщики своими инструментами заглушали это пение; а потом, когда он сошел с коня и стал обходить кремлевские соборы, туда следовали за ним пестрою беспорядочною толпою всякие иноземцы его свиты, поляки, немцы, угры. В Архангельском соборе, искусившийся в лицемерии, Самозванец припал ко гробу своего мнимого отца и сказал несколько трогательных слов, проливая слезы. Наконец он вступил в царский дворец. Мнимый его бывший дядька Богдан Бельский вышел на Лобное место. Обратясь к народу, он клялся, что это истинный сын Ивана Грозного, и увещевал беречь его, любить, служить ему верою и правдою. Весь этот день Москва дрожала от беспрерывного звона своих многочисленных колоколов[4].

Так произошло воцарение польско-литовского бродяги на московском престоле.

Первые действия нового царя в Москве, как и естественно, состояли в раздаче наград и всяких милостей, преимущественно тем, которые пострадали при Годуновых. Так мнимые его родственники Нагие были возвращены из ссылки и пожалованы боярским саном вместе с Шереметевым, Голицыным, Салтыковым, Масальским и некоторыми воеводами, ранее других передавшимися на его сторону. Людей менее знатных он произвел в окольничие, в том числе дьяков Василия Щелкалова и Афанасия Власьева. Известный его агент Гаврило Пушкин сделан думным дворянином, а мнимый его дядька Богдан Бельский «великим» оружничим. Особое внимание оказано было знаменитой семье Романовых, столь сильно пострадавшей от Бориса. Из пяти братьев в живых оставались только двое: Иван Никитич и насильно постриженный Феодор, теперь инок Филарет. Их вызвали из ссылки и воротили им конфискованные имущества; Ивана Никитича пожаловали саном боярина, а старца Филарета посвятили в сан Ростовского митрополита; бывшая его супруга, теперь инокиня Марфа, с сыном Михаилом поселилась в костромском Ипатьевском монастыре, который принадлежал к епархии Филарета. Тела Романовых, умерших в изгнании, перевезли в Москву и здесь похоронили. Возвратили из

ссылки и престарелого слепца Симеона Бекбулатовича, бывшего когда-то титулярным царем московским. Награды посыпались на многих чиновников, и в особенности на войско: жалованье служилым людям было удвоено. Самозванец велел уплатить и все частные долги своего мнимого отца Ивана IV. Если верить одному польскому свидетельству, он истратил тогда из московской казны до семи с половиною миллионов рублей — сумма по тому времени громадная.

Все в Москве, казалось, ликовали; знатные и незнатные спешили изъявлять свою преданность царю. Но среди сего ликования против него уже составлялся тайный заговор, руководимый князем Василием Ивановичем Шуйским. Ему, конечно, более чем кому другому была известна смерть истинного Димитрия, и теперь, когда Годуновы были свержены, а Мстиславский отстранялся от всяких притязаний на престол, Шуйский считал за собою ближайшее на него право и, не медля ни минуты, начал подготовлять почву для свержения Лжедимитрия и своего возвышения. По ночам он собирал у себя доверенных лиц, преимущественно из московского торгового сословия, убеждал их в самозванстве нового царя и поручал им эту истину распространять в народе. Кто именно был Самозванец, вероятно, он сам не знал; а потому схватился за готовое уже мнение о нем как о расстриге Гришке Отрепьеве, который был предан проклятию высшим русским духовенством, и одно это обстоятельство долженствовало сильно действовать на умы народа при малейшем сомнении в истинности царевича. Впечатление должно было еще усилиться внушениями, что вор-расстрига передался ляхам и намерен «разорить христианскую веру», т.е. ввести латинство. Но затеянное дело оказалось несвоевременным и неискусно направленным. Клевреты Шуйского, в том числе московский купец Федор Конев, действовали без надлежащей осторожности, и притом встретили мало сочувствия: народная масса находилась еще под обаянием рассказов о чудесном спасении и подвигах царевича и, после нелюбимого Годунова, предавалась радости видеть на престоле прямого потомка своего исконного царского рода. Толки о самозванстве царя дошли до Басманова, который донес о них Лжедимитрию; клевреты Шуйского были схвачены и под пыткою

во всем признались. Схватили братьев Шуйских и также подвергли их пристрастному допросу. Лжедимитрий отказался сам произнести приговор и отдал их дело на суд собору, составленному из духовенства, бояр и людей всяких чинов. Собор, отчасти раболепствуя перед новым царем, отчасти разделяя народное увлечение, приговорил Василия Шуйского к смертной казни, а его братьев Димитрия и Ивана к ссылке.

В конце июня (следовательно, с небольшим через неделю после описанного торжества) князя Василия Ивановича взвели на эшафот, окруженный густыми рядами стрельцов и казаков, около которых теснились народные толпы. Теперь Басманов вместе с Салтыковым назначенный в приставы при Шуйском разъезжал на коне и читал народу грамоту с изложением тяжких вин осужденного боярина. После неудачного заговора Шуйский решился по крайней мере мужественно сложить свою голову перед народом.

«Братия, — воскликнул он, — умираю за правду и за веру христианскую!» Палач уже взялся за топор, как вдруг из Кремля прискакал всадник с криком: «Стой!» Самозванец даровал жизнь осужденному и казнь заменил ссылкою. Басманов громко прославил милосердие молодого государя, и довольный народ разошелся с пожеланиями ему здравия и долголетия. Кто подвиг Самозванца на это прощение, в точности неизвестно; но, очевидно, около него нашлись ходатаи за родовитого боярина. А, главное, сам Лжедимитрий, упоенный чрезвычайным успехом и знаками народной преданности, еще находился в каком-то восторженном настроении, так что носился тогда с особой теорией царского милосердия. Когда приближенный его секретарь поляк Ян Бучинский советовал ему не щадить Шуйских, то он отвечал, что дал обет не проливать христианской крови и что перед ним два способа удержать царство: или быть мучителем, или всех миловать и жаловать, не щадя казны. Он выбрал второй способ. Шуйских отправили в ссылку, а имения их отобрали на государя. Но, спустя несколько месяцев, Самозванец совершенно их простил и возвратил ко двору.

Приближенные люди советовали ему скорее совершить торжественное венчание на царство, чтобы упрочить себя

на престоле; ибо тогда он будет иметь священное значение в глазах народа. Но Самозванец не хотел приступить к обряду прежде прибытия мнимой матери, присутствие которой и признание его своим сыном долженствовали закрепить за ним царственное происхождение в тех же глазах. Старица Марфа проживала в убогой Выксинской пустыни (на Шексне). Казалось бы, ее прибытие должно было предшествовать возвращению всех других лиц, сосланных Годуновым, и самому вступлению Лжедимитрия в столицу; однако со времени признания его Москвою протекло около двух месяцев до приезда вдовствующей царицы. Приходилось посылать к ней своих клевретов и вести тайные переговоры, чтобы вынудить ее согласие на признание Лжедимитрия своим сыном. Очевидно, не вдруг согласилась Марфа на обман; потребовались и просьбы, и обещания всяких благ, и даже угрозы тайным убийством. Старица не устояла и наконец дала свое согласие. Тогда за нею отправлено было из Москвы торжественное посольство, во главе с юным Михаилом Скопиным-Шуйским, который только что был пожалован саном «великого» мечника. 18 июля Самозванец, окруженный блестящим двором, встретил свою мнимую мать в селе Тайнинском. Ее ввели в роскошно убранный шатер, где Лжедимитрий несколько минут говорил с нею наедине; причем опять с угрозами заклинал ее не обличать обмана. Выйдя из шатра, они нежно обнимались и целовались, ввиду многочисленной народной толпы; Самозванец посадил Марфу в карету и пошел подле нее с открытою головою; потом сел на коня, поскакал вперед и вновь встретил ее уже при въезде в Кремль. Он проводил ее в женский Вознесенский монастырь, где для нее были приготовлены и украшены особые комнаты. После того лжецарь посещал ее почти ежедневно и вообще показывал себя самым почтительным сыном. Но, при всех наружных знаках почтения, Самозванец не особенно доверял Марфе и окружил ее так, чтобы устранить всякие сношения ее с боярами: несчастная старица очутилась в золотой клетке [5].

21 июля происходило торжественное венчание Самозванца на царство в Успенском соборе со всеми обычными обрядами. Венчание сие совершал Игнатий, за несколько дней до того так же торжественно посвященный в сан пат-

риарха. Когда после обряда новый царь принимал во дворце поздравления от всех придворных чинов и наемных польских жолнеров, из толпы последних выступил иезуит Чировский; поцеловав руку Лжедимитрия, он посреди глубокого молчания сказал ему от имени поляков приветственную речь на польском языке; что немало удивило русских бояр. Но Самозванцу эта напыщенная речь, по-видимому, очень понравилась, и он сам переводил боярам ее смысл. За поздравлениями следовал роскошный пир.

Почти годовое правление Лжедимитрия, как и следовало ожидать, носит на себе печать явного влияния его польского воспитания и его легкомыслия. Так Боярскую думу он начал преобразовывать по образцу польского Сената. Прежде высшее московское духовенство приглашалось царем в Думу только в важных случаях; Лжедимитрий хотел присутствие здесь патриарха и других архиереев сделать постоянным, назначая им места по старшинству. Также по польским образцам он учредил должности великого конюшего, великого дворецкого, далее великих оружничего, мечника, подчашего, кравчего, сокольничего, секретаря и надворного подскарбия или казначея; в последние две назначил Афанасия Власьева. Он охотно сам председательствовал в Думе, где, по свидетельству иноземцев, любил блеснуть своим остроумием, прекращая долгие прения бояр и быстро (хотя бы неосновательно) решая запутанные дела; причем не упускал случая упрекнуть их в невежестве или указать на чужие земли, которые им следует посещать, чтобы научиться там уму-разуму. Вообще обхождение этого неблаговоспитанного выскочки с русскими боярами, дьяками и чиновниками было очень неровное: то он дружился с ними и обходился запанибрата, то ругал их и даже бил палкою в минуты вспыльчивости. Ища народной любви, он велел объявить, что сам будет два раза в неделю, по средам и субботам, принимать челобитные на дворцовом крыльце; запретил в приказах брать посулы; допустил гораздо более свободы в торговле и промышленности равно для русских и иноземцев. Подобные меры в сущности являлись скороспелыми и мало обдуманными. Пристрастные иноземные свидетельства вообще хвалят его доступность и простоту в обращении, его деятель-

ность и подвижность; говорят, что, вместо обычного на Руси спанья после обеда, он часто выходил из дворца один или сам-друг, посещал аптеки, лавки с изделиями из дорогих металлов и т.п. Вероятно, так запросто он разгуливал только вначале; а потом, ввиду некоторых обнаруженных заговоров и опасных толков, он ездил по столице, окруженный своими телохранителями-иноземцами.

Чтобы показать доверие московитянам, Лжедимитрий на первых порах начал распускать казацкие и наемные отряды, в том числе и польский; но скоро спохватился и стал формировать их вновь. Между прочим, он учредил трехсотенную иноземную гвардию, набранную преимущественно из немцев: первая сотня была конная и состояла под командою француза Якова Маржерета, уже служившего капитаном в наемном немецком отряде при Борисе Годунове (автора любопытных записок о России); две другие сотни представляли пеших алебардщиков; одною начальствовал датчанин Кнутсон, а другою шотландец Альберт Вандеман. Эти сотни получали богатое жалованье, одеты были в роскошные бархатные или парчовые плащи и цветные суконные кафтаны немецкого покроя; вооружение их было украшено серебром и позолотою. Они постоянно содержали внутренний дворцовый караул и сопровождали царя при его выездах. Кроме иноземцев, он держал постоянно в сборе от двух до трех тысяч стрельцов для охраны своего дворца и своей особы.

Если Самозванец к чему действительно обнаруживал влечение и усердие, это к военному делу, в котором он кое-что понимал. Приготовляясь начать войну против турок и татар, он велел отлить много новых пушек и мортир, которые отправлял в Елец и вообще на южные украйны. А, главное, он обратил внимание на военные упражнения или на обучение войска; устраивал примерные сражения, примерную осаду и оборону крепостей. С сею целью он велел построить подвижную крепостицу на колесах (род гуляй-города), которая предназначалась для действия против татар. Она была снаружи раскрашена изображениями слонов и разных чудовищ, способных испугать татарских всадников и коней. На окнах был изображен вход в ад, извергавший пламя, а под

ними виднелись чертовы головы с отверстою пастью, в которую вставлялись небольшие пушки или пищали. Москвичи с удивлением смотрели на это сооружение и назвали его «адом». Зимой Лжедимитрий поместил его на льду Москвы-реки и посылал поляков, одних защищать, а других осаждать сию крепостцу. Однажды он соорудил укрепление из снегу и льда и велел оборонять его русским, а немцам и полякам брать приступом; вместо оружия служили снежные комки. При сем он не утерпел, сам стал во главе иноземцев и взял с бою укрепление; после чего похвалялся, что он также завоюет у турок Азов. Русские были оскорблены и обвиняли иноземцев в том, что они вместо снегу зажали в кулак куски железа. Вообще легкомысленный Самозванец слишком усердно выказывал перед народом свою ловкость и молодечество. Он любил скакать на бешеных конях, на охоте сам гонял с собаками за волком или лисицею; а однажды на медвежьей травле хотел самолично выйти на медведя с рогатиной и только по усиленным просьбам вельмож оставил свое намерение. Подобные подвиги производили странное впечатление на народ: с одной стороны русские, как любители всякой удали, хвалили молодого царя; а с другой, привыкшие к торжественности и величию, которыми окружали себя их государи, они считали такие подвиги некоторым унижением царского достоинства.

Не довольствуясь кремлевскими царскими палатами, Самозванец затеял подле них, еще ближе к Москве-реке, постройку нового дворца, деревянного, состоявшего собственно из двух отдельных, но соединенных между собою зданий: одно предназначал для себя, а другое для будущей царицы. Здания сии он украсил по своему польскому вкусу: стены были обиты дорогою парчою и рытым бархатом, все гвозди, крюки и дверные петли густо вызолочены, печи выложены зелеными изразцами, оконные и дверные занавеси сделаны из материй, затканных золотом, и т.п. У входа в новый дворец, к удивлению и соблазну подданных, поставлено было большое медное изваяние мифологического пса или цербера с тремя головами, которые при помощи особого механизма могли открывать свои пасти и брякать зубами. Под этим дворцом были выведены разные потаенные ходы,

на случай опасности. Вообще Самозванец, как забубенная польская голова, вместе с чрезвычайной расточительностью обнаружил ненасытную жажду роскоши и удовольствий. Он сыпал вокруг себя наградами и подарками, а также постоянно накупал разных драгоценных сосудов, украшений, шелковых тканей и других товаров у немецких, польских и еврейских торговцев, в большом числе приехавших по его приглашению в Москву. Любя сам одеваться роскошно и часто менять свои наряды, он требовал подобной роскоши от бояр, дворян и даже простых людей. Русский современник с иронией замечает: «Невесть с какой радости все ходили по улицам веселые как женихи в золоте, серебре и чужестранной багрянице; а перед его лицом служащие ему украшались многоценным камением и дорогим бисером и никого он не хотел видеть смиренно-ходящим».

Самозванец жил широко и весело; во дворце часто играли польские музыканты, шли пиры, попойки и оживленные танцы. Он сам устроил несколько русских свадеб и пользовался ими как удобным предлогом к новым пирам и празднествам. Между прочим, с князя Ф.И. Мстиславского он не только снял годуновское запрещение жениться, но и сам выбрал ему невесту из семьи своих мнимых родственников Нагих, и подарил ему дом Бориса Годунова. Но в чем особенно сказались крайняя распущенность и легкомыслие сего польского исчадия, так это в необузданном любострастии. Не довольствуясь злосчастною Ксенией Борисовной, он постоянно требовал все новых и новых жертв своего разврата. Михаил Молчанов, известный негодяй и убийца Годуновых, служил усердно ему на сем поприще: с помощью своих агентов он разыскивал красивых девушек, которых покупал деньгами или брал силою и тайными ходами приводил к своему повелителю. Самые монастыри не были пощажены, многие молодые монахини попали в число его жертв. Говорят, после смерти Лжедимитрия оказалось до 30 женщин, которые по его вине готовились сделаться матерями. Наряду с близким его наперсником князем Василием Масальским, Петр Басманов, выступивший в Новгороде-Северском героем на историческое поприще, теперь играл роль главного соучастника в сих оргиях и низкого угодника тому, кого он сам при-

знавал лжецарем. Один немец, пользовавшийся его доверием, раз в присутствии немецкого купца спросил мнение Басманова о названом Димитрии. «Он жалует вас, немцев, более чем все прежние государи, — отвечал Басманов. — Молитесь о нем; хотя он и не истинный царевич; но мы ему присягнули; да лучшаго царя нам и не найти».

Среди своего праздничного царствования Самозванцу пришлось, однако, серьезно подумать о том, как расплатиться с своими благодетелями, которые выдвинули его из темноты и ничтожества и возвели на такой высокий, мировой пост, каким является московский престол. От сражавшихся за него казаков и польских жолнеров он мог еще отделаться денежными наградами, но и то не вполне. Многие поляки или ополяченные западноруссы, получив эти награды, остались ими недовольны, ибо рассчитывали на гораздо большее; они не спешили возвращаться на родину и большею частию проматывали полученное жалованье тут же в Москве, а потом вновь поступали на службу к Лжедимитрию. Несравненно труднее было расквитаться с главными его благодетелями, т.е. Мнишками, королем Сигизмундом и Римскою курией. Обещания и обязательства, которые он надавал им во время своей кандидатуры, по большей части оказались неисполнимыми в действительности: как ни был легкомыслен Лжедимитрий, но он хорошо сознавал всю невозможность приступить к введению унии в Московское государство или к отделению от него нескольких областей, ради удовлетворения папы и короля. С этой стороны хотя он значительно изменил тон, но пришлось еще хитрить, лицемерить и выигрывать время; только относительно Мнишков он остался верен своим обязательствам, хотя и далеко не в полном их размере.

С польскими отрядами, как мы видели, в Москву прибыли два иезуитских патера, Лавицкий и Чировский, те самые, у которых он еще недавно, во время своего путивльского сидения, начал было учиться философии и риторике. Их тайная надежда на продолжение такой же близости и на руководство им в делах религиозных не оправдалась. Наиболее приближенными и доверенными советниками Самозванца сделались не эти два патера, а два брата Бучинских, Стани-

слав и Ян, его частные секретари, оба протестанты. Они-то и сочиняли ему теперь латинские послания к папе и другие дипломатические документы. Посредством их он иногда сносился и с самими патерами. С последними при удобном случае он любил возобновлять разговоры о невежестве московского народа, о необходимости его просветить; для чего намеревался завести коллегии и академии, разумеется, по польскому образцу; а иезуиты, конечно, рассчитывали на свое будущее руководство этими коллегиями и академиями, т.е. на воспитание московского юношества в духе греко-римской унии. Но Самозванец признавал нужным пока не возбуждать разных опасений со стороны своих подданных, а потому исполнение названных намерений откладывал в долгий ящик. Меж тем Римская курия отнюдь не желала довольствоваться ожиданиями и, по своему обыкновению, думала ковать железо, пока горячо.

Мы имеем ряд писем нового тогда папы Павла V как к самому Лжедимитрию, так и к другим прикосновенным лицам. Папа то поздравляет Самозванца с благополучным окончанием его предприятия и восшествием на трон предков, увещевая при сем неизменно сохранить свое католическое исповедание; то поручает его вниманию нескольких кармелитских монахов, которые отправлялись в Персию через Московию; то воздает хвалу Сигизмунду III за помощь, оказанную Димитрию Московскому; то пишет кардиналу Мацеевскому или Юрию Мнишку, внушая им заботу о поддержании верности Римской церкви в новом московском царе. Нунций Рангони, с своей стороны, тоже осыпает Лжедимитрия письменными поздравлениями и пожеланиями; кроме того, отправляет к нему в августе 1605 года своего капеллана аббата Пратисоли с письмом и подарками, состоящими из разных священных предметов; таковы: распятие, вновь отпечатанная латинская библия, икона Реджийской Богоматери, четки с медалью-индульгенцией, каковые давались обыкновенно победителю, и пр. В письме своем нунций намекает на то, что недавнею победою и блестящим успехом названый Димитрий обязан своему обращению в католичество и прямо напоминает о его обещании ввести унию. Самозванец, с своей стороны, на послания святейшего отца шлет по-

чтительные и любезные ответы, подписываясь его «послушнейшим сыном» (Sanctitatis Vestrae obsequentissimus filius Demetrius etc.). В то же время чрез своего секретаря Яна Бучинского, отправленного в Краков по вопросу о браке с Мариною Мнишек, он просит нунция Рангони, между прочим, поддержать его настояния о цесарском титуле и союзе с римским (т.е. германским) императором. А в декабре 1605 года он отправляет в Рим уже прямо к его святейшеству послом от себя патера Андрея Лавицкого, который по дороге должен был остановиться в Кракове и передать особые письма нунцию. Краковские иезуиты были немало удивлены, увидя своего товарища в одеянии русского священника, с бородою, длинными волосами и греческим крестом на груди: так иезуитские патеры преобразились в Москве, чтобы избегать народного внимания и неудовольствия.

Лавицкий имел поручение хлопотать у его святейшества о трех главных статьях: во-первых, устроить при его посредстве союз или коалицию московского царя с римским императором и польским королем для общей войны против турок; во-вторых, поддержать царя перед польским королем по вопросу о присвоении Димитрием императорского титула, и в-третьих, наконец, наградить нунция Рангони кардинальским достоинством. И в Кракове, и в Риме король, нунций, папа, министры слушали с умилением и заставляли повторять рассказы Лавицкого о чудесных приключениях и необычайном успехе Самозванца. Но особых последствий его посольство не имело. Папские ответы Лжедимитрию были написаны в том же ласковом отеческом тоне, но содержали в себе уклончивые фразы относительно цесарского титула и заключения союза с римским императором: он советовал царю, не дожидаясь союзников, первому напасть на турок и победить их. Главный же припев всех этих писем состоял в том, что «одна только есть вера католическая» и главная обязанность царя это «просветить свое царство» и явиться вторым Константином. При сем папа советует не доверяться еретикам, а слушать людей умных и благочестивых; особенно поручает его доверию того же отца Лавицкого, который, конечно, получил в Риме нужные по сему предмету наставления. А просьба о кардинальском достоинстве для нунция

Рангони, очевидно, сочтена была за неуместное присвоение себе привилегий, которыми пользовались только самые могущественные католические государи, и потому пройдена полным молчанием.

Римская курия очень желала иметь сношения с Москвою не чрез польского нунция, а непосредственно чрез особого уполномоченного. Но она опасалась возбудить неудовольствие при Краковском дворе, который из политических своих видов всегда противился непосредственным связям Москвы с Римом. После разных колебаний и проектов на сей счет, решено было наконец отправить в Москву послом от папского престола Александра Рангони, который приходился племянником нунцию Клавдию Рангони, следовательно, не мог носить характера особого, вполне независимого от польской нунциатуры, уполномоченного. Александр Рангони прибыл в Москву в феврале 1606 года и был принят Лжедимитрием в торжественной аудиенции, при которой присутствовали не одни бояре, но также и патриарх с высшим духовенством. С той и другой стороны были сказаны разные учтивости. После сего приема Самозванец через Бучинского извинялся перед папским послом в том, что прием был сухой и чисто официальный, из опасения возбудить неудовольствие московских бояр, и уверял, что он питает все те же чувства глубокого сыновнего уважения к святейшему отцу. Потом он выразил желание, чтобы папа прислал ему опытных светских лиц, могущих занять место секретарей и советников в делах управления, кроме того, несколько искусных инженеров, военных техников и инструкторов. В донесении своем Рангони советует исполнить сию просьбу; так как, по слухам, Бучинский вместе с некоторыми своими единоверцами поляками и московскими англичанами старается сблизить Димитрия с протестантами и затевает снарядить посольство в Англию для набора там инженеров и разных техников-еретиков. Сверх того, Лжедимитрий просил папу способствовать его дипломатическим сношениям не только с римским императором, но также с королями испанским и французским. Вообще в переговорах с папским послом он обнаружил некоторое дипломатическое искусство; так что Александр Рангони вскоре уехал из Москвы доволь-

ный оказанным ему вниманием, снабженный любезными письмами и обещаниями, которые способны были поддержать надежды и вожделения Римской курии, хотя не заключали никаких определенных обязательств. Но вскоре эта курия стала замечать явное равнодушие Самозванца к религиозным вопросам и начала беспокоиться за успех своего дела в Московии. Особенно не могло ей понравиться пожертвование с его стороны трехсот рублей (соболями) в город Львов для окончания соборного Успенского храма, в феврале 1606 года; причем обратившимся к нему за помощью священникам и дьяконам сего храма он отвечал грамотою, в которой заявлял себя «несумненным и непоколебимым в истинной правой вере Греческого закону».

Не менее щекотливыми оказались отношения к польскому королю, который, очевидно, считал Лжедимитрия своим посажеником на московском престоле, почти своим вассалом, и ожидал теперь исполнения его обязательств. От Сигизмунда приехал в Москву посланником староста велижский Александр Гонсевский, который имел поручение явно поздравить Самозванца с восшествием на престол, а тайно напомнить ему некоторые его обещания, между прочим, относительно союза против Карла Шведского и заключения под стражу его племянника королевича Густава. При сем, чтобы напугать Самозванца, посланник сообщил ходивший в Польше слух, будто Борис Годунов не умер, а спасся бегством в Англию. Но это детское пуганье не произвело никакого действия. С своей стороны, чтобы показать полную независимость, сразу стать на равную ногу с королем и предупредить излишние притязания, Лжедимитрий придрался к старому и спорному вопросу о царском титуле. Он выразил неудовольствие на то, что королевская грамота называла его не царем, а только господарем и великим князем; мало того, изъявил притязание на императорский титул и стал сам себя величать «непобедимым цесарем», следовательно, ставил московскую корону на высшую ступень сравнительно с польскою. Но его нареченная невеста Марина Мнишек еще находилась в Польше, и король мог воспрепятствовать ее браку. Поэтому Самозванец пока не настаивал на своих притязаниях и отпустил Гонсевского с любезным ответом.

Он также поручил Александру Рангони уверить короля в своей к нему преданности и признательности, но при этом просить, чтобы король не требовал от него обещанной уступки областей до тех пор, пока власть его прочно утвердится в Московской земле. Посылая грамоту с извещением о своем вступлении на московский престол Карлу герцогу Зюдермандскому, захватившему шведскую корону, Лжедимитрий в той же грамоте увещевал Карла возвратить корону Сигизмунду как законному государю Швеции. А другого претендента на сию корону, королевича Густава, человека гордого и своенравного, из Углича перевел в Ярославль и велел содержать там как пленника [6].

Отношения польские в сие время тесно связались с делом женитьбы Самозванца на Марине Мнишек; к чему мы и обратимся.

В октябре 1606 года (сентябрьского) Самозванец отправил послом в Польшу «великого секретаря» и казначея Афанасия Власьева, который из русских людей, наряду с Басмановым и Масальским, был наиболее приближенным к нему советником и угодником или «тайноглагольником», как называет его один русский летописец. Власьев прибыл в Краков, окруженный блестящею, многочисленною свитою из конных дворян; за ним следовал большой обоз со скарбом и дорогими подарками. Он остановился в доме Мнишка и вскоре имел торжественную аудиенцию у короля, на которой говорил о желании своего государя заключить с ним тесный союз против турок. Только на второй аудиенции он приступил к главной цели своего посольства, т.е. изложил просьбу о королевском дозволении вступить московскому царю в брак с Мариною Мнишковною. Сигизмунд III дал свое согласие.

12 ноября состоялось торжественное обручение Марины; причем лицо московского царя представлял его посол. На церемонии присутствовал король с сыном Владиславом и сестрою, носившею титул шведской королевны. Обручение совершал родственник невесты кардинал-епископ Мацеевский. За церемонией последовали пир и танцы. Власьев во время обряда и пира обратил на себя общее внимание ратными выходками наивности и раболепия. Например, на обычный вопрос священнодействовавшего — «не обещал ли

царь на ком жениться прежде Марины?» — он отвечал: «а почем я знаю; он мне этого не говорил». И, только после настоятельных требований ответить прямо, прибавил: «если бы обещал другой невесте, то не слал бы меня сюда». Когда же нужно было соединить руки жениха и невесты, он, чтобы не прикоснуться голою рукою к руке своей будущей государыни, предварительно обернул собственную платком; обручальный перстень совсем не решился надеть себе на палец, а положил его в карман. За столом, сидя подле Марины, он не хотел дотронуться до кушанья, говоря, что «холопу не годится есть с государями», как ни внушали ему, что он представляет лицо самого царя. С своей стороны, посол остался очень не доволен тем, что при окончании бала Юрий Мнишек подвел свою дочь к королю, вместе с нею упал пред ним на колени и благодарил за его милости. Власьев видел в этом умаление царского достоинства, так как Марину теперь уже называли московскою царицею. Зато привезенные им роскошные подарки царской невесте, ее отцу, брату и другим родственникам произвели на поляков сильное впечатление: очевидно, Самозванец не жалел московской казны для удовлетворения их жадности и тщеславия. Тут были кони в красивых уборах, оправленных самоцветными камнями, драгоценные меха, целые пуды жемчугу, венецианские бархаты, турецкие атласы, персидские ковры, золотые часы с флейтистами и трубачами, также золотые корабль, павлин и бык, служивший вместо ларца, серебряный пеликан и пр.

Марина после обручения уехала в Промник в сопровождении своего отца и московского посла. Последние воротились оттуда в Краков, чтобы присутствовать при бракосочетании самого короля, который, будучи вдов, вступил тогда во второй брак с сестрой своей покойной супруги австрийской эрцгерцогиней Констанцией.

В январе приехал в Польшу другой посол от Самозванца, его частный секретарь Ян Бучинский, который привез большие суммы Мнишкам для уплаты их долгов. Он вручил 200 000 злотых воеводе Сендомирскому и 50 000 его сыну, старосте Саноцкому, а Марине новые подарки, состоявшие из золотых и бриллиантовых украшений. Но присланных сумм далеко недостало на покрытие долгов. Вскоре Самозва-

нец прислал еще 100 000 злотых; но и этого оказалось мало. Нареченный его тесть не стыдился зымогать деньги у посла Власьева, и, за его поручительством, набирать товары у московских купцов, торговавших в Польше. Посредством Бучинского Лжедимитрий убеждал Мнишков испросить для Марины от папского нунция разрешение при обряде ее будущего коронования в Москве принять св. причастие из рук патриарха — без чего невозможно было бы исполнить и самый обряд, а также посещать греко-русскую церковь, поститься в середу вместо субботы и ходить с покрытою головою, как это в обычае у русских замужних женщин. Такие просьбы произвели неприятное впечатление; по сему поводу завязалась целая переписка между Краковом и Римом, и последний никак не соглашался на подобные уступки. Но Самозванец мало тревожился сим несогласием. Он в это время беспокоился и приходил в нетерпение от того, что его нареченная супруга с своим отцом медлили и все откладывали свой приезд в Москву и что она не отвечала на его страстные письма.

Как ни были обрадованы и польщены Мнишки успехом Самозванца и блеском царской короны на голове Марины, как ни были они тщеславны и предприимчивы, однако что-то мешало им спокойно довериться этой удаче и спешить в такую полуварварскую страну, какою рисовалась их воображению Московия. Зная тайну самозванства, очевидно, они выжидали, чтобы время показало, насколько прочен этот почти сказочный успех, насколько названый Димитрий твердо уселся на престоле. И тем более сомнение могло закрасться в их душу, что из Москвы стали приходить вести и слухи для него неблагоприятные; а в Польше общественное мнение продолжало относиться к нему неблагосклонно.

Первыми распространителями дурных слухов были польские жолнеры, покинувшие службу Лжедимитрия и воротившиеся в Польшу. Эти ненасытные люди бранили его за неуплату им всего обещанного и заслуженного жалованья и вообще отзывались о нем с презрением. Некоторые русские выходцы, признавшие его на первых порах истинным царевичем, теперь за тайну сообщали своим польским приятелям, что в Москве уже проведали самозванство царя и ему грозит беда. Но поляки менее других способны были

хранить подобные тайны, и они скоро разглашались. Вельможи, которые и прежде противились предприятию Самозванца, теперь стали громко бранить его за неблагодарность Польше и притязание на необычные титулы. Они упрекали короля, зачем он помогал сему проходимцу вместо того, чтобы пожертвовать им и получить за него большие выгоды от Бориса Годунова. Есть свидетельство, что и сами московские бояре уже обращались в это время к королю с подобными жалобами. Получив известие о совершившемся обручении Марины, Лжедимитрий послал гонцом дворянина Ивана Безобразова с благодарственными грамотами к королю и Мнишку и с уведомлением о снаряжении большого московского посольства в Польшу. Этот Безобразов оказался тайным агентом князя Шуйского, по совету которого он и был назначен гонцом. Исполнив официальное поручение, Безобразов секретно довел до Сигизмунда, что бояре, особенно князья Шуйские и Голицыны, сетуют на короля, который дал им в цари человека неблагородного, легкомысленного и распутного; поэтому они хотят свергнуть его с престола, а на его место желали бы посадить королевича Владислава. Это последнее желание было хитро придумано: оно долженствовало польстить королю и связать его по отношению к названным боярам. С его стороны пока последовал уклончивый ответ при посредстве канцлера Сапеги, который теперь уже мог предвкушать плоды своей политической интриги при виде смуты, наступавшей в Московском государстве. Говорят еще, будто около того же времени сама царица-старица Марфа, при посредстве одного ливонского пленника, поручила какому-то шведу довести до сведения Сигизмунда, что она невольно признала обманщика своим сыном, что Самозванец хотел останки ее истинного сына выбросить из Углицкой церкви как подложные и только по ее усильным просьбам оставил его в покое. Неизвестно, давала ли Марфа действительно подобное поручение к Сигизмунду или — что вероятнее — оно явилось интригою тех же бояр, но что она спасла тело царевича Димитрия от поругания — это подтверждается и другим свидетельством.

Замечательно в отношении польского ставленника на Москве нерешительное и непоследовательное поведение как

польско-литовского короля, так и самой польско-литовской аристократии. Когда приехал Власьев и просил Сигизмунда о разрешении на брак Марины с названым Димитрием, говорят, король советовал не спешить сим браком и намекнул, что царь московский мог бы найти себе невесту более знатную; причем имел в виду собственную сестру королевну шведскую. Однако, зная тайну самозванства, он не настаивал на своем желании и легко согласился на брак Марины. Еще любопытнее, что в то время, как известная боярская группа уже доносила из Москвы о близком свержении Лжедимитрия и выдвигала кандидатуру на московский престол королевича Владислава, в самой Польше вдруг возник вопрос о кандидатуре сего Лжедимитрия на польско-литовский престол. Партия панов, недовольная Сигизмундом III, особенно восставала против его намерения вступить во вторичный брак с австрийскою принцессою, сестрою его покойной супруги. Во-первых, брак со свояченицей считался несогласным с уставами Церкви (хотя в этом отношении уже имелся пример Сигизмунда II); а во-вторых, столь тесные связи с Габсбургской династией были противны национальному чувству многих поляков, которые не без основания опасались возраставшего немецкого влияния. Когда же, несмотря на значительную оппозицию, Сигизмунд III настоял на своем и женился на эрцгерцогине Констанции, ропот усилился. Некоторые вожаки оппозиции тогда вошли в тайные сношения с Лжедимитрием и предлагали ему польскую корону; они мечтали таким способом осуществить давнюю мысль о соединении Польско-Литовского государства с Московским. Самозванец с свойственным ему легкомыслием поощрял подобный замысел. К довершению возникшей отсюда путаницы, сношения сии не остались тайною для короля, и канцлер Лев Сапега говорил против них в Сенате.

Сендомирский воевода, конечно, знал об этих переговорах, и ему могла уже мерещиться польская корона на голове его дочери. Но он знал и обратную сторону медали, т.е. до него доходили и все дурные вести о Лжедимитрии. Очевидно, сомнения закрадывались в его душу, и у него постоянно возникал вопрос, прочен ли его нареченный зять на московском престоле; поэтому он и дочь его не спешили своим

отъездом. Отвечая на просьбы Самозванца, Мнишек приводил разные предлоги для замедления; например, ссылался на свое нездоровье, а в особенности жаловался на недостаток денег. В одном дошедшем до нас письме он говорит также о дурных слухах, распространяемых недоброжелателями насчет его зятя, и, между прочим, просит его отдалить от себя «известную царевну Борисову дочь». Просьба сия была вскоре исполнена. Ксению Борисовну постригли в монахини под именем Ольги и отправили в дальний монастырь. Участь ее была самая жалкая: после смерти Лжедимитрия в течение Смутного времени ее переводили из одного монастыря в другой, и она подвергалась самым грубым оскорблениям.

Тщетно Самозванец хлопотал о том, чтобы совершить бракосочетание с Мариной в мясоед между Святками и Масленицей; почему гонцы его часто скакали из Москвы в Самбор и обратно. Тщетно его посол Власьев торопил Мнишков, для чего неоднократно писал им и сам приезжал в Самбор. Пропустив зимний путь, Мнишки должны были пережидать весенний разлив вод. Выведенный из терпения Лжедимитрий в начале марта сухо уведомлял, что если воевода и его дочь будут долее медлить, то они едва ли застанут его в Москве, ибо после Пасхи он намерен отправиться в лагерь к войску, собиравшемуся на южной украйне, и там пробудет целое лето. Недели две спустя, он узнал, что тесть и невеста наконец выехали в путь, следовательно, еще до получения его последнего письма. Обрадованный, он спешил извиниться в этом письме и сделать все нужные распоряжения, чтобы облегчить им дорогу. Разлив вод еще не прекратился, и дороги оказались весьма в плохом состоянии. Путешествие Мнишков совершалось медленно, и тем более, что их сопровождала весьма многочисленная свита, всего до 2000 человек, с огромным обозом. Кроме дяди Марины старосты Красноставского и ее брата старосты Саноцкого, с ними ехали и другие родственники, каковы Константин Вишневецкий, Стадницкий, Тарлы и пр. А каждый знатный пан имел при себе, кроме слуг, целый вооруженный отряд из пехоты и всадников. В обозе находилось еще несколько армянских купцов с своими товарами. По Московской земле высоких путешественников принимали везде торжественно: священ-

ники и народ выходили с иконами и хлебом-солью; в городах дарили им соболей; дети боярские и стрельцы выстраивались в праздничном наряде. Из окрестных мест сгоняли крестьян, чтобы строить или чинить мосты и гати. Время от времени встречали их бояре, присланные из Москвы с новыми подарками, с каретами, конями, палатками и т.п.

Путешественники проехали Смоленск и Вязьму. В последнем городе воевода Сендомирский отделился от дочери и с частию своей свиты поехал вперед. 24 апреля он имел торжественный въезд в Москву. Басманов выехал к нему навстречу за город, одетый в шитое золотом гусарское платье, во главе отряда дворян и детей боярских. Воеводу поместили в бывшем доме Бориса Годунова, недалеко от царского дворца. На другой день Самозванец принимал своего тестя и его родственников в парадной аудиенции, в так наз. Золотой палате, сидя на роскошно украшенном троне, в полном царском облачении, в присутствии Боярской думы; причем по правую сторону от него сидел патриарх с несколькими архиереями. По сторонам трона стояли четыре рынды; великий мечник держал обнаженный меч. Воевода сказал приветственную речь столь трогательную, что Самозванец, по словам одного польского свидетельства, «плакал как бобр, поминутно утирая платком свои глаза». Великий секретарь Афанасий Власьев держал за него ответ. После чего гости подходили и целовали у него руку. По окончании сей церемонии отправились в придворную церковь, где отслушали богослужение; а затем последовало пиршество, устроенное уже в новом деревянном дворце. В следующие дни в этом дворце происходили ночные пиры и попойки, сопровождаемые польскою музыкой и танцами; причем Самозванец являлся то одетый по-московски, то в богатом гусарском наряде. Тешил он своих гостей и звериной травлей; для чего в одном подгородном селе собраны были разные звери.

2 мая совершился наконец торжественный въезд в Москву нареченной царицы; понятно, что Лжедимитрий обставил его самым великолепным образом. Марина ехала в большой карете, оправленной серебром, с царскими гербами, запряженной 10—12 белыми конями в яблоках наподобие леопардов или тигров; каждого коня вел особый конюх. По

пути расставлены были шпалерами блестящие отряды из польских рот, немецких алебардщиков, московских дворян, стрельцов и казаков. Самозванец лично расставлял войска и давал наставления боярам, назначенным к встрече; но сам он смотрел на въезд, скрываясь в толпе. Любопытно, что при вступлении нареченной царицы в Москву, когда она ехала между Никитскими и Кремлевскими воротами, внезапно поднялся вихрь и заглушил звуки набатов, труб и литавр, как это было при въезде Лжедимитрия; что многими сочтено было за дурное предзнаменование. Марину поместили пока в Вознесенском монастыре подле мнимой царской матери, где приготовили для того богато убранные комнаты. В тот же день, но несколько ранее, въехали во главе многочисленной вооруженной свиты польские послы Олесницкий, каштелян Малагоский, и Гонсевский, староста Велижский, которые нагнали Марину уже под Москвою: они имели своим официальным назначением присутствовать от лица короля на торжестве царского бракосочетания. Для такого большого количества понаехавших поляков, конечно, требовалось найти соответствующее помещение, и многие московские обыватели принуждены были уступить часть своих домов этим беспокойным и притязательным гостям. Поляки не довольствовались тем, что явились, покрытые панцирями, вооруженные с головы до ног, но еще привезли в своих повозках большие запасы огнестрельного и холодного оружия. При виде этих запасов, наиболее степенные москвичи не особенно увеселялись постоянно гремевшею польскою музыкой, и сердца их исполнились тревожных ожиданий.

На следующий день во дворце происходила торжественная аудиенция польских послов. Она была обставлена точно так же и сопровождалась теми же обрядами, как и недавний прием царского тестя; только прошла не так ровно и гладко. Имея теперь дорогую ему Марину в своих руках, Самозванец решил с самого начала обострить вопрос о своем титуле, чтобы дать отпор дальнейшим притязаниям польского короля, а вместе с тем поднять себя в глазах своих московских подданных. Когда после приветственной речи Олесницкий хотел вручить ему королевскую грамоту, Лжедимитрий чрез великого секретаря Власьева отказался принять ее, так как

на ней не только не было царского титула, но стояла простая надпись: «Князю всея Руси». Слушая возражения Олесницкого, он не утерпел и, вопреки обычаю, самолично вступил с ним в длинные пререкания. Однако в конце не выдержал своей роли и велел Власьеву принять грамоту с оговоркой, что впредь сего не сделает. После взаимных приветствий и целования царской руки, послы предложили от себя разные подарки, а именно золотые цепи, кубки, ковры и коней. Когда же они воротились на посольский двор, им торжественно принесли яства и напитки в раззолоченной посуде.

По отношению к Марине Лжедимитрий вел себя как человек страстно в нее влюбленный. Так как ей не нравились московские яства, то он прислал польского повара, которому приказал отдать ключи от царских погребов и кладовых. А чтобы она не скучала монастырской тишиной, посылал забавлять ее музыкантов, песенников и скоморохов, что, конечно, являлось немалым соблазном для обитательниц Воскресенского монастыря. Он продолжал осыпать подарками невесту и ее родственников. Так однажды поднес ей ларец с драгоценностями на целых полмиллиона рублей. А ее отцу в это время подарил еще 100 000 злотых и сани, обитые бархатом с красною усаженною жемчугом попоною для коня и с ковром, подбитым соболями; козлы были окованы серебром; а запряженный в сани белый конь имел по обеим сторонам хомута по сороку самых лучших соболей; дуга и оглобли были обтянуты красным бархатом и перевиты серебряною проволокой. Меж тем делались обширные приготовления к свадьбе и коронации. Лжедимитрий решил соединить оба обряда вместе, но так, чтобы коронация Марины предшествовала их свадьбе. За день до сей церемонии поздно вечером невеста, при свете факелов, между рядами придворных алебардщиков и стрельцов, переехала в новый царский дворец, где и заняла приготовленные для нее покои.

Вопреки русскому обыкновению, день венчания был выбран в четверг 8 мая, следовательно, накануне пятницы и притом праздника св. Николая. Но обряд совершен был с сохранением почти всех старых обычаев. Жених и невеста были одеты в роскошный русский наряд. Из Грановитой палаты в торжественной процессии шествовали они в Успен-

ский собор, сопровождаемые русскими и польскими дворянами, посреди алебардщиков и отборных стрельцов. Во избежание тесноты в собор впустили только близкую свиту и затворили двери. Тут на возвышенном помосте приготовлены были три кресла: среднее, самое высокое и украшенное, служило троном для жениха, по левую сторону для невесты, а по правую, наименее высокое, для патриарха. С подобающими молитвами Игнатий возложил на невесту царскую корону и бармы на ее плечи. После того все трое заняли свои места на означенных креслах. Бояре и прочая свита подходили к Марине, чтобы поздравить ее и поцеловать руку. Затем следовала литургия, во время которой патриарх причастил Марину Св. Тайн и помазал муром по греческому обряду. По окончании литургии совершен был обряд свадебного венчания. Новобрачные в той же торжественной процессии воротились во дворец. В дверях Мстиславский осыпал их золотыми монетами. Потом стали бросать деньги в толпу; что произвело в ней большое движение и даже драку. По свидетельству иностранцев, будто некоторые русские бояре не стыдились принимать участие в этой ловле монет, тогда как польские паны не обращали на них внимания, и когда одному из панов упали на шляпу два червонца, он гордо стряхнул их на землю. Наступал уже вечер, и в этот день ограничились только угощением молодых. Места посаженого отца и матери занимали князь Ф.И. Мстиславский и его жена. Роль тысяцкого на свадьбе исполнял князь В.И. Шуйский, а дружками назначены его брат князь Димитрий, двое Нагих и пан Тарло; свахами были их жены.

Большой свадебный пир состоялся на следующий день. Но он был несколько омрачен размолвкою с польскими великими послами. Будучи приглашены к обеду, они на основании своих инструкций потребовали, чтобы им дано было место за царским столом подобное тому, какое Афанасий Власьев имел в Кракове за королевским столом в день обручения. По сему поводу возникли опять пререкания; ибо Самозванец решительно отказал в этом требовании: так как по московскому обычаю царь обедал один за особым столом на возвышенном месте, а теперь вместе с царицей. К послам пришел Афанасий Власьев и сказал им, что он сидел за коро-

левским столом, потому что за тем же столом сидели послы папский и цесарский. «А наш цесарь, — заметил Власьев, — выше всех христианских монархов; у него каждый поп папа». После такой выходки послы наотрез отказались ехать на обед в этот день. Они обратились с жалобою к воеводе Сендомирскому; тот взялся быть посредником между ними и своим зятем. Переговоры велись еще целые два дня. Наконец дело уладилось на том, что воскресенье 11 мая старший посол Олесницкий получил за большим обедом особый стол, пониже царского места; а Гонсевский сел на первом месте за тем столом, где помещались польские гости. Во время пира гремела музыка, а после него следовали танцы. Самозванец являлся то в русском наряде, то в гусарском; Марина одевалась большею частию в польский костюм. Веселые пиры с танцами и маскарадами повторялись теперь почти ежедневно; а правительственные заботы отложены были в сторону. Оба, и Самозванец, и Марина, упоенные успехом и наслаждениями, находились в каком-то чаду. Тем ужаснее было пробуждение этой легкомысленной четы[7].

Само собой разумеется, что ликование московского народа, простодушно поверившего в подлинность и чудесное спасение царевича, и надежды, возбужденные новым царем, не могли длиться долгое время. Сомнение и разочарование долженствовали наступить скоро; ибо трудно было скрыть общественный обман от стольких проницательных или враждебных глаз. Главный толчок к разоблачению обмана, естественно, исходил из той боярской группы, которая могла, ради свержения ненавистных Годуновых, признать Самозванца временно, но никак не помириться с его царствованием. Во главе этой партии с самого начала явилась семья Шуйских. Первая попытка их, как мы видели, не удалась, и сами они едва спаслись. Однако начатые ими тайные внушения продолжали бродить в русском обществе и вызывать неблагоприятные для Самозванца толки, которые в свою очередь повели за собою некоторые розыски и человеческие жертвы. Хотя бояре и высшее духовенство, познакомясь ближе с мнимым Димитрием, едва ли продолжали считать его Гришкою Отрепьевым; но им не было никакого расчета опровергать раз пущенную в народ молву об этом тождестве;

напротив, в их интересах было ее поддерживать и распространять. Слово «расстрига» переходило из уст в уста и многих приводило в негодование, а некоторых подвигало на обличение и самопожертвование. Самозванец с свойственною ему непоследовательностию, забыв о намерении упрочить себя милостями и прощением, стал прибегать к тюрьме и казням. Так погибли дворянин Петр Тургенев и купец Федор Калачник, которым отрубили голову на площади. Когда вели их на казнь, Калачник кричал народу: «Приняли вы на себя образ антихристов и поклонились его посланному; тогда уразумеете, когда все от него погибнете!» Но большинство народа еще верило в названого Димитрия и отвечало: «Поделом вам!» Толки о самозванстве царя и его неуважении к вере проникли и в среду придворных стрельцов; о чем в январе 1606 года донесли Басманову, а тот Лжедимитрию. Сей последний велел собраться стрельцам на внутреннем дворе без оружия; вышел к ним, окруженный алебардщиками, и держал речь, в которой красно и бойко упрекал их в измене и убеждал в своей подлинности. Смущенные стрельцы завопили, чтобы им указали изменников. Им указали семь человек, заранее намеченных; товарищи тотчас бросились на них, как звери, и голыми руками растерзали их на части.

Однако толки о «расстриге», его дружбе с поляками и намерении искоренить православную веру не прекращались. Некто дьяк Тимофей Осипов, движимый ревностию к вере, решился обличить лжецаря и приготовился к мученичеству. Он несколько дней постился и молился; потом, причастившись Св. Тайн, пришел в царские палаты и пред всеми сказал Самозванцу: «Ты воистину Гришка Отрепьев, разстрига, а не цесарь непобедимый, ни царев сын Дмитрий, но греху раб!» Раздраженный Самозванец велел его вывести и убить; но впечатления, произведенного сим подвигом, он не мог уничтожить. Престарелый и слепой Симеон Бекбулатович явился также ревнителем православия и увещевал людей крепко стоять за веру. Самозванец велел его отвезти в Кирилло-Белозерский монастырь и там постричь в монахи.

Легкомысленное поведение Лжедимитрия, его частое пренебрежение к русским обычаям, распутство и явное предпочтение поляков русским в конце концов должны были

вызвать общее неудовольствие и усилить толки о его самозванстве. Трое братьев Шуйских едва только были прощены и воротились в Москву, как снова принялись устраивать обширный заговор, находя, что сам Лжедимитрий значительно для того подготовил почву. Душою сего дела был все тот же князь Василий Иванович, старший из братьев, который одновременно сумел вкрасться в доверие Самозванца и попасть в число самых близких к нему бояр и советников. Особенно усердную помощь нашел он в духовенстве, которое, кроме религиозной ревности, было возбуждено еще слухами о намерении лжецаря отобрать у него многие имущества для того, чтобы употребить их на войну с турками и татарами. Заговор уже достаточно созрел; но вожаки медлили исполнением. Князь Шуйский ждал прибытия Мнишков и царской свадьбы. Он предвидел, что внимание Самозванца будет отвлечено свадебными торжествами, а в это время новоприбывшие поляки не преминут подлить масла в огонь народной ненависти. Говорят также, что бояре-заговорщики, возмущенные расточительностию лжецаря и его бесчисленными подарками Мнишкам, рассчитывали отнять назад большую часть сих драгоценностей, которую те, по всей вероятности, привезут с собою в Москву. Все эти расчеты почти вполне оправдались. Едва польские гости водворились в Москве, как начались их частые столкновения с жителями. Буйные поляки презрительно обходились с туземцами и при случае позволяли себе насилия над их женами; причем не щадили и самих боярынь. Начались кровавые драки. Та и другая сторона обращалась с жалобами к правителю. Некоторые поляки проведали кое-что о заговоре и пытались предупреждать Самозванца; но тщетно. На основании предыдущих примеров он слишком уверился в своей прочности; а главное, теперь ему было некогда думать и заботиться о чем-либо, кроме забав и праздников своего медового месяца.

Известна легенда о человеке, который за наслаждения земной жизни продал свою душу дьяволу, а потом, когда пришел час расплаты, пытался тем или другим способом от нее избавиться. Нечто подобное приходилось испытывать Самозванцу, от которого расплаты требовали со всех сторон еще прежде, чем он успел осмотреться в своем новом положении.

Между прочим, нелегко ему было изворачиваться перед назойливыми притязаниями Иезуитского ордена и Римской курии.

В свите Мнишков прибыл в Москву знакомый Лжедимитрию патер Савицкий, еще недавний участник его обращения в католическую веру. Он имел поручение от папы и нунция подействовать на лжецаря, напомнить ему данные обязательства и указать на его явные от них уклонения. Но Савицкому пришлось ждать, пока тот удостоил его интимной аудиенции. Это случилось за два дня до его гибели. Лжедимитрий принял иезуита наедине в своей спальне. Савицкий поцеловал его руку, поздравил с благополучным вступлением на престол и вручил ему некоторые подарки, присланные папою и генералом Иезуитского ордена, кроме того, и папскую индульгенцию. Хозяин повел беседу, ходя с гостем по комнате. Последний вкрадчивым тоном начал речь о делах религии и напомнил обещания. Уклоняясь от прямого ответа, Самозванец завел свой обычный разговор о школах и выразил намерение основать в Москве иезуитскую коллегию, которая должна приготовить русских учителей для будущих школ. Потом он вдруг переменил разговор и стал распространяться о войске, которое собрал уже в количестве 100 000 человек. Затем прибавил, что еще не решил, против кого вести это войско, против неверных или кого другого, и тут же начал жаловаться на польского короля, который не признает его титулов. Иезуит старался рассеять его неудовольствие и, пользуясь минутою, просил даровать ему свободный доступ к царской особе во всякое время. Лжедимитрий охотно согласился, позвал тотчас своего секретаря Бучинского и отдал ему приказание всякий раз докладывать о приходе патера. Обещая в другой раз поговорить обо всем подробнее, он отделался от гостя под тем предлогом, что ему нужно спешить к своей матери. Это было первое и последнее свидание с ним патера Савицкого в Москве.

Неслыханная удача и чад удовольствий до того ослепили Самозванца, что он упорно отказывался верить в существование какого-то заговора, несмотря на предостережения, обращенные к нему с разных сторон. Многие из более сметливых поляков, находившихся на царской службе, ясно за-

метили угрожающее отношение к ним русских и понимали, что с этой стороны что-то затевается. По их просьбе царский тесть накануне самой трагедии пошел к своему зятю и от имени товарищей умолял его принять меры против грозившей опасности. Но тот поручил своему секретарю уверить их, что никакой опасности нет и что он даже велит строго наказывать распространителей тревожных слухов. Проживавшие в Москве немцы, которые более дружили с поляками, чем с русскими, и успели лучше узнать сих последних, также предупреждали поляков; а один из немцев, тоже накануне рокового дня, пробрался к лжецарю и подал ему записку, в которой уведомлял, что на следующий день назначено исполнение злодейского умысла. Таким образом с польским проходимцем повторилось почти то же самое, что произошло с знаменитым римским Цезарем. Самозванец, прочитав записку, разорвал ее и бросил. Все эти предостережения, по-видимому, его только раздражали, и он еще более упорствовал в своем ослеплении.

Меж тем заговорщики пользовались всяким удобным случаем и всяким промахом Самозванца, чтобы возбуждать народ. Венчание Марины дало особенно обильную пищу неблагоприятным толкам. Русские вообще косо смотрели на иностранцев, посещавших православное богослужение; а тут еще поляки, присутствовавшие на церковных торжествах, вели себя крайне неосторожно; они громко болтали, смеялись, становились задом к алтарю, дремали, прислонясь к св. иконам или, скучая стоянием, садились прямо на пол, водили с собою в церковь собак и т.п. Русские возмущались тем, что царь все это позволяет. Особенно смущал всех брак его с католичкой или некрещеной полькой; ибо по русским народным понятиям того времени иноверцы, хотя и христиане, переходя в православие, должны были вновь креститься. Поэтому слухи о том, что царь передался папизму и намерен искоренить православную веру, получали как бы подтверждение в глазах народа. Из среды освященного собора, руководимого угодником лжецаря патриархом Игнатием, в это время выделились два мужа, митрополит казанский Гермоген и коломенский епископ Иосиф, которые открыто порицали брак царя с иноверкою. Самозванец разгневался и со-

бирался подвергнуть их тяжкому наказанию, но не успел. А народ стал смотреть на них как на истинных пастырей и достойных поборников православия. Главные заговорщики по ночам сходились в доме Василия Шуйского, тут совещались и получали должные наставления о том, как действовать в народе. Мы сказали, что князь Василий Иванович, ведя заговор в широких размерах, умел в то же время вкрасться в доверенность Самозванца и сделаться одним из главных советников. А советы его и единомышленных ему бояр преимущественно клонились к тому, чтобы усыпить всякое подозрение со стороны лжецаря, истолковать всякое столкновение русских с поляками или хмельным состоянием, или каким-либо простым недоразумением и уверить его, что поляки и немцы, доносившие о признаках близкого бунта, слишком преувеличивают и только понапрасну беспокоят государя, столь любимого своим народом, такие уверения очень льстили тщеславию Лжедимитрия и достигали своей цели. После князей Шуйских и Голицыных, наиболее видным деятелем среди заговорщиков явился думный дворянин Михаил Игнатьевич Татищев, незадолго прощенный лжецарем. Во время Великого поста за столом у сего последнего подали жареную телятину. Князь Василий Шуйский почтительно напомнил, что русские вообще не употребляют телятины, а тем более постом. Когда Самозванец стал возражать, Татищев вмешался и противоречил так резко, что тот выгнал его из-за стола и велел сослать в Вятку. Басманов выпросил ему прощение, которое он получил на праздник Пасхи. Это прощение, однако, не смягчило Татищева, который, подобно Шуйскому, сделался теперь одним из ревностных вожаков заговора. Есть известие, что бояре-участники постановили между собою следующий уговор: по свержении Самозванца вести управление общим советом и кого из них выберут царем, тот никому не будет мстить за прежние досады.

На вечер ближайшего воскресенья, 18 мая, Марина, ни о чем не думавшая, кроме удовольствий, назначила большой маскарад во дворце и со своими фрейлинами была занята приготовлением костюмов. А супруг ее в этот день предполагал устроить военную потеху: в поле за Сретенскими во-

ротами он велел приготовить деревянный, укрепленный валом, городок, который намеревался брать приступом. Несколько пушек уже были отправлены из столицы на место будущей потехи. Этими приготовлениями заговорщики воспользовались как нельзя лучше для своих замыслов. В народе пущен был слух, что расстрига под видом потехи хочет заманить московских бояр в западню, чтобы перебить их, а потом уже беспрепятственно творить свою волю и вводить латинство в Московском государстве. Говорили далее, что двадцать главных бояр, начиная с Мстиславского и Шуйских, были расписаны между польскими начальниками: каждый из сих поляков во время шумной потехи должен был убить назначенного ему боярина. А остальных бояр и лучших московских людей будто бы предполагалось перевязать и отправить пленниками к польскому королю. Как нимало вероятен был подобный слух, однако он нашел себе веру и произвел большое волнение в умах. При всем народном разочаровании и разных недоумениях, вызванных поведением лжецаря, еще многие москвичи оставались ему преданы и недоверчиво относились к толкам о его самозванстве. Поэтому заговорщики на последнем совещании положили в решительную минуту поднять народ под разными предлогами: одни должны были кричать: «В Кремль! Поляки хотят убить царя!» А другие кричали бы: «Поляки избивают бояр».

Как ни был беспечен Самозванец, однако все труднее и труднее становилось скрывать от него и его главных наперсников существование обширного заговора. Поэтому бояре решили не откладывать далее его исполнения, и, под предлогом предупредить якобы предстоящее их избиение во время военной потехи, они назначили канун сего дня, т.е. субботу, раннее утро. Для обороны дворца, кроме немецких алебардщиков имелось под рукою до 5000 поляков и до 10 000 преданных стрельцов. Ввиду этих сил заговорщики с своей стороны приняли разные меры и военные предосторожности. В пятницу московские лавки, торгующие порохом и свинцом, отказывали полякам в продаже сих предметов под предлогом, что все вышли. Поздним вечером бояре ввели в город осьмнадцать тысяч ратных людей, которые собраны были в окрестностях для похода на южную украйну и отправку ко-

торых они намеренно задерживали. Эта рать заняла ворота Белого города с приказом никого не пропускать. Наконец те бояре, которые в сей вечер дежурили или пировали во дворце, именем государя отпустили по домам большую часть алебардщиков, так что их осталось на карауле только 30 человек. Вооруженное ядро, на которое опирались заговорщики, составляли дворяне и дети боярские, московские и особенно новгородские; так как у Шуйских продолжались их старые приязненные связи с Великим Новгородом. Дворянам-участникам заговора обещаны были в награду новые поместья и доходные места.

Таковы были приготовления к московской кровавой заутрене, и она беспрепятственно совершилась.

17 мая на рассвете ясного утра конная толпа бояр, дворян и детей боярских, с князем Василием Шуйским во главе, въехала в Кремль и прежде всего остановилась перед Успенским собором, принося горячую молитву об успехе начатого предприятия. В эту минуту раздался звон набатного колокола, сначала у пророка Илии подле Гостиных рядов; за ним пошли звонить во многих церквах и монастырях, как кремлевских, так и городских. По улицам города скакали и бегали отряженные заговорщиками люди, призывая народ. Один кричал, что Кремль горит, другой звал на защиту православной веры, третий на защиту царя или бояр, и все от поляков. Со всех сторон бежал народ, вооруженный чем попало, самопалом, луком, копьем, саблею, рогатиною или топором, кто пешком, кто на коне, а служилые люди в доспехах и полном вооружении. Одна часть народа устремилась в Кремль; а другая стала обступать те дома, которые были заняты поляками, чтобы не дать им возможности собраться вместе или поспешить также в Кремль. Внезапно пробужденные поляки хватали оружие и садились на коней; но чернь везде преграждала им дорогу, ставя поперек улиц рогатки; где не хватало рогаток, она вынимала бревна из мостовой и воздвигала баррикады. Таким образом ни одному польскому отряду не удалось пробиться в Кремль на защиту лжецаря и его супруги.

Держа в одной руке крест, в другой меч, Василий Шуйский от Успенского собора, не теряя времени, повел собрав-

шуюся около него мятежную толпу прямо на дворец. «Помоги Господи и Пресвятая Богородица на злого еретика и поганую Литву! — восклицал он. — Отцы и братия, пострaждете за православную веру!»

Во дворце только что все успокоились после ночи, проведенной в пиршестве и танцах. Самозваный царь, кажется, не успел еще заснуть, когда услыхал звон набата. Он послал спросить, что это значит. «Пожар» — отвечал кто-то из бояр или дворян, остававшихся во дворце. Но когда шум и крики приближавшейся толпы сделались слышны, наперсник Самозванца Басманов вышел посмотреть и увидал, что весь двор наполнился вооруженными людьми, которые уже бежали по лестницам и ломились в двери. На его вопрос, что им нужно, послышались ругательства и крики: «Выдай нам плута и обманщика!» Басманов, приказав алебардщикам никого не впускать, бросился назад и закричал Лжедимитрию: «Мятеж! Требуют твоей головы. Спасайся». В это время кто-то из заговорщиков проскочил сквозь стражу и, увидя Самозванца, сказал: «Ну, безвременный царь, проспался ли ты? Что же не выходишь к народу и не даешь ему отчета?» Басманов схватил со стены царский палаш и разрубил голову дерзкому. А Лжедимитрий выбежал в сени, выхватил меч у одного немца-телохранителя и, грозя им мятежникам, кричал: «Я вам не Борис». Однако выстрелы заставили его уйти назад. Басманов же появился на крыльце и начал уговаривать мятежников. Тут Михайло Татищев, недавно прощенный по его ходатайству, обругал его скверными словами и первый нанес ему удар ножом; другие докончили. Тело его тотчас сбросили с высокого крыльца на показ народу. Мятежники вырубили несколько досок в стене и ворвались в палаты. Оробевшие алебардщики отступили во внутренние покои, заперев за собою двери; но и сии последние скоро пали под ударами топоров. Алебардщикам предложили пощаду под условием выдать оружие; они сдались и тем сохранили свою жизнь.

Между тем Лжедимитрий поспешил в покои Марины, чтобы предупредить ее об опасности. Сам он стал перебегать из комнаты в комнату, спасаясь от искавших его повсюду мятежников. Впопыхах он забыл о потайном ходе в под-

земелье или не попал в него, и наконец выпрыгнул в окно с высоты нескольких сажен; причем разбился и вывихнул себе ногу, так что не мог встать.

Марина, полуодетая, в испуге сбежала вниз под своды; но, не найдя там безопасного места, неузнанная, опять пробралась наверх, подвергаясь толчкам и ругательствам. Чернь, неистово грабившая дворец, стала ломать двери и в ее покои. Около нее собрались польские камерфрейлины, а ее камердинер Осмульский с саблею в руке отстаивал вход, пока не пал пораженный выстрелами. Его геройская оборона дала время подоспеть боярам, которые избавили польских дам от дальнейших оскорблений и грабежа черни. Благодаря своему небольшому росту и худобе, Марина спряталась под юбку своей старой толстой гофмейстерины. На вопрос бояр, куда девался царь, женщины отвечали незнанием, а относительно царицы гофмейстерина сказала, что она успела уйти в дом своего отца воеводы. Бояре оставили в покое старуху; но молодых полек разделили между собою и отослали в свои дома (где — по словам одного иностранца — будто бы через год они сделались матерями). В эту минуту пришло известие, что Самозванец найден, и бояре поспешили уйти.

Стрельцы, стоявшие на карауле у Чертольских (Пречистенских) ворот, услыхали стоны Самозванца, находившегося в бессознательном состоянии; подбежали к нему, отлили его водою и положили поблизости на каменный фундамент дворца. Придя в себя, он взмолился о защите; причем обещал отдать им в награду жен и поместья бояр. Стрельцы решились его оборонять, и, когда подошли мятежники, то встретили их выстрелами, так что некоторых положили на месте. Толпа остановилась. Тут подошли бояре и, видя упорство караула, закричали: «Пойдем в Стрелецкую слободу; перебьем всех жен и детей этих негодяев, если они не хотят нам выдать плута и обманщика!» Стрельцы смутились и отошли в сторону. Несчастного лжецаря схватили и внесли в нижний этаж дворца. Толпа принялась его бить и издеваться над ним. «Говори, такой-сякой, кто ты родом и кто твой отец?» Самозванец отвечал: пусть спросят его мать или пусть выведут его на Лобное место и там он все скажет народу.

Очевидно, он хватался за соломинку и думал выиграть несколько лишних минут для своего спасения. Но заговорщики, в особенности Шуйский, понимали всю опасность дальнейшего замедления; ибо народная масса, все еще неразобравшая, в чем дело, и в большинстве думавшая, что она восстала только против поляков, легко могла поддаться испытанному обаянию его слова и стать на защиту лжецаря. Пришел князь Голицын и объявил, что царица-инокиня отрекается от него и называет своим сыном того, кто убитый лежит в Угличе. Тогда из толпы вышли два боярских сына, Иван Воейков и Григорий Валуев, с ружьями. «Что еще толковать с еретиком! Вот я благословлю этого польского свистуна!» С этими словами Валуев и товарищ его выстрелили Самозванцу в упор; другие бросились колоть его ножами и рубить саблями. Надвигавший со всех сторон народ во время предшествующей сцены не мог за теснотою проникнуть внутрь дворца и спрашивал, что такое говорит Димитрий; ему отвечали, что тот винится в своем самозванстве. Обезображенный его труп сбросили с крыльца на труп Басманова со словами: «Ты любил его живого, не расставайся и с мертвым!» Потом их обоих потащили на Красную площадь.

Проходя мимо Вознесенского монастыря, толпа остановилась и послала спросить царицу-инокиню Марфу: точно ли убитый ее сын? Говорят, она ответила: «Об этом надобно было спрашивать, пока он еще был жив; а теперь он уже не мой». По другому свидетельству, она прямо объявила, что это не ее сын. Вообще равнодушием; которое в это утро Марфа обнаружила к участи названого Димитрия, она достаточно ясно подтвердила, что этот человек был ей совершенно чужой. По всей вероятности, своим поведением, неуважением к Церкви и дружбою с поляками он окончательно ей опротивел, и весьма возможно, что князь Шуйский успел заручиться ее молчаливым согласием на бунт.

Все утро, как в Кремле и Китай-городе, так и в других местах, где только находились поляки, кипел бой и совершались дикие сцены убийства и грабежа при беспрерывном звоне колоколов и неистовых криках толпы. Везде поляки, захваченные врасплох, гибли под ударами разъяренной черни и подергались совершенному ограблению. Одни из них

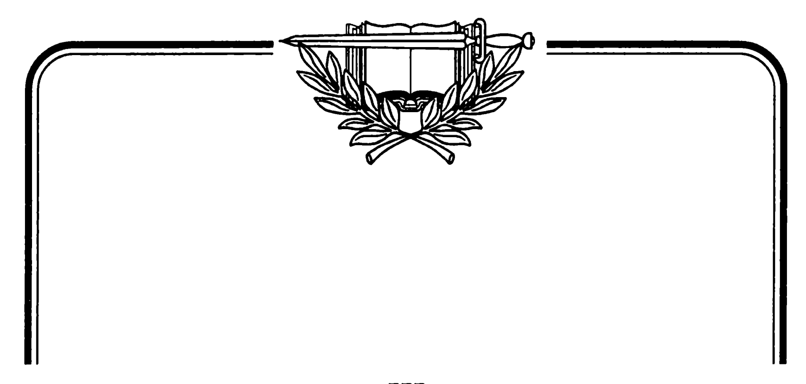
отчаянно защищались, другие вступали в переговоры и соглашались выдать оружие под условием пощады, но большею частию потом были вероломно умерщвляемы. Москвичи в этот день дали полную волю своей злобе, накипевшей против иноземцев, и уподобились кровожадным зверям, согласно с своей славянской природой, добродушной в мирном житейском быту и способной к страшному ожесточению в минуту борьбы и расправы. Между прочим, народная ярость обрушилась на несчастных, ни в чем не повинных польских музыкантов, которых было избито несколько десятков человек. По-видимому, музыка, сопровождавшая пиры и потехи Самозванца с поляками, сделалась особенно ненавистна народу. Наибольшее количество поляков погибло на Никитской улице, где была размещена свита Марины. Там же, где они успевали собраться в значительные группы или где были расположены отрядами, как люди хорошо вооруженные, искусные в военном деле и движимые отчаянием, оборонялись успешно. Воевода Сендомирский, занимавший с своею свитою дом Годунова в Кремле по соседству с дворцом, запер у себя все входы и приготовил своих слуг к обороне; но его спасли сами бояре; они не замедлили приставить к нему стрелецкую стражу, которая обороняла его от нападения черни. Сын воеводы староста Саноцкий, стоявший в другом доме, с своею свитою храбро оборонялся от черни, пока не подоспели бояре и также не спасли его. Польские послы Олесницкий и Гонсевский, занимавшие с целым отрядом Посольский двор, изготовились было к отчаянной обороне; но московский народ уважил их достоинство послов и оставил их в покое; к тому же для их охраны было прислано 500 стрельцов. Многие поляки из соседних местностей успели пробраться к ним на Посольский двор и тем спаслись.

Особенно ожесточенный бой кипел на окраине города около того дома, где стоял князь Константин Вишневецкий с своими двумя сотнями жолнеров. Они метко отстреливались от штурмующей черни и многих из нее положили на месте. Москвичи притащили пушку; но неискусный пушкарь навел ее так низко, что ядро попало в собственную их толпу и вырвало из нее целую улицу. И тут бой прекратился толь-

ко тогда, когда явился сам князь Шуйский и уговорил Вишневецкого сдаться, поклявшись в его сохранности. Шуйскому помогали князь Мстиславский, Иван Никитич Романов, Шереметев, князь Ромодановский и некоторые другие бояре, которые, разъезжая по городу, старались везде прекратить кровопролитие и успокоить народ. После полудня наконец им удалось это сделать, и кровь перестала литься. Страшный шум и крики мало-помалу сменились на улицах мертвою тишиною, и только валявшиеся повсюду трупы свидетельствовали о недавней отчаянной резне. Трудно определить количество жертв, по причине самых разноречивых показаний. Приблизительно число убитых поляков простиралось до 2000, да и русских пало по крайней мере половина сего числа. Дня два лежали трупы; псы терзали их; площадные лекаря вырезывали из них жир. Наконец бояре велели убирать мертвых; их относили в загородные убогие дома, там копали ямы и наскоро погребали. В числе убитых поляков оказались и другие иноземцы. Между прочими погибли несколько немецких купцов и ювелиров, которые, по приглашению Самозванца, с дорогими товарами прибыли в Москву, в надежде на большую прибыль. Иные немецкие купцы успели спастись, но вследствие грабежа черни потеряли свои товары и понесли большие убытки.

Народная масса, поклоняющаяся всякому, особенно чрезвычайному успеху, как известно, с переменою счастья быстро меняет свои чувства. Еще накануне бояре опасались народной преданности Лжедимитрию; а теперь его обезображенный труп лежал на площади на небольшом столе (около него на земле распростерт был труп Басманова), и неразумная чернь вволю издевалась над ним как над расстригою и еретиком. Одни положили ему на грудь грязную маску, говоря: «Вот твой бог!» Найденные во дворце маски простолюдины сочли за изображение каких-то богов. Другие совали ему в рот дудку со словами: «Долго мы тебя тешили, теперь сам нас позабавь»; третьи вонзали в него свои ножи или секли его плетьми, приговаривая: «Сгубил ты наше царство и разорил казну!» Но некоторые богобоязливые люди плакали, смотря на такое поругание. По прошествии трех дней, когда весь народ ясно мог убедиться в смерти Самозванца,

его отвезли за Серпуховские ворота и зарыли в убогом доме. (Басманова выпросили родственники и честно погребли у храма Николы Мокрого.) Но в народе появились слухи о каких-то знамениях над его могилою; а тут еще внезапный мороз повредил полевые всходы. Суеверные люди объяснили такое явление тем, что убитый был чернокнижник и колдун. Известно, что Гришка Отрепьев с самого начала был объявлен чернокнижником; чем и объяснялась его необыкновенная удача. А против колдунов главным средством считался огонь; поэтому, спустя несколько дней труп вынули из могилы и сожгли его (по некоторым сказаниям в той самой подвижной крепости, которая называлась «адом»); а прах развеяли по полю. Некоторые известия прибавляют, что им зарядили пушку и выстрелили в ту сторону, откуда он пришел[8].



III

ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ И ЛЖЕДИМИТРИЙ II

Воцарение Василия Шуйского и необычная его присяга. — Коронование. — Перенесение мощей царевича Димитрия. — Пленные поляки. — Возобновление смуты в Северщине. — Иван Болотников. — Московская крамола. — Поражение мятежников под Москвою и осада их в Калуге. — Илейко Муромец-Лжепетр. — Тульская осада. — Сдача Болотникова и Лжепетра. — Вероятное происхождение второго Лжедимитрия. — Польская и казацкая ему помощь. — Ряд самозванцев. — Тушинские таборы, Рожинский и осада Москвы. — Мнишки в руках Тушинского вора. — Ян Сапега. — Московские перелеты. — Поведение русских изменников или воров. — Посылка Скопина-Шуйского в Новгород. — Псковский мятеж. — Отпадение многих городов от Василия Шуйского.

Когда прекратилась кровавая московская заутреня, тотчас сам собою представился неотложный вопрос о замещении праздного Московского престола.

Для решения сего вопроса Боярская дума хотела было разослать по городам призывные грамоты, чтобы собрать Великую земскую думу. Но Василий Шуйский не для того клал свою голову на плаху и поднял народный мятеж, чтобы терпеливо ждать земского избрания и предоставлять свободное поле для интриг своим соперникам, особенно князьям Голицыным. Он спешил ковать железо, пока оно горячо. На третий день, т.е. 19 мая, рано поутру собралась шумная толпа около Лобного места, бояре и духовенство вышли к ней и начали было говорить о созвании Великой земской думы для избрания царя, а до того времени предлагали поставить но-

вого патриарха. Но толпа закричала, что царь нужнее патриарха: надобно избрать царя, а он уже сам назначит, кому быть патриархом. Тут некоторые из бояр и дворян стали прямо указывать на князя Шуйского, посредством которого Бог избавил православный народ от еретика и расстриги. Толпа их поддержала и крикнула: «Да будет князь Василий Иванович царем и великим князем всея Руси!» Бояре и духовенство не посмели противоречить и стали поздравлять нового государя. Находившийся налицо в числе бояр Шуйский в сопровождении той же толпы с площади отправился в Успенский собор, чтобы принести благодарение Богу за свое избрание и немедленно принять присягу от бояр и думных людей. Но он не ограничился ее принятием от Боярской думы; а тут же сам дал необычную дотоле у московских самодержцев присягу в том, что без боярского приговора никого не будет осуждать на смертную казнь, и, если кто будет осужден, то у невинных его родственников и семьи имущества и животов не отнимать, доносов тайных не слушать и обвинителям давать очную ставку с обвиняемым.

На следующий день по городам посланы были известительные грамоты; в них сообщалось, во-первых, об избавлении от вора, еретика и расстриги Гришки Отрепьева, который хотел разорить Московское государство, искоренить православную веру и побить всех бояр и думных людей, и, во-вторых, об избрании на царство Василия Ивановича «всем освященным собором, боярами, дворянами, детьми боярскими и всякими людьми Московского государства», причем выставлялись его права на Российский престол как прямого потомка Александра Невского. К сим грамотам присоединены были не только обычные крестоцеловальные записи, по которым население должно присягать новому государю, но и записи с названною сейчас необычною присягою самого государя. Летописец говорит, будто бояре в Успенском соборе отговаривали от нее Шуйского, «потому что в Московском государстве того не повелося», но он их не послушал. Может быть, некоторые бояре или по родственным связям, или просто для виду отговаривали его; но если вспомнить известие о взаимном условии главных заговорщиков, то можем предполагать, что и эта присяга заранее была вменена в

обязанность тому, на кого падет избрание. В ней слишком ясно слышится желание бояр ограничить власть человека, вышедшего из их среды и оградить себя от возврата жестокой тирании Ивана Грозного и гибельной подозрительности Бориса Годунова. Это самоограничение царской власти, а еще более избрание царя одной Москвой без согласия всей земли (хотя в грамотах говорилось об избрании «всякими людьми Московского государства») возбудили неблагоприятные для Шуйского толки в народе и отчасти содействовали непрочности его престола. Впрочем, такая непрочность скорее объясняется другими трудными обстоятельствами времени, а также личными качествами. Напомним, что избрание Годунова Великою земскою думою не упрочило престол за его домом. Во всяком случае, по словам некоторых иностранцев, бояре при Шуйском более имели власти, чем сам царь.

1 июня происходило торжественное царское венчание в Успенском соборе с обычными обрядами. Его совершал митрополит новогородский Исидор, за отсутствием патриарха. Ставленник Самозванца Игнатий был низведен Василием Ивановичем с престола и заключен в Чудов монастырь; а прежний патриарх Иов хотя еще был жив, но совсем ослеп. Поэтому собор епископов 25 мая выбрал нового патриарха, именно казанского митрополита Гермогена, навлекшего на себя немилость Самозванца и сосланного им в свою епархию. Ко дню царского венчания нареченный патриарх еще не успел прибыть в Москву. Вопреки обычаю, это венчание не сопровождалось щедрыми наградами и милостями. Шуйский справедливо указывал на то, что безмерная расточительность ложного Димитрия совершенно истощила царскую казну; тем не менее служилый класс остался недоволен и обвинял нового царя в скупости и неблагодарности. Кроме того, Василий Иванович сделал следующую важную ошибку: тех бояр, дьяков и дворян, которые были известны преданностию Самозванцу, он поспешил удалить из Москвы, отправить их воеводами в дальние города, например: князя Василия Масальского в Корелу, Михаила Салтыкова в Иван-город, Богдана Бельского в Казань, Афанасия Власьева в Уфу, князя Григория Шаховского в Путивль, Андрея Телятевско-

го в Чернигов. Этою мерою он сам способствовал будущему отпадению от него многих областей. У некоторых дворян он даже отнял поместья и вотчины, чем явно нарушил помянутое обещание: никому не мстить за прежние обиды.

Однако были приняты и некоторые вполне благоразумные меры. Таковою в особенности является перенесение мощей царевича Димитрия Угличского.

Уже вместе с известительными и присяжными грамотами нового царя была разослана городам покаянная грамота от царицы инокини Марфы. Тут она рассказывала, как Самозванец прельстил ее признать его своим сыном; а настоящий ее сын, убитый, лежит у Угличе. Когда же пошел слух о том, будто названый царь Димитрий спасся во время погрома 17 мая и убежал из Москвы, царь Василий поспешил торжественно перевезти в столицу тело убиенного царевича. Для сего отправлены были в Углич из духовенства ростовский митрополит Филарет, астраханский архиепископ Феодосий, архимандриты Сергий Спасский и Авраамий Андроньевский, а из бояр князь Иван Мих. Воротынский, Петр Никитич Шереметев и двое Нагих. Они отписали в Москву, что нашли мощи благоверного царевича Димитрия в целости, только в некоторых местах немного повредились; на нем жемчужное ожерелье, кафтан, камчатная шитая золотом и серебром рубашка и тафтяной, также шитый золотом и серебром, убрус в левой руке, а в правой горсть орехов, которыми он тешился, когда его убили. 3 июня привезли мощи в Москву. Царь с инокиней Марфой, со всем освященным собором, с боярами и всем народом встретили их с крестным ходом и колокольным звоном у ворот Белого города и проводили в Архангельский собор, где положили в открытой раке, в приделе Ивана Предтечи. Тут в соборе царица-инокиня перед духовенством и боярами повинилась царю в том, что под угрозами мучительства и смерти так долго терпела обман Самозванца и просила ей тот поневольный грех простить. Царь и весь освященный собор Марфу простили, и молили Бога, чтобы Он ее душу от такого великого греха освободил. О всем том составлена была особая грамота и разослана в города; в ней сообщалось также, что поставленные в Архангельском соборе мощи святого отрока-мученика про-

явили обычные в таком случае чудеса, т.е. исцеление больных и расслабленных. Новоявленному мученику сочинены были стихиры и каноны и установлены церковные памяти. Сия новодворенная в Москве святыня несомненно подействовала на умы и воображение столичных жителей, и вообще немало способствовала успеху последующей обороны москвичей от второго Лжедимитрия.

Меж тем правительство царя Василия Ивановича озабочено было вопросом, что делать с поляками, оставшимися в живых от погрома. Решено было из них до 700 человек, простых и незнатных, отпустить в отечество; а знатных людей с частью их свиты удержать в Москве в качестве заложников на случай отместки со стороны Польши. Точно так же царь и бояре не соглашались отпустить королевских послов Олесницкого и Гонсевского, несмотря на их настойчивые просьбы. Послов со свитою оставили в столице; тогда как других знатных поляков разослали по городам. Князя Вишневецкого с его людьми отправили в Кострому, Стадницких с некоторыми панами в Ростов, а потом в Вологду и Белоозеро, пана Тарла с иными в Тверь, Казановского в Устюг; а Юрия Мнишка с дочерью Мариною, с братом, сыном и со свитою, простиравшеюся до 375 человек, послали в Ярославль под прикрытием 300 стрельцов. В городах пленные поляки строго охранялись стражею и жителями под надзором приставов. В то же время Шуйский отправил князя Волконского и дьяка Иванова к польскому королю с известием о своем восшествии на престол, с жалобою на помощь, оказанную Речью Посполитою Самозванцу вопреки договорам, и с извинениями в том, что многие поляки, возбудив своим поведением против себя народ, пали жертвою мятежа. В Москве опасались, конечно, жестокой мести со стороны Польши. Но там происходили тогда собственные внутренние смуты: начался известный рокош или бунт краковского воеводы Зебжидовского и литовского магната Януша Радивила; этот рокош на время отвлек внимание короля от прямого вмешательства в московские дела. Сигизмунд ограничился пока выражением неудовольствия на избиение поляков и задержание польских послов, и с своей стороны также задержал русское посольство[9].

Народное движение против Шуйского началось там же, где оно разразилось и против Годунова, т.е. на Северской украйне.

Уже спустя несколько дней после кровавой московской заутрени, стал распространяться и волновать москвичей слух, будто названый Димитрий вновь спасся от смерти и опять убежал в Литву. Первым виновником сего слуха считается известный клеврет Самозванца Михаил Молчанов, который утром 17 мая с двумя поляками взял лучших скакунов из царской конюшни и погнал к Литовской границе, распуская на пути слух о спасении Димитрия, а местами принимая на себя его имя. Он укрылся в Самбор к супруге Юрия Мнишка. Главным зачинщиком новой смуты явился князь Григорий Шаховской, которого царь Василий послал воеводою в Путивль, повидимому, не подозревая в нем одного из тайных своих врагов и завистников. Шаховской собрал жителей Путивля и объявил им, что Димитрий жив и пока скрывается от убийц, посланных Шуйским. Если в самой Москве, видевшей труп убитого Самозванца, слух о его спасении находил многих доверчивых людей, то естественно, что в областях он принимался с гораздо большим доверием, а в особенности в Северщине: она гордилась тем, что недавно поставила царя на Москве и сохраняла преданность Лжедимитрию, а потому крайне была недовольна известием о его убиении.

Путивляне первые отложились от Василия Шуйского и подняли знамя мятежа. Их примеру быстро последовали другие северские города, т.е. Моравск, Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, Кромы. Подобно князю Шаховскому, весьма деятельное участие в этом мятеже принял князь Андрей Телятевский, воевода Черниговский. Мятежники, однако, потребовали, чтобы спасшийся Димитрий явился среди них. Зачинщики находились в затруднении. Шаховской звал Молчанова; но тот не решился взять на себя эту роль, с одной стороны опасаясь участи Самозванца, с другой имея в виду, что многим москвичам он был очень хорошо известен; следовательно, обман вышел бы слишком явный. Зато Молчанов же, как говорят, нашел человека, который скоро сумел придать восстанию широкий и грозный характер. Это был Иван Болотников.

Холоп князя Телятевского, обладавший отважным духом и богатырским сложением, Болотников в юности был взят в плен татарами, которые продали его туркам; у последних он в оковах работал на галерах; потом как-то освободился и попал в Венецию. Оттуда он пробрался в отечество и дорогою остановился в Польше, где узнал о московских событиях последнего времени. Услыхав, будто Димитрий спасся бегством из Москвы и живет в Самборе, Болотников явился сюда и, не зная в лицо убитого Самозванца, легко принял Молчанова за Димитрия и предложил ему свои услуги. Молчанов, играя перед ним роль Димитрия, взял с него присягу в верной службе, назначил его своим главным воеводою, дал денег и отправил с письмом в Путивль к князю Шаховскому. Последний принял его с почетом и вверил ему начальством над мятежной ратью. Вскоре удачными действиями он оправдал доверие, и восстание пошло еще быстрее. К Северской уже присоединилась южная или Тульская украйна с городами Тула, Серпухов, Кашира, Венев; особенно важно было для мятежников отложение от Шуйского города Ельца, где Самозванец успел собрать большие военные запасы для задуманной им войны с татарами и турками. На Тульской украйне во главе мятежников стал боярский сын Истома Пашков. За нею, во имя мнимого Димитрия, поднялась Рязанская область, которая еще помнила о своей самобытности и соперничестве с Москвою. Здесь предводителями мятежников явились дворяне Сумбулов и братья Ляпуновы. За рязанцами встала часть Поволжья. Там особенно сильный мятеж разразился в Астрахани, где главою восстания сделался сам воевода князь Иван Дмитриевич Хворостинин; а дьяк Афанасий Карпов, пытавшийся усовестить мятежников, был умерщвлен с некоторыми лучшими людьми. Возмутилась Мордва, и, соединясь со скопищем русских крестьян, осадила Нижний. Возмутились земли Вятская и Пермская.

В самой Москве слухи о спасении Димитрия вызывали сильное волнение в умах черни; в то же время против Шуйского стала действовать крамола его соперников, как прежде против Годунова и Лжедимитрия. Однажды на воротах некоторых бояр, а также иностранцев появилась надпись, что царь отдает народу на разграбление дома сих изменников.

Около них стала собираться буйная толпа, которую с трудом разогнали. В другой раз кто-то созвал чернь перед дворцом под предлогом, что царь хочет говорить с народом. Выходя из дворца к обедне, Шуйский увидал эту толпу, и, узнав, в чем дело, начал плакать и укорять окружавших его бояр в том, что они строят против него ковы и хотят низвести его с престола. В порыве негодования он даже снял с себя царскую шапку и вместе с посохом отдал ее близ стоявшим, восклицая: «Если я неугоден, выбирайте другого!» Однако тотчас опомнился и, взяв обратно знаки власти, сказал с горечью: «Мне уж надоели эти козни. Если почитаете меня царем, то накажите виновных». Все окружающие стали уверять его в своей преданности. Чернь опять разогнали; причем схватили пятерых крикунов, которых потом били кнутом на площади и сослали. Однако крамолы не прекратились; а волнение умов еще усилилось при появлении подметных писем, которые именем спасшегося Димитрия угрожали москвичам местью за их измену своему государю. Бояре, посланные во главе царских войск против мятежников, действовали вяло и показывали мало усердия сражаться за Шуйского. Это обстоятельство также способствовало первым успехам мятежников, как и прежде при Годунове. А именно, князья Трубецкой, Барятинский и Воротынский, отряженные еще в начале восстания и не наблюдавшие никакой связи друг с другом, потерпели полную неудачу. Первый, осадивший Кромы, был разбит Болотниковым; а Воротынский, стоявший под Ельцом, услыхав об отступлении и рассеянии полков Трубецкого, тоже отступил; его дворяне и дети боярские на пути также стали разъезжаться по домам. Эти неудачи царских воевод собственно и ускорили помянутое выше широкое распространение мятежа.

Болотников усердно рассылал всюду грамоты, в которых именем царя Димитрия обещал холопам и крестьянам вольность и разрешал им грабеж богатых людей. Поэтому чернь везде охотно к нему приставала и толпы его быстро росли; а когда с ним соединились отряды Пашкова и мятежных рязанцев, он очутился во главе многочисленной рати, которую смело повел прямо на Москву. Царские воеводы пытались загородить ему дорогу. Но только юный племянник Василия

Михаил Скопин-Шуйский имел удачную стычку с отрядом мятежников на берегах Пахры; а в главной битве, у села Троицкого, московское войско под начальством князя Мстиславского потерпело решительное поражение. В октябре 1607 года Болотников расположился станом и укрепился острогом в селе Коломенском, в семи верстах от столицы, которую и начал держать в осаде. Московские власти поспешили расставить на стенах тяжелые орудия и сделали все приготовления к обороне; составили списки всем молодым людям старше 16 лет и вооружили их; послали просить помощи во все города, а московское население вновь привели к присяге на верность царю Василию. Часть войска расположилась вне стен подле Данилова монастыря в укрепленном обозе. Пытаясь возмутить жителей против Шуйского, Болотников, по своему обычаю, обратился к московской черни с подметными листами, в которых приказывал холопам побивать своих бояр, а их имение и жен брать себе, гостей и торговых людей грабить; призывал их также в свое ополчение, обещая отличившихся награждать боярством, воеводством и другими высшими званиями. Но это наглое обращение к самым низким страстям и побуждениям сильно возбудило домовитую часть населения; оно поняло, что от мятежников, в случае их успеха, никакой пощады ожидать нельзя и потому решило мужественно обороняться. Те же подметные листы подорвали сочувствие к Болотникову у многих соединившихся с ним дворян и детей боярских. Они с омерзением увидали себя в товариществе с ворами, разбойниками, беглыми холопами и воровскими казаками, которые объявляли войну не Шуйскому только, но даже таким священным началам, как общественный порядок, семья и собственность. А между тем, хотя все распоряжения шли от имени спасшегося и будто бы законного государя, Димитрий все еще не появлялся.

Первыми отложились от Болотникова Сумбулов и Ляпунов с своими рязанцами. Они ушли в столицу и били челом о прощении Василию Ивановичу. Чтобы привлечь и других мятежников, царь принял их ласково, а Ляпунова даже наградил званием думного дворянина. В то же время некоторые северные и западные области, которые остались верны-

ми царю Василию, отозвались на его призыв и прислали ему ратных людей на помощь; между прочим, пришли дружины стрельцов и даточных людей из Холмогор с Северной Двины и из Смоленска. Тогда московские власти ободрились, решили выйти в поле и всеми силами сразиться с неприятелем. Чтобы укрепить дух войска, по желанию царя, патриарх Гермоген соборне служил молебен у гробницы царевича Димитрия, освятил воду и окропил ею ратных людей; после чего взяли покров с гробницы и в торжественной процессии понесли его к Калужским воротам. Сам царь сел на коня и со скипетром в руке, окруженный воеводами, выехал в поле. Войско действительно одушевилось и храбро вступило в бой с полчищами Болотникова у деревни Котлов, 2 декабря. Несмотря на отчаянное сопротивление, мятежники были разбиты; из главных московских воевод особенно отличился здесь царский племянник Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Победе московитян много помогло то обстоятельство, что во время боя Истома Пашков со своим отрядом перешел на сторону Шуйского; присоединяясь к мятежникам, он надеялся играть первую роль и очень неохотно принужден был уступить ее Болотникову. Пашков и его товарищи с клятвами начали уверять москвичей, что никакого Димитрия они не видели, что их обманывали и что Димитрий, конечно, убит. Это уверение подействовало, и многие, сомневавшиеся в смерти Димитрия, укрепились в верности Василию.

Болотников заперся в своем Коломенском остроге; целые три дня царские воеводы тщетно пытались разбить его пушечными снарядами и зажечь калеными ядрами. Как при осаде Кром, казаки и холопы укрывались от падавших снарядов в землянках, а каленые ядра тушили мокрыми кожами. Наконец воеводы устроили ядра с какою-то хитростию («с некоею мудростию») и зажгли острог. Тогда мятежники покинули его и побежали; причем множество их было отчасти избито, отчасти взято в плен. С остатками своих полчищ Болотников удалился в Калугу; а часть их заперлась в Веневе и Туле. Захваченные в плен мятежники наполнили собою все московские тюрьмы, так что не было более места, куда их девать. Царские воеводы двинулись вслед за уходивши-

ми толпами. Во время их отступления часть казаков засела в деревне Заборье (под Серпуховом), окружила себя тройным рядом саней, наполненных снегом, политым водою, и отчаянно оборонялась за этим ледяным укреплением. Однако Скопин-Шуйский принудил их наконец сдаться под условием пощады. Добровольно сдавшихся Шуйский велел щадить; а взятых с оружием в руках предавал казни. Один иноземец говорит, что на Москве их ежедневно топили сотнями. Это обстоятельство заставляло мятежников оказывать самое отчаянное сопротивление; так что многие из них предпочитали взорвать себя на воздух, а не сдаваться. Отсюда междоусобие приобретало все более и более ожесточенный характер.

После поражения Болотникова некоторые отпавшие области начали возвращаться к покорности царю Василию. По обычаю своему, он спешил новыми церковными торжествами и напоминаниями о Самозванце произвести впечатление на народ и тем подкрепить свой колеблющийся престол. Во-первых, он велел тела Бориса Годунова, его жены и сына вынуть из могил у Варсонофьевского монастыря, торжественно перенести в Троицкую Лавру и там похоронить с царским великолепием. Во время погребального шествия за гробом своих родителей и брата ехала несчастная царевна-инокиня Ксения в закрытых санях, со слезами и обычными причитаниями. Во-вторых, Василий Иванович вызвал из Старицы в Москву слепого престарелого патриарха Иова. В Успенском соборе после молебна подана была ему челобитная от торговых людей и черного народа с просьбою разрешить им клятвопреступление перед Борисом и Федором Годуновыми, которым они изменили ради Самозванца. На это челобитье от имени обоих патриархов, Иова и Гермогена, читана была грамота, в которой снова повторялось сказание о убиении царевича Димитрия, воцарении Годунова, пришествии Лжедимитрия и его злодеяниях, а в заключение патриархи прощали и разрешали народу грех его клятвопреступления. Нельзя сказать, чтобы подобные торжества с участием архипастырей и всего освященного собора не действовали на умы набожных москвичей. Но они слишком мало отражались в областях, где партия мятежников или «во-

ров» — как их тогда называли московские грамоты — в это время снова усилилась. Осада Калуги, в которой заперся Болотников, затянулась. Чтобы избавиться от опасного врага, Василий Шуйский был не прочь прибегнуть к чрезвычайной мере, несогласной с его царским достоинством. Он принял предложение лекаря-немца Фидлера отравить предводителя воровских шаек; взял с него страшную клятву, дал ему коня и 100 талеров, обещая щедрые награды в случае успеха. А Фидлер, прибыв в Калугу, все открыл Болотникову.

Царским войском, осаждавшим этот город, начальствовал князь Мстиславский, а в товарищах у него был князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Видя безуспешное действие пушек и мортир, воеводы придумали устроить примет, которым надеялись зажечь деревянные городские стены. Для сего они велели сложить целый вал из дров и хворосту; а затем, перебрасывая дрова вперед, осаждающие постепенно придвигали вал к стенам, причем сами находились под его же прикрытием. Но из царского войска были частые перебежчики, которые извещали обо всем Болотникова, и тот принял свои меры. Он сделал подкопы, с помощью их взорвал ближайшую часть вала и зажег его; а так как в это время ветер подул в сторону осаждающих, то, пользуясь их смятением от дыма и пламени, Болотников сделал вылазку и побил много людей. Однако осада продолжалась, и в городе открылась сильная нужда в съестных припасах. В таком отчаянном положении Болотников послал в Путивль к князю Шаховскому с новою просьбою о немедленной помощи. Шаховской уже не раз подкреплял воров; теперь же, не имея более готовой силы у себя под руками, нашел ее в другом месте: он отправил гонца звать так называемого Лжепетра с его казаками.

Еще в царствование Лжедимитрия I, и по его примеру, среди терских казаков появился самозванец, принявший на себя имя небывалого царевича Петра. Они сочинили басню о том, что у царя Федора Ивановича родился сын Петр, которого верные бояре подменили дочерью и тайно воспитали, опасаясь козней Бориса Годунова. По выбору товарищей, хотевших подобно донским казакам воспользоваться смутою и поживиться на счет Московского государства, эту роль

Лжепетра принял на себя молодой казак Илейка, родом из Мурома. Он послал грамоту о себе Лжедимитрию, которого называл своим дядею. Тот отвечал ласково и приглашал его в Москву, где, конечно, готовил ему западню. Лжепетр с большою толпою казаков поплыл вверх по Волге и уже был за Свияжском, когда получил известие о гибели мнимого дяди. Тогда казаки повернули назад и дорогою занялись разбоем и грабежами. Потом они ушли на Дон, где и зазимовали. Тут нашли их посланцы Шаховского. Лжепетр немедленно отправился в Путивль во главе полчища, состоявшего из казаков терских, донских и волжских; потом к нему присоединились еще запорожцы; так что у него оказалось войска более 10 000 человек. По дороге этот казацкий Самозванец взял и разграбил несколько городов, в том числе Царев-Борисов; причем зверски замучил некоторых попавших в его руки воевод и дворян, например, Михаила Сабурова, князей Приимкова Ростовского, Щербатова, Долгорукова и других. А князя Андрея Бахтеярова, бывшего прежде путивльским воеводою, он не только убил, но и опозорил его боярскую честь, взяв его дочь себе в наложницы. В Путивле он соединился с князем Шаховским, и отсюда они двинулись в Тулу, а на помощь Болотникову отрядили часть войска под начальством князя Телятевского. Услыхав о том, Мстиславский из-под Калуги навстречу Телятевскому выслал князей Татева и Черкасского с 17 000 человек. На речке Пчельне они сразились с ворами, но пали в битве, а полки их обратились в бегство. Прибыв под Калугу, беглецы эти распространили смятение в царском войске. Болотников воспользовался минутою, сделал отчаянную вылазку и нанес поражение осаждавшей рати; часть ее перешла на сторону мятежников. Только мужество Скопина-Шуйского и Истомы Пашкова спасло ее от совершенного разгрома; покинув тяжелые орудия и съестные запасы, она отступила к Боровску. Это происходило весною 1607 года.

Болотников из Калуги двинулся к Туле; соединился с Лжепетром и снова готовился идти на Москву. Ввиду такой опасности царь Василий обнаружил на сей раз необычную ему решимость и воинственную предприимчивость. Он объявил, что сам выступает против воров, и разослал всюду

грамоты с строгими приказами о сборе служилых и даточных людей. Монастырские и церковные вотчины также долженствовали выставить ратников. Патриарх приказал во всех храмах служить молебны об успехе царского оружия, а Болотникова, Самозванца и их сообщников торжественно предавать проклятию. Из Москвы одушевление распространилось в областях; немало также действовал страх за имущество и общественный порядок, угрожаемые разбойничьими полчищами. Царь Василий лично выступил в походе во главе почти стотысячного ополчения. Передовой полк его под начальством князей Голицына и Лыкова недалеко от Каширы на речке Восме встретился с передовым отрядом воров, предводителем которого был Телятевский, и разбил его наголову; в этой битве отличился Прокопий Ляпунов с своими рязанцами. Царские войска двинулись прямо на Тулу, и в конце июня обступили этот город, в котором засели все главные вожаки мятежников, т.е. Болотников, Лжепетр, Шаховской и Телятевский, имея 20 000 отборных казаков и других ратников с большим количеством военных и съестных запасов.

Руководимые и одушевляемые Болотниковым, осажденные оборонялись долго и упорно. Когда же обнаружился недостаток продовольствия, они порезали коней и всех животных, ели кошек и всякую падаль, но не хотели и слышать о сдаче. Царская рать начинала уже терять надежду на взятие города и стала падать духом. Открылись побеги и отъезды. Между прочими, служилые татарские князья Петр и Александр Урусовы со многими мурзами покинули царский стан и уехали в Крым. Из Северской украйны приходили вести, что там собирается новая туча в лице второго Лжедимитрия, который готовился идти на выручку Тулы.

Вдруг неожиданное обстоятельство помогло Василию.

Некто муромский боярский сын Фома Сумин-Кровков посредством разрядного дьяка подал царю челобитную, в которой просил дать ему посохи, обещая запрудить реку Упу и потопить город Тулу. Его предложение сначала вызвало насмешки, однако было принято. Он велел каждому ратнику принести по мешку или плетенке с землею; затем отобрал людей, знающих мельничное дело, и начал из земли, дерева,

хворосту и соломы строить плотину, чтобы перегородить реку Упу ниже города, расположенного на ее низменных берегах. По мере изготовления плотины, вода стала подниматься, проникла в острог, а потом и в город. Наконец самые дворы были затоплены, немногие остававшиеся запасы продовольствия погибли и все тайные подвозы прекратились. В Туле настал голод. Тульские «сидельцы» постепенно начали выходить и бить челом Василию о прощении. Наконец на самый праздник Покрова Богородицы, 1 октября, все туляне сдались, выговорив себе общее помилование, которое царь обещал им под присягою. Иноземцы рассказывают, что Болотников подъехал к царской ставке, сошел с коня, положил саблю себе на шею, и, ударив в землю челом, сказал Василию: «Я исполнил свою клятву и верно служил тому, кто называет себя Димитрием; но он меня выдал, и теперь я в твоей власти. Если хочешь моей головы, вели ее отрубить; а если оставишь мне жизнь, то я буду служить тебе так же верно». Василий Иванович, по-видимому, не придал значения этим словам; да и трудно было тогда доверять подобным людям; притом бояре и дворяне посмотрели бы очень косо на помилование человека, заявившего себя их злейшим врагом. Болотников, Илейка Муромец, казачий атаман Нагиба и несколько десятков взятых с ними немцев были под стражею отправлены в Москву. Здесь Илейку повесили. Болотникова послали в Каргополь и там его утопили. А пленных немцев (в том числе помянутого лекаря Фидлера) сослали в Сибирь. Но князья Телятевский и Шаховской как знатные люди были пощажены. Последний — по летописному выражению «всей крови заводчик» — воспользовался тем, что перед сдачею Тулы воры посадили его в тюрьму за ложные обещания скорой помощи от Димитрия, и уверял Шуйского, будто пострадал за намерение ему покориться. Царь сделал вид, что поверил ему, и отправил его на Кубенское озеро в Каменную Пустынь.

По городам немедленно были разосланы царские грамоты с известием о великой победе над мятежниками и с приказанием читать эти грамоты в соборном храме, петь благодарственные молебны и производить трехдневный колокольный звон. Уже наступила глубокая осень. Покончив с долгой

и трудной осадой, Шуйский распустил по домам большую часть утомленного войска и воротился в Москву, куда въехал торжественно, при колокольном звоне, в колеснице, обитой красным сукном и запряженной четырьмя белыми конями. Отсюда он ездил в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы принести св. Угоднику благодарственную молитву за тульскую победу и просить его заступления против других грозивших врагов. В следующий затем мясоед, в январе месяце, пятидесятилетний невзрачный и подслеповатый царь Василий, по благословению патриарха Гермогена, сочетался браком с княжною Марьей Петровной Буйносовой-Ростовской, с которою был помолвлен еще при Лжедимитрии I: он надеялся получить от нее наследника престолу и таким образом упрочить свою династию [10].

Во время Тульской осады на сцену действия выступил наконец и второй Лжедимитрий, именем которого действовали Шаховской, Болотников и другие вожаки восстания Северской и Южной украйны против Василия Шуйского.

Второй Лжедимитрий объявился приблизительно в том же краю, где и первый, только не по ту сторону московско-литовского рубежа, а по сю, т.е. в московских пределах, именно в Стародубе-Северском. Край сей в то время признавал своим царем не Василия Шуйского, а мнимоспасшегося Лжедимитрия; следовательно, принявшему на себя его имя уже не было нужды объявляться за литовским рубежом. Так как проживавший в Самборе у жены Юрия Мнишка Молчанов сам отказался взять на себя эту опасную роль или был найден для нее непригодным, то приятелям и родственникам сей фамилии пришлось употребить довольно много времени, чтобы отыскать и подготовить другое лицо. Вопрос о том, кто был второй Самозванец и кто его выдвинул, представляется еще более темным, чем вопрос о первом Самозванце. Но мы едва ли будем далеки от истины, если предположим, что и тут орудовала приблизительно та же польская интрига и почти те же лица, как и в предыдущем случае. По всей вероятности, за отсутствием мужских представителей фамилии Мнишков и Константина Вишневецкого, находившихся в московском плену, действовали тот же родственник и тот же пособник, которые участвовали в создании первого Само-

званца, т.е. литовский канцлер Лев Сапега и Адам Вишневецкий, двоюродный брат Константина. Первый по-прежнему интриговал с ведома и тайного согласия короля, руководил делом через других, и, как увидим, косвенно обнаружил свое участие тем, что вскоре выставил своего двоюродного брата Яна Сапегу на главном театре действия; а второй, горевший нетерпением освободить брата и Мнишков или отомстить за них, лично привел свою дружину на помощь Самозванцу.

Относительно личности второго Лжедимитрия исторические источники приводят разные показания; но большинство их сводится к тому, что происхождением он был из Белоруссии и, по-видимому, попович. Зная польский язык, он, в противоположность первому Лжедимитрию, хорошо знал и русскую грамоту, и весь церковный круг. А некоторые известия считают его крещеным евреем, который был знаком с Талмудом и вообще с еврейскою письменностию. Одно такое известие прибавляет, что его звали Богданком, что он находился в числе слуг первого Лжедимитрия и был им употребляем для сочинения русских писем; поэтому знал многие его тайны; а после его гибели бежал обратно в Литовскую Русь. Здесь он проживал некоторое время в Могилеве. Священники в Западной Руси обыкновенно при своих церквах содержали маленькие школы для обучения детей грамоте. Такую школу в Могилеве имел протопоп церкви св. Николая; он нанял Богданка учителем в свою школу и обращался с ним по-приятельски. Но сластолюбивый наставник стал слишком назойливо ухаживать за женою протопопа; за что был больно наказан и прогнан. Он исчез из Могилева, скитался по разным местам, сидел даже в тюрьме по подозрению в шпионстве и потом вдруг объявился в Стародубе. По всей вероятности, в это именно время состоялось тайное соглашение его с агентами Мнишков, Вишневецких и Сапегов, т.е. тех польских и западнорусских панов, которые для своих целей искали преемника или заместителя первому Лжедимитрию. По наружности новый Самозванец хотя и мало походил на своего предшественника, однако несколько его напоминал; зато резко отличался от него своею неотесанностию, дурными манерами и грубым языком; впрочем,

не уступал ему наклонностию к распутству. Помянутые вельможи — покровители приставили к нему ментором шляхтича Меховецкого, который учил его хорошим манерам и собирал для него военную дружину. Меховецкий отправил Самозванца с несколькими агентами вперед в Стародуб; а сам выжидал, какой оборот примет его дело в Северщине. Стародуб, может быть, избрали потому, что первый Лжедимитрий, хорошо знакомый другим северским городам, по-видимому, не бывал в Стародубе, и следовательно, жителей его легче было обмануть человеку, принявшему то же имя.

Тут Самозванец сначала явился под видом московского боярина Нагого, дяди царя Димитрия; а товарищем при нем находился подьячий Алексей Рукин. Они распространяли слухи, что Димитрий жив и скоро придет в Северскую землю, в сопровождении пана Меховецкого и вооруженного отряда всадников. Когда же стародубцы, наскучив ожиданием (и может быть, направленные ловкими агентами), схватили их обоих и под пыткою начали расспрашивать Рукина, сей последний, как бы не стерпя пытки, указал на мнимого Нагого, говоря, что это и есть настоящий Димитрий. Стародубцы очень обрадовались, с торжеством отвели Самозванца в крепость и окружили его почестями. В это время в Стародубе же находился один из донских атаманов, Иван Мартынович Заруцкий, впоследствии занявший очень видное место между деятелями Смутной эпохи. Он был происхождением западнорусс (из Тарнополя) и, очевидно, православный по вере. Еще в детстве он был уведен пленником в Орду, вырос там и ушел оттуда к донским казакам. В качестве одного из их атаманов он прибыл на службу к первому Лжедимитрию; а после его смерти пристал к мятежным шайкам, воевавшим против Шуйского. Во время Тульской осады Заруцкого, как человека усердного и расторопного, Болотников послал разыскать Димитрия и поторопить его прибытием на помощь. Когда второй Лжедимитрий объявился народу, этот Заруцкий — разумеется, не случайно очутившийся в Стародубе, а действовавший по предварительному уговору — немедленно представился ему, подал письмо от тульских сидельцев и вообще признал его царем Димитрием. Вслед затем прибыл Меховецкий с несколькими навербован-

ными хоругвями польско-русской конницы. Собралось также несколько тысяч мятежников северян; ибо почти вся Северщина поспешила к нему пристать. Таким образом Самозванец очутился во главе значительной военной силы. Он выступил в поход и отправил под Тулу к царю Василию посланца с требованием уступить ему несправедливо захваченный престол. Любопытно, что посланец сей, принадлежавший к сословию боярских детей, прибыл в царский стан и уверял всех в истинности Димитрия; подверженный жестокой огненной пытке, он с твердостию принял смерть.

Лжедимитрий II взял Карачев, занял Брянск и Козельск; но высланные против него отряды остановили его успехи. Очевидно, он далеко не обладал воинственным пылом и удалью своего предшественника; притом поляки, хорошо зная его самозванство, относились к нему с пренебрежением, нередко бунтовали и грозили его покинуть. Меж тем Тула сдалась Василию. После некоторых движений и переходов Самозванец удалился в Орел, где стал ожидать подкреплений из Польши и Литвы. И действительно, вскоре прибыли к нему: Адам Вишневецкий с 2000 конницы, паны Тышкевич, Хмелевский, Будило, Зборовский, Веламовский, Руцкий, Казановский и многие другие. Около того времени в Польше окончился победою короля рокош, поднятый Зебжидовским и Радивилом; множество шляхтичей, принимавших в нем участие и теперь оставшихся без дела, скитались близ московских границ; почему легко было набирать из них военные отряды. Самый многочисленный отряд, в 4000 человек, привел Самозванцу западнорусский князь Роман Рожинский. Фамилия Рожинских была связана дружбою с фамилией Вишневецких, и князь Роман сохранял еще православие, так же как и князь Адам. Этот Роман Рожинский был человек храбрый, искусный в военном деле, но слишком преданный крепким напиткам. Он начал с того, что отнял предводительство польскими и западнорусскими дружинами у Меховецкого, а потом во время какой-то ссоры собственноручно его убил. Он заставил рыцарское коло выбрать себя гетманом и сделался главным руководителем Самозванца. Заруцкий отправился на Дон и привел несколько тысяч казаков. Пришли и запорожцы. Из казацких начальников вско-

ре выдвинулся западнорусский шляхтич Лисовский, который за участие в рокоше и другие проступки был осужден на банницию, т.е. изгнание из отечества [11].

Самозванство в то время на Руси вошло в какую-то моду; особенно пользовались им казаки как поводом для своих грабительских подвигов. После казни Лжепетра один за другим появлялись новые самозваные царевичи, так что число их дошло до десяти. Одни называли себя сыновьями Федора Ивановича, кто Федором, кто Клементьем, Савелием, Ерофеем и пр.; в Астрахани некто назвался Лаврентием, сыном царевича Ивана Ивановича; другой объявился там же и выдавал себя за Августа, сына самого Ивана Грозного от четвертой его супруги Анны Колтовской. Со Лжефедором казаки пришли было на помощь к Лжедимитрию II, когда тот стоял под Брянском. Однако последний не признал в нем своего племянника и приказал казнить. Также казнил он пришедших после самозванцев — Лаврентия и Августа. Тогда и другие подобные самозванцы вскоре исчезли бесследно.

Когда у Лжедимитрия II собралось большое войско из польских, казацких и северских дружин, он весною 1608 года стал готовиться к походу на Москву. Высланная против него рать находилась под начальством неспособного царского брата Димитрия Шуйского и тайного недоброжелателя Шуйских князя Василия Голицына. Под Болховом они потерпели поражение. После того, в мае месяце, Самозванец поспешно двинулся к столице. По примеру Болотникова он старался привлечь на свою сторону в особенности черный народ; а потому в своих грамотах разрешал крестьянам брать себе земли бояр, присягнувших Шуйскому, и даже силою жениться на их дочерях. Подобные грамоты производили действие в украйнных областях: крестьяне волновались, а дворяне и дети боярские покидали поместья и с своими семьями уезжали в Москву. Оставшись без служилых людей, области эти легко переходили в руки Самозванца, и ополчение его умножалось приливом черни. Зато столица наполнилась служилыми людьми, которые из чувства самосохранения решились стоять за Шуйского. Впрочем, изменники встречались даже в среде боярского сословия. Так в войске, которое стояло на берегах речки Незнани, на дороге между Калугою и Моск-

вою, под начальством Михаила Скопина-Шуйского и Ивана Никитича Романова, трое князей, Катырев, Троекуров и Трубецкой, подговаривали ратников к измене. Их схватили и отправили в Москву; но царь (согласно своей присяге при воцарении) опять не решился казнить знатных людей, а разослал по тюрьмам; казни подверглись только некоторые второстепенные начальники. В отношении же простых людей Василий Шуйский отнюдь не отличался милосердием: современники рассказывают о постоянных и многочисленных казнях попадавших в его руки русских ратников, сражавшихся за Самозванца; их без пощады вешали, а особенно много топили в Москве-реке. Весною после половодья на лугах и полях оставалась масса трупов, изведенных щуками и другими рыбами, покрытых раками и червями. Они разлагались и заражали воздух.

Самозванец или собственно Рожинский обошел войско Скопина-Шуйского, с Калужской дороги перешел на Волоколамскую и приблизился к Москве с северной стороны. Сначала он думал расположиться в селе Тайнинском, чтобы отрезать столицу от северных областей, остававшихся верными царю Василию; но увидал сам себя отрезанным от южных и западных украйн, откуда ожидал подвозов и подкреплений. Поэтому, после некоторых передвижений и мелких стычек, Рожинский подвинулся на запад и выбрал местом лагеря лежащее в 12 верстах от столицы село Тушино, то есть угол, образуемый рекой Москвой и ее левым притоком Сходнею. Самозванец велел свозить из окрестных деревень лес и строить жилища, копать рвы и насыпать валы, так что лагерь его скоро обратился в укрепленное предместье Москвы. У него было здесь семь или восемь тысяч отборного польско-литовского войска, тысяч десять казаков донских и запорожских, и несколько десятков тысяч всякого русского сброда. Меж тем, по царскому приказу, Скопин-Шуйский с своей трехполковою ратью пришел с берегов Незнани и расположился на Ходынском поле, т.е. между Тушином и Москвою; а сам царь Василий с дворовым полком и стрельцами стал у него в тылу на Ваганькове, здесь окопался и расставил вокруг наряд или орудия. В городе оставалось еще достаточное количество ратников для оборо-

ны стен, снабженных множеством пушек и пищалей. Вначале перевес сил, очевидно, был на стороне Шуйского; но слабая их сторона заключалась в шатости умов и склонности к изменам. Он не мог вполне на них полагаться; а потому прибег к переговорам.

Еще в предыдущем 1607 году Сигизмунд III отправил в Москву новое посольство с паном Витовским и князем Друцким-Соколинским во главе. Они должны были поздравить Шуйского с восшествием на престол, а главное, просить об отпуске как прежних послов, Олесницкого и Гонсевского, так и всех поляков, задержанных после убиения Лжедимитрия, в том числе Мнишков с их свитою. Сих последних Василий еще до прихода второго Самозванца велел из Ярославля перевести снова в Москву. По настоянию новых послов он дозволил им видеться не только с прежними послами, но и с Мнишками. Бояре завязали переговоры о мире; но обе стороны долго не могли сойтись в условиях. Приход Самозванца их ускорил. Василий даже позволил Рожинскому сноситься с польским посольством, надеясь, что по заключении мира поляки уйдут в отечество. Но он еще мало знал польское вероломство. Люди, приходившие от Рожинского к послам, тщательно высматривали состояние укреплений как в городе, так и в Ходынском стане, и начальник их не замедлил воспользоваться полученными сведениями. Московская рать сначала соблюдала все меры предосторожности; день и ночь бодрствовала неусыпная стража, доспехи и кони содержались наготове. Но мало-помалу бдительность ослабела, особенно вследствие толков о скором заключении мира. Тогда Рожинский однажды на заре ударил на сонный Ходынский стан, разгромил его, захватил обоз и много пушек. Но стоявший на Ваганькове царь выслал своим на помощь ближних людей, с собственными дворовыми отрядами, и те после жестокой битвы прогнали ляхов до речки Химки. Такое вероломство, однако, не помешало заключению договора, который состоялся на следующих главных условиях: в течение трех лет и одиннадцати месяцев соблюдается перемирие, во время которого будет преступлено к утверждению прочного мира; обе стороны остаются при том, чем владеют; князю Рожинскому и его товарищам немедленно воротиться в оте-

чество; воеводу Сендомирского и всех задержанных поляков освободить; Марине впредь не именовать себя московскою царицею и пр.

Василий поспешил исполнением договора, скрепленного обоюдною присягою; вместе с послами он отпустил Мнишков и других панов с их свитою под прикрытием отряда, которым начальствовал князь Владимир Долгорукий. Но поляки нисколько не думали исполнять договор. Никто из них не покинул Тушинского лагеря. Из него вышли 2000 конницы только для того, чтобы перехватить Мнишков на дороге в Литву. Этим отрядом начальствовали Александр Зборовский и Ян Стадницкий.

Чтобы избежать городов, перешедших на сторону Лжедимитрия II, поляков повезли не прямо на Смоленск, а кружным путем через Углич и Тверь. Целый месяц ехали они по местам пустынным, болотистым или до того лесистым, что дорогу иногда приходилось прокладывать топорами; причем путники терпели большой недостаток в продовольствии. Среди самих поляков существовало разногласие. Одни паны желали избежать встречи с тушинскими отрядами, чтобы поскорее воротиться на родину; они знали, что из Тушина разосланы были в западные города грамоты с приказанием задержать отпущенных из Москвы панов и литовских послов и посадить их под стражу. Другие, наоборот, втайне ожидали погони и желали попасть в руки тушинцев. Во главе последних стояли Мнишки и старший из первых послов, Олесницкий. Кончилось тем, что обе стороны заспорили между собою и разделились. Гонсевский и вторые послы с частию русского конвоя переправились через Волгу и потом благополучно достигли литовского рубежа; а Мнишки и Олесницкий нарочно замедлили свое движение и направились прямо на Смоленск. Русский конвой, ввиду многочисленной и вооруженной польской свиты, не решился действовать силою и также разделился. Недалеко от крепости Белой отряд Зборовского нагнал вторую партию поляков (по-видимому, имея от нее тайные уведомления); после небольшой стычки русский конвой рассеялся; Олесницкий и Мнишки со свитою попали в руки тушинцев. (Вторая половина августа 1608 года.)

В это самое время из Литвы вступил в пределы Московского государства известный своею воинскою отвагою Ян Петр Сапега, староста Усвятский, родственник литовского канцлера, по всей вероятности, подвигнутый его же внушениями. Он собрал до 7000 ратников и вел их на помощь Тушинскому вору (как прозвали его русские) или царику (как называли его поляки). Сей последний прислал литовскому искателю приключений обещание великих наград; только просил, чтобы он не позволял своим воинам грабить Московскую землю. Случайно Сапега стоял станом неподалеку от того места, где Зборовский захватил названную польскую партию. Узнав о том, Марина отдалась под покровительство Сапеги; он взял ее под свою охрану, и все вместе направились к Тушину. По дороге в местах, передавшихся Самозванцу, Марину встречали с почестями как свою царицу. Между Мнишками и Лжедимитрием II втайне завязались деятельные переговоры.

Доселе, вследствие разноречивых слухов, Марина еще могла мечтать о том, что, может быть, ее мужу действительно удалось как-нибудь спастись от смерти. Но теперь всякая надежда должна была исчезнуть. Возлюбленный супруг не только не спешил к ней на встречу, но стал присылать разных лиц, которые прямо потребовали от нее, чтобы она публично признала его своим мужем; нашлись и словоохотливые поляки, которые сообщили ей о нем разные неутешительные подробности. Женское чувство заговорило в честолюбивой польке, и она отвечала отказом. Сапега стоял около Тушина отдельным лагерем, и тут целую неделю тянулись переговоры с Самозванцем. Рожинский и сам Сапега уговаривали Марину уступить необходимости. Наконец прибегли к помощи старого Мнишки. Царик обещал ему выполнить обязательства своего предшественника, т.е. кроме большой суммы денег, отдать ему Северское княжество, когда утвердится на московском престоле. Старый интриган вновь продал свою дочь и убедил ее согласиться. Ему помог иезуит, уверив ее, что она должны жертвовать собою для блага Римской церкви. После того состоялась торжественная встреча ввиду всего войска. Марина преодолела свое отвращение к Тушинскому вору и бросилась ему в объятия. Тот

же иезуит тайно их обвенчал. При сем Марина выговорила условие, чтобы царик не пользовался супружескими правами, пока не завладеет Москвою; но это условие потом не было соблюдено. Юрий Мнишек, пожив несколько времени в Тушинском лагере, воротился в Польшу. Впоследствии, когда дело его нового зятя не подвигалось вперед и Сигизмунд III сам задумал поход в Московскую землю, Мнишек по требованию короля прекратил даже переписку с дочерью и, по-видимому, оставил ее на произвол судьбы; на что Марина горько жаловалась ему в своих письмах.

В то время как Тушинский вор осаждал Москву, в областях кипела борьба между его сторонниками и населением, оставшимся верным царю Василию. На Рязанскую землю царик еще до прихода своего под Москву послал Лисовского с толпою казаков и русских воров. Тот засел в Зарайске. Главный вождь рязанцев Прокопий Ляпунов незадолго до того был сильно ранен в ногу при осаде Пронка, который передался на сторону Самозванца. Поэтому в товарищах с рязанским воеводою князем Ив. Андр. Хованским на Лисовского вместо Прокопа пошел брат его Захар; но сей последний не владел его талантами, а отличался только буйным нравом и пьянством. Лисовский воспользовался неустройством рязанского ополчения и разбил его наголову. После того он напал на Коломну, взял ее приступом и разграбил. Отсюда он двинулся к Москве и соединился с Тушинским вором, имея под своим начальством до 30 000 человек разного сброда и ведя взятого им в плен коломенского епископа Иосифа, которого велел привязать к пушке. (Этот Иосиф вместе с Гермогеном не одобрял брака первого Самозванца с Мариной.) В Москве решили помешать соединению Лисовского с Тушином, и навстречу первому царь послал трехполковое войско под главным начальством князя Ивана Семеновича Куракина. В битвах Смутной эпохи этот Куракин, наряду с Михаилом Скопиным и немногими другими боярами, выдается военными способностями. Он сошелся с неприятелем на берегах Москвы у Медвежьего брода и поразил его, так что Лисовский только с остатком своего полчища достиг Тушинского лагеря. Епископ Иосиф был освобожден из плена, и самая Коломна вновь занята царским отрядом. Таким обра-

зом, сообщение Москвы с Рязанской украйной и главная часть этой украйны остались в руках Шуйского.

Прибытие Яна Сапеги значительно усиливало Тушинского вора. Теперь около него собралось тысяч пятнадцать хорошо вооруженных поляков и западноруссов; казаков было вдвое более того. Запорожцы массами двинулись тогда в Московское государство, как хищные птицы, почуявшие падаль. Вместе с русскими изменниками количество всех отрядов, стоявших под знаменами второго Лжедимитрия, заключало в себе до 100 000 человек. Но не было одного общего предводителя, не было единодушия. Скоро обнаружилось, что Рожинский не мог ужиться в согласии с гордым Сапегою, который не хотел ему подчиниться и думал гетманствовать в войске царика. Чтобы избежать дальнейшего соперничества, решено было дать Сапеге отдельное начальство. Ему поручили взятие Троице-Сергиевой Лавры, которая служила главным опорным пунктом для поддержания связи между Москвою и северными Волжскими областями, для получения оттуда подвозов и подкреплений. Сама по себе она привлекала жадность поляков накопленными в ней богатствами, и они надеялись захватить их в свои руки. Кроме того, сия обитель важна была своим духовным влиянием на народ, который питал к ней особое уважение, и кого она признавала царем, того он считал более законным. Когда Сапега выступил из Тушина, царь Василий задумал повторить с ним то же, что недавно удалось сделать с Лисовским, и выслал против него также трехполкную рать, числом свыше 30 000 человек. Но главное начальство над нею он вверил Ивану Шуйскому, одному из своих неспособных братьев. Москвитяне ударили на неприятеля около села Рахмана и вначале одержали верх; поляки дрогнули; сам Сапега ранен пулею в лицо. Но тогда он с несколькими запасными хоругвями гусар и пятигорцев произвел отчаянную атаку, от которой москвитяне в свою очередь смешались и затем обратились в бегство. Большая часть ратников после этого поражения разъехалась по домам, и воеводы воротились в столицу с немногими людьми. А победитель продолжал свое движение на Троицкую Лавру.

Поражение под Рахмановом произвело большое смятение в столице. Многие служилые люди, собранные из разных областей, пришли в уныние и стали покидать Москву: частию они возвращались в свои уезды, частию уходили в Тушино. Василий Иванович захотел устыдить малодушных и объявил, что сам он намерен сидеть в осаде, но что никого не удерживает; кто хочет служить ему, пусть служит, а кто не хочет, пусть уходит. Духовенство принялось вновь (кажется, в третий раз) приводить москвичей к присяге на верность царю Василию. Никто, конечно, не объявлял заранее о своей измене, и все служилые люди давали присягу. Она, однако, не помешала многим дворянам и детям боярским вскоре потом уехать в Тушино. В числе отъехавших находилось и несколько знатных людей, каковы князья Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, Сицкий, Засекины и др. В Тушине подобные изменники встречали ласковый прием, получали жалованные грамоты на поместья и вотчины, награждались саном боярина, окольничего и т.п. В случае же какого неудовольствия уехавшие возвращались потом в Москву с видом раскаяния. Царь Василий при своих стесненных обстоятельствах не смел их наказывать, а напротив, должен был миловать и даже награждать. Пожив в Москве, некоторые потом уходили опять в Тушино. Подобные «перелеты» — как их называли современники — иногда по несколько раз совершали свои переходы из одного лагеря в другой и оставались безнаказанными. В Москве даже многие семьи старались кого-либо из родственников своих посылать на службу в Тушино, чтобы иметь себе защитников и ходатаев на случай торжества Тушинского вора. Летописец говорит, что бывали иногда такие случаи: люди сидят вместе за одной трапезой в царствующем граде; после же трапезы одни едут в царские палаты, а другие скачут в тушинские таборы. Так обыкновенно падает общественная нравственность в подобные смутные времена, когда никто не может поручиться за завтрашний день.

Немалую роль играла в этих изменах и корысть. Как знатные люди уходили в Тушино и выпрашивали там себе титулы и поместья, так многие торговые люди тайком уезжали туда же с своими товарами, и, взяв за них хорошую цену,

опять возвращались в город. И вот, меж тем как в столице во всем испытывали недостаток и нужду, в Тушине, наоборот, имели во всем изобилие, щеголяли в нарядных одеждах и жили весело. Отряды фуражиров рыскали по окрестным областям, насильно забирали у жителей скот, живность, хлеб, овес, сено и всякие припасы, которые привозили в Тушино. Поляки заставляли русских возить себе вино, пиво и мед, и постоянно бражничали. Не было также недостатка в женщинах, ибо вместе с припасами забирали по городам и селам красивых женщин и девушек. Ляхи не только забирали женщин у простолюдинов, но нередко отнимали их у начальных русских людей, перешедших на сторону Лжедимитрия, и потом возвращали только за большой выкуп. Презрение их к русским изменникам было столь велико, что они позволяли себе такие проделки: возьмут выкуп, а пленницу все-таки не отдадут и требуют вторичного выкупа, или после выдачи ее засылают на пути засаду и только что освобожденную пленницу опять отнимают силою оружия. Бывали, по словам летописца, и другие случаи: жены и девицы так свыкались с своими насильниками, что не хотели расстаться с ними, и, будучи выкуплены, сами к ним убегали.

Летописец — современник (Палицын) с глубоким негодованием говорит о поведении русских изменников. Они так усердствовали ляхам и литве, что в сражениях становились впереди и заслоняли их своею грудью. Когда ляхи брали в плен какого-либо доброго воина из царской рати, они оставляли его в живых и сохраняли; но если он попадал в плен к русским изменникам, то последние бросались на него, как дикие звери, и разносили по суставам, так что сами поляки содрогались от их зверства; а изменники называли таковых «худяками» и «жонками» за их мягкосердие. На походах, когда встречались непроходимые лесистые и болотистые места, ляхи иногда становились в тупик и не знали, как быть; но русские изменники спешили для них наводить мосты и гати или прокладывать тропинки и таким образом их проводили. И вот какие-нибудь две-три сотни ляхов или литвы (т.е. западноруссов), которых гораздо многочисленнейшие русские изменники могли бы в таких глухих местах истребить всех до единого, идут благополучно по одиночке вдоль тро-

пинок, находясь как бы под охраною русских людей. А когда случится разграбить какое село или город, то всю лучшую добычу поляки берут себе и даже забранное русскими отнимают у них. И всякое насилие, учиненное ими, изменники переносят благодушно. С тупым равнодушием русские воры смотрели, как ляхи и западноруссы, державшиеся или латинской веры, или какой реформатской схизмы, грабили и оскверняли монастыри и святые храмы, запирали в них скот, брали ризы на свои одежды, воздухи и шитые пелены употребляли вместо попон или дарили их на наряды своим блудницам; пили и ели из церковных сосудов; иноков и священников мучили всякими пытками, допрашивая, где спрятаны сокровища; а потом предавали их смерти или заставляли исполнять на себя всякие черные работы: молоть хлеб, колоть дрова, носить воду, мыть грязные порты, ходить за конями, стеречь скот и т.п. Мало того, во время бражничанья заставляли на свою потеху таких «святолепных» мужей петь срамные песни и плясать; а непослушных умерщвляли.

По части грабительства и опустошения с русскими ворами могли поспорить только казаки: чего не могли унести с собою, то предавали уничтожению; если это было жито какое, его или жгли, или сыпали в воду, в грязь, топтали конями; дома и утварь если не жгли, то рубили на части, чтобы ни жить в них, ни пользоваться ими никто не мог. А людей истребляли разными варварскими способами: свергали с высоких городских башен, бросали с крутого берега в речную глубину, привязав камень на шею, расстреливали из луков и самопалов, перебивали пополам голени; маленьких детей бросали в огонь перед очами родителей, разбивали о пороги и углы или втыкали на копья и сабли. Красивых жен и девиц, а также скромных иноков насильно уводили в свои станы; но многие из них, чтобы не подвергнуться осквернению, налагали на себя руки или бросались в реку и топились. Особенно свирепствовали холопы: следуя разрешению Тушинского вора, они издевались над бывшими своими господами, и, связав их, перед ними насиловали их жен и сестер. Вообще современник-летописец не пожалел самых мрачных красок, чтобы изобразить бедственное состояние Московской Руси в Смутную эпоху.

Оба соперника, боровшиеся тогда за московский престол, оказывались гораздо ниже своего положения: Тушинский царик был игрушкою в руках поляков; а царем Василием Шуйским бояре «играли как детищем», по выражению того же летописца. Согласно с обычаями времени и своим личным характером, Шуйский то обращался к заступничеству Церкви и св. угодников, то прибегал к грубому суеверию. Например, если верить иноземному свидетельству, он собирал колдунов; по их совету приказывал вырезать младенцев из чрева беременных женщин, а также убивать коней, чтобы достать их сердце, и все это зарывать в землю около того места, где стояло царское войско, и будто бы оно оставалось невредимо, пока не выступало за черту. В то же время в столице распускались слухи о чудесных видениях, которых удостаивался тот или другой благочестивый человек: ночью в каком-либо храме виделся яркий свет или слышались поющие голоса, или являлась сама Богородица, которая умоляла Христа пощадить стольный город и не предавать его в руки врагов, и Он обещал, если люди покаятся. Вследствие чего налагался пост и пелись молебны. Эти рассказы и молебствия несомненно действовали на воображение и чувство набожных москвичей и многих укрепляли в твердом стоянии против Тушинского вора. Самые «перелеты» иногда поддерживали их твердость: из Тушинского лагеря они приносили полную уверенность в самозванстве этого вора и говорили, что он ничего общего не имеет с первым названым Димитрием. Особенное впечатление произвело громогласное объявление о том князя Василия Масальского, который из Тушина с раскаянием воротился на службу царю Василию. А общее убеждение в самозванстве в свою очередь еще более укрепляло почитание мощей царевича Димитрия и вселяло веру в заступничество сего нового угодника[12].

Когда началась осада столицы Тушинским вором, многие области отпали от Шуйского, а оставшиеся верными колебались. Повсюду замечалась шатость, везде гнездилась измена. В таких обстоятельствах он вспомнил, как шведский король Карл IX неоднократно предлагал ему свою помощь для борьбы с общим их врагом, Польшею. Тогда, во время

Болотникова, московский царь надеялся собственными силами управиться с мятежниками и отклонил все предложения. Теперь обстоятельства значительно изменились к худшему, и Шуйский уже сам обратился с просьбою о помощи к шведскому правительству. Для переговоров со шведами и для набора северо-западного ополчения он еще в начале Тушинской осады отправил в Новгород и Псков своего племянника Михаила Скопина-Шуйского с дьяком Сыдавным Зиновьевым и стольником Семеном Головиным, который приходился шурином Скопину; ибо незадолго до того сей последний вступил в брак с сестрою Семена, Александрою Васильевною Головиной.

Хотя новогородцы, хранящие традиционную приязнь к роду Шуйских, приняли Скопина ласково; однако ему пришлось преодолевать большие препятствия, чтобы выполнить свое поручение. В Швецию он отправил своего шурина Головина и дьяка Сыдавного; а сам остался для сбора ополчения. В Новгороде он успел собрать небольшую дружину; но Псков именно в это время отложился. Там все еще существовала старая вражда между большими и меньшими людьми. Вражда сия особенно оживилась при корыстолюбивом псковском воеводе Петре Никитиче Шереметеве и обострилась по следующему поводу.

Василий Иванович потребовал со Пскова 900 рублей денежного вспоможения. Деньги эти были собраны с гостей и меньших людей по раскладке. Для доставки их в Москву гости прибрали пять вожаков противной им партии, Федора Умойся Грязью, Ерему Сыромятника и т.д.; а в то же время отправили тайную грамоту, извещавшую, что меньшие люди казны от себя не дали и что эти посланцы суть главные их вожаки, которые царю добра не хотят. Вследствие такого доноса четверо из них в Москве были осуждены на казнь; а пятый, Ерема Сыромятник, не был вписан в грамоту по желанию Петра Шереметева, на которого он много работал даром. Известно, что Василий Шуйский, весьма снисходительный к знатным, простых людей не щадил, и четверо осужденных псковичей уже были выведены на площадь для казни; но тут вступились за них служившие в Москве псковские стрельцы и упросили царя о помиловании, ручаясь за них

своими головами. Весть о сем событии произвела во Пскове сильное смятение; меньшие люди поднялись на больших; по их требованию, воевода Шереметев засадил в тюрьму семь человек гостей. Однако смятение все возрастало. Так как большие люди оставались верны Шуйскому, то меньшие стали склоняться на сторону Тушинского самозванца. Когда многих взятых в плен тушинцев разослали по городам, новогородцы топили их в Волхове, а псковичи, наоборот, кормили, поили и вообще жалели их. Лукавый Самозванец с пленными обращался иначе, чем Шуйский; так попавшие в его руки стрельцы из Псковской области были им обласканы, приведены к присяге и отпущены домой с грамотой, которая убеждала их сограждан покориться своему якобы законному государю. Эта мера имела успех; а ей помогло еще то обстоятельство, что царский воевода Петр Шереметев и царский дьяк Иван Грамотин, отличавшиеся корыстолюбием и неправосудием, были очень нелюбимы во Пскове.

Сначала возмутились псковские пригороды. Под начальством тушинского воеводы Федора Плещеева они подступили к самому Пскову. А тут еще из Новгорода пришло требование, чтобы псковичи соединились с немцами (шведами) и вместе с ними шли на освобождение Москвы; тогда как во Пскове еще не угасла старинная ненависть к немцам вообще. Псковские меньшие люди наконец тоже возмутились; они отворили ворота Плещееву, посадили его у себя воеводою, присягнули Тушинскому вору и начали жестоко преследовать больших людей.

Псковский мятеж отразился и в Новгороде. Здесь также начались раздоры между лучшими людьми и простонародьем. Видя шатость в умах, Скопин, по совету воеводы, известного Михаила Игнатьевича Татищева, выступил из Новгорода в пригороды; но и там происходило то же волнение. Прежде всего Скопин направился в крепкий Ивангород; но дорогою получил известие, что последний присягнул Самозванцу. Скопин пошел к Орешку; но сидевший там воеводою известный Мих. Глеб. Салтыков не впустил его в город. Скопин двинулся к устью Невы, откуда хотел уже ехать в Швецию; но к нему прибыло посольство из Новгорода, состоящее из пятиконецких старост, с известием, что митро-

политу Исидору удалось умиротворить граждан, и с приглашением вернуться. Скопин поспешил опять в Новгород. Вскоре из Швеции прибыл сюда королевский секретарь Монс Мартенсон и заключил с ним предварительный договор о вступлении в царскую службу пятитысячного вспомогательного отряда с платою по 100 000 ефимков (рейхсталеров) в месяц.

Тушинское лжеправительство встревожилось, когда получило известие о событиях в Новгороде. Решено было отправить туда сильный отряд под начальством полковника Кернозицкого, с целью завладеть этим важным городом Кернозицкий по дороге захватил Тверь и Торжок. Скопин с своей стороны вознамерился выслать отряд к Бронникам навстречу неприятелю, Татищев сам вызвался его вести. Но он был нелюбим новогородцами по той же причине, как и другие московские воеводы, т.е. за притеснения и вымогательства. Некоторые граждане донесли Скопину, что Татищев недаром вызывается идти на Кернозицкого, что он задумал соединиться с ним и стать на сторону Лжедимитрия. Скопин не хотел взять на себя решение по такому важному обвинению; он собрал ратных людей и, в присутствии Татищева, объявил им о доносе. Тут недоброжелатели сего последнего подстрекнули толпу, и она, бросившись на воеводу, тотчас его умертвила, без всякого исследования дела. Таким образом вопрос о доносе остался неразъясненным, и юный вождь мог упрекнуть себя в неосмотрительном поступке. Он велел с честию похоронить воеводу в Антониеве монастыре, а имущество его продать с публичного торгу. Так жалко погиб один из наиболее видных деятелей первой половины Смутного времени. Устрашенные его участью и своеволием толпы, некоторые дворяне и дети боярские уехали из Новгорода и передались Самозванцу. Высылка отряда расстроилась; Кернозицкий беспрепятственно подошел к Новгороду и стал в Хутынском монастыре. Но в это время на помощь новогородцам шли крестьяне из волостей. В Тихвине они собрались под начальством Горихвостова; из заонежских погостов их вел Розанов. Тихвинцы дошли до Грузина; тут несколько ополченцев попали в плен к полякам и на их расспросы сказали, что за ними идет большая рать. Смущенный

такою вестью, Кернозицкий отступил от Новгорода и расположился в Старой Русе; чем дал Скопину возможность спокойно дождаться прибытия шведской помощи.

В северных областях Московского государства в то время кипела деятельная борьба между двумя сторонами: царя Василия и Тушинского царика. Одни города продолжали держаться Шуйского, а другие добровольно или насильно приставали к Самозванцу. Вместе с городом обыкновенно переходил к нему и уезд, т.е. сельское население следовало за городским. Покорением северного Поволжья распоряжался не Рожинский, занятый московскою осадою, а другой тушинский гетман, более деятельный и предприимчивый Сапега, стоявший под Троицею, следовательно, ближе к Поволжью. Он посылал туда отряды, составленные обыкновенно из небольшого числа поляков и гораздо большего количества казаков и русских изменников. Между ближайшими к нему городами прежде других сдался Суздаль. Здесь даже сам архиепископ Галактион подал гражданам пример измены — пример тогда довольно частый среди игумнов и священников, но очень редкий среди высшего русского духовенства. Потом сдался Владимир-Залесский, воевода которого Иван Годунов изменил Шуйскому и также присягнул Самозванцу. Точно так же без сопротивления сдался отряду поляков и казаков Переяславль-Залесский. Мало того, переяславцы соединились с сим отрядом и вместе пошли на Ростов. Не имея надежных укреплений, ростовцы лучшие люди решили бежать в Ярославль и приглашали к тому же своего митрополита Филарета (Федора Никитича Романова). Но сей последний увещевал их остаться и мужественно стоять за свою веру и за своего государя, объявив им, что он не покинет храма Пречистой Богородицы и Ростовских чудотворцев. Многие не послушали его и ушли в Ярославль. Тогда Филарет созвал оставшихся граждан в соборный храм, облекся в святительские одежды и велел священникам причастить народ, а двери храма запереть ввиду приближавшихся врагов. Филарет, стоя у дверей, начал увещевать переяславцев, чтобы они отстали от ляхов и обратились к своему законному государю. Но враги выломали двери и стали избивать народ. С митрополита сорвали облачение, одели его в худое

платье, покрыли его голову татарской шапкой и отдали под стражу. Собор разграбили; причем серебряную раку св. Леонтия ляхи разрубили на части и разделили между собою по жребию. Золотая риза с его образа досталась потом Сапеге, который передал ее Марине. Согласно с помянутым выше русским летописцем, свои воры, т.е. переяславцы, свирепствовали при избиении народа и разорении города Ростова более ляхов. Ростовцев погибло тогда до 2000 человек. Когда митрополита Филарета привезли в тушинские таборы, Самозванец принял его ласково как своего мнимого родственника и возвел в патриаршее достоинство, чтобы иметь собственного патриарха и противопоставить его Гермогену. Из Тушина потом рассылались грамоты от имени «нареченного» патриарха Филарета, которого держали, однако, под крепкою стражею. В своем трудном положении сей муж, по словам русского летописца, «будучи разумен, не преклонялся ни на десно, ни на шуее; но пребыл тверд в правой вере». По известию же иностранца-современника, он не противился оказанным ему почестям, даже вынул из своего жезла драгоценный яхонт и подарил его Лжедимитрию.

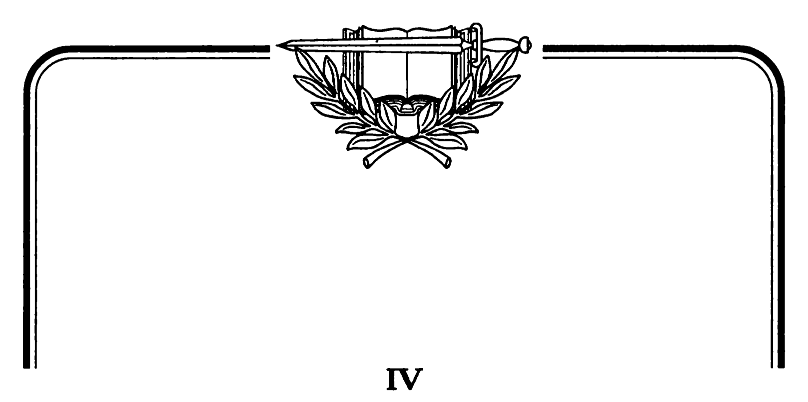
Участь Ростова устрашила другие поволжские города. Так, хорошо укрепленный, многолюдный и богатый Ярославль сдался добровольно тушинскому отряду. Жители его как русские, так английские и немецкие гости, с воеводою князем Барятинским во главе, присягнули Лжедимитрию, выговорив себе условие, что поляки не тронут их имущества, ни жен и дочерей; собрали 30 000 рублей для отсылки в Тушино, обязались снарядить туда же тысячу всадников и доставить известное количество съестных припасов. Поляки, однако, не соблюдали договора и, вошедши в город, принялись грабить и обижать граждан. Затем Шуя, Кинешма, Кострома, Галич, Вологда, Муром, Молога, Углич, Кашин, Белозерск и некоторые другие города большею частию сдались добровольно по одним увещательным грамотам, а частию были покорены силою и подверглись разорению; причем особенно успешно действовал с своими шайками полковник Лисовский. Воеводы в эти покоренные города обыкновенно назначались Сапегою. Между прочим, он назначил двоих Плещеевых: Федора в Суздаль, а Матвея в Ростов. При сда-

че сих городов освобождались заключенные там пленные поляки и русские изменники. В это же время из Каменной Пустыни выпущен был известный князь Григорий Шаховской, который и поспешил вновь поступить на службу к Самозванцу. На сторону второго Лжедимитрия передались и некоторые поволжские инородцы, именно Мордва и Горная Черемиса, а также хан касимовский Ураз-Магомет. Немало воевод и дворян явилось тогда во главе измены и перешло на сторону Самозванца; после чего они унижались перед ним и его гетманами, особенно перед Сапегою, которого просили ходатайствовать о пожаловании их вотчинами и поместьями, и просьбы их иногда исполнялись. Тушинский царик до того вошел в свою роль, что начал раздавать города и волости в кормление литовским панам и казацким атаманам; например, он дал Заруцкому Тотьму и Чаронду. Только немногие города остались верны своей присяге и отстояли себя силою оружия. Так тушинцы двукратно пытались овладеть городом Коломною, весьма важным по своему положению и значению. Но вовремя извещенный царь Василий посылал туда помощь, которая успешно отбивала врагов. При втором их нападении сюда послан был прославившийся впоследствии князь Димитрий Михайлович Пожарский, который нанес поражение тушинцам за 30 верст от Коломны у селя Высоцкого.

Любопытно при сем наблюдать поведение заволжских городов, наиболее отдаленных, куда, однако, достигали увещательные грамоты Лжедимитрия о покорности. Например, Устюг Великий и Сольвычегодск пересылались между собою и советовались, как им поступить в том или другом случае. Устюжане советовали не торопиться изъявлением покорности Тушинскому царику, а, благодаря своей отдаленности, подождать, чья сторона возьмет; если же, чего не дай Боже, одолеет Тушинский, тогда можно будет послать к нему с повинною. Вычегодцы, имея семью Строгановых во главе, последовали сему совету. Таким образом наряду с двумя боровшимися сторонами явилась еще третья, нейтральная, явно сочувственная более царю Василию, но робевшая перед разбойничьим характером стороны Лжедимитрия. Хотя большинство городов и покорилось сему последнему, однако

власть его над ними лишена была прочности и готова была рушиться при всяком удобном случае; ибо скоро делалась тягостною и ненавистною. Причина тому заключалась в бесконечных поборах, в наглом поведении и грабительстве как литовских людей, так и русских воров. Между тем как царское правительство, отрезанное от северных областей таборами Тушинским и Троицким, могло посылать туда только увещательные грамоты, напоминать о верности православию и законному государю, просить о присылке ратных людей на помощь, из Тушина во все подчиненные места приезжали толпы разного рода сборщиков, которые привозили похвальные грамоты покорившимся с обещанием разных милостей и льгот, но в то же время угнетали население тяжелыми поборами денег и всяких припасов на содержание лжецаря и его войска. При этом случалось иногда, что сборщики, отправленные из Тушина, в каком-нибудь месте сталкивались со сборщиками, посланными из-под Троицы от Сапеги, и между ними происходили споры.

Итак к зиме 1609 года за Василием Шуйским оставались еще наиболее значительные города Московского государства, каковы столица, Коломна, Переяславль-Рязанский, Казань, Нижний, Смоленск. Кроме сих городов, чрезвычайно важным опорным пунктом законного правительства явилась знаменитая Троицкая Лавра: обложенная врагами, она представляла тогда отрадный оазис посреди областей, охваченных изменою и мятежом[13].



IV

ТРОИЦКАЯ ОСАДА И СКОПИН-ШУЙСКИЙ

Оборонительные средства Лавры и начало осады. — Ночные приступы. — Вылазки и уничтожение подкопа. — Недостаток топлива, теснота и болезни. — Дело Девочкина. — Славные защитники. — Последние приступы. — Шереметев и очищение среднего Поволжья. — Московские мятежники и патриарх Гермоген. — Неудача тушинцев. — Договор Скопина со шведами. — Наемное войско. — Псковские мятежники. — Движение Скопина к Москве. — Бунт иноземцев. — Победа под Колязином. — Скопин в Александровской Слободе. — Освобождение Лавры. — Колебания Сигизмунда III. — Его поход и осада Смоленска. — Шеин и смоленская оборона. — Королевские послы в Тушине и бегство Самозванца в Калугу. — Договор русских изменников с королем. — Бегство Марины. — Отступление Сапеги и Рожинского. — Торжество Михаила Скопина. — Его завистники и безвременная кончина.

Сапега подошел к Троицкой Лавре 23 сентября 1609 года. Все его сбродное войско, состоявшее из поляков, казаков и русских изменников, простиралось до 30 000 человек. С Сапегою пришли князь Константин Вишневецкий, братья Тышкевичи, пан Казановский и др. Из отдельных начальников этого скопища наиболее выдающимся явился Александр Лисовский, которого полк составлен был преимущественно из казаков. Неприятель возвестил свое пришествие несколькими пушечными выстрелами; а затем при звуках музыки обошел кругом монастыря, обозревая окрестности и отыскивая удобные места для лагерей. Сапега с главными силами расположился на западной стороне, по Дмитровской дороге; а Лисовский с своим полком стал на юго-восточной, у

Терентьевской рощи, между дорогами Московскою и Александровскою. Другие дороги, например, Переяславская и Углицкая, были преграждены особыми сторожевыми отрядами. Вожди немедля принялись укреплять оба лагеря острогом, т.е. рвом и валом с бревенчатым частоколом и пушками; а в остроге ставили теплые избы, ввиду приближавшегося осеннего и зимнего времени.

Лавра, расположенная в холмистой овражистой местности на берегах речки Кончуры, окружена довольно массивною каменною стеною, имеющею вид неправильного четырехугольника, длиною немного более версты. Высота стены, вместе с зубцами, простирается до четырех сажен, а толщина ее три сажени. В стене устроены каморы и бойницы или амбразуры для выстрелов в два, местами в три яруса. По углам и по бокам возвышалось до 12 башен, одни глухие, другие с воротами (Конюшенная, Красная, Водяная и пр.). С юга и запада к стенам примыкали пруды, которые затрудняли подступы с этой стороны. Монастырские слободы и предместья при появлении неприятеля, по обычаю, были выжжены; вне стены сохранили только дворы Пивной и Конюшенный, укрепленные тыном и опиравшиеся на речку Кончуру. Благодаря своим обширным земельным имуществам и многим селам, монастырь имел возможность заблаговременно приготовить большие склады хлеба и всяких запасов. Но расходовать их приходилось с великою бережливостью вследствие скопившегося населения. Крестьяне выжженных слобод и других окрестных селений вместе с женами и детьми искали спасения в стенах монастыря; отчего произошла здесь великая теснота. Многие крестьяне привезли свои хлебные запасы и пригнали скот, который еще более увеличивал сию тесноту. Но собственно ратных людей было немного: несколько десятков дворян и детей боярских и несколько сотен стрельцов и казаков составляли привычное к оружию ядро гарнизона; а затем вооружены были монастырские слухи и крестьяне, способные к бою. Все монахи, нестарые и неувечные, также взялись за оружие; между ними было немало людей, прежде служивших в войске и, следовательно, опытных в военном деле (подобно Пересвету и Ослябе, монахам-витязям времен св. основателя Лавры). Таким

образом все число монастырских ратников приблизительно простиралось до 3000 человек. Их разделили на две части: одна назначена для постоянной охраны стен и башен; а другая должна была производить вылазки и в случае нужды заменять убыль или подкреплять первую. Дворяне и опытные в военном деле иноки поставлены сотенными начальниками или головами над вооруженными слугами и крестьянами. Женщины исполняли разные работы, а в минуты крайней опасности помогали оборонять стены. Последние были снабжены пушками и пищалями, расставленными преимущественно в нижних или подошвенных бойницах. Порох, свинец и разное оружие тоже были припасены в значительном количестве.

Гарнизоном начальствовали, по обычаю, двое воевод: первым или главным был князь Григорий Борисович Долгоруков, еще недавно в качестве путивльского воеводы усердно служивший первому Лжедимитрию, которого, по-видимому, он считал истинным царевичем; а вторым или его товарищем был дворянин Алексей Иванович Голохвастов. Воеводы эти не отличались ни взаимным расположением, ни надежною преданностию царю Василию. Но святое место одушевляло защитников общим религиозным рвением. Архимандрит Иосаф своими увещаниями сумел еще усилить это рвение; в начале осады он привел к присяге всех ратных людей, начиная с воевод, и при гробе угодника Сергия заставил их целовать крест на том, что крепко, «без измены», до последней капли крови стоять против врагов отечества и православной веры.

Любопытно, что в стенах Лавры мы встречаем также инокинь, в числе которых находились и две представительницы прежних царских семей, а именно: старицу Марфу, бывшую ти гулярную ливонскую королеву Марью Владимировну, двоюродную племянницу Грозного, и Ольгу (Ксению) Борисовну Годунову. Эти знатные монахини занимали в монастыре особые помещения, окружены были прислужницами и пользовались более обильным содержанием из царских житниц и погребов.

Обложив монастырь, Сапега сначала пытался подействовать на его защитников двумя грамотами: одна убеждала во-

евод и служилых людей, а другая архимандрита с братией покориться их «прирожденному» государю Димитрию Ивановичу; его именем обещали всякие милости, грозя в противном случае взять замок силою и предать смерти всех непокорных. Грамоты привез в монастырь боярский сын Безсон Руготин. Воеводы и дворяне учинили совет с архимандритом и братией; после чего написали общий ответ, заключавший в себе презрительный отказ покориться «ложному царю и латыне иноверным».

Сапега начал осадные работы. Приготовили туры на колесах, т.е. подвижные башенки, прикатили их на заранее намеченные пункты, вооружили мортирами и пушками, окопали рвами и окружили валом. Таким образом устроено было девять батарей. 3 октября из них открыли огонь, стали метать бомбы и каменные ядра. Несмотря на продолжительную и частую пальбу, орудия неприятельские, вследствие их малого калибра, причиняли немного вреда монастырским укреплениям. Снаряды большею частию не долетали до стен, и падали в пруды, ямы и другие пустые места; а которые попадали в стены, производили лишь незначительное сотрясение и осыпание, хотя неприятели старались метить в одни и те же пункты, чтобы учинить проломы. Пальба продолжалась около десяти дней. Сапега надеялся, что она достаточно подготовила решительный удар. 13 октября он устроил в своих таборах большое пиршество, сопровождавшееся скачками и потешною стрельбою; а ночью повел свое полупьяное полчище на приступ. Со всех сторон его ратники устремились к монастырским стенам с лестницами, катя перед собою тарасы или деревянные щиты на колесах. Но осажденные не дремали; стоя у бойниц в нижних каморах или за зубцами стены, они встретили нападающих дружною стрельбою из пушек и пищалей и побили их значительное количество. Неприятель смутился и побежал назад, побросав лестницы и тарасы. Поутру гарнизон забрал их и разрубил на дрова. Спустя несколько времени Сапежинцы сделали новую попытку ночного приступа; причем предварительно, посредством хвороста и соломы, зажгли Пивной двор с его деревянным острогом. Но этот пожар, вместо помощи, оказал им вред. Пламя осветило окрестность, а вместе с нею и ряды

нападающих. Осажденные открыли по ним сильный огонь из наряду, а с башен бросали на них начиненные порохом кувшины («козы со огнем спущающе», — говорит летописец осады); пожар Пивного двора успели погасить. Сапежинцы опять со стыдом отступили.

Эти отбитые приступы весьма ободрили осажденных. Архимандрит с братией совершил крестный ход по стенам и творил благодарственные молебны. Но вдруг радость и надежда сменились унынием. Воеводы сделали удачную вылазку в Мишутинский овраг, где стояли заставою роты Брушевского и Сумы с товарищами; разбили их и взяли в плен самого ротмистра Брушевского. Его подвергли пытке, чтобы узнать о действиях и намерениях неприятеля. Ротмистр с пытки показал следующее: во-первых, Сапега хвалится взять монастырь во что бы ни стало и разорить его до основания, хотя бы для сего пришлось стоять под ним год и два, и три; а во-вторых, ведутся подкопы под городовую стену и некоторые башни, но где именно, того он не знает. Известие о подкопе смутило и самых храбрых, а другие с ужасом представляли себе момент, когда они взлетят на воздух. Воеводы приказали вне стен копать глубокий ров, а внутри рыть колодцы или так наз. «слухи», чтобы найти и перенять подкоп. Работы велись под руководством искусного в сем деле троицкого служки Власа Корсакова. Но долго они оставались безуспешными. На вылазках осажденные брали в плен литовских людей и расспрашивали под пытками; но никто из них не указал место подкопов. Многие стали готовиться к смерти и спешили причаститься. Иноки старались ободрить унывших людей надеждою на Божью помощь и на заступничество местных угодников св. Сергия и св. Никона; появились обычные рассказы о видениях и чудесах; сам архимандрит возвестил, что ему во время дремоты явился св. Сергий, приказал молиться и обещал спасение. Действительно, вскоре после того на вылазке взяли одного раненого дедиловского казака. Под пыткою он сказал, что знает, где ведутся подкопы; воеводы повели его по городской стене, и он указал место; после чего умер, успев покаяться и причаститься св. Тайн. Против указанного места тотчас стали возводить внутренний острог, т.е. деревянную стену со рвом, валом и с пушками,

чтобы приготовить новое укрепление, когда часть стены с прилегающими башнями будет взорвана. Из неприятельских таборов перебежал в монастырь казак Ивашка Рязанец и подтвердил предыдущие известия о подкопах.

Меж тем Сапега распорядился продвинуть туры или батареи ближе к стенам и усилить бомбардирование; снаряды стали падать уже среди обители, убивать людей и причинять некоторые повреждения храмам; что вместе с ожиданием взрыва подкопов усилило тревогу и уныние между осажденными. Воеводы сделали приготовления к большим вылазкам, а также приказали отыскать и расчистить тайник или скрытый под стеною ход из Сушильной башни во внешний ров. 9 ноября еще до рассвета этим ходом вышел отряд ратных людей и притаился во рву; из Пивного двора выступил и укрылся в луковом огороде другой отряд; третий, состоявший частию из конницы, двинулся из Конюшенных ворот; иноки-воины, распределенные по отрядам, ободряли ратников и сообщали им, что на этот день военным кликом должно служить: святой Сергий! По троекратному удару в осадный колокол отряды дружно устремились на неприятельские линии. Но они встретили храбрый отпор. В тот день осажденным удалось взять несколько орудий; но подкопа они не уничтожили. Такие же большие вылазки возобновлялись и следующие два дня. Только на третий день посчастливилось найти устье главного подкопа, который был уже наполнен порохом, но не закрыт с наружной стороны. Два клементьевских крестьянина, Шилов и Слата, вскочили в него и подожгли порох. Подкоп взорвало, причем уничтожило все работы, не причинив вреда монастырским стенам. Храбрые крестьяне не успели вовремя уйти и погибли. Таким образом, главная цель сих больших вылазок была достигнута. Осажденные теперь могли вздохнуть свободно. Кроме подкопа, часть неприятельских батарей также была уничтожена, многие орудия и всякого рода оружие забрано в монастырь, а туры и тарасы изрублены на дрова. Однако успех этот дорого им стоил: в течение сих трех дней осажденные хотя избили порядочное количество неприятелей, но и сами потеряли около 350 убитыми и ранеными; в числе павших были храбрые головы или предводители отрядов Иван Внуков и

Иван Есипов, а также служка Данило Селевин, начальствовавший сотнею ратников. Последний добровольно искал смерти. За несколько времени перед тем его родной брат Осип Селевин изменил, и, «забыв Господа Бога» — как говорит летописец — ушел в литовские таборы. Данило по сему поводу подвергся укорам и насмешкам. Не желая терпеть их долее, он объявил, что хочет умереть за измену брата. Во время вылазки Данило вступил в бой с казаками атамана Чики; будучи весьма силен и ловко владея мечом, он изрубил много врагов. Какой-то литовский всадник ударил его копьем в грудь; Данило срубил его своим мечом; но и сам стал изнемогать от раны, так что его отнесли в монастырь, где он перед смертью принял иноческий образ. На том же бою атаман Чика смертельно ранил в голову Ивана Внукова из самопала; перед кончиною Внуков и другие смертельно раненные также постриглись в иноки.

С известием об удачных вылазках воеводы послали в Москву к царю сына боярского Скоробогатова.

Наступало суровое зимнее время. Потеряв часть народа и надежду на подкоп, Сапега прекратил бомбардирование и осаду обратил в облежание, рассчитывая взять местность голодом, болезнями или изменою. Укрепясь острогами в своих таборах, построив избы и землянки, сапежинцы не терпели и недостатка в припасах, постоянно получая их из соседних областей, признавших власть Лжедимитрия. Число осаждавших часто менялось и падало иногда тысяч до десяти, потому что Сапега должен был посылать отряды для борьбы с царскими воеводами и для завоевания городов или верных Шуйскому, или присягнувших уже Самозванцу, но потом отпавших. Сам Лисовский большую часть времени проводил в этих предприятиях. В монастыре также число защитников значительно уменьшилось. Однако вылазки их не прекращались всю зиму; только они производились небольшими партиями, имевшими назначение при случае отбивать продовольствие, провозимое в таборы Сапеги, или нарубить дров в соседних рощах. С той и другой стороны были перебежчики, которые сообщали о положении дела; так что каждая сторона знала, что делалось в другой. Из монастыря однажды перебежали два боярских сына, переяс-

лавцы, которые научили неприятеля разрыть плотину пруда, лежавшего у Водяной башни, спустить его в речку Кончуру и таким образом перенять воду у осажденных. Но взятые затем пленники на пытке указали на эту опасность. Тогда осажденные поспешили воду из сего пруда провести в другой, выкопанный посреди монастыря. Но в чем особенно они нуждались, так это в топливе. По-видимому, в сем отношении осадное и монастырское начальство сделало промах, не заготовив достаточные склады дров, хотя окрестности Лавры покрыты были густыми лесами, а может быть, именно по этой причине: чего много под руками, о том люди обыкновенно менее всего заботятся. Неприятель знал эту нужду осажденных и сторожил их попытки к ее удовлетворению; а потому поиски за дровами постоянно сопровождались потерею людей; так что каждую принесенную охапку дров или хворосту в монастыре привыкли встречать вопросом: кого она стоила или чьею кровью куплена? Иногда поедят пищи, сваренной на подобном топливе, и говорят: «Сегодня мы напитались кровью таких-то наших братий, а завтра другие напитаются нашею».

Вообще положение осажденной Лавры в это время было очень тяжелое. С наступлением зимы все, располагавшиеся на открытом воздухе, должны были перебраться в теплые помещения; отчего происходила крайняя теснота. Спертый, пропитанный миазмами воздух, недостаток воды, грязь и нечистоты, кишащие насекомыми, способствовали развитию разных болезней, особенно цинги, сыпей и поносов. Открылась большая смертность: каждый день хоронили по нескольку десятков трупов; с утра и до ночи раздавались плач и похоронное пение. Болел и умирал более всего крестьянский люд, как наиболее тесно, грязно помещенный и дурно питаемый. А из ратных людей многие в это печальное время предавались разгулу, т.е. пьянству и разврату. Последнему способствовало, конечно, скопление крестьянских женщин: при тесноте им некуда было укрыться; даже родильницы производили детей у всех на глазах, по словам летописца. Ратные люди, пользуясь своим значением, позволяли себе и другие излишества; так они не берегли съестные припасы; брали на свою долю лишние хлебы и продавали их другим;

из-за чего входили в препирательства с монахами, которые старались расходовать припасы бережно и расчетливо, ввиду затянувшейся осады.

Некоторые акты сообщают нам по сему поводу любопытные подробности, относящиеся к монастырскому хозяйству и к содержанию осажденных в то время.

Стрельцы послали царю жалобную грамоту на старцев, которые их плохо кормят: дают пушной хлеб на шестнадцать человек, да еще вырезывают из него середку, рыбу дают только два раза в неделю, а раненым и больным не дают еды и питья вдосталь. На эту жалобу монастырские соборные старцы отписали в Москву, что то неправда; что в хлебы к ржаной муке только немного примешивалось ячной и то без мякины, а кормили досыта в келарской; но так как стрельцы насильно брали хлебы и продавали, то перед ними стали класть по четверти хлеба на четверых к обеду и столько же к ужину; а что раненым и больным ежедневно дают на человека из хлебни мягкий хлеб, из поварни щи и братскую кашу, а из келарской по звену рыбы; питье же им выдается из царского погреба, охраняемого печатями. На братью монастырскую сначала шло три ествы, щи, каша и звено рыбы, а теперь только по две ествы, без меду и без пива, так что и день Сергия Чудотворца праздновали только житным квасом; оловянники и кувшины с медом и квасом давали только воеводам, а по кельям отнюдь не носили.

Монастырские служки, отправлявшие ратную службу, также жаловались царю на скудость содержания и невыдачу денежного жалованья. Старцы писали на это, что за истощением монастырской казны они сбирали с братии по рублю или по полтине с человека, еще занимали где можно, и роздали стрельцам по полтора рубля, ярославцам и галичанам по три рубля, троицким слугам по рублю, а крестьянам осадным стенным по полтине. На требование служек, чтобы им давали еду одинаковую с братией, старцы отвечают, что им предлагали есть в общей трапезе, но они просят себе ествы по кельям; ибо что в трапезе ставится на четверых, то по кельям пойдет на одного; так как у иных жены и дети, а у иных женки (возлюбленные); хотя и семьям их посылаются хлеб и каша из поварни. Наконец по недостатку дров и соло-

ду даже квас перестали варить, так что братия пьет воду, ест сухари и хлеб, а калачей давно уже не видит. Братия безустанно трудится: одни работают в хлебне, сеют муку, месят квашню, пекут хлебы, в поварне варят еству; а другие день и ночь несут ратную службу наравне с осадными людьми. Запасов, особенно ржи, вообще оставалось немного, овса еще довольно, только негде его молоть, потому что мало жерновов. Но, главное, великая нужда в топливе; кровли, сени, чуланы — все это уже сожжено, теперь жгут житницы. В заключение старцы умоляют государя прислать на помощь ратных людей, пороху, свинцу и стрел.

Это сообщение о состоянии монастыря относится уже к лету 1609 года, т.е. к последнему периоду осады, когда запасы были на исходе, и монастырь с трудом держался против неприятеля; хотя самое тяжелое, т.е. зимнее, время уже прошло; осажденные снова могли свободно вздохнуть на свежем воздухе, и потому смертность между ними значительно ослабела.

Ко всем помянутым невзгодам осадного времени присоединились еще измены, внутренние несогласия и рознь между самими начальниками. В этом отношении любопытно краткое письмо Ольги Борисовны Годуновой к одной своей тетке в конце марта 1609 года. Она пишет, что больна со всеми старицами, и не чает живота, с часу на час ожидая себе смерти, потому что у них в осаде «шатость и измена великая», а моровое поветрие такое, что всякий день хоронят по 20, по 30 и больше, а кто и жив, так все обезножили (от цинги пухли ноги). Но в июле того же года служанка царевны — инокиня Соломонида пишет своей матери об успешно отбитом большом приступе накануне Петрова дня и сообщает, что мор у них унялся, но людей осталось менее трети. О себе самой служанка сообщает, что по милости Ольги Борисовны не терпит никакой нужды и что царевна пожаловала рубль на похороны одного их знакомого (Дмитрия Кашпирова), а то было нечем схоронить.

Слова Ольги Борисовны о шатости и великой измене на деле оказались преувеличением. Но из них мы видим, что среди осажденных развились подозрительность и взаимное недоверие по причине действительных случаев измены и

передачи себя на сторону неприятеля. Выше сказано, что одним из первых изменников был монастырский служка Оська Селевин. Впоследствии в тайных изменнических сношениях с ним обвинили монастырского казначея Иосифа Девочкина и старицу Марфу Владимировну, бывшую титулярную королеву Ливонскую. По доносу некоторых монахов главный воевода Долгоруков велел схватить Девочкина и подвергнуть пытке; но каких признаний добились от него, в точности неизвестно. Этот случай возбудил сильную распрю: часть соборных старцев и сам архимандрит оскорблялись таким самоуправством над их казначеем и называли донос клеветою. К ним пристал и второй воевода Голохвастов, вообще не ладивший с Долгоруковым. А другая часть старцев приняла сторону сего последнего и обвинителей. Эта сторона в июле 1609 года послала в Москву жалобу на то, что архимандрит с единомышленными старцами положили на них ненависть и потому стали плохо кормить как их, так и ратных людей. А про старицу Марфу Владимировну писали, что она с изменником Оською Селевиным отправляла грамоты к «вору» (Лжедимитрию), называя его своим «братом», к Рожинскому и к Сапеге, которых будто бы благодарила за помощь; что своему соумышленникому Иосифу Девочкину она ежедневно посылает от собственного стола пироги, блины и меды, которые берет из царских погребов; что ее люди ему прислуживают, по ночам топят на него баню и пр. Про Голохвастова они писали, будто он замышляет отнять у Долгорукова крепостные ключи и уговаривал монастырских слуг и мужиков не выдавать ему на пытку казначея Девочкина. Такое обвинение подтверждал и сам Долгоруков в своей отписке знаменитому келарю Авраамию Палицыну с просьбою довести о том до сведения государя. Из его письма выходит, будто Голохвастов поднимал против него чернь, которая уже собиралась толпою с оружием в съезжей избе, но что дворяне, дети боярские и вообще служилые люди остались ему верны, и потому мятеж не удался.

Девочкин вскоре умер. Трудно сказать, насколько было правды в тех обвинениях, которым он подвергся. Главный доносчик на него дьякон и головщик левого клироса Гурий Шишкин хлопотал чрез своего покровителя келаря Палицы-

на о том, чтобы самому получить место казначея, следовательно, действовал небескорыстно, Авраамий Палицын, довольно подробно изложивший историю Троицкой осады, жил тогда не в Лавре, а в Москве на Троицком подворье в Богоявленском монастыре, где он вел разнообразные дела своей обители, ходатайствуя о них перед высшими властями или отстаивая в судах ее иски. Он вполне поверил доносам Шишкина на Девочкина и даже на Голохвастова, тем более что эти доносы поддерживал сам первый воевода Долгоруков. Но в Москве, несмотря на внушения келаря, по-видимому, не придавали большого значения троицким доносам и пререканиям, и Голохвастов спокойно оставался на своем месте до конца осады. Василий Иванович Шуйский, стесненный тушинцами, даже не спешил исполнить просьбы Долгорукова и Палицына о скорейшей присылке помощи ратными людьми и военными запасами. Оказывать эту помощь он предоставлял северо-восточным областям и воеводам. Только благодаря убеждениям патриарха Гермогена царь послал 60 казаков с атаманом Сухова-Останкова и 20 пудов пороху; да келарь Палицын присоединил к ним 20 человек с Троицкого подворья. В половине февраля 1609 года этот небольшой отряд успел пробраться сквозь неприятельские таборы и войти в монастырь. Только четыре человека из них были захвачены, и Лисовский приказал их казнить. За это Долгоруков велел в виду неприятелей казнить 42 пленных литвинов (западноруссов) и 19 казаков. Если верить повествователю Троицкой осады поляки, и казаки были так озлоблены сими казнями, что едва не убили самого Лисовского, и только Сапега его спас. Прибытие такой незначительной помощи, конечно, не оказало заметного влияния на ход обороны и не могло возместить страшную убыль в ратных людях.

Оборона Лавры продолжалась, однако, с неослабною энергией. Ибо над всеми невзгодами и печалями защитников высоко стояла их вера в помощь Божью и заступление св. Сергия; святость места в минуты крайней опасности возбуждала в них воинственное одушевление и горячее желание отстоять его от поругания иноверными врагами. Архимандрит и старцы продолжали питать это одушевление усердными молитвами, увещаниями и легендами о чудесных

видениях. Таковые видения объявлял иногда сам архимандрит Иоасаф, а большею частию о них повествовал инок-пономарь Иринарх. То являлся ему св. Сергий и приказывал возвестить братии, чтобы не унывала, что скоро придет помощь от царя Василия; то ученик Сергия св. Никон предстал ему во сне и повелел, чтобы болящие терли себя новым снегом, который выпадет в эту ночь, и, по словам летописца, те, которые с верою исполняли сие повеление, получали облегчение.

Укрепленные верою, некоторые защитники монастыря из простолюдинов отличились поистине богатырскими подвигами. О них летописец (Палицын) сообщает нам любопытные подробности. Так между даточными людьми был один крестьянин прозванием Суета, великан ростом и силою, но неопытный в военном деле, нехрабрый и неумелый боец; что навлекало на него насмешки. Однажды во время большой вылазки он объявил: «Сегодня или умру, или получу большую славу». И действительно, он принялся так рубить своим бердышом, что поразил многих врагов, защищенных бронею, и с кучкою пеших товарищей отбил в одном месте целый полк Лисовского. В том же бою отличились троицкие служки Пимен Тененев и Михаил Паглов; первый ранил в лицо из лука самого Лисовского, так что тот свалился с коня; а второй убил пана Юрия Горского, избил многих ляхов, пытавшихся отнять его тело, и овладел им вместе с конем. Прославились еще своими подвигами московский стрелец Нехорошко и клементьевский крестьянин Никифор Шилов. Но особенно «охрабрил» (по выражению летописца) чудотворец Сергий троицкого слугу Анания Селевина, выезжавшего в поле на быстром коне. Поляки и русские изменники так его боялись, что избегали близко встретиться с ним и старались убить его издали, т.е. застрелить; но тщетно. Тогда поляки решили обратить свои выстрелы на его коня; вследствие чего на разных вылазках конь его был ранен шесть раз, а от седьмой раны пал. Анания принужден был сражаться пеший. Тут его ранили из пищали в большой палец ноги и раздробили всю плюсну. Нога его распухла, но он продолжал ратоборствовать. Его опять ранили в ту же ногу и разбили колено. Нога отекла до пояса, и Анания оттого скончался.

По истечении зимы военные действия оживились, так что весною и летом 1609 года с одной стороны возобновились приступы поляков, с другой усилились вылазки осажденных. Вследствие приходивших с северо-запада известий об успешных действиях Скопина-Шуйского и союзного шведского отряда, Сапега и Лисовский уже в конце зимы стали готовиться к решительным приступам. Между прочим, в таборах Лисовского приготовили большие подвижные щиты или тарасы, сделанные из двойных бревен с отверстиями для стрельбы; каждый щит утвердили на четырех санях, которые должны были тащить к стенам на своих лошадях мужики, собранные из окрестных волостей. Кроме того, Сапега требовал подкреплений из Тушинского лагеря или из «больших таборов», как называли его русские. Но Лжедимитрий также туго оказывал помощь осаждавшим Троицкий монастырь, как и царь Василий осажденным, отзываясь тем, что ему самому приходится плохо ввиду успехов царского северо-западного ополчения.

Второй большой приступ произведен был ночью на 28 мая. Неприятели скрытно подвезли к станам бревенчатые щиты на колесах и всякие «приступные козни» или «стенобитные хитрости»; приставили лестницы и полезли на стены, а ворота стали бить «проломными ступами» или таранами. Но осажденные уже знали о предстоящем приступе и приготовились. Из нижних или подошвенных боев встретили нападающих огнем пушек и пищалей, а сверху стен бросали на них бревна и камни, обливали кипятком с калом, горящею смолою и серою и засыпали им глаза толченою известию. Ратным людям при сем помогали и женщины. Архимандрит с оснащенным собором в это время пел молебны в соборном Троицком храме. Приступ продолжался всю ночь. Когда рассвело, неприятель, видя большие понесенные им потери, со стыдом отступил. Осажденные сделали вылазку, перебили и взяли в плен многих отсталых. Тарасы, лестницы и ступы проломные забрали в монастырь и употребили их на дрова, а пленных ляхов и русских воров приставили к жерновам и заставили их молоть зерно. Спустя ровно месяц 28 июня Сапега возобновил отчаянный приступ с теми же приемами и с таким же неуспехом. На сей раз неприятелю

удалось было зажечь часть острога у Пивного двора; но осажденные вовремя его погасили. Пришлось опять отступать с большою потерею. Осажденные снова сделали вылазку и забрали к себе все «стенобитные хитрости». Так окончился и третий большой приступ. В нем участвовал с своим полком пан Зборовский, присланный сюда на помощь из Тушина. По рассказу русского летописца осады до приступа он укорял Сапегу и Лисовского за их «бездельное стояние» под таким лукошком, как Троицкая Лавра; а после приступа те в свою очередь с насмешкою спрашивали Зборовского: «Почему же ты не одолел этого лукошка»?

После того осада еще продолжалась; но подобные приступы уже не повторялись; хотя число защитников страшно уменьшилось. Если верить летописцу, в монастыре оставалось не более 200 человек, годных к бою: более 2000 ратных людей уже пало или умерло от болезней. Но и число осажденных тоже сильно уменьшилось, и не столько от руки троицких защитников, сколько от необходимости рассылать отряды в разные стороны для сбора продовольствия и для поддержания покорности в соседних областях [14].

Многие города, прежде покорившиеся Лжедимитрию, теперь отложились от него, били и прогоняли тушинцев и начали помогать царской стороне. Причиною тому были невыносимые поборы и притеснения от ляхов и русских воров, особенно беспощадные грабежи и разорения от казаков. Толчком к этому движению послужили известия о приближении Скопина-Шуйского, об успешных действиях Федора Шереметева, Алябьева и других царских воевод. Восстание поволжских и северных городов против Лжедимитрия началось еще зимою и усилилось весною 1609 года. Так постепенно отложились от него Галич, Кострома, Устюжна, Кинешма, Вологда, Белоозеро, Бежецкий Верх, Кашин, Ярославль, Шуя, Владимир Залесский, Муром, Устюг и другие. Некоторые присягнувшие Самозванцу воеводы пытались противостоять этому движению и подвергались народной казни. Так костромичи жестоко истязали Димитрия Масальского и потом его утопили. Во Владимире народ схватил своего воеводу Вельяминова и отвел его в соборную церковь, чтобы он исповедался (поновился, как сказано в летописи).

Соборный протопоп после исповеди вывел его из церкви и сказал: «Сей есть враг Московскому государству». Граждане всем «миром» осудили его на смерть и побили камнями. Отложившиеся от Самозванца города и волости большею частию должны были выдерживать ожесточенную борьбу с его полчищами. Из Тушинских и Троицких таборов отправлялись отряды для их нового покорения и наказания. Одни города удачно отбивались или вовремя получали помощь — кто от волостных жителей, кто от соседних городов и царских воевод; а другие снова попадали в руки тушинцев или сапежинцев и подвергались конечному разорению. В особенности пострадали от Лисовского вновь взятые им Галич, Кострома и Кинешма.

Очищению среднего Поволжья от воров много содействовал царский воевода Федор Иванович Шереметев, двоюродный брат Петра Никитича, погибшего во Пскове жертвою мятежа.

Еще во время Болотникова, когда Астрахань отложилась от Василия Шуйского и приняла сторону мятежников, послан был туда с ратными людьми Шереметев. Но он не мог взять Астрахань и укрепился на острове Балчике (или Балдинском), где рать его терпела от болезней и недостатка съестных припасов, и в то же время отбивала нападения изменившегося астраханского воеводы князя Хворостинина. Когда Тушинский вор осадил Москву и возмутилась большая часть Поволжья, Шереметев получил приказ идти на помощь. Он покинул Балчик, двинулся вверх по Волге и остановился в Казани. Здесь он промедлил целую зиму. Хотя сам город Казань пребыл верным Василию, но земли Казанская и Вятская находились в очень смутном состоянии; ибо многие недавно покоренные инородцы сего края, т.е. татары, мордва, черемисы и чуваши, пользовались критическим положением государства, поднимали мятежи, провозглашали царем Лжедимитрия и заодно с русскими ворами нападали на немногие русские города, рассеянные в том краю. Шереметев посылал в разные стороны ратных голов с отрядами против мятежников, ходил и сам на них; так он отнял у них город Чебоксары и освободил от осады Свияжск. Только в начале лета он с 3500 ратных людей прибыл в Нижний, который уже

несколько раз успел выдержать осаду и отбить толпы мордвы и черемис. Во все Смутное время этот город оставался неизменно верен законному государю и служил самым надежным оплотом Московского государства в северо-восточном краю. Еще до прихода Шереметева второй (по князе Репнине) нижегородский воевода Алябьев отличился своими походами и поисками против городов и волостей, передавшихся Тушинскому царику. С прибытием Шереметева очищение Среднего Поволжья от воров пошло успешнее. Из Нижнего Шереметев двинулся к Москве рекой Окой на города Муром и Касимов. Хан касимовский Ураз-Магомет явился ревностным сторонником Лжедимитрия, и доселе попытки царских воевод к его усмирению оканчивались поражениями. Шереметев взял Касимов приступом. Тут прибыли к нему из Москвы князь Семен Прозоровский и Иван Чепчугов с благодарственным словом от царя за верную службу, но вместе и с выговором за то, что он идет слишком мешкотно на помощь Москве и Троицкой Лавре.

Москва испытывала тогда двойное бедствие: тушинцы теснили ее извне, а смуты угнетали внутри. Ближайшим поводом к последним служил недостаток продовольствия. Пока коломенская дорога не была совершенно закрыта, из Рязанской области продолжались подвозы съестных припасов. Но Лжедимитрий с Рожинским вновь попытались отнять этот путь, чтобы выморить Москву голодом. Зимой 1609 году из тушинских таборов отправлен был полковник Млоцкий с отрядом, который осадил Коломну и отрезал ее от Москвы. Между тем как тушинцы плавали в изобилии, даже собаки не успевали пожирать внутренности животных, в столице наступила страшная дороговизна. При таких обстоятельствах неудовольствие против Шуйского в народе, конечно, возросло. Противная ему партия думала воспользоваться тем для его свержения. Но открыто выступили не знатные люди, а второстепенные, именно князь Роман Гагарин, известный рязанский дворянин Григорий Сумбулов и Тимофей Грязной. 17 февраля, собрав толпу буянов, они явились в Кремль, пришли в Боярскую думу и звали бояр на площадь. Но те уклонились и разъехались по домам. На площадь вышел только один князь Василий Голицын, прежде ревностный соуча-

стник в заговоре против первого Лжедимитрия, а теперь соперник Шуйского и претендент на престол. Мятежники отправились в Успенский собор и звали патриарха. Гермоген вышел на Лобное место и спрашивал толпу, что ей нужно. Вожаки начали кричать: «Царь побивает и сажает в воду нашу братию дворян и детей боярских, а их жон и детей (истребляет) втайне, и таких побитых уже с две тысячи. Вот и теперь нашу братию повели сажать в воду». Патриарх потребовал, чтобы назвали их имена; но заговорщики отвечали общими местами. Гермоген упрекал их во лжи и клевете. (Однако мы знаем, что Шуйский потопил много изменников.) Затем заговорщики начали громко читать грамоту, составленную русскими отщепенцами в Тушинском лагере. В этой грамоте говорилось, что «князя Василия Шуйского выбрали на царство одной Москвой, а иные города того не ведают, и князь Шуйский нам нелюб; ради его льется кровь и земля не умиряется, а потому на его место надо выбрать иного царя».

На эту грамоту патриарх Гермоген ответил пространным и сильным словом.

«Доселе Москве, — говорил он, — ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам. Государь царь и великий князь Василий Иванович всея Русии возлюблен, избран и поставлен Богом и всеми русскими властьми, и московскими бояры, и вами дворяны, и всякими людьми всех чинов и всеми православными христианы, и изо всех городов на его царском избрании и поставлении были в те поры люди многие и крест ему целовали вся земля, что ему государю добра хотети, а лиха и не мыслити; а вы, забыв крестное целование, немногими людьми восстали на царя, хотите его без вины с царства свести, а мир того не хочет, да и не ведает, да и мы с вами в тот совет не пристаеваем же». Далее патриарх укорял мятежников в клятвопреступлении, в измене вере и государству, и доказывал им, что если кровь льется и земля не умиряется, то делается волею Божиею, а не царским хотением.

Слова архипастыря подействовали на народ. Притом большинство московских граждан ясно сознавало, что если выбирать между Тушинским вором и царем Василием, то

последний все-таки служил представителем законной власти и государственного порядка, тогда как с понятием о тушинцах уже соединялось понятие о грабежах и насилиях с одной стороны, о грубом обмане и самозванстве с другой. Поэтому никто не пристал к толпе мятежников. Тщетно с Лобного места она шумно потекла во дворец, думая напугать царя Василия и принудить его к отречению. Около него успели собраться начальники ратных людей. Царь мужественно встретил толпу и сказал ей, что если его хотят убить, то он готов принять смерть, но что свести его с престола без согласия бояр и всей земли никто не может. Смущенные вожаки бежали в Тушино; с ними уехало до 300 человек.

Неудача этого мятежа настолько ободрила Шуйского, что он поступил с несвойственною ему решительностию, когда донесли ему о заговоре, во главе которого стал боярин Ив. Фед. Крюк-Колычов и на котором решено было убить царя в день Вербного воскресенья (вероятно, во время церковной процессии). Колычов, был подвергнут пытке, никого не указал, и потому казнен один; некоторые предполагаемые его сообщники заключены в тюрьму. Однако ропот и волнение в Москве не прекращались. Уважение к царю настолько упало, что служилые и черные люди с криком и воплем приходили к Шуйскому и спрашивали его: до каких пор им сидеть в осаде? Хлеб дорогой, промыслов никаких нет и купить не на что. Царь вступил с ними в переговоры и просил сроку только до Николина весеннего дня, потому что на помощь к нему идет с одной стороны Скопин-Шуйский с новгородским ополчением и шведами, с другой Шереметев с понизовою ратью, а с третьей союзник его крымский хан с своей ордою.

О дороговизне, существовавшей тогда в Москве дают понятие следующие показания современников: в конце февраля четверть сырой ржи стоила один рубль, а сухой 40 алтын, воз сена три рубля и выше. А в начале мая рожь поднялась до полутора и до двух рублей; гороху и крупы гречневой четверть стоила три рубля, овса от 40 алтын до рубля, «добрый» воз сена четыре рубля, корова яловица от 10 до 20 рублей, полот ветчины два рубля. По недостатку топлива, на дрова разбирали дворы опальных людей. Эти цены, как ни высоки они для того времени, показывают, что все-таки

торговля съестными припасами не прекращалась и что существовали еще значительные запасы. На дороговизну влияла также жадность богатых хлеботорговцев, которые прятали свои запасы и пускали в продажу только небольшое количество, выжидая еще большего возвышения цен. И действительно, четверть ржи дошла наконец до семи рублей. Тщетно царь убеждал купцов не прятать хлеба; купцы с своей стороны уверяли, что у них запасы истощились. Тогда царь и патриарх обратились к келарю Троицкого монастыря Авраамию Палицыну, и последний (если верить его собственному рассказу) помог делу. У него на Троицком подворье при Богоявленском монастыре оставались еще порядочные запасы ржи, и он вдруг пустил ее в продажу по два рубля. Купцы с своей стороны принуждены были также понизить цену. Когда же прекратилась продажа монастырского хлеба, рожь опять поднялась в цене. Царь снова обратился к келарю; на возражение сего последнего, что монастырские люди на подворье сами могут остаться без пищи, Шуйский обещал выдавать им из собственной казны на покупку хлеба, если цена его даже удесятерится. Палицын послушался и отпустил на рынок еще 200 мер из монастырских житниц, чем снова понизил цену.

Около того же времени из Тушина прибежал в Москву вышеупомянутый князь Гагарин. Он раскаялся в своей измене, и всенародно говорил, что в Тушине сидит истинный вор и что все зло идет от польского короля, который хочет искоренить православную веру. Его речи, наряду с вестями о скором приходе Скопина-Шуйского с иноземною помощью, благотворно повлияли на умы и многих удержали от измены, т.е. от переезда в Тушино. А что касается сношений Москвы с городами, то царь Василий деятельно поддерживал эти сношения, несмотря на осаду. Он постоянно рассылал грамоты с увещанием отстать от вора или крепко держаться законного правительства, помогать царским воеводам людьми и обо всем с ними советоваться; извещал о каждом своем успехе и походе Скопина; расточал похвалы верным и обещал награды. Грамоты его проносились сквозь неприятельские посты помощию разных хитростей; например, зимою они вклеивались в лыжи посланцев.

Предводители тушинцев ясно видели перемену обстоятельств в пользу Василия; а потому, не дожидаясь прихода Скопина со шведами, решились на новую попытку овладеть Москвою. В таборах Самозванца оставалось тогда мало войска; ибо значительная часть его стояла в ближних городах или занималась усмирением восставших областей. Рожинский стянул какие можно было отряды и вывел из обозов свою пехоту и конницу. Но в Москве уже знали о его намерении и приготовились. 5 июня в Духов день на берегах Ходынки тушинцы встретились с Московским ополчением; польская конница ринулась на московскую; последняя расступилась и открыла гуляй-городки, т.е. подвижные укрепления на колесах, вооруженные пушками. Эти гуляй-городки открыли пальбу в лицо полякам, а московская конница ударила на них с боков. Тушинцы были разбиты; москвитяне их преследовали, и только Заруцкий с донцами помешал царскому войску ворваться в таборы. Спустя три недели Рожинский возобновил попытку большого приступа, и тушинцам удалось зажечь внешнюю или деревянную стену. Они уже опрокинули московскую конницу и потеснили пехоту. Но на помощь последним пришли мужественные воеводы, с одной стороны князь Ив. Сем. Куракин, с другой князь Андрей Вас. Голицын и Борис Мих. Лыков. Битва длилась целый день, и, по замечанию летописца, в течение всей осады москвичи не дрались с такою храбростию, как в этот день. Тушинцы были вновь разбиты; многие из них во время битвы попали в Москву-реку и потонули. После того попытки больших приступов прекратились. Осада еще продолжалась; но в Москве уже все надеялись на близкое от нее избавление. Вскоре удалось освободить и важный путь Коломенский. Хотя Прокопий Ляпунов, очистивший от воров рязанские города, и был отбит Млоцким от Коломны; но слухи о приближении с одной стороны шведов, с другой крымцев, с третьей Шереметева заставили Млоцкого 17 июля покинуть блокаду Коломны и отступить к Серпухову. Спустя неделю Крымский калга-султан действительно приблизился к Коломне в качестве союзника царя Василия; но потом он повернул домой, вероятно, довольствуясь награбленною добычею и полоном и нисколько не желая вступать в битвы с отрядами Лжедимитрия[15].

Зато слухи о победоносном приближении Скопина-Шуйского оправдались.

Шведское правительство того времени немало было озабочено успехами поляков в Московской земле: в случае их окончательного торжества, оно должно было рассчитывать на дальнейшее совместное действие Польши и Москвы против Швеции; а это обстоятельство грозило не только потерею занятой шведами Эстонии и части Ливонии, но и лично Карлу IX потерею шведского престола. Кроме того, Карл сильно желал воспользоваться обстоятельствами, чтобы расширить пределы своего королевства со стороны Московии. Посему он очень охотно отозвался на просьбу Михаила Скопина-Шуйского о военной помощи. Он даже послал новгородцам грамоту с уведомлением о скором прибытии сей помощи и с увещанием мужественно стоять против польских и литовских людей за Московское государство и свою «старую Греческую веру». В том же духе некоторые пограничные шведские начальники писали в московские северные монастыри и города. В конце февраля 1609 года в Выборге был подписан окончательный договор, с одной стороны, русскими послами стольником Семеном Головиным и дьяком Сыдавным Зиновьевым, с другой — шведскими уполномоченными. Сей договор подтверждал обязательство шведского короля выставить вспомогательное войско из 2000 конницы и 3000 пехоты, а сверх того сколько можно будет набрать. Кроме определенной денежной платы, Василий Иванович Шуйский в вознаграждении за помощь не только отказывался от русских притязаний на Ливонию, но и отдавал шведам пограничный город Корелу (Кексгольм) с уездом. Вместе с тем обе стороны заключили оборонительный союз против Польши, так что в случае нужды Шуйский должен был помогать своим войском Карлу IX, и никто из них обоих не мог заключить отдельного мира с польским королем. Договор довольно обстоятельно определял положение шведского вспомогательного войска в русских пределах. Так шведы обязались не допускать своих ратных людей причинять какие-либо насилия и грабежи жителям; с литовскими пленниками они могли поступать как им угодно, но русских пленников должны были отдавать на окуп и т.д. По смыслу дого-

вора все это вспомогательное войско поступало в ведение князя Михаила Скопина-Шуйского. Последний чрез своих уполномоченных вручил шведским поверенным около 5000 рублей в виде задатка наемному войску, но не в зачет его будущего жалованья. Для сдачи города Корелы положен был срок в несколько месяцев с условием взять из церквей все образа и всю церковную утварь, а из крепости пушки, пищали и военные снаряды, и, кроме того, вывести тех жителей, которые пожелают уйти на Русь. Долгий срок, очевидно, назначен был с тем расчетом, чтобы прежде посмотреть, какой толк будет от шведской помощи и стоит ли она того, чтобы ради нее поступиться хотя и одним уголком Русской земли — черта, заслуживающая похвалы и подражания, особенно если вспомним, в каких трудных обстоятельствах находились тогда и царь Шуйский, и все Московское государство.

В следующем месяце марте вспомогательное войско уже вступило в русские пределы. Сверх условленных 5000, оно заключало еще несколько тысяч человек, и было набрано из наемников разных наций, каковы шведы, французы, шотландцы, немцы и даже русские охотники. Все это были люди хорошо вооруженные и обученные, состоявшие под командою опытных, надежных военачальников; таковы: Эверт Горн, Христиерн Зоме, Аксель Курк и Андрей Бойе. А во главе стоял молодой, но уже прославившийся воинскими подвигами Яков Делагарди, сын известного французского выходца Понтуса Делагарди и племянницы Карла IX (незаконной дочери его предшественника и брата Иоанна). В ранней молодости он сражался с поляками в Ливонии и даже побывал у них в плену; а потом изучил военное искусство преимущественно в Голландии под руководством принца Морица Нассаусского. На границе шведов встретил воевода Иванис Ададуров с небольшим русским отрядом.

Появление шведского вспомогательного войска немедленно повлияло на ход событий, некоторые северные города покинули Самозванца и перешли на сторону Шуйского, например, Орешек, откуда воевода его Мих. Глеб. Салтыков уехал в Тушино. Оставив, по просьбе Скопина, главные силы в Тесове, Делагарди 30 марта вступил в Новгород, где ему

оказана торжественная встреча. Тут оба молодые вождя, русский и шведский, сблизились, и вскоре между ними завязалась дружба, основанная на взаимном уважении. Скопин-Шуйский произвел на шведов приятное впечатление своею сановитою наружностию, приветливостию и разумным поведением. Главное затруднение, встретившееся на первых же порах, состояло в недостатке денег на уплату шведам жалованья; так как московская казна была пуста. Скопин усердно рассылал грамоты в северные области, с настоятельным требованием о сборе и присылке денег или вместо них соболей, сукон, тафты и других товаров, годных для уплаты иноземным ратным людям. Некоторые города поспешили исполнить требование, и часть жалованья была уплачена. Делагарди думал прежде заняться очищением городов, признававших Лжедимитрия, например Ямы, Копорья, Ивангорода; но Скопин не хотел терять на них времени и торопил его идти на освобождение столицы от осады; после чего другие места сами собой отпали бы от Самозванца. Прежде всего надобно было очистить путь к Москве, который заслонял Кернозицкий, все еще стоявший в Старой Русе. Делагарди выслал передовой отряд под начальством Эверт Горна; Скопин присоединил к нему и русский отряд, предводимый Головиным и Чулковым. Кернозицкий сжег Русу и ушел; однако шведо-русский отряд настиг его и наголову разбил около села Каменки. Тогда ближние города, Торопец, Холм, Великие Луки, Ржев и некоторые другие, покинули стороны Тушинского вора, принесли повинную и присягнули Шуйскому. Только в пользу мятежного Пскова Скопин сделал исключение и послал войско, чтобы овладеть сим важным пунктом. Была надежда покончить с ним в короткое время, с помощию партии лучших людей, которые сносились с Новгородом и звали царских воевод. Но эта надежда не оправдалась.

15 мая 1609 года во Пскове произошел страшный пожар, который захватил и самый Кром с Троицким собором; порох, хранившийся в погребах под городскими стенами взорвало; причем часть стены и башен обрушилась. Однако это бедствие не прекратило внутренней борьбы партий: меньшие люди, стрельцы и казаки продолжали свирепствовать

против больших людей, т.е. бояр, дворян и гостей. Казачий атаман Корсаков, державший стражу на Новгородской дороге, прислал в город весть о приближении новогородско-шведского отряда. Но большие люди схватили посланца и засадили его в тюрьму. Ничего не подозревая, псковичи всем народом отправились 28 мая встречать икону Богородицы, которую в этот день приносили из Печерского монастыря. Вдруг позади их послышались пушечные и ружейные выстрелы. Новогородско-шведский отряд спешил войти в Великие ворота, которые лучшие люди нарочно оставили отвворенными. Но атаман Корсаков встретил подступавших ружейным огнем; а со стен загремел пушечный наряд; особенно псковские стрельцы своим храбрым сопротивлением удержали московское войско, пока народ успел войти в город и принять участие в битве. Видя неудачу, царское войско остановилось в селе Любатове. Казачий гонец, освобожденный из тюрьмы, рассказал, как лучшие люди помешали ему дать весть. Тогда в городе произошло сильное волнение. Один священник, пытавшийся бежать в Любатово, был схвачен и подвергнут пытке. Он оговорил других; их также пытали; те оговорили третьих. На этих пытках присутствовали самозванцев воевода Жировой-Засекин и дьяк Иван Луговский. Но от них власть уже перешла к меньшим посадским людям и стрельцам. Из среды последних выдался зычным голос и дикою энергией некто Тимофей, прозванием Кудекуша Трепец, который и подчинил себе толпу, так что стал указывать воеводам и начальным людям. По словам летописца, многие бояре и дворяне, уличенные в тайных сношениях с Новгородом, были мучимы; им ломали ребра, жгли их на костре. Мятежная чернь восстановила прежний вечевой быт Пскова: часто звонили в колокол и собирали народ на вече, где крикуны играли главную роль. Тщетно новгородцы и шведы приходили из Любатова и затевали бой с псковичами; последние храбро отбивали их нападения. Скопин-Шуйский, не желая развлекать свои силы и тратить время на осаду Пскова, предоставил его самому себе, и отозвал свой отряд.

Меж тем весть о поражении Кернозицкого произвела сильную тревогу в Тушинских таборах. Чтобы прикрыть дорогу из Новгорода в Москву, посланы были Зборовский и

известный князь Григорий Шаховской с 3000 поляков и русских. Они подступили к Торжку; начальствовавший здесь воевода Чеглоков спешил уведомить о том Скопина, прося помощи. Скопин и Делагарди, стоявшие в это время около Крестецкого Яма, наперед себя отрядили к Торжку стольника Головина и Эверта Горна с 2000 русских и шведов. Этот отряд напал на Зборовского и Шаховского. Бой длился с переменным успехом; наконец тушинцы отступили и засели в Твери. Когда прибыли к Торжку Скопин и Делагарди, то вместо Зборовского и Шаховского они встретили здесь 3000 смольнян с князем Яковом Барятинским и Семеном Ададуровым, которых, по требованию царя, смоленский воевода Шеин послал на помощь Скопину и которые уже успели отобрать у тушинцев города Дорогобуж, Вязьму и Белую. Зборовский из Твери прислал письмо Делагарди, убеждающее его оставить неправую сторону Шуйского и перейти на службу к якобы законному государю Димитрию. Делагарди дал ему резкий и колкий ответ. Соединясь в Твери с Керносицким, Зборовский храбро вступил в бой со шведами и русскими. Проливной дождь испортил огнестрельные снаряды в шведском войске; оно не выдержало натиска польской конницы, расстроилось и ушло в свой лагерь. Дождь шел и на другой день. Считая себя победителями, поляки расположились в Твери и предались беспечности. На это обстоятельство верно рассчитали Скопин и Делагарди, и на третий день, 13 июля, ранним утром напали на Тверской острог. Захваченные врасплох, поляки были разбиты наголову, изгнаны из острога, и отступили, потеряв пушки и знамена. Только часть их, засевшая в кремле, успела отбить приступы русских и шведов. Верный своей системе не терять времени на осаду крепостей и, рассчитывая, что неприятели сами покинут этот кремль, Скопин двинулся далее. Но тут между союзниками произошел разлад.

И вообще нелегко было поддерживать порядок и повиновение в разноплеменном сброде наемников, а при данных обстоятельствах эта задача оказалась очень трудною. Недостаток в деньгах поневоле заставил московское правительство замедлить уплатою условленного содержания; к сему присоединились и другие неудовольствия. Шведы,

между прочим, жаловались на вероломство русских, которые под Тверью стали грабить обоз союзников в то время, когда сии последние сражались с поляками. Наемники вдруг объявили, что они не хотят идти в глубь Московского государства, и повернули назад. Тщетно Делагарди вместе с своими офицерами старался утишить волнение и победить упорство солдат. Чтобы не отделиться от войска, он принужден был сделать вид, что сам держит сторону недовольных. Ушедшему вперед Скопину он послал требование уплатить жалованье наемникам и немедля сдать город Корелу; а сам вошел в Тверь, которую поляки успели уже очистить. Однако мятежное войско не хотело оставаться здесь; Делагарди принужден был отойти далее назад и остановился под Торжком. Только Христиерн Зоме с отрядом в 1000 человек пошел на соединение со Скопиным. Сей последний ввиду таких неблагоприятных обстоятельств, уклонился от прямого пути к столице, перешел на левый берег Волги и направился к Калязину монастырю, чтобы соединиться там с отрядами, шедшими к нему из северных городов под предводительством Вышеславцева и Жеребцова. Здесь он остановился на некоторое время. Сознавая главный недостаток русской рати, большею частию набранной прямо от сохи, а потому не умевшей сражаться в открытом поле с более опытными в военном деле хоругвями, Скопин при помощи Зоме усердно принялся обучать своих ратников военным построениям и искусству владеть оружием. А между тем он вел деятельные переговоры с Делагарди и употреблял все усилия уладить дело со шведским вспомогательным войском. Чтобы достать средства на уплату жалованья, из Москвы и Калязина рассылались по городам грамоты с настойчивым требованием о присылке денег, соболей и товаров. Это требование не осталось тщетным; мало-помалу казна стала собираться и жалованье шведам начали уплачивать. Между прочим, Соловецкий монастырь прислал около 17 000 рублей; богатые сольвычегодские граждане Строгановы также прислали значительные суммы. Только пермичи в эту эпоху выделились из среды северных городов своими уклончивыми ответами и нежеланием жертвовать на общее государственное дело.

В Тушине знали о раздоре шведов с русскими и радовались. Когда же пришли известия о готовившемся их примирении, там задумали разбить Скопина до прихода шведов. Дело это было поручено Сапеге совместно с Зборовским. Они двинулись из-под Троицы с войском, состоявшим из 12 000 поляков и казаков, и надеялись легко одолеть 20-тысячное ополчение Скопина. При их приближении Скопин выслал на правый берег Волги отряд с Барятинским, Головиным, Валуевым и Жеребцовым. 18 августа на болотистых берегах речки Жабни эти воеводы вступили в битву с тушинцами, и, пользуясь местностью, удержались до прибытия самого Скопина и Зоме с главными силами. Битва была очень упорна и продолжалась до солнечного заката. Обучение, хотя и кратное, русских военному искусству принесло свои плоды. Поляки с удивлением увидали их стойкость в открытом поле и жестоко обманулись в расчете разбить Скопина, чтобы уничтожить надежду на него московских и троицких сидельцев. Вознося горячие молитвы преподобному Макарию Калязинскому, русские мужественно наступали и наконец сломили врагов. Поляки побежали и были преследуемы до своего лагеря у Рябой Пустыни, где они укрылись, благодаря наступившей темноте, а потом и совсем ушли, Сапега под Троицу, Зборовский в Тушино. Победители воротились в Калязин монастырь. Здесь Скопин пробыл еще несколько времени, пока переговоры его и царя Василия с Делагарди окончились благополучно. Шведский вождь, по требованию своих солдат отступивший еще далее, к Новгороду, наконец с помощию присланных денег убедил их снова двинуться вперед, и тем более что получил повеление от короля в том же смысле. Но за ним последовала только меньшая часть; а большая часть наемников или сама покинула его, или по настоянию своему была отпущена им на родину. Чтобы пополнить убыль, он послал несколько офицеров в Нарву и Выборг вербовать свежие отряды. В конце сентября Делагарди прибыл в Калязин и соединился со Скопиным, который встретил его торжественно и роздал его воинам дорогих мехов почти на 20 000 рублей.

Вести о победоносном приближении Скопина оживили московских граждан и троицких защитников надеждою на

скорое освобождение. Но это освобождение все еще замедлилось. Вместо того, чтобы спешить к Москве, Скопин с своими союзниками двинулся к Александровской Слободе, выбил оттуда отряд Сапежинцев и засел в этом хорошо укрепленном городе. Несмотря на свою молодость, он не рвался и не выходил из пределов осторожности и предусмотрительности. Главные силы Лжедимитрия представляли все еще многочисленных, хорошо вооруженных и опасных противников; было бы не совсем благоразумно вступить с ними в решительную битву, рискуя разом потерять все приобретенные выгоды. Скопин воспользовался важным положением Александровской Слободы и отрезал тушинцев от северных областей, откуда они получали свое продовольствие. Еще до занятия Слободы шурин его Головин врасплох захватил Переяславль и прогнал оттуда поляков, чем отрезал от Сапеги Лисовского, стоявшего в Ростове. Лисовский отошел в Суздаль. В конце октября 1610 года (сентябрьского стиля) оба гетмана, Рожинский и Сапега. попытались было соединенными силами выбить Скопина из Александровской Слободы, но не могли выманить его в открытое поле, и без успеха воротились в свои таборы.

Александровская Слобода на некоторое время сосредоточила на себе общее внимание: Москва и Троица со дня на день ожидали отсюда своего освобождения; а враги со страхом смотрели на постепенное усиление здесь Скопина-Шуйского, к которому с разных сторон шли царские воеводы на подкрепление. Так сюда прибыл давно ожидаемый Федор Ив. Шереметев с низовою ратью, а из Москвы от царя пришли подкрепления с двумя боевыми воеводами, князьями Куракиным и Лыковым. Пришел и отряд («станица») рязанцев. Но при нем оказались посланцы от Прокопия Ляпунова с недобрыми грамотами. Пылкий, нетерпеливый Ляпунов в этих грамотах спешил выразить то, что у многих русских людей того времени было не только на уме, но и на языке. Обаяние личности Скопина и его военные успехи возбудили желание и надежду, что именно он будет наследником московского престола после бездетного и нелюбимого Василия Шуйского. А Ляпунов пошел еще далее: ждать смерти Василия казалось ему слишком долго; в своих грамотах он

осыпал царя разными укоризнами и прямо предлагал Скопину возложить на себя корону и взять в свои руки скипетр. Честный юноша был возмущен таким предложением, велел схватить посланцев и думал отправить их в Москву как преступников. Едва умолили они отпустить их в Рязань, ссылаясь на то, что действовали под угрозами Ляпунова. Скопин думал просто предать это дело забвению и не донес о нем дяде. Но нашлись другие доносчики, которые передали его в Москве, конечно, с разными прикрасами, и сумели внушить царю подозрение на племянника. Вознегодовали на него и братья Василия, Иван, а в особенности Димитрий, который сам рассчитывал наследовать московский престол. Таковы были последствия ревности не по разуму со стороны Ляпунова.

Очищение ближайших городов и дорог, ведущих в Москву, от тушинских шаек продолжалось. Выше мы видели, что Млоцкий с своим отрядом оставил осаду Коломны и отошел к Серпухову. Но руководимые им воровские шайки все еще держали Коломенский путь в своих руках и не пропускали запасы в столицу. Военное движение в те времена овладело не одними городами, но также и селами. Крестьяне во многих местах составляли отряды и действовали одни под знаменем Шуйского, другие Лжедимитрия. Некоторые из их предводителей выдвигались своею удалью, а чаще своею свирепостию. Так на Коломенской дороге во главе воровских шаек появился какой-то хатунский мужик Салков, напомнивший несколько Ивана Болотникова. По приказу царя коломенский воевода князь Василий Масальский собрал большие запасы продовольствия для столицы и сам провожал обоз с значительною ратною силою. Но Салков соединился с Млоцким; около Бронниц они напали на Масальского, разбили его и отняли запасы, а чего не могли увезти, то сожгли. Царь Василий распорядился, чтобы по Коломенской дороге строили острожки, под прикрытием которых шел бы провиант в столицу. Но эта мера оставалась безуспешною, пока в той стороне свирепствовал Салков с своими шайками. Он не ограничился Коломенской дорогой; но, приблизясь к Москве, стал прерывать сообщения по Владимирской и другим соседним дорогам. Высланный против него воевода

Сукин не имел успеха. Только князю Димитрию Михайловичу Пожарскому удалось наконец наголову поразить Салкова на реке Пехорке, на Владимирской дороге. Салков после того с немногими оставшимися у него людьми явился в столицу и принес повинную царю Василию. По-видимому, царь поступил с ним милостивее, чем с Болотниковым. Вскоре Млоцкий был также побит и от Серпухова отошел к Можайску.

Когда вокруг Скопина собрались почти все свободные ратные силы, он начал последний акт своего похода, т.е. движение от Александровской Слободы к Троице и к Москве. Но и тут не думал предоставить дело открытой решительной битве, исход которой мог зависеть от разных случайностей, и тем более, что наемное шведское войско все еще ожидало свежих отрядов и действовало пока в незначительном количестве. Поэтому Делагарди разделял осторожность Скопина, и оба вместе они выработали план подвигаться вперед с помощью лесных засек и острожков: для первых рубили и сваливали деревья, которые служили закрытием для стрелков и затрудняли атаки польской конницы; а временные острожки или городки строились при движении в более открытых местах, укреплялись валом со рвом и вбитым на валу частоколом. Как только тушинцы после неудачной атаки уйдут назад, царское войско переходило на другой удобный пункт и опять строило там или засеку, или городок. Таким образом оно все более и более теснило неприятеля и прекращало подвозы ему съестных припасов.

Прежде Москвы от осады освобождена была Троицкая Лавра. Имея впереди себя Сапегу, а в тылу Лисовского, который стоял тогда в Суздале, Скопин отрядил вперед воеводу Жеребцова с 900 ратников. Обложение было уже так слабо или так беспечно, что воевода, незамеченный неприятелем, вошел в монастырь. За ним прибыл Григорий Валуев с 500 человек. Соединясь с уцелевшими троицкими защитниками, они сделали большую и удачную вылазку одновременно в разных пунктах. Это была последняя битва под стенами Лавры. Угрожаемый главными силами Скопина, Сапега 12 января 1610 года снял осаду и отошел к Дмитрову. После шестнадцатимесячного осадного томления Лавра наконец

вздохнула свободно. Вскоре сюда прибыл сам князь Скопин и с великою честью был встречен иноками. Они открыли его войску свои житницы, в которых оставались еще кое-какие запасы; а шведским наемникам выдали несколько тысяч рублей из монастырской казны[16].

За Лаврою наступила очередь освобождения от тушинцев и для самой столицы. Это освобождение совершилось легче, чем можно было ожидать, благодаря политическим осложнениям, вновь возникшим со стороны Польши.

При Краковском дворе, откуда велись важнейшие интриги против Московского государства, конечно, внимательно следили за всем, что здесь происходило. Главная цель этих интриг, заключавшаяся в возбуждении смут и внутренних междоусобий, была вполне достигнута. Государство разодрано на две беспрерывно изменявшиеся части: одна стояла за Василия Шуйского, другая за Лжедимитрия II. Польские и казацкие шайки, под рукой направляемые на Восточную Русь, беспрепятственно разоряли, истребляли русское население и подготовляли завоевание если не всей Московской земли, то значительной ее части. Польский король, недавно покончивший с внутренним рокошем, выжидал теперь удобного момента, когда можно будет воспользоваться сею подготовкою и самому торжественно, официально выступить в роли вершителя русских судеб. Хотя второй Лжедимитрий, в сущности, был таким же орудием польской интриги, как и первый; однако король и паны-рада не особенно хлопотали о его окончательной победе над Шуйским и водворении на московском престоле. Пример первого Самозванца показал, что в таком случае расчеты на даровое приобретение обширных областей могут оказаться ошибочными; с другой стороны, второй Самозванец являлся слишком известным и грубым обманом, чтобы польско-литовский король без явного унижения своего достоинства мог входить с ним в какие-либо дипломатические сношения, а тем более заключать политические трактаты и союзы. Третья причина относительного равнодушия к нему могла быть церковная: Римская курия, Иезуитский орден и высшее польское духовенство потратили много усилий и хлопот на помощь первому, окатоличенно-

му, Самозванцу, и должны были разочароваться в своих на него надеждах. Второй Самозванец не только не был католиком, напротив, он, по-видимому, старался показывать свою приверженность к православию. Во всяком случае, совсем незаметно, чтобы католическое духовенство принимало в нем такое же деятельное участие, как в его предшественнике. Еще менее могло быть побуждений у польского правительства поддерживать сторону Шуйского и желать ему решительной победы, хотя официально оно продолжало сноситься с ним как с законным государем; причем делало вид, что польско-литовские и запорожские дружины, воевавшие Московскую Русь, действовали самовольно, вопреки всем запрещениям и препятствиям, будто бы от него исходившим. Но вот в московские дела вмешалась враждебная Польше Швеция, и стала помогать восстановлению законных прав, законного порядка. Борьба обоих соседей за Ливонию в то время затихала в Балтийском крае; но поляки хорошо понимали, что эта борьба переносится шведами на поля Московии. А главное, они с великим негодованием увидели, как вместе с успехами соединенных сил Скопина и Делагарди, из польских когтей начала ускользать столь верно рассчитанная добыча. Тогда в Кракове решено было не медлить долее, и Сигизмунд III стал готовиться к самоличному вторжению в московские пределы, прежде чем Шуйский мог окончательно восторжествовать над своим противником и восстановить государственный порядок в Московской земле.

Тут представился важный вопрос: какую ближайшую задачу должен преследовать польский король?

Этот вопрос возник вследствие кандидатуры королевича Владислава на московский престол, кандидатуры, выставленной частью московских бояр еще при жизни первого Лжедимитрия, а во время наступившей Смуты все более и более приобретавшей между ними сторонников. По некоторым известиям при Краковском дворе шли теперь горячие споры и обстоятельные рассуждения о том: объявить ли сию кандидатуру немедля и идти собственно на завоевание московского престола для Владислава или повременить с нею, а прежде заняться покорением тех областей, которые еще

недавно принадлежали Польско-Литовскому королевству, но были отторгнуты от него во времена Ивана III и Василия III, т.е. Северской и Смоленской?

По-видимому, решение колебалось то в ту, то в другую сторону. В конце концов возобладала вторая задача, без сомнения в связи с следующими соображениями и обстоятельствами.

Во-первых, польское правительство хорошо сознавало, что москвитяне, сажая на свой престол королевича, неизбежно потребуют от него перемены религии в пользу православия; а такая перемена вызвала бы сильное столкновение с Римской курией; на что Сигизмунд как ревностный папист и католик был отнюдь неспособен. Следовательно, предстояло еще изыскать средства для устранения великого затруднения с этой стороны. Во-вторых, королевич в качестве московского царя был бы поставлен в крайне неудобное положение перед своими подданными, если бы начал царствование отдачею некоторых областей соседнему государству; следовательно, отторжение сих областей от Москвы, во всяком случае, должно было предшествовать занятию Владиславом московского престола. Пример первого Лжедимитрия ясно говорил, что царствование его в самом начале могло окончиться трагически, если им слишком резко будут нарушены церковные и государственные интересы его будущих подданных. Наконец поляки имели перед глазами яркие примеры своих королевичей, занимавших соседние престолы, но без особых выгод для Речи Посполитой. Так Ягайловичи в XV и начале XVI столетия занимали престолы Венгрии и Чехии; но династия их там не утвердилась, и Польша от того не усилилась. Это не то что цепкие немецкие династии, самыми видными представителями которых служат австрийские Габсбурги. Очевидно, по зрелом обсуждении вопроса в кругу некоторых сенаторов и ближних советников, Сигизмунд III решил прежде всего как можно более отвоевать областей у Московского государства для Речи Посполитой, а затем, смотря по обстоятельствам, посадить ли сына на московский престол или еще лучше самому занять его и таким образом под одною короною соединить Польшу, Литву и Москву, и потом их общими силами добывать наследственную Швецию. Сей последний план наиболее улыбался иезу-

итам, вообще католическому духовенству; ибо не только о перемене религии в таком случае не могло быть речи, но и представлялось гораздо более возможности ввести излюбленную унию в Восточной Руси так же, как она была введена в Западной. Представлялось также возможным Сигизмунду, восстановить свои права в Швеции, воротить ее в лоно католической церкви. Одним словом, перед ним открывались широкие церковные и политические горизонты.

Было и еще одно обстоятельство, также несколько отклонявшее короля от немедленного объявления кандидатуры Владислава на московский престол и посылки королевича с войском в пределы Московии: это усильные ходатайства Юрия Мнишка совместно с посланцами Лжедимитрия и тушинских поляков. Кандидатура Владислава, само собой разумеется, прежде всего должна была устранить Самозванца, опиравшегося на польское войско, а Мнишек, конечно, принимал близко к сердцу интересы своей дочери и ее мужа. От их имени он давал королю клятвенные обещания, что если зять его займет Москву, то выполнит условие об отдаче полякам Северской и Смоленской земли — условие, заключенное еще первым Лжедимитрием, — лишь бы король не посылал своего сына. Ходатайства Мнишка поддерживал его влиятельный родственник краковский епископ Бернард Мацеевский. Весьма возможно, что в сем случае он также находил некоторую поддержку себе у своего старого соумышленника в деле польско-русской интриги и начального автора Московской смуты, т.е. у литовского канцлера Льва Сапеги, который хотя тайно, но несомненно продолжал играть роль главного покровителя самозванщины в Московской Руси. Притом, если у Мнишка под Москвою находились дочь и зять, то у Сапеги на их службе пребывал его двоюродный брат. Сапега, однако, стоял выше личных, корыстных интересов Мнишка, и если оставлял в покое Самозванца, то только до тех пор, пока считал его полезным для польского дела вообще. Кроме поддержки некоторых вельмож, старый Мнишек успешно интриговал и на сейме в том же смысле, т.е. против посылки королевича в Москву.

Прежде чем осуществить свои заманчивые цели и обнять широкие горизонты, Сигизмунду III пришлось считаться с

суровою действительностью, т.е. с своею жалкою королевскою властию и польским безнарядьем: надобно было хлопотать о согласии сейма на войну с Москвою и об изыскании для нее средств. Впрочем, сейм на этот раз легко согласился с тем, что не следует упускать удобного времени для нанесения удара исконной сопернице Польши, и тем более, что король обязался не преследовать никаких династических целей и не имеет на первом плане московскую кандидатуру Владислава, а имеет в виду одну пользу Речи Посполитой. В сенате против войны возражали только три, четыре человека; а в посольской избе совсем не возражали и молча согласились на так наз. *эксцепту*, т.е. на освобождение в военное время от известных судебных позвов всех тех, которые будут служить под королевскими знаменами. Эта привилегия обыкновенно заставляла записываться в войско многих шляхтичей, угрожаемых судебными процессами, особенно со стороны своих кредиторов. Затем начались сборы денег, военных и съестных припасов, вербовка и вооружение жолнеров и стягивание их в намеченные пункты.

Любопытно, что о сих намерениях и приготовлениях польского правительства в Москве получились своевременные и довольно верные сведения, преимущественно из Смоленска. Сидевшие здесь воеводы Мих. Борис. Шеин, князь Петр Ив. Горчаков и дьяк Никон Алексеев зорко следили за всем, что происходило по ту сторону рубежа, посредством своих «лазучников», которые ходили в порубежные литовские города, добывали там вести от своих «сходников» или местных обывателей, подкупленных московскими деньгами и дорогими мехами. Но, очевидно, тут действовал не один подкуп, а часто влияли симпатии единоверия и единоплеменности. Не забудем, что за литовским рубежом жило русское и православное население, среди которого можно было встретить много людей, более сочувствующих страданиям Московской Руси, чем польско-казацким насилиям и неправдам. Шеин узнавал и передавал в Москву не только о том, что делалось за рубежом, но и о том, что творилось в Тушинских таборах под Москвою. Не только западнорусские жолнеры, но также западнорусские купцы, побывавшие в этих таборах со своими товарами, возвращались на родину и рас-

сказывали о всем там виденном и слышанном. Между прочим, в марте 1609 года воротившиеся жолнеры сообщали такую весть о Тушине: «Крутиголова Димитрий, что зовется цариком, хочет оттуда идти прочь и стать на новом месте, потому что весною смрад и вонь задушат войско; а по просухе хочет добывать Москву огнем». Но воротившиеся торговцы говорили, что «вор хочет бежать, потому что боится Рожинского и казаков; так как ему нечем платить жалованье войску». В то же время вести из-за рубежа сообщали, что столько-то пехоты и конницы собралось под Могилевом и Оршею, но что еще неизвестно, идут ли они добывать Смоленск или двинутся мимо него на Москву; что казаки запорожские в числе 7000 собрались в Каневе, Переяславе и Черкасах и просятся у короля идти под Смоленск; что стараниями Сендомирского воеводы поход королевича на Москву отменен; что из Орши купцы хотят ехать в Смоленск, но их не следует сюда впускать, потому что между ними много (польских) лазутчиков, которые намерены произвести здесь смуту, и пр. Один из западноруссов, сообщавших подобные вести, пишет смоленским воеводам: «Пожалуйста, пришлите мне доброго самородного бобра, ибо за прежнее мое письмо к нам меня *слово обошло* (стали обвинять), так надобно *в очи закинуть* (или рот заткнуть)». В мае того же года, судя по донесениям лазутчиков, Сигизмунд приказал Мнишку смирно сидеть дома и под страхом смертной казни не ходить в Московское государство; в то же время он вообще запретил литовским людям ходить туда в одиночку. Очевидно, система беспорядочных действий отдельными кучками прекращалась. Король собирал людей под свое личное начальство и готовил войну серьезную, наступательную.

В пограничном с Смоленскою областью литовском городе Велиже сидел старостою пан Александр Корвин Гонсевский, один из бывших в Москве польско-литовских послов, задержанных там после убиения первого Лжедимитрия. По возвращении в отечество он, пылая мщением, явился в числе самых рьяных подстрекателей короля к войне с Москвою. Прежде чем выступил король, Гонсевский уже открыл неприязненные действия, не стесняясь существовавшим перемирием, в заключении которого он сам участвовал. Пред-

водимые его братом Симоном и московскими изменниками Хрипуновыми, отряды вольницы, разорив пограничную лесную засеку, вторглись в соседние смоленские волости (Щучейскую и Порецкую), пограбили их и побрали в плен многих крестьян. Тщетно Шеин писал жалобы Гонсевскому на его людей и требовал удовлетворения. Тот с своей стороны объявил, будто эти волости на основании перемирного договора должны отойти к Литве.

Во время приготовления к королевскому походу возник вопрос, куда именно направить его и с какой области начать завоевания, с Смоленской или Северской. Польный коронный гетман Жолкевский советовал идти в Северскую землю, овладение которой не представит большого труда, ибо крепости там деревянные; тогда как хорошо укрепленный Смоленск может остановить движение короля, если не захочет сдаться добровольно. Но король склонился на сторону тех, которые советовали идти на Смоленск. На этом пути особенно настаивали тот же пан Гонсевский и канцлер Лев Сапега. Первый извещал короля, что лучшая часть смоленского гарнизона ушла с князем Барятинским и Ададуровым к Михаилу Скопину и что смольняне, по всей вероятности, сдадутся добровольно. Встретив Сигизмунда в Минске, Жолкевский напрасно спорил и указывал на слишком позднее время года для начатия осады, если Смоленск вздумает сопротивляться. Сапега торопил походом; в Орше он отделился от главных сил, и с собственными ротами пехоты и несколькими сотнями конницы двинулся к Смоленску; чем побудил другие части войск и самого короля идти вслед за собою.

16 сентября 1610 года (по сентябрьскому или русскому стилю того времени) Сигизмунд III с главными силами прибыл под Смоленск и началась знаменитая осада сего города.

Предпринимая столь несправедливую войну, король пытался, однако, оправдать свое вторжение в глазах европейских дворов; а потому послал свои объяснения императору германскому Матвию и некоторым другим государям. Тут он выставлял на вид старые права Литвы на Северское и Смоленское княжества, уверяя, будто Смоленск был захвачен Москвою помощию обмана; говорил, что действует во

славу Божию, ради умножения католической церкви и для блага всего христианства; указывал на московские смуты, которыми могли воспользоваться враги христианства турки и татары, а также и островитяне (англичане), имевшие возможность проникнуть сюда морским путем. От папы Сигизмунд просил для своего предприятия особого святого благословения, которое и было ему прислано. При самом вступлении своем в пределы Московского государства, Сигизмунд подписал универсал, обращенный к жителям Смоленска. Тут он говорит о бедственном состоянии и междоусобиях Московской земли, происшедших от того, что после Федора Ивановича на престоле являлись люди не царского рода, захватившие его насилием и обманом; уверял, что многие московские люди били ему челом о спасении своего государства и что он идет не для пролития крови, а для обороны православной русской веры (!); почему и приглашал жителей встретить его с хлебом-солью.

Полученный из Смоленска ответ должен был на первых порах разочаровать Сигизмунда и его ближних советников. Воеводы, поговоря с архиепископом Сергием, с служилыми и посадскими людьми, отписали, что смольняне положили обет в соборном храме Богородицы «за истинную православную христианскую веру, за святые церкви и государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси всем помереть, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклониться». Таким образом, вызванные обещаниями некоторых изменников, расчеты на добровольное покорение смольнян не оправдались, и пришлось силою оружия добывать сей западный оплот Московского государства.

В это трудное, критическое время судьба послала смольнянам мужественного воеводу в лице боярина Михаила Борисовича Шеина, который и явился героем упорной обороны, надолго задержавшей короля у смоленских стен. Смоленск расположен на обоих холмистых берегах Днепра; причем самый город или крепость лежит на левом берегу, а часть городских посадов и слобод на правом. Шеин уговорил жителей сжечь свои беззащитные посады и слободы, а самим перебраться с семьями в крепость, и всем способным к бою стать в ряды ее защитников. Каменные стены крепос-

ти, построенные Борисом Годуновым, отличались прочностию и основательностию. Они обнимали более пяти верст протяжения и заключали в себе до 38 круглых и четвероугольных башен, часть которых была с воротами. Стены имели три сажени толщины и до пяти сажен вышины; в них поделаны амбразуры или бои в три обычные яруса: подошвенный, средний и верхний. По стенам было размещено более 300 пушек, тюфяков и разнообразных пищалей; при них в достаточном количестве имелись порох, железные и каменные ядра. Продовольствие заготовлено было также в изобилии. Только мало было опытных ратных людей для обороны такого обширного пространства; ибо отправка трехтысячного отряда на помощь Скопину Шуйскому весьма ослабила смоленский гарнизон. Деятельный воевода сумел до известной степени восполнить этот недостаток. В городе оставалось почти такое же количество ратных людей, т.е. детей боярских, стрельцов, казаков, воротников, затинщиков и пр. По требованию Шеина духовенство всех жителей вновь привело к присяге крепко стоять и обороняться против врагов до последней крайности; а затем он на каждый отдел укреплений назначил головами или начальниками по три, по четыре человека из боярских детей и лучших посадских людей; а черные сотни и слобожан велел расписать по нескольку десятков на каждый отдел стены в помощь ратным людям, да по нескольку человек при каждом орудии в помощь пушкарям и затинщикам. Другие посадские и слобожане расписаны были по отделам для содержания ночных караулов в крепости под ведением двух земских старост (Горбачова и Гапянова). Следовательно, каждый занял свое место и отправлял сторожевую и ратную службу. Таким образом набралось всех способных к бою, но большею частию плохо вооруженных, тысяч до семи-восьми; а все население крепости со стариками, женами и детьми можно считать от 30 до 40 тысяч. В узкой полосе между крепостью и рекой расположилась еще толпа ближних крестьян, ради пастьбы своего скота; но потом эти люди и скот отчасти попали в руки неприятелей. Большинство же окрестных поселян бежало в леса, где, однако, неприятельские фуражиры отыскивали их и отнимали у них скот.

Осаждавшее войско числом своим вначале немного превышало осажденную рать, с тою, однако, разницею, что оно состояло из опытных хорошо вооруженных конников (гусар, пятигорцев, казаков) и некоторого количества наемной немецкой пехоты. В открытом поле защитники Смоленска не могли бы стоять против них; но за укреплениями они оказали чисто русскую стойкость и неодолимость. Все подсылки, письменные и словесные, пытавшиеся при помощи разных изменников склонить смольнян к сдаче, остались тщетными как вследствие бодрости и предупредительных мер со стороны воеводы, так и вследствие одушевления самих граждан. Религиозная ревность в борьбе с врагами православия, а также неистовства, производимые тогда поляками и казаками в Русской земле, возбуждали в жителях воинственный пыл; а страх видеть от них поругание своих жен и дочерей в особенности усиливал этот пыл. При таком настроении смольняне горячо молились о небесной помощи во своих храмах Богу, Пречистой Богородице и местным угодникам Меркурию, Авраамию и Ефрему. Живою и чувствительною связью с Москвой и царем Шуйским служили тогда их братья и родственники, находившиеся в войске Скопина под начальством князя Барятинского и Ададурова; письменные сношения с ними немало поддерживали верность смольнян и их усердие к обороне. Но тщетно архиепископ смоленский Сергий и воеводы писали царю Василию о недостатке ратных людей и просили помощи. Пока Тушинский вор стоял под Москвой, царь не мог послать войска, а только посылал увещательные грамоты. Смольнянам пришлось ограничиться собственными средствами обороны, и тем более, что крестьяне Смоленского уезда, обольщенные королевскими грамотами о вольности, не послушали воеводского приказу, в осаду не пошли и даточных людей не прислали. Мало того, крестьяне соседних волостей, побуждаемые польскими и литовскими фуражирами, стали возить в королевский лагерь съестные припасы, так что во время осады неприятель не имел недостатка в продовольствии.

Королевское войско окружило город несколькими отрядами. Главные же его силы расположились в укрепленном лагере над Днепром. Начальствующие над ними лица, а имен-

но король, гетман Жолкевский, канцлер Сапега, каштелян перемышльский Стадницкий и др. поместились в ближних загородных монастырях, Троицком, Спасском, Борисоглебском, Архангельском и Духовском. Впрочем, Сапега, обеспокоенный выстрелами из крепости, вскоре покинул Спасский монастырь и велел построить себе дом подалее в днепровской долине. К северу от крепости за Днепром стоял лагерь воеводы брацлавского Яна Потоцкого и его брата; а на пепелище городского посада окопался с своим отрядом литовский маршал Дорогостайский. Выше по Днепру, около Духовского монастыря, расположились особым табором пришедшие вскоре запорожцы. А один из главных виновников похода на Смоленск, пан Гонсевский, с отдельным отрядом осадил ближайшую к Смоленску крепость Белую.

Осаждавшие поставили пушки и принялись обстреливать стены; но по отсутствию мортир и орудий большого калибра (пока их не подвезли из Риги) пальба эта мало вредила осажденным, которые с своей стороны живо отвечали из своих пушек и пищалей. Немецкая пехота начала копать траншеи, чтобы приблизиться к стенам. Недели через две они настолько приблизились, что король решил сделать ночной приступ, с помощью петард. Его повели на двое ворот, Копытецкие и Аврамьевские. Но эти ворота были защищены снаружи деревянными срубами; так что неприятелю пришлось прокрадываться узкими, тесными закоулками. Ему удалось прислонить к воротам доски с петардами («медяные болваны с зельем», по выражению русского источника) и зажечь их. Ворота были выбиты, и несколько десятков воинов ворвались уже в крепость. Но они скоро были вытеснены; ибо никто их не подкрепил: за треском петард и орудий, назначенный для приступа отряд не уловил момента; а помянутые срубы препятствовали ему видеть, что за ними происходило; трубачи не подали условленного сигнала, и отряд отступил. Разрушенные ворота смольняне немедля завалили песком и камнями, а потом укрепили их палисадами, и усилили при них стражу. Также неудачны были попытки нечаянного приступа, произведенные и в следующие ночи.

Эти первые неудачи смутили осаждающих и ободрили осажденных. После неудачных приступов поляки прибегли

к другому обычному средству: к подкопам. Но и тут их попытки оказались тщетны; ибо основания смоленских стен были так искусно устроены, что имели под собой тайные ходы или слухи, благодаря которым каждый подкоп своевременно был замечен и уничтожен контрминою. Король и канцлер Сапега неоднократно возобновляли попытки обольстить осажденных своими увещательными грамотами и обещаниями всяких милостей. Смольняне оставались глухи к сим увещаниям. Поэтому волею-неволею пришлось вести правильную, долгую осаду и быть постоянно настороже; ибо осажденные делали частые вылазки, побуждаемые к тому в особенности нуждою в дровах и воде; они обыкновенно по ночам производили эти вылазки, под прикрытием которых рубили деревья в соседних рощах и делали запасы воды из Днепра. Хотя на помощь королю пришло до 30 000 запорожцев, т.е. поднялся едва не весь Запорожский кош: но они постоянно менялись в числе, так как не любили подчиняться военной дисциплине, приходили и уходили, когда им вздумается, и более занимались набегами на разные московские области, чем Смоленскою осадою. Видя недостаточность своих сил, Сигизмунд и его главные советники решили привлечь на королевскую службу те польские войска, которые тогда стояли под Москвою и Троицею, т.е. тушинцев и сапежинцев, служивших Лжедимитрию II; для чего стали снаряжать особое посольство от короля под Москву [17].

Вступление короля в русские пределы произвело большой ропот среди польских отрядов, состоявших в службе Самозванца: они поняли, что делу Лжедимитрия приходит конец, а следовательно, и все обещанные им награды обращались в мыльные пузыри. Рожинский отнюдь не желал расстаться с своим гетманством и надеждами на великие приобретения; он собрал на рыцарское коло полковников, ротмистров и товарищей (офицеров), и помощью сильной, запальчивой речи склонил его новою присягою подкрепить свой союз или конфедерацию. Главные условия сей конфедерации состояли в том, чтобы не отступать от названного Димитрия, пока не посадят его на московский престол и пока не получат сполна все обещанное им жалованье. Рожинский сам отправился под Троицу и предлагал Сапеге подписать

заключенную конфедерацию; но Сапега уклонился, вероятно, по своему соперничеству с Рожинским, а еще вероятнее по тайному согласию с своим старшим родственником, великим канцлером Литовским. Рожинский отправил даже посольство от Тушинского табора к Сигизмунду под Смоленск с грамотою, в которой излагались разные дерзкие требования; но они встретили решительный отказ. В то же время и Сапега прислал посольство от своих полков, по наружности с подобными же требованиями; но секретно он сообщал о своей готовности подчиниться воле короля и давал ему некоторые советы относительно начатой войны.

Резкий ответ, полученный от Сигизмунда, смутил тушинских поляков, и между ними скоро возникли разногласия по сему поводу. Некоторые агенты, под благовидным предлогом прибывшие из-под Смоленска, своими внушениями склонили многих на королевскую сторону. К тому же соперничество между предводителями усилилось и переходило в явную вражду. Например, Зборовский, воротившийся после своего поражения под Тверью, так рассорился с Рожинским, что имел с ним поединок, из которого вышел цел только благодаря крепкому панцирю. При таких обстоятельствах в декабре 1610 (сентябрьского) года прибыло под Москву торжественное королевское посольство, имея во главе несколько знатных панов, каковы: Станислав Стадницкий, князь Збаражский, Скумин, Домарацкий и Казановский. Их сопровождал довольно значительный военный отряд; но по недостатку продовольствия в Тушинском лагере, большая часть его осталась в Можайске; а несколько сот отборных гусар прибыли с послами. Сии последние имели полномочие вступить в переговоры не только с поляками и русскими, служившими Самозванцу, но также с духовными и гражданскими чинами Москвы и с самим царем Шуйским, если он согласится на уступку областей. Только к Лжедимитрию им не было дано никаких поручений; ибо король считал ниже своего достоинства вступать с ним в какие-либо сношения. Послы были встречены на некотором расстоянии от Тушина Зборовским со свитою, а близ него самим Рожинским, который, отзываясь нездоровьем, сидел в санях. Самозванец вместе с Мариной из окна своего жилища смотрел на этот тор-

жественный въезд. Послы остановились у Рожинского, который задал в честь их большой пир. Начались долгие переговоры, для которых выбраны были по два комиссара от каждого польско-тушинского полка; пригласили также комиссаров и от сапежинцев. Сначала тушинцы выставили требование, чтобы король, взяв земли Смоленскую и Северскую, сам ушел назад, а войска свои прислал им на помощь для завоевания всего Московского царства. Потом стали требовать, чтобы им было заплачено 2 000 000 злотых; но по мере посольских увещаний все сбавляли свои требования. В то же время велись переговоры с русскими боярами, служившими Лжедимитрию, и с духовенством, во главе которого стоял митрополит Филарет. От имени короля им обещали сохранение и защиту православной церкви. Но попытки послов вступить в переговоры с Шуйским остались тщетными.

Во время сих переговоров Самозванец, видя, что на него не обращают никакого внимания, чувствовал свое жалкое положение. Он попытался спросить Рожинского, о чем идут речи с королевскими послами. Гетман и без того обращавшийся с ним дерзко и надменно, находился, по обычаю, в нетрезвом состоянии; он обругал Самозванца безвестным бродягой и еще худшими словами; сказал, что ему нет дела до послов, и грозил его прибить. Тогда Богданка не стал более медлить и ждать, пока решат его участь. Ночью он тайком, переодетый в крестьянское платье, в навозных санях выбрался из лагеря, вдвоем с своим шутом Кошелевым, и затем в сопровождении отряда московских воров и казаков уехал в хорошо укрепленную Калугу, жители которой приняли его и окружили почестями как будто настоящего своего государя. Известный князь Григорий Шаховской, находившийся с казаками неподалеку от Царева Займища, по призыву Самозванца поспешил прибыть в Калугу со своим отрядом.

Велика была тревога, которая произошла в Тушинском лагере на следующее утро, когда узнали, что Самозванец куда-то пропал. Вместе с ним пропали все надежды поляков на обещанные награды и на дальнейшее широкое приволье, которым они пользовались под его знаменем в Московской земле. Вспыхнул бунт. Многие с обнаженными саблями бро-

сились к Рожинскому и чуть не убили его, обвиняя в пропаже Самозванца. Едва удалось ему с помощью некоторых полковников и королевских послов утишить мятеж. Другие бунтовщики бросились грабить Самозванцев скарб и делить между собою найденные в нем золото, серебро, меха, столовую посуду и пр. Вскоре, однако, в лагере появились его агенты с письмами: Лжедимитрий жаловался на главных начальников, особенно на Рожинского, требовал их казни и, по обыкновению, обещал богатые награды тем полякам, которые останутся верны данной ему присяге и снова вступят в его службу. Эти жалобы и обещания произвели новые волнения и распри в лагере, и, хотя распространение писем запрещено было под страхом смертной казни, однако агенты Самозванца продолжали проникать в лагерь и соблазнять ляхов льстивыми словами. Притом Марина также не оставалась в бездействии и лично старалась подействовать на многих поляков, умоляя их не изменять ее названому супругу. Она продолжала держать тон московской царицы и с негодованием отвергла предложение королевских послов воротиться в Польшу и пользоваться там доходами, которые король обещал ей пожаловать. В таком же тоне писала она королю под Смоленск; причем настаивала на своих мнимых царственных правах, и вообще решительно отказывалась воротиться в свое прежнее состояние дочери Сендомирского воеводы. По сему поводу она отвечала своему родственнику пану Стадницкому, одному из королевских послов: «Ваша милость должна помнить, что кого Бог раз осиял блеском царственного величия, тот не потеряет этого блеска, как солнце не теряет его от случайно заслонившего его облака». Пока поляки вели переговоры с послами и колебались между службою своему королю или Самозванцу, казаки нисколько не были расположены переходить на службу чуждого им государя и начали понемногу уходить из Тушина в Калугу. Среди московских бояр, дворян, дьяков и других служилых людей, находившихся в Тушине, после бегства Лжедимитрия обнаружилось разногласие: одна часть их стала также уходить в Калугу, а другая решила не разрывать союза с поляками и заодно с ними вступила в переговоры с королевскими комиссарами.

Следствием сих переговоров было отправление соединенного русско-польского посольства из Тушина под Смоленск к Сигизмунду III. Тушинских поляков отправилось несколько человек с паном Хрущинским во главе; кроме них поехал Стравинский от сапежинцев. А от русских послано было 42 человека; во главе их стояли: боярин Михаило Глебович Салтыков с сыном Иваном, князья Василий Рубец-Масальский, Федор Мещерский и Юрий Хворостинин, дьяк Иван Грамотин, дворяне Михаило Молчанов, Тимофей Грязной, московский купец Федор Андронов и др. Посольство сие прибыло под Смоленск во второй половине января 1610 года и было торжественно встречено при въезде в королевский лагерь. Русские изменники, по замечанию поляка-очевидца, были богато одеты и сидели на хороших татарских лошадях. Спустя три дня, они были приняты королем в присутствии сенаторов и военных начальников. Первым выступил Михайло Салтыков. Он поцеловал у короля руку, поздравил его с прибытием в Московскую землю, благодарил за обещанные милости и выразил желание русского народа поддаться под его охрану. По русским дипломатическим обычаям того времени, старый Салтыков вдруг остановился и предоставил продолжать речь своему сыну Ивану. Сей последний ударил челом королю от имени патриарха Филарета и всего духовенства с благодарностию за его намерение водворить мир и тишину в Русской земле; после чего вкратце перечислил русских государей до Федора Ивановича включительно, сказал и о незаконных похитителях престола. За ним говорил князь Масальский, а потом дьяк Грамотин. Последний высказал самую суть дела: от имени духовенства, бояр, дворян и всех московских людей он бил челом королю, чтобы дал им на царство королевича Владислава и сохранил бы неприкосновенными их древнюю греческую веру. Тут снова заговорил старый Салтыков и с плачем повторил просьбу о сохранении в целости обрядов Православной церкви; затем просил назначить сенаторов для переговоров с послами. На эти речи от имени короля дал милостивый ответ московским людям литовский канцлер Лев Сапега с обещанием ни в чем не нарушать их совести и веры.

Полчаса спустя, справляли посольство польские делегаты. Они изъявили преданность королю и желание служить

ему вместо чуждого им Лжедимитрия; но при этом подали довольно длинный список своих требований, более или менее трудно выполнимых, каковы: по овладении Москвой исполнение всего обещанного им Лжедимитрием, а до того времени уплата жалованья по крайней мере за три четверти, отдача Марине обещанных ей областей, а самому Лжедимитрию удельного Русского княжества, и т.п. Им отвечал именем короля коронный подканцлер Крыский с обещанием рассмотреть их требования.

После того открылись переговоры московских послов с польско-литовскими сенаторами, под руководством подканцлера Крыского: Предметом сих переговоров служили условия, на которых москвичи предлагали свой престол королевичу Владиславу. Поляки старались быть любезными и делали вид, что вполне согласны отпустить в Москву Владислава; но главное затруднение состояло в требовании русских, чтобы он принял православие. После двух недельных переговоров наконец пришли к соглашению и от имени короля составили договор, заключавший в себе 18 пунктов. В сем договоре вопрос о принятии Владиславом православия совсем обойден, а давалось только согласие, чтобы он был коронован в Москве русским патриархом. Греческая вера должна остаться «ни в чем ненарушимою». Всякий католик может входить в православный храм, но смиренно, а не в шапках и не с собаками (как делали тогда ляхи на Руси), и во время службы не сидеть. Для людей римской веры надобно выстроить в Москве хотя один костел; но ни король, ни сын его не будут никого принуждать к переходу из греческой веры в римскую. Далее подтверждались имения и права как церквей и духовенства, так бояр и всех служилых людей. Суд обещан по старине на основании Судебника. Провинившегося судит господарь с боярами и думными людьми; причем невинные родственники не отвечают за его вину и остаются при своих имуществах; без боярского суда никого не карать, чести, поместий и вотчин не отнимать; людей вельможных без вины не понимать, а меньших без заслуг не возвышать. В этих условиях ясно проглядывает новая (после возведения Шуйского) попытка московских чинов оградить себя на будущее время от повторения жестокой тирании Грозного, т.е.

попытка к ограничению самодержавия Боярскою думою. Права служилого сословия подтверждаются также запрещением крестьянских переходов и обещанием не давать вольности холопам. В других условиях со стороны москвичей видно опасение некоторых явлений, от которых страдала Русь Западная, а именно: при полной свободе московским купцам ездить в Польшу и Литву, а польским и литовским в Москву, жидам воспрещается въезд в Московское государство под каким бы то ни было предлогом. Польским и литовским панам не дозволялось давать воеводства и другие уряды по городам; но поместьями и вотчинами награждать можно.

Король делал вид, что согласен на все эти условия, и по окончании переговоров дал русским послам пир в своей ставке; причем пил за их здоровье. Но по всем признакам об исполнении договора он думал менее всего; на что указывает, между прочим, и та присяга, к которой приведено было русское посольство: оно клялось впредь до воцарения Владислава повиноваться его отцу Сигизмунду как своему господарю. Но тщетно Сигизмунд хотел немедля воспользоваться сею присягою и, при посредстве тушинских послов, потребовал от Шеина сдачи Смоленска. Напрасно Салтыков с товарищами склонял его к этой сдаче, ссылаясь на новый договор. Шеин отказал наотрез.

Гораздо более затруднений встретилось при переговорах с делегатами тушинских поляков. Не получая удовлетворительного ответа на свои требования, они обратились с упреками и с угрозою мести к своим русским товарищам, которые вначале обязались не отделять своих интересов. Русское посольство принуждено было ходатайствовать за поляков. Наконец и с ними покончили, представив на их требования обширный, но мало содержательный королевский ответ. Им обещано богатое вознаграждение, но в будущем, когда уладятся московские дела; а в случае какого затруднения предоставлено требовать уплаты своего жалованья с княжеств Северского и Рязанского. Касательно Марины король также оставлял за ней ее права; но о них де будет речь в свое время. Он даже обещал принять во внимание интересы и положение Самозванца, если сей последний «будет держать

себя смирно и не портить дела его королевского величества». Для окончательного соглашения с тушинскими поляками и для подкрепления их король обещал отправить с отрядом Яна Потоцкого, воеводу Брацлавского, с которым обещал также прислать значительную сумму денег для уплаты войску. В то время, как делегаты Рожинского и тушинских поляков вели себя довольно дерзко и предъявляли высокомерные требования, уполномоченный Яна Сапеги, наоборот, действовал мягко и от имени своего начальника хлопотал главным образом о возможно скорейшем прибытии подкреплений; так как сапеженцы были сильно теснимы Скопиным, а Рожинский им не помогал.

Меж тем в Тушинском лагере продолжались распри и волнения, которые поддерживали приезжавшие из Калуги агенты Самозванца, совместно с Мариной. Сия последняя, по словам польских писателей, прибегала даже к приемам отчаянного кокетства, чтобы подействовать на польские и казацкие сердца. Так она являлась среди воинов бледная с распущенными волосами и со слезами на глазах умоляла их не оставлять ее мужа. Поляки умилялись и волновались; однако оставались пока на месте, в ожидании ответа от своего посольства к королю. Но донские казаки, ничем не связанные с королем, легче поддались просьбам лжецарицы. До 3000 их выступили из лагеря с распущенными знаменами по дороге в Калугу. Тщетно главный атаман их Заруцкий пытался удержать донцов; видя их неповиновение, он бросился с жалобою к Рожинскому. Последний, с свойственною ему вспыльчивостию, взял несколько гусарских полков, догнал казаков, значительную их часть положил на месте и многих воротил назад. В Калугу к Самозванцу пришло из них не более 500 человек. После такой резни Марина сочла для себя невозможным оставаться долее в Тушине, и в половине февраля бежала верхом на коне, переодетая в гусарское платье, в сопровождении одного слуги и одной служанки. В лагере она оставила польскому рыцарству письмо, в котором объясняла побег невозможностию выносить долее свое трудное и небезопасное положение, говорила, что, раз сделавшись московскою царицей, она не может вернуться в состояние шляхтянки и подданной польского короля; а в заключение

напоминала рыцарству присягу ее мужу и будущие награды. На следующий день исчезновение Марины и ее письмо произвели в Тушинском лагере новую бурю, подобную той, которая произошла после бегства Самозванца. Многие с обнаженными палашами бросились к Рожинскому; кричали, что он не гетман их, а изменник, продавший себя королю; требовали возвращения царика и т.п. Раздались даже выстрелы. При всей своей гордости и отваге Рожинский принужден был на некоторое время спрятаться, пока разъяренные шляхтичи мало-помалу пришли в себя, и бунт затих.

Избегая встречи с отрядами Шуйского, Марина направилась не прямо в Калугу, а сначала в Дмитров к своему благоприятелю Яну Сапеге. Тут, с его дозволения, она в своем гусарском костюме являлась перед польским рыцарством, и точно так же старалась подействовать на него пламенною речью и женскими слезами. Некоторые товарищи увлеклись ее речами, и проводили ее до Иосифова монастыря, откуда она отправилась в Калугу. Сапега дал ей конвой из 50 казаков и всех находившихся в его войске наемных немцев. Часть дороги провожал ее родной брат, староста Саноцкий, который затем поехал к королю под Смоленск. В Калугу Марина явилась верхом, одетая в красном бархатном кафтане, в сапогах со шпорами, с саблею и пистолетами за поясом. Ее приезд обрадовал Самозванца и произвел впечатление на жителей. Окруженная женским штатом, составленным преимущественно из немок, Марина придала некоторый блеск калужскому двору Лжедимитрия II. Вообще дела его стали поправляться, и он чувствовал себя здесь более свободным и самостоятельным, чем в Тушинском лагере, под надзором надменного князя Рожинского.

По отъезде Марины Сапега недолго оставался в Дмитрове. Михаил Скопин продолжал теснить его и отнимать сообщения. Передовой отряд Скопина, предводимый князем Ив. Сем. Куракиным, явился под самым Дмитровом. Сапега попытался дать ему битву. Был конец февраля; в поле лежали еще глубокие снега, в которых вязла тяжелая польская конница; тогда как русские и шведы проворно бегали на длинных деревянных лыжах. Сапеженцы были разбиты и принуждены спасаться в город. Обещанная королем помощь не при-

ходила, а от Рожинского тоже не было подмоги; поэтому в начале марта 1610 года Сапега зажег Дмитров и ушел к Волоку Ламскому, откуда вскоре перевел свое войско на берега Угры; а сам на короткое время отправился к королю под Смоленск. Войско его вошло в переговоры с калужским самозванцем, который не скупился на всевозможные обещания. Следствием сих переговоров было то, что большая часть сапеженцев, с самим Сапегою во главе, снова поступила на службу царика, с условием, однако, чтобы он ничего не предпринимал против короля. Дело в том, что Сигизмунд находил для себя пока выгодным существование Лжедимитрия, который отвлекал часть московских сил; к тому же с его уничтожением те города, которые признавали его, могли бы воротиться на сторону Шуйского. Ян Сапега, по всем признакам, действовал с согласия короля и своего родственника канцлера.

После отступления Сапеги Тушинский табор очутился в опасном положении между столицею и Скопиным, который теперь мог обратить на него все свои силы. Тогда Рожинский в свою очередь зажег собственный табор и двинулся на запад, уводя с собою большинство русских тушинцев. Он остановился в Волоколамском краю и занял каменный монастырь Иосифа Волоцкого, откуда его войско снова вошло в переговоры с королем об условиях, на которых оно хотело вступить в коронную службу. Посреди этих переговоров князь Роман Рожинский, еще не достигший сорокалетнего возраста, но уже надломленный физически и нравственно, разболелся и умер в конце марта. В войске его произошли сильные разногласия: одна часть с Александром Зборовским во главе поступила на королевскую службу; а другая, большая часть соблазнилась обещаниями Самозванца. Тысячи две поляков и казацкий отряд, остававшиеся в Иосифове монастыре, были осаждены московско-шведским отрядом под начальством Григория Валуева и Делавиля, которые поставили кругом свои острожки. Поляки и казаки попытались скрытно уйти из монастыря; но дорогою были настигнуты Валуевым и разбиты наголову. В этой битве был отполонен у поляков митрополит Филарет с некоторыми другими знатными людьми. Это удачное дело происходило в мае, уже после смерти Скопина.

Когда разошелся Тушинский табор и осада Москвы прекратилась, население ее наконец могло вздохнуть свободно. Со всех сторон начались подвозы съестных припасов, и цена хлеба, еще недавно доходившая до 5 — 7 рублей за четверть, понизилась вчетверо или впятеро. По приглашению царя сам освободитель столицы князь Михаил Васильевич Скопин приехал из Троицкой Лавры и 12 марта имел торжественный въезд, вместе с своим шведским товарищем Делагарди. У городских ворот ждали его бояре, высланные от царя с хлебом-солью. А народ встретил его за городом на Троицкой дороге, приветствовал шумными кликами, падал ниц и бил челом за избавление от врагов. Василий Иванович со слезами обнял племянника, благодарил его и честил дарами. Он также ласкал шведских военачальников и осыпал их подарками. Москвичи наперерыв приглашали и угощали их. Бояре один перед другим давали пиры в честь воеводы и его сподвижников. Посреди этих пиров юноша Скопин не прекращал своих военных забот. Много было сделано для очищения и успокоения государства; но впереди предстояло едва ли не более. Сигизмунд осаждал Смоленск, Калужский вор все усиливался, Лисовский еще держался в Суздале. Хотя многие города перешли теперь на сторону Шуйского; но немало их оставалось и в руках неприятелей. Гонсевский взял крепость Белую; запорожцы овладели Стародубом и Почепом; Чернигов, Новгород-Северский, Рославль также покорились Сигизмунду или, точнее, королевичу Владиславу, которого считали будущим царем московским. Были, однако, примеры измены и со стороны неприятелей. Так начальствовавший в Можайске тушинский поляк Вильчек сдал этот город Шуйскому за 100 рублей. Скопин совещался с боярами насчет предстоящих военных действий, и готовился по прошествии полой воды выступить в новый поход. Делагарди торопил его; в качестве постороннего человека он легче мог наблюдать высшее московское общество и заметить, как зависть и придворные интриги скопляли черные тучи над головой его русского друга, от которого и не скрывал своих опасений. Мать Скопина Елена Петровна тоже беспокоилась за сына. Говорят, когда он был еще в Александровской Слободе, она

наказывала ему, чтобы не ездил в Москву, где его ждут «звери лютые, пышущие ядом змеиным».

Слава, увенчавшая чело юного героя, и обаяние его личности, естественно, усилили в народе толки о том, что к нему должен перейти московский престол после Василия. Сей последний, не имея детей мужеского пола, мог довольно равнодушно относиться к вопросу о своем преемнике, только бы престол был обеспечен ему самому до конца жизни, а потом не выходил бы из его рода. Но к сему вопросу неравнодушны были его родные братья, Димитрий и Иван, в особенности первый, который считал себя ближайшим наследником Василия, и потому очень недружелюбно смотрел на троюродного племянника, уже отнявшего у него звание первого воеводы, а теперь угрожавшего отнять и право престолонаследия. Говорят, стоя на городской стене при торжественном въезде Михаила в столицу, он не утерпел и сказал: «Вот идет мой соперник!» Зависть Димитрия особенно поджигала его жена Екатерина Григорьевна, дочь памятного злодействами Малюты Скуратова и сестра бывшей царицы Марьи Григорьевны Годуновой, очевидно походившая на нее и характером, и властолюбием. Этот Димитрий начал внушать брату Василию опасения насчет племянника, будто бы замышлявшего свергнуть его с престола и сесть на его место; причем напоминал о предложении Ляпунова, посланцев которого Скопин отпустил безнаказанно и не донес о том царю. Василий, как рассказывают, имел по сему поводу объяснение с племянником, и последнему горячими словами и клятвами удалось рассеять подозрения дяди. Но злой дух в образе брата продолжал свои наветы, так что, по известию иноземца, рассерженный царь однажды палкою прогнал от себя наветника. Димитрий, однако, не унимался и пользовался всяким случаем перетолковывать поступки Михаила. Между прочим, обвинял его в том, что он самовольно, без царского согласия, уступил шведам город Корелу с уездом. Напоминал также о предсказании каких-то гадателей, что на московский престол сядет Михаил, который успокоит государство. Указывал и на то, что современные грамотеи сравнивали прием, оказанный москвитянами Михаилу, с Давидом, которого изральтяне после победы над Го-

лиафом восхваляли более, чем Саула. Василий делал вид, что не верит наветам брата; однако его мнительность и подозрительность были возбуждены. За Димитрием Шуйским, очевидно, стояла целая партия завистников и недоброжелателей юного Скопина, особенно из числа тех знатных бояр, которые самих себя считали достойными занять престол и желали устранить от него Шуйских.

Как бы то ни было, бедствие, которого так опасались близкие и преданные Скопину люди, совершилось.

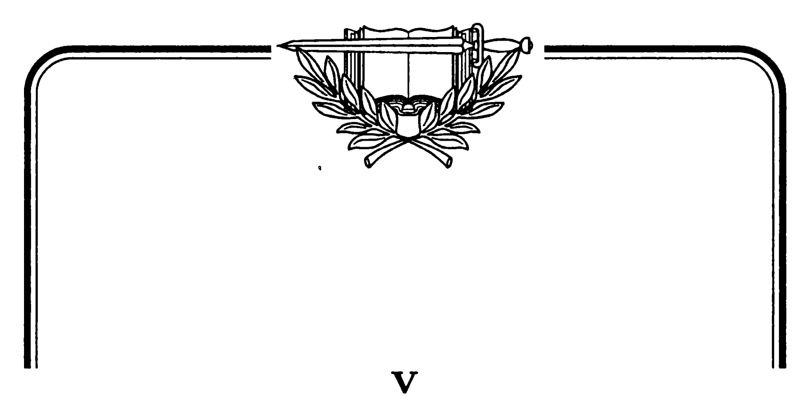
23 апреля происходил пир у князя Ивана Михайловича Воротынского, по случаю крестин его новорожденного сына Алексея. Крестным отцом был Михаил Васильевич Скопин-Шуйский; а крестною матерью Екатерина Григорьевна Шуйская. После стола Екатерина подносит чару с вином своему юному куму и бьет ему челом на здоровье их крестника. Михаил Васильевич, ничего не подозревая, осушил чару до дна. Спустя несколько минут, он почувствовал себя дурно, так что слуги взяли его под руки и отвезли домой. У него открылось сильное кровотечение из носу; а от лютой боли в животе он метался и громко стонал. Яков Делагарди, услыхав о его болезни, прислал ему своих немецких врачей; царь прислал своих придворных медиков. Но никакие средства не помогли. Около двух недель промучился Михаил Васильевич и затем скончался. Чернь, уже возбужденная толками о болезни своего любимца и об отраве, услыхав о его кончине, с воплями и угрозами бросилась к дому Димитрия Шуйского, и только ратные люди, заранее отряженные царем, защитили его от народной ярости.

Вопль и плач раздавались вокруг почившего героя: не говоря уже о его матери и супруге, обезумевших от горя, московский народ, от царя, патриарха и вельмож до нищих и убогих, толпился на его дворе в слезах и рыданиях. Особенно неутешны были его ратные сподвижники, и в их числе граф Яков Делагарди. Повествователь его жития говорит, что искали на торгу дубовую колоду в меру покойника, и не нашли; так он был велик ростом; пришлось пристрогать на концах, чтобы уместить его тело. Сначала хотели гроб его положить в Чудове монастыре, чтобы потом отвезти в родной Суздаль и похоронить рядом с предками, когда сей го-

род очистится от воров и Лисовского. Но толпа народная, узнав о том, потребовала, чтобы его положили в Архангельском соборе рядом с гробами царскими и великокняжескими. Царь соизволил на это требование. На следующий день по кончине совершилось погребение с царскими почестями; гроб несли вельможи и сбратники; сам патриарх Гермоген с духовенством отпевал усопшего воеводу в Архангельском соборе, при огромном стечении народа. Его похоронили в приделе Ивана Крестителя. Царь Василий не менее других вопил и плакал. Но сознавал ли он все значение своей потери; понимал ли, что вместе с Михаилом порывалось звено, связывавшее его с народом, и что он хоронил свою династию? Во всяком случае, эту смерть он оставил безнаказанной, и осиротевшее главное воеводство передал не кому другому, а все тому же ничтожному брату своему Димитрию.

Внезапная кончина Михаила Скопина заставляет историка невольно задуматься над неисповедимыми путями Промысла, которыми он направляет судьбы царств и народов. Она вызывает мысль о том, что совершившихся смут было как бы недостаточно и нужно было России до дна испить чашу бедствий, чтобы очиститься и возродиться к новой государственной жизни. Другой династии суждено было залечить ее раны и вести ее в дальнейший путь.

Светлый образ царственного юноши поразил воображение современников и оставил свой след в народной памяти; о том свидетельствуют некоторые сложенные о нем песни, проникнутые грустию. А русские книжники, знакомые со сказаниями о Троянской войне, сравнивали его с Ахиллом и Гектором[18].



V

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ

Встречное движение Димитрия Шуйского и Жолкевского. — Клушинская битва. — Измена иноземцев. — Сдача воевод у Царева Займища. — Калужский вор снова под Москвой. — Свержение Шуйского с престола. — Временное боярское правительство. — Жолкевский под Москвой. — Присяга Владиславу. — Отступление вора. — Снаряжение великого посольства. — Условия Владиславова избрания. — Польский гарнизон в столице. — Переговоры под Смоленском. — Боярские челобитные Льву Сапеге. — Смерть калужского вора и ее следствия.— Призывные грамоты Гермогена и его неволя. — Взаимные пересылки городов. — Земское ополчение. — Сожжение Москвы поляками. — Ее осада ополчением. — Новое появление Яна Сапеги. — Падение Смоленска. — Кандидатура шведского принца и захват Новгорода шведами. — Лжедимитрий Третий. — Ляпунов и Заруцкий. — Гибель Ляпунова. — Шиши. — Лихолетье.

Василий Иванович Шуйский, как выше сказано, по смерти Скопина главным воеводою назначил брата своего Димитрия, не любимого народом и войском, презираемого графом Делагарди и другими предводителями наемных иноземцев. Впрочем, в положении Василия затруднительно было найти надежного воеводу помимо своих родственников: Мстиславский и Голицыны, по местническим отношениям имевшие ближайшее право на главное воеводство, во-первых, не отличались военными талантами, а во-вторых, сами являлись в числе претендентов на московский престол. Довериться кому-либо из менее знатных, но более искусных в ратном деле, также могло представляться делом сомнительным: измена Басманова Годуновым была еще в свежей памяти.

Главную свою надежду Василий возлагал теперь на Делагарди и его наемников, которых он старался задобрить уплатою жалованья, подарками и всякими обещаниями. Для удовлетворения их он истощал свою последнюю казну. Ради них же вскоре после освобождения Троицкой Лавры от осады он послал туда дьяка Семенка Самсонова за денежною помощию. Тщетно архимандрит Иоасаф с братией, при посредстве пребывавшего в Москве келаря Палицына, представили свою челобитную, в которой исчисляли, сколько тысяч рублей монастырь выдал Годунову, первому Лжедимитрию и самому Василию (всего 65 000), и говорили, что им едва хватит средств исправить разбитые стены, башни и монастырские здания, поврежденные неприятелем. Не взирая ни на что, дьяк, по приказу государеву, взял из монастырской казны остальные деньги, отобрал золотые и серебряные сосуды, жертвованные прежними царями и боярами; мало того, перетряхнул все имущество иноков и монастырских сидельцев (мирян, бывших в осаде), и взял все, что можно. Разумеется, такой поступок сильно охладил усердие к Шуйским со стороны знаменитой Лавры.

Военные действия меж тем продолжались безостановочно. Валуев, поразив часть тушинских поляков под Иосифовым монастырем, двинулся за ними и дошел до Царева Займища. Другой царский воевода князь Барятинский, соединясь с Эверт Горном, осадил крепость Белую, в которой заперся Александр Гонсевский. Димитрий Шуйский выступил из Москвы и остановился в Можайске, который был назначен сборным пунктом, куда с разных сторон спешили ратные люди. Туда же должен был прийти и Делагарди с своими наемниками.

Все эти обстоятельства, а также советы Салтыкова и других русских изменников побудили короля послать наконец помощь остаткам польско-тушинского войска, пока они не рассеялись совершенно, и тем устранить прибытие русско-шведской рати под Смоленск. Начальство в этом походе предназначалось Яну Потоцкому, воеводе Брацлавскому. Но он, соперничая с польным коронным гетманом Жолкевским, желал его удалить, чтобы безраздельно пользоваться своим влиянием на короля и стяжать себе славу завоеванием Смо-

ленска; притом тушинские поляки обнаружили столько требовательности и своеволия, что вести с ними общее дело представлялось крайне неудобным. Потоцкий под разными предлогами уклонился от похода. Тогда король поручил этот поход гетману. Хотя обычай и приличие требовали, чтобы гетман находился при королевском обозе, однако Жолкевский, понимая всю важность нового предприятия и не веря в скорое взятие Смоленска, охотно принял поручение. Он взял с собой только 1000 человек пехоты и 2000 конницы. Сначала он направился к крепости Белой, куда призывал его Гонсевский, осажденный Горном и Барятинским. Услыхав о приближении гетмана, русско-шведские воеводы поспешили отступить ко Ржеву. Тогда гетман двинулся к Цареву Займищу и недалеко от него соединился с несколькими тысячами казаков и тушинских поляков, которыми предводительствовали Зборовский и Казановский. В селении Царевом Займище, лежавшем на пути между Можайском и Вязьмою, находилось от 6 до 8 тысяч русского войска. Хотя главное начальство над ним принял на себя князь Елецкий, присланный Димитрием Шуйским, однако в действительности распоряжался более энергичный и опытный в военном деле Валуев. Получив известие о движении гетмана, воеводы стали наскоро сооружать острог, т.е. укрепление, окруженное валом и тыном, в котором могли бы поджидать прибытия главной московской рати. Жолкевский спешил напасть на них, чтобы не дать им время докончить укрепление и запастись съестными припасами. Тут, при первом же удобном случае, тушинцы дали себя знать: полк Зборовского потребовал уплаты обещанного жалованья, а до того отказался двинуться из своего лагеря. Жолкевский не стал терять с ним время, а, взяв с собой казаков и полк Казановского, пошел к Займищу. Остальные тушинцы, устыженные примером товарищей, потом также с ним соединились.

Под Царевом Займищем Борис Годунов устроил пруд и насыпал широкую, прочную плотину. Елецкий и Валуев поставили свой острог или городок так, что подойти к нему надобно было плотиною; а около нее по обеим сторонам в лесных зарослях они приготовили засаду из нескольких сот стрельцов. Но гетман, извещенный лазутчиками, велел обой-

ти засаду и напасть на нее сбоку; а сам успел перейти плотину и отбросить назад русских, вышедших из укрепления ему навстречу. После того он окружил городок маленькими острожками и отрезал ему сообщения. Валуев стал посылать гонцов, которые ночью лесами прокрадывались к Можайску и там сообщали, что если он не получит скорой помощи, то должен будет сдаться от голоду. Димитрий Шуйский, подражавший Скопину только своею медленностию, наконец решил выступить из Можайска, когда с ним соединились не только Делагарди, но и Барятинский с Горном. Войско его теперь простиралось от 30 до 40 тысяч человек; в том числе одних иноземцев было до 8000. Если к этим силам присоединить отряд Валуева, то москвитяне в числе имели большой перевес над неприятелем; ибо в распоряжении гетмана находилось не более 10 — 20 тысяч. Но когда от количественного перейдем к качественному отношению противников, то получим обратный вывод. Замечательно стойкие при обороне в укреплениях, русские в ту эпоху по недостатку военного искусства не могли в открытом поле стоять против хорошо вооруженных и закаленных в боях польских хоругвей. Притом московское ополчение состояло большею частию из людей вновь набранных от сохи и совсем не привычных к ратному делу; ибо старые, опытные ратники или были истреблены в предыдущих боях и походах, или оставались дома за тяжкими ранами и болезнями. Достаточно опытную часть войска составляли только дворовый или жилецкий полк, да отряд Валуева, запертый под Царевом Займищем. Еще более различался дух противников: поляки были одушевлены и объединены жаждою добычи и славы, мыслию о своих недавних успехах и победах; а русские, потеряв Скопина, утратили охоту биться за нелюбимого царя и питали полное недоверие к своему главному воеводе.

Во главе неприятеля стоял такой даровитый и искусный предводитель, каким был гетман Жолкевский. Не только ничтожный Димитрий Шуйский не шел ни в какое с ним сравнение; но и Яков Делагарди на самом себе испытал превосходство Жолкевского: с ним он уже встречался в Ливонии, где был им побежден (при взятии поляками города Вольмара в 1601 г.), и затем несколько лет провел в польском

плену. Отношения между главными предводителями, т.е. Шуйским и Делагарди, были уже не те, что при Скопине: место дружбы и взаимного уважения заступили холодность и недоверие. Кроме того, теперь вполне обнаружилось, как трудно было ладить вообще с пестрою, разноязычною толпою иноземных наемников, которые вечно были недовольны замедлением в уплате жалованья, при всяком удобном случае предъявляли заносчивые требования, отказывались повиноваться и обнаруживали наклонность к изменам. Как раз в это время присланы были из Москвы с дьяком Демидовым 10 000 рублей деньгами и 20 000 мехами и сукнами для уплаты им жалованья. Но меха и сукна не успели раздать по причине спешного похода на выручку Валуева. Иноземцы роптали и заводили явные бунты; особенно ненадежны были французы, к которым польские предводители обращались как к своим единоверцам и склоняли их на свою сторону. По известиям самих польских источников, эти изменнические сношения предшествовали решительной встрече обеих армий.

При таких условиях нетрудно было предвидеть, к чему поведет сия встреча.

Как искусный военачальник Жолкевский особенно деятельно занимался разведочною частию; он своевременно и подробно был осведомляем о всех движениях русской рати, о ее составе, настроении и пр. В этом особенно помогали ему русские изменники, а также наемные иноземцы, уходившие от русских и передававшиеся на сторону поляков. Шуйский приблизился к Цареву Займищу 23 июня и остановился в некотором расстоянии от него, подле села Клушина, намереваясь на следующий день напасть на гетманское войско. Окруженный многочисленною челядью, любивший роскошную жизнь и влачивший за собою большой домашний скарб, Шуйский в этот вечер давал пир Делагарди и его офицерам; после чего отошел ко сну. Пока этот неспособный воевода предавался отдохновению и беспечности, полагая, что гетман не посмеет напасть на него с своим малочисленным войском, враг не дремал. Имея точные сведения, Жолкевский перед вечером собрал военный совет и спрашивал, что делать: ожидать ли русских на месте и принять бой, имея тогда

с одной стороны Шуйского, а с другой Валуева, или оставить меньшую часть сил при Цареве Займище, а с большею идти к Клушину? Мнения разделились; произошли оживленные прения. Гетман не высказался ни в ту, ни в другую сторону; а велел только всем полковникам и ротмистрам на всякий случай быть готовыми к походу. Про себя он уже решил идти на Шуйского: но молчал до последней возможности; ибо опасался находящихся при нем московитян, чтобы кто-нибудь из них не предупредил Шуйского. Когда настала ночь, гетман вдруг разослал приказ выступить из лагеря, соблюдая возможную тишину, без трубного и барабанного шуму. В лагере было оставлено около полторы тысяч человек.

Перед рассветом, 24 июня 1610 г., польское войско подошло к Клушинскому стану, где все спало и не было принято никаких мер предосторожности. Но вполне воспользоваться таким ротозейством и тотчас ударить на русских помешала гетману лесистая, болотистая и пересеченная местность: войско его шло узкою колонною; две полевые пушки дорогою так застряли, что пришлось с трудом их обходить. А около Клушина оно натолкнулось на плетни, которыми было перегорожено поле и среди которых были расположены две деревеньки. Гетман прежде всего велел зажечь эти деревеньки, чтобы они не послужили прикрытием для русских и шведских стрелков. Тогда только спавшее войско пробудилось и в большом смятении стало готовиться к бою. Москвитяне выступали из своего стана, обнесенного рогатками, а иноземцы из своего, огражденного возами. Последние стали на правом крыле; пехота их под защитою плетня открыла огонь, и удержала стремление неприятеля. На левом же крыле беспорядочная русская конница, неосторожно выдвинутая вперед, недолго выдерживала отчаянные атаки гусар и пятигорцев Зборовского; обратясь в бегство, она обрушилась на стоявшую за ней пехоту, которая от того расстроилась, и также дала тыл. В это время два подоспевшие орудия и польская пехота сбили иноземцев с поля. Делагарди выдвинул свою конницу; но она не могла устоять против польских хоругвей, и стала уходить в лес. Оставались еще нетронутыми около 3000 немцев и французов, которые занимали удобную позицию, защищенную лесами и болотом. Гетман перед боем объезжал ряды и одушевлял вои-

нов, указывая на то, что при настоящих обстоятельствах их спасение заключается только в победе; а во время боя он, подобно Моисею, стоял на возвышении, подняв руки к небу и моля Всевышнего об этой победе.

Между тем конница Зборовского увлеклась преследованием московитян и отдалились от места битвы. Когда же она воротилась, то увидала, что Димитрий Шуйский с остальною пехотою засел в деревне Клушине и устроил острожек, т.е. окружил себя окопами, рогатками и тыном, а вперед выдвинул стрельцов с полевыми орудиями. Беглецы с разных сторон стали возвращаться и примыкать к этому острожку. Сбитые с поля иноземцы также начали понемногу выходить из лесов. Утомленные трех часовою битвою с многочисленным неприятелем и потеряв свои копья, польские гусары сошли с коней и держали их в поводу. Победа готова была ускользнуть из рук неприятеля. Но чего он не добился честным боем, того достиг с помощью измены.

Из помянутого еще нетронутого отряда немцы и французы стали кучками перебегать к полякам, передавая, что и все их товарищи, недовольные московитянами, готовы поручить себя милости гетмана. Жолкевский ловко воспользовался сим обстоятельством и тотчас трубным звуком велел известить иноземцев о своем намерении вступить с ними в переговоры. Его племянник Адам Жолкевский, человек красноречивый и знавший разные языки, отправился к ним и склонял их перейти в службу польского короля. Услыхав о сих переговорах, Димитрий Шуйский послал убеждать иноземцев, чтобы они оставались верными своей присяге, и обещал всевозможные награды. Но измена превозмогла, и тем более, что главные начальники отсутствовали: и Делагарди, и Горн оба были увлечены в бегство своею конницею. Иноземцы заключили с гетманом договор, по которому получили полную свободу, смотря по желанию, или вступить в польскую службу, или беспрепятственно воротиться в отечество. Делагарди и Горн, в эту минуту прискакавшие на поле битвы, тщетно пытались образумить солдат и возвратить их к своему долгу; бунтовщики чуть не убили самого Делагарди, так что он с Горном едва от них спасся. Наемники уже толпами переходили на сторону поляков и вместе с ними ста-

ли добывать московский лагерь. Видя измену иноземцев, на которых плохие воеводы возлагали главную надежду, Димитрий Шуйский счел все потерянным и думал только о собственном спасении. Он и его товарищи, князья Андрей Голицын и Данило Мезецкий, предались бегству. Их примеру последовало все войско. Из других главных воевод князь Барятинский был убит, а Василий Бутурлин взят в плен вместе с дьяком Демидовым. Только часть поляков преследовала бегущих и при этом многих перебила; остальная же часть и наемники — предатели занялись грабежом богатого русского стана; особенно привлекли их возы с мехами и сукнами, которые были привезены для жалованья иноземцам, но остались нerozданными. В числе польской добычи оказались карета и шатер Димитрия Шуйского, его сабля, булава, шлем, вышитое золотом знамя и дорогая посуда. Пушки также сделались трофеем неприятеля. Сам Шуйский во время бегства увязил в болоте своего коня вместе с сапогами, и босой на деревенской кляче добрался до Можайска; отсюда отправился в Москву и лично принес туда весть о своем постыдном поражении.

В Клушинской битве и Яков Делагарди оказался ниже своей славы, приобретенной им во время совместных действий со Скопиным. Современное известие сообщает о его неудачной похвальбе. Разбогатев дорогими московскими мехами, накануне битвы на пиру у Шуйского он будто бы сказал: «Когда я был взят в плен в Вольмаре, гетман подарил мне рысью шубу; а у меня теперь есть для него соболья». Вместе с поражением он лишился и начальства; не имея более войска, он принужден был также заключить договор с Жолкевским о свободном отступлении. Собрав вокруг себя несколько сот настоящих шведов, Делагарди и Горн ушли на север. Наряду с тушинскими поляками, в Клушинской битве участвовала и дружина русских тушинцев, во главе с Иваном Салтыковым, сыном известного Михаила Глебовича. Более чем оружием, эти изменники помогли гетману своими советами и сношениями с их единомышленниками в московском войске.

Гетман не увлекся восторгом от своей необычайной победы и не потерял ни одной минуты. После того, как был

отслужен благодарственный молебен с пением Te Deum laudamus и коням дан небольшой отдых, он поспешно двинулся в обратный путь; к вечеру уже расположился опять под Царевом Займищем, и вновь начал добывать городок, в котором оборонялся отряд князя Елецкого и Валуева. Эти воеводы оплошностию уподобились своему главному начальнику: в течение целого дня, когда в нескольких милях от них кипела большая битва, они сидели сложа руки, совсем не заметили отсутствие гетмана и не воспользовались случаем ударить на малую горсть осаждавших. Как скоро его войско заняло свои окопы, гетман тотчас известил осажденных воевод о своей Клушинской победе, и приглашал их сдаться, так как им более неоткуда ждать помощи. Те сначала не хотели верить; но на другой день стали прибывать рассеянные толпы иноземных наемников, хорошо знакомых русским воеводам и теперь большею частию поступавших в войско гетмана. Городок успел окружиться глубокими рвами и высоким валом; а известно, как русские стойко оборонялись в укреплениях. Гетман видел, что приступом взять их трудно, а только голодом; следовательно, пришлось бы потерять много времени; тогда как обстоятельства требовали немедленного движения на Москву, чтобы не дать Шуйским опомниться и набрать новое войско. Он воспользовался удручающим впечатлением, которое произвела весть о его победе, и с обычным своим искусством вступил в переговоры, выставляя себя не врагом русских, а только военачальником королевича Владислава, которого они сами выбрали в цари и уже присягнули ему под Смоленском. При посредстве русских тушинцев, Елецкий и Валуев склонились на убеждения гетмана, я со всем своим отрядом присягнули королевичу Владиславу на тех же условиях, как и Салтыков с товарищами. Они не только сдали городок, но и присоединились с своими ратниками к войску гетмана. Он отправил князя Елецкого к королю; а Валуева, как более способного и более преданного делу королевича, оставил при себе. Валуев, наряду с Салтыковым, сделался одним из главных советников гетмана в его дальнейших действиях против Шуйского.

Таким образом, выступив из-под Смоленска с трехтысячным отрядом, Жолкевский двинулся теперь на Москву во

главе более чем двадцатитысячного отборного войска, состоявшего из поляков, русских и наемных иноземцев. При его приближении к Можайску жители и духовенство с хлебом-солью вышли ему навстречу и также присягнули королевичу Владиславу. Затем покорились гетману или собственно Владиславу Волоколамск, Ржев, Погорелое-Городище и некоторые другие места. Жолкевский остановился в Можайске и отсюда завел сношения со столицей, направляя дело таким образом, чтобы ему не приходилось брать Москву силою орудия, — конечно, благодаря своевременному устранению Василия Шуйского.

Но не один гетман в это время хлопотал около Москвы. Еще жив был тушинский и калужский Самозванец. Получив известие о Клушинской битве, он также спешил воспользоваться удобным моментом. Выступив из Калуги, он соединился со стоявшими на Угре сапежинцами, которым уплатил значительную сумму денег, и в первых числах июля двинулся во главе с лишком десятитысячного войска, состоявшего из хорошо вооруженных и закаленных в битвах гусар, пятигорцев и казаков. Самозванец и Сапега направились к Москве через Боровск. В трех верстах от сего города находится монастырь св. Пафнутия, в то время огражденный каменною стеною с башнями, глубоким рвом с водою и занятый военным отрядом, которым начальствовал князь Михайло Волконский. На требование сдачи он отвечал отказом. Сапега стал добывать монастырь приступом. Тогда двое воевод, товарищи Волконского (Змеев и Челищев), изменили и отворили ворота неприятелю. Волконский продолжал мужественно обороняться и пал в самой церкви у гроба святого.

Разорив монастырь, поляки двинулись далее. Недалеко от Боровска на одной стоянке они подверглись нападению татар. Около того времени пришли крымские царевичи, которых Василий Шуйский призывал себе на помощь. Царь выслал на соединение с ними последние остававшиеся у него силы с князьями Воротынским и Лыковым. Воеводы встретили крымцев в Серпуховском уезде; отсюда царевичи выслали передовой отряд, который подкрался к полякам, расположенным в нескольких деревнях, многих частию

побил, а частию побрал в плен. Но когда сапежинцы собрались и дали энергичный отпор, татары воротились назад. Угрожаемые с одной стороны войском Самозванца, с другой Жолкевским, царевичи потеряли всякую охоту сражаться за Шуйского, поспешили переправиться назад за Оку и ушли домой, обремененные награбленною добычею и пленниками. Самозванец после того продолжал движение к столице. Он остановился сначала у монастыря Николы на Угрешах, а потом, оставив здесь Марину, сам подвинулся ближе к Москве и расположил свой стан в семи верстах от нее в селе Коломенском.

Некоторые города, возбужденные агентами калужского вора, вновь признали его царем. Так присягнули ему Коломна и Кашира; хотели присягнуть жители Зарайска, но были удержаны своим воеводою князем Дим. Пожарским. Сей доблестный воевода своею твердостию и неизменною верностию законному государю во второй раз остановил распространение измены и мятежа. В первый раз это было вслед за кончиною Скопина. Известный Прокопий Ляпунов объявил себя мстителем за его смерть; громко обвинял в его отравлении самого Василия Шуйского с братьями, возмутил против него Рязанскую землю и вошел в сношения с калужским вором. Возбуждая соседние области к общему мятежу, Ляпунов, между прочим, прислал своего племянника Федора в Зарайск с грамотою к князю Пожарскому. Но воевода отправил грамоту в Москву к царю Василию и просил подкрепления, которое вскоре и получил; чем остановил тогда распространение рязанского мятежа. Так и теперь, когда зарайцы встали всем городом и потребовали от воеводы, чтобы он вместе с ними присягнул калужскому вору, воевода с немногими людьми заперся в каменном Зарайском кремле и приготовился к обороне. Протопоп Зарайского Николаевского собора Димитрий, один из выдающихся русских патриотов той эпохи, благословил князя умереть за православную веру. Так как в кремле хранились не только съестные и военные запасы, но и лучшее имущество посадских людей, то последние, боясь за свои «животы», смирились и условились с воеводою присягнуть на том: «Кто будет царем на Москве, тому и служить». Благой пример Зарайска в свою очередь подей-

ствовал и на другие города; между прочим, Коломна отказалась от вора и воротилась к своему долгу. Но Ляпунов с рязанцами продолжал крамольничать и хлопотать о свержении Шуйского, сносясь с своими московскими единомышленниками, особенно с князем Голицыным.

Любопытно столкновение этих двух воевод, Ляпунова и Пожарского, которых судьба потом выдвинула на переднюю сцену действия — столкновение, ясно очертившее резкую противоположность их характеров и стремлений: с одной стороны даровитая, но беспокойная натура, чрез меру увлекающаяся личными впечатлениями и честолюбием; с другой вполне консервативная, не мудрствующая лукаво и ищущая спасения в безупречном исполнении своего долга.

Уже известие о Клушинском поражении повергло столицу в полное уныние. А когда подошел калужский вор, то московское население, смущаемое с одной стороны агентами вора и Ляпунова, с другой подметными листами Жолкевского и сторонниками Владислава, подверглось сильным волнениям и распрям. Чернь снова стала выражать свои симпатии воровскому царику, надеясь с его разрешения бить и грабить людей знатных и зажиточных; а бояре, дворяне и купцы потеряли голову и не знали, что предпринять. Хотя области теперь оставались глухи к царским приказам и почти перестали высылать ратных людей на его службу, однако под руками можно было еще собрать до 30 000 войска; в том числе было бы от 8 до 10 тысяч хорошо вооруженных московских стрельцов. Но не было воеводы, который бы стал в их главе и увлек за собою. Царя Василия почти перестали слушать. В Москве начались народные сходки, наподобие древнего веча. Эти сходки или совещания происходили и в городе, и за городскими воротами. На последних появлялись и русские изменники из Коломенского или сапежинского стана. Посреди сих совещаний стали обнаруживаться различные кандидатуры, т.е. претенденты на московский престол. Меж тем как некоторые склонялись на сторону Владислава, а единомышленники Ляпуновых указывали на князя Василия Васильевича Голицына, русские изменники предлагали или своего царика, или его гетмана, т.е. Сапегу: вот до чего московский трон со времени первого Лжедимитрия

сделался предметом вожделений чуть ли не всякого искателя приключений! На одной из подобных загородных сходок служившие вору русские предложили москвичам следующее: «Вы низложите своего царя Василия, а мы откажемся от нашего царика; выберем царя всей землей и станем заодно против Литвы». Москвичи приняли предложение.

Главными деятелями при свержении Василия Шуйского явились князь Василий Голицын и Захарий Ляпунов, брат Прокопия; первый, действуя скрытно, выдвигал перед народом второго. Толпа дворян и детей боярских, предводимая Захаром Ляпуновым и его сообщниками (Ив. Ник. Салтыковым, Хомотовым и др.) пришла во дворец и стала просить царя Василия, чтобы он сложил с себя венец и скипетр. Ляпунов при сем излагал такие причины: царствование его несчастливо, украинские города отложились, сел он на престол не по выбору всей земли, погубил много невинных людей, а братья его окормили отравою победоносного племянника. Тут Василий вспылил, выхватил из-за пояса нож и бросился на Ляпунова со словами: «Как смеешь ты, б..., с..., говорить это, когда и бояре того мне не говорят?» Дюжий Ляпунов простым движением руки отстранил слабого старика, грозя его уничтожить. Толпа с угрозами покинула дворец. Вожаки мятежа явились на Лобное место и набатным колоколом собрали народ; а отсюда, под предлогом тесноты, отправились за Серпуховские ворота и там устроили совещание, призвав бояр и патриарха. Они указывали на непрерывные бедствия, сопровождавшие царствование Шуйского; снова напоминали о том, что он сел не по избранию всей земли, что Литва и воры угрожают столице с двух сторон, от Можайска и от Коломенского, что надобно низложить Василия и всей землей подумать об избрании нового царя. Тщетно патриарх Гермоген пытался удержать народ от беззакония и защищал Шуйского. Видя решительную неприязнь народа к Василию, он перестал говорить и удалился. Тогда во дворец явилась опять мятежная толпа, уже с некоторыми боярами во главе. Здесь князь Ив. Мих. Воротынский, царский свояк, выступив вперед, именем земли просил Василия Ивановича оставить государство и взять себе в удел Нижний Новгород. После этой просьбы жалкий, всеми покинутый старик не стал

более спорить. От него отобрали знаки царского достоинства, и он из дворца вместе с супругою переехал в свой старый боярский дом. Это событие произошло 17 июля 1610 года. Верховная власть впредь до избрания царя оставалась в руках Боярской думы, в которой председательство принадлежало старейшему боярину князю Фед. Ив. Мстиславскому. На имя этого временного правительства и были разосланы присяжные листы.

Когда москвичи на следующей сходке с людьми калужского вора у Даниловского монастыря объявили им о низложении Шуйского и потребовали от них исполнения такого же условия по отношению к вору, те отвечали: «Вы своего царя ссадили, забыв крестное целование; а мы за своего готовы умереть». Этот ответ привел москвичей в раздумье. Патриарх между тем говорил, что низложение Василия совершено незаконным образом. Шуйский приободрился и, имея в своих руках значительное имущество, завел сношения с своими приверженцами, особенно старался подкупать стрельцов. Тогда Захар Ляпунов с товарищами решили отрезать ему всякий возврат к престолу, не лишая его жизни. Они отправились к Шуйскому с несколькими иеромонахами и потребовали от него пострижения. Старик наотрез отказался и молил о пощаде; спрашивал, за что его так жестоко преследуют, напоминал совершенное им избавление от Гришки Отрепьева. Но его не слушали и насильно исполнили обряд; Ляпунов крепко держал его за руки, а князь Туренин (по другому известию Тюфякин) вместо него произносил обеты. На Василия надели иноческое платье и в закрытом кафтане отвезли его в Чудов монастырь. Его супругу Марию Петровну точно так же насильно постригли в монахини, несмотря на ее сопротивление и слезные причитания о своем муже. Ее поместили в Вознесенском монастыре. Братьев его Димитрия и Ивана исключили из состава Боярской думы и отдали за приставы.

Гермоген не признал насильного пострижения Шуйского и считал монахом того, кто произносил за него обеты. Но голос патриарха в этом случае оставался гласом вопиющего в пустыне. Таким же гласом оказался он и в вопросе об избрании нового государя. Патриарх стоял за выбор из русских

людей и указывал на состоявшего с ним в приязни князя Василия Васильевича Голицына. Но против последнего резко высказался князь Фед. Ив. Мстиславский: он объявил, что сам не менее Голицына имеет прав на престол, но отказывается от них, а также не хочет видеть государем равного себе боярина; что двукратное избрание царя из бояр принесло одни бедствия и, следовательно, надобно избрать кого-либо из племени царского. Мстиславского поддержали и другие бояре. Таким образом ни к чему не привели происки Голицыных и их пособников Ляпуновых. Видя неудачу в сем случае, патриарх, однако, продолжал настаивать на выборе русского, и стал указывать на древний боярский род Романовых. Из любимых народом братьев Никитичей налицо оставался только один Иван Никитич. Но не его назвал патриарх Гермоген, а юного Михаила Феодоровича, которого отец хотя был еще жив, но находился в иноческом чину, под именем Филарета. Эта кандидатура пока ниоткуда не встретила сильной поддержки: очевидно, не пришло еще ее время. Обстоятельства были пока слишком темны и запутаны. Что касается калужского вора, то хотя многие из черни и сочувствовали ему, видя в нем себе покровителя и потаковника, однако гнусное и всем ведомое его самозванство претило народу; а знатное боярство не хотело о нем и слышать. Поэтому, располагая остававшимися в Москве ратными силами, оно давало энергичный отпор всем покушениям на столицу со стороны Коломенского. Итак, главным претендентом на московский престол являлся королевич Владислав, и Боярская дума, с Мстиславским во главе, очевидно, склонялась на его сторону.

Наступило время *семибоярщины*, названной так, конечно, по числу членов временного правительства. В официальных грамотах, однако, мы встречаем подписи не семи, а шести лиц, каковы: три боярина, Ф.И. Мстиславский, В.В. Голицын и Ф.И. Шереметев, один окольничий, князь Данило Ив. Мезецкий, и два думные дьяка, Василий Телепнев и Томило Луговский[19].

Когда Жолкевский узнал о низложении Василия, он немедля двинулся к Москве и стал пересылаться грамотами с временным правительством, извещая его, что он спешит на

помощь против Самозванца; так как многие москвитяне уже просили короля дать им в цари Владислава. Бояре сначала отказывались от помощи и склоняли гетмана не приближаться к столице. Но когда он подошел и 24 июля расположился станом около села Хорошова, то бояре нашлись вынужденными вступить с ним в переговоры. Самозванец, встревоженный прибытием гетмана, попытался также войти с ним в сношения. Он предлагал выплачивать королю ежегодно большую сумму денег и уступить Северскую землю, если тот поможет ему сесть на царство. Жолкевский позволил ему с сими бесполезными предложениями отправить посольство к королю; а сам ловко воспользовался Самозванцем, зная, что он составляет пугало для бояр, и 2 августа устроил под Девичьим монастырем съезд с временным правительством. На этом съезде, при усердном посредничестве помянутого выше Салтыкова-сына, Боярская дума согласилась иметь царем Владислава, но на известных условиях. Сии условия или статьи, заранее внесенные в свиток, были громогласно прочтены дьяком Телепневым. В основу их положены договоры Салтыкова-отца под Смоленском и Елецкого с Валуевым у Царева Займища. Тут некоторые прежние статьи были выпущены, например, о вольном выезде московских людей в иноземные государства для науки; а некоторые прибавлены вновь. Главнейшая прибавка состояла в том, что Владислав должен принять православие. Гетман согласился почти на все условия; но перемену веры оставил на усмотрение короля. После многих съездов и переговоров последовало наконец обоюдное согласие; гетман со своими полковниками и ротмистрами от имени Владислава присягнул на соблюдение условий; а бояре первые присягнули на подданство Владиславу. Затем стали приводить к торжественной присяге другие чины и весь московский народ в Успенском соборе. Сюда явились также бывшие русские тушинцы с Михаилом Салтыковым и князем Масальским во главе. Когда они подошли под патриаршее благословение, Гермоген благословил их, но под условием, если от выбранного в цари иноземца не будет никакого нарушения Православной церкви; в противном случае грозил им проклятием. Салтыков со слезами уверял его в ненарушении православной веры от Владислава. А Михай-

ла Молчанова, по словам летописца, Гермоген не допустил ко кресту, и, назвав окаянным еретиком, велел выгнать вон. По известию одного поляка-современника, в столице число присягнувших тогда королевичу будто бы простиралось до 300 000; это число, очевидно, и сильно преувеличено. После того от временного правительства разосланы были по городам известительные грамоты о выборе в цари Владислава и об условиях, на которых он выбран, с приложением крестоцеловальных записей, по которым должна была совершаться ему присяга.

В этом договоре об избрании Владислава гетман действовал на свой страх, не имея точных инструкций от короля, а только руководясь условиями, которые были предъявлены под Смоленском Салтыковым и другими тушинцами и которые были как бы одобрены королем. Но вот, спустя несколько дней после означенной присяги, от короля прибыли сначала московский торговый человек гостинной сотни Федор Андронов, а потом велижский староста знакомый нам Гонсевский; они привезли приказ, чтобы гетман склонил москвитян присягнуть не Владиславу, а самому Сигизмунду. Но исполнить такой приказ гетман нашел невозможным, опасаясь возмутить народ и совершенно расстроить дело, только что улаженное. Гонсевский с ним согласился.

Меж тем Самозванец продолжал приступать к столице, зажигать ее слободы и посады и пытался ворваться; но встречал всегда готовый отпор со стороны московского гарнизона, которому подавал помощь пришедший с гетманом русский отряд, состоявший под начальством Салтыкова-сына. Ссылаясь на присягу, данную Владиславу, бояре настаивали, чтобы гетман прогнал вора. Жолкевский обещал, и послал к Сапеге требование покинуть Самозванца, предлагая, в случае покорности сего последнего, выхлопотать ему у короля в державство Гродну или Самбор. Сапега отвечал, что сам он охотно исполнил бы означенное требование; но товарищество его на то несогласно. Гетман после того обещал совместно с боярами ударить на стан Лжедимитрия и даже двинулся против него; но, вопреки настояниям бояр, выступивших в поле с пятнадцатитысячною ратью, не ударил; а вызвал Сапегу на свидание и ограничился одними перегово-

рами. Вместо битвы он старался склонить сапежинцев к поступлению в королевскую службу и к соединению с гетманским войском, подобно Зборовскому и другим тушинцам. Поляки, по обыкновению, предъявили огромные требования относительно уплаты им жалованья. А Самозванец и особенно Марина, видя нерешительность гетмана, возвысили тон и не соглашались ни на какие сделки. Лжедимитрий надеялся, что народ его как православного предпочтет королевичу Владиславу. Жолкевский продолжал щадить его в своих видах. Бояре наконец поняли двойную игру гетмана и подняли ропот. Надобно было сделать решительный шаг. В конце августа условились вместе и неожиданно напасть на коломенский стан. Для этого бояре позволили гетманскому войску ради скорости ночью пройти через столицу и, соединясь с московскою ратью, ударить на вора. Но и тут снова оказалось, что ворон ворону глаза не выклюет: подойдя к Коломенскому, гетман остановился; сапежинцы также выстроились в боевом порядке. Жолкевский снова ограничился одними переговорами. Однако Самозванец, не полагаясь более на сапежинцев и боясь быть выданным, после того уехал с Мариной в Калугу. Часть служивших ему русских изменников, с князьями-боярами Фед. Долгоруковым и Мих. Турениным во главе, явилась в Москву с повинною. А другая часть последовала за ним, также и донские казаки с атаманом Заруцким, который около того времени покинул войско гетмана и вновь перешел на службу Лжедимитрия и Марины. Сапега после долгих переговоров с Жолкевским, отступил от Москвы; по его же указанию, направился к Северскому краю, и расположился около Мещовска, где стал выжидать случая вновь выступить на сцене решительных событий, продолжая бесконечные переговоры о переходе своего отряда на королевскую службу. Бояре были обрадованы избавлением от вора и возымели особое доверие к Жолкевскому после того, как он прошел с войском через столицу и не воспользовался случаем захватить в свои руки беззащитный город: ибо московская рать выступила вперед и поджидала поляков за городом. Однако, когда знатнейшая часть русских изменников, отложившаяся от вора и присягнувшая Владиславу (князья Сицкий и Засекин, Нагой-Самбулов, Плещеев,

дьяк Третьяков и др.), при посредстве гетмана хлопотала, чтобы временное правительство утвердило за ними пожалованный Самозванцем боярский сан, дума отказала им: родовитое боярство никак не хотело признать равными себе тушинских и калужских лжебояр. Тогда некоторые из них опять ушли к вору в Калугу.

Когда калужский вор удалился, гетман устроил в своем лагере пир для московских бояр; причем дарил их конями, сбруей, оружием, кубками и пр. Мстиславский в свою очередь дал пир гетману и польским офицерам, которых тоже одарил саблями и другими вещами. Затем, по настоянию Жолкевского, решено было не медлить более отправкою торжественного посольства к Сигизмунду III, по поводу избрания в цари королевича Владислава. Хитрый гетман сумел поставить во главе сего посольства те лица, которых он желал удалить из Москвы и предать в руки короля, а именно князя Вас. Вас. Голицына и митрополита Филарета Никитича. Князь Голицын, сам питавший притязания на престол, считался человеком умным и деятельным, а потому был вдвойне опасен для польской партии. Жолкевский уговорил его не отказываться от такого почетного поручения, называя в глаза самым великим мужем на Москве и уверяя, что он займет первое место в совете короля и королевича. Другой кандидат на престол Михаил Феодорович Романов еще не вышел из отроческих лет и не мог участвовать в посольстве; поэтому он представлялся опасным не сам по себе, а по своему отцу, известному и родовитому боярину Феодору Никитичу, теперь митрополиту Филарету. Гетман указал на него как на единственного человека, достойного быть послом от московского духовного чина. В посольство включены были еще два члена временного правительства, окольничий князь Мезецкий и думный дьяк Луговский. Кроме них тут были: думный дворянин Сукин, дьяк Сыдавный Васильев и Захар Ляпунов, а из духовных лиц спасский архимандрит Евфимий и троицкий келарь Авраамий Палицын. Вообще членов посольства выбирал князь Голицын по своему усмотрению, чтобы иметь его, так сказать, в своих руках. Оно заключало в себе выборных от всех сословий и вместе со свитою и русским конвоем простиралось почти до 1200 человек.

Посольство получило подробный наказ, помеченный 17-м августа 1610 года и состоявший из длинного ряда статей или условий, которые имели быть предъявлены королю и королевичу; причем в точности определено было, что именно должен говорить на торжественном приеме каждый из великих или старших послов, т.е. митрополит Филарет, князья Голицын и Мезецкий, думный дворянин Сукин, дьяки Луговский и Сыдавный. Главное условие относилось к вере. От Владислава требовали немедленной перемены религии, чтобы он *крестился* у ростовского митрополита Филарета и смоленского архиепископа Сергия, а в Москву прибыл уже православным и чтобы здесь «его государя встретить с чудотворными образами, честными и животворящими крестами патриарху и всему освященному собору»; затем, будучи царем, Владислав не должен о делах церковных сноситься с папою или принимать от него благословение; тех московских людей, которые по своему малоумию отступят в римскую веру, казнить смертию, а имущество их отбирать на государя. Когда же Владиславу придет пора жениться, то ему выбрать себе супругу на Москве греческой веры. Далее идут условия о строгом сохранении титула московских государей; о том, чтобы Владислав привел с собою только необходимую свиту из поляков и литовцев; что поместья им и уряды может давать только внутри государства, а не в порубежных местах; чтобы города, занятые поляками, были от них очищены и все русские пленники отпущены из Польши и Литвы без выкупа; чтобы король отступил от Смоленска и воротился в Литву; чтобы на следующем сейме все чины Речи Посполитой присягнули на исполнении условий и утверждении обоюдного мира. На случай возражений со стороны короля или панов радных, в той же грамоте находились заранее и весьма умно составленные ответы, которые также распределены были между послами; на крайние случаи в некоторых статьях допускались небольшие смягчения. Послы особенно долженствовали хлопотам о скорейшем прибытии в Москву королевича, от которого, конечно, ожидали прекращения смуты. Вообще этот наказ представляет любопытный образец московской дипломатии того времени, ясно свидетельствующий о ее навыке в сношениях с иноземца-

ми, ее относительной вежливости, здравомыслии и верности своеобразным основам московского государственного быта. Лично Владиславу духовные члены посольства должны были вручить особую грамоту от патриарха и всяких чинов людей, помеченную 12-м сентября. В этой грамоте заключались красноречивое описание бедствий Московского государства и трогательное челобитье *принять крещение* по обряду греческой церкви.

Из сих грамот мы видим, что в деле избрания Владислава временное московское правительство как будто действовало обдуманно и усердно пеклось о государственной пользе. Но ему недоставало главного: предусмотрительности и верной оценки как лиц, так и обстоятельств. Если бы все составленные им условия были добросовестно исполнены, конечно, Московское государство могло бы скоро успокоиться и выйти из смуты с сохранением своих пределов. Но в таком случае что же получила бы Речь Посполитая при исполнении сих условий? С чем же воротились бы король от Смоленска, а поляки из захваченных ими городов? Чем бы ответила Римская курия на принятие православия Владиславом и вообще мог ли такой ревностный католик как Сигизмунд, из-за этой ревности лишившийся шведской короны, мог ли он соизволить своему сыну на перемену религии? Наивно было со стороны временного московского правительства хотя на минуту тешить себя надеждою на исполнение вышеназванных условий. Только лукавые уверения Жолкевского и крайнее, представлявшееся безвыходным, положение государства не только разоренного, но и угрожаемого завоеванием или раздроблением — могли вызвать попытку искать спасения у своих злейших врагов.

Преступная наивность временного правительства вскоре выразилась в поступке еще более легкомысленном: *в дозволении полякам занять столицу.*

Зная хорошо короля и обстоятельства своего времени, Жолкевский едва ли верил в успех московского посольства. Поэтому прежде чем начнется разочарование, гетман спешил ковать железо, пока оно горячо. Он спешил тем более, что наличное временное правительство, благодаря его предусмотрительности, состояло теперь только из двух бояр,

Мстиславского и Шереметева, и одного дьяка, Телепнева. После отъезда князя Василия Голицына, власть сосредоточилась собственно в руках князя Мстиславского, который и представлял собою как бы московского регента; а он был главою польской партии и наиболее преданным сторонником Владислава. Гетман хорошо понял ограниченность сего вельможи и ловко его опутал. В этом случае ему помог отчасти все тот же калужский вор, который продолжал посредством своих клевретов смущать и поджигать московскую чернь. Это обстоятельство по-прежнему возбуждало немалое опасение со стороны близоруких бояр; они боялись, чтобы в Москве не повторилось такое же возмущение и господство черни, какое произошло во Пскове. По соглашению с правителями, из гетманского лагеря уже прибыли в столицу квартирьеры для распределения польского постоя; но духовенство, особенно монахи, были на страже; ударили набат и объявили сбежавшемуся народу, что поляки идут в город. Толпа зашумела, и бояре поспешили уведомить гетмана, дабы он повременил вступлением своего войска, пока они уладят дело. Этим моментом воспользовался Жолкевский, чтобы добиться выдачи Шуйских, о которой он давно хлопотал. Их обвинили в том, что они тайно ведут козни и побуждают народ к мятежу: временное правительство выдало гетману бывшего царя Василия и его обоих братьев. Меж тем во главе движения против поляков стал сам патриарх. Он собрал около себя многих дворян и ратных людей. Бояре, с Мстиславским, Шереметевым, Салтыковым и Андреем Голицыным во главе, вступили с ними в переговоры. Вожаки собравшейся толпы возражали, что впустить поляков значит отдать им на поругание своих жен и детей, так как русские ратные люди назначены в поход на вора; что гетман лукавит; что, вопреки своему обещанию, он ничего не предпринимает против сего вора и пр. От гетмана приехал в город Гонсевский с уверениями в его искренности и намерении идти в поход, как только русское войско с ним соединится. Мстиславский поддержал сии уверения, напомнил о недавней присяге королевичу и выражал готовность умереть за него. Патриарху бояре говорили, что его долг смотреть за церковию, а не вмешиваться в мирские дела. Потом они объезжали народную тол-

пу и убеждали ее успокоиться. Народ послушал их и разошелся. Тогда, с соизволения бояр, в ночь на 21 сентября, гетман тихо ввел в столицу свое войско, которое расположилось целыми отрядами на случай тревоги. Полк Зборовского поместился в Китай-городе, Казановского и Вейгера в Белом городе, а Гонсевского в Кремле. Сам гетман занял под свою квартиру бывший двор Бориса Годунова. Полк Струся и собственный полк Жолкевского были расположены в Можайске, Борисове и Верее для безопасного сообщения с королем и Литвою и для заслона от калужского вора.

На первое время водворение поляков в Москве обошлось спокойно, благодаря искусному образу действия со стороны гетмана. Он поддерживал в своем войске дисциплину и особенно наблюдал за тем, чтобы поляки не ссорились с москвичами и не обижали женщин; провинившихся в сем отношении довольно строго наказывал. Большие дороги из столицы в области сделались теперь свободны, начался обильный подвоз съестных припасов и восстановилось торговое движение; вместе с тем стала возвращаться и прежняя дешевизна жизни. Понравилось москвичам и то, что гетман отпустил значительную часть немецких наемников; хотя он сделал это по недостатку средств платить им жалованье, и лучшую часть наемной пехоты все-таки оставил. На должности областных наместников и воевод временное правительство назначало людей, указанных гетманом. Так Иван Салтыков с частью ратных людей был послан в Великий Новгород, а Григорий Валуев во Псков. Другая часть ратных людей была выслана из Москвы с князем Воротынским под предлогом действовать заодно с поляками против калужского вора. В Москве оставалось еще значительное количество стрельцов, и в случае народного мятежа они могли послужить для него крепким ядром. Начальство над сим войском цари московские обыкновенно доверяли только своим родственникам или самым близким боярам. Жолкевский склонил правителей вверить это начальство своему помощнику Гонсевскому; причем лаской, подарками и угощениями так привлек этих простодушных людей, что они охотно подчинились чужеземному начальнику. А сей последний потом разослал их по другим городам, под предлогом обороны от шведов.

Гетман старательно укрепил Кремль и Китай-город, куда со всей Москвы свез пушечный и пищальный наряд. Таким образом приняты были существенные меры против возмущения москвичей. Для снабжения съестными припасами польского гарнизона расписаны были города с уездами на известном расстоянии от столицы. Но так как посылаемые туда товарищи и пахолики (род денщиков) позволяли себе грабеж и насилия над женщинами, то для устранения подобных столкновений решено было, чтобы города были обложены денежными поборами, которые они доставляли бы сами. Происходя из русского рода, Жолкевский, очевидно, владел русским языком; а потому своими вкрадчивыми, умными речами он сумел обойти самого Гермогена, так что суровый старец возымел к нему непритворное расположение.

Принимая все возможные меры ради укрепления польского гарнизона в Москве, Жолкевский сам, однако, не верил в прочность своих начинаний и предвидел, что, когда обнаружатся истинные намерения короля, восстание сделается неминуемо. До него доходили также известия об интригах его соперников, именно братьев Потоцких, которые остались при короле, но обманулись в надежде взять скоро Смоленск; меж тем как гетман успел отличиться блестящими успехами. Завидуя ему, Потоцкие побуждали короля поступить наперекор распоряжениям и договорам Жолкевского с москвитянами относительно королевича Владислава и просто подчинить Московское государство польскому владычеству. Посему гетман решил уехать под Смоленск, чтобы лично объясниться обо всем с королем. Мстиславские бояре очень неохотно простились с ним и успокоены были только его обещанием скоро и непременно воротиться. Они далеко провожали его по выезде из города. Даже простой народ, испытав ласковое обхождение гетмана, напутствовал его пожеланиями счастливого пути. Начальство над польским отрядом в Москве на время своего отсутствия Жолкевский поручил Гонсевскому. Низложенного царя Василия с братьями как самый дорогой свой трофей он повез с собою под Смоленск, куда и прибыл в конце октября 1610 года.

Великое московское посольство, ехавшее медленно, только на три недели упредило гетмана своим прибытием в ко-

ролевский лагерь; причем удостоилось пышной встречи. Его поместили в особых шатрах. Спустя несколько дней, оно получило торжественный прием у короля с целованием его руки; причем изложило предмет своих полномочий и поднесло подарки. Канцлер Лев Сапега давал ему от королевского имени ответ, благосклонный, но довольно туманный. Затем начался ряд совещаний между московскими послами и польско-литовскими панами, радою, с тем же канцлером во главе. Тут для первых скоро наступило разочарование. Главным предметом спора послужил Смоленск: послы просили снять осаду и вывести королевское войско из московских пределов; паны же, напротив, требовали сдачи сего города, после которой, по их словам, король намеревался идти на калужского вора, прогнать шведов и вообще успокоить Московское государство. Относительно отпуска королевича паны отлагали окончательное решение до сейма; причем оспаривали необходимость принятия им греческой веры. Тщетно москвичи ссылались на договор, заключенный с гетманом Жолкевским; паны запальчиво отвечали, что те приехали как челобитчики, а не указчики их государю. С своей стороны великие послы, особенно митрополит Филарет и князь Василий Голицын, твердо стояли на своих условиях и ни за что не соглашались на уступку Смоленска. В это время содержание отпускалось им самое скудное; свита посольская едва не умирала с голоду; а лошади почти все подохли. На жалобы послов паны откровенно говорили, что они терпят за свое упорство.

Жолкевский при своем въезде в королевский лагерь удостоился триумфальной встречи. Привезенный им Василий Шуйский на торжественном приеме не хотел поклониться королю и вообще держался с достоинством, продолжая считать себя московским царем. Подробно донося Сигизмунду о всех событиях и обстоятельствах московских, гетман пытался убедить его в необходимости подтвердить условия своего договора с временным правительством. Попытка эта, как и следовало ожидать, осталась тщетною. Однако, приглашенный к участию в совещаниях с московским посольством, гетман заговорил с москвичами иным тоном, чем прежде. Например, по поводу Смоленска напрасно послы напоминали

ему, заключавшееся в договоре с Елецким и Валуевым, обязательство снять осаду Смоленска, как скоро жители его присягнут королевичу. Жолкевский заметил, что ничего не помнит и условия этого договора подписал не читавши. Ссылаясь на то, что они не уполномочены изменить статьи своего наказа, послы испросили позволения отправить по сему поводу в Москву гонца.

Отчасти угрозами, а отчасти льготами полякам удалось более половины посольства, хотя бы только наружным образом, склонить на свою сторону. В королевский лагерь уже начали приезжать с разных сторон московские люди, чтобы заявлять о своей преданности и выпрашивать у короля грамоты на поместья и вотчины. Подобными грамотами и другими наградами соблазнились также и многие члены посольства; в их числе оказались думный дворянин Сукин, дьяк Сыдавный-Васильев, спасский архимандрит Евфимий, троицкий келарь Палицын и Захар Ляпунов. Вместе с грамотами давалось разрешение уехать домой, и это разрешение особенно соблазняло членов посольства, стремившихся выйти из своего бедственного положения. Еще дорогою в Смоленск некоторые дворяне и дети боярские тайком покинули посольство и разъехались по домам; а теперь другие их товарищи притворно соглашались на присягу не одному королевичу, но и самому королю, чтобы вырваться на свободу. В посольской свите находились и дети боярские Смоленского уезда. Канцлер прямо потребовал от них присяги королю, а иначе грозил лишением поместьев: одни присягнули, другие отказались. Таким образом в самом посольстве произошли несогласия и споры. Но были и такие члены, которые в эту трудную минуту оказали мужество и непреклонную верность родине. После Филарета и князя Голицына такою твердостию отличился особенно дьяк Томило Луговский, которого никакие прельщения и угрозы Сапеги не могли склонить к измене своему долгу. Итак, большая часть посольства разъехалась; а оставшиеся очутились в положении пленников.

Осада Смоленска во время сих переговоров продолжалась с усиленным рвением. Но оно пока разбивалось об упорство и мужество осажденных. Из города постоянно являлись

в лагерь перебежчики, которые доносили о раздорах и болезнях, свирепствовавших между осажденными, и тем питали у осаждавших надежду на скорый успех. Действительно, раздоры были; но воевода Шеин и архиепископ Сергий умели их побеждать. Продовольствия оставалось еще довольно; зато страшно развивавшаяся цинга похищала большое количество людей, и число защитников заметно таяло. Тем не менее все неприятельские подкопы были своевременно уничтожаемы, и все приступы отбиваемы. Иногда осаждающим удавалось разрушить часть стены или башню; но за этими развалинами они встречали высокий вал, вооруженный пушками, который преграждал им путь. Шеин проявлял не только замечательную военную умелость и бодрость духа, но и ловко вступал иногда в переговоры, чтобы выиграть время. Напрасно подсылаемые к стенам русские изменники доносили ему о свержении царя Василия, о московской присяге королевичу Владиславу, о занятии Москвы поляками. Он не внимал никаким увещаниям и продолжал вести энергичную оборону.

Любопытны отношения московского временного правительства, вообще боярства, к польскому королю и его главному советнику литовскому канцлеру Сапеге. В руках сего последнего сосредоточилось ведание московскими делами со времени присяги королевичу Владиславу. К нему обращаются из Москвы бояре и некоторые другие чины с разными посланиями и просьбами, особенно те, которые искали милостей и наград, в виде санов, поместий и вотчин. Из дошедших до нас таковых посланий узнаем, что, например, глава Правительственной думы князь Мстиславский, получивший от короля похвальную грамоту за содействие к избранию Владислава, пожалованный саном *слуги* и конюшего, бьет челом Льву Сапеге и просит его о пожаловании окольничества уехавшему под Смоленск Ив. Вас. Головину. А ближайший товарищ Мстиславского по думе боярин Фед. Ив. Шереметев униженно просит Сапегу ходатайствовать перед королем о своих «вотчинных деревнишках» и ссылается на свою «службу и правду» королю и королевичу. Такие же челобитные шлет Сапеге печатник Иван Грамотин. Известный Федор Андронов, приставленный в Москве к государствен-

ной казне, также просит Льва Сапегу ходатайствовать о пожаловании его поместьями, именно сельцом Раменьем в Зубцовском уезде и сельцом Шубиным с деревнями: так как сии земли, отнятые у одного из Годуновых и у Зюзина, отданы были Тушинским вором Ив. Март. Заруцкому. Андронов при сем дает советы, как спровадить сверженного царя Василия к королю, как ослабить ратную московскую силу в столице, разослав ее по городам (что и было вскоре исполнено), и как нужно по приказам посадить людей, преданных королю, на место «похлебцев» Шуйского. Кроме того, он жалуется, что в Москве не один гетман (Жолкевский) раздает поместья, но и другие сильные люди, например, Салтыковы.

В свою очередь Михаил Салтыков жалуется на притеснения и взяточничество того же Федора Андронова, который сам причисляет себя к «правителям» и является одним из «временников» (временщиков), подобных тем, которые были при Шуйском. «Отец его (Андронова) в Погорелом Городище торговал лаптями; а он взят к Москве из Погорелого, по веленью Бориса Годунова, для ведовства и еретичества, а на Москве был торговый мужик». От него большой недобор в казне, «потому что за многих Федор Андронов вступается и спущает, для посулов, с правежу; а иных не своего приказу насильством под суд к себе емлет, и сам государевых денег в казну не платит». В следующих письмах своих Салтыков уведомляет о кознях калужского вора, который продолжал ссылаться с своими московскими доброхотами. Так от него приехал один священник с грамотами к патриарху и боярам; его схватили и пытали; на пытке он показал, будто с вором ссылаются князья Андрей Голицын и Иван Воротынский. (Эти два князя были взяты под стражу, а священник казнен.) Салтыков советует королю спешить в Москву и «вора доступать». Льву Сапеге он, между прочим, посылает в подарок лисью шапку, черную горлатную, с свояком князем Звенигородским, прося ходатайствовать за сего последнего перед королем о разных пожалованиях. Для себя и сына своего Салтыков выпросил села Вагу, Чаронду, Тотьму и Решму, которые при Борисе были за Годуновыми, а при Шуйском за Шуйскими. Относительно доносов на него в произвольных правительственных действиях и раздаче

земель, он оправдывается тем, что все дела делает вместе с Фед. Ив. Мстиславским и всеми боярами, а поместья дают они «выморочные» и «лишки», розданные при Шуйском. «При прежних государях, — пишет он, — коли они в отъезде бывали, на Москве бояре поместья давали, да не токмо на Москве, и в Новгороде Великом, и в Казани бояре и воеводы поместья дают, чтобы тем на Москве людей удержать и без помещиков поместных земель не запустошить». Посылая Сапеге в подарок лисью шапку, Салтыков уведомляет его, что «продернул» в нее веревочку и запечатал тою же печатью, которою и грамота запечатана, дабы шапку «не подменили». Что такие предосторожности были нелишними, видно из письма печатника Ивана Грамотина. Сапега выразил неудовольствие по поводу его худого поминка (Рыси), присланного как будто «на шутку»; Грамотин уверяет, что тут вышло недоразумение, и посылает Сапеге «горностайный кожух» с своим приятелем Ив. Ив. Чичериным, прося и для него, и для себя милостей. Князь Василий Масальский шлет Сапеге в подарок соболей, почти на 100 рублей, с дьяком Тюкиным и просит порадеть о его «деле». Далее имеем челобитные о поместьях, вотчинах и санах таких более или менее известных лиц, каковы: князья Борис Лыков, Юрий Хворостинин, Федор Мещерский, Тимофей Долгоруков, Григорий Ромодановский; также Григорий Валуев, Захар Ляпунов, думный дьяк Василий Янов, Михаил Молчанов, братья Ржевские и др.

Подобные челобитные, очевидно, не оставались тщетными. Мы видим длинный ряд пожалований поместьями, денежными окладами, дворами в Москве, чинами и урядами многих лиц, претерпевших разорение от бывшего царя Василия и показавших свое радение королю и королевичу. Между прочими князь Ромодановский награжден саном боярина, Мещерский — окольничего; Михаил Молчанов и Ив. Вас. Головин также пожалованы окольничеством, Тюкин дьяком в приказе Большого дворца. Ив. Мих. Салтыкову дано начальство в Стрелецком приказе, князю Юрию Хворостинину в Пушкарском; печатнику и посольскому думному дьяку Ив. Грамотину вместе с его приятелем Чичериным поручено ведение Поместным приказом, Фед. Андронову чело-

битными, дворянину Ив. Безобразову дано ловчество Московское и Тверское «с путем», Ив. Чепчугову ясельничество. Известного дьяка Афанасия Власьева, заключенного в тюрьму при Шуйском, велено из нее выпустить, а затем возвратить ему должность казначея и думного дьяка: в этом случае Сапега, конечно, оказал покровительство одному из своих русских пособников в интриге, создавшей самозванщину. Архимандриту Троицкого монастыря Дионисию и келарю Авраамию Палицыну с братией отдана прежняя пошлина на конской площади с продажи коней; причем монастырь освобожден от платежа в казну сторублевой откупной суммы. Все таковые награды и пожалования давались за скрепою великого канцлера литовского, который, очевидно, в это время и был лицом самым влиятельным во внутренних делах и распорядках Московского государства. Припоминая его деятельное, хотя и скрытое, участие в происхождении самой Московской смуты, можем догадываться, как радовалась теперь его душа, пылавшая ненавистью к Москве, и как он, имея у ног своих эту Москву, считал себя у цели своих давнишних стремлений и козней.

На просьбы московских бояр, чтобы Сигизмунд скорее прислал сына или сам бы спешил в Москву, получался все тот же ответ, что прежде надобно очистить места, занятые шайками калужского вора, а также завладеть Смоленском, защитники которого будто бы тоже взяли сторону вора. Но вскоре судьба устранила и самый предлог для сих отговорок, т.е. бывшего Тушинского царика.

После вторичного бегства из-под Москвы Лжедимитрий II снова водворился в Калуге со своим двором, и все еще продолжал господствовать в значительной части Московского государства. За него стояла особенно юго-восточная часть. Астрахань, как мы видели, присягнула ему вскоре после его появления. Когда был свержен Шуйский и выбран Владислав, то и Казань, не желая подчиняться полякам, также присягнула Лжедимитрию. (Впрочем, присяга сия совершилась уже после его гибели, о которой казанцы еще не знали.) На севере его признавали: Псковская земля, где свирепствовали казацкие шайки Лисовского и Просовецкого, Великие Луки, Ивангород, Ямы, Копорье, Орешек и некото-

рые другие места. Делагарди, после Клушинской битвы, соединился с отрядом французских наемников, предводимых Делявилем, притянул еще отряды из пограничного Финляндского края и открыл враждебные действия против бывших своих союзников, русских, стремясь воспользоваться их бедственным положением, чтобы расширить с этой стороны пределы Швеции. Делавиль захватил Ладогу; а сам Делагарди осадил Корелу, которая хотя по Выборгскому договору и уступлена шведам, но не была им отдана; так как они не исполнили главного условия, т.е. очищения Московской земли от поляков. Иван Мих. Салтыков, присланный с русско-польским отрядом для очищения Новгородского края от самозванцевых шаек и от шведов, не был впущен в Новгород. Только когда он присягнул, что не будет вводить сюда литовских ратных людей, новогородцы согласились поцеловать крест королевичу Владиславу. Тогда, соединясь с новгородским воеводою князем Григорием Волконским, он отвоевал Ладогу; но Корела после упорной и продолжительной обороны была взята шведами. А Псковская земля, куда послан был Григорий Валуев, еще держалась Самозванца, когда произошла гибель сего последнего.

Питая злобу против поляков за измену тушинцев и сапежинцев, вор приказывал перехватывать мелкие польские партии, а потом наслаждался пытками и казнями захваченных пленников. Главная его ратная сила заключалась в донских казаках. Ими начальствовал Иван Заруцкий, который еще в Тушине угождал Самозванцу ревностным исполнением его поручений, если требовалось кого-либо схватить, убить или утопить. Когда уничтожился Тушинский табор, этот Заруцкий перешел на королевскую службу, отличился в Клушинской битве и втерся в милость гетмана Жолкевского; но тут он не мог стерпеть предпочтения, которое гетман оказывал младшему Салтыкову, и снова передался Самозванцу. При сем последнем, кроме казаков, в качестве телохранителей находилось на службе несколько сот татар, которым он доверял более, чем русским. Не считая себя в безопасности по соседству с польскими войсками, вор намеревался перекочевать далее на юго-восток; для чего велел укреплять и снабжать всеми запасами город Воронеж. Но он

не успел туда перебраться. Четырехлетнее безнаказанное самозванство и удачное избавление от многих опасностей сделали его беспечным, самовластным, еще более грубым и приверженным к крепким напиткам. Когда он пребывал в Тушине, к его табору пристал касимовский хан Ураз-Магомет. После прибытия Жолкевского под Москву и ее присяги Владиславу, этот хан отправился к Сигизмунду под Смоленск и был им обласкан. Скучая по жене и сыну, находившихся при Лжедимитрии, он приехал в Калугу, но с тем, чтобы, забрав свою семью, тайком опять уехать к королю. Сын, успевший привязаться к вору, донес ему о намерении отца. Тогда вор, любивший часто ездить за город под предлогом охоты, во время одной такой поездки велел умертвить бывшего с ним хана и бросить его тело в Оку; а в Калуге объявил, что хан бежал неведомо куда. Когда же истина сделалась известною, татарский крещеный мурза Петр Урусов (по желанию Василия Шуйского женатый на вдове его брата Александра Ив. Шуйского) стал упрекать Самозванца в убийстве старого хана, с которым был связан дружбою. Тот велел бить Урусова кнутом и бросить в тюрьму; но, спустя несколько времени, по ходатайству Марины и других лиц, освободил его, обласкал и снова приблизил к себе. Татарин с своей стороны показывал ему преданность и удальством своим заслужил его расположение; но в душе питал жажду мести. Он вместе с своим братом подговорил других татар и ждал удобного случая. 11 декабря Самозванец, по обыкновению, выехал на охоту, полупьяный, под конвоем толпы татар, в сопровождении небольшого количества русских и своего шута Кошелева. Имея с собою запас меду и вина, он дорогою останавливался и напивался еще более. Вдруг Урусов, выхватив саблю, наскочил на сани Самозванца и рассек ему плечо; а младший брат отрубил ему голову. Несколько русских спутников его тоже были убиты; другие, в том числе шут Кошелев, спаслись бегством. В заранее условленном месте Урусов соединился с другими татарами, уехавшими из Калуги, и они пустились в степи, опустошая и грабя на своем пути.

Страшное волнение произошло в Калуге, когда получили там известие об убиении Самозванца. Ударили в набат-

ный колокол. Собравшаяся толпа бушевала и требовала казни виновных. Волнение еще более усилилось, когда привезли и самый обезглавленный труп вора. Донские казаки бросились на оставшихся и не участвовавших в заговоре татар и всех перебили. Марина, по-видимому находившаяся при конце беременности, предалась отчаянию и вопила, чтобы и ее также убили. Спустя несколько дней она родила (или сделала вид, что родила) сына, которого окрестили по православному обряду и назвали Иваном. Калужские изменники стали величать его царем. Стоявший с своим войском около Мещовска Сапега при известии о смерти вора поспешил было в Калугу, думая захватить ее внезапным нападением. Но начальствовавшие здесь воеводы Самозванца, князья Григорий Шаховской, Димитрий Трубецкой и др., дали ему сильный отпор. Условились на том, что Калуга признает царем того, кого поставит Москва. Сапега отступил; однако ему удалось захватить Перемышль и еще несколько мест, державшихся вора. Сама Калуга вскоре присягнула королевичу Владиславу, и воеводою сюда московское временное правительство прислало князя Юрия Никитича Трубецкого. Марина с новорожденным сыном была заключена под стражу[20].

Вообще внезапная смерть Самозванца имела важные последствия. Казалось, польский претендент и польская партия избавились от неприятного соперника и дело их значительно облегчилось. Однако в действительности их положение, наоборот, затруднилось. Во-первых, у короля был отнят главный предлог ко вторжению в московские пределы и очищению государства от воров. Во-вторых, боярство московское имело теперь менее причин держаться короля и королевича; ибо избавилось от страха перед черныю, которую Самозванец возбуждал против высших и имущих классов. В-третьих, уменьшилась рознь между русскими областями: ибо присягнувшие ему теперь большею частию решили признать того, кого выберет Москва; а в самой Москве только часть бояр и дворян составляла польскую партию; остальные же классы, преимущественно духовенство, питали совсем иные чувства и ждали только удобного времени или внешнего толчка, чтобы дать им полную волю.

Таким именно толчком и послужила смерть калужского вора. Обрадованные гибелью одного из главных врагов Московского государства, духовенство и враждебное полякам население начали действовать смелее и настойчивее. Во главе движения стал патриарх Гермоген, который успел убедиться в том, что Сигизмунд III нисколько не намерен давать сына на Московское царство, а еще менее дозволить ему принятие православия, но что он хочет завладеть царством для себя лично. Патриарх начал помимо временного правительства рассылать по областям грамоты, в которых разрешал народ от присяги Владиславу и увещевал прислать ратных людей к Москве для защиты православной веры от латинского короля и для изгнания врагов. Временное правительство в эту пору несколько изменилось в своем составе и окончательно приобрело характер польского наместничества. Князь Мстиславский еще сохранял свое положение главы правительства, но чисто номинальное; действительным главою сделался начальник польского гарнизона пан Гонсевский; хотя все его распоряжения шли от имени Боярской думы; но дума ни в чем не смела ему противоречить. Ближайшими советниками его и самыми властными людьми из русских в это время являются в Москве два известные изменника, боярин Михаил Салтыков и посадский человек Федор Андронов, по-видимому оставившие свое соперничество и действовавшие теперь заодно; во главе разных приказов и ведомств, как мы видели, они успели устроить своих родственников и приятелей.

Недаром Салтыков и Андронов упоминаются в русских известиях и актах того времени как усерднейшие слуги поляков и злейшие враги веры и родины. Они доносили Гонсевскому на патриарха, предупреждали о готовившемся восстании москвитян и придумывали гнусные меры против сего восстания. С их помощью некоторые грамоты патриарха, назначенные для областей, были перехвачены. Тогда он подвергся преследованиям. Михайло Салтыков и Андронов то одни, то вместе с князем Мстиславским приходили к патриарху и принуждали его благословить весь народ на присягу королю и королевичу вместе и подписать боярский приговор о том, что Москва отдается вполне на королевскую волю.

Патриарх наотрез отказал; из-за чего происходила у них большая брань; Салтыков даже грозил ему ножом. Но патриарх остался непреклонен и ножу противопоставил крест. Он созвал было народ в Соборную церковь; но поляки окружили ее военным отрядом и не допустили беседы патриарха с народом. После того к Гермогену приставлена стража; от него удалили дьяков и дворовых людей; даже отобрали все письменные принадлежности, чтобы он не мог писать грамоты в иные города.

Гонсевский и польский гарнизон, с самого начала замечавшие неприязнь москвичей, соблюдали большие предосторожности и постоянно держали наготове коней и оружие; теперь же, узнав о грамоте патриарха, пришли в большое беспокойство: еще живо сохранилось в их памяти избиение поляков 17 мая 1606 года. Они удвоили предосторожности: усилили караулы; отдали приказ, чтобы жители поздно вечером не выходили из домов; а, главное, отобрали у них все запасы пороху и свинца и запретили держать у себя оружие под страхом смертной казни, обязывая сдавать его в царскую казну. Тогда москвичи отчасти стали скрывать оружие, а отчасти вывозить его за город, и польская стража, стоявшая у городских ворот, иногда находила пищали и самопалы в телегах, нагруженных каким-либо хлебом; оружие отбирали; а вощиков по приказу Гонсевского бросали в проруби. На Святки, особенно на Крещение, обыкновенно множество народу из окрестностей съезжались в Москву, чтобы присутствовать на церковных торжествах и обрядовых церемониях. В 1611 году, хотя стечение народа не было так велико, как прежде, однако съехалось немало. Поляки испугались стечения и от самого Рождества до Крещенья не расседлывали своих коней, собирались по тревоге по нескольку раз в день, и вообще страшно утомились от постоянного бдения; так как их войско было слишком малочисленно в сравнении с населением.

Несмотря на все принятые меры, известия о неволе патриарха и его мольбы стоять за веру и освободить царствующий град из рук безбожных латынян распространились по областям и возбуждали там сильное волнение. Особенно эти мольбы обращались в Рязанскую землю к ее храброму вое-

воде Прокопию Петровичу Ляпунову. И сей последний не обманул надежды, возлагаемой на него патриархом.

Города Московского государства начали пересылаться между собою грамотами, в которых указывали на коварство польского короля, на неистовства польских и литовских людей, на опасность, угрожающую православной вере, и призывали друг друга к общей борьбе с врагами. Целый ряд дошедших до нас подобных посланий открывается грамотою, обращенною к москвичам из-под Смоленска от жителей смоленских городов и уездов, утесненных поляками. Грамота сообщает, что эти разоренные смоляне приехали в королевский обоз хлопотать об освобождении из плена своих жен, матерей и детей; но никто над ними не смиловался; многие, собрав Христовым именем откуп, ходили для того в Литву и Польшу, но там все у них разграбили и сами свои головы потеряли. А вся земля и вера христианская — говорится в грамоте — гибнут от «немногих предателей своей вере и земле»; главные из них Михайло Салтыков да Федор Андронов пишут королю, чтобы приходил с большою силою и укрепил за собою Москву, так как патриарх своими грамотами призывает людей ополчиться за святую веру. Смоляне доподлинно узнали о клятвопреступлении польских и литовских людей: на их сеймах решено не отпускать королевича на Московское государство, вместо того вывести из него лучших людей, опустошить его и завладеть всей Московской землей. Смоляне просят москвичей списки с своей грамоты послать в Новгород, Вологду и Нижний, приписав к ней и свой совет, чтобы «всею землею стать за православную христианскую веру, покамест еще свободны, не в работе и в плен не разведены». Москвичи так и поступили: списки с грамоты своих смоленских «братьев разоренных и плененных» разослали в разные города, присоединив от себя слезное моление стать с ними за одно против общих врагов и собраться для освобождения столицы. «Если корень и основание крепко, то и все дерево неподвижно, а если корня не будет, так к чему прилепиться?» — замечает московская грамота. И затем напоминает, что в Москве Владимирская икона Пречистой Богородицы и великие светильники Петр, Алексей, Иона; тут и «святейший Гермоген патриарх, прямой пастырь, полагаю-

щий душу свою за веру христианскую», и неужели православные будут ждать, чтобы московские святыни были также разорены и поруганы, как разорили церкви в других местах и чтобы православная вера была «переменена» в латинство?

Один за другим города отзывались на эти послания, входили между собою в сношения и побуждали друг друга к сбору общего ополчения. На северо-востоке особенно усердствуют нижегородцы. Они входят в непосредственные или посредственные сношения с жителями поморских, сезерных и низовых городов, каковы: вологжане, устюжане, тотемцы, ярославцы, суздальцы, костромичи, владимирцы, галичане, муромцы, пермичи, казанцы, рязанцы и др. Для юго-востока центром движения становится Рязань, возбужденная своим воеводою Прокопией Ляпуновым. Он шлет ответные грамоты в Нижний, а призывные в Калугу, Тулу, Михайлов, т.е. в Северские и украйные или «заречные» (заокские) города, и приглашает всех целовать крест, «чтобы за Московское государство всею землею стояти вместе за один и с литовскими людьми битись до смерти». Сообразно с положением областей, он назначил два сборных пункта, куда должны идти разные люди из городов: для северских и украинных Серпухов, а для низовых Коломну. Разослана была и крестоцеловальная запись, по которой города присягали: «Московское государство очищать от польских и литовских людей, с королем и русскими людьми, которые ему прямят, никакими мерами не ссылаться, меж себя никаких смутных слов не вмещать и дурна никакого не вчинять, не грабить, не побивать, а кого государем Бог даст, тому служить и прямить» и т.д. Между прочим, присягали и на том, чтобы не признавать государем новорожденного сына Марины Мнишек и Лжедимитрия II. Призывные грамоты особенно громили русских изменников — еретиков, с Салтыковым и Андроновым во главе, а также вообще московских бояр, которые «прельстились ради уделов» и продали себя польскому королю. Если бы — говорилось в них — святейший патриарх Гермоген, презирая смерть, не подвизался за православную веру, то на Москве некому было бы стоять за нее. «Не токмо веру попрати, хотя бы *на всех хохлы хотели учинити*

(т.е. подбрили бы всем головы на польский лад), и зато никто бы слова не смел молвити, боясь многих литовских людей и русских злодеев, которые сложились с ними отступя от Бога». После Гермогена в пример «крепкого стоятельства» за православную веру указывали на смоленского архиепископа Сергия, боярина Шеина и смоленских «сидельцев», которые не поддались ни на какие обманы и ласканья и помогают Москве тем, что удерживают под своими стенами короля с войском.

Призывные грамоты производили впечатление и воодушевляли народ. В марте 1611 года с разных сторон земские ополчения двинулись к Москве. Рязанцев вел Прокопий Ляпунов, который впереди себя послал на Коломну «наряд» (пушки) и «дощатой город» (гуляй-город); из Шацка шел Иван Карнозицкий с темниковцами и алатырцами, с мордвой, черемисами и чувашами; муромцы шли с князем Вас. Фед. Масальским, нижегородцы с князем Александром Андр. Репниным; из Суздаля и Владимира двигались воевода Измайлов и атаман Просовецкий с казаками, из Переяславля-Залесского стрелецкий голова Мажаров, из Вологды и поморских городов воевода Федор Нащокин, из Романова князья Пронский и Козловский с своими людьми и мурзы с романовскими татарами, из Галича воевода Мансуров, с Костромы князь Фед. Ив. Волконский, из Калуги шел князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой с земцами и казаками, из Тулы Иван Заруцкий с донцами, из Зарайска князь Димитрий Михайлович Пожарский. Граждане Великого Новгорода также откликнулись на призыв; они заключили в тюрьму известных сторонников польской партии Ивана Салтыкова и Чеглокова, присягнули на общей крестоцеловальной записи и послали ратных людей с нарядом к Ляпунову. Только отдаленные пермичи, вычегодцы и казанцы медлили с своею помощью, несмотря на многие напоминания от Ляпунова и других. Большая часть новгородских пригородов и Псков с своими пригородами не пришли на помощь, отчасти по причине шведских захватов, отчасти по внутренним смутам и неурядицам. Во всяком случае, к Москве приближалось великое, почти стотысячное ополчение, которое в соединении с населением столицы, казалось, одним своим числом могло

задавить семитысячный польский гарнизон. Но в действительности силу ополчения подрывали неизбежное отсутствие единства в предводительстве и особенно присутствие большого количества казаков — элемента противогосударственного и трудно поддающегося воинской дисциплине. А что касается населения столицы (польские и вообще иноземные известия сильно преувеличивают, считая его в 70 000 человек), то враги поспешили нанести ему страшный разгром еще прежде, чем подоспело земское ополчение.

Несмотря на все старания Гонсевского и других польских начальников предупредить столкновения своих жолнеров с народом, отношения весьма обострились. Ободряемые слухами о скором приходе земского ополчения к ним на помощь, москвичи принимали все более вызывающее положение и не скрывали своей ненависти к полякам; называли их обыкновенно «лысыя головы», короля бранили «старой собакой», а королевича «щенком»; на рынках запрашивали с них вдвое дороже, чем с туземцев, и при всяком удобном случае завязывали с ними драку. Наступало Вербное воскресенье, с его величественной процессией шествия патриарха на осляти из Кремля от Успенского собора на Красную площадь ко храму Покрова или Василия Блаженного, собственно к его приделу Вход в Иерусалим. Опасаясь обычного народного стечения в этот день, Гонсевский отменил было процессию на сей раз; но, видя поднявшийся народный ропот, освободил патриарха из-под стражи и велел ему совершить обряд шествия на осляти. При сем его коня (изображавшего осла) вместо царя держал за повод боярин Гундуров. Все поляки и немцы, составлявшие гарнизон, в полном вооружении охраняли порядок и были готовы к бою на случай народного мятежа. Но Вербное воскресенье прошло спокойно; а гроза разразилась через день после того, т.е. во вторник на Страстной неделе 19 марта.

В понедельник лазутчики донесли Гонсевскому, что Ляпунов с главным ополчением приближается к столице с одной стороны, Заруцкий с казаками с другой, Просовецкий с третьей; а москвитяне только ждут их прихода, чтобы напасть на польский гарнизон. Польские начальники решили их предупредить.

В Москве на рынках стояло зимою много извощиков с санями, запряженными в одну лошадь. Эти сани представляли готовый и подвижной материал для того, чтобы перегородить улицы и стеснить движения поляков в случае мятежа. Во вторник поутру поляки заметили, что извощики особенно столпились в Китай-городе, наиболее торговой и густонаселенной части Москвы. Они стали бить и разгонять их или заставляли тащить пушки на стены Кремля и Китай-города. Завязалась драка. На помощь извощикам бросилась толпа лавочников и черни. Тогда поляки и немцы взялись за оружие и принялись рубить и резать москвичей без разбора пола и возраста. Вскоре все жители Китай-города были частию избиты, частию разбежались, и он остался безраздельно в руках поляков, чего они и добивались. Во время этой свалки был убит князь Андрей Голицын, находившийся под стражею. Затем поляки поспешили точно так же громить и очищать Большой посад или Белый город и внешний посад или Деревянный город, чтобы не дать москвичам возможности укрепиться в них вместе с подходившим земским ополчением. В это время подоспели некоторые передовые отряды сего ополчения. Так князь Дм. Мих. Пожарский вошел на Сретенку и засел здесь в наскоро построенном остроге, который вооружил пушками. По всей Москве загудели набатные колокола и все население поднялось как один человек. В Белом городе поляки и немцы встретили отчаянное сопротивление и никак не могли его одолеть, потому что москвичи перегородили улицы и переулки возами, дровами, скамьями и т.п.; польская конница не могла поэтому производить своих натисков; а пехота и немцы едва успевали разметать загородку в одном месте, как она появлялась в разных других. Не только из-за этих прикрытий, но также с кровель и заборов русские поражали врагов пулями, стрелами, каменьями и дрекольем; кое-где с нашей стороны гремели и пушки.

Полякам приходилось плохо: уже одним своим числом русские действительно их подавляли. Вдруг кто-то закричал: *огня! огня! Жги дома!* Польские начальники приказали поджигать. Говорят, что этот совет дан был главным изменником Салтыковым и что он первый зажег собственный дом.

После нескольких попыток врагам удалось произвести пожары в разных концах. Скородым и пламя, разносимые ветром, охватили большую часть города и заставили москвичей покинуть свои места; а поляки к вечеру спокойно отступили в Кремль и Китай-город, куда перебрались и те части гарнизона, которые стояли дотоле в Белом городе. Пожар длился всю ночь и ярко освещал окрестности; москвичи старались его потушить. Но Гонсевский, посоветовавшись с русскими боярами-изменниками, решил докончить дело истребления и учинил все нужные для того распоряжения. В середу на рассвете из Кремля и Китая вышло несколько польско-немецких отрядов с осмоленной паклей, лучиной и другими зажигательными веществами; они принялись поджигать Белый и Деревянный город во всех направлениях. При этом особенно отличился своим усердием наемный француз Яќов Маржерет, один из отрядных начальников, состоявший в русской службе при Борисе Годунове и Лжедимитрии I. Так как стены и башни Белого города не поддавались огню и представляли подходившему русскому ополчению возможность отрезать полякам сообщения, то они постарались выжечь дотла Замоскворечье с его внешнею стеною, чтобы иметь с этой стороны свободное сообщение с польскими подкреплениями и подвозом съестных припасов. Как раз в это время, когда жители Замоскворечья вместе с прибывшим отрядом Ивана Колтовского оборонялись от поляков, из Можайска подоспел с свежей дружиной полковник Струс. Имея перед собою горящую и рушившуюся деревянную стену, этот храбрый полковник крикнул своим людям: «За мной, дети!» — и, вонзив шпоры, перескочил через пылавшие развалины; за ним перескочила вся его конница и обратила в бегство отряд Колтовского. Другой ополченный отряд (Коломенцы с Плещеевым) укрепился было у Чертольских ворот; но также не выдержал огня и нападения. Только князь Пожарский на Сретенке мужественно бился с врагами и долго оспаривал у них прилегающую местность. Однако огонь и тут принудил русских к отступлению; они положили в телегу тяжело раненного князя и повезли его в Троицкую Лавру. Туда же вслед за ними ушли многие москвичи; другие рассеялись по окрестным слободам и селам; множество

людей было избито или сожжено; оставшаяся часть жителей покорилась полякам и вновь должна была принести присягу королевичу Владиславу.

Москва опустела и обратилась в громадный пылающий костер: ибо и на следующий день, в четверг, поляки продолжали дело разрушения, т.е. поджигали еще остававшиеся в целости дома. После трехдневного пожара Белый и Деревянный город представляли груды дымящихся развалин, посреди которых возвышались только закопченные каменные стены, башни, церкви и печные трубы. Во время пожара поляки усердно занимались грабежом церквей и зажиточных домов; они набрали множество сокровищ, т.е. золотых и серебряных сосудов, дорогого платья, жемчугу и т.п. Жемчугу досталось им такое количество, что некоторые для потехи заряжали им ружья как дробью и стреляли в русских. Они разбивали бочки с вином и медом, хранившиеся в боярских и купеческих погребах и пили до упаду. Захваченных женщин и девиц беспощадно насиловали. Многие жолнеры обогатились в то время награбленными драгоценностями; но по беспечности своей и малоумию, гоняясь за дорогими вещами и крепкими напитками, поляки менее всего воспользовались хлебными и вообще съестными запасами, допустив их сгореть или сделаться негодными в пищу; чем и приготовили себе последующие бедствия от страшного голода. А начальники их тогда главным образом были озабочены мыслию, как бы по частям отбить надвигавшееся со всех сторон ополчение.

Впереди Ляпунова шел Просовецкий с несколькими тысячами казаков; он двигался под защитою гуляй-города, т.е. подвижной ограды из больших саней, на которых были утверждены деревянные щиты с промежутками для стрельбы из самопалов; каждые такие сани двигал десяток людей, которые, когда было нужно, останавливались и стреляли в промежутки. Против него выступил Струс, имея около тысячи конницы. В пятницу на Страстной неделе верстах в 20 от Москвы он встретил Просовецкого; спешив своих людей, прорвал гуляй-город и обратил его отряд в бегство. Только во вторник на Святой неделе подошел с главною ратью Ляпунов и сначала расположился обозом под Симоновым монастырем, окружив

себя также гуляй-городом; потом он подвинулся к Яузе. Почти одновременно с ним пришли Заруцкий, Трубецкой, Измайлов, Масальский и другие вожди ополчения и занимали места по окраинам города или в подгородных слободах. Они старались завладеть башнями и стенами Белого города, и действительно в их руки перешли ворота Яузские, Петровские, Сретенские и Тверские с прилегавшими укреплениями. А поляки сосредоточились в Кремле и Китай-городе: в первом стояли со своими полками Гонсевский и Казановский, а во втором Зборовский, Струс, Бобовский, Млоцкий и др. Из Китай-города поляки выгнали почти всех жителей и совершенно разграбили как дома, так и церкви, в том числе и богатый храм Василия Блаженного. В Кремле же, тесно застроенном царскими и боярскими теремами, правительственными приказами, соборами и монастырями, оставались еще многие боярские и дворянские семьи, отчасти изменнически державшие сторону поляков, отчасти оставленные ими в качестве заложников. Сам Гонсевский с своею свитою расположился в бывшем боярском доме Бориса Годунова. Польские ротмистры, товарищи и простые жолнеры разместились где кто мог или захватил прежде других; они наполнили не только здания приказов, но даже самые храмы и монастыри были осквернены постоем грубых жолнеров и их коней. Груды неубранных человеческих и конских трупов тлели вокруг Кремля и Китая на местах недавнего побоища и страшно заражали воздух, служа пищею собакам, которые большими стаями собирались из всех окрестностей. Очутясь в осаде, польские начальники и русские изменники, вроде Салтыкова, излили свою злобу на патриарха Гермогена, не склонявшегося ни на какие обольщения и угрозы и при всяком случае посылавшего свое благословение собравшемуся ополчению. Его бросили в тесное, мрачное заключение в Чудов монастырь; а на его месте, по словам летописи, вновь посадили бывшего лжепатриарха Игнатия, который простым чернецом проживал в том же Чудове монастыре. Но сего последнего русские не признали своим архипастырем, а продолжали считать таковым Гермогена.

Начались постоянные стычки. Русские строили временные острожки из бревен и досок и под их защитою подвига-

лись вперед, стесняя врагов с разных сторон. А поляки делали частые вылазки, преимущественно для добычи съестных припасов, и пытались отстоять некоторые находившиеся еще в их руках укрепления Белого города; но большею частию они перешли к русским. Уже через месяц, в апреле, обнаружились следствия польской непредусмотрительности: гарнизон стал терпеть недостаток в фураже и провианте. Спустя некоторое время на помощь ему явился известный староста усвятский Ян Петр Сапега.

Этот искатель добычи и приключений неоднократно ездил под Смоленск в королевский лагерь и вел долгие переговоры о вознаграждении его войска; без чего оно не соглашалось поступить на королевскую службу. А между тем, пока не сдался Смоленск, у Сигизмунда не было под руками других свободных войск для подкрепления московского гарнизона. Наконец, получив королевскую ассекурацию на уплату жалованья из московской казны, сапежинцы в мае месяце двинулись к Москве. Но и тут со стороны их предводителя не обошлось без интриги и коварства. Еще прежде прихода русского ополчения под Москву он дал знать его начальникам, что за хорошее вознаграждение готов перейти на их сторону и помогать им против своих соотечественников. Трудно сказать, какие задние мысли имел он в сем случае. Некоторые современники полагали, будто, соблазненный предшествующими примерами, он вздумал искать московского престола для себя лично. А возможно, что, руководимый внушениями своего дяди Льва Сапеги, известного политического интригана, он просто хотел внести новую смуту в среду русского ополчения, чтобы его расстроить и тем легче уничтожить. Как бы то ни было, сношения его с русскими воеводами начались еще в феврале 1611 года. Сапега писал калужскому воеводе князю Юрию Никитичу Трубецкому о своем желании постоять за православную веру (!); для чего он готов войти в соглашение с Ляпуновым и его товарищами. При сем уверял, что он и его рыцарство суть «люди вольные», не обязанные службою королю и королевичу, и что разные бездельники лгут на них, будто они «чинят разоренье святым церквам», не велят в них совершать службу и обращают их в конюшни. Если подобное случается, то от

воров и бродячих шаек; а «у нас в рыцарстве, — прибавляет Сапега, — больше половины русских людей» (т.е. православных западноруссов). Прокопий Петрович охотно поддерживал эти переговоры; для чего отправил в Калугу племянника своего Федора Ляпунова с некоторыми дворянами. Эти послы должны были, во-первых, обещать сапежинцам уплату жалованья уже после того, как будет выбран новый царь, а во-вторых, обменяться взаимною присягою и знатными заложниками. Но Ляпунов не мог доверять обещаниям недавних врагов: это недоверие выразилось с его стороны в условии, чтобы сапеженцы не ходили к Москве и не соединялись бы с русскими в одни полки, а остались бы в Можайске, чтобы отрезать сообщения полякам с королем и Литвою. В одной грамоте к русским воеводам он прямо говорит, что не столько надеялся на помощь от сапежинцев, сколько хлопотал о том, «чтобы такие великие люди в наш поход к Москве у нас за хребтом не были». Но, разумеется, трудно было перехитрить таких коварных интриганов, какими являются оба Сапеги, Лев и Ян. Сей последний подошел к Москве с отрядом, заключавшим от двух до трех тысяч хорошо вооруженных жолнеров, и стал лагерем на возвышении между монастырями Девичьим и Симоновым. Вначале он не пристал открыто ни к той, ни к другой стороне; а продолжал одновременно пересылаться и с Гонсевским, и с Ляпуновым, требуя уплаты жалованья своему войску от того и другого и не получая его ни от кого.

Чтобы испытать сапежинцев, польский гарнизон сделал вылазку, предупредив о ней Сапегу, и завязал дело с русскими как раз около его лагеря. Он также вывел свое войско, но стоял неподвижно. Когда же поляки стали одолевать, он послал им требование сойти с поля, иначе грозил ударить им в тыл. Поляки принуждены были отступить. Но такая неопределенность длилась недолго. Убедясь, что от Ляпунова с товарищами трудно чего-либо добиться, Сапега вошел в соглашение с Гонсевским, который предложил выдать его войску на известную сумму разных драгоценностей из царской казны. Сокровища, накопленные в кремлевских дворцовых кладовых, по недостатку денег, раздавались боярами в уплату ратным польским и литовским людям; таковы: золотые ко-

роны, осыпанные драгоценными каменьями шапки, скипетры, посохи, седла и всякая сбруя, дорогие парчи, связки соболей, черно-бурых лисиц, персидские ковры, золотая и серебряная посуда и т.п. Заручившись таким вознаграждением, сапежинцы стали принимать усердное участие в битвах поляков с русскими. Но вследствие сильного недостатка продовольствия Гонсевский склонил Сапегу отправиться в ближние русские области, с одной стороны, чтобы собрать новые съестные припасы; а с другой, чтобы отвлечь хотя часть русского ополчения от столицы. Подкрепленный несколькими ротами из гарнизона, Сапега в начале июня двинулся сначала к Александровской Слободе, которую взял и разорил; а потом пошел к Переяславлю. Но сей город успел занять отряженный из-под Москвы Просовецкий, и приступы сапежинцев были отбиты[21].

Меж тем как русское ополчение добывало Москву, так легкомысленно преданную временным боярским правительством в руки поляков, пал под ударами внутренних и внешних врагов Смоленск, этот древний, многострадальный русский город. Другой славный представитель Древней Руси, Великий Новгород, также был оторван от Московского государства.

Тщетно Боярская дума, исполняя желание Сигизмунда, посылала увещательные грамоты великим послам и воеводе Шеину о полном подчинении королевским требованиям и прежде всего сдаче Смоленска. Послы, т.е. митрополит Филарет, князь В.В. Голицын и дьяк.Луговский, отказывались повиноваться грамотам, потому что под чими не было подписи патриарха Гермогена. А Шеин совсем не обращал на них внимания и грозил на будущее время стрелять в тех, которые будут присланы с подобными воровскими грамотами. Тогда на совещаниях послов с панами-радою стали обсуждаться следующие условия неполной сдачи Смоленска: в город ввести несколько сот поляков, стражу у ворот поставить наполовину городскую, наполовину королевскую, ключи от одних ворот хранить у воеводы, от других у польского начальника и т.д. Но смоляне соглашались присягнуть Владиславу и впустить небольшой польско-литовский отряд только после того, как король отступит и с своим войском уйдет в

Литву. На что поляки, конечно, не согласились. Чтобы сломить упорство великих послов, их взяли под стражу и давали им очень скудное содержание. Когда пришла весть о движении русского ополчения и сожжении Москвы поляками, паны или собственно Лев Сапега сделались еще настойчивее и требовали от послов, чтобы те приказали Шеину немедля принять в город королевский отряд; но тщетно. Тогда решено с ними покончить. Около половины апреля послов и оставшуюся при них дворянскую свиту посадили на лодки и пленниками отправили сначала в Минск, оттуда в Вильну, потом ко Львову. Дорогою с ними обращались грубо и заставили их терпеть всякие лишения. Почти одновременно с ними покинул королевский лагерь и гетман Жолкевский: обиженный невниманием короля к его советам, он отказался от предложенного начальства в Москве, не хотел также участвовать в дальнейшей осаде Смоленска и уехал в свое имение. Когда московских послов везли мимо этого имения, он оказал им внимание и велел спросить их о здоровье. Послы не преминули при сем напомнить ему скрепленные присягою, но нарушенные условия.

Около того времени умер Ян Потоцкий, воевода Брацлавский, главный начальник войска, осаждавшего Смоленск; место его заступил его брат Яков Потоцкий, каштелян Каменецкий. Город после того держался недолго. Съестных и боевых припасов оставалось еще довольно; но битвы, измены, болезни, более всего цинга так уменьшили число защитников, что способных к бою оставалось всего несколько сотен, которые уже не могли с успехом оборонять обширные стены и укрепления города. Однако Шеин продолжал вести себя героем и не хотел слышать о сдаче. Измена и тут помогла врагам. Какой-то смоленский перебежчик, по имени Андрей Дедишин, указал королю на слабую часть городской стены: она была сложена осенью и недостаточно затвердела. В эту часть направился орудийный огонь, и она была разрушена, так что открылся широкий пролом. Не теряя времени, неприятель в полночь сделал приступ с разных сторон и вломился в город. Горсть его защитников была подавлена числом. Многие жители думали спастись в Соборный храм Богородицы; под ним в погребах хранился запас пороху; кто-то

из смолян зажег этот порох и взорвал на воздух храм со всеми, в нем находящимися. Опустошительный пожар распространился по всему городу. Шеин с своей семьей и немногими слугами бросился в одну башню, заперся в ней и начал отстреливаться. Толпа наемных немцев стала ее добывать; более десятка из них пали под огнем воеводы, который, очевидно, решился погибнуть, а не сдаваться. Но слезы семьи, особенно маленького сына, изменили его решение, и он объявил, что сдастся только самому Якову Потоцкому. Явившийся Потоцкий едва отогнал рассвирепевших немцев и взял воеводу. Это бедственное событие совершилось приблизительно в начале июня 1611 года.

Шеина подвергли пыткам, допрашивая его о тайных сношениях и замыслах, о причинах его упорной обороны и скрытых сокровищах; после чего его отправили в глубь Литвы, где содержали в оковах. Его маленького сына взял себе король, а жену и дочь Лев Сапега. Падение Смоленска праздновалось поляками с великим торжеством. Знаменитый иезуит Скарга по сему случаю произнес напыщенную проповедь. На радостях король совсем забыл о положении польского гарнизона, осажденного русским ополчением; считал покорение Московского государства почти оконченным, и, вместо обещанного похода к Москве, отправился в Варшаву. В конце октября совершился триумфальный, наподобие римского, въезд в этот город гетмана Жолкевского с большою блестящею свитою из полковников и ротмистров; вместе с ним в открытой карете, запряженной шестерней белых коней, на показ народу, везли бывшего московского царя Василия Шуйского с братьями — зрелище весьма лестное для польского тщеславия. В том же поезде находились и знатнейшие смоленские пленники с Шеиным во главе. Шуйских после того поместили в Гостынском замке недалеко от Варшавы, где Василий вскоре скончался.

В Новгороде Великом также происходили грозные события. Когда пришли туда известия о сожжении Москвы и разных польских неистовствах, новгородцы выместили свое негодование на воеводе Иване Михайловиче, сыне известного изменника Салтыкова. Напрасно несчастный клялся, что будет верно служить Русской земле и готов идти против

отца родного, если тот приведет поляков под Новгород; его посадили на кол. Главным воеводою сюда прислан был из-под Москвы от Ляпунова Вас. Ив. Бутурлин. Меж тем Яков Делагарди, овладев городом Корелою, притянул к себе подкрепления из разных пограничных мест и весною 1611 года двинулся к самому Новгороду. Пережидая разлитие вод, он остановился в 120 верстах от него на берегу Волхова и отсюда продолжал начатые ранее переговоры с новогородскими властями. Он предлагал обмен пленных и требовал уплаты жалованья своему войску на основании Выборгского договора; а затем вызывался опять заодно с русскими воевать против поляков. Но все это было только предлогом; а в действительности он задумал овладеть самим Новгородом. По окончании полой воды Делагарди приблизился к городу и остановился у Хутынского монастыря. Сюда Бутурлин приехал к нему на свидание. Шведский военачальник за прошлую и будущую свою помощь потребовал в обеспечение несколько русских городов, а именно: Орешек, Ладогу, Ям, Копорье, Ивангород и Гдов; наконец соглашался только на два, Орешек и Ладогу. Во время сих переговоров Делагарди, по-видимому, первый предложил русским воеводам выбрать на московский престол шведского принца. Во всяком случае, от него и новгородских властей отправлены были гонцы под Москву с таковым предложением. Ляпунов и некоторые его товарищи соглашались избрать в цари шведского королевича, конечно, под условием перехода в православие; но требовали, чтобы прежде всего шведы спешили к ним на помощь для освобождения страны от поляков; в таком случае готовы были даже отдать в залог Орешек и Ладогу. Делагарди, однако, не думал спешить к Москве. Второй новогородский воевода князь Одоевский не доверял ему и не склонялся ни на какие уступки. Тогда Бутурлин, как говорят, стал действовать изменнически, т.е. завел тайные переговоры со шведским военачальником и даже не прочь был сдать ему Новгород. В начале июля Делагарди перешел Волхов и стал под Колмовым монастырем; новогородцы выжгли окрестные посады и слободы, и сели в осаду. Первое нападение шведов было отбито. После того они целую неделю не трогались с места. Новогородцы возгордились своим успехом, и не толь-

ко предались беспечности, но некоторые нахалы с городских валов в пьяном виде начали осыпать шведов насмешками и непристойною бранью.

Как при взятии Смоленска, и тут врагам помогла измена.

В шведском плену оказался какой-то Иванко Шваль, который хорошо знал новогородские стены с их тайниками и выходами. В ночь на 17-е июля он незаметно провел шведов Чудинцовыми воротами на Софийскую сторону в так наз. Деревянный внешний город. Неприятелей заметили только тогда, когда они начали избивать стражу и захватывать другие ворота. В городе произошел страшный переполох и невообразимое смятение, которые помогли шведам завладеть им беспрепятственно. Воевода Бутурлин, стоявший с ратными людьми на Торговой стороне, бежал с ними по дороге к Бронницам, предварительно ограбив купеческие лавки на этой стороне. Сопротивление оказали только две кучки. В одном месте стрелецкий голова Голютин и атаман Шаров с сорока казаками защищались до тех пор, пока не были все перебиты. В другом протопоп Софийского собора Аммос с горстью людей заперся на своем дворе и дал мужественный отпор. За какую-то вину он находился под запрещением у митрополита Исидора; владыка, стоя на стене детинца, видел его ратоборство и издали благословил его. Шведы, не желая более тратить людей, зажгли двор Аммоса, и он погиб в пламени со всей своей семьей.

Оставался еще каменный детиниц или Софийский кремль, где заперлись владыка Исидор и воевода Одоевский. Но для защиты его почти не имелось ратных людей. Власти вступили в переговоры с Делагарди и сдались ему на следующих главных условиях: царем русским избирается один из сыновей Карла IX, Густав Адольф или Карл Филипп; православие и привилегии духовенства, русские обычаи, законы и имущества остаются ненарушимыми; но шведам дается право получать поместья в Русской земле; в случае тяжебных дел между обеими народностями учреждается смешанный суд; Новогородская земля не будет присоединена к Швеции, за исключением города Корелы с уездом, но до прибытия королевича Делагарди управляет ею в качестве его наместника и т.д.

Младший брат Новгорода Псков в это время испытывал еще горшие бедствия. Когда Москва и другие города присягнули королевичу Владиславу, Псков отказался дать таковую присягу. Тогда в его земли ворвался с своими шайками Лисовский и опустошал ее почти четыре года. А литовский гетман Ходкевич, стоявший в Ливонии, в марте 1611 года осадил Псково-Печерский монастырь; однако не мог его взять. К довершению смуты явился новый, т.е. третий Лжедимитрий. Некоторые известия называют этого вора Сидоркой; другие говорят, что он назывался Матвеем и был прежде дьяконом в московской Заяузской церкви. В конце марта он объявился в Ивангороде, назвав себя Димитрием, который царствовал в Калуге и будто бы не был убит, а снова чудесным образом спасся от смерти. Ивангородцы приняли Третьего Лжедимитрия также радостно, как стародубцы Второго; звонили в колокола и палили из пушек. Особенно обрадовались ему казаки, которые с разных сторон спешили к нему на службу; так из Пскова они ушли обманом, сказав, что идут на Лисовского. Скоро вор увидал себя во главе значительной силы и пытался даже войти в переговоры с шведским комендантом соседнего города Нарвы, хотя и безуспешно. Казаки с торжеством повезли нового вора во Псков; но тут сначала встретили отказ. Во Пскове в то время воевод не было; делами ведал умный дьяк Иван Луговский с несколькими посадскими людьми. Он послал просить помощи и совета у воевод, стоявших под Москвою. Вор также с своей стороны послал в подмосковные станы одного из казацких атаманов.

Но под Москвою на ту пору разыгрались такие события, что там было не до Новгорода и не до Пскова.

После ухода Яна Сапеги в северные области положение польского гарнизона в Москве значительно ухудшилось: русское ополчение снова завладело почти всем Белым городом, укрепилось в нем помощию острожков и рогаток, и все более и более теснило сидевших в Кремле и Китай-городе поляков. Но последним на этот раз помогли несогласия, происходившие в самом русском лагере. Ополчение страдало недостатком единоначалия. Ратные люди ясно видели зло и пыталась ослабить его устройством временного правитель-

ства, наподобие того, которое находилось в осажденной Москве. К сожалению, они не были свободны в выборе правителей, а принуждены были утвердить только тех, которые в действительности уже стояли во главе собравшейся разнородной рати и захватили власть в свои руки. То были: вопервых, Прокопий Петрович Ляпунов, воевода Рязанский, главный зачинщик и двигатель всего дела, во-вторых, князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой, в-третьих, Иван Мартынович Заруцкий; последние двое собрали вокруг себя бывших сторонников калужского царика, преимущественно казаков. Эти три лица были утверждены общею думою ратных людей в звании главных воевод и правителей Московского государства до его очищения от польских и литовских людей и до избрания нового царя. От их имени теперь посылались указы в города и области и выдавались жалованные грамоты служилым людям на поместья и вотчины. На таких грамотах обыкновенно впереди писались имена Трубецкого и Заруцкого, имевших боярский сан, хотя и полученный ими от Тушинского вора; Ляпунов как думный дворянин именовался на третьем месте. На самом деле, однако, ему принадлежала первая роль и по уму, и по энергии, и по влиянию на земских людей; на его стороне по преимуществу были дворяне и дети боярские и вообще лучшая, более консервативная часть ополчения. Между этой частью и казачеством существовали взаимное недоверие и даже неприязнь; ибо земцы с неудовольствием смотрели на своеволие и грабительства казаков. А сим последним особенно потворствовал Заруцкий; чем и приобрел их расположение, опираясь на которое, он явно стремился к первенству и верховенству. Трубецкой по своей бесхарактерности имел мало значения в сем временном правительстве; как это обыкновенно бывает в истории, триумвират обратился в дуумвират или в борьбу двух соперников за власть.

Заруцкий с донскими казаками пристал к русскому ополчению, очевидно, питая коварные замыслы. С ним успела сойтись, пребывавшая тогда в Коломне, вдова двух самозванцев Марина и склонила его действовать в ее пользу. По всем признакам, Заруцкий имел в виду посадить на престол ее маленького сына, чтобы самому вместе с нею управлять го-

сударством. А потому ни притязания Владислава, ни новая кандидатура шведского принца не были в его интересах, и готовность Ляпунова признать сего последнего сильно ему не нравилась. Затем частые столкновения между ними происходили как из-за казацких грабежей, так из-за вотчин и поместий, которые Заруцкий широкою рукою раздавал своим сторонникам или присваивал лично себе. Для обуздания такого расхищения государственной и частной собственности, ополченные из двадцати пяти разных городов дворяне и дети боярские, руководимые Ляпуновым, собрались и, «по совету всей земли», постановили приговор, от 30 июня 1611 года.

Этот приговор главным образом настаивал на следующем: чтобы воеводы-правители жаловали ратных людей по их заслугам, а не «чрезмеру»; чтобы каждый начальник взял себе вотчины и поместья одного из бояр, сидевших в Москве вместе с поляками, дворцовые же села и черные волости, а также остальные поместья и вотчины бояр, сидевших в Москве, обратили бы на содержание ратных людей; чтобы о холопах этих дворцовых бояр, ушедших в казаки, составить особый приговор. Далее в этой грамоте следовало челобитье, чтобы начальники хранили согласие друг с другом и не попрекали бы один другого Тушиным (т.е. бывшею службою у вора и его пожалованием). Та же грамота предписывала отобрать вотчины и поместья у лиц, которые завладели ими неправильно в последнее время без земского приговора, т.е. земли, розданные королем, Сапегою, Заруцким и т.п. Для водворения порядка в отобрании и раздаче поместий установлен был в ополчении свой собственный Поместный приказ, а для суда над своевольниками и грабителями свой Разбойный приказ; без земского приговора, однако, не разрешалось творить смертную казнь. Для посылок по городам постановлено выбирать из дворян и детей боярских раненых и неспособных к бою, а здоровых воротить в полки. Старых казаков предполагалось поверстать поместными и денежными окладами или выдавать им хлебный корм и деньги из дворцовых приказов, но не позволять им самим наезжать на дворцовые села и черные волости, там насильничать и грабить. А тех крестьян и людей (холопей), которые в Смутное время

ушли от своих помещиков к другим, велено возвращать к их господам. Но значительная часть таких беглых крестьян и холопей вступила в ряды казачества. Следовательно, означенный приговор должен был очень не понравиться Заруцкому и вообще казакам; так что, вместо согласия, он только усилил их вражду к Ляпунову. Сей последний, опираясь на решение земского совета, приказывал подчиненным себе воеводам строго наказывать казаков, пойманных на грабеже; что еще более разжигало ненависть к нему казачества.

Один из таких второстепенных воевод, Матвей Плещеев, близ Москвы у Николы на Угрешах поймал на грабеже 28 казаков, и, без суда, велел их бросить в воду. Товарищи вынули их из воды и привезли в свои таборы. По этому поводу собрался казачий круг, на котором много шумели и грозили убить Ляпунова. Дело приняло такой оборот, что Прокопий Петрович счел себя небезопасным в собственном стану и, отказываясь от начальства, хотел уехать в Рязань. Однако дворяне догнали его под Симоновым монастырем и убедили воротиться. Он остановился ночевать в острожке у Никитских ворот; на следующее утро собралась вся рать и уговорила его оставаться начальником по-прежнему. Но такой исход дела не был в интересах Заруцкого. Этот полурусский, полуполяк, по-видимому, стакнулся с начальником польского гарнизона Гонсевским и помог ему погубить Ляпунова самым гнусным способом.

Сочинены были две грамоты, искусно подделанные под руку Ляпунова: в одной он будто бы приказывал по всем городам хватать казаков и предавать казни, а в другой будто предлагал полякам предать казаков в их руки. При обмене какого-то пленного казака Гонсевский велел сообщить эти грамоты атаману Заварзину. Разумеется, тот показал их товарищам. Произошло большое волнение: казаки собрали круг и послали звать Ляпунова. Он сначала отказывался; но некоторые дворяне сами уговорили его пойти в круг, уверяя, что ему легко будет оправдаться и что казаки ничего ему не сделают. Ляпунов наконец согласился и пошел, сопровождаемый кучкою дворян и детей боярских. Когда ему показали грамоты, он сказал, что рука похожа на его руку, но писал не он. Тут поднялся большой шум; клевреты Заруцкого с кри-

ком *изменник!* бросились на Ляпунова и изрубили его саблями. Из дворян только Иван Ржевский, хотя недруг Прокопия, пытался защитить его и тоже был изрублен.

Так погиб этот замечательный деятель Смутного времени, «бодренный воевода» и «властель Московского воинства», по выражению летописцев. К сожалению, несомненная храбрость и талантливость соединялись у него с недостатком осмотрительности и рассудительности. Одушевленный главною идеей очистить Россию от поляков, он не затруднился заключать сомнительные союзы: готов был призвать опять шведов, думал даже воспользоваться Сапегою, а, главное, слишком неосторожно то враждовал, то дружил с такою ненадежною силою, каково тогда было казачество, да еще во главе со столь злонравною личностью как Иван Заруцкий. Впрочем, в сем отношении нельзя осуждать Ляпунова: казачество все-таки считалось служилым сословием, и, если оно более других классов обнаружило наклонности к своеволию и воровскому образу действия, то существовало и могучее звено, связывавшее его с земством, именно православие и русская народность казачества; а борьба велась тогда главным образом под знаменем православия. Но, по-видимому, в самом служилом сословии дворян и детей боярских еще была какая-то шатость или крамола в отношении Ляпунова; иначе трудно объяснить, почему он принужден был пойти почти на явную смерть и почему земское ополчение так мало оказало ему защиты. Без сомнения, своею гордостию и повелительным тоном он вооружил против себя даже многих товарищей. Будучи только думным дворянином Ляпунов, по словам летописца, «вознесся не по своей мере»: он высокомерно обращался не только с боярскими детьми, но и с самими боярами; приходившие к нему на поклон прежде, нежели допускались в его избу, многое время стояли перед нею. Он был слишком горяч, невоздержан на язык и легко разражался крупною бранью, не обращая внимания на заслуги и знатную породу. Во всяком случае, его недостатки не могут в глазах истории затмить его славу как даровитого, энергичного вождя и ревностного патриота, положившего свой живот на службе погибавшему отечеству.

По смерти Ляпунова Заруцкий, наружно как бы не принимавший участия в его гибели, сделался действительным

главою русского ополчения, стоявшего под Москвою. Хотя правительственные грамоты писались теперь от лица двоих, т.е. его и Трубецкого; но последний по слабости характера обыкновенно подчинялся Заруцкому. Чтобы утвердить за собою это верховенство, он воспользовался новым подкреплением, пришедшим из Казани и низовых областей и принесшим с собою образ Казанской Божией Матери (собственно, список с нее), и взял приступом Новодевичий монастырь. Засевшие там поляки и немцы были большею частию изрублены; а старицы отправлены во владимирские монастыри. Но тем и ограничились успехи русского ополчения. Смерть Ляпунова все-таки произвела в нем большое расстройство. Казаки сделались еще необузданнее в своих грабежах и насилиях; а осиротелые дворяне и дети боярские, поступившие теперь под главное начальство Заруцкого, упали духом, подверглись обидам, побоям и даже убийствам от казачества, и многие из них разъехались по домам. Впрочем, нашлись и такие, которые «купили» себе у Заруцкого разные прибыльные места, например, областных воевод или заведующих приказами, и уехали в города.

Вообще наступившее под Москвою исключительное господство казацкого ополчения ознаменовалось насилиями и жестокостями этой необузданной вольницы, не разбиравшей ни своих, ни чужих, ни пола, ни возраста, ни состояния. Вот какими чертами изображает ее неистовства грамота сидевшего в Москве временного боярского правительства, отправленная (в январе 1612 года) в некоторые северные города с увещанием оставаться верными королевичу Владиславу. «Беспрестанно ездя по городам из подмосковных таборов, казаки грабят, разбивают и невинную кровь христианскую проливают; боярынь и простых жен и девиц насилуют, церкви Божии разоряют, святые иконы обдирают и ругаются над ними так, что и писать о том страшно. А когда Ивашка Заруцкий с товарищами взяли Новодевичий монастырь, они также разорили церковь и ободрали образа, и таких черниц, как бывшую королеву (Ливонскую) дочь Владимира Андреевича и Ольгу, дочь царя Бориса, на которых прежде и глядеть не смели, ограбили до нага, а иных бедных черниц грабили и насиловали; а как пошли из монастыря, то

его выжгли. Они считаются христианами, а сами хуже жидов». При сем боярское правительство, впрочем, с явным пристрастием, уверяет, будто польские и литовские люди, хотя и чужеземцы, но жалеют жителей и скорбят об их разорении.

В начале августа, после месячного отсутствия, воротился под Москву Ян Сапега с большим обозом собранных им припасов. Прибытие его немедля поправило дела поляков: они опять овладели частью укреплений Белого города; разорили острожки, поставленные русскими в Замоскворечье, и восстановили свои сообщения по Можайской дороге. Но вскоре после своего прибытия Сапега занемог, и через две недели умер. Тело его отвезли на родину. Столь неожиданно и в цвете лет, подобно Рожинскому, окончил свою хищническую деятельность и этот польско-русский кондотьер Смутного времени. В погоне за славою и добычею он расстроил и обременил долгами собственные имения и почти в бедности оставил свою жену и детей. Войско его, отступив в окрестные села, занялось набегами и грабежами и тревожило наше ополчение с тыла.

По смерти Сапеги дело поляков снова ухудшилось. Русские калеными ядрами зажгли Китай-город, так что внутри он выгорел дотла, и гарнизон его должен был перебраться в Кремль; отчего там произошла великая теснота. Съестные припасы истощились, и вновь начался голод. В октябре на помощь полякам пришел давно ожидаемый ими литовский гетман Ходкевич, но всего с 2000 человек; так что освободить гарнизон от осады он не мог; а после нескольких стычек отошел на зимнее время в село Рогачово (Дмитров, уезда), и занялся преимущественно снабжением гарнизона съестными припасами, за которыми приходилось посылать отряды в дальние места. Но около того времени со стороны русского населения начался род партизанской или народной войны. Разоренное и озлобленное крестьянство, которое не могло защищаться в своих открытых селах, стало собираться в шайки, вооруженные чем попало, и выбирало себе предводителей. Эти партизаны, получившие общее название *шишей*, укрывались в лесах и дебрях, оттуда высматривали и выслеживали неприятелей, неожиданно нападали на них,

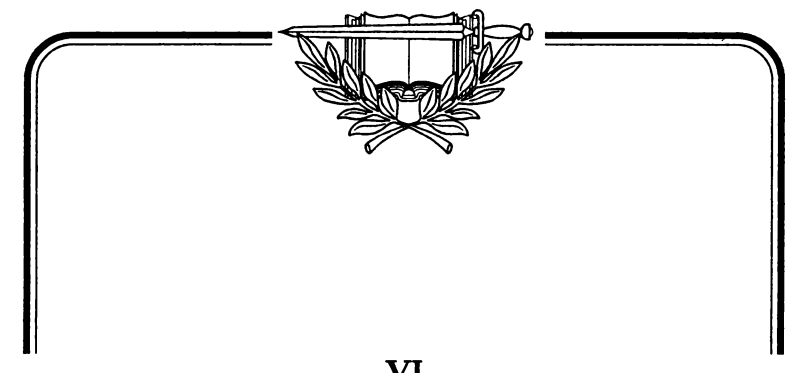
били, отнимали у них собственное или в других местах награбленное имущество, а иногда совершенно истребляли. Наступившая зима благоприятствовала их действиям. Между тем как польская конница затруднена была глубокими снегами, шиши пользовались лыжами для быстрых нападений, а в случае неудачи для бегства. Они особенно сделались опасны неприятельским отрядам, ходившим за съестными припасами; а потому доставка сих последних все более и более затруднялась.

Гетман Ходкевич, то уходивший, то возвращавшийся к Москве, кроме недостатка людей и припасов должен был еще бороться с неповиновением полковников и ротмистров, которые устраивали конфедерации, требовали уплаты жалованья и подкреплений или смены своей другими войсками; в противном случае грозили покинуть столицу и уйти в отечество. Кое-как гетману удалось убедить одних обещаниями, других дорогими вещами из царской казны, которые московские бояре согласились дать пока в залог, обязуясь их выкупить, когда приедет и сядет на царство королевич Владислав. Летом 1612 года Ходкевич опять приехал на короткое время и устроил оборону столицы. Он принужден был отпустить большую часть ее гарнизона; а с оставшеюся частию водворил в Кремле вновь принятых на королевскую службу многих сапежинцев (именно полк Будила) и, кроме того, полк хельминского старосты Струся. Начальник гарнизона Гонсевский, вероятно предвидя плохой исход польского дела, в июле 1612 года уступил свое начальство Струсю и уехал из Москвы. Около того же времени от московской Боярской думы было снаряжено посольство к королю или собственно на сейм. Во главе сего посольства поставлены князь Юрий Никитич Трубецкой, известный боярин Мих. Глеб. Салтыков и думный дьяк Василий Янов. Таким образом два последние изменника заблаговременно ускользнули от угрожавшей им кары.

Меж тем бедствия Руси все увеличивались. На севере шведы после завоевания Новгорода постепенно захватили города Яму, Копорье, Ладогу, Русу, Порхов, Ивангород, Тихвин, Гдов, Орешек. Завладев значительною частью Новгородской земли, они попытались завладеть и Псковскою; но

приступы Эдуарда Горна к Пскову были отбиты. Зато Псков вскоре попал в руки вора Сидорки. Посланный им под Москву один атаман взволновал там казачьи таборы. Воспоминания о золотом для казацкой вольницы времени Тушинско-Калужского царика оживились надеждою на его возвращение; многие казаки легко поверили, что он еще жив, признали его истинным Димитрием и принудили к тому же Заруцкого и Трубецкого. Значительный казачий отряд послан из-под Москвы на помощь вору. В самом Пскове образовалась большая партия его сторонников. Теснимые с одной стороны шайками Лисовского, с другой шведскими наемниками, псковичи склонились на убеждения сих сторонников и призвали к себе вора из Ивангорода, осаждаемого шведами. В декабре 1611 года (по западному январскому стилю, а по-русскому сентябрьскому 1612 г.) он пришел и засел во Пскове. Кроме сего Псковского вора или третьего Лжедимитрия, в это же время явился и четвертый, Астраханский, которого признало царем почти все Нижнее Поволжье.

Так разрывалась на части и пустошилась Русская земля, и эта эпоха сделалась потом памятною народу под именем *лихолетья.* Казалось, близок уже был конец Московскому государству, остававшемуся без государя. Но когда бедствия достигли своего крайнего предела, исторический процесс или, вернее, Промысел, управляющий судьбами стран и народов, умудрил и вызвал на сцену действия лучшую часть русского народа, которая и спасла отечество от раскрывшейся перед ним бездны[22].



VI

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ И ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА

Чудесные видения. — Троицкий архимандрит Дионисий и его призывные послания. — Нижегородцы и Козьма Минин. — Воевода князь Пожарский. — Сбор второго ополчения. — Кончина Гермогена. — Остановка ополчения в Ярославле. — Переговоры с Новгородом В. — Четыре правительства. — Конец Третьего Лжедимитрия. — Интриги Заруцкого и его бегство. — Поход и прибытие ополчения к Москве. — Бой с Ходкевичем и казаки Трубецкого. — Влияние Троицкой Лавры. — Ужасы голода среди осажденных. — Сдача Китай-города и Кремля. — Сигизмунд под Волоком Ламским. — Созыв Великой Земской Думы. — Кандидаты на престол, особенно князь Голицын. — Совокупность условий в пользу Михаила Феодоровича Романова. — Тактика и переписка Ф.И. Шереметева. — Заявления разных сословий. — Избрание Михаила. — Сусанин. — Посольство в Кострому. — Сцены в Ипатьевском монастыре. — Согласие старицы Марфы и Михаила. — Медленное путешествие их в столицу. — Священное коронование. — Ограничения.

Начало нового, спасительного движения вышло из того же живительного источника, который одухотворял русскую народную массу, поднимавшуюся на борьбу с ее пришлыми врагами. Из ее глубокой веры в Божественный Промысел и в помощь свыше, из ее ничем непоколебимой преданности Православию.

Мы уже видели, что время смут и бедствий на Руси сопровождалось сказаниями о чудесных и пророческих видениях, которые предзнаменовали какое-либо бедствие или указали средство спасения и которых удостаивались раз-

ные благочестивые люди и христолюбцы в том или другом месте. Подобные сказания возобновились с особою силою в последнюю эпоху Смуты или в эпоху так наз. «Московского разоренья». Например, после взятия Новгорода шведами появилась повесть о видении некоему мниху Варлааму. Этому мниху приснилось, что какой-то старец привел его в Софийский собор, и тут он увидал Богородицу, сидящую на престоле. Стоявшие вокруг новгородские святители слезно умоляли ее умилостивить своего Сына, чтобы он пощадил Великий Новгород и не предавал его в руки иноземцев; но тщетно. Божия Матерь отвечала, что люди прогневали Господа своими беззакониями, неправдами, нечестием, блудными делами, особенно содомским грехом; а потому пусть они покаются, и готовятся к смерти. Осенью 1611 года в ратных таборах под Москвою распространился слух о каком-то свитке, в котором описывалось видение некоему обывателю Нижнего Новгорода; по имени Григорию. В полночь во время сна представилось ему, что верх храмины его сам собою раскрылся, и она осветилась великим светом, а с небеси спустились в нее два мужа: один сел ему на грудь, другой стал у изголовья. Предстоящий начал вопрошать сидевшего, называя его «Господи», о судьбе Русской земли и будущем царе. «Аще человецы во всей Русской земле покаются и постятся три дня и три ночи, в понедельник, вторник и среду, не токмо старые и юные, но и младенцы. Московское государство очистится, — вещал Господь. — Тогда пусть поставят новый храм подле Троицы на Рву (Василия Блаженного) и положат хартию на престол; на той хартии будет написано, кому у них быть царем». «Аще ли не покаются и не учнут поститься, то все погибнут и все царство разорится». После этих слов оба мужа сделались невидимыми, и храмина снова покрылась; а Григорий был объят великим ужасом. Впоследствии, когда у нижегородцев спрашивали о сем явлении, они очень удивлялись; ибо ничего подобного у них не было и никакого Григория, имевшего видение, они не знали. Тем не менее сие чудесное сказание распространилось от Москвы даже в дальние области и везде производило сильное впечатление; ибо вполне соответствовало общему настроению.

Руководимые священными преданиями, народные помыслы в эпоху крайних бедствий, очевидно, устремились к покаянию, посту и молитве, и это направление ясно выразилось в повестях о чудесных видениях. Так наряду с данным сказанием о видении в Нижнем Новгороде появилось другое: о видении, которого удостоилась в Владимире некая Мелания, «подружие» (супруга) какого-то Бориса Мясника. Ей привиделась светлая жена, повелевавшая возвестить людям, чтобы постились и молились со слезами Господу Богу и Пречистой Богородице. Города пересылались друг с другом грамотами о сих двух видениях, и «по совету всей земли Московского государства» действительно было установлено трехдневное воздержание от пищи и пития всякому полу и возрасту. В некоторых местах оно соблюдалось с такою строгостию, что многие не выдерживали и умирали, особенно младенцы. Но вместе с тем начался высокий подъем народного духа. Поэтому призывные и увещательные грамоты, особенно выходившие из стен Троицкой Лавры, нашли для себя почву еще более подготовленную и восприимчивую.

В это время во главе Троицкой братии стоял новый архимандрит Дионисий. Он родился во Ржеве; но потом родители его переехали в Старицу, где Дионисий провел свою юность, выучился грамоте и сделался священником в селе, принадлежавшем старицкому Богородицкому монастырю; когда же он овдовел, то вступил иноком в тот же монастырь. Это был человек, отличавшийся замечательным незлобием, смирением и великою любовью к книжному делу. По сему поводу сочинитель его жития рассказывает следующее. Однажды Дионисию пришлось быть в Москве с некоторыми из братии, ради монастырских нужд. Он пришел на торг, где продавались книги. Его высокий рост, благолепная наружность и еще молодые сравнительно годы обратили на него внимание; некий злой человек заподозрил его поведение и начал над ним глумиться. Дионисий заплакал и сказал: «Правду, брате, говоришь; я именно таков грешник, и если бы истинный инок был, то не бродил бы по торжищу, а сидел бы в своей келье». Слова его привели в умиление случившихся тут людей и устыдили злого человека.

Прошедши разные монастырские должности, Дионисий был поставлен архимандритом. Бывая в Москве по делам своего монастыря, он не только сделался известен патриарху Гермогену, но и заслужил его доверие и расположение своими умными речами на церковных соборах. Он также являлся мужественным красноречивым его помощником при усмирении народных волнений во время московской осады Тушинским вором. Возведенный по желанию Гермогена на Троицкую архимандрию, Дионисий развил вполне свою энергию в борьбе с общественными бедствиями: в чем ему деятельно помогал расторопный келарь Палицын, сумевший ускользнуть из польских рук под Смоленском и таким образом избежать тяжелой участи, которой подверглись некоторые другие члены великого посольства. Троицкая Лавра, сама едва освободившаяся от долгой, томительной осады, в это время сделалась главным убежищем для разоренных, бесприютных, больных и раненых, искавших спасения от ляхов и казаков, которые свирепствовали в окрестных областях. Сюда с разных сторон стекались они и находили здесь приют и успокоение. Архимандрит с братией не жалели ни монастырского имущества, ни собственных трудов для прокормления и ухода за несчастными. В соседних монастырских слободах и селах возникли больницы и странноприимные дома, особые для мужчин, особые для женщин. Те женщины, которые были в силах, неутомимо работали на призреваемых, стирали, шили и т.п. Монастырских слуг посылали по дорогам и лесам подбирать больных и мертвых, которые падали на пути и не успевали достигнуть обители; первых помещали в больницы, вторых предавали честному погребению. Особенно печальный вид представляли те раненые и умирающие, над которыми надругались враги: у одного из спины ремни вырезаны, у другого руки или ноги отрублены, у третьего волосы с головы содраны и т.п.

В то же время обитель вела постоянные сношения с ополчением, стоявшим под Москвою. Келарь Авраамий и другие старцы ездили в таборы, служили молебны, говорили ратным людям слова от Св. Писания, укрепляли их веру и увещевали мужественно стоять против врагов. Мало того, обитель помогала ополчению и военными припасами, именно

свинцом и порохом: келарь даже приказывал вынимать заряды из монастырских мортир и пищалей и отсылал их под Москву. Но практическое монастырское начальство одновременно не забывало хлопотать об увеличении материальных средств своей обители. Например, у временного подмосковного правительства оно выхлопатывало подтвердительные грамоты или, так сказать, исполнительные листы на ввод монастыря во владение теми селами и деревнями, которые отказывали ему по духовному завещанию разные благочестивые люди; бедствия Смутной эпохи в особенности располагали к такой жертве ввиду благотворительной и патриотической его деятельности.

Наряду с сими делами благотворения, телесной и духовной помощи, Лавра в то время развила также письменную деятельность. Взявший на себя почин призывных грамот святейший патриарх Гермоген сидел уже в тесном заключении и не мог непосредственно обращаться к народу. Последнее известное его увещание, о котором города передавали друг другу, было обращено к нижегородцам и к казанскому митрополиту Ефрему. Он просит написать грамоты в города их властям, а также в полки, стоявшие под Москвою, к Ляпунову (тогда еще живому), боярам и атаманам («атамане»), чтобы унимали грабежи, корчемство и блуд, наблюдали чистоту душевную и братство, с которыми обещались души свои положить за дом Пречистой и за чудотворцев московских, и чтобы отнюдь не признавали царем Маринкина сына. Начинание Гермогена ревностно продолжал троицкий архимандрит Дионисий с братией. В келье архимандрита сидели борзописцы и постоянно списывали грамоты, которые рассылались по городам к разным власть имущим лицам. Эти красноречивые призывные послания, украшенные поучительными речениями из Св. Писания и Отцев Церкви, сочинялись или самим Дионисием, или под его руководством.

Особенно замечательна по силе и энергии убеждения окружная грамота, помеченная 6-м октября 1612 года (по сентябрьскому стилю) и написанная от имени архимандрита Дионисия, келаря Авраамия Палицына и соборных старцев.

Напомнив о московском выборе королевича Владислава под условием принятия им православной веры и о при-

сяге польско-литовских людей выйти из Московского государства и отступить от Смоленска, грамота указывает, что они не исполнили сей присяги и что они заодно с предателями нашими Михаилом Салтыковым и Федькою Андроновым учинили многие злодеяния, а именно: «Московское государство выжгли, людей высекли, бесчисленную христианскую кровь пролили, святые Божьи церкви и образа разорили и поругали, а твердого адаманта святейшего Гермогена патриарха с престола бесчестно низринули и в тесное заключение заперли». Далее грамота изображает стояние русского ополчения под Москвою и новый приход гетмана Ходкевича, который своим двухтысячным войском заслонил дороги к столице и не пропускает запасов. Из некоторых городов ратные люди пришли на помощь русскому ополчению, из других собираются в поход. Грамота умоляет и прочие города стать с ними заодно против наших предателей и против врагов Христовых, польских и литовских людей. Какое от них разорение учинилось в тех городах, которыми они завладели, о том всем известно. «Где святые церкви? Где Божии образы? — восклицает грамота. — Где иноки многолетними сединами цветущие, инокини добродетелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием?» «Где бесчисленное народное множество в городах и селах христианских? Не все ли без милости пострадаша и в плен разведены?» Сочинители именем Божиим просят всех христиан быть в единении, отложить на время всякие распри и недовольства и умолять служилых людей, чтобы они спешили под Москву и не упускали дорогого времени. «Смилуйтесь, — заключает грамота, — и ради избавления христианскаго народа помогите ратными людьми, чтобы боярам, воеводам и всяким воинским людям (стоящим под Москвою) не учинилась поруха; о том много и слёзно всем народом христианским вам челом бьем».

Подобные грамоты несомненно везде читались с умилением и воспламеняли сердца русского народа. Но от умиления до дела было еще далеко, если бы не явились люди, которые стали во главе нового движения и увлекли за собою народную массу. Такие люди нашлись в Нижнем Новгороде.

Уже с самого начала смуты граждане Нижнего Новгорода отличались своею верностию присяге, твердостию и здравомыслием. Они не допустили увлечь себя никаким подговорам, отбили все попытки мятежных шаек и сохранили свой город от разорения и разграбления. Нижегородские воеводы того времени князь Звенигородский, Алябьев, Репнин и дьяк Семенов не выдавались своими талантами, но вели себя честно и прямодушно. Только стряпчий Биркин был человеком переменчивым и ненадежным. Зато из среды посадских людей история выдвинула на передний план некоего мясного торговца Козьму Минина, прозванием Сухорука. Во время московского разоренья он является в Нижнем Новгороде в числе земских старост, следовательно, одним из людей излюбленных, более или менее снискавших доверие и уважение своих сограждан.

Когда означенная Троицкая грамота пришла в Новгород, городские и земские власти собрались на воеводском дворе и рассуждали о ней. Минин просил, чтобы грамоту всенародно прочитали в Соборе; причем прибавил, что и ему во сне являлся св. Сергий, который велел разбудить спящий народ. Недоброжелатель его Биркин попробовал противоречить; но Минин заставил его замолчать, грозя обличить его неправды. На другой день собрались горожане в Спасском соборе. После обедни соборный протопоп Савва, сказав несколько скорбных слов о разорении Московского государства от польских и литовских людей и о намерении их обратить истинную веру в латинскую ересь, прочел Троицкую грамоту. Слушатели были растроганы до глубины души. Народ не расходился и толпился подле Собора. Тут Козьма Минин поднял свой голос и сказал горячее слово о неотложной необходимости помочь Московскому государству и очистить Русскую землю от поляков и Литвы. Он уговаривал всем пожертвовать для такого великого и Божьего дела, не жалеть своих животов (имущества), отдать в кабалу детей и жен, чтобы только собрать деньги на содержание ратных людей. Он уверял сограждан, что и другие города пристанут к ним, как только они подадут пример. Многие приходили в умиление и прослезились, слыша такие речи. После того еще не раз собирались нижегородцы на общее совещание. Ов-

ладев их сердцами, Минин стал руководить их действиями. Составили приговор о сборе денег и вооружении большого ратного ополчения.

Тут возник вопрос, кому вверить начальство над сим ополчением. Требовался человек, во-первых, знатный, во-вторых, искусный в военном деле, в-третьих, чистый, то есть бывший не причастным к измене законным государям. По всей вероятности, тот же Минин подсказал имя избранника. Остановились на князе Димитрии Михайловиче Пожарском. Хотя по летам своим он принадлежал к молодым воеводам (около 35 лет) и по чину был только стольник, но происходил из древнего рода князей Стародубских, а, главное, во время смуты выдвинулся не только своим воинским мужеством, но еще более твердостию характера и непоколебимою верностию присяге. К нему отправлено было из Нижнего Новгорода посольство, имевшее во главе печерского архимандрита Феодосия и дворянина Болтина. Пожарский, еще не вполне излечившийся от ран, жил в то время в одной из своих суздальских вотчин. Не вдруг, а после нескольких отказов, он дал согласие на просьбу нижегородцев, однако с условием, чтобы они выбрали из своих посадских людей человека, который был бы вместе с ним у такого великого дела и ведал бы сборною казною. Когда послы затруднились и не знали, кого назвать, Пожарский прямо указал на Козьму Минина, говоря: «Он у вас человек бывалый, служилый и то дело ему привычно». Очевидно, между этими двумя замечательными русскими людьми существовали уже предварительные взаимные сношения. Когда посланцы воротились и доложили обо всем нижегородцам, те начали бить челом Козьме, чтобы он стал выборным от них человеком при войске. Но Козьма не был так прост, чтобы согласиться сейчас же и без всяких условий. И обычай, и предусмотрительность заставляли его сначала отказываться от такого трудного дела. На усиленные просьбы он наконец согласился, но потребовал крепкого мирского приговора о том, чтобы мир слушался его во всем и давал бы потребные ратным людям деньги, хотя бы для того пришлось отдавать последние животы и даже закладывать в кабалу жен и детей. Получив такой приговор, Минин немедля отослал его ко князю Пожарскому;

ибо опасался, чтобы нижегородцы по миновании одушевления не раздумали и не взяли бы у него приговор назад.

Заручившись мирским приговором, Минин начал строго приводить его в исполнение. Он поставил оценщиков для имущества и взимал с него пятую деньгу, т.е. пятую часть; причем никому не делал послаблений и с противящихся взыскивал силою. Некоторые граждане давали и более положенного; а одна богатая вдова отдала почти все свое имущество, оставив себе только небольшую его часть. Минин посылал окладчиков и в другие города, например, в Балахну и Гороховец, чтобы облагать торговых и посадских людей, смотря по животам и промыслам. Таким образом составилась казна. Стало собираться и ополчение. Первыми пришли смоленские дворяне и дети боярские, вызванные на службу в Москву еще при Василии Шуйском и лишенные поляками своих поместий. Заруцкий и Трубецкой дали им грамоты на арзамасские дворцовые земли; но там мужики с помощью стрельцов не пустили их в свои волости. Нижегородцы призвали к себе этих смольнян, дали им корм и жалованье; часть их они отправили к Пожарскому вместе с просьбою спешить скорее в Нижний. Пожарский выступил в путь; по дороге он присоединил к себе детей боярских из Вязьмы и Дорогобужа, которые подобно смольнянам, вопреки грамотам Заруцкого, также не добились доступа к пожалованным поместьям. Нижегородцы встретили Пожарского с великим почетом.

Пожарский и Минин, в свою очередь, начали рассылать грамоты от имени нижегородцев и собравшихся ратных людей в поморские, низовые и украинные города, прося помощи деньгами и ратными людьми для очищения Московского государства. Грамоты эти и слух о сборе ополчения в Нижнем вскоре вызвали сильное движение, уже подготовленное троицкими призывными посланиями. Отовсюду стали приходить ратные люди; сначала пришли коломенцы, за ними рязанцы, потом стрельцы и казаки из украинных городов. Нижегородцы всех принимали с честию, давали содержание ратникам и их коням. Жалованье начали платить им смотря по статьям: первая статья получала по 50 рублей, а самая меньшая по 30. Казанцы, подобно нижегородцам, уцелели в Смутное время от грабежей и неприятельского

разорения. К ним отправлен был из Нижнего с просьбою о помощи стряпчий Биркин. Но этот злонравный человек стакнулся там с подобным себе завистливым и властолюбивым дьяком Шульгиным, и по их ухищрениям казанцы, хотя отписали в ответ, что идут все своими головами, однако замедлили походом.

В Москве и под Москвою вести о сборе нового ополчения вызвали у многих радость и надежду на скорое освобождение, а у поляков и русских изменников сильную тревогу. Чрез последних Гонсевский стал принуждать заключенного в Чудове монастыре патриарха Гермогена, чтобы он написал в Нижний Новгород увещание отменить поход и сохранить присягу Владиславу. Но патриарх пребыл до конца на высоте своего положения. «Да будут благословенны те, которые идут на очищение Московского государства, — отвечал он; — а вы, окаянные Московские изменники, да будете прокляты». Тогда враги начали морить его голодом. Однако сей великий старец или крепкий «адамант», как его называли современники, остался непреклонен, и, по словам летописца, 17 февраля 1612 года «предал свою праведную душу в руце Божии». Без всяких почестей его погребли там же в Чудове монастыре.

В таборах, стоявших под Москвою, Заруцкий и его приверженцы отнюдь не обрадовались новой им помощи, когда узнали, что дело идет не о посылке мелких подкреплений, не имевших между собою связи, а о большом хорошо устроенном ополчении, предводимом таким стойким неподкупным воеводою, каков был Пожарский. Заруцкий понял, что как его первенствующая роль в войске, так и его замыслы на счет кандидатуры Маринина сына и собственного регентства подвергаются еще большей опасности, чем при Ляпунове. Он мало заботился о временной присяге ничтожному псковскому Самозванцу; но против сей опасности спешил принять свои меры. Он отрядил атамана Просовецкого занять такой важный пункт, как Ярославль, и стать на пути нижегородцам. Но их доброхоты дали о том знать в Нижний Новгород. Пожарский немедля отправил своего дальнего родственника князя Димитрия Петровича Лопату-Пожарского и дьяка Самсонова с ратными людьми. Они успели вовремя прийти

в Ярославль, где захватили небольшой передовой отряд казаков и рассажали их по тюрьмам. Узнав о том, Просовецкий уже не пошел в Ярославль; а Заруцкий скрыл досаду и вместе с Трубецким послал в Нижний воеводам грамоту с приглашением идти под Москву, ничего не опасаясь. Вслед за родственником и сам Димитрий Михайлович Пожарский выступил с ополчением из Нижнего. Лежавшие на пути города Балахна и Юрьев-Повольский дали ему подмогу деньгами и ратными людьми; в числе последних находились и Юрьевские татары. Костромской воевода Иван Петр. Шереметев, сторонник Владислава, вздумал не впускать в свой город нижегородцев; так что они остановились на посаде. Но уже трудно было бороться с одушевлением, охватившим русский народ: большинство городских обывателей и ратных людей пристали к нижегородцам и свели Шереметева с воеводства, причем едва его не убили, и просили себе другого воеводу у князя Пожарского; тот дал им князя Романа Гагарина, а дьяком назначил Подлесова. От костромичей ополчение также получило подмогу деньгами и людьми. Меж тем из Суздаля прискакали гонцы с просьбою о помощи против угрожавшего ему Просовецкого; Пожарский отправил туда другого своего родственника Романа Петровича, который и занял Суздаль, а Просовецкий воротился в Москву.

В конце марта или в начале апреля 1612 года Нижегородское ополчение достигло Ярославля, где и было встречено с образами и вообще с великою честью. Но тут оно замешкалось на довольно продолжительное время вместо того, чтобы спешить на освобождение Москвы. Однако мы не можем строго обвинять в излишней медлительности главных его вождей и руководителей, т.е. Пожарского и Минина. Обстоятельства были трудные: они требовали большой осторожности и осмотрительности, чтобы и второе ополчение не постигла судьба первого, т.е. Ляпуновского, тогда как это второе или нижегородское ополчение заключало в себе, можно сказать, последние русские силы или, точнее, последнее ядро, около которого могли еще собраться лучшие люди и средства, уцелевшие от предыдущих разгромов.

Во-первых, вожди сего ополчения имели все поводы опасаться разных козней со стороны Заруцкого и не спешить

на соединение с ним. Во-вторых, как раз около того времени из подмосковных таборов было получено известие об их присяге третьему или псковскому Лжедимитрию. Об этой присяге писали также из Троицы архимандрит Дионисий и келарь Авраамий и просили поспешить прибытием ополчения под Москву. Но начальники его прежде всего должны были разведать, насколько велика была опасность с той стороны, т.е. сколько городов признали нового вора, а затем принять против нее свои меры; о чем снеслись с другими городами. В-третьих, приходили неблагоприятные вести из северных городов. С одной стороны шведы, завладев Новгородом, как мы видели, распространили свое господство на значительную часть Новгородской и Псковской земли; с другой шайки запорожских и других казаков простерли свои грабежи на верхневолжские и даже заволжские места: так одна шайка явилась в краснохолмском Антоньеве монастыре, другая в Пошехонье, третья в Угличе, четвертая в Твери и т.д.; из этих мест они разоряли окрестные области. Нельзя было оставлять таких врагов в тылу ополчения. Пожарский из Ярославля посылает отряды с князьями Дим. Мамстрюк. Черкасским, Ив. Фед. Троекуровым, Дим. Петр. Лопатою, с Вас. Толстым, а также мурзу Барай Алеевича с романовскими татарами. Эти воеводы большею частью побили казацкие шайки и очистили Верхнее Поволжье.

По отношению к шведам пришлось прибегнуть к дипломатии.

Пожарский завязал сношения с новогородскими властями и Яковом Делагарди. Чтобы разведать о новогородских делах, он отправил туда посольство с Степаном Татищевым во главе и просил сообщить ему последний договор со шведами. Владыка Исидор прислал список договора; а затем в Ярославль прибыли из Новгорода послами игумен Геннадий и князь Федор Оболенский. Они известили, что король Карл IX умер, оставив шведский престол старшему сыну Густаву Адольфу, а младшего Филиппа благословил Новгородскою землею. Поэтому послы приглашали начальников ополчения избрать царем того же королевича Филиппа, чтобы Москве не отделяться от Великого Новгорода. Пожарский указывал на неудачное избрание польского королевича Вла-

дислава, которого Сигизмунд обещал, но не дал и обманул. Новгородские послы уверяли, что Филипп был уже на пути в их землю, когда получил весть о смерти отца и должен был возвратиться, чтобы присутствовать при его погребении, потом участвовал в войне с Данией; а что теперь старший брат и мать отпустили его снова в Новгород. Они пригласили воевод отправить и от себя послов. Пожарский напомнил о московских великих послах, которых Сигизмунд держит в неволе. «Был бы ныне здесь такой столп, как князь Василий Васильевич Голицын, — говорил он, — то все бы его держались, и я бы мимо его за такое великое дело не взялся; но приневолили меня бояре и вся земля». А, главное, он настаивал на том, что когда королевич примет греческую веру, тогда и будут отправлены к нему послы от всей земли. На это князь Оболенский с товарищами отвечал, что новгородцы не отпали от православия и готовы помереть за него даже в том случае, если бы Московское государство их выдало, и что, следовательно, они не посадят на престол человека не греческой веры. В июле 1612 года с этим новогородским посольством воеводы опять отправили своих людей в Новгород, чтобы поддержать и протянуть переговоры об избрании королевича Филиппа. Уже от Степана Татищева они узнали о безнадежном положении дел в Новгороде, откуда не могли ждать никакой помощи; а потому продолжали переговоры с единственною целию подать шведам надежду на выбор царем королевича Филиппа, чтобы отвлечь их от дальнейших неприятельских действий и выиграть время для очищения земли от поляков. И этой цели они достигли.

Около того же времени Пожарский, пользуясь проездом цесарского посла Грегори, возвращавшегося из Персии, отправил с ним Еремеева гонцом к императору Матфию. Он просил цесаря помочь против поляков как деньгами, так и дипломатическим вмешательством; причем подавал надежду на выбор царя из принцев Габсбургского дома и даже указывал на цесарева брата эрцгерцога Максимильяна (бывшего претендента на польскую корону по смерти Батория). Цесарский двор был польщен такою надеждою и действительно пытался склонить польского короля к прекращению враждебных действий.

Главною же заботой вождей, замедлявшею их выступление из Ярославля, было лучшее устройство и умножение самого ополчения, ожидание как ратных людей, так и денежных средств из других городов, в которые они усердно рассылали призывные и увещательные грамоты. Подкрепления людьми и деньгами собирались медленно и неисправно. Так казанцы прислали наконец скудную помощь с тем же злонравным Биркиным. Последний, желавший быть в числе главных начальников, и ратные головы казанцев, настроенные их дьяком Никанором Шульгиным, затеяли в Ярославле перекоры с воеводами, учинили неповиновение и большею частию ушли назад; остались только голова Лукьян Мясной с несколькими десятками казанских мурз и дворян, да стрелецкий голова Постник Неелов с сотнею стрельцов.

Ожидая подкреплений и занимаясь устройством ополчения, вожди его рассылали из Ярославля грамоты с следующим началом: в такое-то место, таким-то властям «бояре и воеводы и Димитрий Пожарский с товарищами челом бьют». Одна грамота, снабженная рукоприкладством, сообщает нам, кто в это время является под именем «бояр» и «товарищей» князя Пожарского. Сия грамота была послана в апреле из Ярославля к вологодцам с известием о сборе всеобщего ополчения, о беззаконной присяге псковскому Самозванцу и с просьбою о присылке выборных людей для земского совета и денежной казны на жалованье ратным людям. В числе подписавших ее лиц находятся: /бояре/ Вас. Петр. Морозов и князь Влад. Тимоф. Долгоруков, окольничий Сем. Вас. Головин, князья Одоевский, Пронский, Львов, Барятинский, Алексей Долгоруков, Туренин, нетитулованные дворяне Плещеев, Вельяминов, Огарев, Нащокин, Иван и Василий Шереметевы, Бутурлин, Чепчугов и др. А за «выборного человека всею землею Козьмы Минина (очевидно, неграмотного) руку приложил князь Димитрий Пожарский». Всего находим до 50 подписей. Это и были, очевидно, воеводы и головы собравшихся с разных сторон ратных людей; вместе с выборными от городов они представляли род Земской думы, называемой «совет всей земли»; а исполнительной властью был облечен князь Пожарский, главным помощником которого является Козьма Минин с званием «выборного от всей земли».

От сего, так сказать, ярославского правительства дошло до нас несколько грамот, подписанных князем Пожарским «по совету всей земли» и свидетельствующих о его распорядительной деятельности. Так по челобитию игуменов с братией он подтверждает жалованные прежними государями грамоты монастырям Соловецкому и Кирилло-Белозерскому на разные угодья и доходы; поручает местным властям озаботиться обновлением городских укреплений и т.п. Между прочим, любопытна его грамота о переводе из Соловецкого монастыря в Кирилло-Белозерский старца Степана, бывшего прежнего касимовского хана Симеона Бекбулатовича, который был заточен в Соловецкий монастырь и там пострижен по приказанию первого Лжедимитрия. Главным же образом Пожарский рассылал по городам грамоты с просьбою о присылке помощи деньгами и ратными людьми; причем сообщал о положении дел, о переговорах со шведами, о кознях Заруцкого и увещевал не признавать ни Маринкина сына, ни псковского вора. Чтобы иметь авторитетного посредника в часто возникавших среди ополчения пререканиях и смутах и придать духовное освящение своему правительству, вожди Нижегородского ополчения призвали из Троицкой Лавры, проживавшего там на покое, бывшего ростовского митрополита Кирилла, который действительно стал помогать водворению мира и согласия в ополчении.

Между тем в подмосковных таборах Трубецкой и Заруцкий продолжали представлять собою другое правительство и давать жалованные грамоты на поместья, подписывая свои имена тоже с прибавкою «по совету всей земли». Сидевшая в Москве вместе с поляками Боярская дума также продолжала считать себя истинным правительством и издавать распорядительные грамоты. В Пскове общую правительственную власть присваивал себе третий Лжедимитрий. Следовательно, одновременно мы видим четыре правительства в Московском государстве, не считая, окраинных областей, или не признававших никакого из этих правительств (например, Астрахань), или занятых неприятелем (Новогородская и Смоленская). Но все народные чувства и надежды сосредоточились теперь на Нижегородском ополчении и все вни-

мание устремилось на Ярославль, откуда ожидались спасение государства и прекращение разновластия.

И эти надежды не обманули.

Из четырех правительств первым пало псковское самозванство. Подобно второму Лжедимитрию, раздьякон Сидорка или Матюшка предался разгулу и грабежу. Он силою брал у граждан жен и дочерей, томил состоятельных людей на правеже, вымучивая деньги, которыми награждал окружавшее его казачество, набранное большею частию из боярских холопов и всяких воровских людей. В сущности это было господство грубой, необузданной черни, которое сделалось крайне тяжело для лучшей или более зажиточной части населения, т.е. для детей боярских, гостей и торговых людей. Во главе недовольных стали князь Ив. Фед. Хованский и тот самый Иван Плещеев, который был прислан из-под Москвы узнать правду о новом воре, но, боясь убийства, признал его за калужского царика. Они воспользовались нападением шведов на один псковский пригород и отправили большинство казаков для его обороны. А когда те ушли, лучшие люди вместе с добрыми казаками восстали, схватили раздьякона, и тот же Плещеев под сильною стражею повез его к Москве. Далее источники разногласят: по русским известиям, его привезли в подмосковные таборы и там казнили; а по шведским, дорогою на стражу напал Лисовский и хотел освободить вора; чтобы не отдать живым, один из казаков пронзил его копьем.

Хотя дело с сим Самозванцем было покончено, а Трубецкой и Заруцкий торопили Пожарского скорейшим прибытием под Москву, и уже до гибели псковского вора извещали, что узнали правду о нем и присягу ему с себя сложили; однако князь Димитрий Михайлович все еще медлил в Ярославле, так как он более всего опасался именно козней Заруцкого. После убиения Ляпунова этот злой и коварный человек навлек на себя сильное нерасположение и недоверие со стороны дворян и вообще земских людей. В некоторых своих распорядительных грамотах Пожарский прямо указывал на гнусное поведение Заруцкого и его казаков как на причину своего замедления. События вполне оправдали это недоверие. В то самое время, когда Заруцкий звал Пожарского в

Москву, он уже точил на него нож и подослал убийц. Двое из его казаков, Обрезков и какой-то Стенька, пристали к нижегородскому ополчению и здесь подговорили несколько человек из смоленских стрельцов, да еще рязанца Сеньку Хвалова, жившего во дворе у князя Пожарского, который его кормил и одевал. Сначала думали зарезать князя сонного; но это не удавалось. Тогда решили нанести ему удар как-нибудь в тесноте. Однажды князь вышел из Разрядной избы посмотреть пушки, снаряженные в поход под Москву и лежавшие у дверей Разряда. Кругом толпился народ. Подле князя находился какой-то казак Роман, который взял его под руку. Вышепомянутый Стенька бросился между ними и хотел ножом ударить Пожарского в живот, но промахнулся и сильно ранил в ногу казака Романа; последний повалился и застонал. Князь подумал, что это какой-нибудь несчастный случай, происшедший от тесноты, и хотел уйти. Но толпа остановила его и завопила, что то было покушение на него самого. На земле нашли нож, схватили Стеньку и начали его пытать. Он во всем признался и указал на своих соумышленников. Их также схватили; одних разослали в города по темницам, а других взяли с собой под Москву, где они должны были объявить всей рати о своем преступлении. Пожарский не дал их на казнь; чем вновь доказал не только свою доброту, но и твердость характера.

Уже прошло около четырех месяцев со времени прибытия ополчения в Ярославль, и медлительность его вождей стала наконец вызывать справедливый ропот. Когда пришла весть о новом походе гетмана Ходкевича к Москве на помощь польскому гарнизону, князь Трубецкой обратился к посредничеству Троицкой Лавры. Архимандрит и келарь отправили двух старцев в Ярославль с грамотою, в которой умоляли воевод спешить под Москву. Не видя успеха от сего посольства, они шлют двух других старцев с новым молением и с известием, что гетман Ходкевич приближается с сильным войском и большими запасами, и, если он успеет соединиться с гарнизоном, то «всуе» будут все труды второго русского ополчения. Но здесь на ту пору среди воевод и ратников снова возгорелись какие-то несогласия и смуты. Очевидно, князю Пожарскому, при его сравнительной молодости и невы-

соком сане, трудно было внушить всем уважение и повиновение. Тогда архимандрит с братией снаряжают в Ярославль самого келаря Авраамия. Отпев молебен и взяв благословение у архимандрита, Палицын 28 июня отправился в путь. Он явился усердным миротворцем и своими красноречивыми поучениями немало помог Пожарскому и Минину водворить порядок и послушание.

Князь Димитрий Михайлович начал с того, что отправил под Москву сильное подкрепление с воеводами Дмитриевым и Левашовым; причем запретил им располагаться в казацких таборах, а велел стать у Петровских ворот и тут укрепиться особым острожком. Затем послал другое подкрепление с родственником своим Димитрием Петровичем и дьяком Самсоновым, приказав ему стать по соседству с первым, именно у Тверских ворот Белого города. В это же время прибыли ратные люди из украинных городов и расположились у Никитских ворот; но тут они не получали никакого содержания, да еще терпели обиды от казаков Заруцкого; почему послали в Ярославль несколько человек с жалобами. Там их обласкали, снабдили деньгами и сукнами и отпустили обратно с обещанием вскоре идти всему ополчению. Узнав о том, Заруцкий велел побить этих посланцев; так что они едва спаслись в стан воеводы Дмитриева.

Наконец и сам Пожарский с главными силами выступил из Ярославля. Поручив князю Ив. Андр. Хованскому и Козьме Минину вести рать в Ростов, он с небольшою свитою свернул в Суздаль, чтобы там в Спасо-Евфимьевском монастыре помолиться над гробами своих родителей. Исполнив этот благочестивый обычай и укрепясь духом, он воротился к войску, которое стояло в Ростове. Здесь в ростовском Борисоглебском монастыре на Устье в те времена подвизался затворник Иринарх (в миру Илья, сын крестьянина). Удручая себя тяжелыми железными веригами и цепями, этот старец в своем уединении зорко следил за современными событиями России и являлся пламенным русским патриотом. Слава его подвижничества привлекала к нему не только знатных русских людей, но и пришлых поляков и западноруссов. Так его посетил Ян Сапега и старец советовал ему скорее воротиться на родину, а иначе предсказывал гибель в Русской

земле. Он же ободрял идти на врагов Михаила Скопина-Шуйского, послал ему благословенную просфору и свой крест, с которым Скопин победоносно дошел до Москвы. Тот же старец посылал в Ярославль к Пожарскому и Минину, увещевая их не медлить и смело идти к столице, не боясь Заруцкого, которого они там не застанут. Теперь Пожарский и Минин сами пришли к нему за благословением. Он укрепил их дух и дал им свой подвижнический крест, с которым они и совершили очищение Москвы от врагов.

Вскоре в Ростове же Пожарский получил важное известие из-под Москвы об удалении Заруцкого. Сей последний видел, как с приближением второго ополчения падала его собственная сила: сами подначальные ему казацкие атаманы стали покидать его и переходить на сторону прибывавшей отовсюду земской рати; Трубецкой при всей слабости своего характера также начал от него отделяться. А тут еще обнаружились его тайные сношения с Ходкевичем, которые велись при посредстве нескольких поляков (собственно западноруссов), перешедших в русскую службу и замешавшихся в казачьи таборы: один из таких поляков, именно ротмистр Хмелевский, и донес Трубецкому на своих товарищей. Их схватили и пытали. Видя, что ему самому грозит опасность бунта, Заруцкий с частью приверженных себе казаков ночью бежал в Коломну к Марине; разграбив этот город, он вместе с Мариной и ее маленьким сыном ушел в рязанский город Михайлов.

Таким образом ярославское промедление дало несомненно благоприятные плоды по отношению к казачеству вообще и к Заруцкому в частности: не только его козни успели выясниться и огласиться, но и сам он с наиболее хищными товарищами принужден удалиться из-под Москвы; а это обстоятельство облегчало и упрощало борьбу с врагами.

Ополчение прибыло в Переяславль-Залесский и, подкрепясь тут ратниками и запасами, двинулось далее. 14 августа оно достигло Троицкой Лавры и остановилось между монастырем и Слободою Клементьевской. Сюда приходили посланцы от князя Трубецкого с грамотами к архимандриту и братии: он просил их побудить ополчение, чтобы оно спешило как можно скорее к Москве; ибо гетман Ходкевич с запа-

сами приближается, а казаки от великой скудости хотят уйти прочь. Но самая настойчивость эта многим начальникам казалась подозрительною, и они говорили князю Пожарскому, что казаки хотят заманить его, чтобы убить, подобно Ляпунову. Архимандрит и келарь старались отклонить такие опасения и убеждали идти скорее на помощь. Пожарский отправил наперед себя под Москву новое подкрепление с князем Вас. Ив. Турениным.

Здесь же, во время остановки под Троицею, ему пришлось дать ответ иноземцам. Около того времени воеводы получили любопытное предложение от нескольких иноземных офицеров вступить в русскую службу с набранным ими отрядом; для чего они намеревались на английских и нидерландских кораблях прибыть в Архангельск. Пожарский отвечал благодарностию на это предложение; но отклонил его под тем предлогом, что московские люди теперь покинули рознь, соединились и не нуждаются более в иноземной помощи, чтобы управиться с своими врагами, польскими и литовскими людьми. При сем он выражал удивление, что в числе предлагавших свои услуги находился Яков Маржерет, который еще недавно сражался против русских в польских рядах и являлся злейшим врагом, чем сами поляки. Он ушел из Москвы вместе с изменником Михаилом Салтыковым к Сигизмунду, который принял его весьма благосклонно. Опасаясь какого-либо коварства со стороны иноземных искателей добычи и приключений, Пожарский не ограничился ответною грамотою, а отрядил на всякий случай и ратных людей для обороны отдаленного Архангельска.

Отдохнув дня четыре под Троицей, 18 августа поутру ополчение выступало уже прямо к Москве и выстроилось на горе Волкуше. Тут архимандрит с братией в праздничных ризах с крестами и образами отслужили напутственный молебен, по окончании которого войско отдельными сотнями подходило к священнослужителям и прикладывалось к образам; архимандрит благословлял их крестом, а священники кропили святою водою. После войска подходили за благословением начальники и воеводы. В то утро дул сильный противный ветер, и рать была несколько смущена; ибо считала его дурным предзнаменованием. Но когда войско дви-

нулось, а Дионисий, стоя на горе, продолжал осенять его крестом, вдруг ветер переменился и подул в тыл ополчению с такою силою, что люди едва сидели на конях. Эта перемена сочтена была чудесным предзнаменованием, указывающим на заступление св. Сергия; ратные люди, по словам летописи, «отложили страх, охрабрились и давали друг другу обещание помереть за дом Пресвятой Богородицы и за Православную веру». Келарь Авраамий остался при войске.

19 августа, не доходя верст пять до Москвы, Пожарский за поздним часом остановился на берегу Яузы, а наперед отрядил к Арбатским воротам разведчиков, чтобы выбрать место для лагеря. Тщетно князь Трубецкой присылал звать его к себе в таборы: воеводы продолжали не доверять казакам. На следующее утро сам Трубецкой с своими людьми встретил ополчение и снова звал Пожарского в свой острог; но тот снова отказался расположить свое войско вместе с казаками. Он устроил собственный стан у Арбатских ворот Белого города, где поставил острог и укрепил его валом. Видя такое к себе недоверие, князь Трубецкой и казаки с этого дня начали питать нерасположение к Пожарскому, Минину и ко всей их рати. Вместе с прибывшими ранее отрядами второе ополчение заняло целый полукруг Белого города от Петровских ворот или от речки Неглинной до Алексеевской башни, стоявшей у реки Москвы (на Остоженке). Противоположный полукруг занимали казачьи таборы.

Судьбе было угодно, чтобы ополчение прибыло в самое нужное время; еще один день промедления, и было бы уже поздно. Когда Пожарский укреплялся в своем стане, литовский гетман подошел к Москве и остановился на Поклонной горе.

Карл Ходкевич знал о сборе нового ополчения и его движении к столице; знал также о его задержке в Ярославле, внутренних несогласиях, и, вероятно, рассчитывал в особенности на предательство Заруцкого; а потому не спешил собственным прибытием, стараясь собрать возможно более войска и съестных припасов. Наконец ему удалось получить подкрепления: король прислал пятнадцать хоругвей; несколько панов привели свои отряды, а, главное, пришли черкасы или украинские казаки в числе восьми тысяч, под пред-

водительством какого-то Наливайки. Всего войска было у гетмана теперь тысяч до пятнадцати, и он смело двинулся на выручку гарнизона, рассчитывая превосходством вооружения и воинского искусства одолеть хотя гораздо более многочисленное, но нестройное, плохо вооруженное и не обученное военному делу русское ополчение, страдавшее притом розныю между казачеством и земством. Но это земство было теперь одушевлено, во-первых, страстным желанием отстоять православие и очистить свою родину от беспощадных и ненавистных врагов, а, во-вторых, сознанием, что оно собрало, можно сказать, последние силы, последних людей, что им неоткуда ждать помощи, что одна надежда только на Бога и на самих себя, что следовательно остается только победить или умереть.

Поутру 22 числа гетман Ходкевич стал переправляться через Москву-реку под Новодевичьим монастырем. Трубецкой, стоявший за рекой у Крымского двора, прислал к Пожарскому просить конных сотен на помощь. Тот послал ему пять отборных сотен. Но вместо того, чтобы ударить во фланг или в тыл полякам, Трубецкой остался в бездействии и допустил их совершить переправу; после чего они отбили от берега русскую конницу. Пожарский велел всадникам сойти с коней и биться пешими; но поляки взяли верх и потеснили русских с поля. Навстречу им вышел польский гарнизон и ударил на Чертольские ворота, через которые мог быть введен обоз с припасами; однако московские стрельцы отбили гарнизон, у которого, по словам одного из начальников (Будила), от голода истощились силы до такой степени, что и руки, и ноги отказывались служить. Меж тем как ополченцы Пожарского отступали перед натиском Ходкевича, Трубецкой продолжал смотреть на бой сложа руки; а казаки его еще глумились над ополченцами и кричали: «Богаты пришли из Ярославля! Пусть одни отбиваются от гетмана!» Но пять означенных сотен не выдержали и, несмотря на запреты князя Трубецкого, поскакали на помощь своим. За ними самовольно последовали несколько казачьих атаманов с своими отрядами, сказав князю: «От ваших несогласий Московскому государству и ратным людям приключается пагуба». Удар этих свежих сотен на врагов поддержал ополченцев,

которые около Тверских ворот остановились и посреди развалин Деревянного города вступили в отчаянный бой. Из многочисленных ям, из-за печей и других обгорелых остатков жилищ на поляков посыпались со всех сторон меткие выстрелы; враги замешались, а потом, в свою очередь, подались назад и к вечеру отступили. В эту ночь один московский изменник провел 600 польских гайдуков берегом Москвы-реки, так что они захватили острожек у церкви Егория на Яндове и доставили гарнизону несколько запасов. На следующий день гетман передвинул свое войско к Донскому монастырю и отсюда 24 числа повел новую атаку из Замоскворечья с целью пробиться в Кремль, чтобы ввести туда съестные запасы и подкрепление.

Трубецкой стал у Лужников, а Пожарский у Ильи Пророка Обыденного; часть войска он разместил во рву вдоль бывших стен Деревянного (или Земляного) города, а впереди их выставил конницу. Долго сопротивлялись русские; но гетман, понимая всю важность момента, действовал с большою энергией: он ударил всеми силами, смял передние русские полки и втоптал их в Москву-реку. Казаки Трубецкого вяло помогали ополчению и наконец стали уходить в свои таборы. В это время поляки прогнали казаков из острожка у церкви Климента папы римского, ввезли в него часть запасов и распустили над ним свои знамена. Когда казаки увидали эти знамена и вошедший в острожек обоз, им сделалось стыдно своего поражения и, кроме того, в них разгорелась жажда добычи. Они воротились и начали снова добывать острожек. Но, видя, что дворяне не спешили к ним на помощь, казаки начали роптать; говорили, что помещики богатятся своими имениями, а они наги и голодны; а потому зарекались вперед идти на бой с врагами. Эту рознь неприятель хорошо заметил и занялся расчисткой пути от загромождавших его развалин и всяких препятствий, чтобы ввести запасы в Кремль.

В такую критическую минуту князь Пожарский послал за келарем Авраамием, который с духовенством у обыденного храма Пророка Илии совершал молебен о даровании победы. Князь и Козьма Минин с плачем просили старца идти и убеждать казаков, без помощи которых невозможно

было одолеть врагов. Авраамий в сопровождении некоторых дворян поспешил к казакам. Сначала он остановился у помянутого Климентова острожка, где при виде многих побитых людей осыпал похвалами мужество казаков, их терпение к ранам, голоду, наготе и крепкое стояние за православную веру; говорил об их славе, распространившейся по дальним странам, и умолял идти на неприятеля, взяв себе за ясак или боевой клик чудотворца Сергия. Казаки, умиленные его речами, обещали все скорее умереть, чем воротиться без победы, и просили старца с такими же речами идти в казачьи таборы. Келарь пошел далее и против церкви Никиты Мученика увидал толпу казаков, переправлявшихся через Москву-реку, чтобы воротиться в свои таборы. Он к ним обратился с тем же горячим словом и так их одушевил, что все они повернули назад и устремились в бой с криком: *Сергиев! Сергиев!* Келарь пришел в самые их станы, где казаки занимались, кто питьем, кто игрою в зеро. Увещания и мольбы старца и здесь так подействовали, что все казаки схватили оружие и с тем же криком ринулись на врагов. Эти толпы босых, оборванных, но одушевленных бойцов тотчас изменили ход сражения. Климентов острожек был взят обратно, а занимавшие его литовские люди и венгры перебиты; неприятельский обоз, пробиравшийся в Кремль, русские разорвали и переднюю часть его забрали; русская пехота засела по ямам и в крапиве, чтобы не пропустить гетмана в город. В этой битве отличился и Козьма Минин. По его просьбе Пожарский дал ему три дворянские сотни, да сотню служившего в ополчении ротмистра Хмелевского. Переправясь через Москву-реку, Минин ударил на две литовские роты, одну конную, другую пешую, стоявшие у Крымского двора. Обе роты обратились в бегство. Затем русская пехота вышла из ям и крапивы и дружно вместе с конницей потеснила неприятелей.

Видя полную неудачу, Ходкевич отступил в свой лагерь к Донскому монастырю. Русские дошли до рва Деревянного города; многие хотели выйти за ров, чтобы продолжать бой и доконать врагов. Но осторожные начальники их не пустили, говоря, что в один день не бывает двух радостей и надобно благодарить Бога за достигнутый успех; они велели толь-

ко стрельцам и казакам поддерживать непрерывную пальбу, чтобы еще более устрашить врагов. Неприятельское войско всю ночь не слезало с коней, ожидая нападения; а поутру гетман покинул свою позицию и передвинулся на Воробьевы горы. Простояв здесь около двух дней, он дал знать осажденному гарнизону, чтобы тот потерпел еще три недели, обещая прийти ему на помощь с новым более многочисленным войском, и 28 августа, терзаемый гневом и стыдом, ушел по Можайской дороге. С великою скорбию осажденные смотрели со стен Кремля и Китай-города с одной стороны на удаляющегося гетмана, а с другой на русское ополчение, которое замкнуло их со всех сторон и даже отняло у них Москву-реку. Перед ними поднимался призрак страшного голода со всеми его ужасами.

Узнав, что неприятельские отряды намерены как-нибудь нечаянно проскользнуть со съестными припасами в город, русские воеводы велели вокруг него копать рвы, плести плетни в два ряда и середину между ними засыпать землею; день и ночь вели эту работу, пока не окончили ее; чем пресекли всякую возможность подвоза. Но области продолжали страдать от разных литовских шаек. Так часть черкас покинула Ходкевича на его обратном походе и бросилась на север, где между прочим разграбила и сожгла посады около Вологды.

В сентябре месяце князь Пожарский обратился с увещаниями к польско-литовскому рыцарству. Он отправил письмо, но не к Струсю, а к полковникам Будиле и Стравинскому, которых убеждал не слушать более Струся и изменника Федьку Андронова с товарищами, не ожидать напрасно новой помощи от гетмана, не надеяться на рознь земцев с казаками, а сдаться в плен и сохранить свою жизнь. От имени означенных полковников и их товарищей получен был высокомерный ответ, наполненный хвастливыми словами о своей рыцарской доблести и укорами русских в трусости и вероломстве, особенно в измене той присяге, которую они принесли царю Владиславу; причем сам Пожарский назван был «архибунтовщиком». «Мы не закрываем от вас стен; добывайте их, если они вам нужны, — говорилось в «ответе; — а напрасно царской земли шпынями и блинниками не пустошите. Лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих

людей: пусть хлоп по-прежнему возделывает землю, поп знает церковь, а Кузьмы занимаются своей торговлей». Но подобные ответы, свидетельствуя о школьном знакомстве их авторов с риторикой и спартанскими преданиями, слишком не соответствовали действительному положению дел.

Из письма Пожарского видим, что осажденные главным образом рассчитывали на выручку, обещанную гетманом, а отчасти надеялись на раздоры в русском лагере и на повторение ляпуновской истории. Они забывали, что Трубецкой хотя и заводил разные пререкания, но не был способен заменить Заруцкого в деле предательства и тайных козней. По удалении Ходкевича нелады между земством и казачеством действительно повторялись и не раз грозили важными последствиями; однако вовремя прекращались усилиями добрых и благочестивых патриотов.

Князь Трубецкой хотел, чтобы Пожарский и Минин ездили к нему в таборы для совещаний и разбора земских дел. Но те не забывали участи Ляпунова и отказались. Таким образом хотя правительственные грамоты выходили теперь за общею подписью двух воевод, Трубецкого и Пожарского; однако разряды у них были отдельные. Только в октябре месяце по приговору всей рати один общий разряд и все приказы поставлены на речке Неглинной, на Трубе, т.е. в промежутке между таборами казачьими и ополченскими. Тогда и дело осады пошло успешнее. В нескольких местах устроили туры с нарядом (батареи), именно у Пушечного двора (на Неглинной), в девичьем Георгиевском монастыре и у Всех Святых на Кулишках; из этого наряду начали постоянно бить по Кремлю и Китай-городу, стараясь, однако, не повредить находившихся там храмов. Из осажденного города стали выбегать в стан осаждающих разные люди, русские, литовские и немецкие; они свидетельствовали о свирепствовавших там тесноте и голоде, от которых умирает много людей: хлеба совсем не осталось; осажденные едят уже собак, кошек, мышей, всякую падаль и мертвечину, даже человечину. Подобные известия, разумеется, укрепляли русских воевод в надежде на то, что оборона близится к концу.

От этого времени дошел до нас целый ряд правительственных грамот за подписью князей Трубецкого и Пожар-

ского в разные города. Они извещают о положении дел под Москвою; приказывают укреплять места и вообще принимать меры воинской предосторожности против неприятельских шаек; главным же образом настаивают на неуклонной доставке шуб и съестных припасов под Москву для ратных людей. Особенно много забот причиняли казаки постоянными жалобами на недостаток кормов и неплатеж жалованья. Отсюда нередко возникали новая рознь между двумя главными воеводами. По сему поводу имеем грамоту, написанную, очевидно, троицким духовенством, обращенную к двум князьям, Трубецкому и Пожарскому, с увещанием быть им в соединении и любви, ради блага всей Русской земли, и с обильными ссылками на разные места Св. Писания. Обращаясь к современному состоянию родины, сочинители грамоты восклицают: «Кто убо не восплачет нас тако прилежащих? Кто не возрыдает нас, тако запустевших? Кто не восплачет толикое наше ослепление гордостное, яко предахомся в руки враг, беззаконных Лютор и мерзких отступников Латын, и неразумных и варварских язык Татар, и окрут борющих и обидящих нас злых разбойник и Черкас?»

Троицкая Лавра не одними письменными увещаниями старалась умиротворить и привести к единению разные части русского ополчения. Однажды казаки так ожесточились на дворян и детей боярских, упрекая их в стяжании многих богатств, а себя называя нагими и голодными, что хотели разойтись в разные места, а некоторые предлагали побить дворян и разграбить их имущество. Узнав о том, архимандрит, келарь и соборные старцы учинили совет и, за неимением наличных денег, решили послать казакам дорогую церковную рухлядь, ризы, стихари и епитрахили, саженные жемчугом, в виде заклада, пока монастырь соберет деньги, чтобы выкупить вещи. Вместе с закладом послана была и увещательная грамота, умолявшая довершить подвиг своего страдания и не отступаться от Московского государства; причем она осыпала похвалами службу и терпение казаков. Когда эту грамоту прочли перед всем войском, казаки были растроганы; отослали ризы назад в монастырь с двумя атаманами и ответным писанием, в котором обещали исполнить все по прошению архимандрита и старцев, не отходить от

Москвы, не взявши ее и не отомстивши врагам за христианскую кровь.

Меж тем время текло, а о какой-либо помощи гарнизону не было и слуху. Несмотря на тесное обложение города, осажденные находили возможность посылать гетману и королю известия о своем отчаянном положении и даже получать ответы. Но ответные похвалы их мужеству, обещания наград, убеждения терпеть и ждать, конечно, не могли помочь делу. Голод достиг ужасающих размеров: съели пленных, принялись вырывать из земли тела умерших, за людьми охотились, как за дичью. Один поручик съел двух своих сыновей, другой съел собственную мать, третий своего слугу; сын не щадил отца, отец сына; об умершем родственнике или товарище шел спор, кто имел более прав на его съедение. Несмотря на крайнее истощение, едва держащие в руках оружие, осажденные еще имели силы отбить несколько приступов. Однако они так ослабели, что русские взяли Китай-город, и первое, что они здесь нашли, были чаны с соленым человечьим мясом. Из Китая поляки ушли в Кремль. Чтобы уменьшить тесноту и голод в Кремле, они выпустили из него боярские семьи, т.е. жен, детей и прислугу с некоторою рухлядью. По просьбе мужей, боярынь приняли Пожарский и Минин и отвели в свои станы, а казаки сильно злобились на то, что им не дали ограбить сих боярынь.

Сидевшие в Кремле русские изменники, особенно Федор Андронов, более противились сдаче, чем сами поляки; ибо боялись жестокой казни за свою измену. Но наконец и их перестали слушать. Сам Струс, все время державший себя героем, предложил товарищам сдачу. Поляки 24 октября предварительно выпустили из города московских бояр с Фед. Ив. Мстиславским во главе. Опять Пожарский и Минин выстроили ополчение в боевой порядок, и приняли с честью бояр в свои станы; казаки тоже вышли с оружием и знаменами, и едва не вступили в бой с ополчением за то, что им не дали грабить бояр. На следующий день ворота Кремля растворились. Русские двинулись в город отрядами с разных сторон. Все отряды сошлись на Лобном месте. Тут духовенство отслужило благодарственный молебен, имея во главе троицкого архимандрита Дионисия со стороны осаждавших,

а со стороны осажденных греческого Элассонского архиепископа Арсения, который тогда занимал в Кремле место русского архипастыря. Он пришел из Кремля со всем освященным собором, со крестами, иконами и с главною святынею московскою, иконою Владимирской Богородицы, один вид которой привел в умиление все православное воинство. После молебна ополчение вступило в Кремль, где оно с ужасом смотрело на чаны с человеческими трупами, на поруганные и оскверненные всякою мерзостию церкви, рассеченные на части образа с продырявленными очесами, ободранные и разоренные престолы и т.п.

Пленные поляки были поделены между ополчением и казачеством: полк Будилы достался на долю первым, а Струся вторым. Вопреки клятвенному договору, казаки все-таки перебили часть пленных. Самого Струся заключили под стражу в Чудове монастыре; Будилу и Стравинского взял себе Пожарский и отослал с некоторыми товарищами в Нижний Новгород; других заключили в Балахну, Ярославль и иные города. Там озлобленное против поляков население тоже частию избило пленных. В Нижнем хотели побить Будилу и его товарищей; но их спасла княгиня Пожарская, мать Димитрия Михайловича, упросив народ иметь уважение к присяге и службе ее сына. Пленников засадили в каменную тюрьму. Русские бояре-изменники, по-видимому, были оставлены в покое; только Федор Андронов, судя по некоторому известию, был потом повешен.

Князь Трубецкой занял в Кремле двор Бориса Годунова; а князь Пожарский расположился на Арбате во Воздвиженском монастыре. Они продолжали составлять временное правительство; возобновили приказы и вели всякую земскую расправу. Москву стали очищать от трупов и развалин; а возвращавшиеся жители принялись за стройку и обновление своих домов. Служилые люди, думая, что все покончено, начали разъезжаться по домам. Но труднее всего было удовлетворить казачество: оно требовало, чтобы ему отданы были и те небольшие остатки царской казны, которые уцелели от расхищения в кремлевских кладовых стараниями бояр. Но князь Пожарский и Минин успели взять эти остатки под охрану земской рати. Отсюда вновь возникли ссо-

ры и не раз казаки хотели побить земских начальников. Только грозная весть о новом приближении польского войска, с самим Сигизмундом во главе, заставила прекратить раздоры и опять готовиться к дружному отпору.

Но слухи преувеличили опасность.

Король, долго собиравшийся в поход, склонился на убеждения Ходкевича и некоторых других панов, и наконец выступил из Вильны вместе с сыном Владиславом. Хотя ему удалось собрать незначительное войско; но он рассчитывал застать поляков еще в Москве и подействовать появлением Владислава, которого русские бояре ожидали так настойчиво и долго. Король и Ходкевич прошли уже Вязьму, когда дорогою вдруг получили известие о сдаче Москвы и гибели польского гарнизона. Тем не менее они продолжали поход и осадили сначала Погорелое Городище, а потом Волок Ламский, где главным воеводою был Ив. Конст. Карамышев; гарнизон, состоявший преимущественно из казаков, мужественно оборонялся. Король послал Адама Жолкевского с легким конным отрядом под Москву; при отряде находились князь Дан. Мезецкий и дьяк Граматин, которые должны были войти в переговоры с начальниками русской рати и убедить их к признанию Владислава. Но московские воеводы не хотели и слышать о переговорах и заставили этот отряд уйти назад. (Сам Мезецкий вскоре покинул поляков и уехал в Москву.) Никто в Московской земле уже не признавал царем Владислава; никто не приходил к нему на помощь. Напротив, везде население готово было встретить его с оружием в руках, а шайки вольницы или шишей препятствовали фуражирам добывать продовольствие в стране и без того в конец опустошенной. Видя полную неудачу своего предприятия, Сигизмунд отступил от Волока Ламского и ушел в Польшу.

*

Итак, важнейшая и труднейшая задача была исполнена: Москва очищена от неприятелей и снова стала средоточием самобытной русской государственной жизни. Оставалось теперь довершить дело обновления сей последней всенародным земским избранием царя, без которого была немысли-

ма и сама эта жизнь в понятиях русского человека. Народ выражал явное нетерпение по сему поводу.

Уже при ополчении князя Пожарского, как мы видели, состоял род Земской думы, которая собралась во время долгого пребывания его в Ярославле. Но, очевидно, это была далеко не полная Дума, заключавшая в себе представителей тех областей, которые прислали в ополчение свои вспомогательные отряды. Последним актом сей Думы было распоряжение о созыве Собора «для земского совета и государева избранья». Во все города Московского государства разосланы были грамоты с приказом прислать в Москву от всяких чинов людей, т.е. духовных, дворян, детей боярских, гостей, посадских, служилых и уездных, от каждого города лучших по десяти человек или «поскольку пригоже». Созывные грамоты разосланы были приблизительно в первой половине ноября 1612 года; а в декабре и в январе следующего, 1613 выборные из городов постепенно съехались в Москву. Собралась Великая Земская дума, самая знаменитая из всех московских собраний такого рода и самая продолжительная.

Великая дума началась усердными молитвами в Успенском соборе у гробов московских угодников и трехдневным постом. Затем открылись совещания об избрании царя. Тут прежде всего представился вопрос об иноземных принцах: были и такие боярские голоса, которые напоминали о присяге, данной Владиславу; еще более явилось сторонников шведского королевича Филиппа, за которого стоял Великий Новгород с своим архиепископом Исидором. Но возбуждение против иноземцев вообще было уже так велико, что с этим вопросом покончили скоро: и решили не выбирать никого из иностранцев наравне с Маринкиным сыном, а выбрать государя из коренного православно-русского рода. Этот приговор значительно облегчал задачу; но предстояло еще немало труда, чтобы разрешить ее удовлетворительно и окончательно.

На Соборе голоса разделились между несколькими знатными московскими родами, каковы: Мстиславские, Голицыны, Воротынские и Романовы. По некоторым свидетельствам, в числе кандидатов появились даже главные вожди ополчения, освободившего Москву от поляков, т.е. князья

Трубецкой и Пожарский. Впрочем, это более косвенные свидетельства, чем прямые.

Были, вероятно, другие претенденты, о которых источники не сохранили нам указаний. Немало времени прошло в спорах и пререканиях между партиями, на которые разбился Собор. По свидетельству летописцев, некоторые вельможи прибегали к подкупам и не щадили своего имущества на раздачу даров, а еще более не скупились на обещания. Но мало-помалу число претендентов стало уменьшаться. Одни сами отказались от своей кандидатуры. Так князь Ф.И. Мстиславский, будучи человеком пожилым и бездетным, и прежде в подобных случаях не поощрял своих сторонников, а теперь, по всем признакам, уклонился окончательно. То же, вероятно, сделал скромный князь Пожарский, когда увидал, что не может иметь успеха как представитель захудалого рода. Князья И.М. Воротынский (на пиру у которого заболел Михаил Скопин) и Д.Т. Трубецкой, хотя принадлежали к знатным родам, а последний считал себя спасителем отечества, но они не имели за собою любви народной; а потому, не получив поддержки, волею-неволею должны были тоже устраниться. Таким образом, наиболее степенная кандидатура сосредоточилась, собственно, около двух боярских семей: Голицыных и Романовых; первые принадлежали к потомкам Гедимина, а вторые были коренного русского происхождения. Очевидно, на них уже давно указывало общественное мнение: недаром же сообразительный гетман Жолкевский постарался устранить их как опасных соперников королевичу Владиславу, отправив послами к королю главных представителей этих двух семей, т.е. князя В.В. Голицына и митрополита Филарета. Мы видели, что по свержении Шуйского Гермоген прежде других предлагал избрать князя В.В. Голицына. В числе его многочисленных приверженцев находим братьев Ляпуновых. Пожарский отзывался о том же князе, как о таком столбе, за которого все бы держались. Подобные отзывы свидетельствуют, собственно, о личном глубоком уважении к Голицыну; но в народе не видим такого уважения, и естественно: князь Василий Голицын, при своем уме и способностях, не ознаменовал себя в Смутную эпоху никакими выдающимися подвигами; все вре-

мя царствования Шуйского он интриговал против него и заводил крамолу. Только во время своего посольства к Сигизмунду и во время плена он, наряду с Филаретом Никитичем, своею твердостью и патриотизмом возбуждает к себе сочувствие. Но именно этот плен и служил главным препятствием к его избранию; а за его отсутствием никто из братьев не мог его заменить: Андрей был убит поляками; Иван же, по-видимому, представлялся личностию слишком незначительною. Поэтому и голицынская кандидатура в конце концов была отстранена. Следовательно, оставались только Романовы. Филарет Никитич, томившийся в том же плену, как монах, все равно не мог занимать престол. Из его братьев в живых оставался только Иван Никитич, который находился еще в цвете лет. Однако партия Романовых не его выставила своим кандидатом, а его племянника Михаила Федоровича. Гетман Жолкевский, конечно, предвидел, что Иван Никитич не будет опасным соперником Владиславу; но он ошибся, считая Михаила Федоровича еще слишком юным, чтобы явиться претендентом на московский престол. А между тем ранняя юность Михаила и послужила едва ли не главным условием, обратившимся в его пользу.

При этом не надобно забывать, что польские начальники, спровадив Филарета Никитича к Сигизмунду, отнюдь не оставили в покое или на свободе его семью. Иван Никитич, старица Марфа и ее сын Михаил удержаны были в столице как бы в качестве заложников, и тут, живя в Кремле вместе с другими боярскими семьями, они принуждены были выдерживать все ужасы осады сначала от ополчения Ляпунова, а потом Пожарского. Любопытно, что остававшийся в Москве член фамилии Голицыных Андрей Васильевич, очевидно считавшийся опасным, был просто убит поляками, а Михаил Феодорович Романов выпущен ими здравым и невредимым. Нельзя не признать в этом случае действия высшего Промысла, который бодрствовал над своим избранником.

В его пользу сложилась теперь целая совокупность разных условий.

Во-первых, всякий выдающийся боярин зрелых лет волею-неволею принимал участие в событиях Смутного вре-

мени, имел за собою немало грехов и, во всяком случае, более или менее бурное прошлое, принадлежал к той или другой партии, имел не только сторонников, но и много противников или завистников; иной не один раз присягал или изменял присяге. Вообще бояре неохотно подчинились бы кому-либо из своих товарищей, с которым они привыкли обращаться на равной ноге. Другое дело юноша, только что выходивший из отроческих лет, не причастный никаким кровавым событиям и партиям, никаким прошлым грехам и не имевший личных врагов. Следовательно, его кандидатура менее других могла встретить недоброжелательства и противодействия между боярами. Во-вторых, огромное большинство средних классов и простого народа должно было решительно оказаться на стороне Михаила Феодоровича, потому что он принадлежал к любимой и всеми уважаемой семье, несчастия которой и несправедливо претерпенные гонения еще усилили народное к ней расположение или так называемую популярность. В-третьих, в глазах народа большое значение имело его родство с последними государями из династии Владимира Великого. Отец его приходился двоюродным братом царя Феодора Ивановича, племянником царицы Анастасии и сыном Никиты Романовича; а обо всех этих трех лицах сохранилась в народе самая светлая и теплая память. Это родство и близость к угасшему любимому царскому дому, как известно, в глазах народа представлялись столь важным условием, что кандидатура Романовых уже при кончине Феодора выдвигалась на передний план; но интриги и властное положение Бориса Годунова успели тогда ее устранить. А теперь, по окончании неудачных опытов с Годуновыми и Шуйскими, она выступила с новою и еще большею силою. В-четвертых, среди бояр не оказалось более ни одной фамилии, которая могла бы соперничать с Романовыми. Самые могущественные из них Годуновы и Шуйские в свое время достигли престола, но не удержались на нем и уже навсегда были устранены; а Мстиславские, Воротынские и даже Голицыны, несмотря на попытки, должны были также устраниться по вышеуказанным причинам.

Хотя сама по себе фамилия Романовых в то время была очень небольшая (три мужские члена); но она имела много-

численных родственников и свойственников, особенно по женской линии, каковы: Шереметевы, Салтыковы, князья Сицкие, Черкасские, Катыревы-Ростовские, Львовы и некоторые другие; со своими клиентами и приятелями они составляли значительную партию. Во главе ее очутился боярин Федор Иванович Шереметев (женатый на княжне Черкасской, племяннице Филарета Никитича). Он был одним из наиболее прославившихся в Смутное время воевод и состоял членом временного боярского правительства; а во время московской осады ополчениями Ляпунова и Пожарского, ведая дворцовым приказом, он оберегал царское казнохранилище и, несмотря на польские хищения, сумел уберечь кое-что из драгоценных вещей. Шереметев находился в переписке с Филаретом Никитичем и князем В. Голицыным, которые, хотя и были тогда польскими пленниками, но, очевидно, с живейшим интересом следили за событиями в отечестве, особенно за выбором нового государя. Филарет Никитич, конечно, получал постоянные и драгоценные для него известия о своей семье от Ф.И. Шереметева, на попечении которого, по-видимому, и находилась эта семья во время своего кремлевского сидения в осаде. Весьма возможно, что и самое охранение Михаила от польских покушений в эту эпоху является отчасти заслугою Шереметева, который как член временного боярского правительства был в ладах с польскими начальниками.

Из переписки Шереметева с Филаретом и Голицыным до нас дошли только некоторые отрывочные сведения. Но и по ним можем судить, как опытный, умный Филарет из далекого плена сумел руководить действиями своих родственников и приятелей и чрез них влиять на ход вопроса об избрании царя. Так имеем известие (шведа Страленберга) об одном письме Филарета Никитича, которое он из своего Мариенбургского заключения послал Ф.И. Шереметеву. В этом письме пленный митрополит советует, во-первых, хлопотать об избрании царя из собственной боярской среды, а во-вторых, поставить избранному разные условия, на которых тот должен царствовать; причем предлагает и проект самых условий, которые (по замечанию того же Страленберга) были составлены по польским образцам. По тому же известию

Шереметев прочел это письмо на Земском соборе, чтобы отклонить от Филарета подозрение в искательстве престола для его собственного сына. С их стороны, очевидно, эта была искусная тактика, показывающая, как хорошо Филарет знал обстоятельства, а главным образом настроение современного боярства, его помыслы и стремления, дело в том, что желание бояр ограничить царское самодержавие, несомненно возникшее вследствие тиранства Грозного, еще усилилось со времени тайных казней и гонений на знатные фамилии при Годунове; последующие избрания Шуйского и Владислава сопровождались, как известно, разными ограничительными в пользу бояр условиями; немало влияния оказывал при сем близкий пример польско-литовского строя. На московских бояр, конечно, соблазнительным образом влияли те привилегии и вольности, которыми владело польское и западнорусское панство. Особенно во время смуты, при оживленных обоюдных сношениях, несомненно в Москве возникали частые толки по сему поводу, которые возбуждали и поддерживали боярские вожделения.

Во всяком случае, Василий Шуйский не пользовался самодержавною властию, и боярство при нем уже успело высоко поднять свою голову. Поэтому вопрос об ограничении самодержавия, по всей вероятности, и во время избирательного Собора 1613 года был действительно возбужден и предрешен в среде собственно Боярской думы. Филарет Никитич и руководимый его наставлениями Федор Иванович Шереметев отнюдь не становились в разрез с таким настроением боярства, а, напротив, искусно им пользовались. Под рукой, при посредстве своих приятелей, Шереметеву нетрудно было внушить боярам мысль, что, благодаря юности и неопытности Михаила, думные бояре, в сущности, и будут правителями государства при нем, особенно если они свяжут его ограничительными условиями. И эта мысль, конечно, нравилась боярству. Если верить другому подобному же известию, то не без связи с указанною сейчас мыслию существовало письмо, отправленное Шереметевым к пленному князю В.В. Голицыну, главному сопернику Михаила. По словам одного лица, видевшего это письмо, там приблизительно говорилось следующее: «Выберем Мишу Романова;

он еще молод и разумом не дошел, и нам (т.е. боярам) будет повадно». Напрасно, некоторые отвергают достоверность сего показания. Положим, оно не передает точно содержание письма, а только приблизительный его смысл; но и этот смысл или эта тактика опять-таки вполне соответствовали обстоятельствам, т.е. боярским желаниям, и подтверждают, что, руководимый дальнозорким Филаретом Никитичем, Ф.И. Шереметев ловко проводил среди бояр кандидатуру Михаила. Означенное его письмо является также позолоченною пилюлею для князя Василия Голицына, как Михаилова соперника.

Как бы то ни было, мало-помалу к Михаилу пристало боярское большинство, т.е. самое главное влиятельное сословие, и все другие кандидаты постепенно устранились. По всем признакам, за него высказались наконец и освободители Москвы: Минин и Пожарский; что было весьма важно, ибо в их руках пока оставалось распоряжение значительною ратною силою.

Если руководителям стороны Романовых удалось привлечь к себе большинство даже неподатливых и завистливых бояр, то другие сословия склонились к ним еще легче. Духовенство, верное завету Гермогена, по-видимому, особенно было расположено к Филарету Никитичу и его сыну и своим влиянием в народе много ему способствовало. Некоторые высшие духовные лица рассказывали о бывших им видениях и откровениях, которые тоже указывали на Михаила Феодоровича; а народное воображение было так настроено, что подобные рассказы производили свое действие. Такой именно рассказ об откровении приписывается старшему духовному лицу, присутствовавшему на Соборе (Ефрему, митрополиту Казанскому, или Кириллу, митрополиту Ростовскому). Далее, по некоторым известиям, от ратных служилых людей, т.е. дворян, детей боярских и казаков, стали поступать на Собор письменные заявления в пользу избрания Михаила Феодоровича. Большую поддержку Ф.И. Шереметев нашел у московских обывателей, между которыми семья Романовых издавна пользовалась особым расположением. Авраамий Палицын рассказывает, что к нему на Богоявленское подворье приходили многие дворяне, дети боярские,

гости из разных городов, атаманы и казаки, приносили свои письма об избрании Михаила и просили его передать их желание боярам и воеводам; что он, как член Земской думы, исполнял с великою охотою. То же делали и некоторые другие члены; например, калужский гость Смирной и его товарищи представили Собору такие же письма от Калуги и Северских городов; один галицкий дворянин подал подобное же письменное изложение. Наконец такое же заявление сделал Собору какой-то донской атаман от имени казаков, которых тогда еще много стояло под Москвой.

Это совпадение заявлений от разных сословий подало повод к сочинению следующей легенды.

Князь Пожарский советовался с освященным собором, боярами и всяких чинов людьми о выборе царя и спрашивал: «Есть ли у нас *царское прирождение?»* (т.е. отрасль царского рода). Духовенство решило соборне молить Бога о милости и попросило сроку до утра. Наутро некий дворянин из Галича подал Земскому собору родословную выпись, в которой показывал близкое сродство Михаила Феодоровича с царем Федором Ивановичем и отсюда его право на престол. Но на Соборе были и недоброжелатели Михаила, которые грозно спросили: кто и откуда принес это писание? Вдруг является донской атаман и также подает выпис. Пожарский спрашивает атамана, о чем гласит его писание. «О природном государе Михаиле Феодоровиче», — отвечает тот. Прочли оба писания, которые оказались вполне сходными. Увидя такое неожиданное согласие дворян с казачьим атаманом, Собор был удивлен и единодушно выбрал Михаила.

Итак, когда большинство голосов на Соборе было достаточно подготовлено, 7 февраля состоялось предварительное избрание Михаила Феодоровича. Но, по-видимому, все еще слышались многие голоса людей, противившихся сему выбору. Поэтому для большей крепости окончательный приговор отложили на две недели, поставляя на вид, что из городов еще не все выборные люди успели приехать на Собор. Отсутствовали и некоторые знатные бояре, отдыхавшие в своих вотчинах после испытанной ими совместно с поляками тяжкой московской осады; в их числе был и Ф.И. Мстиславский. Послали гонцов с просьбою поспешить прибыти-

ем как к этим боярам, так и по городам. Кроме гонцов, в ближние города и уезды поехали «верные люди», чтобы разузнать мнение жителей насчет Михаила Феодоровича, а может быть, и для того, чтобы повлиять на их мнение. Сии люди донесли, что везде его выбор встречается с великим сочувствием. Есть известие, что именно около этого времени Земская дума, желая лично узнать юношу Михаила, послала в Кострому к его матери двух дворян с просьбою немедленно отпустить своего сына в Москву. Старица Марфа, испуганная такою просьбою и втайне предупрежденная Шереметевым, отказалась ее исполнить. Собор, вероятно побуждаемый некоторыми недоброжелателями Романовых, обратился к самому Шереметеву, прося его убедить старицу. Но исполнение этой просьбы было не в видах Шереметева: он опасался, что крайняя юность, застенчивость, робость и неопытность Михаила могут произвести на Соборе неблагоприятное впечатление. Сам Филарет Никитич был по своему времени человеком очень образованным; но, рано оторванный от семьи, он не мог озаботиться образованием своего сына. Детство и отрочество Михаила проходили то в ссылке, то в деревне, то в московской осаде, и нам неизвестно даже, был ли он своевременно обучен грамоте. (Хотя последнее обстоятельство не могло быть тогда помехою для достижения престола: известно, что Борис Годунов, при всем своем уме и государственной опытности, грамотою не владел.) Во всяком случае, Шереметев не поддался на уловку недоброжелателей. Со слезами на глазах он отвечал, что совсем не желает вмешиваться в этот выбор, чтобы не сочли его человеком, который хлопочет более о своей родне, чем о благе государства. Его ответ произвел на собрание желательное впечатление. Оно еще более утвердилось в намерении остановить свой выбор на Михаиле Феодоровиче.

Окончательное соборное избрание совершилось 21 февраля в первое воскресенье Великого поста, т.е. в неделю Православия. Великая Дума собралась в Успенском соборе. Тут отобраны были письменные мнения от членов Думы, и, по словам современных свидетелей, в тот день единогласно оказался избранным Михаил Феодорович Романов. Главные руководители этого избрания сочли нужным для большей его

торжественности и прочности спросить еще мнение, собственно, москвичей и отрядили для того особую депутацию, которую составили рязанский архиепископ Феодорит, новоспасский архимандрит Иосиф, троицкий келарь Авраамий Палицын и боярин Вас. Петр. Морозов. Они пришли на Лобное место и обратились к народу с вопросом, кого он желает иметь царем. Народ, при своем расположении к семье Никитичей, еще подготовленный приятелями и помощниками Ф.И. Шереметева, громкими кликами заявил, что никого не желает, кроме Михаила Феодоровича Романова. Немедленно в Успенском соборе был отслужен благодарственный молебен; такие же молебны о долголетии новоизбранного государя с колокольным звоном служили по другим церквам и монастырям царствующего града. Затем началась присяга в Москве и городах по крестоцеловальной грамоте, уложенной Земским советом.

К Михаилу Феодоровичу и его матери снаряжено было от сего совета торжественное и многочисленное посольство. Во главе его поставлены частию те же лица, которые спрашивали народ на Лобном месте, а именно: архиепископ рязанский Феодорит, новоспасский архимандрит Иосиф и троицкий келарь Авраамий, кроме того, симоновский архимандрит тоже Авраамий, а из светских членов боярин Ф.И. Шереметев, князь Влад. Ив. Бахтеяров-Ростовский, Фед. Вас. Головин и дьяк Иван Болотников. С ними отправились выборные от всяких чинов Московского государства: стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, жильцы, дети боярские, гости, казачьи атаманы, стрелецкие головы и пр. Посольство снабжено было письменным подробным наказом, который точно определял, что нужно говорить Михаилу и его матери, как поступить на случай их отказа и что сказать в случае их опасения за участь митрополита Филарета. Кроме сего наказа послам вручили еще две грамоты для матери и для сына: в них излагались московские события последней эпохи и заканчивались они извещением о соборном избрании Михаила Феодоровича Романова. 2-го марта посольство выехало из Москвы.

Старица Марфа Ивановна и ее юный сын Михаил, освободясь из рук осажденных в Москве поляков, удалились в

свои вотчины, находившиеся в Костромском уезде; причем они с молитвенною целью посетили некоторые соседние монастыри; между прочим, ездили и в обитель Макарьевскую на р. Унже. Затем мать и сын мирно проживали в своем селе Домнине, расположенном в глухом лесном краю, в 70 верстах от города Костромы, и надеялись, что здесь они достаточно укрыты от военных бурь того времени и от вражеских нападений. Но эта надежда не оправдалась.

Польско-литовские шайки вместе с воровскими казаками еще свирепствовали в местах приволжских и даже заволжских. Между прочим, в 1613 году такие шайки нападали на пригород Солигалич, лежащий на р. Костроме, и на Железноборовский монастырь, отстоящий от села Домнина в 15 — 20 верстах. Неизвестно, одна ли из этих шаек или какая другая, в виду слухов об избрании Михаила Федоровича, задумала внезапным нападением захватить его в свои руки и направилась в ту сторону. Но ей нелегко было найти прямую дорогу в местности лесистой, ровной и занесенной снегом. Шайка попала в Деревнищи, один из ближних и принадлежавших Домнину поселков. Тут польско-литовские люди схватили обывателя, по-видимому деревнищенского старосту по имени Ивана Сусанина, расспрашивали его о местопребывании семьи Романовых и потребовали, чтобы он проводил их в Домнино. Сусанин, догадавшись, в чем дело, охотно согласился служить проводником; но, отправляясь в дорогу, успел послать своего зятя Богдана Сабинина к старице Марфе Ивановне с предупреждением об опасности и с советом спасаться скорее в Кострому. Он повел поляков такою дорогою, что Домнино осталось в стороне. Долгое время водил он их по лесам и замерзшим болотам; враги начали изъявлять подозрения, грозя Сусанину жестокими пытками и смертию. Когда же, по его расчету, Михаил был вне опасности, он объявил полякам истину, и принял от них мученическую кончину. *Так вероятно или приблизительно совершился его подвиг*, о котором история, к сожалению, имеет только или глухие, или косвенные свидетельства.

Как бы то ни было, старица Марфа уехала с своим сыном в Кострому; но они поселились не в самом городе, а укрылись за каменными стенами Ипатьевского монастыря, кото-

рый был основан в XIV веке мурзою Четом, предком Годуновых, и отделяется от города только рекой Костромой при самом ее впадении в Волгу.

13 марта прибыло в Кострому торжественное московское посольство, отправленное Великою Земскою думою. На следующий день после обедни оно, вместе с костромскими воеводами, духовенством, служилыми людьми и толпою обывателей, двинулось в монастырь при колокольном звоне, предшествуемое хоругвями и образами, в числе которых находилась почитаемая чудотворною икона Федоровской Богородицы. Марфа и ее сын встретили шествие у ворот обители и приложились к иконам. Услыхав, зачем приехало посольство, великая старица с плачем и гневом говорила, что она не благословит сына, и долго не соглашалась следовать за послами в монастырский Троицкий храм; едва ее умолили. Тут отслужили молебен, а затем подали Марфе и Михаилу соборные грамоты и начали излагать те речи, которые были написаны в посольском наказе. Архиепископ Феодорит и боярин Шереметев били челом и говорили поочередно о предшествовавших событиях Смутного времени и об избрании Михаила Федоровича на вдовствующий престол Московского государства с усильною просьбою поспешить своим прибытием в царствующий град. Выслушав их, Михаил с плачем отвечал, что у него и помышления не было о такой великой чести. Старица Марфа с гневом говорила, что сын ее еще не в совершенных летах, а «Московского государства всяких чинов люди по грехам *измалодушествовалися,* и, дав свои души прежним государям, служили им не прямо, изменяли». Видя их измены, клятвопреступления, убийства и поругания прежним государям, и прирожденному государю теперь трудно быть на Московском государстве. К тому же оно разорилось до конца от польских и литовских людей и от русских воров; сокровища царские вывезены, дворцовые села и черные волости розданы в поместья всяким служилым людям и запустошены, и кому приведет Бог быть на Владимирском и Московском государстве царем и великим князем, нечем жаловать служилых людей, исполнять свои царские обиходы, стоять против своего недруга польского короля и иных пограничных государей. И потому

еще она, старица Марфа, не может благословить своего сына на государство, что отец его митрополит Филарет находится у короля в Литве и тот может учинить над ним какое зло.

Послы стали усиленно молить Михаила и его мать, чтобы не призрили соборного приговора и челобитья и не взирали на примеры недавних государей, которые сели на государство или насилием, или обманом; а что «ныне Московского государства люди *наказалися* и пришли в соединение во всех городах, за христианскую веру хотят помереть, Михаила обрали всею землею и крест целовали служить ему и прямить и кровь за него проливать». А ради отца его митрополита Филарета Великая Дума посылает к королю посольство с предложением обменять его на многих польских и литовских людей. Старица и Михаил продолжали отказываться. Тогда архиепископ Феодорит взял за руки икону Федоровской Богородицы, а келарь Авраамий образ московских митрополитов Петра, Алексея, Ионы и вместе со всем народом стали «бить челом с великим воплем и со многим слезным рыданием». Архиепископ грозил, что Бог взыщет на них за будущее конечное разорение Московского государства, за поругание святых Божиих церквей, честных икон и многоцелебных мощей. Челобитье и переговоры продолжались с третьего часа дня до девятого. Наконец старица Марфа не устояла против всенародного моления и челобитья и, преклонясь перед чудными иконами, благословила сына на Владимирское, Московское и на все государства Российского царства. Михаил принял благословение и царский посох от архиепископа Феодорита и всего освященного Собора. Духовенство отслужило благодарственный молебен и провозгласило многолетие молодому государю. Молебны эти пелись потом в течение трех дней по всем местным церквам. С радостною отпискою о благополучном исполнении своего поручения послы отправили в Москву дворянина Усова и зарайского протопопа Димитрия. День 14 марта 1613 года должен навсегда остаться памятным в русской истории.

В этой повести об отказах и мольбах, происходивших в Костромском Ипатьевском монастыре и предшествовавших согласию Михаила на его избрание, нельзя не заметить не-

которые общие черты с тем, что происходило шестнадцать лет тому назад, т.е. 21 февраля 1598 года в Московском Новодевичьем монастыре, когда патриарх с крестным ходом пришел умолять Бориса Годунова о принятии короны. А потому, кроме весьма естественных страхов и опасений матери и сына принять избрание при таких печальных и трудных обстоятельствах, не должно забывать, что в сих трогательных сценах участвовал также и древний русский обычай. В силу этого обычая и понятий того времени, не следовало легко и скоро принимать вообще какой-либо выдающийся почет, а тем более столь высокую и многотрудную степень, каковую представляло царское достоинство.

19 марта Михаил Федорович с матерью, соборными послами и многими служилыми людьми выехал из Костромы; а на третий день прибыл в Ярославль. Тут он, подобно Пожарскому, оставался продолжительное время, пребывая в Спасском монастыре. С одной стороны, его задерживала весенняя распутица, а с другой, он не спешил ради многих неустройств, происходивших в Москве и вокруг нее, и выжидал, пока дела придут в больший порядок, и столица приготовится к должному принятию новоизбранного государя. Сюда съехались из соседних городов многие дворяне, дети боярские и торговые люди на поклон государю. Во все это время между ним и Великою Земскою думою происходили деятельные сношения и взаимная пересылка грамотами. Юный царь посылал разные предписания, а Собор приводил их в исполнение и обо всем его извещал. Главным предметом заботы служила, во-первых, оборона государства от поляков, шведов, Ивана Заруцкого и воровских шаек; для чего в Москве снаряжали служилых людей и посылали подкрепления угрожаемым местам. Во-вторых, велено было собирать отовсюду запасы в московские дворцовые помещения «для государева обихода» к его приезду; для чего во все дворцовые села рассылались писцы и сборщики. При сем не обошлось без большой докуки от дворян и детей боярских, которые в Смутную эпоху завладели многими дворцовыми имуществами; теперь же царские чиновники их отписывали обратно на государя. Немало беспокойств причиняли также разбойничьи и воровские шайки, которые производили

грабежи и убийства в окрестностях столицы и делали небезопасным самый путь между ними и Ярославлем. Обо всем этом государь писал Земской думе и требовал принятия надежных мер. Само собой разумеется, если возьмем в расчет крайнюю юность и неопытность Михаила Федоровича, то поймем, что все эти полезные и предусмотрительные распоряжения, исходившие от его имени, внушались его руководителями, т.е. матерью и боярином Шереметевым; им, по всей вероятности, помогали и другие члены московского посольства, например, архиепископ Феодорит, келарь Авраамий, дьяк Болотников и пр.

Только 16 апреля Михаил с своею свитою выехал из Ярославля и на другой день прибыл в Ростов. Здесь он промедлил несколько дней; потом остановился в Переяславле-Залесском и в Троицкой Лавре. Везде он вместе с матерью обходил «честные» монастыри, молился «чудотворным» иконам и кланялся «многоцелебным» мощам. С дороги государь не раз писал в Москву и изъявлял свое неудовольствие на то, что власти не принимали энергичных мер против разбойников и воров, которые продолжали грабить и убивать людей; чем отчасти объяснял замедление своего прибытия. Власти оправдывались, как могли. Земская дума прислала новое торжественное посольство с просьбою поспешить своим прибытием в царствующий град. Во главе посольства находились архиепископ суздальский Герасим, князь Воротынский, боярин Морозов, князь Мезецкий и дьяк Иванов. Оно приветствовало царя рано поутру 1 мая в селе Братовщине. На следующий день, 2 мая, в воскресенье, совершилось торжественное шествие Михаила и его матери в Москву. Их встретили за городом митрополит ростовский Кирилл со всем освященным собором и со крестами, бояре, дворяне и всяких чинов люди с женами и детьми. Они прибыли прямо в Успенский собор, где совершены были молебны; государь принял благословение от митрополита и архиепископов; пожаловал бояр и дворян и всяких чинов людей «велел быть у своей царской руки»; а они «здравствовали ему с радостнотворными слезами». Из Успенского собора он прошел в Архангельский поклониться гробам почивших государей, а отсюда в Благовещенский. Затем он расположился в разорен-

ном Кремлевском дворце в тереме царицы Анастасии Романовны; этот ветхий терем к его приезду власти кое-как успели привести в порядок; а для старицы Марфы приготовили хоромы в Вознесенском девичьем монастыре. В каком страшном разорении находились тогда не только город и посады московские, но и самый Кремль, о том наглядно свидетельствуют большие хлопоты о помещении новоизбранного государя. Сначала окружающие Михаила из Ярославля писали в столицу, чтобы для него приготовили палаты бывшей царицы Ирины Федоровны, а для матери его хоромы супруги Василия Шуйского. Но от Великой думы получился ответ, что те палаты и хоромы стоят без кровель, без полов и лавок, без дверей и окон; в казне денег нет, плотников и подходящего лесу тоже под рукой не имеется, и вскоре добыть их нельзя.

Когда прошли первые дни радости и торжеств, власти и всяких чинов люди били челом государю, чтобы он «венчался своим царским венцом». Государь «не призрил их молений». Торжественное венчание совершилось 11 мая в Успенском соборе. Перед выходом в соборную церковь государь сел в Золотой (расписанной по золотому полю) палате на царском месте и соизволил пожаловать в боярский сан двух стольников: свойственника семьи Романовых князя Ивана Борисовича Черкасского и знаменитого воеводу Димитрия Михайловича Пожарского. Обоим им пожалование сказывал думный дьяк Сыдавный Васильев; у сказки при Черкасском стоял боярин Вас. Петр. Морозов, а при Пожарском думный дворянин Гаврило Пушкин. И Морозов и Пушкин били челом, что им в этой сказке по своему отечеству быть невместно. Но государь ради своего царского венца указал им «быть без мест». Затем при распределении регалий князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой заспорил о том, что Ивану Никитичу Романову велено держать Мономахову шапку, а ему, Трубецкому, скипетр и что ему «невместно» быть менее Ивана. Государь сказал, что Иван Никитич ему по родству дядя, и тоже велел быть без мест. Были и другие случаи местничества; но также устранены приказом государя. Венчание происходило с обычными обрядами и церемониями. Его совершал Ефрем, митрополит Казанский и Свияжский.

При сем боярин Иван Никитич Романов держал корону или шапку Мономахову, князь Дим. Тим. Трубецкой — скипетр, Дим. Мих. Пожарский яблоко или державу, а дьяк Сыдавный Васильев — блюдо. После венчания старейший боярин князь Ф.И. Мстиславский три раза осыпал государя золотыми: в Успенских дверях, потом в дверях при выходе из Архангельского собора и после выхода из Благовещенского собора на Золотой лестнице подле Грановитой палаты. В этой палате устроены были пиршественные столы для духовенства, бояр, окольничих и думных людей. На следующее число, 12 июля, государь праздновал день своего ангела, и в этот день он пожаловал Козьму Минина в думные дворяне.

Что касается до ограничительных в пользу бояр условий, о которых, как мы видели, была речь еще в переписке Филарета Никитича с Ф.И. Шереметевым, то имеем ряд свидетельств о том, что Михаил Федорович перед своей коронацией утвердил запись, предложенную ему боярами в этом смысле. Но в каком виде существовала эта запись, наши источники не дают точного ответа на такой вопрос. По всем признакам, это была запись собственно боярская, которой осталась чужда Великая Земская дума; ибо в дошедшей до нас избирательной грамоте, подписанной членами этой Думы, о таковой записи нет и помину[24].

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Бурная эпоха русской исторической жизни, известная под именем Смутного времени, представляет в высшей степени важный, любопытный и поучительный предмет для наблюдений и выводов.

Главною причиною, вызвавшею этот мучительный перелом, или исходным его событием является прекращение древнего царствующего дома Владимира Великого, прекращение, подготовленное тиранством Ивана Грозного, не пощадившего и собственного потомства. В сущности, Иван Грозный и был непосредственным виновником Смутного времени, приготовив для него почву, с одной стороны, сыноубийством, а с другой, вообще своим необузданным деспотизмом. Если бы прекращение Владимирова дома произошло несомненным и для всех очевидным образом, тогда оно не могло бы иметь такого значения, какое получило в данном случае. Но оно осложнилось безвременною гибелью единственного отпрыска царствующей фамилии, т.е. Димитрия Углицкого. Его внезапная и, по всем историческим данным, насильственная смерть была окружена такими обстоятельствами, которые придали ей характер таинственности и сделали ее предметом разнообразных слухов и толков в народе, толков весьма неблагоприятных для лица, занявшего московский престол, т.е. для Бориса Годунова. А сей последний оказался не на высоте своего положения. С одной стороны, он не только не сумел примирить с своим возвышением притязательное московское боярство, но и прямо восстановил против себя значительную и наиболее

влиятельную его часть. С другой стороны, против него настроены были и низшие слои народа: среди сельского населения происходило сильное брожение, вызванное мерами закрепощения, переселениями на юго-восточные окраины и разорением северо-западных областей, служивших театром неудачных войн за Ливонию при Иване Грозном. Наиболее беспокойные и отважные люди из крестьян и холопов уходили в вольное донское и волжское казачество, которое именно в это время сделалось многочисленным и сильным; а при своем враждебном отношении к государственным порядкам оно проставляло готовую вооруженную силу для всякого отчаянного предприятия. Не одни крестьяне и холопы становились в ряды казачества; к ним приставали и многие из обеднявших посадских, особенно из приволжских городов. Даже и состоятельные люди городского сословия, напр., класс гостей, были недовольны Борисом Годуновым за его пристрастие к иноземным торговцам и те привилегии, которыми он их наделял.

Все эти обстоятельства хорошо были известны в Западной Руси и Польше, и там постарались ими воспользоваться, чтобы без труда расширить пределы Речи Посполитой на востоке, включив в них Смоленщину и Северщину, которые издавна составляли спорные земли между Москвой и Литвой. Современные заправилы Речи Посполитой, кажется, простирали свои виды еще на Новгород и Псков, а в случае легкого успеха могли рассчитывать и на большее. Чтобы низвергнуть Годунова и произвести смуту в Московской Руси, наилучшим средством к тому являлось самозванство — способ уже испытанный поляками в отношении их соседей. Внезапная и довольно таинственная кончина маленького Димитрия представляла для того весьма удобный повод.

Главным деятелем в этой гнусной польской интриге, повидимому, был литовский канцлер Лев Сапега, который нашел себе усердных сообщников в лице Мнишков, преследовавших свои личные цели, и связанных с ними родством Вишневецких. Самозванец, которого они выставили, при всем своем загадочном происхождении, представляет яркий тип ополяченного западнорусского шляхтича. По всем при-

знакам, Лев Сапега с самого начала действовал с ведома и согласия Сигизмунда III. По некоторым данным можно думать, что тот же Сапега во время своего продолжительного пребывания в Москве в качестве посла успел завязать какие-то тайные сношения с тою боярскою партией, во главе которой стояла семья Романовых; в тех же сношениях был замешан чудовской монах Григорий Отрепьев. Отсюда произошло их преследование со стороны Годунова. Римская курия и Иезуитский орден были привлечены уже к готовой польской интриге; а не были ее зачинщиками; они приняли участие в надежде распространить церковную унию из Западной России и на Восточную.

Руководители Самозванца при вторжении в московские пределы направили его именно на Северскую Украйну, которая отчасти тянула к Западной или Польско-Литовской Руси, и казачество которой находилось в живых связях, на одной стороне, в Запорожьем, на другой — с Доном. Поэтому вторжение увенчалось здесь блистательным успехом. В эту критическую эпоху Борис не показал ни находчивости, ни решительности; едва ли не главную свою защиту он построил на отождествлении Самозванца с Григорием Отрепьевым и на церковном проклятии сего последнего. Шатость в умах московской рати и явная неохота боярства сражаться за Годуновых довершили их падение, и тем более, что по смерти Бориса эта фамилия из среды своей не выставила ни одного способного, энергичного защитника. Масса собственно Московского населения увлечена была искреннею верою в подлинность Димитрия и своею исконною преданностию «прирожденным» государям. Но легкость, с которою досталась ему московская корона, внушила крайнюю самоуверенность этому отчаянному искателю приключений; у него закружилась голова, и крайне легкомысленным поведением он сам дал против себя оружие своим тайным противникам боярам, которые конечно, хорошо понимали обман и пользовались всяким случаем раскрыть глаза народу. Поэтому первый Лжедимитрий еще легче, чем Годуновы, пал жертвою боярского заговора и народного мятежа, вместе со многими окружавшими его поляками, не менее его легкомысленными. Гла-

ва этого заговора Василий Шуйский принадлежал к тем знатным фамилиям, которые притязали на вакантный московский престол, и он действительно захватил сей престол. Но этим актом закончился только первый период Смуты: раз начавшаяся, она не только не прекратилась, а благодаря союзу внешних врагов с внутреннею крамолою, продолжала действовать все с более разрушительною силою, пока не достигла своих крайних пределов.

Польские козни усилились. Те же две фамилии Мнишков и Вишневецких, при том же скрытом участии Льва Сапеги, выставили и второго Лжедимитрия; та же польско-шляхетская и казацкая вольница привела его к стенам Москвы. Хотя этот второй Лжедимитрий несомненно исповедовал православие, владел русскою грамотностию и вообще более походил на русина, чем первый Самозванец, однако в столице грубый обман уже настолько сделался известным, что масса московских обывателей гнушалась им и мужественно выдерживала продолжительную осаду со стороны тушинских таборов. Но в областях, где труднее было узнать истину и куда доходили самые разноречивые и превратные слухи, Тушинский вор имел более успеха; многие города признали его царем и доставляли помощь людьми, а особенно припасами.

В эту эпоху вскрылась и старая неприязнь к Москве со стороны некоторых покоренных ею областей, в особенности со стороны окраин: юго-западной, тянувшей отчасти к Польско-Литовской Руси, и юго-восточной, состоявшей из вновь завоеванных земель двух бывших татарских царств, Казанского и Астраханского. На северо-западе можно было ожидать столь же враждебного движения в древних вечевых общинах, Великом Новгороде и Пскове. Однако Новгород первое время оставался верен Москве; что указывает на действительность мер, принятых Иваном III и его преемниками для прочного водворения там московского строя. Только Псков резко проявил свою старую демократическую основу и долго сдерживаемую вражду к московским порядкам. В таких критических обстоятельствах Василий Шуйский обратился за помощью к сопернику польского короля, Карлу IX шведскому. Доблестный царский племян-

ник собрал северо-западное ополчение и, присоединив наемный шведский отряд, предпринял очищение государства от польско-казацких и русских воровских шаек. В это время на помощь законному государственному порядку выступила внутренняя духовная сила — Православная церковь. В столице ее стойким представителем явился патриарх Гермоген; а вне столицы выдвинулась Троицкая Лавра, сумевшая так поднять дух своих немногочисленных защитников, что они выдержали долговременную осаду от самого способного из польско-литовских предводителей, Яна Сапеги. Вместе с освобождением Лавры и самой Москвы от осады, казалось, государственный порядок, представляемый Шуйским, готов был восторжествовать над Смутой; хотя Сигизмунд III, вдохновляемый Львом Сапегой, уже лично выступил для ее поддержки и осадил Смоленск. Неожиданное обстоятельство — внезапная кончина Скопина — вновь повернуло события в пользу Смуты и против династии Шуйских. Если восстановление и очищение государства до такой степени зависели от существования одного только царского родственника, то ясно, что успехи его не были прочны, что внутренние причины Смуты еще находились в полном разгаре. Клушинский погром, свержение Василия, присяга Владиславу и занятие Москвы поляками заканчивают второй или средний период Смуты.

В следующий, третий, период бедствия Русской земли достигают крайних пределов. Смоленск и Новгород становятся добычею враждебных соседей. В самой столице водворилось двойное правительство, военно-польское и русско-боярское, действовавшее именем Владислава, но получавшее приказания от Сигизмунда III и литовского канцлера Сапеги. В областях свирепствовали шайки польские, казацкие и свои воровские. Но именно эти крайние бедствия и пробудили наконец в народе горячее желание прогнать врагов и восстановить государственный порядок, без которого невозможно было охранять ни свою веру, ни гражданское существование. Случайная гибель Лжедимитрия II или Тушинско-Калужского вора послужила благоприятным толчком к объединению народных желаний и стремлений. Державшиеся его области большею частию

воротились к единению с Москвою; для высших имущих классов вместе с ним исчезло демократическое пугало; а казаки, чернь и вообще хищные элементы утратили в нем свою опору. Главный почин в народно-православном противопольском движении принадлежал патриарху Гермогену. На его призывные грамоты отозвались почти все коренные великорусские области. В эту бедственную эпоху выступил на переднюю историческую сцену русский мир, т.е. старый общинный или вечевой склад русских городов и волостей. Предоставленные самим себе города и волости деятельно пересылаются гонцами и грамотами друг с другом; население сходится для общих или мирских советов на площадях, преимущественно у церковных папертей после богослужения; тут читают всенародно полученные грамоты, сообщают вести, обсуждают, составляют приговоры. Силою событий воеводы, дьяки, вообще назначаемые центральным правительством власти принуждены рядом с собою признать деятельное участие выборных земских людей в заправлении делами; а главное, в ведении последних находилось добывание военных средств, т.е. наряд людей, раскладка денежных сборов, доставка всякого рода припасов и т.п.

Первое ополчение, выставленное областями, нашло себе даровитого энергичного вождя в лице рязанского воеводы Прокопия Ляпунова. Оно стало добывать Москву из рук поляков. В то же время в областях образовались отряды собственно народных партизанов или так наз. шишей, которые объявили войну польским и воровским шайкам, и прерывали их сообщения. Но вместе с земским ополчением под Москвою действовали толпы казацкой вольницы, буйной и хищной, которая к тому же попала под начальство такого злонравного честолюбца-интригана, каким был атаман Заруцкий. Его неизбежное соперничество с Ляпуновым окончилось предательским убиением сего последнего, и дело освобождения столицы получило неблагоприятный оборот. Патриарх Гермоген был окончательно лишен свободы, а потому потребовались новые усилия и новые люди со стороны земства и духовенства. Русская земля сделала эти усилия и выставила этих людей.

Возбудительницею последнего народного движения явилась Троицкая Лавра, сиявшая теперь в глазах народа еще большим ореолом святости и подвижничества после выдержанной ею долгой осады. Новый ее архимандрит Дионисий, достойный ставленник патриарха Гермогена, усердно и умело продолжал его начинание, т.е. действовал на народ призывными грамотами, в которых красноречиво увещевал постоять за православную веру и за родину. Под влиянием этих грамот и произошло новое освободительное движение. Во главе сего движения стал Нижний Новгород; он находился в числе немногих городов, уцелевших во время Смуты от неприятельских разорений и погромов. Его, крепкое духом и телом, коренное великорусское население нашло среди себя вдохновенного человека в лице земского старосты Козьмы Минина, по голосу которого охотно понесло жертвы имуществом и личною службою для очищения Москвы от врагов. За Нижним последовали и другие города, преимущественно поволжские; древнее вечевое начало, мирские сходы и приговоры еще раз сослужили службу Русской земле и создали новое сильное ополчение. Это второе земское ополчение выбрало себе вождем князя Пожарского, который своею стойкостию, благоразумием и верностию долгу выдвинулся из всех московских воевод Смутного времени. Наученные предшествовавшими опытами, Пожарский и Минин повели дело обдуманно, основательно и осторожно. Самое казачество в конце концов захвачено было религиозным и народным одушевлением или так наз. подъемом духа и в критические минуты усердно сражалось рядом с земцами. На сей раз народное дело увенчалось успехом. Если мы вспомним, что речь идет о таком могучем и плотном племени, как великорусское, по сравнению с Польшей и Западной Русью, то поймем, что освободительное движение и не могло не увенчаться успехом, раз начали прекращаться гибельная рознь и шатание умов и наступила благодетельная реакция в пользу народного единения и против потворства иноземным насилиям. Минин и Пожарский — это такое явление, которое не один раз повторялось в истории при подобных условиях. В XV веке знаменитая Жанна д'Арк была создана также подъемом народного духа или страстным желанием французско-

го народа изгнать из своей родины угнетавших ее иноземцев — англичан.

Итак, после изгнания поляков из Москвы началось восстановление государственного здания. Но только с избранием царя могла окончиться Смута и наступить умиротворение земли; ибо русский народ, собранный воедино Москвою, успел уже настолько проникнуться монархическим началом, что без царя не мог себе представить никакого гражданского порядка; да и сама Смута поднята была, как известно, главным образом во имя «прирожденного» государя.

Тут снова выступила на переднюю историческую сцену все та же земская или мирская сила, но уже объединенная в лице выборных людей ото всей Русской земли, т.е. Великая Земская дума. Она занялась устроением земли, а главное, выбором царя. Кандидатов на престол явилось несколько. Испытав всю горечь иноземного вмешательства, Великая дума прежде всего устранила иноземных претендентов и решила взять царя из коренных русских и знатных родов. Но и все русские претенденты мало-помалу должны были устраниться перед юным отпрыском семьи Романовых. Напрасно предусмотрительный Жолкевский постарался обезоружить эту семью отправкою митрополита Филарета Никитича в числе великих послов к Сигизмунду III, который обратил их в пленников. Возвращаясь к избранию Михаила Федоровича, я считаю нелишним вновь и особенно подчеркнуть следующий свой вывод. Умный митрополит и из своего плена, по всем признакам, сумел влиять на ход вопроса о царском избрании посредством своих многочисленных родственников и приятелей. Но было бы ошибкою со стороны историка решительный успех партии Романовых приписывать по преимуществу ловкой тактике ее руководителей и вообще каким-либо личным проискам. Этот успех главным образом обусловился большим народным расположением к знаменитой семье или так наз. популярностию, которая еще возросла вследствие гонений и бедствий, претерпенных братьями Никитичами от Годунова. (Популярность Романовых подтверждается не только иноземными и русскими источниками, по и таким неподкупным свидетелем, как народная песня.) И другие претенденты также хлопотали, прибегали

к разным проискам, даже подкупам; однако их хлопоты ни к чему не привели, потому что не имели под собою благодарной почвы. Трудно сказать, что вышло бы, если бы родственники и приятели Романовых совсем бездействовали. Всякое дело, и самое справедливое, требует хлопот и стараний; но успех зависит от условий, сложившихся за или против него. А тут мы видим, что с момента прекращения династии Владимира Великого кандидатура Романовых, так сказать, висела в воздухе; но стечение разных неблагоприятных обстоятельств отдаляло ее осуществление.

Уже во время кончины Федора Ивановича Романовы в народном понятии стояли к трону ближе других боярских родов. Только власть, фактически находившаяся тогда в руках Бориса, помогла ему захватить корону. Шуйский также захватил власть потому, что фактически она очутилась в его руках; он был предводителем мятежа, низвергшего Самозванца, и ловко воспользовался минутою. Но, достигши престола, семья Годуновых и Шуйских сделались жертвами наступившей Смуты. Единственный, остававшийся серьезный соперник князь Василий Голицын, благодаря предусмотрительности Жолкевского, оказался в плену, и, собственно, путь к престолу для Михаила Федоровича был совершенно очищен. Некоторое разногласие и борьба партий, предшествовавшие его выбору, только ярче оттенили несостоятельность всех других претендентов и невозможность их бороться с народным голосом или влечением, которое решительно склонялось на сторону Романовых. Оттого-то и тактика руководителей их партии так легко удавалась и привела к желанному концу, несмотря на то что фактически власть и распоряжение ратною силою совсем не находились в их руках. Высшая власть в это время принадлежала Великой Земской думе, а ратную силу все еще ведали представители народного ополчения, князья Трубецкой и Пожарский, которые, вначале по крайней мере, отнюдь не были усердными сторонниками кандидатуры Михаила Федоровича.

Относительно ограничительных условий, предъявленных боярами, надобно полагать, что они действительно существовали. Это стремление знатных родов ограничить

царскую власть возникло вследствие неистовств Ивана Грозного и усвоенного им азиатского деспотизма. Тирания Бориса Годунова могла только подкрепить такое стремление. Тут несомненно влиял и соблазнительный пример Западной Руси, с ее польско-литовским строем, с ее шляхетскими вольностями и господством вельмож (можновладством). Поэтому естественными являлись выборы на известных условиях Василия Шуйского, королевичей Владислава и Филиппа и наконец Михаила Федоровича. Но меж тем как боярство заботилось о своих привилегиях, измученный бедствиями Смуты народ оставался чужд всяким ограничительным условиям и, не любя боярского многовластия, жаждал бесхитростного восстановления самодержавной царской власти; а потому таким умным людям, как Филарет Никитич, нетрудно было предвидеть недолговечность подобных условий, шедших в разрез с потребностями, привычками и понятиями великорусского племени. Эти умные люди, конечно, понимали, что только смута способствовала боярам ограничивать власть Василия Шуйского; но что в более спокойное время тот же Шуйский без особого труда мог бы обуздать боярские притязания, опираясь на консервативное земство.

Вообще на Смутное время можно смотреть как на историческое горнило или тяжелое испытание, ниспосланное русскому народу, которое он выдержал до конца и в котором еще более закалились его терпение и преданность Божественному Промыслу. От своих внешних и внутренних врагов в эту эпоху Русь освободилась одними собственными силами, без всякой посторонней помощи, как и от татарского ига. Смута дала возможность обнаружиться и высказаться всем отрицательным сторонам государственной и народной жизни и всем дурным сокам, накопившимся в течение предыдущего периода. Но напрасно было бы считать такое явление принадлежностью именно данной эпохи и объяснять его преимущественно испорченными нравами, как это делали некоторые писатели; то же самое явление приблизительно повторилось бы и во всякую другую эпоху при тех же обстоятельствах, т.е. шатание умов, измены и братание с врагами родины, если бы точно так же вы-

ступили на сцену действия безгосударное время, партийная борьба за верховную власть, экономически угнетенное положение низших классов и т.п. В свою очередь, и самое шатание умов порождалось, главным образом, непреодолимою для народа трудностию узнать правду, тою темнотой и тою путаницей, посреди которых приходилось действовать даже лучшим людям Смутной эпохи. Например, в настоящее время мы можем на свободе и при помощи исторической критики разобраться в показаниях разноречивых актов и свидетелей относительно первого Лжедимитрия. А каково было положение народной массы в означенную эпоху по отношению к тому же вопросу? Впрочем, и в наше время все еще являются иногда убежденные защитники подлинности названого Димитрия, несмотря на то что совокупность исторических данных говорит решительно против нее.

С другой стороны, Смута несомненно подтвердила ту истину, что в общем Москва воздвигала государственное здание прочно и логично; так что никакие бури и потрясения не могли поколебать его основы. Особенно наглядно эта истина сказалась на окраинных или новоприобретенных областях и восточных инородцах, которые заявили о себе только некоторыми бунтами и враждебными действиями; но ни одна область не воспользовалась обстоятельствами, чтобы воротить прежнюю самобытность. Так, московская политическая система умела ослабить их центробежные силы и связать с своим ядром. А древние самостоятельные княжества, когда-то соперничавшие с Москвою, как Рязань и Тверь, почти ничем не отделялись от коренных московских областей; самые вечевые общины, Новгород и Псков, обнаружили только некоторые признаки старой самобытности и нелюбви к Москве, да и то благодаря вмешательству враждебных соседей. Одно вольное казачество явилось ярым врагом московской государственности; но это была вновь возникшая сила, которая именно в Смутное время получила большой приток из низших классов, недовольных социальным и экономическим гнетом, а особенно наступавшим закрепощением. Однако в критические минуты общее и дорогое всем православие смягчало его вражду к московскому

строю; а постепенное умиротворение и служебное подчинение казачества государству предоставлены были последующему периоду.

Что русская государственность до Смутного времени развивалась исторически правильно, это доказывается наглядно последующим ходом истории. Когда Смутное время прекратилось, тотчас же государственная и общественная жизнь поспешила войти в прежнее русло и пошла вперед по тому же направлению. Даже и такое несимпатичное явление, как крепостное право, которое, казалось, могло бы быть снесено со сцены этим бурным потоком, продолжало свое дальнейшее развитие с того самого пункта, на котором оно остановилось в Смутную эпоху.

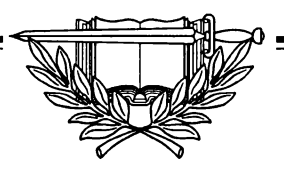
Энергические усилия, употребленные в конце Смутного времени для полного восстановления государственного здания, утвердили за восточнорусским или, собственно, великорусским народом славу наиболее государственного и, следовательно, наиболее историчного из всех славянских народов. И прежде всего он наглядно обнаружил превосходство своего государственного смысла сравнительно с западною ветвию того же русского племени, т.е. Белорусскою и Малорусскою. Хотя в источниках постоянно говорится о польских и литовских людях, из которых составлялись воинские отряды, служившие самозванщине и разорявшие Московскую Русь; но при этом мы должны иметь в виду, что настоящих поляков в сих отрядах сравнительно было немного; а огромное большинство их состояло из русских людей, т.е. из западноруссов. Притом в их среде менее всего было католиков; более многочисленны были последователи разных протестантских сект, которые в русских сказаниях, относящихся к этому времени, обозначаются общим именем «люторов», т.е. лютеран. А еще большее число входивших в эти дружины шляхтичей (не говоря уже о запорожцах) сохраняли пока свою старую веру, т.е. православие; о чем ясно засвидетельствовал при одном случае и самый известный из их предводителей Ян Сапега. В числе предводителей также еще встречаются православные люди, как, например, Роман Рожинский и Адам Вишневецкий. Несмотря на свое единоверие с Московскою Русью,

западнорусская шляхта, уже тронутая влиянием польско-католической культуры и политических вольностей, явилась усердным врагом и разрушителем московского государственного и церковного строя. Следовательно, Смутное время представляет нам не столько нашествие Польши на Москву, сколько нашествие Западной Руси на Русь Восточную, т.е., в сущности, движение братоубийственное. В этом движении полякам и католикам принадлежат, однако, почин и руководительство.

При всей своей единоплеменности и единоверии западноруссы в то время настолько уже разошлись с восточноруссами, что последние с трудом признавали в них своих братьев и, естественно, называли их не Русью, а Литвою или даже поляками, польскими или литовскими людьми. Западноруссы уже довольно резко отличались от московских людей своею особою культурою и обычаями, принявшими сильный польский оттенок, а также своею малорусскою или белорусскою речью, испещренною полонизмами, своим полонизованным костюмом и самою наружностию; так как у западнорусской шляхты входили тогда в моду не только бритые подбородки, но и подбритые кругом головы с пучком волос или хохлом на темени. Москвичи, как мы видели, в насмешку называли их *лысые головы*. Какую важность это наружное отличие имело в их глазах, показывает одно место из призывной грамоты. Изображая бедственное положение Москвы, преданной боярами литовским людям и лишенной всякой защиты, грамота говорит: «Нетокмо веру попрали, хотя бы *на всех хохлы хотели учинити*, и зато никто бы слова не смел молвити». Следовательно, по понятиям москвичей, если бы литовские люди вздумали обрить им головы по образцу своих собственных и оставить только хохлы, то это было бы таким бедствием, которое едва ли не равнялось попранию самой веры. Так далеко уже успела разойтись тогда Русь Восточная с Русью Западной[25].

Что касается личности новоизбранного царя, правда, его смиренная фигура не похожа на обычные типы основателей новых династий, типы энергических честолюбцев, не разбирающих средств для достижения целей; тем не менее в этой простодушной, почти детской фигуре было

что-то симпатичное для русского человека, особенно после того, как он вдоволь насмотрелся на разных беспокойных и беспощадных честолюбцев Смутного времени. Эта фигура с ее ясным, добродушным выражением производила успокоительное впечатление на современное общество и напоминала ему последнего Рюриковича Федора Ивановича, который пользовался самою светлою памятью в народе и почитался им за святого человека. Во всяком случае, мы должны с чувством глубокого уважения относиться к Михаилу Федоровичу как родоначальнику одной из самых могущественных династий во всемирной истории и как к деду Петра Великого.



ЭПОХА
МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА
РОМАНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный выпуск, посвященный эпохе первого царя из дома Романовых, не богат крупными или драматическими событиями. То была эпоха сравнительного затишья, наступившего после разрушительных бурь Смутного времени, эпоха постепенного восстановления и укрепления государственного и общественного порядка вместе с дальнейшим развитием московской централизации. Собственно, одно только событие нарушает ее относительное однообразие и бесцветность — это смоленская эпопея, любопытная в политическом и культурном отношении и важная по своим последствиям. Поэтому мы отводим ей в книге видное место, причем даем несколько иное освещение, на основании новоизданных материалов и детального изучения фактов. Самая эта польская война, несмотря на свой неудачный исход, имела для Михаила Феодоровича благоприятное значение: после нее прекратились притязания его соперника Владислава, и с внешней стороны Поляновский договор окончательно утвердил династию Романовых на московском престоле. По отношению к Западной России настоящий выпуск дает обзор главных исторических явлений первой половины XVII века; причем, основывая историю малороссийского казачества главным образом на документальных свидетельствах, автор, как и в предыдущей эпохе, приходит отчасти к иным выводам, сравнительно с господствовавшими доселе.

Что касается обзора внутренних отношений, общественных, культурных и бытовых, его изложение за XVII столетие предполагается в конце московско-царского периода, т.е. перед Петровскою реформою, — если только в мои годы можно вообще предъявлять планы своих будущих работ.

Следящие за моим трудом, вероятно, уже заметили, что почти с каждым его выпуском расширяются объем и значение примечаний. Многое, что не нашло себе места в тексте, что служит для него объяснением или дает к нему подробности (например, биографические), отнесено в примечания. Таким образом, кроме обычного обзора источников и пособий или литературы предмета, примечания нередко являются дополнением к тексту, а иногда заключают в себе некоторые изыскания или детальное рассмотрение какого-либо вопроса. Иногда замечание или вывод, почему-либо упущенный в тексте, приводится в соответствующем примечании. (Наприм., о восстановлении царского самодержавия курсив в 19 примеч.). В другой раз сочинение, которым автор не успел воспользоваться в тексте, обсуждается в примечании (напр. польская книга Яблоновского об Украине в 26 примеч.).

Медленно подвигается вперед общая русская история в моей обработке: в течение слишком 20 лет издано мною не более 4 томов (если не считать тома предварительных «Разысканий»), и она доведена только до эпохи Алексея Михайловича. Помимо субъективных причин, тут действуют и разные другие условия, не зависимые от автора. Главным из них является все более и более усложняющаяся задача русского историка, и не столько со стороны предъявляемых к нему научных требований, сколько со стороны быстро и обильно накопляющегося материала, по преимуществу сырого. Я уже имел случай печатно высказать свое мнение, что обработка общей русской истории, хотя бы в данных приблизительно размерах, начинает уже превышать единичные силы и средства и что дальнейшим ее фазисом, по всей вероятности, представится обработка коллективная.

Заговорив о своем труде, не пройду молчанием и того обстоятельства, что он доселе не только находил мало сочувствия в большинстве органов периодической печати, но и встречал с их стороны или полное равнодушие, т.е. игнорирование, или прямую неприязнь. Помимо недостатков самого труда, помимо жаркой полемики, возбужденной моими «Разысканиями», несомненно существуют и другие причины сей неприязни, — причины, коренящиеся в современных общественных течениях, в политическом и национальном

антагонизме. До чего доходит этот антагонизм, обостренный личными мотивами и не разбирающий средств, показывает следующий факт: некоторые органы печати принялись трактовать мою «Историю России» не как работу самостоятельную, а как бы простую компиляцию, составленную по Карамзину и Соловьеву*.

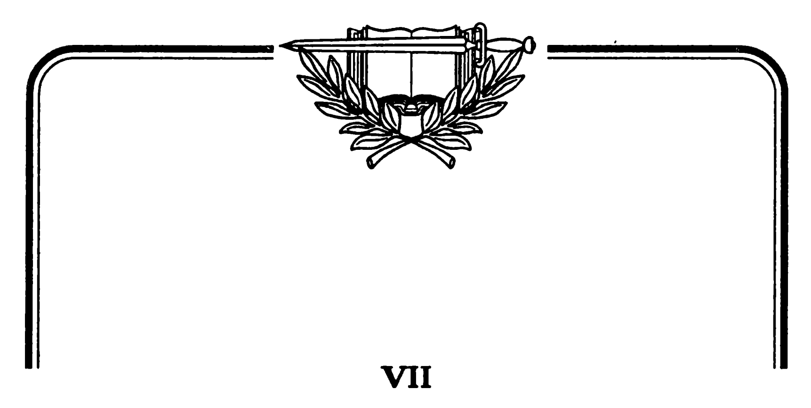
Если судить по предыдущим опытам, то и настоящему выпуску едва ли посчастливится вызвать серьезную историческую критику; зато все мелкие его недочеты и недосмотры, даже и корректурные, по всей вероятности, найдут себе усердных искателей, и даже среди профессоров русской истории, так что с этой последней стороны могу считать себя обеспеченным.

При помянутых равнодушии и неприязни периодической печати (которая в наше время создает книгам контингент читателей), я уже и не рассчитываю на массу публики, а имею в виду небольшой круг нелицемерных любителей русской историографии и людей, желающих пополнить свои научно-исторические сведения.

Эти замечания автор считает нелишними, собственно, для будущего, более беспристрастного поколения, дабы оно знало, при каких обстоятельствах и при каких общественных течениях приходилось ему трудиться и что могло или поддержать, или ослабить ту степень одушевления, без которой подобный труд почти немыслим. Прибавлю только одно: источником необходимого одушевления автору служила горячая преданность русскому народу и его истории — преданность, способная противостоять и более неблагоприятным условиям.

---

* Любопытствующих узнать относящиеся сюда подробности и аргументы отсылаю ко второму выпуску своих «Мелких сочинений», именно тому их отделу, который озаглавлен «Противники моего главного труда». А здесь назову только двух авторов помянутой идеи о таковом характере моей работы: это бывший приват-доцент Безобразнов и бывший архивный чиновник Сторожев — обе личности, претендующие на университетское образование. Их идея пришлась по вкусу особенно издателям и писателям семитического происхождения, которые безвозбранно ее пропагандируют, конечно рассчитывая на историографическое невежество большинства своих читателей. Для образца укажу на Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона.



VII

УМИРОТВОРЕНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Заруцкий в Астрахани. — Восстание против него астраханцев и терских казаков. — Бегство на Яик и выдача его с Мариною. — Очищение государства от воровских казачьих шаек. — Лисовчики. — Великий Новгород и война со Швецией. — Неудача Густава Адольфа под Псковом. — Английское посредничество. — Столбовский договор. — Первая война Михаила с литво-поляками. — Вопрос об освобождении Филарета. — Попытка взять обратно Смоленск. — Поход на Москву королевича Владислава и Сагайдачного. — Неудачный приступ к столице. — Мирные переговоры. — Деулинское перемирие. — Возвращение Филарета. — Денежные сборы в казну. — Пятая деньга. — Местничество. — Земская дума. — Стеснение самодержавия боярством. — Влияние великой старицы Марфы. — Неудачная царская невеста Хлопова. — Исправление богослужебных книг и архимандрит Дионисий.

Главное условие, обострившее смуту — безгосударное время и междуцарствие, — окончилось вместе с избранием Михаила Феодоровича, но впереди московскому правительству предстояло много труда, чтобы успокоить, умиротворить государство, очистить его от хищных казацких и литовских шаек, освободить от притязаний разных претендентов на его престол и хотя приблизительно восстановить его нарушенные пределы.

Начали с Заруцкого.

Еще до своего прибытия в Москву молодой государь потребовал от бояр посылки войска против Заруцкого, который со своими казацкими шайками держался на Рязанской и Тульской украйне. Кроме причиняемых его шайками гра-

бежей и разорений, он казался опасным в особенности потому, что вместе с Мариной и ее маленьким сыном (якобы рожденным от Димитрия) представлял остаток самозванщины, все еще способной волновать глухие края своими мнимыми правами на московский престол. Против него отправили из Москвы князя Ивана Никитича Одоевского Меньшого, к которому на пути должны были присоединиться воеводы из разных городов. Московское войско настигло Заруцкого под Воронежем и здесь билось с ним целых два дня. Победа, о которой доносил Одоевский, по-видимому, не была решительная. Заруцкий после того ушел в степи и направился к Астрахани, которая в течение Смутного времени, в противоположность Казани, отличалась мятежным духом и пристрастием к самозванцам; чему подавал пример и сам воевода астраханский, князь Иван Дмитриевич Хворостинин. Принятый астраханцами, Заруцкий посредством убийства отделался от Хворостинина и начал самовластно распоряжаться в том краю, отчасти именем мнимого царевича Ивана Дмитриевича, а иногда выдавая самого себя за спасшегося от смерти Димитрия Ивановича. Зимою 1613 года он усердно начал готовиться к весеннему походу на стругах под Самару, Казань и другие волжские города, для чего пересылался с казаками донскими, волжскими, яицкими и терскими и звал их к себе на помощь, обольщая надеждою на богатую добычу и обещаниями всяких вольностей. Его обещания производили волнения и раздоры среди казачества, а терское войско открыто приняло его сторону. Ногайские татары с своим князем Иштереком изъявили готовность вместе с Заруцким воевать Московское государство. Он отправил гонца и к персидскому шаху Аббасу с тою же просьбою о помощи, за которую обещал отдать ему самую Астрахань.

Великая опасность, грозившая от мятежного казачества с юго-востока, вызвала в столице усиленные меры для борьбы с Заруцким. Из Москвы посылались многие грамоты, от царя, от духовенства, бояр и Великой Земской думы с увещаниями казачеству, чтобы оно оставалось верным новоизбранному царю и не соединялось с Ивашкою Заруцким; причем те же грамоты рассказывали о его вероломных, изменнических действиях во время московского разорения.

Увещания эти подкреплялись посылкою на Дон и на Волгу царских подарков деньгами, сукнами, хлебными и военными припасами. Отправленные против него воеводы, князь Ив. Ник. Одоевский и окольничий Семен Васильевич Головин, с дьяком Юдиным, собрав рать в украинных областях, зазимовали в Казани и с своей стороны также посылали увещательные грамоты казакам. Увещания, очевидно, подействовали. Казацкие общины с их атаманами, в свою очередь, начали пересылаться между собою, обсуждать дело в своих кругах. Тут скоро обнаружилось, что старые казаки более наклонны были служить новоизбранному царю Михаилу, а молодые тянули к Заруцкому, ради добычи и разгула. Часть покинула Заруцкого еще на походе его к Астрахани и принесла повинную; царь простил их и отправил под Смоленск. На место них в Астрахань пришло на Вербной неделе более пяти сотен волжских казаков, «хотевших добыть себе зипунов», как они выражались. Но прибытие их вместо помощи ускорило его падение.

Естественно, господство свое Заруцкий поддерживал казнями и пытками недовольных граждан и грабежом их имущества. Обижал также духовенство и кощунствовал: например, взял из одного храма серебряное кадило и велел слить из него себе стремена. Подобно калужскому вору, он окружал себя татарами, которых щедро кормил и поил и с которыми разъезжал по окрестностям. Марина, с своей стороны, держала себя высокомерно, наподобие царицы; помня московскую кровавую заутреню 17 мая, она между прочими мерами предосторожности, запретила благовест к заутрене, под предлогом, что он пугает ее маленького сына. С прибытием помянутого отряда казаков Заруцкий сделался еще более жестоким и самовластным, что наконец вызвало открытое восстание астраханцев; поводом к тому послужил пущенный между ними слух, что в самое Светлое воскресенье должна была произойти резня лучших граждан. Заруцкий с 800 волжских казаков и несколькими сотнями других мятежников заперся в Кремле, а восставшие граждане защищались на посаде; между той и другой стороной начались ожесточенные бои.

Решительный удар делу Заруцкого нанесло отложившееся от него, ближнее к Астрахани, терское казачество.

Воеводою на Тереке был Петр Головин, по-видимому, любимый жителями. Заруцкий вздумал отделаться от него, по примеру Хворостинина, велел взять его и привести в Астрахань. Но терские люди не выдали Головина. А когда между ними также прошел слух, что Заруцкий на Великий день (Светлое воскресенье) собирается нагрянуть в Терский город, чтобы казнить воеводу и непокорных людей, там немедля присягнули на верность царю Михаилу Феодоровичу. После чего Головин отправил под Астрахань 700 человек под начальством стрелецкого головы Василия Хохлова. Прибытие этого отряда дало явный перевес восставшим астраханцам, которым плохо приходилось от пушек, направленных из Кремля. Несколько тысяч народу, по преимуществу жен и детей, спаслись из посада в стан Хохлова. Союзный дотоле Заруцкому Иштерек-бей с ногайскими татарами также отложился от него и принес присягу Михаилу Феодоровичу. В скором времени должны были прибыть и московские воеводы с царским войском. При таких обстоятельствах Заруцкий не стал более медлить и покинул Астрахань в мае 1614 года. Хохлов нагнал его и побил. Тогда Заруцкий с Мариной, ее сыном и оставшеюся у него небольшою шайкой бросился на стругах в Каспийское море.

Когда князь Одоевский на походе к Астрахани узнал об очищении от воров и поражении Заруцкого Хохловым, известие это, очевидно, было ему неприятно, так как подвиги стрелецкого головы отодвигали опоздавшего воеводу на второй план. Одоевский отправил Хохлову приказ не посылать донесения государю о своих успехах, а если уже послал, то вороти посланного с дороги, так как ему, воеводе, надобно «Государю писать о многих государевых делах». Мало того, князь Одоевский и Головин предписали Хохлову выйти к ним с астраханскими и терскими людьми и встретить их верст за тридцать от города, а затем всему освященному собору и всему народу с колокольным звоном и со крестами встречать «новоявленную чудотворную икону Казанскую», находившуюся при царском войске.

Водворясь в Астрахани, Одоевский послал Хохлова в Москву к государю «с сеунчом», т.е. с донесением; а когда узнал, что Заруцкий с Мариною ушли на Яик, то отправил

для их поимки двух стрелецких голов Пальчикова и Онучина, с их приказами, придав им отряд наемных немцев и западноруссов. После двухнедельного плавания рекою Яиком, головы нашли беглецов на Медвежьем острове, где они поставили острожек и укрепились. Около них собралось до 600 казаков волжских и яицких. Но Заруцкий уже утратил свою власть над казаками; здесь начальствовал атаман Треня Ус с товарищами. Пальчиков и Онучин окружили острожек и начали добывать его силою. Казаки недолго защищались и вошли в переговоры. Они присягнули на верную службу Михаилу Феодоровичу и выдали Заруцкого с Мариною и ее сыном, да еще какого-то «чернеца Николая»; кроме того, выдали находившихся у них заложниками детей и мурз ногайского князя Иштерека, а также враждебного ему мурзу Джан-Арслана. 6 июля стрелецкие головы привезли пленников в Астрахань. Князь Одоевский немедля послал этих двух голов в Москву к государю «с сеунчом»; а вслед за ними отправил Марину с сыном под сильным конвоем и Заруцкого под особым конвоем в Казань, до государева указу, не смея держать их в Астрахани, по причине «смуты и шатости». Начальники конвоя имели приказ в случае нападения более многочисленного воровского отряда побить своих пленников. Московское правительство было очень обрадовано поимкою опасных врагов, и, конечно, поспешило вытребовать их в столицу. Об участи их имеем только краткое известие: Заруцкого посадили на кол, сына Марины повесили; а сама она умерла, по-видимому, в тюрьме. Так окончила свое бурное, исполненное великих превратностей существование эта женщина, «от которой все зло московскому государству... учинилось», как выразилась увещательная грамота в марте того же 1614 года, посланная от Земской думы волжскому казачьему войску.

С устранением Заруцкого еще не окончились бедствия, производимые воровскими казацкими шайками, которые рассеялись почти по всем областям государства. В особенности они свирепствовали на Верхнем Поволжье, в Пошехонье, Белозерском, Бежецком и других соседних краях. Эти одичалые шайки не ограничивались грабежом беззащитных сел, но и подвергали крестьян, равно мужчин и женщин, вся-

ким мукам, и, между прочим, жгли их огнем до смерти, вероятно вымучивая указания на спрятанное добро; церквей не щадили, обдирали самые иконы и всячески кощунствовали. Врывались они также в плохо огражденные города и монастыри и вконец их разоряли. Но хорошо укрепленные города и большие монастыри давали им отпор; так, например, тщетно приступали они к богатой Кирилловой обители. Между атаманами воровских шаек особою свирепостию отличался прозванный Баловнем. Шайки эти прерывали сообщение между городами, между столицею и ее областями, так что предписанные по указам государевым, денежные и хлебные запасы для жалованья ратным людям нельзя было собирать в областях, а собранные нельзя было доставлять в Москву. Безнаказанность воровских казаков вредно влияла на казаков служилых вообще. Так целый отряд их, посланный со стольником Леонтием Вельяминовым в Новгородскую область на помощь царским воеводам против шведов, самовольно воротился с похода и занялся воровством. Это обстоятельство побудило государя предложить на обсуждение Земского собора или Великой земской думы вопрос: что делать с воровскими казаками? 4 сентября 1614 года Собор приговорил послать из всех чинов разумных людей, которые бы увещевали казаков стоять за святые церкви и православную веру, служить и прямить государю; затем составить списки тем, которые отстанут от воров и покажут свою службу, их награждать денежным жалованьем; а которые не отстанут от воровства, тех казаками не называть (чтобы казачьего имени не бесчестить), а поступать с ними как с ворами, убийцами и разбойниками. Жителям строго запрещалось иметь сношения с воровскими казаками, что-либо им продавать и у них покупать. Для выполнения этого приговора по указу государя отправлены были в Ярославль суздальский архиепископ Герасим, боярин князь Борис Михайлович Лыков и дьяк Богдан Ильин. Сюда же приказано было собраться дворянам и детям боярским, из многих ближних и дальних городов и уездов, а также охочим и даточным людям, чтобы под начальством князя Лыкова «промышлять» над теми атаманами и казаками, которые от воровства не отстанут. Тех дворян и детей боярских, которые не явятся на государеву

службу, велено сыскивать, бить батогами, сажать в тюрьму, отписывать от них поместья, а их крестьянам «ни в чем их не слушать». Меры эти, как видно, подействовали. Князь Борис Лыков успел собрать достаточную рать. Он начал с того, что побил в Балахонском уезде только что пришедшую в Московское государство и занимавшуюся грабежом шайку черкас или запорожцев, состоявшую под предводительством полковника Захария Заруцкого. Затем, посылаемые им отряды захватывали и приводили к нему мелкие воровские шайки, которые он присуждал к виселице и другим казням. Тогда воровские атаманы собрались и пошли к Москве, говоря, что хотят бить челом государю. Они остановились табором под Симоновым монастырем. Лыков последовал за ними и стал в Дорогомилове. Так как это казачество не унималось от своего воровства, то государь велел идти на них окольничему Измайлову и князю Лыкову. Воры бросились бежать по Серпуховской дороге. Воеводы последовали за ними; в Малоярославском уезде на реке Луже Лыков разбил их наголову; после чего значительная часть их добила челом и присягнула на верную службу. Лыков привел с собою в Москву более трех тысяч раскаявшихся казаков. Баловня здесь повесили.

Одновременно с Заруцким и казаками Московское государство терпело разорения от литовских, преимущественно запорожских, шаек, которые воевали и украинные, и внутренние его области, благодаря тому, что начатая в Смутное время Сигизмундом III война с Москвою не прекращалась. Одним из предводителей таких шаек, как мы видели, был полковник Захарий Заруцкий, побитый кн. Бор. Мих. Лыковым в Балахонском уезде. Но самым отчаянным и неугомонным хищником в это время явился известный полковник Лисовский. Он взял город Карачев и отсюда делал набеги на соседние места. Против него в июне 1615 г. послан был знаменитый князь Дим. Мих. Пожарский, при котором состояли товарищем воевода Исленьев, а дьяком Заборовский. С ним отпущены московские дворяне и стрельцы; в Калуге велено к нему присоединиться дворянам и детям боярским калужским, мещовским, серпуховским, алексинским, медынским и т.д. Всего набралось около 15 000 ратных людей.

Пожарский из Белева двинулся на Лисовского. Сей последний не стал его ждать, зажег Карачев и пошел к Орлу. Пожарский поспешил за ним; под Орлом они встретились и вступили в бой. Передовые отряды не выдержали и обратились в бегство вместе с Исленьевым; но Пожарский, имея с собою 600 человек, устоял на месте и упорно бился с 2000 лисовчиков; потом он огородился обозом, а вечером воротился к нему Исленьев с беглецами; так что к утру собралась значительная рать. Лисовский отступил; Пожарский стал его преследовать, но не мог нагнать. Конница Лисовского совершала чрезвычайно быстрые переходы, являясь то под Волховом, то под Лихвином, то в Перемышле, который ей удалось сжечь. В постоянной погоне за лисовчиками Пожарский опасно занемог от напряжения сил и был отвезен в Калугу. Заменившие его воеводы действовали уже далеко не так энергично и скоро потеряли неприятеля из виду. В это время Лисовский бросился на север и сначала напал на Ржеву-Володимирову, в которой случайно оказался боярин Федор Ив. Шереметев с небольшим отрядом, назначенным на помощь Пскову против шведов. Лисовчики сожгли посады: но тщетно осаждали самый город; Шереметев целые шесть недель отражал их приступы. На помощь к нему и для промысла над Лисовским послан был кн. Мих. Пет. Барятинский с тою ратью, которою начальствовал кн. Пожарский. Новый воевода двигался «мешкотно», не дошел до Ржевы и дождался, пока Лисовский сам покинул осаду и поспешно двинулся далее. Барятинскому государь велел сделать строгий выговор, назвав его «вором», «жонкою», а не «слугою», бить его по щекам, поставить у виселицы, а потом посадить в тюрьму в ближайшем городе.

Лисовский меж тем бросился на Кашин, потом на Углич; отбитый от того и другого, он уже не нападал на города, а пробрался в Суздальский край, опустошая села и деревни, прошел между Ярославлем и Костромой, между Владимиром и Муромом; отбитый от Мурома, он прошел мимо Касимова, прокрался между Коломной и Переяславлем-Рязанским, потом мимо Тулы и Серпухова на Алексин в Литву. По показанию переметчиков, в это время у него было уже менее тысячи всадников; а именно литовцев (западноруссов) четырес-

та, запорожцев триста да русских воровских казаков полтораста. Несмотря на сильное утомление его коней, московские воеводы нигде не могли нагнать его, за что государь наложил на них опалу. Наконец под Алексином князьям Куракину и Туренину удалось встретиться с ним и побить небольшую часть его людей; а с остальными Лисовский благополучно ушел в Литву (1615 г.). В то же время и таким же способом отряд малороссийских казаков (отделившихся от разбитого под Москвою гетмана Ходкевича) воевал и разорил северные московские края, Вологодские, Поморские, Тотемские, Устюжские, Волжские, Двинские, до самого Белого моря. По русским известиям, ими начальствовали два полковника, Барышполец и какой-то Сидорко. Нигде местные воеводы не могли преградить им путь. Наконец в Заонежских погостах их удалось побить, а в Олонецком краю истребили окончательно[1].

Московское государство таким образом постепенно освободилось от Заруцкого, Лисовского и воровских казачьих шаек; но трудная борьба с внешними врагами, шведами и литво-поляками, продолжалась одновременно. Эти враждебные соседи Руси не только старались удержать в своих руках захваченные ими русские области, но и отстаивали своих претендентов на московский престол и не хотели признать Михаила Феодоровича законно выбранным царем.

В июне 1613 года молодой шведский король Густав Адольф известил новгородцев, что отпустил брата своего Карла Филиппа в Выборг, куда они должны прислать уполномоченных для заключения договора об избрании Филиппа на российский престол. Занятый шведским гарнизоном графа Делагарди Великий Новгород исполнил требование короля: духовные и мирские власти, с митрополитом Исидором и воеводою Ив. Никит. Одоевским Большим, отправили уполномоченными хутынского архимандрита Киприана, дьяка Сергеева, нескольких дворян, одного гостя и одного торгового человека. Но уполномоченные эти оказались в ложном положении: они могли говорить только от лица В. Новгорода; а шведы требовали избрания Филиппа на престол не одной Новгородской земли, а всего Московского государства. Несколько месяцев длились бесплодные переговоры;

после чего Карл Филипп из Выборга воротился в Стокгольм. Густав Адольф, очевидно, не считал в своих интересах создавать из Новгородского края отдельное владение для своего брата и предпочитал этот край присоединить прямо к Шведскому королевству. В январе 1614 года фельдмаршал Эверт Горн, временно заступивший здесь графа Делагарди, предложил новгородцам принести присягу на верноподданство королю Густаву Адольфу. Новгородские власти долго медлили ответом; потом распорядились отобрать мнения от жителей всех пяти концов посредством их старост; наконец, согласно этому мнению, били челом королю, чтобы он не нарушал договора, заключенного при сдаче города с графом Делагарди, и не заставлял их быть клятвопреступниками против королевича Филиппа, которому они присягали и хотят остаться верными. Затем они выпросили позволение послать того же архимандрита Киприана с несколькими дворянами в Москву для переговоров с боярами относительно избрания королевича Филиппа на российский престол. Но это посольство в действительности послужило только средством войти в непосредственные сношения с московским правительством и просить государя об освобождении Новгорода от владычества иноземцев. За свой русский патриотизм Киприан по возвращении подвергся жестоким преследованиям со стороны Горна, т.е. побоям и заключению. (Сей Киприан впоследствии был первым Сибирским архиепископом, а, наконец, и Новгородским митрополитом.) Фельдмаршал Горн разными притеснениями и в особенности правежом, принуждал новгородцев присягнуть на подданство королю Густаву Адольфу; но только у немногих граждан удалось ему вынудить эту присягу.

Меж тем военные действия не прекращались с обеих сторон и шли с переменным успехом. В 1613 и 1614 гг. они сосредоточились преимущественно около города Тихвина с его монастырем, который славился чудотворной иконою Божией Матери. Государь послал воевод князя Прозоровского и Вельяминова для освобождения Тихвина, в котором стоял гарнизон, смешанный из русских и шведов. Русские, узнав о приближении царских воевод, восстали и начали бой со шведами; когда же подоспела помощь от воевод, город был

совершенно очищен от неприятеля. Тщетно после того Горн и Делавиль осаждали Тихвин; они были отбиты. Михаил Феодорович, по совету Боярской думы, отправил под Новгород большую рать; но к сожалению начальство поручено было людям неспособным, а именно: боярину известному князю Дим. Тимоф. Трубецкому, окольничему князю Дан. Ив. Мезецкому и Вас. Ив. Бутурлину. Не доходя до Новгорода, они остановились на Бронницах и поставили острожек за р. Мстою. Тут напал на них граф Делагарди; потеряв много людей, воеводы отступили; гарнизон покинутого острожка сдался неприятелям на условиях, но, вопреки уговору, весь подвергся избиению. Шведы взяли Старую Русу. Сам король явился в Северо-Западной Руси и взял Гдов (1614 гг.). А в июле следующего 1615 г. он лично осадил Псков, в котором начальствовали воеводы Вас. Петр. Морозов и Федор Бутурлин. Шведы принялись копать шанцы, ставить пушки, строить городки или укрепления и наводить мост на р. Великой. Но псковитяне оборонялись против знаменитого полководца своего времени с таким же мужеством, как их отцы против Стефана Батория. Уже в самом начале осады король потерял здесь едва ли не лучшего из своих генералов, Эверта Горна. Осажденные выдерживали бомбардирование, делали частые вылазки и успешно отбивали приступы. Очевидно, силы Густава Адольфа были недостаточны, чтобы овладеть таким большим и крепким городом. Впрочем, и самую эту осаду он предпринял, собственно, для того, чтобы добиться возможно более выгодных условий при заключении мира с Москвою; ибо в то время между воюющими сторонами уже шли деятельные переговоры о мире, в котором почти равно нуждались обе эти стороны. Москва, кроме внутренних устройств и вообще последствий смуты, имела у себя на руках еще войну с Польшею-Литвою; Шведское государство также, кроме внутренних затруднений, принуждено было одновременно вести войну и с Польшею, из-за притязаний Сигизмунда на шведскую корону; и опасаться еще неприятельских действий со стороны Дании. А удерживать за собою Великий Новгород Густав Адольф тоже не имел намерения, убедившись в упорной враждебности его населения к иноземному господству; сохранение этого завоева-

ния потребовало бы продолжительного напряжения, т.е. больших военных сил и денежных средств; тогда как шведское войско именно отличалось своею немногочисленностью и пополнялось большею частью разноплеменными наемными отрядами, стоившими дорого и плохо подчинявшимися дисциплине. (В числе этих наемников были и малороссийские казаки.)

С самого начала своего царствования Михаил Феодорович отправляет посольства в разные государства, с одной стороны, ради признания своего царского достоинства, а с другой — ради помощи или, по крайней мере, посредничества для заключений мира с Польшею и Швецией. Таково было посольство дворянина Ушакова и дьяка Заборовского в Австрию к императору Матфею, в 1613 году. Не добившись здесь никакого благоприятного ответа, то же посольство переехало в Голландию, где было принято ласково. Генеральные штаты не обещали дать помощи царю войском или деньгами, но изъявили готовность склонять к миру шведского короля. Еще любезнее приняли в Англии московского посланника дворянина Зюзина. Дело в том, что Англия и Голландия, как морские торговые державы, желали скорейшего прекращения войн, которые вела Москва и которые причиняли немалый вред их торговле. Английский король Иаков I в это время не дал просимой помощи Михаилу ни деньгами, ни военными снарядами, но охотно принял на себя посредничество для замирения Москвы с Густавом Адольфом, которого он уже успел помирить с датским королем Христианом IV. Иаков назначил своим уполномоченным Джона Мерика. Это был торговый человек, с молодых лет служивший агентом английской компании в России, хорошо изучивший страну и даже владевший русским языком. Теперь он приехал в Москву послом с верительной королевской грамотой, которая титуловала его рыцарем и «дворянином тайныя комнаты». Густав Адольф, с своей стороны, принял английское и голландское посредничество в мирных переговорах с Москвою и, убежденный Мериком, снял осаду Пскова. Для мирных переговоров шведскими уполномоченными были назначены Флеминг, Генрих Горн, Яков Делагарди и Монс Мартенсон, а русскими князь Данило Ме-

зецкий и Алексей Зюзин. Местом этих переговоров назначено сельцо Дедерино (между Осташковом и Старой Русой). Кроме Джона Мерика сюда явились и голландские посредники, ван Бредероде с тремя товарищами. Один из них (Антон Гутерис) в своем описании этого посольства изображает крайне бедственное состояние Северо-Западной Руси, по которой оно проехало из Ревеля в Новгород. Страна до того была опустошена казацкими и литовскими шайками, что путешественники нигде не находили селений и ночевали обыкновенно в лесу; редко где-нибудь встречался полуразрушенный монастырь. Из Новгорода они отправились в Старую Русу и нашли ее в совершенном разорении; отсюда двинулись к месту переговоров; при переправе через реки нередко лед ломался, люди и вещи падали в воду; чтобы просушиться, надобно было зажигать ближние пустые хижины. Чтобы отдохнуть в какой-нибудь опустелой деревне, необходимо было прежде вытаскивать из избы трупы ее хозяев, убитых казаками; но удушливый трупный запах скоро выгонял гостей и приходилось проводить ночь на морозе.

Съезд уполномоченных открылся 4 января 1616 года в палатке, в присутствии Джона Мерика и голландских послов. На первом же заседании возникли горячие споры; поводом послужило включение в титул Густава Адольфа — «Корельский». Шведы, кроме фактического владения Корелой, ссылались на уступку ее еще Василием Шуйским. Московские послы отрицали эту уступку после их измены в Клушинской битве; отсюда произошли у них с Делагарди взаимные упреки по поводу этой битвы. Потом еще большее неудовольствие обнаружилось по поводу королевича Филиппа, о присяге которому напомнил Делагарди. Так как посредники во время этих горячих споров страдали в шатре от ужасного холода, то следующие заседания происходили уже в помещении английского посла. Мало-помалу задор и требования обеих сторон уменьшились при помощи посредников. Между прочим, шведы отказались от кандидатуры королевича Филиппа, русские от своих притязаний на Ливонию; но все еще далеко было до взаимного соглашения. В конце февраля уполномоченные разъехались, условясь летом вновь собраться в ином месте, а до того времени заключили перемирие. Во

время этих переговоров обозначалось, что английский посол более держал сторону русскую, а голландцы — шведскую. Следующий съезд состоялся, однако, не ранее декабря; он собрался в деревне Столбове (близ Тихвина), и происходил уже без голландцев, при посредстве одного Джона Мерика. И на сей раз переговоры велись с большими затруднениями, тянулись более двух месяцев и только в конце февраля 1617 г. закончились мирным трактатом. Сущность Столбовского договора заключалась в следующем: Швеция возвращала Москве Новгород с его областью; но оставляла за собою Ивангород, Яму, Копорье, Орешек, Корелу (Кексгольм) и Ижору (Ингрию). Москва уплачивала Швеции 20 000 серебряных рублей. Царь отказался от своих притязаний на Ливонскую и Корельскую земли. Торговля возобновляется с обеих сторон свободная; но шведским торговым людям не дозволяется ездить с товарами через Московское государство в Персию, Турцию и Крым, а равно и московским купцам через Шведское государство в Англию, Францию и другие западные страны. Подданных с обеих сторон не перезывать, а перебежчиков выдавать и т.д.

Хотя шведы по этому договору и отказались от главного своего завоевания, Новгорода Великого, но Густав Адольф считал договор очень выгодным для Швеции. Этот проницательный государь, несмотря на бедственное наше тогда положение, ясно сознавал силу могучего русского народа и опасности, грозившие от него для соседей. Поэтому он очень радовался тому, что в руках шведов осталось все течение Невы, и русские были теперь совершенно отрезаны от Балтийского моря. Свою радость он высказал на сейме: «Россия — опасный сосед, — говорил он, — у нее сильное дворянство, многолюдное крестьянство, населенные города, большое войско. Но теперь русские без нашего позволения не могут выслать ни одной лодки на Балтийское море. Большие озера Ладожское и Пейпус, Нарвская долина, болота в 30 миль шириною и надежные крепости отделяют нас от них. Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю и, надеюсь, не так-то легко будет им перешагнуть через этот ручеек». Следовательно, знаменитый король хорошо понимал, какое великое значение имело бы владение Балтийским бе-

регом для будущего развития России, и в этом отношении сходился с гениальным русским государем (Петром I). Он щедро наградил своих уполномоченных, а более всего Делагарди из денег, уплоченных русскими по договору.

В Москве, несмотря на потерю Балтийского берега и другие уступки, также были довольны договором: во-первых, он возвращал России столь древнюю и важную ее часть, как Новгород Великий; а во-вторых, развязывал руки для продолжавшейся борьбы с Польшею. Наши уполномоченные, князь Мезецкий получил боярство, а Зюзин окольничество. Особенно щедро награжден был английский посредник, т.е. Джон Мерик или Иван Ульянович, как его называли в Москве: ему в изобилии выданы меха, ткани, разные вещи, украшенные дорогими камнями, и золотая цепь с царским портретом (парсуною). Но, верный представитель своих национальных интересов, Джон Мерик повел речь о другого рода вознаграждении за свои труды: он стал просить увеличения торговых льгот для англичан и, главное, позволения их купцам ездить с товарами Волгою в Персию. Для переговоров с Мериком назначены были бояре Федор Иванович Шереметев и князь Димитрий Михайлович Пожарский. Ему возражали, что теперь русские купцы покупают у англичан товары в Архангельске, отвозят их в Астрахань и там продают кизильбашам (персиянам), отчего получается прибыль и казне, и им самим; а если англичане будут ездить прямо в Персию, то и Кизильбаши перестанут приезжать в Астрахань. Указывали также на опасности по Волге от ногаев, а далее от войны персиян с турками. Мерик пытался устранить все эти возражения, но тщетно. Московское правительство спрашивало по этому поводу мнения своих торговых людей. Впрочем, переговоры с Мериком окончились, по-видимому, благополучно: на его просьбы и предложения не отвечали безусловным отказом, а говорили, что их нельзя решить без Земского совета. С своей стороны, москвичи предлагали ему заключение наступательного союза против Польши; Мерик, конечно, отклонил подобное предложение[2].

Польская война требовала еще большего напряжения, чем шведская, как по относительному тогда могуществу Польско-Литовского государства, так и по упорству, с кото-

рым поляки не хотели признать избрания Михаила Романова, настаивая на бывшей присяге москвичей королевичу Владиславу.

Московскому государству на западе особенно чувствительна была потеря древнего русского достояния, Смоленска; а лично новоизбранному государю тяжело было терпеть еще и плен своего родителя Филарета Никитича. Чтобы освободить последнего, пытались предлагать размен пленных. Так, еще в марте 1613 г. от имени Земской думы послан был к Сигизмунду дворянин Аладьин с изложением неправд польского короля, с предложением вывести из России польские войска, отпустить вероломно задержанных послов и разменять пленных. Известный полковник Струс, от имени всех польских пленников, также писал королю умоляющие письма об обмене его с товарищами на Филарета Никитича и других московских послов. Пленные поляки не раз извещали свое правительство, что царь не хочет брать за них никакого выкупу, а только требует освобождения своего отца Филарета. Но тщетно. Земской думе отвечали паны-рада, наполняя свой ответ укоризнами в измене Владиславу; а для мирных переговоров предлагали посредничество немецкого императора.

В 1614 г. государь отправил к своему пленному отцу игумена Ефрема с разными вещами; паны неохотно допустили игумена до Филарета, при котором он и оставался до его освобождения. Вскоре потом приехал в Польшу дворянин Желябужский с грамотами от Михаила к Филарету, от бояр и духовенства к Филарету и князю Голицыну с товарищами, и от бояр к панам-раде. Бояре пространно писали панам, опровергая их обвинения в измене Владиславу, твердо настаивая на законном выборе Михаила и своей ему неколебимой верности и сообщая о его позволении послать уполномоченных на рубеж для переговоров о мире; причем они не отвергали посредничества немецкого императора. Желябужскому дозволили лично вручить грамоты, писанные к Филарету Никитичу, после того как канцлер Лев Сапега, предварительно их сам прочел. Филарет находился тогда в варшавском доме Льва Сапеги, который состоял при нем приставом, вместе с паном Олешинским. Филарету разрешили написать с

тем же Желябужским ответную грамоту сыну; но при этом Лев Сапега настаивал, чтобы в ней Михаил не был называем государем. Однако Филарет на то не согласился: «Бог дал ему царство: не мне отнимать его», — говорил он. По словам летописца, отпуская Желябужского, Филарет послал с ним свое благословение государю Михаилу Феодоровичу; «а житье мое все видишь сам», — прибавил он. Есть известие, что Филарет, когда узнал о воцарении своего сына, то изменил свое поведение в плену; сделался упрям, дерзновенен и наотрез отказался писать в Москву такие грамоты, какие требовали от него паны. О нем, впрочем, немало заботилась жена Струся, которая хлопотала, конечно, ради своего мужа, находившегося в московском плену. Князя Вас. Вас. Голицына Желябужский не видал, потому что тот оставался в Мариенбурге. Но на обратном пути он виделся с Шеиным, который с женою и дочерью жил в Смоленском повете, в вотчине Льва Сапеги. Шеин послал свой совет государю энергично продолжать войну, потому что дела в Польше и Литве были плохи. Желябужский узнал вообще, что почти все литовские сенаторы желают мира, но канцлер Лев Сапега возбуждает короля к войне; туда же тянут и польские сенаторы. В ответной грамоте, врученной Желябужскому и исполненной всяких укоризн, паны-рада предлагали устроить съезд где-нибудь на границе между Смоленском и Вязьмою. В Москве приняли это предложение, и в сентябре 1615 г. отправили уполномоченных.

В предыдущем году Михаил Феодорович, по совету с Земской думой, решил послать большую рать для отобрания у поляков занятых ими городов. Воеводами назначены были стольники князья Дмитрий Мамстрюкович Черкасский и Ив. Фед. Троекуров. Начало похода было удачно: воеводы взяли Вязьму и Дорогобуж, благодаря сочувствию самих жителей; Белую сдала им немецкая часть гарнизона, несмотря на сопротивление литовской. Воеводы подступили к Смоленску; поставив острожки и засеки по дорогам, ведущим в Литву, они отрезали сообщения с нею; в Смоленске настал голод, и гарнизон едва держался. Неприятелям помогли нестроения, начавшиеся в русской рати, по-видимому от неспособности и разногласия воевод; одни ратники совсем покинули ост-

рожки и засеки, другие беспорядочно вступили в бой и потерпели поражение. Литовские отряды пробились к Смоленску и снабдили его припасами и подкреплением. Черкасского и Троекурова отозвали, послав на их место других воевод (кн. И.А. Хованского и Мирона Вельяминова). Около того времени под Смоленском открылся съезд уполномоченных, с московской стороны в их главе стояли князья Иван Воротынский и Алексей Сицкий и окольничий Артемий Измайлов, а с польско-литовской — киевский бискуп князь Казимирский, гетман литовский Ян Кароль Ходкевич, канцлер Лев Сапега, Христоф Радивил и известный Александр Гонсевский, подобно Сапеге, ярый враг Москвы.

Посредником явился здесь посол германского императора Еразм Ганделиус; но это был посредник, пристрастный в польскую сторону. (Австрийский двор не был доволен избранием Михаила Феодоровича и не хотел забыть эфемерной кандидатуры эрцгерцога Максимильяна.) Съезд уполномоченных продолжался с ноября по январь 1616 г. включительно; много было споров и всяких пререканий; особенно горячился и отличался дерзостью Гонсевский. Литво-поляки стояли на присяге москвитян Владиславу, не хотели признавать царем Михаила и не допускали его титула в переговорных грамотах, не хотели уступать городов и даже отказали в заключении перемирия. Съезд разъехался, и военные действия продолжались с новым рвением в разных местах; но главная борьба происходила под Смоленском. Гонсевский привел помощь смоленскому гарнизону и стал в полевом укреплении или остроге, по соседству с острогом московских воевод. В Северскую землю он отрядил известного Лисовского. Но в Комарицкой волости Лисовский, этот злейший враг России, внезапно умер вследствие падения с лошади. Лисовчики воротились под Смоленск, выбрав своим полковником Чаплинского. Гонсевский поставил еще острог на большой московской дороге, т.е. на главном сообщении русских воевод с Москвою, чем сильно их стеснил, и подвоз запасов к ним прекратился. Эти воеводы под Смоленском менялись не один раз. В данное время здесь начальствовали стольники Михаил Бутурлин и Исаак Погожев. Литовские отряды не допускали к ним помощи. Главная вспомогатель-

ная рать была отправлена в Дорогобуж с боярином князем Юрием Сулешовым. (При нем товарищами были князья Семен Прозоровский и Никита Барятинский.) Но эта рать ограничилась несколькими неважными, хотя и удачными, сшибками с неприятелем, за которые воеводы получили в награду золотые. После того Сулешов был отозван в Москву. Между тем Погожев и Бутурлин, не получая ни подкреплений, ни припасов и слыша, что сам королевич Владислав собирается идти к Смоленску, покинули свои острожки и окопы и отступили; причем должны были отбиваться от неприятельских нападений и потеряли много людей (в мае 1617 года).

В Польше действительно решили послать в Московское государство самого претендента, т.е. молодого королевича, с свежим войском, конечно в том предположении, что его появление вызовет там рознь и новые смуты, с помощью которых можно будет вновь овладеть Москвою. При этом ни архиепископ-примас в своей напутственной речи, ни королевич в своем ответном слове не скрывали надежды на распространение католической веры (или, по крайней мере, унии) в Восточной Руси. Своему походу Владислав предпослал окружную грамоту к московскому народу, в особенности к служилым людям (от 15 декабря 1617 г.). Эта грамота распространялась о его правах на российский престол, т.е. о принесенной ему присяге при гетмане Жолкевском и о великом посольстве к его отцу с просьбою отпустить его на царство. Но тогда он был еще «не в совершенных летах», а теперь пришел в «совершенный возраст», так что может «быти самодержцем всея Руси и непокойное государство по милости Божией покойным учинити». Владислава сопровождали несколько комиссаров от сената или королевской рады для наблюдения за интересами Речи Посполитой. Главными руководителями в делах военных и политических состояли при нем литовский гетман Ходкевич и канцлер Лев Сапега. Передовым отрядом командовали полковник Чаплинский и все тот же Александр Корвин Гонсевский, литовский референдарий и староста Велижский.

Поход Владислава начался удачно. В первой московской крепости, Дорогобуже, воеводою сидел Иванис Ададуров; он

с своими товарищами изменил Михаилу, присягнул Владиславу и сдал ему город. Затем следовал город Вязьма. Здесь был воеводою князь Петр Пронский, а его товарищами князья Михаил Белосельский и Никита Гагарин. Пронский и Белосельский бросили город и бежали в Москву; Гагарин хотел обороняться; но, видя общее бегство из города ратных людей и посадских, заплакал и поехал вслед за другими. В Москве по приказу государя Пронского и Белосельского, бив кнутом, сослали в Сибирь, а поместья и вотчины отобрали. На князя Гагарина государь опалы не положил. С главным же изменником, Ададуровым, поступили довольно мягко. Владислав отпустил его с товарищами в Москву, чтобы он склонял жителей на сторону королевича. Его сослали в Верхотурье, а товарищей разослали по другим городам. Передовым польским отрядам удалось еще взять Мещовск и склонить к измене Козельск. Но тем и кончились легкие успехи поляков. Калужане при их приближении просили государя прислать воеводою князя Димитрия Михайловича Пожарского; государь исполнил их просьбу, а князь оправдал возлагавшиеся на него надежды. Он укрепил Калугу и усилил ее гарнизон, склонив перейти на государеву службу шайку воровских казаков, промышлявших в Северщине. Полковники Чаплинский и Опалинский вздумали ночью внезапно ворваться в Калугу; но у Пожарского были хорошие караулы; неприятеля впустили в надолбы (внешнюю ограду), а затем ударили на них и отбили. Неприятели осадили Можайск; но из Москвы успели прислать сюда надежных воевод князя Б.М. Лыкова и Гр. Валуева. На помощь Можайску пришла еще рать под начальством князей Дм. Мамстр. Черкасского и Вас. Ахамашукова Черкасского. В соединении с ними должен был действовать и кн. Пожарский. Произошли жаркие битвы под Можайском и Боровским Пафнутьевым монастырем. В Можайске и около него в острожках скопилось так много ратных людей, что им грозил голод; по приказу государя, князья Пожарский и Волконский двинулись сюда, помогли отступить из города и острожков лишним отрядам с кн. Б.М. Лыковым (Дм. Мам. Черкасского увезли отсюда раненого) и оставили только необходимое число людей с воеводою Волынским. Можайск оборонялся так стойко, что Вла-

дислав, не желая терять под ним время, с своими поляками, западноруссами и наемными немцами двинулся к Москве. Туда же на помощь к нему шел гетман Конашевич Сагайдачный с 20 000 запорожцев. Сагайдачный взял и разорил Ливны, Елец и некоторые другие места и направился к Оке. Князья Пожарский и Волконский двинулись к Серпухову, чтобы заградить ему переправу. Но тут в рати произошли какие-то волнения; бывшие у них казаки опять заворовали; а главное, Пожарский снова тяжко заболел и был отвезен в Москву. Гетман успел переправиться, Каширскою дорогою пришел к столице (в сентябре 1618 г.) и соединился с Владиславом, который стоял табором в знаменитом Тушине. Идя к Москве, королевич вновь обратился к ее жителям с грамотой, в которой на этот раз особенно настаивал на том, что его напрасно обвиняют «советники Михаила Романова», будто он намерен истребить православную веру.

Главная опасность заключалась, однако, не в поляках и запорожцах, а в той шатости, которая по временам обнаруживалась среди русских, как отголосок недавней Смуты. Так летописец сообщает, что когда из Можайска прибыли воеводы князь Черкасский и Лыков, между ратными людьми произошло какое-то возмущение; они приходили на бояр с большим шумом и требовали сами не зная чего; волнение едва утихло без пролития крови. А тут еще явилась над Москвою комета, которую народ счел предзнаменованием новых бедствий. Но такое опасение на этот раз оказалось напрасным. Услыхав о походе Владислава от Можайска к Москве, государь собрал 9 сентября духовенство, бояр, служилых и всяких чинов людей, т.е. Земскую думу, и просил у нее совета, как оборонить Святую церковь и всех православных христиан от своего недруга королевича Владислава. Тут все единодушно дали обет Богу «за православную веру и за их государя стоять, и с ним в осаде сидеть, и с недругом его биться до смерти, не щадя голов своих». На том же Земском соборе государь указал расписать воевод и ратных людей по полкам и городам, а «воеводам на Москве и в городах всем быть без мест до 7128 (1620) года». Нужно заметить, что, несмотря на трудное время и грозивших отовсюду врагов, местнические счеты возникали тогда беспрестанно и причи-

няли большой ущерб военным действиям. Царский и соборный приговор хотя ослабил зло; но вполне оно не прекращалось даже ввиду неприятельского нашествия.

На том же Земском Соборе произведена была роспись всем городским воротам, стенам и башням с определением начальных и ратных людей для их обороны. В числе последних, кроме дворян и детей боярских из разных городов, стрельцов, даточных людей, мы видим московских подьячих, гостей, гостиную, суконную и черные сотни. Очевидно, все способные носить оружие были призваны на службу. По тому же соборному приговору в города были посланы бояре и дьяки собирать там ратных людей на помощь Москве. В Ярославль отправился князь Ив. Бор. Черкасский, в Нижний — князь Б.М. Лыков и т.д.

Так как уже наступала осень и неприятелям грозила близкая зима со всеми ее лишениями, то в совете королевича потребовали решить дело внезапным ночным приступом. Но два немецких перебежчика успели предупредить о том московские власти, и осажденные не были застигнуты врасплох. Главный удар направлен был на Арбатские ворота Белого города и соседнюю с ним стену. В ночь на первое октября поляки и запорожцы подошли к этим воротам, которые укреплены были еще внешним острогом. Петардами они вышибли острожные ворота и вломились в него; но москвичи сделали вылазку, и тут произошла жаркая, упорная сеча мечами и бердышами. На рассвете неприятели были отбиты и с большим уроном (до 3000 человек) отступили в свои таборы. У Арбатских ворот начальниками были стольник князь Вас. Сем. Куракин и князь Ив. Петр. Засекин; а пространством между Арбатскими и Никитскими воротами ведал окольничий Никита Вас. Годунов. Этот неудачный приступ смутил неприятелей, ввиду единодушного и дружного отпора со стороны москвичей, грудью стоявших за своего молодого государя. Владислав снова отошел в Тушино; а затем, по совету с гетманом Ходкевичем, канцлером Сапегою, старостами и комиссарами, прислал к боярам с предложением вступить в мирные переговоры. Государь назначил уполномоченными бояр Ф.И. Шереметева, князя Дан. Ив. Мезецкого и окольничего Арт. Вас. Измайлова (снабженных титу-

лами наместников Псковского, Суздальского и Калужского) и двух дьяков, Болотникова и Сомова. Во главе польских и литовских уполномоченных явились епископ каменецкий князь Адам Новодворский, канцлер Лев Сапега и референдарий Александр Корвин Гонсевский. Три раза съезжались обе стороны за Тверскими воротами на речке Пресне и толковали о перемирии; но при взаимных пререканиях и преувеличенных требованиях пока не могли прийти ни к какому соглашению. Вследствие недостатка съестных припасов и конского корма, Владислав покинул Тушино и пошел к Троице-Сергиеву монастырю. Передовые его отряды уже действовали в том краю; но тут они потеряли своего предводителя — лихого наездника Чаплинского, который был убит троицкими служками. Зато в окрестностях Троицы с русской стороны пал крещеный татарский наездник Михаил Тинбаев, сын Каная мурзы, прославившийся своими богатырскими подвигами в схватках с неприятелями. Вскоре потом некоторые литовские отряды были побиты в Ярославском и Устюжском уездах. На льстивые предложения Владислава о сдаче монастырские власти, архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын велели ответить пушечными выстрелами. Военные неудачи, наступившие морозы и недостаток в продовольствии, волнение наемных жолнеров, которым нечем было уплатить, делали положение Владислава критическим. Сагайдачный меж тем отделился от него, пошел под Калугу, с помощью измены захватил ее острог или внешний город и тут остался в ожидании, чем кончатся переговоры.

Владислав предложил возобновить эти переговоры. Московское правительство тем охотнее откликнулось на его предложение, что и в Москве уже сильно давали себя знать лишения и тягости осадного положения; а казачество и чернь начали вести себя неспокойно. Несколько тысяч казаков, соскучась бездействием, проломали часть одного укрепления, ушли и занялись грабежом в окрестностях столицы. Едва удалось разными обещаниями уговорить их воротиться на свои места. 23 ноября те же уполномоченные съехались под Троицею в селе Деулине. Возобновились и прежние пререкания, и заносчивые требования поляков. Особенно бран-

ными речами отличался все тот же Гонсевский. Но твердость русских послов и плохие обстоятельства подействовали умиротворяющим образом. 1 декабря 1618 года заключено было четырнадцатилетнее перемирие на следующих главных условиях: Литве предоставлены города Смоленск, Белый, Дорогобуж, Торопец, Себеж, Красный, Новгород-Северск, Чернигов, Стародуб и некоторые другие; Москве возвращались Козельск, Можайск, Вязьма, Мещерск; Филарет Никитич, князь В. Голицын и прочие русские пленники обменивались на Струся и Будила с товарищами; королевичу с польскими, литовскими, немецкими и черкасскими полками немедля оставить московские пределы. Владислав все-таки не отказался от своих притязаний на московский престол; но щекотливый вопрос о том был обойден в Деулинском перемирии с очевидною целию не расстроить соглашения. При всей своей невыгодности, это перемирие было радостно встречено в Москве; ибо давало наконец давно и страстно желаемое успокоение измученному Московскому государству. Царь щедро наградил Ф.И. Шереметева с товарищами.

Те же московские уполномоченные, т.е. Шереметев, кн. Мезецкий и Измайлов, к 1 марта 1619 года отправились в Вязьму, чтобы по условию разменять пленных. Но тут им пришлось довольно долго ждать польских комиссаров; а когда последние приехали наконец в Дорогобуж, то глава их Гонсевский вновь затеял разные пререкания и медлил разменом, в явном расчете, что московское правительство ради освобождения отца государева поступится еще чем-нибудь в пользу Литвы. Но сам Филарет Никитич писал из Дорогобужа русским послам, чтобы они не уступали более ни одной четверти земли. Наконец размен состоялся между Дорогобужем и Вязьмою, 1 июня, на пограничной речке Поляновке. На ней были устроены два моста: по одному проехал на русскую сторону в колымаге митрополит Филарет, за которым шли пешие М.Б. Шеин, думный дьяк Томила Луговский и прочие русские полоняники; а по другому в это время шли в противоположную сторону польские полоняники. Князь В.В. Голицын не дожил до освобождения и незадолго перед тем умер в плену; только тело его было отпущено на родину. Князя Ив. Ив. Шуйского поляки пока удержали на

королевской службе и только в следующем, 1620 году, по особой просьбе бояр, отпустили его в Москву.

Возвращение Филарета в столицу было приветствуемо торжественными встречами. В Вязьме спрашивали его о здоровье бояре Бор. Мих. Салтыков, кн. Ив. Бор. Черкасский и кн. Аф. Вас. Лобанов-Ростовский; в Можайске его ожидали архиепископ рязанский Иосиф, боярин кн. Д.М. Пожарский и окольничий князь Гр. Конст. Волконский, в Звенигородском Савинском монастыре разные духовные и светские лица, с вологодским архиепископом Макарием и боярином Вас. Петр. Морозовым во главе в подмосковном селе Хорошове управлявший тогда Патриаршим ведомством крутицкий митрополит Иона, троицкий архимандрит Дионисий и боярин кн. Д.Т. Трубецкой. Сам государь со всем освященным Собором и всенародным множеством встретил отца на реке Пресне, 14 июня. Оба они упали друг другу в ноги и, по описанию этой встречи, несколько минут оставались в таком положении, проливая радостные слезы. Потом Филарет сел в колымагу, а государь с народом пошел пеший впереди. Первым делом по возвращении Филарета было посвящение его на престол Всероссийской патриархии, который со времени Гермогена не замещался, в ожидании отца государева. Для сего воспользовались пребыванием в Москве Иерусалимского патриарха Феофана, приехавшего за милостынею. Феофан вместе с русским освященным Собором просил «великого труженика» принять вдовствующий престол св. Петра. Филарет, по обычаю, сначала отказался, но потом согласился. 24 июня он уже был посвящен [3].

Все эти внутренние и внешние войны с воровскими казаками и русскими ворами, со шведами и поляками стоили чрезвычайного напряжения Московскому государству, уже страшно разоренному предыдущим Смутным временем. Важнейшая забота правительства поэтому устремлена была на добывание средств для содержания войска. И вот Великая Земская дума, с мая 1613 года подкрепленная соизволением вновь выбранного царя, рассылает по городам сборщиков, мирских (дворян и дьяков) и духовных лиц (архимандритов и игуменов) с грамотами, в которых приглашает население, особенно торговых людей, по мере сил («облажа-

ся по своим прожитком и промыслом») вносить в казну деньгами, хлебом, сукнами и другими товарами на жалованье ратным людям. «Дворяне, и дети боярские, и атаманы, и казаки, и стрельцы, и всякие ратные люди великому государю нашему бьют челом беспрестанно, а к нам царского величества богомольцам (т.е. духовенству) и к боярам приходят с великим шумом и плачем по вся дни, что они от многих служб и от польских и литовских людей разорения бедны и службы пополнити нечем, и будучи на государево есть нечего, и от того из них многие по дорогам ездят, от бедности грабят и побивают, а уняти их никакими мерами, не пожаловав, немочно».

Города с подобными жалобами на свое крайнее разорение от литовских людей и русских воров также посылали в Москву, прося льгот и всяких облегчений от податей и повинностей. Такие же жалобы встречаем и от некоторых монастырей. Поэтому с означенными требованиями правительство, естественно, обращалось по преимуществу в северо-восточные края, менее других пострадавшие в Смутное время. Между прочим, от царя и от Земской думы сборщики с таковыми грамотами были отправлены к известным солепромышленникам Строгановым в Сольвычегодск и в их городок Орел на Каме. Представителями этой семьи тогда были сыновья современников Ивана Грозного, т.е. трех братьев — Якова, Григория и Семена, — Максим Яковлевич, Никита Григорьевич, Андрей и Петр Семеновичи. Кроме требования добровольной жертвы, судя по грамотам, на них, так же как и на торговых людях вообще, причитались те казенные доходы, которые они не вносили в предыдущие смутные годы (невзирая на денежное вспомоществование Строгановых царю Василию Шуйскому). В 1614 г. в Москву доставлены были от Строгановых 3000 р.

Но собранные таким способом средства оказывались недостаточны. Поэтому в следующем 1615 г. указом государя и приговором Великой Земской думы «велено со всех городов Московского государства, со всех людей с животов сбирать служивым людям на жалованье деньги, пятая доля» (по-видимому, 20% валового дохода). Это касалось, собственно, посадских, т.е. гостей, торговых и черных людей; а уезд-

ные люди, крестьяне, обложены по 120 руб. с сохи «живущей» или обрабатываемой (соха тут равняется приблизительно 800 четям или 400 десятинам). Сия «пятая деньга» собиралась с большою строгостью, т.е. с помощью «нещадного» правежа, и притом собиралась не товарами, а чистыми деньгами, и опять преимущественно в северо-восточных Приволжских и Прикамских местах. Только с восточных инородцев ясак взимался соболями и другими мехами. На долю помянутых четырех братьев Строгановых пришлось к прежним 3000 приплатить «пятинных денег» 13 800 руб. А в следующем 1616 году им предписывалось прислать полные 16 000 в Москву, где вручить их соборному старцу Дионисию Голицыну, чудовскому архимандриту Авраамию, богоявленскому игумену Симону, боярину князю Д.М. Пожарскому и дьяку Семену Головину. (Это был род финансовой комиссии, выбранной из своей среды Великою думою для сбора пятой деньги.) Но Великая дума сим не ограничилась, а в том же 1616 году, и даже в том же апреле месяце, особым приговором постановила взыскать со Строгановых еще 40 000 руб., в счет будущих с них «податей и пошлин». Приводим только те земские приговоры, которые дошли до нас; были, конечно, и другие о подобных же чрезвычайных сборах. Дело в том, что именно в это время, при продолжавшейся еще борьбе со шведами, война с Польшею получила неблагоприятный для нас оборот под Смоленском: поляки перешли в наступление. Стали ходить слухи о приготовлениях Владислава к походу. Московское правительство, с своей стороны, должно было напрягать силы и готовиться к отпору.

Для того чтобы собирать подати и пошлины, надобно было привести в известность наличное имущество жителей после московского разоренья. С этою целью из Москвы рассылались по областям дозорщики, которые проверяли имущество по писцовым и дозорным книгам. Но это дело пока не было упорядочено. Да и само главное население еще не вдруг, а постепенно входило в свою обычную колею при отбывании повинностей и налогов. Последние часто не вносились сполна; иногда встречалось даже открытое сопротивление, в том случае, когда царские воеводы и дьяки пытались выколачивать недочеты посредством правежа.

Вообще почти все в Московском государстве приходилось вновь устраивать или упорядочить, начиная с самого двора и правительства. Предыдущая Смутная эпоха при частой смене правительств, между прочим, произвела значительную путаницу в отношениях знатных фамилий между собою и к верховной власти. Одни фамилии пришли в упадок, захудали; другие, наоборот, выдвинулись, возвысились. Отсюда происходят беспрерывные местнические столкновения, и молодой государь вместе с Боярской думой постоянно должен был заниматься разбором родовых счетов (давать им «суд и счет»). Мы видели, как вредно отзывались счеты воевод на ратном деле. Но и при дворе по всякому поводу при приеме иностранных послов, при царском обеде, при наряде в рынды и т.д. боярин, окольничий, стольник, дворянин бьет челом, что ему с таким-то или ниже такого-то быть «невместно»; причем не слушает царского приказу. По разборе дела нередко таких местников присуждают посадить на известное время в тюрьму или бить батогами и выдать головою противнику. Но подобный местник честь своего рода ставил выше своей личности и терпеливо переносил наказание; а иначе, записанное в Разряд, назначенное ему место становилось предметом местнических ссылок на будущее время по отношению не только к нему самому, но и к его родственникам и потомству. Иногда только помогало объявленное от имени государя повеление в каком-либо случае «быть без мест», потому что на таковые случаи впоследствии не должны были ссылаться местники. Самые близкие родственники царя не избавлялись от подобных счетов; ибо свежа еще была память об отношениях Романовых к другим знатнейшим родам. Мы видели, что при короновании Михаила Феодоровича в июле 1613 г. даже тушинский боярин, князь Д.Т. Трубецкой не хотел быть меньше дяди государева Ивана Никитича Романова. В том же 1613 году в сентябре (а по сентябрьскому счету уже в 1614 г.) на праздник Рождества Пресв. Богородицы государь позвал к своему столу князя Ф.И. Мстиславского, И.Н. Романова и князя Б.М. Лыкова, и тут князь Лыков бил челом, что ему «меньше быть» И.Н. Романова «невместно». На этот раз, впрочем, он послушался увещаний государя и «у стола был»; но в следующем

апреле месяце на Вербное воскресенье, когда к царскому столу были позваны те же бояре, князь Лыков снова бил челом о том же и соглашался «сидеть ниже» и «к чаше ходить после» Романова только в том случае, если «государь укажет быти ему меньше Ивана Никитича по своему государеву родству» (а не по родовым счетам). Тогда и Романов, в свою очередь, бил челом на Лыкова, что он его своим челобитьем «обесчестил». Дело кончилось тем, что упрямый Лыков все-таки к царскому столу не поехал, и его выдали головою Ивану Никитичу.

Само собой разумеется, что знаменитый князь Д.М. Пожарский хотя и возвысился своими великими заслугами, но, как вышедший из захудалого рода, не мог избежать многих местнических столкновений. Уже при его пожаловании в бояре, как мы видели, думный дворянин Гаврило Пушкин не хотел «стоять у сказки» ему боярства думным дьяком Сыдавным-Васильевым, но покорился распоряжению «быть без мест». А спустя несколько месяцев сам Пожарский отказался стоять у сказки, когда тот же дьяк Сыдавный-Васильев сказывал боярство Борису Михайловичу Салтыкову. Но этот Салтыков был тогда в числе самых властных лиц; он с своим меньшим братом Михаилом бил челом на Пожарского в бесчестии. На приведенные ими ссылки Пожарский ничего не отвечал; однако к сказке не пошел, а уехал домой и сказался больным. «Поговоря с боярами», государь велел, чтобы боярство сказывал дьяк один, а в Разряде записать, что сказано в присутствии Пожарского. Очевидно, Михаил Феодорович и Боярская дума желали пощадить знаменитого князя. Но Салтыков опять «ударил челом» государю на Пожарского в бесчестье. Дело снова обсуждалось в Боярской думе и кончилось тем, что князя Димитрия Михайловича привели на двор Б.М. Салтыкова и выдали головою.

Сама правительственная власть в первые годы Михайлова царствования, по-видимому, еще не сложилась, не отлилась в твердые, ясно очерченные формы, хотя заметно очевидное стремление к ее восстановлению в прежнем объеме. Рядом с царем остается Великая Земская дума, его избравшая, и все важные меры исходят от царя и этой Думы; обыкновенно вместе с царскими грамотами мы видим гра-

моты того же содержания, издаваемые от имени Земской думы. Таковы грамоты о мерах против Ивашки Заруцкого и воровских казаков, о посылке воевод на литовских людей и черкас, о пятой деньге и других чрезвычайных сборах. Избирательный Земский Собор 1613 года помогал в управлении Михаилу до 1615 года включительно. В этом году он был распущен. Но помощь всей земли в управлении государством считалась еще столь необходимой, что вскоре объявлены были новые выборы в Земскую думу; она собралась уже в следующем 1616 году и продолжала ту же деятельность. За неимением указаний, не можем сказать положительно, но, кажется, та же самая Земская дума 1616 г. заседала в Москве и в 1618 г., в трудную эпоху Владиславова нашествия. Ввиду наступавшей опасности и вреда от местничества, она утвердила государево предложение, чтобы воеводы и служилые люди «были без мест» до 1620 года; а затем участвовала в самом распорядке обороны. Одним из последних актов этой Думы второго созыва, по-видимому, было торжественное участие в просьбе Филарету Никитичу принять на себя патриарший сан.

Вообще никогда на Руси Великая Земская дума не была таким господствующим и постоянным правительственным учреждением, как в шестилетний период от избрания Михаила Феодоровича до возвращения из плена Филарета Никитича. Но душою правительства в это время оставалась Боярская дума, которая притом входила и в Земскую думу, как ее главная составная часть. По всем признакам, эта Боярская дума недаром обязала юного государя записью условий при его избрании. По одному свидетельству, близкому по времени, Михаил, «хотя и писался самодержцем, но ничего не мог делать без боярского совета». Другое, почти современное свидетельство с негодованием говорит, что бояре «уловивши» Михаила присягнуть на их вольностях, широко пользовались его юностию, неопытностию и смирением для своих «мздоиманий» и «насилий» над православным людом. Но далее личных корыстных целей члены Боярской думы, очевидно, не пошли и не упрочили за ней господствующего государственного значения. Чему способствовало отсутствие деятельного, энергичного руководителя и соперничество

самих членов. Первое место в этой Думе занимал Ф.И. Мстиславский, известный именно противоположными качествами. А затем в ней заседали родственники и свойственники молодого государя, каковы: дядя его Иван Никитич Романов, двоюродный брат (сын тетки Марфы Никитичны) Иван Борисович Черкасский, Федор Иванович Шереметев, Алексей Юрьевич Сицкий и братья Салтыковы, Борис и Михаил Михайловичи. Из них наиболее искусным дельцом, опытным в государственной политике является Шереметев, вполне преданный Михаилу, избранию которого, как известно, он много способствовал. Однако наибольшим значением при дворе пользовались тогда братья Салтыковы, благодаря покровительству царской матери, великой старицы Марфы, которой они приходились племянниками. Уже по самому характеру своему не расположенный к самостоятельному и сколько-нибудь решительному образу действия, Михаил до возвращения отца, можно сказать, не выходил из привычного послушания своей матери и продолжал вести почти монастырский образ жизни, часто отправляясь на богомолье в ту или другую обитель. А великая старица, пережившая много горя и разных превратностей, достигши властного положения, не отличалась мягким характером. Ее любимцы, братья Салтыковы, многое позволяли себе, надеясь на ее заступничество, и, вероятно, на них-то более всего намекает летописец, говоря о мздоимцах и насильниках. Мы видели, как Д.М. Пожарский поплатился за свою попытку местничать с Борисом Салтыковым. До какой степени эти братья злоупотребляли своим придворным значением, показывает дело о первой невесте Михаила Феодоровича.

Государю было уже за 20 лет, когда великая старица Марфа решила его женить. Она сама выбрала ему невесту: то была дочь скромного дмитровского помещика Ивана Хлопова. Этот Хлопов во время Бориса Годунова состоял приставом при Марфе Ивановне в Клину, куда она была отправлена с сыном после ее возвращения из заонежской Толвуйской ссылки. А великая старица взыскивала своими милостями всех, кто оказывал ей или ее семье услуги в Смутное время. Так, ради нее были награждены землею и обельными грамотами толвуйский священник Ермолай Герасимов с сыном

Николаем и толвуйский крестьянин Поздей Тарутин с братьями и детьми. По ее же просьбе таковым же пожалованием награжден Богдан Сабинин за службу и «за кровь тестя его Ивана Сусанина».

Марья Ивановна Хлопова очень полюбилась Михаилу. По обычаю, она была уже взята в «верх», т.е. в царский терем, где находилась под обереганием своей бабки Желябужской, родственницы Милюковой и, по-видимому, еще мачехи, т.е. жены ее отца. Ее уже нарекли царицей, причем переменили ее имя на Анастасию; к ней назначены придворные чины. Отец ее Иван и дядя Гаврила вызваны в столицу; им указано служить при государе. Но, кажется, эти братья Хлоповы, отуманенные внезапным приближением к трону, слишком рано и неосторожно возвысили свой тон; чем и возбудили вражду в братьях Салтыковых, опасавшихся найти в них соперников по влиянию. Однажды государь с приближенными людьми был в Оружейной палате и смотрел оружейную казну. Тут ему показали турецкую саблю и стали очень ее расхваливать. Кравчий Михаил Михайлович Салтыков заметил при сем, «что и на Москве государевы мастера сделают такую же саблю». Государь подал саблю Гавриле Хлопову и спросил его, как он о том думает. Гаврила ответил: «Сделают, только не такую же». Тогда Михаил Салтыков вырвал у него саблю из рук, заметив, что он говорит зря, не зная дела. Гаврила не захотел уступить, и у них произошла перебранка.

Недели две спустя после того у Марьи Ивановны Хлоповой вдруг открылась рвота, и она захворала желудочным припадком. Михаил Салтыков обратился к придворным медикам и спрашивал у них, что это за болезнь и нет ли от нее препятствия чадородию. Медики-иностранцы, доктор Валентин Вильс и лекарь Балсырь, успокаивали; говорили, что болезнь неважная и скоро пройдет. Но Салтыков мешал лечению, искажал слова медиков; уверял, что болезнь опасная, и приводил какой-то подобный случай, окончившийся скорою смертию. Собрали семейный совет; старица Марфа пристала к мнению Салтыкова, что «нареченная невеста к государевой радости непрочна». Михаил Федорович хотя и полюбил Хлопову и очень жалел ее, но остался верен своему ха-

рактеру и согласился на жестокий приговор. Невесту его удалили из дворца; а вскоре затем ее сослали в Тобольск вместе с родными (1618).

В ту же эпоху самовластия старицы Марфы Ивановны и ближних бояр обрушилось неправедное гонение на одного из главных подвижников освобождения России от поляков и русских изменников; я говорю о троицком архимандрите Дионисии. Автор его жития рассказывает, что, по совершении патриотического подвига, Дионисий в стенах своего монастыря продолжал отличаться необычайным смирением и аскетическим образом жизни. Он был до того кроток и ласков в отношении братии, что обыкновенно отдавал приказания в такой форме: «Если хочешь, брат, то поди и сделай то-то». Разумеется, ленивые и строптивые из братии нередко злоупотребляли его кротостию и смирением. Одни не двигались с места на том основании, что исполнение приказания предоставлялось на их волю; другие заводили с архимандритом разные пререкания и безнаказанно оскорбляли его. Особою дерзостию в этом отношении отличались головщик Логин и уставщик Филарет. Логин кичился своим звучным, красивым голосом; он искусно читал и пел на клиросе, но при сем своевольничал и по своему невежеству сочинял иногда такие распевы, которые совершенно искажали смысл и вызывали смех. Например, он произносил: «Аврааму и смени его до века» (вместо семени). Дионисий делал замечания, но Логин не внимал ему и возненавидел его как своего соперника; ибо архимандрит сам читал и пел так приятно, что народ его заслушивался. На его замечания Логин отвечал бранью и называл дураками сельских попов, которые сами не знают, чему людей учат. «Знал бы ты одно, архимандрит: с мотовилом своим на клиросе, как болван, онемев, стоят». Приятель Логина Филарет гордился тем, что более сорока лет занимал у Троицы должность уставщика; а потому считал себя гораздо опытнее и умнее архимандрита, и даже сочинил собственное учение о человекообразности Божества на том основании, что Бог создал человека по образу и по подобию своему. Напрасно Дионисий обличал его келейным способом, не желая доводить дела до власти царской и патриаршей. Логин и Филарет сами посылали на него жалобы в Москву.

Рядом с этими биографическими чертами правительственные акты того времени показывают, что в заботах о материальном благосостоянии своей обители знаменитый архимандрит не отставал от других настоятелей, которые выхлопатывали разные льготы их монастырям, наиболее прославившимся в Смутную эпоху, каковы Кирилло-Белозерский, Ипатьевский, Соловецкий и пр. Так, вместе с известным келарем Авраамием Палицыным, Дионисий бил челом государю об изъятии всяких монастырских грамот от платежа пошлин, о возобновлении в Москве на Конской площади пошлины, взимаемой с продажных лошадей в пользу Троицкого Сергиева монастыря, о дозволении отыскивать и возвращать в вотчины этого монастыря крестьян, бежавших в течение прошлого десятилетия, т.е. почти за все Смутное время; о том, чтобы Троицкий монастырь во всех делах ведался в одном Приказе Большого Дворца (где тогда начальствовал временщик Борис Мих. Салтыков), и т.д. И все эти просьбы обыкновенно удовлетворялись.

В московское разоренье, когда поляки выжгли столицу, сгорел и Московский печатный двор. В первые же годы Михайлова царствования решено было возобновить печатание богослужебных книг. Но вместе с тем поднят был вопрос об их исправлении или об очищении их от разных искажений и примесей, вносимых в течение веков небрежными и невежественными переписчиками, т.е. возобновили труд, начатый еще Максимом Греком. Для сего труда, между прочим, вызвали в Москву троицкого канонарха старца Арсения Глухого, знакомого с греческим языком, и клементьевского священника Ивана Наседку. А эти два лица, в свою очередь, били челом, что особенно испорчена от неразумных писцов по всей Русской земле настольная книга Потребник и что им одним с этой книгой не справиться. Тогда по царскому указу (1616 г. 8 ноября) исправление Потребника поручено было преимущественно троицкому архимандриту Дионисию; а он, кроме названных лиц, в помощь себе должен был выбрать тех из монастырских старцев, «которые подлинно и достохвально извычны книжному учению и граматику, и риторию умеют». Дионисий с обычным рвением и добросовестностию принялся за порученный им труд и довольно скоро его

окончил. При исправлении Потребника он и его товарищи, между прочим, уничтожили прибавочные слова «и огнем» в молитве при освящении богоявленской воды («и освяти воду сию Духом Твоим Святым и огнем»). Эта невежественная прибавка из неисправных рукописей успела уже перейти в Потребники, напечатанные при царе Федоре Ивановиче и патриархе Иове. Но уничтожение ее возбудило ропот.

В числе наиболее негодующих оказался помянутый выше головщик Логин, который при царе Василии Шуйском и патриархе Гермогене сам участвовал в печатании церковных уставов и самовольно вносил в них разные искажения. Он вместе с уставщиком Филаретом и ризничим Маркеллом написал в Москву донос на мнимую ересь Дионисия и его сотрудников. Местоблюститель патриаршего престола митрополит крутицкий Иона, человек недалекий и малосведущий, дал ход доносу; вызвал Дионисия с товарищами и подверг их строгому розыску. Пристрастные судьи потребовали с Дионисия 500 рублей и, не получив их, велели заключить его в оковы, водить его к митрополиту в праздничные дни по улицам и площадям; чем выставляли его на поругание простому народу, в который была пущена молва, что это такие еретики, которые хотят вывести из мира огонь. Великую старицу Марфу не преминули вмешать в это дело, представляя ей исправителей еретиками.

Дионисий с терпением и кротостию переносил посланное ему тяжкое испытание, а печаловался только о своих товарищах. Из них Арсений Глухой не выдержал и подал челобитную боярину Бор. Мих. Салтыкову, начальнику Приказа Большого Дворца, который, как мы видели, по просьбе самой братии, ведал Троицкий монастырь. Арсений, хотя и оправдывал поправки, но жаловался на Дионисия (и Ивана Наседку) в том, что он такое важное дело совершал не в Москве на глазах у митрополита, а у себя в монастыре. Обвиняемые были осуждены духовным собором. Дионисий приговорен к ссылке в Кириллов Белозерский монастырь (1618). Но так как в это время случилось нашествие на Москву королевича Владислава и пути не были свободны от неприятельских отрядов, то архимандрита заключили пока в Новоспасском монастыре, причем не только наложили на него епитимию в 1000 поклонов, но подвергали побоям и другим мукам[4].

VIII

ФИЛАРЕТ НИКИТИЧ И ВТОРАЯ ВОЙНА С ПОЛЬШЕЮ

Оправдание архимандрита Дионисия. — Искание невесты Михаилу за границей. — Пересмотр дела Хлоповой. — Брак с Евдокией Стрешневой. — Меры экономические. — Новая Земская дума. — Работа писцов и дозорщиков. — Противопожарные меры. — Церковно-обрядовая сторона. — Риза Господня. — Внешние сношения и торговые домогательства иностранцев. — Шведские отношения. — Польские «неправды». — Приготовления к войне. — Наем иноземных полков. — Закупка оружия. — Русские полки иноземного строя. — Выбор Шеина главным воеводою. — Его слова при отпуске. — Объявление войны. — Наказ воеводам. — Чрезвычайные меры по военному обозу и сбору рати. — Поход и поведение Шеина. — Успешное отобрание городов у Литвы. — Дорогобужское сидение Шеина. — Движение к Смоленску. — Слабость смоленского гарнизона.

С возвращением Филарета Никитича из плена произошла большая перемена в московской правительственной сфере. Почувствовалась опытная, твердая рука; боярскому самовластию мало-помалу положен предел; преобладавшее и не всегда благое влияние великой старицы Марфы на своего сына уступило место исключительному влиянию отца, облеченного высшим духовным саном. На государственных грамотах нередко стоят рядом два имени: «Государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея Руси с отцом своим с великим государем святейшим патриархом Филаретом Никитичем Московским и всея Русии».

Некоторые неправильно решенные дела были подвергнуты пересмотру. Так, одним из первых распоряжений пат-

риарха Филарета была отмена соборного приговора по отношению к архимандриту Дионисию и его товарищам. Филарет воспользовался пребыванием в Москве иерусалимского патриарха Феофана и обратился к нему с вопросом: есть ли в греческих книгах при молитве водоосвящения прибавка «и огнем». Феофан отвечал отрицательно. Тогда вопрос был вновь предложен на обсуждение духовного собора; причем Дионисию предоставлена свобода обличать своих противников. Его освободили и возвратили на Троицкую архимандрию (1620 г.). Для вящего убеждения сомневающихся Филарет просил отъезжающего Феофана поговорить об этом вопросе с другими восточными патриархами и справиться в старых греческих служебниках. Феофан исполнил сию просьбу и вместе с патриархом александрийским Герасимом прислал в Москву грамоты, в которых они подтверждали отсутствие в греческих книгах слов: «и огнем». Тогда (в 1625 г.) Филарет разослал указ о том, чтобы церковные власти в печатных Потребниках означенные слова замазали чернилами.

Особенное внимание обратил патриарх на дело о ссылке нареченной государевой невесты девицы Хлоповой. Немедля по возвращении Филарета она была переведена с своими родственниками из Тобольска в Верхотурье, а в следующем 1620 году ее переселили в Нижний, т.е. еще ближе к Москве. Но с пересмотром дела о ней патриарх не спешил, потому что имел в это время другие планы насчет женитьбы своего сына.

Как основатель новой русской династии, естественно, Филарет желал придать ей блеска родственным союзом с каким-либо владетельным европейским домом. И вот началось искание невесты для Михаила Феодоровича по заграничным дворам. Сначала послали одного московского немца в Дрезден, где он тайно, но безуспешно разведывал о саксонских принцессах. Потом, узнав, что у короля датского Христиана IV есть две племянницы девицы, принцессы Шлезвиг-Голштинские, снарядили в 1622 г. в Копенгаген посольство с князем Алексеем Львовым и дьяком Жданом Шиповым. Снабженные подробным наказом, что говорить и как поступать, послы обратились к Христиану IV со сва-

товством старшей его племянницы Доротеи. После многих переговоров с королевскими советниками они наконец получили отказ под тем предлогом, что Доротея уже сговорена за одного немецкого принца. Тогда немедля, в том же 1622 году, московское правительство послало гонца к шведскому королю Густаву Адольфу сватать его свояченицу Екатерину, дочь маркграфа Бранденбургского. Долго тянулись и эти переговоры; но также кончились ничем, потому что со стороны невесты предъявлены были условия: во-первых, оставить ей и ее свите свободное отправление евангелического исповедания, а во-вторых, назначить ей в пожизненное владение особые города и земли. На такие условия московское правительство не могло согласиться, а особенно на первое. Иноземная принцесса, хотя бы и христианка, не только должна была принять православие, но и вновь креститься. (Постановление, чтобы иноверцы, переходящие в православие, подвергались перекрещиванию, было подтверждено на Московском духовном соборе 1620 года.) Кроме весьма затруднительного пункта о перемене исповедания, на неудачи сватовства за границей влияло еще и то обстоятельство, что старые европейские владетельные дома пока недоверчиво относились к прочности новой русской династии, имея перед глазами недавние бури Смутного времени.

Только после сих неудачных попыток Филарет Никитич занялся пересмотром дела о ссылке девицы Хлоповой, к которой Михаил, по-видимому, продолжал питать нежное чувство. Патриарх и царь собрали на семейный совет ближних бояр: Ивана Никитича Романова, князя Ивана Борисовича Черкасского и Федора Ивановича Шереметева. По решению этого совета подвергли допросу Михаила Салтыкова и придворных медиков-иностранцев о болезни царской невесты. Потом призвали к допросу Ивана и Гаврилу Хлоповых, отца и дядю невесты. Наконец отправили в Нижний целую комиссию из разных лиц с Фед. Ив. Шереметевым во главе для допроса самой девицы Хлоповой, ее бабки и других родственников. Оказалось, что она была совершенно здорова и прежде и после своего пребывания во дворце. Интриги и виновность братьев Салтыковых были выяснены. Тогда они подверглись опале: им было указано немедленно выехать из столицы и жить в

своих дальних вотчинах; причем помянули и вообще их неправды и хищения царских земель. Оставалось только воротить во дворец нареченную невесту. Но тут в дело вступилась великая старица Марфа: оскорбленная опалой своих любимых племянников, она с клятвами воспротивилась женитьбе сына на Хлоповой, и тот с обычным своим смирением уступил. Филарет также не настаивал.

Между тем государю шел уже 28-й год, а он все оставался холостым. Отстранив Хлопову, Марфа Ивановна женила сына на княжне Марье Владимировне Долгорукой. Но молодая царица заболела вскоре после свадьбы от неизвестной причины и, спустя три месяца с небольшим, скончалась (в январе 1625 г.).

Только в следующем году Михаилу Феодоровичу удалось наконец с благословения родителей, вступить в прочный брак и устроить свое семейное благополучие. По старому обычаю, в Москву собрали несколько десятков красавиц. Но выбор государя остановился не на знатной девице, а на дочери незначительного служилого человека Стрешнева, Евдокии Лукьяновне, «доброзрачной и благоумной отроковице», как выражается русский хронограф. Отец ее Лукьян Степанович Стрешнев, по некоторым известиям, услуживал знатному и влиятельному боярину Федору Ив. Шереметеву; а дочь его жила при супруге боярина в качестве почти сенной девушки. Можно предположить, что и самый выбор государя произошел не без участия этой боярской четы. Свадьба была совершена 5 февраля 1626 года со всеми древнерусскими обрядами и церемониями, отличавшимися особою пышностию и многолюдством в царском быту. По особому указу велено было придворным чинам «на государской радости» быть без мест. Но главные роли на этой свадьбе, конечно, играли все те же ближние бояре: посажеными отцом и матерью государя были его дядя Ив. Никитич с женой Ульяной Федоровною, тысяцким князь Ив. Бор. Черкасский, большим дружкою кн. Дмитрий Мамстрюкович Черкасский; Федор Иванович Шереметев ведал царским сенником или опочивальным чертогом; кн. Бор. Мих. Лыков верхом на царском аргамаке с обнаженным мечом ездил у дверей этого чертога в качестве конюшего боярина. В числе дружек с той

и другой стороны находим также князя Д.М. Пожарского и М.Б. Шеина; жены их присутствовали на свадебных церемониях в качестве свах; сыновья их также не были обойдены соответственным их возрасту назначением. А в числе участвовавших в процессии «фонарников» встречается Нефед Кузмич, сын знаменитого Минина, скончавшегося в первые годы Михайлова царствования.

Весною царь с молодой супругою предпринял одну из обычных и любимых своих поездок на богомолье, именно в Троицкую Лавру. Но на сей раз поездка сопровождалась большим бедствием. В отсутствие государя в столице произошел ужасный пожар; он начался с Варварского крестца в Китае-городе; отсюда загорелись торговые ряды, от них у Троицкого собора (Василия Блаженного) обгорел верх; потом огонь перебросило в Кремль на ближний Вознесенский монастырь, а затем на Чудов, на Государев и Патриарший двор, на Приказы, в которых погорели «всякие дела».

Брак царя с Евдокиею Стрешневой Бог благословил чадородием. В первые два года родились дочери Ирина и Пелагея (последняя вскоре умерла); а на третий год (1629) в марте, по выражению грамот того времени, «Бог простил царицу»: Евдокия Лукьяновна подарила супругу и России наследника престола, Алексея Михайловича. Его крестил в Чудове монастыре благовещенский протопоп и духовник государев Максим, в присутствии Михаила Федоровича и Филарета Никитича; воспреемником был принимавший всех детей Михаила Федоровича троицкий келарь Александр Булатников, а воспреемницей Ирина Никитична, тетка царя и вдова Ивана Ивановича Годунова. Но эта царская и народная радость была отравлена стихийным бедствием. Тою же весною опять произошел в Москве огромный пожар; на этот раз, однако, не в центре города: выгорело Чертолье по самую Тверскую улицу; погорели слободы за Белым городом; кроме того, горело на Неглинной, на Покровке и в других местах. Следующим затем летом, по замечанию летописцев, были великие бури с громом, молнией, проливным дождем и таким вихрем, который со многих храмов сорвал главы и кресты[5].

Особую заботу Филарета Никитича возбуждало бедственное экономическое состояние государства, которое

плохо поправлялось после разорения, претерпенного в Смутную эпоху. Правительственные акты сообщают, что он, вступив на патриарший престол, немедля со всем освященным собором приходил к государю Михаилу Феодоровичу и советовался о прекращении всякого рода беспорядков и злоупотреблений. Податные тягости ложились на народ крайне неравномерно: с одних взыскивают по писцовым книгам, с других — по дозорным; но и дозорщики, посланные в начале Михайлова царствования для описи имущества в местах наиболее разоренных, исполняли свое дело недобросовестно, так что одним приходилось платить подати легко, а другим тяжело. Притом из разоренных украинских и северных городов многие посадские люди, чтобы не платить податей, приехали в Москву и ближние города, где и живут у своих родственников и приятелей; а в это время их сограждане, оставшиеся на родине, бьют челом, чтобы им дали льготы в податях ради их разорения. Иные посадские и уездные люди, отбывая всяких податей, «заложились» (записались в кабалу) за духовными и мирскими землевладельцами. Наконец многие бьют челом, чтобы их оборонили от обид и насилий, которые они терпят со стороны бояр и всяких сильных людей.

Государи, отец и сын, представили все эти жалобы обсуждению Великой Земской думы (1619), и она постановила следующие меры, утвержденные царем.

В города, не подвергшиеся разорению, послать писцов, а в разоренные «добрых» дозорщиков, которым дать подробные наказы и которые должны присягнуть в том, что будут дозирать по правде, без посулов. Украинских посадских людей, живущих в Москве и ближних городах, сыскивать и отсылать на их родину, предоставив им разные льготы, смотря по степени разоренья. Заложившихся за боярами, духовенством, монастырями и пр. местные власти должны были также сыскивать и высылать на родину, причем с тех, за кем они закладывались, взыскивать происшедшие от того убытки казны, т.е. незаплаченные подати. По жалобам на обиды от сильных людей, учредить особую сыскную палату (собственно, временную комиссию), с князьями Ив. Бор. Черкасским и Дан. Ив. Мезецким во главе. Во всех городах привес-

ти в известность количество денежных и хлебных доходов, собираемых в казну по окладу, их приход, расход, недоимки, места, запустевшие от разорения; расписать, какие села и деревни розданы в поместья и вотчины, какие по окладу с них были денежные и хлебные доходы, куда они пошли и что от них в остатке. Этот ряд мероприятий заключался приказом: прислать в Москву выборных «для ведомости и устроения», т.е. сведущих людей. Для сего от каждого города следовало выбрать одного или двух из духовенства, двух посадских и по два человека из дворян и детей боярских, вообще людей «добрых и разумных», которые бы умели рассказать обиды, насилия и разорения и посоветовать, как Московское государство поправить и «ратных людей пожаловать». Во всяком городе воевода или губной староста, получив царскую и соборную грамоту с означенными постановлениями, должен был созвать в соборный храм местное духовенство, дворян, детей боярских, гостей, посадских и уездных людей из пригородов и уездов, прочесть им вслух грамоту и тут же произвести выборы сведущих людей, которым вручить списки с рукоприкладством и потом отпустить их в Москву.

Новая Земская дума, составленная из этих сведущих людей, первоначально должна была собраться в Москве к празднику Покрова Пресв. Богородицы, т.е. к 1 октября 1620 (сентябрского) года; но потом срок этот был перенесен на 6 декабря по случаю отсутствия из столицы Михаила Феодоровича, который по обету своему ездил тогда на богомолье в Ярославль, Кострому и на Унжу. К сожалению, мы пока не имеем данных, чтобы судить, насколько оправдались возлагавшиеся на сей новый Собор надежды царя и патриарха, и вообще были ли успешны те важные и обширные меры, которые постановлены предыдущим Собором 1619 года. Но из течения последующей истории надобно полагать, что до некоторой степени они были выполнены и немало содействовали восстановлению экономического порядка и общественных отношений, нарушенных событиями и разорениями Смутной эпохи. Наибольшими трудностями, по-видимому, сопровождалось возвращение назад посадских и крестьян, бежавших из разоренных областей и уклонявшихся от податных тягостей. По этому поводу долго еще встречаем пред-

писания правительства областным воеводам о сыске таковых людей, отдаче их на «крепкие поруки» и высылке посадских в их города, а уездных в их волости на «прежние крестьянские жеребья», впрочем, с соблюдением десятилетней давности, дальше которой возвращение не простиралось. Иногда разорение причинялось не одними неприятельскими отрядами или воровскими шайками, но и самими злонамеренными или не по разуму усердными органами правительства. Так, в 1621 году жители Погорелого Городища жаловались обоим государям, что в 1617 г. (в польскую войну) Гаврило Пушкин, присланный из Москвы с повелением разломать и сжечь острог в Погорелом, исполнил это повеление, не дав посадским людям ни единого часу для вывоза своего имущества из острога; поэтому они разбрелись в разные стороны и перебиваются по разным городам. Государи пожаловали их, дали им жалованную грамоту «за красною печатью», велели им воротиться на свои места и велели дать им льготы, одинаковые с жителями Можайска и Вязьмы (тоже разоренных в последнюю польскую войну), а именно на пять лет освободили их от платежа четвертных доходов и других податей, а также от подвод и кормов царским чиновникам. Между прочим, в 1620 году встречаем жалобу калужан на полное разорение их от запорожцев Сагайдачного при нашествии королевича Владислава. Царь Михаил дал им льготу: на три года освободил их от «всяких четвертных доходов, пятинных и запросных денег, хлебных запасов и иных податей», а также от подвод и кормов посланникам, гонцам и стрельцам, за исключением спешных дел («опричь скорых дел»). Спустя с небольшим два года те же калужане вновь бьют челом о льготах по случаю страшного пожара, истребившего город и острог «со всеми их животами». И на этот раз оба государя, отец и сын, пожаловали их: еще на три года освободили от тех же податей и повинностей, с прибавкою «городового и острожного дела», т.е. освобождения от обязанности строить укрепления.

Но что в особенности заслуживает уважения из мероприятий, указанных Земским Собором 1619 года, — это громадная работа писцов и дозорщиков. Писцы, как мы видели, посылались в неразоренные города, а дозорщики в разорен-

ные. Но дозорные книги имели только временный характер; по мере того как областные хозяйства приходили в нормальный порядок, они подвергались подробной описи, которая вносилась в писцовые книги. Эти книги уже в XVI веке составляли предмет попечения и усилий московского правительства; а в XVII они приняли еще большие размеры и велись с возможною тщательностью. Множество их погибло во время московского разоренья; сию медленную кропотливую работу приходилось начинать сызнова, и даже не один раз. Так, в 1626 году большой московский пожар опять истребил значительную часть писцовых книг; правительство принялось их восстановлять; по словам летописца, «царь послал писцов во всю землю».

Отправленные из московских приказов по областям писцы и дозорщики — дворяне и дьяки с подьячими — должны были бороться с разнообразными трудностями, чтобы производить описи городов, уездов и волостей, возможно близкие к истине. Во-первых, мешала подвижность населения, частию продолжавшего переходить с места на место; во-вторых, общее стремление тяглого люда в своих показаниях уменьшать размеры своего хозяйства и количество рабочей силы, ради уменьшения податей. Иные посадские или уездные люди, заслышав о приезде писцов, уходили к соседям или к родственникам в другие места, чтобы дворы их были означены пустыми, в которые и возвращались по отъезде писцов. Укрывательства эти производились тем усерднее, что писцы и дозорщики пользовались полным содержанием на счет населения, следовательно, сами по себе уже составляли некоторое бремя. Помещики тоже прибегали к разным ухищрениям, чтобы менее платить податей: например, выдавали свои поместья за вотчины, утаивали часть своих земель и крестьян; два крестьянских двора огораживали вместе и делали к ним одни ворота, переводили крестьян в разряд бобылей и т.п. Сами писцы, невзирая на врученные им подробные наказы и наставления, по своему неумению или неподготовленности к статистическим работам, впадали нередко в ошибки и пропуски. Бывали случаи и прямых злоупотреблений, т.е. взяток, ради которых писцы и дозорщики, вопреки особой присяге, уменьшали количество земли и

тяглых дворов или записывали земли не за их законными владельцами. Вследствие возникавших отсюда жалоб со стороны соседей и лиц пострадавших, правительство сменяло писцов и присылало других, которые производили проверку описей. Несмотря, однако, на подобные трудности и помехи, писцовое дело в общем составило великую заслугу московского правительства и дало обильный, драгоценный материал для уяснения экономического состояния государства.

Из правительственных распоряжений той же эпохи замечательны меры против частых пожаров, опустошавших столицу. В начале царствования Михаила Феодоровича на московском Земском дворе выставлялись черными сотнями и слободами тридцать человек «ярыжных» (пожарных) с тремя водовозными лошадьми. В 1622 году царь и патриарх указали число ярыжных увеличить до сотни и прибавить лошадей. Кроме содержания для этой команды, те же обыватели обязаны были доставлять известное количество медных труб, крюков, парусины, топоры, кирки, бочки, ведра и прочую «пожарную рухлядь». После великого пожара весною 1629 года государь указал устроить еще сотню ярыжных и прибавил 20 лошадей с бочками; но так как черные сотни и слободы неоднократно били челом на свои тягости, то сия ярыжная сотня и бочки устроены на счет государевой казны. К этим бочкам велено городовым извощикам выставлять на каждую ночь по 20 человек; а если случится пожар днем, то очередные извощики должны были немедля являться на Земский двор к государевым телегам и бочкам. Кроме ярыжных людей в тушении пожаров обязательное участие принимали московские стрельцы. Сверх того, на случай пожаров велено по большим улицам сделать с каждых десяти дворов по колодцу. Обращено внимание и на скученность или неуместность построек; например, государь велел переписать избы, стоявшие вдоль Кремлевского рва, позади церквей между Фроловскими и Никольскими воротами, и узнать, почему они там поставлены.

Устранение ограничительных боярских притязаний и формальное восстановление царского самодержавия в эпоху Филарета Никитича с особою наглядностию выразились в указе о новой государевой печати в 1625 году: на этой печа-

ти в царском титуле прибавлено слово «самодержец», каковою печатью и приказано скреплять всякие правительственные акты.

Как верховный и независимый глава Русской церкви, патриарх Филарет немало потрудился над ее благоустройством и восстановлением порядков, нарушенных анархическими явлениями Смутной эпохи. С особою, конечно, заботливостию он следил за богослужебною обрядовою стороною в самой столице, наблюдал за точным исполнением церковных уставов и во многом дополнил их своею властию. Между прочим, от его времени дошел до нас составленный для Успенского собора любопытный «Указ трезвонам во весь год, когда (звонить) в новый и большой колокол, и когда в ревут, и когда в средний, в лебедь». В важнейшие праздники и главные царские дни благовестили в самый большой колокол; в следующие за ними по степени значений — в колокол, называвшийся «ревутом»; а при менее важных торжествах во время богослужения трезвон бывал средний, причем ударяли в колокол, носивший название «лебедя». Например, в именины государя (на преп. Михаила Малеина, 12 июля) был благовест в большой колокол и «звон во вся» (во все колокола). В некоторых случаях происходил «звон во вся без большого»; например, 1 сентября, в день Нового года, с которым соединяли и проводы старого или так называемое «летопровожение» (праздник преп. Симеона Столпника, отсюда прозванного в народе Летопроводцем). В этот день патриарх совершал торжественный выход из Успенского собора со крестами, чудотворными иконами и хоругвями на площадку к Архангельскому собору; а государь выходил туда же из Благовещенского собора. Там ставили два «места» (две сени), царское и патриаршее. Государь принимал от патриарха благословение; после чего оба они становились на свои места. Звон прекращался; при пении патриаршего хора бояре и все власти попарно подходили и совершали по два поклона царю и по одному поклону патриарху. Затем происходило освящение воды. Сей торжественный выход оканчивался многолетием государю «со властьми» и обращенным к нему приветственным словом патриарха. Приложившись к чудотворным иконам и к двум евангелиям, государь возвращался

в Благовещенский собор, где слушал обедню; а патриарх шел в Успенский собор, где сам совершал литургию.

Эти и многие другие обрядовые подробности находим мы в названном выше «Уставе о трезвонах». Как строго Филарет наблюдал точное исполнение устава, свидетельствует следующий там же приведенный случай. В 1630 году патриарх «велел старост звонарских бить нещадно батоги за то, что они зазвонили» несколько ранее, чем следовало, во время описанного выхода на Новый год[6].

Филарет Никитич не упускал случая возвысить свой дом также помощию предметов веры и благочестия. Московский посол в Персии Коробьин известил государей, что шах Аббас предлагает подарить им срачицу Христову, которую он захватил во время своего похода в Грузию. Государи приказали всеми мерами добиваться этого сокровища. В 1625 году действительно приехали от шаха Аббаса послы Русан-бек и Мурат-бек, и на торжественном приеме их в Грановитой палате поднесли патриарху Филарету Никитичу золотой ковчег, в котором заключен был небольшой кусок ветхой полотняной материи. Так как сия святыня пришла от иноверного царя, то патриарх вместе с освященным собором, ради ее испытания, устроили молебны, недельный пост и хождение с нею по больным. Затем разослана была окружная грамота к областным архиереям с известием о чудесных исцелениях и с повелением ежегодно отправлять празднество в честь Ризы Господней 27 марта. Самая срачица в золотом ковчеге хранилась в Успенском соборе; от нее отрезали две части: одну в особом ковчеге носили по больным, а другую вложили в крест, находившийся у государя. С самой святыней соединена была такая легенда: при распятии Христа присутствовал один римский воин из Грузии; когда метали жребий о хитоне, он упал на сего грузина, и последний отвез хитон на свою родину.

Главный персидский посол, привезший срачицу Господню, Русан-бек в Москве предался пьянству, буйству и душегубству: убил одну из своих жен и шестерых своих прислужников; по просьбе его товарищей государь велел развести его с ними и поставить на разных дворах. Потом при возвращении этого посольства в Персию он отправил с ним и сво-

их послов, именно князя Тюфякина, Феофилатьева и дьяка Панова. По жалобе из Москвы на буйство Русан-бека шах велел его казнить. Но, в свою очередь, он жаловался на непослушание и грубости московских послов; хотя сии последние в сношениях с персидским двором держались данного им наказа. Сверх того, князь Тюфякин, возвращаясь из Персии, в Кумыцкой земле украл девицу и провез ее в сундуке. В Москве послы подверглись опале: государь велел отобрать у них поместья и вотчины и посадить их в тюрьму.

Дружественные сношения Михаила с шахом Аббасом продолжались во все время их царствования. Вначале шах помог даже Михаилу деньгами: в 1617 г. он прислал слитков серебра на 7000 рублей. Эти дружественные сношения не мешали, однако, взаимным жалобам на разные притеснения торговым людям и послам. До какой степени московское правительство строго относилось ко всякому отступлению от посольского наказа, показывает особенно пример дьяка Тюхина, который состоял при послах князе Барятинском и Чичерине. В 1620 году по возвращении из Персии в Москву он был обвинен в изменническом образе действия: главная вина его состояла в том, что, призванный «шахом, он ездил к нему один без товарищей и выслушивал его упреки на невежливое обращение с его послами в Московском государстве. Несчастного дьяка по распоряжению Боярской думы подвергли жестокой пытке, а потом сослали в Сибирь, где посадили в тюрьму.

Вообще в царствование Михаила Федоровича внешние сношения России весьма оживились и стали играть более важную, чем прежде, роль в нашей государственной жизни. С одной стороны, новая династия, руководимая дальновидным отцом государя, всюду искала себе поддержки и полезных связей для отпора своему главному врагу, Польше; а с другой, громкие события Смутного времени, естественно, привлекли внимание иностранцев и ближе ознакомили их с Восточною Европою. Но внимание это направилось преимущественно на те промышленно-торговые выгоды, которые можно было извлечь из сношений с московским правительством. Особенно о таких выгодах хлопотали практичные англичане. После Столбовского договора, заключенного при

английском посредничестве, отправлено было в Англию к Иакову I московское посольство с изъявлением благодарности за это посредничество, а главное, с просьбою помочь деньгами и заключением против поляков союза с Данией, Швецией и Нидерландами. Англичане ограничились присылкою в займы 40 000 ефимков или 20 000 рублей. Уже после окончания польской войны и возвращения Филарета из плена, в 1619 г. приехал послом из Англии столь известный москвичам Джон Мерик и удостоился торжественного приема от обоих государей; причем вручил им подарки, состоявшие из серебряных золоченых изваяний льва и страуса, кубков и других сосудов, бархата, атласа, сукон и т.п. Во время переговоров с боярами он изложил целый ряд жалоб: на убытки, понесенные английскими купцами в Смутное время, на уменьшение в весе русского рубля, на английских прикащиков и слуг, растративших купеческие деньги, а потом поженившихся на русских женщинах или вступивших в русскую службу и подданство, и т.д. В заключение он снова просил дать английским торговцам свободный проезд через Россию в Персию. Царь велел собрать московских гостей и спросить их мнения на этот счет. Гости дали приблизительно такой ответ, что от свободного проезда, конечно, будут большие убытки русским людям, которые служат посредниками в торговле заморскими (европейскими) и персидскими товарами; но что они готовы терпеть убытки, если с английских купцов будут брать большую пошлину и от того будет прибыль государевой казне. Когда Мерику предложили вопрос о пошлине, то он уклонился от дальнейших переговоров по этому предмету, так как имел в виду беспошлинный провоз товаров в Персию. Посольство его кончилось тем, что, по его просьбе, ему возвратили занятые 20 000 рублей и отпустили. Перед своим отъездом он, однако, успел испросить у царя и патриарха семнадцати английским гостям, жившим в России, жалованную грамоту на беспошлинную торговлю.

В начале своего царствования Михаил Феодорович безуспешно обращался с просьбою о помощи против поляков и к молодому французскому королю Людовику XIII. Когда же Московское государство умиротворилось, в 1629 году в Москву явилось первое французское посольство в лице

Де Ге Курменена. Он вел себя довольно надменно, заводил споры о царском титуле, о церемониях приема, просил о разрешении французским купцам иметь при себе католических священников, вести беспошлинно торговлю и пользоваться свободным проездом в Персию; взамен чего выставлял на вид неприязнь французского короля к Австрийскому дому, который дружит с польским королем. Но все эти домогательства оставлены без последствий, и французский посол уехал ни с чем. За ним приехало посольство от Голландских Штатов, которое указывало на их борьбу с испанским королем и вообще с католичеством и хлопотало о разных торговых льготах, даже о монополии на вывоз хлеба и льну из Архангельского порта. Мало того, оно просило о разрешении распахивать пустые земли, очевидно намереваясь направить в Московское государство и земледельческую колонизацию; а в заключение домогалось все того же беспошлинного транзита в Персию, и притом монопольного, на 30 лет, за что обещало по 15 000 рублей ежегодно. Эти домогательства голландцев были также бесплодны. В следующем 1631 году явилось датское посольство: оно просило для своих торговцев о беспошлинном вывозе хлеба из России и о том же свободном пути в Персию, и также безуспешно. Но с датчанами происходили у нас столкновения на северных приморских границах, и для заключения мирного договора ездили московские послы в Копенгаген. Там, однако, их приняли дурно и отпустили ни с чем. Причиною таких отношений было отчасти то обстоятельство, что мы в это время датской дружбе явно предпочитали шведскую, имея в виду наш главный тогда интерес: отношения к Польше.

После заключения Столбовского мира между Швецией и Россией не скоро еще установились приязненные отношения: им мешали, во-первых, споры о новых границах, которые проводились вследствие уступки областей шведам, а во-вторых, многие переселения из этих уступленных областей в московские пределы. Переселялись отчасти по причине больших налогов, а главное, православные люди весьма неохотно поступали в подданство иноверной, лютеранской державы; особенно уходили оттуда лица духовные, т.е. священники и монахи. Шведское правительство в силу договора

требовало выдачи перебежчиков; а московское от этой выдачи уклонялось и приказывало пограничным воеводам отсылать перебежавших крестьян далее от границы в дворцовые села и сажать там на казенных пашнях. Корела и другие уступленные области в церковном отношении продолжали причисляться к Новгородской епархии; новгородский митрополит ставил там священников и святил новые церкви. С одной стороны, шведы подозрительно смотрели на эти связи и требовали, чтобы митрополит сносился с православным духовенством в их областях; при посредстве местных шведских властей; а с другой — они избегали довести дело до явного разрыва сих церковных сношений, опасаясь в таком случае поголовного бегства жителей в русские пределы. В свою очередь, московское правительство подозрительно смотрело на тех русских людей, которые, перешедши под власть шведов, приезжали по торговым делам в московские города; например, в Новгороде оно не дозволяло пускать их в соборный храм св. Софии и вообще в Софийский кремль, а только в церкви на посаде: так как опасалось, что эти люди могли уже пошатнуться в православной вере; кроме того, оно опасалось найти в них лазутчиков. Те шведы, которые приезжали в Новгород учиться русскому языку, если принимали православие, уже не отпускались обратно на родину, и у кого они поселялись, с того бралась порука с записями.

Все эти недоразумения и пограничные столкновения, однако, не мешали политическому сближению Швеции с Москвою, потому что они в то время имели общего и притом сильного врага в польско-литовском короле Сигизмунде, который не покидал притязаний ни на шведскую, ни на московскую корону. Между шведами и поляками притом в 1620 году возобновилась борьба за Ливонию. Густав Адольф вступил в переговоры с Московским двором и приглашал его соединить свои силы для войны с Польшею. Около того же времени (в августе 1621 г.), от юного турецкого султана Османа II приехал послом в Москву, в сопровождении двух чаушей, грек Фома Кантакузен также с предложением союза против Польши-Литвы и с обещанием отвоевать обратно Москве Смоленск и другие города, отошедшие к Литве; к тому же союзу должен был приступить и крымский хан. Кан-

такузен передал просьбу и цареградского патриарха Кирилла Лукариса московскому патриарху Филарету о заключении союза с султаном. Московское правительство отпустило Кантакузена с благоприятным ответом.

Таким образом, в то время как в Германии открылась знаменитая Тридцатилетняя война протестантских государей с императором и папством, в Восточной Европе готова была выступить грозная коалиция против ревностного союзника папству, короля Польско-Литовского.

Несмотря на четырнадцатилетнее перемирие, заключенное в Деулине, отношения к Польше-Литве постоянно были натянутые. Москва имела многие поводы, чтобы жаловаться на польские неправды и даже разорвать перемирие. Неправды сии были перечислены на Земском соборе (в октябре 1621 г.), на обсуждение которого царь и патриарх предложили вопрос о войне с польским королем. А именно: порубежные литовские урядники в грамотах к русским воеводам продолжают именовать королевича Владислава царем и великим князем всея России; притом нарушают границы, захватывают государевы села и земли, ставят у нас свои слободы, селитру варят, золу жгут, рыбу ловят, всякого зверя бьют, помещиков и жителей порубежных грабят и побивают, многих русских полоняников, вопреки договору, не отпускают; паны-рада отправляют к московским боярам посланцев с такими грамотами, в которых называют царем Владислава, а имя Михаила Феодоровича пишут без государского титула, и даже «с укоризною (т.е. с глумлением), чего некоторыми мерами терпеть невозможно».

Государи объявили Собору о посольстве к ним султана Османа, предлагавшего сообща воевать с Польско-Литовским королем и уже выступившего в поход; добавляли, что к той же общей войне с поляками зовут их крымский хан и шведский король Густав Адольф. На поставленный вопрос духовенство, бояре, дворяне, дети боярские, стрельцы, казаки и всяких чинов люди били челом царю Михаилу и отцу его патриарху, «чтобы они, государи, за святые Божии церкви, за свою государскую честь и свое государство против своего исконного недруга стояли крепко, сколько им, государям, милосердный Бог помочи подаст», а служилые люди

«рады биться не щадя голов своих». Торговые люди предлагали давать на войну деньги, «смотря по их прожиткам»; служилые просили разобрать» их по городам, чтобы никто «в избылых не был». Решили объявить войну, если поляки не исправятся и не согласятся на московские требования. В города посланы известительные соборные грамоты, а также бояре, дворяне и дьяки для разбора (росписи) служилых людей.

Однако на этот раз война с нашей стороны не была объявлена, и соборный приговор остался неисполненным; хотя посланный боярами в Польшу гонец, с исчислением польских неправд, привез от панов-рады ответ весьма грубый и дерзкий. Государство еще далеко не оправилось от разорения, люди и средства для войны собирались медленно; а между тем обстоятельства успели измениться. Поход Османа II на поляков был неудачен. На сей раз они выставили значительные силы, наибольшую часть которых составляли казаки с своим гетманом Сагайдачным. Огромное войско султана встретило мужественный отпор; от Днестра он ни с чем вернулся в Царьград, где вскоре был свержен мятежными янычарами и убит. Густав Адольф, взяв Ригу (1621 г.) и завоевав еще часть Ливонии, в следующем году вновь заключил с поляками двухлетнее перемирие.

Итак, царь и патриарх не воспользовались благоприятными внешними обстоятельствами, чтобы свести счеты с злейшим врагом России, Сигизмундом III, и почти до конца сохраняли Деулинское перемирие. Но эта добросовестность не улучшила наших отношений: поляки не думали «исправиться» и продолжали свои неправды [7].

Большое негодование вызывало в Москве упорство, с каким поляки продолжали в своих грамотах называть царем и великим князем Владислава, а Михаила Феодоровича как бы не признавали законно избранным Московским государем и даже иногда называли его полуименем или, как выражались о том в Москве, «писали государское имя безчестия его Государя с укоризною затейным своим воровством». Чувствительна также была потеря областей, уступленных Польше; а в особенности была чувствительна утрата древнего и славного достояния России Смоленска. Этот город и

по своему значению сильной крепости, и по своему коренному русскому населению служил для Московского государства твердым опорным пунктом, щитом на западном рубеже со стороны неприязненной Польши-Литвы. А потому возвращение его считалось делом первостепенной государственной важности. Уже в первую войну с поляками при Михаиле Москва главные усилия направила на Смоленск; но все попытки московских воевод овладеть им тогда окончились неудачею (1614—17 гг.). Михаил Феодорович по своей кротости и миролюбию все-таки не желал войны и, по-видимому, противился ей, сколько мог: по крайней мере, он хотел выждать срок перемирия; но должен был уступить настояниям своего отца. Если верить одному чужеземному (польскому) источнику, патриарх однажды, рассерженный несогласием сына, толкнул его посохом так, что тот упал. «Глупый, своего добра не понимаешь!» — воскликнул при этом отец. Очевидно, патриарх не хотел долее переносить польские обиды и унижения своему царственному дому. Филарет Никитич, проведший столько лет в польском плену, конечно, хорошо знал слабые стороны Речи Посполитой; он надеялся с лихвою воздать ей за все бедствия, причиненные России, а вместе прославить свой дом победами над ее кичливыми врагами и возвращением захваченных в Смутное время московских городов и областей.

По мере того как Московское государство отдыхало и оправлялось от разорения, старательно увеличивались его военные силы и средства. Когда приблизился срок перемирию, заметно оживились приготовления к предстоявшей решительной борьбе. В 1630 году видим заботы правительства о лучшем укреплении лежавших на большой дороге в Литву городов Вязьмы и Можайска; для чего вызывались каменщики, кирпичники и гончары из восточных областей. Пограничные крепости вообще исправлялись; гарнизоны и огнестрельный снаряд в них пополнялись. В 1631 г. по областям назначены окладчики из надежных дворян и детей боярских; они усиленно верстали на службу новиков-помещиков и набирали даточных из крестьян и посадских. Царь и патриарх указали набирать в войско даточных людей по одному конному и одному пешему с каждых 400 четей (т.е. с

200 десятин земли). Но едва ли не главную надежду возлагали они на иноземцев.

Зная недостаток военного искусства у московских ратных людей и превосходство в этом отношении западных европейцев, государи озаботились заграничною вербовкою в свою службу большого количества офицеров и солдат. (Известно, что в эпоху Тридцатилетней войны система вольнонаемных войск еще господствовала в средней и западной Европе.) Ради этой цели московское правительство воспользовалось услугами находившихся в его службе опытных иноземных офицеров, которых отправило для найма ратных людей и для закупки оружия в Швецию, Данию, Пруссию, в вольные немецкие города Гамбург, Любек и Бремен, в Голландию и Англию. Так, зимою 1631 года в Швецию к королю Густаву Адольфу поехал чрез Новгород полковник Александр Лесли, родом шотландец, в сопровождении стольника Племянникова и подьячего Аристова; последние должны были закупить 10 000 мушкетов с зарядами и 5000 шпаг; а полковнику поручалось нанять 5000 солдат с потребным количеством офицеров. Если он в Швеции наймет менее означенного числа, то, отпустив нанятых солдат и купленное оружие с Племянниковым в Москву, сам должен был ехать в Данию, Голландию и Англию для найма недостающих людей и покупки оружия. Он был снабжен царскими верительными грамотами к правительствам сих стран. Этим посланцам из царской казны выдана была большая сумма золотыми и ефимками; на случай, если ее не хватит, Лесли получил кредитивов, подписанных московскими торговыми иноземцами, на 110 000 ефимков к амстердамским и гамбургским торговым фирмам. А если и этих денег не хватит, то ему поручалось сделать на государево имя заем у Голландских штатов и купцов, которые вели торговлю с Москвою в Архангельском порте. Кроме ратных людей Лесли должен был «приговорить» в московскую службу несколько мастеров, которые умеют лить пушечные железные ядра, в помощь московскому пушечному мастеру голландцу Юлису (Куету). Лесли имел полномочие нанимать людей только на один год и не более полутора лет. Любопытно при этом, что он мог брать в московскую службу всяких иноземцев, но только не французов

и вообще не католиков. Предпринимая войну с католическою Польшею, государи не доверяли ее единоверцам: еще в свежей памяти была измена французских наемников в день Клушинской битвы.

В то же время, собственно, в Северную Германию чрез Псков и Ригу отправлен подполковник Генрих Фандам, родом голштинец, следовательно хорошо знавший Голштинию и соседние с нею земли. С ним заключен договор, в силу которого ему поручалось нанять немецкий регимент в 1600 человек, с платою по 4 рубля с полтиною в месяц, и закупить для них в Гамбурге мушкеты с зарядами и подсошками (подставками) по полтора рубля за мушкет. Такой полк разделялся на восемь рот по 200 рядовых, из коих 120 человек должны были быть вооружены мушкетами и коротким списом (копьем), а остальные долгими списами и шпагами. Фандам также имел полномочие заключать контракты только на один год. Ему предписывалось, наняв половину полка, немедля посадить людей на корабли в Любек и отправить на Ругодив во Псков, где им должны были произвести смотр и привести их к присяге; с другою половиною обязан был приехать сам полковник. При найме выдавалось каждому на обзаведение и на дорогу по 15 рублей; для чего сопровождавшему полковника комиссару вручено 26 400 рублей да 2618 руб. на покупку вооружения для сего полка, т.е. мушкетов, списов, протазанов (для поручиков), алебард (для сержантов или пятидесятников), барабанов и фитилей. Чтобы исполнить поручение о найме 5000 солдат, старший полковник Лесли, в свою очередь, во время пребывания за границей, летом того же 1631 года заключил договор с двумя иноземными полковниками, Гансом Фридрихом Фуксом и Яковом Карлом фон Хареслебеном; в силу этого договора каждый из них обязался набрать полк немецких солдат в таком же количестве и почти на тех же условиях, как и Фандам.

Считая полк самого Лесли, мы видим, что иноземцев было навербовано четыре регимента. То были пешие полки, называемые вообще солдатскими. Но кроме них, существовали уже и русские полки иноземного строя, пешие или солдатские и конные или рейтарские и драгунские. Эти полки набирались из боярских детей, казаков, новокрещенов и

других вольных людей, т.е. не записанных в тягло; они получали жалованье почти такое же, как иноземцы, имели шишаки, латы, мушкеты, шпаги и пики. Наравне с наемными, сии полки ведались в Иноземном приказе, потому что офицерами-инструкторами у них состояли иноземцы, отчасти вновь прибывшие, а частию ранее вызванные в Московское государство. Некоторые иноземные офицеры успели получить за свою службу поместья и вотчины, в которых жили в свободную от службы пору; они назывались *поместными;* другие в мирное время проживали по городам, где и получали содержание или корм, и потому назывались *кормовыми.* В назначенное время они являлись в роты и полки и тут обучали ратному делу русских людей. Таких русских полков немецкого строя для войны с поляками приготовлялось целых шесть пехотных и один конный. Ими начальствовали иноземцы: Самойло Карл Деэберт (командир рейтарского полка), Юрий Матисон, Валентин Росформ, Вилим Кит, Тобиаш Унзин, помянутый выше Лесли и др.

Главный элемент в составе наемных иноземцев представляли, конечно, немцы; но были представители и других народностей: шведы, датчане, шотландцы, англичане, нидерландцы и даже французы, появившиеся в московской армии вопреки указанному выше запрещению принимать католиков (возможно, что то были гугеноты). Кроме западноевропейцев, в московской ратной службе встречается и небольшое количество наемников, пришедших с православного юго-востока, т.е. греков, сербов и волохов; они составили особую роту, предводимую ротмистром Николаем Мустохиным. Еще находим роту Юрия Кулаковского, состоявшую, по-видимому, из людей Польской и Литовской Руси.

Нанимая иноземные отряды, покупая за границей оружие и боевые припасы и вообще приготовляя большие военные силы для борьбы с Польшею, московское правительство, естественно, должно было озаботиться финансовою стороною вопроса, т.е. изыскать средства на содержание армии. В этом отношении мы видим целый ряд чрезвычайных мер. Во-первых, правительство (в 1631 г.) прибегло к царской монополии заграничного морского вывоза ржи, ячменя, пшеницы, проса и гречневой крупы; оно скупало этот хлеб и

продавало его иностранным торговцам, приезжавшим в Архангельск. Во-вторых, патриарх Филарет Никитич в том же 1631 году потребовал от некоторых монастырей сведения о том, сколько у них в монастырской казне находится в запасе денег; а получив сии сведения, предписал половину запаса немедля прислать в Москву на жалованье ратным людям. В-третьих, в том же году, по указу царя и патриарха с вотчин некоторых монастырей, вместо даточных людей, велено взыскать деньгами, считая 25 рублей за каждого конного и 10 рублей за пешего. В-четвертых, на том Земском соборе (1632 г.), на котором решено было воевать с Польшею, по-видимому, проектировались разные сборы, которые потом были подтверждены и приведены в исполнение, каковы: пятая деньга с торговых людей и добровольные взносы с духовенства, монастырей, бояр, дворян и приказных людей.

Посреди московских приготовлений к войне получено было известие о кончине престарелого короля Сигизмунда III, последовавшей 20 апреля 1632 года. Эта кончина ускорила ход событий. В июне созван был Земский собор, который беспрекословно подтвердил решение государей немедленно начать войну с поляками за их неправды. До истечения Деулинского перемирия оставалось еще несколько месяцев; но имелось в виду воспользоваться временем польского междукоролевья, с его неизбежною избирательною борьбою партий и сопровождавшими ее смутами.

Предстоял важный вопрос: кому поручить начальство в этой войне? Еще в апреле государи назначили главным воеводою боярина князя Димитрия Мамстрюковича Черкасского, а товарищем к нему боярина князя Бор. Мих. Лыкова. Д.М. Черкасский уже известен был по своей неудачной осаде Смоленска в первую польскую войну при Михаиле Федоровиче, и вообще военными талантами он не выдвигался; выбор его можно объяснить прежде всего придворным значением Ив. Борисовича Черкасского, ближнего боярина и двоюродного брата государева. Но это назначение было расстроено местничеством, которое не замедлило выступить на сцену действия. Князь Лыков бил челом царю и патриарху, что, во-первых, Д.М. Черкасский тяжел нравом, а во-вторых, он сам старше его летами и службою: он служит уже сорок

лет, из которых 30 «ходит за своим набатом, а не за чужим, и не в товарищах». Черкасский бил челом на то, что Лыков его бесчестит. Государь присудил взыскать с Лыкова в пользу Черкасского за бесчестье двойную сумму его (Черкасского) оклада, именно 1200 рублей. Затем назначение обоих отменено; вместо Черкасского определили главным воеводою боярина Михаила Борисовича Шеина, а товарищем к нему знаменитого князя Д.М. Пожарского. Но последний вскоре сказался больным и был уволен от этого назначения. Вместо него товарищем к Шеину определен окольничий Артемий Васильевич Измайлов. Выбор Шеина, очевидно, основывался на той славе, которую он приобрел мужественною обороною Смоленска при осаде его Сигизмундом III. Так как главною целью войны было именно обратное взятие этого города, то предполагали, что воевода, доблестно его защищавший, лучше других сумеет его добыть. Очевидно, за назначение Шеина в особенности стоял Филарет Никитич как за своего сострадальца в польском плену. Думали, вероятно, что Шеин воспользовался этим пленом, чтобы более присмотреться к слабым сторонам своих врагов. В данное время он начальствовал Пушкарским приказом, следовательно, близко стоял к ратному делу и непосредственно участвовал в приготовлениях к предстоящей войне. Судя по дворцовым записям, по возвращении из плена он пользовался почетом при дворе; его, например, чаще других приглашали к обеденному царскому столу. Да и сам он, по-видимому, не скрывал своего высокого мнения о собственных военных талантах и заслугах; чем мог немало повлиять и на свое назначение.

Уклонение Д.М. Пожарского от службы в товарищах при Шеине, может быть, действительно имело причиною его болезни, которым несомненно он был подвержен со времени тяжелых ран, полученных в битвах Смутной эпохи; но могло также быть, что знаменитый князь лучше других знал настоящую цену Шеину и не ждал ничего хорошего от совместной службы с гордым, упрямым боярином-воеводою. Вероятно, и этот последний не особенно желал сего товарищества. Более подходящим, т.е. более безличным и послушным товарищем для него оказался окольничий Измайлов.

До какой степени государи высоко ценили Шеина и возлагали на него надежды, свидетельствуют милости, которыми он осыпан был при самом своем назначении. Михаил Борисович с своим сыном Иваном, Артемий Измайлов и другие главные воеводы получили щедрую денежную подмогу для предстоящего похода; их вотчины и поместья на время походной службы были освобождены от всяких казенных поборов; сверх того, Шеину пожалована целая дворцовая волость, именно село Голенищево с приселками и деревнями, со всеми доходами и с хлебом; одного государева хлеба в этой волости было тогда более 7000 четвертей. Следовательно, его уже заранее награждали за будущие великие заслуги. В ответ на эти милости он на первых же порах обнаружил, что это был уже не тот Шеин, который прославил себя мужественною обороною Смоленска. 9 августа 1632 года происходил торжественный отпуск воевод, отправлявшихся в поход. После молебствия в Благовещенском соборе они прощались с государем и подходили к его руке. Тут боярин Шеин вдруг начал с большою гордостию высчитывать свои прежние службы государю, которыми будто бы превосходил всю свою братью бояр, и, между прочим, сказал, что «в то время, как он служил, многие бояре по запечью сидели и сыскать их было немочно», что службою и отечеством никто из них не будет ему в версту. О каких прежних службах царю Михаилу Феодоровичу говорил Шеин, трудно понять; ибо в первые шесть лет его царствования он продолжал сидеть в польском плену, тогда как многие бояре в это время несли тяжелую и трудную службу в войнах с внешними и внутренними врагами; а по возвращении из плена он пока сидел в приказах, в Боярской думе, да за царским столом. Очевидно, пребывание в Польше и примеры строптивых хвастливых польских вельмож не остались без вредного влияния на характер и привычки престарелого воеводы. С удивлением и негодованием слушались его речи; но царь смолчал, не желая оскорбить воеводу, от которого ожидал великих заслуг; смолчали и бояре, «не хотя раскручинить государя». Несомненно, Шеин видел, как им дорожили, как высоко ценили его военные таланты, полагал, что без него не могли тогда обойтись; потому-то и позволил себе такие

заносчивые речи. Возможно, что он тут отвечал на какие-либо боярские происки против себя, на какие-либо местнические счеты и т.п. Но во всяком случае, эти речи указывали на какую-то ненормальность в его духовном строе и могли служить плохим предзнаменованием для предстоявшей ему задачи.

Вслед за отпуском воевод по государству разосланы были от царя и патриарха областным архиереям род манифестов о войне, т.е. грамоты с указанием на польские неправды и с повелением петь в церквах ежедневные молебны и просить Бога «об одолении и победе на враги».

Итак, война была объявлена, и войска двинулись в поход приблизительно в половине августа 1632 года. Назначены три сборных пункта. Главная рать (большой полк) должна была собраться в Можайске и поступить под начальство Шеина с Измайловым; в Ржеве-Володимирове сходились отряды, составившие передовой полк, которым начальствовали воеводы: окольничий князь Семен Прозоровский и Иван Кондырев; а в Калуге собирался сторожевой полк с воеводою стольником Богданом Нагово. Кроме того, в Северщине приготовлялся прибылой полк (резерв) с воеводами Федором Плещеевым и Баимом Болтиным. В большой полк, т.е. к Шеину, назначены были отборная конница, состоявшая из дворян и детей боярских, по преимуществу уездов северо-восточных, также донские казаки, касимовские, арзамасские, темниковские и кадомские мурзы со своими татарами, далее отряд московских и городовых стрельцов; а главную массу пехоты составляли солдатские полки иноземного строя, т.е. наемные немцы и русские солдаты, обучавшиеся этому строю. К Шеину поступила и многочисленная артиллерия, или так назыв. наряд, «со всеми пушечными и подкопными запасы» (ломы, лопаты, заступы и кирки); им непосредственно распоряжались Иван Арбузов и дьяк Костюрин. При Шеине и Измайлове состояли Василий Протопопов и дьяк Пчелин, назначенные ведать казною для раздачи жалованья и кормовых денег немцам и русским солдатам иноземного строя, их полковникам и офицерам.

Воеводам вручен был из Разряда (военного министерства того времени) обширный царский наказ или инструкции,

определявшие в общих чертах их задачу. Прежде всего они должны были в Можайске произвести смотр рати по разборным спискам, «кто каков на государеву службу приедет конен, люден и оружен», и отписать о том государю. Затем они идут под Дорогобуж и берут его, а отсюда немедля двигаются под Смоленск; если бы осада Дорогобужа их задержала, то они должны оставить под ним часть рати, а с остальною спешить к Смоленску, стать в крепких местах, огородиться рвами и острогами, чтобы отрезать городу всякие сообщения и подмогу извне и «земским делом промышляти сколько милосердный Бог помочи подаст», а Смоленск «всякими мерами» добывать. В случае прихода польских и литовских людей на помощь осажденным, Шеин должен призвать к себе из Ржевы Прозоровского, из Калуги Нагово, и, оставив под Смоленском часть войска, с остальною идти против неприятеля. Между прочим, поручалось зорко наблюдать, чтобы в Смоленском и Дорогобужском уездах ратные люди не обижали, не грабили крестьян и не пустошили край, а покупали бы съестные припасы и конский корм на деньги; ослушников велено строго судить и карать. Подобный же наказ дан был князю Прозоровскому и Кондыреву, которые, собрав и пересмотрев свою рать в Ржеве-Володимирове, должны были прежде всего добывать отсюда крепость Белую и очищать Бельский уезд от литовских людей, а затем в случае требования Шеина идти к нему на сход, т.е. на соединение. Всем воеводам вообще советовалось, прежде чем делать приступы к городам, тайными сношениями склонять их православных жителей на сторону государя, чтобы они заодно с московскими ратными людьми промышляли над польско-литовскими гарнизонами. Всем также строго подтверждалось не грабить, не обижать население и ничего не брать даром.

Чтобы поднять все войсковые тяжести, т.е. наряд, боевые и съестные припасы, шанцевый инструмент, доспехи, мушкеты и вообще оружие (которое в походе складывалось на воза), денежную казну и проч., правительство тоже прибегло к чрезвычайным мерам. Например, столица должна была выставить подводы таким порядком: в Кремле с церковных, боярских и всех дворов выставлялась с каждых

30 квадратных сажен лошадь с телегою и человеком; в Китай-городе гости гостиной и суконной сотни должны выставить всего 175 подвод. Таким же порядком выставлялись подводы в Белом и Деревянном городе, приблизительно одна подвода с 10 дворов или с 900 сажен «дробных» (погонных), которые велено сводить в 30 сажен «круглых» (квадратных). Всего с одного только города Москвы причиталось тысячу подвод, которые собирались особо назначенными сборщиками; а общая приемка их поручена была князю Д.М. Пожарскому и дьяку Волкову. На каждую подводу полагалось в среднем 15 пудов тяжести. С одним Шеиным на первый раз отпускалось пороху и свинцу более 10 000 пуд., 116 пищалей, 1200 запасных мушкетов, одних фитилей 1250 пудов и прочее в соответственных размерах. Немалую заботу правительства составлял также подвоз съестных припасов в войска. Русские помещики обыкновенно сами заботились о своем продовольствии и имели с собою значительные запасы; но солдатские полки получали кормовые деньги. Поэтому за ратью отправлен был обоз с сухарями, крупой, толокном, мясом, маслом и пр. Эти припасы, наряженными от правительства «харчевниками» (маркитантами) должны были продаваться солдатам по указным ценам. Такие подвозы долженствовали постоянно возобновляться.

Трудно сказать, сколько именно войска собрано было в начале похода. Судя по некоторым данным, дошедшим до нас от Разряда, только с Шеиным и Измайловым выступило в поход до 12 000 пехоты, считая тут стрельцов, казаков и шесть солдатских полков (иноземных и русских) да около 15 000 конницы, состоявшей, главным образом, из дворян и детей боярских, а частью из служилых татар. Около 10 тысяч человек надобно считать в отрядах Прозоровского, Нагово и Плещеева, вместе взятых. Следовательно, московское правительство, открывая войну, выставляло в поле более 35 000 человек порядочно вооруженных — силы для той эпохи весьма значительные. А в течение ближайшего времени они должны были увеличиться с прибытием новых отрядов как из Москвы, так и из других мест и по мере усиленной высылки на службу запоздавших помещиков или нетей. При войске Шеина состояло еще несколько тысяч так наз. посо-

хи, т.е. ратников, набранных из крестьян, вооруженных топорами и рогатинами, назначенных, собственно, для производства работ, каковы: улучшение пути, прорубание просек для провоза наряда и всяких тяжестей, копание рвов и приготовление частокола при постройке острожков или укреплений; другую часть посохи составляли люди с подводами, назначенными для перевозки наряда и боевых запасов.

Принимая в расчет политическое состояние противника и его сравнительно менее значительные силы, а также несомненное тяготение к Москве завоеванных у нее областей, государи, отец и сын, казалось бы, могли надеяться на успешное возвращение сих областей под Московскую державу.

Медленно прибывали служилые люди на сборные пункты. Однако к концу августа в Можайске собралась большая часть дворянской конницы; пришли Александр Лесли, Яков Карл, Фандам, Росформ и Унзин с немецко-русскими солдатскими полками, несколько позднее Фукс. Стояли ясные сухие дни; ввиду позднего похода и приближавшейся осенней непогоды, надобно было возможно спешить дальнейшим движением. А Шеин медлил, усердно занимаясь разборными списками детей боярских и посылая в Москву жалобы на многие нети, на опоздание кормовых денег, харчевников, на недостаток немецких переводчиков, также на недостаток тулупов, теплых чулок и рукавиц для немцев, железных цепей для смыкания наряда и т.д.; хотя все это могло бы нагнать его на дальнейшем походе. Но московский главный воевода с первых же своих шагов начал показывать, что временем он не дорожил. В сентябре мы видим его еще в Можайске; он продолжает писать жалобы на нетчиков. Между прочим, вместе с товарищем своим Измайловым Шеин занимается тем, что бьет батогами и сажает в тюрьму не желавших служить в его полку двух детей боярских, рязанцев (Обезьяннинова и Фролова), которые принадлежали к формировавшемуся в Москве рейтарскому полку Карла Деэберта, но случайно приехали в Можайск. И вот Шеину лишний повод плодить свою переписку с Разрядом, который по государеву указу объявляет ему незаконность его требования. 10-го числа из Москвы послан ему приказ: немедля со всеми

ратными людьми идти из Можайска к Вязьме. Шеин выступил; но погода уже успела измениться, пошли дожди, образовались «грязи великие», наряд и пехота двигались очень тихо. Только 26 сентября рать достигла Вязьмы. Меж тем побуждаемое жалобами Шеина правительство усердно посылало обозы с хлебными запасами и сурово расправлялось с нетчиками. Некоторые дворяне и дети боярские были в Москве «у разбору» и взяли государево жалованье, а потом не явились на службу. Их велено сыскивать и бить нещадно кнутом; при этим понизить степенью: кто служил «по выбору», тех велено написать «по дворовому списку», а которые служили по дворовому списку, тех написать «с городом»; после наказания их «за крепкими поруками» высылали в полки. В Вязьме Шеин получил от царя и патриарха Животворящий Крест (в котором заключались частицы древа ризы Господней и мощей царя Константина) с приказанием носить его на себе. При русском войске находились священники и дьяконы из монахов, которые отправляли богослужение. Было при нем и несколько лекарей-иноземцев.

Отдохнув с неделю в Вязьме Шеин 20 октября двинулся к Дорогобужу, опять по великим грязям; особенно трудно было везти наряд; поэтому половину из сотни коротких немецких пищалей он оставил в Вязьме у воеводы Мирона Вельяминова, а другую половину роздал в солдатские полки; голландские пушки и верховые (мортиры) он также взял с собою.

Первый военный успех, порадовавший государей, достался на долю калужского воеводы Богдана Нагово. Посланный им отряд под начальством князя Ивана Гагарина приступил к Серпейску, и через два дня, 12 октября, город сдался. Затем пришло радостное известие и от Шеина; посланный им вперед себя русско-немецкий отряд под начальством Федора Сухотина и полковника Лесли взял 18 октября Дорогобуж, причем захвачено несколько десятков пушек с значительными запасами боевых снарядов и провианта. После того в Москву один за другим стали пригонять гонцы от разных воевод с сеунчом или вестию, что «Божиею милостию, а его государевым счастьем» такой-то город взят. Отрядом из войска Прозоровского взята крепость Белая; а севские вое-

воды (в декабре) взяли Новгород-Северский. Постепенно, в течение ноября и декабря, в руки московских передовых отрядов перешли: Невель, Рославль, Стародуб, Почеп, Себеж, Трубчевск, Сурож и некоторые другие. Государь в награду воеводам прислал золотые и велел спросить их о здоровье. Таким образом начало военных действий казалось очень удачным и возбудило в Москве большие надежды. Занятые неприятелем области были почти очищены, а взятые города снабжены московскими гарнизонами, которые воспользовались найденными в них боевыми и продовольственными запасами. Но главная задача похода — отвоевание Смоленска — была еще впереди. Шеин и Измайлов получили приказ спешить к этому городу вслед за взятием Дорогобужа. Ввиду некоторых возникавших пререканий между второстепенными начальниками по поводу местнических счетов царь (указом 3 ноября) велел объявить, чтобы «пока служба минется с королем литовским, быть у государевых дел всем без мест».

Осаждаемое постоянными требованиями Шеина московское правительство продолжало усиленные меры по сбору денежной казны, продовольствия и снаряжения обозов. Так, 11 ноября в Столовой палате было заседание Земского Собора, который подтвердил еще прежде проектированные сборы: добровольный с духовенства, монастырей, бояр и приказных людей, а также обязательный, пятую деньгу, с гостей и торговых классов вообще. Назначенные для того сборщики должны были доставлять деньги в Москву, в особо учрежденный «Приказ Сборных запросных и пятинных денег», во главе которого поставлены боярин князь Д.М. Пожарский и чудовский архимандрит Левкий с дьяками Коншиным и Степановым. Учрежден был также род особой комиссии для сбора хлебных и мясных запасов, которая поручена князю Ив. Мих. Барятинскому, Ив. Огареву и дьяку Евсееву.

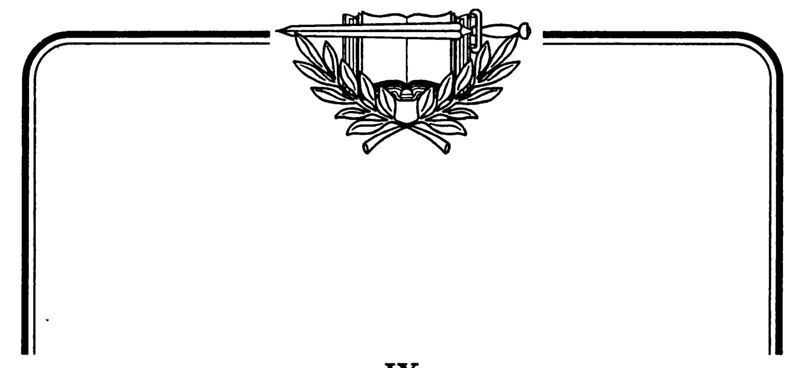
Несмотря на побуждения из Москвы, Шеин сумел-таки промедлить в Дорогобуже около двух месяцев, докучая государям постоянными жалобами на недостаточную доставку денег и провианта; а наконец стал жаловаться на побеги ратных людей, которые он же сам и вызвал своею медлитель-

ностию, нераспорядительностию и вместе суровостию. Дорогобуж должен был служить опорным пунктом для дальнейших военных действий; здесь устроены склады боевых запасов, провианта и денежной казны; а осадным воеводою назначили Сунгура Соковнина. Шеин только 5 декабря, т.е. уже зимою, двинулся отсюда к Смоленску, отправив вперед себя Измайлова, Фандама и Лесли. Итак, со времени своего выступления из Москвы русский главнокомандующий употребил четыре месяца, чтобы пройти расстояние в 384 версты, т.е. чтобы добраться до Смоленска, имея на пути только одно препятствие, крепость Дорогобуж, которая, однако, сдалась так скоро, что нимало не задерживала похода. Он все собирался с силами и все комплектовал свои полки, бессмысленно теряя время и не понимая того, что в Смоленске неприятель меж тем не дремал и с каждым потерянным для русских днем становился, в свою очередь, сильнее и предприимчивее.

Указанные выше сдачи городов московским отрядам вполне оправдали расчеты на смутное состояние Речи Посполитой во время междукоролевья и на сочувствие русского населения в занятых неприятелем областях. На первых порах он оказался совершенно неприготовленным и как бы застигнутым врасплох. Хотя и его лазутчики своевременно доносили ему о московских решениях и приготовлениях, но при существовавшем политическом строе Посполитой Речи ее восточная окраина пока предоставлена была собственным средствам защиты и усмотрению местных властей. Тут главным деятелем выступает едва ли не самый отчаянный враг Москвы, прославившийся в эпоху московского разоренья, пан Александр Гонсевский, занимавший теперь место смоленского воеводы. Прежде всего он попытался выиграть время переговорами. Когда русские передовые отряды перешли рубеж, а Шеин пребывал еще в Вязьме, к нему явился от Гонсевского гонец с грамотою, в которой тот жестоко укорял москвитян в клятвопреступлении — так как они начали войну до истечения перемирия — и требовал объяснений. Шеин ответил ему пространным изложением известных польских неправд. Гонсевский на этот ответ потом прислал свои опровержения, причем в одном только извинялся, в неимено-

вании Михаила Федоровича царем; а в заключение призывал мщение Божие на виновных в нарушении мира. Не достигши ничего переговорами, Гонсевский принялся готовить оборону Смоленска. Как некогда в Москву он ускользнул перед прибытием ополчения Пожарского, так и теперь не сел в осаду и не стал ждать, пока его запрут войска Шеина, а тайком ночью оставил Смоленск, поручив начальство в нем своему товарищу или подвоеводе князю Соколинскому и полковнику Воеводскому. Сам же Гонсевский удалился в Оршу и там деятельно занялся сбором военных людей и всяких запасов, чтобы действовать против москвитян в открытом поле и подкреплять смоленский гарнизон. Этот гарнизон к тому времени с великим усилием удалось ему довести до 1200—1500 человек, гайдуков, казаков, гусар и наемных немцев, число все еще недостаточное для обороны такой обширной крепости; а тысячи две вооруженных смоленских посадских людей, помещиков и крестьян представляли не совсем надежных соратников по своему тяготению к Москве. Но все-таки Гонсевский успел приготовить город к обороне и поднять дух гарнизона.

Если бы Шеин хотя одним месяцем упредил свое прибытие, то город, имевший менее 1000 человек настоящих ратных людей и еще неисправленные укрепления, едва ли мог бы оказать серьезное сопротивление. Да и теперь еще можно было попытаться им овладеть посредством дружного и решительного удара, с вероятностию на успех. Но не таков был Шеин[7].



IX
СМОЛЕНСКАЯ ЭПОПЕЯ

Русские окопы и острожки. — Побеги и вольные шайки. — Постепенное обложение Смоленска. — Польский лагерь под Красным. — Доставка большого наряда, бомбардирование, подкопы и неудачные приступы. — Пассивная осада и бездействие Шеина. — Его постоянные требования и усиленная деятельность правительства. — Набег крымцев. — Избрание Владислава IV и его прибытие под Смоленск. — Прорыв блокады. — Запорожцы. — Битвы на Покровской горе и очищение правого берега Днепра. — Наступление поляков на левом берегу. — Отступление Прозоровского и солдатских полков в табор Шеина. — Прекращение осады. — Обходное движение Владислава и бой 9 октября. — Обложение московской рати поляками. — Преступная деятельность Шеина. — Его лживые донесения. — Кончина Филарета. — Чрезвычайные меры и назначение воевод на помощь. — Нетчики и беглые. — Земский собор. — Недостаток средств. — Вторая зимовка русских под Смоленском. — Упадок дисциплины. — Поведение Шеина и его приближенных. — Переговоры с поляками. — Капитуляция 16 февраля 1634 года. — Сдача артиллерии и острожков. — Выступление русских и унизительные церемонии. — Польское торжество. — Смоленская эпопея на польской гравюре. — Неудача короля под Белой. — Поляновский договор. — Суд над Шеиным с товарищами. — Обоюдное посольство. — Справедлив ли смертный приговор? — Неосновательные защитники Шеина.

Около половины декабря 1632 года Шеин наконец прибыл под Смоленск с силами, которые немного не достигали до 30 000 человек. Ни о каком решительном ударе он и не думал; хотя все другие города в то время были взяты более или менее быстрым натиском московских отрядов, но только предводительствуемых не лично Шеиным. Со своим то-

варищем Измайловым он остановился в 5 или 6 верстах от города и расположил свой стан на левом берегу Днепра, против устья его правого притока речки Вязовки (на том же месте, где стоял табором князь Черкасский во время осады Смоленска в первую войну). Широкое поле и две или три балки с текучими ручьями и стоячими болотцами отделяли его стан от города. Тут он начал тщательно окапываться, укреплять валы частоколом, вообще ставить острог, с теплыми избами внутри; через Днепр перекинул два моста на плотах: один должен был служить для блокады, другой соединял его стан с пекарнями и квасоварнями, которые были устроены на правом берегу. Солдатские полки расположились ближе к городу с юго-восточной его стороны; они принялись рыть траншеи и ставить туры для пушек (батареи), но заступы и кирки с трудом пробивали мерзлую землю. Город пока еще не подвергался действительной осаде. В январе, т.е. спустя около месяца по своем прибытии, Шеин пишет в Москву, что собирается «осадить город Смоленск кругом»; но у него недостаточно ни пехоты, ни конницы; а из нетчиков, которых списки он послал, к нему еще «не бывал ни один человек». Очевидно, он ждет воевод Прозоровского и Нагово, которые должны были идти к нему на сход. В то же время он, однако, доносит о своих успехах, которые состояли в том, что незначительный отряд, посланный им воевать Мстиславский и Оршанский уезды, побил каких-то литовских людей и взял полон, хотя и не доходил до самой Орши, где Гонсевский собирал подмогу смоленскому гарнизону.

Меж тем для подобных подвигов, т.е. для разорения зарубежных русских областей, образовался другой, более значительный отряд помимо воли главнокомандующего. Известно, что уже во время дорогобужского сидения Шеина из его полков начались побеги кормовых (беспоместных) детей боярских и донских казаков. Они образовали вольную шайку, которая пошла грабить села и деревни Смоленского уезда. Тут к ней пристал Иван Балаш, крестьянин Дорогобужского уезда Болдина монастыря; его взяли проводником, так как он хорошо знал дороги в литовские города. Но, очевидно, это был недюжинный человек; ибо вскоре он является не простым проводником, а вроде атамана той же шайки,

которая усилилась другими беглецами русской рати, так что достигла полуторатысячного числа. Она воевала на свою руку, грабила села, разоряла города, например Кричев и Чичерск. К шайке Балаша был отправлен Владимир Прокофьевич Ляпунов «с государственным жалованным словом»: он предлагал прощение тем, которые вернутся на государеву службу под Смоленск. Часть людей послушалась, и шайка стала распадаться. Балаш, по-видимому, также склонялся на государево жалованное слово; но оставшиеся воры заставили его насильно идти с ними. Когда они пробирались к Новгороду-Северскому мимо Стародуба, воевода стародубский Еропкин послал на них отряд, который побил воров; причем захватили Балаша; тем и окончились его подвиги. Часть разбитой шайки, 220 человек, потом сдалась на увещания Еропкина и воротилась в полки, а остальные побежали на Дон.

Только в конце января пришли под Смоленск со своими полками князь Семен Прозоровский и его новый товарищ князь Белосельский из крепости Белой и Богдан Нагово из Серпейска. Им Шеин назначил места к западу от Смоленска, там, где были королевские таборы во время осады 1610 года; к ним присоединен и отряд яицких казаков, прибывших с атаманом Лупандиным. Стан Прозоровского оказался почти столько же отдаленным от города, как и стан Шеина. Соревнуя главнокомандующему, Прозоровский со всех сторон окопался высокими валами; не довольствуясь тем, воспользовался соседним болотом: воду, стекавшую из него в Днепр, запрудил и наполнил ею свои рвы. С правым берегом он сообщался также двумя мостами, прикрытыми на том берегу укреплениями. Из Москвы около этого времени пришел солдатский полк Матисона; пришли и еще некоторые полки. Наконец, к 10 февраля, т.е. через два месяца по своем прибытии под Смоленск, Шеин доносил, что «город Смоленск совсем осажден, туры поставлены, да и острожки поставлены, из города выйти и в город пройти немочно».

Обложение города устроилось в следующем порядке.

На западной стороне его, у самого Днепра — острожек Прозоровского; к нему примыкали шанцы полковника Вялима Кита. По юго-восточной стороне шел длинный ряд

укреплений, занятых немецко-русской пехотой; в центре их стоял Лесли с своими двумя солдатскими полками; на левом его фланге полк Товия Унзина и Сандерсон с англичанами; на правом — полки Валентина Росформа и Фукса. Еще далее, на восточной стороне города, расположился полковник Фандам. За ним в берег Днепра упирались ретраншаменты полковника Якова Карла, отделенные от крепости оврагом и двумя прудами. Между окопами Прозоровского и Сандерсона устроено было несколько шанцев, т.е. небольших, отчасти земляных, отчасти деревянных, укреплений; англичане ближайший к себе шанец сначала устроили из снега, а впоследствии сделали его из дерна. Лагерь Шеина остался вне линии обложения и представлял собою как бы главный резерв. В слишком открытых местах он потом связан был с этой линией рогатками и засеками или сваленными деревьями. Но правый берег Днепра долгое время был почти упущен из виду: там учреждена только незначительная, сменявшаяся по очереди, стража, которая стояла на Покровской горе, т.е. на самом возвышенном пункте этого берега. Против этой горы на Днепре находился постоянный и укрепленный мост, который соединял город с правым берегом и оставался в руках осажденных. Близорукий Шеин даже не позаботился уничтожить этот мост. О его близорукости свидетельствовало и расположение главных батарей, назначенных для разрушения стен и башен. Казалось бы, Шеин должен был хорошо знать слабые стороны крепости; а между тем он расположил пехоту Лесли и соседних полковников, с артиллерией, против именно той городской стены, позади которой находился старый земляной вал, оставшийся от прежних укреплений: следовательно, в случае пролома в стене, осаждавшие должны были встретить другое препятствие, в виде старого вала, усиленного новыми укреплениями.

Защитники Смоленска, Соколинский и Воеводский, частыми вылазками тревожили осаждавшую рать и мешали ходу осадных работ; вообще с самого начала они обнаружили систему активной обороны. А Шеин, наоборот, повел пассивную осаду. Имея у себя уже до 40 000 войска и обложив город со всех сторон, он все еще не предпринимал против

него никаких решительных действий. Для того у него был важный предлог: он ждал большого наряду, т.е. тяжелых орудий, которых потребовал из Москвы и которые с великими усилиями везлись теперь под Смоленск. А пока от шанцев Лесли занялись ведением подкопов под городские стены.

Не предпринимал Шеин никаких энергических действий и против Гонсевского, с которым около начала февраля успел соединиться польный литовский гетман Христоф Радивил. Они подвинулись ближе к Смоленску и остановились в 40 верстах от него в селе Красном, где поставили острог, окопали его рвом и укрепились на случай нападения, которого со страхом ожидали со стороны москвитян. В их соединенных отрядах едва ли насчитывалось более 5—6 тысяч человек. Да и согласия между ними было немного. Гонсевский прежде писал к новоизбранному королю Владиславу, что готов хотя с 300 человек пройти в Смоленск. Теперь гетман давал ему 1000 для подкрепления гарнизона и 3000 для конвоирования этого отряда. Но строптивый смоленский воевода один без гетмана не хотел идти; за что тот его бранил и даже собирался бить. Все эти обстоятельства были известны Шеину отчасти от перебежчиков, а отчасти от тех людей, которые тайком посылались из Красного в Смоленск и были перехватываемы русскою стражею. Только 6 февраля московские воеводы, именно Прозоровский и Нагово, собрались послать под Красное около 500 человек конницы для добывания языков! Этот разведочный отряд встретился с неприятельским отрядом за 15 верст от Красного и после незначительной стычки воротился, приведя с собой пленного иноземца; от последнего узнали только, что неприятельские начальники пока намерены ночью провести в город небольшое подкрепление, а сами останутся в Красном до прихода большого войска из Литвы. Посланцы же из Красного в Смоленск, перехваченные москвитянами, говорили, что «если бы государевы люди ныне над Радивилом и Гонсевским промыслы учинили, то сидельцы смоленские город Смоленск сдали бы государю». Далее русские перебежчики из Смоленска доносили, что в городе хлеб еще есть, но конского корму уже нет, лошади подохли, осталось только с полтораста, которых кормят печеным хлебом; дров тоже нет, жгут крыши и лиш-

ние избы; люди мрут от воды, потому что вода в колодцах нездорова. Все ворота засыпаны, за исключением Малаховых, а также Водяных, которые выходят на Днепр. Многие люди говорят там о сдаче; но Соколинский бодрствует, держит город запертым, ключи имеет при себе, и никого не выпускает, боясь измены; а уличенных в намерении бежать вешает. Но никакие благоприятные вести не могли поколебать бездеятельности Шеина. Вопреки данной ему инструкции, он не шел на скоплявшихся в Красном неприятелей, а все продолжал готовиться к правильной осаде Смоленска.

Видя его бездействие, Радивил и Гонсевский сделались смелее и начали посылать под наш лагерь частые разъезды, которые иногда удачно нападали на русские разъезды и брали многих пленников. Мало того, раз ночью (на 26 февраля) они решились прорвать блокаду: приблизились к городу и послали отряд в 750 человек казаков, драгун и гусар. Большая часть этого отряда, 300—400 человек, успела прокрасться мимо стана Прозоровского и Нагово, избить стражу, переправиться через речку Ясенную и войти в город; а другая часть отстала, заблудилась и начала бродить между московскими острожками. На рассвете русские их увидели, разгромили и многих побрали в плен. Шеин с Измайловым поспешили отправить в Москву стольника Семена Измайлова (сын Артемия) с донесением, что литовские люди в числе 3000 хотели пробиться в Смоленск; но он послал на них своих ратных людей, которые их прогнали и взяли более 300 пленных. Воеводы приписали себе немалую победу и умолчали об отряде, прорвавшемся в город; хотя, по их прежнему донесению, еженочно наряжались из полков восемь сотен стражи, охранявшей пути к Смоленску от литовских людей. После такого события бдительность должна бы усилиться. И тем не менее, спустя около месяца, повторилось то же самое, только в больших размерах. Неприятели пришли с той стороны, откуда их не ожидали. Однажды в ночь с воскресенья на понедельник, когда русские предавались беспечности, Радивил со всеми своими силами подошел к городу с правой, еще необложенной стороны Днепра и выслал отряд в 600 человек. Этот отряд незаметно подошел лесом, сбил три сотни стражи, стоявшей на Покровской горе, и затем уже при све-

те дня прошел по Днепровскому мосту в город с распущенными знаменами, при звуке труб и бубнов. По причине ледохода и начавшегося разлива Днепра, русские воеводы не могли переправить войско на правый берег и должны были со стыдом смотреть на прибытие к осажденным сего подкрепления людьми и боевыми припасами. Шеин в своем донесении постарался умалить значение этого события: по его словам, в город «безвестно» прошли полтораста неприятелей; но теперь приняты все меры, чтобы впредь ни единый человек не мог пробраться сквозь линии осаждавших. Эти меры были следующие: во-первых, только теперь Шеин обратил внимание на Покровскую гору, он велел устроить от нее к Днепру линию рогаток, а на самой горе поставить острожек, в котором поместились пехотный отряд из стрельцов и казаков; да 600 — 700 конницы держали постоянную стражу у рогаток, сменяясь через каждые два дня. Для сообщения с другим берегом устроены четыре плота на канатах и готовился еще постоянный мост. Доносил он, будто днепровский городской мост его люди (при помощи плотов и петард) наполовину разметали и сожгли, так что ходить по нем теперь нельзя. Последствия показали, что донесение это было неверно.

Далее, все промежутки обложения постепенно были заполнены рогатками, которые приготовлялись из толстых бревен с воткнутыми в них крест-накрест заостренными кольями; острожки также большею частью были обнесены рогатками. Кроме того, полковник Яков Карл выдвинул свои шанцы ближе к городу в промежуток между наугольною башнею и Днепром. Таким образом, блокада сделалась теснее и действительнее; только северная заднепровская сторона, с ее уединенною позицией на Покровской горе, попрежнему оставалась слабейшим местом обложения; хотя построенный здесь острог вскоре занял полковник Матисон со своим полком. А лазутчики все-таки продолжали пробираться с вестями от Соколинского к Радивилу и обратно.

В начале марта («на Федорове неделе во вторник») под Смоленск прибыл наконец большой наряд, привезенный с огромными усилиями и трудностями: для его провоза приходилось прорубать леса, расчищать горы снегу или насти-

лать бесконечные гати на болотистых местах. Из сего наряда устроили три батареи в шанцах Лесли и его товарищей, вблизи городской стены. Прошло еще недели две, пока орудия были установлены в турах, засыпанных землею; на высоком кургане поставили самую большую пушку Единорог, снаряды которой достигали до Малаховых ворот. 17 марта началось бомбардирование; за 15 верст кругом слышна была орудийная пальба. Продолжалась она несколько дней: у трех башен, в том числе у Малаховой, сбили верхи; в городовой стене образовался пролом сажен в шесть. Казалось бы, еще немного артиллерийской подготовки, затем дружный приступ, и Смоленск в наших руках. Но бомбардировка вдруг прекращена, как бы для того, чтобы дать неприятелю время приготовиться к отпору и «зарубить» в проломных местах тарасы. Недели полторы спустя, бомбардировка возобновилась, подвезли лестницы; по всем признакам, стали готовиться к приступу. Конечно, предполагали его сделать после взрыва главного подкопа. В половине апреля сам Шеин приезжал в немецкие шанцы смотреть подкоп; подкопщики ему говорили, что будет готов к Светлому воскресенью. А неприятель меж тем от перебежчиков получал все нужные сведения, с своей стороны против подкопа копал слухи и укреплял помянутый выше внутренний земляной вал. В конце апреля воевода дает знать в Москву, что у него все готово для приступа, — только ждет прибытия пушечных запасов! Итак, он всегда чего-нибудь ждал.

Тут, к сожалению, наши источники о ходе осады делаются скудны и сбивчивы. Из общих очерков ее и некоторых отрывочных известий мы знаем только, что было сделано два приступа, 26 мая и 10 июня. Главный подкоп, заключавший 250 пудов пороху, был взорван; но он так плохо был рассчитан, что масса оторванных от стены и башни камней обрушилась на стоявший подле русский отряд, приготовленный к приступу, и значительную его часть перебила и перекалечила. Произошло сильное замешательство; а когда наступающие отправились и двинулись на приступ, они встретили тот внутренний земляной вал, который лежал за стеною и с которого осажденные поражали их огнем из пушек. И атака эта производилась не в ночное время и не внезапно, а при

полном дневном свете, когда неприятель все видел и ко всему приготовился. Разумеется, приступ окончился полною неудачею, тем более что Шеин и не думал поддержать солдатские полки другими войсками. Одинаково неудачны были подкопный взрыв и приступ 10 июня. Поведенные неискусно и нерешительно, эти приступы отозвались большою потерею людей и боевого материала, а также неизбежным отсюда упадком духа среди русской армии. Впоследствии против Шеина возникло даже обвинение, что однажды, когда русские уже влезли на стены и готовы были ворваться в город, он вдруг велел открыть орудийную пальбу по своим и тем заставил их вернуться. Такая явная измена была бы слишком чудовищна; может быть, вышло какое-нибудь недоразумение. Однако официальный акт (т.е. судебный приговор над Шеиным) утверждает, что Шеин во время приступа приказывал стрелять из наряду по своим; причем многие были побиты. Но это сказано глухо, и факт остался неразъясненным.

Во всяком случае, за этим периодом неудачных приступов наступил опять период бездействия со стороны Шеина, который ограничивался блокадою, безуспешным бомбардированием и столь же безуспешным продолжением подкопов. Очевидно, он надеялся в конце концов голодом принудить осажденных к сдаче, совершенно забывая о том, что за Смоленском стояло целое Польско-Литовское государство, которое при всех своих неустройствах должно же было когда-нибудь прийти к нему на помощь. А между тем он не переставал требовать денег, припасов и подкреплений, постоянно жалуясь на побеги и нети служилых людей и недостаточное количество посошных, которые обязаны были делать подкопы, рыть шанцы, возить в немецкие полки дрова и хлебные запасы и т.п.

Московское правительство продолжало надеяться на Шеина и напрягало все усилия к тому, чтобы удовлетворить его требования. По дорогам между Москвою и Смоленском постоянно тянулись обозы то с денежною казною, то с хлебными или боевыми припасами, и шли все новые и новые подкрепления. В июне мы встречаем царский указ о новом наборе даточных с монастырских земель, а также с вотчин и

поместий тех придворных и служилых людей, которые не находились тогда в действующих полках, с 300 четей земли по одному конному ратнику в полном доспехе, т.е. в латах или панцире и шишаке, на добром коне, ценою не менее 10 рублей. Немного позднее (в конце августа) опять указ: о наборе пеших даточных ратников с 300 четвертей по два человека, каждый с пищалью, топором и рогатиной. Тем и другим, т.е. конным и пешим, назначено идти под Смоленск. Туда же в июле отправлен из Москвы полковник Самуил Карл Деэберт со своим рейтарским полком. С ним посылались также запасы пороху, свинцу, фитилей и провианту; причем, по обыкновению, наказывалось, чтобы начальные люди строго смотрели на пути за рейтарами и драгунами и не позволяли бы им грабить крестьян или брать у них кормы силою. Что же касается жалованья ратным людям, то в течение с небольшим года, который прошел от начала Шеинова похода по сентябрь 1633 года включительно, из Москвы доставлено было в его полки более полумиллиона рублей — сумма по тому времени весьма значительная. А съестных припасов за эту пору было доставлено в армию полторы тысячи четвертей сухарей, слишком 2300 четвертей круп, около 2500 четвертей толокна, слишком 25 000 ржаной муки и полтораста четвертей гороху, 5600 пудов свинины и 3600 пудов коровьего масла.

Карла Деэберта поместили близ Прозоровского в укрепленных окопах.

Пока Шеин бездействовал под Смоленском, летом 1633 года происходили оживленные действия на других театрах войны; причем хотя Москва повела вначале войну наступательную, но, от бездействия главной рати, ей потом пришлось перейти в положение оборонительное. Поляки выслали против нас черкас или малороссийских казаков, которые повоевали Северскую область. Но их нападения не всегда были удачны. Так, в мае полковник Песочинский и князь Еремия Вишневецкий с польскими, литовскими людьми и запорожцами осадили Путивль, начали вести шанцы, подводить подкопы и делать приступы; около месяца длилась осада. Мужественные воеводы князь Гагарин и Усов отбили неприятелей, и те со стыдом отступили. Но город Валуйки

им удалось взять и разграбить, благодаря оплошности воеводы Колтовского. Не ограничившись черкасами, поляки вооружили против Москвы крымцев. Хан послал царевича Мумарек Гирея, который напал на наши южные украйны, повоевал, пожег многие места и набрал большой полон.

Нашествие крымцев отразилось под Смоленском тем, что там усилились побеги: многие помещики южных областей стали уходить, тревожась за участь своих семей и имущества. В самой Москве преувеличенные известия о силах татар подняли тревогу; начали готовить к обороне столицу и собирать против них особую рать под начальством кн. Б.М. Лыкова. Но крымцы ушли назад,

Из разных мест от воевод приходили иногда гонцы с сеунчом или известием об удачном деле с литовскими людьми и татарами, об отражении их, например, от Ливен, Пронска, Серпухова и пр. Шеин с Измайловым ухитрялись тоже время от времени присылать донесения о своих посылках под Красное, о прогнании неприятеля и количестве взятых в плен; причем незначительные стычки своих разъездов и фуражиров или отбитие небольших вылазок из крепости они обращали в какие-то победы и своему бездействию придавали вид деятельности. Раза два пытались неприятельские партии прорваться в город, но неудачно, и опять донесения о победах. Но вот пришлось наконец донести о важном событии: о прибытии под Смоленск неприятельской рати с самим королем Владиславом во главе[8].

Сигизмунд III Ваза оставил после себя пять сыновей: старшего Владислава от первой жены Анны, а прочих от второй жены Констанции. Претендентом на польскую корону выступил Владислав, который по смерти отца номинально величал себя королем шведским. Архиепископ-примас Ян Венжик созвал приготовительный или Конвокацийный сейм на 22 июня (григорианского стиля).

На этом сейме ясно обнаружилось тревожное и опасное положение государства, потрясенного борьбою религиозных партий и целых народностей, которую вызвали меры католической нетерпимости покойного короля, в особенности пресловутая уния. Православные западноруссы соединились с диссидентами, т.е. протестантами разных видов, и предъя-

вили на сейме целый ряд требований в ограждение своих имущественных и политических прав. Малороссийское казачество волновалось и, с своей стороны, требовало не только свободы греческого исповедания, но также участия в избрании короля и других прав. На Конвокацийном сейме назначено было 27 сентября днем сейма Элекцийного или избирательного. Сей последний долго занимался препирательством по разным вопросам, и, только побуждаемый начавшеюся польско-московскою войною, 8 ноября 1632 года приступил наконец к избранию короля, которым и был единогласно выбран Владислав. Спустя несколько дней, он присягнул на pacta conventa. В число этих pacta, ввиду военного времени, включен новый пункт о том, чтобы на войско шла не одна, а две четверти (кварты) доходов с королевских имений (собственно, с державцев этих имений); шляхта же, по обыкновению, старалась освободить себя от обременительных военных расходов. За Элекцийным сеймом последовал Коронацийный, который был назначен на 31 января 1633 года. Но только 6 февраля совершилось коронование новоизбранного короля в Варшаве. После того начались приготовления к его походу под Смоленск; но они крайне замедлялись недостатком денег. Употреблялись чрезвычайные меры для пополнения королевской казны. Так, ради 90 000 золотых, поднесенных бранденбургским курфирстом Вильгельмом, король освободил его от обязанности приехать в Варшаву, чтобы лично принести ленную присягу в качестве герцога прусского, а позволил сделать это чрез посольство — важный шаг к независимости Пруссии от Польши. На военные издержки Владислав продал также разные королевские сокровища, в том числе и отцовскую корону, стоившую 50 000 золотых. Эти приготовления, а равно всякие неустройства и волнения в Речи Посполитой, которые пришлось улаживать новому королю, задержали его так долго, что он только в августе месяце 1633 года выступил в поход, двинув отряды из Вильны и Орши, двух сборных пунктов, и едва успев собрать до 15 000 войска.

Вот сколько времени Польша была связана внутренними условиями и не могла прийти на помощь смоленскому гарнизону. Оказывается, что, начиная войну, в Москве рас-

считали верно; но это драгоценное время Шеин безвозвратно потратил на пассивную осаду города, т.е. на бесславное сидение в своих окопах и острожках, которые он продолжал возводить и укреплять с каким-то тупым упрямством. Очевидно, он не понимал, что, по мере расширения и увеличения его укреплений, рать его все более и более теряла свою подвижность и обращалась в простые гарнизоны воздвигнутых им острогов. Если тут не было прямой злонамеренности, то невежество Шеина в военном деле является просто поразительным.

Смоленский гарнизон едва держался, страдая от недостатка съестных и боевых запасов. Доходившие от него письма умоляли о скорейшей помощи, иначе он должен будет сдаться. Но отряд литовских войск, стоявший под Красным, был слаб и сам терпел во всем недостаток; притом у него открылся сильный конский падеж. В это время особенно много было перебежчиков от неприятеля в русские лагери. Шеин получал от них подробные известия; но по-прежнему ничего решительного не предпринимал, продолжая заниматься безнадежными подкопами под стены города и укреплениями своего лагеря.

8 августа воротился под Красное гетман Радивил, ездивший на встречу королю; хотя великий литовский гетман Лев Сапега незадолго до того скончался, однако Радивил пока не получил его булаву и продолжал оставаться полевым гетманом (его недолюбливали как протестанта). Вместе с ним прибыл пан Песочинский с двухтысячным отрядом кварцяного войска. Они двинулись к Смоленску и стали лагерем на Глушице, на изгибе левого берега Днепра, верстах в 7—8 от Смоленска. Здесь укрепились, навели мост через реку, и начали производить рекогносцировки, доходя до самого острога Прозоровского и соседних с ним шанцев. Русские вступали в небольшие стычки с неприятелем; но большею частию держались под защитою своих пушек и окопов и не осмеливались принять бой в открытом поле. 25 августа прибыл и сам король с коронным войском, которым предводительствовал другой польный гетман, Казановский. При нем состоял со своим отрядом смоленский воевода, пресловутый Гонсевский, который, вопреки обычаю, не хотел соединить-

ся с собственным, т.е. литовским, гетманом, по своей вражде к нему. Оба польные гетмана также находились в распрях друг с другом. Каждый из них желал иметь короля у себя в обозе. Владислав стал в обозе Радивила на Глушице. Гонсевский отправил своего челядина в город с известиями о прибытии короля и предстоящем совместном нападении на осаждающих. Посланец, однако, не мог пробраться незамеченным сквозь русские линии; тогда он бросился в Днепр и, постоянно ныряя, подплыл к самым стенам; тут воспользовался одним из обвалов, произведенных русскими пушками, и без всякой лестницы взобрался в крепость.

Прибытие короля с главными силами на помощь Смоленску нарушило царствовавшее дотоле сравнительное бездействие московского войска и заставило его выдержать целый ряд битв, но все-таки не вызвало его на активную борьбу.

Узнав от воротившегося посланца о крайнем положении гарнизона, терпевшего уже голод, король решил немедля произвести нападение на осаждающих, несмотря на большое неравенство сил: у него было по крайней мере вдвое менее людей, чем у Шеина, по соединении с литовским отрядом из-под Красного, оно теперь едва достигало 20 000 человек. В совете королевском обсуждался вопрос, на какие пункты русских осадных линий сделать нападение. Решено было прорвать слабейшую их часть, т.е. заднепровскую. На другой или на третий день по своем прибытии Владислав в ночь с 27 на 28 августа перешел по наведенным мостам на правую сторону Днепра, разделив свое войско на две колонны: правая колонна, гетмана Казановского и Гонсевского, направилась на табор Прозоровского, чтобы не допустить его к поданию помощи; а левая, Радивила, при которой находился король с своим братом Яном Казимиром, должна была ударить на Покровскую гору, т.е. на лагерь Матисона. Кроме того, отделен был особый отряд под начальством полковника Розена, чтобы обойти Покровскую гору, стать на сообщениях Матисона с Шеиным и таким образом отрезать помощь с той стороны. На этот раз неприятели не застали русских врасплох.

Нападение на Покровскую гору встретило упорное сопротивление. Массивные рогатки и вырытые около них ро-

вики задержали нападающих; а когда они срубили часть рогаток и прорвались внутрь линий, то здесь закипел жаркий бой с отрядом Матисона. В то же время из Смоленска вышел Воеводский с частью гарнизона и ударил на этот отряд с другой стороны. Пока Матисон отбивался с обеих сторон, вдоль днепровского берега у подошвы Покровской горы уже пробирался обоз с съестными и боевыми припасами, назначенный для осажденного города. Этот транспорт, сопровождаемый полковником Денгофом, направился по Днепровскому мосту, который оказался совсем неуничтоженным, вопреки донесениям Шеина. Но король должен был поддерживать сражение почти до вечера, пока транспорт благополучно вошел в крепость; а вслед за ним введено было туда и подкрепление, именно полк королевича Казимира в 1200 человек. Воеводский отступил в город, потеряв несколько сот человек; полковник Денгоф на обратном пути от города был смертельно ранен. Король отошел в свой лагерь; а храбрый Матисон снова занял свои линии и вновь их укрепил. Колонна Казановского помешала Прозоровскому подать помощь; но, увлекшись военным пылом, гетман хотел взять его предмостные укрепления, причем попал на засаду, скрытую во рвах и оврагах, и, кроме того, потерял много людей от артиллерийского огня с валов острожка. Таким образом и Казановский отступил с большими потерями. Шеин в этот день бездействовал и не подал никакой помощи Матисону. Зато, когда на другой день король прислал трубача с просьбой выдать тела убитых, он любезно согласился на эту просьбу. Таким образом, хотя Владиславу удалось несколько подкрепить гарнизон; однако это ему дорого стоило и на первый раз он встретил мужественное сопротивление; впрочем, то же сопротивление показало ему разрозненность и малую подвижность русского войска. Поэтому в следующие дни он ничего не предпринимал и стал собираться с силами, поджидая еще некоторые шедшие к нему отряды, а главное, запорожцев. Вместо того чтобы воспользоваться этим затишьем, еще неполною силою неприятеля и его утомлением после дела 28 августа, Шеин не двигался из своего укрепленного лагеря и только считал количество убывавших у него людей; ибо с приходом короля побеги детей боярских из русского войска

чрезвычайно усилились. Поколебалась и верность наемников: иноземцы часто начали переходить из русского лагеря в королевский. Между прочим, перебежало несколько волохов, которые жаловались на крайнюю усталость: от постоянных тревог и опасений неприятельского нападения их держат на страже днем и ночью; а жалованье хотя и выплачивается ежемесячно, но приходится все съестное дорого покупать у царских харчевников. Все военные меры Шеина в это время, по-видимому, ограничились тем, что он несколько подкрепил Матисона и перевел Фандама с его полком из прежней, довольно бесполезной позиции в свободное дотоле пространство между городом и Прозоровским.

7 сентября на помощь королю пришли запорожцы, будто бы в числе 15 000 человек (число едва ли не преувеличенное). Один поляк-очевидец изображает их беспорядочною толпою, у которой весь порядок заключался в том, что каждая часть шла около своей хоругви; по его замечанию, эти темные фигуры, облеченные в бараньи шкуры, скорее походили на сатиров, чем на добрых людей; редкий из них имел красную или цветную одежду; зато у них было великое презрение к смерти и больше заботы о горелке, чем о жизни. Не желая явиться перед королем с пустыми руками, они прежде всего сделали внезапное нападение на русские линии и захватили трех иноземных офицеров; после чего пришли к Владиславу и, вместо всякого приветствия, сказали только: «Король, вот тебе три немца!» (хотя то были французы). Король в награду велел им дать два ведра крепкого меду и 20 талеров. Вообще он пользовался преданностью казаков и был очень обрадован прибытием этих беззаветно храбрых людей.

Прошло около двух недель после первой попытки; король, не медля долее, снова начал свое наступление на осаждавшую московскую рать, и тем усерднее, что из Смоленска проскользали известия об увеличившейся опять нужде в съестных и боевых припасах. Матисон меж тем успел не только возобновить свои укрепления, но еще усилил их новыми рядами рогаток и рвами, а также поставил новые блокгаузы у подошвы Покровской горы, чтобы отрезать подступы к Днепровскому мосту. В том месте находилась церковь Петра и

Павла; он окружил ее шанцами и обратил в форт. Поэтому некоторые советовали королю действовать теперь на левом берегу Днепра и отрезать Прозоровского. Но, согласно с мнением гетмана Радивила, король вновь обратился на Покровскую гору. На тот раз против Прозоровского он назначил колонну литовского гетмана, а Казановского двинул на сообщения Матисона с Шеиным; сам же с остальными войсками в ночь с 10 на 11 сентября выступил против Матисона. Одну часть запорожцев он оставил для охраны лагеря, а другую разделил между обоими гетманами. Шедший в авангарде полковник Мадаленский сбил стражу на речке Городенке и ударил на шанцы Петропавловской церкви; король послал ему на помощь полк Арцишевского. Здесь завязалось самое жаркое дело. Смоленский гарнизон сделал вылазку и напал на форт с другой стороны. Матисон прислал подмогу; сам же он не мог двинуться из своего острога, угрожаемый главными силами короля и осыпаемый артиллерийскими снарядами. Попытка русских ратных людей с левого берега переправиться на правый и подать помощь своим была отбита гусарами и запорожцами Радивила. Литовский гетман действовал так искусно, что не только не дозволил Прозоровскому послать помощь Матисону, но и отбил его предместные укрепления, а затем сам пошел помогать добывавшим Петропавловский форт. Не успев взять его приступом, неприятель к вечеру поставил вблизи батареи и начал его обстреливать. Поэтому, не надеясь долее держаться, защитники форта ночью его очистили. На следующий день литовцы, взяв остальные укрепления у подошвы Покровской горы, возобновили атаки на острог Матисона; но он стойко выдерживал нападение. С левого берега отряд русских стрелков обстреливал неприятеля, поместясь за вновь устроенным бревенчатым прикрытием. Часть запорожцев, сбросив с себя одежду, нагая, с саблями в руке, под огнем стрелков переплыла Днепр, прогнала их и разорила прикрытие.

Со стороны Шеина была сделана только слабая попытка помочь Матисону: он послал ему несколько тысяч конницы и небольшой отряд стрельцов. Так как Казановский вновь соединился с королем и вместе осаждал Покровскую гору, то эта помощь, благодаря рощам, пригоркам и лощинам, не-

заметно подошла к шанцам, которые неприятель успел уже возвести у подошвы горы на восточной ее стороне. Тут увидал ее Радивил. Храбрый и расторопный гетман, не долго думая, взял несколько бывших под рукою гусарских хоругвей и стремительно ударил на русских. Московская конница не выдержала удара и обратилась в постыдное бегство, а пехота мужественно защищалась и большею частию полегла на месте. Тем и ограничилось содействие Шеина Матисону. Последний очутился в критическом положении, так как поляко-литовцы почти со всех сторон окружили его позицию шанцами, батареями и отрядами. Поэтому он воспользовался темнотою наступившей ночи, вывел свой отряд из окопов и прокрался с ним мимо неприятелей. Он отступил к острогу Шеина и расположил за ним свой лагерь. Отступление это он совершил с разрешения самого Шеина, с которым успел предварительно обослаться. На следующее утро поляки заняли Покровскую гору; добычею их в русском острожке были несколько пушек и порядочные запасы провианту. Король перенес сюда свой лагерь из Глушицы. Таким образом Смоленск был освобожден от блокады с правого берега, и по Днепровскому мосту установились сообщения его с королевским лагерем. Владислав приехал в город, отслужил Te Deum в храме Иезуитов и пробыл целый день среди мужественного гарнизона, осматривая повреждения в стенах и ближние осадные работы русских.

Уже один беглый взгляд на поведение вождей обеих армий достаточно объясняет нам исход дела. С одной стороны, мы видим молодого, исполненного отваги и энергии Владислава, который везде лично распоряжается, дает единство действиям своих отрядов, сам разделяет труды и опасности своих воинов и одушевляет их собственным примером. В течение двухдневных приступов на Покровскую гору он даже на ночь не удалялся в лагерь, а спал тут же в карете неподалеку от шанцев. С другой стороны, видим престарелого, бездеятельного, постоянно скрывающегося в своих окопах воеводу; лично Шеин нигде не выступает во главе сражающихся. Он совершенно не понимал того, что творилось перед его глазами, и потому, когда нужно было со всеми свободными силами самому ударить на короля, осаждав-

шего Покровскую гору, он бессмысленно ограничился посылкою небольшого отряда. Если бы он по крайней мере наблюдал хоть какое-либо единство в действиях своих рассеянных вокруг Смоленска войск! Напротив, эти войска как бы не имели общего предводителя, и каждый отдельный начальник был предоставлен своим силам и своему усмотрению. Понятно, что при таких условиях дух русского войска должен был находиться в самом угнетенном состоянии, что победа доставалась полякам слишком легко и торжество их было вполне обеспечено.

Разумеется, неприятель не ограничился уничтожением блокады на правом берегу Днепра, а начал того же добиваться и на левом берегу.

В королевском совете решено было теперь отрезать Прозоровского от Шеина, а потом взять его острог, так же как был взят Матисонов. Спустя около недели после завладения Покровской горой, из лагеря с этой горы двинулась сильная колонна поляков, немцев и запорожцев, под начальством полковников Вейнера и Абрамовича, прошла через город и на рассвете, 18 сентября, напала на шанцы полковника Фандама, а также на обоз Карла Деэберта, которые прикрывали Прозоровского со стороны города. Здесь тоже неприятель не застал русских врасплох и встретил мужественное сопротивление. Бой у шанцев длился с переменным счастием. Польские гусары и рейтары, которые переправились вброд через Днепр и вышли в тыл Фандаму, на сей раз не восторжествовали над русской конницей даже в открытом поле: Карл Деэберт с своим рейтарским полком сразился с ними у монастыря Архангельского, многих побил, остальных вогнал обратно в реку. Получая помощь из города, поляко-литовцы несколько раз возобновляли свои атаки; общим ходом дела руководил гетман Радивил; а Прозоровский посылал некоторые подкрепления русским, вместо того чтобы ударить на неприятеля своими главными силами и совершенно его разбить. Наконец поляки отступили; кажется, в этом именно сражении они потеряли храброго защитника Смоленска, Воеводского. Но такая победа русских отрядов оказалась бесплодною: ясно было, что за сим нападением последуют другие, и Прозоровский с Нагово будут отрезаны от Шеина.

Поэтому они обослались с ним и получили от него приказ: немедля покинуть свой острог и со всеми людьми идти к нему в таборы. Прозоровский в ту же ночь исполнил приказ с такою поспешностию, что бросил две большие и одну малую пушки, множество всякого оружия и съестных припасов, а также больных и раненых; уходя, он велел зажечь свой острожек и взорвать находившийся в его стане храм Св. Троицы; вообще поступил как настоящий варвар. Фандам и Деэберт тоже должны были покинуть свои позиции: не предупрежденные заранее, они не успели взять с собою бывшие у них запасы провианта и конского фуража и, уходя, на заре, также зажгли свои лагери. Но пожар, скоро потушенный случившимся сильным дождем, не истребил русских запасов. На следующий день неприятели воспользовались ими: если верить польским известиям, то несколько тысяч человек целый день возили из русских острожков запасы на телегах и вьючных конях и не могли всего вывезти. Одного сена будто бы там было припасено на зиму до 10 000 возов.

Отступившие 19 сентября отряды, подобно Матисону, расположились за острогом Шеина и принялись воздвигать для себя новые окопы с тыном и рогатками.

Естественно, за Прозоровским с товарищами наступила очередь солдатских полков, занимавших позиции под самыми стенами на юго-восточной стороне Смоленска, т.е. очередь иноземных полковников, с Лесли во главе. Отступление их, как и Прозоровского, произошло по приказанию Шеина, одобренному из Москвы. Главным предлогом послужило спасение большого московского наряда, который помещался в этих окопах. Так как у Шеина, по его донесению, уже не оставалось «ни одного человека посохи» или чернорабочих ратных людей, то воеводы уговорили русских солдат всех полков иноземного строя отвезти пушки на себе, с помощью катков, устроенных из бревен. С великими усилиями пушки были вывезены из так наз. «земляных городков»: каждое большое орудие тащили по нескольку сот человек; а самая огромная пушка была таких размеров, что под нее потребовалось до 2000 солдат. Эта работа производилась две ночи сряду, и когда она была окончена, то в ночь на 23 сентября солдатские полки совсем очистили свои городки, заж-

гли их и пошли занимать новые окопы, примыкающие к острогу Шеина. Но при этом отступлении иноземные наемники уже целыми десятками покидали свои полки и переходили к неприятелям. Утром последние поспешили в покинутые городки; шедшие тогда дожди погасили пожар. Полякам и тут досталась порядочная добыча, в виде деревянных бревен, штурмовых лестниц, каменных и железных бомб и всякого брошенного оружия. Они дивились искусным инженерным работам в этих городках, их высоким валам и хорошо устроенным землянкам; но работы эти возводились под руководством иноземцев и представляли ту степень инженерного искусства, на которой оно стояло тогда в Западной Европе; укрепления устроены были в особенности по образцам итальянским и бельгийским. По замечанию поляков, обильно снабженные всеми припасами, русские могли бы держаться здесь еще долгое время. Это так, но какая была бы цель сидеть здесь взаперти, при упорном бездействии Шеина?

Таким образом осада Смоленска кончилась. Дальнейшее стояние русской армии здесь утратило всякий смысл; Шеину оставалось, не теряя времени, уходить прочь, если он не рассчитывал давать генеральное сражение. Но, верный своему гибельному бездействию, Шеин не тронулся с места и не предпринял активной обороны, а вновь принялся за свою сизифову работу, т.е. за возведение огромных окопов и укреплений вокруг всей армии, скученной теперь в одном пункте. Он все чего-то ждал и дождался наконец до того, что ему отрезали пути отступления, и сам он очутился в осаде вместо Смоленска. Конечно, его привязывал к окопам, главным образом, все тот же большой наряд, который он, на свою же пагубу, вытребовал из Москвы.

С собранными теперь в кучу войсками, Шеин начал устраиваться на вторую зиму в своих страшных окопах и ожидал подвоза всяких съестных и боевых запасов по реке Днепру из главного складочного и опорного пункта, т.е. из Дорогобужа. Но Владислав прежде всего постарался уничтожить этот склад. Посланный им отряд войска с частью запорожцев, под начальством пана или каштеляна каменецкого Песочинского, в конце сентября напал на Дорогобуж и взял

посад; русский гарнизон заперся в кремле. Солдаты неприятельские предались грабежу. Опасаясь беспорядка, которым могли воспользоваться русские, Песочинский велел зажечь посад, и он сгорел со всеми своими запасами. Запорожцы отсюда доходили до Вязьмы, опустошая все огнем и мечом. 6 октября весь отряд воротился к королю, обремененный добычею и пленниками. А король в это самое время уже покинул лагерь на Покровской горе и с главными своими силами совершал кружный, трудный обход, чтобы зайти в тыл русскому лагерю. Местность здесь очень холмиста и лесиста, пересечена балками, оврагами, речками и болотами. Это фланговое движение началось 5 октября и длилось дня три или четыре, преимущественно по ночам. Благодаря туманам, холмам и лесным порослям, а главное, благодаря преступному нерадению и полному бездействию Шеина, польское войско успело незаметно для русских обогнуть Девичью гору и ее ретраншамент, связанный с их лагерем, переправиться через Вязовню и другие соседние речки и обойти Жаворонкову гору, которая по своему значительному возвышению господствует над левым берегом и, следовательно, над русским станом, но которую Шеин и не подумал ввести в круг своих укреплений. Проходя этот путь отдельными отрядами и борясь с разными затруднениями, особенно при перевозке артиллерии в дождливую погоду по размокшей, вязкой почве, голодный и утомленный неприятель очень боялся нападения со стороны русских, нападения, которое при дружном и решительном ударе могло бы окончиться полным его поражением. Но Шеин спал, обманутый нарочно распущенным слухом об уходе короля в глубь России, и проснулся только тогда, когда поляки, достигши так наз. Богдановой околицы при реке Колодне, заняли Жаворонкову гору и поставили здесь свои батареи. Он вдруг как бы встрепенулся.

9 октября ранним утром русская пехота и конница по мосту и на лодках переправилась на правый берег Днепра и начала штурмовать гору, а из тяжелых орудий открылась сильная канонада. По отзыву польских источников, во всю кампанию русские не действовали с такою отвагою и решительностью, как в этот день. Не один раз они уже достигали

вершины горы; но были отбиваемы отчаянными атаками гусар, пятигорцев, казаков и неприятельской пехоты. Бой длился с переменным счастьем целый день до самого вечера. Постепенно король ввел в действие все свои силы и наконец последнее нападение русских отбил уже собственною гвардией. А Шеин не только, по обыкновению, не явился лично на поле битвы, но и не подумал развернуть все свои средства и произвести более решительное наступление. Русских легло в этот день до 2000 человек; у поляков было мало убитых, но много раненых и пало много лошадей. В их руках осталась Жаворонкова гора; ее они поспешили укрепить шанцами и батареями, из которых ядра ложились в самый лагерь Шеина и не давали ему покою, тогда как русские снаряды, направленные вверх, причиняли мало вреда неприятелю. Сам король окопался на Богдановой околице; после чего один за другим начал возводить окопы и ретраншаменты вокруг русских лагерей, а конница его делала постоянные разъезды в окрестностях. Таким образом Шеин к концу октября был уже отрезан от всяких сношений с Россией и очутился теперь в тесной блокаде: с одной стороны, королевские войска в своих шанцах и ложементах; с другой — смоленский гарнизон, который выдвинул свои острожки за город, ближе к лагерю Шеина; на юго-восточной стене этого лагеря расположились в собственных окопах запорожцы.

После боя 9 октября Шеин уже не делал никаких попыток к новой решительной битве; его войска ограничивались теперь незначительными вылазками, более или менее бесплодными. Несколько раз он пытался заводить переговоры о перемирии; для этого обыкновенно посылался трубач с предложением размена пленных. Поляки иногда соглашались на размен, но уклонялись от переговоров о перемирии. Когда они устраивали блокаду Шеинова лагеря, естественно, побеги из этого лагеря страшно усилились: кто хотел, спешил пользоваться возможностью пробираться между неприятельскими острожками. Испомещенные дети боярские уходили в свои поместья, а беспоместные казаки, солдаты и вообще простые беглецы значительною частью собирались в шайки и занимались воровством, т.е. грабежом сел и деревень. Некоторые атаманы или предводители напом-

нили пресловутого Балаша, выступившего год тому назад. Таковым явился атаман Чертопруд, у которого набралось до 2500 бежавших из-под Смоленска кормовых детей боярских, донских и яицких казаков. Эта шайка действовала особенно в уездах Смоленском, Дорогобужском и Рославльском.

В высшей степени любопытно и вместе печально видеть, что в Москве в то время как бы не сознавали или не желали сознать наше истинное положение под Смоленском и своими распоряжениями еще более запутывали дело. А главное, там оба государя все еще продолжали как бы верить в Шеина, все еще ожидали от него каких-то подвигов, посылали спрашивать о его здоровье (5 сентября), старались удовлетворять его бесконечные требования и жалобы, может быть, убаюкиваемые его хвастливыми донесениями. Например, о штурме Покровской горы 11 и 12 сентября и очищении ее Матисоном Шеин доносил в таких выражениях: поляки всеми силами «приступали жестоким приступом два дня», а он с товарищи, прося у Бога милости, «безотступно два дня да две ночи стояли и бились беспрестанно»; а потом «поговоря меж себя и с полковниками, Юрия Матисона со всеми пешими людьми и с народом, и с пушечными запасы вывел». Царская грамота от 19 сентября похваляет за это Шеина, поручает ему больше всего «наряд уберечь», а затем разрешает ему вывести из земляных городков к себе в обоз князя Прозоровского и его товарища князя Белосельского со всеми людьми и запасами, если же нельзя вывезти запасов, то пешим людям выдавать из царских складов муку и другие припасы безденежно. Вместе с тем в Дорогобуж с Григорием Кошелевым послана казна на жалованье солдатам и кормовым людям за будущий октябрь месяц 47 073 р. 14 алтын 4 деньги. Но этой казне не суждено было дойти до Смоленска. Вскоре получилось донесение Шеина с товарищами о том, как 18 сентября побили польских и литовских людей и как после этого боя он князя Прозоровского со всеми людьми перевел в свой табор. В ответ, 28 сентября, ему и Прозоровскому от царя посылается похвала за то, что они «учинили добро и ныне со всеми людьми стали вместе». Их извещают, что царь и патриарх указали идти на польского короля воеводам князю Д.М. Черкасскому и князю Д.М. Пожарскому

и полковникам с драгунскими полками; что под Смоленск велели немедля идти воеводе Бутурлину из Северы, а также из Москвы князьям Ахамашукову-Черкасскому и Мышецкому с московскими стрельцами и казаками; что придут под Смоленск воеводы и из других мест, а потому стоявшие под Смоленском полковники и ратные люди должны быть надежны и ожидать многих ратных людей на помощь. Таким образом, вместо того чтобы как можно скорее сменить Шеина и удалить войско из-под Смоленска, московское правительство само же одобряет его действия и обещаниями скорой помощи поощряет оставаться на месте и ждать гибели. Очевидно, оно более всего опасалось потерять свой дорогой наряд, т.е. тяжелую артиллерию, которую трудно, почти невозможно было теперь увезти из-под Смоленска, в виду предприимчивого неприятеля. Но вот от 24 сентября пришло донесение, что Лесли и его товарищи с солдатскими полками очистили свои земляные городки под стенами крепости и также убрали в обоз Шеина; утешением должно было служить известие, на которое главным образом и напирал Шеин, что наряд весь успели вывезти в его обоз [9].

Постоянные дурные вести из-под Смоленска, без сомнения, гибельно подействовали на Филарета Никитича. Здоровье сего почти 80-летнего старца сильно было расшатано страданиями, претерпенными в Смутную эпоху, особенно во время продолжительного польского плена. Мы знаем, что в Москве на патриаршестве он часто хворал. Под 1 октября 1633 г. в дворцовых разрядах находим краткую запись: «Преставися великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея Руси». Едва ли можно сомневаться в том, что его угнетала скорбь при виде тяжкой войны, начатой по его настоянию и принявшей столь печальный оборот. А последние известия, красноречиво говорившие, что осада Смоленска уже кончилась, и не только нет более надежды на его взятие, но что и вся отборная русская рать в крайней опасности, — эти известия нанесли ему окончательный удар. Отсюда можно заключить, что оба государя если не вполне, то в значительной степени сознавали безнадежный оборот дела; но они считали политичным показывать доверие и благосклонность воеводам и обнадеживать помо-

щью, чтобы ободрять войско и поощрять его начальников. Такая политика продолжается и после кончины Филарета Никитича. Например, рейтарский и драгунский полковник Шарль Деэберт доносит, что при вступлении в Шеинов обоз он должен был пометать запасы, а теперь и люди и лошади уже терпят крайнюю нужду, уже треть его полка или больше стала пешею, и просил прибавить на его полк кормовых денег. Государь послал Шеину грамоту от 16 октября с обещанием прибавочного жалованья драгунам и с похвалою за их «крепкостоятельство». Шеин доносил государю, что посланная с Григорием Кошелевым казна на жалованье ратным людям еще не бывала под Смоленск по 11 октября; поэтому он занял денег у полковников и других офицеров иноземцев. Из них Лесли дал 4000 руб., Кит 600, Матисон 1400, подполковник Вердул 1200, майор Стей 500 и т.д. Всего таким образом занято у них на государево имя 11 350 р., да от сентября оставалось вместе с вырученными за продажу казенных запасов 11 611 руб.; после того не хватило на жалованье за октябрь 15 272 руб., кроме рейтар, которые получили жалованье вперед за четверть года, с сентября по декабрь. Боярская дума приговорила послать полковникам похвалу и обещала, что в Москве им те деньги будут возвращены. Неизвестно, дошли ли эти ответы под Смоленск, так как русская рать уже находилась в польской блокаде.

В это время мы видим усиленную деятельность Боярской думы и Московского разряда по сбору ратных людей на помощь русскому войску и по сбору денежной казны на военные издержки.

По жалобе Шеина на недостаток посохи, в сентябре конных даточных людей, собранных с монастырей, спешили посылать в Дорогобуж, где они должны были ожидать приказаний от Шеина; вслед за тем приговорили собрать посоху в Смоленском и соседних уездах с пяти дворов по одному человеку с заступами и топорами и отвести их под Смоленск. По жалобе Шеина на большие побеги помещиков (ярославцев), новокрещеных и татар, после королевского прихода и по присланным от него спискам, велено у этих беглецов отписать одну четвертую долю поместий и отдать ее тем детям боярским, мурзам и татарам, которые остались и служат под

Смоленском «без съезду»; а кто, взяв государево жалованье, совсем туда не явился, у тех отобрать все поместья и отдать служащим. Дворян нетчиков велено из выбора и дворового списка написать «с городом» (т.е. из высших разрядов перевести в низший), причем убавить: из поместных окладов по 50 четей, из городовых денег по 5 рублей, из четвертных окладов по четвертой части; всех нетчиков разыскать и за крепкими поруками выслать на службу, а если кто схоронится, у тех людей и крестьян сажать в тюрьму. Раненых по их излечении также собрать и послать под Смоленск. Еще с согласия Филарета Никитича велено было послать на службу всех патриарших стольников, кроме недорослей; а у последних взять даточных пеших людей с пищалями, рогатинами и топорами. После же кончины Филарета велено его стольников перечислить в стольники и стряпчие царские и выслать на службу в Москву, а также патриарших детей боярских из тех уездов, где они испомещены.

Мы видим распоряжения правительства по дошедшим до нас письменным актам; другой вопрос, насколько эти распоряжения исполнялись и достигали своих целей. Несмотря на все приказания о неуклонном сборе ратных людей и о спешной их посылке, не видно, чтобы сборы были неуклонны, а посылки действительно производились спешно. Так, 8 октября велено Стрелецкому приказу Никиты Бестужева подкрепить передовой отряд князей Василия Ахамашуковича Черкасского и Евфимия Мышецкого, которые стояли в Вязьме; причем «для поспешения» государь указал посадить стрельцов на подводы, по два человека на одну телегу. Ахамашукович Черкасский со своим товарищем назначен был, собственно, под Смоленск на место Богдана Мих. Нагово, который там умер. Но эти два князя, кажется, не ушли далее разоренного Дорогобужа. Да, может быть, и хорошо, что их отряд не успел попасть в руки Шеина, подобно некоторым другим отрядам, первоначально туда назначенным. По крайней мере, они сохранились для дальнейшей обороны государства. А то, что приходило под Смоленск и поступало под начальство Шеина, все равно что попадало в какую-то бездонную яму: так он умел распоряжаться ратными силами!

Когда в Москве узнали о полном обложении Шеиновой рати, то, естественно, перестали направлять подкрепления прямо к нему, а обратили их теперь к тем воеводам, которые собирали новую московскую рать, долженствовавшую выступить против короля, на выручку Шеина. Главным воеводою назначен был князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, а в товарищи ему дан князь Димитрий Михайлович Пожарский. Конечно, Черкасскому сделано предпочтение перед Пожарским на основании местнических счетов и по родству первого с приближенным боярином и царским родственником Ив. Бор. Черкасским. Во всяком случае, это была новая ошибка: хотя Мамстрюкович был старый, опытный воевода, но военными талантами не отличавшийся и притом известный за человека тяжелого нрава. Назначение их, по-видимому, состоялось еще при жизни Филарета и, конечно, по его указанию: следовательно, и в этом случае на него отчасти падает ответственность за новый не совсем удачный выбор главнокомандующего.

Сии воеводы большого полку, по обычаю, для сбора рати и ее переписи остановились в Можайске. Им государь отдал часть своего двора или своей гвардии, т.е. стольников, стряпчих, жильцов, и назначил детей боярских из тех же городов, из которых и Шеину. К ним на сход опять должны были идти воеводы, собиравшие свои полки в тех же пунктах, как и в предыдущем походе: в Ржеве-Володимирове князья Одоевский и Шаховской, а в Калуге князья Куракин и Волконский; между ними также распределялись помещики тех городов, которые были распределены между кн. Прозоровским и Нагово. Собрав своих ратных людей, они должны были идти в Вязьму и там соединиться с главным воеводою. Несмотря на царский указ быть без места, и на сей раз не обошлось дело без местничества. Князья Одоевский и Куракин били челом государю: хотя они и готовы быть с Д.М. Черкасским, но он им не в версту и пусть их челобитье запишут ради возможных будущих случаев. Черкасский, в свою очередь, жаловался, что они его тем бесчестят. 15 ноября царь сам разбирал это дело и присудил Одоевского с Куракиным посадить в тюрьму. Впрочем, по дороге туда велел их воротить и простил. Товарищ Одоевского князь Иван Шаховской так-

же предъявил местничество против товарища Черкасского, т.е. князя Пожарского, и, приехав в Ржеву-Володимирову, «не хотел взять списков» (своего полку). Государь велел посадить Шаховского в тюрьму.

Разосланные по областям сборщики очень медленно, со всеми обычными проволочками, собирали нетчиков и высылали их на службу. Воеводы жаловались в Москву, что назначенные в их полки помещики такого-то уезда по такое-то число (наприм., по 13 декабря) в Ржеву или в Можайск еще не бывали. Из Москвы посылается в этот уезд боярский приговор сборщику: по обвинению в посулах и за мешкотные сборы его присуждали посадить в тюрьму на несколько дней; на его счет посылали нарочного из жильцов и приказывали с собранными помещиками идти к Москве «без всякого мотчанья, днем и ночью, не мешкая нигде ни часу». Тех детей боярских, которые убегут с дороги, велено, сыскав, за их воровство бить кнутом по торгам и потом отсылать на службу. Сборщики, в свою очередь, отписывают, что они успели собрать столько-то десятков нетчиков и за поруки с таким-то головою послали их на службу, а за остальными нетчиками посылают «беспрестанно»; но те государева указу не слушают и на службу не идут. А некоторые нетчики посланных за ними отставных детей боярских, пушкарей и рассыльных прямо подвергают побоям. Были и такие буяны, как, например, в Галицком уезде некий Федор Быковский: к четырем посыльным людям он вышел из своего двора с топором в руках; жестоко их обругал и стал травить собаками. Все эти нетчики большею частию оказывались те именно служилые люди, которые бежали от Шеина из-под Смоленска. Трудно было уговорить их идти на выручку того же Шеина; хотя правительство наказывало увещевать их, чтобы, «памятуя Бога и истинную нашу христианскую веру и государево крестное целование и жалея свою братью, которая стоит под Смоленском», шли на службу. В противном случае грозило, что они «чужды будут милости Божией и нашей православной христианской веры, и государю, и всему Московскому государству будут изменники, из списков будут выкинуты и в дворянах и в детях боярских им не быть». Стараясь более всего затронуть православную струну, к этому известию

прибавляли, что «король Владислав и польские и литовские люди хотят церкви Божии разорить и святую нашу истинную православную христианскую веру превратить в свою проклятую в папежскую веру привести».

В особенности уклонялись от службы помещики южных украинных областей, ссылаясь на то, что татары поместья их и вотчины разорили, их жен и детей и крестьян в полон побрали и им на службу «подняться нечем». Употреблялись также усилия поворотить на службу, в полки Черкасского и Пожарского, неиспомещенных или кормовых детей боярских, донских и яицких казаков, которые ушли из-под Смоленска и скопились преимущественно в Рославльском уезде, с разными атаманами. Государь посылал сказать им похвалу за прежнюю службу, побранить за уход и увещевать, чтобы они «от своего самовольства отстали и шли на его государеву службу к боярам и воеводам ко князю Д.М. Черкасскому да ко князю Д.М. Пожарскому». Любопытно, однако, что посланному к ним для увещания дворянину дается такой наказ: если атаманы начнут просить, чтобы бывшим с ними крепостным бояр и пашенным крестьянам «ради нынешней службы свободу учинить», то отвечать, что «о таких людях государю неведомо и о том государева указу с ними нет». Ясно, что правительство или, собственно, Боярская дума даже и в таких трудных обстоятельствах не хотела дозволить какого-либо изъятия из крепостного права, в то время все более входившего в силу. Во всяком случае, увещания, по-видимому, не остались бесплодны, и по крайней мере часть беглых ратных людей воротилась на службу. В их числе встречаем и атамана Чертопруда, в январе с этим атаманом отправлены казачьим сотням одно дорогильное знамя и десять киндяшных.

В начале января 1634 года Черкасский и Пожарский доносили из Можайска, что при них ратных людей, стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов всего только 357 человек. Из Калуги около того же времени Куракин и Волконский извещают, что у них всего пеших детей боярских, стрельцов и казаков, с пищалями, около 1400 человек. Государь послал им 300 пудов зелья и 600 свинцу на ямских подводах, приказав класть на подводу по 20 пудов. Кроме

того, послано туда же 17 знамен для сотен, из них семь тафтяных, а десять киндяшных разноцветных. После разорения Дорогобужа Калуга сделалась главным опорным пунктом в этой войне с Владиславом: туда направляются теперь обозы с боевыми запасами и с денежной казной для жалованья ратным людям. Что касается третьего сборного пункта, Ржева-Володимерова, там этот сбор продвигался вперед еще медленнее. Князья Одоевский и Шаховской в январе шлют в Москву донесение, что назначенные к ним на службу костромичи, дворяне и дети боярские, в Ржеву еще не бывали, а между тем литовские люди уже стоят в Ржевском уезде. Тогда из Москвы отправлен князю Семену Масальскому, костромскому сборщику, выговор за то, что он с костромичами стоит долго в Твери, идет мешкотно и государевым делом не радеет. Ему предписывается спешить в Ржеву, принимая все меры предосторожности против литовских людей, а кто из нетчиков дорогою побежит в Кострому, то пусть они знают наперед, что в Костроме их велят перевешать (сомнительное слово в издании акта). В другом царском наказе, по поводу раздачи жалованья, мы встречаем такую угрозу: кто из стольников, стряпчих, дворян и жильцов (назначенных к Черкасскому и Пожарскому) возьмет государево денежное жалованье, а на службу не пойдет или со службы сбежит, у того отобрать поместья и вотчины и отдать их тем, которые «будут на государевой службе без съезду». Ввиду крайней медленности ратного сбора бесплодным является повторительный царский указ от 30 декабря 1633 года князьям Черкасскому и Пожарскому, чтобы они шли из Можайска в Вязьму, из Вязьмы к Дорогобужу, оттуда под Смоленск, а другие воеводы из Ржева и Калуги шли бы к ним на соединение. При сем подробно распределялись между ними служилые люди из разных областей. Одоевский и Куракин, по обычаю, должны были соединиться с князем Черкасским, а их товарищи, Шаховской и Волконский, с его товарищем, т.е. с князем Пожарским. Особым воеводою над нарядом и всеми пушечными запасами назначался Федор Лызлов. Воеводам поручалось «пришед под Смоленск принять» у М.Б. Шеина с товарищи, во-первых, церковь Ризы Господней и крест с мощами, посланный из Москвы блаженной памяти патриархом

Филаретом Никитичем, потом списки дворянам и детям боярским, иноземцам, немецким офицерам, русским солдатам, рейтарам, казакам и стрельцам, наряд и всякие запасы и всякие государевы дела, пересмотреть всех на лицо и пр. Итак, московское правительство хватилось сменить Шеина, когда уже не было возможности до него добраться! В действительности, Черкасский с Пожарским и в январе, и в феврале 1634 года все еще не двигались из Можайска, а другие воеводы — из Ржева и Калуги, несмотря на новые царские грамоты, побуждавшие их выступить немедля под Смоленск и М.Б. Шеину с товарищи «помочь учинить вскоре».

Одновременно с усилиями московского правительства собрать новую рать для продолжения войны с Польшею, идут и чрезвычайные меры для сбора необходимых денежных средств.

В Москве, по-видимому, в течение этой войны не распускался созванный ранее Земский Собор. По указу Государя, он имел заседание 29 января в Столовой избе. На Соборе присутствовали три митрополита, шесть архиереев, архимандриты, игумны, думные чины, стольники, дворяне, приказные люди, гости, торговцы гостиной, суконной и черной сотен. Собору (думным дьяком) прочтена была длинная речь, излагавшая поводы к войне, первоначальные наши успехи и наконец обложение Шеина королем, который с польскими и литовскими людьми хочет идти в Московское государство, чтобы «истинную нашу православную христианскую веру превратить в свою еретическую проклятую в папежскую веру». Собранная в предыдущем году по приговору государей и Земской думы казна роздана ратным людям. Но вопреки соборному уложению, гости и торговые люди на Москве и в других городах давали пятую деньгу несоразмерно со своими промыслами и животами; так что в начале царствования Михаила Феодоровича, тотчас после московского разоренья, на войну с королем Сигизмундом было собрано больше денежной казны, чем теперь, когда Московское государство уже многое время провело в покое и тишине. А потому нужно вновь произвести пятинный сбор с гостей и торговых людей, а духовные власти, бояре, дворяне и приказные люди пусть опять дадут деньги, сколько «кому

мочно». Собор утвердил это решение. Для сбора денег назначена была новая комиссия, под именем «Приказа Денежного сбора». В сей приказ вошли: боярин князь Б.М. Лыков, окольничий Коробьин, чудовский архимандрит Феодосий, дьяки Неверов и Петров. Этой комиссии дан был царский наказ (от 18 февраля), как она должна посылать за сбором денег к архиереям, игумнам, монастырям, боярам, окольничим, дьякам, приказным людям на Москве и по городам; а для сбора пятинных денег с торговых людей по всему государству гости, гостиная и черные сотни должны были выбрать из своей среды окладчиками «добрых людей» и привести их к присяге в том, что они будут «складывать вправду по животом и по промыслом». А после, когда окладчики составят «сказки», особые люди будут посланы государем взимать по этим сказкам пятую деньгу «вправду без всякие хитрости». Судя по такой процедуре, сей новый приказ «запросных и пятинных денег» едва ли успел осуществиться до окончания польской войны и, во всяком случае, не принес никакой пользы для своей прямой цели, т.е. для освобождения Шеиновой рати.

Итак, московское правительство употребляло все меры собрать новую рать и денежную казну для нее, а царь посылал воеводам указы соединиться и спешить под Смоленск на выручку Шеина; но никто из них не двигался к нему на помощь и все продолжали сидеть в своих сборных пунктах. Черкасский с Пожарским все еще стояли в Можайске. Естественно, поэтому является обвинение их в умышленном нерадении и предположение вообще какой-то интриги со стороны бояр, которые будто бы мстили Шеину за его оскорбительные для них слова при отпуске в поход и совсем не желали выручать его из беды.

Но такие обвинения и подозрения, если бы даже справедливы были отчасти, не могут вполне объяснить дело. Пожарского, по всем данным, следует выгородить из ответственности, потому что второй воевода был подчинен первому и мог играть видную роль только при начальнике добродушном и нечестолюбивом (как это иногда встречалось прежде); не таков был Мамстрюкович, самолюбивый, неподатливый, «тяжелого нрава». Но и его бездействие ис-

текало не из личного характера или нерасположения к Шеину. Мы видели, с какою медленностию и в каком малом числе собирались ратные люди; а эту медленность, в свою очередь, нельзя приписывать боярской интриге. Помимо вообще мешкотной процедуры московских сборов, тут действовали нравственные причины. Некоторое одушевление, проявленное служилыми людьми в начале войны, совершенно исчезло вследствие наступивших неудач, главным виновником которых был Шеин; очевидно, не интрига боярская ему мешала, а вызванные им к себе нелюбовь и недоверие; кому же была охота спешить на помощь старому и неисправимому самодуру. Большая часть новой рати составлялась все из тех же людей, которые уже служили под начальством Шеина и толпами от него бежали. Они имели право думать, что такого воеводу не спасешь, а только сам погибнешь. Узнали его теперь и те бояре, которых назначили под Смоленск к нему на выручку. И возможно, что они представляли себе такой оборот дела: положим, дойдем до Смоленска; тут Владислав всеми своими силами обрушится на русскую помощь, а Шеин будет равнодушно смотреть из своего табора на поражение этой помощи и не двинется с места или вышлет ничтожный отряд. Образ его действия, конечно, в то время был уже достаточно известен благодаря многочисленным беглецам, которые не только не скрывали правды, а в свое оправдание могли и преувеличивать, если только возможно было преувеличить что-нибудь в недостойном поведении Шеина.

Затем ответом на обвинения могут служить цифры. В течение войны с поляками, как говорят современники, выставлено было всего до 100 000 человек; положим, это число преувеличенное, и возьмем 80 000. Из них половина, т.е. не менее 40 000, и притом отборная, отправлена под Смоленск (принимая в расчет подкрепления). Сюда входили иноземцы и полки иноземного строя, в количестве от 16 до 17 тысяч солдат и рейтар (десять полков пеших и один конный). Но Шеин сумел растратить эти силы без пользы для дела. Да и теперь в его обозе скучено было около 20 000, оставшихся от этой отборной рати. А у Черкасского с Пожарским, как мы видели, царского дворового войска, несмотря на все меры,

собралось в Можайске едва три сотни с половиною. Хотя это была гвардия хорошо вооруженная, но не особенно привычная к бою, к перенесению военных трудов и лишений. Вместе с другими, притом отнюдь не отборными ратными людьми (большею частим даточными крестьянами от монастырей), по наиболее достоверным данным, у этих воевод всего-навсего собралось от 4 до 5 тысяч человек; да в Дорогобуже находилось тысячи две. Если бы им удалось соединиться с Одоевским и Куракиным, то, может быть, у них набралось бы для похода до 10 000. Но с таким сравнительно небольшим войском трудно было выступить под Смоленск; ибо неприятели не дремали и отнюдь не предоставляли им свободу действия; а наоборот, вынуждали сообразоваться со своими действиями. Король, конечно, знал о собиравшейся в Можайске новой рати, назначавшейся на выручку Шеина, а потому 22 ноября отрядил польного гетмана Казановского и Александра Гонсевского. Они стояли в Семлеве, недалеко от Вязьмы, загородили дорогу к Смоленску и сторожили русских воевод, находившихся в Можайске. Конные разъезды их, предводимые поручиками Левицким и Стефаном Чарнецким, доходили почти до Можайска. Захваченные при этом пленные поляки показывали, что у Казановского и Гонсевского до 5000 польского войска и до 3000 запорожцев. Может быть, в действительности у них было несколько меньше. Во всяком случае, Черкасскому и Пожарскому предстояло разбить их отряд прежде, нежели добраться до окрестностей Смоленска. А разбить их в открытом поле было нелегко с теми силами, которые имелись под руками. Пленные и лазутчики доносили, что, кроме названного отряда, на Украине собирались войска поляков и запорожцев для вторжения в Северщину, под начальством князей Иеремии Вишневецкого и Жеславского. Конечно, энергичный, предприимчивый воевода мог бы все-таки сделать что-либо для диверсии или развлечения польских войск под Смоленском вместо того, чтобы сидеть в Можайске и чего-то ожидать. Но таковым воеводою не был Мамстрюкович Черкасский. Так он и просидел здесь до самого окончания войны, несмотря на все присылаемые из Москвы увещания, чтобы он «с товарищи, прося у Бога милости, со всеми ратными людьми,

с нарядом и запасами шел к Вязьме, Дорогобужу и Смоленску и над польским королем промышлял».

Меж тем под Смоленском после боя 9 октября наступило относительное затишье. Продолжалось только с обеих сторон копание шанцев и артиллерийское дело, т.е. бросание бомб и других снарядов. Король из большого редута с Жаворонковой горы бросал огненные шары или так наз. карфагенские карбункулы в стан самого Шеина, чтобы зажечь его. Но снег мешал их действию. А из русского лагеря ядра большого наряда иногда достигали до ставки самого короля и причиняли вообще значительный урон неприятелю. Шеин не один раз посылал трубача к неприятельскому стану с предложением об уборке трупов и размене пленных. Вместе с тем он пытался вступить в переговоры о перемирии. Но, меняясь пленными, король и гетман Радивил уклончиво отвечали на вопросы о перемирии и продолжали со всех сторон стеснять русскую рать вновь воздвигаемыми засеками, острожками, ретраншаментами, батареями. Мало-помалу ей были отрезаны все пути отступления и все способы добывать какие-либо припасы в окрестностях. Дождливая осень сменилась суровою зимою; русские терпели всякие лишения в своих сырых, холодных землянках; заболевали и умирали в большом количестве. Особенно стала свирепствовать цинга. Чувствительнее всего в это время оказался недостаток топлива, и вот целые отряды или делали открытые вылазки для его добычи, или отправлялись тайком по ночам; но часто попадали на неприятельские караулы и засады, вступали в бой и много трупов оставляли на месте. Благодаря многим перебежчикам из русского стана, особенно иноземцам, неприятели не только хорошо знали все, что происходило в этом стане, но и заранее узнавали о готовившейся вылазке или ночном предприятии и, конечно, принимали свои меры. Так, в начале декабря, раз ночью большая партия скрытно вышла из русского лагеря для рубки дров; но рано поутру, возвращаясь назад, она встретила польские хоругви, поставленные в засаду и предводимые самим гетманом Радивилом. В происшедшем неравном бою русские потеряли до 500 убитыми и до 150 пленными. Когда совершился этот погром, в русском стане, на глазах у Шеина, разыгралась драма. Лесли

стал упрекать Сандерсона в измене, говоря, что это он дал знать неприятелю о предстоявшей вылазке за дровами. «Ты лжешь!» — закричал Сандерсон; в ответ Лесли выхватил пистолет и, выстрелив прямо в лоб англичанину, положил его на месте. Люди того и другого подняли крики и едва дело не дошло до кровавой свалки. Это убийство осталось неразъясненным и безнаказанным: Лесли, как старший из иноземных полковников, начальствовавший двумя полками (немецким и русским), не захотел подчиниться суду Шеина. Очевидно, авторитет последнего был уже сильно подорван; но скорее удивительным является то, что его авторитет еще до некоторой степени сохранялся не только в русской части армии, но и в иноземном ее составе. Армия продолжала таять от болезней, смертности и побегов; но оставалась в своем тесном обложении и стоически переносила тяжкие лишения и страдания.

При всем бездействии и явной военной неспособности, Шеин продолжал держать себя гордо и ревниво относился к своей власти главнокомандующего; например, советов иноземных полковников он не слушал, приставленных к нему двух дьяков, Дурова и Карпова, содержал в полном у себя подчинении, обращался с ними сурово и презрительно; имел шишей или шпионов (главный из них Ананьин), которые доносили ему обо всем, что делалось и говорилось в его лагерях, и всеми мерами преследовал своих хулителей, громко их бранил и даже бил кнутом. Но не видно, чтобы он преследовал тех, которые хулили вообще русскую рать и заводили непозволительные сношения с неприятелями. Товарищ Шеина Измайлов, из подражания и послушания старшему воеводе предававшийся такому же бездействию и отсутствию на поле битвы, имел при себе двух сыновей, Василия и Семена, которые вели себя не только зазорно, но и почти изменнически. Так, они заводили личные сношения с некоторыми неприятельскими начальниками, дарили их и принимали от них подарки. Например, Семен послал молодому Казановскому с себя саадак; а Василий съезжался с Захарьяшем Заруцким и Мадалинским, с некоторыми русскими изменниками и перебежчиками; принимал их к себе в стан, пировал с ними и оставлял иногда их ночевать у себя; при-

чем говорились разные непристойные речи. Особенно невоздержен был на язык Василий Измайлов: он отзывался в том смысле, что где же «против такого великого монарха, как литовский король, нашему московскому плюгавству биться». А когда пришло известие о кончине патриарха Филарета Никитича, то Василий, по выражению официального документа, говорил о нем такие «непригожие слова, что и написать нельзя». Сыновья воеводы находили себе угодников и подражателей; так, стрелецкий голова Гаврила Бакин повторял речи Василия Измайлова о высоких качествах литовского короля и «плюгавстве» русских ратных людей. Вот чем старались объяснять свои постыдные поражения приближенные Шеина и его прислужники! А он на такое зазорное их поведение и на такие речи смотрел сквозь пальцы. Когда наступил недостаток съестных припасов, некоторые начальники стали торговать ими и продавать по высокой цене, думая только о личной наживе и забывая государеву службу. При таких обстоятельствах удивительно не то, что в русском войске дисциплина пошатнулась, нередко происходили брань, ссоры и драки, а то, что еще держалась какая-нибудь дисциплина и рать не обращалась в простую толпу.

Говоря о бедственном, безвыходном положении русской армии, однако не должно думать, что польское войско в это время находилось в довольстве и что оно много превосходило русских ратных людей дисциплиною и боевыми качествами.

Во-первых, численность его от битв, болезней и частых побегов также значительно уменьшилась, а после отделения Казановского с Гонсевским, литовская армия, осаждавшая русскую, едва ли заключала в себе более 12 000. По недостатку денежных средств, жалованье, по обыкновению, уплачивалось небольшими частями или совсем не уплачивалось. Вследствие разорения окрестной страны, дурно устроенной доставки провианта и мародерства, войско терпело большую нужду и почти голодало; лошади падали от бескормицы, и число конных людей сократилось до крайности. Вместе с относительным бездействием, вокруг короля возобновились интриги и всякого рода соперничество вельмож за влияние, за староства и другие блага; причем один другому старались

подставить ногу; а пока оба гетмана оставались в лагере, вражда между ними ожесточилась до того, что они едва не вышли на поединок друг с другом. Слабость дисциплины отражалась на караульной службе; она отбывалась так небрежно, что русские мелкие партии могли пробираться из лагеря в окрестности для добычи припасов и нередко в целости возвращаться назад. Только благодаря подобным непорядкам, армия Шеина могла выдерживать такую долгую блокаду. А когда настали морозы, неприятели, несмотря на обилие окрестных лесов, также сильно страдали от стужи; бывали даже случаи замерзания значительного количества людей, стоявших на страже. Меж тем как Шеиновы клевреты отзывались о русских ратных людях как о плюгавстве, в отзывах польских мы встречаем такое мнение: «Неприятель (т.е. русские) имеет над нами преимущество не только порядком и всею готовностию, но и местоположением и укреплениями своими; кавалерии нашей негде развернуться по причине гор, лесной чащи и болот; а пехота у него и лучше нашей, и вдвое многочисленнее».

Следовательно, превосходство польско-литовской армии таким образом заключалось в предводительстве. Против мужественного и деятельного короля стоял бездеятельный и неспособный воевода.

Шеин несколько раз пытался завязать переговоры о перемирии с неприятелем и, пока возможно было сноситься с Москвою, посылал туда свои донесения. Так в конце октября отправлен был один иноземец, лейтенант Петр Хенеман, с донесением и со многими письмами к боярам. Его сопровождало до 40 всадников. С Девичьей горы, которая находилась еще в руках москвитян, он направился к крепости Белой — единственным возможным тогда путем. Однако он недалеко уехал и был перехвачен неприятелем, который из отнятых писем узнал разные подробности о стесненном положении и тяжких лишениях русской армии. Хлеба было еще довольно, а во всем другом уже наступила крайняя нужда; мяса, сена, овса, пива и водки уже совсем не было; заразные болезни и водянка все усиливались, и смертность была большая. Поэтому Шеин выражал надежду на скорое прибытие обещанной помощи, т.е. Черкасского и Пожар-

ского с 20 000 (!) войском. (Месяца через два верный Хенеман за попытку бежать обратно в русский стан был казнен и голова его воткнута на шест.) Шеин, однако, успел каким-то способом в первой половине ноября донести государю, будто сами польские военачальники предлагали разменяться пленными и заключить перемирие с условием отступить русскому войску в московские пределы, а королю в Польшу. В Москве приняли это донесение за правду, и гонцом под Смоленск был отправлен царский псарь Сычев с грамотою, в которой дозволялось Шеину заключить перемирие под означенным условием. Но в это время обложение было уже такое тесное, что Сычев не мог пробраться в русский лагерь и воротился. Тогда отправили другого гонца, дворянина Огибалова; причем тайный наказ Шеину зашит был в сапоги гонца; а для проезда через королевский стан с ним отпущено несколько поляков в обмен на такое же количество русских. Но между Вязьмою и Дорогобужем Огибалов был схвачен поляками, подвергся тщательному обыску, и тайный наказ попал в их руки. Огибалова отпустили назад, а вслед за ним в начале января приехал в Москву смоленский писарь Николай Воронец посланником от польско-литовских вельмож к московским думным боярам. Он привез обширную грамоту, в которой повторялись жалобы на вероломное поведение москвичей, начиная с избрания царем королевича Владислава, указывалась несправедливо начатая ими война, виновником которой выставлялся покойный митрополит Филарет; далее отрицалось предложение перемирия со стороны поляков, о котором ложно доносил Шеин, как это узнали они из тайной грамоты, отнятой у Огибалова. А в заключение предлагалось отправить уполномоченных на речку Поляновку для мирных переговоров. Но истинная цель посольства Воронца, конечно, состояла в том, чтобы разузнать положение дел в Москве и насколько был прочен на престоле Михаил Феодорович. Полякам все еще мерещилось возобновление Смутного времени. Боярская дума, обсудив польскую грамоту, составила также обширный ответ с опровержением всех обвинений и отправила с ним в конце января под Смоленск дворянина Горихвостова и подьячего Пятого Спиридонова. При этом бояре жало-

вались на насилие, учиненное гонцу Огибалову; извещали, что уполномоченные для мирных переговоров уже назначены государем и требовали, чтобы король предварительно дозволил Шеину отступить в московские пределы со всеми людьми и военными снарядами.

Посланец польско-литовских сенаторов Воронец прибыл под Смоленск и доносил, что в Москве он нашел великое расположение к миру и принимаем был везде с большим почетом, так что и посольство свое отправлял сидя, что для гонцов там вещь необыкновенная. Кормили и поили его до отвалу, а на отпуске бояр через приставов прислали ему добрый поминок. Они просили передать панам-раде, чтобы те наводили короля на заключение мира, и что их царь приневолен был к войне отцом своим покойным патриархом Филаретом (причем рассказывал посланцу приведенную выше сцену между отцом и сыном). Теперь же, когда патриарха не стало и Михаил царствует на всей своей воле, он хочет прекратить всякое кровопролитие, падающее на душу его родителя. Воронец прибавлял, что в Москве слышал такую молву: патриарх скончался ровно через год в тот самый день, в который московское войско перешло литовский рубеж.

Московские посланцы, Горихвостов с Пятым Спиридоновым на пути к Смоленску были умышленно (по поручению короля) задержаны Казановским и Гонсевским под предлогом прочтения имевшейся у них боярской грамоты. Казановский и Гонсевский, как известно, стояли тогда в острожке недалеко от Вязьмы; отсюда они в разные стороны посылали партии для грабежа и опустошений. Только в половине февраля посланцы прибыли в королевский лагерь под Смоленск, но единственно для того, чтобы присутствовать при заключительном акте Смоленской эпопеи.

Последние полтора месяца были только медленной агонией для нашей армии, стесненной и запертой со всех сторон. По-прежнему русские партии выходили из лагерей для рубки дров и продолжали терять много людей в этих вылазках. Томимые голодом, такие партии, иногда, пользуясь ночною темнотой или оврагами и кустарниками, устраивали засады для транспортов, отправляемых из Смоленска в

польско-литовские лагери. Хотя и с потерею некоторых товарищей, смельчакам нередко удавалось перехватить эти транспорты и возвращаться с добычею съестных припасов. Такие вылазки, конечно, заставили неприятеля удвоить предосторожности. Король велел для транспортов устроить дорогу, обставленную с обеих сторон засеками или сваленными деревьями, и поставить на этой дороге два укрепления с гарнизонами, зорко следившими за ее безопасностью.

С своей стороны, неприятели вздумали перехватить коней, которых московские люди водили на водопой, и полковник Поттер устроил для них засаду около днепровского берега. Но перед тем один француз-реформат из полка Вейера перебежал в русский лагерь и убедил Шеина воспользоваться беспечностью некоторых близ стоявших литовских отрядов, чтобы внезапно на рассвете напасть на них, перейдя Днепр по толстому льду. При этом движении отряд наткнулся на помянутую засаду полковника Поттера, которая обратилась в бегство, думая, что этот отряд именно шел против нее. В свою очередь, и русские, полагая, что их намерение обнаружено, стремительно, с криками бросились на неприятельские шанцы, будучи поддержаны пальбою из тяжелых орудий. Но по всей неприятельской линии поднялась тревога и также открылась сильная канонада. На русских ударили запорожцы из ближнего своего лагеря. С батарей Жаворонковой горы начали бомбардировать лагерь Шеина. Последний, по своему обыкновению, не двинулся с места и не подкрепил высланный отряд, который и должен был без успеха воротиться назад. Из сколько-нибудь значительных дел в эту последнюю эпоху обложения следует еще упомянуть нападение неприятелей на церковь Св. Петра, превращенную в крепостцу и входившею в сферу Московских линий; она стояла на левом берегу Днепра почти насупротив Девичьей горы и связывалась с главным острогом бивуаками вспомогательного татарского отряда. Нападение произведено было ночью со стороны Смоленска под начальством Даниловича, воеводы русского (т.е. Червонорусского). Он завладел церковью, разгромил и зажег татарский стан; но по звону набата с колокольни, на которую бросился русский гарнизон этой крепостцы, из русских острогов подоспела помощь;

она выбила из церкви засевшую там пехоту и драгун; неприятель с большою потерею отступил.

Подобные отдельные стычки не могли иметь влияние на ход событий. Русская армия продолжала таять от болезней и недостатка пищи. Ежедневно хоронили от 20 до 30 трупов. Подговорные грамоты, склонявшие иноземных наемников к измене, отчасти действовали: между низшими офицерами и простыми солдатами дезертирство все возрастало, особенно много переходило из полка убитого Сандерсона. Внутри лагеря увеличивались раздоры и неповиновение; иноземные полковники почти перестали слушать Шеина; его товарищи воеводы входили с ним в препирательство. Так, Прозоровский предлагал взорвать орудия, набив их порохом, взорвать склады пороха и затем силою пробиваться сквозь неприятеля; а Шеин, верный своей пассивной системе обороны, кричал, что он не бросит наряда и при нем сложит свою голову! Но в то же время он уже искал спасения в самостоятельных переговорах о перемирии. Эти переговоры должна была вести назначенная прежде комиссия для размена пленных, с прибавлением некоторых других лиц. С русской стороны уполномоченными были дворяне Сухотин, Озерецкий и Лугвенев, иноземцы-полковники Лесли и Яков Карл, а с польской покоевые дворяне Андрей Рей и Харлинский, полковники Корф, Розен, Бутлер и др. В ответ на предложение о перемирии, по королевскому поручению, гетман составил две грамоты: одну к Шеину, призывавшую его положить оружие и сдаться на милость короля, другую к иноземным полковникам, приглашавшую их немедленно перейти в королевскую службу. Эти грамоты были посланы с трубачом к русскому лагерю. Московские воеводы сначала не соглашались, чтобы иноземные полковники вели отдельные от них переговоры с неприятелем и приняли от него грамоту, ссылаясь на пример таковых же наемников в польском войске; однако должны были уступить; но обе грамоты возвращены назад без ответа, как предлагавшие невозможные условия. Тогда король велел перевезти из Смоленска на Жаворонкову гору еще несколько больших пушек и усиленно стал бомбардировать лагерь Шеина. Тот в конце января возобновил переговоры о перемирии. Комиссары обеих сторон собра-

лись на Жаворонковой горе в ставке Сигизмунда Радивила, родственника литовскому гетману. Большое затруднение встретилось со стороны титула московского государя, которого поляки не хотели признать. Несколько раз переговоры готовы были прерваться вследствие слишком тяжелых условий, предлагаемых поляками. Но тогда возобновлялась бомбардировка с Жаворонковой горы, усиливались с разных сторон нечаянные нападения на осажденных, державшие их в постоянной тревоге и крайнем утомлении; голод и смертность все возрастали, дисциплина все падала и многие ратные люди громко требовали перемирия.

Наконец Шеин и его товарищи 16 февраля, в воскресенье на Масленице, заключили следующие условия:

Ратные московские люди и наемные иноземцы могут свободно выйти из своих таборов и отступить в Московское государство с холодным оружием и с мушкетами, при небольшом количестве зарядов. Но всякому из них вольно вступить в службу польско-литовского короля. Вся артиллерия со всеми снарядами и все вооружение умерших людей выдаются в целости королевским комиссарам; им сдаются и все таборы, шанцы и острожки также без всякой умышленной порчи. Тем иноземным офицерам и солдатам, которые вступят в королевскую службу, должны быть возвращены их жены, дети и всякое движимое имущество. Все перебежчики из польско-литовских войск должны быть выданы, а все пленные освобождены. Больные остаются в таборах до выздоровления или до присылки за ними подвод. Выходящие из таборов ратные люди обязываются не воевать против короля в течение четырех месяцев. В общем, нельзя сказать, чтобы эти условия были очень жестоки, если взять в расчет обстоятельства. Русская армия, имея во главе такого начальника, как Шеин, могла быть просто забрана в плен без всяких условий, если бы блокада продлилась еще несколько времени, и король поступил довольно снисходительно, отпуская ее с оружием и некоторым имуществом.

В следующие дни польские военачальники прежде всего отобрали русские шанцы на Девичьей горе и вообще на правой стороне Днепра; потом уполномоченные явились в Шеинов острог и здесь, в Судной или Разрядной избе, принима-

ли присягу и подписи от Шеина, Прозоровского и Измайлова, а больной князь Белосельский присягал в своей землянке. Затем польские комиссары переписывали и приводили в известность русскую артиллерию, снаряды и прочее оружие как в большом остроге, так и в солдатских полках. Всех пушек или пищалей большого и среднего калибра оказалось около 120. Из них семь так наз. «верховых» или мортир, у которых ядро весит от 2 до 6 пудов. Собственно, из пушек самая большая называлась Единорог, у которой ядра весили немного менее двух пудов; за ней следовала Пасынок с ядрами в пуд 15 фунтов (по донесению Шеина, «запас расстрелялся»), потом Волк, ядро в пуд («в устье и у шеи раздуло»), далее, постепенно уменьшаясь в калибре, шли Кречет, Ахиллес, Грановитая пищаль, Коваль, Стрела, Вепрь, несколько голландский пищалей, пищали «полуторные» (в полторы сажени длиною), «долгие», «короткие» и проч., кончая полковою пищалью с ядром в один фунт. При этом наряде оставался еще запас ядер разного калибра около 3200, а пороху пушечного 270 пудов и ружейного 283 пуда; далее 2767 пудов свинцу, медные; формы для литья мушкетных пуль, 117 пудов фитилю; 47 000 аршин холста и 375 пудов поскони; от умерших и больных людей осталось более 4000 солдатских мушкетов, большею частью порченных, более сотни стрелецких самопалов, около 3000 шпаг, несколько тысяч копий, 1020 бандолетов (род карабинов), до 80 целых лат, 517 лат с полами, 1954 латы без пол, 3281 шапок железных целых и 1317 порченных, некоторое количество протазанов, алебард и т.п.

Русской армии король позволил взять с собой 12 небольших пушек и на каждую по четыре фунта пороху. Но на другой день заключения условий Шеин был в литовском лагере у гетмана Радивила на обеде, и тот подарил ему эти 12 пушек в благодарность за его ходатайство перед королем о свободном отпуске русского войска в Москву, а гетман поднес ему какие-то подарки со своей стороны. Впоследствии воевода оправдывался тем, что эти пушки не на чем было бы везти. Затем переписано было количество ратных людей, которые отпускались из таборов в Московское государство. По донесению Шеина, дворян и детей боярских оказалось слишком 2600 человек; казаков, татар, стрельцов, пушкарей и потреб-

ных при войске мастеровых слишком 1600 человек; урядников и солдат шести русских полков иноземного строя, рейтар, драгун, иноземцев старого выезду 4700. Но урядников и солдат четырех немецких полков Шеину не удалось привести в известность; в январе месяце, по росписям полковников, их было 2140 человек; а перед выступлением из таборов большая их часть перешла на службу к польскому королю да несколько сот осталось в таборах; по польским известиям, в московской рати западных иноземцев насчитывалось теперь не более 800; причем никто из их полковников не перешел к королю. Всего с Шеиным выступило из-под Смоленска 8056 конных и пеших ратных людей, кроме того, некоторое количество торговцев, боярской и дворянской челяди и прочих нестроевых людей. А под Смоленском осталось всякого рода больных более 2000; для них оставлено 60 четвертей муки, сухарей, крупы и толокна; 355 больным немцам дано на корм около 500 руб. Отсюда мы видим, что еще в январе у Шеина было до 12 000 порядочного войска и масса боевых запасов, и как легко мог бы энергичный предводитель пробиться сквозь неприятеля, который имел почти равное количество войска, но притом рассеянного по круговой линии обложения. А Шеин, малодушно ожидавший спасения извне, теперь повел в Москву жалкие остатки своей большой отборной армии; да и эти остатки продолжали таять, теряя по дороге от тяжких лишений многих больных и умирающих людей.

В среду на первой неделе Великого поста, 19 февраля 1634 г., после слишком четырнадцатимесячного сидения под Смоленском, остатки русской армии выступили из своих таборов на Дорогобужскую или Московскую дорогу. Они должны были проходить между станом запорожцев и острожком полковника Арцишевского, расположенных у самого днепровского берега. Тут по обе стороны дороги выстроилось польско-литовское войско. По левую сторону ее, т.е. ближе к Днепру, верхом на богато убранном коне стоял король с королевичем Яном Казимиром и панами-радою, под охраною двух гусарских хоругвей. Среди неприятелей находились и московские посланцы Горихвостов с Пятым Спиридоновым; им пришлось быть зрителями унизительных

церемоний, которым подверглось уходившее русское войско, в силу заключенных условий.

Около трех часов показались русские полки. По словам одного поляка-очевидца, это было «красивое и вместе трогательное зрелище». Русские шли унылые, тихо, без военной музыки, без боя в барабаны и бубны, со свернутыми знаменами и потушенными фитилями. Впереди ехали седовласые и седобородые старцы воеводы Шеин, князь Прозоровский, Измайлов; больного князя Белосельского везли в санях. Воеводы остановились, сошли с коней и пропустили мимо себя сотни боярских детей; к ногам короля положили девять их знамен. За ними следовал рейтарский полк Карла Деэберта; но он уже потерял своих коней и шел пеший; его 15 знамен корнеты или прапорщики также положили к ногам короля. Спустя несколько минут король позволил поднять их и нести при своих частях. Шеин с товарищами приблизились к королю и поклонились ему до земли. Тут литовский гетман Радивил, возвыся голос, сказал им небольшую речь, смысл которой заключался в том, что они должны молить Бога за короля, милосердию которого обязаны своим спасением от конечной погибели. Воеводы отвечали благодарностию и снова били челом до земли. Потом, поклонившись в третий раз, сели на коней и продолжали путь. Следовавший за ними полковник Карл Деэберт, французский дворянин, не ограничиваясь низким поклоном, поцеловал у короля руку. Потом шел отряд полковника Фукса с шестью знаменами, которые также были положены на землю; за болезнию самого полковника, обряд поклонов и целования руки исполнили его оберст-лейтенант и майор. Далее шел остаток полка Тобиаша-Унзина (перед тем умершего) с восемью знаменами, имея во главе подполковника или оберст-лейтенанта. Потом опять отряд боярских детей собственного Шеинова полка с восемью знаменами; потеряв всех лошадей, они шли пешие, вооруженные самопалами и бандолетами. Далее шли донцы, также пешие, за ними стрельцы. Потом следовали полковники из немцев, фламандцев и шотландцев, именно Матисон, Фандам, Валентин Росформ, Яков Карл, Вильям Кит, каждый с восемью ротными знаменами. Пока знамена лежали на земле, всякий из них, низко поклонившись королю,

целовал его руку. Шотландец Кит прежде состоял в королевской службе; Владислав напомнил ему о том и прибавил, что если бы он был постояннее, то находился бы теперь не между побежденными, а среди победителей. Отряд Сандерсона также положил на землю свои 8 знамен; он вез с собою тело убитого полковника. Последним из иноземных полковников шел самый старший из них Лесли с остатком своих двух полков, одного немецкого, другого русского. Гордый шотландец, положив свои 16 знамен так же, как и другие, смиренно исполнил обряд поклонов и целования королевской руки. В хвосте войска шли две конные сотни, одна детей боярских, под начальством Ляпунова, а другая казацкая. Всего в русском войске оставалось не более 700 конников. За войском следовала жалкая толпа оборванных, изнуренных нестроевых людей, а также женщин и детей; причем, по недостатку лошадей, даже матери благородного звания несли на руках своих младенцев, испуская тяжелые вздохи и обливаясь слезами, по замечанию одного современника поляка.

Отошедши немного, русская рать остановилась на ночлег и только на следующий день, 20 февраля, собственно, двинулась в путь в сопровождении польского конвоя, который состоял из рейтарских и казацких хоругвей в числе 5000 человек, под общим начальством пана Мочарского. По условиям, русское войско должно было миновать Дорогобуж, Вязьму и Можайск и идти прямо в Москву. Дошедши до места расположения гетмана коронного Казановского; за Дорогобужем, конвою предписано соединиться с гетманом, а далее до столицы должны были провожать другие хоругви.

Того же 20 февраля король со своею свитою слушал в палатке торжественное молебствие и вместе с братом Казимиром весело подпевал Te Deum laudamus. В лагере и в городе это торжество сопровождалось пальбою из пушек. После молебствия канцлер коронный епископ хельмский Яков Жадик от имени короля благодарил вождей и войско и одушевлял их к дальнейшим подвигам. Ему отвечал пространною речью гетман Радивил; он исчислял доблести и заслуги короля и от имени войска обещал до конца оставаться твердыми в предстоящих трудах.

На следующий день Владислав, окруженный сенаторами, полковниками и многочисленною военною свитою, осматривал русские острожки и шанцы. Тут вновь удивлялись они искусству, с которым были выведены земляные укрепления по западно-европейским образцам, и, смотря на обилие боевых снарядов и всякого оружия, представляли себе всю трудность одолеть подобные укрепления, если бы пришлось брать их штурмом. Большой московский наряд поражал их своими размерами; особенно великолепною показалась им пушка Единорог. Добыча, найденная в русских лагерях, была так огромна, что сами поляки определяли ее стоимость в миллион талеров, из которых на долю одной артиллерии причиталось 300 000.

Воспитанные на классической истории и литературе, поляки современники, говоря о сдаче Шеина и унижении русских, не преминули вспоминать о Кавдинских ущелиях и приводить цитаты из древних поэтов; а подвиги Владислава напоминали им Александра Македонского, Аннибала, Цезаря и других великих полководцев.

Большую часть московских пушек Владислав приказал по рекам сплавить в Гродну, в которой строил тогда сильную крепость. (Некоторые из них сохраняются теперь в Петербургском артиллерийском музее: шведами они были отбиты у поляков, а Петром Великим у шведов.) Король милостиво обошелся с больными москвитянами, оставшимися в лагере; он велел их кормить и лечить. А трупы тех, которые умерли по уходе Шеина, велел сложить вместе, насыпать над ними высокий курган и на верху его воздвигнуть каменный столб с надписью, гласящей о его победе под Смоленском. Столб сей не сохранился; зато сохранились 16 медных досок с гравированными на них изображениями плана Смоленска и его окрестностей, разных сцен из его осады, а также обложения и сдачи русской армии. Эти доски король на память потомству заказал вырезать своему придворному резчику (Гондиусу), который и окончил заказ через два года, т.е. в 1636 г., в Данциге. Получилась большая и очень сложная гравюра: так как на одном и том же пространстве изображены разные моменты осады Смоленска Шеиным и осады Шеина Владиславом. Одни сцены изображены довольно явными

фигурами, а другие столь мелкими, что требуют вооруженного глаза. К последним относятся, например, картины из времяпровождения солдатских полков, расположенных в земляных укреплениях у самых стен Смоленска. Тут виднеются группы, то как бы занимающиеся играми, то окружающие виселицу, на которой собираются кого-то вешать (известно, что дисциплина между грубыми, буйными наемниками поддерживалась самыми суровыми мерами и даже казнями, право на которые иноземные полковники заранее выговаривали себе в своем договоре с московским правительством). Далее, два воина скрестили свои шпаги, неизвестно, для поединка или для фехтования; а неподалеку от них третий воин мирно удит рыбу в пруде. Подобные картины наглядно указывают на продолжительное бездействие Шеина. Затем наиболее изобразительны: бомбардирование стен и башен из большого московского наряда, королевский штурм Покровской горы (с его же запряженной в шестерню каретой), кавалерийский бой Деэбертовых рейтар с польскими гусарами, русская канонада Жаворонковой горы 9 октября и наконец сцена преклонения русских знамен пред королем. На нижнем краю гравюры, подле карты Польши-Литвы, портреты Владислава и Яна-Казимира: первый имеет полную добродушную физиономию, а второй — тонкие красивые черты. Не отсутствуют и картины из лагерного быта поляко-литовцев, например, маркитантка с корзиною, полною хлеба. Не забыт даже легендарный человек-куст, т.е. польский посланец, будто бы одевшийся кустом и пробравшийся сквозь русские линии по лесистой местности в Смоленск с вестью о скорой помощи. Эта гравюра представляет вообще драгоценные данные по изображению костюмов и вооружения того времени; между прочим, видим пресловутых гусар с их длинными копьями и в параде с крыльями, а в бою без крыльев.

Только когда были подписаны условия с Шеиным, накануне его выступления из таборов, король принял в торжественной аудиенции русских посланцев, Горихвостова и Пятого Спиридонова, предложивших немедленно тут же под Смоленском начать переговоры о заключении вечного мира. Король через коронного канцлера епископа Жадика отве-

чал, что он также желает мира и назначит время и место переговоров. Спустя неделю посланцев отпустили, определив сроком для начала переговоров 5 апреля, а местом их те же берега Поляновки, где происходил размен пленных в 1619 г. Главными уполномоченными для этих переговоров с польской стороны были назначены: канцлер Жадик, польный литовский гетман Радивил, польный коронный гетман Казановский, воевода смоленский Гонсевский, каштелян (или пан) каменецкий Песочинский, секретарь короля Рей и литовский референдарий ксендз Трызна.

Но до заключения мира Владислав думал не ограничиться одним смоленским торжеством, а совершить еще другие победы и завоевания. Прежде чем углубиться в Московское государство, он решил взять обратно крепость Белую, которая оставалась бы у него в тылу. Часть войска, под начальством Песочинского, он отрядил к Дорогобужу на помощь гетману Казановскому, а с остальными полками и хоругвями в начале марта с берегов верхнего Днепра двинулся к верховьям Западной Двины, т.е. под Белую, расположенную на реке Обже (приток Межи, впадающий в Двину). Впереди короля шел гетман Радивил. С большими трудностями двигалось войско во время наступившей весенней распутицы, постоянно задерживаемое отстававшими орудиями и обозами. Около двух недель прошло, пока неприятель успел расположить свои лагери под крепостью и приступить к ее осаде. Король остановился в ближнем Архангельском монастыре. Тут обстоятельства оказались уже не те, что под Смоленском. Войско страдало от холода и голода; ибо окрестная страна была опустошена и все оставшиеся съестные припасы русский гарнизон забрал к себе. Мясо сделалось редкостью на столе самого короля. А главное, расчет на упадок русского духа после Шеиновой капитуляции совсем не оправдался. Начальствовавший здесь стольник князь Федор Волконский на предложение о сдаче не хотел и разговаривать. Численность гарнизона не достигала даже и одной тысячи человек; но на все попытки завязать переговоры московские люди отвечали, что они «сели на смерть». Пришлось повести правильную осаду, т.е. обложить город, копать шанцы, ставить батареи, подводить мины. Но русские, с своей

стороны, повели самую активную, т.е. деятельную, оборону. Поляки уже привыкли к совершенно пассивной обороне Шеина и потому не соблюдали всех мер осторожности; этим гарнизон воспользовался. Русские сделали внезапную вылазку на шанцы полковника Вейера, прорвались сквозь стражу до самой его ставки и захватили восемь знамен, а затем быстро ушли назад. Поляки после того вели себя осторожнее; но осажденные редкий день не делали вылазку и утомляли неприятеля постоянным напряжением. Напрасно польские пушки обстреливали крепость и зажигательными снарядами производили в ней иногда пожары; русские скоро их тушили. В конце апреля, когда были готовы подкопы и заложены мины, неприятель открыл усиленное бомбардирование и приготовился к решительному приступку. Но взорванные мины не тронули стен и башен, а, обрушив только часть вала, засыпали землею и камнями несколько сот своих же солдат, потому что королевские инженеры неверно рассчитали подкоп и не довели его до надлежащего пункта. Осажденные продолжали свои частые вылазки и не давали неприятелю никакого покоя.

Судьба как бы нарочно направила короля на Белую, чтобы показать миру, на что способны русские, когда у них бодрый, энергичный предводитель, и чтобы объяснить их бедствие под Смоленском не доблестью неприятеля, не «плюгавством» московского войска (как объясняли некоторые негодяи), а прежде всего неспособностью и преступным бездействием Шеина. Осада Белой продолжалась уже два месяца, когда король, оставив небольшую часть войска, с остальным пошел на соединение к гетману Казановскому; он воспользовался предложением русских комиссаров, которые, ведя на Поляновке мирные переговоры с поляками, предложили королю прекратить бесполезное кровопролитие; так как Белая будет возвращена ему в силу трактата.

Еще в январе месяце царь назначил больших послов для переговоров с поляками о мире. Главным уполномоченным он выбрал испытанного московского дипломата боярина Федора Ивановича Шереметева; по старому обычаю, для большего представительства ему придан титул наместника Псковского; а в товарищи ему даны окольничий князь Алек-

сей Мих. Львов с титулом наместника Суздальского, дворянин Проестев, как наместник Шацкий, дьяки Нечаев и Прокофьев. В начале апреля послы в сопровождении большой военной свиты, состоявшей из 500 человек стольников, дворян, жильцов и детей боярских, приехали в Вязьму. А польские комиссары остановились в главной квартире Казановского, т.е. в селе Семлеве между Вязьмою и Дорогобужем, в 15 верстах от Вязьмы. На старом московско-литовском рубеже, на берегу речки Поляновки, с обеих сторон были поставлены шатры, один против другого; здесь собирались уполномоченные. Съезд открылся только в середине апреля.

Сначала переговоры налаживались туго, вследствие непомерных польских требований. Поляки снова поднимали вопрос о присяге, принесенной москвитянами Владиславу как своему царю. Русские отвечали, что та присяга давно смыта многою кровью в московское разоренье. Поляки предложили устранить Михаила Феодоровича и выбрать на престол другого из среды знатных бояр. О таком деле московские послы и разговаривать не хотели. За один отказ от московского престола поляки потребовали ежегодной уплаты по 100 000 рублей и, кроме того, уплаты за военные издержки. Москвичи назвали такие речи «непригожими». Тогда поляки, кроме возвращения всех городов, уступленных по Деулинскому перемирию, потребовали прибавки нескольких других городов, все за освобождение москвитян от присяги Владиславу. А московские послы уступали в каждое заседание по одному или по два города. Несколько раз поляки с шумом вставали и делали вид, что намерены прервать переговоры; но последние возобновлялись, благодаря дальнейшим уступкам со стороны русских послов, которые начали предлагать и деньги. Они имели наказ за признание царского титула и оставление за Москвой некоторых городов давать, начиная с 10 000 и далее, в случае крайности до 100 000 руб. В Семлево прибыл сам король, и стал принимать близкое участие в переговорах, хотя лично и не присутствовал на съездах, а скрытно сидел где-нибудь по соседству или просто лежал на траве на берегу реки Поляновки. Посольских заседаний было более 30. Наконец, во второй половине мая, обе стороны пришли к обоюдному соглашению. Но толь-

ко 3 июня последовала подпись Поляновского договора о вечном докончании между Московским государством и Речью Посполитою.

В силу этого договора Владислав навсегда отказался от своих притязаний на московский престол и даже обязался возвратить избирательную на его имя грамоту, вывезенную из Москвы Жолкевским. Но за то полякам возвращены были все города, захваченные нами в начале войны, кроме Серпейска с уездом. Геройски защищаемая крепость Белая также была возвращена. В течение года все военнопленные подлежали обоюдному размену. Кроме того, боярин Шереметев с епископом Жадиком заключили тайную статью об уплате 20 000 рублей Владиславу за оставление в нашем владении Серпейска и за отказ его от титула царя московского. Сумма эта назначалась лично для короля, вечно нуждавшегося в деньгах. Польские комиссары пытались включить в договор обязательство иметь с Польшею общих врагов, подданным обеих сторон свободно вступать в брак, приобретать вотчины и поместья и ставить в них католические церкви. Но русские уполномоченные такие обязательства отклонили. Тем не менее польские комиссары были довольны заключенным миром; подписание его праздновали угощением русских послов, и память о нем с именами двух государей предлагали увековечить насыпкою двух курганов и постановкою на них двух памятных столбов с надписями польскою и русскою. На сие предложение Шереметев отвечал, что «в Московском государстве таких обычаев не повелось» и что все это дело, совершившееся волею Божией и повелением великих государей, «написано будет в посольских книгах».

Нельзя сказать, чтобы русские уполномоченные достигли всего, чего могли достигнуть Поляновским договором. Владислав сам находился тогда в затруднительном положении и нуждался в скорейшем заключении мира с Москвою. С юга турецкий султан двигался к пределам Польши; на севере истекал срок перемирия со Швецией; войско роптало на неуплату жалованья; неудача под Белой значительно ослабила впечатления смоленского торжества. Покончив с Шеиным, который столь долгое время камнем лежал на всех военных операциях, Москва могла теперь свободнее распоряжаться

своими силами для продолжения войны. Но с другой стороны, преобладающим стремлением здесь была жажда мира и отдыха после такого страшного напряжения и таких неслыханных потерь. К довершению бедствий, в апреле месяце, т.е. во время самых переговоров, столицу вновь опустошил огромный пожар: выгорела половина Китая-города, значительная часть Белого и Земляного со многими церквами. Уныние, произведенное этим опустошением, еще более побуждало правительство к уступкам ради скорейшего прекращения войны. С своей стороны, Михаил Феодорович был очень доволен тем, что Речь Посполитая наконец признала его московским царем, и, следовательно, династия его упрочивалась. А потому русских уполномоченных по возвращении в столицу ожидал самый благосклонный прием. В 57 верстах от нее, в селе Кубенском, их встретил стольник Бутурлин, сказывал им милостивое государево слово и спрашивал их о здоровье. 5 июня государь их чествовал обедом у себя в Столовой палате. Перед обедом князь Львов из окольничих был пожалован в бояре, а Проестев в думные дворяне. После обеда посольским дьяком Грамотиным за службу и радение объявлены были царские награды: Ф.И. Шереметеву пожалованы атласная шуба на соболях, кубок, денежной придачи к прежнему окладу 100 руб., да из черных волостей вотчина с крестьянами в 1000 четей; князю Львову шуба, кубок, 80 руб. к окладу и вотчина в 800 четей; Проестеву шуба, кубок, 50 руб. к денежному окладу и 100 четвертей к поместному. В соответственном размере награждены и дьяки Нечаев и Вас. Прокофьев. Князь Федор Федорович Волконский-Меринов за оборону Белой был из стольников пожалован в окольничие — награда сравнительно скромная. Впрочем, кроме того, ему увеличили оклад и прибавили 700 четвертей в вотчину, а еще пожалованы шуба атласная и кубок.

Во время Поляновских переговоров решилась и участь пресловутого воеводы боярина Шеина.

3 марта воротились в Москву Горихвостов и Пятый Спиридонов и донесли государю о перемирии, заключенном Шеиным, и об унижении русской рати, свидетелями которого они были сами. На следующий день некто Глебов был отправлен на встречу этой рати; причем он должен был объя-

вить ратным людям, русским и немецким, что «их служба, радение, и нужда, и крепкостоятельство государю и всему Московскому государству ведомы», а у Шеина с товарищами взять списки всех условий перемирия, всего снаряду и оружия, отданного королю, и всех оставшихся ратных людей, и эти списки тотчас привезти государю. То было первым предвестием кары, ожидавшей воеводу, и не могло не смутить его; хотя перед выступлением в обратный поход он бодрился и говорил, что много голов падет прежде, чем доберутся до его собственной. Когда он прибыл в Москву, там для допроса его с товарищами уже была назначена особая комиссия, которую составили: князь Ив. Ив. Шуйский, кн. Анд. Вас. Хилков, окольничий Вас. Ив. Стрешнев, дьяки Бормосов и Дм. Прокофьев. Как эта комиссия допрашивала «взятых за приставы» (т.е. арестованных) воевод и что они показали в своих расспросных речах, а также, что показали на них многие ратные люди, о том подлинных актов пока не найдено. Имеем перед собою только конец розыска и судебный приговор. Впрочем, все поведение главных воевод теперь, благодаря Разрядному архиву, настолько выяснилось, что их собственные показания не могли бы изменить сущности дела в глазах историка.

18 апреля, выслушав это дело, «государь указал, а бояре приговорили»: Михаила Шеина да Артемья Измайлова с его сыном Василием, «за их воровство и за измену, казнить смертию, а поместья их и вотчины, и дворы московские, и животы взять на государя»; сына Михайлова Ивана Шеина с матерью, сестрою, женою и детьми сослать в Понизовые города; князей Прозоровского и Белосельского сослать в Сибирь, а их жен и детей разослать по городам, отобрать на государя их поместья, вотчины и животы (т.е. движимое имущество); сына Артемьева, Семена Измайлова, бить кнутом и сослать с женою и детьми в Сибирь; такому же наказанию подвергнуть Бакина и Ананьина; Сухотина и Озерецкого (комиссаров при переговорах с поляками) посадить в тюрьму до указу, а состоявших при войске дьяков Дурова и Карпова «от приставов освободить».

28 апреля бояре вместе с означенной комиссией собрались у Приказа Сыскных дел, и тут дьяк Тихонов объявил

троим осужденным на смерть, что их велено казнить, так как они государю нерадели, изменили, целовали крест литовскому королю, наряд и зелье отдали ему без государеву указу. Князьям же Прозоровскому и Белосельскому сказать, что они целовали королю крест вместе с Шеиным по записи, в которой было только одно королевское имя, а «государского имяни не написано», и за то достойны смертной казни; но государь, по просьбе царицы и своих чад, за прежнюю службу и за то, что по показанию ратных людей русских и немецких, раденье Прозоровского было, но Шеин его «до большого промысла не допустил», а Белосельский был болен — от смертной казни их освободил. Иван Шеин наказывался за преступление своего отца. Затем были высчитаны вины и остальным осужденным. Дьяки Дуров и Карпов избавлены от наказания потому, что Шеин держал их в неволе и ни в чем не слушал. После того осужденных на казнь, т.е. Шеина и двух Измайловых, отвели за город (из Кремля) на пожар (Красная площадь). Здесь у плахи перед народной толпой дьяк Дм. Прокофьев громко читал список Судной грамоты, в которой довольно подробно исчислялись их вины: как Шеин вел себя при отпуске на целованье руки государя, как он медлил и терял время в Можайске и Дорогобуже, несмотря на многократные понуждения от государя и блаженной памяти патриарха, как он с Измайловым бездействовал под Смоленском и присылал оттуда ложные донесения о своих победах, умалчивая об успехах неприятеля, как вытребовал из Москвы большой наряд, а потом отдал его королю, отдал и 12 оставленных ему пушек, выда́л королю 36 перебежчиков, вместе с нашими лазутчиками (из местных жителей), которых всех король велел казнить злою смертию. Наконец, в особую ему вину поставлено и то обстоятельство, что он, будучи в литовском плену, целовал польскому королю крест на всей его воле, а когда воротился из плена, того государю не объявил и держал свою присягу в тайне, и будто в силу этой присяги он под Смоленском изменил государю и радел литовскому королю; оттого ни сам никогда на бой с ним не ходил, ни Измайлова не пускал.

Когда были исчислены вины («измена») троих осужденных, их тотчас «вершили» — всем троим отсекли головы.

Сын Шеина Иван, пострадавший за вину отца и отправленный в ссылку, не доехал до нее и умер на дороге: после чего семья его возвращена в Москву. Семен Прозоровский с семьей водворен в Нижнем Новгороде; Михаил Белосельский совсем оставлен в Москве, так как лежал больной при смерти. У Артемия Измайлова был родной брат Тимофей, который состоял на службе у Большой казны; его за измену брата сослали с семьей в Казань. Но в том же 1634 году Семен Прозоровский, Тимофей и Семен Измайловы были возвращены из ссылки в Москву.

Только в январе следующего, 1635 года с обеих сторон отправлены в столицы великие послы для подтверждения или ратификации Поляновского договора. В Москву прибыло польское посольство, имея во главе Александра Песочинского, писаря литовского Казимира Сапегу и писаря коронного Петра Вяжевича. Они предъявили некоторые дополнительные условия, которые большею частию были отклонены, например, о свободном и обоюдном найме ратных людей и переходе из одной службы в другую, о дозволении польским купцам свободного проезда в Персию, об учинении равноценной монеты в обеих государствах и пр. С своей стороны, бояре жаловались послам на затруднения, чинимые польскими комиссарами при размежевании пограничных земель, и на то, что в королевских грамотах Михаил Феодоровичем не был написан *братом*. Для этих дополнительных переговоров назначены были Ф.И. Шереметев, Д.М. Пожарский, Ф.Ф. Волконский, думные дьяки Грамотин и Гавренев. В марте государь на торжественной аудиенции присягою подтвердил договор и отпустил польских послов после роскошного пира. Во время этого пира он взял чашу с медом, встал и молвил: «Послы, Александр, Казимир и Петр, пием чашу здравие брата своего, государя вашего Владислава короля». Выпив здравие, он велел чашнику князю Борису Репнину подать послам золотые братины с пивом.

Меж тем в Варшаве пребывало московское посольство, имея во главе князя Алексея Мих. Львова, думного дворянина Проестева, дьяков Феофилатьева и Переносова. С великим неудовольствием узнало оно, что условленное в договоре возвращение Избирательной Владиславовой грамоты

1610 года не может быть исполнено: польские сенаторы объявили, что грамоту нигде не могли отыскать и, стало быть, она утеряна. Послы немедля чрез гонца известили о том государя. По присланному из Москвы наказу, наше посольство удовольствовалось тем, что король во время торжественной присяги на исполнении договора присягнул и на потере избирательной грамоты. За то нам возвратили до 20 других важных документов из Смутного времени. В число некоторых дополнительных пунктов внесено было дозволение польско-литовским купцам приезжать с товарами в Москву, где для них должен быть построен особый двор. (Потом пояснили, что такое дозволение не распространяется на жидов.) Торжественное подтверждение королем договора сопровождалось пением Te Deum и пушечною пальбою. Послы были приглашены к королевскому обеду, после которого смотрели «потеху» или театральное зрелище, «как приходил к Иерусалиму ассирийского царя воевода Алаферн и как Юдифь спасла Иерусалим».

Перед своим отъездом из Варшавы московские послы исполнили еще одно царское поручение. Они обратились к королю с просьбою отпустить из Варшавы в Москву тела Шуйских: царя Василия, его брата Дмитрия и жены Дмитриевой. Несмотря на возникшие затруднения, главные советники короля, щедро одаренные собольими и лисьими мехами, уладили это дело. Три гроба, заключенные под каменным полом небольшой каплицы, были оттуда вынуты; затем вложены в новые засмоленные гробницы, покрытые кусками атласу, бархату и камки, поставлены на дроги и отправлены в Москву. Здесь телу царя Василия сделана торжественная встреча назначенными для того духовными лицами и боярами в смирном платье, при колокольном звоне. У входа в Кремль его ожидал патриарх Иоасаф со всем Освященным собором, а подле Успенского храма сам государь с думными и ближними людьми. Наутро (11 июня) совершено его погребение в Архангельском соборе.

Несмотря на последующие взаимные посольства между Москвою и Варшавою, пограничное размежевание долго еще занимало оба правительства, причем московское постоянно жаловалось на излишние требования и затруднения, чинимые польскими комиссарами[10].

Для историка предстоит вопрос: справедлив ли был смертный приговор, произнесенный над Шеиным и его товарищем?

Как ни прискорбна эта казнь, но надобно признаться, что она была бы справедлива не только для его, но и для нашего времени. Хотя бы прямой, сознательной измены тут не было, хотя бы главною виною была неспособность, за которую трудно судить человека; во всяком случае, явное нерадение о государеве промысле, крайнее бездействие и даже противодействие другим начальникам в их попытках к более энергичному ведению войны, лживые донесения, тупое упрямство в неисполнении инструкции и вообще высших распоряжений — все это подлежит смертной казни по венным законам всех стран и народов. А главное, если мы возьмем в расчет, как Шеин погубил даром большую, прекрасно вооруженную и обильно снабженную армию, какие громадные убытки и земельные потери причинил он государству, то пред такими следствиями его начальствования трудно возбудить к нему сожаление. Конечно, прежде всего виноват тот, кто назначил подобного главнокомандующего, не справившись тщательно с его способностями, мыслями и чувствами, и эта вина, главным образом, падает на Филарета Никитича. Достойно также сожаления, что сам царь Михаил Феодорович, при таких обстоятельствах, не имел никаких воинственных наклонностей: он не сел на коня и не явился лично во главе войска, подобно своему противнику королю Владиславу.

В нашей историографии сложились мнения, что главною виною бедственного исхода смоленской эпопеи было плохое состояние тогда нашего военного искусства, т.е. его полная отсталость от западноевропейского, что наем нескольких тысяч иноземцев не принес нам пользы, так как они будто бы не соблюдали дисциплины и часто изменяли, а начальники их не слушали главнокомандующего и заводили ссоры между собою, и что Шеина, кроме того, погубили интриги его завистников бояр. Приписывали также большое влияние на исход войны нападению крымцев на южные пределы. Такие мнения могли сложиться только по недостатку точного и подробного знакомства с фактами. Ближайшее рассмот-

рение сих фактов, подкрепленное некоторыми новыми материалами, приводит нас к другим выводам.

Во-первых, армия, выставленная московским правительством для войны с Польшею, превосходила польскую не только числом, но, по-видимому, и качеством. Сами поляки отзываются, что пехота русская была лучше их пехоты. Тут разумеются, конечно, солдатские полки, обученные иноземному строю: а таких русско-немецких полков было десять, численностью приблизительно в 15 000 человек. Это регулярное ядро армии в хороших руках было бы достаточно, чтобы разгромить противника, у которого ни дисциплина, ни военное искусство вообще не стояли тогда на гораздо высшей степени, чем у нас. Он только превосходил нас качеством своей гусарской конницы. Гусарские хоругви или эскадроны (от 100 до 200 коней) представляли тяжело вооруженных всадников, закованных в железные латы и шлемы и действовавших копьями в 17 футов длины (почти две с половиной сажени). Только состоятельная шляхта могла служить в этой коннице: кроме дорогого вооружения, она сидела на дорогих, сильных конях. Наши дети боярские, неприученные к регулярному конному строю, вооруженные саблею и луком, обыкновенно не выдерживали дружного удара гусарских копий. Но у Шеина было небольшое количество регулярной кавалерии, именно рейтарский полк Карла Деэбарта, числом почти в 2000 человек: мы видели, что он при случае сражался молодецки, и в хороших руках, конечно, послужил бы надежным ядром для массы всей нашей конницы. Притом холмистая, лесистая, пересеченная местность вокруг Смоленска была вообще неблагоприятна для открытых конных атак, и, следовательно, пехота получала там господствующее значение. Наконец наша великолепная артиллерия имела решительный перевес над неприятельской. Как бывший перед войной начальник Пушкарского приказа, Шеин, очевидно, питал пристрастие к большому наряду и вытребовал его из Москвы, но воспользоваться им не умел.

Во-вторых, нарекания на иноземцев не совсем справедливы, и не они виноваты в нашем поражении. Иноземцы, кажется, довольно добросовестно исполняли свою службу, и, во всяком случае, не хуже таких же наемников, которые

сражались против них в рядах польского войска. (Там мы встречаем полковников Вейера, Розена, Крейца, Вильсона, Поттера, Денгофа, Корфа и Бутлера.) Дисциплина пошатнулась между ними только в конце сидения под Смоленском, когда неспособность и неумелость Шеина сделались для всех очевидными; тогда увеличилось и количество перебежчиков; но иноземцы-перебежчики были также из польского лагеря в русский. (Не забудем еще, что в это время они служили сверх своего первоначального срока и что жалованье до них уже почти не доходило.) Но полковников иноземных ни один не изменил, и все остались верны своим обязательствам до конца. Можно только указать на Сандерсона, которого Лесли обвинил в измене и убил. На сей именно случай, оставшийся неразъясненным, и только на один этот случай обыкновенно ссылаются в доказательство взаимных ссор иноземцев и неповиновения главнокомандующему. Но он произошел в конце Шеинова сидения, когда положение нашей армии было уже безнадежно и беспорядки сделались неизбежны. В донесениях Шеина мы не встречаем никаких жалоб на иноземных полковников; а судебный приговор подтверждает, что он не только не слушал их советов, но и препятствовал им, когда они хотели действовать или «чинить государев промысел», как тогда выражались. Следовательно, и с этой стороны главная причина неудачи возводится все к тому же предводительству. Напомним действия пятитысячного наемного шведского отряда в царствование Шуйского. Пока во главе войска стоял его знаменитый племянник, Делагарди с своим разноплеменным отрядом помогал нашим победам; а как только Скопин умер и главное начальство перешло в руки неспособного Дмитрия Шуйского, под Клушином этот отряд не только не спас от поражения, напротив, способствовал ему. В то время наемные дружины еще действовали отдельно от русской рати. Теперь же они составляли кадры смешанных русско-иноземных полков, обучавшихся иностранному строю. Таким образом, наше военное искусство при Михаиле Феодоровиче находилось уже на переходной ступени от прежних ополчений к регулярной армии Петра Великого, т.е. развивалось правильно, и в это время оно у нас совсем не было так плохо, как о нем

доселе думали некоторые исторические писатели. После же сей войны московское правительство сделало дальнейший шаг: оно отказалось от найма иноземных солдат в значительном количестве, а стало ограничиваться, собственно, наемными инструкторами для образования чисто русского регулярного войска.

Повторяю, главная причина бедствия под Смоленском — это сам Шеин, а следовательно, и те, кто вверил ему начальство. Не вполне справедливо было бы в данном случае ссылаться на местничество, часто препятствовавшее назначению более способных предводителей. Если бы захотели, например, назначить главным воеводою Пожарского, то царь и патриарх могли бы это сделать, выбрав ему в товарищи кого-либо из родов не самых знатных или могли бы сделать его товарищем при воеводе более знатном, но мягкого характера, который бы его слушался (как то не раз бывало в других случаях). Но, кажется, Филарет Никитич не хотел забыть его мимолетной кандидатуры при царском избрании. Впрочем, и помимо Пожарского, если бы был назначен главным воеводою любой из опытных в военном деле бояр, только не Шеин, наверное, наш Смоленский поход не окончился бы так бедственно и бесславно.

В-третьих, существует мнение о каких-то боярских интригах, мешавших успехам Шеина и в особенности его выручке из-под Смоленска: это мнение основано на одних произвольных догадках. Никаких интриг такого рода в действительности мы не видим и в источниках никаких указаний на них не находим. Напротив, доверие царя и патриарха к Шеину продолжалось слишком долго, и глаза их на его истинное поведение раскрылись слишком поздно. Все его требования правительство обыкновенно исполняло или старалось исполнить; одна история с доставкою большого наряда из Москвы под Смоленск ясно это доказывает. Его бесконечные жалобы на нетчиков и беглецов вызывали целый ряд мероприятий; но бояре не виноваты в том, что служилые люди бежали из полков Шеина и не хотели к нему возвращаться. А если его не выручили, то мы видели, как трудно было это сделать с теми малыми силами, которые удалось собрать к концу его позорного сидения под Смоленском, со-

брать преимущественно из тех же нетчиков и беглецов, которые ушли от того же Шеина. Если и проявилась вражда к нему со стороны бояр за его непомерную гордость и самовосхваление, то разве во время суда над ним и приговора. Но тогда военное дело было уже кончено, и его позорное поведение уже вполне выяснилось.

Что касается влияния татарского набега на ход Смоленской осады, то это неблагоприятное влияние у нас доселе слишком преувеличивали: в действительности оно было незначительно, как это видно теперь из первоисточников, т.е. из актов самого Разряда.

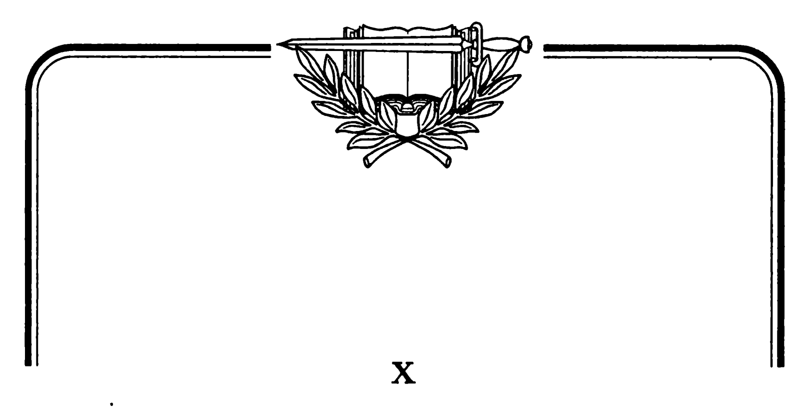
Защитники Шеина пытаются указывать некоторые пункты его обвинения, будто бы не выдерживающие критики: например, правительство, с одной стороны, в своих наказах поручало ему беречь от разграбления съестные припасы в окрестностях Смоленска; а в судном приговоре ставило ему в вину, что он уберег их для неприятеля. Но подобные противоречия не важны, и, конечно, не в них главная сила приговора. Дело в том, что Шеин села, деревни и рыбные пруды Смоленского и Дорогобужского уездов распределил между собою, Измайловым и его сыновьями таким образом, чтобы крестьяне всякие хлебные и рыбные запасы доставляли именно этим воеводам; а сии последние дорогою ценою продавали их ратным людям, русским и немцам. Итак, Шеин запятнал еще себя низким корыстолюбием; причем, не позволяя своим отрядам ходить в названные уезды за припасами и конскими кормами, он действительно уберег кое-что для неприятеля.

Те же защитники ссылаются на распоряжения из Москвы, будто бы стеснявшие Шеина, а также на постоянное одобрение его действий правительством. И эта защита несерьезна. Шеин именно отличился упрямством и самовластными поступками; он менее всего стеснялся распоряжениями свыше и прямо их не слушал, если им не сочувствовал: так, он медлил походом и везде задерживался, вопреки понуждениям из Москвы, в отношении же польского лагеря под Красным прямо поступал против данного ему наказа. А что патриарх и царь ему доверяли и присылали свое одобрение его действиям, причиною были как его ложные донесе-

ния, так и понятная политика не огорчать, не смущать воеводу и в лице его поощрять вообще всех ратных людей. Но правительство доверяло ему слишком долго, и в этом оно несомненно виновато: ибо из актов Разряда мы убеждаемся, что почти все происходившее не только в русских войсках, но и в неприятельских, делалось известным Московскому правительству при посредстве многочисленных гонцов, лазутчиков, пленников, перебежчиков и т.п., которых тщательно расспрашивали в Разряде и все их показания записывали. Странно, что ни патриарх, ни царь не пользовались этим источником, чтобы знать постоянно истинное положение дел и своевременно принять свои меры и против неприятеля, и против самого Шеина, с его лживыми донесениями. Это обстоятельство, наоборот, свидетельствует, что предполагаемые враги его, т.е. бояре-завистники, слишком мало следили за его поведением и не пользовались данным источником, чтобы вовремя раскрыть на него глаза.

В судебном приговоре еще ставится в вину Шеина какая-то тайная присяга, данная во время его плена Сигизмунду III. Это пункт темный; самое существование такой присяги не доказано. Но, очевидно, долгое пребывание в Польше повлияло расслабляющим или развращающим образом на его характер и патриотизм, и он вернулся оттуда уже далеко не тем, чем был до своего плена: примеры распущенности и надменности польских вельмож наложили на него свой отпечаток. Хотя бы с его стороны и не было умышленной измены, но образ его действий до того походил на измену, что многие современники в ней не сомневались. Свой смертный приговор Шеин вполне заслужил; так как его позорное поведение было главною виною несчастного исхода войны и гибели многочисленной, храброй, хорошо вооруженной и достаточно всем снабженной русской армии.

Есть основание полагать, что и самый этот приговор совершился под давлением русского общественного мнения, в высшей степени возмущенного, когда, после возвращения остатков нашей армии, все подробности позорного поведения воеводы сделались известны от многочисленных и близких свидетелей[11].



X

ЕДИНОВЛАСТИЕ ЦАРЯ МИХАИЛА. — СИБИРЬ. — АЗОВСКИЙ ВОПРОС

Влиятельные члены Боярской думы. — Заботы о ратном деле. — Засечные линии. — Военная колонизация на юго-востоке. — Построение городов и острожков. — Земледельческая колонизация в Сибири. — Развращение сибирских нравов и первый архиепископ. — Ясачные партии казаков и промышленников. — Покорение Восточной Сибири и построение там городков. — Донцы. — Взятие ими Азова и отражение турок. — Азовский вопрос перед Великою Земскою думою. — Мнения выборных дворян и купцов. — Отказ от Азова. — Московская волокита. — Царев кабак. — Развитие крепостного права. — Наследование вдов. — Дальнейшие противопожарные меры. — Столичные постройки. — Царская библиотека и печатное дело. — Книжная словесность и сочинения о Смутной эпохе. — Начало заводско-фабричной промышленности. — Льготы торговым иноземцам. — Иноверческие храмы в Москве.

Великая старица Марфа, возложившая на себя должность игуменьи Кремлевской Воскресенской обители, скончалась в 1631 г. и была погребена в Новоспасском монастыре, где находилась семейная усыпальница Романовых; а патриарх Филарет отошел в вечность спустя два года и был положен в Успенском соборе. Он заранее указал себе преемника, в лице псковского архиепископа Иоасафа, который происходил из боярских детей и свое иноческое поприще начал в Соловецком монастыре. По изволению царя, Иоасаф и был посвящен Собором русских архиереев. Современный хронист свидетельствует, что он нравом своим и житием был добродетелен «и ко царю не дерзновенен». Следовательно,

Иоасаф понимал исключительное положение своего предшественника и не думал изъявлять какие-либо притязания на участие в государственном управлении.

Михаил Феодорович остался наконец полным, единовластным государем, который без всякого стеснения мог теперь проявлять свою личную волю. И мы видим, что в эту третью двенадцатилетнюю эпоху своего царствования Михаил действительно является самовластным правителем, и притом таким кормчим, который направляет государственный корабль, если не с особым искусством и успехом, то и без особых ошибок и промахов. Опираясь, с одной стороны, на строгое самодержавие, восстановленное и укрепленное по преимуществу трудами Филарета Никитича, но смягчая его суровость своим личным характером, а с другой — на свою продолжительную правительственную опытность, Михаил в эту сравнительно мирную эпоху успел в значительной степени залечить глубокие раны, нанесенные государству Смутным временем и вновь растравленные бедственным исходом второй польской войны.

Дела управления сосредоточивались теперь по преимуществу в руках Боярской думы, которая является более чем когда-либо действительным и деятельным советом государевым. Во главе ее мы видим старых опытных сановников и ближних государю людей, каковы: Иван Борисович Черкасский и Федор Иванович Шереметев, а затем Иван Иванович Шуйский и Иван Андреевич Голицын. Дядя государя, Иван Никитич Романов, прозванный Каша, жил еще около семи лет после Филарета; но по своему характеру, а может быть, по старости и болезненному состоянию он за это время не выдается своим влиянием. (Умер в 1640 г., оставив сына Никиту.) По кончине родителя, Михаил Феодорович немедля вызвал из ссылки своих опальных родственников (по матери) Салтыковых, Бориса и Михаила Михайловичей и возвратил первому боярство, а второму окольничество. Но не видно, чтобы эти братья получили свое прежнее значение и влияние на дела, хотя и пользовались почетом и государевым расположением. Мы видим даже, что младший из них, Михаил Салтыков, только в марте 1641 года, т.е. слишком через семь лет, возведен в сан боярина; тогда как другие достига-

ли этого сана гораздо скорее. Так, «дядька» или воспитатель царевича Алексея Михайловича, столь известный впоследствии Борис Иванович Морозов, и другой Морозов, Иван Васильевич, в 1634 году прямо из стольников были пожалованы в бояре; а около того же времени прямо из дворян в бояре были пожалованы Иван Петр. Шереметев и князь Петр Александр. Репнин. Незаметно, чтобы и родственники царицы Евдокии Лукьяновны получили какое-либо выдающееся значение. Сам отец ее, Лукьян Степанович, только в 1634 году, уже по кончине Филарета, был произведен из окольничего в бояре. Любопытно также не выдающееся при дворе значение такого старого и заслуженного боярина, как князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский, несмотря на его родство с царем: он был женат на тетке Михаила Феодоровича, Анастасии Никитичне. Не говорим уже о боярине еще более славном и заслуженном, т.е. о князе Дм. Мих. Пожарском. (Скончался в 1642 г.) Судя по дворцовым записям, к наиболее приближенным лицам в эту эпоху принадлежали еще два боярина: князь Юрий Яншеевич Сулешов, крымский выходец, и Семен Васильевич Головин (шурин знаменитого Мих. Скопина-Шуйского).

По окончании второй польской войны важнейшая забота правительства Михаила Феодоровича сосредоточивается на ратном деле и обороне московских пределов. Может быть, именно исход этой войны и побудил обратить особое внимание на военную часть. Убедясь горьким опытом в превосходстве полков солдатского и особенно драгунского строя, правительство принимает меры к их возобновлению и дальнейшему развитию. Так, в 1638 и 39 гг., ввиду столкновений с крымцами и турками из-за Азова, государь приказывает набрать 8000 человек, половину их в пехотную солдатскую службу, а другую половину в конную драгунскую. Набирались они из вольных охочих людей, каковы: беспоместные дети боярские, иноземцы, татары, дети, братья и племянники стрелецкие или казачьи и всяких чинов люди, «которые ни в службе, ни в тягле, и ни на пашне, и в холопах ни у кого не служат». Всем поступившим на эту службу давалось по 3 р. на платье и поденное кормовое жалованье: боярским детям и иноземцам по 7 денег, а прочим по 8 денег (это в 1637 г.,

а в след., 1638 г. прибавлено каждому по 1 деньге). Солдаты свои мушкеты и пики, а драгуны коней и сбрую получали от казны. Правительство особенно старалось привлечь на эту службу тех охочих людей, которые уже состояли на ней под Смоленском. Старалось оно также привлечь сюда иноземцев. По заключении Поляновского договора оставшиеся наемные иноземцы были отпущены в их отечество; причем старшим их офицерам розданы похвальные грамоты за их службу, с разрешением воротиться в Москву, если кто опять пожелает служить ей. А оставшиеся на службе офицеры награждались жалованьем и поместьями. Набором и снаряжением солдатских и драгунских полков ведал особый «Приказ Сбору ратных людей», начальником которого в 1637 году видим князя Ив. Андр. Голицына, а в 1639 году Ив. Петр. Шереметева (племянник Фед. Ив-ча) — все большие бояре. Мушкеты, подсошки, бандолеты, пики выдавались им из Приказа Большой казны, которым начальствовал князь Ив. Бор. Черкасский; в 1638 году его сменил здесь Ф. Ив. Шереметев — самые большие бояре той эпохи.

В эту третью эпоху царствования Михаила Феодоровича хотя не встречаем крупных татарских набегов, но мелкие повторялись часто, и опасность со стороны крымцев и ногаев угрожала постоянно. Поэтому московское правительство много забот и хлопот продолжало посвящать оборонительным мерам на своих южных и юго-восточных пределах. Особенною деятельностию по сему поводу отличилось оно в 1636—40 годах. В этот период на южных степных украйнах были построены крепости: Чернавск на Быстрой Сосне — устье реки Чернавы, Козлов на Лесном Воронеже, Тамбов на Цне, два Ломова на реке того же имени, Усерд на Тихой Сосне, Хотмышск на Ворскле, Вольный Курган в той же стороне на речке Рогозне; возобновлен Орел и вновь укреплены разные старые крепости. Сии украйные города связывались между собою оборонительными или засечными линиями: их составляли в лесных местах засеки, т.е. подрубленные и поваленные деревья, в более открытых — рвы, земляные валы и, кроме того, надолбы (стоячие бревна с перекладинами), в реках на бродах сваи и дубовые частики. В известном расстоянии по таким линиям ставились укрепленные город-

ки или острожки, жилые и стоялые: в последних стража сменялась по очереди.

Исходным пунктом засечных или оборонительных линий в первой половине XVII века служит Тула: от нее на восток, запад и юг идут эти ломаные линии. На северо- и юго-востоке они посредством Венева и Данкова связываются с областию засек рязанских, ряжских, шацких, елецких, тамбовских, воронежских и проч., а на юго-западе посредством Крапивны с сетью лихвинских, одоевских, мценских, ливенских и т.д. Собственно, с Крапивенскими или Соловскими засеками (река Солова) Тула связывалась высоким земляным валом, который простирался верст на 15 в открытой, низменной местности и назывался «Завитай». На нем находилось до семи земляных и деревянных острожков с бастионами, башнями и проезжими воротами. Эта насыпь укреплена была плетнем и плетеными турами; а с наружной стороны ее защищали ров и надолбы, поставленные в два или три ряда. Завитай существовал и прежде; но с особым тщанием он был обделан и снабжен укреплениями в 1638 году под руководством голландских инженеров, которым Михаил Феодорович вообще поручал ведение засечного дела на тульских линиях, как наиболее важных. Таковы были служилые голландцы Ян и Гизбрехт Корниловы, Давид Николь и Юст Монсен. А всем устройством укреплений и снабжением их ратными людьми на тульских сторожевых линиях в это время распоряжался ближний царю боярин и воевода князь Ив. Бор. Черкасский с товарищами.

Новые города и жилые острожки населялись разными служилыми людьми, обязанными держать постоянную стражу и делать разъезды для береженья от татарских набегов. Следовательно, это было продолжением все той же русской военной колонизации. Чтобы дать наглядное понятие, какими способами и средствами она производилась, приведем вкратце содержание окружной, разосланной областным воеводам, царской грамоты (февраля 1637 года) о повсеместном сборе денег на оборонительные постройки против крымских и ногайских татар.

Грамота прежде всего сообщает о вновь построенных городах и других укреплениях. Слыша, что в ряжских, ря-

занских, шацких и во всех мещерских местах от набегов бусурман происходит православным жителям большое разорение и пленение, государь указал в прошлом 7144 году (1636) поставить на поле (в степи) на Лесном Воронеже город Козлов, а в нем устроены стрельцы, казаки и всякие жилецкие люди. От Козлова к Шацкой стороне, от р. Польного Воронежа до р. Челновой, на двенадцати верстах учинен земляной вал, а по нем поставлены три земляные городка с башнями и с подлазами, да на Касимовом броду земляной городок и к нему 200 сажен земляного валу. Чтобы загородить татарам пути Калмиускою и Изюмскою сакмами и Муравским шляхом, велено построить жилой острог меж Ливен и Ельца на р. Быстрой Сосне, в устье реки Чернавы, да еще острог на той же реке на Талицком броду: в нем стоят елецкие головы с ратными людьми. На старом Орловском городище поставлен город, и в нем устроены ратные и жилецкие люди. На Цне на устье Липовицы основан город Тамбов; от него к Козлову к земляному валу к речке Челновой учинены надолбы. На реке на Ломове поставлены два города Ломовы, Верхний и Нижний. Благодаря этим укреплениям, в последние два года татары, несколько раз приходившие на Рязанские украйны, не успели прорваться в московские пределы и были побиваемы пограничными воеводами. Чтобы также укрепить Оскольский, Белгородский и Курский уезды, государь послал Федора Сухотина с подьячим Юрьевым досмотреть на Калмиуской, Изюмской сакмах и на Муравском шляху, где какие можно построить города и остроги, сделать тому роспись и «начертить чертеж». По их росписи предположено: один город поставить на р. Тихой Сосне у Терновского леса на Калмиуской сакме, другой на тех же сакме и реке усть Усерда, а на 8 верст выше Усердского городища от верховья Сосны копать вал к верховью речки Волуя на 15-ти верстах, на обоих концах вала устроить два острожка; на той же сакме на реке Ольшанке учинить стоялый острог, да на реке на Осколе под Жестовыми горами тоже стоялый острожек, а по Сосне на бродах на пяти перелазах в воде набить сваи и частик дубовый, а в трех местах по этой реке учинить засеки, «валить лес». На Изюмской сакме под Яблоновым лесом поставить стоялый острог, а от верховья

речки Холка до речки Корочи — земляной вал с стоялыми острожками по концам. На Муравском шляху на р. Ворскле построить город жилой, а от него к Белугороду копать вал и городки. Эта роспись была утверждена государем. Для такого городового дела он указал взять в городах по писцовым книгам с посадов, дворцовых сел и черных волостей и с мордовских земель с живущей чети по полтине, с бояр, дворян и приказных людей с живущей чети по 20 алтын, с дворян и детей боярских, находящихся на службе, и служилых татар по 10 алтын. Деньги эти велено доставить в Челобитный приказ боярина Бориса Михайловича Салтыкова по зиме «без всякого мотчанья», а из дальних городов, которые не успевают, прислать на вешний Николин день.

Для примера, как снабжались новые крепости огнестрельным снарядом, возьмем грамоту 1636 г. 21 февраля окольничему князю Масальскому-Литвинову. В новопоставленный стольником Боборыкиным город Тамбов государь указал послать: пищаль вестовую, две пищали полуторные ядро в шесть фунтов, да две пищали ядро по два фунта, да 20 пищалей затинных с количеством ядер, смотря по зелью; а зелья пушечного 20 пуд, ручного пищального 40 пуд, колокол вестовой в 15 пуд, за 30 пуд железа на разные городовые потребности. Пушкарей для наряду выслать из Арзамаса, Касимова, Шацка и Переяславля-Рязанского по 10 человек лучших людей; от Старой Шацкой засеки взять половину засечных людей, да доброго чертежника для городового и засечного дела.

А как населялись служилыми людьми новопостроенные крепости, о том дает понятие государева грамота шацкому воеводе Юшкову того же 1636 года от 28 января. В город Верхний Ломов в жилецкие служилые люди государь указал в разных городах (начиная с Шацка) «прибрать» 590 человек из вольных, гулящих или нетяглых людей, «которые были бы собою добры и молоды и из пищалей стрелять были горазды». Этим «новоприборным» людям велено давать из царских доходов поденного корму женатым по алтыну, а холостым по четыре деньги на день, а подводы давать семейным по особой, холостым по одной подводе на четверых. О расходах на поденные кормы велено отписать в Приказ

Казанского дворца, которым ведал тогда князь Борис Мих. Лыков.

Потребность в оборонительных сооружениях на украйнах была так сильна, что там служилые люди иногда сами собственными средствами ставили острожки или просили правительство о постройке новых крепостей. Так, в 1635 г. мценские воеводы доносили, что в Орловском уезде дворяне и дети боярские самовольно поставили четыре острожка, чтобы во время татарского или литовского вторжения отсиживаться в них со своими женами, детьми и крестьянами. Боярская дума приговорила поставить острожек на среднем пункте, а разным острожкам не быть. В 1638 г. «дети боярские, казаки, стрельцы и всякие служилые люди» Белогородские и Курские чрез своих воевод подают государю просьбу, чтобы он велел построить город между Курском и Белогородом на половине расстояния, т.е. в 60 верстах от каждого из них, именно при впадении речки Боя в Псел, на старом Обоянском городище близ Муравского шляха: ибо служилые люди из обоих названных городов принуждены посылать сюда станицы или сторожевые отряды; многие погибают на этом дальнем проезде; а если бы тут был город, то из него «над крымскими и ногайскими и всякими воинскими людьми многие поиски чинить мочно». Главная же, по-видимому, цель боярских детей-челобитчиков заключалась в том, чтобы обезопасить и укрепить свои поместные владения, которые в той стороне изобиловали черноземом, лесом и всякими угодьями. Государь велел белгородскому воеводе послать на Обоянское городище, досмотреть его, описать и начертить чертеж, а затем сделать смету, сколько потребуется лесу на постройку стен и башен, сколько служилых людей поселить в городе и его слободах, сколько земли и разных угодий им придется раздать и т.п. Кстати, велено учинить досмотр Чугуеву городищу, что на Северском Донце. Затем не видно, чтобы поспешили постройкою Обоянской крепости; тогда как на Чугуеве уже в следующем, 1639 году был поставлен острог. Оно и понятно: Чугуев более выдвигался в степную полосу русской колонизации и одновременно должен был преграждать татарам вторжение как в Белгородский, так и Курский уезды. Этот Чугуев был в то время заселен по пре-

имуществу малороссийскими казаками или черкасами, как их называли в Москве.

Московское правительство воспользовалось гонениями на православие, которые происходили тогда в Западной России, и казацкими восстаниями против поляков. Подавление этих восстаний и следовавшее за ним еще большее угнетение вынуждали многих казаков искать убежища за московским рубежом, где они находили не только радушный прием, но и награждение. Им выдавали за выход по 5 рублей, селили их в украинных городах, наделяли землею или давали жалованье хлебом и деньгами, семейным более, чем одиноким. За это их обязывали, конечно, службою. Выходцам с Запорожья назначено было годового жалованья атаманам по 7 руб., есаулам по 6, а рядовым по 5 руб. Подобные меры сильно поощряли переселение черкас, и к концу царствования Михаила Феодоровича они наполнили собою московские украинные города.

По мере того как русская военная колонизация выдвигалась далее в степную полосу и новопостроенные крепости ограждали наши пределы от татарских набегов, места, прежде подверженные этим набегам, начинали пользоваться сравнительным спокойствием и безопасностию, а тяжелая сторожевая служба ратных служилых людей должна была облегчиться. Так, в 1638 году лебедянские дети боярские и казаки бьют челом государю. Когда поставили новые города Козлов и Усерд и вывели земляной вал от Козлова к Тамбову, то безвестный приход татар с ногайской стороны к Лебедяни прекратился; с построением острога на Талицком броду через Сосну-реку прекратился безвестный приход к Лебедяни и с крымской стороны. Следовательно, сторожевым сотням нет более нужды стоять на речке Лебедянке. Поэтому бедные Лебедянские однодворцы просят отменить сторожевую службу, а оставить только посылку их для вестей на Елец и Данков. Государь велел сделать проверку и поступить согласно челобитью [12].

Русская колонизация в Сибири также сделала значительные успехи в царствование Михаила Феодоровича. Здесь она выразилась не столько построением новых городов и острогов, сколько заведением русских сел и деревень в тех уездах

и областях, которые заключались между Каменным Поясом и рекою Обью, каковы уезды Верхотурский, Туринский, Тюменский, Пелымский, Березовский, Тобольский, Тарский и Томский. Укрепив новозавоеванный край городами и населив их служилыми людьми, московское правительство заботилось теперь о заселении его крестьянами-земледельцами, чтобы не только обрусить этот край, но и снабжать его собственным хлебом, который все еще с большими усилиями и затратами доставлялся в Сибирь из внутренних областей. В деле крестьянской колонизации правительство действовало обдуманно и постепенно. Например, в 1632 году из ближайшего к Европейской России Верхотурского уезда велено было отправить в Томский сотню или по крайней мере полсотни крестьян с женами, детьми и со всем «пашенным заводом» (т.е. с земледельческими орудиями). Но чтобы бывшие их верхотурские пашни не оставались впусте, приказано в Перми Великой или в Чердыни, в Соли Камской и Кай-Городе биричам кликать «по многи дни», вызывая охотников из вольных гулящих людей, т.е. нетяглых, которые бы согласились ехать в Верхотурье и садиться там на готовые уже распаханные земли; причем им выдавались ссуда и подмога. Таких новоприбранных крестьян воеводы должны были с женами, детьми и со всем их движимым имуществом отправлять в Верхотурье, давая подводы от обывателей; с них же собиралась и подмога. Если мало находилось охотников к переселению «по прибору», тогда правительство отправляло переселенцев «по указу» из собственных дворцовых сел; причем давало им подмогу, т.е. кроме денег снабжало их скотом, домашней птицей, сохой, телегой и прочей «житейской рухлядью».

Кроме указанной сейчас колонизации служилыми людьми и пашенными крестьянами, Сибирь в это время получает еще прирост русского населения от ссыльных: именно в царствование Михаила Феодоровича она делается по преимуществу местом ссылки для разного рода преступников. Правительство при этом преследует две цели: с одной стороны, избавить коренные области от людей беспокойных и опасных, которых содержание в тюрьмах дорого ему стоило; а с другой — воспользоваться ими для заселения сибирских

пустынь, для обработки там земли или для государевой службы, смотря по тому, к какому классу принадлежали ссыльные; крестьян и посадских оно сажало там на пашни, а служилых людей верстало на службу.

Вообще русская колонизация в Сибири совершалась по преимуществу путем правительственных мероприятий. Вольных русских поселенцев приходило туда очень мало; что было естественно при малонаселенности ближних окраин, т.е. областей Покамских и Поволжских, которые сами еще очень нуждались в колонизации из центральных Московских областей. А суровые условия жизни в Сибири того времени были настолько тяжелы, что и сами переселенцы нередко пытались при удобном случае перебраться назад за Камень в родные края.

Особенно неохотно шло в Сибирь духовенство, столь необходимое для устроения и распространения там Православной церкви. Русские поселенцы и ссыльные, живя вдали от высшего правительственного и духовного надзора, среди полудиких иноверцев, естественно, предавались всякого рода порокам и небрегли об исполнении правил христианской веры. Ради церковного благоустройства патриарх Филарет Никитич учредил особую архиепископскую кафедру в Тобольске и первым архиепископом Сибирским поставил Киприана, архимандрита Новгородского Хутынского монастыря, в 1621 году. Киприан привез с собою в Сибирь некоторое количество черных и белых священников и деятельно принялся за устроение своей епархии. Он нашел там несколько уже прежде основанных монастырей, но без соблюдения правил монашеского жития. Например, в Туринске был Покровский монастырь, в котором жили монахи и монахини. Киприан построил для монахов особую обитель, а в Покровской оставил монахинь; он основал еще несколько обителей, которые по его ходатайству были снабжены землями и разными угодьями. Но вообще архиепископ сей нашел нравы своей паствы крайне распущенными, а для водворения здесь благочестия и христианской нравственности встретил большое противодействие со стороны воевод и служилых людей. Он послал царю и патриарху подробное донесение о найденных им беспорядках. На основании его доне-

сения Филарет Никитич прислал ему укорительную грамоту с описанием сих беспорядков. Очевидно, по желанию самого Киприана, не хотевшего еще более озлобить против себя воевод, патриарх пишет, будто о безнравственности сибиряков он узнал от самих воевод и приказных людей, и грамоту эту указывает читать всенародно в церквах.

Здесь самыми мрачными красками изображается развращение сибирских нравов. Например, многие православные люди ни крестов на себе не носят, ни постных дней не соблюдают, а едят мясо и «всякие скверны» вместе с татарами, остяками и вогулами. Но особенно грамота нападает на семейный разврат: православные люди живут с татарками и язычницами как с своими женами или женятся на близких родственницах, даже на сестрах и дочерях; служилые люди, отправляясь в дальние места, закладывают своих жен товарищам с правом пользования, и если в назначенный срок муж не выкупит жену, то заимодавец продает ее другим людям. Сильные отнимают жен у слабых. Некоторые сибирские служилые люди, приезжая в Москву с денежною или соболиною казною, сманивают с собою жен и девиц, а в Сибири продают их литовцам, немцам и татарам. Священники венчают с другими мужей от живых жен, а жен от живых мужей. Воеводы не только не унимают людей от таких беззаконий, но и сами подают пример всякого воровства; ради своей корысти чинят всякие насилия торговым людям и улусным иноверцам.

В том же 1622 году царь посылает сибирским воеводам грамоту, в которой запрещает им вступаться в духовные дела и приказывает наблюдать, чтобы служилые люди в этих делах подчинялись суду архиепископа и его десятильников. Наказывает им также, чтобы служилые люди, посылаемые к инородцам для сбора ясака, не делали им насилий и не брали лишнего, чтобы и сами воеводы насильств и неправд не чинили, посулов и поминок не брали и наказывали за душегубство, которое особенно часто случается, когда люди в пьяном виде бьются и режутся друг с другом. Но все подобные грамоты и наказы мало сдерживали произвол и насилия воевод и служилых людей, а потому нравы улучшались очень медленно. И после того нередко встречаем жалобы архиепис-

копских десятильников на то, что живущие в беззаконии мужчины и женщины не поддаются духовному суду, находя покровительство и защиту у воевод и приказных людей. Впрочем, и самые духовные власти не всегда соответствовали своему высокому назначению. Киприан оставался в Сибири только до 1624 года, когда он был переведен в Москву митрополитом Сарским или Крутицким на место удаленного на покой Ионы, которым патриарх Филарет не был доволен (особенно за его возражения против перекрещивания латинян на духовном Соборе 1620 года). Ближайшие преемники Киприана на Сибирской кафедре более известны заботами о стяжании, нежели попечениями о своей пастве.

В Москве Сибирь ведалась в Казанском и Мещерском дворцах; но в царствование Михаила Федоровича появляется уже Сибирский приказ, сначала как отделение при этом дворце, а потом (с 1637 г.) как самостоятельное учреждение. В самой Сибири высшее областное управление сосредоточивалось сначала в руках тобольских воевод; а с 1629 года томские воеводы сделались от них независимы, и между ними разделялись воеводы других сибирских городов. Зависимость сих последних от главных воевод была преимущественно военная; так без разрешения главного воеводы они не могли посылать служилых людей против неприятеля. Это правило нередко мешало своевременной отправке отрядов при нападении на русские области калмыков и татар. Но, повидимому, оно не всегда соблюдалось, по крайней мере, не препятствовало дальнейшему распространению русского владычества и обложению ясаком сибирских инородцев.

После покорения Западно-Сибирской низменности этот ясак, состоявший из соболей и других ценных мехов, и послужил главным побуждением для распространения русского владычества на неизмеримые гористые пространства Восточной Сибири, начинавшиеся за Енисеем. Обыкновенно из того или другого новопостроенного русского города или острога выходит партия казаков в несколько десятков человек и на своих утлых стругах или «кочах» плывет по многоводным, нередко порожистым сибирским рекам посреди диких пустынь; когда же водный путь прерывается, она оставляет свои лодки и запасы под прикрытием нескольких

человек и пешая продолжает путь по едва проходимым дебрям или горным областям. При сем редкие, малолюдные племена инородцев призываются вступить в подданство московского царя и заплатить ему ясак; они или добровольно исполняют это требование, или отказывают в дани и собираются в толпу, вооруженную луками и стрелами. Но огонь из пищалей и самопалов, а потом дружная работа мечами и саблями скоро полагают предел их сопротивлению и принуждают к уплате ясака. Иногда, подавленная числом, горсть русских наскоро сооружает себе прикрытие и благополучно отсиживается в нем, пока не получится какое-либо подкрепление или неприятели сами не разойдутся по своим жильям. Случалось, что из такого трудного положения казаков выручала партия отважных русских промышленников. Эти промышленники нередко предупреждали военные партии и пролагали им пути, стремясь войти в торговые отношения с сибирскими инородцами ради дорогих соболей и прочих ценных мехов, которых туземцы охотно обменивали на медные или железные котлы, ножи, бусы и тому подобные предметы домашнего обихода и украшений. Бывали и такие случаи, что две партии казаков, посланные воеводами из разных городов, встречались среди каких-либо инородцев, и если не соединялись вместе, то затевали доходившие до драки распри из-за того, кому брать ясак в данном месте.

В Западной Сибири русское завоевание, как мы видели, встретило довольно упорное сопротивление со стороны Кучумова ханства, и потом оно должно было бороться с ордами калмыков, киргизов и ногаев, которые из соседних степей делали набеги на новоустроенные русские поселения или на остяков и вогулов, подчинившихся русскому владычеству. Покоренные инородцы иногда делали там попытки к восстанию против русского владычества, пока еще в свежей памяти было существование особого Сибирского царства. Смутная эпоха на Руси отразилась и в Сибири именно такого рода попытками. Но они вели к усмирению и вящему истреблению туземцев. Поэтому число их сильно уменьшилось сравнительно с тем временем, когда русские впервые явились в Сибирь с Ермаком. Вновь принесенные болезни, особенно

оспа, также немало способствовали уменьшению количества туземного населения.

Покорение Восточной Сибири, совершенное большею частию в царствование Михаила Феодоровича, напротив, происходило при гораздо меньших препятствиях; ибо там русские не встретили никакого организованного неприятеля, никаких устоев государственного быта, а только дикие или полудикие племена тунгуз, бурят, якутов и пр., с мелкими князьями или старшинами во главе. Разумеется, покорение этих племен или обложение их ясаком они закрепляли основанием небольших городов и острогов, обнесенных валом и частоколом и расположенных на каком-либо удобном месте, особенно по рекам на узле водяных сообщений. Важнейшие из них: по Енисею основаны Енисейск (1619 г.) в земле тунгузов и Красноярск (1622 г.) в области татарской; затем в земле бурят, оказавших сравнительно наибольшее сопротивление и несколько раз возмущавшихся, поставлен был (1631 г.) Братский острог при впадении р. Оки в Ангару, близ порогов последней. Одновременно с ним на Илиме, правом притоке Ангары, возник Илимск; в следующем году на среднем течении Лены построен Якутский острог в стране якутов. В 1636 — 38 годах енисейские казаки, предводимые десятником Бузою, по Лене спустились до Ледовитого моря, а потом этим морем достигли устья реки Яны; за сею рекою они нашли племя юкагир и обложили их ясаком. Почти в то же время партия томских казаков, предводимая Копыловым, из реки Лены вошла в его правый приток Алдан, потом в правый приток Алдана Маю, откуда достигла Охотского моря, обложив ясаком обитавших в той стороне тунгузов и ламутов.

В 1642 году город Мангазея, на р. Тазе, подвергся сильному опустошению от пожара. После того жители его мало-помалу переселились в Туруханское зимовье, стоявшее на Нижнем Енисее при впадении р. Турухана и отличавшееся более удобным положением. Таким образом, старая Мангазея запустела; а вместо нее возникла новая Мангазея или город Туруханск[13].

Из внешних сношений в эту последнюю эпоху Михайлова царствования выдвигаются особенно отношения к Турции. Общий враг, т.е. Польско-Литовское королевство, сбли-

зил Москву с Константинополем, и они обменивались посольствами, которые вели речи о союзе. Но таким союзным отношениям много мешали донские казаки, которые около того времени начали предпринимать грабительские набеги как на Каспийские персидские, так и на турецкие черноморские берега; в первом случае то одни, то в соединении с яицкими казаками; а во-втором то одни, то в соединении с запорожцами. Причем они нередко гибли в этих набегах, а иногда возвращались с богатой добычей. Свои грабительские поиски на Черном море они распространяли до окрестностей больших торговых городов Трапезунда, Синода и самого Царьграда. В 1639 году султан, готовясь к войне с Польшею, приглашал и Москву к общему действию. Царь и патриарх Филарет еще не решались тогда открыто разорвать Деулинское перемирие, а посему ограничились тем, что послали на Дон приказ казакам соединиться с турками и идти на поляков. Казаки не только не послушались этого приказа, но и убили воеводу Ивана Константиновича Карамышева, который провожал московских послов (Савина и Анфимова), отправленных в Константинополь (1632 г.). Поэтому, когда султанское правительство жаловалось московскому на грабительские поиски донцов, в Москве обыкновенно отвечали, что они государя не слушают, действуют самовольно и что султан может их брать в плен, вешать и вообще наказывать как ему угодно. Это не мешало московскому царю в действительности считать донцов своими подданными, пользоваться их силами для борьбы с крымцами, азовцами и ногаями и время от времени посылать им свое жалованье, т.е. деньги, хлеб, сукно, свинец и порох.

Ближайшим и злейшим врагом донцов была Азовская Орда, которая нередко нападала как на южные украинские города, так и на придонские поселения казаков. К тому же азовцы преграждали иногда казацким лодкам путь в Азовское и Черное моря или возврат их на Дон. Это обстоятельство особенно раздражало казаков, и вот они задумали уничтожить такое препятствие, т.е. завладеть городом Азовом. Не объявляя своего намерения, они послали в Москву одного из своих атаманов, Ивана Каторжного, с просьбою о денежном, хлебном жалованье и военных запасах; так как они, с

одной стороны, наги, босы и голодны, а с другой — соседние орды угрожают прийти и разорить их городки. Царь исполнил их просьбу и послал им запасы с дворянином Чириковым, который имел еще поручение встретить турецкого посланника Фому Кантакузена и в качестве пристава проводить его в Москву. Этот грек уже несколько раз исполнял подобные посольства.

Меж тем казацкие старшины из донских городков собрались в одном глухом месте, составили круг и тут порешили идти всем промышлять над Азовом и освободить там тысячи пленных русских христиан, которых азовцы продают в неволю или сажают скованными на свои каторги (суда) и отправляют на продажу за море. Решение свое казаки скрепили присягою; после чего велели везде петь молебны и просить у Бога помощи. Случайно в это время пришел на Дон значительный отряд запорожцев, которые тоже пристали к донцам. Весною 1637 года их соединенное войско рекою и берегом двинулось к Азову и осадило его. Помянутый Фома Кантакузен, ожидавший на Дону царского пристава, был задержан казаками. Узнав об их походе, он послал каких-то двух лазутчиков в Азов; но они были схвачены казаками. Последние привели Кантакузена в свой круг, тут обвинили его в шпионстве и приговорили к смерти. Турецкий посол и сопровождавшие его греческие монахи были тотчас же умерщвлены. В это время воротился на Дон атаман Каторжный в сопровождении Чирикова, который привез казакам жалованье, а также запас пороху и свинцу. Донцы завладели запасом, сделали большой подкоп под руководством какого-то казака Ивана Ародова, немца по происхождению, и заложили там порядочное количество пороху. Ночью 18 июля подкоп был взорван, и обрушилась часть городской стены. Осаждающие воспользовались этим моментом, сделали приступ к проломному месту, ворвались в город и произвели страшное избиение среди мусульманских жителей. Большая часть мусульман бросилась бежать из города; оставшиеся заперлись в некоторых башнях, защищались еще в течение нескольких дней и немало побили казаков, но, в свою очередь, были взяты и избиты. Казаки засели в Азове и немедленно известили Москву о своих подвигах. Там не могли не радо-

ваться взятию Азова; но были очень недовольны самовольной расправой с турецким послом. От царя была получена казаками грамота, которая укоряла их за самовольное избиение посольства, указывая на то, что в целом мире неслыханное дело, чтобы убивать послов, даже и во время войны. Относительно Азова грамота говорила, что казаки взяли его также самовольно, без царского повеления. В то же время и к султану отправлена из Москвы грамота с уведомлением, что убиение посла и взятие Азова совершились казацким самовольством, что царь за казаков не стоит и не желает из-за них ссориться с султанским величеством.

В Константинополе эти известия вызвали великое негодование. В этом же году крымцы, по приказу султана Мурада, произвели набег на южную московскую украйну; для возвращения Азова он стал готовить войско. Но поход замедлился бывшею в то время войною с персами, а потом смертию Мурада. И только в 1641 г. преемник его Ибрагим послал наконец сильное войско, с которым соединились крымцы и ногайцы, так что по московским известиям число всего войска, осаждавшего казаков в Азове, будто бы простиралось до 250 000 — число, конечно, весьма преувеличенное. Количество же казаков в разных источниках показано разное: то тысяч пять с половиной мужчин и 800 женщин, то 14 000.

Турки насыпали вокруг города земляной вал, поставили на нем пушки и начали усердно бить из них ядрами весом в полтора и два пуда. Городские стены и башни во многих местах были разрушены. Но казаки защищались с отчаянною храбростью и единодушием; делали частые вылазки, укрывались в вырытых ими землянках, против турецких подкопов вели свои встречные мины, так что ни один подкоп туркам не удался, а также все их приступы были геройски отбиты. Осаждающие со стрелами бросали в город грамоты, в которых увещевали казаков отдать хотя бы пустой город за большую денежную казну; но и эти заманчивые предложения были отвергнуты.

Поднявшиеся в то время на Азовском море бури разбили многие турецкие суда, а часть их прибили к устьям Дона; тут казаки захватили их вместе с пушками, порохом, свинцом, кирпичами, известью и прутовым железом, приготов-

ленными для исправления разбитых стен города Азова. В нем еще сохранялись два древние христианские храма, во имя Иоанна Предтечи и Николая-Чудотворца; во время турецкой осады они были почти разрушены ядрами. Заступлению этих святых казаки приписывали поражение турок. Вообще их благочестивое настроение, посты и молитвы в ту пору немало поддерживали в них мужество и способствовали успеху обороны. Целые четыре месяца (с июня по сентябрь включительно) турки вели осаду; наконец сняли ее и отступили, потеряв едва не половину людей.

Донцы, имея атамана Осипа Петрова во главе, немедля отправили в Москву атамана Наума Васильева и 20 товарищей с радостною вестью и с просьбою к государю принять Азов под свою державу и прислать им помощь людьми, деньгами и всякими запасами. Царь отвечал казакам похвальною грамотою за их «промысел и крепкостоятельство» и прислал им 5000 рублей; при сем из Москвы прибыл царский чиновник с подьячим, чтобы осмотреть город Азов, начертить его план и переписать все, что в нем есть.

Но турки не думали отказаться от Азова, и вопрос, как поступить с предложением казаков, был слишком важен, чтобы решить его без обсуждения Великой Земской думой. Такая Дума и была созвана в январе 1642 года. В ней участвовали следующие чины Московского государства: во-первых, Освященный собор т.е. старшее московское духовенство с митрополитом Крутицким Серапионом во главе (престол патриарший в то время вдовствовал); во-вторых, думные люди или бояре, окольничие и другие члены Боярской думы; в-третьих, выборные от московского служилого класса, т.е. стольников, стряпчих, дворян, жильцов, дьяков и стрелецких голов; в-четвертых, выборные из городовых дворян и детей боярских; в-пятых, выборные от московских торговых людей, т.е. гостей, гостиной и суконной сотни и от черных сотен. Всего было выборных около 200 человек, кроме членов Освященного собора и Боярской думы. Выборные посадские и уездные люди от городов почему-то не были призваны.

3 января Великая Земская дума собралась в так наз. Столовой избе царского Кремлевского дворца, и здесь, после обычного богослужения, открыто было ее заседание, в при-

сутствии государя. Печатник и думный дьяк Федор Федорович Лихачев прочел вслух царскую грамоту, в которой излагались причины и задачи созванного Собора. Тут объявлялось, что, по вестям, от турецкого султана идет к государю посол, чтобы говорить об Азове, а на весну султан посылает визиря с большим войском на Московское государство и для новой осады Азова; с визирем должен соединиться и крымский хан. Затем излагалась краткая история взятия этого города донцами, а также неудачной осады его турками и просьба казаков прислать воеводу с ратью для принятия от них города. Поэтому предлагались Собору два вопроса. Первое: Азов у казаков принимать ли, с султаном и ханом разорвать ли? Второе: если разорвать, будет война долгая и понадобятся деньги на жалованье ратным людям, многие хлебные и пушечные и всякие запасы, то откуда такие деньги и запасы взять? Списки с этой царской грамоты розданы были «всяких чинов выборным людям», с повелением, чтобы они, обсудив дело, «объявили государю свою мысль на письме». Каждый чин должен был совещаться особо и подавал свое мнение отдельно по мере того, как готово было его письменное изложение; для сего изложения ко всякой мирской группе был приставлен особый дьяк. Например, при стольниках состоял дьяк Пятый Спиридонов, при московских дворянах Игнатий Лукин, при дворянах и детях боярских из городов Василий Аткарский и т.д.

Духовенство подало свое мнение, спустя 10 дней по открытии Собора, т.е. 13 января. Это письменное мнение представил от Крутицкого митрополита сын боярский Семен Салтынников. На предложенные царем вопросы духовенство кратко отвечало, что его дело — молиться о государево здоровье и что оно готово помогать ратным людям насколько хватит силы, а решать вопросы о войне предоставляет государю и его царскому синклиту. Стольники отвечали, что разорвать ли с турецким и крымским, на то государева воля; по их же мысли, следует оставить в Азове донских атаманов, а на помощь им послать рать из охочих и вольных людей; а откуда взять деньги и запасы, в том его же государева воля, а они на службу готовы, где государь укажет. В таком же смысле отвечали московские дворяне, прибавив только, что охо-

чих людей лучше всего «прибрать в украинских городах», так как «тех городов многие люди преж сего на Дону бывали и им та служба за обычай».

Из среды более чем двадцати выборных московских дворян выделились двое, Никита Беклемишев и Тимофей Желябужский, которые подали отдельное мнение или, как тогда называлось, «особную сказку». Они не противоречили своим товарищам, а только входили в некоторые подробности и решительно высказывались в пользу войны. Например, они указывали на лживость крымского хана, который всегда давал весть о ненападении на государеву землю, а между тем крымские и азовские татары ежегодно воевали украинные города и православных пленников продавали в рабство; причем хан брал пошлины десятую часть полона. Припомнили и вторжение крымцев во время смоленской осады Шеина. Советовали казну, посылаемую хану, лучше обратить на войну с ним же. Говорили, что с тех пор, как Азов взят, украинные города пребывают в тишине и покое. Для жалованья ратным людям советовали «выбрать изо всех чинов людей добрых человека по два и по три», которые бы собирали деньги с неслужилых (невоенных), т.е. с приказных, вдов, недорослей, гостей и всех торговых людей, а также и с тех служилых, которые сидят по воеводствам и приказам «у корыстовных дел», чтобы «никто в избылых не был». Даточных советовали брать с монастырей и с людей, владеющих многими поместьями и вотчинами; причем указывали на лучшее положение городовых дворян сравнительно с московскими мелкопоместными, потому что после войны первые спокойно живут по своим вотчинам и поместьям, а вторые несут постоянную службу в Москве, отправляются в разные посылки, участвуют в постройке Земляного города и во всяких городовых делах. (Тут, очевидно, уже слышится некоторая рознь в самом военно-служилом сословии.) В заключение Беклемишев и Желябужский говорили, что если Азов останется за государем, то Большие Ногаи, Казыева и Кантемировы улусы, Пятигорские, Темрюцкие и другие черкесы будут служить государю, в противном случае все ногаи от Астрахани откочуют к Азову.

В том же духе готовности исполнить волю государя и мужественный решимости биться с басурманами высказались

городовые дворяне и дети боярские, которые, впрочем, в ответе своем подразделялись на три или на четыре группы. Любопытно в особенности письменное мнение или сказка группы, состоявшей из выборных от областей Суздальской, Новгородской и Верхневолжской (Суздаль, Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, Кострома, Галич, Арзамас, В. Новгород, Ржев, Зубцов, Торопец, Ростов, Пошехонье, Торжок, Гороховец). Эти выборные советуют: Азов принять и не оставлять его за басурманами, иначе можно навесть на Всероссийское государство гнев Божий, а также свв. Иоанна Крестителя и Николая Чудотворца, которых заступлением малые люди отстояли себя от многих нечестивых орд; пушечных запасов в государевой казне много, а хлебные запасы взять с украинных городов, с зарецких (Заокских), с государевых дворцовых сел, с Троицкого и других монастырей; даточных конных и пеших людей взять с архиерейских, монастырских и боярских земель, а также с поместий и вотчин дьяков и подьячих. К сим последним чинам военнослужилые люди обнаружили сильное нерасположение и высказались о них такими словами: «Разбогатев мздоимством (дьяки и подьячие), покупили себе многие вотчины и построили многие дома, палаты каменные, такие, что неудобь сказаемые, каких при прежних государях и у великородных людей не бывало». С очевидною завистью отозвались городовые дворяне и дети боярские также и о своей братье, служившей по московскому и дворовому списку, говоря, что первые, «будучи у государевых дел, отяжелели и обогатели», а также накупили многие вотчины, вторые же, по очереди сидя на приказах в дворцовых селах, «наживают великие пожитки», а полевой службы не несут. Со всех указанных чинов советуют не только взять даточных, но и обложить денежным сбором их поместья, в случае надобности взять «лежалую домовую казну» патриаршую, архиепископскую, монастырскую, а также обложить особым сбором гостей и все торговые сотни. Ратных людей, стрельцов и солдат советуют прибрать со всего государства, но только исключая их холопей и крепостных крестьян (тут они являются отголоском всего военнослужилого класса). Любопытно также, что эти выборные, не доверяя писцовым книгам, для раскладки даточных

людей и денежных сборов советуют сделать новые росписи и сказки, чтобы никто не утаил своих крестьян и имущества. Другая группа городовых дворян и детей боярских (мещеряне, коломничи, рязанцы, туляне и пр.) тоже советуют принять Азов и таким же образом прибрать охочих ратных людей, изъявляя готовность идти на службу, куда государь укажет. Но, не входя в подробности, эта группа только прибавила следующую жалобу: «...а разорены мы, холопы твои, пуще турских и крымских бусурман, московскою волокитою и от неправд, и от неправедных судов».

Гости, гостиная и суконная сотни в своей записке также изъявили готовность помереть за святые церкви и государево здоровье; относительно Азова они отвечали, что в том государева воля, а относительно ратных людей и запасов, то дело служилых людей, «за которыми имеется государево жалованье, многие вотчины и поместья». А они, «гостишки и торговые людишки, от беспрестанных служб (в таможенных головах и целовальниках) и от пятинных денег, которые давали в Смоленский поход, оскудели и обнищали, а торжишки у них в Москве и других городах отняли многие иноземцы, немцы и кизильбаши; торговые людишки, которые ездят по городам для своего промыслишка, оскудели до конца от задержания и насильства государевых воевод». При прежних государях — добавляли они — в городах ведали губные старосты и посадские люди судились промеж себя, а воевод в городах не было, были только в украинных городах для береженья от турских, крымских и ногайских татар. В том же смысле и в том же жалобном тоне отвечали сотские и старосты черных сотен и слобод и всех тяглых людей. По их словам, они также оскудели и обнищали от великих пожаров, пятинных денег, даточных людей и от подвод, которые давали в смоленскую службу, кроме того, от поворотных денег, городового земляного дела, от великих государевых податей, целовальничьей и прочей службы. Так иногда в разных городовых приказах от них служат по 145 человек целовальников, да на земском дворе 75 человек ярыжных, да извозчики с лошадьми на случай пожарного времени, и всем этим целовальникам, ярыжным и извозчикам идут от них ежемесячно большие кормовые и подможные деньги. «И от

той великой бедности многие тяглые людишки из сотен и слобод разбрелися розно и дворишки свои мечут».

Из всех этих мнений, вероятно, дьяками, под руководством печатника Лихачева, была сделана краткая выписка. Общее заключение сводилось к тому, что большинство Земского собора, в особенности служилое сословие, склонялось в пользу принятия Азова под Московскую державу. Но рядом с тем поднимались многочисленные голоса, вопиявшие о своей бедности и против разных злоупотреблений и неправд. Причем между сословиями обнаружились взаимное недоверие и желание служилых людей возложить бремя военных расходов на известные имущие классы. По всем признакам, государство далеко еще не оправилось и от Смутного времени, и от сильного напряжения, причиненного злосчастным Смоленским походом Шеина. При таких условиях, если возьмем в расчет и крайне миролюбивый характер Михаила Феодоровича, то нисколько неудивительно, что его окончательное решение было против принятия Азова в свою державу. Казалось бы, на юге повторилось то, что 60 лет тому назад произошло на востоке: как тогда казаки покорили Татарско-Сибирское ханство и ударили им челом московскому царю; так теперь казаки же завоевали Татарско-Азовскую Орду и предлагали ее московскому государю. Но обстоятельства были другие: за Азов приходилось вступать в борьбу с могущественной Оттоманской империей и еще сильною Крымскою Ордою. К тому же посланный для осмотра Азова дворянин Афанасий Желябужский воротился и донес, что городские укрепления в значительной степени разрушены, а исправить их в скорости невозможно. Наконец, как справедливо писал Михаилу Феодоровичу молдавский господарь Василий Лупул, нельзя было положиться и на самих казаков, которые тогда совсем не отличались верностью и постоянством; между тем как султан Ибрагим готовил новое большое войско и решил во что бы то ни стало возвратить Азов. Поэтому турецкий посланник Мустафа Челибей, в марте приехавший в Москву, нашел здесь любезный прием; а в конце апреля уже написана царская грамота атаману Осипу Петрову и всему Донскому войску, заключавшая приказ, немедленно очистив Азов, отойти к своим старым куреням

и обещавшая зато казакам государево жалованье. С этою грамотою был отправлен дворянин Засецкий. Два донских атамана, Наумов и Сафонов, пришедшие с просьбою принять Азов и прислать помощь, были пока задержаны в Москве, а их есаул Родионов и 15 товарищей отпущены вместе с Засецким. Донцы нисколько не противились и поспешили исполнить царский приказ: очевидно, их уже самих тяготило сидение в разрушенном Азове, в ожидании нового прихода турок и татар. Засецкий, в сопровождении казацкого атамана Иванова, воротился и донес об очищении Азова. В конце июля того же 1642 года царь послал на Дон дворянина Тургенева вместе с задержанными атаманами. Тургенев повез похвальную грамоту казакам за их послушание, 2000 р. денег и 200 поставов сукна. С Воронежа велено доставить им 2500 четвертей хлебного запасу и 200 ведер вина, а из Тулы 250 пудов пороху ружейного и 50 пудов пушечного, да 300 пудов свинцу[14].

Так разрешен азовский вопрос при Михаиле Феодоровиче.

Если мы обратимся к проверке тех жалоб, которые были высказаны разными чинами Московского государства на Земском соборе 1642 года, то увидим, что они оказываются более или менее справедливыми и приблизительно верно определяют слабые стороны московского управления и народного хозяйства. Особенно страдали области государства от неправедных судов, в связи с водворявшейся тогда системою централизации или с тем порядком, по которому областные жители обязаны были по многим важным и неважным делам или без конца ожидать решения из Москвы или ехать на разбирательство в столицу, нередко очень от них отдаленную, здесь подвергаться разным вымогательствам со стороны жадных приказных людей и бесконечным судебным проволочкам, вообще терпеть пресловутую «московскую волокиту». Это характерное выражение употреблялось тогда самим правительством в его актах. Например, клир Новгородского Софийского собора или «протопоп с братией» (протопоп, протодиакон, ключари, попы, дьяконы, певчие, псаломщики, звонцы, просфирник, всего 43 человека) били челом государю, чтобы он пожаловал их, по примеру неко-

торых новгородских монастырей, велел бы давать им денежную и хлебную ругу или жалованье в Великом Новгороде «без московская волокиты», т.е. без ежегодных поездок и мытарств по этому поводу в самой столице. Царь исполнил их просьбу и велел выдавать все на месте «ежелеть, сполна, без московския волокиты» (в 1638 году). Чтобы показать, какими убытками и тягостями отзывалась для областных жителей московская судебная волокита, приведем для образца следующее.

В 1637 г., по-видимому, вследствие жалобы чердынцев, возникло дело о грабежах бывшего их воеводы Христофора Рыльского. По челобитью этого воеводы задержаны в Москве некоторые чердынские посадские люди и вызваны сюда из Чердыни, всего 9 человек; более двадцати посадских с бывшими земскими старостами и целовальниками засажены в чердынскую тюрьму, да 112 посадских людей и уездных крестьян отданы на поруки, живут в Чердыни «без съезду» и ежедневно с утра до вечера стоят на правеже. В таком положении дело тянулось два года. Наконец чердынские земские старосты, посадский и уездный, взмолились государю на то, что около полутораста их посадских и уездных людей частию «волочатся на Москве», частию сидят в тюрьмах или стоят на правеже, отбились от своих промыслов и пашен; платить за них подати и отбывать повинности некому; а тут еще в 1638 году случился в Чердыни большой пожар, сгорело около 200 дворов со всеми «животами» (пожитками), после чего жители от бедности «бредут розно». Вследствие этой мольбы государь указал оставить в Москве из 9 человек трех, из 21 сидевших в тюрьме оставить в ней двух, именно старост, остальных посадских освободить и отдать на «крепкие поруки с записями довершения того Пермского дела», а бывших более ста человек за поруками освободить «для их пожарного разорения». Отсюда мы видим, что дело это, производившееся в приказе Сыскных дел, в 1639 году еще не было окончено, и, вероятно, оно еще немало времени утесняло злополучных пермичей, вздумавших воспользоваться правом жалобы на своего воеводу по окончании его воеводства.

Каким разнородным стеснениям подвергались областные жители, показывает челобитная шуйских посадских

людей на шуйских приказных, которые под предлогом пожаров, не позволяют летом обывателям топить избы и мыльни (последние для рожениц), в том числе хлебникам и калачникам, а кузнецам разводить огонь в кузницах; за ослушание бьют батогами и сажают в тюрьму, да заповеди (пени) правят по два рубля. Таким образом многие шуяне лишаются своих торговых промыслов, хотя в их городке нет никакого наряду и зелья (т.е. пушек и пороху). Государь разрешил им топить избы, но с великим береженьем от пожару (1638 г.). Очевидно, и без того стеснительные распоряжения центрального правительства о противопожарных мерах, приказные люди на месте еще отягчали своими придирками и вымогательствами, что, как мы видели на примере Чердыни, не мешало пожарам опустошать города по-прежнему.

О печальном состоянии народного хозяйства и нравственности свидетельствует, между прочим, большое количество появившихся в Москве и в городах подделывателей серебряной монеты. Указ царя Михаила (в 1637 г.) объясняет их размножение тем, что в его время их стали наказывать торговою казнию, т.е. кнутом, тогда как при прежних государях им заливали горло растопленными фальшивыми деньгами. Схваченные подделыватели с пыток показали, что они сами резали маточники, переводили с них чеканы и, отлив медные деньги, посеребряли, иногда подмешивали в медь треть или половину серебра. Означенный указ повелевал уже схваченных преступников на сей раз также бить кнутом на торгах и, заковав в железо, держать в тюрьмах до смерти, а на щеки им наложить клеймо с надписью вор; но впредь таковым подделывателям по-прежнему заливать горло.

Наиболее бедственно влиял на общественное хозяйство и нравственность известный народный порок, т.е. пьянство, в особенности с той поры, как московское правительство продажу крепких напитков и винокурение сделало своим исключительным правом и одною из важнейших статей своего дохода. После Смутного времени «царев кабак» не только снова возродился, но стал еще сильнее распространяться по всем областям государства. При Михаиле Феодоровиче продолжается смешанная система питейной продажи: отча-

сти правительство отдает кабаки на откуп; но большею частию поручает эту продажу выборным или так называем. «верным» головам и целовальникам, которые производили равно питейные и таможенные сборы. Головы выбирались из посадских людей, состоятельных («прожиточных») и притом принадлежавших иногда к торговым сотням других городов; а «целовальников» выбирали из местных посадских и уездных людей. Так как таможенные и кабацкие головы и целовальники не только несли эту службу безвозмездно, но и отвечали своим имуществом за недоборы и всякие упущения, то естественною является жалоба представителей торговых сотен на разорительность сей службы, на Соборе 1642 года.

Бедность государства и особенно разорение Смутного времени способствовали окончательному водворению и прочному господству царского кабака на Руси как одного из главных доходов казны. Даже патриарх Филарет, по-видимому, столь строгий в деле народной нравственности, не только не пытался бороться с этим злом, но и поддерживал его своим авторитетом. В 1620 году, во время приведенных выше переговоров с Джоном Мериком, царь и патриарх объявили собранным по сему поводу московским гостям, что «по грехам» от войны казна совершенно оскудела: «кроме таможенных пошлин и кабацких денег государевым деньгам сбору нет». В 1623 году верхотурские воеводы князь Барятинский и Языков просили свести у них кабак по примеру Тобольска; ибо от того кабака служилые люди, ямские охотники и пашенные крестьяне пропились и обнищали. Ответная царская грамота делает им строгий выговор за их нерадение о государевых доходах: в Тобольске-де кабак заведен недавно и там велено его «свести», чтобы служилые люди «не отбыли» своей службы, а торговые своих промыслов; в Верхотурье же кабак заведен давно, задолго до московского разоренья, и там ежегодно бывает много всяких приезжих людей. Поэтому грамота наказывает наблюдать только, чтобы служилые люди, ямские охотники и пашенные крестьяне не пропивались, а и без них «пить на кабаке будет кому» (благодаря, конечно, положению Верхотурья на большой, бойкой дороге «из Руси в Сибирь и из Сибири на Русь»).

Один из преемников означенных сердобольных воевод, князь Семен Гагарин, наоборот, отличился усердием к кабацким доходам. До него верхотурские посадские и служилые люди, ямские охотники и пашенные крестьяне курили вино и варили пиво на государев кабак у себя по домам, деревням и селам; но воевода Гагарин убедился, что они сами выпивали это вино; тогда он схватил виновных и поставил их на правеж, т.е. стал выколачивать с них пени; по их домам и селам послал отобрать винные котлы, кубы и трубы, а вино и пиво на кабак велел варить в Верхотурском остроге на казенной поварне из казенного хлеба. Царская грамота похваляет воеводу за его усердие и подтверждает все его распоряжения (1628 г.). Но, в свою очередь, преемники князя Гагарина, вероятно, более радели о собственной наживе, чем о государевых доходах. Поэтому, спустя лет восемь, из Москвы выходит такое распоряжение. Таможенным и кабацким головою посылается в Верхотурье на два года Данило Обросьев из Устюга Великого (на место головы, бывшего из Чебоксар); целовальников к нему велено выбрать, по обычаю, из местных «самых лучших» посадских людей, а для посылок и охраны давать ему стрельцов и казаков, сколько понадобится. При сем верхотурскому воеводе Данилу Милославскому и дьяку Селетцыну предписано «в таможенное и в кабацкое дело не вступаться», а только ежемесячно принимать от Обросьева «сборные деньги» в царскую казну на верхотурские расходы (1635 г.). За увеличение кабацких доходов обыкновенно назначались разные поощрения и награды, а за уменьшение шли пени и взыскания. Так постепенно упрочивалось на Руси господство казенного кабака.

Вообще царствование Михаила Феодоровича большею частью представляет постепенное возобновление и дальнейшее развитие тех строгих государственных и общественных порядков, которые были временно нарушены Смутною эпохою. Так, рядом с восстановлением самодержавия и развитием государственной централизации стало развиваться далее и крепостное право путем законодательным, который в этом отношении только облекал в юридическую форму то, что вырабатывали сама жизнь и обстоятельства того времени.

Тут действовали, главным образом, интересы преобладающего в государстве придворно- и военно-служилого сословия, на которое царская власть смотрела как на свою главную опору и которое в то же время наполняло собою правительственные классы; а потому оно, естественно, стремилось поставить себя в самые привилегированные отношения к другим сословиям. Наиболее сильным протестом крестьян против крепостного права в ту эпоху было бегство на Дон, вообще уход в вольное казачество. Но бояре и дворяне никогда не мирились с этим уходом, и даже в трудное время сидения Шеина под Смоленском, как мы видели, московское правительство, призывая на службу казаков, не хотело, однако, признать свободными находившихся среди них беглых холопов и крестьян. Развитие крепостного права при Михаиле Феодоровиче сказалось главным образом в продлении срока для возвращения беглых крестьян к прежнему их помещику. В конце XVI века, как известно, был установлен для того срок пятилетний. Теперь этот срок продолжен. Сначала (вероятно, при Филарете Никитиче) даровано Троице-Сергиеву монастырю право отыскивать и возвращать своих беглых крестьян за 9 лет. А затем по челобитью дворян и детей боярских украинных и замосковных городов, тот же срок распространен и на их беглецов: они могли в течение девяти лет их разыскивать и требовать выдачи от тех помещиков, которые их приняли (1637 г.). Вслед за тем военно-служилые иноземцы из немцев и поляков били челом и на них распространить право на тот же срок для выдачи беглых крестьян, «чтобы поместья их иноземцев не запустели и им бы государевы службы не отстать». Просьба была исполнена. А вскоре потом для всех землевладельцев, духовных и мирских, установлен по царскому указу и боярскому приговору («царь указал и бояре приговорили») срок для выдачи беглых крестьян — десятилетний.

До нас дошли акты, свидетельствующие о том рвении, с которым помещики стремились всякими средствами завлечь на свои малонаселенные земли крестьян и обратить их в крепостное состояние. Например, после Смоленского похода и замирения с Польшею, служилые казаки, не желавшие оставаться в областях, отошедших к Литве, высылались в пре-

делы Московского государства, и все украинные помещики хотят насильно разобрать их между собою, объявляя своими беглыми крестьянами или холопами. По челобитью переселенцев, Государь не велел их брать ни в холопы, ни в крестьяне. Но бедность вынуждала в те времена многих простолюдинов давать на себя служилые кабалы, т.е. идти в дворовые или в крестьяне к боярам и дворянам, чтобы освободиться от бремени казенных податей и налогов и обеспечить свое существование. Правительство вообще мало противодействовало такому движению. Оно даже утверждало, например, такие кабальные, которые давали на себя люди, служившие солдатами в Смоленском походе и ненаделенные землею. Но оно энергично противилось всякому закрепощению верстанных землею детей боярских, которые иногда бросали свои участки и добровольно поступали «во двор», а иногда попадали в кабальное состояние невольно, т.е. обманным образом или по случайным обстоятельствам. Точно так же правительство не дозволяло посадским, тяглым людям и ясачным инородцам уходить из своих мест и уклоняться от повинностей дачею на себя кабальной крепости помещикам или монастырям.

К царствованию Михаила Феодоровича относятся важные узаконения относительно вдовьего наследования.

В 1627 году, под влиянием патриарха Филарета, державшегося Кормчей книги, издан указ, по которому бездетные жены умерших вотчинников, кроме своего приданого, получают из их животов, т.е. из движимости, четвертую часть. (В Кормчую наследование четвертой части из движимости вообще для жен перешло из Греко-Римского права.) По тому же указу жены могли наследовать от мужей их купленные вотчины; но в родовых и выслуженных они не имели части, и эти вотчины всецело поступали в род, т.е. родственникам умершего. Однако женам и дочерям убитых или умерших на войне помещиков выдавалась на прожиток некоторая часть из поместья. В 1634 году эта часть была точнее определена; именно вдовам дворян и детей боярских, побитых или умерших под Смоленском, указано выдавать из окладов мужей со 100 четей земли по 20 четей. Указ 1644 года распространил сие правило вообще на вдов павших на войне помещи-

ков; а тем вдовам, мужья которых умерли на походе от болезни, этот указ назначает в наследование 15 четвертей из 100 (приблизительно седьмую часть); если же муж умер не в походе, а просто на государевой службе, то жена его получала 10 четей из сотни.

В связи с потрясениями от Смутного времени и с развитием крепостного права усиливалось не одно казачество уходом крестьян и холопей, умножались также и разбойничьи шайки, которые грабили и убивали людей по селам и сильно свирепствовали по большим дорогам. Мы видим, что правительство в течение всего Михайлова царствования борется с этим злом. Местные власти, т.е. воеводы и губные старосты, иногда по малочисленности у них служилых людей не могли справиться с разбоями, и тогда из Москвы от Разбойного приказа присылался какой-либо дворянин с подьячим, которым давались особые полномочия. Они должны были собирать из нескольких городов и уездов отряды из детей боярских, пушкарей, затиньщиков, монастырских служек, посадских людей, уездных сотских, пятидесятских и десятских и «со сяким ратным боем» ходить или посылать для розыска и захвата так называемых «становых разбойников», т.е. разбойничьих шаек.

Пожары были наиболее постоянным и страшным бедствием древней деревянной России. Не только села, но и целые города выгорали иногда в один день. Мы видели, к каким стеснительным мерам прибегало правительство для отвращения пожаров: так, оно запрещало в городах летом топить печи. Но не одно неосторожное обращение с огнем было причиною пожаров: поджог из мести или ради воровства в селах и городах был обычным явлением. Сама столица страдала тем же бедствием. При Михаиле Феодоровиче особенно опустошительные пожары посетили Москву в 1626, 1629 и 1634 годах. Затем до кончины Михаила не слышим о больших московских пожарах. По-видимому, строгие охранительные меры, принятые правительством, все-таки действовали. В пожарном отношении (преимущественно в летнее время) Москва делилась на участки; каждому участку назначался на известный срок «объезжий голова» из бояр или дворян и при нем дьяк или подьячий: они обязаны были

днем и ночью по нескольку раз объезжать свои участки, наблюдать, чтобы пожарные сторожа были на своих местах, всякое несчастие от неосторожности захватывали бы вначале, а также ловили бы поджигателей. По этому поводу имеем любопытное донесение царю боярина Ф. Ив. Шереметева с товарищами от 29 августа 1638 года. Михаил Федорович находился в отсутствии: он уехал в любимое свое подмосковное село Покровское; а Москву поручил Федору Ивановичу Шереметеву, двум братьям Салтыковым, Проестеву и двум дьякам, Лихачеву и Данилову. Они извещали царя, что торговые люди Китай-города из рядов Серебряного, Шапочного и Сурожского принесли им две стрелы с привязанными к ним серными спицами и трутом, которые нашли одну в Ветошном ряду, а другую в Шубном; пущены они были от Иконного ряду и от Земского двора, а «рядовые сторожа той воровской стрельбы не видали, потому что стоят у лавок». Бояре приказали объезжим головам по улицам и переулкам ездить беспрестанно, а в Китае во всех рядах велено на ночь прибавить сторожей к лавкам. Государь похвалил Шереметева и подтвердил, чтобы для нынешнего ведренного времени сторожей и стрельцов прибавить и сказать им, чтобы берегли накрепко; «а кто только такого вора зажигальщика поймает, и ему от нас, великого государя, будет большое жалованье».

Большие пожары вызывали и большие постройки. В этом отношении Михаил Феодорович проявлял значительную деятельность. Не говоря о возобновлении и новой постройке областных городов, всякого рода укреплений и засечных линий, он много заботился о возможном восстановлении столицы, большею частию лежавшей в развалинах после Смутного времени. Между прочим, старые бревенчатые стены, шедшие вокруг внешнего посада или Деревянного города и неоднократно погоравшие, царь велел заменить валом; почему сей внешний посад с того времени вместо Деревянного стал называться Земляным городом. Разумеется, этот вал был окружен рвом, укреплен тыном, снабжен башнями и воротами. Постройка его была разделена на части, и каждая воздвигалась под наблюдением особо назначенных для того окольничих, дворян и дьяков (1638 г.). Кроме того, мно-

гие церковные и казенные здания были вместо дерева возобновлены или вновь построены из кирпича; в том числе источники упоминают литейный амбар на Пушечном дворе, новые каменные хоромы на книжном или Печатном дворе, каменную ограду вокруг Новоспасского монастыря, починку городских каменных стен. Для исполнения сих построек требовалось усиленное количество каменщиков и кирпичников; царь приказывает выслать их из разных городов и монастырей и назначает известные сроки для их явки в Приказ Большого Дворца к боярину князю Алексею Мих. Львову; а за просрочку грозит игумнам и воеводам большою пенею (1642 г.). В том же году, при возобновлении стенной иконописи Успенского собора, царь пишет приказ псковскому воеводе, чтобы в прибавку к московским царским мастерам тот прислал из Пскова всех, какие найдутся, иконописцев, и также в назначенный срок они должны были явиться в Приказ Приказных Дел к боярину князю Борису Александровичу Репнину. Работа предстояла кропотливая: так как прежде надобно было снять или срисовать все старое стенное письмо, а после по тем же рисункам расписывать стены заново.

По известию иностранного писателя (Олеария), Михаил Феодорович выстроил каменные палаты не только для себя, но и особые, в итальянском стиле, для своего наследника; но сам он, ради здоровья, жил в деревянном дворце; так как каменные здания у нас отличались сыростью. Вообще любивший строиться, Михаил Феодорович кроме столичного дворца воздвигал царские хоромы и в разных подмосковных своих селах. Так, мы имеем известие, что 17 сентября 1641 года (по старому счислению) праздновалось «новоселье» в селе Коломенском: «У государя был стол в новых хоромах, в Передней избе». Тут присутствовали бояре кн. Ив. Б. Черкасский, Глеб Ив. Морозов, Лукьян Ст. Стрешнев, окольничие М.М. Салтыков и Ф.Ф. Волконский. За большим столом смотрел стольник князь М.М. Темкин-Ростовский, а за кривым стольник кн. Сем Петр. Львов; вина «наряжал» стольник кн. Сем. Андр. Урусов.

Возобновляя и воздвигая дворцовые здания, Михаил Феодорович заботился о пополнении царской библиотеки

книгами на место тех, которые сгорели или были расхищены. Для этого он приказывает из больших монастырей, например Кирилло-Белозерского, брать по одному экземпляру, какой книги имелось там несколько, а если она была в одном экземпляре, то делать с нее точный список, и все это присылать в Приказ Большого Дворца князю Алексею Мих. Львову (1639 г.). К нему же как ведающему Печатным двором в следующем году велено было выслать из Кириллова монастыря списки прологов и Четьих-Миней «добрых старых переводов»: они нужны были для справок при печатании церковных книг.

Как при архимандрите Дионисии, так и теперь для этого дела государь велел вызвать (в 1641 г.) в качестве справщиков из Кирилло-Белозерского и других монастырей «старых добрых и черных попов и дьяконов, которые житием воздержательны и грамоте горазды». Вообще исправление и печатание богослужебных книг деятельно продолжалось как при патриархе Филарете, так и при его ближайших преемниках. При Иоасафе в его шестилетнее патриаршество было напечатано книг более, нежели в четырнадцатилетнее патриаршество Филарета Никитича; чему способствовали, с одной стороны, простая перепечатка уже готовых изданий, а с другой — увеличившееся количество книгопечатных станков в патриаршей типографии. Печатное дело, введенное князем Львовым, впрочем, не прерывалось и во время патриаршего междуцарствия, как показывает вышеприведенный год. Смиренный, «недерзновенный» перед царем Иоасаф скончался в ноябре 1640 года, и Михаил Феодорович долго не приступал к выбору нового патриарха. Только в марте 1642 года совершился этот выбор, и притом необычным в Москве старым новгородским способом. Собрав в столицу высших русских иерархов, царь велел приготовить шесть жребиев с именами намеченных им лиц, и после молебствия вынимать перед чудотворною иконою Владимирской Богородицы. Вынулся жребий симоновского архимандрита Иосифа, который и был посвящен в патриархи.

Вообще московская книжная словесность, едва не заглохшая в Смутную эпоху, заметно оживилась при Михаиле Феодоровиче. Этому оживлению, особенно в сфере бого-

словской, немало способствовали завязавшиеся сношения с южно- и западно-русскими учеными и знакомство с некоторыми их сочинениями, которые начали проникать и в Восточную Россию. Но патриарх Филарет, строго оберегавший чистоту восточного православия, неодобрительно относился к этим сочинениям, опасаясь занесения к нам латинских, униатских и вообще еретических мыслей. Так, когда Лаврентий Зизаний Тустановский (брат Стефана Зизания) искал убежища в Москве и представил Филарету свое рукописное учение веры или «Катехизис», патриарх велел его исправить и напечатать, но не выпустил его в свет для общего употребления. А когда в Москву привезено было печатное «Учительское Евангелие» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого, патриарх рассмотрение сей книги поручил двум игумнам и соборному ключарю Ивану Наседке, которые и нашли в ней многие погрешности и ереси. Тогда царь и патриарх повелели экземпляры этой книги и другие сочинения Ставровецкого, кои найдутся в Московском государстве, собрать и сжечь; причем запретили впредь покупать книги литовской печати вообще (1627 г.). Подобные меры против занесения еретических идей, вероятно, были не без связи с некоторыми проявлениями вольнодумства, которое в Смутную эпоху проникло в среду коренных москвичей. Так, князь Иван Хворостинин, бывший когда-то одним из приближенных первого Самозванца, увлекся латинскими книгами, начал хулить православие и вообще московских людей, говоря, что они «сеют землю рожью, а живут все ложью»; стал сомневаться в воскресении мертвых и запрещал даже своим слугам ходить в церковь. Царь и патриарх послали его на исправление в Кирилло-Белозерский монастырь. Пожив там около года, Хворостинин раскаялся, был прощен и воротился в Москву (1623 г.). Патриарх в этом случае поступил с необычною мягкостию.

Время Михаила особенно богато сочинениями о событиях и деятелях Смутной эпохи; сочинения эти написаны еще под живыми и сильными впечатлениями. Во главе их является красноречивое сказание об осаде Троицкой лавры знаменитого келаря сей лавры Авраамия Палицына. (Он удалился потом в Соловецкий монастырь, где и умер в 1624 году.)

Но уже современники упрекали его в том, что он преувеличил свое собственное участие в событиях той эпохи, особенно в освобождении Москвы от поляков, оставив при этом в тени деятельность архимандрита Дионисия. Некоторые последующие писатели постарались восстановить правду по отношению к сему замечательному и скромному деятелю; именно житие его написано Симоном Азарьиным, одним из преемников Палицына по келарству, и дополнено известным сотрудником Дионисия по исправлению Требника Иваном Наседкою, которого Филарет сделал ключарем Успенского собора. Этот Иван Наседка является в числе наиболее плодовитых русских писателей того времени. Патриарх Филарет, столь усердно заботившийся о прославлении своего дома и укреплении своей династии, оказал большое влияние именно на летописи и записки о Смутном времени и об избрании Михаила на царство; по-видимому, с него же началось устранение тех документов, которые могли бросить какую-либо тень на сие избрание, вообще на семью Романовых, их родственников и свойственников. Влияние знаменитого патриарха особенно заметно на следующих исторических сочинениях: во-первых, «Летопись о многих мятежах», во-вторых, хронограф или повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского (которому по первой его супруге Татьяне Феодоровне Филарет Никитич приходился тестем) и в-третьих, так назыв. «Рукопись Филарета». Под его же влиянием писали свои записки два князя: помянутый выше Ив. Анд. Хворостинин и Сем. Ив. Шаховской-Харя, также некоторое время находившийся в опале (между прочим, за свой четвертый брак). Тому же периоду принадлежит многословный и витиеватый «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, который состоял на службе в Новгороде, где и был свидетелем шведского захвата этого города. Кроме сих общих по современной истории сочинений, имеем целый ряд отдельных летописей, сказаний и житий, между которыми заслуживают упоминания: записи о походах Ермака и завоевании Сибири, составленные под руководством сибирского архиепископа Киприана (потом митрополита Крутицкого и наконец Новгородского); житие преп. затворника Иринарха Ростовского, написанное ростовским же иноком Александ-

ром; сказание неизвестного о нашествии поляков на Устюжну-Железнопольскую: «Сказание» об Азовском сидении, «Повесть» об Улиании Лазаревской, тепло и красно сочиненная ее сыном муромским губным старостою Калистратом Осорьиным, и т.д.

По отделу сочинений и записок географического содержания ко времени Михаила Феодоровича относятся: путешествие казанца Василия Гагары в Иерусалим и Египет, записки Василия Тюменца о посольстве в Монголию к Алтын-Хану и «Книга, глаголемая Космография» (соч. Герарда Меркатора), переведенная с латинского по царскому указу Богданом Лыковым, переводчиком Посольского приказа. Около того же времени возобновлена и дополнена, составленная прежде, «Книга, глаголемая Большой Чертеж» (т.е. карта Московского государства с указателем). Таким образом, нельзя сказать, чтобы время Михаила Феодоровича было очень скудно произведениями отечественной и переводной словесности. Но уровень грамотности и просвещения все еще был очень невысок: для его поднятия требовались правильно устроенные общественные школы, которых, главным образом, и недоставало Московскому государству.

Усиленные постройки, возведение городских стен и укреплений, а также изготовление пушек, ядер и всяких военных снарядов побуждали московское правительство выписывать из-за границы мастеров каменного дела и литейщиков в Москву на царскую службу. Повторилось нечто похожее на времена Ивана III. Только теперь обращались за разными мастерами не в Италию, а в Северную Германию, Англию, Нидерланды и Швецию. Мы видели, что покупка военного материала за границей и внутренняя выделка его особенно оживились со времени приготовлений ко второй войне с Польшею. С той поры и до конца царствования не прекращаются заботы Михаила Феодоровича о привлечении в свою придворную службу потребных мастеров и вообще о водворении в России разных отраслей европейской заводско-фабричной промышленности. Между прочим, вызываются часовщики, и с обязательством иметь русских учеников. В 1633 г. царь дает жалованную грамоту алмазного и золотого дел мастеру Мартынову и англичанину Гловерту на

вызов иноземцев и десятилетнюю привилегию для заведения канительной фабрики или тянутого и волоченого золота. В 1634 г. он дает жалованную грамоту мастеру бархатного дела Ефиму Фимбранту (т.е. Фанбрандту, по-видимому, голландцу) на устройство мельниц и сушил для выделки лосиных кож с привилегией на десять лет, в течение которых он имел на эту выделку монополию и право беспошлинной торговли. В том же 1634 году дана жалованная грамота пушечному мастеру и рудознатцу Елисею Коэту (шведу) для устройства стеклянного завода, с таковыми же привилегиями на 15 лет. В том же году царь отправил в Саксонию, именно в Гослар, иноземца золотых дел мастера Эльрендорфа с переводчиком Николаевым для того, чтобы нанять там людей, умеющих выплавлять медь из руды. Так как они ехали в Гамбург, то в этом деле им должен был помочь имевший торговые сношения с Москвою гамбургский купец Гавриил Марселис. Дело в том, что в 1633 году царем были посланы в Пермский край стольник Вас. Ив. Стрешнев и гость Надея Светешников разыскивать там золотые руды, и они нашли, только не золотую, а богатую медную руду. Из Саксонии действительно прибыли вскоре рудознатцы с Петцольдом во главе. Царь отправил его в Пермь вместе со Светешниковым. Они устроили там Пыскорский медеплавильный завод, который положил начало нашей уральской горнозаводской промышленности. При Михаиле Феодоровиче также положено начало тульскому оружейному производству и разработке соседних железных руд. Именно торговый иноземец (голландец) Андрей Виниус по грамоте, данной ему царем в 1632 г., основал чугунолитейный завод для выделки в казну железных пищалей и ядер на р. Тулице, в 15 верстах от г. Тулы. Руду доставали в 40 верстах от завода, около Дедилова.

Помянутый гамбургский купец Гавриил Марселис, помогавший полковнику Лесли при найме немецких солдат и потом ездивший в Саксонию для найма рудознатцев, более 30 лет вел торговлю в Московском государстве, привозил разные «узорчатые товары» для царского двора и платил в казну одной пошлины по 1000 р. в год и более, а потому пользовался льготами. По челобитью его сына Петра Марселиса, царь дал сему последнему жалованную грамоту на

свободную торговлю всяким товаром в своем государстве, с уплатою установленных пошлин. Однако торговать в розницу ему не разрешалось, так что питья заморские он мог продавать только «бочками большими, беремянными и полуберемянными и куфами», а не ведрами и не стопами, сукна мог продавать только поставами, камки, бархаты и атласы косяками, а не аршинами. Зато судить его в каком-либо деле, за исключением уголовных, мог только Посольский приказ. Эта грамота дана в 1638 году. А так как гамбургские Марселисы продолжали оказывать царю и разные другие услуги (например, в деле о браке царевны Ирины с датским принцем), то спустя шесть лет тому же Петру Марселису и голландскому купцу Филимону Акаму пожалована двадцатилетняя привилегия устраивать заводы на реках Ваге, Костроме и Шексне, выделывать пушки, ядра, прутовое и досчатое железо, проволоки, стволы мушкетные и карабинные, продавать их в казну с уступкою против торговой цены и вывозить беспошлинно в иные, но только дружественные земли («которые с нами Великим государем в совете и дружбе»).

Таковые льготы и привилегии московское правительство давало иногда тому или другому торговому иноземцу за какие-либо особые заслуги; но оно было вообще осторожно при заключении торговых трактатов с иноземными государствами, и редко упускало из виду интересы собственного торгового класса. Впрочем, оно делало уступки тем державам, которые помогали в трудное время: например, Англии, оказывавшей нам дипломатическое содействие и снабжавшей нас запасами во время борьбы с Польшею, и Персии, которая дружила с Москвою при шахе Аббасе. Но старые льготы, дарованные английской торговой компании еще в XVI веке, и ее фактории, распространившиеся по разным городам (Москва, Архангельск, Новгород, Псков, Ярославль, Вологда, Шуя, Устюг и др.), сделались тягостны, так как отнимали торги у русских купцов; на что справедливо слышались жалобы на Земском соборе 1642 года. Поэтому московское правительство стало благосклонно относиться к голландцам, которые явились соперниками англичан по беломорской торговле с Россией и также в случаях нужды не раз снабжали нас военным материалом. Однако голландцы тщетно доби-

вались получить те же торговые льготы, коими пользовались англичане, и главным образом право свободно торговать внутри России.

Вообще сношения наши с западноевропейцами в это время, как мы сказали, сосредоточивались по преимуществу на народах Северно-Европейской полосы — на народах, принявших реформацию, т.е. отделившихся от латинской церкви. В Москве более чем где-либо неприязненно относились к латинству и папству, особенно ввиду настойчивых попыток сего последнего ко введению унии в единоплеменной и единоверной нам Западной Руси. Поэтому протестантство, не отличавшееся вообще духом религиозной пропаганды и более заботившееся о мирских выгодах, встречало в Москве и более благосклонное отношение. Это особенно ясно сказалось в вопросе о построении иноверческих храмов в самой столице.

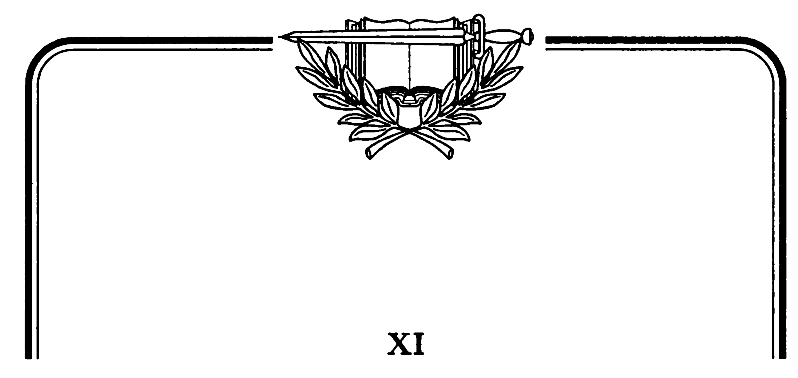
Пребывавшие в Москве служилые и торговые иноземцы в XVI веке сосредоточены были в особой загородной слободе, лежавшей на правом берегу Яузы близ ее устья. Слобода эта называлась Немецкой: так как большинство иноземцев принадлежало немецкой народности. Число сих немцев очень умножилось во время Ливонских войн Ивана Грозного, который поселил здесь много пленных ливонцев. Немцы, большею частью лютеране, имели у себя пасторов, которые исполняли необходимые требы и совершали богослужение в частных домах. Когда же Иван Грозный задумал обратить Ливонию в вассальное королевство с герцогом Магнусом во главе, то он дозволил построить в Немецкой слободе деревянную лютеранскую кирку, но потом, по его же приказу, кирка была разрушена. Годунов, вообще покровительствовавший иноземцам, по просьбе своих немецких докторов, разрешил вновь выстроить лютеранскую кирку, под алтарем которой в каменном склепе был погребен его нареченный зять, датский принц Иоган. Но в Смутное время самая Немецкая слобода была разорена, обитатели ее рассеялись, а церковь ее сгорела.

При Михаиле Феодоровиче рассеявшиеся иноземцы вновь стали собираться в Москву, причем селились в разных ее частях, но преимущественно на Покровке и соседних ули-

цах, т.е. поблизости от старой Немецкой слободы. С дозволения правительства они опять построили себе деревянную кирку за Фроловскими (ныне Мясницкими) воротами, в т. наз. Огородной слободе (близ русской церкви Харитония в Огородниках). Но в 1632 году эта кирка была разрушена по следующему любопытному поводу, если только верен рассказ о том иностранного писателя (Олеария). Около того времени, как известно, нанято было несколько тысяч иноземного войска в царскую службу. В Москве некоторые немецкие офицеры поженились на служанках немецких купеческих домов. Новые офицерши не пожелали при богослужении в кирке занимать места ниже своих бывших хозяек, а последним показалось обидным такое нежелание. Происшедшие отсюда споры однажды перешли в драку. На ту пору мимо кирки проезжал патриарх (по-видимому, Филарет Никитич); узнав о причине шума и драки, он весьма оскорбился таким кощунством и приказал снести кирку в место более отдаленное от центра города. Это была, собственно, лютеранская кирка; кроме нее существовала и реформатская около так назыв. Поганого пруда (теперь Чистые пруды). На Соборе 1642 года, как мы видели, раздавались жалобы русских купцов на захват разных торговых статей со стороны иноземцев. А в следующем году причты нескольких московских церквей подали царю челобитную, в которой печаловались на то, что немцы без государева указу покупают дворы в их приходах, отчего число их прихожан уменьшается, что немки заводят у себя корчмы и держат русскую прислугу, что на своих дворах близ русских церквей иноземцы ставят ропаты (молитвенные дома) и т.п. В ответ на эту челобитную дан царский указ, которым запрещено продавать немцам дворы, а ропаты их велено сломать. Тогда же были разрушены и обе помянутые кирки, лютеранская и реформатская.

Иноземцы немедленно принялись хлопотать о разрешении построить новую кирку. (Число протестантов в Москве, по словам Олеария, простиралось тогда до 1000.) Они постарались подействовать на царя с помощью близких к нему придворных докторов-иностранцев. Эти доктора чрез своего начальника боярина Ф.И. Шереметева, ведавшего Апте-

царским приказом, подали челобитную, в которой испрашивали дозволения построить свой храм у Земляного вала за Фроловскими воротами, в месте удаленном от православных церквей; а далее того места им ездить из города было бы невозможно: так как они на всякий час должны быть готовы «для обереганья его царского здоровья». Таковую же челобитную подали некоторые военнослужилые и торговые иноземцы, а также золотых и серебряных дел мастера. Эту просьбу поддержал известный Петр Марселис, который в то время употреблялся для переговоров с Датским двором о браке царевны Ирины Михайловны и потому пользовался особою милостию у царя. Просьба увенчалась успехом: близ места прежней лютеранской кирки, меж Фроловских и Покровских ворот из огорода Никиты Зюзина был выделен достаточный участок земли, на котором немцы построили просторный храм с домами для причтов, и весь участок обнесен крепким забором. Этот храм служил пока обоим протестантским исповеданиям: лютеранскому и реформатскому. Во всяком случае, протестанты, как мы видим, пользовались в Москве некоторою свободою вероисповедания; тогда как иноземцы-католики, несмотря на свои домогательства, пока не получили разрешения на построение храма, а должны были довольствоваться частными домами для своих молитвенных собраний[15].



XI

КОНЕЦ МИХАЙЛОВА ЦАРСТВОВАНИЯ. — ИНОЗЕМНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Самозванец Луба. — Голштинское посольство. — Сватовство царевны Ирины за датского принца Вальдемара. — Пребывание его в Москве. — Отказ его принять православие. — Прения о вере московских богословов с лютеранским пастором. — Участие в них польского посла. — Упорство Михаила. — Неудовольствие москвичей на принца и следствия прений. — Богомольные поездки и слабое здоровье Михаила Феодоровича. — Придворные доктора-иноземцы и лечение царя. — Предсмертная болезнь и кончина Михаила Феодоровича. — Значение его царствования. — Двукратное путешествие Адама Олеария с голштинским посольством в Россию. — Его наблюдения над русскими обычаями по пути к Москве. — Въезд в столицу и торжественный прием посольства. — Переговоры. — Приезды разных послов. — Царские выезды. — Процессия Вербного воскресенья. — Грабежи. — Путешествие голштинцев по Волге. — Нижний Новгород. — Казань. — Судовые караваны. — Разбои волжских казаков. — Царицын. — Черный Яр. — Астрахань и виноградники.

В последнюю эпоху своего царствования Михаил Феодорович находился в мирных и даже дружественных сношениях со многими как близкими, так и дальними государствами: таковы сношения с Швецией, Данией, Австрией, Голштинией, Турцией, Персией, с монгольскими и татарскими ханами, даже с Крымом и Польшею. Но польские отношения, кроме едва улаженных споров о пограничных рубежах и царском титуле, немного омрачились еще делом о новом самозванце.

В 1644 году отправлены были в Польшу послами князь Алексей Михайлович Львов, думный дворянин Пушкин и

дьяк Волошинов с официальным поручением, касающимся царского титула и размежевания пограничных земель. Кроме того, им дан был тайный наказ относительно самозванца. Когда маленького Ивана, сына Марии Мнишек и Второго Лжедимитрия повесили в Москве, то у некоего пана Белинского оказался мальчик, которого он стал выдавать за этого Ивана Дмитриевича, будто бы спасенного от смерти подменою с другим мальчиком (обычный самозванческий прием) и будто имевшего у себя на спине какие-то царские знаки в виде орла. В действительности это был сын подлясского шляхтича Дмитрия Лубы, который служил в польских войсках в Смутное время и брал его с собою в Московское государство. Когда же сам Луба был убит, товарищ его Белинский привез сына обратно в Литву; тут стал называть его московским царевичем, представил его Сигизмунду и панам-раде; а они отдали его на сбережение канцлеру Льву Сапеге и велели выдавать на его содержание по 6000 золотых из доходов Брестского повета. Сапега пригласил одного ученого русина (известного впоследствии игумена Афанасия Филипповича), чтобы тот научил мальчика грамоте по-русски, по-польски и по-латыни. В этом ученье он находился семь лет; причем иногда писался царевичем московским Иваном Дмитриевичем. После кончины Сигизмунда, при Владиславе, содержание его уменьшили до 100 золотых, а после смерти Льва Сапеги и совсем прекратили; тогда молодой человек принужден был снискивать себе пропитание службою у разных панов. Теперь он жил в Бресте и служил у пана Осинского в писарях, а между тем продолжал называть себя царевичем московским.

Ясно, что это было неудачное продолжение все той же самозванческой интриги, плодом которой явились Лжедмитрий первый и второй. Главным деятелем этой интриги снова выступает старый враг Москвы, Лев Сапега, но уже без участия Мнишков, зато с участием того же Сигизмунда III. По сознанию самого Ивана Лубы, Сапега «велел его у себя держать для всякия причины», т.е. нового самозванца сочиняли на всякий случай, имея в виду выдвинуть его против Михаила Феодоровича, когда настанет для того удобный момент. И действительно, когда в Москве готовились к Смоленскому

походу, Лев Сапега и Александр Гонсевский, по-видимому, намерены были выставить Самозванца; но смерть Сигизмунда и Сапеги, при вероятном нежелании Владислава путаться в эту интригу, положили ей конец.

Тем не менее в Москве очень беспокоились существованием мнимого Ивана Дмитриевича и чрез упомянутое посольство потребовали его выдачи. Долго паны-рада спорили с московскими послами, отрицали всякое значение, всякую опасность этого дела и убеждали не требовать, не казнить невинного человека. Но послы стояли на том, что сим вором могут воспользоваться своевольные запорожцы или другие злонамеренные люди, прийти с ним в Московское государство и учинить новую смуту. Так как с нашей стороны грозили разрывом, то в ноябре того же 1644 года в Москву приехало польское посольство, с паном Стемпковским во главе, и привезло с собою Лубу для того, чтобы показать полную его неспособность и безобидность. Московское правительство, однако, не довольствовалось нахождением Лубы при посольстве и требовало его выдачи. Стемпковский противился; но посреди этих неприятных переговоров Михаил Феодорович скончался, и вопрос о Лубе остался пока нерешенным. Кроме него были в то время и другие самозванцы. Один из них, также называвший себя царевичем Иваном Дмитриевичем, явился где-то в персидских или турецких владениях и обращался письменно к султану с просьбой о помощи для завладения московским престолом. Другой объявился в той же Польше и называл себя сыном царя Шуйского. Решение вопроса о сих самозванцах относится к следующему царствованию.

Московское правительство при Михаиле Феодоровиче вообще с любопытством следило за тем, что делалось в иностранных, особенно соседних государствах; с этою целью из Новгорода в Москву постоянно доставлялись известия или так наз. «вестовые письма» (род рукописных газет того времени). Они прилагались к отпискам новгородских воевод. Очень любопытны происходившие при Михаиле Феодоровиче приязненные сношения России с герцогством Голштинским — сношения, которые, как известно, спустя более столетия привели к чрезвычайной важности последствиям, ког-

да на смену прекратившегося в мужской линии дома Романовых выступила его женская линия. Поэтому остановимся несколько на сих сношениях.

В первой половине XVII столетия на голштинском престоле сидел герцог Фридрих, прославившийся как покровитель наук и искусств, умевший сохранить мир и тишину в своих владениях посреди свирепствовавшей вокруг Тридцатилетней воины. (За сестру этого Фридриха, Доротею, когда-то неудачно сватался Михаил Феодорович.) Он думал войти в непосредственные сношения с Московским государством, а чрез него и с Персией, которая особенно привлекала европейцев своим шелком как очень выгодным товаром. Герцог Фридрих воспользовался вербовкою немцев в русскую службу во время наших приготовлений ко второй польской войне. Он прислал в подарок несколько пушек и выразил готовность помогать нашей вербовке, а взамен просил некоторых торговых льгот для своих купцов. Затем Фридрих снарядил в Москву большое посольство, во главе которого поставил законоведа Филиппа Крузе и гамбургского купца Отто Бругмана. Секретарем посольства был Адам Олеарий, ученый человек, родом из Саксонии, который имел от любознательного герцога поручение описать Московию и Персию. И действительно, он оставил нам чрезвычайно любопытное описание своего двукратного путешествия в Россию. Голштинское посольство прибыло в Москву в августе 1634 года, привезло с собою разные подарки и было принято с большою торжественностию. Оно просило, главным образом, позволения для особой голштинской купеческой компании вести торговлю с Персией через Россию. Хотя всем другим правительствам Москва отвечала отказом на эту просьбу, но герцогу Фридриху Михаил Феодорович дал сие позволение (вероятно, потому, что от голштинцев ожидалось менее соперничества для собственных купцов, чем от голландцев, англичан или французов). После того послы отправились обратно в Голштинию для герцогского подтверждения заключенного ими торгового договора с Москвою; а здесь оставили своего корабельного мастера, который с помощью русских плотников должен был в Нижнем Новгороде построить корабль для предстоявшего их плавания по Вол-

ге и Каспийскому морю в Персию. Этот корабль и был, собственно, первым европейским мореходным судном, построенным в России.

В 1636 году то же посольство, но уже значительно умноженное в числе (до 100 человек), на означенном корабле отправилось по Волге в Персию. Все это предприятие, собственно, окончилось безуспешно: корабль потерпел крушение в Каспийском море, и посольство потом с трудом воротилось в отечество (в 1639 г.). Голштиния не вошла в торговые связи с Персией и не воспользовалась дарованными ей торговыми льготами в России; но она осталась в дружественных с ней отношениях. А помянутый труд Адама Олеария доселе служит одним из главных источников для наглядного знакомства с Россией и Персией того времени. Самому Олеарию Россия настолько понравилась, что он на обратном пути в отечество просился в царскую службу. В Москве также оценили этого ученого человека, сведущего особенно в астрономии и географии, и была уже написана царская «опасная» грамота для свободного его прибытия в Москву. Однако вступление его в нашу службу не состоялось: он предпочел ей место придворного библиотекаря у голштинского герцога и остальную жизнь мирно провел в Готторпе посреди своих ученых занятий[16].

Не менее любопытны сношения Михаила Феодоровича с дядею голштинского герцога Фридриха, т.е. с королем датским Христианом IV. Младший брат Христиана принц Иоанн, как известно, приехал в Москву в качестве жениха Ксении Борисовны Годуновой, здесь скончался и погребен под сводами лютеранской церкви в Старо-Немецкой слободе. Прошло 35 лет, и король Христиан обратился с просьбою отпустить в отечество тело его брата. Михаил Феодорович не только исполнил эту просьбу, но и велел с большим почетом проводить тело до русской границы к городу Нарве (1637 г.). Меж тем датское правительство, подобно другим морским державам, не раз принималось хлопотать в Москве о дозволении своим купцам ездить в Персию, беспошлинно торговать в Архангельске, Новгороде, Пскове и Москве и иметь здесь свои дворы и церкви. Домогательства эти более или менее были отклонены. Но в конце Михайлова царство-

вания наши отношения к Дании вдруг приняли самый дружеский характер, обещавший доставить датчанам наиболее льготное положение в Московском государстве. Причиною тому было новое сватовство, которое явилось почти повторением того, что происходило при Борисе Годунове. Только на сей раз выступил на сцену вместо брата сын Христиана IV.

Супружество Михаила Феодоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой Бог благословил довольно многочисленным потомством: у них было десять или одиннадцать детей, в том числе три сына (Алексей, Иван и Василий), а остальные дочери. Но вместе с тем эта чадолюбивая чета подверглась чувствительному горю; большинство ее детей скончалось еще в младенчестве. В живых оставались четверо: один сын, наследник престола Алексей, и три дочери, Ирина, Анна и Татьяна. Старшей дочери Ирине Михайловне было 13 лет, когда родители озаботились приисканием ей достойного жениха.

По всем признакам, царь Михаил не допускал мысли о браке своей дочери с членом какой-либо знатной русской семьи: как и всякая новая династия, Романовы, естественно, старались провести резкую черту между собою и своими подданными и думали возвысить блеск своей фамилии родственными связями с европейскими царствующими домами. Подобно Годунову, Михаил Феодорович обратился за женихом в датскую королевскую семью. По справкам, наведенным чрез находившихся в Москве иноземных купцов и медиков, оказалось, что у Христиана IV был младший еще не женатый сын Вальдемар, рожденный от второй супруги, графини Мунк. Поэтому в декабре 1640 года отправили в Данию гонцом переводчика-иностранца (Ивана Фомина) с явным торгово-дипломатическим поручением, а с тайным — добыть все нужные сведения о намеченном женихе и привезти его портрет. Гонец исполнил это последнее поручение; но оно не осталось тайною для Датского двора. Престарелый король пошел навстречу желаниям царя, имея в виду выгодною женитьбою пристроить сына; вельможи датские также рады были случаю удалить Вальдемара, имевшего притязание на вице-королевское достоинство. Поэтому Христиан под предлогом торгового трактата снарядил в Москву посоль-

ство, во главе которого поставил самого принца Вальдемара. В Москве на первый раз его приняли с теми же почестями, какие обыкновенно оказывали иноземным послам, и вступили в оживленные переговоры. Датчане просили все тех же торговых льгот и права иметь свои дворы и церкви в известных городах. Московское правительство на сей раз было уступчивее; только не соглашалось на особые датские кирки. С своей стороны, оно требовало для московских купцов такого же права торговать в датских городах. В этом смысле уже составлена была договорная грамота; но тут возникли обычные пререкания о том, какое имя, царское или королевское, должно стоять в грамоте на первом месте. Таким образом, датское посольство пока уехало ни с чем (1641 г.).

Но в Москве, познакомясь с принцем, решили не упускать этого жениха.

Спустя несколько месяцев царь отправил в Данию послами окольничего Проестева и дьяка Патрикеева все еще по поводу торгового договора, а вместе и с поручением начать сватовство. Но так как послы, сообразуясь с своим наказом, прямо поставили требование о крещении принца в православную веру, то напрасно они раздавали деньги и соболей; получив отказ, они воротились без успеха. В Москве этот неуспех приписали неумению послов вести переговоры и обвинили в нерадении, за что подвергли их опале. Тогда сие щекотливое дело передали известному Петру Марселису и отправили его в Данию, снабдив значительным количеством соболей и денег для подарков влиятельным лицам. Марселис искусно повел переговоры о браке; причем по вопросу о перемене веры отделывался неопределенными обещаниями. А так как Христиан IV в то время был угрожаем войною со стороны Швеции, то он надеялся в лице московского царя приобрести доброго союзника против шведов; а потому охотно согласился отпустить сына в Москву, только желал обеспечить его предварительными условиями, скрепленными царскою грамотою. В числе этих условий главное место занимали: свобода вероисповедания для королевича и его свиты, положение королевича в России такое, чтобы кроме царя и царевича Алексея никого не было выше Вальдемара и чтобы обещанные ему во владе-

ние города Суздаль и Ярославль с уездами навсегда оставались в его потомстве.

Марселис с торжеством воротился в Москву и, конечно, не преминул выхлопотать себе разные награды и льготы. Ему же поручено было отвезти в Данию ответную царскую грамоту, составленную в смысле указанных условий, но не имевшую характера окончательного договора. Такой договор должны были заключить с боярами великие датские послы, имевшие прибыть вместе с принцем. Христиан, так как и царь, был доволен услугами Марселиса и наградил его дворянским достоинством. Осенью 1643 года Вальдемар вместе с новым посольством отправился в Москву уже в качестве жениха Ирины Михайловны под именем графа Шлезвиг-Голштинского, имея при себе большую свиту; вместе со свитою датских послов число ее простиралось свыше 300 человек. Избегая столкновения со шведами, Вальдемар, по приглашению короля Владислава, ехал через Польшу и Литву, где ему оказали большие почести.

В Пскове, Новгороде и Твери по распоряжению из Москвы Вальдемару и его свите устроены были торжественные встречи. Вперед его приехал в столицу главный сват, Петр Марселис, уже в качестве посла от датского короля и сына его, графа Шлезвиг-Голштинского, и удостоен царского приема с обычными посольскими обрядами. В январе 1644 года прибыл наконец сам Вальдемар с датскими послами. За Тверскими воротами его встретили царские стольники, стряпчие, дворяне и жильцы, во главе с боярином М.М. Салтыковым, который говорил ему приветственную речь. Королевича поместили в доме бывшем царя Бориса Годунова; дом этот находился не только в близком соседстве с царским дворцом, но и соединялся с ним крытым ходом. Начался ряд пышных приемов и царских званых обедов. Царь Михаил и царевич Алексей всеми мерами ласкали жениха и щедро дарили его сороками соболей, дорогими кубками, коврами, золотой и серебряной парчой и т.п. Мало того, они иногда помянутым крытым ходом навещали принца и запросто с ним беседовали. Царица Евдокия, с своей стороны, дарила нареченному зятю куски ситца и дюжины полотенец. Патриарх Иосиф тоже посетил принца и под-

нес ему дары с пожеланием счастия и благополучия в предстоящем супружестве.

Посреди этих праздников и ласкательств граф Вальдемар в одно прекрасное утро немало был озадачен, когда к нему явился от патриарха служилый иноземец (Францбеков) и предложил сначала *креститься* в православную веру, а затем уже приступить к брачному обряду. Дело в том, что Смутная эпоха и насилия, претерпенные русскими от ляхов, окончательно обострили отношения православия к латинству. И прежде при переходе католика в православие требовалось часто не одно миропомазание, но также и крещение с троекратным погружением. А церковный Собор 1620 года, созванный и руководимый патриархом Филаретом, как известно, издал решительное постановление о перекрещивании латинян и прочих западных иноверцев для присоединения их к православной вере.

Тщетно датский принц ссылался на предварительный договор, обещавший ему свободу вероисповедания, и объявил, что он ни за какие блага в мире не переменит своей веры, на каковую перемену и отец его не даст своего согласия. Тщетно просил он наконец отпустить его обратно в Данию. Ему отвечали, что король, его отец, будто бы прислал его к царю с тем, чтобы быть у него во всей его воле и послушании, что уехать ему назад без совершения брака было бы «нечестно» и стыдно перед соседними народами, брак же с иноверцами у нас не допускается, и т.д. Михаила Феодоровича поощряли в его настойчивости приходившие тогда вести, неблагоприятные для датчан: начавшаяся война со шведами была неудачна для первых, и послы Христиана не столько хлопотали об отпуске Вальдемара, сколько о заключении союза с Москвою против Швеции. Но с этой стороны хлопоты их были также неудачны.

Чтобы сломить упорство Вальдемара, царь и патриарх думали подействовать на него убеждениями в превосходстве православия. Отсюда возникли продолжительные и жаркие прения о вере, само собою разумеется, ни к какому благоприятному решению вопроса не приведшие.

В Москве рассчитывали на то, что ни принц, ни свита его не сильны в богословской науке; тогда как среди русского

духовенства имелось несколько лиц, которых почитали вполне способными доказать несостоятельность лютеранского учения. Между ними первое место принадлежало известному успенскому ключарю Ивану Наседке. Во время сватовства Михаила Феодоровича за племянницу Христиана IV этот Наседка ездил в Данию вместе с русским посольством; там он довольно близко ознакомился с лютеранством и по возвращении написал против него целую обличительную книгу, озаглавленную: «Изложение на Лютеры». Естественно, что в Москве считали его хорошим знатоком лютеранской ереси и возлагали на него большие надежды в смысле ее опровержения. Кроме него для той же полемики предназначались протопоп Михаил Рогов, старец Савватий, Шестой Мартемьянов и Захарий Афанасьев. Все это были справщики Печатного двора, большие начетчики, между прочим вместе с Наседкою потрудившиеся над составлением напечатанного в Московской типографии, в 1642 году, Сборника избранных слов о почитании св. икон. Этот полемический сборник был направлен именно против ересей Лютера, Кальвина и Феодосия Косого. А в следующем, 1643 году, перед прибытием Вальдемара, теми же лицами, но по поручению Михаила Феодоровича, была составлена и напечатана так наз. Кириллова книга, заключавшая в себе православие как против латинян, так и против лютеран, кальвинистов, социниан и других протестантских сект. В этом сборнике составители его в значительной степени воспользовались процветавшею тогда полемическою литературою западнорусскою, которая была вызвана борьбой с унией и протестантскими сектами Литвы и Польши. Очевидно, царь Михаил и патриарх Иосиф заранее предугадывали препятствие браку Вальдемара с царевною Ириною со стороны вероисповедного вопроса; а потому приготовили средства и людей для борьбы с лютеранами, простодушно надеясь победить их туземными богословскими силами.

Убеждение путем книжной полемики было начато самим патриархом Иосифом. 21 апреля принц Вальдемар получил от него послание, в котором патриарх увещевал не упрямиться, соединиться с царем в православной вере и принять крещение в три погружения; причем по преимуществу остано-

вился на таинстве крещения и разными ссылками на Св. Писание и церковные предания доказывал правильность этого обряда. Граф Вальдемар не замедлил своим ответом: уже на третий день он послал патриарху довольно обширную отповедь на его послание — отповедь, в свою очередь, многими примерами и ссылками на Библию и св. отцов доказывавшую, что для таинства крещения одинаково правильны оба способа, и погружение, и обливание; защищала она также взгляд лютеран на иконы и посты. Эта отповедь обнаружила значительное богословское и общее образование автора. Дело в том, что в свиту датского принца предусмотрительно помещен был ученый пастор Матвей Фельгабер, который и был истинным автором отповеди. Полагая, что этим ответом вероисповедное прение окончено, принц и датские послы стали усиленно домогаться своего отпуска в Данию. Вальдемар грозил даже, что если его не отпустят честью, то он уедет сам без отпуска. И действительно, видя упорное нежелание царя с ним расстаться, он ночью 9-го мая, в сопровождении небольшого отряда из своей свиты, сделал попытку к бегству. Датчане силою пробились сквозь встреченный ими на пути стрелецкий обход; но у Тверских ворот им пришлось вступить в драку с более численным караулом; потерпев неудачу, они ушли назад, оставив одного товарища пленным. Но когда этого пленника стрельцы повели в Кремль, датчане, собравшись в большом числе, напали на стрельцов, многих переранили своими шпагами, одного убили и отняли пленника. На следующий день правительство нарядило следствие об этих беспорядках. Хотя истина была раскрыта, однако принц остался безнаказанным. Только надзор за датчанами был усилен и отдан приказ никого из них не пропускать за стены Белого города.

Меж тем принцу готовилось новое увещательное послание, так как царь все еще надеялся убедить его путем богословских прений. Недели две спустя после попытки к побегу Вальдемар получил от патриарха второе послание в виде очень длинного свитка. (Датчане в своем глумлении определили его длину чуть ли не в 48 сажен.) Он заключал в себе подробное опровержение на все пункты вышеупомянутой отповеди, со всеми возможными цитатами и ссылками на

Библию, евангелистов и отцов Церкви относительно обряда крещения, опресноков, епископского сана, иконопочитания, постов и т.д. Истинным автором сего обширного послания, очевидно, был не сам патриарх Иосиф, а все тот же Иван Наседка, которому помогали его вышеназванные товарищи справщики Печатного двора. Как и следовало ожидать, послание и на этот раз не произвело никакого действия на датчан. Вместо нового письменного ответа царь разрешил Вальдемару выставить своего пастора для устного состязания с московскими богословами, каковы: царский духовник и благовещенский протопоп Никита, протопоп церкви Черниговских мучеников Михаил Рогов и успенский ключарь Иван Наседка с товарищи; т.е. с книжными справщиками Печатного двора. С своей стороны, и Фельгабер не был совсем одинок во время этой полемики: ему помогали жившие в Москве лютеранские пасторы, из которых один прислал ему большой сундук с книгами для справок и ссылок. Кроме того, в свите Вальдемара нашелся еще дворянин, Юрий Лот, достаточно осведомленный в богословских науках, который и пособлял пастору во время словесных прений, происходивших в конце мая и начале июня 1644 года.

Прения эти велись в доме вышеупомянутого иноземца, перешедшего в православие, Дмитрия Францбекова, который исполнял при сем обязанности переводчика и сам принимал участие в диспуте. Этот диспут сосредоточился преимущественно на обряде крещения. Фельгабер настаивал на том, что греческое βαπτιξω значит не только погружать, но также окроплять или обливать. Главный его оппонент Иван Наседка, подобно своим товарищам, не был настолько знаком с греческим языком, чтобы оспорить искусного в диалектике пастора в этой филологической стороне вопроса. Посему первые два прения не были особенно удачны для московских богословов. Тогда царь Михаил велел призвать в помощь им лиц, хорошо знавших греческий язык, именно: прибывшего из Иерусалима греческого архимандрита Анфима, цареградского архимандрита Парфения, двух переводчиков, Димитрия и Федора, да еще цесарского посла князя Димитрия Альбертоса Далмацкого. С такими силами третье прение шло для нас успешнее, и лютеранский пастор был

почти разбит даже и в своих филологических аргументах. Московские богословы хотели было продолжать прения; но датчане отказались, считая их совершенно бесполезными. В январе следующего, 1645 года в Москву прибыл во главе польско-литовского посольства Гавриил Стемпковский и привез с собою, как известно, самозванца Лубу. От короля Владислава, кроме явных поручений, т.е. вопросов о пограничном размежевании и самозванце, он имел еще тайное поручение: хлопотать об отпуске королевича Вальдемара, который, а также и отец его Христиан обратились к королю с просьбою о помощи. Но все подобные хлопоты разбивались об упорство Михаила Феодоровича, не хотевшего отпустить Вальдемара. Последний прибегнул даже к притворству: однажды он объявил себя крайне больным и стращал царя своею смертию, ссылаясь на пример помянутого принца Иоанна, жениха Ксении Годуновой. Но русские сторожа его двора донесли, что королевич в день своей ложной болезни со своими дворянами хорошо кушал и пил много вина, а вечером забавлялся игрою на цимбалах.

Прошло более года со дня третьего прения о вере, и царь, с помощью Стемпковского, уговорил королевича согласиться еще на одно прение. Этот четвертый, и последний, диспут происходил 4 июля 1645 года уже не в частном доме, а в царском дворце, в Ответной или Посольской палате, в присутствии большого числа слушателей и польского посла Стемпковского с его свитою. Сначала предполагалось, что будет и сам царь с боярами; однако его не было; он только прислал своего думного дьяка Григория Львова. Принц Вальдемар тоже отказался лично присутствовать на диспуте. С русской стороны выступили все те же богословы; Михаил Рогов и Иван Наседка. Благовещенского протопопа Никиту заменил вызванный царем строитель костромской Геннадиевой пустыни Исаакий, происходивший из Киева и знавший греческий язык. И в этот раз диспут сосредоточился на вопросе о действительности крещения через обливание. Напрасно Фельгабер опять ссылался на отцов Церкви и приводил свои филологические соображения: хорошо приготовившиеся к диспуту Наседка и Рогов, при помощи Исаакия, так удачно опровергали его, что пастор после жаркого и довольно шум-

ного спора замолчал и прекратил диспут. Польский посол, который, как католик, был также обливанцем, напрасно пытался помочь Фельгаберу и доказать правильность своего обряда при крещении: и Фельгабер, и Стемпковский подали о том царю письменное изложение. Обстоятельные ответы на них поручено было составить тем же московским богословам. Мало того, царь Михаил был настолько увлечен успехами сих последних, что предполагал устроить новый богословский диспут. Эти вероисповедные прения, как и все дело о сватовстве Вальдемара, произвели тогда большое возбуждение в московском обществе, которое с живейшим интересом следило за всеми их перипетиями. Известно, что великорусского человека ничто так не увлекает, как разговоры о вере и особенно споры о превосходстве православия над другими исповеданиями. Но конец всем этим прениям о вере положила неожиданная смерть царя, последовавшая в ночь на 13 июля. Таким образом, решать вопросы об отпуске королевича Вальдемара и его бесплодном сватовстве пришлось уже преемнику Михаила, т.е. Алексею Михайловичу.

Замечательно то необычайное упорство, которое в данном случае обнаружил Михаил Феодорович, столь мягкий и уступчивый в других отношениях. Хотя уже ясно было, что на перекрещение Вальдемара нет никакой надежды и с этим условием брак сделался невозможным; тем не менее Михаил ни за что не хотел отпустить упрямого принца и все на что-то надеялся. Кроме вероисповедного вопроса этому браку не благоприятствовали и разные другие обстоятельства; так, против него интриговали поляки и особенно шведы, тогда находившиеся в войне с Данией; между боярами и духовенством существовала целая партия, недоброжелательно смотревшая на брак с иноземцем и на обещанное Вальдемару положение, слишком похожее на прежних удельных князей. Вообще на умножение и усиление немецко-лютеранского элемента, которые повлек бы за собою брак Вальдемара с Ириною, многие москвичи смотрели неприязненно (датчан они не отделяли от немцев), и тем более, что загостившиеся в Москве датчане, иногда легкомысленно и свысока относившиеся к туземцам, уже возбуждали неудовольствие в народе. Однажды донские казаки учинили драку с

датчанами и многих порядком избили. Кравчий принца был кем-то застрелен из пищали. Частые ссоры московского простонародья с членами слишком многочисленной Вальдемаровой свиты указывали на это народное неудовольствие, которое грозило при случае каким-либо взрывом и начинало уже немало озабочивать наше правительство. Кроме высокомерного к ним отношения, москвичам не нравилось и времяпровождение королевича, посвященное по преимуществу пирам и забавам. Обременительными казались и большие на него издержки: Михаил Феодорович ничего не жалел на содержание и на подарки принцу, которого он всеми мерами ублажал, страстно желая во что бы ни стало сделать его своим зятем.

Долгое пребывание датчан в Москве, усилившее неприязненный взгляд русских на иноземцев, имело, однако, немаловажные последствия со стороны происшедшего тогда открытого вероисповедного столкновения или формального препирательства московских богословов с лютеранским пастором. Хотя эти богословы и приписывали себе победу, однако для них самих и для всех следивших за прениями сделалось ясно: как трудно было нашим полемистам-начетчикам бороться с западным европейцем, научно образованным, который прямо упрекал их в незнании греческого языка, грамматики и вообще «свободных наук». Только с помощью двух природных греков и одного киевского или южнорусского монаха московские богословы вышли из своего затруднительного положения. Кроме того, в своих письменных аргументах они широко воспользовались южнорусскими полемическими трудами, появившимися в эпоху борьбы с унией. Это наглядное превосходство греческих и южнорусских ученых, в свою очередь, вызвало намерение и в Москве завести высшее училище, по образцу Киевской коллегии. Но такое намерение прошло несколько стадий, прежде нежели осуществилось. Что касается царских дочерей, то неудачные поиски за иноземными принцами имели печальные последствия для московских царевен: отныне они осуждались на безбрачие и принуждены были проводить свое однообразное существование в дворцовых теремах. Политика Романовых в стремлении оградить свою царскую семью от

подданных высокою стеною, повторяем, не допускала и мысли о браке царевен с сыновьями московских князей и бояр, предпочитая им в этом отношении даже служилых татарских ханов. Так, по известию иностранца Олеария, молодому касимовскому хану предлагали руку одной из царских дочерей, разумеется, с условием, чтобы он крестился; но хан отклонил это предложение.

Любопытно, что этою нашею погонею за женихами из знатных иноземцев ловко воспользовался один искатель приключений. В 1642 году, т.е. в начале датско-московского сватовства, в Москве появилась какая-то личность под именем чешского графа Шлика, будто бы удалившегося из отечества от гонения католиков на протестантов; он привез рекомендательное письмо от обманутого им короля Христиана IV. Мнимого графа приняли с большим почетом. Он изъявил желание креститься в православную веру и вступить в царскую службу. Федор Иванович Шереметев, в то время первый и ближайший к государю боярин, был крестным его отцом. Новокрещеному пожаловали княжеский титул: он стал именоваться князем Львом Александровичем Шляковым-Чешским, получил от царя большое жалованье и женился на внучатой племяннице Федора Ивановича Марфе Васильевне Шереметевой. Говорят, что его виды простирались еще выше: на руку царевны Ирины Михайловны; но узнав, что ее уже сватают за датского принца, он «помирился на браке с дочерью знатного и богатого боярина» (Олеарий). Впоследствии узнали о самозванстве Шлякова; царь Михаил, хотя и был очень тем огорчен, однако не лишил его княжеского достоинства, а ограничился выговором и заключением его на некоторое время в Чудов монастырь на покаяние[17].

В непосредственную связь с неудачею сватовства царевны Ирины за принца Вальдемара некоторые наши источники ставят и саму кончину Михаила Феодоровича.

Ни один из московских царей не ездил столько по святым обителям, как Михаил Феодорович. К этим поездкам еще с юных лет приучила его мать, великая старица Марфа. В особенности он любил посещать Троице-Сергиев монастырь и нередко отправлялся туда по два раза в год, причем возил с собою царицу и детей. Эти так наз. *Троицкие походы*

царя и царицы отличались торжественностию и сопровождались очень многолюдною свитою обоего пола. Кроме обычных поездок были еще путешествия, предпринимаемые к той или другой святыне по обету, данному во время болезни или какого-либо события. В разных храмах столицы царь не пропускал церковной службы в их храмовые праздники. Любил он также ездить на соколиную охоту в ближние от столицы места и пребывать в своих подмосковных селах, каковы Покровское, Коломенское, Воздвиженское, Тайнинское и др., где иногда устраивался стол или пир для бояр. Но, по всем признакам, Михаил Феодорович не пользовался хорошим здоровьем, и едва ли не главною причиною сего была его малая подвижность, которой нисколько не мешали помянутые сейчас частые поездки на богомолье и по окрестностям Москвы: они редко совершались верхом на коне (и, конечно, шагом), а больше в возке или колымаге; при сем царь ехал медленно и с частыми, продолжительными роздыхами. Иногда только он выходил из возка и некоторое расстояние шел пешком. Такой малой подвижности могла способствовать слабость или болезненность ног, которой он был наиболее подвержен.

До нас дошла переписка Михаила Феодоровича с патриархом Филаретом во время путешествия на богомолье — переписка, обнимающая период с 1619 по 1631 год. При утомительном однообразии и малой содержательности этих писем, они дают несколько любопытных черт для характера обоих государей и состояния их здоровья. Например, летом 1620 года Михаил во время путешествия с матерью в Троицкий монастырь извещает отца: «Майя, государь, с 30-го числа в ночи по греху моему прииде скорбь телеси моему, помянулся старой конской убой и поскорбел стороною; а чаю, государь, что к нынешнему пешему ходу кровь пришла, и тогож дня к утру поблегчило». То же повторяет старица Марфа в письме к патриарху: «А помянулся прежний конской убой; а к тому, государь, больше к нынешнему ходу пришла кровь». Из этих двух писем ясно, что Михаил Феодорович когда-то был сильно ушиблен лошадью или при падении с лошади, и теперь заболела ушибленная сторона. Далее узнаем, что Михаил очень страдал ногами. В июне 1627 года он

поехал «по обещанию» в Троицкий монастырь с матерью, женою и новорожденной дочерью Ириной. Со стану из села Братошины пишет: «Болезнь, государь, ногам моим от ездов тяжелее стала; в возок и из возка в кресле носят». Царица Евдокия Лукьяновна также пишет Филарету: «По грехам, государь, нашим сын твой великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея Русии скорбел ножками». Она также упоминает о «нашем обещании»; вероятно, такое обещание съездить к Троице относилось к первому ребенку, т.е. к первым родам Евдокии Лукьяновны. Усердный исполнитель церковной обрядности, Михаил, несмотря на погоду, обыкновенно принимал личное участие в Вербном шествии на осляти или на Крещенской иордани. Но в последние годы при подобных церемониях место отца стал заступать царевич Алексей, и в торжественные дни уже нередко встречаем в дворцовых записях отметку: «у Государя стола не было». А между тем Михаил любил плотно пообедать и поужинать; причем охотно пил холодный квас или пиво, а также водку, крепкий мед и заморские вина.

При слабом здоровье государя, естественно, мы видим в его время при Московском дворе умножение иноземных докторов, которые пользовались щедрым жалованьем и содержанием. Частные люди продолжали прибегать к знахарям и вообще к средствам народной медицины; но к тем боярам, которых царь хотел отличить, он посылал своего медика в случае их болезни. Кроме того, видим иногда казенных медиков или хирургов, отправляемых в полки во время похода. Вся казенная медицина находилась в ведении Аптекарского приказа, при котором, кроме докторов, состоял целый штат аптекарей, алхимистов (провизоров), костоправов, рудометов, окулистов, дантистов и пр. Все это были более или менее иноземцы, по преимуществу немцы, хотя иногда и родившиеся в Москве; впрочем, в данную эпоху находим уже и русских их учеников. На обязанности аптекарей и алхимистов лежало не только приготовление, собственно, лекарств, но и приготовление некоторых питей для царского обихода, например, анисовой, полынной и коричной водок. Во главе придворных медиков в последние годы Михайлова царствования встречаем трех иноземцев: Венделинуса Си-

билиста, Гартмана Грамана и Яганyca Белово. Последний, собственно Иоанн Балау, был доктор медицины из Ростока и служил прежде профессором в Дерптском университете. Сибилиста, также доктор медицины, был вызван царем из Голштинии; он принимал участие в сватовстве принца Вальдемара, так как лекаря иногда исполняли дипломатические поручения; а пребывая за границей ради покупки медикаментов, он сообщал оттуда разные политические сведения и слухи. Граман также приехал из Голштинии и считался очень искусным врачом.

Медицинским ведомством или Аптекарским приказом начальствовал Фед. Ив. Шереметев; поэтому на нем и лежала главная забота о здоровье государя и всего царского семейства, что еще более приближало его к царю; вообще по смерти князя Ив. Бор. Черкасского (1642 г.) он сделался самым влиятельным из бояр. Из дошедших до нас документов Аптекарского приказа видим, что царя, подвергавшегося заболеваниям, доктора-иноземцы лечили по преимуществу кровопусканием, давали ему составленные ими порошки или микстуру и прописывали известную диету. Например, летом 1643 года во время Петрова поста главные придворные доктора прописали для больного государя следующее: «После кровопускания хорошо кушать свежую рыбу и раков в ухе, а жареную рыбу поливать лимонным соком, редьки и хрену не есть, пить доброе ренское вино или церковное с мелким нескоромным сахаром, доброе пиво, квас житный, но вина горячего, водки, меду и романеи не пить». По выздоровлении государь жаловал лекарей и аптекарей кубками или ковшами серебряными, персидским бархатом, камками, соболями и деньгами.

Много повредили здоровью Михаила ряд семейных потерь, т.е. смерть его детей: из 10 или 11, как мы сказали, у него в живых оставалось только четверо. Чадолюбивый царь тяжело переносил эти потери. Окончательный удар его чувствительному отцовскому сердцу нанесен был неудачным сватовством Ирины Михайловны за принца Вальдемара. Продолжительная и крайне неприятная возня с этим принцем совсем его расстроила: он сделался еще менее подвижен, и в конце апреля 1645 года сильно занемог. Три вышеозна-

ченных доктора усердно принялись за его лечение. Ему давали ренское вино, настоянное разными травами и кореньями и подогретое, слабительные порошки, мази для наружного растирания; разрешили только легкий обед и запретили ужины, а также всякие холодные и кислые питья и уксус в кушаньях; советовали иногда воздерживаться от послеобеденного сна. Ф.И. Шереметев брал приготовленные лекарства и носил их в верх к государю; он требовал от докторов особого рвения. Но болезнь упорно держалась. Медики объясняли, что она происходит «от многого сиденья, от холодных питей и от меланхолии, сиречь кручины». Они же пророчили, что если болезнь продлится, то будут пухнуть ноги. Наконец, государю стало легче.

Наступило 12 июля, день Михаила Малеина, т.е. царские именины. Набожный Михаил Феодорович хотел, по обыкновению, отстоять заутреню в придворном Благовещенском соборе, в приделе сего святого. Но тут с ним сделался обморок, и его на руках отнесли в деревянный дворец. Вечером того дня, почувствовав приближение кончины («уразумев свое к Богу отшествие»), царь велел позвать царицу, сына, патриарха и ближних бояр. Простясь с супругою, он благословил на царство сына Алексея; после чего, обратясь к его дядьке Бор. Ив. Морозову, поручил ему и впредь иметь об Алексее такое же усердное попечение, какое имел доселе, и соблюдать его как зеницу ока. В ночь с 12 на 13 июля, с субботы на воскресенье, приобщившись Св. Тайн, скончался первый московский царь из дома Романовых, на пятидесятом году от рождения, после тридцатидвухлетнего царствования. Двоюродный брат его, Никита Иванович Романов, вышед из царской опочивальни, возвестил придворным чинам о воцарении Алексея Михайловича, и первый принес ему присягу. За ним присягнули новому государю бояре, дворяне, стрельцы и все наличные служилые люди. Весь следующий день раздавался благовест в большой колокол, и народ толпился у дворца. А к вечеру того же воскресенья уже вышла погребальная процессия из дворцовых покоев к Архангельскому собору. Впереди несли запрестольный крест и образ Богородицы; за ними шел патриарх Иосиф с Освященным собором. Несколько сот монахов и священников стояли

по обе стороны пути с горящими восковыми свечами в руках. По словам одного иностранца, большие бояре несли усопшего царя в лубяных санях под бархатным покровом; за ними шел молодой государь с остальными боярами и с дворянами; вдову-царицу несли в лубяных носилках, а позади нее в тех же носилках сидела женщина (вероятно, ближняя боярыня), и царица, склонив голову ей на грудь, горько плакала. Русский летописец прибавляет, что погребение сопровождалось многим воплем и слезами.

Скромная, не выдающаяся личность первого царя из дома Романовых не оставила по себе памяти о каких-либо громких и великих деяниях; тем не менее царствование его весьма характерно и знаменательно. То было время сравнительного отдыха и умиротворения после бурной, напряженной эпохи смут. Уже самая потребность в этом отдыхе и глубокое разочарование в предыдущих опытах и поисках как за царем, так и за переменою в образе правления способствовали прочности новой династии, и она мало нуждалась в каких-либо особых мерах для своего укрепления и для восстановления самодержавного строя. Неудачная попытка Филарета возвысить блеск своей династии победами над самыми злейшими врагами Москвы, литово-поляками, только доказала ее излишество: ничто, ни даже эта великая неудача не поколебала Михаилова трона. Также неудачны были и попытки первых Романовых возвысить обаяние своей фамилии родством с европейскими государями. Но и первый, и второй род попыток остались как бы заветом для их преемников. С Михаила Феодоровича начинается также особенно деятельное пересаждение европейского военного искусства в Россию, а отчасти и заводско-фабричной промышленности или материальной европейской культуры. Вместе со всеми этими стремлениями прокладываются пути для водворения и влияния чужеземного, по преимуществу немецкого, элемента, который потом столь широко воспользовался сими путями и вызвал в нашей истории важные, разнообразные последствия[18].

В первой половине XVI столетия, как известно, труд Сигизмунда Герберштейна, сравнительно с другими иноземными источниками, представляет наиболее драгоценный мате-

рил для знакомства с современной ему Россией; такое же значение имеет для первой половины XVII века помянутый выше труд Адама Олеария. Несмотря на разные промахи и неверности, столь естественные и почти неизбежные в сочинении иностранца, при условиях того времени, этот ученый и наблюдательный автор «Путешествия в Московию и Персию» дает множество любопытных, поучительных заметок и бытовых подробностей, которые помогают осветить современное ему государственное и общественное состояние России. Попытаемся извлечь из него некоторые черты, подходящие к сей цели.

В первое свое путешествие в Москву, в 1634 году, голштинские послы в Эстонии съехались с послами шведскими, также отправлявшимися в Москву, и оба посольства довольно долго прожили в Нарве, ожидая ответа от Новгородского воеводы. У русских, как и у персов, существовал такой обычай: когда иностранное посольство достигнет границы, то оно должно известить о себе ближайшего областного начальника; а последний немедля уведомляет царя и ждет его распоряжений вместе с приставом, который должен сопровождать послов в столицу, имея при себе конвойный отряд. Во все время пребывания в пределах Московии и Персии, послы и гонцы безденежно пользуются продовольствием и подводами, доставка которых лежит на обязанности пристава.

Наблюдения Олеария над русскими начались с той же Нарвы, т.е. с ее русской части или Ивангорода, в то время находившегося под шведским владычеством. В субботу накануне Троицына дня он пошел на русское кладбище, чтобы посмотреть, как здесь поминают покойников. Все кладбище было наполнено женщинами. Они расстилали на могилах и надгробных камнях красиво расшитые, пестрые платки, на которые ставили блюда с несколькими оладьями и пирогами или с сушеными рыбами и крашеными яйцами. Некоторые из них становились на колени или ложились у могил и вопили, обращаясь с разными вопросами к покойнику; это занятие не мешало им по временам с подходившими знакомыми не только разговаривать, но и смеяться, а потом опять они принимались плакать и вопить. Меж тем священник с двумя причетниками обходил могилы и кадил на них, произнося

молитвы и имена покойников, подсказываемые женщинами на память или по записям. Когда священник, сохраняя свой равнодушный вид, оканчивал поминовение и хождение, женщины давали ему медные деньги, а причетники забирали пироги и яйца.

По выезде из Нарвы послы, между прочим, имели остановку в имении какого-то русского боярина Васильевича, недалеко от Копорья (т.е. еще в областях, уступленных Швеции по Столбовскому договору). Боярин угощал их всякими кушаньями и напитками из серебряной посуды. Он был веселый и храбрый человек и показывал им свои раны, полученные на шведской службе, именно в Лейпцигском сражении 1631 года. У него было два трубача, которые на своих трубах довольно изрядно играли во время заздравной чаши. Перед отъездом послов боярин велел позвать жену и еще какую-то родственницу; обе были молодые, красивые и роскошно одетые женщины; а за ними вошла третья женщина отвратительной наружности (для усиления красоты первых, как полагает Олеарий). Каждая из них подносила чашу и, сама откушав немного, с поклонами просила выпить. В таких случаях дорогим или почетным гостям позволяется жену или родственницу поцеловать прямо в губы.

20 июля Голштинское посольство переплыло пограничную реку (Шведское отправилось вперед) и на берегу было встречено приставом (Сем. Андр. Крекшин), одетым в красный кафтан. Он снял шапку и прочел царский указ о принятии посольства и сопровождении его до Москвы; а конвойные стрельцы приветствовали послов залпом из своих ружей. Ладожским озером и рекою Невою они поплыли в Новгород. По соглашению с послами, пристав вместо съестных припасов стал выдавать им на продовольствие деньги по 2 руб. 5 коп. ежедневно; а они покупали припасы чрез своих людей, причем цена на них была назначаема приставом. Иноземцы удивлялись русской дешевизне: курица стоила 2 копейки, а за одну копейку получали 9 яиц. (Впрочем, копейка того времени равнялась шиллингу.) В городе Ладоге их более всего поразило множество детей от 4 до 7-летнего возраста; они толпами бегали за путешественниками и предлагали им купить малины; за одну копейку дали ее целую шляпу. Все

дети, обоего пола, были одинаково одеты в длинных рубашках и с одинаково подстриженными волосами, с двумя локонами по сторонам, так что нельзя было отличить девочек от мальчиков. Когда посольство отплывало из Ладоги вверх по Волхову, более сотни детей толпилось вместе со взрослыми на крепостной стене и глазело на иноземцев. На берегу стоял монах; конвойные стрельцы подозвали его и приняли от него благословение. Вообще у русских в обычае подходить под благословение ко всякому встречающемуся по пути попу или монаху, а также молиться на церкви и на часовни, осеняя себя крестным знамением и произнося: «Господи, помилуй». В Ладоге посольство впервые ознакомилось с русской народной музыкой: во время обеда к нему подошли два человека с лютней и гудком; они начали играть и петь песни в честь своего великого государя и царя Михаила Феодоровича; а затем пустились плясать, выделывая при этом разные штуки. Вообще же у русских не так, как у немцев, мужчины и женщины пляшут отдельно; женщины машут пестрым платком вокруг головы и топчутся больше на одном месте.

Достигнув Волховских порогов, путешественники вышли на берег; а лодки их целая сотня людей канатами тащила сквозь пороги против течения. Путники остановились на ночлег у небольшого Никольского монастыря, в котором было только четыре монаха. Один из них принес послам на поклон редьку, огурцы, зеленый горох и две восковые свечи. Те отблагодарили его деньгами. Чтобы выразить свое удовольствие, он, вопреки обычаям, отпер для иноземцев церковь и облачился. Те с любопытством осматривали церковную иконопись. На паперти и на стенах были очень грубо и неискусно изображены чудеса св. Николая. Над дверями представлен был Страшный Суд; причем одно лицо оказалось в немецком платье. (Олеарий, очевидно, не знал, что в ту эпоху у нас на подобных изображениях немцы нередко включались в число лиц, ниспосылаемых в ад.) Монах показал Библию на славянском языке и Евангелие; он прочел первую главу от Иоанна; причем каплей воска заметил то место, до которого дочитал. Но пришли стрельцы и заворчали на монаха; поэтому далее внутрь церкви он не успел ввести иноземцев; последние подарили ему еще талер, за что он поклонился до земли.

Во всю дорогу от Ревеля до Москвы, по причине почти непрерывающихся лесов и болотистых мест, путешественники сильно страдали от комаров, оводов и мух, которые не давали им покою ни днем, ни ночью. Единственным спасением от них служили палатки из сетчатой ткани, а крестьяне и извозчики искали защиты у зажженных костров.

В Великом Новгороде посольство прожило четыре дня. А во второе свое путешествие оно пробыло здесь пять дней. К сожалению, Олеарий не дает нам никаких подробностей об этом пребывании и очень скуп на описание сего знаменитого города. Говорит только о его прежней обширной торговле и производстве лучшей в России юфти; замечает, что прежде город был обширнее, судя по некоторым развалинам, что он красуется множеством церквей, монастырей и башен, и что его укрепления построены из еловых бревен. Затем передает рассказы о погроме Ивана Грозного, легенды об идоле Перуна и св. Антонии Римлянине. Воевода Новгородский (которым тогда был князь Ив. Мих. Катырев-Ростовский) дарил послам от себя напитки и кушанья; они же отдарили его серебряным вызолоченным кубком; а во второй свой приезд (когда воеводой был князь Петр Александр. Репнин) — целой немецкой каретой.

В первое путешествие по дороге к Москве посольство встречало и немецких солдат, которые после неудачного Смоленского похода были отпущены из царской службы и небольшими отрядами направлялись к Балтийским портам. Свой обратный путь эти грубые наемники сопровождали грабежами и насилиями, так что иногда крестьяне, заслышав об их приближении, покидали свои селения и уходили в леса с семьями и со скотом. 4 августа в ямском селе Зимогорье (близ Валдая), при перемене лошадей, послы встретили полковника Фукса, а потом в (Вышнем) Волочке полковника Карла с несколькими офицерами, тоже возвращавшимися из Москвы на родину. О наиболее известном полковнике Лесли Олеарий сообщает, что по окончании войны он получил от Михаила Феодоровича большие денежные награды и также уехал из Московии. Но впоследствии, уже при новом царе, Лесли воротился в Москву, снова поступил на царскую службу, получил прекрасное име-

нье на берегу Волги и, чтобы не лишиться его, вместе с женою и детьми принял православие.

14 августа посольство имело торжественный въезд в столицу; причем его члены, свита и обоз следовали друг за другом в известном порядке. Навстречу им один за другим посылались гонцы с приказаниями приставу то ускорять, то замедлять шествие, чтобы согласовать последовательное и своевременное прибытие разных частей процессии. За несколько верст от города появилось более 4000 конницы в богатых одеждах и на прекрасных лошадях; она стала в строй, чрез который направлено было шествие. Далее к посольству выехали два новые пристава в золотных кафтанах и высоких собольих шапках на белых конях, у которых вместо повода висели большие серебряные цепи; широкие кольца этих цепей при всяком движении довольно громко звенели. За приставами следовал великокняжий конюший с 20 белыми верховыми конями и большою свитою, конною и пешею. Приставы и послы сошли с лошадей. Старший пристав снял шапку и прочел указ о приеме послов; причем большую часть указа занял титул московского государя, т.е. перечисление его владений. После ответа послов с частью их свиты пересадили на царских белых коней, и вся процессия, увеличенная густою толпою москвичей, вступила в город; все на пути лежавшие улицы и дома были усеяны множеством народа. По случаю большого пожара, незадолго опустошившего Москву и уничтожившего Посольский двор, голштинцев поместили в двух обывательских домах.

Спустя полчаса к их помещению уже приближался длинный ряд придворных и служителей, которые несли разные съестные припасы, кушанья и напитки из царской кухни и погреба. И в следующие дни эти припасы приносили таким же образом, только в количестве, вдвое меньшем. Двойное количество доставалось в особо торжественных случаях, например, еще в день царского приема. Двор посольского помещения заперли и приставили стражу из 12 стрельцов. Всякие сношения с посторонними лицами не допускались, пока не совершился этот царский прием. К послам назначен переводчик, некто Иван, родом русский: находясь в польском плену, он служил у князя Януша Радивила и ездил с ним в

Лейпциг, где два года пробыл в университете и выучился немецкому языку.

Дня через два по приезде послы услыхали гром пушечных выстрелов и увидали на лугу перед своим помещением множество пушек. На их вопрос пристав объяснил, что это пробуют вновь отлитые орудия, и сам царь смотрит на них из своего окна. Но по другим объяснениям эта пальба была произведена ради шведских послов, чтобы показать им, что не все пушки остались под Смоленском, как некоторые уверяли, и что их еще большое количество имеется у царя.

Торжественный прием посольства состоялся 19 августа. В 9 часов на его подворье явились приставы, за которыми слуги несли новые кафтаны и высокие шапки, взятые из царской кладовой. Приставы на глазах у послов переоделись в эти кафтаны. После чего посольство село на белых царских коней и в известном порядке направилось во дворец. За ним везли и несли герцогские подарки, которые состояли из трех коней, дорогой сбруи, украшенной каменьями, хризолитового креста, оправленного в золото, химической аптечки в ларце черного дерева, хрустальной с золотом кружки, большого зеркала, боевых часов, серебряного посоха с подзорной трубой и пр. Весь путь был обставлен рядами из 2000 стрельцов. Улицы, дома и крыши были наполнены глазевшим народом. Во время шествия опять один за другим прискакивали гонцы, и шествие то ускоряли, то замедляли, чтобы его царское величество мог приготовиться и сесть на престол в то именно время, когда послы вступят во дворец. Посольство провели крытым ходом со сводами мимо дворцовой церкви, в которой совершалось богослужение. Далее они прошли одну сводчатую палату, в которой сидели и стояли почтенные люди с длинными седыми бородами, в парчовых кафтанах и высоких собольих шапках. То были гости или именитые купцы; их кафтаны также на этот случай были выданы из царских кладовых.

Два боярина в парчовых, жемчугом вышитых одеждах встретили послов и ввели их в приемный покой. Это был каменный со сводами зал, по полу и по стенам обитый прекрасными коврами; потолок его был украшен золотом и резными изображениями из Священной истории, которые писа-

ны различными красками. У стены, противоположной входу, стоял царский престол на возвышении в три ступени. Сень над престолом опиралась на четыре серебряные вызолоченные столбика (толщиною в три дюйма); по углам на них укреплены серебряные орлы с распущенными крыльями; такой же орел находился и на верхушке сени. На престоле сидел царь в облачении, унизанном всякими драгоценными камнями и крупным жемчугом. На голове его была корона, усеянная крупными алмазами и опушенная черным соболем; он держал золотой скипетр, который, вероятно вследствие его тяжести, брал то в одну, то в другую руку. По обеим сторонам трона стояли по два молодых рослых человека, в белых камчатных кафтанах, в высоких рысьих шапках и в белых сапогах; на груди у них крестообразно висели золотые цепи, а на плече каждый из них держал серебряный бердыш. Вдоль стен и против царя сидели важнейшие бояре, князья и государственные чины (думные люди), более 50 человек, все в богатых одеждах и высоких шапках из черно-бурой лисицы, которые они никогда не снимают с головы. В пяти шагах от престола с правой стороны стоял государственный канцлер (думный дьяк и печатник Граматин). Подле самого престола справа же на резной серебряной пирамиде, вышиною в два локтя, лежала золотая держава, величиною с ядро (48-ми фунтового весу), а подле державы золотая лохань и рукомойник с полотенцем для омовения царской руки после целования ее членами посольства. К такому целованию допускаются только христианские послы.

Прием, собственно, и начался с этого обряда целования руки. По окончании его канцлер пригласил послов отправлять их обязанность. (Переводчиком на этом приеме служил главный толмач девяностолетний Ганс Гельмес.) Первый посол, Филипп Крузе, высказал приветствие царю Михаилу от своего герцога и вместе скорбь о недавней кончине патриарха Филарета. После чего послы поднесли свои верительные грамоты, которые по знаку царя принял от них канцлер, а послы отошли назад, к своей свите. Потом Михаил подозвал канцлера и сказал ему, что он должен отвечать послам. Канцлер приблизился к ним и, проговорив царский титул, объявил, что царь принимает герцогские грамоты и велит

перевести их на русский язык. Меж тем позади послов поставили скамью, покрытую ковром, и пригласили их сесть. Затем допущены были к руке главные слуги и гофюнкеры посольства. По окончании и этого обряда царь, приподнявшись немного, спросил: «Здоров ли князь Фридрих?» На что один из послов ответил, что при отъезде своем они оставили его светлость Божиею милостию в добром здоровье и благоденствии. Последовало представление подарков. Далее, по знаку царя, канцлер пригласил послов продолжать их речь. Послы просили, чтобы им дозволили тайное сообщение о персидском деле вместе со шведскими послами. Царь велел спросить послов об их здоровье и не имеют ли они в чем недостатка. Сим и окончился торжественный прием. Те же два боярина вывели послов из приемного зала; они воротились к себе на подворье прежним порядком шествия.

Вслед за тем на их подворье прибыл царский чиновник, княжеского рода, в сопровождении целой толпы прислужников, которые принесли столовый прибор, напитки и до 40 блюд с вареными, жареными и печеными кушаньями, для угощения послов и их свиты. После угощения князь роздал им золотые чаши с малиновым медом и пригласил выпить за здоровье царя. Потом пили здоровье герцога Голштинского, а в заключение здоровье наследника московского престола Алексея Михайловича. Послы дарили князю серебряный вызолоченный бокал, который тот велел торжественно нести перед собою и, воротясь во дворец, по московскому правилу, показал этот подарок царю.

На следующий день после царского приема голштинское и шведское посольство получили разрешение свободно выезжать в город, а также посещать друг друга. Такое разрешение было необычно и объяснялось особым расположением царя к этим обоим посольствам. Голштинцы воспользовались им, чтобы навещать или принимать проживающих в Москве служилых и торговых немцев, и прежде всего позвали их к себе на обед. В числе приглашенных находились один придворный врач и аптекарь. Но думный дьяк не позволил им приехать к послам, так как герцогские подарки еще не были оценены. В Москве был обычай подарки иностранных государей подвергать подробной оценке (конечно, в видах

отдаривания); а в числе голштинских подношений находилась химическая аптека, которую должны были оценивать придворные врач и аптекарь.

5 сентября голштинские и шведские послы имели по своим поручениям тайное совещание во дворце с комиссиею, в которую назначены были четыре сановника, а именно: боярин князь Борис Мих. Лыков-Оболенский, окольничий Вас. Ив. Стрешнев, думный дьяк и печальник Ив. Тарас. Граматин и думный дьяк Ив. Афан. Гавренев. Они были одеты в парчовые кафтаны, обложенные крупным жемчугом и дорогими камнями, с крестообразно повешенными на груди золотыми цепями. У боярина и окольничего на голове были, похожие на кардинальские скуфьи, шапочки, густо унизанные крупным жемчугом с алмазами посередине; а дьяки имели на себе обычные высокие шапки из черно-бурой лисицы. Бояре заняли места на лавке в переднем углу, послов поместили тоже на лавке вдоль стены, а дьяки сели против послов на скамье. Переводчики посольские, секретари и один русский писец (подьячий) присутствовали стоя и вели протокол; остальная свита осталась в передней комнате.

Князь Лыков встал и снял шапку; то же сделали и все другие. Проговорив полный царский титул, он объявил, что государь велел посольские грамоты перевести на русский язык и сам прочитал их. Затем Стрешнев с тою же обрядностию передал, что государь желает королеве шведской и герцогу голштинскому всякого благополучия и победы над врагами и что он внимательно читал их грамоты. Граматин таким же порядком объявил о государевом доверии к посольским грамотам и речам; а Гавренев сообщил о назначении комиссии из четырех членов и прочел их имена. Затем сначала шведское, а потом голштинское посольство читали свои письменные предложения. Голштинское было очень длинно; так что русские сановники, не дослушав его, взяли обе бумаги и пошли с ними к царю. Через полчаса воротился один Гавренев и объявил, что послы теперь могут ехать по домам, что предложения их будут немедленно переводиться на русский язык и затем будет приготовлен ответ.

Послы имели еще четыре заседания, с большими промежутками. Пятое, и последнее, уже без шведов, происходило

19 ноября. Тут голштинцам объявлено, что царь, по особой любви к герцогу, согласился на его просьбу о свободном проезде в Персию; но предварительно они должны воротиться в Голштинию и привезти оттуда утверждение заключенного договора.

В течение этого времени Олеарий продолжал вести свои заметки о тех сторонах русской столичной жизни, которые были доступны его наблюдениям. Разумеется, такими сторонами были по преимуществу разные общественные события и торжества, какими, например, являлись иноземные посольства и большие праздники.

Иноземные посольства, очевидно, сделались довольно часты в царствование Михаила Феодоровича; все они встречались и принимались с обычными обрядами; но большая или меньшая пышность приема зависела от степени их международного значения. Наиболее частыми и заурядными гостями в Москве были послы от разных татарских князей и ханов, которые приезжали не столько по делам, сколько за получением подарков. Из них выделялись, впрочем, крымские посольства, которых в Москве честили и дарили более других, ради удержания этого хищного народа от его опустошительных набегов на наши украйны; ибо, по замечанию Олеария, русские оборонительные меры, включительно с засеками, валами и рвами, будто бы «по сию пору весьма мало приносят пользы». 12 декабря он смотрел на въезд Крымского посольства, состоявшего из 72 человек. Потом он слышал, что царь целые три часа провел на их приеме и выслушивал их прошения, что они тут, по своему обыкновению, сидели на полу и всем им поднесли по чаше меду. Старшим членам посольства царь подарил парчовые кафтаны, а остальным из сукна и других материй; равно и шапки первым даны собольи, а вторым из другого меха. Возвращаясь из дворца на свое подворье, крымцы все эти подарки надели на себя поверх собственной одежды.

Ранее того Олеарий описывает пышный въезд турецкого посла, происходивший 17 сентября. В его встрече участвовало будто бы до 16 000 конницы, но у нее было только 6 знамен. Первое знамя, принадлежавшее гвардейскому отряду, было из белого атласа; на нем в кругу из лаврового венка был

изображен двуглавый орел, украшенный тремя венцами и с надписью: Vitute supero. Другие знамена были синие и красные с разными изображениями: грифа, улитки, руки с мечом, двуликого Януса. Автор записок полагает, что подобные эмблемы были сочинены под руководством иностранных офицеров, участвовавших в Смоленском походе. Впереди знамен ехали трубачи, флейтщики и барабанщики. В свите турецкого посольства состояло несколько греческих монахов и купцов. Сам посол был среднего роста, с желтоватым лицом и черною как смоль окладистою бородою; он был в белой чалме и белом атласном кафтане с пестрыми разводами, а верхнюю одежду имел парчовую, подбитую дорогим мехом. Его везли в белой русской колымаге, обвешанной дорогими златоткаными коврами, за которою тянулось более 40 подвод. Подъехав к городу, он пересел на прекрасную арабскую лошадь. Его поместили во вновь отстроенном (после пожара) Посольском дворе, который крепко заперли, и приставили надежную стражу. 23 сентября он имел торжественный царский прием. Подарки, привезенные этим посольством, состояли из кусков золотой парчи, необыкновенной величины жемчужины, рубина и алмазного перстня, украшенного золотом и драгоценными камнями пояса для сабли и дорогих конских уборов; а со стороны греков между прочими дарами поднесены были золотой крест с алмазами, несколько сосудов с мощами и шитая золотом, унизанная жемчугом риза.

1 сентября Олеарий видел церковное празднование Нового года, происходившее на дворцовой площади, с участием царя и патриарха. Но, сравнительно с приведенным выше уставом о трезвонах, он дает менее сведений о сем торжестве. Прибавляет, впрочем, следующую черту: в народной толпе было много людей с поднятыми вверх прошениями (челобитными), которые они с громкими воплями повергали к ногам государя. Прошения эти были подобраны с земли и отнесены в его покои. А 1 октября, в праздник Покрова Пресв. Богородицы, Олеарий наблюдал крестный ход, совершавшийся из Кремля в «изящно построенный» храм, посвященный этому празднику и Св. Троице (известный более под именем Василия Блаженного). В процессии участвовали царь

со всеми своими придворными и патриарх со всем своим духовенством; множество присутствовавшего народа выражало свое благочестие постоянным крестным знамением и поклонами. Царь и патриарх одни только взошли на небольшое возвышение, огороженное решеткою (Лобное место?); патриарх держал в руках книгу в богатом серебряном окладе (Евангелие) и золотой крест; священники читали молитвы; царь, сделав несколько земных поклонов перед книгою, приложился к ней и ко кресту; патриарх дотронулся сим крестом его чела и обеих ланит. После того они со всею свитою вошли в храм, где и совершилось богослужение. Греки, прибывшие с турецким посольством, также вошли в храм. Но христианам других исповеданий вход в русские церкви возбраняется.

12 октября Олеарий видел царскую поездку на богомолье в один из подмосковных монастырей, сопровождаемую двором и тысячью человек войска. Впереди ехал верхом царь, с плетью в руке. За ним красивыми рядами выступали на конях бояре и дворяне, по десятку в каждом ряду. Потом двигалась большая карета, сверху покрытая красным сукном, а по сторонам завешанная желтой тафтой и запряженная шестнадцатью белых лошадей: в ней сидела царица с сыном и дочерью. За нею следовали придворные боярыни и служанки в 22 деревянных каретах (колымагах), выкрашенных в зеленую краску и покрытых красным сукном, так же, как и вся конская упряжь. Кареты были плотно притворены и завешаны, так что нельзя было видеть сидящих внутри. На счастье Олеария, ветер несколько распахнул занавес у кареты самой царицы, так что голштинец мог увидать ее лицо и платье; последнее показалось ему роскошно и великолепно. (О лице же Евдокии Лукьяновны почему-то умалчивает; также не описывает и наружности Михаила Феодоровича.) Сотня стрельцов шла по сторонам каретного поезда, держа в руках белые трости (батоги), которыми они разгоняли сбежавшийся отовсюду народ. Сей последний с умилением смотрел на царскую семью и выражал пожелания ей всякого счастия и благополучия. (Это умиление лучше всего объясняет ту легкость, с которою было восстановлено и упрочено царское самодержавие.) Кстати, прибавим, что во второй

свой приезд в Москву Олеарий видел возвращение царя и царицы с богомолья, в июне месяце. За царем все так же ехали его бояре и дворяне, а за царицею 36 ее «боярышен и девиц», но не в колымагах, а верхом, по-мужски. (Собственно, постельницы и мастерицы.) Они были в красных платьях и белых шапочках, от которых вдоль спины висели длинные красные шнуры, а вокруг шеи имели белые покрывала. Они очень заметно были нарумянены. Обычай белиться и румяниться так распространился в высших и средних слоях русского общества, что сделался как бы обязательным. Олеарий рассказывает, что жена известного князя Ив. Бор. Черкасского, очень красивая женщина, не хотела было подчиниться этому обычаю, но подверглась такому злословию со стороны других боярынь, что принуждена была уступить.

16 декабря голштинские послы имели торжественный отпуск. Так как была уже зима, то за ними прислали не верховых лошадей, а двое прекрасных саней, обитых, одни красным атласом, другие красной камкой, обложенные внутри шкурой белого медведя, сверх которой лежали турецкие ковры. Хомуты на лошадях были вызолочены и увешаны лисьими хвостами: такое украшение для саней употреблялось знатными боярами и самим царем. Прием послов сопровождался теми же обрядами, как и в первое их представление. Им вручили ответные грамоты и после целования руки отпустили. В этот день им на подворье также принесли кушанья и напитки от царского стола; но кушанья состояли из вареной и жаренной на постном масле рыбы, по причине поста. Перед отъездом послы должны были раздать подарки царскому конюшему, ключнику и другим чинам, доставлявшим посольству коней, съестные припасы и напитки, а также приставам, переводчикам, писцам и пр. Кому поважнее дарили кубки и бокалы, а менее важным по нескольку рейхсталеров. Сами они получили от царя в подарок по нескольку сороков соболей, их кавалеры, камер-пажи и фурьеры по одному сороку, а нижние чины две пары или по паре соболей. 24 декабря 1634 г. все посольство на 80 подводах отправилось из Москвы в обратный путь.

Вторично же посольство, в увеличенном составе, прибыло в Москву в марте 1636 года; а 3 апреля имело торжествен-

ный царский прием с теми же обрядами и церемониями. Спустя два дня начались переговоры послов с тою же русскою комиссией из четырех членов; только место Граматина, уволенного за старостию, теперь занимал новый посольский дьяк и печатник Фед. Фед. Лихачев.

Вскоре после этого второго приезда Олеарию удалось видеть в Москве на Вербное воскресенье торжественную процессию Входа в Иерусалим. Послы не только получили от царя позволение присутствовать на сем торжестве, но им прислали лошадей и поставили их на возвышенном месте, откуда удобно было смотреть на крестный ход. Он начался от Успенского собора, в котором царь с боярами слушал литургию. Впереди на широких низких дрогах везли дерево, увешанное яблоками, финиками и изюмом; вокруг него сидели четыре мальчика в белой одежде и пели «Осанна»! За ними следовало духовенство в белых ризах с пением молитв, а некоторые и с дымящимися кадильницами, несли хоругви, кресты и образа, укрепленные на длинных древках. Затем шли гости или именитейшие купцы, дьяки, наконец бояре, некоторые с вербами в руках (изображавшими пальмовые ветви). А за ними шел царь в богатом облачении и с короной на голове. Его вели под руки два знатнейших советника, князь Ив. Бор. Черкасский и кн. Ал. Мих. Львов. Царь держал за длинный повод патриархову лошадь, изображавшую осла, а потому покрытую попоной с длинными ушами. Патриарх сидел на ней боком; он был в белом клобуке, унизанном крупным жемчугом и увенчанном также короною. В правой руке он имел золотой с драгоценными камнями крест, которым благословлял народ. По сторонам и позади него шли архиереи, архимандриты и старшие священники, кто с книгой, кто с кадилом. До 50 мальчиков в красных одеждах забегали вперед царя, снимали с себя эти одежды и постилали по дороге; иные вместо одежд расстилали разноцветные куски сукна. Крестный ход направился в церковь (собор Покрова Богородицы, или Василия Блаженного, собственно, в его Вход во иерусалимский придел); там все пробыли с полчаса и оттуда воротились в том же порядке. В благодарность за свое вождение патриарх в этот день подносит царю 400 рейхсталеров, т.е. 200 рублей. Сей обряд Ваий отправляется и по

другим главным русским городам их архиереями; причем место царя занимает областной воевода.

По поводу Пасхи внимание Олеария привлек к себе общий обычай христосования, сопровождаемого дарением крашеных яиц. Сам царь усердно исполняет этот обычай по отношению к своим придворным чинам и служителям. Мало того, в ночь под Светлое Воскресение, прежде чем отправиться в церковь, он посещает темницы, где оделяет заключенных яйцом и бараньим тулупом. Оборотную сторону Святой недели составляет ревностное посещение кабаков и других питейных лавочек и духовными, и светскими людьми, мужчинами и женщинами. Многие на Святой и на Масляной неделе так напиваются, что падают на улицах, родственники хлопочут увезти их домой, потому что наутро нередко таких свалившихся находят убитыми и донага ограбленными от воров и разбойников. Эти воры и разбойники делали небезопасными московские улицы, особенно по ночам. Их многочисленность Олеарий объясняет обилием и праздностию холопов, наполнявших дворы знатных людей: получая слишком малые деньги себе на прокорм, они обращаются к воровству и грабежам. Дерзость их простиралась до того, что иногда они нападали и среди белого дня. В пример сего Олеарий приводит Гартмана-Грамана, помянутого выше одного их главных царских врачей: однажды разбойники днем напали на него и хотели уже отрезать ему палец, на котором он носил перстень с печатью; но так как это случилось у ворот одного знакомого врачу боярина, то последний выслал своих слуг, которые и спасли Грамана. По ночам же обыватели, слыша на улице крики о помощи, обыкновенно остаются глухи, боясь от воров мести, которая выражалась грабежом, поджогом и убийством. Впоследствии против них приняты были меры: по ночам запрещено выходить без фонаря; на всех перекрестках расставлялась стрелецкая или солдатская стража, которая и задерживала всякого подозрительного человека, особенно тех, кто не имел фонаря и отправляла их в Приказ, где они подвергались допросу, а иногда и пытке.

Относительно холопов и вообще крепостных людей Олеарий подметил известную черту, т.е. что они очень привыч-

ны к рабству и менее всего жаждут свободы; отпущенные почему-либо на волю, они по причине бедности спешат снова закабалиться кому-либо за известную плату. Хорошо, по крайней мере, что теперь отец не может продать своего сына в рабство; но за долг он может закабалить или отдать своих детей в услужение на известное число лет, т.е. пока они не отработают этого долга. Ученый голштинец, говоря вообще о простом народе, погруженном в рабство, замечает следующее: «Хотя из любви к господам своим простолюдины могут сносить и вытерпливать многое, но если гнет этот переходит меру, тогда возбуждается опасное возмущение, которое грозит гибелью если не высшему, то ближайшему их начальству. Если однажды они вышли из терпения и возмутились, то нелегко бывает усмирить их; пренебрегая всеми опасностями, они становятся способны на всякое насилие и жестокость и делаются совершенно безумными людьми».

30 мая воспитатель царевича Алексея, Бор. Ив. Морозов, по царскому желанию, забавлял голштинцев соколиною охотою в окрестностях Москвы; а после охоты в палатке, разбитой на красивом лугу, угощал их водкой, медом, пряниками, астраханским виноградом и маринованными вишнями. Спустя ровно месяц после того, т.е. 30 июня, голштинское посольство у Симонова монастыря перед вечером село на судно и поплыло вниз рекой Москвой. Тот же Б.И. Морозов приехал проститься с ним; для чего привез разные дорогие напитки; его сопровождали музыканты, игравшие на трубах веселые песни. Получив от послов в подарок серебряную чару, боярин сел в их судно, и тут с их свитою пил и бражничал до утра; на прощанье глаза его слезились от избытка чувств и вина. 2 июля к вечеру посольство достигло Коломны и отсюда начало спускаться по Оке, а 11-го прибыло в Нижний Новгород, где и пересело на собственный, довольно большой трехмачтовый корабль, выстроенный голштинским мастером с помощью русских плотников из сосновых досок и названный в честь герцога Фридрихом. Тут послы пробыли около трех недель, пока корабль окончательно снаряжался и приготовлялся к плаванию. В Нижнем оказалась кирка и целая лютеранская община, почти в 100 человек, которую составляли иноземные офицеры, находившиеся на

царской службе, ремесленники и торговцы; часть этих иноземцев занималась пивоварением, винокурением и держала в аренде кабаки.

Нижегородским воеводою в то время был Василий Петрович Шереметев, племянник Федора Ивановича. За внимание к их людям, строившим корабль, послы поднесли ему подарок ценою в 100 рейхсталеров или 50 рублей. Воевода оказался человеком вежливым, приветливым и державшим весьма приличную обстановку. Он пригласил посольство к себе на угощенье. На дворе голштинцев встретили два человека и провели между расставленными по обеим сторонам слугами до лестницы. В передней их приняли два почтенные старика и проводили в покой, убранный коврами, занавесами, серебряными чарами и ковшами. Воевода стоял здесь, одетый в кафтан из золотой парчи и окруженный многими лицами, также в богатых кафтанах. Он сказал послам приветственную речь; потом пригласил их сесть за стол и предложил выпить за здоровье его царского величества, его герцогской светлости, а также и его посольства. Угощение состояло из медовых пряников, отличной водки и различных видов меду и сопровождалось приятными, содержательными разговорами со стороны хозяина, что немало удивило гостей, при их предубеждении в отношении к русским вообще.

30 июля голштинское посольство покинуло Нижний и поплыло вниз по Волге. Его корабль, имевший 120 футов длины, был плоскодонный, сидел в воде только 7 футов и вообще был приспособлен к плаванию по этой великой русской реке, уже тогда обильной мелями и перекатами; на случай безветрия он был снабжен 24 веслами, чтобы можно было идти без парусов. Но так как уровень воды в это время года значительно понизился, то путешественникам пришлось часто бороться с мелями, и первые дни они очень медленно продвигались вперед. Олеарий по всему пути упоминает встречные струги, плывшие снизу и нагруженные солью, икрою и рыбой, селения, видневшиеся по берегам, и небольшие города, каковы: Васильсурск, Козмодемьянск, Чебоксары, Кокшайск и Свияжск. Эти города, снабженные обыкновенно деревянными стенами и башнями, были заняты военными гарнизонами, державшими в повиновении татар и

других инородцев сего края. Спустя две недели по выезде из Нижнего путники достигли Казани. Она представляла сравнительно большой и также деревянный город, населенный татарами и русскими; но внутренний город или кремль был укреплен толстою каменною стеною с пушками, и ни один татарин сюда не допускался. Под Казанью голштинцы застали судовой персидский и черкесский караван, который ранее их выехал из Москвы. В этом караване находились персидский купчина, бывший посланником от шаха к царю, и черкесский князь Муцал из города Терки, получивший от царя по смерти своего брата его владение. (Этот вассальный или служилый мусульманский князь, по словам Олеария, будто бы был племянником известного Ивана Борисовича Черкасского; в действительности он приходился племянником Дмитрия Мамстрюковича.) Воеводою казанским на ту пору был Иван Петрович Шереметев, родной брат Нижегородского. Послы поднесли ему перстень с большим рубином. Но тут корабль простоял только день с чем-то и двинулся далее.

За Казанью берега Волги сделались более пустынны; местами виднелись уединенные дворы или «кабаки», вероятно существовавшие по преимуществу для продажи крепких напитков судовому рабочему люду. От Казани до Самары, на пространстве 350 верст, путники видели только один город, Тетюши, до того незначительный, что он был окружен даже не стеною, а частоколом или тыном. Ниже его они повстречали воеводу города Терки, который плыл на 8 судах, в сопровождении сильного стрелецкого конвоя; после обычного трехлетнего воеводства он возвращался в Москву. Его стрельцы сообщили голштинцам, будто до 3000 казаков поджидают их в разных местах. Если на дальнейшем пути по Волге бороться с мелями приходилось реже и легче, зато на передний план выступила опасность от разбоя волжских казаков, и весь этот путь сопровождался постоянными страхами и всякими военными предосторожностями. Голштинский корабль был снабжен пушками, порохом, железными и каменными ядрами; для стражи заранее нанято некоторое количество солдат и вся посольская свита вооружена мушкетами, учреждены постоянные и правильно сменявшиеся ка-

раулы; таким образом, корабль всегда был готов выдержать и отразить нападение казачьих лодок с их плохо вооруженной и беспорядочной толпой. Олеарий, между прочим, указывает и на знаменитый разбойничий притон, речку Усу на Самарской луке; причем передает, что в предыдущем году казаки захватили здесь целое судно, принадлежавшее богатейшему нижегородскому купцу. Близ этой речки он видел Соляную гору, где из копей добывалось огромное количество соли, которую отправляли отсюда вверх по Волге и в Москву. (Это, по-видимому, берега соседней речки Усолки с ее соляными ключами.)

По всей вероятности, принятые голштинцами предосторожности, постоянная вооруженная сила и постоянная готовность к бою избавили их от нападения; ибо казаки-разбойники действовали с расчетом и после предварительных разведок. Так посольство получило уведомление, что на его корабле в числе русских рабочих и гребцов замешалось четверо таких казаков. А на Овечьем броду (на пути между Самарою и Саратовым) путешественники встретили двух рыбаков, которые рассказывали, что еще за восемь дней до того ограбившие их казаки говорили об имеющем быть проходе большого корабля, принадлежащего немцам. О Саратове Олеарий замечает только, что он лежит при рукаве Волги в 4-х верстах от ее главного течения и что он заселен одними стрельцами, которые оберегают край от калмыков; последние кочевали от сих мест до Яика и Каспийского моря.

Далее по пути к Царицыну голштинский корабль соединился с помянутым выше персидско-черкесским караваном, среди которого находился русский посланник к персидскому шаху. Олеарий называет его Алексей Савинович Романчиков и сообщает, что сей посланник был чиновник лет 30, умный, ловкий и очень любознательный, так что впоследствии, во время совместного пребывания в Персии и обратного пути, он научился у голштинцев латинскому языку и употреблению астролябии. Персидско-черкесский караван сопровождали более 400 конвойных стрельцов. Во время плавания все эти посольства, купно с князем Муцалом, взаимно посещали и угощали друг друга. Город Царицын оказался также заселенным одними стрельцами, которые дер-

жали стражу против ногайских татар и казаков и должны были охранять проходящие суда. Но и сами стрельцы терпели от разбойников. По словам Олеария, вот что случилось незадолго до прибытия голштинцев. Казаки заметили, что жены и дочери царицынских стрельцов ежедневно отправляются на один большой остров доить коров, и иногда без охраны. Тогда они выбрали удобное время, захватили женщин и подвергли насилию, а потом отослали их домой к стрельцам. В 10 верстах за Царицыном путники видели на высоком берегу виселицу, на которой местный воевода вешает разбойников-казаков. От этого города вплоть до Каспийского моря идет страна пустынная, песчаная и бесплодная, так что лежащий ниже город Черный Яр и сама Астрахань получают весь хлеб по Волге из других мест, преимущественно из Казани. Черный Яр был огорожен крепким дощатым забором с 8-ю башнями и также населен был одними сторожевыми стрельцами. Против каждого угла этого городка в некотором расстоянии от него стояли караульни, утвержденные на 4-х высоких столбах; из них стрельцы наблюдали окрестную страну, которая имеет совершенно ровную поверхность без единого кустарника. Самый этот городок построен по следующему поводу. По Волге в тех местах плыл большой караван с полутора тысячами народу и со стрелецким конвоем. Заметив, что судно со стрельцами шло впереди на расстоянии ружейного выстрела, казаки спрятались по берегу именно там, где Волга имеет наиболее быстрое течение. Они дали стрельцам проплыть мимо, а затем напали на караван, успели разграбить его и перебить половину его людей прежде, чем стрельцы, задержанные течением, могли прийти на помощь. Казаки поспешили к берегу, сели на коней и ускакали.

Разумеется, путешествуя по Волге, иноземцы более всего могли наблюдать ее рыбное богатство и самим изведать все его разнообразные породы. Так, когда они миновали Черный Яр, то вечером несколько рыбаков привезли им на корабль огромного жирного карпа, весом в 30 фунтов, и 8 других больших рыб; причем рыбаки отказались от всякого денежного вознаграждения на том основании, что эта часть Волги находилась на откупу у одного московского крупного

купца, который подверг бы их тяжкому взысканию, если бы узнал, что они продали хотя одну маленькую рыбку. Путешественники дали рыбакам водки, и те отплыли очень довольные. В некотором расстоянии от Астрахани иноземцы встретили две барки, нагруженные крупным местным виноградом, персиками и дынями; они купили некоторое количество сих плодов и нашли их превкусными. Во время плавания по нижней Волге Олеарий указывает на главные рукава, которые постепенно от нее отделялись, и на множество образующихся отсюда островов. А по берегам виднелись большие стаи зобовых гусей, которые русские называли бабами. 15 сентября рано поутру голштинцы миновали рукав Бальчик, за 15 верст от Астрахани; а в полдень достигли самого города и прибытие свое возвестили залпом из пушек, что немало удивило жителей, сбежавшихся на берег. Следовательно, путешествие их только по Волге от Нижнего длилось полтора месяца.

Внутри Астрахани на возвышенном месте построен кремль с каменными стенами и башнями; он вооружен будто бы 500 пушек и занят сильным гарнизоном; одних стрельцов здесь было 9 приказов, по 500 человек в каждом. В самом городе (посаде) кроме русских пребывают персияне, индийцы, бухарцы, армяне, крымские и ногайские татары. Все эти народы ведут значительную торговлю разного рода товарами, так что одних пошлин собирается здесь в царскую казну до 12 000 рублей. Татарам, однако, не дозволяется иметь постоянное жительство в городе; а живут они за городом в своих войлочных кибитках и летом перекочевывают с места на место ради свежих пастбищ для своего скота. В то время ногайские татары сильно страдали от нападений калмыцких орд, для обороны от которых им выдавалось на известный срок оружие из русских казенных складов. Они имеют собственных начальников и судей; но, для обеспечения покорности, всегда несколько их князей и мурз содержались заложниками в Астраханской крепости. До какой степени русское начальство здесь относилось ко всему осторожно и даже подозрительно, голштинское посольство испытало само на себе. Хотя послы первым делом поднесли в подарок большой бокал главному воеводе (которым тогда был окольничий

Федор Васильевич Волынский), однако воевода, соблюдая наружную вежливость, имел зоркое наблюдение как за ними, так и за другими посольствами, и вообще не стеснялся выказывать свою власть перед иноземцами. В Астрахани голштинцы, имея в виду предстоявшее путешествие в Персию, особенно старались сблизиться с помянутым выше персидским посольством и с местными персидскими купцами. Тут общительность и любезность (даже льстивость) персиян невольно бросались им в глаза «после грубости русских». Двое богатейших персидских купцов устроили им торжественный прием и роскошное угощение. Вместе с голштинским посольством на приеме присутствовали персидские и польские послы; последние возвращались из Персии и по своему званию принадлежали к монашеским орденам. Но сюда же явились два русских чиновника, знавшие персидский язык, конечно, для наблюдения за тем, что будет говориться. Один из двух голштинских послов, Бругман, желая угодить хозяевам, начал бранить турок, с которыми Персия тогда была в неприязни, а Москва, наоборот, дружила. Персы, как ловкие дипломаты, тотчас попросили Бругмана оставить этот разговор и перейти на другой предмет. Латинские же монахи были удалены с этого пира по распоряжению воеводы. Один ногайский мурза хотел угостить голштинцев соколиною охотою, но воевода не дозволил.

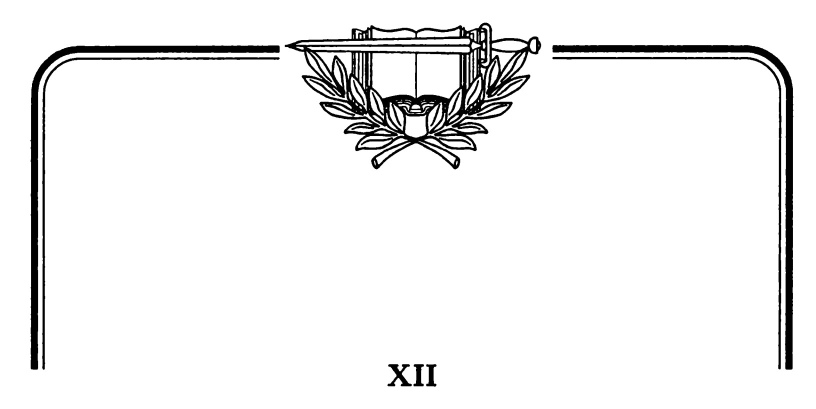
Названный сейчас посланник Бругман, отличавшийся вообще грубым, сварливым характером, во время предыдущего плавания очень дурно обращался с состоявшим при посольстве русским приставом, которого Олеарий называет Родионом Матвеевичем. Этот пристав в Астрахани пожаловался воеводе. По сему поводу секретарь посольства принужден был в воеводской канцелярии выслушать выговор с замечанием, что посланник не имел права неприличными словами ругать царского чиновника, а в случае какой вины со стороны последнего должен был принести на него жалобу начальству.

В Астрахани Олеарий познакомился с замечательным монахом, положившим начало местным виноградникам. Персидские купцы как-то привезли сюда виноградные лозы. Монах посадил их у себя в загородном монастыре. Когда же

они принялись и стали хорошо расти, тогда по приказанию Михаила Феодоровича монах развел целый виноградник; а по его примеру потом и другие астраханские граждане стали при своих домах заводить такие же сады. Во время Олеария астраханцы выделывали уже столько вина, что несколько десятков бочек его ежегодно доставляли в Москву; а главным виноградарем у них явился некий Ботман, обучавшийся в Готторпе у придворного герцогского садовника.

Когда путешественник видел помянутого монаха, последнему было 105 лет от роду. Он происходил из Австрии (вероятно, из австрийских славян), мальчиком был взят в плен, попал в Россию, где его перекрестили в православие и отослали в житье в Астраханский монастырь, в котором впоследствии сделали настоятелем. Свое долголетие он объяснял вообще здоровым климатом страны и говорил, что в ней много очень старых людей.

Астраханью мы закончим свое извлечение из Олеариевых записок о путешествии голштинского посольства по России[19].



XII

УСПЕХИ ЦЕРКОВНОЙ УНИИ В ЗАПАДНОЙ РУСИ И МИТРОПОЛИТ ПЕТР МОГИЛА

Потей как униатский митрополит. — Виленское Святодуховское братство. — Архимандрит Сенчило. — Рутский и Кунцевич. — Задворный суд. — Покушение на жизнь Потея. — Кончина Гед. Балабана. — Продолжение литературной борьбы. — Мелетий Смотрицкий и его Фринос. — Рутский как преемник Потея. — Плетенецкий. — Киевское братство. — Гулевичевна и Богоявленская школа. — Сеймовая речь о бедственном состоянии Западнорусской церкви. — Возобновление православной иерархии. — Иов Борецкий. — Фанатизм Кунцевича и его убиение. — Усилившиеся гонения. — Отступничество Смотрицкого и его Апология. — Петр Могила и киевский Собор 1628 г. — Просветительная деятельность П. Могилы как Печерского архимандрита. — Исаия Копинский. — Перемена церковной политики при Владиславе IV. — П. Могила как Киевский митрополит. — Примирительные планы нового короля. — Варшавский сейм 1635 г. — Распределение церквей и происшедшие отсюда столкновения. — Киево-Могилянская коллегия. — Собор 1640 г. — Литос. — Требник. — Отступничество Иеремии Вишневецкого. — Посольство П. Могилы к царю Михаилу Феодоровичу. — Кончина Могилы. — Гонения в Полоцке. — Грубые суеверия. — Афанасий Филиппович. — Значение вероисповедной борьбы в Западной Руси.

Церковно-политический пожар, зажженный в Бресте иезуитской интригой и ограниченным, фанатичным королем, в течение первой половины XVII столетия распространился на обе части Западной Руси, т.е. на северо-западную или великое княжество Литовское и на юго-западную или Киевщину, Волынь, Галицию и прочие русские области, вошедшие в состав польской короны. Вопрос об исходе жар-

кой борьбы православия с унией решался, конечно, в главных средоточиях той и другой части, т.е. в Вильне и Киеве.

Униатский митрополит Ипатий Потей энергично стремился к тому, чтобы все виленские православные храмы отобрать на унию и совсем изгнать из них православное богослужение. Но он встретил деятельное сопротивление со стороны Троицкого братства, которое отныне, вернее, называть Святодуховским; ибо из Троицкого монастыря оно перешло по соседству и устроилось при церкви Св. Духа; сюда же перевело и свою школу. Тут оно учредило свой собственный братский монастырь и имело своих особых священников, которые были посвящены большею частию львовским епископом Гедеоном и не признавали духовной власти Потея. Сей последний позвал их к королевскому суду и добился их банниции или изгнания; в то же время он пытался отнять у братства его имущества и закрыть его школу. Не находя защиты у местных властей, братчики стали обращаться с своими протестами к сеймикам, а чрез них и к генеральным сеймам и добивались права, чтобы их тяжбы были разбираемы не задворным (королевским) судом, а трибунальным. В числе этих братчиков находились еще некоторые значительные лица, например, князья Огинские и смоленский воевода Абрамович, которые, пользуясь правом патронатства, отстояли имущества братства и Святодуховскую церковь, основанную ими и их родственниками на привилегированной шляхетской земле.

В своей борьбе с православием Ипатий Потей с особою силою напирал на то измышление, по которому уния будто бы не составляла какого-либо нововведения, а существовала издавна, т.е. будто бы русская иерархия в великом княжестве Литовском всегда признавала над собою папскую власть. Такое измышление он даже пытался доказывать историческими документами. Так, в 1605 году униатский митрополит лично прибыл в Виленскую ратушу со старою славянскою рукописью в руках и показывал ее бурмистрам и райцам. Эта писанная уставом рукопись, по его словам, была найдена в Кревской церкви; она заключала описание Флорентийского собора и, кроме того, униженное послание киевского митрополита Мисаила к папе Сиксту IV, написанное

в 1476 году. По просьбе Потея члены ратуши (большею частию католики и униаты) своими подписями засвидетельствовали древность и подлинность рукописи, которую он потом напечатал, но не церковно-славянским, а латино-польским шрифтом. Этот документ, в сущности, указывал только на некоторые прежние, и притом неудавшиеся попытки к унии; тем не менее Потей считал вопрос решенным и на том же основании устроил при Троицком монастыре свое униатское братство, утверждая, что оно-то и есть продолжение или наследник древнего, одаренного королевскими привилегиями и разными имуществами, а что Святодуховские братчики суть отступники от него, не имеющие никаких юридических оснований. Во главе этого униатского братства стало такое значительное лицо, как новгородский воевода Федор Скумин Тышкевич, известный отступник от православия. Однако попытки униатов отнять у Святодуховского братства дома и другое имущество, вместе с королевскими грамотами, не удались. Король хотя и ревностно помогал униатам, однако далеко не все мог сделать при своей ограниченной власти. К тому же разразившееся около того времени восстание Зебжидовского побудило его хотя бы временными уступками успокоить негодующее православное население. Генеральные сеймы, по интригам королевско-иезуитской партии, уже не один раз отлагали до будущей сессии свое решение по жалобам православных на чинимые им притеснения, имущественные и вероисповеданные. Но в 1607 году, под впечатлением названного восстания, сейм подтвердил старые права Православной церкви и верховную власть над нею константинопольского патриарха; причем поставил эти права под охрану суда Трибунального; а тяжбные дела о церковных и духовных имуществах предоставил ведать обычным местным судам и отменил введенные было смешанные суды (compositi judicii), которые состояли наполовину из светских, наполовину из католических духовных лиц и, конечно, действовали против православия в пользу унии.

В эту эпоху успехи унии замедлились. Православные вступили с нею в более активную борьбу и громко заявляли, что Ипатий Потей, как ослушник своего владыки константинопольского патриарха, отлученный от Церкви, не может

быть епископом владимирским, а тем менее митрополитом киевским, и потому необходимо поставить настоящего, православного митрополита, чтобы Русская церковь не оставалась без своего законного архипастыря. Даже в среде униатского духовенства произошли некоторые отпадения и возвращение к православию. Особенно много хлопот Потею наделали виленские архимандрит Сенчило и протопоп Жашковский.

Родом виленский мещанин Самуил Сенчило был монахом Супрасльского монастыря. Вместе с его настоятелем князем Масальским он противился введению унии, за что был изгнан патроном этого монастыря Иеронимом Ходкевичем. Вскоре потом он раскаялся и был принят в Троицкий Виленский монастырь, где своим смирением снискал расположение Потея. Последний возвел Сенчила в сан архимандрита и поручил ему управление как монастырем, так и всеми его имуществами и землями; ибо, с согласия и с помощью короля, униатский митрополит добился того, что виленские бурмистры были устранены от всякого вмешательства в это управление (1605 г.). Около того же времени во главе белого виленского духовенства появился Варфоломей Жашковский. Родом галичанин, он состоял безженным священником в городе Ярославле, Перемышльской епархии. Уличенный в любовной связи, он был местным епископом отлучен священства; после разных скитаний принял унию и обратился к покровительству Потея. Как бойкого, красноречивого проповедника, Потей возвел его в достоинство протопопа Пречистенского собора и наместника своего над виленским белым духовенством, взяв с него письменное обязательство не изменять ему, митрополиту, и унии.

Но вскоре сам Потей изменил своему доверию к сим двум лицам и возвысил над ними своего нового любимца, Иосифа Велямина Рутского.

Этот Рутский, которому судьба готовила большую роль в истории унии, был происхождением из Московской Руси, сын воеводы Вельяминова, подобно Курбскому передавшегося неприятелям во время войны Ивана Грозного с Сигизмундом Августом (1568) и награжденного от короля поместьями; по одному из них, Руту (в Новгородском воеводстве),

он получил название Рутского. В молодости своей Иосиф обнаружил охоту к учению и увлекался протестантизмом; но попал в руки иезуитов и отправился для довершения своего образования в Рим. Ввиду выдающихся способностей, иезуиты отклонили явный переход его в католичество; они рассчитали сделать из него ревностного, полезного для унии деятеля и не ошиблись. Потей желал преобразовать русские монастыри в духе католических орденов, по образцу грекоуниатской конгрегации св. Василия в Риме. Когда Рутский воротился в отечество, иезуиты указали на него Потею как на человека вполне знакомого с устройством этой конгрегации. Потей сам постриг его в иноки (1606), поместил в Троицком монастыре и поручил ему ведение новооткрытою монастырскою школою вместе с надзором за послушниками и молодыми монахами.

Здесь, в Троицком монастыре, Рутский сошелся и подружился с другим будущим знаменитым деятелем унии, Иосафатом Кунцевичем. Последний был родом из Владимира Волынского, сын сапожника. Отец думал сделать из него торговца и поместил его на службу к одному виленскому купцу. Но молодой Иван Кунцевич любил читать книги и стал посещать уроки иезуитской академии, чтобы пополнить свое скудное образование. Наконец, отдаваясь влечению к Церкви, он вступил в Троицкий монастырь и принял пострижение от самого Потея, который нарек его Иоасафом (1604). Руководители-иезуиты направили его, так же, как и Рутского, не в католичество, а именно в унию, предуготовляя в нем ревностного ее подвижника. Кунцевич не владел такою ученостию и таким изворотливым умом, как его друг Рутский, но превосходил его своею дерзостию и пламенным красноречием, благодаря которому он так успешно потом совращал православных в унию, что получил от них прозвание «душехвата».

Пребывая сам в своей Владимирской епархии, Потей назначил своего любимца Иосифа Рутского митрополичьим наместником в Виленской епархии (1608). Деятельность его, конечно, наиболее почувствовалась в самом городе Вильне и белым и черным духовенством, а в особенности Троицким монастырем, доходы которого митрополит отдавал в его рас-

поряжение. Понятно, что такое назначение сильно задело интересы и самолюбие как троицкого архимандрита Сенчила, так и протопопа Жашковского. Они немедленно соединились для общей оппозиции и начали возбуждать виленских священников к непризнанию власти нового наместника.

Со стороны виленского духовенства последовали протесты против его назначения, обращенные и в русское отделение лавицы (часть магистрата), и к самому Потею, и в Виленский гродский суд. В городе началось сильное волнение. Тщетно призывая Сенчила к своему суду, митрополит заочно приговорил его к лишению сана и отлучению от Церкви. В ответ на этот приговор протестующие вписались в православное Святодуховское братство и объявили, что более не признают Потея своим архипастырем; ибо он сам нарушил свою присягу: обязавшись не вводить никаких новых порядков, противных Восточной церкви, он, наоборот, стал постепенно подчинять ее духовным латинским властям, назначил своим наместником ксендза Рутского, который отказал в повиновении своему архимандриту, и т.д. Таким образом, большая часть виленского духовенства, принявшего унию, отказывалась от нее и возвращалась в православие.

По одному не совсем достоверному рассказу, чтобы удалить Рутского из Троицкого монастыря и очистить этот монастырь от униатов, духовенство втайне составило такой план: во время ночной службы с 5 на 6 декабря собраться православным братчикам в возможно большем числе; архимандрит Сенчило в полном облачении соборне, имея с собою Рутского, выйдет для великого славословия на средину церкви; тут он толкнет Рутского в толпу со словами: «Иди вон, еретик»; а толпа подхватит его и выпроводит за дверь. Но участники сего заговора будто бы вздумали привлечь на свою сторону Кунцевича и умоляли его оказать им свое содействие. Это обстоятельство погубило их план. Кунцевич предупредил иезуитов и своего друга. Разумеется, против заговорщиков были приняты все меры со стороны светских и духовных (католических) властей города; о чем усердно хлопотал присланный Потеем в Вильну его секретарь Моховский. Означенную ночь с субботы на воскресенье магистрат провел в заседании с готовою стражей под рукой; цехи

вооружились и расхаживали по улицам с выстрелами и угрозами против православных (святодуховских) братчиков; подвоевода прислал из замка военный отряд в Троицкий монастырь. Таким образом, в эту ночь здесь не произошло никакого движения.

Тем не менее, вопреки назначению Рутского настоятелем Троицкого монастыря, Сенчило упорствовал и не хотел покинуть его, ссылаясь на королевские привилегии. Вместе с некоторыми священниками и светскими представителями Святодуховского братства он явился на Варшавском сейме следующего, 1609 года и представил на его решение свою распрю с Потеем. Напрасно сей последний лично прибыл в Варшаву и повторял свою новую теорию о стародавности унии и отщепенстве православных. Настроенный не в пользу королевско-иезуитской партии, сейм подтвердил те постановления, которые были сделаны два года тому назад. Отпадение священников от унии из Вильны распространилось и на другие города. Положение ее казалось критическим. Но король, возбуждаемый папским нунцием, энергично поспешил ей на помощь. Вопреки сеймовому постановлению, он выдал Потею грамоты, приказавшие отобрать Пречистенский собор и другие виленские церкви у непослушных священников; особыми декретами назначил Рутского архимандритом Троицкого монастыря, а Сенчила объявил баннитом, т.е. осудил на изгнание. Православное население Вильны волновалось и готово было силою воспротивиться этим декретам. Православные члены ратуши, державшие сторону Святодуховского братства, подали в Трибунальный суд жалобу на незаконные действия Потея и Рутского. Но последние отказались явиться перед ним и требовали суда, смешанного из равного числа светских членов трибунала и духовных лиц Католической церкви. Несмотря на отказ светских членов, духовные лица собрались и постановили приговор в пользу Потея и Рутского. Главный трибунал кассировал их решение. Тогда униатская иерархия обратилась к задворному или асессорскому суду, т.е. к суду самого короля, который в это время прибыл в Вильну, отправляясь в свой знаменитый поход под Смоленск.

Королевский или задворный суд составился из нескольких сенаторов под председательством литовского канцлера Льва Сапеги. Этот суд отменил приговор Трибунального суда. Затем привлекли к суду за подстрекательство народа к неповиновению и за оскорбление величества двух членов ратуши и вместе Святодуховского братства, Ивана Тупеку и Исаака Кононовича, и приговорили их к смертной казни. Король смягчил наказание и только навсегда отрешил их от общественных должностей. Ипатий Потей также прибыл в Вильну. Королевский дворянин с вооруженным отрядом отправился к Пречистенскому собору, отбил замки и ввел в него Потея, которому передал и церковную казну, и митрополичий дом. Потом таким же способом постепенно были отобраны у православных и другие виленские церкви, числом до 15, и переданы униатскому митрополиту со всеми их скарбами; между прочим, передали ему икону Богоматери (Остробрамской), почитаемую за чудотворную. Эта святыня хранилась в Перенесенском храме Св. Николая, и со стороны униатов было опасение, чтобы протоиерей Жашковский при своем бегстве из Вильны не похитил иконы вместе с другими там же сохранявшимися драгоценностями. Убедясь в их целости и поклонившись образу Богородицы, Ипатий Потей из этого храма отправился в дом католического епископа, где остановился папский нунций, Франческо Симонетта, — чтобы принести ему свою благодарность за усердное содействие делу унии.

В дорогой сутане с золотым крестом на груди и с архипастырскою тростью в правой руке, Потей с гордою самодовольною осанкою возвращался от нунция (11 августа 1609 г.). Но когда он проходил по рынку и поравнялся с ратушею, вдруг какой-то гайдук бросился на него и замахнулся саблею. Потей невольно поднял левую руку. Мгновенно два пальца этой руки были отрублены, затем сабля опустилась на шею; но золотая цепь, на которой висел крест, ослабила удар, и на шее осталась только царапина. Гайдук был тотчас схвачен свитою Потея и жестоко избит. Раненого иерарха отнесли в ближний дом; сюда немедленно прибыли король и некоторые вельможи с выражениями своего участия. Велямин Рутский отслужил благодарственный молебен за сохра-

нение жизни Потея, причем его отрубленные пальцы положил на алтаре Троицкой церкви. Несмотря на страшные пытки, преступник не указал никаких соумышленников, утверждая, что он один решился на такое дело по ревности к своей вере, мстя митрополиту за отобрание церквей у православных. Затем его казнили.

Тщетно приспешники Потея старались набросить на Святодуховское братство подозрение в соучастии этому преступлению. Никаких улик не оказалось. Тем не менее сие событие ясно обнаружило сильное возбуждение, в каком находилось тогда православное население Белорусского края. Однако никакого взрыва не последовало. Только в следующем, 1610 году мрачное народное настроение совпало со страшным пожаром, который 21 июня истребил центральную, самую лучшую часть Вильны; причем сгорели богатые католические монастыри, Францисканский и Доминиканский, католическая семинария, иезуитская коллегия, кафедральный костел Св. Станислава, собор кальвинистов, еврейская синагога и несколько церквей из числа отобранных на унию. Погоревшие части города вскоре вновь отстроились и оправились; но с пожаром погибло много памятников местной русской старины. Удар, нанесенный в предыдущем году православно-русскому элементу виленского населения, навсегда подорвал его: католичество и уния торжествовали; вместе с их торжеством быстрее пошло ополячение населения. В Вильне только Святодуховский монастырь с своим братством неизменно сохранял православие. Архимандрит Сенчило после долгой и тщетной борьбы с Потеем сдался и стал молить о прощении. Его мольбу поддержали сам Рутский, знатные вельможи Тризна и Скумин Тышкевич. Потей потребовал торжественного и письменного покаяния. Сенчило, вероятно, исполнил это требование. Потом мы видим его наместником Супральского монастыря, уже обращенного в унию.

Подобно тому как в Вильне, борьба православия с унией кипела и в других центрах Западной Руси с переменным успехом, но при явном перевесе унии, которую поддерживали король и вообще светские власти Речи Посполитой. В 1607 году скончался епископ львовский Гедеон Балабан, один из

главных столпов православия, в течение десяти лет энергично отстаивавший не только свою епархию от унии, но и заменявший для всей Западнорусской церкви православного митрополита, как экзарх Цареградского патриарха. Под конец жизни он примирился с Львовским братством и заодно с ним трудился над основанием училищ и типографий, над печатанием богослужебных и учительных книг. По настояниям братства, преемником Гедеона львовское духовенство избрало православного шляхтича Тиссаровского, который получил утверждение от короля, надеявшегося на принятие им унии, но обманувшегося в этой надежде. В 1610 году скончался другой столп православия, перемышльский списком Михаил Копыстенский; его преемником Ипатию Потею удалось поставить униата Крупецкого. Напрасно православное духовенство и паства не хотели признать его своим пастырем и не пускали в свои церкви и монастыри, даже подвергли его побоям. С помощью военных людей он насильно водворился на этой кафедре и стал вводить унию [20].

Начавшаяся тотчас после Брестского собора литературная борьба с унией деятельно продолжалась. В эпоху Ипатия Потея на этом поприще со стороны православных наиболее замечательными произведениями являются следующие: во-первых, «Вопросы и ответы православному с папежником» (1603 года); здесь, под видом беседы двух лиц, неизвестный автор излагает различие между православием и католичеством и доказывает, конечно, превосходство первого. Во-вторых, уже упомянутая выше «Перестрога» (предостережение), искусно, с знанием дела написанная неизвестным священником во Львове (1605 г.) и подробно рассказывающая печальную историю унии. Особенно замечательна та часть этого сочинения, где автор доказательно опровергает предание Католической церкви об апостоле Петре, как основателе христианской общины в Риме; причем обнаруживает значительную эрудицию по отношению к Св. Писанию и церковным писателям. В-третьих, знаменитый «Фринос» Мелетия Смотрицкого.

Отец его Герасим Смотрицкий, гродский писарь Каменецкий, был человек очень образованный, а потому когда князь Константин — Василий Острожский основал у себя в

Остроге гимназию (около 1580 г.), то упросил Герасима быть ее ректором. Сюда же князь вызвал и ученого грека Кирилла Лукариса. Под их руководством получил свое первоначальное образование Мелетия; в этой школе он обучался языкам: славянскому, греческому и латинскому. Обнаружив блестящие способности, мальчик по смерти отца поступил в опеку князя Острожского, который отдал его для дальнейшего образования в Виленскую иезуитскую коллегию. Потом он вместе с молодым князем Соломерецким был отправлен за границу, где довершил свое образование в немецких протестантских университетах. Таким образом, он близко ознакомился с католическим и протестантским учением и с европейскою наукою, оставаясь преданным православию. Когда он воротился на родину, его поразило печальное состояние Русской церкви и народности, угнетаемых униатами и католиками: Ипатий Потей в это время торжествовал свою победу над православным духовенством. Меж тем как русские горожане делались униатами, знатные или дворянские роды переходили прямо в католицизм и примыкали к польским магнатам и шляхте.

Смотрицкий излил свою скорбь целой книгой, которую озаглавил «Фринос» или «Плач единой апостольской Восточной церкви с объяснением догматов веры», и издал ее в Вильне (1610 г.) на польском языке под псевдонимом Феофила Ортолога. Тут в лице этой Восточной церкви он оплакивает ее бедствия, обвиняя в них ее отступников, в том числе и Потея. Не ограничиваясь, собственно, плачем, он входит в опровержение латинского учения о папстве, исхождении Св. Духа, чистилище, опресноках, неполной евхаристии и пр.; умаляет отступников покаяться и воротиться к своей родной матери, т.е. Восточной церкви. Между прочим, в этом плаче находится следующее, можно сказать, классическое место. Православная церковь, оплакивая потери своих лучших сынов, ушедших в католичество, восклицает: «Где тот бесценный камень, который и между иными перлами, как солнце между звездами, носила в короне на главе моей? Где дом князей Острожских, сиявший более всех других блеском своей старожитной веры? Где и другие драгоценные камни той же короны: князья Слуцкие, Заславские, Вишневецкие,

Збаражские, Сангушки, Чарторыйские, Пронские, Рожинские, Соломерецкие, Головчинские, Красинские, Масальские, Горские, Соколинские, Лукомские, Пузыны и прочие, которых перечислять было бы слишком долго? Где и иные мои драгоценности — где древние, знатные, мощные, в целом свете славные своим мужеством и доблестию: Ходкевичи, Глебовичи, Кишки, Сапеги, Дорогостайские, Войны, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкие, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойские, Семашки, Гулевичи, Ярмолинские, Калиновские, Кирдеи, Загоровские, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновские, Скумины, Поцеи?»

Красноречивый «Плач» произвел большое впечатление на современников и высоко поставил Смотрицкого в глазах православных. Наиболее крупные писатели противного лагеря пытались ослабить это впечатление своими возражениями. Так, знаменитый Скарга ответил сочинением, которое назвал: «Предостережение Руси греческой веры против Плача Феофила Ортолога»; а потом Илья Мороховский издал «Утоление Плача Восточной церкви, измышленного Феофилом Ортологом». Они защищали Римскую церковь от его нападок и старались выставить автора не столько православным, сколько последователем Лютера и Кальвина, так как он действительно пользовался ими в своих сильных и ядовитых нападках на Римское папство. Не довольствуясь литературною борьбою, католики и униаты постарались добыть от короля Сигизмунда повеление взять из друкарни Виленского братства оставшиеся экземпляры Фриноса и сжечь, а самую друкарню тоже отобрать. Тогда братство на время перенесло типографию из Вильны в имение одного из своих членов, князя Богдана Огинского (местечко Евве), и там продолжало печатать священные и богослужебные книги.

В 1613 году умер Ипатий Потей во Владимире-Волынском. Никто из униатских иерархов не превзошел его своей энергией и не сделал столько для успехов унии. Преемником себе на митрополию он сам назначил Велямина Рутского. Король особою грамотою подтвердил это назначение. А потом папа прислал утверждение чрез своего нунция в Польше. Но, получив митрополию с ее имуществом, Рутский

не наследовал богатое епископство Владимирское, которое, по желанию того же Потея, король передал Мороховскому. В первую эпоху своей деятельности в качестве униатского митрополита Рутский особенное внимание обратил на устройство монастырей. Он постарался объединить все униатское монашество, сообщив ему один общий устав св. Василия и сделав из него особый Базильянский орден, по образцу ордена Иезуитского. Он освободил монашество от власти епархиальных архиереев, и подчинил его выборному из его же среды протоархимандриту с советом из четырех лиц; сами униатские архиереи впредь должны быть выбираемы из членов этого Базильянского ордена. Одежду свою униатские монахи устроили по образцу католических; вместо клобука или каптура они стали ходить с открытою головою, закинув назад капу.

Наименее успеха в эту эпоху имела уния в южной половине Западной Руси, и особенно в Киевщине. Пока был жив киевский воевода знаменитый князь Константин — Василий Острожский, он энергично противился введению унии в своем воеводстве. Но в 1608 году скончался этот подвижник православия слишком восьмидесятилетним старцем; а после него киевским воеводою был назначен известный гетман Станислав Жолкевский. Теперь Ипатий Потей успел фактически завладеть кафедральным Софийским собором (находившимся, впрочем, уже в состоянии запустения и разрушения), и назначил в Киев своим наместником протопопа Антония Грековича, бывшего иеродиаконом виленского Святодуховского братства, но изменившего православию; его же Потей сделал игуменом Выдубецкого монастыря, чтобы тот мог пользоваться для своего содержания имениями сего монастыря. Но киевские священники не признали его своим протопопом, а запорожские казаки грозили его убить. (Эту угрозу они исполнили десять лет спустя, утопив его в Днепре.) Монастыри Михайловский, Межигорский и Кирилловский также отказались подчиниться власти униатского митрополита. Тщетно Потей жаловался королю и вносил свои протестации в судебные книги. Вообще в Киеве уния вызвала довольно дружный отпор и возбудила живое движение среди православных. Главным исходным пунктом для этого

движения служила Киево-Печерская обитель; а наглядным образом оно выразилось особенно в основании Киево-Богоявленского братства и тесно связанной с ним школы, из которой впоследствии возникла знаменитая Киевская академия.

После Никифора Тура, отстоявшего Киево-Печерскую лавру и ее имения от захвата латино-униатских властей, архимандритом этой лавры является известный западнорусский писатель и ученый муж Елисей Плетенецкий (1599—1624), происходивший из шляхетской фамилии; с него, собственно, и начинается просветительное значение лавры. Продолжая энергично бороться с латино-униатскими властями, он в то же время прилагал особые старания для внутреннего ее благоустройства и обратил ее богатые имущества на создание при ней тех просветительных учреждений, которыми упредили ее Вильна, Львов и Острог. Он возобновил в своей обители пришедшие в забвение строгие правила иноческого жития и общежительный устав по чину св. Василия; завел типографию служебных, канонических и полемических. Для этого дела он умел из разных мест привлечь в лавру иноков ученых и опытных. Между таковыми особенно известны: искусный в богословской науке Захария Копыстенский, подвизавшийся прежде во Львове; превосходный филолог, автор лексикона славяно-русского, Памва Берында, его родственник Стефан Берында; далее, знаток греческого языка Лаврентий Зизаний Тустановский, искусный проповедник Тарасий Левкович Земка, Иов Борецкий, впоследствии киевский митрополит, занимались преподаванием в лаврской школе, которая, по некоторым данным, также возникла при Елисее Плетенецком. Вообще своими трудами он положил начало новому и славному периоду в истории не только Киево-Печерской лавры, но и всего Киевского края.

Вызванное борьбою с унией, религиозно-умственное движение затронуло также киевское шляхетство и мещанство и повело к основанию Киевского братства, которое возникло здесь около 1615 г., первоначально, кажется, при церкви Успения Пресв. Богородицы, находившейся на Подоле. Оно устроилось по образцу братств Львовского, Виленского

и Могилевского и усвоило себе устав или *чин* именно Виленского. С этим братством вскоре связались судьбы знаменитой Богоявленской школы.

Средства на основание сей школы даны были Гальшкою (Елизаветою) Гулевичевною, дочерью Василия Гулевича, владимирского войского. Сначала она была замужем за Христофором Потеем, младшим из сыновей Ипатия Потея, в то время еще православного епископа, а впоследствии униатского митрополита. После смерти первого мужа молодая вдова вышла за мозырского маршалка Стефана Лозку, человека пожилого и также вдового. При своей преданности и усердии к православию, она была захвачена начавшимся в Киеве помянутым религиозно-умственным движением; в октябре 1615 года она сделала дарственную запись на значительное имущество, именно на свой киевский двор с землею, ради основания ставропигиального монастыря, по чину Василия Великого (т.е. общежительного), школы для детей дворянских и мещанских и гостиницы для странников, под условием, чтобы все эти учреждения навсегда оставались в церкви восточного обряда под благословением и послушанием святейшего Константинопольского патриарха. К концу того же 1615 года мы видим, что пожертвование или фундуш Гальшки Гулевичевны поступил в распоряжение Киевского братства, которое устраивает монастырь и школу при храме Богоявления на Подоле; причем первым игуменом сего монастыря является киевопечерский инок Исаия Копинский, а первым ректором школы Иов Борецкий; отсюда можем заключить о том, что новые эти учреждения создались не без участия Киево-Печерской лавры или ее архимандрита Елисея Плетенецкого. Киевобратский монастырь и школа вскоре устроились и упрочились, благодаря новым пожертвованиям после Гулевичевны. Особенно сильную опору нашли эти учреждения в славном запорожском гетмане Конашевиче Сагайдачном, который вписался в братский реестр «со всем своим войском». Кроме вкладов гетман поддерживал их и вообще южнорусское православие своим авторитетом и значением, которое имел в Речи Посполитой. Но любопытно, что главная фундаторша, т.е. Гальшка Гулевичевна, подобно Константину Острожскому и некоторым другим рев-

нителям православия, при жизни своей имела огорчение видеть, как ее единственный сын (Михаил) был совращен в латинство, вероятно, благодаря своему браку с католичкою.

Обучение в Киевобратской школе было устроено по образцу братских школ, уже существовавших в Западной Руси, т.е. Львовской, Виленской и др. Оно начиналось с азбуки; за нею следовали Часослов и Псалтырь, в связи с изучением церковной службы и пением, а также с изучением молитв и догматов православной веры; потом преподавались грамматика, риторика, логика, диалектика, пиитика. Сначала в этих школах господствовала грамматика Лаврентия Зизания, а потом Мелетия Смотрицкого. Языки преподавались: церковнославянский и польский, а также классические, т.е. греческий и латинский. В польско-латинских школах Речи Посполитой тогда решительно преобладал язык латинский; православные же школы давали преобладание языку греческому, на что указывает и само название преподавателей «дидаскалами», а учеников «спудеями». Родители, отдавая детей («хлопцев») в школу, условливались, сколько должны были платить грошей за обучение, а иногда прибавляли разные приношения натурою или съестными припасами, дровами и т.п. Но бедняки и сироты нередко содержались на счет самой школы.

Успехи братств и школы в борьбе с унией, однако, не могли возместить того вреда, который Западнорусская церковь терпела от недостатка высшей церковной иерархии. В это время у нее оставался только один православный епископ, Львовский. Некому было посвящать приходских священников. Поэтому из отдаленных областей русских таковые должны были тайком пробираться в Львов для посвящения, или пользовались для того случайным приездом каких-либо греческих епископов. В свою очередь, недостаток священников приводил православное население к разным печальным явлениям. Бедственное его состояние в ту эпоху яркими красками очертил на Варшавском сейме 1620 г. один из западнорусских депутатов Лаврентий Древинский, чашник земли Волынской и член виленского Святодуховского братства.

Вот некоторые места этой речи:

«О Боже, кому неизвестно, сколь великие притеснения терпит народ русский в отношении своего благочестия? Нач-

ну с Короны (т.е. Юго-Западной Руси, присоединенной к Польской Короне). Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях, вместо монахов, содержат скот. Перейдем к великому княжеству Литовскому: там то же самое делается в городах, пограничных с Московским государством. В Могилеве и Орше церкви также запечатаны, священники разогнаны; в Пинске то же; Лещинский монастырь обращен в питейный дом. Вследствие сего дети умирают без крещения; тела покойников вывозятся из городов, как падаль, без церковного обряда; не имея брачного благословения, народ живет в не посредстве; люди умирают без исповеди и приобщения Св. Тайн». «А что делается во Львове? Кто греческого закона и не склоняется к унии, того теснят из города, не принимают ни в купечество, ни в ремесленные цехи. В Вильне для православного покойника запирают городские ворота (в которых невозбранено ездить жидам и татарам), и его должны выносить в такое отверстие, через которое вывозят только нечистоты. Православных монахов хватают, бьют и заключают в оковы. На гражданские уряды не допускают людей достойных и ученых, а наполняют их (латинами и униатами) хотя бы глупцами и невеждами». «Уже двадцать лет на каждом сеймике и на каждом сейме мы умоляем с горькими слезами, но не можем добиться, чтобы нам сохранили наши права и вольности». «Если же и на этом сейме не последует исправления столь тяжких зол, то принуждены будем возопить с пророком: *суди ми, Боже, и рассуди прю мою*».

Но подобные протесты обыкновенно были голосами, вопиющими в пустыне. Король и сенаторы выслушивали их, отделывались обещаниями, отлагательством до будущих сеймов и т.п. По этому поводу один из польских панов заметил следующее: «на сеймиках (т.е. на посольских выборах) мы им (православным) даем надежду, а на сеймах поднимаем ее на смех; на сеймиках зовем их братьями, а на сеймах отщепенцами». Только внешние опасности, угрожавшие Речи Посполитой, заставляли их иногда с лицемерной благосклонностью относиться к просьбам православных. Так было и в эту пору, когда полякам одновременно грозили войны со стороны Турции, России и Швеции и когда они особенно нуж-

дались в услугах Запорожского войска. Сими обстоятельствами православные и воспользовались для возобновления своей церковной иерархии.

В том же 1620 году весною в Киев приехал иерусалимский патриарх Феофан, на обратном пути из Москвы, остановился в братской гостинице и пробыл тут около 10 месяцев. Имея полномочия от Константинопольского и других восточных патриархов, охраняемый от всякой опасности стражею из запорожских казаков, он, насколько мог, занялся благоустроением Западнорусской церкви; между прочим, выдал благословенную грамоту Киевскому братству и его Богоявленскому монастырю на ставропигию (т.е. непосредственное подчинение Конст. патриарху), на школу и странноприимный дом. А главное, он, по настойчивой просьбе братства и особенно Конашевича Сагайдачного, пригласил православное население Западной Руси наметить достойных кандидатов на епископские кафедры. В октябре началось посвящение этих кандидатов, при соучастии болгарского Софийского митрополита Неофита, проживавшего в Западной Руси, и одного греческого епископа, находившегося при Феофане. Таким образом, игумен Межигорского монастыря Исаия Копинский рукоположен был на епископию Перемышльскую, Мелетий Смотрицкий, незадолго до того постриженный в Виленском Святодуховском монастыре, — на архиепископию Полоцкую, Иезекииль Курцевич — на епископию Владимирскую, Исаакий Борискович — на Луцкую и пр. Во главу же западнорусской иерархии, на митрополию Киевскую и Галицкую, был поставлен Иов Борецкий. В январе 1621 года Феофан уехал из Киева, сопровождаемый 3000 казаков с самим гетманом Сагайдачным.

Это событие, т.е. посвящение новых православных епископов и митрополита, было сильным ударом для унии, и, конечно, весть о нем возбудила великий гнев среди латинского и униатского духовенства. Особенно негодовал Велямин Рутский. По его просьбе король издал универсалы, в которых объявил Феофана самозванцем, шпионом турецкого султана и посвящения его недействительными, а поставленных им епископов своими ослушниками и бунтовщиками, находящимися вне закона, которых приказывал ловить и бросать

в тюрьмы. Поэтому новопосвященные не спешили к своей пастве и на первое время должны были скрываться. Но польское правительство пока ограничивалось угрозами и не прибегало к действительным мерам, потому что внешние опасности не только не миновали, а еще усилились. В том же октябре 1620 года поляки потерпели от турок ужасное поражение под Цецорой, где пал сам знаменитый гетман Жолкевский; Речь Посполитая более чем когда-либо нуждалась в помощи Сагайдачного и запорожских казаков. Эти политические обстоятельства заставили польское правительство действовать умеренно и осторожно по отношению к новопоставленной православной иерархии и не приводить в исполнение означенных королевских универсалов. Таким образом, борьба с нею пока ограничивалась литературною полемикой. На обвинение патриарха Феофана в самозванстве и вытекающей отсюда недействительности его рукоположения ответил целым сочинением Мелетий Смотрицкий, который около того времени Виленским братством был выбран в архимандриты Святодуховского монастыря, после кончины любимого и уважаемого архимандрита Леонтия Карповича. Сочинение Мелетия было издано тем же братством под заглавием «Оправдание невинности» (Werificatia niewinnosci): тут опровергались все клеветы, взводимые на патриарха и посвященных им епископов. В ответ на это опровержение Троицкие, т.е. униатские, монахи под руководством самого В. Рутского, издали сочинение, названное «Двойная вина» (Sowita wina), в котором опять доказывали законности унии и незаконность новой православной иерархии. А на него Смотрицкий написал «Оборону оправдания» (Obrona Werificacii). И после того обе стороны продолжали обмениваться полемическими изданиями. К той же эпохе относится знаменитая *Палинодия*, сочинение Захария Копыстенского. Виленский униатский архимандрит Лев Кревза написал «Оборону унии» (изданную в 1617 году); *Палинодия* Копыстенского явилась ответом не только на эту книгу (в 1621—22 г.), но и на разные другие полемические сочинения противников православия.

Во время сей жаркой полемики митрополит Иов Борецкий и Мелетий Смотрицкий получили даже охранные коро-

левские грамоты, благодаря которым решились прибыть на Варшавский сейм в начале 1623 года, чтобы лично хлопотать об утверждении православных иерархов. Хотя они и не добились формального утверждения, но все же в борьбе между унией и православием наступило было некоторое затишье или перемирие. Благодаря деятельности Киевского братства и Печерской лавры, а в особенности удачному выбору Иова Борецкого на пост митрополита, Киев снова получил первенствующее церковное значение в Западной Руси; сюда переходит из Львова и Вильны центр религиозного и просветительного движения, охватившего ее православное население[21].

Окончательно этому переходу способствовала трагическая судьба Иосафата Кунцевича, вновь обострившая борьбу унии с православием и вызвавшая усиленные гонения на последнее.

Архимандрит виленского Троицкого монастыря и ревностный сотрудник Велямина Рутского, «душехват» Кунцевич в 1618 г., по смерти униатского полоцкого архиепископа (Гедеона Брольницкого), был назначен его преемником. На этом посту он дал полную волю своему фанатическому усердию к распространению унии. Такое усердие вызвало многие протесты и даже мятежи со стороны населения. Например, города Могилев и Орша, при приближении Кунцевича, зазвонили в вечевой колокол, вооружились и заперли перед ним ворота. По его жалобе светская власть грозила наказать граждан как мятежников, приговорила зачинщиков к смертной казни и отменила ее только под условием принятия унии и передачи ей всех могилевских церквей.

Посвященный на Полоцкую кафедру, архимандрит виленского Святодуховского монастыря Мелетий Смотрицкий не мог равнодушно видеть успехи унии в своей епархии и начал рассылать к ее жителям красноречивые увещания, чтобы они твердо держались веры своих отцов. Его увещания производили впечатление и не только препятствовали успехам унии, но и многих уже совращенных вернули в лоно православия. Тогда Кунцевич усилил свое рвение и стал часто прибегать к насилиям. Он вооруженною рукою отнимал у православных монастыри и церкви, совершал в них униат-

ское богослужение или просто их запирал и запечатывал. Не оставлял в покое даже и мертвых. Например, православный полоцкий мещанин не хотел призывать униатского попа и похоронил своего сына на церковном кладбище без всяких обрядов; Кунцевич велел его вырыть и похоронить с обрядами. Но мещанин и его приятели воспротивились тому силою, прогнали униатского попа с его причтом, а тело опять закопали. Были и такие случаи, что Кунцевич приказывал вырывать тела православных из могилы и отдавать их на съедение собакам.

Не находя достаточно энергичной поддержки у литовского великого гетмана и виленского воеводы, пресловутого Льва Сапеги, он обратился к нему с укорительным посланием. На это послание Сапега, в марте 1622 года, ответил пространным письмом, где, в свою очередь, укорял Кунцевича в слишком жестком нехристианском образе действия и увещевал его поступать мягче и умереннее.

«Господь, — пишет он, — призывает к себе кротким словом: *приидите ко Мне все* и пр.; вы же учинили насилие и заставили народ русский ожесточиться и забыть свою присягу его Королевскому величеству». «Надобно, конечно, пещись о том, чтобы *было едино стадо и един пастырь*, но при этом поступать благоразумно и сообразоваться с обстоятельствами времени». «Прочтите житие всех благочестивых епископов, прочтите Златоуста, там вы не найдете ни жалоб, ни судебных исков и позвов»; «а у вас земские суды, магистраты, трибуналы, канцелярии полны позвов, тяжб, доносов; чем не только нельзя утвердить унию, но и последний союз любви уничтожится, а сеймы и все правительственные учреждения наполнятся заботами и раздорами». «Уния виновница несчастий. Когда чините насилие людской совести или запираете церкви, дабы христиане без священных обрядов и треб пропадали как неверные, тогда обходитесь без нас; а когда оттого происходят в народе беспорядки, то мы должны их усмирять». Но не сочувствие к страданиям православного русского народа руководило Сапегою в этих упреках, а неблагоприятные политические последствия унии для Речи Посполитой в отношении к Москве и особенно опасение возмутить казаков, которые были нужны при продолжав-

шейся войне с турками. «Уния, — говорит он, — отторгла от нас Новгород-Северский, Стародуб, Козелец и многие другие крепости; да и ныне она есть главною виною тому, что народ московский отвернулся от королевича, как это видно из писем русских бояр к вельможам великого княжества Литовского». О казаках прибавляет: «От их повиновения больше государству пользы, нежели от вашей унии». А на жалобу Кунцевича об опасностях, угрожавших его жизни, канцлер заметил только, что «каждый сам бывает причиною своего несчастия». Подобные увещания, однако, не могли обуздать фанатизм Кунцевича; он продолжал свою разрушительную деятельность, пока и сам не сделался ее жертвою, чем и оправдал последнее замечание Сапеги.

Кунцевич приехал в Витебск, граждане которого особенно враждебно относились к унии и с большим сочувствием считали грамоты Смотрицкого. Изувер знал настроение умов в этом городе и, по-видимому, заранее решился разыграть здесь роль мученика. Он принялся совершать богослужение во всех витебских храмах, отбирая их таким способом на унию, очищая военною силою от непокорного духовенства и запирая на ключ. При всем своем раздражении православное население воздерживалось от насилия и стало собираться на богослужение в шалашах, на окраине города. Но Кунцевич и тут не оставлял его в покое. Он вносил в суды свои жалобы и обвинения граждан в мятеже. Наконец раздражение дошло до крайности. При отобрании одной церкви, собравшийся народ сбросил свои шапки в кучу, в знак конфедерации, призывающей к бунту. Составился заговор с целью убить изувера и поднять казаков на защиту города.

Утром 12 декабря 1623 года протодьякон Кунцевича Дорофей с помощью его слуг схватил и запер в кухню архиерейского дома православного священника, шедшего за город, чтобы отправлять службу в одном из помянутых шалашей. Этот случай был каплею, переполнившею чашу. По звону набатных колоколов сбежался народ, бросился к архиерейскому дому и разбил двери. Убийцы вломились в комнату самого Кунцевича и стали наносить ему удары палками, а один из них раскроил ему череп топором. Архиерей-

ский дом подвергся разграблению. Труп Кунцевича после разных поруганий бросили с высокого берега в Двину.

Это трагическое событие имело самые печальные последствия для православных. Король, латинское и униатское духовенство кричали об истреблении схизматиков. В Витебск приехала назначенная королем судная комиссия, имея во главе литовского великого гетмана и виленского воеводу Льва Сапегу. Она судила весьма строго. Некоторые граждане были казнены смертью; многие брошены в тюрьмы, биты плетьми или изгнаны из города. Витебск лишен магдебургского права; вечевой колокол снят, ратуша разрушена и т.п. Все церкви отданы на унию и все жители объявлены униатами. Но Витебском дело не ограничилось; та же мера распространена и на Могилев, Оршу, Мстиславль и вообще на всю Полоцкую или Белорусскую епархию; во главе ее, т.е. преемником Кунцевича, был поставлен Антоний Селява. Тот самый Сапега, который так не одобрял поведение изувера, теперь действовал энергично и жестоко против православных, потому что политические обстоятельства несколько изменились: турки были разбиты под Хотином; а главный их победитель Сагайдачный умер от ран, полученных в этой битве, и полякам теперь не страшны были казаки, у которых по смерти любимого вождя наступили раздоры и разделение на партии.

Влияние Кунцевича на судьбы унии продолжалось и после его смерти. Тело его было вынуто из Двины, торжественно отвезено в Полоцк и с пышностию погребено в соборном храме. Латино-униаты спешили окружить его память ореолом святости, распространяя в народе легенды о разных исцелениях и чудесах, якобы совершавшихся при гробе этого мученика или по молитвам, к нему обращенным: больные оздоровлялись, слепые прозревали, паралИчные члены оживлялись, пожары внезапно прекращались и т.п. Самым великим из его чудес выставлялось последующее обращение в унию его главного соперника Мелетия Смотрицкого или, как выражались латино-униаты, обращение Мелетия из Савла в Павла.

В действительности переход в унию не был у Мелетия делом внезапным. Напротив, он совершился весьма посте-

пенно. Уже самое образование его в иезуитской коллегии и заграничных протестантских университетах подготовило в нем почву к некоторому религиозному равнодушию, и если он потом в своих сочинениях красноречиво защищал православие, то сочинения эти могли быть скорее плодом его литературного таланта, чем прочного и горячего убеждения. Притом это был человек честолюбивый, далеко не твердый и дороживший внешними житейскими благами. В Вильне ревнители православия и прежде замечали у него склонность к сношениям с униатами, упрекали его за то, но прощали ему ради его несомненной учености и помянутого таланта. Во время своей архимандрии в Виленском православном монастыре Мелетий, носивший притом титул архиепископа Полоцкого, немало оскорблялся теми стеснениями, которым подвергалась власть архимандрита со стороны Святодуховского братства; его тяготило это вмешательство мирян во все хозяйственные и даже церковные дела, и он невольно отдавал предпочтение порядкам Латинской церкви. Между ним и братством уже шла глухая борьба, когда убиение Кунцевича вызвало террор среди православных со стороны латино-униатских властей, и в числе виновников этого убиения стало произноситься имя Смотрицкого.

Избегая угрожавшей ему опасности, он покинул свой пост и уехал сначала в Киев, а отсюда направился в Константинополь и Палестину для свидания с восточными патриархами и паломничества по Святой Земле. Путешествие это длилось около двух лет; в начале 1626 года Смотрицкий приехал обратно в Киев. По некоторым известиям, его ходатайство у Константинопольского, известного Кирилла Лукариса, и у других восточных патриархов было небесплодно, и он привез с собою грамоты, которыми уменьшалась автономия западнорусских братств, т.е. они более подчинялись церковным властям; кроме того, он будто бы в Константинополе выхлопотал себе грамоту, которая назначала его единственным патриаршим экзархом в России. Слухи об этих грамотах, соединенные с возникшим ранее подозрением о склонности Смотрицкого к унии, возбудили православных западноруссов против него. Названное подозрение могло усилиться тем более, что единомышленник и приятель Смот-

рицкого, ректор Киевобратской школы Касьян Сакович, также недовольный вмешательством братчиков в церковные дела, незадолго перед возвращением Мелетия изменил православию и ушел в унию. (Этот Сакович в бытность свою ректором в Киеве сочинил, славившиеся у современников, вирши на погребение Сагайдачного.) Архимандрит Киево-Печерской обители Захарий Копыстенский отказался принять к себе Смотрицкого. Только благодаря покровительству митрополита Иова Борецкого он нашел временный приют в Межигорском монастыре. Митрополит хотя и сочувствовал помянутым мыслям о братствах, но, ввиду поднявшихся против него самого упреков, оставил намерение о борьбе с ними. При таких обстоятельствах Смотрицкий не решался вернуться на свою Виленскую архимандрию. Он удалился на Волынь в богатый Дерманский монастырь, настоятельство которым предоставлено было ему патроном сего монастыря князем Александром Заславским. Сей последний (уже побудивший Саковича изменить православию), руководимый советами Рутского, постарался уловить в латино-униатские сети такого даровитого деятеля: он предоставил настоятельство Смотрицкому не даром, а под условием перехода в унию, и, зная вообще нетвердость его убеждений, потребовал от него письменного в том обязательства. Находясь в стесненных обстоятельствах, колебавшийся доселе Смотрицкий не устоял и дал это обязательство, но с тем, чтобы оно хранилось пока в тайне. Заславский устроил ему свидание с Рутским, который формально присоединил его к унии; но и с ним также условлено было сей акт до времени хранить в тайне; причем, согласно с иезуитскими правилами, имелось в виду, что под покровом этой тайны Смотрицкий тем успешнее может действовать среди православных в пользу унии (1627).

Трудно было сохранить подобную тайну; первыми дерманские иноки с ужасом узнали о свидании своего архимандрита с Рутским; многие из них, покинув обитель, разгласили о том по Волыни. Но Смотрицкий с помощью лжи и лицемерия продолжал играть роль православного архиерея и на некоторых съездах с западнорусскими иерархами искусно подготовлял почву для примирения их с унией, доказывая, что различия с нею православия отнюдь несущественны, и

давая понять, что упадок и неустройства Западнорусской церкви могли прекратиться только соединением или унией с церковью Римскою. С теми же целями он в следующем, 1628 году решился издать новое свое сочинение, озаглавленное «Апология моего странствования на Восток». Тут он рассказывает, что предпринял это странствование, чтобы от восточных иерархов узнать истинные догматы Греческой церкви и проверить, насколько чистыми сохранила их Русская церковь. Такая проверка, по его словам, открыла, что западноруссы не сохранили их в чистоте и впали в разные ереси, заимствованные от лютеран и кальвинистов. О самих восточных христианах или греках он отзывается неблагоприятно, как о народе впавшем в грубое невежество. А в заключение, как средство исправить зло, указывает на тесный союз с Римскою церковью; причем советует обсудить это дело на общем Соборе русского духовенства и представителей от русской шляхты и просить митрополита и весь клир о сочувствии к своему предложению. Сию Апологию Смотрицкий сообщил Касьяну Саковичу, который немедля начал переводить ее на польский язык и печатать. Отпечатанная часть ее появилась в Киеве перед открытием нового поместного Собора, который там, с разрешения короля, действительно был созван митрополитом Борецким в августе того же 1628 года[22].

На этом Соборе важнейшим после митрополита представителем западнорусского православного духовенства является киево-печерский архимандрит Петр Могила.

Петр Могила родился около 1597 года и происходил из знатной молдавской фамилии, давшей Молдавии и Валахии несколько господарей, а сам он был сын господаря Симеона (умершего в 1608 г.). Фамилия Могилов издавна находилась в связях с ближним русским городом Львовым, покровительствовала Львовскому православному братству и много жертвовала на его храмы и на школу. Тогда как Молдо-Валахия стояла на низкой степени образованности, Львов в конце XVI и начале XVII века был средоточием просвещения в Юго-Западной Руси, и нет ничего невероятного в известии, что свое первоначальное образование Петр Могила получил если не в самой Львовской братской школе, то под руководством

ее наставников, и впоследствии он сохранял к Львовскому братству самые теплые отношения. А затем образование свое он, вероятно, закончил в западноевропейских университетах, по обычаю знатных поляков и западноруссов. Члены фамилии Могил находились в приязненных отношениях к польскому правительству и достигали престола преимущественно при польской поддержке; при посредстве браков они состояли в родстве с некоторыми польско-русскими магнатами, каковы Потоцкие, Вишневецкие, Корецкие и другие. В случаях неудачи на родине, Могилы находили убежище в землях Польской короны и приобретали здесь имения. Поэтому нет ничего удивительного, что и юный Петр Могила, когда его фамилия вследствие собственных междоусобий лишилась господарского престола, также нашел приют в Польше; здесь он имел своим опекуном знаменитого гетмана Станислава Жолкевского; при его дворе и под его руководством обучился рыцарскому искусству и вступил в польскую военную службу. По смерти Жолкевского он находился под покровительством гетмана Ходкевича. Говорят, Могила отличился в Хотинской битве. Но после того он недолго оставался в войске. Вскоре мы встречаем его в Киеве: здесь молдавский воеводич, по смерти Захария Копыстенского, почти прямо из светского звания и несмотря на свои молодые годы, был возведен в сан архимандрита Киево-Печерской лавры (1627 г.).

По всей вероятности, Петр Могила, при своем усердии к Православной церкви, был увлечен происходившим тогда в ней религиозным движением и борьбою с латино-униатами, а потому и воспользовался случаем стать во главе знаменитой лавры, которая, благодаря народному уважению и своим богатым имуществам, служила одним из главных столпов православия в Юго-Западной Руси. Обычай выбирать на высокие иерархические должности прямо из светского звания знатных лиц уже давно практиковался здесь, как и во всей Речи Посполитой. Как бы то ни было, тридцатилетний Могила одержал верх над другими кандидатами. Получив избирательный лист от лаврской братии и киевской шляхты, он, при помощи своих связей с некоторыми польско-русскими магнатами, добился королевского утверждения и за-

тем был посвящен в архимандрита лавры митрополитом Иовом Борецким, его доброжелателем, который, по-видимому, немало помог ему в достижении этого сана. Надежды православных южноруссов, возлагавшиеся на талантливого и прекрасно образованного Петра Могилу, не замедлили оправдаться.

Как митрополит Иов Борецкий, так и новопоставленный архимандрит Петр Могила вначале благосклонно относились к идеям Смотрицкого о некотором примирении и сближении, страдающей от неустройств и притеснений, православной Западнорусской церкви с Латинскою. Но когда они ознакомились с его Апологией и ясно увидали, что он коварным образом ведет дело к ненавистной унии, то изменили свое к нему отношение. Смотрицкий, прибыв на Киевский собор, хотел остановиться в Печерской лавре, где и происходил самый собор; но не был принят ее архимандритом, и остановился в митрополичьем Михайловском монастыре. Сюда явились к нему посланные от Собора четыре священника, с протопопом Андреем Мужиловским во главе, и спросили: намерен ли он держаться своей Апологии, которую Собор уже осудил как противную Св. вере? Мелетий дал уклончивые ответы и даже пытался защищать свою Апологию. Меж тем народ, и особенно казаки, стали собираться около монастыря и выказывать неприязненные чувства; они не скрывали своего намерения не только изгнать Смотрицкого из обители, но и накормить им днепровских осетров. Ввиду такой опасности он оробел и написал митрополиту просьбу о допущении его на Собор, изъявляя готовность прекратить дальнейшее печатание Апологии. Но у него потребовали торжественного от нее отречения и публичного покаяния. После разных уверток Смотрицкий явился в Печерский монастырь и принужден был подписать акт отречения от своей Апологии, на котором в особенности настаивал Петр Могила. На следующий день в праздник Успения этот акт во время литургии был торжественно прочитан с амвона, а Мелетий словесно выразил свое раскаяние. Затем собравшиеся владыки предали Апологию анафеме, некоторые листы ее разорвали, бросали на пол, топтали ногами и частию жгли; после чего бывшие в их руках свечи погасили. Только теперь

Смотрицкий был допущен к соборным совещаниям. Но, как и следовало ожидать, подобное отречение и анафематствование не обратили Мелетия на путь истинный. После Собора Смотрицкий уехал в свой Дерманский монастырь и тотчас сбросил с себя маску. Он написал «Протестацию против Киевского собора», в которой заявил о полном согласии с своей Апологией, прибавив, что отречение от нее было вынуждено у него насильственно, а потому и недействительно. Теперь Смотрицкий окончательно порвал связи с православными и писал горячие полемические брошюры в защиту латино-униатов до самой своей смерти (последовавшей в 1633 году).

На Киевском соборе 1628 года, между прочим, был установлен ряд духовной цензуры, т.е. запрет православным людям издавать сочинения о церковных вопросах без рассмотрения и одобрения духовных властей. Вообще этот Собор обманул надежды латино-униатов: с помощью Смотрицкого привести православных к примирению и соглашению с унией. Ту же попытку Велямин Рутский и его партия, с разрешения и одобрения короля, возобновили в следующем, 1629 году на соборах, новом Киевским и Львовским, но опять безуспешно. Таким образом, Православная и Униатская иерархии окончательно разделились в Западнорусской церкви.

Последующая за сим эпоха в истории этой церкви отмечена просветительной деятельностью Петра Могилы.

Стремясь сделать Киево-Печерскую лавру главным опорным пунктом в борьбе православия с унией, новый архимандрит особое внимание обратил на защиту и сохранение ее земельных имуществ, подвергавшихся многим посягательствам и наездам и состоявших из деревень, полей, пасек, рыболовных вод и т.п. Не ограничиваясь усиленными тяжбами с хищниками в судебных учреждениях, энергичный архимандрит иногда сам вооружал монастырских слуг или пользовался помощью казаков и силою отнимал назад лаврские поместья, захваченные наездом при его предшественниках, или за новый набег немедленно отвечал таким же набегом на маетность противника. Подобный образ действий оправдывался как духом времени, так и бездействием влас-

тей, от которых невозможно было добиться правосудия и наказания сильным обидчикам. Благодаря связям Петра Могилы с польско-русскими магнатами и королевским двором, жалобы и протесты, вызванные его действиями, оставались без последствий. Ему удалось не только отстоять имущество лавры, но и многое расхищенное воротить в ее владение, и таким образом сосредоточить в своих руках значительные средства на исполнение своих обновительных, просветительных или благотворительных планов. Кроме собственных средств он употреблял для того и многие вызванные им пожертвования. Он усердно занялся обновлением и украшением лаврских храмов и святынь, особенно благоустройством святых пещер, пришедших в большой беспорядок; соорудил новые гробницы для почивающих там мощей, исправил странноприимный дом, приобретал дорогие сосуды и прочую церковную утварь. В то же время Петр Могила старательно поддерживал в своем монастыре общежитие, возобновленное Плетенецким, и заботился о водворении иноческой дисциплины, сильно упавшей в предыдущую смутную эпоху; для чего не только действовал убеждением и назиданием, но также и мерами строгости, т.е. смирял суровыми телесными наказаниями или заключением строптивых и не исполнявших монашеские обеты иноков. С этой стороны энергичный архимандрит старался возвести лавру на подобающую ей нравственную высоту. Он также неупустительно принимал меры, чтобы поддержать и усилить славу ее святости, которая, без сомнения, уже тогда вызывала значительный приток богомольцев. Для сего он лично и чрез своих сотрудников писал и издавал сказания об исцелениях и чудесах, исходивших от лаврских святынь; чем еще более укреплялась вера в православие и его превосходство над латинством и унией. Разумеется, он много заботился о Печерской друкарне или типографии и значительно расширил ее средства; а затем выпускал из нее более исправленные издания священных и богослужебных книг (например, «Триод Цветная» и «Литургиарий или Служебник», исправленные по греческим источникам). Ввиду богатой обстановки, торжественности служения и постоянной проповеди в величественных католических костелах, соблазнявших тем

южнорусское население, Петр Могила много хлопотал о церковном благолепии, об устроении торжественных служений в большие праздники, о привлечении искусных проповедников; причем сам иногда говорил поучения с церковной кафедры.

Наиболее важная сторона его деятельности относится к заботам о поднятии и распространении школьного образования. Так, заведенное Плетенецким лаврское училище он старался преобразовать в высшую школу или коллегию и, чтобы приготовить достойных преподавателей, посылал учиться за границу молодых монахов. Кроме того, он привлекал опытных наставников из других городов; например, из Львова вызвал ученых монахов Исаию Трофимовича и Сильвестра Косова. В коллегии своей он дал преобладание латинскому языку, во-первых, как орудию европейской науки того времени, а во-вторых, необходимому для западноруссов и на сейме, и в трибуналах, и в судах земских и гродских (bez laciny placi winy — составилась у них поговорка). Это преобладание латинского языка вначале произвело неудовольствие среди киевлян и казаков, опасавшихся проникновения вместе с ним латинских ересей. Вообще киевляне несочувственно относились к заботам о Лаврской или Могилянской коллегии еще и потому, что она вступала в соперничество с излюбленною школою их Богоявленского братства. Но обстоятельства вскоре помогли устранить это соперничество и объединить оба просветительных учреждения.

В марте 1631 года скончался киевский митрополит Иов Борецкий, много потрудившийся в борьбе с унией и в упорядочении западнорусской православной иерархии. Радея о русском народе и православии, он не раз обращался за вспоможением к единоверной и единоплеменной Москве. В 1624 году он решился даже на смелый, хотя и негласный шаг: отправленный им ради вспоможения, номинальный полоцкий епископ Исаакий Борискович от его имени предложил царю Михаилу и патриарху Филарету принять Малую Россию и Запорожское войско под их покровительство. Но в Москве пока отклонили это предложение как еще несвоевременное. В том же 1624 году Иов прислал в Москву известного филолога Памву Берынду на помощь при исправлении

церковных книг. Борецкий оставил духовное завещание, в котором, между прочим, убеждает своего друга Петра Могилу взять под свою опеку школу киевского Богоявленского братства. Могила поспешил исполнить его желание и вписался старшим братом, обещая быть опекуном и фундатором братских школ. Однако сие обещание не тотчас было исполнено; ибо киевляне не его выбрали преемником Борецкого, а Исаию Копинского, носившего тогда титул архиепископа Смоленского и Черниговского. Последний дотоле пребывал не в кафедральном городе епархии (занятом униатским архиереем), а вероятно, в ее заднепровских монастырях (Густынском и др.). По его престарелому возрасту и болезненному состоянию, это избрание не соответствовало потребностям времени, которое нуждалось в смелых и энергичных деятелях.

Большое влияние на судьбы западнорусской церкви оказала смерть Сигизмунда III, приключившаяся, как известно, в апреле 1632 г. Во-первых, эта церковь избавилась от своего главного врага и гонителя; а во-вторых, предстоявшие междуцарствие и выбор нового короля давали возможность православным обывателям Речи Посполитой на сеймиках и сеймах свободно и громко заявлять о нарушенных своих правах и требовать их восстановления. Особенно оживились западнорусские братства, которые именно в таком смысле и составляли инструкции для местных послов, отправлявшихся на Варшавский сейм. А Запорожское войско прямо потребовало полного уничтожения унии. Из среды же русского духовенства в этот знаменательный момент выступил вперед все тот же умный, энергичный архимандрит Петр Могила, который постарался объединить все сии православные элементы для решительных действий против унии. Мало того, благодаря своим связям, он вошел в сношения с вельможными представителями протестантизма (наприм., Христофором Радивилом) и приглашал их к соединенным усилиям для восстановления религиозной свободы.

Встревоженное этим движением латино-униатское духовенство, с Велямином Рутским во главе, напрягало со своей стороны все силы для противодействия и увещевало сеймовых послов своего исповедания дать дружный отпор дисси-

дентам. На сеймах Конвокацийном и Избирательном (Элекцийном), куда явился и сам Могила, происходили горячие прения по церковным вопросам и учреждались для них смешанные комиссии. К счастию, королевич Владислав был чужд отцовского фанатизма; поэтому католическая партия не очень ему благоприятствовала, и он при своем избрании опирался более на православных и протестантов; а в особенности благосклонно относился к Запорожскому войску, в услугах которого весьма нуждался по причине начавшейся тогда войны с Москвою. В числе представленных ему условий (pacta conventa) он присягнул и на тех статьях, которые были выработаны смешанной комиссией на Избирательном сейме по вопросу о правах «людей Греческой веры». Им предоставлено право иметь своего митрополита и четырех епископов; кроме того, отменены разные постановления, стеснительные для западнорусской церкви. Православные депутаты воспользовались обстоятельствами и, прежде чем разъехаться из Варшавы, выбрали себе новых иерархов, а главным образом нового митрополита, в лице Петра Могилы (3 декабря 1632 года). На следующем сейме, Коронацийном, в Кракове, Владислав утвердил этот выбор и выдал Петру «привилей».

Новый митрополит обратился за благословением к константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису, которое вскоре и получил вместе с титулом патриаршего экзарха. Свое церковное посвящение на митрополию Петр Могила пожелал совершить в дружественном ему Львове, а не в Киеве, где часть граждан держала сторону его соперника Исайи Копинского. Это посвящение происходило в конце апреля 1633 г. и было совершено четырьмя православными епископами: львовским, луцким, пинским и холмским. Когда же новопосвященный митрополит прибыл в Киев, приверженцы его устроили торжественную встречу с поднесением панегириков в прозе и виршах. Но тут на первых же порах ему пришлось прибегать к крутым мерам для водворения своего авторитета. На основании королевской грамоты, посланные им протоиереи с толпою мещан, казаков и слуг, в сопровождении двух возных, потребовали от униатского митрополичьего наместника ключи Киево-Софийского собора; получив

отказ, они отбили замки и силою завладели кафедральным храмом. От униатов были отобраны и три городские церкви. Могила имел еще королевскую грамоту на владение киевским Николо-Пустынским монастырем; а когда игумен с иноками здесь воспротивились, то он пошел на этот монастырь с целым вооруженным отрядом и с пушками, взял его силою и суровыми телесными наказаниями смирил строптивых иноков. Престарелый Исаия Копинский также не захотел добровольно уступить свое место новому митрополиту. Могила велел однажды ночью взять старика и выпроводить из Михайловской обители, хотя король и оставил эту обитель за Копинским. Последний снова удалился в свои заднепровские монастыри. Король признал за ним сан архиепископа Северского; но он до самой своей смерти (1640 г.) тщетно пытался судом и другими средствами бороться со своим счастливым соперником.

Меж тем Владислав IV усердно хлопотал об исполнении своих обещаний, данных православным при его избрании и коронации, и вообще об умирении горячих церковных распрей, возникших при его отце и грозивших Речи Посполитой большими бедствиями. Чтобы ослабить противодействие своим планам со стороны сильной латино-униатской партии, он постарался заручиться соизволением на них Римской курии, откуда эта партия ожидала громовых ударов против всяких примирительных сделок с православными. Владислав в 1634 году отправил для сего в Рим послом Георгия Оссолинского, человека умного, образованного и владевшего даром слова. Тот объяснил папе Урбану VIII необходимость хотя бы временного умиротворения православных ввиду борьбы Польши со Швецией и Москвою: впоследствии, когда эта борьба счастливо окончится, не только-де православные западноруссы, но и самые москвитяне будут приведены к послушанию папскому престолу, а шведы будут возвращены в лоно Католической церкви. Папа был настолько убежден красноречивыми доводами Оссолинского, что обещал не издавать никакой грозной грамоты против действий короля, т.е. пока давал свое молчаливое согласие на его примирительные планы. Это обстоятельство немало помогло королю на сейме 1635 года добиться постановлений если не вполне,

то в значительной степени исполнявших внесенные в pacta conventa «статьи успокоения» православных.

На этом сейме, как и на предыдущих, православная партия в своей борьбе с латино-униатской нашла себе поддержку у протестантов. Для подготовления ее успехов особенно много потрудился новопоставленный киевский митрополит. Он старался вдохнуть в свою паству единодушие и мужественную решимость постоять за веру отцов; устраивал молебствия об одержании победы над ее противниками; причем сам сочинил и напечатал в Печерской типографии молитвословие об умирении Православной церкви или так наз. Парафимию; писал письма разным влиятельным лицам, убеждая их содействовать умиротворению пагубных для Речи Посполитой церковных распрей; помогал православной шляхте сочинять на сеймиках инструкции для сеймовых послов; приглашал православных к денежному участию в тех больших расходах, которые ему предстояли; так как он отправился в Варшаву, чтобы и на этот раз лично руководить православной партией на сейме, где с помощью золота надобно было ослаблять рвение многочисленных и сильных противников.

Сейм 1635 г. продолжался шесть недель и закончился 14 марта. В этот день, на основании состоявшейся сеймовой конституции, выданы от имени короля две привилегии: одна униатам, другая православным. Важнейшие их статьи были следующие.

За униатами навсегда оставались архиепископство Полоцкое, епископства Владимирское, Пинское, Холмское и Смоленское с их монастырями и церквами, в том числе и виленский монастырь Св. Троицы. В Витебске, Полоцке и Новогродке неуниты не должны иметь ни одной церкви (тогда как по прежним примирительным статьям обещано церкви разделить между униатами и православными сообразно с их числом). Луцкое епископство оставалось в ведении ксендза Почаповского до его смерти, после которой оно переходило к Афанасию Пузыне, избранному на эту епископию православными волынскими обывателями. Перемышльская епархия по смерти униата Крупецкого также переходит к тому православному епископу, которого изберут обыватели.

Митрополиту Петру Могиле предоставлено ведение Печерской архимандрией, Николаевским монастырем и храмом Св. Софии. В православных школах, киевских и волынских, дозволено учить по-гречески и по-латыни и свободным наукам, но не далее диалектики и логики. Для раздела церквей между униатами и неунитами должны быть назначены особые комиссары.

На привилегию, выданную православным, со стороны латино-униатской партии последовала протестация, подписанная всеми присутствовавшими в Варшаве бискупами, а также некоторыми сановниками и послами (в числе 51 подписи). Подобная же протестация явилась потом и со стороны папского нунция. Эти протестации не имели юридического значения, т.е. не могли уничтожить законную силу сеймовой конституции; но они вновь возбуждали религиозную вражду и, ослабляя уважение к новоизданному закону, подготовляли или заранее оправдывали неповиновение, могущее встретиться при его исполнении. И действительно, когда королевские комиссары начали свой объезд для распределения церквей между униатами и православными, то они встретили немалые затруднения своему делу, а иногда и открытое сопротивление. Нередко случалось, что жители, уже считавшиеся в унии, быв привлечены к ней угрозами и насилием, теперь при опросе их комиссией объявляли себя православными. Таким образом в иных местах происходило массовое отпадение народа от унии и возвращение в православие. Разумеется, латино-униатские власти были тем крайне недовольны, обвиняли комиссаров в пристрастии и неправильном ведении дела, заносили свои протесты в судебные книги и даже прямо сопротивлялись отдаче церквей православным. Особенным фанатизмом отличился униатский холмский епископ Мефодий Терлецкий. В самом Холме он не соглашался уступить ни одной церкви; а когда комиссары велели сломать замки у храма Успения Пресв. Богородицы и передали его православным, Терлецкий отправился с толпою католиков и униатов и, в свою очередь, отнял храм обратно. Православные тогда хотели соорудить себе новую церковь; но едва началась постройка, как Мефодий силою захватил приготовленный материал и самое место, назначен-

ное для церкви. Своими притеснениями он довел жителей Холма до того, что они почти все перешли в унию. Такими же средствами он действовал во всей своей епархии. С другой стороны, и среди православного духовенства также встречаются лица, действовавшие с не меньшею энергией и ревностью. Например, таков был луцкий писарь Семен Гулевич, избранный на кафедру Перемышльской епископии. По вышеприведенной сеймовой конституции, эта кафедра могла перейти к нему только после смерти униатского епископа Афанасия Крупецкого; а до того времени в его распоряжение назначены монастырь Св. Спаса и еще две обители с их имуществами. Не надеясь, чтобы Крупецкой добровольно уступил ему Спасский монастырь, Гулевич особыми призывными грамотами к известному дню собрал из своей епархии несколько тысяч православных. Толпа эта внезапно напала на монастырь, разрушила его ограду, завладела келиями и всем монастырским имуществом, разбила церковные двери и ввела в храм Гулевича, а запершегося там Крупецкого едва не убила.

Вообще постановленный сеймом раздел церквей между униатами и православными, вместо успокоения, вызвал жестокие столкновения и еще более обострил их отношения. Под давлением жалоб и криков, поднятых латино-униатской партией, сам король вынужден был изъявить свое неодобрение действиям комиссаров, и некоторые отобранные в пользу православных церкви приказал возвратить униатам. Но он все еще не покидал мысли о примирении враждующих сторон и с этой целью в том же 1636 году возобновил проект, явившийся при Сигизмунде III: взаимными уступками привести униатов и православных к соглашению и соединить их в одну церковь под главенством собственного *Западнорусского патриарха.* Кандидатом на эту патриаршую кафедру, очевидно, намечен был не кто другой, как киевский митрополит Петр Могила, который, как известно, в бытность свою печерским архимандритом благосклонно относился к идее примирения православия с унией. Но теперь, в сане митрополита, он убедился, что при таком внешнем примирении Православная церковь в действительности будет порабощена папскому престолу. Поэтому, хотя он и не возражал открыто на проект коро-

ля, но принял все меры, чтобы из его паствы были выбраны самые ревностные православные в депутаты на предстоявший сейм (1637 г.), на котором должен был обсуждаться вопрос об учреждении Западнорусского патриархата. В свою очередь, сейм этого вопроса не решил, и затея короля окончилась ничем. Тем не менее она дала повод некоторым врагам Петра Могилы, в особенности Исаии Копинскому, распустить клевету, будто киевский митрополит отпал от православия и подчинился римскому папе.

Еще до избрания Могилы на митрополию началось слияние его Лаврского училища с Богоявленскою братскою школою. Теперь слияние это совершилось: новый митрополит окончательно перевел свой фундуш или записанные за училищем имения на Братскую школу; причем испросил ей от короля разные привилегии и наименование ее коллегией. Наставники, получившие образование за границей, и преобладание латинского языка среди учебных предметов продолжали по временам волновать киевлян, опасавшихся за чистоту православия и подстрекаемых злонамеренными людьми. Но митрополит и его сотрудники своими речами и сочинениями умели рассеивать эти опасения. Киево-Могилянская коллегия скоро дала хорошие плоды; из нее вышел целый ряд ученых и писателей, получивших значение в истории не только южнорусского, но и всего русского просвещения. Она надолго послужила образцом среди средних и высших русских училищ.

Петр Могила согласился занять митрополичью кафедру с тем условием, чтобы за ним оставлена была Киево-Печерская архимандрия. Соединив таким образом в своих руках ведение ее имуществами с доходами митрополии, он широкою рукою употреблял эти средства на нужды Южнорусской церкви, на свои просветительные учреждения и благолепие храмов. Кафедральный Киево-Софийский собор был возвращен от униатов в совершенно запущенном состоянии. В одной жалобе православных говорится, что наместник униатского митрополита (Садковский) ободрал оловянную кровлю и продал ее, а храм покрыл тресками (жердями), даже не соломою, которая не допускала бы течи и происходящего отсюда разрушения. Митрополит обновил собор, украсил

живописью и вновь освятил. Он обновил и Выдубецкий монастырь, возвращенный православным в обмен на Гродненский (по сеймовой конституции 1635 года); очистил от земли развалины Десятинной церкви и т.д. Вообще в митрополичьем сане Петр Могила продолжал все начинания, предпринятые им в качестве Киево-Печерского архимандрита. Между прочим, он много заботился о более исправном издании богослужебных книг и требовал, чтобы таковые прежде своего печатания представлялись на его рассмотрение и разрешение. Кроме неисправностей в рукописях и прежних изданиях, к этой мере побудило его также коварство иезуитов и униатов, которые стали издавать на польском и русском языках книги, якобы православные, но заключавшие в себе католические, а иногда и протестантские примеси, вызывавшие соблазн среди православных. Например, в Женеве около того времени появилось на латинском и греческом языках сочинение, озаглавленное «Восточное исповедание православной веры» и ложно подписанное именем константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Это сочинение, написанное в духе кальвинского учения, произвело большую смуту на Востоке и повлекло за собою свержение неповинного в ней Лукариса. Подобное обстоятельство побудило Петра Могилу издать для Западнорусской церкви катехизис, который был составлен под его руководством и озаглавлен: «Православное исповедание веры». Книга эта была рассмотрена и одобрена на Киевском соборе 1640 года, а впоследствии подтверждена и восточными патриархами. В сокращенном виде она была издана тем же митрополитом под именем «Краткий катехизис» (принятый как руководство и в Московской Руси).

Киевский духовный Собор 1640 года был созван Могилою вследствие вновь усилившихся гонений на православие. Латино-униаты воспользовались для сего рядом неудачных казацких восстаний, после которых и сам король Владислав относился к православным уже не так благосклонно. Вновь начались притеснения духовенству и насильственное отнятие церквей со стороны униатов, во главе которых стоял новый их митрополит Антоний Селява (преемник Рафаила Корсака). В самом Киеве латино-униатская партия действовала

под покровительством киевского воеводы Януша Тышкевича.

Петр Могила вновь отправился лично в Варшаву ходатайствовать перед сеймом и королем, и его неослабным усилиям удалось еще раз добиться некоторых конституций, смягчавших означенные гонения. В то же время ему приходилось продолжать усердную борьбу и в сфере литературной полемики.

Известный Касьян Сакович, бывший униатским Дубенским архимандритом и успевший опять переменить веру, т.е. перейти в католичество, издал в Кракове на польском языке сочинение под заглавием: «Перспектива» или «Обозрение заблуждении, ересей и предрассудков церкви Русской». (1642). Тут он с ожесточением напал на православную, преимущественно Южнорусскую церковь, и, как самое заглавие показывает, старался изобразить ее преисполненной всяких суеверий и повреждений, от которых единственным спасением предлагал, конечно, соединение с римским костелом. Православные не могли равнодушно снести его злые нападки, способные соблазнить нетвердых в вере. Спустя два года в ответ ему издана была в Киеве на польском языке книга под названием «Λιυοζ или камень с пращи истинной св. православной церкви Русской». Полагают, что она была сочинена или самим Могилою, или под его непосредственным руководством. Здесь со строгою последовательностию разбираются и опровергаются обвинения противника; а затем автор нападает на унию, как славную виновницу беспорядков, возникших в Южнорусской церкви, и подвергает критическому разбору два главные догмата, отличающие Латинскую церковь от Греческой, т.е. об исхождении Св. Духа и о главенстве папы. Книга эта имела большой успех и в литературной борьбе с латино-униатами заметно склонила перевес в пользу православных. Наиболее же известным и прочным памятником трудов Петра Могилы, понесенных на пользу Южнорусской церкви и ради благоустроения ее обрядовой стороны, служит его большой *Требник* или молитвослов (Евхологион). С течением времени в рукописных и даже печатных требниках оказалось много неисправностей; притом на многие случаи частной и общественной жизни в

них недоставало особых молитв и обрядовых указаний. Исправления и дополнения сделаны были при сличении греческих и славянских (в том числе московских) изданий с римскими, а также со старыми харатейными рукописями. Требник Могилы снабжен и объяснительными статьями о значении того или другого таинства, того или другого священнодействия и чинопоследования. (Всего в Требнике до 126 чинов и статей.) Он был издан в 1646 году, незадолго до кончины его знаменитого автора.

Любопытны отношения Петра Могилы к Москве. В начале своей церковной деятельности он, по всем данным, верно служил интересам Речи Посполитой; но борьба с латино-униатами и возобновлявшиеся гонения на православие, особенно жестокости, наступившие за усмирением казацкого мятежа 1638 года, заставили его пойти по стопам Иова Борецкого и обращаться в Москву ради материального и духовного вспоможения для своей митрополии.

Непосредственным его сношениям с Москвою предшествовало прибытие сюда южнорусских монахов, бежавших из Северских монастырей в 1638 году от польских гонений. То были монастыри мужской Густынский и девичий Ладинский, оба близ города Прилук, на р. Удае. Они основаны в 1610—1614 гг. в землях князей Вишневецких, которые, вместе с Конецпольскими и Потоцкими, получили громадные поместья в левобережной Украине. Фундаторами сих монастырей (наделившими их землями и угодьями) были князь Михаил-Корибут Вишневецкий и супруга его Регина (двоюродная сестра Петра Могилы), оба отличавшиеся усердием к православию. Спустя лет десять, уже по смерти князя Михаила и его супруги, на их землях основался еще мужской монастырь Мгарский. Юный их сын Иеремия, воспитанный под надзором густынского архимандрита Исаии Копинского, по кончине родителей поступил под опеку своего дальнего родственника Константина Вишневецкого, принявшего католицизм (известный зять Юрия Мнишка?), и отдан был на воспитание в Львовское иезуитское училище. Там его, конечно, совратили. Став ревностным католиком, он принялся в своих червонорусских, волынских и украинских владениях воздвигать костелы и кляшторы и притеснять право-

славных. Тщетно бывший его воспитатель, а теперь Киевский митрополит, обратился к нему с посланием, в котором напоминал завет умиравшей его матери и увещевал воротиться к вере предков. Иеремия остался глух к его увещаниям и продолжал фанатически преследовать своих прежних единоверцев. Мало того, когда Копинский был изгнан из Киева и удалился в свою Северскую епархию, Иеремия Вишневецкий отнял у него помянутые монастыри (Густынский и Мгарский), которые передал его счастливому сопернику, а своему родственнику Петру Могиле (1635 г.). Во время казацко-польской войны монахи и монахини Густынские и Ладинские, спасаясь от гонений, покинули свои монастыри, забрав с собою дорогую церковную утварь и книги, и бежали в пограничный московский город Путивль; но прежде чем добрались сюда, все захваченное ими церковное имущество и всякое добро, до 20 возов, было ограблено какими-то «ляхами и жидами». Любопытно, что путивльский воевода Плещеев в своем донесении царю пишет, будто и сам митрополит Петр Могила, по словам бежавших чернецов, отпал от православия. Эта клевета (вероятно, распущенная его соперником Копинским), впрочем, была опровергнута новым донесением Плещеева в том же 1638 году. Мало того, усердием киевского митрополита те же запустевшие монастыри вскоре были обновлены, снабжены новою утварью и книгами, при помощи московско-царских пожертвований.

Первое известное нам посольство Петра Могилы к Михаилу Феодоровичу относится к концу 1639 и началу 1640 года. Оно было довольно многочисленно, имея во главе митрополичьего киево-печерского наместника Игнатия. При нем находились: печерский «уставник» Иринарх, архидиакон Амвросий Быковский, игумен киевобратского Богоявленского монастыря Леонтий, выдубецкий игумен Сильвестр, келарь Николо-Пустынского монастыря Митрофан и несколько митрополичьих чиновников из мирян. Митрополичья грамота к царю главным образом заключала ходатайство о милостыне на обновление и украшение Софийского собора, Печерской лавры, а также Выдубецкого монастыря и других церквей, возвращенных от униатов в самом разоренном состоянии. Подобные же челобитные грамоты при-

везли упомянутые представители киевских монастырей. Эти киевские старцы удостоились торжественного царского приема 9 апреля 1640 года, одновременно с монахами, прибывшими из Царьграда, Волошской земли и с Афона. От Киевского митрополита были поднесены царю часть мощей великого князя Владимира в серебряном ковчеге и крест с вырезанными на нем Господскими праздниками; по одному подобному же кресту он прислал для царицы Евдокии Лукьяновны и царевича Алексея Михайловича. Приношения эти были благосклонно приняты, а члены посольства одарены соболями, камками и рублями. Старец Игнатий просил еще от имени митрополита, чтобы царь приказал своим «добре художным мастерам, которые рез режут», сделать раку для мощей св. князя Владимира, открытых в Десятинной церкви и положенных теперь в Софийском соборе. Кроме денежного вспоможения киевские игумены просили о пожертвовании им церковной утвари, сосудов, риз и богослужебных книг московской печати; просили также о дозволении приезжать в Москву за милостынею в известные сроки. По-видимому, все эти просьбы были удовлетворены; митрополиту и монастырям послано щедрое вспоможение; первому одних соболей дано на 150 рублей, а трем монастырям каждому по 100 рублей.

То же посольство сделало от имени митрополита следующее любопытное челобитье царю: чтобы он велел соорудить в Москве особый монастырь, в котором поселятся старцы из Киевобратской обители и будут учить боярских и других детей греческой и славянской грамоте. В пример оно приводило волошского господаря Василия (Лупула), который по своему прошению получил учителей от киевского митрополита. Очевидно, Петр Могила хлопочет о распространении школьного просвещения, при помощи своей коллегии, не только на Юго-Западную, но и на Восточную или Московскую Русь. Но пока это была идея, давшая плоды только впоследствии.

Кроме молитв за здравие московского государя и его семейства, киевские митрополиты, игумны и старцы служили ему и в политических делах. Например, при их помощи происходили негласные сношения и пересылки между мос-

ковским царем и молдо-валашскими господарями. Они же доставляли в Москву вести о политических делах Речи Посполитой. Так, во время означенного посольства митрополичий наместник сообщил о случившемся незадолго внезапном набеге крымских татар на Киевщину, Волынь и прилукские именья Вишневецких, из-за постройки крепости Кодака; причем угнали полону будто бы до 100 000 человек (на самом деле 30 000); за ними пошел гетман Конецпольский, отбил немного пленных, и пр. Тот же старец Игнатий сообщил слухи о событиях, происходивших на войне Цесаря со свейскими людьми (т.е. о войне Тридцатилетней). «Свейские, — говорил он, — Цесаревых одолевают небольшими людьми, только уменьем и промыслом»; а наемные у Цесаря польские и литовские люди за недоплату жалованья перешли на сторону шведов. В последующие годы, как видно из дошедших до нас грамот, густынские старцы, приезжавшие в Московское государство за подаяньем, в пограничном Путивле прежде всего подвергались воеводскому расспросу и должны были сообщать всякие политические вести; через них же пересылались царские грамоты молдавскому господарю Василию. Имеем еще письмо Петра Могилы царю Михаилу Феодоровичу от 1644 года. Митрополит благодарит за присылку из Москвы сусального мастера. (Этот мастер, по имени Якимка Евтифеев, в Печерском монастыре сделал 10 000 листов сусального золота и две иконы обложил басмою.) В том же письме он извещает о женитьбе князя Януша Радивила (сын Христофора и будущий также гетман) на Марии, дочери того же господаря Василия: киевский митрополит ездил поэтому в Яссы и, 25 января, сам обвенчал князя-протестанта с Марией (родственницей Могилы по матери). С Радивилом была вооруженная свита в 2000 человек.

Спустя два года видим новое посольство от Петра Могилы и киевских монастырей за милостынею в Москву уже к преемнику Михаила, царю Алексею Михайловичу. На этот раз во главе посольства вместо Игнатия, получившего Выдубецкое игуменство, стоят помянутые прежде старцы Иринарх, теперь игумен Печерский, и Амвросий Быковский, теперь уставщик Софийского собора; а из мирян, участвовавших в первом посольстве, встречается Иван Андреевич

Предремирский, «боярин и слуга» митрополичий. Они представили от митрополита царю в дар: миро от печерских чудотворцев, янтарное распятие, верхового арабского коня, несколько упряжных лошадей, ковры, хрустальные сосуды и пр. Игумен Иринарх от себя поднес Триод Цветную в лицах и Акафист, также в лицах. Подарки были приняты; причем, по обычаю Московского двора, кони подверглись подробной оценке со стороны Конюшенного приказа. Почти одновременно с сим посольством прибыли за милостынею в Москву старцы из прилуцкого Густынского и лубенского Мгарского монастырей, с разными вестями о делах польских, турецких и запорожских. Их челобитья были также щедро удовлетворены новым царем, как и его покойным родителем.

Все сии обращения и челобитья Иова Борецкого, Петра Могилы и южнорусских монахов к Москве в значительной степени подготовили почву для последующих важных событий, т.е. для присоединения Малой России к Московской державе.

Названное сейчас посольство Петра Могилы к царю было последним. В начале следующего, 1647 года он скончался. Ему было только 50 лет; но чрезвычайные труды и умственное напряжение надломили его силы. Стоит только обозреть все сделанное им в течение 20 лет, протекших от его посвящения в архимандриты, чтобы оценить его великие заслуги делу православия и просвещения в Южной Руси, и притом совершенные в такую трудную для нее эпоху. Хотя преемником ему на Киевской митрополичьей кафедре избран один из достойных его сотрудников и преподавателей Киевобратской коллегии, Сильвестр Косов, посвященный им в сан Могилевского епископа, однако потеря Петра Могилы для Южнорусской церкви была незаменима[23].

Борьба между православными и латино-униатами в эту эпоху происходила почти во всех углах Западной и Южной Руси, вошедшей в состав Речи Посполитой. Меж тем как в Киевской области перевес был на стороне православных, в Северо-Западной Руси брали верх латино-униаты, несмотря на горячее им сопротивление. Примером такого сопротивления могут служить половчане. По сеймовой конституции 1632 года решено было разделить Полоцкую епархию

между православным и униатским архиереями: последнему назначен местопребыванием Полоцк, а первому Могилев. Но в Полоцке значительная часть жителей еще крепко держится православия. Отсюда видим настойчивые жалобы со стороны преемника Кунцевича, Антония Селявы, на полоцких мещан, которые поднимали против него бунты и даже покушались на его жизнь. Так, однажды, когда он плыл в лодке по Двине из Полоцкого замка в монастырь Борисоглебский, в него с берега сделаны были два выстрела из мушкета; но пули пролетели мимо. Далее полоцкое духовенство жалуется, что окрестные мещане не ходят в его церкви и не хотят совершать требы у попов униатских; не упускает оно обжаловать в ратуше и такой случай, когда униаты-родители позволяли своей дочери выйти за православного и венчаться в православном храме. Нередко встречаем со стороны католиков и униатов предъявленные властям протестации на то, что православные половчане ругаются над образами Казимира и Иосафата (Кунцевича) и другими латинскими иконами, называют униатскую веру «дьявольскою» и т.п. Очевидно, религиозная вражда здесь доходила до ожесточения. Городские власти, конечно, на стороне латино-униатов, а православных открыто притесняют и, в случаях тяжбы, высказывают явное пристрастие. Так, они бросают в тюрьму мещанина за то, что он назвал Кунцевича только «велебным», а не благословенным. Для распространения унии власти не брезгали никакими средствами: например, преступники, чтобы избежать наказания или смягчить его, принимали унию; даже убийцы таким способом избавлялись от смертной казни. В свою очередь, гонение на православие вело и к таким последствиям: в 1633 году, во время войны с Москвою, половчане не радели обороною города, и при нападении московского войска он был сожжен. Напротив, могилевцы, довольные водворением у них православной кафедры, в этой войне помогали полякам провиантом, амуницией и т.п.; за что были награждены мостовым сбором.

Что вероисповедная борьба, кипевшая в пределах Речи Посполитой, нередко принимала весьма жестокий и кровавый характер, тому, кроме фанатизма, способствовали также грубость нравов и господство суеверий, которыми отли-

чалась данная эпоха. Эти черты ярко отражаются в судебных процессах того времени. Мы встречаем подаваемые в суд жалобы на порчу здоровья или другой какой вред, который будто бы насылали люди, занимавшиеся колдовством. Судьи серьезно разбирают такие жалобы и приговаривают обвиненных к жестоким наказаниям. Например, в 1631 году видим долгий процесс, возбужденный по обвинению одной попадьи (Раины Громыкиной) в чародействе. Начатый в Новгородском суде, этот процесс окончился в Минском трибунале, который приговорил обвиняемую к пыткам и затем к казни. А в 1643 году полоцкий магистрат приговорил к сожжению одного мещанина (Василия Брыкуна), также обвиненного в чародействе. Следовательно, не только простолюдины, но и члены городского самоуправления и сами высшие суды, состоявшие из людей, казалось бы, наиболее образованных, были одинаково исполнены невежественных и грубых суеверий.

В ту же эпоху борьбы с унией из ревнителей и мучеников православия особенно выдвигается брест-литовский игумен Афанасии Филиппович.

Деятельность его, между прочим, связана с историей самозванца Лубы. Когда последний мальчиком был отдан на воспитание Льву Сапеге, то канцлер обучение его вверил именно Филипповичу, как человеку очень образованному, и тот семь лет занимался этим обучением, вероятно не вполне сознавая, к чему готовили мальчика. Потом он постригся в виленском Святодуховом монастыре и отдался подвижнической жизни, а вместе с нею усердной борьбе против унии. В бытность его наместником Дубойского монастыря под Пинском, канцлер литовский Станислав Радивил отобрал от православных эту обитель и отдал ее иезуитам. Филиппович отсюда удалился в ближайший Купятицкий монастырь, известный своей типографией, в которой печатались церковные книги. В 1637 году он отправился для сбора подаяний в Белую Русь; а отсюда пробрался в Москву, был принят там радушно и подал царю Михаилу Феодоровичу описание бедственного положения православной Западнорусской церкви. По возвращении своем, митрополитом Могилою он был поставлен на игуменство брестского Симеоновского монас-

тыря, при луцком епископе Афанасии Пузыне, к епархии которого принадлежал Брест. (Этот монастырь Св. Симеона, по решению короля, был оставлен за православными и находился под покровительством знатной фамилии Дорогостайских.) В качестве игумна он не раз ездил в Краков и Варшаву, где подавал королю и сенаторам горькие жалобы на притеснения, чинимые православию; причем пророческим голосом грозил Речи Посполитой страшными бедствиями, если уния не будет уничтожена.

В 1644 г. во время приезда московских послов по делу самозванца Лубы, по их желанию, игумен сообщил им все нужные сведения о своем бывшем ученике, с которым он вновь познакомился в Бресте. Когда король Владислав отправил Лубу с послом своим Стемпковским в Москву, то Филиппович был взят под стражу и заключен в оковы в качестве заложника, т.е. он должен был своею головою отвечать за безопасность самозванца. По возвращении сего последнего игумен получил свободу. Во время своего заключения он написал несколько полемических сочинений против латиноуниатов и, между прочим, наиболее известное из них, озаглавленное «Диариуш», где горячо и живо изображает гонения, воздвигаемые на православие, а также рассказывает бывшие ему чудесные видения и таинственные голоса. В 1648 году, при начале восстания Хмельницкого, поляки схватили Филипповича под предлогом, будто он тайно посылал казакам порох и возмутительные листы. Когда же на требование иезуитов, чтобы он принял унию, игумен отвечал решительным отказом и проклятием унии, поляки подвергли его мучительной смерти.

Итак, хотя король Владислав IV не следовал католическому фанатизму своего отца, много смягчал или отменял правительственные меры, направленные в пользу унии и против православия, однако толчок, данный латино-униатскому движению, продолжал действовать и в царствование сего веротерпимого короля. Латино-униатская партия, опираясь на сильную католическую иерархию, особенно на Иезуитский орден, а также на польско-русскую католическую аристократию, после недолгого перемирия, вызванного смертию Сигизмунда III, возобновила свой наступательный образ дей-

ствия; опять всеми возможными средствами стала теснить православие и постепенно отнимать у него почву, несмотря на его успешную оборону в эпоху Петра Могилы. Почти во всех областях Юго-Западной Руси кипела то открытая, то глухая вероисповедная борьба; причем обиды и насилия, чинимые православным, обыкновенно остаются безнаказанными, а их обращения к суду тщетными. Постепенная утрата почвы прежде всего обусловливалась отступничеством русских дворянских родов, которые продолжают переходить в католичество отчасти под влиянием иезуитской пропаганды, а главное, из-за мирских выгод: так как королевская власть наделяет должностями, сенаторством, староствами и тому подобными благами по преимуществу католиков; людей же православных обходит, невзирая ни на какие их заслуги. И, однако, православие все еще было крепко, преимущественно в южнорусском населении, собственно, в мещанстве и крестьянстве, опиравшихся на казачество. С католичеством в Польше и Литве продолжала еще бороться сильная протестантская партия, в особенности Социнианская секта; поэтому возникновение раскола, раздвоившего Южнорусскую церковь на унитов и дизунитов (православных), и происшедшие отсюда их враждебные отношения только увеличили элементы государственного разлада и разложения.

Ближайшею целью унии было церковное объединение, которое теснее сблизило бы русских с поляками. Потом, при усвоении первыми родственного польского языка и польской культуры, могло бы произойти сплочение их в одну народность, конечно польскую, и сия последняя чрез то сделалась бы самою сильною среди славянских племен. Таков обычный процесс усвоения (ассимиляции) какого-либо народа, лишенного политической самобытности, другим народом, поставленным в господствующее положение или вообще в более благоприятные условия. Но в данном случае этот исторический закон вошел в столкновение с другими историческими законами, а именно: во-первых, западнорусская народность численностию своею далеко превосходила народность польскую, а ее старая, греко-славянская культура, несмотря на свой упадок, нелегко могла уступить культуре латино-польской. Во-вторых, хотя западные и южные руссы

и были тогда лишены политической самобытности, но и поляки, при внешнем величии Речи Посполитой (опиравшемся преимущественно на ее русские силы), внутри уже страдали недостатком крепкой центральной власти, т.е. недостатком прочной политической организации. А потому религиозные распри и смуты неизбежно должны были еще более расшатать эту непрочную организацию и подготовить ее падение к тому времени, когда на помощь Западной Руси выступит ее могучая соплеменница, Русь Восточная.

Вот что, между прочим, говорится в жалобе, поданной сейму 1623 года от православной шляхты: «Наш русский народ соединился с польским (на Люблинской унии) как равный с равным, вольный с вольным. Но в чем же наша вольность, если мы не имеем ее в деле веры?» «Наши отступники хотят, чтобы русских не было на Руси, чтобы русская святая вера, Божиим произволением принятая с Востока, не была в Русской церкви; но она может быть истреблена только вместе с истреблением русского народа. А такое дело было бы безумным уничтожением значительной части целого отечества». Эти слова вскоре оказались пророческими для Речи Посполитой [24].

Толчок к грозным для Польши событиям вышел из среды именно сей, раздираемой вероисповедными распрями, Юго-Западной Руси, в лице ее малороссийского казачества.

XIII

УКРАЙНА, КАЗАЧЕСТВО И ЕВРЕЙСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Движение малорусского народа на Украйну. — Причины сего движения. — Слободы, инвентари и заставы. — Выкотцы. — Украинское можновладство. — Украинские замки. — Льготные сроки и мирный период колонизации. — Рост казачества. — Реестровые и сечевики. — Сагайдачный. — Морские набеги. — Ольшанский договор. — Посольство в Москву. — Цецорское поражение. — Хотинский поход и смерть Сагайдачного. — Януш и Алоиза Острожские. — Начало казацких восстаний. — Жмайло. — Куруковский договор. — Выписчики. — Петржицкий, Тарас, Сулима, Павлюк. — Поражение под Кумейками. — Остранин и Гуня. — Погром на Усть-Старце. — Условия на Масловом Ставу. — Поселение черкас в Чугуеве. — Возобновление Кодака. — Запорожцы в изображении Ляссоты и Боплана. — Черты украинского быта и природы. — Размножение еврейства. — Еврей-арендатор. — Жалобы польских и русских патриотов на еврейский гнет. — Тщетная борьба горожан с евреями. — Украинское еврейство. — Его изобретательность в сочинении налогов и даней.

В истории Юго-Западной России последняя четверть XVI и первая XVII веков ознаменовались сильным движением малорусского народа на юг и на восток для заселения обширной земельной полосы, давно запустевшей от соседства хищных татарских орд. По правую сторону Днепра эту полосу составляли южная половина Киевщины и прилегающая часть Подолии, а по левую прежняя Переяславская земля и южная часть Черниговской — одним словом, все, что с тех пор стало известно под общим именем Украйны. Движению сему способствовала совокупность разных причин. Во-пер-

вых, усилившееся казачество, выдвинувшее свои передовые посты за днепровские пороги и всегда готовое дать отпор степным ордынским наездам, до известной степени обеспечивало водворение промышленных и земледельческих колоний в тех местах, где еще недавно их существование было почти невозможно. Разумеется, это движение сопровождалось построением замков и вообще укреплений, вокруг которых возникали мирные поселки и хутора. Во-вторых, совершившееся на Люблинском сейме соединение Юго-Западной Руси непосредственно с польской короной, естественно, привлекло за собою водворение здесь польских шляхетских порядков и постепенно ополячение русского землевладельческого класса; вместе с тем усилился гнет крепостного права на русское крестьянство, выражавшийся и все большим стеснением личной свободы, и все умножавшимися данями и повинностями. Русское население городов чувствовало свои униженное положение перед шляхетскими привилегиями, все возраставшее бремя еврейства и наконец оскорбление своего религиозного чувства вследствие насильно водворяемой церковной унии. Естественно, от этих невзгод многие крестьяне и горожане покидали свои насиженные места и стремились на новые земли, где их ожидали разные льготные условия, при благодатной черноземной почве и богатстве разных угодий. В-третьих, сами польские или, точнее, ополячившиеся паны поощряли народное движение на Украйну своими захватами пограничных староств и пустых земель. Получение от короля доходных староств в пожизненное владение составляло обычный предмет вожделений польско-русской знати, а подстароства были мечтою менее знатной шляхты. Староста пользовался всеми данями и повинностями жителей; но из них кварту, т.е. четвертую часть, должен был платить в государственную казну на содержание наемных жолнеров или так наз. «кварцяного» войска.

Пограничные со степью староства, обильные пустыми пространствами, конечно, вызывали в своих обладателях стремление укрепить эти пустыни построением замков и заполнить их новыми посадами, с которых можно было бы потом получать большие доходы. Помимо староств, некоторые знатные фамилии выхлопатывали себе у короля и Речи

Посполитой пожалование в полную собственность свободных земель на юго-востоке, которых размеры в точности не были известны правительству и которые в действительности оказывались иногда обнимавшими огромные пространства, и притом далеко не пустыми. Все таковые владетели свободных земель, как пожизненные, так и потомственные, старались заселить их всеми возможными способами; они переводили сюда людей из старых своих имений, лежавших в более центральных областях, а главным образом переманивали крестьян от соседей и привлекали всяких беглецов льготными условиями. Новым поселкам давалась полная или неполная свобода от поборов и повинностей на известное число лет, обыкновенно от 20 до 30, и только по истечении этих льготных лет начиналось бремя податного и крепостного состояния. Посему и селения таковые назывались вообще слободами.

Польские писатели, касавшиеся колонизации Украйны, обыкновенно придают этой колонизации польский характер. Но такое толкование неверно. Украйна заселялась не польским, собственно, народом, а малорусским, который шел туда из ближних русских областей, преимущественно из Волыни или Киевского Полесья; только ополяченные землевладельцы и земские чины, т.е. паны и шляхта, несколько нарушали чисто русский характер этого движения на юг и на восток.

В отношении крестьянского люда толчком к такому движению немало послужили, с одной стороны, введение более определенных инвентарей, обозначавших крестьянские повинности, а с другой — водворившаяся в русских областях система аренды, называвшаяся *заставой.* Инвентари первой четверти XVII века показывают, что крестьянские повинности и количество рабочих дней сильно возросли сравнительно с XVI веком. Особенно участились толоки, которых помещики стали требовать еженедельно, отнимая у крестьян единственный свободный день (праздничный) и притом вызывая его на работу со всей семьей. Что касается заставы, то это был особый вид залога недвижимости, причем залогодатель вместо процентов за данную им сумму пользовался доходами с имения. Обыкновенно такая аренда давалась

на три года; но по истечении их этот срок повторялся. Собственник имения при сем сохранял за собой права землевладельца на занятие должностей по местному управлению и другие шляхетские привилегии, которыми безземельный шляхтич не пользовался (например, таковой в исковых тяжбах мог подвергаться предварительному заключению). Вот почему заставу юридически предпочитали продаже имения; хотя фактически это и была, собственно, продажа. Но такая система аренды или продажи тяжело отзывалась на крестьянах. При отдаче в заставу выдавался залогодателю инвентарь имения, т.е. исчисление и оценка прямых крестьянских повинностей и даней, к которым присоединялся и косвенный доход с монополий, каковы, например, корчмы и мельницы: так как землевладелец имел права помола и право *пропинации* или исключительной торговли напитками.

Естественно, собственник, чтобы получать большую сумму, старался обозначить как можно более доходу, преувеличивал размер повинностей и даже писал в инвентаре повинности, не существовавшие на деле; заставной же владелец на основании инвентаря требовал от крестьян много лишнего, а подчас и невозможного. Особенно эти арендаторы свирепствовали при конце заставного срока, если не надеялись удержать за собою дальнейшую аренду; тогда они выжимали из крестьян последние соки: например, принуждали их работать по праздникам, не исключая и Пасхи (будучи сами униатами или католиками), даже православных сельских священников принуждали отбывать крестьянские повинности, и т.д. Отсюда, конечно, возникали иногда бунты, грабежи и убийства владельцев, а чаще всего крестьянские побеги, совершавшиеся не только целыми семьями, но и целыми селами. Бежали более всего на Украйну, особенно Заднепровскую, куда манил и больший простор, и более льготные условия для поселенцев. Иногда это бегство и переселение совершались со всем скарбом и скотом, при пособничестве соседних жителей, которые сопровождали переселенцев на известном расстоянии и даже помогали им вооруженною рукою защищаться от преследователей, причем переселенцы устраивали табор или подвижное укрепление из возов. Такое пособничество не редко обращалось в

своего рода промысел, и занимавшиеся им назывались «выкотцы». А в роли выкотцев выступали иногда сами помещики, которые сманивали соседних крестьян в свои дальние имения.

Вследствие такого движения на Волыни и в других соседних с нею старых русских областях многие местности надолго обезлюдели и запустели. Зато Украйна стала наполняться местечками, селами и хуторами.

Староства и так наз. яловые или пустые земли на Украйне сделались предметом захвата со стороны некоторых знатных польско-русских фамилий, каковы: Острожские, Вишневецкие, Конецпольские, Потоцкие, Замойские, Рожинские, Калиновские, Заславские, Забражские, Любомирские, Даниловичи. Так, Януш Острожский, каштелян Краковский, по благосклонности к нему короля, владел староствами Белоцерковским, Богуславским, Корсунским, Каневским и Черкасским. Калиновский, староста Брацлавский, воспользовался неопределенным выражением сеймовой конституции на пожалование ему Уманской пустыни и захватил пространство в целые тридцать миль; один из князей Вишневецких на таком же основании завладел всем Посульем в Заднепровской Украйне, а один из князей Рожинских обширными землями на рр. Сквири, Раставице, Ольшанке и т.д. Подобные владения, естественно, способствовали развитию и процветанию на Украйне крупного вельможества или так наз. можновладства. Важнейшие украинские старосты и паны представляют род магнатов-феодалов; народ иронически называл их «королятами». Каждый из них старался возможно скорее заселить и вместе закрепить свои огромные, но пустынные владения. Колонизаторская деятельность на Украйне особенно энергично проявила себя в первую четверть XVII века. При сем по неопределенности границ между панами нередко происходили столкновения, решавшиеся или судебным порядком, или вооруженною рукою. Например, гетман Конецпольский, староста Переяславский, позвал к суду трибунальному князя Еремию Вишневецкого за то, что он без всякой сеймовой конституции заложил до 40 местечек на грунтах, причитавшихся к Переяславскому староству. Меж тем состоявший в польской службе французский инженер Боплан в своих записках со-

общает, что он, по поручению этого гетмана Конецпольского, заложил на его землях до 50 местечек, из которых потом размножилось до 1000 селений. А своими наездами на чужие имения, разбоем и всякими насилиями в данную эпоху особенно отличался некий Самуил Лащ Тучанский, стражник коронный и староста Овруцкий, окруженный толпою подобных себе головорезов. Суды были завалены жалобами соседей на этого разбойника; на нем тяготело несколько трибунальных банниций; но он оставался безнаказанным, благодаря заступничеству коронного гетмана Конецпольского; а последний покровительствовал Лащу потому, что никто не выступал в поход с такими богато одетыми и отлично вооруженными гусарскими хоругвями и никто на войне не был храбрее Лаща.

Сельскохозяйственная культура быстро процветала на плодородных черноземных полях Украйны; благодаря тучным травяным лугам, обилию рыбных вод и лесных зарослей, здесь рядом с земледелием в широких размерах развивались скотоводство, пчеловодство и рыболовство. Население, однако, не могло спокойно предаваться мирной хозяйственной деятельности и наслаждаться богатыми дарами природы, по недостатку самой простой безопасности. Так, люстрация или статистическая опись Киевского воеводства 1616 года при ревизии его староств, особенно Белоцерковского, Каневского и Черкасского (пограничных со степью), замечает, что они опустошены от татарских набегов, от своевольных казаков, а также от кварцяных жолнеров. После татарского набега, сопровождавшегося сожжением селения и угоном скота, поселенцы для своей поправки обыкновенно вновь получали свободу от податей и повинностей на известное число лет.

При сравнении польской (собственно, западнорусской) колонизации южных степей с московскою, мы должны отдать предпочтение последней в смысле безопасности или ограждения со стороны татарских орд. Наше движение на юго-восток в степи совершалось по более определенному правительственному плану и имело более военный характер; тут каждый шаг закреплялся целою системою крепостей и засечных линий; землевладельческое население следовало

за ними также под надзором и руководством правительства. Колонизация польско-русской Украйны совершалось более частными средствами; зато она была оживленнее и многолюднее. Замки или укрепленные поселения воздвигались старостами и землевладельцами без строго определенного плана, по мере нужды, на удобных местах. А на высоких курганах, которыми вообще изобиловали южнорусские степи, располагалась стража, особенно по тем шляхам, которыми вторгались татары. Пограничные польско-русские укрепления большею частию были деревянные и прочностью не отличались.

Для примера возьмем опись Остерского замка, по люстрации 1628 года. Остерский замок построен при Сигизмунде Августе во время его войны с Иваном Грозным. Так как прежний замок лежал на р. Остре в некотором расстоянии от Десны, то он не мешал москвитянам пробираться Десною в пределы Речи Посполитой. Поэтому старый замок покинули и построили новый на самом устье р. Остра на берегу Десны. Он представляет четырехугольник, которого стороны имеют по 80 сажен длины, укреплен двойным частоколом и пятью деревянными башнями; артиллерия его состоит из 3 пушек бронзовых и 42 гаковниц или тяжелых, крепостных ружей. Шляхты, пользующейся принадлежащими замку землями, 20 человек; бояр путных в нем живет 35, а мещан (обязанных военною службою) 236. Таковы были укрепленные места и их гарнизоны вообще на польско-русской Украйне, с тем различием, что тут почему-то не видим городовых казаков, которые в других местах большею частию встречаются; да и в том же Остерском городке люстрация 1616 года (т.е. на 12 лет ранее) упоминает 40 казаков, а бояр насчитывают 98; что указывает, конечно, на происходившие тогда политические события и смуты, при которых нередко менялся и самый состав населения. По этой предыдущей люстрации весь старостинский доход с Остерского замка от чинша, подымной подати и от аренды с земель, мельниц и угодий, которыми пользовались и мещане, простирался до 700 злотых. Но из этой суммы старосте приходилось менее половины; так как, кроме кварты, часть ее шла на содержание подстаростинского уряда и на другие расходы, каковы

замковая музыка, потребная для стражи, порох, свинец, шпаги и пр. Любопытно, что расход на этих шпегов или лазутчиков упоминается также в ревизии староств Переяславского, Каневского, Черкасского с непременным добавлением, что без них «на Украйне быть нельзя».

Крупные украинские землевладельцы редко сами жили в тех местах; они управляли своими обширными имениями посредством состоявших у них на службе шляхтичей, или отдавали их в аренду, особенно в упомянутую выше заставу (временную посессию). Знатные старосты также держали свои староства посредством подстарост и других урядников, а иногда тоже отдавали их в аренду, с согласия короля. Это отсутствие непосредственного хозяйского управления и надзора имело важные последствия для Украйны. Подстаросты, управляющие, арендаторы и прочие урядники, доставляя определенный контрактами доход владельцу или старосте, естественно, хлопотали о том, чтобы как можно более выжимать из населения доходов в свою пользу, а потому повышали обычные поборы и повинности или изобретали новые с мещан и крестьян. В старых русских областях Речи Посполитой такое угнетение породило среди русских мещан поговорку: «От Кракова до Чакова всюду бида одинакова». Многие из них бежали на Украйну и колонизировали здесь пустоши, конечно, не для того, чтобы снова подпасть тому же гнету от подстарост, панских урядников и вообще от ополяченной шляхты.

В 20-х годах XVII века большею частию оканчивались льготные сроки для новозаложенных украинских местечек и слобод; поборы и повинности постепенно вступали в свои права. Происходивший от них гнет далеко не был так тяжел для населения, как в старых областях; но здесь успело народиться поколение с другим характером. На Волыни и Полесье мы не видим крестьянских восстаний против шляхетского гнета; там свой протест крестьяне заявляли только бегством; но, разумеется, бежали на Украйну преимущественно те, которые отличались сравнительно большим стремлением к свободе и большею предприимчивостью; а здесь на Украйне, при военной организации и постоянных военных тревогах, естественно, вырабатывался еще более свободолюби-

вый и отважный дух. Трудно было этому православному малорусскому народу мириться с тем, что ненавистная польская или ополяченная шляхта, от которой он думал уйти как можно далее, шла за ним по пятам, и здесь принималась водворять такие же социальные и экономические порядки и такое же крепостное право, как и в старых областях. За панами и шляхтою шел сюда же и другой бич западнорусского народа — жидовство с его беспощадной экономической эксплуатацией. За нею же следовала латино-униатская пропаганда. Тогда возобновились вооруженные противошляхетские движения малорусского народа, нашедшие себе опору в казачестве[25].

Сравнительно мирный период, наступивший для Украйны после мятежа Наливайка и продолжавшийся без малого тридцать лет (1596—1624), отмечен не только усиленной колонизацией этого благодатного искони русского края вообще, но также умножением и укреплением Малорусского казачества в частности. Тщетно панское или шляхетское правительство Речи Посполитой, чувствуя в нем беспокойную и опасную для себя силу, пытается если не совсем уничтожить казачество, то по крайней мере ограничить его возможно меньшими размерами, при помощи реестра, и стеснить его самоуправление. Обстоятельства, наоборот, благоприятствовали его дальнейшему развитию и шли вразрез с намерениями панов и шляхты. Главным препятствием для их намерений служила постоянная нужда в войске: при своих частых войнах с соседями в эту эпоху, а именно со шведами, москвитянами, татарами и турками, Речь Посполитая не могла довольствоваться своею туго выставляемою в поле, а потому немногочисленною земскою ратью или наемными (кварцяными) жолнерами. Днепровское же казачество представляло всегда готовый и притом сравнительно дешевый запас, из которого государство могло черпать значительное пополнение своим военным силам. На юге, со стороны татар и турок, это была постоянная, естественная и незаменимая оборона польско-русских пределов. Но особенно рост и, так сказать, расцвет казачества наступили в первом десятилетии XVII века, когда Речь Посполитая приняла деятельное, хотя и неофициальное, участие в Московской Самозванчес-

кой смуте и выставила двух первых Лжедимитриев. Заинтересованное в успехах этой смуты, но не выступая пока открыто в ее пользу, польское правительство мирволило образованию многих вольных отрядов, набиравшихся из разных слоев западнорусского населения, под общим именем казаков, и стремившихся в Московскую Русь ради грабежа и добычи. С одной стороны, оно тем усилило, конечно, самый рост казачества; а с другой способствовало еще большему развитию в нем своеволия и хищных привычек, которые становились бичом не только для соседей, но и для собственных областей.

Разумеется, в казачество стремились люди из тех слоев населения, которые подвергались наибольшему гнету со стороны господствующих классов. В XVI веке в нем преобладал элемент мещанский или городской, к которому надобно отнести также военнослужилое сословие бояр, панцирных и путных; все более и более теряя свои прежние права, западнорусское боярство, чтобы не попасть в разряд посполъства (крестьянства), переходило в городовое или оседлое казачество. А в XVII веке ряды казаков, особенно запорожцев, в значительной степени пополняли отважнейшие из крестьянства, угнетаемого все более входившим в силу крепостным правом.

Относительно разных прав и общественного положения городового малороссийского казачества любопытные данные находим в помянутой выше люстрации Киевского воеводства, производимой в 1616 году, т.е. в эпоху, последовавшую за Смутным временем Московского государства. Наибольшее его количество, естественно, проживает в приднепровских городах, особенно в старом его средоточии, т.е. в Каневском и Черкасском староствах. Так в Каневе мещанских домов *послушных* 160, а казацких, которые не хотят быть под послушенством, 1346; в Черкасах мещанских послушных домов 150, а казацких непослушных 800. Любопытно это различие: обыкновенно мещане, обязанные кроме некоторых податей и повинностей также и военною службою, называются «послушными»; тогда как казаки — «непослушными», потому что, как объясняет люстрация, они «не хотят быть под послушенством замковым», т.е. не признают над собою

власти королевского старосты, а хотят быть зависимы прямо от короля и управляться собственною выборною старшиною, не платить никаких податей и быть обязанными только военной службой. Далее, заслуживают внимания некоторые новопоселенные слободы Черкасского староства: местечко Боровица имеет послушных 500 домов, а казацких 100; местечко Ирклей послушных 20, а казацких 300; местечко Голтва послушных 30, а казацких 700 и т.д. В других украинских староствах число казаков сравнительно с мещанским не так велико, но в совокупности все-таки получается довольно большое количество.

В это время мы еще не видим того законченного казацкого строя и самоуправления, т.е. вполне сложившейся войсковой старшины, с собственным гетманом во главе, которых встречаем в следующую эпоху. Войсковой выбор перемешивается с правительственным назначением. Для казацкого гетмана почти нет определенного, постоянного местопребывания; хотя, по-видимому, оно тяготеет пока к Трахтемирову. Иногда одновременно является несколько гетманов в разных частях Украйны; самый титул гетмана еще не установился и нередко заменяется словом старшой. Общим начальником реестрового казачества считается польский коронный гетман, от которого зависит назначение или по крайней мере утверждение как самого старшого, так и полковников. Число сих последних, судя по некоторым указаниям, пока не превышает шести, а именно: Переяславский, Черкасский, Каневский, Чигиринский, Корсунский и Белоцерковский. Следовательно, они расположены в шести староствах Киевского воеводства, из которых одно Переяславское вполне находится в левобережной Украйне, а остальные лежат на правой стороне Днепра, и только частию на левой, именно Каневское и Черкасское. Количество реестровых казаков в этих полках было неравное и нередко менявшееся; однако, по всем признакам, оно обыкновенно определялось в тысячу человек; вот почему правительство в данный период, неблагосклонно относясь к росту казачества, старается удержать в реестре не более 6000. Вообще оно время от времени пытается положить предел стремлению сего городового казачества к своему расширению и размноже-

нию, а также к собственному выбору своей старшины и полному освобождению себя от старостинского уряда.

Хотя все украинское казачество уже носит название Войска Запорожского, но отношения городовых или реестровых к сечевикам еще не вполне определились и подвержены всяким неладам. Запорожье еще не выработало своего отдельного хозяйства и своего кошевого атамана и управляется часто сменяющеюся старшиною или, точнее, радою с ее случайными решениями. Тогда как Запорожье пополнялось неимущими, безземельными и своевольными людьми, голотою или гультяями, по преимуществу беглыми крестьянами или хлопами, реестровые владели земельными имуществами и разными угодьями и занимались промыслами; некоторые из них отличались особою зажиточностью; простые казаки называли их «дуками». Само собой разумеется, что такие зажиточные казаки и вообще реестровые, занимая в общественном отношении ступень между мещанами и шляхтою, были более наклонны к охранению существующего порядка (консерваторы) и более привержены к Речи Посполитой, нежели запорожцы или вообще казацкая голота и гультяйство. А потому в казацких движениях против польского шляхетства и панства мы пока видим частое раздвоение и отсутствие единодушия среди казачества, как и вообще среди украинского населения; что и было главною причиною их неудачного исхода.

В этот, так сказать, переходный период самым видным деятелем в развитии украинского казачества, в расширении и укреплении его самоуправления является Петр Конашевич Сагайдачный, едва ли не впервые давший пример настоящего казацкого гетмана, общего войскового начальника и городовых, и запорожцев.

Сагайдачный — по словам его младшего современника, русского шляхтича Ерлича — был шляхетского происхождения, родом из Самбора. Он обучался в Острожской школе и по тому времени был человеком образованным. Вступив в Запорожское войско, Сагайдачный рано прославился своими военными подвигами против татар и турок; за что войско не раз выбирало его своим старшим. Особенно он прославился и как участник, и как предводитель в удачных морс-

ких походах на мусульманские города Варну, Кафу, Синоп и Трапезунд, в 1614 — 1616 гг.; причем казаки освободили множество христианских невольников и взяли большую добычу. Походы эти навлекли на казаков неудовольствие и даже гонение от правительства Речи Посполитой, так как морские набеги запорожцев вызвали сильное раздражение в Константинополе. По повелению султана, крымские и буджацкие татары спешили, в свою очередь, внезапно вторгаться в пределы Юго-Западной Руси, жечь ее, разорять и уводить множество пленных; кроме того, султан не раз грозил жестокою войною, если не прекратятся казацкие набеги на его владения. Поэтому Сигизмунд III и вообще польское правительство пытается укротить казаков, приказывает им сидеть смирно, не ходить на море и быть послушными коронному гетману; в то же время оно отправляет особых комиссаров для их переписи и водворения между ними порядка, а в случае их непослушания предписывает украинским воеводам не посылать на Низ никаких военных и съестных припасов.

В 1617 году на урочище Старая Ольшанка на берегу р. Роси королевские комиссары, с гетманом Жолкевским во главе и под прикрытием кварцяного войска, заключили с казаками договор; причем взяли с них письменное обязательство на следующих условиях: не ходить войною на турецкие владения, исключить из своих списков всех людей простого звания, получать своего старшого из рук коронного гетмана, без позволения сего последнего не уходить с своих мест, и на них отбывать свою службу; за это именем короля комиссары назначили реестровым казакам 10 000 злотых жалованья и 700 поставов каразеи, т.е. простого сукна. По сему договору казаки оставили только за собой право просить короля и сейм об увеличении их числа, слишком ограниченного комиссарами и недостаточного для охраны границ.

Но подобные договоры и обязательства скоро уничтожались самою силою вещей. Уже в следующем, 1618 году полякам понадобилась казацкая помощь. Известно, что королевич Владислав, предпринявший поход на Москву, в качестве претендента на ее корону, но встретивший довольно дружное сопротивление, очень нуждался в подкреплении. Его

выручил гетман Сагайдачный, который привел 20 000 казаков, помог ему с честию окончить войну и заключить выгодное для поляков Деулинское перемирие. Разумеется, эти 20 000 казаков, набранные из всяких людей и преимущественно из беглых крестьян, после того нелегко было бы вновь возвратить в их прежнее состояние, и тем более, что Сагайдачный приобрел теперь большое значение и уважение не только среди украинского народа, но и в глазах самого польского правительства. Благодаря чему он мог заняться более прочным устройством украинского казачества. В грамотах он именует себя «гетманом войска королевской милости Запорожского». А под Запорожским войском в это время разумеется все казачество — реестровые и сечевики.

Местопребыванием его, кажется, служил Трахтемиров; по крайней мере сим местом обозначены некоторые его грамоты и приказы. Но коронный гетман Жолкевский косо смотрел на усиливающееся значение казацкого гетмана и умножение казачества. В следующем, 1619 году, находясь на р. Раставице, пониже местечка Паволочи, Жолкевский, опять во главе королевской комиссии, заключил с казаками новый договор, которым в главных чертах подтверждены были обязательства предыдущего или Ольшанского. Этот новый договор был собственноручно подписан Петром Конашевичем Сагайдачным с титулом не гетмана, а просто «старшого».

Сагайдачный был очень предан Православной церкви; он с горечью смотрел на чинимые ей притеснения и на успехи унии и первый из казацких гетманов открыто, энергично старался вдохнуть украинскому казачеству ревность к вере отцов и сделать его главною опорою в борьбе с унией. Так как ходатайства перед королем о нарушенных правах Русской церкви оставались пока без удовлетворения, а стремления поляков сократить и ослабить казачество возобновились, то знаменитый гетман невольно обратил свои взоры в другую сторону: на православную Москву. По крайней мере к этому времени относится его посольство к царю Михаилу Феодоровичу, против которого он только что сражался под польским знаменем. Поводом к сему посольству послужил удачный поход пяти тысяч запорожцев на крымских татар в

1619 году: запорожцы доходили до Перекопа, разбили здесь крымцев и освободили многих пленных христиан. Сагайдачный отправил в Москву атамана Одинца с известием о своих успехах, с двумя пленными татарами, с предложением служить Москве против крымцев и с просьбою о царском жалованье.

Посольство прибыло в Москву в феврале 1620 года перед наступлением Великого поста. Московское правительство, конечно, было последовательнее и тактичнее казацкой старшины: руководимое в то время патриархом Филаретом, оно отнеслось к посольству осторожно, не желая нарушить только что происшедшего замирения с Польшею. Казаков принимал боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский, а «светлых царских очей они не видали»: им объяснили, что в пост его царское величество ездит молиться по святым местам, и приема иноземных послов в это время не бывает. Одинца и его товарищей одарили деньгами, камками, тафтами и сукнами; а Запорожскому войску посланы от царя «легкое жалованье триста рублев» и похвальная грамота на имя гетмана; причем его предложение воевать опять крымцев отклонено на том основании, что Москва находилась тогда с ними в мире. Казацкие послы, с своей стороны, на сей раз вели себя сдержанно. На вопрос думного дьяка Граматина, нет ли какого посяганья на их веру от поляков, они отвечали, что «посяганья от короля никакого не бывало». Очевидно, Сагайдачный завязывал сношения с Москвою на всякий случай; и еще не думал разрывать с поляками, не хотел пока жаловаться на унию и продолжал показывать себя преданным слугою короля, несмотря на то что после Раставицкого договора отношения его с поляками и особенно с гетманом Жолкевским были в то время натянутые. Мы видели, что в том же 1620 году Сагайдачный воспользовался прибытием в Киев возвращавшегося из Москвы иерусалимского патриарха Феофана, чтобы возобновить Русскую православную иерархию. Обстоятельства вскоре помогли ему добиться для этой иерархии терпимости от польского правительства.

Жолкевский отнюдь не желал еще более поднимать военную славу Сагайдачного; а потому, отправляясь в свой пос-

ледний поход против турок, на помощь волохам, он не пригласил его с собою и, пренебрегая Запорожским войском, ограничился двухтысячным отрядом реесторовых. Знаменитый польско-русский гетман жестоко поплатился за такое пренебрежение. Имея менее 10 000 человек и неосторожно углубившись в молдавские степи, Жолкевский встретился с неприятельским полчищем, в шесть или семь раз более многочисленным. Оно состояло из турок, предводимых Скиндер-башею, буджацких татар с Кантемир-мурзою и крымских татар с калгой-султаном. Жолкевский начал отступление, двигаясь табором, т.е. в подвижном укреплении из возов, связанных железными цепями. Но на берегах Днестра, на полях Цецорских польское войско потерпело совершенное поражение (в конце сентября 1620 года). Жолкевский нашел свой конец в этой битве. Его товарищ или польный гетман, Конещюльский, оба сына и много других знатных людей взяты в плен. В этой же битве участвовал будущий освободитель Украйны Богдан Хмельницкий с своим отцом Михаилом, чигиринским сотником; последний был убит, а Богдан попал в татарский плен. После такого погрома, естественно, польское правительство вновь почувствовало нужду в казацком войске и, чтобы приготовить силы для отпора ожидавшемуся турецко-татарскому нашествию, вновь обратилось за советом и помощью к Сагайдачному. Он ревностно принялся собирать и вооружать казацкие полки; а между тем, пользуясь обстоятельствами, охранил от преследования Киевского митрополита и русских епископов, поставленных патриархом Феофаном.

Сагайдачный был тогда в таком почете у короля, что, по словам русского летописца, тот поручил его охране и попечению своего сына Владислава, которого назначил общим начальником ополчения, отправлявшегося против турок. Под ним польско-литовским войском начальствовал известный нам по Смутному времени великий литовский гетман Ян Карол Ходкевич. Это кварцяное войско заключало в себе с небольшим 30 000 человек. Оно стало укрепленным лагерем на Днестре под стенами Хотина. Сагайдачный привел ему на помощь, если верить летописцам, до 40 000 запорожских и вообще украинских казаков. Он расположился тоже ук-

репленным лагерем, т.е. окопался неподалеку, но отдельно от польско-литовского войска. Старшим, собственно, реестровых казаков был некто Бородавка, которого Жолкевский, кажется, хотел противопоставить Сагайдачному. Когда этот Бородавка явился под Хотином с трехтысячным отрядом, его предали военному суду за то, что он опоздал своим прибытием, занимаясь в походе приобретением добычи. По приговору суда сами казаки отрубили ему голову. Возможно, что казнь сия имела связь с желанием устранить неприятного Сагайдачному соперника.

Молодой султан Осман двинул под Хотин огромное войско (до 300 000) под личным своим предводительством. Его сопровождали татарские орды с Джанибек-Гиреем крымским и Кантемир-мурзою буджацким. Турки попытались сначала разгромить казаков и напали на их лагерь, но встретили жестокий отпор. После того они обложили христиан и стали добывать их и осадой, и штурмами. Меж тем несколько тысяч казаков спустились в Черное море, погромили турецкий галерный флот и таким образом прервали морские сообщения Османа с Царьградом. Борьба под Хотином продолжалась пять недель, с начала сентября по 6 октября 1621 года. Потеряв множество народу и не добившись победы, Осман наконец предложил мир, который и был немедленно заключен на почетных для Польши условиях. Польско-казацкое войско в этой отчаянной борьбе также понесло большие потери. Владислав и Ходкевич занемогли лихорадкой; молодой королевич оправился, а престарелый гетман умер до конца осады; после него предводительство вручено князю Станиславу Любомирскому.

Конашевич Сагайдачный, развернувший тут вполне свои военные таланты и, можно сказать, спасший Польшу от жестокого разгрома, получил тяжелые раны. После этого похода он отправился в Киев, где он и пребывал в собственном доме на попечении своей жены. Сигизмунд III за Хотинский поход прислал ему и всему войску Запорожскому в награду деньги, хоругвь, булаву и пр., вместе с похвальною грамотой, которою подтверждал старые войсковые права и вольности; обещал даровать еще большие. Сагайдачный в ответе своем и в предсмертном письме вместе с благодарностью не

упустил случая излить свою скорбь на притеснения украинскому народу от панов и старост, а также и от унии. Перед смертью гетман сделал большие вклады в разные монастыри, особенно в Киево-Богоявленское братство, которого он был братчиком; кроме того, отказал полторы тысячи червонцев на школу Львовского братства. Душеприказчиками он назначил митрополита Иова Борецкого и своего преемника по гетманству Олифера Голуба. Сагайдачный скончался 10 апреля 1622 года и был погребен в Киевобратском монастыре при училищной церкви. Ректор этого училища Касьян Сакович, по обычаю того времени, сочинил пространные вирши, восхвалявшие его подвиги. Эти вирши и были читаны студентами при обряде погребения.

В Сагайдачном Украйна потеряла человека, который умел до некоторой степени объединять разные слои населения, поднимая знамя православия и русской народности, а в то же время ладил с польским правительством и папами. После его смерти отношения опять стали обостряться, особенно вследствие неудержимого стремления панов и шляхты к закрепощению не только простого народа, но даже и людей служилого сословия. Как пример этого стремления похолопить всех, кого можно, укажем на жалобу нескольких служилых литовских татар, с поручником Барашом во главе, записанную в Луцком гродском суде; в 1619 г. Бараш с товарищами заявил, что князь Януш Острожский нанял их на время в свою службу, а теперь не отпускает от себя и «хочет их, людей вольных, себе заневолить». Неизвестно, чем разрешилась эта жалоба; но в следующем, 1620 г. окатоличенный и ополяченный сын знаменитого князя Василия Константина скончался; с ним прекратилось мужское потомство князей Острожских; его обширные имения на Волыни и Украйне перешли к родственной фамилии князей Заславских.

Другая часть огромных Острожских владений досталась его племяннице Анне-Алоизе Александровне. Эта внучка знаменитого ревнителя православия, оставшись молодой вдовой после своего мужа, умершего под Хотином литовского гетмана Яна Карла Ходкевича, подпала полному влиянию иезуитов и свои богатства употребила на служение католичеству и унии, а православие подвергла гонению. На

месте известного дедовского училища она основала в Остроге иезуитский коллегиум и начала строить для него громадное здание. Ее ханжество простиралось до того, что кости своего православного отца, князя Александра, покоившиеся в замковом Богоявленском храме, она велела вынуть из склепа, освятить посредством иезуитов и отвезти в католический костел.

Выше мы заметили, что к данному времени начали оканчиваться льготные сроки для украинских новопоселенных слобод, и землевладельцы вступали во все свои права; что на Украине хотя гнет от владельцев и арендаторов и не был так тяжел, как в старых областях, но тут сложился другой характер населения. А потому попытки закрепощения не замедлили вызвать новое движение среди сельского населения: свободолюбивые люди уходили и селились далее в степях или бежали за Пороги и перечислялись таким образом в казаки, т.е. в вольный военно-служилый класс. Паны, конечно, не признавали этой воли и начали теснить казаков, стараясь силою воротить их в крепостное состояние. Отсюда возник целый ряд казацких восстаний, от Жмайла до Хмельницкого включительно (1624 – 1648 гг.).

В 1623 году, когда после убиения Иосафата Кунцевича возобновилось усиленное гонение на православие, было решено принять меры для обуздания и сокращения казачества, а также для недопущения их пиратских походов в Черное море. С этою целью назначена была на Украйну новая военносудная комиссия. Но казаки вооруженною рукою воспротивились ее действиям. Во главе восстания стал атаман Жмайло, около которого собралось значительное войско запорожских и отчасти реестровых казаков. Он даже вошел в сношения с крымцами и звал их на помощь. Он расположился обозом под Крыловым (на р. Тясмин). Против Жмайла с кварцяным войском и панскими вспомогательными отрядами выступил сам коронный гетман Концепольский, один из лучших полководцев своего века, достойный преемник и зять гетмана Жолкевского. В его войске находилось и большинство реестровых казаков. Теснимый гетманом, Жмайло отступил в лесистую, болотистую местность, называвшуюся Медвежьими Лозами. Тут у озера Курукова гетман догнал

его и принудил к решительной битве. Казаки дрались отчаянно; но перевес военного искусства и особенно артиллерии был на стороне поляков. Казаки вступили в переговоры. Они предъявили разные требования, в том числе: чтобы им не запрещали ходить на море за добычей, так как королевское жалованье им слишком скудно или совсем до них не достигает; чтобы Греческая вера не терпела никаких притеснений, чтобы они сами выбирали себе гетмана и пр. После многих переговоров польские комиссары с Конецпольским во главе, заключили с казаками так наз. Куруковский договор, в ноябре 1625 года. Казацкая старшина присягнула на следующих главных условиях: реестровое войско определяется в 6000 человек с жалованьем по 60 000 злотых в год, кроме особого жалованья старшому, обозному, писарю, двум есаулам, полковникам и пр. Остальные казаки должны быть выписаны из войска и возвращены в прежнее состояние, т.е. под власть или королевских старост, или своих панов-землевладельцев. Старшой назначается и, во всяком случае, утверждается коронным гетманом; за Порогами должна стоять сторожа в 1000 человек для охраны границы от татар и недопущения их переправляться через Днепр. Для этой стражи чередуются известные шесть полков: Переяславский, Черкасский, Чигиринский, Каневский, Корсунский, Белоцерковский. Все морские чайки должны быть сожжены и казаки не должны без позволения королевского ходить в море ни Днепром, ни другими реками и мира с турками не нарушать. Старшим на место Жмайла Конецпольский назначил Михаила Дорошенка.

В следующем году, тяжелый для Украйны, Конецпольский с кварцяным войском покинул южные пределы Речи Посполитой и направился на север в польскую часть Пруссии, куда шведский король Густав Адольф из Лифляндии перенес войну с поляками. Наместником своим на Украйне гетман оставил шляхтича Стефана Хмелецкого. Этот храбрый и талантливый военачальник умел поладить с реестровым казачеством и, опираясь на него, в течение трех лет удачно оберегал южные границы от нападения крымских и буджацких татар, которые не раз терпели от него сильные поражения. В награду за свои подвиги незнатный шляхтич был назначен киевским

воеводою; но он умер, не успев вступить в эту должность (1630 г.). Около того времени, по замирении со шведским королем, воротился на юг с кварцяным войском суровый гетман Конецпольский. Не имея чем уплатить жалованье войску и опасаясь обычного в подобных случаях бунта, он расположил своих жолнеров на Украйне таким образом, чтобы хоругви были отделены одна от другой большим расстоянием; следовательно, они не могли бы легко сговориться и поднять бунт. Это обстоятельство послужило, в свою очередь, тоже к бунту, но только не польских наемников, а казаков.

Постой буйных и хищных жолнеров лег тяжелым бременем на местное население. Особенно волновался тот класс обывателей, который назывался «выписчиками»: они временно успели побывать в казаках, но были выписаны из реестра. Из этой среды выступили агитаторы, которые начали возбуждать народ и смущать его разными слухами, вроде того, что поляки задумали истребить сначала всех казаков, а потом и весь русский народ. Духовенство охотно поддерживало подобные слухи и указывало на продолжавшиеся утеснения Православной церкви от латинян и униатов. Говорят, будто бы, кроме того, в народе действовали агенты московские и шведские. Как бы то ни было, в крае появились отряды казацкой вольницы, которые стали врасплох нападать на поляков, и несколько их хоругвей перебили. Мятежники воспользовались захваченным у них оружием. Тогда Конецпольский поспешил сосредоточить войско и из города Бара, своей гетманской резиденции, разослал универсал, приглашавший шляхту спешить на соединение с кварцяным войском против казаков, а наперед себя отправил на Украйну коронного стражника Самуила Лаща. Преувеличенные слухи о неистовствах сего последнего над жителями подлили только масла в огонь. Тысячи украинской голоты собрались на Запорожье и там выбрали себе гетманом некоего Тараса Федоровича. Запорожцы обманом захватили преемника Дорошенки, т.е. старшего реестровых казаков, по имени Григория Черного, и казнили его за то, что он держал сторону ляхов и уговаривал казаков к покорности. Реестровые разделились: одна часть их осталась верна Речи Посполитой, а другая пристала к восстанию. Тарас с своим войском укре-

пился на правой стороне Днепра под Переяславом. Сюда же явился и Конецпольский. Произошли ожесточенные битвы, в которых, по словам польского хрониста, польской шляхты пало более чем за всю прусскую войну. Борьба окончилась победою поляков. Казаки изъявили покорность, присягнули на условиях Куруковского договора и выдали зачинщиков. На место Григория Черного Конецпольский поставил Тимоша, прозванием Арандаренка (1630 г.).

Во время междуцарствия, наступившего по смерти Сигизмунда III, когда на Конвокацийном сейме поднялись со стороны диссидентов и православных жалобы на притеснения, казаки также чрез своих послов выступили с разными требованиями. Гетман казацкий Иван Петржицкий в июне 1632 года двинулся с войском, чтобы поддержать эти требования. Но на Волыни, на границе имений князя Острожско-Заславского, агент его остановил казаков и упросил их не идти далее. В ожидании возвращения своих послов, они расположились между Уманью и Овручем. Агент Заславского доложил своему князю, что хотя гетман показывает число реестровых казаков у себя в 16 000, но в действительности оно по крайней мере вдвое более и что между ними он видел много хлопов. Очевидно, помянутые выше договоры не исполнялись, и войско Запорожское продолжало принимать в свою среду бывших крестьян. Казацким послам поручено было на сейме указать на заслуги Запорожского войска при обороне границ и затем требовать: участия в избрании короля, обеспечения православной веры от униатских притеснений, расширения своих вольностей, увеличения реестра, прибавки жалованья и пр. Сейм отклонил их требования. Относительно участия в избрании короля, которого казаки домогались как члены Речи Посполитой, сейм отвечал, что короля выбирают только люди шляхетского звания, а что казаки если и члены Речи Посполитой, то вроде волос и ногтей, которые обрезают, когда они слишком отрастут. Но так как в короли был выбран именно тот, кого казаки сами предлагали, т.е. Владислав, пользовавшийся их расположением, то Запорожское войско было довольно, и тем более что новый король, как мы знаем, обнаружил веротерпимость и прекратил было

гонение на Православную церковь. Первые годы его царствования прошли в мире с запорожцами, и сии последние, как мы видели, оказали ему большие услуги при освобождении Смоленска от осады Шеина. Но так как казаки не хотели отстать от своих морских набегов на турецкие берега, то польское правительство решило при начале Порогов построить крепость Кодак, которая должна была запереть казацким чайкам дорогу по Днепру в море.

Не успели еще докончить Кодакские укрепления, как атаман Сулима, прославившийся своими удачными морскими походами, поспешил уничтожить эту преграду. Предводительствуя несколькими тысячами запорожцев, он внезапно ночью ворвался в крепость, истребил малочисленный ее гарнизон, начальника его француза Морьона велел казнить, а укрепления разрушить (1635 г.). Этим событием возобновилась ожесточенная борьба казачества с поляками. Гетман Конецпольский угрозами заставил реестровых схватить и выдать Сулиму с главными его товарищами в руки правительства. Они были казнены в Варшаве. Перед казнию Сулима, Бог весть зачем, принял католичество. Одному из осужденных его товарищей, по имени Павлюку, канцлер Фома Замойский (сын знаменитого Яна Замойского) выспросил у короля пощаду. И этот-то Павлюк явился во главе следующего казацкого восстания.

Причиною нового восстания был все тот же усиливающийся гнет от подстарост и других старостинских урядников в королевских землях, от управителей и арендаторов-жидов в панских имениях; поборы и повинности все увеличивались, и продолжалось стремление шляхты к закрепощению простого народа, со включением так наз. выписчиков или тех людей, за которыми она не признавала казацкого звания. Недовольные, по обычаю, уходили на Запорожье. Когда они вновь скопились там в большом числе, то выбрали своим гетманом Павлюка и подняли знамя бунта (1637 г.). Реестровые со своим старшим Саввою Кононовичем хотели остаться покорными Речи Посполитой. Новоизбранный гетман послал на него несколько тысяч запорожцев с полковником Скиданом, который захватил Кононовича в Переславле. Павлюк велел его расстрелять. Украйна закипела шайками поднявшихся хлопов, кото-

рые бросились грабить и жечь панские дворы и фольварки, причем тщательно забирали всякое оружие.

С особою силою мятеж разлился в обширной Заднепровской Вишневечине. Шляхта спасалась бегством в укрепленные города и замки. Коронный гетман Конецпольский с кварцяным войском сторожил тогда южную границу от угрожавших ей турок и потому двинул против мятежников своего товарища или польного гетмана Николая Потоцкого с небольшим отделом кварцяных жолнеров. Эти жолнеры также готовы были взбунтоваться от неуплаты жалованья. Но Потоцкий их успокоил. Сын одного из самых крупных украинских землевладельцев, он возбудил к деятельной обороне своих товарищей, украинских панов, которые явились к нему на помощь с вооруженными отрядами; в их среде главное место занимал Еремия Вишневецкий.

В лагере восставших казаков не было единодушия: большая часть реестровых осталась верна полякам и соединилась с Потоцким; а другая часть хотя и пристала к запорожцам, но действовала осторожно и неохотно. Сам Павлюк оказался ниже своей задачи. Он звал на помощь себе крымского хана; но тот его обманул; таким образом, пропущено было лето, т.е. самое удобное для казаков время, и только в декабре казацкий гетман двинулся из Запорожья на Украйну, где действовал полковник Скидан. Под Кумейками (к югу от Канева) он неожиданно столкнулся с Потоцким, у которого передовым отрядом начальствовал известный разбойник и лихой наездник Самуил Лащ. Произошла жестокая битва. Несмотря на превосходство в числе и отчаянную храбрость запорожской голоты, польское военное искусство, более крепкая дисциплина, лучшее вооружение и артиллерия начали брать верх. Тогда конница реестровых и сам Павлюк с главными помощниками покинули поле битвы. Поляки ворвались в казацкий табор, и битва обратилась в беспощадное избиение голоты. Но тут выдвинулся своим мужеством и распорядительностью некто Димитрий Томашевич Гуня: он сумел устроить новый табор, в котором до ночи оборонялся со своим отрядом, а ночью ускользнул с ним из рук победителей. Павлюк с остатками разбитого войска окопался в местечке Боровице. Здесь православный украинский пан Адам

Кисель выступил посредником между поляками и казаками. Он поклялся на том, что жизнь Павлюка и его товарищей будет пощажена, и уговорил казаков выдать их в знак своей покорности. (Скидан и Гуня скрылись.) Уполномоченные Запорожского войска присягнули вновь на исполнение Куруковского договора: казакам окончательно предоставлено было право выбирать только старшину полковую; а войсковую, т.е. старшого и есаулов, назначал коронный гетман; все лодки на Запорожье они должны были сжечь, а приставшую к ним чернь выдать. При войске должен был состоять правительственный комиссар, который, собственно, и ведал его делами и резиденцией которого назначен казацкий город Трахтемиров. Старшим над реестровыми теперь поставлен был переяславский полковник Ильяш Караимович. Он подписал присягу вместе с пятью другими полковниками, Черкасским, Каневским, Чигиринским, Корсунским и Белоцерковским. Присяга была скреплена войсковою печатью и подписью войскового писаря Богдана Хмельницкого, который в этой войне вместе с названными полковниками оставался верным Речи Посполитой. Присяжная грамота помечена 24-м декабря 1637 года.

Сейм 1638 года не признал для себя обязательной клятву Адама Киселя о пощаде Павлюка с товарищами, и они были казнены в Варшаве. Рассказывают, что перед казнию на голову Павлюка хотели надеть раскаленную железную корону и дать ему в руки такой же скипетр, потому будто бы, что он хвастал взять самую Варшаву и там короновать себя королем. Но Владислав IV избавил его от таких продолжительных мук.

Мятеж был подавлен только на правой стороне Днепра. Благодаря случившемуся тогда в нем ледоходу, сообщения с Заднепровской Украйной на время прекратились, и там шайка гультяев продолжала свирепствовать в панских имениях, т.е. жечь и грабить панские дворы, избивать панскую челядь и жидов. Но когда Днепр покрылся льдом, Потоцкий перевел свои хоругви на левую сторону и успел до некоторой степени очистить ее от казацких шаек. Около этого времени до 4000 запорожцев хотели пробраться в Персию, чтобы наняться к шаху и служить ему в войне с турками; но дорогою они,

по приглашению донцов, соединились с ними и вместе взяли у турок Азов.

Казачество, особенно в Заднепровской Украйне, притихло только до весны. Зима была самым неудобным временем для казацкой войны, потому что лишала их обычных прикрытий и убежищ. Только летом казаки приобретали полную свободу для своих действий. Тогда к их услугам являлись болота, камыши, лесные поросли, яры и балки; тут они были в своей стихии и, опираясь на эти убежища, могли действовать с большею уверенностию и отвагою.

Меж тем, разносимые по Украине преувеличенные слухи о страшных жестокостях, с которыми паны и жолнеры торжествовали свою победу, о намерении ляхов истребить весь православный русский народ, о всевозможных притеснениях и вымогательствах жидов-арендаторов и т.п. распаляли народные страсти и возбуждали непримиримую ненависть к господству ляхов и жидов. Весною 1638 года в Заднепровье снова поднялись толпы голоты, снова запылали панские дворы и хутора и полилась кровь. Во главе восстания теперь стали, уже отличившиеся в предыдущем году и спасшиеся из рук ляхов, Остраница и Гуня, полковники Скидан, Путивлец, Филоненко и др. Выбранный гетманом войска Запорожского, Яцко Остраница или Остранин (из города Остра), расположился табором в Базавлуцкой Сечи, и в марте 1638 года издал универсал или послание ко всему казачеству обеих сторон Днепра. В этом послании он рассказывает, как пекий Геродовский, начальствовавший в городе Остре, прошлою зимою мучил отца Остранина, семидесятилетнего старика, за то, что он не мог доставить наложенное на него количество сыру и масла для собак Геродовского, а после и за то, что у него не оказалось венгерского вина, которого потребовал начальник при своем посещении. От мук и побоев старик умер. Геродовский велел избить до полусмерти также и брата Остранинова, который после того убежал в Сечь. Затем универсал указывал малорусскому народу вообще на тиранство ляхов, на избиваемых отцов и братьев, на матерей, жен и сестер, подвергаемых бесчестью, обливаемых водою в трескучие морозы или запрягаемых в плуги наподобие волов и подгоняемых жидовскими бичами, по прика-

зу ляхов; указывал на гонения православных, насильственное обращение в унию и т.д. Остранин призывал народ вооружаться против ляхов и спешить к нему на соединение. Он советовал делать это втайне от реестровых казаков, называя их «отродками и отщепенцами», которые ради своих выгод и корысти помогали ляхам в предыдущей Кумейской войне. Этот универсал посредством расторопных казаков был разослан в округи Черкасский, Белоцерковский и Уманский на правой стороне Днепра, в Переяславский, Нежинский и Лубенский на левой. Начальники восстания, кроме того, звали на помощь и крымцев, и донцов; но крымцы отказали, а донцы были тогда заняты Азовом. Реестровые казаки не пристали к запорожцам и сражались против них в рядах польского войска.

Предводимые Остраниным и Скиданом, запорожцы с Днепра двинулись на его левую сторону в лесистое и болотистое пространство между Пслом и Ворсклою, во владения Вишневецкого, и взяли его городок Голтву на Псле. Польный гетман Николай Потоцкий отрядил сюда своего родственника Станислава Потоцкого с наемною немецкою пехотой, польскими жолнерами и реестровыми казаками. После тщетных усилий выбить запорожцев из Голтвы Станислав Потоцкий отступил к городу Лубнам на Суле. Остранин и Скидан, увлеченные первым успехом, перешли в наступление и ударили на Потоцкого; но от польской артиллерии и немецкой пехоты понесли такие потери, что ночью ушли вверх по Суле. Это отступление случилось очень некстати: на помощь им полковник Путивлец вел более 2000 казацкой голоты, в том числе 500 донцов. Потоцкий, пользуясь уходом Остранина, напал на Путивльца. После длившейся целый день упорной обороны гультяи, по своему обычаю, от великой самонадеянности быстро перешли к унынию и вероломству: они выдали Путивльца с товарищами и изъявили покорность. Но рассвирепевшие жолнеры, не обращая внимания на переговоры, бросились на казаков и всех перебили. Потоцкий после того отступил к Киеву, которым тщетно пытались овладеть казаки. Остранин меж тем, подкрепив себя новыми толпами голоты, двинулся опять вниз по Суле. Против него выступил князь Еремия Вишневецкий во главе войска, со-

бранного из панских отрядов; с ним соединился и Станислав Потоцкий. Столкновение произошло у местечка Жолнина, где казаки заняли позицию, защищенную болотами и лесистыми порослями, и начали отабориваться, т.е. укреплять вокруг себя табор из возов. Но Вишневецкий не дал им времени докончить укрепление и стремительным ударом разорвал их табор.

Считая все потерянным, Остранин с частью своей конницы спасся бегством и ушел за Московский рубеж. Но среди казацкой старшины нашлись люди, которые удержали большую часть войска на месте, устроили новый табор и возобновили отчаянную битву, во время которой поляки понесли большие потери. Тут своим геройством и расторопностию снова выдвинулся на первый план Димитрий Гуня, который, собственно, и признан был теперь казацким гетманом. Руководимые им, казаки передвинули свой табор из-под Жолнина к самому устью Сулы, где и окопались на острове, который образуется этим устьем и затоном Днепра или так наз. Старцем. Сюда подходили к ним подкрепления с разных сторон Украйны. А к полякам подоспел польный гетман Николай Потоцкий с несколькими хоругвями; за ним из Киева пришла артиллерия; к нему же спешили вспомогательные отряды, снаряженные панами, в том числе и православными (князья Четвертинские, Проскуры, Аксаки и др.), которые заодно с католиками отстаивали свои владельческие права и равно стремились к закрепощению простого народа. Полковник Скидан, будучи ранен, хотел пробраться в Чигирин, но был схвачен поляками и потом казнен вместе с Путивльцем и другими товарищами.

С половины июня до конца июля на Усть-Старце кипела отчаянная борьба, ознаменованная многими подвигами с той и другой стороны. Гуня так укрепил свой лагерь высокими валами, что никакое бомбардирование, никакие приступы поляков не могли им овладеть. Но скоро против казаков встал другой более неумолимый неприятель: съестные припасы у них истощились, и грозил страшный голод. Поляки тоже страдали от недостатка кормов и продовольствия; но они все-таки могли посылать фуражиров, хотя и в дальние места, так как ближние были уже совершенно опустошены.

Казаки прибегли к переговорам, причем стояли на том, что положат оружие только тогда, когда им возвратят все прежние права. Этими переговорами они хотели выиграть время; так как ожидали к себе на помощь корсунского полковника Филоненка, который действительно приближался частью на лодках Днепром, частью берегом с новым отрядом, а главное с большим запасом продовольствия. Польские начальники проведали о нем и устроили ему засаду на правом берегу Днепра. Он отбился от этой засады и ночью приплыл к пристани, которая отделялась небольшим пространством от казацких окопов. Потоцкий и Вишневецкий вывели почти все свое войско на это пространство и стали между Филоненком и казацким табором. Из этого табора казаки ударили на поляков. Тут произошла последняя и самая отчаянная битва, длившаяся всю ночь. Она окончилась тем, что Филоненко пробился в окопы, но с потерею большей половины своего отряда и почти всего съестного запаса. Буйная, невежественная казацкая чернь до того была рассержена такою неудачею, что, забыв геройское поведение Филоненка, на своей черной раде приговорила его к позорному наказанию киями. Теперь казаки совсем упали духом и заключили предварительный договор с поляками; а окончательный отложен был до возвращения казацких послов, которых коронный гетман позволил выбрать на будущей раде в Каневе и отправить к королю. После того казаки покинули свой лагерь и разошлись в разные стороны. Гуня и Филоненко во время переговоров успели ночной порой сесть в лодку и уплыть вниз по Днепру, чем и спасли себя от польской казни.

Отправленное к королю казацкое посольство, среди которого оказался и Богдан Хмельницкий (в этой войне бывший на стороне шляхты как реестровый), не добилось никаких уступок. В декабре того же 1638 года королевские комиссары собрали казаков на Масловом Ставу (между Каневом и Богуславлем), и тут объявили им окончательные условия. Эти условия были еще горше Куруковских. Теперь коронный гетман назначал казацкими полковниками даже не казаков, а польских шляхтичей; вместо старшого над войском поставлен польский комиссар (некто Петр Комаровский), который свою резиденцию имел в Корсуне, так как Трахте-

миров во время этой войны был сожжен. Самим казакам предоставлено было право выбирать только сотенных атаманов. (В числе их является и Богдан Хмельницкий, выбранный чигиринским сотником.) О возвращении казакам привилеев, земель и угодий не было и помину. Таким образом и самое реестровое казачество, вместо награды за верность, было умалено в своих правах и в своем числе (которое снова низведено к 6000). А между тем оно-то именно и помогло победе поляков; как и вообще отсутствие единодушия и какой-либо правильной организации препятствовало малороссийскому казачеству и всему украинскому народу оказать ляхам такое сопротивление, которое бы заставило уважать его права на некоторую политическую самобытность.

Украинские летописцы упоминают еще о какой-то попытке казаков вслед за разгромом их на Усть-Старце. Предводителем своим они выбрали некоего Полторакожуха (вероятно, по его размерам ему мало было одного кожуха), и собрались на р. Мерле. Но при одном слухе о приближении Вишневецкого эта толпа рассеялась. Вследствие больших морозов, на походе против них погибло много и самих поляков.

Ближайшим следствием целого ряда неудавшихся восстаний было переселение многих малороссиян из польско-русской украйны за рубеж в Московское государство. Так Яцко Остранин пришел во главе нескольких сот казаков, получил от московского царя обширные земли на реке Донце, где и основал поселение на Чугуевом Городище. Ускользнувшие из табора на Усть-Старце Гуня и Филоненко ушли за тот же рубеж, первый в сопровождении трехсот казаков. Надобно заметить, что имущество городовых казаков, замешанных в восстании, обыкновенно отбиралось и отдавалось в награду людям, отличившимся при его подавлении. Так движимость и недвижимость Яцка Остраницы была отдана одному из жолнеров Самуила Лаща (шляхтичу Мацею Доманскому). В Чугуеве собралось до 1000 черкас или малороссийских казаков, и они составили целый полк, имевший свое обычное военное устройство, под начальством Остранина, который сохранял звание гетмана; а под ним начальствовали сотники. Но рядом с гетманом здесь был московский воевода с сво-

им гарнизоном. Наделенные землями и всякими угодьями, казаки обязаны были нести пограничную или сторожевую службу. Это строго наблюдавшаяся Москвою сторожевая служба вскоре показалась непостоянным и наклонным к лени казакам обременительною. А между тем из Польши присылались люди, подстрекавшие их воротиться на родину. Среди них возникли несогласия и распри. Остранин своим любостяжанием и властолюбием вызвал против себя неудовольствие. Начались распри и обратный уход в польские владения. Дело окончилось тем, что черкасы с обычною своею строптивостью и непоследовательностию, возмутились, убили Остранина и ушли из Чугуева (1641 г.).

В числе польских мероприятий против повторения казацких мятежей немалое значение имело возобновление крепости Кодака. В 1639 году коронный гетман Конецпольский, во главе нескольких тысяч жолнеров, лично наблюдал за построением валов и укреплений, возводимых под руководством французского инженера Боплана. Когда крепость была окончена, гетман занял ее сильным гарнизоном, над которым начальство вверил пану Жолтовскому, и предписал самые строгие меры предосторожности от нечаянного нападения. Главное назначение этой крепости состояло не в обороне государства со стороны степных орд, а в разобщении Украйны с Запорожьем и в преграждении украинским чайкам выхода в Черное море. Теперь ни один реестровый казак не мог пройти туда мимо Кодака без особого письменного разрешения от польского комиссара, сидевшего в Корсуни.

По поводу той же крепости казацкое предание рассказывает следующее о Богдане Хмельницком, будущем освободителе Украйны.

Однажды гетман Конецпольский обходил укрепления Кодака в сопровождении свиты и нескольких реестровых казаков, в числе которых находился чигиринский сотник.

— Угоден ли вам, казакам, сей Кодак? — спросил вдруг гетман хвастливым тоном.

Казаки промолчали, только Хмельницкий ответил по-латыни:

— Что человеческою рукою сделано, тою же рукою может быть и разрушено.

Гетман подозрительно посмотрел на сотника, но не решился причинить ему какое-либо зло ввиду его заслуг перед Речью Посполитой.

Сам польский хронист (Пясецкий), сообщая о построении Кодака, указывает, сколько бед накликали на себя поляки, стараясь уничтожить Запорожское войско. Уже в феврале следующего, 1640 года татары сделали большой набег, опустошили области Корсунскую, Переяславскую и Вишневечину и ушли назад с 30 000 пленных, не встретив сопротивления в городах, не имевших казацкого гарнизона. Гетман Конецпольский погнался за ними, но не догнал. Таким образом поляки сами лишили свои южные пределы той казацкой обороны, которая им ничего не стоила. А польские жолнеры, вновь расквартированные на Украйне, вместо ее охраны, только угнетали ее своими поборами и всякого рода насилиями.

Для Украйны наступил самый тяжелый период — период крайнего гнета, религиозного, политического и экономического. Наряду с ляхами, как их усердный помощник в этом гнете, деятельное участие принимало жидовство[26].

Прежде, нежели перейдем к жидовству, посмотрим, что такое в ту эпоху была Сечь Запорожская и бросим общий взгляд на Украйну.

Довольно наглядное представление о Запорожской Сечи дает нам один иноземец в конце XVI века, именно Эрих Ляссота, который в 1594 году ездил сюда послом от императора Рудольфа II с поручением нанять запорожцев в имперскую службу для войны с турками.

От Киева посольство на лодках поплыло вниз по Днепру. На устье Псла оно соединилось с московским посольством, которое также отправилось к запорожцам с подарками от царя. Прошедши пороги, оба посольства достигли острова Хортицы, на котором запорожцы в ту пору держали своих коней зимою. Здесь к послам присоединилось 400 казаков, которые около Будиловского порога скрывались в кустах и зарослях, находясь на страже против татар: последние при своих набегах на Украйну совершали иногда в той стороне переправу, именно против острова Таволжаного. Запорожская Сечь в это время располагалась гораздо ниже Хорти-

цы, именно на острове Базавуке, лежащем при впадении реки того же имени в Днепр. Остров этот именовался иначе Чертомлыком по имени огибавшего его Днепровского рукава или так наз. Чертомлыцкого Днеприща. Посольство прибыло сюда 9 июня. Запорожцы встретили его с почетом и пушечною пальбою. Его разместили в шалашах или в «кошах», плетенных из хворосту и покрытых сверху лошадиными кожами. Атаман запорожский, которым на ту пору был Богдан Микошинский, находился в отсутствии: с 1300 казаками он на 50 судах отправился к устью Днепра, чтобы помешать очаковской переправе крымских татар, шедших на Венгрию на помощь туркам. Но ввиду большого количества турецких галер и других судов, стоявших на этой переправе, Микошинский после небольших схваток с ними 18 июня воротился в Сечь.

19-го казаки собрались в коло или раду, выслушали московского посла и приняли от него подарки. На следующий день выслушали императорского посла. Пригласив его выйти из круга, рада начала обсуждать привезенную им грамоту, причем разделились на два кола: одно, состоявшее из старшин, а другое из простых казаков или черни. Долго шло совещание; наконец чернь закричала, что согласна поступить на службу императорского величества, в знак чего стала бросать вверх свои шапки. Старшина меж тем медлила своим решением. Но толпа пригрозила бросить в воду всякого, кто будет противного с ней мнения. Не смея ей противоречить, старшина как бы согласилась с нею и только требовала определить условия службы. Для сего выбрали 20 депутатов, которые, сев на землю, составили малое коло; после многих разговоров они пригласили в свою среду посла. Депутаты объявили ему, что войско готово поступить на императорскую службу и через Молдавию двинуться в Турцию, но существуют важные затруднения. Во-первых, у казаков нет достаточного количества коней для самих себя и под орудия, потому что прошлой зимой татары угнали у них более 2000 коней, и осталось менее 400. Во-вторых, на лицо всего войска теперь только около 3000 человек, а на молдаван нельзя полагаться, так как этот народ известен своим непостоянством и вероломством. В-третьих, посол

предлагал им слишком малое вознаграждение и вообще слишком неопределенные условия службы. В заключение они вызывались выйти в море и напасть на Килию и Бабадаг, лежащие в устьях Дуная.

Посол старался устранить эти возражения и уговорить казаков, чтобы они немедля двинулись в Валахию, где бы загородили татарам путь в Венгрию. Когда есаулы сообщили Большой или Черной раде о сих переговорах, она вновь выразила свое согласие кликами и бросанием шапок. Но в тот же вечер более зажиточные казаки, например, челновладельцы и их сторонники, ходили из хаты в хату и смущали простой народ, выставляя поход слишком далеким и опасным, и советовали хорошенько прежде обдумать все предприятие, чтобы потом не раскаиваться. Особенно налегали они на незначительность присланной им суммы (8000 червонцев), тогда как много требуется денег на покупку хлеба и лошадей; а между тем им не дают никакого письменного обеспечения, скрепленного императорскою печатью; когда же они зайдут далеко в глубь чужой страны, а надобность в них минует, то их могут просто оставить ни при чем.

Такие речи подействовали, и на следующее утро, 21 июня, рада постановила решение совсем противное тому, которое было сделано накануне. Тщетно Ляссота уговаривал казаков; тщетно поддерживал его сам Микошинский, который даже отказался было от начальства; но его упросили взять свой отказ назад. Несколько раз собиралась рада; составлялись разные планы и условия; решали их и опять перерешали. Между прочим, хотели просить о помощи и московского государя. Наконец остановились на том, чтобы с послом отправить к императору двух депутатов от войска, для определения условий будущей казацкой службы. Выбрали двух сотников, Федоровича и Ничипора, как уполномоченных от всего *товарищества* или от «рыцарства вольного войска Запорожского», которым и вручили войсковую грамоту императору. 2 июля посол отплыл из Сечи вверх по Днепру, при звуке барабанов, труб и пушечной пальбе. Таким образом успеха его посольство не имело. Но записки его довольно живо рисуют перед нами характер Запорожского войска с его шумными, непоследовательными радами, с его малым

уважением к старшине и любовью к полному равенству, с его стремлением к свободе и независимости от собственного, т.е. польского, правительства. Это стремление, как известно, и было одним из главных двигателей последующих восстаний и отчаянной борьбы украинского народа с ляхами.

В первой четверти XVII века, при гетмане Сагайдачном, Запорожская Сечь вновь была перенесена на остров Хортицу, самый крупный из Днепровских островов, обильный лесом, лугами, речками и озерами. (Впрочем, тут она оставалась недолго.) К нему прилегает небольшой остров Малая Хортица, на котором когда-то укрепился князь Дмитрий Вишневецкий и который поэтому можно считать колыбелью запорожских сечей.

Французский инженер Боплан, служивший польским королям Сигизмунду III и Владиславу IV в качестве инженера и артиллериста, как очевидец, следующим образом описывает морские и сухопутные походы запорожцев.

«Почти ежегодно казаки на своих челнах разгуливают по Эвксинскому Понту. Неоднократно они грабили владения Крымского хана, опустошали Анатолию, разорили Требизонд, доплывали до Босфора и даже в трех милях от Константинополя предавали все огню и мечу. На родину казаки возвращаются с богатою добычею и немногими пленными, по большей части с детьми, которых употребляют в услужение или дарят польским магнатам; взрослых же турок в плен не берут, разве надеются получить за них дорогой выкуп. Число казаков, предпринимающих таковые набеги, не превышает 6 или 10 тысяч. Нельзя надивиться, с какою смелостью они переплывают море на изготовленных ими же утлых челнах».

«Несколько ниже реки Чертомлыка, почти посредине Днепра, находится довольно большой остров с древними развалинами, окруженный со всех сторон более нежели 10 000 (?) островов; они разбросаны беспорядочно, почву имеют иные сухую, другие болотистую; все заросли камышом, торчащим наподобие пик и закрывающим протоки между островами. Сии-то многочисленные острова служат притоном для казаков, которые называют их Войсковою Скарбницею, т.е. казною. Все они, исключая развалин, по-

топляются весенним половодьем. Там никакие силы турок не могут вредить казакам. Однажды преследовавшие их турецкие галеры проникли до самой Скарбницы; но тут в лабиринте островов запутались и не могли найти выхода. Казаки грянули в них из ружей с челнов, закрытых камышами, потопили многие галеры и так напугали, что с тех пор турки не смеют входить в Днепр далее 4 или 5 миль от устья. Каждый казак имеет на островах свой тайный уголок. Возвратясь с поисков над турками, они делят в скарбнице добычу, и все, что ни получают, скрывают под водою, исключая вещей, повреждаемых оною. В Войсковой Скарбнице запорожцы строят также свои челны, имеющие в длину 60, в ширину от 10 до 12, а в глубину 8 футов и снабженные двумя рулями. Эти челны, имея с каждой стороны по 10 и 15 весел, плывут на гребле скорее турецкой галеры.

Перед походом казаки составляют раду, на которой выбирают походного атамана. Они запасаются сухарями, вареным просом и тестом; его едят разведенным в воде, что у них называется саламатою. Во время похода они всегда трезвы, и, если кто окажется пьяницей, атаман тотчас приказывает выбросить его за борт. Водку брать с собой не позволяется.

Турецкие галеры стерегут казаков в Днепровском лимане, но всегда безуспешно; так как для выхода в море выбирается ночь самая темная. Через 36 или 40 часов после этого выхода они причаливают к берегам Анатолии и, оставив для караула на каждой лодке по два товарища и по два мальчика, делают высадку, нападают врасплох, приступом берут города, грабят, жгут, опустошают, нередко на целую милю от морского берега; потом немедля возвращаются к судам, нагружают их добычею и плывут далее — на новые поиски. Встречаются им на море турецкие галеры или купеческие корабли, они бросаются на абордаж. Казаки открывают неприятельские корабли прежде, чем турки успеют их заметить; ибо запорожские челны возвышаются над морскою поверхностью не более двух с половиною футов. Усиленная турецкая стража ждет на устье Днепра возвращения казаков. Но последние смеются над ней даже и тогда, когда битвы с неприятелем уменьшили их число или вол-

ны морские поглотили некоторые из утлых челнов. Они причаливают в заливе, в 3 или 4 милях на восток от Очакова. От сего залива идет к Днепру низкая лощина, длиною около 3 миль, которую море иногда заливает на одну четверть или покрывает ее водой на полфута. Через сию лощину казаки перетаскивают свои суда; над каждым челном трудится 200 или 300 человек, и через два или три дня весь флот, обремененный добычею, является на Днепр. Но если встретятся с турецкими галерами среди белого дня в открытом море, тогда от пушечных выстрелов челны их рассыпаются, как стаи скворцов, и многие гибнут в морской пучине. Редко возвращается их на родину более половины; зато привозят богатую добычу: испанские реалы, арабские цехины, ковры, парчу, бумажные и шелковые ткани и иные дорогие товары. Это их главный промысел: они живут добычею; воротясь на родину, ничем не занимаются, а умеют только пить и бражничать с друзьями. Казаки выходят на морские поиски после Иванова дня, а возвращаются не позже первых чисел августа месяца».

В другом месте Боплан, впрочем, замечает, «что в мирное время охота и рыбная ловля оставляют главное занятие казаков».

На сухом или собственно степном пути запорожцы совершали походы обыкновенно табором:

«Буджацкие татары, занимаясь беспрерывною войною, храбрее крымских и искуснее в наездничестве. На равнине между Буджаком и Украйною обыкновенно разъезжает 8 или 10 тысяч сей вольницы, которые разделяясь на отряды в тысячу всадников, удаленные один от другого на 10 или 12 миль, гарцуют по степям и ищут добычи. Посему казаки, зная, какая опасность ожидает их в степях, переходят оными в таборе или караване, т.е. между двумя рядами телег, замыкаемых спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же с дротиками, пищалями и косаками на длинных ратовищах идут посреди табора, а лучшие наездники вокруг оного. Сверх того, во все четыре стороны, на четверть мили высылают по одному казаку для наблюдения. В случае поданного сигнала табор останавливается». «Случалось и мне несколько раз, с 50 или 60 казаками, переходить степи. Татары напа-

дали на наш табор, в числе 500 человек, но не в силах были расстроить его; да и мы также мало вредили им: ибо татары только издали грозили нападением, не подъезжая, однако, на ружейный выстрел, и, пустив через наши головы тучу стрел, скрывались. Стрелы их летят дугою, вдвое далее ружейной пули».

О характере и свойствах казацких Боплан отзывается таким образом:

«Соединяя с умом хитрым и острым щедрость и бескорыстие, казаки страстно любят свободу; смерть предпочитают рабству и для защиты независимости часто восстают против своих притеснителей — поляков; в Украйне не проходит семи или восьми лет без бунта. Впрочем, коварны и вероломны, а потому осторожность с ними необходима; телосложения крепкого, легко переносят холод и голод, зной и жажду; в войне неутомимы, отважны, храбры, или, лучше сказать, дерзки, и мало дорожат своей жизнью. Метко стреляя из пищалей, обычного своего оружия, наиболее храбрости и проворства показывают они в таборе, огороженные телегами, или при обороне крепостей. Нельзя сказать, чтобы были плохи и на море, но не таковы на конях: я сам видел, как 200 польских всадников расеяли 2000 отборных казаков». «Одаренные от природы силою и видным ростом, они любят пощеголять, но только тогда, когда возвращаются с добычею, отнятою у врагов; обыкновенно же носят одежду простую».

Воспользуемся тем же наблюдателем-иностранцем и приведем из его записок некоторые черты об Украйне и ее населении того времени.

О Киеве он замечает, что в нем находятся четыре храма католических и десять церквей греко-российского исповедания. Вместо свеч киевляне жгут лучину, которая нарочно для того приготовляется и продается очень дешево. Сказав о Печерской лавре, где живет митрополит, он продолжает: «Против оной находится монастырь женский; монахини, числом до ста, занимаются вышиванием и продают посещающим обитель свою искусную работу. Они пользуются свободою выходить из монастыря, когда им угодно; прогуливаются обыкновенно в Киеве, отстоящем не далее полумили; носят платье черное и подобно католиче-

ским монахиням ходят попарно. Помнится, я видел некоторых монахинь столь прелестных, что и в Польше встречал немного подобных красавиц».

О влиянии польской культуры или ополячении западнорусской шляхты и тяжком положении крестьянства Боплан свидетельствует:

«Русское дворянство, которое, впрочем, в Украйне немногочисленно, походит на польское и стыдится, по-видимому, исповедовать иную веру, кроме католической, которая ежедневно обретает в нем новых приверженцев, невзирая на то, что все вельможи и князья ведут род свой от русских.

Крестьяне находятся в жалком положении: они принуждены три дня в неделю ходить на барщину и на землю, смотря по величине участка, давать господину несколько четвериков хлеба, несколько пар каплунов, кур, цыплят и гусей. Оброк сей собирается около Пасхи, Духова дня и Рождества. Сверх того, они возят дрова на господский двор и исполняют тысячи других изнурительных и несправедливых требований, не говоря уже о денежном оброке, о десятине с овец, свиней, меду и со всех плодов; по прошествии же трехлетия, они отдают третьего вола. Одним словом, все, что только ни понравится господам их, крестьяне принуждены уступать, а потому и неудивительно, если сии несчастные не имеют у себя, как говорится, ни кола ни двора. Но это еще не все: помещики, отнимая имущество у крестьян, располагают произвольно и жизнию их. Так неограниченны вольности польского дворянства! Оно блаженствует как будто бы в раю, а крестьяне мучатся, как в чистилище. Если же судьба пошлет им злого господина, то участь их тягостнее галерной неволи. Многие от рабства спасаются бегством; сильнейшие уходят в Запорожье — главный притон казаков на Днепре. Пробыв там несколько времени и совершив один морской поход, беглые крестьяне принимаются в казацкие круги, и таким образом увеличивают легионы их до бесконечности».

«По деревням Украйны всякое воскресенье и всякий праздник крестьяне с женами и детьми собираются после обеда в корчму; мужчины и замужние женщины проводят время в попойке, а юноши и девицы веселятся на лугу пляс-

кою под дудку, туда приходит обыкновенно помещик с семейством своим, чтобы посмотреть на забавы молодых поселян; иногда же дозволяет им плясать перед своими хоромами, где и сам с супругою и с детьми принимает участие в танцах. Надобно заметить, что в Украйне и Подолии деревни обыкновенно окружены лесочками с тайниками, где летом жители укрываются от хищных татар. Сии лесочки занимают добрую полумилю в ширину. Хотя земледельцы считаются крепостными, однако же исстари пользуются правилом и свободою похищать во время пляски благородных девиц, даже дочерей своего помещика. Но в сем случае проворство и расторопность необходимы: похититель непременно должен ускользнуть с добычею в соседний лесочек и скрываться там не менее 24 часов, иначе пропала его головушка». Но тут же автор сознается, что в течение 17 лет, проведенных им на Украйне, ему не случалось ни разу слышать о таком похищении. Да и получить согласие благородной девицы на похищение трудно: «земледельцы впали теперь в презрение, а дворяне сделались властолюбивее и надменнее». Следовательно, в данном случае он передает воспоминания о прежних временах, когда еще не вывелось из обычая древнерусское умыкание девиц во время игрищ, и напрасно пытается объяснить этот обычай древнепольским уважением к тем людям, которые бегали быстрее других.

Между прочим, Боплан не совсем правдоподобно сообщает, будто бы на Украйне «немолодые люди сватаются за девиц, а девицы предлагают им руку и редко не достигают своей цели; им помогает особенного рода суеверие, строго наблюдаемое: по мнению украинцев, родители жениха не могут отказать девице, которая приходит и настойчиво просит их согласиться на брак; отказать ей значило бы оскорбить весь ее род и навлечь на свою голову гнев Божий, а на дом — несчастие.

«Свадьбу играют на Украйне таким образом: жених и невеста, созвав несколько юношей и девиц, посылают их к своим родственникам с приглашением на *веселье,* т.е. на свадьбу; а в знак сей обязанности дают им по цветочному венку (который надевается на руку), с росписанием всех особ, приглашаемых на праздник. Молодежь идет попарно, имея

впереди одного молодца, который держит в руке трость и от имени всех говорит приветствие и приглашение. Невесту наряжают к венцу в предлинное суконное платье кофейного цвета, с широкою на груди оторочкою из полушелковой материи и с огромными фижмами, от коих оно раздувается во все стороны. На голове не бывает никакого убора, кроме цветочного венка; волосы рассыпаются по плечам; грудь и шея закрыты; видно только лицо. Отец, брат или ближний родственник ведет невесту в церковь; впереди их идут двое музыкантов с дудкою и скрипкою; по совершении обряда венчания, один из родственников берет молодую за руку и отводит домой с тою же музыкой». Эти обычаи указывают на известную степень культурности.

Далее находим такие черты:

«На брачных пирах врожденная страсть к вину переступает все пределы умеренности. Помещики дозволяют крестьянам к свадьбе и крестинам варить пиво; это доставляет им возможность без лишних издержек пить сколько душе угодно. В другое же время крестьяне должны покупать пиво на господских пивоварнях». После свадьбы, «в знак того, что молодая уже принадлежит к числу женщин, надевают ей на голову кичку: ибо одни только замужние могут покрывать голову; девицы всегда ходят простоволосые и за стыд почли бы надеть кичку». К нравственности девиц народные обычаи относились очень строго. Если оказывалось, что молодая до свадьбы была нескромного поведения, то со стороны гостей поднимались в доме невообразимый шум, битье посуды, всякие оскорбления ее родителей и родственников и т.п., а молодой мог вытолкать ее за дверь. «Надобно отдать справедливость украинским девицам, — прибавляет Боплан: — хотя свобода пить водку и мед могла бы довести до соблазна, но торжественное осмеяние и стыд, коим подвергаются они, потеряв целомудрие, удерживают их от искушения».

«По степям украинским разгуливают целыми стадами олени, лани, сайги; попадаются также кабаны величины необыкновенной. Дикие лошади ходят табунами от 50 до 60 голов; они не способны ни к какой работе, и хотя жеребята могут сделаться ручными, но также ни к чему не годны, раз-

ве только для пищи. Дикую лошадь усмирить невозможно. Она обыкновенно разбита на ноги; так как никто не обрезает ее копыт, то на них наростают такие толстые слои, которые не позволяют ей быстро скакать».

Описывая благодатную, богатую всякими произведениями почву Украйны, ее чрезвычайное обилие рыбою, птицею, крупным и мелким скотом, Боплан касается и оборотной стороны.

Так, при всей телесной крепости и выносливости населения, оно нередко страдает от страшной болезни волос, известной под именем колтуна. «Одиржимые сею болезнию круглый год чувствуют сильное расслабление в членах, и от нестерпимой боли нерв стонут беспрерывно. По прошествии года, на голове больного в одну ночь выступает сильный пот, волосы склеиваются, скатываются в клочки и походят на хвост трески рыбы. Только тогда больной получает облегчение и чрез несколько дней совершенно оправляется; но вид его волос отвратителен: расчесать их невозможно. Если больной острижет клочки, прежде истечения двух дней, то соки, которые выходили порами волос, приступают к глазам и несчастный теряет зрение». Народное суеверие, конечно, примешалось и к этой болезни: появление ее иногда приписывали порче от старых баб, которые действовали с помощью вредных трав и окуривания. Сам автор объясняет существование колтуна отчасти недостатком хорошей воды. «Главный же недостаток Украйны, по его словам, заключается в соли»; она привозится с границ Трансильвании из Покутья, где ее вываривают из соляных источников и делают из нее род небольших лепешек и в таком виде продают. «Добывают соль также из еловой и дубовой золы и называют *коломеем;* с хлебом она весьма приятна».

«Берега днепровские замечательны бесчисленным количеством мошек: утром летают мухи обыкновенные, безвредные; в полдень являются большие, величиною в дюйм, нападают на лошадей и кусают до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечером: от них невозможно спать иначе как под казацким *пологом,* т.е. в небольшой палатке, если только не захочешь иметь распухшего лица».

«От мошек перейдем к саранче. Я видел, как бич сей терзал Украйну в продолжение нескольких лет сряду, особенно в 1645 и 1646 годах. Саранча летит не тысячами, не миллионами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль в длину и на две или на три мили в ширину. Приносимая на Украйну почти ежегодно из Татарии, Черкесии и пр. восточным или юговосточным ветром, она пожирает хлеб еще на корню и траву на лугах; где тучи ее остановятся для отдохновения, там через два часа не остается ни былинки, и дороговизна на съестные припасы бывает ужасная». Бедствие это особенно увеличивается в том случае, когда саранча не пропадает до осени и успевает в октябре месяце положить в земле до 300 яиц каждая; тогда на следующую весну выводится страшное ее количество, если во время вывода не пойдут дожди. «Полет ее лучше всего сравнить со снежными хлопьями, рассыпаемыми вьюгою во все стороны. В это время исчезает свет солнца и небо покрывается как будто мрачными облаками».

Такими же темными красками изображается зимняя украинская стужа:

«Хотя Украина лежит под одинаковою широтою с Нормандией, однако стужа в ней суровее и с некоторого времени не только жители, особенно люди военные, но даже кони и вообще вьючный скот не в силах переносить холода нестерпимого». «Кто пустится в дорогу на коне или в повозке, но не возьмет необходимых предосторожностей, худо оденется, тот сперва отмораживает оконечности рук и ног, потом нечувствительно самые члены и мало-помалу впадает в забытье или в дремоту. Если не постараетесь прогнать сон и заснете, то никогда уже не пробудитесь». Всадники отмораживают под бронею живот; после страдают нестерпимыми коликами, «и жалуются, что внутренности их как будто раздираются». «В 1646 году, когда польская армия вступила в Московские пределы, чтобы загородить обратный путь татарам и освободить плененных ими жителей, жестокая стужа принудила нас сняться с лагеря: мы потеряли более 2000 человек, из коих многие погибли мучительною смертию, другие воротились калеками. Лошадей во время похода пало от холода более тысячи». «Стужа бывает еще опас-

нее для того, кто не употребляет горячей пищи и питья и не следует примеру украинцев, которые три раза в день едят род похлебки из горячего пива с маслом, перцем и хлебом и тем предохраняют свою внутренность от холода»[27].

Теперь взглянем на дальнейшие успехи еврейского элемента среди русского населения.

В истории XVI века мы видели, какими путями и как неуклонно перебиралось из Польши и распространялось по Западной и Юго-Западной Руси еврейство, как оно в качестве откупщиков и арендаторов постепенно захватывало в свои цепкие руки народные подати, повинности, промыслы и торговые статьи. В эпоху, о которой теперь идет речь, т.е. в первую половину XVII века, размножение еврейства и экономическое порабощение коренного народа, как и следовало ожидать, только преуспевают и преодолевают все препятствия. Это, энергичное в деле высасывания народных соков, племя пользуется мягкостию славянской натуры, распущенностию и подкупностию чиновничества, взаимною неприязнию сословий и целых народностей — словом, всеми возможными способами для того, чтобы обходить направленные против него постановления, острым клином врезаться в организм Речи Посполитой, засесть камнем в его желудке, совершенно подточить средние торгово-промышленные классы и необоримою стеною встать между высшими и низшими слоями населения. Тороватые польские и ополяченные паны находили у еврейских ростовщиков всегда готовый кредит для своих непроизводительных расходов, а потому, естественно, оказывали всякое покровительство повсеместному распространению еврейства и его стремлению к захвату арендных статей. Паны и шляхта охотно отдавали еврею свои имения в аренду; ибо никто более его не вносил им арендной платы, никто не обеспечивал им больших доходов и не избавлял их так от всяких хлопот по управлению и хозяйству. Таким образом еврей в одно и то же время удовлетворял и жадности, и лени польского пана. Впоследствии привычка пользоваться услугами ловкого, сметливого еврея внедрилась до такой степени, что польский пан без еврея-арендатора или без еврея-фактора сделался немыслим. А панам в этом случае стала подражать и вся имущая шляхта.

Разумеется, давая высокую арендную плату за имение, еврей, в свою очередь, старался с лихвою выжать ее из крестьян, всеми способами умножал их повинности, увеличивал поборы, вообще вел самое хищническое хозяйство и сильно угнетал сельское население. Отсюда сложились известные латинские вирши, назвавшие Речь Посполитую шляхетским небом, еврейским раем и крестьянским адом (Clarum regnum Polonorum — Est coelum Nobiliorum — Paradisus Judaeorum — Et infernus rusticorum).

В более распространенном виде содержание сих виршей встречаем уже в первой половине XVII века в сочинении одного из тех польских патриотов, которые ясно сознавали темные стороны своего государственного и общественного быта, но тщетно указывали на них своим современникам. Подобно вышепомянутому поэту Кленовичу, этот (неизвестный по имени) патриот такими яркими чертами изображает положение еврейства в своем отечестве:

«Разве это не рай (еврейский), когда у других наций гнушаются сим дурным народом, а в Польше жиды у многих панов любимые люди. Кто (у нас) арендатор в имениях? Жид. Кто чтимым доктором? Жид. Кто славнейшим и состоятельнейшим купцом? Жид. Кто держит мельницы и корчмы? Жид. Кто мытником и таможником?. Жид. Кто наивернейший слуга? Жид. Кто имеет легчайший доступ к пану? Жид. Кто пользуется наибольшим покровительством, частным и общественным? Жид. Кто скорее добивается и выигрывает дело, хотя бы и несправедливое? Жид. Кто на сеймиках и сеймах получает наибольшее внимание к своим делам и привилегиям? Жид. Кто так счастлив, чтобы ему всякие плутовства, увертки, предательства и другие несказанные беззакония благополучно сходили с рук? Жид. Но каким же способом этот отверженный народ отворил себе дверь в такой рай? Ответ простой: у него золотой ключ, посредством которого он всего достигает». «Горе тем панам, которые к великой кривде христианскому люду и в ущерб католической религии делают поблажки сему вредному народу, чем сильно отягчают свою совесть и обездоливают своих подданных: отдают в аренду жидам местечки, села, таможни, мыто, мельницы, корчмы. Давно ли все это запрещено сеймовыми

конституциями?» Затем следуют ссылки на Статут Сигизмунда Августа или сейм Петроковский 1565 года, конституции 1567 и 1538 гг. «Теперь все делается наоборот. Все помянутые статьи (для них запрещенные) жиды арендуют в Польше, Литве, Руси, на Волыни, Подолии и т.д. Этот злой народ сидит на арендах в городах и селах; жиды мытниками и жупниками (арендаторы соляной регалии), жиды на постоялых дворах; у них монополия: никаких потребных вещей нельзя нигде достать помимо жида». Между прочим, автор жалуется, что жиды-арендаторы заставляют крестьян работать даже в праздники и лишают их возможности посещать храмы Божии, что приходящих к ним по делу женщин склоняют к измене их мужьям, что отняли торги у мещан, промыслы и заработки у ремесленников; отчего города и местечки обедняли, и т.д., и т.д.

Почти теми же чертами оттеняет значение еврейства для Польско-Русского государства Иосиф Верещинский, занимавший католическо-епископскую кафедру в Киеве в конце XVI века — один из лучших польских писателей того времени, человек ученый и знакомый с еврейским Талмудом.

«Жиды, — говорит он, — очень тягостны нам и нашим подданным. Они выцедили почти все наши имения; они околдовали нас как цыгане и заразили своим дыханием как волки; разоряют нас как хотят и всех от низшего сословия до высшего, к стыду нашему, водят за нос. Разве не жиды через руки армян перетащили все сокровища Речи Посполитой к туркам и волохам? Разве не жиды через посредство армян передают чужим народам тайные сведения о делах всего королевства Польского? Ведь на это направляет их Талмуд. (Следуют из него выдержки.) Разве жиды, вопреки государственному праву, не захватывают в свои руки лучшие аренды? Закон запрещает им занимать общественные и государственные должности, на которых они могли бы раздавать приказания христианам; а между тем, владея арендами, они не только повелевают христианами, но и проделывают с ними все, что вздумается, к величайшей для нас обиде. Разве жиды, вопреки государственному праву, не держат на откупе таможен, пошлин, чопового (акциз с напитков)? Разве они, вопреки тому же праву, не держат у себя христиан-

ской прислуги? Разве не противоречит сему праву и то, что жиды не хотят ходить в желтых шапках? Даже защитники их сознаются, что не раз испытывали на себе (их мошенничества), и все-таки своими ходатайствами способствуют тому, что дела жидовские процветают, а мы прочие и сами они — даем себя обманывать».

Если в наше время, при всех наличных средствах, государственных и общественных, нельзя назвать успешною борьбу с беспощадной еврейской эксплуатацией и с еврейскими обходами законов, то можно себе представить, как безнадежно в этом отношении было положение средних и низших классов в землях Речи Посполитой, при слабости исполнительной власти, подкупности лиц, занимавших земские и королевские уряды, и своеволии панов. Многие дошедшие до нас судебные и административные акты Западной Руси того времени вполне подтверждают горькие жалобы польских и русских патриотов, подобные вышесказанным.

Приведем несколько примеров.

В 1622 году житомирские мещане жалуются на своего подстаросту и на еврея-арендатора в том, что, вопреки королевским привилегиям, они купеческих и торговых людей не допускают к ярмаркам и торгам, а с самих мещан и с гостей, приезжающих в местечко, взыскивают несправедливое мыто, по три гроша с воза, без всякого права выгоняют их для исправления моста, на ярмарке также беззаконно не позволяют им шинковать пиво, мед и горелку; хотя, по своим привилеям, мещане имеют право в известные сроки устраивать у себя ярмарки, причем безданно и беспошлинно торговать и шинковать.

В 1633 г. виленские обыватели вносят такую протестацию против евреев. Вопреки всем правам и привилеям города, без разрешения виленского магистрата жиды, будучи только гостями и живя в наемных помещениях, занимаются таможнями, мытами, арендами, лихвой, разносной торговлей золотых, серебряных и других вещей; заводят лавки и шинки с медом, пивом и горелкой, чем у бедных мещан-христиан отнимают их отцовский и дедовский хлеб и приводят их к совершенной нищете; хотя в старых и новых правах и сеймовых конституциях торговля сими статьями им запрещена под

угрозой строгой кары. Наконец, опять вопреки всем законам, они стали приобретать себе каменные дома и вытеснять из них христиан; причем с этих домов перестали идти городу какие-либо доходы и повинности, и т.д., и т.д.

В 1646 г. бурмистры, райцы и лавники города Полоцка, чтобы воспрепятствовать дальнейшему размножению у себя еврейства, постановили: впредь жидам не занимать более тех шести плацов, которые они уже заняли, и магистрат полоцкий не должен давать новых утверждений на их дома. Разумеется, подобные постановления оказывались бесполезными, так как правительственные лица являлись на стороне евреев. Никакие протесты, никакие жалобы, ни даже открытые мятежи утесненных граждан не могли остановить распространение и размножение евреев. Например, около того же времени, именно в 1644 году, жители города Львова думали силою отделаться от этой язвы; но встретили отпор как со стороны многочисленного, вооруженного еврейства, так и со стороны выступившей на его защиту старостинской милиции. Три дня продолжалась в городе кровопролитная борьба и окончилась ничем: евреи остались на своих местах, и конечно, еще с большею энергией возобновили свою разрушительную деятельность. На подобных примерах можно с достаточною наглядностию следить за историческим процессом постепенного заедания западнорусского мещанства пришлым жидовством.

Арендуя старостинские имения и замки, евреи стали даже заседать в судах подвоеводских в качестве асессоров. А какой погром производило их хозяйничанье в этих арендованных имениях и замках, дает понятие следующая заметка люстраторов о старостинском местечке Нехороще, в Киевском воеводстве, в 1622 году: «Приехавши, мы никого не застали, только жида-арендатора Шмейера; нашли великий беспорядок, замок пустой, погнивший, обвалившийся, без верху».

На Украйне евреи-арендаторы явились вслед за первыми же колонистами, панами и шляхтою, и, конечно, под их покровом. Но особенно еврейский гнет украинскому народу начал чувствоваться с 1625 года, т.е. с эпохи Куруковского договора или неудачного казацкого восстания, когда (как выше замечено) для многих поселенных слобод окончились

льготные сроки и началось отбывание всякого рода повинностей и поборов. Да и как могло ленивое, легкомысленное панство не соблазняться услугами евреев, от которых без всяких с своей стороны трудов и хлопот оно рассчитывало получать тысячи и десятки тысяч злотых за аренды, только под условием, чтобы никто, кроме них, не курил и не продавал горелки.

Благодаря этим арендаторам уничтожались для народа прежняя вольная охота в степях и безмездная рыбная ловля в реках; в особенности тяжело показалось ему (а главное казачеству) уничтожение свободы курить вино, варить пиво и мед. Внося высокую арендную плату, евреи, ради своей наживы, кроме отмены этих вольностей, изобретали и другие тяжести. Между прочим, они усилили так наз. поволовщину, т.е. десятину с приплода скота. Прежде она взималась раз в десять лет; а они, учащая ее постепенно, довели до ежегодного взимания. Точно так же, умножая панщину, они достигли того, что стали выгонять на панские работы каждый день и даже в праздники. Изобретательность евреев в сочинении налогов и даней не имела пределов. С их помощью польские паны придумали, например, следующие, по выражению русского летописца «неслыханные нововымышленные дани»: так наз. *дуды*, т.е. пошлину за игру на дудке, свирели, скрипке, *повивачное* — от новорожденных детей за повивамце, *поениину* — от вступающих в брак, *пороговщину* — от каждого рога воловьего или коровьего, и т.д. и т.д.

Свой гнет евреи не ограничили материальною или хозяйственного стороною, а распространили его и на религиозные потребности населения. Польские и ополяченные паны и старосты в своем легкомыслии и презрении к народу дошли до того, что, ради гнусного прибытка, стали отдавать в аренду в своих имениях и староствах самые православные церкви, и ключи от них вручали жидам-арендаторам. Таким образом не только кто хотел обвенчаться или окрестить ребенка должен был платить за это жиду, но и в воскресенье или другие праздники он не давал ключей от церкви без оплаты их пошлиной. Понятно, как подобные неправды и притеснения раздражали народное чувство, и казацкие восстания, конечно, происходили в непосредственной связи с этим

народным чувством. Ненависть к ляху и жиду все росла в русском украинском народе. Она неизбежно должна была вызвать впоследствии еще более решительные события и перевороты.

Судебные акты эпохи наглядно свидетельствуют, что раздражение обывателей христиан против евреев часто выражалось в разных насилиях над ними, т.е. грабежах, побоях и убийствах, а также в обычных обвинениях, взводимых на евреев; таковы обвинения в убиении христианских детей, в колдовстве и в общественных бедствиях, которые посылаются на людей (напр., моровое поветрие) за попустительство властей в отношении жидов. Но те же акты показывают, что и евреи, с своей стороны, не оставались в долгу, и где чувствовали себя в силе или большем количестве, там они сами нападают на христиан и даже убивают; по некоторым указаниям, они, подобно шляхтичам и казакам, носили сабли и вообще не чуждались вооружения. Много встречаем жалоб на обманы и коварство евреев; но и последние обременяют суды или бесконечными денежными исками, или делами о насилии. В самих судебных приговорах, дошедших до нас, нередко замечается явное пристрастие к еврейской стороне, заставляющее подозревать подкупность судей и наглядно подтверждающее жалобы вышеприведенного патриота. Притом в исковых и тяжебных делах еврей обыкновенно находил поддержку и заступничество со стороны того пана, у которого он был арендатором; разумеется, чем сильнее был пан, тем безнаказаннее мог действовать его арендатор.

В конце концов, несмотря на разные насилия и всякие потери, претерпеваемые от христианских обывателей, еврейство в Западной Руси все множится и растет, на горе и разорение коренному русскому населению[28].

ПРИМЕЧАНИЯ К «СМУТНОМУ ВРЕМЕНИ»

1. Источники для истории первого Лжедимитрия вообще и до его похода в Московию в частности.

Русские. Палицына «Сказание о осаде Троицкого монастыря». 18. Первая часть его перепечатана г. Платоновым в Рус. Истор. Библиот. XIII том. Никонов, лет. VIII с 54 стр. «Летопись о многих мятежах». 73. «Новый летописец», изданный кн. Оболенским во Времен. Об. И. и Др. кн. XVII. «Иное сказание о Самозванцах» и «Тоже сказание, помещенное в хронографе», изданные И.Д. Беляевым во Времен. Об. И. и Др. кн. XVI. Перепечатано в XIII томе Рус. Ист. Библ. «Повесть како восхити неправдой на Москве царский престол Борис Годунов»; заимствована из Иного сказания и напечатана ibid. «Повесть о Борисе Годунове и Разстриге» (та же, что предыдущая). См. Карамзина к т. XI. прим. 201. «Сказание и повесть еже содеяся в царствующем граде Москве и о Растриге Гришке Отрепьеве». Чт. Об. И. и Др. № 9. 1847 г. В краткой редакции напечатана в Р. Ист. Библ. XIII. Отрывки из русских хронографов в Изборнике Анд. Н. Попова: Второй редакции стр. 190. Третьей редакции 220 и 258. Так наз. Кубасова (Катырева-Ростовского) 287. Принадлежащий Карамзину или Столяров. 323. Погодин. древнехранилища. 414. «Повесть князя Ивана Михайловича Ростовского» (прежде слывшая за Кубасова) снова издана в двух редакциях в XIII т. Рус. Ист. Библиотеки. Там же впервые издан любопытный «Временник дьяка Тимофеева», дотоле известный только из «Хронологического указания материалов отечественной истории, литературы, правоведения» П.М. Строева (Ж. М. Н. Пр. 1834 г. и «Библиологич. Словарь»). Также впервые вполне изданы ibid.: «Сказание о царстве царя Федора Ивановича» (вошедшее в состав Морозов. летописца, цитируемого Карамзиным), «Повести князя Сем. Ив. Шаховского», «Повесть кн. Ив. Анд. Хворостинина», «Житие царевича Димитрия Ивановича» (по минеям Тулупова и Милютина), и «История о первом патриархе Иове Московском». Далее любопытный источник представляет «Челобитная чернеца Варлаама царю Василию Шуйскому о участии в бегстве Гришки Отрепьева, об извете на него королю Польскому и претерпенных за то страданиях в Самборе». См. Акты Археограф. Эксп. II. № 64; вошла в Иное Сказание (Р. Ист. Библ. XIII. 18) и в хронограф третьей редакции (изборн. А. Попова. 258). Грамота патриарха Иова в Сольвычегодский Введенский монастырь о бегстве Гришки Отрепьева в Литву и церковном его проклятии. Акты Эксп. II. № 28. (Тут гово-

рится о службе Отрепьева у Романовых). Далее, С.Г.Г. и Д. 11. №№ 76—81, 139—140 и 152. (В последней повторяется о службе у Романовых и, кроме того, у князя Бориса Черкасского.)

Происхождение и состав, а также историческое значение названных выше летописей, сказаний и хронографов в настоящее время уже значительно выяснены, благодаря отчасти их прежним издателям и описателям, а в особенности трудам А.Н. Попова и проф. Платонова. Первый в своем превосходном исследовании «Обзор хронографов русской редакции» (Вып. 2-й. М., 1869) приблизительно определил состав хронографов второй и третьей редакции; причем указал, что в обзоре событий от Федора Ивановича до Михаила Федоровича по третьей редакции участвовали Сказания Палицына и так наз. Иное Сказание; вкратце наметил распадение на части и самих этих сказаний (148). Более подробная обработка этого предмета исполнена проф. Платоновым в его исследовании «Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник». (Ж. М. Н. Пр. 1887 и 1888 гг. и отдельно СПб., 1888). Относительно Сказаний Палицына и их оценки уже существовала целая литература (Строев, Голохвастов, Горский, Костомаров, Забелин, Кедров), которой и воспользовался г. Платонов. Главный вывод этой литературы следующий: Книга Палицына составилась из нескольких частей, написанных в разное время, не одинаковых по характеру и степени беспристрастия, собранных и исправленных автором в 1620 г. Первая ее часть (шесть глав) сохранилась в отдельном списке (Москов. Духов. Академии) и представляет некоторые отличия от печатного издания. Этот список и напечатан в Рус. Ист. Библ. т. XIII. Относительно «Иного Сказания о Самозванцах», мнение первого издателя его Беляева и А. Попова о распадении этого Сказания на две или три отдельные части г. Платонов развивает далее и делит его на шесть составных частей. Первую и главнейшую его часть уже А. Попов считал доведенной до 1606 года и сочиненной современником царя В. И. Шуйского. Эта часть относится к Шуйскому с явным сочувствием. Г. Платонов дает ей название «Повесть 1606 года» и определяет время ее написания между перенесением мощей царевича Димитрия и началом мятежей против Шуйского; признает за ней несколько официозный характер; а из некоторых показаний выводит, что автором ее был монах Троице-Сергиева монастыря (Древнерусс. Сказ. и Повести. 4—17). Основываясь на этих показаниях и на близком сходстве с ней первой части Сказания Палицына, г. Платонов предлагает догадку, что и самая Повесть 1606 года могла быть произведением того же Палицына (180). Вообще эта Повесть сделалась очень популярна, а потому подвергалась многим сокращениям и переделкам или служила основанием других произведений. Так «Повесть како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» есть только Сокращение Повести 1606 года с некоторыми вставками (35). Та же Повесть легла в основу Жития царевича Димитрия, по Тулуповским минеям (40). Продолжение этой Повести или вторая часть Иного Сказания (от взятия Тулы Шуйским до воцарения Михаила), написанная уже в другом тоне, вошла в Хронограф второй редакции (на что указал еще А. Попов). Вообще хронограф второй редакции представляет сборник статей, заимствованных из летописей и других произведений, но обработанных в одном стиле. (Древнерусс. сказ. и Пов. 71.) Временник дьяка Тимофеева, известный прежде только по указаниям Строева (Ж. М. Н. Пр. 1834 г. и Библиологич. Сло-

варь), начат в Новгороде, куда этот царский дьяк был отправлен на службу в 1607 году и где он был захвачен шведским взятием; труд свой он предпринял по желанию Новгородского митрополита Исидора. Сочинение обнимает время от Ивана Грозного приблизительно до 1619 года; оно скудно фактами, но богато размышлениями и суждениями; написано витиеватым, многословным языком и обличает в авторе человека умного, по своему времени образованного и довольно правдивого.

Новый Летописец напечатан в трех видах или в трех редакциях: он составил 8-ю часть Никоновского свода (СПб., 1792), отдельно издан под именем «Летопись о многих мятежах» (СПб., 1771) и наконец кн. Оболенским переиздан во Временнике Об. И. и Др. № XVII. Г. Платонов, разбирая этот памятник, приходит к тому заключению, что он составлен в патриаршество Филарета Никитича и, вероятно, лицом к нему довольно близким, составлен на основании разнообразных источников, в том числе официальных документов (Древнерус. Сказ. и Пов. 268 – 269), а потому и на события смотрит преимущественно с точки зрения сего патриарха.

В некотором отношении с патриаршеством Филарета Никитича связан и другой важный источник для истории Смуты; «Повесть князя Ивана Михайловича Катырева Ростовского», до последних времен бывшая известной под именем «Хронографа Сергея Кубасова». Уже А. Попов издал ее как третью отдельную часть этого компилятивного хронографа, носящую заглавие «Повесть книги сея» и пр. В этом заглавии сказано, что Повесть написана в 1626 году. Имя ее автора открывается из некоторых указаний, заключающихся в первоначальном изводе Повести. Князь Ив. Мих. Катырев состоял в родстве с домом Романовых: по первой его супруге, Татьяне Федоровне, Филарет Никитич приходился ему тестем. Сочинение его есть труд вполне самостоятельный и представляющий цельное описание всей Смутной эпохи; хотя он не был очевидцем всех описанных им событий, но мог иметь о них сведения из первых рук. Тон его вообще сдержанный, а изложение отличается изобразительным и подчас эпическим складом. Тот факт, что эта Повесть внесена была в компилятивный хронограф, указывает на ее большое распространение в XVII веке. (Древнерус. Сказ. и Пов. 216 – 222). Такой же компилятивный характер имеет «Столяров хронограф», как назвал его Карамзин, неоднократно ссылающийся на него в своих примечаниях. Столяровский список издан в Изборнике А. Попова; о его составе Попов говорит в своем «Обзоре хронографов», вып. второй, 252 – 256. Проф. Маркевич в своем исследовании «О местничестве» (Киев, 1879. 755) с полным основанием утверждает, что этот хронограф есть не что иное, как частная разрядная книга, конечно, с разными вставками. П. И. Мельников, находя его очень близким к хронографу А.И. Лобкова, приобретенному в Нижнем, полагает, что последний составлен в тех местах («Несколько новых сведений о Смутном времени». Москвитянин. 1850. № 21. Ноябрь). Такого же характера и Погодинский хронограф, помещенный в Изборнике А. Попова. Подобным же компилятивным сборником является так называемый Морозовский летописец (принадлежавший купцам Морозовым) и Латухинская Степенная книга (полученная от купца Латухина), из которых Карамзин приводит многие отрывки в своих примечаниях. Первый представляет дословные выписки из Палицына, Катырева и других сказаний, преимущественно баснословного характера; потому имеет маловажное историческое значение. Вторая есть произведение Тихона, архиманд-

рита Макарьевского Желтоводского монастыря, во второй половине XVII века; он заимствовал преимущественно из Нового Летописца, а затем из Палицына, хронографа, Еже содеяся и т.д.; но есть у него известия, взятые из источников нам не известных (Древнерус. Сказ. и Пов. 320 — 324 и 336). «Сказание и Повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о разстриге Гришке Отрепьеве и о похождении его» представляет легендарный рассказ о приключениях Самозванца в Польше и несколько других сведений, заимствованных из разных источников, преимущественно из грамот. (См. предисловие Бодянского в Чт. О. И. Д. 1849. № 9 и Платонова «Древнерус. сказ.» 307 — 314). Более содержательна «Повесть о разорении Московского государства», изданная А.Н. Поповым в Чт. О. И. и Д. 1881. II. Она составлена при Алексее Михайловиче, преимущественно на основании Нового Летописца и Жития царя Федора Ивановича, написанного патриархом Иовом. (Предисловие издателя и Платонов. 316 — 319).

Г. Платонов не формулировал главного вывода, к которому неизбежно приводят как все труды предыдущих издателей и исследователей, так и в особенности его собственное исследование. А именно: для историка вся эта масса сказаний и повестей о Смутном времени в сущности сводится к немногим самостоятельным и современным Смуте произведениям и авторам, каковы: Палицын, Повесть 1606 года, дьяк Тимофеев и князь Катырев Ростовский. Почти все другие общие сказания о Смуте представляют компилятивные своды, основанные на заимствованиях и пересказах из Повести 1606 года, Палицына и особенно Катырева Ростовского, с прибавлением известий, взятых отчасти из официальных грамот, отчасти из легендарных слухов. При оценке их кроме того необходимо иметь в виду, что как эти компиляции, так и названные произведения или составлены, или получили окончательную редакцию уже во время Романовых (преимущественно под влиянием Филарета Никитича). Рядом с указанными первоисточниками для общей истории Смуты, в большом числе имеются частные, более или менее самостоятельные, сказания современников, в особенности относящиеся к отделу житий и к местным событиям; таковы: Симона Азарьина о Троицком архимандрите Дионисии, инока Александра о Ростовском затворнике Иринархе, неизвестного автора «Новой Повести о преславном Российском царстве», «Сказание о нашествии Поляков на Устюжну Железнопольскую», «О взятии Великого Новгорода от Немцев» и т.д.

Иноземные. «Сказания современников о Димитрии Самозванце», изданные Устряловым в русском переводе, в пяти книгах. (СПб., 1831 — 1834): 1. Хроника пастора Бера (собственно его тестя Буссова). 2. Записки аугсбургского купца Паэрле. 3. Записки капитана Маржерета и Сказания Де-Ту. 4. Так наз. Дневник Марины и Дневник Польских послов в 1606 году. (Оба эти дневника напечатаны по-польски у Тургенева в Hist Russ. Monum. II №№ LXXVI и CI) и 5. Записки Маскевича. Rerum Rossicarum scriptores exteri. Изд. Археогр. Ком. Т. I. Pelropoli. 1851. Здесь на немецком языке московская хроника Буссова и (основанная на ней же) хроника шведского дворянина Петра Петрея де Ерлезунда. (Ее русский перевод Шемякиным в Чт. Об. И. и Др. 1865. Кн. 4 и 1866. Кн. 1, 2 и 3.). «Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России». Издание Археогр. Ком. СПб., 1874. Перевод с голландского сделан кн. Шаховским; редакция и комментарии принадлежат Е.Е. Замысловскому. (По-голландски и по-французски Масса издан Ван дер Линде и кн. Оболенским. Bruxelles. 1866). Приложе-

ния к «Запискам гетмана Жолковского» о Московской войне, изданным П.А. Мухановым. Второе издание СПб., 1871. №№ 2—10. Тут письма Сигизмунда III, Юрия Мнишка и Самозванца к канцлеру Замойскому, Замойского к Адаму Вишневецкому и Юрию Мнишку. Под № 44 весьма любопытные переводные отрывки из латинской рукописи ксендза Велевицкого о Самозванце, на основании записок патера Савицкого. Два письма, Юрия Мнишка и Януша Острожского, относящиеся к 1604 году, см. в Русск. Вест. 1841 г. 1. Русская Историч. Библиотека, изд. Археогр. Ком. Т. I. СПб., 1872 г., заключает в себе польские «Памятники, относящиеся к Смутному времени». Тут помещены: во-первых, отрывки из дневника польского сейма 1605 года (мнения сенаторов о деле Лжедимитрия, особенно насмешливый о нем отзыв Замойского). Во-вторых, «Дневник событий (1603—1613 гг.), известный под именем Истории Ложного Димитрия (Historya Dmitra falszywego); он кратко говорит о первом Лжедимитрии и более относится ко второму; автором его редактор этого тома проф. Коялович считает мозырского хорунжего Будила, который служил в войске второго Лжедимитрия; здесь под 1603 г. краткие известия о появлении Самозванца, а под 1606 г. допрос в Москве пленному Юрию Мнишку и его уклончивые ответы. В-третьих, «Поход царя Димитрия (Самозванца) в Москву»; автором этого повествования был участник похода ротмистр Станислав Борша. В VIII томе Рус. Ист. Библиотеки см. № 8. Письмо из Архангельска в Италию о первом Самозванце.

Далее. Издание Бареццо Барецци Relatione della segnalata et come miracolosa conquista del Palerno imperio conseguita dal serenissimo giovine Demelrio gran duca di Moscjvia in quest'anno 1605. Venezia, 1605. Второе издание в следующем году во Флоренции и в том же 1606 году латинское ее издание. Во втором французском переводе эта брошюра переиздана кн. Августином Голицыным. Halle. 1859. А в русском переводе она помещена кн. Оболенским и Чт. Об. И. и Др. 1848. № 5. La legende de la vie et de la mort de Demctrius, брошюра одного из голландских или немецких купцов — очевидцев, изданная во французском переводе в 1606 г. в Амстердаме; переиздана кн. Оболенским в 1839 г. в Москве и снабжена приложением снимков с золотой монеты, печатей и автографов Лжедимитрия, а также портрета дьяка Афанасия Власьева. Сей последний взят из польского издания 1611 года Гваньиновой «Хроники Сармации Европейской», где кроме Власьева, помещены портреты Лжедимитрия, Марины Мнишек и Василия Шуйского. На английском языке означенная брошюра издана в Лондоне в 1607 г.; под заглавием: The report of a bloody and terrible massacre in the city of Mosco. Минцлов доказывает, что это и есть подлинник, написанный голландцем Вильямом Росселем, помощником Джона Мерика, главного агента Московской компании английских купцов. (Калачова «Архив Истор. Свод.» Кн. V.) Есть и голландская переделка этой брошюры, изданная в Амстердаме в 1606. г. А с английского издания сделан и польский перевод, напечатанный в 1858 г. в Познани, под заглавием: Wiadomosc o krwawej a strasznej Rzesi w miescie Moskwie и пр., с приложением некоторых документов и описанием хроник и брошюр, относящихся к той же эпохе и хранящихся в Курницкой библиотеке гр. Дзялынского. Герарда Гревенбруха — Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii narratio. Coloniae Agrippinae. 1609. Матвея Шаума, немца, служившего в шведской войне, Tragoedia Demetrio-Moscovitica или История достопамятных происшествий, случившихся с Лжедимитрием. Росток. 1614. Перевод этой крайне редкой брошюры был сделан по поручению

канцлера графа Н.П. Румянцева; издан кн. Оболенским с его предисловием и примечаниями в Чт. Об. И. и Др. 1847. № 2 (и также в его Сборнике «Иностранные сочинения и акты относящиеся до России». М., 1847. Вып. I). Пьера Делавиля, француза, служившего в шведском войске — Discours soinmaire de ce qui est arrive en Moscovie depuis le regne de Jean Wassilevitz empreur jusques a Vassili Jvanovitz Sousky. 1611. Перевод в Русск. Вест. 1841 г. № 3. Александра Чилли, итальянца, служившего певчим в придворной капелле Сигизмунда III — Historia di Moscovia, напечатанная в Пистойе в 1627 г.; его сообщения о первом Лжедимитрии известны более из сочинения Чьямпи Esame critico con documenti inediti della storia di Demerio di Jvan Wasiliewitch. Firenze. 1827. Передача этого сочинения графом М.Д. Бутурлиным в «Архиве» Калачова за 1860 г. № I. Достоверность сообщений Чилли (и отчасти сказаний Массы) отвергает о. Павел Пирлинг (Рус. Старина. 1893. Декабрь), но слишком огульно; кое-что все-таки остается заслуживающим внимания. Английского посла к Б. Годунову Фомы Смита — Voyage and entertainement in Russia. London. 1605. Это собственно записки о путешествии, составленные не самим послом, а неизвестным автором и даже не участником путешествия. Русский перевод сей редкой книги сделан г. Балдаковым и издан гр. С.Д. Шереметевым. СПб., 1893 г. Польского шляхтича Жабчица — Mars Moskiewski krwawy. Краков. 1606. Это стихотворное описание мнимого спасения царевича Димитрия и его похода в Москву. Станислава Кобержицкого — Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis. Dantisci. 1655. Видекинда Historia Belli Sueco-Moscovitici decennalis. 1692. Васенберга — Historia gestorum Vladilai IV. 1643. «Три записки времен Лжедимитрия, изданные по спискам Императ. Публ. Библиотеки и Румянцевского музея» гр. Андр. Ростопчиным. СПб., 1862. Две первые, списанные в Барберинской библиотеке и переведенные, незначительны по содержанию; третья есть перевод с напечатанного по-немецки письма Ивангородского воеводы шведскому губернатору Эстляндии Нильсону о происхождении и судьбе Самозванца. Кстати, тут же упомянем «Четыре сказания о Лжедимитрии, извлеченные из рукописей Императ. Публ. Библиотеки» — того же гр. Ростопчина. СПб. 1863. Эти сказания о расстриге Гришке представляют преимущественно отрывки из повести кн. Катырева-Ростовского. Джона Мерика — The Russian impostor or the History of Moscoviae under the usurpation of Boris and the imposture of Demetrius lat Emperors of Moscovy. Лонд., 1664. Переведено на француз. язык под заглавием Histoire des revolutions arrives sous l'usurpation etc. Этот перевод издан при французском переводе сочинения Коллинса (Relation curieuse). Тургенева — Historica Russiae Monumenta. T. II. Petrp. №№ XXXVII – LXXVI. Павла Пясецкого, епископа Перемышльского — Chronica. 1645. Отрывок из нее, относящийся к появлению Лжедимитрия, сообщен архим. Леонидом, в Рус. Архиве, 1886. № 11. А полное извлечение из хроники Пясецкого о Смутном времени в славянском переводе издано арх. Леонидом в Памят. Древ. Письм. LXVIII. 1887. Archivum domii Sapiehow. T. I. Lwow. 1892. Под редакцией А. Прохаски. Обнимает 1575 – 1606 гг. О первом Лжедимитрии дает скудные указания в №№ 489, 504, 534, 582, 584, 590.

Пособия. Миллера — Versush einer neueren Geschichte von Russland. (Sammlung Russischcr Geschichte. II.) Часть этого труда издана по-русски «Опыт новейшия истории о России» (Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащим. 1761 г. Январь, февраль и март). Щербатова «История Российская». T. VII. СПб., 1790 – 1791. Третья часть этого тома за-

ключает акты и грамоты, относящиеся к Смутному времени и заимствованные преимущественно из Архива Иностранной коллегии. Карамзина «История государства Российского». Т. XI. Соловьева «Обзор событий от Федора Ивановича до Михаила Феодоровича» (Современник. 1848). Его же «История России». Т. VII. Немцевича Dzieje panowania Zygmunta III. Wroclaw. 1836. С приложением многих документов. Арцыбашева «Повествование о России» Т. III. М., 1843. Германа Geschichte des Russischen Staates. III. Hamburg., 1846. Д. Бутурлина неоконченная «История Смутного времени». Т. I. СПб. 1839. С приложением разных документов, частью до него неизданных. Когновицкого Zycia Sapiehow. 3 t. Вильна и Варшава. 1790—1791. Первый том этого сочинения или Zywot Lwa Sapiehy, не раз перепечатанный, издан отдельно. Sanok., 1855. (Второй том заключает материалы для биографии Яна Петра Сапеги. Отчасти переведен. См.: «Сын Отечества» 1838. № I). Аделунга Uebersicht der Reiscnden in Russland. St. P. 1846. Костомарова исследование «Кто был первый Лжедмитрий?». СПб., 1864. Его же — «Смутное время Московского государства». (Вест. Европы. 1866—1867 гг. и отдельно). Добротворского «Кто был первый Лжедимитрий?» (Вести. Запад. России. 1866. №№ 6 и 7). Бицина (Н.М. Павлова) «Правда о Лжедимитрии» (День. 1864). Эта статья, а также полемика его с Костомаровым, печатавшаяся в газетах «День» и «Голос», перепечатана в Рус. Архиве 1886 г. № 8. Казанского — Исследование о личности первого Лжедимитрия. Русский вест. 1877. №№ 8—10. Козубского «Заметки о некоторых иностранных писателях о России в XVII веке». Ж. М. Н. Пр. 1878. Май. Он поправляет и пополняет отчасти Аделунга. Например, относительно сведений о посольстве Льва Сапеги 1600 года, сообщаемых Аделунгом. Автором их оказывается Илья Пельгржимовский, писарь в. князя Литовского, бывший секретарь этого посольства. Дневник Пельгржимовского был издан в Гродне, в 1846 г. (Poselstwo Lwa Sapiehy w roku 1600 do Moskwy). О том же см.: Ж. М. Н. Пр. 1850. № 12 и Гродн. Губ. Вед. 1847. №№ 4—7. О. Павла Пирлинга — Rome et Demetrius. Второе издание Paris. 1878. С приложением любопытных документов, заимствованных из Ватиканского архива, каковы: донесения нунция Рангони, патеров Чижовского и Лавицкого, письма Самозванца, Мнишка, кардинала Мацеевского и др. (Рецензия на эту книгу проф. Успенского в Ж. М. Н. Пр. 1884. № 10, но собственно на первое ее издание 1877 года; а означенное второе издание значительно дополнено разными документами). Н. Левитского «Где и кем был обращен в католичество Лжедимитрий?» (Христиан. Чт. 1883. № 5). Его же — «Лжедимитрий как пропагандист католичества в Москве», СПб., 1886. К.Н. Бестужева-Рюмина «Обзор событий от смерти ц. Иоанна Васильевича до избрания Михаила Федоровича». (Ж. М. Н. Пр. 1887. Июль. Август.). Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник». СПб., 1888. В.С. Иконникова «Кто был первый Самозванец?» (Киев. Университ. Известия. 1865 г. По поводу брошюры Костомарова). Его же «Новые исследования по истории Смутного времени». Киев, 1889. (По поводу Левитского и Платонова.)

2. Никоновская. Хронографы. Масса. Буссов-Бер С. Г. Г. и Д. II. № 152 (о посылке Самозванцем Свирского со своим знаменем к Донским казакам). Hist. Russ. Monum. Supplem. 418. Rome et Demct. Пирлинга. 189—190 и 193—194 (о посольстве Смирного Отрепьева и Постника Огарева). Ка-

рамзина к т. XI. прим. 233, где ссылка на дела польские № 26, 63 и 139. Прим. 239. Бутурлина 75—77, тоже ссылка на дела польские. Костомарова ссылка на Bibl. Villan. № 31. Рукопись Имп. Публ. Библ. fol. 33 g. 8. Рус. Истор. Библ. I. 37. Акты Арх. Эксп. II. №№ 28—29. (О проклятии Самозванца).

3. О походе Лжедимитрия: Буссов-Бер. Дневник Марины. Паэрле. Маржерет. Петрей. Борша. Масса. Пирлинг (Приложения. III. №№ 1—5). Хронографы (Изборн. Ан. Попова). Никонов, лет. Акты Археогр. Эксп. II. №№ 26 и 27. Судебник, изд. Татищевым. 233. (Указ Бориса и царского синклита о наборе ратников из слуг епископских и монастырских). С. Г. Г. и Д. II. №№ 80 (польский дневник похода Самозванца и Мнишка до возвращения сего последнего в Польшу) и 81 (Допросу Хрущова у Лжедимитрия). Об эпизоде с Хрущовым говорит и Рангони в своей депеше (Пирлинг. 192). В Извете старца Варлаама говорится, что он вместе с боярским сыном Пыхачовым хотел обличить в Самборе Разстригу Отрепьева; но они были обвинены в намерении его убить; Пыхачова Мнишек велел казнить, а Варлаама почему-то только подержали в тюрьме и потом отпустили. Казнь некого московского агента, злоумышлявшего на жизнь Самозванца, подтверждается письмом Мнишка к Рангони от 18 сентября 1604 г. (Пирлинг. 201). О трех монахах, посланных Борисом в Путивль, рассказывает Паэрле. В главных чертах этот рассказ подтверждается письмом патеров Чижовского и Лавицкого к патеру Стриверию от 17 марта 1605 г. (Пирлинг, 205). О попытке Лжедимитрия заняться в Путивле философией и риторикой ibid. 206—207. О битве при Добрыничах в особенности Паэрле, Маржерет, Петрей Масса. В «Путешествии» Фомы Смита сообщается, что Петр Басманов — «первый щеголь среди московских дворян» — сгорал нетерпением воротиться на театр военных действий, и однажды стал перед Борисом на колени, умоляя отпустить его к войску; но царь почему-то его удерживал (43 стр. рус. перевода) и заставлял играть видную, но бесполезную роль в пышных придворных церемониях, например, при приеме того же английского посланника Фомы Смита (Ibid. 33).

4. Письма Самозванца к Юрию Мнишку у Немцевича. II. 356. Плоцкий епископ Лубенский (Opera posthuma. Antuerpiae. 1643) Пясецкий. Кобержицкий, Маржерет. Масса. Борша. Бареццо. Барецци. Буссов, Петрей. Паэрле. Делавил. Вассенберг. Никоновская. Хронографы. Летопись о мятежах. Сказание о Разстриге. (Чт. О. И. и Д. 1847. № 9). Иное сказание. Новый Летописец. Палицын. С. Г. Г. и Д. II. №№ 85 (присяга Федору Борисовичу с матерью и сестрой), 88 (письмо Самозванца к Софье Мнишковне, старостине Саноцкой; тут говорится, что повинную грамоту ему от московского населения подписал и патриарх Иов), 89—91 (Грамоты Лжедимитрия о своем воцарении и форма присяги). Акты Археогр. Эксп. №№ 34—38. Supplem. ad Hist. Rus. Monu'm. N. C.

Относительно характеристики царствования Бориса Годунова любопытно суждение Палицына: «Оскверни же царь Борис неправедным прибытком вся дани своя; корчемницы бо пьянству, и душегубству, и блуду желателие, во всех градех в прикуп высок воздвигше цену кабаков, и инех откупов чрез меру много бысть, да тем милостыню творить, и церкви строить и смешав клятву с благословием, и одоле злоба благочестию. И таковых ради всех дел, иже сотвори Борис, в ненависть бысть всему миру; но

отай уже и вси поношаху ему крови ради неповинных, и в разграблении имения и нововводимых дел, ереси же Армпенстей и Латынстей последствующим добр потаковник бысть, и зело от него таковии любими быша, и старии мужи, брады споя постризаху, во юноши премяхуся». (Издание 1784 г. стр. 17—18). По мнению же польских послов, высказанному в 1608 году, черные люди были довольны Борисом, но не любили его бояре и шляхта. (Siipplem. ad Hist. Rus. Monum. № 163.) Дьяк Тимофеев замечает о нем: «первый таков царь не книгочий нам бысть» (Рус. Ист. Библ. XIII. 330); в начале преследовал безмерное «богомерзкое винопитие» (340) и хотел устроить храм наподобие Иерусалимского (342); «первый бо той в России деспот безкнижен бысть» (345). Неграмотность Бориса подтверждают Масса (54 и 137) и Палицын: «аще и разумен бысть Борис во царских правлениих, но писания Божественного не навык» (2). Катырев-Ростовский изображает Бориса мужем благолепным, сладкоречивым, нищелюбивым, попечительным и пр.; но укоряет его за пристрастие к врачам и ненасытное властолюбие, доведшее его до цареубийственного дерзновения. (Р. Ист. Биб. XIII. 707.) Между его иноземными лейб-медиками находился немец Каспар Фидлер. Брат этого Каспара Константин Фидлер, тоже живший в Москве, написал на латинском языке похвальное слово Борису, изданное в 1602 г. в Кенигсберге. В русском переводе Воронова оно напечатано в Петербурге в 1773 г. Автор этого слова усердно восхваляет Бориса и присуждает ему название Августа более чем всем его предшественникам. (Устрялова «Сказ. о Дим. Самоз.» III. 232.) «Путешествие» Фомы Смита говорит о Борисе, что это «был рослый и дородный человек, с черными, хотя редкими волосами; при правильных чертах лица, он обладал в упор смотрящим взглядом и крепким телосложением... постоянно колебавшийся между замыслом и решением, иногда не действовавший прямо, но постоянно интриговавший.. до крайности угнетавший своих подданных, но прикрывавший свою тиранию тонкой политикою» (58—59).

Петрей свидетельствует, будто Василий Шуйский во время движения, вызванного прибытием в Москву Плещеева и Пушкина с Красносельцами, говорил народу об истинности названого Димитрия. Об удавлении Федора с матерью и сохранении Ксении по приказу Лжедимитрия см.: Хронографы. Никонов. Нов. Летоп. Иное Сказание, дьяк Тимофеев, Бусясов-Бер, Петрей, Делавил, «Краткая повесть о бывших в России Самозванцах» (Изд. 2-е. СПб., 1778). См. также Бантыша-Каменского «Переписка между Россией и Польшей» по документам Архива Мин. Иностр. Дел (Чт. Об. И. и Др. 1861. Кн. 1). Поэтому напрасно некоторые писатели пытались устранить прямое участие Лжедимитрия в этом убийстве и объяснить его собственным усердием клевретов. В хронографе так наз. Кубасова или собственно в «Повести» Катырева-Ростовского последний отдел заключает описание наружности и качеств Ивана Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Федора Борисовича, царевны Ксении, Лжедимитрия и Василия Шуйского. О Лжедимитрии говорится: «Ростр ига же возрастом мал, груди имея широки, мышцы толсты; лице же свои имея не царского достояния, непростое обличие имея, и все тело его велми помрачено. Остроумен же, паче и в наручении книжном доволен, дерзостен и многоречив зело, конское ристание любляше, на враги своя ополчитель смел, храбрость и силу имея, воинство же велми любляше». (Избор. А. Попова 314. Рус. Ист. Биб. XIII. 621.)

5. Амвросия «Ист. Рос. Иерар.» I. 122. С. Г. Г. и Д. II. №№ 93, 115, 121. «Послужной список» в Древ. Рос. Библ. XX. 76. В тексте у меня на 43 стр. опечатка («с Шереметевым»); надобно читать: «с Шереметевыми». Двое их, Федор Ив. и Петр Никитич, были пожалованы в бояре. Богдан Бельский тоже, кроме достоинства «великого оружничаго», был жалован в бояре. Салтыков упомянут в тексте по недосмотру: Мих. Глеб. был уже боярином; а Мих. Мих. Кривой-Салтыков оставался окольничим. Власьев в «Послужн, списке» не упомянут при Лжедимитрии; но в «Росписи духовным и светским чинам» он приведен в числе окольничих (С. Г. Г. и Д. II. № 93).

По поводу заговора и помилования В. Шуйского источники сходятся в общих чертах, но разногласят в определении времени и лиц, ходатайствовавших о прощении. Никонов. Нов. Лет. Палицын, Буссов-Бер, Паэрле, Маржерет, Петрей, Геркман, Масса помещают это событие после прибытия в Москву царицы-инокини Марфы (Марии Нагой) и даже после коронования; причем приписывают прощение просьбам Марфы и бояр, а отчасти самих поляков, именно братьев Бучинских. Этим источникам следовали в своем изложении Карамзин, Бутурлин и Арцыбашев. Но другие источники, например, Сказание еже содеяся, Иное Сказание, Четыре сказания (IV), Хронограф третьей редакции (Избор. 270) помещают событие на площади, спустя несколько дней по въезде Самозванца в Москву, именно 25 июля. Этому показанию следовали Соловьев, Костомаров и К.Н. Бестужев Рюмин. Бучинский не только не ходатайствовал за Шуйских; напротив он не советовал их щадить, как сам напоминал о том в письме Лжедимитрию из Польши, в январе 1606 года. Тут же упоминает о его двух способах «удержать царство» (С. Г. Г. и Д. II. № 121). Показание сие подтверждается записками Станислава Борши (Рус. Ист. Библ. I. 399) и письмом иезуита Лавицкого, который относит сцену на площади с Шуйским к 10 июля нов. стиля, следовательно, приблизительно 30 июня старого стиля. (Пирлинг. 85). Впрочем, Бучинский говорит, собственно, что не советовал «высвобождать» и «выпущать» Шуйских, т. е. возвращать из ссылки ко двору; возможно, что он не одобрял их смертной казни. С другой стороны, царица Марфа после своего прибытия в Москву, вероятно, ходатайствовала о совершенном прощении и возвращении Шуйских.

О предварительных тайных переговорах Самозванца с Марфой и его угрозах сообщает она сама. С. Г. Г. и Д. II. №№ 146 и 147. О встрече Марфы и короновании Самозванца Маржерет, Масса, Паэрле, Буссов-Бер, Де-Ту, Вассенберг. С. Г. Г. и Д. II. № 92 (Окружная грамота патриарха Игнатия с приложением эктении и многолетия). О польской приветственной речи иезуита Чировского или Чижовского сообщает Велевицкий; он поправляет таким образом Карамзина, который счел эту речь латинской, основываясь на известии Де-Ту и Вассенберга, хотя они не говорят, на каком языке была сказана речь. Ту же ошибку повторили Костомаров и митрополит Макарий.

6. С. Г. Г. и Д. II. №№ 93 (роспись членов сената духовных и светских) 97 – 114. Histor. Rus. Monum. II. №№ XXXVII – LXXVII (с перерывами). Пирлинг. Гл. VII – X и приложение к ним. Велевицкий. 137 – 152 (Сношения с Римской курией). Бутурлин. I. Приложения XII и XIII. Грамота Лжедимитрия во Львов о пожертвовании соболей на сто рублей в С. Г. Г. и Д. II. № 130. Письмо его к папе Павлу V и Др. Рос. Вивл. XII. Борша. Бер-Буссов и Масса

(поведение Самозванца в Думе, иноземные телохранители, молодечество, потешные осады, распутство). Петрей (о принце Густаве). Палицын (заведение роскоши, выезды с военной эскортой, распутство). О расточительности Самозванца и раздаче драгоценностей «игрецем и всяким глупотворцем и женам гнусодетельным» в Избор. А. Попова. Хронограф. 193. О насилиях и поругании Москвичам от Поляков. Ibid. 237, а также у Петриция — Historiae Moscoviticae. О невежестве в управлении и недостойном поведении у Пясецкого. О постройке дворца и подвижной крепости Ада: Масса, Дневник Марины, Хронограф. 237, Сказание о ц. Федора Ивановича. (Рус. Ист. Биб. XIII. 819.) На одном обеденном пиршестве Лжедимитрия произошел местнический спор у князя Лыкова с Петр. Никит. Шереметевым. (Барсукова «Род Шереметевых». II. 105. Со ссылкой на рукописную Разрядную книгу, принадлежащую Археограф. Комиссии.)

7. С. Г. Г. и Д. II. №№ 99 – 137. (Посольство Власьева и Бучинского, переписка Лжедимитрия с ними и Мнишком.) Жабчина Posel Moskiewski w Krakowie (стихотворное описание обручения Марины). Записки Жолкевского, изд. Муханова (о тайном поручении бояр Безобразову и царицы Марфы шведу и о спасении ею тела царевича, которое Самозванец хотел выбросить из могилы в Углицкой церкви). Борша, Маржерет, Петрей, Паэрле, Буссов-Бер, Масса, Дневник польских послов и так наз. Дневник Марины. Древн. Вивлиоф. III. («Свадьба Растригина»). La legende de la vie etc. Палицын. Дьяк Тимофеев. Последний называет Власьева «тайноглагольником» и «стаинником» Самозванца. Он же говорит об участии Ксении Борисовны: «и оттуда на лета к большому безчестию продолжися живот ея даже и до четвертаго по отцы царюющаго чаете в державах пременяющихся, и от места на место и от лавры в лавру она провождение подья. И до толика безславия жизнь ее протяжеся, яко и до еже — всякого безчестия скудость и нужду претерпети, даже и до сего, яко и иноплеменных язык, самых врагов отца ея, ту унижене руки осязаша. Прочее же помолчю» (Р. Ист. Биб. XIII. 369). О сношениях Лжедимитрия с недовольными поляками, которые сочинили его кандидатуру на польский престол, говорит Костомаров в своем «Смутном времени», ссылаясь на рукопись Красинской библиотеки. На эти сношения намекают Масса (190 и 206) и Велевицкий (172 и 174).

Что касается до причащения и миропомазания по греческому обряду: во время ее коронации и венчания, то напрасно о. Пирлинг оставляет вопрос о том открытым (139). Как русский источник, именно «Отрывок брачного обряда с Мариной» (С. Г. Г. и Д. II № 138) говорит прямо о «помазании» и «причастии», так Велевицкий и Дневник Марины (писанный кем-то из ее свиты) тоже выражаются, что коронация и помазание происходили more graeco, включая сюда, конечно, и причастие. Относительно вопроса о перекрещении иноверцев при переходе в православие, заметим, что оно было подтверждено собором 1620 г. См. о том проф. Д. Цветаева («Протестантство и протестанты в России». 349 – 350, 511, 665.), Соколова («Протестантство в России». 107), Рущинского («Религиозный быт русских». Чт. О. И. и Д. 1871. III. 225 – 226). Оно было упразднено совершенно только при Петре В. Об этом же вопроса см. критику проф. Амф. Лебедева на исслед. проф. Цветаева в Ж. М. Н. Пр. 1892. Март. В показании Бучинских в уста Лжедимитрия влагается речь о том, что «по их крестьянскому закону первое крестив, да тож ввести в церковь, а не крестив никому иных вер в церковь не входи-

ти». (С. Г. Г. и Д. II. № 140). В окружной грамоте царицы — инокини Марфы тоже говорится, что он «взял девку Латынския веры, и не крестил ее венчался с нею». То же повторяет царь В. Шуйский. (Ibid. №№ 146—147.)

К концу Лжедимитриева царствования относится найденная в Краснохолмском Антониевом монастыре хозяйственная запись (хранящаяся теперь в Тверском музее). В ней говорится о посылке 35 меринов, монастырских и волостных лошадей, «которые велено прислати к Москве для Польскаго походу». См. А.К. Жизневского в «Древностях Моск. Археолог. Об. VIII. 1880. 20 и Русс. Архив 1886. № 9. Польский поход, о котором тут говорится, означает поход не в Польшу, а в степи или в «поле» против крымских татар, т.е. «полевой» поход. Это известие совершенно согласуется с данными о приготовлениях Самозванца к войне с татарами и турками и с его угрозою нареченному тестю, что после Пасхи он отправится к войску на южную Украйну. Несколько незначительных актов, относящихся к Лжедимитрию I, см. у Полевого «Русская библиотека». М., 1834.

В Петербургском Эрмитаже есть старинная картина, изображающая въезд Марины в Москву. В рисунках, приложенных к изданию Массы, — план Москвы 1606 г. и план Лжедмитриева дворца. Вид Кремля в начале XVII в. (из Geographie Blaviane) в «Древностях». XI. Вып. 2. 1886. План Москвы в начале XVII в. по чертежу Федора Борисовича в III ч. Сказаний о Самозванце. Портреты Самозванца и Марины в «Сказ. Современ.» у Устрялова. I и IV. Также и у Немцевича. III, с прибавлением портрета Юрия Мнишка. В Пештском национальном музее находится древняя картина, писанная на дереве по левкасу. Она изображает прием послов в Московской Грановитой палате. Члены музея полагали, что тут представлено венгерское посольство у Ивана III. Но граф А.С. Уваров доказал, что эта картина относится к 1606 году и буквально воспроизводит описания Паэрле, Дневника Марины и Дневника польских послов, относящиеся к приему Лжедимитрием Юрия Мнишка, 25 апреля, и послов Олесницкого с Гонсевским, 3 мая. (Труды Москов. Археол. Общ. Т. IV. Вып. 3. М., 1874 г.) Мы полагаем, что вернее отнести картину к приему 3 мая; ибо на ней изображены два посла и сидящий особо Юрий Мнишек; тогда как на приеме 25 апреля послы отсутствовали. Картина очень любопытна. Тут: Лжедимитрий в полном царском облачении, на возвышенном троне с двуглавым орлом над сенью; четыре рынды с секирами; по правую руку от него сидят патриарх и несколько духовных лиц, по левую думные бояре; далее кругом сидящие и стоящие дворяне в светлоузорчатых длиннополых кафтанах и высоких шапках; перед ним польские послы и их свита в синих камзолах и поверх них в красных коротких почти безрукавных кафтанах, с подбритыми кругом головами. Стены палаты расписаны; пол устлан коврами. С пяти печатей Лжедимитрия см. «Снимки древних русских печатей». Издание Ком. при Глав. Архиве М. Ин. Д. Вып. 1. М., 1882.

8. Никонов. Лет. о мятеж. Палицын. Сказание еже содеяся. Хронограф. Иное Сказание. Нов. Летоп. Латух. Степ. кн. Допрос Бучинских (С. Г. Г. и Д. II. № 140). Масса, Буссов, Паэрле, Петрей, Велевицкий, Борша, так наз. Дневник Марины, Дневник польских послов, Плоцкий епископ Лубенский (Opera posthuma historica). La legende de la vie etc. Hist. R. Mon. II. XC. (Письмо нунция Симонетты к кард. Боргезе; тут упоминается, что поляки в Москве при Лжедимитрии насиловали женщин.) «Донесение Хвалибога о ложной смерти Лжедимитрия I». (Времен. О. И. и Д. № 23. Смесь. Тут же

и три грамоты Лжедимитрия к Сигизмунду.) Arch. domu Sapiehow. I. № 611. (Письмо двух Соловецких Льву Сапеге с известием о гибели Лжедимитрия и с просьбой освободить их из Московского плена.)

Сходные в общих чертах, источники часто разногласят в подробностях события 17 мая, а также предшествующих и последующих дней. Приведу следующие примеры. По Сказанию еже содеяся, по рассказам Массы и Геркмана, дьяк Осипов будто бы обличал Самозванца только поутру 17 мая, и Костомаров держится сего показания. Но другие известия, особенно Палицын, ясно и достоверно противоречат тому. По словам Массы, Басманов не ночевал в ту ночь при дворце, а прискакал туда, когда уже раздались звуки набата и заговорщики вломились в дворец; что явно противоречит другим известиям и всем обстоятельствам. Велевицкий, Никонова Лет. Лет. о мятежах, Нов. Лет. рассказывают, что стрельцы не хотели выдать разбившегося в падении Лжедимитрия прежде, чем спросят его мать; что послали к ней, и что когда она отреклась от Самозванца, тогда только допустили его убить. Но достовернее и согласнее с обстоятельствами рассказ Дневника послов и Станислава Борши в том виде, как мы передаем его в тексте. О числе убитых Масса говорит, что поляков пало 1500, а москвитян 800; Дневник польских послов определяет число убитых поляков в 1000, Дневник Марины в 500, а русских вдвое более; Паэрле — поляков около 600, а москвитян слишком 1000; Буссов — поляков 2135; Петрей — всех убитых вообще 1702; Де-Ту — поляков 1200, а русских 400; Сказание еже содеяся убитых поляков 2062, да раненых 1307. (То же в «Опис. Сборн.» А.Ф. Бычкова. 1. 157.)

Относительно намерения Самозванца избить бояр во время потехи говорит большинство русских источников, например: Еже содеяся, Палицын, Сказ. о ц. Федоре Ив., Иное Сказание, Хронограф. Даже иноземец Масса передает положительно слух о таковом намерении. Бучинские при их допросе перед боярами подтверждают то же известие. Они даже сообщают более подробностей; например: кто из поляков какого боярина должен был убить, и вместе с боярами побить дворян, лучших детей боярских, голов и сотников стрелецких и черных людей, которые за них станут. Потом будто бы Самозванец намерен был костелы римские ставить, а в русских церквах служение прекратить, и вообще исполнить все то, на чем он присягал папе, кардиналам, арцибискупам и бискупам, а также воеводе Сендомирскому. Это показание Бучинских невероятно и, очевидно, было вынуждено обещанием пощады. Хотя Лжедимитрий был очень легкомыслен, но не до такой степени, на которой начинается уже полная невменяемость. Несомненно только, что сей слух, изобретенный боярами-заговорщиками в их видах, в то время упорно был повторяем; от чего и получил характер некоторой достоверности. Возможно, что Самозванец был не прочь при удобном случае отделаться от нескольких личностей, казавшихся наиболее ему подозрительными по наветам поляков, и, может быть, что-нибудь подобное болтал в интимном кругу своих польских приятелей и секретарей, но едва ли серьезно. Что он, по всем данным, нисколько не спешил исполнить свои обещания ввести унию, а тем менее католичество — о том мы говорим выше. К назначенному дню (воскресенью) он, конечно, вместе с Мариной готовился веселиться на придворном маскараде после загородной военной потехи, а не после кровавого побоища, т.е. избиения лучших московских людей. Повторяю, это совсем невероятно. Что Шуйский и бояре вошли заранее в соглашение с Марфой, о том она сама гово-

рит в своей окружной грамоте о Самозванце: «яз бояром и дворяном; и всем людям о том объявили прежде всего тайно, а после всем явно» (С. Г. Г. и Д. II. 146).

9. Никон. Лет. о мн. мятежах. Рукопись Филарета. Хронографы Арцыбашев Т. III. Прим. 830 и 832. Буссов-Бер, Масса, Дневники Марины и польских послов, Паэрле, Маржерет, Велевицкий. С. Г. Г. и Д. II, № 47 (чин венчания на царство В. Шуйского). Дополн. к Акт. Истор. I. № 151 (Соборное послание к Василию Конст. Острожскому о низложении Самозванца). Переписка между Россией и Польшей (Чт. О. И. и Д. 1861, кн. I). Акты Зап. Рос. IV, № 177 (Допрос польским послам Олесницкому и Гонсевскому).

По поводу перенесения мощей царевича Димитрия некоторые иноземцы пытаются набросить на это дело тень обмана. Так Буссов говорит, будто Шуйский велел умертвить в Угличе девятилетнего поповского сына и положить его на место Димитрия, чтобы иметь свежее или нетленное тело, и что он же подкупил нескольких здоровых людей, которые притворились больными, получившими исцеление у гроба Димитрия. Почти то же повторяют Паэрле, Петрей, Масса, Дневник Марины и Дневник послов; последний убитого для подмены мальчика называет не поповским, а стрелецким сыном, по имени Ромашка. Мощи царевича не вдруг могли отыскаться в Угличе, потому что кто-то перенес их на другое место, не желая, чтобы Углич «лишился такого сокровища». (Сборник Муханова. Изд. 2-е. СПб., 1866.) В каком виде найдены были мощи царевича, см. Рукоп. Филарета, грамоту царя Шуйского (С. Г. Г. и Д. II, № 147), Житие царевича Димитрия (Рус. Ист. Библ. XIII. 892 и 918). Любопытно, что митрополит Филарет Никитич, посланный в Углич за телом царевича, в то время, по-видимому, предназначался занять патриарший престол; но потом возведен в это достоинство Гермоген — так говорили польские послы в Москве в 1608 году (Акты Зап. Рос. IV. 287). О перенесении тела Бориса Годунова в Троицкую лавру см. также «Церковно-исторический месяцеслов Свято-Троицкой Сергиевой лавры». М., 1850. Во время восстания Северской Украйны в Москве был открыт заговор против Шуйского в пользу Ф.И. Мстиславского. По расследовании дела Мстиславский был оправдан; а главный зачинщик Петр Никитич Шереметев послан воеводой по Псков (Маржерет. Подроб. лет. изд. Львовым. СПб., 1799).

Относительно ограничительной присяги Василия Шуйского, данной в Успенском соборе и упомянутой в официальных его грамотах, суждения разнообразны. Напр. проф. Ключевский в XVIII главе его «Боярской думы», говорит, будто Шуйский присягал на ограничение своей власти Земским собором, а не Боярской думой. Проф. Маркевич в его «Избрании на ц. Мих. Ф. Романова» (Ж. М. Н. Пр. 1891. Октябрь) не придает большого значения этой присяге и, по-видимому, считает ее добровольной. Разнообразные по сему поводу известия и мнения пытается привести к одному знаменателю г. Рождественский в своей статье: «Царь В.И. Шуйский и боярство» (Историч. Обозрение. V. СПб., 1892.) Но он сам впадает при этом в домыслы и противоречия с фактами, говоря, что ограничительные условия шли не от целого боярского сословия, а только от группы бояр, «которым царь был обязан престолом»; что потом «и следа не остается от каких-либо ограничений, когда Шуйский действует тоже самостоятельно, как и его деспотичные предшественники, Грозный и Годунов», и что никаких притязаний «на ограничение самодержавной власти царя со стороны Боярской думы

не было». Вообще некоторые историки (например, Соловьев) слишком много придают значения тому, что Шуйский был возведен на царство только Москвой, без созыва Великой Земской думы, и этим обстоятельством объясняют по преимуществу шатость его престола и его низложение. Но престол Годунова, несмотря на Земскую думу, тоже оказался непрочным. Главная причина непрочности обеих новых династий заключалась в начавшейся смуте и неудачах. Когда выступил на сцену действия доблестный Михаил Скопин, династия Шуйских начала укрепляться; после его смерти, когда дела окончательно ухудшились и произошло Клушинское поражение, династия, естественно, не могла удержаться.

10. Никон. летоп. о мятеж. Палицын. Иное Сказание. Хронографы. Акты Арх. эксп. II. №№ 57 и 81. С. Г. Г. и Д. II, №№ 150 и 151. Бутурлина к тому 2-му прилож. IV и V. Выписка о посольстве кн. Волконского из польских дел, № 26 (Карамз. к т. XII прим. 49). Буссов-Бер, Маржерет, Паэрле, Дневник Марины, Масса. Древн. Рос. Вивл. XIII (свадьба царя Василия Шуйского). Относительно первого лица, бежавшего из Москвы и пустившего слух о спасении Лжедимитрия от смерти, Буссов-Бер, а за ним и Петрей говорят, будто это был князь Шаховской; Маржерет и Паэрле не называют лица; также глухо говорят о сем Масса и Дневник Марины. На Молчанова прямо указывает помянутая выписка о посольстве кн. Волконского в Польшу. Относительно Лжепетра некоторые источники неправильно сообщают, что он выдавал себя за сына царевича Ивана Ивановича; именно хронограф второй редакции, который прибавляет, будто он был «родом звенигородец, художеством гончар». Изборн. А. Попова 195 (тоже в третьей редакции 242); на след. 196 странице он назван поэтому Петр Гончаровский. Иное Сказание вместо гончара называет его Петрушею Горчаковым; Никон. лет. — Илюшкою, человеком Григория Елагина, а Палицын холопом свияжского стрелецкого головы Григория Елагина. По собственному его показанию, снятому после сдачи Тулы (Акты Арх. эксп. II, № 81), он родом из Мурома, незаконный сын одной посадской женщины; осиротев в юности, он снискивал пропитание мелкой торговлей, бродил по разным приволжским городам, служил казаком, т.е. рабочим, на судах, плававших между Ярославлем и Астраханью; потом завербовался в терские казаки, где приписался во двор Григория Елагина; затем был в товарищах у казаков Нагибы и Наметки. Когда терские казаки, в числе 300 человек, задумали грабить торговые суда на Волге, то они решили кого-нибудь из своих назвать царевичем Петром; для чего выбрали Илейку Муромца и Митьку Астраханца. Но Митька сказал, что он в Москве не бывал и никого не знает, а родился (от стрельца) и жил в Астрахани; Илейко же из Нижнего однажды ездил в Москву и жил там несколько месяцев. Казаки приговорили Илейке назваться царевичем Петром, сыном царя Ивана Федоровича. О связи этого Илейки с народным прозванием богатыря Ильи Муромца «старым казаком» см. мое рассуждение в «Рус. архиве» 1893 г., № 5.

11. Вот различные известия о происхождении второго Лжедимитрия: Русские источники. Палицын называет его «от северских городов поповым сыном Матюшкою Веревкиным» (31). Никон. лет. считает его «поповым сыном или церковным дьячком, потому что круг весь церковный знал» (117); а Гаврило Веревкин тут является стародубцем, подвигшим народ к призна-

нию самозванца (90). Нов. Лет. «не служилых людей сын, но попова рода, потому что службу церковную всю добре изучил и знал» (87 и 105). Летоп. о мят. «человек незнаемый» (125). Отписка вологжан устюжанам в декабре 1608 г.: «и тот де вор с Москвы, с Арбату от Знаменья Пречистыя из-за конюшен попов сын Митка, а умышлял де и отпущал его с Москвы князь Василий Масальской за пять день до Ростригина убийства». (Акты Арх. эксп. II, № 94), Берха «Древ. Гос. Грам.» СПб., 1821. 85: «а царевича Димитрия называют Литвином князя Андрея Курбинского сыном». Рукописный западнорусский хронограф, принадлежащий Археогр. Комиссии (на которого ссылается Костомаров), говорит, что Самозванец был родом из Стародуба, переселился в Белоруссию и там был учителем при церковных школах. В расспросных речах Буланина, посланного Шеиным из Смоленска в Велиж к Гонсевскому (Акты Ист. II, 199), говорится: «Да ему же сказывал пристав его Савелий Хрипунов. Который де и вор стоит под Москвою и тот де и вор пришел с Белые на Велиж, а зовут же его Богдашком, и жил на Вележе шесть недель, а у кого жил, того он не ведает. А пришел же он с Белые как убили растригу вскоре, и сказывал на Велижи, что он был у растриги писарем ближним, и с Велижа же съехал с Литвиным в Витепск, и из Витепска же он съехал в Польшу (к Мнишкам?), а из Польши объявился в воровское имя, а которым обычаем назвался того он не ведает». В отписке Устюжан Вычегодцам, в июле 1612 г. (Акты эксп. II, № 210): «а потом прислан из Литвы от короля жидовин Богдашко и назвался царем Дмитрием». Это мнение о жидовском происхождении повторяется в грамоте Михаила Федоровича к Французскому королю: «выслали (поляки) на Украйну Московского государства вора родом жидовина». (Шафирова «Рассуждения о Шведской войне», СПб., 1722, стр. 324). По ссылке Нарушевича (Hist. Chodk. I. кн. 4, прим. 70), Мих. Фед. писал Морицу Оранскому: «Сигизмунд послал жида, который назвался Димитрием царевичем». «Ядро Рос. Истории», очевидно, придерживается западных источников и говорит, что он был по имени Иван, в Литве служил дьячком «у церкви и ребят грамоте учил». М., 1770. Стр. 266.

Иноземные источники. Буссов-Бер считает второго самозванца белорусом и школьным учителем, по имени Иваном, которого друзья Мнишков нашли в городе Соколе и дали ему в руководители пана Меховецкого (124 и 184 рус. перевода). За Буссовым то же повторяет Петрей (257 рус. перев.). Маскевич также называет Меховецкого первым руководителем второго Самозванца, и прибавляет, что он был мужик грубый, сквернословный и гадких обычаев и что Меховецкий учил его светскости и польской вежливости, по примеру первого Димитрия (14 и 26). В Дневнике Смоленской осады (Рус. Ист. библ. I, 514) говорится: «наши, зная, что он — не тот Димитрий, за какого они выдают его и, что еще хуже, зная, что он человек ничтожный, необразованный, без чести и совести, — страшный хульник, пьяница, развратник, что он ни сам не придумает ничего дельного, ни советов не принимает, не бывает ни на каком богослужении, о поляках, или, как они говорят, о Литве, ничего хорошего не думает и не говорит, и если бы имел силу и возможность, то всех их истребил бы, относятся, однако, к нему с уважением». И далее (стр. 527): «у него после его побега (из Тушина) нашли талмуд». Шведский король Карл IX в письме к Мих. Глеб. Салтыкову называет Лжедимитрия II барабанщиком (stratenik) и бывшим слугой Гришки Отрепьева. Форстена «Политика Швеции в Смутное время» (Ж. М. Н. Пр. 1889. Февраль). Кобержицкий полагает, что второй Самозва-

нец был из евреев, потому что имел при себе Талмуд и разные еврейские книги и рукописи. Тот же писатель особенно распространяется о его грубости, жестокости, жадности, распутности и других пороках (Hist. Vladis. 320 и 321). Мархоцкий называет его сыном стародубского боярина, т.е., собственно, вышедшим из сословия боярских детей (Hist. Wojny Moskiew. Poznan. 1841). В донесении французского агента своему двору, в апреле 1610 г., Лжедимитрий II назван «сыном кузнеца или кучера», но будто бы он «лично храбр, неустрашим, приветлив и хитер, как ни один из его дружины». Далее тут же говорится, что второй Лжедимитрий был также «выставлен» поляками, как и первый. (Зап. Жолкев. Второе изд. Прилож. № 21.) Особенно любопытное указание дает нам ксендз Велевицкий на основании записок иезуита Савицкого (Ibid., № 44, стр. 192). По его словам, второй Самозванец был крещеный жид, по имени Богданко, состоявший при первом Лжедимитрии в качестве письмоводителя для сочинения русских писем и имевший с ним некоторое сходство. После убиения названого Димитрия Богданко бежал в Могилев, служил учителем у одного протопопа при его школе, но за покушение на его жену был высечен и прогнан; скитался по Литве, потом ушел в Северскую Украйну с одним товарищем, которого будто бы убедил в том, что он Димитрий, и объявился в Стародубе.

Это сообщение (напечатанное Мухановым в 1871 г.), оставшись неизвестным Карамзину, Соловьеву, Бутурлину и Костомарову, не упомянуто и проф. Бестужевым-Рюминым в его «Обзоре событий от смерти Ивана Грозного». А между тем оно по своим подробностям наиболее совпадает с белорусским хронографом, которым по преимуществу пользовался Костомаров и отчасти Соловьев. Оба эти свидетельства в общих чертах немного разнятся от большинства других указаний и совпадают в главных чертах с тем, что Буланин слышал в Вележе от Хрипунова, который, вращаясь около Гонсевского, мог узнать многое. Поэтому мы кладем их в основу своего изложения. Но по ним выходит, будто второй Лжедимитрий появился случайно и, так сказать, сам пришел к мысли принять на себя эту роль. Мало того, и русские историки признают эту случайность и самообъявление; обыкновенно они идут не далее Меховецкого, как выставившего сего самозванца (Бутурлин, Соловьев, Костомаров, Бестужев-Рюмин). По нашему же крайнему разумению тут орудовали все те же польско-русские знатные фамилии, как и при появлении первого Лжедимитрия. К прежним трем фамилиям прибавилась четвертая, князей Рожинских, принадлежавших к потомству Гедимина. на связь этой, тогда еще православной, фамилии с Вишневецкими указывает приведенный нами в третьем томе (стр. 561) акт 1595 г., заключающий жалобу на католиков, которая подписана православными князьями Адамом Вишневецким и Кириллом Рожинским. (Suppl. ad. Hist. Rus. Mon. № LXIII). Православие Адама Вишневецкого подтвердили и польские послы в ответе московским боярам, в 1608 г. (Акты запад. России IV, 267.) Роман Рожинский собственноручно убил Меховецкого по свидетельству Кобержицкого (Hist. Vladis. 90). После своей смерти (в апреле 1610 г.) он был погребен в Киеве по обрядам греческой церкви, на что указывает издатель Записок Жолкев. стр. 14. Адам Вишневецкий сам выступил на помощь второму Самозванцу; а из фамилии Сапегов пришел к нему с войском Ян Петр, двоюродный брат канцлера Литовского. Другой член той же фамилии, Андрей Сапега, был тогда Оршанским старостой, т.е. начальствовал в пограничной крепости Орше. Этот Сапега уведомил

наших пограничных воевод, что Лисовский, Вишневецкий, Тышкевич и другие польско-литовские паны ушли с ратными людьми в Московскую землю самовольно, вопреки строгому королевскому запрещению; что Яну Сапеге были посланы особые листы от короля с таким же запрещением, но что он их не послушал и что вообще нет возможности удержать дома непослушных панов (Акты Ист., II, №№ 92 и 95). Все подобные отписки были несомненно лживы; хотя наши историки им верили; например, Соловьев (VIII, 207). Наоборот, Андрей Сапега, по всей вероятности, намеренно не препятствовал переходу панов за московский рубеж. А что Сигизмунд III втайне одобрял, например, поведение Яна Сапеги, это доказывают весьма благосклонные королевские письма к сему последнему, помещенные у Когновицкого во II томе Zycia Sapiehow, в приложениях. По сообщению Чумикова, в числе рукописей, хранящихся в Скуклостере, близ Упсалы, есть и такая польская: «Краткое изложение о ведении войны с Москвою, для Его королевского Величества составлено Яном Петром Сапегою». (Чт. О. И. Д. 1861. IV. Смесь, 40).

12. Никонов. Рукоп. Филарета. Нов. лет. Столяров хронограф (Изборн. Ан. Попова), Палицын, Псковская летопись, Велевицкий, Буссов-Бер, Масса, Будило, Пясецкий, Маскевич, Бутурлин. II. Приложения VII – X. Акты Ист. II, №№ 89 и 90. С. Г. Г. и Д. II. №№ 163 и 164. Последняя грамота от 14 октября 1608 г. содержит обещание Лжедимитрия II уплатить Юрию Мнишку 300 000 руб. по овладению Москвой. А предыдущая, от 8 сентября того же года, выражает намерение Самозванца отправить свою супругу Марину в Звенигород «для положения одного святого в монастыре» (Савинском), чтобы возбудить к себе большее уважение в Москве; так как прежде (т.е. при первом Самозванце) пренебрежением церковных возбуждалась народная ненависть. В некоторой связи с этим намерением можно указать на хлопоты Римской курии, которая сначала было воздерживалась от участия в делах второго Самозванца после неудачи с первым, но, по мере его успехов, вновь стала проявлять заботу чрез своего нового нунция в Польше Симонетта (Hist. Rus. Monum. II. №№ LXXVIII – LXXXV). При участии иезуитов в Польше составлена была для Тушинского царика обстоятельная инструкция о том, как осторожно он должен действовать, чтобы избежать участи своего предшественника и как постоянно должен подготовлять введение унии в Московском государстве. По всей вероятности, инструкция составлена по поводу брака Лжедимитрия II с Мариной. Эта инструкция сообщена была кн. М.А Оболенским С.М. Соловьеву, который подробно передает ее в самом тексте VIII тома своей «Истории России», в конце четвертой главы. Но так как она не получила практического значения и Тушинский вор менее всего поддавался влиянию иезуитов, то мы на ней не останавливаемся. По-видимому, он только пользовался советов иезуитов относительно осторожности, и под этим предлогом недвусмысленно заявлял о своем православии. Польский список этой инструкции, но очень испорченный, был найден Костомаровым в одной из Варшавских частных библиотек. (Летопись занятий Археогр. Ком. IV. СПб., 1868. Протоколы. 12.)

Буссов сообщает, что Рожинский и поляки не хотели тратить время на осаду Москвы, а думали немедля взять ее приступом; но будто Самозванец удержал их, прося, чтобы они не разоряли его будущей столицы. Это сообщение невероятно: взять приступом хорошо укрепленную Москву было очень

трудно. Тот же Буссов говорит о суеверных действиях Василия Шуйского. Образец чудесных явлений представляет «Повесть о видении некоему мужу духовну» (Рус. Ист. Библ. XIII). Неизвестный по имени, благочестивый муж сообщил о своем видении Благовещенскому протопопу Терентию, который записал его со слов и доложил патриарху и царю; а по их приказу читали эту повесть в Успенском соборе всенародно, учредили пост и пели молебны. По сей повести, видение происходило в том же Успенском храме. Христос сидел на престоле, обстоимый ангелами; одесную стояла Богородица, ошую Иоанн Креститель (подобно тому, как изображается Диесус). Богородица молила Господа Сына пощадить людей своих. Но Господь изливал праведный гнев свой на них: «Зело стужают Ми злобами своими и лукавыми нравы»; «брады своя постригают и содомские дела творят, и неправедный суд судят, и правым убо насилуют и грабят чюжая имения и многая иная скверная дела творят»; за что грозил «предать их кровоядцам и немилостивым разбойникам» (или Болотникову, или Тушинцам). По усильным мольбам Матери Своей и Иоанна Крестителя, Господь, наконец, умилостивился и обещал пощадить «аще покаются». К этой повести присоединено Иное видение. Церковные сторожа, наряженные ночевать у соборной церкви Михаила Архангела, видели в дверные щели яркий свет и слышали шум и говор великие; а один из голосов как бы «говорил по книжному без престани». За шумом последовал плач. И так продолжалось два часа. Повести относят эти видения к 7115 или к 1607 году, т.е. ко времени нашествия Болотниковых скопищ; но хронология тут гадательная; несомненно подобные рассказы происходили и в эпоху Тушинского вора. Как и первое, второе видение вошло в Иное Сказание, где оно отнесено к четвертому лету царствования В. Шуйского и толкуется в смысле предвещания о его скором конце. Помянутый Благовещенский протопоп Терентий есть известное историческое лицо. Он принадлежал к тем духовным лицам, которые льстили первому Лжедимитрию и лжепатриарху Игнатию. До нас дошло его хвалебное послание или челобитная Самозванцу. Напечатано в Акт. Эксп. II. № 224. См. также А.Ф. Бычкова «Описание рукописных Сборников Публич. Библиотеки». I. СПб., 1882. Стр. 402—403. Макария «Ист. Рус. Церкви». X. III. и Платонова «Древ. Сказ. и Пов.». 56—60. При Шуйском Терентий был удален, а в 1610 году по указу Сигизмунда III он возвращен Благовещенскому собору. Акты Зап. Рос. IV № 183 Стр. 389. Во Временнике Об. И. и Др. (№ 23. Смесь) напечатаны три челобитные Лжедимитрию от разных крестьян с жалобами на грабительство и насилия от ратных людей, в том числе и литовских. Эти челобитные сообщены Чумиковым, списавшим их в одном шведском архиве; хотя он без дат, но очевидно относится ко времени второго, а не первого Лжедимитрия.

13. Летописи Никоновская, Псковская. Новгородская. Летоп. о мятежах. Буссов-Бер, Петрей, Видекинд. Дела Шведские «Соловьев. VIII. 227). Временник. V и VIII. Акты Истор. II, №. 99—110. Акты «Эсп. II, №№ 88—91. Иконникова «Князь М.В. Скопин-Шуйский» в Чтец. Ист. Об. Нестора летописца. I. Киев. 1879. Воробьева «Боярин и воевода кн. М.В. Скопин-Шуйский», в Рус. Арх. 1889, № 8. Форстена «Политика Швеции в Смутное время» (преимущественно на основании Стокгольмского архива). Жур. Мин. Нар. Пр. 1889. Февраль. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. Тут издано большое количество грамот, относящихся к Смутной эпохе; между прочим, под № 12 напечатаны 72 письма к гетману Яну Петру Сапеге от

разных лиц, преимущественно от всех тех городов, которые передались второму Лжедимитрию. Об этих письмах (из собрания Якубовича) еще прежде было напечатано сообщение П.И. Саваитова в Летописи занятий Археогр. Ком. IV. 1868. Протоколы 6—7 и 48—54. См. также В. Берха «Древние государствен. грамоты», собранные в Пермской губ. СПб., 1821. Из них 27 №№ относятся к Смутному времени. Впрочем часть их представляет то, что уже напечатано в С. Г. Г. и Д. II., но иногда с вариантами.

14. Никон. Лет. о мятеж. Нов. Лет. Иное Сказ. Главный же источник для осады Лавры «Сказание» Палицына. — Два печатных издания, 1784 и 1822. По сему поводу см. «Замечания об осаде Троицкой Лавры» в Москвитянине 1842. №№ 6 и 7. *(Д.П. Голохвастова).* Автор представляет здесь свод биографических известий об Аврамии Палицыне и очень критически относится к его сказанию о Троицкой осаде. Статья эта немедленно возбудила ряд возражений: в Северн. пчеле 1842. № 198 (со стороны Сахарова), в Отечест. Записках. 1842. № 11, и особенные дельные в Москвитян. 1842. № 12. *(А.В. Горского).* Автор «Замечаний» отвечал на них пространной статьей. Ibid. 1844. №№ 6 и 7. Далее, «Историческое описание Святотроицкая Сергиевы Лавры». М., 1842. (Горского). Оно определяет число всех защитников в начале до 2500. Приложения к этому описанию архимандрита Леонида в Чт. О. Ист. и Д. 1879. II Пятое приложение представляет переводный отрывок из статьи гр. Дзедушицкого о действиях Лисовчиков при осаде Троицкой Лавры (Bibliotheca Ossolinskich. 1842. III). *Кедрова* «Авраамий Палицын». Чт. О. Ист. и Д. 1880 IV. Его же «Авраамий Палицын как писатель». Рус. Архив 1886. № 8. Сборник князя Хилкова. №№ 14, 18, 32—42 с перерывами. Масса и Геркман, Буссов-Бер, Будило. Диариуш Сапеги, у Когновицкого. II. (Русский перевод в Сыне Отечества. 1838. № 1). *Голубинского* «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра». Сергиев п. 1892. (См. гл. II и XIII и план Лавры XVII века). Речь проф. *Бережкова* «Троицкая Сергиева Лавра в Смутное время Московского государства». Киев. 1893.

15. Никон. Палиц. Лет. о мят. Хронографы. Акты Ист. II. №№ 111—242, с перерывами. Акты Эксп. II. №№ 93—169, с перерывами. Буссов, Будило и пр. Речь *Кояловича* «Три подъема русского народного духа». СПб., 1880. Он указывает (стр. 24), что народное противотушинское движение началось в декабре 1608 года небольшим городом Устюжной Железнопольской, который геройски отбил все приступы Тушинцев. Описание его осады в Рус. Ист. Библ. II. № 187. См. также Грамоту В. Шуйского Устюженцам от 23 декабря 1608 г. (Акты Эксп. П. №№ 93 и С. Г. Г. и Д. II. № 167).

Обращу внимание на «распросныя речи» Московских выходцев в Тушинском стане, в мае 1609 года (Акты Ист. II. № 212). Тут между прочим говорится: «А больших бояр на Москве князь Димитрий, да князь Иван Шуйский, да Ортемий Измайлов, да Ростовские, шурья Шуйскаво, да дьяк Василий Янов, да Истома Карташов, да Томила Луговской. А из бояр прямят государю царю и великому князю Димитрию Ивановичу всея России (т.е. Самозванцу) князь Борис Лыков, князь Иван Куракин, князь Василий, да князь Андрей Голицыны, да князь Иван Димитриевич Хворостинин, а с ними дворяне и дети боярские и торговые люди, а сколько их человек и кто имянем и того неупомнит». Историки без критики принимают подобные указания; напр., Соловьев (VII. 263). За ним в последнее время то же повторяет

г. Рождественский в названной выше статье (Ист. Обозр. V). А между тем, очевидно, выходцы из Москвы старались в Тушине сообщить поболее приятных вестей, и преувеличивали количество людей, которые «прямили» Самозванцу. Неприязнь Василия Голицына к Шуйскому еще не значила, что он «прямил» Самозванцу; Андрей же Голицын является воеводой, усердно сражавшимся против Лжедимитрия. А князья Куракин и Лыков положительно выдаются в борьбе с ним на стороне Шуйского как храбрые и деятельные воеводы, и во время сих расспросных речей, и после них. Все трое они особенно отличились в битве с тушинцами под Москвой 25 июля 1609 года. Следовательно, остается только Хворостинин. Приблизительно к тому же времени надобно отнести глухой документ как бы с именами приверженцев Шуйского и Лжедимитрия II, напечатанный у Муханова — «Подлинныя Свидет. о взаим. отнош. России и Польши». М., 1834.

Относительно цен на хлеб в Москве, осажденной тушинцами, кроме приведенных в тексте данных, взятых из Актов Ист. II. №№ 156 и с 212, Никонов. и Палицына, имеем еще следующие любопытные свидетельства. От 23 декабря 1608 года в грамоте Устюженцам В. Шуйский извещает, что «нужды еще нет: четверть ржи купят в полтину, а иногда алтын в двадцать, а четверть овса в четыре гривны, а сена воз большой алтын в двадцать или немного больше». (Акты Эксп. И. № 93.) В Записках Жолкевского (26 стр.) говорится, что до прибытия Скопина бочка ржи (равнявшаяся четырем краковским корцам) продавалась слишком по 20 злотых; а когда очистились пути и начался подвоз, то она продавалась по три злота. Издатель Записок, И. А. Муханов делает расчет и выводит, что четверть стоила около нынешних 15 рублей. У Делявиля (749) упоминается, что бочка ржи стоила тогда в Москве «семь дублонов» (семь рублей?). Масса (254): в Москве четверть стоила 28 гульденов, а в Вологде 1 гульден. Так как цены колебались, то эти свидетельства относятся конечно к разным моментам осады.

16. Акты Эксп. II. №№ 96 — 148, с перерывами. Акты Ист. II. №№ 158 — 345, то же. Щербатов. VII. ч. 3. № 35. Никонов. Лет. о мят. Псковская. Рукоп. Филар. Палицын. Видекинд, Петрей, Будило, Пясецкий, Мархоцкий, Диариуш Я.П. Сапеги (Когновиц. II). Углицкая Летопись, изд. А.А. Титовым. М., 1890. («О пришествии поляков под град Углич» в 1610 г.).

17. Акты Ист. II. №№ 96 — 267, с перерывами. Акты Эксп. II. № 92. Hist. Rus. Mon. II. №№ CXII – CXIII. Виленский Археогр. Сборник. 1. № 79. Самуила Вольского Diariusz roku 1609 — напечатан в Чт. О. И. и Д. Год III. № 6. кн. Оболенским, а потом вошел в его же собрание «Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России». Вып. 3. Немцевич. II. Дневник Смоленской осады. (Рус. Ист. Библ. I. и отчасти у Бутурлина ч. III. Прилож. № XVII.) О Смоленской крепости см. Жолкевского 29 стр. Пясецкого 21 и Маскевича 18. Они же баснословят о числе смольнян: Жолкевский считает их до 200 000, а способных к бою, как и Пясецкий, до 40 000, Маскевич до 70 000. Роспись посадских и слобожан для обороны стен и ночных караулов, см. Акты Ист. II, №№ 259 и 260. План и вид Смоленска в начале XVII века приложены Мухановым к первому изданию Записок Жолкевского М., 1835 г. В этом издании и польский оригинал его Записок.

По поводу причин, побуждавших смольнян к энергичной обороне от поляков, С.М. Соловьев приводит и то обстоятельство, что «они дали в долг Шуй-

скому много денег: если бы сдались Сигизмунду, то эти деньги пропали бы» (VIII. 288). За ним К.Н. Бестужев-Рюмин повторяет тот же аргумент (Ж. М. Н. Пр. 1887. Август). Едва ли такой непатриотичный и по обстоятельствам слишком ненадежный расчет мог играть роль в решимости к отчаянной обороне. Важнее, указанное Соловьевым, пребывание значительного отряда смоленских служилых людей в войске Скопина и, приводимое Кояловичем, свидетельство хронографа о старой вражде смольнян к полякам: «А Смольнянам Поляки и Литва грубны искони, вечные неприятели, что жили с ними по близу и бои с ними бывали частые и Литву на боех побивали». (Изборн. А. Попова. 353. Речь Кояловича — «Три подъема рус. народ. духа».)

18. Акты Ист. II. № 270. С. Г. Г. и Д. II. № 208. Никонов. Лет. о мят. Палицын. Псков. лет. Рукоп. Филар. Жолкев. Прилож. №№ 20 и 26. (Условия, на которых М.Г. Салтыков с товарищами присягал Сигизмунду III под Смоленском. Также в Сборнике Муханова и Актах Зап. Рос. IV. № 180.) Бутурлин III. 173. Zycice I. P. Sapiehy. Немцевич. Мильтон (A brief history of Moscovia. London., 1682. Тут о предсказании гадателей насчет Михаила. См. Карамз. XII. Прим. 518). Геркман. «Сказание о рожд. князя Мих. Вас.» (Изборн. А. Попова). Древ. Рус. Вивл. XI. (Выписка о дне смерти Скопина из панихидной книжицы Арханг. собора.) Современная песня о Скопине Шуйском, записанная англичанином Ричардом Джемсом в Москве в 1619—1620 гг. Она найдена академиком Гамелем и напечатана в Извест. Ак. Н. по отдел. Рус. яз. и словес. 1852. т. I, тетрадь 1. Другая песня о Скопине у Кирши Данилова (См. также Галахова «Ист. Рус. Слов.» I. 268. Буслаева «Очерки Литер.» I. 519—525. Песни — Киреевским. VII. 15). В Арханг. Соборе, в приделе Иоанна Предтечи на стене возле каменной гробницы Скопина был его портрет старинного письма. Лучший снимок с него см. в «памят. Моск. Древ.» Снегирева. М. 1842—1845. Тот же портрет приложен Мухановым к первому изданию записок Жолкевского.

Относительно смерти Скопина Карамзин очевидно верит свидетельству некоторых источников об отправлении, Арцыбашев, приводя разные свидетельства, не высказывает своего мнения. Бутурлин также говорит нерешительно, но более склоняется к отрицанию отравы; при чем ошибочно относит смерть Скопина в ту же ночь после пира. Соловьев идет далее, пытается отвергнуть обвинение в отравлении и для сего выбирает свидетельства, которые по поводу слухов об отраве не решаются сказать положительно свое мнение (Никонов, и Палиц.). В своем усердии к оправданию Шуйских он даже прибегает к не совсем точной передаче: так Жолкевский, по его словам, «отвергает обвинение, приписывая смерть Скопина болезни». Но гетман также не делает положительного вывода, и, сообщивши слух об отравлении, прибавляет: «между тем, если начнешь расспрашивать, то выходит, что он умер от лихорадки». По всей вероятности, те бояре, которых он потом (пребывая в Москве) расспрашивал, не были расположены говорить с ним откровенно о сем предмете; тем не менее он очевидно наклонен верить более отравлению, нежели естественной смерти. Странно, что здоровый молодой человек в две недели умер от лихорадки, и что эта лихорадка, которая сопровождалась сильным кровотечением из носу и нестерпимыми болями в животе? Показания Псковского летописца об отравлении Скопина женой Димитрия Шуйского Соловьев отвергает на том основании, что летописец не любил Шуйского; причем опирается еще на то, что отравительница вместо Екатерины названа Христиной, и

толкует, будто это имя «по всем вероятностям» образовалось из слова крестины, крестинный пир. Не вероятнее ли предположить просто неисправность рукописи, описку переписчика? Едва ли не большинство современных иностранных и русских известий склоняется к тому, что Скопин был отравлен; а Видекинд и Буссов-Бер говорят о том положительно. Некоторые показание о его смерти сгруппированы у Муханова в Зап. Жолкев. в прилож. № 23. Но это далеко не все; например, нет сказания «О рождении князя Михаила Васильевича» (Изборн. А. Попова), которое положительно настаивает на отравлении. Сказание это любопытно по некоторым подробностям, которых нет в других источниках; например: слова матери Скопина Елены Петровны, чтобы он не ездил из Александровской Слободы в Москву; известие о его великом росте, для которого не могли найти подходящей колоды; сообщение, что до отвоза в Суздаль его хотели временно положить в Чудов монастырь, но, по требованию народа, положили в Архангельском Соборе. (Л.И. Майков полагает, что тут рассказ об отравлении заимствован из народной былины. Ж. М. Н. Пр. 1880. Ноябрь.) Костомаров в своем «Смутном времени» склонен верить в отравление. В соч. «Личности Смутного времени» (Вест. Евр. 1871. VI) он относится неблагоприятно к личности Скопина и обвиняет его в эгоизме. Возражения на это см. у Погодина («Борьба не на живот, а на смерть». М. 1874) и у Воробьева. Г. Кондратьев в своем исследовании о Рукописи Филарета, вслед за Соловьевым, возражает против отравления. Ж. М. Н. Пр. 1878. Сентябрь. Проф. Коялович по поводу вопроса об отравлении не высказывается ни в ту, ни в другую сторону («Три подъема»). То же и г. Платонов («Древнерус. сказ. и пов.»). К.Н. Бестужев-Рюмин замечает: «Современники подозревали, и едва ли без основания, что он был отравлен по зависти князя Д.И. Шуйского; самого царя подозревать нельзя». В.С. Иконнников обстоятельно разбирает свидетельства, сюда относящиеся, и склоняется в сторону отравления. (Чт. Об. Нест. лет. I.). Другой подробный свод известий о смерти Скопина представлен в названном выше сочинении Воробьева, который считает отравление доказанным. С своей стороны, автор настоящего сочинения не находит ничего невероятного в обвинении современников, направленном против Д. Шуйского и его жены. Там, где идет борьба честолюбий, а особенно борьба за престолонаследие, подобные факты слишком обычны в истории народов, чтобы к данному обвинению относиться с полным недоверием, а тем более если принять в расчет все обстоятельства. Особенно возбуждает подозрение жена Д. Шуйского, по-видимому, достойная дочь Малюты Скуратова и сестра бывшей царицы Марьи Григорьевны Годуновой.

19. Никон. Лет. о мят. Палицын. Столяров Хрон. Нов. лет. Иное Сказ. Рукоп. Филар. Зап. Жолкев. Будило, Буссов-Бер, Дневник Смолен. Осады. Маскевич. Для Клушина и Царева Займища: Зап. Жолкев. Втор. Изд. 45 и след. Донесение гетмана Сигизмунду. Ibid. прилож. 27. А в прилож. 24 договор его с Елецким и Валуевым. (Также Сборник Муханова.) Дневн. Смол. осады. Рус. Ист. Библ. I. 618 (очень сходно с донесением Жолкев.). Будило. Ibid. 195. Маскевич. 40 рус. перевода. Пясецкий. 30 славян. перевода. Русские источники говорят о Клушинской битве коротко и почти единогласно приписывают поражение измене иноземцев. Названные польские источники своими подробностями подтверждают это обвинение.

Подробности, относящиеся к низложению и пострижению царя Василия, при сравнении разных источников являются сбивчивыми и подчас противоречивыми. Я даю общий их очерк. См. Никонов. 139. Летоп. о мят. 195. Палиц. 206. Столяров хроногр. у А. Попова. 346. Иное Сказ. в Ист. Библ. XIII. 122. и во Времен. XVI. 112. Латухина Степен. кн. у Карамзина к т. XII прим. 560. Рукоп. Филар. 31. Нов. Летоп. во Времен. XVII. 119. Буссов-Бер. 182. рус. перев. и 111 немец, текста. О решительном противодействии Мстиславского выбору Голицына говорят Зап. Жолк. 70. Крестоцеловальная запись, от 24 июля 1610 года, на присягу боярам Ф.И. Мстиславскому с товарищами для временного ими управления государством см. Акты Ист. II. № 287 и С. Г. Г. и Д. II. № 198. А окружную грамоту от бояр, окольничих и всех чинов Моск. госуд-ва, от июля 20, о сведении с престола Василия Петровича с увещанием не признавать «того вора, который называется царевичем Димитрием», стоят против польских и литовских людей и выбирать государя всею землею — в Акт. Эксп. II. № 162. Подобная же от 24 июля в С. Г. Г. и Д. II. № 197. К.Н. Бестужев-Рюмин к этому времени предлагает отнести две грамоты Гермогена, с увещанием принести повинную царю Василию. Ак. Эксп. II. № 169. (Ж. М. Н. Пр. 1887. Август 274.) Что Гермоген указывал двух кандидатов на царство, князя В. Голицына и М.Ф. Романова, о том сообщает Жолкевский. 75.

«Седмь московских бояринов» или «седмочисленные бояре», которые по свержению Шуйского «два месяца власти насладишася», указаны в Ином Сказании (Ист. Библ. XIII. 123) и в Хронографах. (Изборн. А. Попова 200 и 207), но без означения их имен. Никто из предшествовавших историков (Карамзин, Соловьев, Бестужев-Рюмин) не пытался выяснить эти имена. Только Арцыбашев выписывает из послужного боярского списка до 20 имен того времени (примеч. 1327); но это не решает вопроса о составе семибоярщины или той малой, избранной Думы, которая образовала временное правительство и которая напомнила пятибоярщину, оказавшуюся во главе правительства по смерти Грозного. Спрашиваем: те шесть имен, которые постоянно и однообразно встречаются в официальных актах того времени, т.е. три боярина (кн. Ф.И. Мстиславский, кн. В.В. Голицын, Ф.И. Шереметев), один окольничий (кн. Мезецкий) и два дьяка (В. Телепнев и Том. Луговский), может быть, и составили эту избранную Думу? (С. Г. Г. Д. II. №№ 199, 200 и 201. Акты Эксп. II, № 165). Седьмое имя могло быть не отмечено случайно, по болезни или отсутствию, и это седьмое имя вероятно принадлежало или Ивану Никитичу Романову, или князю Ивану Семеновичу Куракину, или князю Ивану Мих. Воротынскому. В таком случае, исключая двух дьяков, мы получаем собственно новую пятибоярщину. Но возможно также со стороны летописцев неточное указание числа, и самое это число могло видоизмениться. Так гетман Жолкевский в своих записках (73), говоря о съезде под Девичьем монастырем с Правительственной Думой называет те же самые лица как и указанные официальные грамоты, но приводит пятерых (Мстиславского, Шереметева, Мезецкого и двух дьяков), а Василия Голицына пропускает. А в Дневнике Смоленск. осады (658) приводится донесение гетмана о том же съезде; причем названы все те же шесть имен, т.е. без пропуска князя Голицына. Только от января 1612 г., т.е. эпохи Московской осады, веденной Заруцким и Трубецким, мы имеем две грамоты, подписанные именно семью боярами, каковы: кн. Ф.И. Мстиславский, кн. Ив. Сем. Куракин, Ив. Ник. Романов, Ф.И. Шереметев, Мих.

Ал. Нагого, кн. Бор. Мих. Лыков и кн. Андрей Трубецкой. За ними следуют подписи нескольких окольничих и дьяков. (С. Г. Г. Д. II, №№ 276 и 277). Но эта «семибоярщина» относится к концу междуцарствия, а не к началу его, на которое прямо указывает Иное Сказание. При том это Сказание ограничивает полную власть семибоярщины только двумя месяцами; а этому сроку соответствует время между свержением Шуйского (17 июня) и вступлением Жолкевского в столицу (21 сентября); хотя во вторую половину сего срока Правительственная Дума уменьшилась вследствие отправки некоторых ее членов послами к Сигизмунду III.

«Повесть о некоей брани, належащей на благочестивую Россию» (Рус. Ист. Библ. XIII) рассказывает о знамении, которое узрел на небе автор ее, по-видимому, подьячий Посольского приказа. Однажды он вместе с толмачом Кропольским послан был дьяком этого приказа Вас. Телепневым с грамотами царя В. Шуйского о наборе ратных людей в поволжские города. На дороге из Александровской слободы в Переяславль облака представились им в виде огромного льва и страшного змея, окруженных зверями и змеями, готовых поглотить один другого; но оба они скоро исчезли. Толмач объяснял, что лев означает царя Шуйского, а змей Тушинского вора, и что обоим им будет скоро конец.

20. С. Г. Г. и Д. II, №№ 199—204, 207—221. Акты Эксп. II, № 165. Акты Ист. II, №№ 288—314, 316. (В № 310 список думных дворян и дьяков, приверженных к Василию Шуйскому.) Голикова «Дополнение к Деян. Петра В. II. (Здесь подробности Смоленской осады и переговоров великого посольства с панами.) Никон. летоп. о мят. Записки Жолкевского. Прилож. №№ 32—87. Будило. Дневник Смолен. осады. Буссов-Бер. Делявил. Видекинд. Кобержецкий. Когновийкий II. Любопытные донесения Ив. Мих. Салтыкова Сигизмунду III из Новгорода о делах того края, от 17 ноября 1610 года (С. Г. Г. и Д. II, №, № 307 и 313). Тут он, между прочим, вместе с новогородскими чинами настаивает на необходимости удалить из сего края состоявшие на королевской службе отряды литовские и запорожские, которые своими неистовствами отпугивают города от присяги Владиславу и заставляют их держаться вора. «Многие города состоят в воровской смуте и вам государем не добьют челом, и креста не целуют и с Московским и с Новогородским государством не соединяются; потому что во многих городах, в Торжке и в Твери и в Торопце и в иных городах, которые вам государям добили челом и крест целовали, стоят многие польские и литовские люди и черкасы валентари (Вольные) и вашу государеву землю пустошат, дворян, детей боярских и посадских людей из животов пытают и на смерть побивают, и поместьями дворянам и детям боярским владети не дают, и с уездов всякие подати и кормы свои и конские правят многие не в меру». См. также Акты Запад. Рос. IV. №№ 182 («Имязная роспись московским послам к Сигизмунду»), 183 (большое количество жалованных и других грамот московским боярам, дворянам и пр. на поместья, денежные оклады и другие милости). Если верить Польским послам 1615 года, то на допущение польского гарнизона в Москву особенно настаивал перед Гермогеном Иван Никитич Романов (Акты 3. Рос. IV. 477). Те же послы вспоминают о пытке и казни попа-лазутчика от Тушинского вора в Москве; при чем обвиняли в сношениях с ним князей Голицыных (Ibid. 481), но с очевидным пристрастием.

О гибели второго Лжедимитрия см. Акты Ист. II, №№ 307 и 313. Буссов-Бер, Будило. Жолкевский. Дневник Смоленск. осады. Относительно отъезда Авраамия Палицына из-под Смоленска оправдание его см. в труде Кедрова «Авраамий Палицын» (Чт. О. И. и Д. 1880, кн. 4). И.Е. Забелин наоборот упрекает его почти в измене своему долгу, и полимизует с Кедровым («Минин и Пожарский». М., 1883). Но Кедров, если не вполне, то довольно успешно защищает знаменитого келаря («Авраамий Палицын как писатель». Рус. Арх. 1886, № 8). И в самом деле, раз Палицын убедился в польском коварстве и бесполезности всего посольства, он постарался освободиться из рук врагов и сохранить за собой возможность быть потом полезным отечеству в борьбе с теми же врагами, и трудно его осуждать именно за то, что он сумел ускользнуть из-под Смоленска. Митрополит Филарет и кн. В. Голицын ни в каком случае не могли быть отпущены; ибо их задержание находилось в связи с вопросом о претендентах на Московский престол.

21. Никон. летоп. о мят. Палиц. Р. Филар. Маскевич, Будило, Мархоцкий, Краевский (стихотворения Chronologia woyny Moskiewskiej. 1613), Буссов-Бер. Дневн. Смоленск. осады. С. Г. Г. и Д., II, №№ 226—257. Акты Эксп. II, №№ 170—188, с перерывами. Акты Ист. №№ 314, 318, 319. О новом возведении лжепатриарха Игнатия свидетельствует Никон. летоп. (160) и Лет. о многих мятежах. (225): «а на патриаршество возведоша преждереченнаго советника Разстригина, кипрскаго владыку Игнатия, который был в Чудове монастыре простым чернецом». Видя ложность и непрочность своего положения, Игнатий вскоре бежал в Литву, где принял унию. (О его судьбе см. высокопреосвящ. Макария «История Рус. Церкви». X, 158—159).

О коварстве Яна Петра Сапеги свидетельствуют следующие документы: письмо к нему Сигизмунда в январе 1611 года с приказом немедленно выступить против ополчения, собираемого Ляпуновым (Зап. Жолк. примеч. № 40); послание Яна Сапеги в Переяславль-Залесский атаманам, казакам и «всем дородным молодцам» с убеждением верно служить Владиславу. (Сборн. кн. Хилкова, № 4), и отписка того же Сапеги костромскому воеводе князю Волконскому, убеждающая к покорности королевичу Владиславу (Акты Ист. II, № 327). Последняя относится к апрелю 1611 г. следовательно к тому самому времени, когда Сапега вел переговоры с Ляпуновым о своей готовности соединиться с ним против поляков. Грамота из-под Смоленска, обращенная к москвичам (С. Г. Г. и Д. II, № 226), по вероятной догадке С. И. Кедрова, была сочинена никем иным, как Филаретом Никитичем («Авраамий Палицын как писатель». Рус. Арх. 1886, № 8, 477). Любопытно, что даты событий представляют иногда большое разногласие источников. Так Маскевич отстает на месяц и более от Будила. Например, по Маскевичу, Сапега прибыл под Москву 17 мая: а по Будилу 17 июня. По первому, Сапега воротился из-под Суздаля прежде убиения Ляпунова, а по второму, после; по первому, он умер 8 июля, а по второму, 14 сентября. В этом случае Будило, как состоявший на службе в войске Сапеги, конечно ближе к истине; однако и он не вполне точен. В виду подобных противоречий приходится иногда обозначать время некоторых событий приблизительно или руководствоваться разными соображениями при проверке дат.

В библиотеке Московской Духовной Академии есть рукописный сборник разных статей, в числе которых встречается одна, озаглавленная так:

«Новая Повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском и о страдании нового страстотерпца кур Ермогена патриарха» и пр. (Архим. Леонида «Сведения о славян, рукописях, поступивших в библиотеку Троиц. Духовн. Академии в 1747 году». Чт. Об. И. и Д. 1884, III, 196). Г. Платонов в своей статье «Новая Повесть о смутном времени XVII века» (Ж. М. Н. Пр. 1886. Январь) передает содержание этой повести и доказывает, что она представляет одно из тех подметных писем, которыми возбуждались умы против кого-либо. В данном случае какой-то московский патриот побуждает своих сограждан восстать против поляков и указывает на пример смолян, мужественно оборонявшихся от Сигизмунда, на поведение двух «вящих» (великих) послов, митрополита Филарета и кн. Голицына, крепко стоящих против замыслов короля, и на пример самого «столпа» бесстрашного патриарха Гермогена. Яркими красками описывает он поведение польского гарнизона и русских изменников, Михаила Салтыкова и Федора Андронова, которых по имени не называет. Время этого писания г. Платонов определяет между смертью Тушинского вора и сбором Ляпуновского ополчения. (См. того же г. Платонова о той же повести в его «Древнерусские сказания и повести о смутном времени». 1888. стр. 86. Этот любопытный памятник издан им в Рус. Ист. Библ. XIII.) Между прочим, автор Новой Повести указывает некоторые обстоятельства, относящиеся именно к этому промежутку. Таково, например, преступление поляка Блинского. Этот Блинский, бывший арияпином, в пьяном виде выстрелил в образ Богоматери у Никольских ворот. Боясь народного возмущения, Гонсевский велел его казнить, а отсеченные его руки прибить гвоздями под сим образом. См. о том у Буссова, Маскевича и Акты Зап. Р. IV стр. 479.

22. С. Г. Г. и Д. II, №№ 245, 250, 263, 264. Акты Ист. II, №№ 321 – 340, с перерывами. Акты Эксп. II, №№ 184 – 196, то же. Акты Южн. и Запад. Рос. II, № 42. Никон. Лет. о мят. Нов. Лет. Новогород. третья. Псковская. Рук. филар. Палиц. Голиков. Дополн. к Деян. Петра Вел. II. Хронографы. Жолкевский, Маскевич, Будило, Мархоцкий, Кобержицкий, Видекинд, Краевский, Когновицкий II. Нарушевича Hist. Jana Karola Chodkievicza (1837). Немцевич. III. Полевого — «Прокопий Ляпунов» (Рус. Бес. Т. III). «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства». (Рус. Ист. Библ. XIII.) Не заключая новых данных, этот плач, по оценке г. Платонова, «имеет весьма малую историческую ценность». (Древнерус. сказания и повести. 114.)

№№ 321 и 322 Актов Историч. II. (Февраль 1611 г.), заключающие приказы московской Боярской Думы смоленским воеводам и великим московским послам о немедленной сдаче Смоленска и вообще повиновению королю Сигизмунду, любопытны в том отношении, что дают нам точные указания о размере и составе Боярской Думы, находившейся тогда в Москве и состоявшей под давлением польского гарнизона. Тут мы видим 17 бояр, в том числе: Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, М.Г. Салтыков, Ив. В. Голицын, Ив. Ник. Романов и Ф.И. Шереметев. Затем следуют 8 окольничих, 5 дьяков и 3 думных дворянина. Безграмотными, за которых подписались другие члены Думы, оказываются три боярина, князья Влад. Тим. Долгоруков, Мих. Фед. Кашин, Мих. Сам. Туренин, и три окольничих, Ив. Вас. Головин, Ив. Ник. Ржевский и кн. Гр. Бор. Долгоруков. Любопытная грамота, заключающая договор всех чинов подмосковного ополче-

ния от 30 июня 1611 г., напечатана у Карамзина в 793 прим. к XII тому. Под ней подписались Трубецкой, Ляпунов, а вместо Заруцкого тоже Ляпунов (следовательно, Заруцкий был безграмотен), потом разные чины и представители 25 городов, каковы: Кашин, Лихвин, Дмитров, Смоленск, Ростов, Ярославль, Можайск, Калуга, Муром, Владимир, Юрьев, Нижний Новгород, Пошехонье, Брянск, Романов, Вологда, Галич, Мещерск, Архангельск, Переяславль-Залесский, Кострома, Воротынск, Юрьев-Польский, Волхов и Звенигород (Ibid. примеч. 794). За немногими исключениями, это города центральной и чисто Великорусской полосы Московского государства. См. также «Список разных чинов людей, бывших на земской службе с кн. Д.Т. Трубецким». Акты Москов. государства. I. № 45.

Описание триумфального въезда в Варшаву гетмана Жолковского см. у Немцевича Dzieje panowania Zygmunda III. Том 3, стр. 13. О смерти и погребении В. Шуйского в Варшаве на Краковском предместье, у костела св. Креста, с пышной латинской надписью, о выдаче его тела в 1635 г. и погребении в Москов. Архангельском соборе см. у Карамзина к т. XII примеч. 784—786. О смерти Василия и Димитрия Шуйских, о службе Ивана при Михаиле см. также «Финский Вестник» 1847, № 1. По известию Кобержицкого, Сигизмунд поручил художнику Долабсле увековечить картиной взятие Смоленска и триумфальный въезд. Впоследствии Август II отдал эту картину Петру Великому, склонясь на его просьбы. (Немцев. III, 14.) О пышной варшавской надписи над могилой Шуйских говорит Никон. Лет. 148 и Лет. о многих мятежах 208. «В Литве же царя Василия и брата Димитрия и со княгинею умориша... и поставиша над ними столп каменный себе на похвалу, а Московскому государству на укоризну, и подписаху на столбе всеми языки». Имеем: «Опись имущества царя В.И. Шуйского и братьев его», составленную после 12 сентября 1612 года. (Акты Ист. II. № 340.) Имущество очевидно осталось небогатое после В. и Д. Шуйских и жены последнего Екатерины. Тут образа и складни, обложенные золотом, серебром и каменьями, бархатные и суконные кафтаны и охабни, серебряные пуговицы, меховые шубы и шапки, перстни, серебряные стаканы, братина и две ложки, оловянная и медная посуда, некоторое количество денег, московских и польских. Эти вещи и деньги большей частью подарены королем, Львом Сапегой, Жолкевским и некоторыми другими лицами. В числе вещей Екатерины наряду с жемчужными серьгами и серебряными чарками встречается «серебряная белильница». И этого скромного наследства своих братьев переживший их Иван Шуйский, по-видимому, не получил; польский пристав Бобровницкий отобрал у него даже и то, что было ему подарено братьями и невесткой при их жизни.

Профессор Варшавского Университета Д. В. Цветаев приготовил к печати особую монографию, посвященную судьбе Василия Шуйского и его братьев со времени заточения их в Гостынский замок. Благодаря обязательности автора, я просматривал рукопись этой монографии, основанной на собранных им архивных и других источниках. Привожу оттуда только главные факты, не касаясь любопытных подробностей. Гостынский замок, расположенный верстах в 130 от Варшавы и прежде незначительный, теперь представляет развалины. При Сигизмунде им ведал староста пан Гарвавский. Скорая кончина в этом замке царя Василия, брата его Димитрия и Екатерины Григорьевны, в 1612 году, подала повод русским летописцам (Никон. Иное Сказание) объяснять ее насилием. Но это несправедливо. Их

смерть ускорили лишение свободы, горе и тоска. После Деулинского перемирия Сигизмунд III решил напомнить миру о пленном Московском царе, чтобы придать вес притязаниям своего сына. Прах Шуйских из Гостынского замка в 1620 году был перенесен в Варшаву и торжественно погребен за городской стеной, где теперь находится Первая гимназия. Над тесным каменным склепом возвышался каменный просторный круглый столп или т. наз. «каплица»; над входной дверью в ней красовалась мраморная плита с золоченой надписью. Иван Шуйский по смерти братьев был освобожден из заключения и взят на королевскую службу; при размене пленных в 1619 году его не отпустили, а сделали это только в следующем году по настоянию Московского правительства. После Поляновского мира 1634 года король Владислав IV согласился на просьбу царя Михаила Федоровича и отпустил в Москву прах Шуйских. Время их кончины распределилось так: царь Василий отошел в вечность 26 февраля 1612 года, князь Димитрий 28 сентября, на глазах своей жены и русской прислуги, а княгиня Екатерина 25 ноября нового стиля, в присутствии своего деверя Ивана и русских слуг.

Относительно интриги против Ляпунова источники несколько разноречат. Так по одним (Маскевич) речь идет о подделках изменнического письма от Ляпунова к Гонсевскому, по другим о поддельной грамоте Ляпунова с приказом избивать казаков. Мы думаем, что пущены были в ход обе подделки. На стачку Заруцкого с Гонсевским намекают Будило и Маскевич. Последний замечает, что Заруцкий вообще «доброжелательствовал» полякам, но не смел обнаруживать своих намерений. По некоторым известиям, в это гнусное дело замешан Иван Петрович Шереметев (сын убитого во Пскове воеводы Петра Никитича). Будучи сторонником Владислава, он, вместе с известным кн. Григ. Шаховским, интриговал в ополчении против Ляпунова и, может быть, действовал по тайным наставлениям Гонсевского. По крайней мере в одной грамоте из ополчения Пожарского, от 9 сентября 1612 г., убиение Ляпунова приписывается наущению Ив. Шереметева. (Учен. Записки Ак. Н. По 1 и 3 отд. Т. III. 96.) По Столярову хронографу главным агентом Заруцкого в убиении Ляпунова был атаман Сережка Карамышев, который нанес ему первый удар саблей. (Изборн. А. Попова. 352.) По словам одной грамоты временного боярского правительства, Заруцкий и казаки три дня держали тело убитого Ляпунова на площади «собакам на съедение». (С. Г. Г. и Д. II, № 277.) В той же грамоте боярское правительство приводит известную картину казацких неистовств под Москвой.

В своем изложении Смутного времени, особенно по поводу столкновения Ляпунова с Заруцким и гибели первого, Соловьев («История России». Т. VIII. гл. 8) слишком преувеличивает темную сторону казачества, и неуспех первого ополчения под Москвой главным образом приписывает его участию, тому, что «чистое было смешано с нечистым, подле земских людей стояли казаки». Такой вывод обнаруживает не совсем точное и отчетливое представление о казачестве того времени. Очевидно, он разумел только вольное казачество. Донское и Запорожское, а в данном случае (т.е. при осаде польского гарнизона) именно первое. Но он упустил из виду, что собственно Донское казачество при ополчении составляло небольшую часть или ядро казацких дружин и что казачество как низшее служилое и притом городовое сословие было тогда распространено по всей Руси. Только в Смутную эпоху вольное казачество весьма умножилось отчасти разоренными посадскими людьми, а в особенности крестьянами и холопами,

самовольно покидавшими свои деревни или из своих помещиков и вступавшими в его ряды, и это были люди наиболее смелые и воинственные. Если казачество при самозванцах воровало, то воры и изменники в большом количестве тогда явились и в других сословиях, начиная с бояр и дворян. Зато в конце Смутного времени казачество наравне с земством боролось с внешними врагами и очищало от них Русскую землю. Это более всего ясно из истории освобождения самой столицы. После смерти Ляпунова и рассеяния большей части земской рати, казачество собственно на своих плечах вынесло дальнейшую осаду польского гарнизона до самого прихода второй ополчения, т.е. Пожарского. Да и Пожарский, наученный примером Ляпунова, пытался не соединиться с оставшимся под Москвой казачеством, однако не мог без него отбить Ходкевича и, только благодаря казацкой помощи, дело повернулось в нашу пользу. В грамоте Трубецкого и Пожарского прямо указывается на земскую службу казаков и принимаются меры для сбора «казацких кормов», чтобы «казаки с земския службы с голоду не разбрелися и земскому великому делу порухи некоторыя не учинилось». (Акты Эксп. II, № 216, стр. 275—277.)

Из русских источников с особым сочувствием относится к Ляпунову так называемая Рукопись Филарета, которая честит его «властелем Московскаго воинства» и «бодренным воеводою». Эта Рукопись издана П.А. Мухановым два раза: в 1837 г. отдельной книгой и в 1866 г. в его «Сборнике». О ней есть любопытное исследование А. Кондратьева в Ж. М. II. Пр. 1878. Сентябрь. Он подтверждает, что Рукопись составлена не патриархом Филаретом, а только в конце его патриаршества, и при том имеет официальный характер, и что в основу ее главным образом положен хронограф Сергия Кубасова. Но так как соответствующая часть хронографа есть известная «Повесть» кн. Катырева-Ростовского, а сей последний был зятем Филарета Никитича, то понятно, откуда является официальный характер «Рукописи» при ее заимствовании из «Повести»; нет поэтому основания и отвергать действительное участие Филарета в составлении Рукописи, носящей не только его имя, но и следы его редакции.

23. Никон. Нов. Летоп. Лет. о мят. Иное Сказание. Рук. Филар. Палиц. Хроногр. Столярова. Ист. Библ. XIII, 235—240 и 244 (о видениях благочестивому Григорию в Нижнем Новгороде, Мелании жене Бориса мясника во Владимире и Варлааму в Великом Новгороде). Акты эксп. II, №№ 192—221. Акты Ист. II, №№ 336—343. Дополн. к Ак. Ист. I, № 166. С. Г. Г. и Д. II, 268—285, с перерывами. Древ. Рос. Вивл. XV. № 10. (Две грамоты Пожарского из Ярославля.) Из Хронографа кн. Оболенского о Минине в Архиве Калачова. I. М., 1850. Отд. 6-е, стр. 35—38. Дипломатич. сношения. II. 1405-31. Дворцов. разряды I. (Оборона Волока Ламского от Сигизмунда, стр. 7.) Легендарный хронограф П.И. Мельникова («Нижний Новгород и Нижегородцы в Смутное время». Отечеств. Зап. 1843, № 7). Его же «Несколько новых сведений о Смутном времени» в Москвит. 1850, № 21. Ноябрь. «Крат. о Ниж. Нов. известия» в Др. Рос. Вивл. XVIII. (С посадских людей на содержание рати брали пятую деньгу. 81.) А.С. Гацисского «Нижегородский Летописец». Нижний Новгород. 1886. Видекинд. Будило. Краевский. Кобержецкий. Геркман. Немцевич. III Hist. Chpdk. Р. Ильинского «Описание жизни Козьмы Минина». СПб., 1799. Речь Н. Полевого — «Козьма Минин Сухорукой». М., 1833. Малиновского «Биографич. сведения о кн. Пожарском». М., 1817. Чичагова

«Жизнь Пожарского, Минина и Палицына». СПб., 1848. (Строгая критика на него в Москвитянине. 1848. № 11.) С. Смирнова «Боярин и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский». (Отеч. Зап. 1849.) Аверина «О жизни зарайского протоиерея Димитрия». М., 1835. «Жизнь преподобного Иринарха Затворника». Изд. архимандритом Амфилохием. М., 1863. См. Ж. М. Н. Пр. 1859. № 12. И.Е. Забелина «Безвестный герой Смутного времени». (Древн. и Нов. Россия. 1875, № 3). «Дело ротмистра Хмелевского» с заметкой К.Н. Бестужева-Рюмина, в Рус. Архиве 1863 г., № 10—11. Житие преподобного архимандрита Дионисия, составленное учеником его иноком Симоном Азарьиным и дополненное записками о нем священника Ивана Наседки, Дионисиева друга (у меня издание 1816 г.). Скворцова «Дионисий Зобниновский архимандрит Троицы-Сергиева монастыря». Тверь, 1890. Симону Азарьину принадлежит также «Книга о новоявленных чудесах преп. Сергия». Издана в Памят. Древ. Письменности. LXX. СПб., 1888. Тут любопытно 9-е чудо: «О явлении Сергия Козме Минину и о собрании ратных людей на очищение государству Московскому». Тому же Азарьину приписывает А.Н. Попов сочинение изданной им «Повести о разорении Московского государства и всея Российская земли». (Чт. О. И. и Д. 1881. Кн. II). Эта повесть, составленная при Алексее Михайловиче, представляет поверхностный обзор событий Смутного времени.

Иное Сказание, пристрастное к Василию Шуйскому, в противность другим источникам, дает неблагоприятный отзыв о патриархе Гермогене, которого оно едва ли не считает главным виновником низложения царя Василия; и это низложение будто бы повлекло и его собственную гибель. «Сей преложен бысть от неких мужей змиеобразных, иже лесть сшивающе, козньми соплеташа, иже о Василиии цари злоречством наводиша мятежницы словесы лестными. Он же им всем верует, и сего ради ко царю Василию строптивно, а не благолепно беседоваше всегда, понеже внутрь удуимый наветовалный огнь ненависти... Мятежницы же во время свое преже царский венец низложиша, потом же и святительскую красоту зле поруганием обесчестиша. Егда бо по Василии царе прияша Москву супостатнии руце, тогда убо он по народе пастыря непреоборима показати себе хотяше; но уже времени и часу ушедшу... Тогда убо аще и ярящуся ему на клятвопреступные мятежники, и обличая христианоборство их, но ят бысть немилосердыми рукама и аки птица в заклепе, и гладом его умориша, и так ему скончавшуся». (Рус. Ист. Библ. XIII. 125.) Приблизительно то же самое повторяет Хронограф второй редакции, черпавший из одного источника с Иным Сказанием. (Изборн. А. Попова. 201.) Начальник польского гарнизона Александр Гонсевский, естественный неприятель Гермогена, впоследствии в 1615 году на съезде с русскими послами под Смоленском порицал покойного патриарха и говорил, будто он был прежде в донских казаках, а затем «попом» в Казани. (Ак. Зап. Рос. IV. 481.) Но тут же Гонсевский свидетельствует, что Гермоген не раз ходатайствовал у него за поляков, осужденных на смерть за насилие и обиды москвичам. Разные известия о его кончине приведены митр. Макарием в его «Истории Русс. церкви». X. 156—157.

Князь Ив. Андр. Хворостинин, в молодости бывший недостойным фаворитом первого Лжедимитрия, потом вольнодумцем, впавшим в ересь и заключенным в Кириллов монастырь, в зрелых летах обнаружил раскаяние и написал «Словеса дней и царей и святителей Московских». В этом сочинении, написанном также под влиянием патриарха Филарета, он осо-

бенно прославляет Гермогена как мученика и страдальца. Когда поляки сдались, Хворостинин, по его рассказу, вместе с русским ополчением вошел в Кремль; он тотчас отправился в Чудов монастырь и спросил оставшуюся там братию, где погребен страдалец-патриарх; поклонился его гробу и много над ним плакал. (Рус. Ист. Библ. XIII. 555.) О сочинении Гермогена «Явление Казанской Богородицы» см. у Мельникова (Неск. новых свед. о Смути. врем. в Москвит. 1850. № 21.) В Москов. Вед. 1893 года № 124. под заглавием «Новое археологическое открытие в Московском Кремле» сообщено, что в церкви Михаила Архангела в Чудове монастыре при производстве ремонта открыто второе нижнее надземелье или подвал белокаменный. Верхний этаж подвала имеет оконные просветы, а нижний темный, и в него можно попасть чрез особое замурованное отверстие с помощью приставной лестницы. Тут и был, как полагают, заключен Гермоген. По сему сообщению, одна польская брошюра (необозначенная) говорит, что ему туда ставили ведро воды и куль овса. Там найдены железные вериги и человеческие черепа и кости. Нельзя при этом не упомянуть о сетовании многих благочестивых москвичей, что память Гермогена как непреклонного патриота и начинателя освободительного от поляков народного движения, доселе не почтена никаким памятником, и даже не устроена неугасимая лампада в месте его мученической кончины.

То же Иное Сказание отзывается о предводительстве Заруцкого в первом ополчении таким словами: «воевода же над казацкими полки был Московской служилой рохмистр пан Иван Заруцкий. И сей бысть нехрабр и сердцем лют, но нравом лукав». (Ibid. 126.) О Минине оно говорит: «Воздвизает бо некоего от христианского народа мужа, рода неславна, но смыслом мудра, его же прозвание нарицаху Козма Минин, художеством бяше преже говядар. Сей по случаю чина чреды своея бысть началпик в то время судных дел во братии своей, рекше посадных людей, в Нижнем Новгороде». (Ibid. 127.) Федор Андронов по указу Сигизмунда в ноябре 1610 года был назначен собственно товарищем В.П. Головина, казначея на Казенном дворе. (Акты 3. Рос. VI, стр. 372.) О его судьбе сообщает Иное Сказание: «И всея земли Русския начанаго крамолника Федку Ондронова жива яша и во многом истязания обешен бысть, и прочих мятежников умучища с ним». (Ibid. 128. То же в Хроногр. второй ред. Изборн. Попова. 202.)

О князе Пожарском имеется два местнических дела, которые он вел с князем Б.М. Лыковым в 1602 и 1609 гг. (Сборн. Муханова. № 93 и Рус. Истор. Сборн. II. № X.) Родословная князей Пожарских приложена к статье Погодина «О месте погребения кн. Д.М. Пожарского» в Учен. Зап. по 1 и 3 отд. Т. I. СПб., 1852 г. и в Москвит. того же года, № 19. Относительно вотчины, в которой пребывал Пожарский, когда его выбрали воеводой во время ополчения, мнения разделяются между Ландехом, Гороховецкого уезда (Погодин «О месте погребения») и Пурехом Балахнинского (Смирнова вышеуказ. соч. Мельникова статьи «Нижний и Нижегородцы», Гацинского «Нижегородская летопись»). Забелин указывает еще на село Мургеево Суздальского уезда, лежавшее в 120 верстах от Нижнего («Минин и Пожарский». Прим. 14). Он ссылается на писцовые книги 1630 года, где Мургеево показано как отца его и деда родовая вотчина. Соображение его до некоторой степени подтверждается следующими словами Хронографа Столярова: «обрали столника князя Дмитрия Михайловича Пожарского, а князь Дмитрий в те поры был в отчине своей в Суздальском уезде» (Из-

борн. Ан. Попова. 353). О том, как хорошо организовалось и снабжалось Нижегородское ополчение, летописи замечают следующее: «Кои убо покупаху лошади меншою ценою, таже лошади побыша месяц, также продавцы не познаху, тако Богу поспоряю щу всем (Никонов. Нов. лет.). «Князь Дм. Михайлович да Кузма Минин Смольян пожаловали денежным жалованьем большим: первой статье давали по 50 рублев, а другой по 45 рублев, третьей по 40 рублев, а менши 30 рублев не было». (Столяров хроногр. у Попова. 353 и Лобковский у Мельникова в Москвит. 1850. № 21.) Что касается сношений Пожарского с Габсбургским двором, о том см. Schreiben des Fursten Dm. Mich. Poscharsky an d. Romischen Kaiser Mathias aus d. Jaroclaw d. 20 juni. 1612. Изд. Аделунга. СПб. 1840. Также Акты Ист. III. № 6. С. Г. Г. и Д. III.: №№ 13,15, 24. Древ. Рос. Вивл. XV. (Грамота бояр в 1613 г. к цесарскому послу при польском дворе Якобу Мирку.)

Войницкий (Pamictniky до panorwonia Zygmunta III etc.) указывает на вражду Якова Потоцкого с литов. гетманом Яном Каролем Ходкевичем, которая мешала своевременной и действительной помощи польскому гарнизону в Москве. Тот же автор говорит о расхищении поляками царской казны в Кремле. (См. у Соловьева «Дополнения» к его «Обзору царст. Мих. Феод. Романова». Современ. 1859. Январь.) Относительно царского казнохранилища и его драгоценностей, которыми заведовал Ф.И. Шереметев и которыми платили жалованье (собственно давали в заклад) польскому войску, при чем оценщиком был Адам Жолкевский, см. Рус. Ист. Библ. И. №№ 95—97. На съезде 1615 года, на упреки русских послов в расхищении царской казны, поляки отвечали: «а казны много ваши же Русские люди покрали; кого ни приставили бояре, но мало не каждый, набравши себе, за город в полки утекали». (Акты Зап. Рос. IV. 496.) Документы о составлении конфедерации польским гарнизоном в Москве, личном ее составе и длинную ее переписку о помощи и уплате жалованья с королем, гетманом, гнездинским архиепископом и пр. см. в Археогр. Сборнике — Вилен. Учеб. Округа. IV. Вильна 1867. №№ 78—108. Уже весной 1812 года некоторые остатки сапежинцев, возвращавшиеся в Литву, распространили там преждевременное известие о взятии Москвы русским ополчением. (Ibid. VII. Вильна, 1870. № 47.)

Что касается до полемики, которую возбудили между русскими писателями Сказание Палицына и его личное значение в освободительном движении, позволим себе высказать следующее положение. Деятельное участие келаря в этом движении не подлежит сомнению. Но, очевидно, он слишком усердно выдвинул в Сказании свою деятельность на первый план, и оставил в тени деятельность и значение архимандрита Дионисия, который несомненно имел большее сравнительно с ним значение и влияние на события. Поэтому известная и прославленная в нашей отечественной истории троечность лиц, освободивших Москву от Поляков, подлежит поправке, т.е. вместо Пожарский, Минин и келар Авраамий, следует говорить: Пожарский, Минин и архимандрит Дионисий.

24. С. Г. Г. и Д. I. № 203. III. №№ 1—12. Дополн. а Акт. Ист. I, № 166. Акты Эксп. III. № 3. Дворц. Разряды. I 10-106, 1120, 1152—1212.;, Прилож. №№ 1—67. П. С. Р. Лет. V. 63. Палицын. Никонов. Нов. Лет... Лет. о мят. Хронографы в Изборнике А. Попова. Хронограф кн. Оболенского. (Неполный в Архиве Истор. юрид. свед. Калачова. 1850. I 35. А окончание его напечатано у Забе-

лина «Минин и Пожарский». Прилож. № 16. стр. 310). Др. Рос. Вивл. VII. 128. XX. 76 и 79. Иванова «Описание Государ. Разряд. Архива». М. 1842. №№ 1 — 67. Страленберга Das Nard-und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730. Книга об избрании на царство Михаила Федоровича Романова, составленная в 1672 — 73 гг. в Посольском приказе. Издана Комиссией печатания Государст. грамот и договоров при Моск. Архиве Мин. Иностр. Дел. М., 1856. Под редакцией П.А. Бессонова, с предисловием кн. М.А. Оболенского. (О составе этой книги см. Платонова «Древнерус. сказания и повести». 319 — 320.) Вместе с ней издан атлас рисунков, изображающих сцены избрания и коронования Михаила Федоровича. Рисунки эти были исполнены тогда же, т.е. в 1672 — 3 гг., царскими иконописцами под надзором начальника Посольского приказа А.С. Матвеева. В Моск. Архиве М. Ин. Д. сохранился и портрет Михаила Федоровича, как полагают, работы какого-то итальянца, и притом приблизительно ко времени его избрания; так как он тут изображен еще безбородым юношей. Портреты его родителей в Романовской галерее Зимнего Дворца. Они в издании «Российский Царственный Дом Романовых», вместе с биографическими сведениями и «Очерком истории боярского дома Романовых-Юрьевых, Захарьиных». Гравированный портрет Филарета Никитича приложен к Русскому Архиву. 1882. № 4, с краткими о нем биографическими сведениями. Портрет его и великой старицы Марфы также приложены к статье И.П. Хрущова «Ксения Ивановна Романова». Древ. и Нов. Рос. 1876. № 12.

Литература. Во-первых, труды о Смутном времени Костомарова и Соловьева. Но последний о самом избрании Михаила говорит слишком коротко и стереотипно. Относительно Земского Собора 1613 года: Загоскина «История Права Моск. Госуд.» Т. I. Сергеевича «Земские Соборы в Московском государстве» (Сборн. госуд. знаний. В. Безобразова. Т. II. СПб., 1875). Платонова «Заметки по истории Московских Соборов». Ж. М. Н. Пр. 1883. № 3. Латкина «Земские соборы древней Руси». СПб., 1885. А относительно избрания: брошюрка П. Львова «Избрание на царство Михаила Феодоровича Романова». СПб., 1812. Н. Полевого «Вступление на престол царя Михаила Феодоровича» Библиот. для Чт. 1834. Июль. Далее, любопытное исследование П.А. Лавровского «Избрание Михаила Феодоровича на царство» в «Опытах трудов студентов Главн. Педагог. Института». СПб. 1852. Хмырова историч. очерк «Избрание и вступление на царство Михаила Федоровича Романова». СПб., 1863. Эрвина Бауера Die Wahl Michail Feodorowitsch Romanow's zum Zaren von Russland. (Зибеля Historische Zeitchrift. 1886.) Самое обстоятельное исследование принадлежит проф. А.И. Марковичу «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова». Ж. М. Н. Пр. 1891. Сентябрь и Октябрь. О нетерпении народа иметь царя и требовании скорейшего его избрания имеем несколько указаний. Троицкие власти писали о том вождям ополчения в апреле 1612 г. (Ак. Эксп. II. № 202). Сам Пожарский писал из Ярославля о присылке выборных для земского совета и выбора государя. (Ibid. № 203 и Др. р. Вивл. XV. стр. 189.) Масса по поводу избрания Шуйского замечает, вообще, что «Москва без царя не может долго оставаться» (211).

О том, что в числе первоначальных кандидатов на Соборе 1613 г. выступали и главные воеводы того времени, князья Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский, имеются следующие косвенные указания. Относительно Трубецкого Костомаров в своей истории Смутного времени передает словесное

сообщение А.Ф. Бычкова: сей последний читал приписку к одной рукописи; из этой приписки видно, что на соборе была речь и об избрании Трубецкого. («Москов. разор.» Гл. VII). Кроме того, как я слышал, предание о его кандидатуре сохраняется и доныне в семье князей Трубецких. О его притязаниях и очень высоком мнении о своем значении в то время свидетельствует также следующая заметка в послесловии к одному Евангелию, написанному в 1612 году: «При благоверном князе Дмитрие Тимофеевиче Трубецком и при его Державе». «Сказания о роде князей Трубецких». М., 1891, стр. 116). А относительно Пожарского имеем свидетельство одного сыскного дела 1635 года: о ссоре князя Ромодановского и дворянина Сумина. Эта ссора имела местнический характер. Разобиженный презрительным тоном Ромодановского, Сумин начал его бранить за гордость и между прочим сказал: «Ты не государься и не воцаряйся (т.е. не принимай на себя тон государя). Вот и брат твой князь Дмитрий Пожарский воцарялся и докупался государства, хотел на Москве государем быть. Стоило ему тысяч в двадцать». (Чт. О. И. Д. 1848. № 7. стр. 85 и след.) Это единственное свидетельство, хотя и сделанное в пылу гнева и вражды, однако не заключает в себе ничего невероятного. Только цифра 20 000, очевидно, преувеличена. По тому времени это была очень большая сумма, и Пожарский едва ли мог ею располагать.

Относительно князя В.В. Голицына, любопытно мнение патриарха Гермогена, который выставлял его первым кандидатом после свержения Шуйского. Частным образом я слышал, будто бы Гермоген сам был из рода князей Голицыных, но документального подтверждения тому не имею. (Дм. Мих. Пожарский во втором браке был женат на княжне Голицыной; но этот брак относится к более позднему времени). Во всяком случае в данное время семья Голицыных пользовалась особым почетом. Кроме Гермогена, Ляпуновых и князя Пожарского, засвидетельствовавших свою приверженность к этой семье, можем привести еще письмо знаменитого воеводы М.Б. Шеина к младшему из братьев Голицыных князю Андрею Васильевичу, от 10 октября 1610 года. «Государю моему князю Ондрею Васильевичу великаго твоего жалованья искатель Михалец Шеин челом бьет. Пожалуй, государь, вели ко мне писати о своем здоровьи, чтобы мне твое здоровье слышать, аже, государь, даст Бог очи твои государя своего в радость видеть; а пожалуешь, государь, похочешь ведать о мне, и яз на государстве службе в Смоленске, в осаде от короля октября на 10 день жив до воли Божией; и вперед, государь, на Божью волю полагаю. Да будет, государь князь Ондрей Васильевич, мне в осаде случится за Бога, да за государя смерть, и тебе б государю моему пожаловать меня во всем просить; а тебя, государя моего, во всем Бог простит, а яз тебе, государю своему, много челом бью». (Акты Ист. II. № 268). Предпринимая отчаянную оборону Смоленска, Шеин, очевидно, прощается с своим приятелем и милостивцем князем Андреем Голицыным, на случай своей смерти. В действительности он пережил сего князя более чем на 20 лет. Замечательно, что все эти три брата не оставили после себя мужеского потомства, а последующие князья Голицыны принадлежат к другой ветви этого рода. (Серчевского «Записки о роде князей Голицыных». СПб., 1853. Кн. Н.Н. Голицына «Род князей Голицыных». I. СПб., 1892.)

Что касается письма Ф.И. Шереметева к князю В.В. Голицыну со словами: «выберем Мишу Романова» и пр. — об этом письме свидетельствовал

П.И. Меньшиков, который видел его в собрании Погодина. Он сообщал о нем словесно Костомарову («Москов разор.» гл. V), а письменно графу С.Д. Шереметеву (А. Барсукова «Род Шереметевых». II. стр. 311. Прим. 415). Автор Рода Шереметевых «положительно отрицает» достоверность сего письма, но голословно или с единственным замечанием, что оно было отправлено князю В.В. Голицыну, «который между прочим и сам метил на Московский престол». Во-первых, нет причины не верить двукратному свидетельству Мельникова, который не мог иметь никаких оснований выдумывать что-либо подобное; а во-вторых, он тогда еще и сам не мог знать, до какой степени это письмо соответствовало обстоятельствам и образу действия Романовых вообще и Ф.И. Шереметева в особенности — что открывается только теперь при более тщательном и критическом их рассмотрении. А что такое письмо было послано или предназначалось В.В. Голицыну, то именно для него, как неудавшегося претендента, оно показывает явное желание смягчить неприятность сообщения, позолотить пилюлю.

Относительно известия Страленберга о переписке Ф.И. Шереметева с пленным Филаретом Никитичем об избрании царя, г. Барсуков в своем означенном сочинении говорит следующее: «В архиве графа Сергея Дмитриевича Шереметева нам удалось найти указание на эту драгоценную переписку. Граф Николай Петрович Шереметев в ответном письме к графу Безбородку от 3 мая 1789 года писал между прочим следующее: «С истинным усердствованием старался я по писанию вашего сиятельства приискать желаемые вами письма патриарха Филарета Никитича, писанные предку моему, но к сожалению не мог еще их отыскать. Я прошу однако ж ваше сиятельство дать мне еще некоторое время поискать их в старинных бумагах наших, которые при настоящей ломки дому покойного родителя моего несколько от размещения перемешаны». Но — прибавляет г. Барсуков — все наши разведки о данной переписке доселе остаются тщетными». (Род Шереметевых. II. 257.) Он полагает, что отец Николая Петровича граф Петр Борисович показывал эту переписку императрице Екатерине и что она в своем Антидоте вероятно на основании знакомства с перепиской хвалит Ф.И. Шереметева, как одного из русских патриотов, «спасших родину от Поляков, давших ей государя и возвративших ей мир». Указанное место Антидота, хотя касается Шереметева вскользь и глухо, однако возбуждает вопрос, почему Екатерина ставит его рядом с Авраамием Палицыным, Козьмой Мининым и князем Сергеем Трубецким? Почему она князя Трубецкого (конечно, Димитрия Тимоф., а не Сергея) упоминает, а о князе Пожарском умалчивает? («Осьмнадцатый век». Изд. П.И. Бартенева. IV. 292.)

«Утвержденная грамота» об избрании Михаила Федоровича издана в Древн. Росс. Вивл. (V перв. изд. и VII второго) и в С. Г. Г. и Д. I. № 203. Подлинник ее, хранившийся в Государственном архиве, очень ветхий, представляет огромный столбец, склеенный из девяти александрийских листов. Он снабжен 273 подписями духовных и светских лиц; самое большее число принадлежит дворянам, 102. Из десяти привешенных к грамоте восковых печатей высшего духовенства сохранилось только три архиепископских. Грамота обозначена 11 мая 1613 года, но, очевидно, задним числом; на что прямо указывают некоторые подписи. Так здесь подписались боярами князья Пожарский, Черкасский и Ив. Одоевский, а также Борис Салтыков; между тем Пожарский и Черкасский пожалованы в бояре в день венчания, т.е. 11 июля, а Одоевский и Салтыков получили боярство только

в 1614 году (Древ. Рос. Вивл. XX. 89). Следовательно грамота сочинялась и редактировалась довольно долгое время, причем соборные подписи ее могли также прикладываться разновременно; ибо, как известно. Земская Дума, избравшая Михаила, существовала несколько лет. Грамота очень пространна и риторична. Во введении к ней заключается краткое изложение Русской истории от Рюрика до Федора Ивановича. Затем следует многословное изложение главных событий Смутного времени; причем заметно явное старание выдвинуть на передний план Филарета Никитича. Так повествуется, что когда москвичи Василия Шуйского свели с престола и приступили к избранию Владислава, то преосвященный Филарет выехал на Лобное место и взывал к народу, увещевая его не верить клятвам и обещаниям Сигизмунда, злоумышляющего против православной веры. Но, сколько нам известно, другие источники о таком воззвании не говорят. Далее грамота неоднократно и с особым ударением указывает на то, что осажденные в Китай-городе и Кремле поляки держали юного Михаила Федоровича и мать его иноку Марфу Ивановну в неволе «за крепкими приставы», морили их голодом и умышляли на его жизнь; о чем люди Московского государства «скорбели и всякими мерами промышляли, чтобы его Государя от таковопо злого пленения освободить». По поводу Земской Думы, занявшейся избранием царя, будто шведский король еще прежде писал в Москву, чтобы не выбирали никого из иных земель, ни польского, ни татарского рода, а выбирали бы из русского, и притом родственника прежним государям. (Впрочем такой совет был возможен ради того, чтобы устранить кандидатуру Владислава). Избрание Михаила с самого начала изображается единодушным, и о других кандидатах не упоминается. В конце подробно описываются переговоры Московского посольства с великой старицей Марфой в Ипатьевском монастыре и их заключение. Вообще грамота составлена искусно и красноречиво. Автор «Замечаний об осаде Троицкой Лавры» (Москв. 1844. № 6) указал на некоторое ее сходство с Грамотою Утвержденною об избрании Бориса Годунова. Последнюю см. в Древ. Рос. Вивл. VII и в Акт. Эксп. II, № 7. Тут сказано, что рукоприкладства сделаны на двух экземплярах грамоты: один хранился в царской казне, а другой в патриаршей ризнице. Надобно полагать, что и утвержденная грамота Михаила была также написана по крайней мере в двух экземплярах, снабженных всеми рукоприкладствами. Любопытно известие Столярова хронографа, что в Ипатьевском монастыре вместе с Михаилом и Марфой жили Борис и Михаило Михайловичи Салтыковы (Изборн. 357).

Напомним вкратце предшествующие судьбы фамилии Романовых.

По родословным книгам Романовы-Юрьевы считаются потомками каких-то знатных выходцев из Пруссии, прибывших в XII столетии, следовательно иноземного происхождения. Мною уже было указано, что тенденция бояр выводить своих предков от знатных иноземных выходцев явилась как подражание царствующему дому, который согласно с летописной легендой вел свое происхождение от знатных Варягов; а в XVI веке эта легенда видоизменилась желанием Василия Ивановича и Ивана Грозного произвести свой род от мифического Пруса, брата римского императора Августа. По всей вероятности в подражание своим царям в том же столетии некоторые боярские фамилии, в их числе и Романовы-Юрьевы, в родословных начали показывать своих предков «выезжими из Прус». (См. мою «Историю России». Т. III. стр. 417. Прим. 74.) Если отбросим этот ле-

гендарный генеалогический нарост, то должны считать Романовых фамилией чисто русского происхождения. Самым крупным или наиболее известным предком их является Андрей Кобыла, боярин времен Семеона Гордого, в первой половине XIV века. Потомство его с течением времени так разветвилось, что насчитывают более 20 происшедших от него боярских и дворянских родов. Кроме Захарьиных-Юрьевых-Романовых сюда относятся Шереметевы, Беззубцевы, Колычевы, Ладыгины, Неплыевы и т.д.

Возвышению Захарьиных-Юрьевых в особенности способствовал брак Ивана IV с Анастасией Романовой, лицо которой в Русской историй окружено светлым ореолом. Немало также поднял значение своей фамилии ее брат Никита Романович, который и после смерти своей сестры, во время страшных опал и казней Грозного, сумел до конца сохранить и уважение самого тирана, и уважение народное, так что сделался одним из героев народных былин Московского цикла. После его смерти (в 1585 г.) его высокое значение вполне наследовали пять достойных сыновей. О степени их популярности можно судить уже по тому, что народ называл их не полными именами, а говорил просто Никитичи, т.е. одним отчеством, по имени своего любимца Никиты Романовича; о том свидетельствуют как иноземные, так и туземные источники (например, Буссов-Бер, Палицын, Допрос польских послов — в Акт. Зап. Росс. IV). «Из пяти братьев особенно выдавался своим умом, характером и способностями старший Федор Никитич. И уже тотчас с прекращением Рюрикова дома на передний план выступила его кандидатура, как двоюродного брата последнему Рюриковичу Федору Ивановичу. Но тогда превозмогла кандидатура шурина, т.е. Бориса Годунова, потому что власть фактически находилась а его руках, а юридически в руках его сестры вдовствующей царицы Ирины. Годунов, естественно, не считал свою династию упроченною, пока существовали главные ее соперники, т. е. Романовы, и он принялся их гнать с особой энергией, особенно когда до него дошла глухая весть о каком-то их участии при вызове на сцену тени царевича Димитрия. Как известно, подстроено было обвинение в умышлении на царское здоровье, и все пять братьев разосланы в заточение; причем самый опасный из них Феодор насильно пострижен в монахи, чтобы лишить его всякой возможности явиться претендентом на престол. Супруга его Ксения Ивановна, урожденная Шестова, также была пострижена в монахини под именем Марфы и отправлена на житье в глухой Заонежский край в Талвуйскую волость; а их четырехлетний сын Михаил и дочь Татьяна взяты от родителей и сосланы особо вместе с теткой своей княгиней Черкасской и некоторыми другими родственницами на Белоозеро. Впрочем, Борис вскоре возвратил детей их матери и позволил им жить в одной из их вотчин, в Клину, Юрьевского уезда. Из пяти братьев Романовых трое, Александр, Михаил и Василий, погибли в заточении; а двое, Иван и Федор, возвращенные из ссылки, первый еще при Годунове, а второй при Лжедимитрии, вновь заняли почетное положение, которое продолжалось и при Василии Шуйском, Марфа Ивановна выдала свою дочь Татьяну за князя Ив. Мих. Катырева-Ростовского, родственника супруги царя Василия; но Татьяна вскоре умерла, во время Московской осады 1611 г. (Надгробную над ней надпись см. старца Ювеналия Воейкова «О произшествии Юрьевых Романовых и жизни Филарета Никитича» М., 1798.)

Филарет Никитич был одним из образованных русских людей. По этому поводу имеем следующее свидетельство. Горсей сообщает, что он со-

ставил для боярина Федора Никитича Романова латинскую грамматику русскими буквами, и боярин усердно ее изучал. Масса говорит, что в молодости он был приветливый, статный и красивый мужчина, ловко сидевший на коне, и большой щеголь; так что московские портные, желая сказать кому-либо, что платье сидит на нем хорошо, прибавляли: «ты второй Федор Никитич». Возведенный Лжедимитрием в сан митрополита Ростовского, он потом играл выдающуюся роль в истории Смутного времени; хотя на первый план не выдвигался, а действовал более через других. Впоследствии поляки прямо обвиняли его в том, что, уже отправляясь послом под Смоленск, он будто бы условился с патриархом Гермогеном как поступать, чтобы отстранить королевича Владислава и выбрать на престол Михаила Федоровича. Далее, они обвиняли Филарета в тайном подстрекательстве воеводы Шеина к отчаянной обороне Смоленска и в посылке в русские города грамот, возбуждавших народ к восстанию против поляков. Эти обвинения опирались на показания некоего Федора Погожева, которого в Москве поляки схватили и подвергли пытке (Акты Запад. Рос. IV. 475, 482—483, 487). Так действовал Филарет, находясь уже в польских руках под Смоленском, и мы имеем право считать его наравне с Гермогеном начинателем противопольского народного движения, выразившегося сбором двух ополчений, Ляпуновского и Пожарского. И заключенный в отдельную Мариенбургскую крепость, следовательно находясь в прусских пределах, Филарет, как мы видели, и оттуда сумел сноситься с своими родственниками и приятелями и руководить ими во время вопроса о выборе государя на Московский престол.

Относительно подвига Ивана Сусанина имеем изданные две грамоты времени Михаила Феодоровича. Первой грамотой, 1619 г., по прошению матери своей старицы Марфы Ивановны, царь жалует крестьянина Богдашка Сабинина за службу «и за кровь тестя его Ивана Сусанина». «В прошлом, в 121 (1613) году — говорит грамота — были мы на Костроме и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди и тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина литовские люди изымали и его пытали великими немерными пытками. А пытали у него, где в те поры мы Великий Государь Царь и Великий князь Михаило Федорович всея Руси были, и он Иван, ведая про нас Великаго Государя, тем польским и литовским людям где мы были не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти». Сабинину жалуется поэтому из округи дворцового села Домнина половина деревни Деревнищ с полутора четвертями выти земли; причем земля эта обеляется, т.е. для всего его потомства освобождается от всяких податей, кормов, подвод, столовых и хлебных поборов, городовых поделок и мостовщины (С. Г. Г. и Д. III, 214). Из второй грамоты, 1663 г., которая повторяет также слова о подвиге Сусанина, мы узнаем, что село Домнино с принадлежащими к нему деревнями скончавшаяся в 1631 г. старица Марфа отдала Ново-Спасскому монастырю (при котором находилась усыпальница семьи Романовых) и что спасский архимандрит, несмотря на вышеприведенную обельную грамоту, пожалованную Сабинину, половину Деревнищ очернил, т. е. взимает с нее всякие доходы на монастырь. По жалобе вдовы Сабинина Антониды с детьми ее Данилкою и Костькою, царь вместо Деревнищ жалует им и потомству их, приписанную к селу Красному Приселку, пустошь Коробово, в 24 чети земли, на тех же обельных правах (Ibid. 334). Из позднейших жалованных потомству Сабинина грамот, им-

ператрицы Анны Иоановны, 1731 года, и Екатерины II, 1767 г., известна третья грамота Михаила Феодоровича, данная в 1644 г. вдове Антониде с детьми и подтверждающая все льготы на владение их деревней Коробово. (См. в прилож. у Самарянова «Памяти Ивана Сусанина»). Также и во всех других позднейших подтвердительных грамотах подвиг Сусанина передается теми же словами.

Итак имеем свидетельство об этом подвиге современное и несомненное. Поэтому более чем смелой является попытка покойного Костомарова отрицать самый факт в известном своем исследовании (Отеч. Записки 1862 г., № 2). Он основывался главным образом на двух положениях: во-первых, будто никаких польских шаек в 1613 г. в Костромском краю не было, и во-вторых, будто Михаил тогда жил с матерью не в Домнине, а в Ипатьевском монастыре. Костомарову возражали: Соловьев (газета Наше Время. 1862, № 76), Погодин (Гражданин. 1872, № 29 № 1873, № 47), протоиерей Домнинский («Правда о Сусанине» в Рус. Архиве 1871 г., № 2, с предисловием Дорогобужинова) и Дорогобужинов («Ещу Отповедь». Ibid. № 10, и отдельная брошюра о Сусанине, изд. Общества распространения полезных книг. М., 1872). Но Костомаров оставался при своем мнении и считал рассказ о подвиге Сусанина легендой («Екатерина Алексевна — первая русская Императрица». Древн. и Нов. Россия. 1877, № 2). Наиболее обстоятельный свод возражений Костомарову, с прибавлением некоторых неизданных источников, был представлен В.А. Самаряновым в исследовании; «Памяти Ивана Сусанина». Кострома, 1882. С приложением топографических планов. (Второе исправленное и дополненное издание. Рязань. 1884.) Это исследование разбивает оба главные основания Костомарова, т.е. довольно убедительно доказывает, что польско-литовские шайки в том краю были, и вновь подтверждает, что Михаил с матерью пребывали тогда не в самой Костроме, а в Костромском уезде. Мы только не находим правдоподобным рассказ какой-то неизвестной рукописи, повторяемый Домнинским и Самаряновым, о том, что Сусанин при появлении польской шайки скрыл Михаила «в яме Деревнищенского овина, за два дня перед тем сгоревшего, закидав яму обгорелыми бревнами», и что вообще Михаил скрывался в сельских тайниках до ухода поляков (65—67 стр. второго издания). Полагаем более вероятным, что Сусанин посредством своего зятя Сабинина успел вовремя известить Михаила и мать его об опасности и что они просто поспешили уехать в Кострому.

В пользу данного факта можно привести следующее. Подвиг Сусанина не был одиночным явлением в ту эпоху; о чем свидетельствует записка поляка Маскевича. Он рассказывает, как однажды в марте 1611 года сам едва не погиб с своим отрядом, потому что проводник его, старый русский крестьянин, навел было поляков прямо на русское войско; случайно они вовремя узнали правду, и проводнику отрубили голову. (Сказ. Совр. о Дим. Самоз. V. 118.) На этот случай указал И.Е. Забелин в статье «Безвестный герой Смутного времени», т.е. затворник Иринарх. (См. «Минин и Пожарский» 272.) Подобные подвиги личного самопожертвования совершенно соответствуют наступившему в конце Смутной эпохи сильному подъему народного духа и, охватившему почти все слои русского населения, страстному желанию освободить свою родину от угнетавших ее иноземцев. Да и сам Костомаров в названном исследовании о Сусанине приводит из событий 1648 года подвиг южно-русского крестьянина Никиты Галага-

на, который умышленно завел польское войско в болота и лесные трущобы, чем способствовал их поражению от казаков.

Три вышеуказанные грамоты Михаила Федоровича, относящиеся к Богдану Сабинину и его семье, я имею возможность пополнить еще четвертой, благодаря любезному сообщению С.А. Белокурова, который в Дворцовом Архиве (оружейной Палаты) нашел следующий документ 1632 года:

«Лета 7140-го, февраля в 6 день. По государеву цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русии указу окольничему князю Алексею Михайловичу Львову, да дьякам Герасиму Мартемьянову, да Максиму Чиркову. Велети им отписать к Василию Ивановичу Стрешневу да к дьяку к Сурьянину Тараканову: блаженныя памяти великая государыня инока Марфа Ивановна по своей государевой думе вкладу в монастырь к Спасу на Новое в Костромском уезде дворцовое село Домнино с приселками ли и с деревнями дала или дала одно то село? И того села Домнина половину деревни Деревнищ, на чом тово дворцоваго села Домнина живет крестьянин Богдашко Сабинин, полторы чети пыти с тем же селом Домниным в монастырь дано или дано то село опричь той деревни?»

Кстати, о награждении князя Д.М. Пожарского. Кроме сана боярина, за ним утверждены в вотчину, пожалованные за «Московское сидение» В. Шуйским, села Нижний и Верхний Ландех с деревнями и слободка Холуй в Суздальском уезде (т.е. в Суздальском того времени. С. Г. Г. и Д. III. № 56 и Владим. Губ. Вед. Май. 1852. № 11); да еще дано было «за службишку и за кровь и за Московское очищение в Рязанском уезде вотчина село Козарь пяти сот четвертей». (Времен. Об. И. и Др. IV. Поместн. дела.) А Козьма Минин, кроме сана думного дворянина, пожалован селом Богородицким с деревнями в Нижегородском уезде. (Акты Эксп. III. № 83.) Но богаче их обоих награжден был князь Д.Т. Трубецкой. Кроме пожалованного ему Тушинским вором и оставленного за ним боярского сана, Земская Дума 1613 года дала ему грамоту на обширные земли по р. Ваге, которые при Годунове состояли за Годуновым, а при Шуйском за Шуйским. (Др. Рос. Вивл. XV. Сказ. о роде кн. Трубецких. Прилож. № 8.) Что касается бояр, отличившихся своими изменами и крамолами в Смутное время, не видно, чтобы они подвергались наказанию с восстановлением государственного порядка. Из незнатных изменников имеем известие только о казни Андронова. Казанский дьяк Никанор Шульгин, возбуждавший казанцев не присягать новоизбранному царю Михаилу, был ими самими схвачен в Свияжске и отправлен в Москву, откуда его сослали в Сибирь. (Лет. о мят. Никонов.)

Теперь перейдем к вопросу о тех ограничительных условиях, которые были предложены боярами Михаилу при его избрании. О них мы имеем целый ряд известий. Наиболее подробное известие принадлежит Страленбергу и помещено в его сочинении о Северо-Восточной Европе и Азии (Das Nord — und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730). Страленберг был швед, взятый в плен при Полтаве и вместе с другими пленными отправленный в Сибирь. Оттуда он освободился при заключении Ништадского мира и на обратном пути в Швецию останавливался в Москве. Тут он мог собрать несколько данных, относящихся к избранию Михаила, со времени которого прошло с небольшим сто лет. Выше мы говорили о письме Филарета Никитича к Ф.И. Шереметеву с советом выбрать царя на извес-

тных условиях. Об этом письме сообщает именно Страленберг со слов какого-то лица, который видел письмо в подлиннике у фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Он говорит, что Филарет Никитич писал его из Мариенбургской крепости (в Пруссии), где тогда содержался (стр. 203 и д. Заключение его именно в Мариенбурге подтверждает Пясецкий). Передав содержание письма, Страленберг рассказывает далее об избрании Михаила на царство, с некоторыми явными промахами и неточностями, но в общем довольно достоверно. Оканчивает он свой рассказ изложением тех условий, которые по его показанию Михаил принял и подписал перед своим коронованием. Условия эти следующие: 1) Блюсти и охранять (православную) церковь. 2) Предать забвению все обиды, причиненные отцу Михаила и вообще его фамилии. 3) Не отменять старых законов и не создавать новых (подразумевается, без согласия Боярской думы). 4) Важные дела или иски решать не по собственному усмотрению, а по закону правильным судом. 5) Также не предпринимать войны и не заключать мира по собственному усмотрению (а конечно, по согласию с Боярской Думой). И наконец в 6) Имение свое или отдать родственникам, или присоединить к государственным имуществам (203—209. У Страленберга собственно пять пунктов; но третий пункт сам собой распадается на два).

Затем известие об ограничительной записи, данной Михаилом Федоровичем, принадлежит также иноземному писателю о России в первой половине XVIII века, Фокеродту. («Россия при Петре Великом» Перевод с немецкого Шемякина. Чт. О. И. и Д. 1874. Кн. 2. стр. 21—22). Но по всей вероятности он заимствовал это известие у того же Страленберга, своего старшего современника. В свою очередь то же известие уже со слов Фокеродта повторяется в дополнении к Запискам Манштейна, принадлежащем графу Миниху-сыну. (Рус. Стар. 1875, № 12. Прилож. Историч. Вест. 1886. № 7). А вероятно со слов Миниха опять то же повторяет гувернер его детей Шмидт Физельдек в своих Materialen zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen. (3. B-de. Frankfurt und Leipzig. 1777—1778. II. 15). Следовательно, данная группа иностранных известий в сущности сводится к одному и тому же источнику.

В параллель с этой иностранной группой мы имеем несколько подобных свидетельств собственно русских и притом от Страленберга совершенно не зависимых.

Во-первых, Псковская летопись. Там по поводу воцарения Михаила Феодоровича с негодованием говорится о поведении бояр в следующих выражениях: «Царя ни во что же вмениша и не боящеся его, понеже детескый. Еще же и лестию уловише: первое егда его на царство посадиша, и к роте (т.е. присяге) приведоша, еже от их вельможска роду и болярска, аще и вина будет преступление их не казнити их, но розсылати в затоки». Далее он поясняет, что бояре при сем имели в уме своим ходатайством потом возвращать опального из заточения. (П. С. Р. Л. V. 64—66). Очевидно, летописец, современный Михаилу и живший в Пскове, не знал вполне о записи данной юным царем, но слышал о ней, по крайней мере о том условии, которым бояре старались предохранить себя от царских опал и казней. И это условие совершенно повторяет подобное обещание, которое было дано Шуйским при его воцарении.

Вторым русским источником по вопросу об ограничительной записи, источником вполне самостоятельным, является Котошихин, московский

подьячий Посольского приказа времен Алексея Михайловича, бежавший в Швецию и там по поручению шведского правительства написавший любопытное сочинение о России. Коснувшись вопроса о царском самодержавии, он говорит, что после Ивана Васильевича цари при своем избрании давали письма, чтобы не быть им жестокими или опальчивыми, без суда и без вины никого не казнить и о всяких делах размышлять с боярами и думными людьми, а без их ведома никаких дел не делати. Только современный ему Алексей Михайлович не давал на себя никакого письма, и потому пишется самодержцем и правит государство по своей воле. «А отец его блаженной памяти царь Михаил Феодорович хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего». (Гл. VIII, п. 4.) Это положительное свидетельство для нас имеет несомненную важность; ибо Котошихин, вращавшийся в служебной московской сфере, имел полную возможность знать не только характер Михайлова царствования, но и обстоятельства его избрания от тех стариков, которые еще помнили Смутное время.

Наконец, третье русское известие принадлежит историку Татищеву. Он прямо утверждает, что избрание Михаила Феодоровича сопровождалось такой же записью, какая была взята с Василия Шуйского. (Сборник «Утро», изд. Погодиным. 1859. стр. 373.) Татищев жил в первой половине XVIII века, и в его время в Москве еще живы были предания о начале династии Романовых. Как историк и вообще человек любознательный, он мог не только собирать предания, но и видеть, относящиеся к данному вопросу, те документы, которые до нас не дошли, а в его время еще сохранялись. Мало того, можем предположить, что Татищев особенно интересовался этим вопросом: в 1730 году он написал записку в защиту Самодержавной власти, по поводу известной попытки членов Верховного Тайного Совета ограничить самодержавие при воцарении Анны Ивановны, и в этой-то записке он кстати упоминает о прежних подобных попытках, т.е. при воцарении Василия Шуйского и Михаила Феодоровича. В 1724—25 годах Татищев был в Стокгольме и там мог познакомиться со Страленбергом. (Н. Попова «В.Н. Татищев и его время» М., 1861). Поэтому есть предположение, впрочем, выраженное слегка, что сам Страленберг мог получить свои сведения об условиях Михайлова избрания именно от Татищева, и что Татищев мог быть тем лицом, которое читало помянутое выше письмо митрополита Филарета к Ф.И. Шереметеву и сообщило его содержание Страленбергу. (А.И. Маркевич. «Избр. на ц. Мих. Феод. Ром.». Ж. М. Н. Пр. 1891. Октябрь.)

Итак, выключив те указания, которые пользовались собственно Страленбергом, мы получаем 4 независимых друг от друга свидетельства о Михайловой ограничительной записи. Если даже сделаем натяжку и сблизим Страленберга с Татищевым, то все-таки имеем три вполне достоверные и компетентные свидетельства, или современные событию, или близкие к нему по времени. Поэтому историк не вправе отвергнуть известий об ограничительных условиях, и тем более, что они совершенно согласуются с ходом дела и обстоятельствами той эпохи. Самый характер Михайлова царствования также их подтверждает. Несомненно, что самодержавие было восстановлено постепенно, преимущественно трудами и государственными способностями патриарха Филарета Никитича, который, воротясь из плена, сделался настоящим руководителем государственных дел. Впрочем

и восстановить его было не особенно трудно; ибо на его стороне была такая могущественная сила, как народное сочувствие; а боярские стремления в этом случае не находили себе никакой прочной опоры.

Против ограничительных условий встречается такое возражение: если бы они существовали, то почему же в известном избирательном акте, подписанном членами Собора 1613 года, нет об них никакого помину, и вообще нет на них никаких указаний в официальных актах той эпохи? На эти вопросы я позволю себе дать следующий ответ:

Ограничительная запись, по всей вероятности, была актом, который предложен Михаилу собственно от Боярской Думы, помимо Великой Земской Думы. Следовательно, это акт отдельный, так сказать, сепаратный, специально боярский. Если мы станем на эту точку зрения, то нам тогда понятно, почему в Соборной грамоте об избрании о таком акте не упоминается и почему он бесследно исчез из официальных актов того времени. Разумеется, при восстановлении самодержавия совсем не в интересах правительства было заботиться о сохранении такого акта и официальных о нем упоминаний. Наоборот, в его интересах было совсем противное. В 1730 году при аналогичном явлении, когда высшие сановники вздумали связать Анну Ивановну ограничительными условиями, а дворянство возвратило ей самодержавие, императрица велела торжественно разорвать ограничительный акт, уже ею подписанный. (Подробности см. у Д.А. Корсакова «Воцарение императрицы Анны Иоанновны». Казань, 1880.) При Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче не представлялось случая рвать торжественно подобную грамоту; она просто уничтожилась, когда потеряла свое значение.

Поверхностные наблюдатели тех маневров, которые были употреблены на Соборе сторонниками Михаила, могут придти к заключению, что избрание его удалось главным образом вследствие искусно веденных происков и ловкой интриги, подкупов, заманчивых обещаний и т.п. Такое заключение было бы в высшей степени несправедливо, смотря со строго исторической точки зрения. А между тем подобные мнения действительно встречаются, и конечно преимущественно между нерусскими писателями, плохо понимающими русский народ и русскую жизнь или мало знакомыми с требованиями усовершенствованной исторической критики. Так один из проживающих в Германии балтийских русофобов, г. Эрвин Бауер в авторитетном историческом журнале Зибеля (Historischc Zeitschrift за 1886 год. Erstes Heft) поместил об избрании Михаила довольно большую статью. В этой статье, опираясь главным образом на известия того же неприязненного России Страленберга, он идет далее и прямо проводит тот взгляд, что Михаил был избран только благодаря искусной интриге, благодаря своей юности и незначительности, и наконец благодаря шумной поддержке дикой солдатчины и казачины! (36)

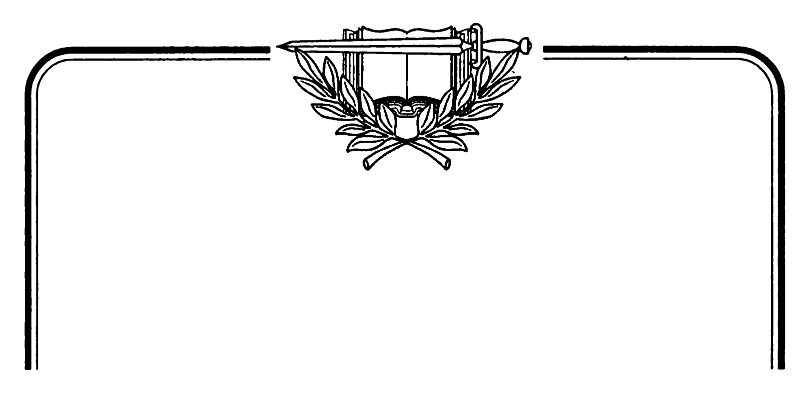
25. Любопытно, что уже наиболее наблюдательные из русских современников Смуты связывали ее с тиранством Ивана Грозного и усматривали в его деяниях главную ее причину. Так дьяк Тимофеев в первой главе своего «Временника» с горечью вспоминает разделение государства на земщину и опричнину («всю землю державы своея яко секирою на полы рассече»), изобретение потешного государя (Симеона Бекбулатовича), истребление бояр, пристрастие к чужеземным врачам, убиение сына и пр. «Сим

смяте люди вся... земли всей велик раскол сотвори... сим разделением, мню, нынешнея всея земли розгласи»; яко прообразуя оттуду до зде: сам тогда на ню руку не благословля наложи, даже оно и доныне неутвержденным от грех колеблемо». (Рус. Ист. Библ. XIII. 271.)

Что касается самых разнообразных и невероятных слухов, которым было подвержено население областей в Смутную эпоху, наглядный пример тому представляет следующее сообщение в «Путешествии» Фомы Смита. Весной 1605 года, возвращаясь в Англию, посол в Ярославле получил известие о внезапной кончине Бориса Годунова, и это обстоятельство несколько замедлило его путешествие. В Вологде местные власти, по приказу из Москвы, относились к посольству с большой предупредительностью, и, когда они снаряжали удобные ладьи для речного плавания посла до Архангельска, то в населении распространился слух, что в посольской свите находится царевич Федор Борисович, переодетый в английское платье и намеревающийся уехать в Англию. (65 стр. рус. перевода). Кстати: в Двинском летописце есть известие о прибытии к Архангельску 18 мая 1605 года, «аглинскаго посла Томаса Фомина» и отпуск его в Москву 6 июля. (Древ. Рос. Вивл. XVIII. 17.) Эти даты не совпадают с показаниями «Путешествия».

Относительно широкого участия Западной Руси в Московской смуте и относительно принадлежности к православию большинства вторгнувшихся в Московскую землю «литовских людей», нельзя не указать на то, что такое важное явление доселе оставалось в тени в трудах, как по общерусской истории, так и специально посвященных сей эпохе. А между тем этим фактом в значительной степени можно объяснить ту легкость сближения литовских людей с московскими изменниками и ту преданность вторых первым, на которые так жалуется Авраамий Палицын.

До какой степени потрясения и перевороты, испытанные в сию эпоху, поразили умы русского народа, о том можно судить и по народному песенному творчеству. Смутное время произвело, например, весьма заметное наслоение в нашем былинном эпосе. Так с этого времени в нем появляются: «люторы», т.е. лютеране, Маринка в качестве жены чародейки, казачество Ильи Муромца и т. д. См. мою статью «Богатырь-казак Илья Муромец как историческое лицо». (Рус. Архив. 1893. № 5.) Там указано и вообще на первенствующую роль казачества в Смутную эпоху: на него главным образом опирались все самозванцы.



ВОПРОС О ЛИЧНОСТИ И РУКОВОДИТЕЛЯХ ПЕРВОГО ЛЖЕДИМИТРИЯ

Разногласие источников. — Известие Буссова. — Обзор разных мнений в русской литературе. — Вопрос о тождестве Самозванца с Григорием Отрепьевым. — Костомаров и Бицин. — О. Пирлинг. — Последующие мнения. — Сущность моих выводов. — Несостоятельность предположения о подготовке Самозванца боярами. — Мои доводы против тождества с Гр. Отрепьевым, в пользу происхождения Лжедимитрия из Западной Руси и его раннего ополячения. — Маржерет против его подготовки иезуитами. — Свидетельства, подтверждающие польскую самозванческую интригу. — Извет Варлаама и неподлинность названого Димитрия.

Личность первого Лжедимитрия и происхождение его самозванства издавна возбуждали пытливость исторических писателей и породили значительную литературу; мнения и догадки о нем высказывались очень разнообразные.

Некоторые иностранные источники называют самозванца истинным царевичем; именно: Маржерет, Паэрле, Бареццо-Бареции, Гревенбрух, Геркман, Фома Смит и первые две записки из трех, изданных гр. Растопчиным в 1862 г. Склоняются к тому же мнению вообще писатели иезуиты; например, Поссевин (его письмо к великому герцогу Тосканскому у Чиампи в Esame critico) и Велевицкий (пользовавшийся дневником патера Савицкого), а в наше время даже такой основательный исследователь, как о. Пирлинг. В особенности это мнение поддерживали польские историки и компиляторы, например, так называемый «Дневник Марины» (Устрялова «Сказ. Современ.» IV), Маскевич (ibid. V), Товянский

(Когновицкого Zycia Sapiebow II. 63 — 70) и Немцевич (Dzieje panowania Źygmunta III). Но рассказы о спасении маленького царевича от смерти в Угличе так противоречат всем известным фактам и отзываются таким баснословием, что не заслуживают даже серьезного опровержения. Затем все русские источники, т.е. летописи, хронографы, сказания, грамоты, выдают самозванца за Гришку Отрепьева, беглого московского монаха, называя его иногда просто «Разстригою». Особенно наглядно и как бы фактически подтверждалось это мнение челобитной царю Василию Шуйскому или так называемым «изветом» чернеца Варлаама Яцкого, в котором довольно подробно рассказываются похождения Лжедимитрия со времени его бегства из Москвы и начало его самозванства. Это мнение о тождестве Гришки Отрепьева и Самозванца так настойчиво проводилось в Москве того времени, что оно было усвоено и некоторыми иностранцами-современниками в их записках, каковы, например, Масса, Петрей, Шаум, Делявиль и даже Жолкевский. Оно проникло в русскую историюграфию и долго в ней господствовало, как у гражданских историков, Миллера, Щербатова, Карамзина, Арцыбашева, Бутурлина, Соловьева, гр. Толстого («Католицизм в России»), так и у церковных, отчасти у Платона, вполне у Филарета и Макария. Из них только Миллер колебался и, если верить свидетельству англичанина Кокса, в частных разговорах склонялся к тому, что Самозванец был истинным царевичем. («Рус. Стар.» 1877. № 2, стр.321.)

Только немногие иностранные источники указывают на иноземное происхождение Лжедимитрия. Буссов сообщает следующее: многие знатные польские вельможи открыли ему, что Самозванец был побочный сын Стефана Батория; а Ян Сапега однажды за столом, хвастая польской храбростью, прямо сказал, что поляки посадили на Московский стол Самозванца (Ret rossic. script. ext. I. 19 и 63. И хроника Бера у Устрялова в «Сказ. соврем.» I. 52 и 104. Тут Сапега назвал Самозванца «бродягою»). По словам Видекинда, некоторые думали, что Лжедимитрий родом валах, а другие приписывали ему итальянское происхождение (Hist. Belli Sveco-Moscovitici. 21). Маржерет также упоминает, что некоторые считали его или поляком, или трансильванцем (у Устрялова

103 стр.). Итальянец Чилли, лично видевший Лжедимитрия, к сожалению, ничего не говорит о его происхождении, а просто считает его самозванцем (Hist. di Moscovia). Епископ Пясецкий также считает его самозванцем.

В русской исторической литературе критическое отношение к личности Лжедимитрия и к распространенному рассказу о происхождении его самозванства началось, собственно, с митрополита Платона, который в своей «Краткой Российской церковной истории» высказывает мнение, что Самозванец был неизвестно кто, может быть, и Отрепьев, но, во всяком случае, лицо, заранее подготовленное к своей роли в Польше иезуитами, вообще врагами России. (Краткая Церков. Рос. Ист. Т. II, гл. LXI — LXVIII.) Затем А.Ф. Малиновский отрицал тождество этих двух лиц и полагал, что Лжедимитрий с детства был подготовлен в Польше («Биографич. сведен. о кн. Д.М. Пожарском». М., 1817. 12 — 15). Археограф Бередников первый высказал сомнение в достоверности «Извета» старца Варлаама, а вместе с тем и в тождестве Лжедимитрия с Гришкой Отрепьевым («Ж. М. Н. Пр.» 1835. Ч. VII. 118 — 120). Несмотря на сии критические попытки, Соловьев, наоборот, вполне верил в это тождество и считал «Извет» непререкаемым источником. Он полагал, что Самозванца приготовили московские бояре, желавшие свергнуть Годунова, а иезуиты им только воспользовались. Относительно подготовки боярами он повторяет предположение князя Щербатова (Рос. Ист. XIII. 205); но пошел еще далее в своих догадках и утверждал, что Самозванец приготовлен уже в детстве, и потому сам был уверен в том, что он истинный царевич Димитрий, следовательно, он не был сознательным обманщиком (Ист. Рос. VIII, Гл. 2). Это свое мнение наш историк пытался построить на весьма шатких основаниях, вроде того, что если бы Самозванец знал о своем обмане, то не действовал бы с такой уверенностью в своих правах. Как будто можно назначить пределы хорошему актеру, во-первых; а во-вторых, вид уверенности он получил только по достижении успеха; первые же его шаги, по всем признакам, совсем не отличались уверенностью. В-третьих, ни с чем не сообразным является какое-то соглашение бояр с иезуитами и совсем непонятным его переходом от бояр к иезуитам с

уверенностью в своем царственном происхождении. В-четвертых, наконец, история представляет нам немало примеров сознательных самозванцев с подобными же чертами. Ряд таких примеров см. у проф. Брикнера Beitrage zur Kulturgeschichte Russlands (Гл. 1. Zur Naturgeschichte der Pratendenten). Leipzig, 1887. Оказывается, однако, что самозванцами особенно изобилует русская история. (Автор, впрочем, упустил из виду группу самозванцев Молдовалахских.) После Смутного времени второй эпохой самозванства были у нас 60-е и 70-е годы XVIII столетия, т.е. эпоха Лжепетров III. Прибавлю от себя, что из этих Лжепетров к первому Лжедимитрию по характеру и успеху наиболее подходит Степан Малый, действовавший в Черногории.

Костомаров посвятил особое исследование вопросу: «Кто был первый Лжедимитрий?» (СПб., 1864). Один из главных выводов его заключается в том, что Лжедимитрий и Григорий Отрепьев были два разные лица. Это положение было доказано им только до известной степени; причем он предполагает в самозванце все-таки человека из Московской Руси. Затем он, подобно Соловьеву, полагает, что самозванца с детства подготовили московские бояре и что он сам «верил в свое царственное происхождение». Но впоследствии в своем Смутном времени он отказался от последнего мнения и ближе подошел к истине, предполагая, что самозванец приготовлен в Западной Руси поляками; но не определяет, кем именно, и, повидимому, считает его самого поляком. По поводу первого исследования Костомарова появилась брошюра студента (впоследствии профессора) В.С. Иконникова, почти под тем же заглавием: «Кто был первый самозванец?» (Из «Киев. Универс. Известий». 1865 г.) Брошюра эта склоняется в пользу мнения, что Отрепьев и Лжедимитрий были два разные лица. Одновременно с исследованием Костомарова вышло пространное рассуждение Бицина (псевдоним Н.М. Павлова), озаглавленный «Правда о Лжедимитрии». (Газета «День». 1864.) Рассуждение это исполнено многих остроумных соображений и догадок. А главный его вывод заключается в том, что бояре в Москве приготовили Гришку Отрепьева и отправили его в Польшу; но из Польши, к их удивлению, пришло под именем Димитрия другое лицо, приготовленное иезуита-

ми с целью введения в России унии. Любопытна происшедшая отсюда полемика между Костомаровым и Бициным (перепечатана в «Рус. Арх.» 1886 г. № 8). Костомаров отказывается от некоторых своих положений; он отрицает, чтобы бояре приготовили самозванца в лице Гришки Отрепьева; отрицает и подготовку его иезуитами. Усердными противниками трех названных писателей и поборниками господствовавшего прежде мнения о тождестве первого Лжедимитрия с Отрепьевым выступили, во-первых, Добротворский («Вестник Запад. Рос.» 1866 г. №№ 6 и 7), во-вторых, проф. Казанский («Рус. Вестн.» 1877 г. №№ 8 — 10); но их защита старого мнения нисколько не убедительна.

Весьма видное место в истории данного вопроса заняло сочинение члена иезуитского ордена из русских уроженцев о. Павла Пирлинга «Rome et Demetrius d»apres les documents nouveaux». Lyon. 1877. Второе издание: Paris. 1878. Автор как бы считает Лжедимитрия истинным царевичем; на этом положении, впрочем, он не особенно настаивает; главная же его задача состоит в том, чтобы опровергнуть мнение о подготовке названого Димитрия иезуитами. По нашему убеждению, в этом главном своем тезисе о. Пирлинг приблизительно прав. Хотя он до очевидности преуменьшает вообще участие иезуитов в деле самозванца; но довольно правдоподобно доказывает, что они взялись за это дело уже после Мнишков и Вишневецких, уже тогда, когда о нем стали громко говорить, когда участие в нем приняли нунций и король. Нельзя не сознаться, что, как и при начале унии в Западной России, наши исторические писатели доселе слишком склонны были преувеличивать роль иезуитов и слишком рано приписывать им в Польше и Литве то большое значение, которое они приобрели, собственно, позднее. Очевидно, в деле самозванца иезуиты явились не зачинщиками, а только участниками, и притом не главными. Уже некоторые современники самозванца считали его лицом, приготовленным иезуитами; но так говорили, собственно, протестантские писатели, как явные враги иезуитов. И уже Маржерет дельно возражал им в своих записках о России (стр. 108 — 109 рус. перевода).

Г. Левитский в своей монографии «Лжедимитрий I как пропагандист католичества в Москве». (СПб., 1886 г.) также

представляет некоторые дельные соображения против мнения о подготовке самозванца иезуитами и доказывает, что он принял католицизм неискренне. Он примыкает к догадке Щербатова и Соловьева, что самозванец был приготовлен боярами для свержения Годунова. К.Н. Бестужев-Рюмин в X главе своей «Русской истории», приводя разные мнения, с обычной осторожностью своей не высказывается ни за какое из них, только в примечании говорит: «Указание на то, что Отрепьев и Лжедимитрий — два лица, едва ли не следует принять»; причем ссылается на свидетельство Маржерета («Ж. М. II. ПР.» 1887 г. Июль). Г. Платонов в своей диссертации «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени» (СПб., 1888 г.) останавливается слегка над «Изветом» старца Варлаама и вслед за Костомаровым скептически относится к этому источнику; но не старается дойти до корней возобладавшего в русских сказаниях отождествления Гришки Отрепьева с первым Лжедимитрием. В.С. Иконников в своей брошюре «Новые исследования по истории Смутного времени» (Киев, 1889 г., по поводу названных работ Левицкого и Платонова) приводит много фактических и биографических указаний; но также не высказывает окончательных выводов и приходит к следующему заключению: «Итак, очевидно, многие вопросы Смутной эпохи требуют новых исследований, дополнений и пересмотра».

Теперь повторю вкратце сущность моего собственного мнения о происхождении самозванства и личности первого самозванца; а затем перейду к изложению самих оснований, на которых это мнение построено.

Я не считаю Лжедимитрия ни Гришкой Отрепьевым, ни лицом, заранее с детства подготовленным боярами или иезуитами, а считаю его лицом, выставленным некоторыми польско-русскими панами. Я полагаю, что он был родом из Западной Руси; что он принадлежал к классу мелкой служебной шляхты, наполнявшей дворы знатных панов и уже подвергшейся до некоторой степени ополячению. Польским языком Лжедимитрий владел едва ли не лучше, чем русским. Мысль назвать себя царевичем могла прийти ему под влиянием той страсти, которую внушила ему Марина Мнишек. По-видимому, он рано попал на службу к этой фамилии, и

здесь-то зародилась в нем идея самозванства, поощряемая, а может быть, и навеянная самими Мнишками в их личных интересах. Вследствие известных обстоятельств смерти царевича Димитрия и непопулярности Бориса Годунова, самозванство висело, так сказать, в воздухе. Лев Сапега, уже по своей должности следивший и хорошо знавший, что делалось в Москве, а также находившийся в интимных сношениях с Мнишками, едва ли не дал главный толчок идее самозванства, интригуя против Москвы в видах политических. Он замешал в посольскую свиту и взял с собой в Москву будущего самозванца, конечно, хорошо зная его недюжинные способности и отважный, воинственный характер. А для такого отчаянного предприятия, как добывание московского трона, требовался, прежде всего, смелый искатель приключений и храбрый рубака, каким в действительности и явился первый самозванец. Но при объявлении его Сапега благоразумно оставался в стороне; а только доставлял лжесвидетелей, которые, как по нотам, разыгрывали комедию с приметами. Близкое участие свое в деле Сапега обнаружил еще тем, что выхлопотал у короля награждений поместьем московским выходцам пяти братьям Хрипуновым, признавшим названого Димитрия (А.З. Ро., IV, № 160. Грамота от 27 марта 1604 г.). Роль первых его глашатаев предоставлена братьям Вишневецким, обработанным с помощью жены одного из них Урсулы Мнишковны, очевидно усердствовавшей ради старшей сестры своей Марины. Кроме этих родственных связей, Вишневецких, по-видимому, возбуждало еще чувство мести к Б. Годунову; ибо вскоре после заключенного Сапегой перемирия с Москвой возникли пограничные распри и кровавые столкновения; причем московские воеводы ближних мест напали на неправильно захваченное Вишневецкими местечко Прилуку (на берегу Удая), сожгли его и разорили (Акты З. Р. IV, 306). Когда замысел достаточно созрел, то усилиями трех названных фамилий привлечены были к участию о деле нунций Рангони, король, иезуиты и несколько других знатных лиц.

Что касается до русских бояр, то вопрос о сознательной и самостоятельной подготовке ими самозванца не имеет почти никакой исторической вероятности, хотя Борис потом и

ворчал на них, говоря, что это их дело, и хотя подобное мнение повторялось иногда современниками-иноземцами (например, письмо неизвестного к герцогу Тоскан. в «Рус. Ист. Библ.», VIII, № 8, где, впрочем, говорится о сохранении боярами истинного царевича). В таком деле трудно было им сговориться и действовать единодушно, при известном соперничестве знатных фамилий; а в числе их были и такие, которые могли претендовать на престол, именно Шуйские, Мстиславские, Голицыны и Романовы. Притом подобный обширный заговор не мог бы укрыться от бдительных шпионов Годунова. Существуют, впрочем, намеки на то, что некоторые фамилии как будто или знали, или догадывались о самозванстве, готовившемся в Полыне-Литве. Это фамилия Романовых и родственные с ней семьи Черкасских, Репниных и Сицких. Опала их и ссылка последовала как раз во время пребывания Сапегина посольства в Москве, и нужно предположить, что от шпионов Годунова не укрылись какие-либо тайные сношения посольства с сей фамилией. А известна тактика Бориса: обвинять не прямо в том, в чем он подозревал, но изыскивать другой повод, которым в данном случае послужил мнимый замысел отравления. В январе 1605 года — когда в областях рассылались патриаршие грамоты о молебствии по случаю вторжения Лжедимитрия и его проклятии — старец Филарет (Федор Никитич Романов) вдруг изменил свое поведение в Сийском монастыре, стал кричать на монахов и грозить им. (Акт. Ист. II. № 54.) Эту перемену мы вправе объяснять появлением ожидаемого самозванца, которого грамоты называли растригою Гришкой Отрепьевым, незадолго «жившим у Романовых во дворе» (Ак. Эксп. II. № 28). Наконец, особое внимание Лжедимитрия к семье Романовых могло иметь своим основанием не одно только притязание на отдаленное родство.

Григорий Отрепьев, служивший прежде у Черкасских и Романовых, а потом в Чудове монастыре, обративший на себя внимание невоздержными речами и намеками на спасение царевича Димитрия, является каким-то посредствующим звеном в этой темной истории. Есть указания на то, что о приготовлявшемся у поляков-литвы самозванце догадывались и сочувствовали ему думные дьяки Василий Щелкалов

и Афанасий Власьев, которым уже по своей должности пришлось входить в непосредственные сношения с Сапегой и его посольством. Афанасий Иванович Власьев, кроме того, в следующем, 1601 году был отправлен к Сигизмунду III вместе с великими послами М.Г. Салтыковым и В.Т. Плещеевым (Др. Рос. Вивл. IV); следовательно, опять имел случай непосредственного сношения с Сапегой. Впоследствии, после гибели Самозванца, московские бояре указывали полякам на какие-то тайные ссылки Власьева с панами-радою (Акты З. Р. IV. 288 — 289). Дьяк Щелкалов после опалы Романовых тоже был удален от дел, а при Лжедимитрии является окольничим («Рос. Вивл.», XX, 78); а дьяк Власьев, сумевший сохранить расположение к себе Годунова, по воцарении Лжедимитрия сделался одним из самых доверенных лиц. На покровительство братьев Щелкаловых во время его детства указывал будто бы сам Лжедимитрий (Щербатов, XIII, 211. Исследование Костомарова, 41). Сомнителен также главный начальник помянутого сейчас посольства Михаил Глебович Салтыков, который потом явился одним из воевод, явно мирволивших Самозванцу.

Возвращаясь ко мнению о тождестве Гришки Отрепьева и Лжедимитрия, можем только удивляться, что это мнение могло так долго господствовать в русской историографии, вопреки всем началам здравой критики. Уже самый возраст Отрепьева тому противоречит: он был слишком стар для роли царевича. В 1602 году, к которому относится его бегство в Литву, ему было никак не менее 30-ти лет, следовательно, он был по крайней мере лет на десять старше истинного царевича. Все писавшие о Лжедимитрии (в том числе и противники тождества, как Костомаров и Бицин) обыкновенно упускали из виду одно немаловажное обстоятельство: Григорий, пребывая в Чудове монастыре, имел уже дьяконский чин; а по уставам Русской церкви он не мог быть посвящен в дьяконы ранее 25 лет. Далее, мы имеем прямые свидетельства источников о Григории Отрепьев или так называв. «Разстриге», как личности отдельной от Лжедимитрия. Маржерет говорит, что Разстрига действительно убежал в Литву с каким-то другим монахом; что ему, как это дознано, было от 35 до 38 лет; что он был негодяй и горький пьяница; что

Димитрий, воцарившись, сослал его в Ярославль, а Василий Шуйский потом его окончательно куда-то спровадил (103 — 106 рус. перевода). Независимо от Маржерета, хроника Буссова-Бера также говорит об Отрепьеве как об отдельном лице; по ее словам, этот беглый из Москвы монах в Белоруссии нашел какого-то благодарного юношу и руководил первыми шагами сего самозванства, а потом отправился к казакам поднимать их во имя названого Димитрия; что и выполнил с успехом (стр. 19 подлинника и 31 — 33 рус. перевода у Устрялова). Третье свидетельство, независимое от двух названных, встречается в письмах иезуитских патеров Чижевского и Лавицкого, сопровождавших войско Самозванца, к пат. Страверию из Путивля, от 8 марта 1605 года: «Приведен Гришка Отрепьев, известный чернокнижник (celebris magus), которого Годунов выдавал за принца, пришедшего с ляхами; москвитянам ясно открылось, что он и Димитрий Иванович суть два разные человека». (Пирлинг, 204.) Московское правительство, отождествляя самозванца с Гришкой Отрепьевым, как известно, в своих грамотах говорило, что, живя в Чудове монастыре, он был уличен в чернокнижестве и бежал, избегая наказания. (Дополн. к Ак. Ист., I, 255.) Данное сообщение иезуитов подтверждается и русским свидетельством. По иному сказанию о самозванцах, в Москве некоторые говорили, что «идет Димитрий, а не рострига, да и ростригу же прямо с собою в Москву везет, и оказует его, чтобы не сумнялись люди». (Времен., XVI, 22.) Карамзин, а за ним и Соловьев пытались устранить подобные свидетельства толкованием Морозовской летописи и «Повести о Борисе и Разстриге», что Лжедимитрий для отвода глаз передал свое имя Григория Отрепьева другому монаху, по словам первой, чернецу Пимену, а по другой, монаху Крыпецкого монастыря Леониду, который ушел в Литву вместе с ним, Варлаамом и Мисаилом Повадиным. Костомаров в своем исследовании указал на несообразность и противоречия, заключающиеся в этом известии (стр. 33).

В VIII томе «Записок Петербургского Археологического Общества» «обнародована была, открытая г. Добротворским в библиотеке Загоровского волынского (бывшего униатского) монастыря, надпись на сочинении Василия Великого о

постничестве, Острожской печати 1594 года; надпись от имени инока Григория говорит, что книга эта подарена была ему, Григорию, да Мисаилу и Варлааму князем Константином — Василием Острожским. Причем под словом «Григорию» приписано: «царевичу московскому». Г. Добротворский на сей приписке построил свою ревностную защиту тождества Отрепьева с Лжедимитрием. Он сопоставляет эту надпись с «изветом» старца Варлаама и находит в них взаимное подтверждение. Но дело в том, что приписка («царевичу московскому»), судя по перу и чернилам, сделана позднее самой надписи, хотя, по уверению г. Добротворского, тою же рукою; но и это уверение очень сомнительное. Приписка свидетельствует только о том, что сделавший ее, как и многие другие, на основании уверений Московского правительства отождествлял Отрепьева с Лжедимитрием, и ничего более. А самая надпись подтверждает «извет» Варлаама в том смысле, что он и Мисаил Повадин действительно вместе с Григорием Отрепьевым скитались в Западной России, и некоторое время пребывали в Остроге, и опять ничего более. Едва ли и сами князья Острожские на первое время не были введены в заблуждение московскими грамотами; по крайней мере, Януш Константинович полагал, что незадолго гостивший у его отца Отрепьев и есть Лжедимитрий (Немцевич. II, 197. Примечание). Возможно, что Отрепьев, чтобы заметать следы, иногда самого себя выдавал за царевича. Вероятно, и сам Лжедимитрий, после своего пребывания в Москве в свите Сапегина посольства, скитался некоторое время по монастырям Восточной и Западной России в товариществе того же Отрепьева и Варлаама. Отсюда произошла такая путаница в известиях о нем и Отрепьеве; сами современники, не посвященные в тайну интриги, не могли разобраться в этой путанице. Что Лжедимитрий побывал в Москве, замешанный в Сапегину свиту, о том говорит иноземец Масса; о том и сам он упоминал в одном из своих манифестов по вступлении в пределы Московского государства (по известию Буссова). По окончании же посольства он, по всем признакам, некоторое время бродил по монастырям под чьим-то руководством. Это должно было входить в общий план интриги: кроме такого удобного, не возбуждающего подозрения, спо-

соба ознакомиться с Московской землей, он потом, повторяя басню о своем спасении, недаром указывал на то, что от Борисовых клевретов укрывался именно под монашеской рясой в разных монастырях.

Приведем и другие доказательства тому, что самозванец не только не был Григорий Отрепьев; но что он был родом из польско-литовской, а не Московской Руси. Маржерет, пытаясь защитить подлинность названого Димитрия и опровергнуть противные мнения, делает важное для нас сообщение: «Многие иноземцы, говорит он, именуя Димитрия поляком или трансильванцем, который решился на обман или сам собой или по замыслу других людей, в доказательство своего мнения приводят то, что он говорил по-русски неправильно, осмеивал русские обычаи, наблюдал русскую веру только для виду; одним словом, говорят они, все приемы и поступки обличали в нем поляка» (106 рус. перевода). Отсюда мы видим, что сами современники, лично знавшие Лжедимитрия, немало ломали себе голову над вопросом о его таинственном происхождении; причем явно склонялись к тому главному предположению, что он был не из Московской Руси. А затем выставленные против них Маржеретом опровержения являются крайне слабыми; например, будто бы невероятно, чтобы воевода Сендомирский не разведал прежде, кто будет его зятем, а король дозволил бы помогать обманщику; в противном случае последний отправил бы с ним в Россию многочисленное войско и снабдил бы его денежной казной. Но Маржерет как будто не знал, что польский король не был самодержавным государем и зависел от сейма. А что Сигизмунд III ведал истину, о том он сам свидетельствует, например, в инструкции своему секретарю Самуилу Грушецкому, отправленному послом к испанскому королю в 1612 г. «Тот, который подложным именем Димитрия с помощью польских войск вторгнулся в государство, был убит чрез несколько месяцев самими москвитянами, наскучившими таким обманом» (Чт. О. И. и Др. 1847. № 4). Сигизмунд мог бы оправдываться в своем участии тем, что прежде он сам верил в подлинность Димитрия; но он даже не счел нужным делать такую оговорку. А что касается до Юрия Мнишка, то для нас теперь ссылка на добросовестность одного из

главных заводчиков дела является только наивной. Из приведенных выше указаний для нас особенно важно то, что Лжедимитрий «не чисто» или «не правильно» выражался по-русски (т.е. по-московски). Маржерет (как иностранец, едва ли компетентный в сем вопросе) утверждает, будто бы он говорил очень правильно, «только для прикрасы примешивал иногда польские поговорки». «Неточное же произношение некоторых слов нимало не доказывает, чтобы сей государь был иноземец, если вспомним, сколь долго с юных лет он не видал отечества». Ясно, что Гришку Отрепьева никак нельзя было бы оправдать таким доводом в неправильном произношении русских слов; ибо он ушел в Литву не ранее 1602 года, когда ему было не менее 30 лет от роду. Следовательно, это не был Отрепьев; но и вообще не был москвич. Характеристика его речи именно указывает на западнорусского ополячившегося шляхтича. Уже в качестве западнорусса он должен был отличаться некоторым акцентом от москвичей; а его польские поговорки указывают на большую привычку к польскому языку, которым он владел вполне. Любопытно, что свое письмо к папе Клименту VIII он сочинил сам по-польски; а русские его письма хотя «были без ошибок», как выражается Маржерет, но тут же сознается, что они были писаны «со слов Димитрия», а че им самим. Очевидно, перед нами полурусский, полуполяк.

Далее, относительно русских церковных обрядов и обычаев мы имеем указание, что Лжедимитрий, хотя по наружности старался их соблюдать, но иногда невольно выдавалось неполное, не вошедшее в привычку, с ними знакомство. Так любопытно следующее свидетельство Массы. Когда самозванец торжественно вступал в Москву, духовенство, встречавшее его с крестами и хоругвями, поднесло ему икону Богородицы (вероятно, Владимирской), чтобы он приложился. Самозванец «сошел с коня; приложился к иконе, но не так, как бы следовало по обычаю; некоторые монахи, видевшие это, усумнились в том, что он действительно родом из Москвы, а также и в том, что он истинный царь» (159 стр. рус. перевода). Если подобные факты обнаруживали вообще его не московское происхождение, то они окончательно делают невозможным его тождество с Отрепьевым, бывшим москов-

ским монахом и дьяконом. Самозванец мог в общих чертах исполнять русские православные обычаи; но, несмотря на предварительное посещение Москвы и скитание по монастырям, ему трудно было в сравнительно короткое время усвоить себе все те подробности, которыми Восточная Русь отличалась от Западной, а в языке и манерах не обнаружить своего ополячения.

Маржерету уже известно было мнение тех протестантов, которые считали Лжедимитрия воспитанником и орудием иезуитов. Он совершенно основательно рассуждает о несообразностях отсюда вытекающих. Между прочим, говорит следующее: «если бы он воспитывался у иезуитов, то без сомнения должен был знать латинский язык; но я уверяю, что Димитрий не умел на оном говорить и еще менее читать или писать, как я докажу подписью имени его весьма не твердою. Кроме того, он оказал бы тогда иезуитам гораздо более милости: в России явилось бы их не трое — и то с польскими войсками, не имевшими других патеров» (109 стр.). Сообщение Маржерета относительно подписи вполне подтверждается сохранившимися актами: в одном месте самозванец подписался Demiustri вместо Demetrius, а в другом in Perator вместо imperator (Устрялова, 97 примеч. к переводу Маржерета и кн. Оболенского «La legende de la vie» и пр. Приложения № 4). По воцарении своем Лжедимитрий действительно менее всего заботился об исполнении обещаний, относившихся к введению церковной унии; папа и иезуиты имели полное основание жаловаться на его забывчивость. Если бы иезуиты его воспитали и подготовили, то, наверно, он не явился бы таким индиферентом в деле религии. Папу и иезуитов он обманул, сделав их орудием для достижения своей личной цели, как обманул и короля Сигизмунда, с которым, вместо благодарности, затеял потом разные пререкания. Самозванец не обманул только Мнишков, отца с дочерью, и остался им верен до конца; чем и засвидетельствовал свои тесные, таинственные связи с этой семьей. Ясно, что здесь находились корни его самозванства, что отец и дочь хорошо знали тайну его происхождения; они одни или из числа немногих — могли его выдать; но в их интересах было хранить эту тайну. Что руководящим чувством Марины было често-

любивое желание сделаться московской царицей, она наглядно доказала это своим дальнейшим поведением, признав своим мужем и другого бродягу, т.е. второго Лжедимитрия.

Наконец, свое не московское, а западнорусское происхождение первый Лжедимитрий ясно обнаружил всем своим характером, поведением и привычками. На престоле он был все тот же тщеславный, легкомысленный рубака, любитель женщин, пиров и танцев, как истый шляхтич; выросший при дворе польских и ополяченных русских панов того времени. Некоторые из этих польско-русских панов (вышеуказанные), по нашему крайнему разумению, и были настоящими виновниками самозванческой смуты. Хотя они тщательно скрывали истину; но иногда, в пьяном виде, проговаривались, что самозванец их дело; как о том свидетельствует хроника Буссова. Особенно заслуживает внимания его ссылка на Яна Сапегу; трудно предположить, чтобы сему последнему осталось неизвестным тайное, но вместе руководящее участие в сем деле главы его фамилии канцлера Льва Сапеги. Приведем также свидетельство итальянца Нери Джеральди в его письме из Нюренберга к великому герцогу Тосканскому, от 26 сентября 1605 года, т.е. во время царствования Лжедимитрия. Со слов встреченных им польских купцов, он говорит, что Мнишек истратил почти все свое состояние на поддержку «сего князя»; что последний в юности находился в услужении у Мнишка и «свободно владел языками польским, латинским и природным русским». По-видимому, Джеральди был ранее в Польше и видел самозванца или человека, на него похожего. «Мне сперва казалось, — продолжает он, — что я знавал его лично, но убедился в ошибке своей, принимая вместо него сына смоленского воеводы, который бежал к московскому князю Иоанну Васильевичу, отцу нынешнего царя». (Сборник Чимпи в Архиве Калачова.) Любопытно, хотя и темно, это вскользь брошенное замечание о сходстве самозванца с известным автору письма лицом. Что касается до обладания тремя языками, то латинский, по всем данным, самозванец знал очень мало. Кроме свидетельства Маржерета, напомним известие иезуита Савицкого о том, что самозванец сочинил послание к папе Клименту VIII по-польски, а иезуитам перевел его по-латыни.

К названным сейчас свидетельствам весьма нелишним дополнением служат слова, сказанные в польском сенате на сейме 1611 года, по поводу вопросов, касавшихся Смутного времени — слова, взятые Костомаровым из одной рукописи библиотеки Красинских и поставленные им в виде эпиграфа к своему Смутному времени. Приведем их в русском переводе: «Источник этого дела, из которого потекли последующие ручьи, по правде заключается в тайных умышлениях, старательно скрываемых, и не следует делать известным того, что может на будущее время предостеречь неприятеля». Только немногие, более благородные характеры, вроде знаменитого Яна Замойского, не хотели участвовать в этой чудовищной польской интриге против Московского государства. Наконец его родственник, другой знаменитый гетман, Жолкевский в своих «Записках о Московской войне», прямо заводчиком зла называет Юрия Мнишка: он, из честолюбия и корыстных видов, упорно поддерживал Лжедимитрия, самозванство которого ему было очень хорошо известно, и, при помощи своего родственника кардинала-епископа Мацеевского, вовлек в это дело короля.

Самая физиономия первого Самозванца, судя по наиболее достоверным портретам, выдает его невеликорусское происхождение.

Покончив с доказательствами западнорусского происхождения Самозванца и польско-литовской интриги, его породившей, скажу еще несколько слов об «Извете» Варлаама и о ложности названого Димитрия.

Выше мы не раз указывали на исследование г. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник». Для всякого труда, посвященного данной эпохе, это исследование является несомненно ценным и весьма полезным пособием там, где нужно разбираться в массе русских сказаний и свидетельств, и определять степень их беспристрастия, взгляды на личности и события или их взаимное отношение друг к другу. Но нельзя того же сказать о выводах собственно исторических. Тут критика автора подчас является слабой и несамостоятельной; что, впрочем, и естественно было найти в исследовании молодого, еще не вполне установившегося ученого.

Впрочем, эта сторона скорее может быть отнесена к недостаткам той исторической школы, из которой вышел автор и которая слишком тяготеет к узкому, механическому способу исследования в ущерб широкой историко-критической основе. Мы уже имели случаи указывать, например, слишком недостаточно обоснованный вывод о невинности Бориса Годунова в смерти царевича Димитрия и подчинение автора в этом случае сомнительным авторитетам. Теперь позволим себе сделать г. Платонову легкий упрек в том, что он недостаточно оценил историческое значение такого источника, как пресловутый «Извет» старца Варлаама. Несмотря на свой небольшой объем, этот источник занимает очень важное место в ряду сказаний о Смутном времени: и для старых летописцев, и для новых историков он послужил главным основанием при отождествлении первого Самозванца с Григорием Отрепьевым и потому заслуживал отдельной, тщательно обработанной главы, а не одного только примечания, хотя бы и распространенного на две страницы (10 — 11). Ради выяснения этого памятника можно было пожертвовать разными подробностями, относящимися к некоторым другим произведениям, хотя многословным и объемистым, но малосодержательным и очень незначительным по своему итогу.

Вслед за Костомаровым, г. Платонов скептически относится к «Извету»; он указывает некоторые его невероятности, почти голословно считает его сочиненным летом 1606 года, и называет искусственной композицией. Вот и все. Тут, вместо ссылки на две грамоты Самозванца, помещены в Актах Эксп. II. №№ 26 и 34, гораздо важнее было сопоставить этот Извет с двумя другими грамотами, помещенными в тех же Актах Экспедиции, под №№ 28 и 29. В этих последних уже рассказывается о бегстве Отрепьева из Москвы в Литву с иноками Варлаамом Яцким и Мисаилом Повадиным и о первых их похождениях за рубежом: почти так же, как это рассказано в Извете самого Варлаама. А между тем сии две грамоты (патриарха Иова и новогор. митр. Исидора) написаны были в январе 1605 г., когда, соображая данные, Варлаам еще сидел в Самборской тюрьме. Далее, в Извете есть важная подробность, которой нет в названных сейчас двух грамотах: о путешествии Варлаама к королю и панам радным

для изобличения Самозванца и о казни в Самборе Варлаамова товарища сына боярского Якова Пыхачова. Об указанном изобличении нет никаких других свидетельств, и этот факт сомнительный; но казнь в то время одного московского агента в Самборе есть исторический факт (см. выше примеч. 3). Таким образом, Извет представляет несомненную фактическую основу, но с примесью какой-то путаницы и искренности.

Обращу внимание, между прочим, на следующее обстоятельство. В Извете рассказывается: когда Отрепьев собирался из киевского Печерского монастыря ехать в Острог к князю Василию-Константину, Варлаам просил позволения остаться; но игумен Елисей ответил: «четыре вас пришло, четверо и подите». Откуда же четверо? Из Москвы пришли трое: Отрепьев, Варлаам и Мисаил. Четвертым мог быть их «вож» Ивашка Семенов, «отставленный старец» Спасского монастыря в Новгороде-Северском; он взялся проводить их за литовский рубеж. Но по грамотам патриарха Иова и митрополита Исидора за рубеж до села Слободки проводил их чернец Пимен, который от этого села воротился назад. Тут разногласие, и личность четвертого лица остается не совсем ясной. Не был ли это тот довольно загадочный монах Леонид, о котором упоминает Повесть о Борисе и Разстриге или «Како восхити ц. престол» и пр. под именем которого мог скрываться Самозванец? Означенная повесть говорит, что с Отрепьевым ушли в Литву не два, а три монаха. (Р.Ист. Биб. XIII. 155.) Вообще заодно с ним, по-видимому, орудует целая группа монахов по ту и по другую сторону московско-литовского рубежа. Во всяком случае, московское официальное отождествление Самозванца с Григорием Отрепьевым началось уже при Годунове вслед за объявлением названого Димитрия в Литве и Польше. И можно думать, что Московское правительство сначала действительно так думало, т.е. введено было в заблуждение запутанными обстоятельствами и сбивчивыми донесениями. А потом оно уже более или менее сознательно не хотело отступиться от своего мнения, которое считало выгодным для себя; так как понятие о расстриге, связанное с названым Димитрием, могло возбуждать в народе сильную к нему антипатию. Шуйский и его товари-

щи-бояре, приближенные к Лжедимитрию, конечно, могли отлично убедиться в том, что он не бывший чудовский монах, книжник, сочинитель канонов и наклонный к пьянству Григорий Отрепьев. Но не в их видах было бы разуверять в том народ; а посему после гибели Самозванца они продолжали утверждать мнимое тождество и распространять сказания вроде «Извета» старца Варлаама, на первый взгляд имевший все признаки простодушия и достоверности.

Выше хотя мною было сказано, что мнение о подлинности названого Димитрия не заслуживает серьезного опровержения, однако ввиду известной мне по слухам новой попытки подтвердить то же мнение, считаю нелишним вкратце привести против него некоторые аргументы. При сем ограничусь только тремя главными группами.

1. Все рассказы о спасении маленького царевича отличаются бросающейся в глаза сбивчивостью и невероятностью. Они вертятся на подмене его другим мальчиком, и так как дневная подмена мало возможна, то сочинена подмена ночная и убийство происходит ночью. В этом отношении особенно любопытна целая романтическая повесть, приведенная Когновицким во II томе Zycia Sapiehow из так наз. рукописи жмудина Товянского. Тут доктор немец кладет на постель вместе с Димитрием другого мальчика, похожего на него, по имени Семенка, с которым царевич поменялся рубашкой, и, когда тот заснул, спрятался за камин. Ночью пришли убийцы и зарезали Семенка. Сама мать не узнала его запачканного кровью и оплакивала как своего сына. Спасенного, таким образом, Димитрия доктор проводил на украйну в замок старого князя Мстиславского. По смерти его Димитрий отправился в Москву и поступил в монастырь; оттуда ушел на Волынь в Гощу, а потом к Вишневецкому, где и объявился. Но все подобные рассказы противоречат тому непререкаемому факту, что Димитрий был убит днем и что, не говоря уже о матери и окружавших его, угличане и присланные из Москвы следователи близко смотрели на его тело. Какой-либо подмен и ошибка просто были невозможны. Сами современники с иронией отзывались о рассказах Самозванца, говоря, что он указывает некоторых знатных людей, содействовавших его спасению, но таких, которых уже

не было в живых (Масса. 102). Прибавлю, что если он указывал, между прочим, на братьев Щелкáловых, то старший из них Андрей был уже умершим, а младший Василий хотя еще жил, но, очевидно, или не был чужд польской интриги, или поддержал ложь, когда это было для него уже безопасно. Известно также, что рассказы самого Димитрия до конца оставались общими и туманными местами; тогда как по его воцарении ничто не мешало ему прямо и точно обозначить лица и места его охранявшие и дать хотя какие-либо ясные и достоверные о себе подробности с 1591 по 1603 год. Известно, что о его ложности проговорился даже такой приближенный и преданный ему человек, как Басманов (Буссов-Бер, приводящий и другие свидетельства неподлинности. Стр. 102 — 105 рус. перевода).

2. Самой главной уликой его самозванства служит поведение вдовой царицы Марии Нагой. Ее неподдельное отчаяние при виде убитого сына и собственноручная расправа с мамкой Волоховой засвидетельствованы Следственным делом. Переговоры с Самозванцем, принудившим ее признать его своим сыном, она потом засвидетельствовала сама. Намерению его выбросить тело царевича из углицкой могилы она решительно воспротивилась. А ее равнодушие к судьбе Лжедимитрия во время трагедии 17 мая 1606 года и уклончивый ответ, данный на вопрос, ее ли это сын — такие черты были бы невозможны, если бы она действительно считала его своим сыном — особенно если вспомним ее вполне материнское отчаяние во время Углицкой трагедии 15 мая 1591 года. Наконец и торжественное церковное покаяние ее в соучастии с обманщиком вполне соответствует этим чертам. Нельзя же во всех указанных случаях толковать ее поведение притворством, как сие делают защитники подлинности во что бы то ни стало.

3. Те свидетельства и факты, которые приведены мною против тождества Лжедимитрия и Григория Отрепьева, большей частью могут быть повторены и против подлинности Самозванца. А именно: не великорусские или не московские его тип и характер и явные черты западнорусского ополяченного человека. Из самих рассказов о мнимом спасении Димитрия вытекает, что в Литву он прибыл совсем не маль-

чиком, а уже таким взрослым молодым человеком, который не мог в короткое время потерять чистоту своей великорусской речи, свои московские привычки, весь свой туземный склад и выработать из себя образец шляхтича, отлично владевшего польским языком, отчаянного рубаки, наездника, танцора, женского угодника и религиозного индиферента, несомненно принявшего католичество.

Мнимую подлинность Самозванца обыкновенно пытаются доказывать помощию не исторических фактов и беспристрастных свидетельств, а разных или тенденциозных, или прямо невежественных известий. Таковы, например, пристрастные показания Маржерета, мистические басни Товянского и своекорыстные сообщения Фомы Смита. Последний, не знавший лично Лжедимитрия, делает вид, что верит в его подлинность; ибо англичане прежде всего старались задобрить Московского государя, кто бы он ни был, ради своих торговых выгод; а «Путешествие» Смита вышло в свет еще при жизни Самозванца, с явным расчетом на его благосклонность. Следовательно, подлинность названого Димитрия, по несомненным историческим свидетельствам и фактам, немыслима и невозможна. Поэтому новая попытка, о которой я слышал, может сообщить нам некоторые доселе неизданные и неприведенные в известность источники для Смутной эпохи, умножить подробности, расширить сведения о лицах и отношениях; но опровергнуть высказанное сейчас основное наше положение не может.

ЗАМЕТКИ

К примечанию 1-му. Некоторые компилятивные произведения, повествующие о Смутном времени и еще не изданные, очерчены, с приведением отрывков, А.Ф. Бычковым в его «Описании церковнославянских и русских рукописных сборников. Импер. публич. Библиотеки». Часть первая. СПб., 1882. См. №№ XLI, LXXIX, LXXX, LXXXI; LXXXVIII.

К примечанию 3-му. В «Актах Московского Государства, изданных под редакцией И.А. Попова». (Том I. Разрядный приказ. Московский стол. СПб., 1890) под № 42 напечатана любопытная роспись «золотых и новогородок и московок золоченых и дорогое и тафты и сукон и денег», пожалованных Борисом Годуновым в январе 1605 года гарнизону Новгорода-Северского, осажденного Лжедимитрием. Главные воеводы князь Трубецкой и Петр Басманов получили по золотому, равнявшемуся пяти угорским золотым; второстепенные воеводы князья Я. Барятинский и Г. Гагарин по угорскому золотому; головам Бунакову, Биркину и Дурову дано по московскому золотому, другим голова по полузолотому московскому, одним сотникам по золотой деньге, другим по деньге золоченой; далее детям боярским, стрельцам, пушкарям и казакам роздано по золоченой деньге, по нескольку рублей, по нескольку аршин сукна или тафты и т. п. Из этой росписи видно, что гарнизон Новгорода-Северского заключал в себе свыше 1200 человек.

К примечанию 10-му. В издаваемой Костромской Архивной Комиссией, *Костромской старине*, вып. 3. 1894 г., напечатаны доклад члена Комиссии И.В. Миловидова и грамота царя В.И. Шуйского в Свияжск от 25 ноября 1607 года (по

Сентябрьскому стилю, а по Январскому 1606 года). Эта грамота извещает о покорности, принесенной царю Сунбуловым и П. Ляпуновым (когда они отложились от Болотникова) о прибытии в Москву подкреплений и присылке повинной из разных городов; затем убеждает служилых людей Свияжска крепко стоять против воров, особенно тех, которые действовали тогда в Курмыше. Но сами свияжцы около того времени находились в *шатости*. По крайней мере имеем грамоту, написанную почти месяц спустя после указанной (от 22 декабря), от патриарха Гермогена к митроп. казанскому Ефрему, и напечатанную в Актах Эксп. II, под № 61. Патриарх извещает, что царь простил свияжцев, раскаявшихся в своей присяге ложному Димитрию, и затем «похваляет» митрополита за его усердие в этом деле. Митрополит Ефрем приказал свияжским священникам не принимать «никаких приношений» в церкви от «прельстившихся людей»; чем и обратил их к законному государю. Патриарх поручил митрополиту «накрепко смотреть за попами, чтобы в них воровства не было»; причем прямо указывает на некоторые казанские церкви, священники которых ненадежны. (Гермоген сам только что прибыл из Казани и знал ее хорошо.) Это любопытное свидетельство относительно обоюдного участия белого духовенства в событиях Смутного времени.

К примечанию 23-му. В Москвитянине 1852 г., № 4, под заглавием «Как звали Минина?» П.И. Мельниковым сообщена купчая 1602 года. В ней один обыватель Нижнего Новгорода, продав свой двор с садом и огородом другому обывателю, говорит, что его двор находится подле *Кузьмы Захарьева сына Минина Сухорука.*

В Летопис. Археогр. Комиссии за 1861 год напечатаны любопытные грамоты и отписки (в количестве 23 №№) к Курмышскому воеводе Смирнову Елагину 1611 – 1612 гг. Во-первых, грамоты из Нижнего от имени воеводы кн. Д.М. Пожарского и дьяка В. Юдина о сборе доходов, даче жалованья служилым людям и присылке их в Нижний, чтобы идти под Москву против литовских и польских людей. Елагина упрекают в том, что он неправильно собирает доходы с сел Княгинина, Мурашкина и Лыскова, так как волости их приписаны к Нижнему, а не Курмышу. Но тщетно: Елагин не пови-

нуется; тогда ему объявляют смену; на его место из Нижнего назначают воеводой Жедринского с дьяком Кутеповым. Но Курмышане всем миром противятся и их к себе не пускают. Одновременно они получают наказы также из-под Москвы от «бояр и воевод кн. Д.Т. Трубецкого и Ив. Март. Заруцкого». Курмышский воевода пересылается вестями и советами с воеводами, служилыми людьми и земцами Арзамаса, Ядрина и Кузьмодемьянска. В мае или июне 1612 года эти города, как мы видим, по мирскому приговору уже объявили своим государем третьего Лжедимитрия (вслед за подмосковным ополчением). Подобные документы наглядно показывают нам трудности, с которыми приходилось бороться нижегородскому ополчению, и объясняют отчасти его продолжительное Ярославское сидение. — В указанных грамотах встречаются имена Ивана Биркина и Никанора Шульгина. Между прочим, староста села Лыскова жалуется Елагину на Биркина в том, что сей последний насильно забрал подводы, овес, сено, вино, рыбу (конечно, для ополчения), «да себе хлеба и всякаго харчу». (№ 8).

К примечанию 24-му. В Летоп. Археогр. Ком. (1871 г. Отд. Протоколов) есть отчет Костомарова об осмотре им Несвижского архива кн. Радзивилов. Тут он сообщает об одном письме Гонсевского, из которого видно, что съехавшиеся в Москву в январе выборные люди на Соборе не согласились во мнениях об избрании царя и разъехались, положив собраться через два месяца. «Это показывал один сын боярский, выборный человек, захваченный Гонсевским». (20). Относительно двух месяцев показание не совсем точно; но оно подтверждает, что вначале были большие споры и разногласия. В том же отчете Костомаров говорит, что видел целую груду писем Льва Сапеги; но не нашел в них почти ничего важного (для нас). Этот вывод отчасти оправдался львовским изданием Сапежинской переписки, о которой упоминается в моем первом примечании.

ПРИМЕЧАНИЯ К «ЭПОХЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА»

1. Книги Разрядные. I. СПб., 1853. Дворцовые Разряды. I. 91—95, 123, 158, 199—204. Приложения. №№ 18, 19, 31, 37, 38, 47, 49. Акты Арх. Эксп. III. №№ 18—29, (в № 26 слова о Марине), 35, 44, 50, 51, 53—63 (о разбойничавших казаках и запорожцах), 78 (о Лисовском). Акты Ист. III. №№ 11—39, 54, 63, 64, 248—283. Дополн. к Акт. Ист. II. №№ 25—29. Соб. Гос. Гр. и Д. III. №№ 19—23, 28, 29. Разрядная книга 7123 и 7124 гг. (Времен. Об. Ист. и Др. 1849 г. Кн. 1 и 2). Акты Моск. Госуд. I. №№ 47, 72, 77, 103. Хронографы Столярова и Погодинский (Изборник Ан. Попова. М., 1869.) Летопись о мног. мятежах. Никонов. лет. VIII. В сих последних летописях имеем краткое упоминание о казни Заруцкого и судьбе Марины с сыном. Кроме того, в сборнике летописей Южной и Запад. Руси (Киев, 1888) на стр. 80 говорится следующее: Заруцкого на косы в яму живого бросили, мальчика Ивана Дмитриевича на шелковом снурке повесили, а самое Марину постригли в Суздале в монастыре Покрова Богородицы.

Неистовства воровских казаков над жителями летописец описывает такими словами: «Различными муками мучаще яко в древних летех таких мук не бяше; людей ломающа на древо вешаху, и в рот зелье сыпаху и зажигаху, и на огне жгоша без милости. Женскому-ж полу сосцы порезоваху и веревки вдерговаху и вешаху, и в таиныя уды зелья сыпаху и зажигаху и многими различными муками мучиша и многия грады разориша и многия места запустошиша» (Лет. о мн. мят. 304). После усмирения воровских казаков в Поволжье некоторое время продолжались еще набеги и грабежи возмутившихся татар и луговой черемисы. В 1615 г. для розысков над ними были посланы в Казань боярин князь Григ. Петр. Ромодановский и думный дворянин Кузьма Минин, а в Астрахань кн. Ив. Мих. Барятинский и дьяк Иван Сукин. (Дворц. Разр. I. 208.) После розысков в Казани Ромодановский и Минин в том же году поехали обратно в Москву, и во время этого обратного пути скончался знаменитый Кузьма Минин (Изборн. Ан. Попова. 363). О разных льготах и царских пожалованиях его братьям, вдове Татьяне и сыну Нефеду в 1615 и 1616 гг. см. Акты Эксп. III. №№ 71, 83 и 85. В 1616 г. в Суздальском и Владимирском уездах заворовали боярские холопы и беглые люди; дворян и детей боярских стали убивать, крестьян жечь

и грабить. Против этих разбойничьих шаек были посланы князь Дим. Петр. Лопата Пожарский и костромской воевода Ушаков. (Разряд. кн. 7124 г. 52, 53.) Относительно ногайского князя Иштерека, его сыновей, племянников и мурз см. царские им подарки камками, соболями, сукнами и пр. в приходо-расходных книгах Казенного Приказа 1613—1614 годы (Рус. Ист. Библ. IX. 308—320). Ардашева: «Из истории XVII века». (Журн. Мин. Н. Пр. 1898, июнь). Здесь обследован поход черкас в северные области, именно полковников Барышпольца и Сидорки в 1613—1614 гг. Этот отряд малороссийских казаков, отделившийся от гетмана Ходкевича, действовал иногда в связи со шведами Якова Делагарди и временами как бы поступал к нему на службу. О движениях черкас и русских воров с. также «Отписку игумена Кириллова монастыря» в 1614 г. (Чт. О. И. и Д. 1897.II). О двух посольствах Михаила Феодоровича к шаху Аббасу в 1613—1614 и в 1615—1616 гг., Тихонова и Брехова, в Трудах Восточ. Отделения Археол. Общества. Т. XXI. СПб., 1892. Взаимные подарки Царя и Шаха см. в Дополн. к Дворц. Разр. Чт. О. И. и Д. 1882. I. Временник Об. И. и Др. № 4: «Книга Сеунчей 123 года». (Тут награды за сеунч или известие воеводским гонцам деньгами, шубами, кубками, камками, мехом и пр.)

2. Акты Эксп. III. №№ 46, 76. Акты Ист. III №№ 52, 53, 284. (То же в С.Г.Г. и Д. III. № 34). Дополн. к Акт. Ист. II. №№ 3—24, 30—32, 42—47. (В № 47 замечательно судное дело о пропуске посадских людей из Новгорода одним боярским сыном, стоявшим на карауле у Славянских ворот, весною 1616 г. Делагарди осудил его на смерть, но по ходатайству митрополита смертную казнь заменили торговою, т.е. кнутом.) Акты Москов. Государства. I. №№ 52—61, 64, 66—69, 71, 73, 76, 78, 80, 82. Дворцов. Разр. I. 171, 172, 283. Полн. Собр. Зак. I. № 19 (Текст Столбовского договора). П.С.Р.Л. III. 267—273 и в прибавлениях «Сказание» об осаде Тихвинского монастыря. Никон. л. Лет. о мн. мятежах. «Повесть о прихождении Свейскаго краля с Немцы под город Псков». Сообщена М. Семевским (Чт. Об. Ист. и Др. 1869. Кн. I.). Лыжина: «Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие». СПб., 1857. — Не особенно важно как исследование, но ценно по своим приложениям, которые занимают большую половину книги и представляют разные документы, относящиеся к переговорам и событиям. Аделунга: «Uebersicht der Reisenden in Russland» (Гутериса описание Голландского посольства в Россию и Пальма—донесение шведского посольства о пребывании в Москве. См. Чт. О. И. и Д. 1863. IV). Гейера: «Geschichte Schwedens». III. Галленберга: «История Швеции в правление короля Густава Адольфа Великого» (Svea Rikas Historia under Konung Gustav Adolf den Stores regering). Якубова: «Россия и Швеция в первой половине XVII в.». Сборник материалов, извлеченных из Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д. и Шведского Государст. Архива. 1616—1651 гг. (Чт. Об. Ист. и Др. 1897 г. Кн. 3). Первый отдел, относящийся к царств. Мих. Феод-ча, заключает: 1) Переговоры в с. Дедерине 1616 г.; 2) Переговоры в с. Столбове 1617 г.; 3) посольство кн. Барятинского в Швецию в 1617—1618 гг.; 4) отправление туда же гонцов в 1618 г.; 5) приезд в Москву Густава Стенбука с товарищами в 1618. Того же К.И. Якубова «Русские рукописи Стокгольмского Государ. Архива» (Ibid. 1890. I и IV). В помянутых выше приходо-расход. книгах Казен. Приказа на стр. 212 находим пожалование стольникам и воеводам кн. Семену Вас. Прозоровскому и Леонтию Андр. Вельяминову за Тихвинское

сидение по серебряному кубку и по шубе из бархата и камки на соболях с серебряными золочеными пуговицами.

3. С.Г.Г. и Д. III №№ 7 (Грамота Сигизмунду от Земской Думы в марте 1613 г.), 8 (Роспись послов и разных людей, задержанных в Польше), 9 (письмо Николая Струся к королю), 13 (ответ панов-рады Земской Думе), 15 (из наказа Ушакову и Заборовскому, посланных к императору Матфию), 24, 25, 26 (грамоты, посланные с Фед. Желябужинским в декабре 1614 г.). На грамоте от Боярской Думы к панам-раде (1 — 24) подписи с печатями одиннадцати бояр, с кн. Ф.И. Мстиславским на первом месте и кн. Д.М. Пожарским на последнем. Затем следуют подписи пяти окольничих, крайчего, думного дворянина (Кузьмы Минина), постельничего и двух дьяков. Далее №№ 36 (1617 г. октября 18, наказ Д.М. Пожарскому относительно обороны Калуги), 39 (Грамота Владислава россиянам в августе 1618 г.), 40 (Земский Собор в Москве, 1618 г. 9 сентября, относительно обороны против Владислава, с расписанием осадных воевод и ратных людей), 41 и 42 (о сборе рати в Нижнем и во Владимире на помощь Москве), 43 (о встречах Филарету Никитичу), 45 и 46 (чин поставления его в патриархи и утвердительная грамота Феофана). Тот же чин поставления в более обширном виде и с «известием о начале патриаршества в России» в Дополн. к Акт. Ист. II. № 76. Акты Ист. III. №№ 4, 7 (о ссылке изменивших литовских людей Хмелевского и Староховского в Верхотурье), 72 (окружная грамота Владислава о его правах на Московский престол, в декабре 1616 г.), 77 (об Ададурове в Верхотурье. Ему с женою и детьми велено давать по 2 гривны в день на содержание, в июле 1619 г.). А в след. 1620 г. этот Ададуров, по милости к нему Филарета Никитича, переведен из Верхотурья в Казань (ibid. № 89). Вероятно, в его поведении были какие-либо смягчающие обстоятельства. Акты Запад. России. IV. №№ 208 — 210. Акты Арх. Эксп. III. №№ 12, 92, 94, 97 — 99, 227 и 320. (Тут увещательные грамоты от московских воевод к русским людям, служившим в литовских полках.) «Подлинные свид. о взаимных отнош. России и Польши». Изд. Муханова. 1843.

Книги Разрядные. I. На столб. 606 — 608 приветственные речи М.Б. Шеину, дьяку Т. Луговскому и прочим воротившимся пленникам, с спросом о здоровье. Разрядные книги 7123 — 25 гг. (Времен. Об. И. и Др. Кн. 1, 2 и 3). Дворцовые Разряды. I. Тут на 125 столбце известие о поведении второго воеводы под Смоленском кн. Троекурова. По донесению Дм. Мам. Черкасского, Троекуров перестал заниматься делами по следующему поводу: Михаил Пушкин, которому было поручено собрать дворян и детей боярских украинных городов на государеву службу, пришедши под Смоленск, отдал списки собранных им людей одному князю Черкасскому, считая, что ему «отводить людей к Троекурову невместно». Из Москвы прислали увещание Троекурову «в бесчестие себе того не ставить». Столбцы 354 — 383 (Владислав под Москвою и Деулинское перемирие). Акты. Моск. Гос. Т. I. СПб., 1890. №№ 62, 63, 65, 77, 79, 81, 83, 84, 93, 109 — 121. (Любопытны №№ 81 и 83, содержащие расспросные речи о состоянии русского осадного войска под Смоленском, а также о количестве и состоянии польского войска, в апреле 1614 года). Сборник Муханова. №№ 113 и 114 (Речь архиепископа Гнезненского и ответ Владислава). Historica Rus. Mon. II. Append. № XXIV (Грамота Владислава дяде своему Римскому императору, 1617 г.). Дела Польские в Архиве Мин. Ин. Д. №№ 29 и 30, по ссылке С.М. Соловье-

ва в 5 прим. к Т. IX. См. его же «Острожковские и Подмосковные переговоры». Документы, относящиеся к мирным переговорам с поляками в 1618 г., возвращение Филарета и поставление на патриаршество также у Иванова в «Описании Госуд. Разряд. Архива». М., 1842. 283—301. О тех же дипломатических актах см. Бантыш-Каменского «Переписка между Россией и Польшей». Чт. О. И. и Др. 1862. Т. IV. Об участии Иерусалим. патриарха Феофана в доставлении Филарета см. в Православном Палестинском Сборнике (Вып. 43. СПб., 1895): «Сношения патриарха Феофана с русским правительством» Каптерева. Виленский Археограф. Сборник. IV. № 46 (1614 г. Письмо литовских пленников из Нижнего Новгорода гетману Ходкевичу о том, что царь никаких денег за них не возьмет, а требует освобождения своего родителя из польского плена). Письма Ив. Ник. Романова из Москвы к Филарету Никитичу, находившемуся в польском плену с указанием на письма к нему же от Ив. Бор. Черкасского и братьев Салтыковых. Извлечено из Скуклостерского семейного архива в Швеции Чумиковым (Чт. О. И. и Др. 1869. Кн. I). Шуйские Акты, изд. Гарелиным. М., 1893. №№ 14 и 15, относящиеся к нашествию Владислава и разорению от черкас. Никонов. лет. VIII. Лет. о мн. мятежах. (В них на стр. 220 и 312 неудачу переговоров под Смоленском летописец приписывает думному дьяку Петру Третьякову, который будто бы не послал своевременно полного государева указу московским уполномоченным). Голикова «Дополнение к Деян. Петра В.». II, стр. 441. Книга об избрании на царство Мих. Феод-ча. М., 1856. Изборник Ан. Попова. 363—367. Временник. Кн. 4 (Поместные дела), кн. 5 (Смесь. 1 стр. о награде Ф.И. Шереметеву за Деулинское перемирие), кн. 16 (Иное сказ. о Самозванцах. 143—146. Чудеса св. Сергия, относящиеся к нашествию королевича Владислава. Авраамий Палицын. Маскевич. Коборжицкого Histiria Vladislai — usque ad excessum Sigismundi III. Dantisci. 1655. Извлечение из него в русском переводе «О походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава в Россию» (Сын Отечества. 1842. № 4). Об осаде г. Михайлова Сагайдачным современное сказание. Киев. Стар. 1885. декабрь. (Извлечено из Рязан. Губ. Вед.) Для участия в польско-русских отношениях 1618—1619 гг. боярина Ф.И. Шереметева см. обстоятельный труд А.П. Барсукова: «Род Шереметевых». Кн. II. СПб., 1882.

4. Акты Эксп. III №№ 3—5, 31, 36 и 37 (две грамоты, судная и уставная, для Устюжны Железнопольской, обе от 5 июня 1614 г.), 43, 48, 55 (ушедшие из Москвы бараши), 64, 68, 70, 78. Акты Истор. III. №№ 2, 3, 56, 62, 67 (Старцу Дионисию Голицыну отдано сельцо Никольское, взятое у царицы старицы Дарьи, бывшей жены Ивана Грозного, Колтовской, а ей даны другие деревни), 68 (Никита Строганов, проживавший на устье Орла, у какого-то Якова Литвинова отнял его животы, в том числе 100 рублей, которые Литвинов «взял на зяте своем за убитую свою дочерь Усолья Камского на жильце на Семейке Серебреницыне), 73 и 79. Дополн. к Акты Ист. II. № 17. Тут донесение 1614 года белозерского воеводы Петра Чихачева и дьяка Шостака Копнина относительно сбора посошных денег и хлеба на жалованье стрельцам. Со всего Белозерского уезда «по разводу» приходилось, кроме посада Белоозера, 1219 р. 22 алтына, а хлеба 1208 четвертей ржи, то же и овса. Но по случаю разорения от Литвы, черкас и русских воров собрали только около половины. С посада Белоозера приходилось 80 руб. 11 алтын, ржи 79 четвертей с осьминою и полчетверти и столько же овса. Посадские

дали 50 руб., а хлеба совсем не дали. Когда же воевода с дьяком велели те недоимки править с двух земских старост и с посадских, то «они на правеж не дались, а велели звонить в набат и хотели (воеводу и дьяка) побить». При том из 200 стрельцов, «прибранных» на Белоозере, сорок человек, получив денежное и хлебное жалованье, сбежали к казакам, несмотря на круговую по них поруку. Ответную грамоту на это донесение см. Ак. Эксп. III. № 43. Посадским людям за сопротивление велено учинить наказание; для сбора четвертных доходов посылается на Белоозеро Никита Беклемишев. В следующем 1615 г. воеводою здесь встречаем Ивана Головина, а дьяком Луку Владиславлева. Из царской грамоты к ним, вызванной донесением Беклемишева, видно следующее. Прежним воеводе и дьяку (Чихачеву и Копнину) велено наблюдать, чтобы дозорщик для сошного письма дворцовые и черные земли, розданные в мелкие поместья и составлявшие малые сохи (360 четей), соединял в одну большую соху в 800 четей. А с патриарших, митрополичьих и монастырских вотчин, «по прежнему окладу», велено собрать четвертных денежных доходов по 175 руб. с сохи на запасы ратным людям. (Белоозеро принадлежало к Галицкой чети.) Но воевода Чихачев и дьяк Копнин не разрешали переписать дозорные книги и рук своих к ним не приложили, по челобитью белозерских помещиков, которые жаловались, что в соху кладено только по 360 четей. Посланный сюда сборщиком Никита Беклемишев утверждает, что это челобитье неправедное, и ссылается на дозорные книги Ивана Шетнева, по которым и в меньшие сохи кладено по 600 четей пашни, а иногда и более. Царская грамота подтверждает новым воеводе и дьяку, чтобы по дозорным книгам Ивана Шетнева означенные поместные и вотчинные земли клались в живущую соху по 800 четей. (Дополн. к Ак. Ист. II. № 39.) В 1614 году видим другой случай сопротивления. В Чердынь приехал князь Никита Шаховской для сбора даней, кабацких и таможенных денег. Когда же он хотел поставить на правеж «земских людей» за недоимки, то земский староста Михалко Цанков с товарищи и некоторые посадские не только не дались на правеж, но и прибили самого сборщика князя Шаховского. Царская грамота приказывает чердынскому воеводе Волкову и дьяку Митусову старосту Ванкова и прочих буянов «перед князем Никитою бив батоги нещадно, вкинути в тюрьму на месяц, чтобы иным так вперед не повадно было воровать». (Акты Эксп. III. № 48.) Любопытна, посланная тем же Волкову и Митусову, царская грамота, в июле 1615 года, о немедленном сборе «с Чердыни, с посаду и с уезду с осьми сох ратным людем за хлебные запасы» на тот год: «для дальнего привозу и крестьянские легкости», деньгами 1200 руб., и с сохи по полутора рубли за четь «с провозом». (Акты Эксп. III. № 72.) Это первый известный нам перевод стрелецкой подати хлебом на денежный налог, по 150 руб. с сохи. См. диссертацию П. Милюкова: «Государственное хозяйство России и реформа Петра Великого». СПб. ,1892, стр. 55. Здесь приводится еще пример 1616 года в Устюжской чети, где на соху приходится по 160 руб. (Со ссылкою на «Приказные дела старых лет». Главн. Моск. Архив. Мин. Ин. Дел.) В той же диссертации см. рассуждение о чрезвычайном сборе *пятой деньги*. Рассмотрев источники и разные мнения о ней, автор склоняется к тому, что это был налог подоходный, а не имущественный (стр. 59 – 63). Олеарий едва ли прав, говоря, что пятая деньга составляет пятую часть имущества (Чт. О. И. и Д. 1868. IV. 261); а вместе с ним и проф. Загоскин («Ист. права Моск. Госуд.». I. 162). Шуйские Акты.

№№ 12 и 31. (Жалобы на дозорщиков и сыщиков). Об указанных местнических спорах см. Дворц. Разряды. I. Столбцы 96, 97, 109—111, 120—123, 129. С.Г.Г. и Д. III. № 18 (приговор по делу Пожарского с Салтыковым).

Относительно созыва Земского Собора 1616 года имеем царскую грамоту от 12 января в Пермь Великую воеводе Волкову и дьяку Пустошкину. Эта грамота подтверждает прежде посланную с приказанием: «прислать к Москве для нашего великого и земского дела на совет пермич посадских летших и средних трех человек, добрых и разумных и постоятельных людей, тотчас не мешкая ни часу; а на Москве тем («выборным») людям велено явитись в Посольском приказе думному дьяку нашему Петру Третьякову» (Акты Эксп. III. № 77). Этому Собору 1616 года принадлежат соборные приговоры о взыскании денег со Строгановых на ратных людей (Акты Эксп. №№ 79, 80 и 81. В № 79 упоминается финансовая комиссия с участием в ней соборного старца Дионисия и кн. Д.М. Пожарского). Различные мнения о Земских Соборах того времени профессоров Беляева, Загоскина, Сергеевича, Чичерина. О том см. Латкина «Земские соборы Древней Руси». СПб. 1885. 155—174. Котошихин. Прибав. к Псков. лет. (Об ограничении власти Михаила боярами). Псковский летописец во всем обвиняет бояр, расхищавших царские села, «понеже неведомо бе царю, яко земские книги преписания в разорение погибоша». О преобладающем же влиянии Марфы на сына, до возвращения Филарета из плена, летописец прямо говорит: «боголюбивая его мати, инока великая старица Марфа, правя под ним и поддержая царство со своим родом». (II. С.Р.Л. V. 64.)

Какие обширные земельные владения захватили себе в Смутное время бояре и вообще сильные люди, видно из «Докладной выписки», составленной в 1613 г. вскоре после избрания Михаила. (Отрывок этой выписки, сообщенный А.П. Барсуковым в Чт. О. И. и Д. 1895. I.) Доклад этот назывался тогда «Земляным списком», как это свидетельствует «Указная книга Поместного приказа», изданная Сторожевым в «Описании докум. и бумаг, хранящ. в М. Арх. М. Юст.», Т. VI. (См. у него о составе этой Указной книги и как она слагалась после пожара 1626 г.). О хищениях боярских также в Пск. Перв. лет. (П. С.Р.Л. IV. 332) под 1618 г.: «Был в Пскове князь Ив. Фед. Троекуров и взял четвертой сноп на государя с монастырей и с церквей изо всякого хлеба на ратные люди, а села государевы розданы боярам в поместья, чем прежде кормили ратных». «Кормленая книга Костромской чети 1613—1627 гг.» Сообщ. Зерцаловым. Изд. Археогр. Комиссией. СПб. 1894. (Введение Лаппо-Дакилевского). О вымогательствах и притеснениях населению, свидетельствуют, напр., грамоты царские бежичанам, 1615 г., где говорится, как воеводы, приказные люди, посланники и гонцы незаконно взимали «кормы и многие посулы». (Чт. О. И. и Д. 1881. III.) О дворцовом хозяйстве в первые годы Мих. Феодоровича (1613—1614) любопытные подробности дают приходо-расходные книги Казенного приказа, изданные Археогр. Комиссией в т. IX Русской Истор. Библиотеки. Они дают указания на цены всевозможных товаров своего времени, на царских мастеров, их жалованье, награды разным лицам, поднесение подарков царю от торговых людей, иноземных и русских, и пр. Этими книгами, хранящимися в Архиве Моск. Оруж. Палаты, пользовался И.Е. Забелин для своих трудов о «Домашнем быте русских царей и цариц».

О деле Хлоповой: С.Г.Г. и Д. III. № 63. П.С.Р. Л. 65 и 66 (прямо обвиняет в этом деле Салтыковых и указывает на сопротивление Марфы возвраще-

нию Хлоповой). Рихтера: «История медицины в России». М., 1820. II, 121. Забелина: «Домашний быт русских цариц». М., 1869. 226 – 236. В 1616 г. упоминается вологодский воевода Иван Хлопов. (Сборник Хилкова, № 47.) Об исправлении книг и о деле архим. Дионисия: его Житие. М., 1816. Скворцова: «Дионисий Зобниковский». Тверь. 1890. Акты Арх. Эксп. III. №№ 166, 228, 329. Статья Казанского «Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете» в Чт. О. И. и Д. 1848. VIII. Рукописные материалы указаны в «Истории Рус. Церкви». Митроп. Макария. Т.IX. Отдел Междупатриаршества. Пожалованья по челобитьям Троицкого монастыря: Акты Эксп. III. №№ 1 и 11. Акты Ист. III. №№ 58 и 59. Доп. к А. Ист. II. № 37. Кириллово-Белозерский монастырь также выхлопотал себе право ведаться в одном Приказе Большого Дворца у Б.М. Салтыкова. О том грамота 1615 г. в Чт. О. И. и Д. 1885. II. В Известиях Рус. Археол. Инст. в Константинополе (II Одесса. 1897) в отделе Хроники «Потребник Московской печати», напечатанный при Михаиле Феодоровиче.

5. «Всероссийские патриархи: Иов, Гермоген, Филарет, Иоасафат I, с изображениями». Соч. Н. А. А. (Чт. О. И. и Др. 1847. № 3). О деле архим. Дионисия те же источники и пособия, которые указаны в предыдущем примечании Любопытна грамота 1633 года Новгород. митрополита Киприана игумену Архангельского монастыря: Святейший патриарх Филарет приказал отобрать и прислать к нему уставы, напечатанные при царе Шуйском, «для того, что те уставы печатал вор, бражник Троицкого Сергиева монастыря крылошанин, чернец Логин, без благословения святейшего брата его Ермогена патриарха и всего священного Собора». (Акты Арх. Эксп. III. № 118.) Отобранный устав был сожжен. О том в Рус. Ист. Биб. III. 902. («Опись келейной казны патриарха Филарета»), Митрополит Макарий в своей «Истории Русской Церкви» (Т. XI, стр. 47) говорит, что в этом случае произошло какое-то недоразумение: некоторые экземпляры устава уцелели, и в предисловии к сей книге сказано, что она благословлена и свидетельствована патриархом Гермогеном. Отпечатанные богослужебные книги рассылались по городам из Печатного книжного приказа, и за них взыскивались деньги с населения. См. относящиеся сюда акты в Чт. О. И. и Д. (1883. II), с обозначением цен. Напр., за *Шестодневец* 1 руб. 10 алтын, Часовник — 8 алт. 2 деньги, *Псалтырь следованная — 1* руб. 3 алт. 2 ден., *Евангелие напрестольное — 1* руб. 2 алт. и т.д. (Любопытна здесь челобитная тяглых крестьян Чарондской волости, чтобы с них денег не взыскивали, потому что у них в церквах те книги «наметные» уже есть.) Кроме оправдания архим. Дионисия, патриарх Филарет также соборне оправдал в 1621 г. вологодского архиепископа Нектария, которого митрополит Иона лишил сана и сослал в Кириллов монастырь. Там его содержали так строго, что не позволили причащаться в епитрахили; на что Филарет обратил особое внимание. (Чт. О. И. и Д. 1866. III.)

Перевод девицы Хлоповой из Тобольска в Верхотурье, а потом в Нижний и пересмотр ее дела: Акты Ист. III №№ 80 и 91. С.Г.Г. и Д. III. №№ 63, 64, 65, П.С.Р.Л. V. 66. Новый летоп. 187. Дворц. Разр. I. 622 – 639. Девица Хлопова умерла в 1633 году и «выморочный» после нее двор, принадлежавший прежде Кузьме Минину, был отдан князьям Черкасским, Ив. Борчу и Як.. Куденетовичу (Ак. Эксп. III. № 218. А в № 215, под 1632 г. говорится о смерти Нефеда Кузьмича Минина, после которого его вотчина село

Богородское с деревнями пожалована тому же князю Якову Куд. Черкасскому). Кстати, укажем на № 159, где жалованная грамота кн. Ив. Бор. Черкасскому в 1624 г. на село Павлов Острог с деревнями, на берегу р. Оки. Пожалование это от царя и патриарха состоялось в награду за разорение и гонение от Б. Годунова на кн. Бориса Канбулатовича, княгиню Марфу Никитичну и их сына Ив. Бор-ча, который сослан был в казанский пригород Малмыж, сидел там в тюрьме и мучился за Романовых «терпел лет с пять». Ивану Борисовичу царь делал подарки, считавшиеся наиболее драгоценными, именно мощами, т.е. частицами мощей. См. Дополн. к Дворц. Разр.1. 288. О сватовстве Мих. Фед-ча за границей проф. Цветаева: «Из истории брачных дел в царской семье Московского периода». М. 1884 г. Гл. IV и V. Со ссылками на документы Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Д., именно Дела Датские 1621 года и Дела Шведские 1622 г. См. также «Памятники дипломат, сношений с державами иностранными». II. № 14 и Ю.Н. Щербачева — Обозрение Датского Архива по отношению к России в Чт. О. И. и Д. 1893. I. Любопытно, что у наших послов в Данию, князя Львова и дьяка Шилова, были отобраны на государя подарки, данные им Христианом IV и состоявшие из серебряных кубков, стоп, рукомойников и пр. (Дополн. к Дворц. Разр. I. 310—314. Чт. О. И. и Д. 1882. II.)

Древн. Рос. Вивл. XIII. (Обряды первой свадьбы Михаила Феодоровича с Марьей Владимировной Долгорукой.) Акты Эксп. III. №№ 156 и 157 (Царская грамота тобольскому архиеп. Киприану и грамота ростов. митрополита Варлаама своему духовенству о бракосочетании царя с княгиней Долгорукой, о помиловании царицы Марьи на эктениях и молении о ее чадородии. Приведена и самая эктенья, по-видимому, приспособленная патриархом Филаретом.) Дворц. Разряды. Письма инокини Дарьи (Колтовской) из Тихвин. монастыря Мих. Феодоровичу с благодарностию за подарки, по случаю брака с княжной Долгорукой. (Письма Рус. государей. № 181. Духовную этой инокини, 1626 года, см. во Времен. О.И. и Д. Кн. 9. Смесь.) Милорадовича: «Царица Марья Владимировна» Русск. Арх. 1897. № 9. (Она будто бы была отравлена.)

О браке Мих. Феод-ча с Евдокией Лук. Стрешневой: Изборник Ан. Попова 208. Подробный чин бракосочетания в Др. Рос. Вивл. XIII и в С.Г.Г. и Д. III. № 72; также в Дворц. Разр. I. 763—788. Кроме того, есть особая лицевая рукопись с описанием сего бракосочетания. Хранится в Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Издана в Москве в 1810 г. Дополн. к Дворц. Разр. I. 435—444. (Тут любопытны царские подарки разным лицам и приношения новобрачным. Между прочим «веселым» или скоморохам, а также домрачеям и скрыпотникам дано по 4 арш. английского сукна «за то, что они были о государской радости вверху, тешили его государя».) Церковное распоряжение о молении за царя и царицу см. в Ак. Эксп., III. № 169, грамоту Новгород. митроп. Макария игумну Тихвин. монастыря; причем разрешается прислать старцев и слуг из монастырей с образами и дарами, но самому игумену ради «дальнего пути» не велено ездить. Лукьян Стрешнев тут назван просто «дворянином». И.Е. Забелин приводит следующее известие. Постельницы Евдокии Лукьяновны говаривали между собою: «не дорогаде она государыня; знали мы ее коли она хаживала в жолтиках (т.е. желтых чеботах); ныне-де государыню Бог возвеличил!» («Домашний быт рус. цариц», стр. 233). О том, что Евд. Лук. была сенною девушкою у Шереметевых, сообщает Страленберг: Das Nord und Oestliche Theil von Europa und

Asia. Stockholm. 1730. 211). Другое предание сообщает, будто она была какой-то знатной девицы, привезенной на царские смотрины. (Рус. Вест. 1811. № 1, стр. 8). Это предание, облеченное в сентиментальную повесть, под заглавием «Лукьян Степанович Стрешнев» помещено в Достопамят. повеств. о велик. госуд. и знаменит. боярах XVIII века. П. Львова. М., 1821. См. также А.П. Барсукова: «Род Шереметевых», III. 55.

О рождении Алексея Михайловича: Никон. Л. Лет. о мн. мят. С.Г.Г. и Д. III. № 79. Акты Эксп. III №№ 185 и 186 («Бог простил царицу нашу и великую княгиню Евдокею, и родила нам сына». Разрешается по сему случаю приехать в Москву «с окладными образы» священникам и старцам из тех монастырей, «из которых напред сего ездили»). Дворц. Разр. II. 40, 50 и 51. Роспись многочисленным подаркам, поднесенным новорожденному царевичу после крестин его родственниками, начиная с деда и бабки и кончая Анастасией Никитичной, супругой кн. Бор. Мих. Лыкова, потом боярами, боярынями, гостями, иноземными послами и пр. в Дополн. к Дворц. Разр. I. 562 и след. О троицком келаре Александре Булатникове имеем несколько известий: в Актах Моск. Госуд. II. № 195, в челобитье Божина Блудова говорится, что, когда он от бедности поступил в троицкие монастырские служки, то келарь Александр Булатников хотел его из служек отдать в холопы своему внуку князю Фадею Шаховскому и за его отказ посадил его в тюрьму; тогда он вынужден был дать на себя служилую кабалу князю Шаховскому. Это было в 1629 году (стало быть, в год рождения Алексея Михайловича), и только в 1641 г. он подал челобитную царю; после чего был освобожден от холопства. О князе Фадее Романовиче Шаховском, т.е. о его службе, см. Древ. Рос. Вивл. IX. 325. Вероятно, он приходился внуком А. Булатникова по своей матери. В том же 1641 г. в мае встречаем в Дворц. Разр., II 658, следующее: «послал государь в Троицкий монастырь переписывать после келаря Александра Булатникова» (следуют имена посланных лиц); очевидно, он в этом году оставил сию должность, и после него велено проверить монастырское имущество. Подобно своему предшественнику Авраамию Палицыну, он поступил в Соловецкую обитель, куда удалился по обету. Об этом имеем известие, относящееся к следующему 1642 году, в Актах Эксп. III. № 309; именно» грамоту царицы Евдокии Лукьяновны Соловецкому игумену Маркелу с братией о том, чтобы Булатникову «дали келью добрую, покоили и чтили во всем». «По нашему указу отпущен в Соловецкий монастырь на обещанье, бывшей Троицкой келарь, а наших царских детей восприемник Александр Булатников». Список дьякам и мамкам царевича Алексея Михайловича, его братьев и сестер см. Времен. О.И. и Д. (Кн. 9. Смесь). У царевича Алексея указаны два дядьки, Б.И. Морозов и Фед. Бор. Далматов-Карпов, и две мамы, Ирина Никитична Годунова, а после нее Ульяна Степ. Собакина. Кроме того, при нем, как наследнике престола, состояло до 20 стольников.

6. До нас дошли две царских окружных грамоты с изложением соборных постановлений о новой посылке писцов и дозорщиков, выборе сведущих людей и пр. Первая грамота от 3 июля 1619 года в Галич на имя губного старосты Перелешина (Акты Эксп. III. 105 и у Иванова «Опис. Разр. Архива» 302—304); вторая от 5 июля того же года в Новгород Великий воеводам князю Ив. Хованскому и Мирону Вельяминову и дьяку Третьяку Копнину (С.Г.Г. и Д. III. № 47). Они тождественны по своему содержанию; только в Новгороде велено произвести выборы *от каждой пятины* по два человека

от духовенства, дворян, детей боярских, гостей и посадских людей, следовательно от каждого класса по 10 человек. Был ли Земский Собор 1619 года продолжением собора 1615—16 и следующих годов или особым, о том разные мнения; см. Беляева («Земские соборы на Руси», 30 стр.), который отвечает утвердительно, Загоскина («История Права Моск. Госуд. I. 252) и Латкина («Земские Соборы Древней Руси», 167 и «Матер. для ист. Земских Собор. XVII ст.», 168), которые с ним не согласны. Об отсрочке соборосведущих людей с 1 октября по 6 декабря узнаем из (открытой проф. Дитятиным) царской грамоты, помеченной 9 сентября и написанной на имя устюжского воеводы Бутурлина (Рус. Мысль. 1883. Кн. 12).

О возвращении на прежние места жительства царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеву, в декабре 1629 года (Акты Ист. III, № 160). Воеводе предписано разыскать в Перми и Пермском уезде вятских людей, которые ушли с женами и детьми из городков Слободского и Шестакова и живут у пермских посадских и уездных людей, а в пермских писцовых книгах Михаила Кайсарова не записаны и притом живут не более десяти лет. Дело об них возникло по жалобе вятского воеводы Борзецова, который для сыску беглых должен прислать в Пермь вятских старост и целовальников. Жалован. грамота посадским Погорелого Городища в Акт. Ист. III. № 102. Две жалов. грамоты калужанам ibid. №№ 83 и 110. О книгах писцовых, дозорных, приправочных и др. у Иванова в *Опыте* историч. исследования о межевании земель в России, М. 1846, «Объяснение некоторых слов, встреч, в древних документах». Потом «Описание книг писцовых, переписных, дозорных» и пр. *Описании* документов и бумаг Архива Мин. Юстиции. Кн. 1. СПб., 1869. Опись писцовых книг и немногих дозорных, относящихся ко времени Михаила Феодоровича и хранящихся в Архиве Мин. Юстиции, см. также *Описания* кн. 2. СПб., 1872. О писцах и дозорщиках прекрасная работа представлена Лаппо-Данилевским в его «Организации прямого обложения». Гл. 2. Со ссылками, кроме печатных источников, и на неизданные архивные материалы. Далее: «Калужская книга 1617 года письма и дозору Бегичева и подьячего Пчелина». Реферат П. Симсона в заседании Калужск. Учен. Архивн. Комиссии 3 мая 1891 г. (Известия этой комиссии. № 1). Его же: «Калужский уезд во времена Михаила Феодоровича» (Известия. № 3. Калуга, 1894). «Список с ростовских писцовых книг церковным землям», 1629—31 годов, сообщенный А.А. Титовым в Чт. О. И. и Д. 1896. II. Шмелева «К вопросу о степени достоверности переписных книг». (Ж.М.Н. Пр. 1898. Июль. Реферат, читанный в Моск. Археогр. Комиссии 12 марта 1898 года). Факты относятся собственно к царствованию Алексея Михайловича; но тут указаны и случаи из эпохи предыдущей. Переписчики обыкновенно требовали у населения сказки, в которых оно само себя описывало; а потом эти сказки досматривали, т.е. проверяли, и тут часто оказывалось, что они были неточны. «Книга сошного письма 7137 г.» (1629), представляющая наставление, как производить описи по сохам, вытям, костям, как мерить поле и пр. (Времен. О.И. и Д. Кн. 17). «Сотная выпись города Дмитрова 7132 года» (1624.) Тут частые ссылки на «сказку старосты и выборных людей», (ibid. Кн.24). «О большом сыске поместных и денежных окладов стольников, стряпчих, дворян московских и пр. 1622 года», у Зерцалова «Акты XVI — XVII вв.». М., 1897. Чтобы проверить поместные и денежные оклады, часто ложно основанные на пожалованиях В. Шуйского и Тушинского вора, был назначен большой сыск,

порученный комиссии из окольничего Семена Вас. Головина, Юрия Игн. Татищева, Алексея Захар. Шапилова и дьяка Петра Микулина. Это есть составленная для нее инструкция. Сыскивать велено «книгами, и поместными столпами, и десятнями, а чего сыск не имеет и про то сыскивати им окольными и всякими людьми по государеву крестному целованию верою». Велено проверить и тех, которые были в Тушине, а говорили, что служили царю Василию и этою лестью справляли себе оклад, «или кому оклады были денежные с города, а ныне они те оклады справили себе в четверти». См. также помянутую выше «Указную книгу Поместного приказа» в VI т. «Описания докум. и бумаг М. Арх. М. Ю.». О десятнях см. Сторожева: в Словаре Брокгауза и Евфрона, XX; в «Описании документов и бумаг» М. Арх. М. Ю. VII и IX; «Тверское дворянство по десятням XVII века». Касательно составления разборных десятен дворянам и детям боярским еще Зерцалова «К вопросу о Десятнях» в Чт. О. И. и Д. 1891. I.

О противупожарных мерах Акты Ист. III. Стр. 91—92, 102—103 (№ 92. Дополнит, статьи к Судебнику). «Записная книга Московского стола». 1626—1627 гг. (Ист. Библ. Т, IX). Тут встречаем роспись объезжих голов на Москве, по частям города, для пожаров и всякого воровства. Образцы окружной грамоты областным воеводам о новой царской печати в С.Г.Г. и Д. III. № 70 и Акт. Эксп. III. № 162. Любопытное место этой грамоты: «а что у прежней нашей печати были промеж глав орловых слова, и ныне у новыя нашия печати слов нет, а над главами у орла коруна». Этот указ о печати служит подтверждением тех известий, которые говорят, что Михаил Феодорович при своем избрании подвергся ограничительным условиям. Но в сношениях с иностранцами, по-видимому, была и ранее печать со словом «самодержец», именно на грамоте 1618 г. в Любек. С.Г.Г. и Д. III. № 38. На эту грамоту обратил внимание еще Арцыбашев (III. 437. Прим. CXXXIX). О трезвонах см. в Русск. Ист. Библ. III. «Устав церковных обрядов, совершавшихся в Моск. Успен. соборе. Около 1634 г.». (Некоторые редакции этого устава были прежде изданы в Древ. Рос. Библ. VI и X.) Там же указ патриарха Филарета, «на каких панихидах употреблять золотую кацею». В Записной книге Моск. Стола 1626—1627 гг. нередко встречается, что Филарет Никитич назначает разных лиц. себе в стольники. По «Сметному списку» 1631 года видим, что у патриарха было 455 стольников, тогда как у царя 275 (Времен. Об. И. и Д. Кн. 4. Смесь).

В той же Записной книге любопытно следующее известие: по указу царя и патриарха «послан на Алатырь в государево опале Иван Граматин» под стрелецким конвоем. (Русск. Истор. Библ. IX. 440.) Не одного Граматина постигла опала в эпоху руководительства патриарха: около того же времени сосланы и некоторые другие лица, каковы Томило Луговский, Ефим Телепнев, дьяк Иван Мизинов и четверо князей Шаховских. Спустя несколько дней после кончины Филарета, царь Михаил «для блаженной памяти отца своего», велел воротить в Москву: Граматина из Нижнего, Луговского из Ростова, Телепнева из Пошехонья, Мизинова из Казани и князей Шаховских из понизовых и сибирских городов. (Рус. Ист. Библ. IX. 529.) Вина Шаховских состояла в том, что однажды, будучи в гостях у Илейки Бочкина, они затеяли игру: Бочкин и младшие Шаховские старшего из них князя Матвея назвали царем, а он их своими боярами. По доносу Андрея Голубовского, за такое «воровство» они были приговорены Боярской Думою к смертной казни; но «по прошению святейшего патриарха» царь эту казнь заме-

нил ссылкою с заключением в тюрьму (Ibid. 550). О строгом наблюдении Филарета Никитича за нравами свидетельствуют между прочим и следующие примеры: нижегородского церковного дьячка Семейка за найденные у него гадальные тетради, именуемые Рафли, он велел отдать скованным в монастырь на год на черные работы; сына боярского Нехорошко Семичева за блудное дело с рабынями своими двумя «девками», которые были между собою двоюродные сестры и с которыми «прижил семеро робят», послал под начало и для черной работы в Корельский Никольский монастырь; стольника своего Матвея Колычева за блудное дело, «что он беззаконством с женкою прижил трое робят», послал на покаянье в тот же Никольский монастырь и велел его «держать у себя под трапезою в хлебне скована до нашего указу и на братью ему мука сеять». (Акты Эксп. №№ 176, 177, 226).

Ко времени правительственного руководства Филарета Никитича относятся еще указы: во-первых, «о хлебном и калачном весу» 1626 года (Времен. Об. Ист. и Др., кн. 4); во-вторых, Ямскому приказу, 1627 года, о том, кому сколько подвод дается, смотря по чину духовному или светскому. Наприм., архиепископу 15 подвод, епископу 11, боярину 20 (столько же, сколько митрополиту), думному дворянину 12 и т.д. («Известие о дворянах Российских». СПб., 1790). Ямским приказом в это время ведал князь Димт. Мих. Пожарский. В следующем году мы находим его воеводою во Пскове. В конце обычного трехгодичного срока князь Пожарский и его товарищ князь Даниил Гагарин подверглись розыску по доносу о разных злоупотреблениях. Этот розыск или следствие производили их преемники кн. Мезецкий и Юшков. Главными пунктами обвинения были: присвоение себе в холопы и крестьяне литовских выходцев, незаконные поборы и налоги с посадских и уездных людей. Следствие продолжалось 8 месяцев; к допросу вызваны были как свидетели многие лица духовные, дворяне и дети боярские, стрельцы, губные старосты, городские и сельские сотские и старосты, дворцовые и церковные крестьяне и т.д. На допросах свидетели на обвинительные пункты большею частью отзывались незнанием, и только частию их подтвердили. См. «Следственное дело о кн. Д.М. Пожарском» в Чт. Об. И. и Д. 1870. Кн. 1. С предисловием Иванова, который, разбирая это дело, объясняет его обычаями кормления и вообще духом времени; причем указывает на то, что кн. Пожарский «сохранил до смерти расположение государя и, переведенный из Пскова, немедленно получил в управление Поместный приказ». Обвиняет он в излишнем усердии и самих следователей, т.е. новых псковских воевод. «Дела по местничеству», собранные Ивановым в Русс. Истор. Сборнике. Т. II и V. «Замечательные случаи по местничеству в царствование Михаила Феодоровича», извлеченные из Разряд. книги Д.П. Голохвастовым, напечатаны в Чт. О. И. и Д. 1848. № 9.

Один русский хронограф такими словами очерчивает Филарета Никитича: «Сей же убо Филарет патриарх Московский и всея Руси возрасту и сану был среднего, божественные писания отчасти разумел, нравом опалчив и мнителен, а владителен таков были, яко и самому царю боятися его, боляр и всякого чина царского синклита зело томляше заточенми не обратными и инеми наказанми, до духовного же чину милостив был и несребролюбив, всякими же царскими делами и ратными владел, а в грамотах и в челобитных писали имя его с вичем». (Хроногр. архиеп. Пахомия в Изборнике Ан. Попова. 316.) Патриаршество свое Филарет ознаменовал еще причтением к лику святых двух русских подвижников: Макария Ун-

женского, жившего в XV веке, и Авраамия Чухломского — в XVI в. Их обители находились в родном для новой династии Костромском краю. В том же 1620 году, когда совершилась канонизация преп. Макария был возобновлен и основанный им на Волге монастырь Желтоводский; возобновлен иноком Авраамием. По челобитью сего Авраамия, Филарет в 1628 г. дал мон. Желтоводскому несудимую грамоту, по которой десятильники и поповские старосты не имели права сюда въезжать, и в судебных делах монастырь ведался самим патриархом или кому он поручит. (Чт. О. И. и Д. 1866. III.) Духовная «строителя» Авраамия, 1640 г., заключает любопытные сведения об иконах, книгах, окладах и прочей монастырской и церковной утвари с обозначением цен (Времен. Кн. 2). Самому Филарету в 1625 г. дана царская жалованная грамота, которою увеличивалась его власть в патриаршей области или епархии (более 40 городов с уездами): его суду подлежали все дела духовные и гражданские, исключая уголовных. (А. Экс. III. № 164. С.Г.Г. и Д. III. № 72.)

7. О срачице Христовой: Лет. о м. мят. Никон, л. С.Г.Г. и Д. III. № 73. Акты Эксп. III. № 168. О приеме послов в Дворц. Разр. I и II. «О ходу в Персидское царство»: в 1623 году по указу царя и патриарха московский гость Федот Котов с 8 человек «ходил за море в Персидскую землю в купчинах с государевою казною» (Времен. Об. И. и Д. Кн.15). Любопытны его наблюдения над персидскими нравами. Бантыш-Каменского: «Обзор внешних сношений России». Две части. М. 1894 – 1896. С.Г.Г. и Д. III. № 51. (Похвальная грамота Сагайдачному за его извещение о победе над крымцами с посылкою ему 300 р.), 57 (Земский Собор 1621 г. о войне с поляками), 80 (о торговых пошлинах с иноземцев). Книги Разрядные. 1. 773, 785, 805, 824. Дела Моск. стола Разряд. приказа, приведенные у Латкина. 173. По поводу политических и церковных сношений со шведами и областями, уступленными Швеции. Акты Эксп. III. №№ 107, 108, 111, 179 — 184. Указанный выше сборник материалов Якубова с его предисловием, которое касается русских перебежчиков (Чт. О. И. и Д. 1897. Кн. 3). «Сношения России с Францией» (XVI – XVIII вв.). В.С. И-ва. М. 1893. «Обзор сношений между Англией и Россией в XVI и XVII столетиях». СПб., 1854.

О приготовлениях ко второй польской войне и московском войске: «Письма Рус. государей». М., 1848. №№ 371 и 378. (О заготовке в Новгороде хлебных запасов для наемных немцев, о беспорядках, драках и убийствах между ними и разрешении их полковникам действовать «по их немецкому праву»). См. в том же издании примеч. 38, касающееся найма 5000 иноземных солдат и покупки оружия. Наняты также инженеры, умеющие земляные города делать: Монсон, Шлиманнейфельд, Шхмасар, Шварт и пр. (на основании шведских дел Моск. Архива Ин. Д.). Суд полковников, однако, был подчинен главнокомандующему воеводе, а для докладу ему назначался особый русский чиновник или «судья». Дворц. Разр. II. 272. Зерцалова: «О верстании новиков всех городов 1136 года». Чт. О. И. и Д. 1895 и отдельно Дополн. Ак. Ист. II. № 58 и 59 (о присылке каменщиков и пр. для строения крепости в Вязьме и сборе денег с монастыр. вотчин за даточ. людей). Акты. Эксп. III. №№ 188, 193, 196, 199, 201 (о подобных же предметах). С.Г.Г. и Д. III. №№ 81 – 88 и 93: о посылке полковников Лесли и Фандама за границу для найма ратных людей и покупки оружия. Договор с Фуксом. Подробный список жалованья офицерам, рядовым, лекарям, священникам, даже палачу и

трем кабатчикам. Этот список показывает нам состав полкового штаба и нестроевой части у иноземцев (№ 87). О русских полках иноземного строя с поместными и кормовыми офицерами-иностранцами см. Акты Эксп. III. № 161. (1625 г. Упоминаются «иноземцы поместные» с ротмистрами Матвеем Халаимовым и Петром Гамонтовым и «кормовые» с Григорием Врославским), 206 (1632 г. Русские люди, «которые написаны к ратному учению в солдаты, пешие люди»), 208 (1632 г. О раздаче «денежной казны на жалованье и на корм немецким полковникам и их полков начальным людям, и русским, и немецким солдатам»), 236 и 237 (1632 г. Дети боярские, новокрещены, атаманы и казаки, «которые написаны в рейтарскую и в солдатскую службу»), 239 (1633 г. Перечисляют иноземцев старого выезду роты: Николая Мустофина, Прокопия Мишевского, Юрия Кулаковского, Григория Врославского, Михаила Жежборского, Лаврентия Красовского и Елизара Журавского — судя по фамилиям, все выходцы из Западной России; из них во время войны «Прошка Мишевский изменил, отъехал к королю». О том в след. №), 246 (1634. Тут имена восьми полковников-иноземцев; число русских полков обозначено 6, а число немецких 4; «урядниками» в русских полках указаны «немецкие люди». Тут же упоминаются «старого выезду иноземцы Гречане, Сербъяне, Волошане»), 287 (1639 г. «которые дети боярские наперед сего были в солдатской и драгунской службе»), 195 (1631 г. Грамота псков. воеводам о запрещении продавать соль за литовский рубеж), 197 (1632 г. Грамота тем же воеводам о запрещении покупать у литовских торговцев хмель, на который какая-то «баба-ведунья» наговаривает, чтобы «тем хмелем в наших городах на люди навести моровое поветрие»).

Акты Моск. Гос. I №№ 267—392 с перерывами. Тут, во-первых, сведения о вызове из областей беспоместных детей боярских к полковникам иноземцам для обучения ратному строю; «чтобы были собою добры и молоды»; о них велено в торговые дни чрез биричей «прокликати не по один день»; жалованья этим боярским детям назначалось по 5 руб., поденного корму по алтыну в день, да пищаль, порох и свинец из казны. Далее, о высылке новиков в Москву, о верстании детей боярских, о верстании денежными и поместными окладами казаков, которые поэтому называются «беломестными» или «жилыми», об отсрочке всяких исковых и судных дел служилым людям, пока минется их разбор, о снабжении украинных городов военными припасами, об отсылке обратно за море литвинов, поляков и прусаков, оказавшихся в числе наемных немцев, и т.д. особенно бросается в глаза обилие московских лазутчиков и литовских выходцев, с их расспросными речами, которые сообщали в Разряд все возможные сведения о положении дел и главных лицах в Польше и Литве. Например, в декабре 1631 года лазутчики донесли, что в Смоленске воевода Александр Гонсевский, а товарищ его Яков Воеводский, что гарнизону у них с небольшим 1000 человек, если не считать посадских; что бочка ржи стоит 6 золотых, а ячменю 2, но соль дорога, 60 алтын пуд, вследствие запрещения отпуска ее из московских городов; что, по разговорам литовских людей, в Москву едут цесарские послы, чтобы хлопотать о мире между Московским государством и Литвою. Этот слух оказался верен. Действительно, потом царь получил известие о прибытии австрийского посла на границу, и в марте отправил туда князя Гагарина; но вслед затем послан был отказ принять посла. Конечно, в Москве узнали, что это не столько посол, сколько лазутчик, что Австрия держит сторону Польши и желает развязать ей руки со стороны Москвы, чтобы иметь от нее помощь

против шведского короля, посол которого именно в это время прибыл в Москву. (Дело об этом неудачном австрийском после Атанашии Еоргицевском см. «Памят. Диплом. сношений». Т. III. 1 — 84.)

Некоторые вести лазутчиков оказывались или неверными, или преждевременными; так в том же донесении говорится о смерти Сигизмунда III и уходе королевича Владислава на Запорожье (№ 319). Из донесений лазутчиков видно, что поляки, смотря на близкий конец перемирия, очень опасались за Смоленск, что Гонсевский хлопочет о подкреплении, что в Москву хотели послать Льва Сапегу и Христ. Радивила с большим посольством для заключения мира, что их особенно тревожила весть о прибытии наемных немцев к царю, что королевич Владислав, будто бы, не надеясь получить Польско-Литовский престол, хочет засесть в Смоленске и отсюда «доступаться Московского государства» (№№ 324 и 326). Некто рассказывает, что при нем в Канев пришли из Москвы два немчина и один русский человек с листами к черкасам: «мелкие люди» черкасы прочли листы на раде и говорили, что они должны служить Московскому государю и что от поляков есть утеснение христианской вере; но что «лучшие люди» отговорили и пристали к полякам, московских же посланцев препроводили к гетману Конецпольскому, который русского велел убить, а немцев посадить в тюрьму (№ 328). Далее читаем, что в Москву намерены послать из Польши наемных немцев подговорить своих земляков, чтобы они не служили царю, что в Смоленск возят хлебные запасы и ссыпают в башнях (№ 329); что цесарь посылал запорожцам деньги, чтобы они шли к нему на помощь против шведов, но польский король их не пустил, говоря: ныне нам самим люди надобны» (№ 330). Один шляхтич, Заболоцкий, убивший на поединке своего товарища, бежал из Новгорода Северского от смертной казни за Московский рубеж в Севск, и здесь показывал между прочим следующее: стоя у дверей, он слышал, как читали королевскую грамоту к новгород-северскому коменданту, и в ней было сказано, что вместе с цесарским послом тайно ехал в Москву литовский посланец, конечно в качестве лазутчика (№ 332). Не всегда московские лазутчики счастливо кончали свое поручение: так поляки поймали двух переодетых стрельцов; в Смоленске их пытали и потом отослали к королю (№ 339). «Симбирский Сборник». Родословные Кикиных. №№ 6 — 9. (Военные приготовления на южной Украйне.)

Относительно чрезвычайных финансовых мер для войны с Польшею, см. Берхза к «Царств. Мих. Феод.». Приложения №№ XVI — XIX. (Грамоты в Сийский монастырь.) Акты Эксп. III. №№ 193, 211 — 214, 216. Тут две грамоты 1632 года о сборе пятинных денег и добровольных взносах, очевидно установленных Земским Собором, что подтверждается Дворцовыми Разрядами (II. 299): 11 ноября этого года в воскресенье государь и патриарх были в Столбовой палате «на соборе для денежного сбору ратным людям на жалованье». Конечно, этот вопрос уже ранее обсуждался на Соборе, который был созван в июне 1632 г. и на котором решено было воевать с Польшею. См. Бантыш-Каменского: «Переписка между Россией и Польшей». Чт. О. И. и Д. IV. 47; но вероятно здесь 1631 год ошибочно показан вместо 1632. (Он ссылается на Арх. Мин. Ин. Д. Польские столбцы № 625 — 1632 гг. № 4.)

Местнический спор кн. Б.М. Лыкова с кн. Д.М. Черкасским во Времен. О.И. и Д. Кн.7. Князь Лыков обвинял Черкасского кроме тяжелого нрава еще и в том, «будто им, князем Дмитрием, люди владеют». Назначение главных воевод, их отпуск, манифест о войне, наказ воеводам: Разрядн.

книги. II. СПб., 1855. 371 — 445. Акты Эксп. III. №№ 205 — 208, 251, 333, 334. Акты Моск. Гос. I. №№ 367, 389. Чт. Об. Ист. и Д. 1847. № 1. Сбор подвод и военного материала, подвоз и продажа съестных припасов: Акты Моск. Гос. №№ 349, 355, 360, 361, 365, 375, 376, 380, 391, 455. Дворц. Разр. II. 269 — 276, 287. Приложение на стр. 853: Разметный список количества запасов, которое каждый из дьяков обязан отвезти под Смоленск. Относительно денежной казны, отпущенной 2 сентября из Москвы на жалованье войску, есть разногласие: в Актах Эксп. (№ 208) сказано (восемьдесят восемь тысяч, а в Актах Моск. Гос. (№ 390) стоит 78 000. В августе на войско Шеина назначено 68.674 р. 16 алтын «на корм на три месяца русским и немецким солдатам и их начальным людям» (Ibid. № 370).

Эпоха Можайского и Дорогобужского сиденья Шеина, движение к Смоленску: Акты Моск. Госуд. I. №№ 376 — 477, с перерывами. Любопытно, что даточные и посошные люди иногда отождествляются и служат они по найму (№№ 420 и 421). Роспись, сколько нужно всякого платья для русских и немецких солдат. Так, на полки Лесли, Фукса и Якова Карла требуется по 1234 кафтанов шубных, 1234 пары ступней, 1234 пары чулок, 1234 пары теплых рукавиц (№№ 410 и 431); 2460 чулок вязаных «долгих, которые бы были за колено», заказано в разных городах, и уплата за них распределена между пятью четями: Новгородской, Устюжской, Костромской, Владимирской и Галицкой (№ 412). Посылка Животворящего Креста с частицами мощей Шеину, чтобы носил на себе, а на ночь снимал (№ 416). Посылка 49 железных цепей по 5 сажен длины, для смыкания наряду, 600 четвертей сухарей и 125 чет. толокна (№ 411). Донесение литовских выходцев, что значительная часть смольнян радеет государю; многие крестьяне Дорогоб. и Смоленск. уездов, с Балашом во главе, предлагают быть шишами, т.е. партизанами; смоленские зовут Шеина идти скорее, говоря, что в Смоленске мало ратных людей и проч. (№№ 440, 442, 443, 452 — 456). Отписки Шеина с жалобами на грязи, скудость запасов, побеги и проч. (№№ 415, 418, 445, 451). Капитан Ульф, сдавший Дорогобуж русским, выговорил своему гарнизону возвращение в Литву, с условием не служить против них, но 200 человек из этого гарнизона насильно поворотили в Смоленск (№ 457). Относительно выступления Шеина из Дорогобужа к № 458 обозначено 25 или 26 ноября, а в Дворц. Разр. 5 декабря (II. № 305). Повидимому, первое указание относится собственно к выступлению отрядов Измайлова, Фандама и Лесли; но они шли только в 10 верстах впереди Шеина; о чем в № 460. По донесению Шеина посланца Кондырева, главный воевода 6 декабря был в 18 верстах от Смоленска. Из смоленских выходцев особенно любопытно сообщение шляхтича Корнилова, который перебежал к Шеину с перехваченным им письмом Гонсевского в Витебск. По словам Корнилова, в ноябре 1632 года в Смоленске было только 1000 человек настоящего гарнизону, т.е. кроме посадских, и город был еще мало укреплен, и если бы Шеин вскоре пришел, то вероятно завладел бы им. Но Шеин продержал Корнилова в Дорогобуже шесть недель и перехваченное им письмо в Москву не послал. По донесению выезжего из Смоленска немчина Ричарда Стивенса, около половины января 1633 года в Смоленске, по прибытии некоторых подкреплений, гарнизону было 2090 человек, многие места в крепостной стене были еще не заделаны, и если бы Шеин из Дорогобужа поспешил, то «литовские бы люди Смоленск государевым людям сдали» (№ 477).

Относительно количества московского войска, поступившего под начальство Шеина в начале войны, см. Брикса «Geschichte der alten russischen Heereseinrichtungen von der fruhesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veranderungen. Berlin, 1867. По его исчислению, составленному на основании Разрядных книг (II, 385—390), у Шеина в Смоленском походе было 32970, т.е. около 33 000 человек. Зерцалов, на том же основании, вычисляет почти то же количество, именно 32 602, не считая некоторых частей, например, прибылого полка Плещеева. См. его «Мих. Бор. Шеин под Смоленском». (Чт. О. И. и Др. 1897. II. Смесь.) Но все эти вычисления мы считаем далеко неточными. Показания даже официальных источников не совпадают. Между прочим, Разряд. книги приводят в данном случае шесть полков иноземного строя (будто бы заключавших более 14 000 человек). Но их под Смоленском было десять. Пришли они сюда не все в одно время. Странно, что в этих книгах, например, тут не упомянут полк Фандама, который подошел к Смоленску в передовом отряде. За всю эту войну, по словам русских летописей и хронографов, было выставлено в поле Москвою ратных людей до 1 000 000 и более. (Наприм., Лет. о мн. мят., 363, Изборн. Ан. Попова, 316.) Мы полагаем, у Шеина было менее или около 30 000 при его прибытии под Смоленск, т.е. до прихода Прозоровского, Нагово, Матисона, Карла Деэберта и других подкреплений.

Что война была начата именно по настояниям Филарета Никитича, о том имеем два независимые друг от друга свидетельства, русское и польское: 1. Хронограф архиепископа Пахопия (Ан. Попова Изборник, 316), также Бант-Камен. «Переп. м. Рос. и Пол.» со ссылкою на Ростов. лет. (Чт. О.И. и Д. 1862. IV. 47); 2. изданный Рембовским, Dyaryusz woiny Moskiewskiej roku 1633. Warszawa, 1895. Стр. 82. Этот диариуш есть собственно сборник писем и актов с театра войны, писанных частию по-польски, частию полатыни. Главная часть их принадлежит Яну Москоровскому, служившему при вольном Литов. гетмане Хр. Радивиле.

Относительно 10 солдатских полков иноземного строя, в источниках ясно упоминаются 9 полковников: Лесли, Фандам, Фукс, Як. Карл, Росформ, Унзин, Кин, Матисон и Сандерсон. Так как Лесли командовал двумя полками, одним русским и одним немецким, то всех пехотных полков иноземного строя было десять. Замечательно, что имени Сандерсона нет ни в Актах Моск. Госуд., ни в Актах Археогр. Экспедиции; но оно встречается в Разрядных Книгах. II. 387. О нем см. Берха «Царств. Мих. Феодоровича». I, 175. II, 50 и «Царств. Алексея Михайловича». I, 172. Тут ссылка на слова английского посла Карлейля в 1663 г.: по этим словам, король Карл I ссудил царю Михаилу 40 000 рейхсталеров и дозволил ему собрать в Англии 3000 войска, которое послал под начальством Томаса Сандерсона — число войска во всяком случае очень преувеличенное. А на требования польского короля не оказывать помощи Москве, Карл I отвечал, что с нею Англия ведет выгодную торговлю (ссылка Берха на Theatrum Europaeum, т. II, стр. 577; этого издания я не имел под рукою). См. также «Обзор сношений между Англией и Россией» (СПб., 1854): тут на стр. 61 сказано, что в 1623 г. 10 июня заключен между Мих. Феод-чем и Яковом I оборонительный и торговый трактат, вследствие которого преемник Якова, Карл I, по просьбе Михаила, прислал 40 000 рейхсталеров ссуды и войско с генералом Сандерсоном для войны с Польшей. Александр Лесли сначала попал в Москву в качестве военнопленного, захваченного под Смоленском в первую Польскую войну при Мих. Феод-че.

Потом он служил в Швеции у Густава Адольфа. В 1630 г. он уже в чине полковника вступил в московскую службу, снабженный рекомендацией Швед. короля. За ним последовал и его тесть капитан Товия Виггерсон или Унзин, который скоро был возведен в полковники, благодаря влиянию Лесли. Сей последний, как верный агент Густава Адольфа, немало содействовал Московской военной партии к возбуждению против поляков и добился поручения нанять полки за границей. (Исследование Д.В. Цветаева «Протестантство и протестанты в России». М., 1890. 371 — 375. Со ссылкою на Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. «Выезды в Россию 1630 года», №№ 1 — 4, 1631 г. №№ 2 — 11.) По «Сметному списку» 1631 г., «всего в Иноземном приказе иноземцев старого и нового выезду, и поручиков, прапорщиков, и всяких иноземцев 1608 человек». (Времен. Об. И. и Д. Кн. 4.) Это количество служилых иноземцев перед наймом полков за границей. По тому же Сметному списку в это время насчитывалось: бояр, думных людей, стольников, дьяков, жильцов и московских дворян 2325 человек; городовых дворян и детей боярских по спискам 24 656; стрельцов 19 540; пушкарей, затинщиков и засечных сторожей 3573; белопоместных и кормовых казаков 1694. Ibidem см. формы крестоприводных записей для Донских казаков и для иноземцев, поступивших на вечную или на временную службу.

8. Главные источники для подробностей Смоленской эпопеи представляют Акты Моск. Госуд. I, и отчасти помянутый выше Dyaryusz wojny Moskiewskiej. Затем следуют Вассенберга «Деяния Владислава IV», Разряд. книги. Акты Археогр. Эксп. III и т.д.

Акты Моск. Госуд. №№ 478 — 544. Тут, между прочим, шайка Балаша (№№ 478, 484 — 486, 504, 505 и пр.), расположение осадных частей и осадные работы (№№ 479, 480, 491, 496 и т.д.), Гонсевский и Радивил в Орше и под Красным и их посылки под Смоленск (№№ 481, 488, 495, 498, 501, 510, 511), бомбардирование и дальнейшие осадные операции (502, 506, 508, 513 — 527 и т.д.). О неудачных приступах см. Вассенберга и отрывок Розыскного дела (Ак. Эксп. III. № 251). Сбор даточных людей, наказы чиновникам, провожавшим Шарля Деэберта, и самому Шарлю, посланным из Москвы в течение июля 1633 г., жалобы Шеина на побеги, нети и недостаток посошных. (Ак. Эксп. III. №№ 222 — 225), Акты Моск. Гос. №№ 542—544.) Набеги запорожских казаков и крымцев и тревога в Москве (Ак. М. Гос. №№ 534 — 540. Ак. Эксп. № 231, Дворц. Разр. II. 333—340. Тут на стр. 333 и 339 хвастливые донесения от Шеина и Измайлова об удачной посылке под Красное.) Акты Ист. III. №№ 174 и 294. (О производстве жалованья двум лекарям иностранцам, посланным в полки к князю Прозоровскому, и роспись лекарствам, отпущенным из Аптекарского Приказа под Смоленск к полковнику Якову Карлу.) Любопытные материалы извлечены А.Н. Зерцаловым в Моск. Арх. Мин. Юстиции из расходной книги «Денежного стола бывшего Разряда». Они дают несколько новых подробностей. Наприм., ратные люди под Смоленском приносили неприятельские пушечные ядра, за которые им платили от 4 денег до 3 алтын, смотря по калибру; за отбитые мушкеты платили от 3 до 25 алтын. Тут же расходы на покупку рубашек, серы, воску, меди, вару и пр. «немецким людям для промыслу, чтоб под Смоленском зажечь мост». Далее расходы на покупку сальных свеч, дегтю, селитры, мышьяку, холста, масла, сала, нитей и проч.; «свечи к подкопному делу, а масло к огненному делу». Днепровский мост принимались поджигать неоднок-

ратно. Вознаграждение солдатам, отвезшим на себе пушечный наряд к большому острогу, по рублю на человека. (Помянутая выше статья «М.Б. Шеин» в Чт. Об. И. и Д. 1897, кн. 2.)

Помесячную роспись денег, посланных из Москвы Шеину, и количества съестных припасов см. у ген. Бранденбурга. Воен. Сборн. 1869, № 9, стр. 20—21. (Составлена на основании разрядов Смоленского похода по рукописи Имп. Публ. Библиотеки за № 169.) Ту же роспись см. в Разряд. кн. II. 445—451, где исчислено, сколько четвертей запасу доставили под Смоленск те или другие бояре, дворяне и дьяки, а на 506—508 распоряжение о доставке с церковных имений на их же лошадях, по две четверти ржаной муки с живущей чети пашни; а которые имения больше 500 верст от Москвы, с тех брали деньги за муку и подводы. Французский писатель второй половины XVIII века, Левек в своей, лишенной всякой критики, Histore de Russie рассказывает следующую басню: когда немцы пробили брешь в смоленской стене и готовились ворваться в город, Шеин не позволил им, говоря, что царь не для того высылал такую прекрасную армию, чтобы горсть немцев взяла город в несколько дней, и велел стрелять по ним из пушек, чтобы принудить их к отступлению (III.371).

9. Диариуш, изд. Рембовским. Вассенберг. Акты Эксп. III. №№ 229—231. Книги Разряд. II. Акты Моск. Гос. I. №№ 546—570. Тут известия о прибытии короля под Смоленск, указы о новых сборах даточных и посошных людей и отправлении их на театр войны, жалобы Шеина на опаздывание денег целым полмесяцем, челобитья Деэберта, что его конному полку выдают жалованье после пеших, челобитья донских казаков о прибавке корму, а дворян и детей боярских о перемене их наполовину братьями и племянниками, потому что обнищали, лошади их подохли, а слуги разбрелись. Кормовые дети боярские солдатских полков Лесли и Фандама просят прибавить жалованья и корму, «сверстать со старыми казаки». По сему поводу высчитано, что на четыре солдатские полка, Лесли, Фандама, Росформа и Унзина в 1632 году выдано жалованья 128834 р. В них рядовых русских солдат, с капралами, ротными подьячими и кабатчиками было 6610 человек. (А с шестью другими полками, указанными в Разрядн. книгах, выходит более 21000!). Указано прибавить корму по 2 деньги в день, в половине сентября 1633 года (№ 553). Нельзя не обратить внимания, что в числе этих четырех русских полков иноземного строя приводится и полк Фандама; хотя, как известно, им был набран иноземный полк; но очевидно Фандам, подобно Лесли, отправленный для сего за границу имел уже у себя под командою русский полк; а навербованный им за границей полк, вероятно, поступил под команду Сандерсона. Что у Шеина было 10 полков иноземного строя, это подтверждает и помянутый польский Диариуш. Далее идут донесения Шеина о побегах и нетях, распоряжения об отобрании у них части поместий или убавке денежного оклада, о спешной посылке подкреплений, известия о боярах 11 сентября на Покровской горе и 18 сентября у Архангельского монастыря и пр. Деэберт в своем челобитье о прибавке кормовых денег рассказывает о своей победе над поляко-литовцами 18 сентября, хотя несколько в преувеличенном виде (№ 570); однако он ближе к истине, чем рассказ Dyaryysz'a, приписывающий победу полякам (39—42, 45).

О посланце Гонсевского Спендовском в Смоленск с известием о прибытии короля и его плавании Днепром, говорят «Отрывки из дневника»

(Руск. Ист. Библ. т. I, стр. 731) и Dyaryusz w Mosk, 28 и 48; тогда как некоторые другие источники (наприм., Вассенберг) рассказывают легенду о том, как с этим известием отправили в Смоленск воина, наряженного кустом, и он, будто бы пользуясь лесистою местностью, пробрался в город сквозь русские линии. Эта легенда повторялась обыкновенно русскими писателями, напр., Никитиным в его «Истории города Смоленска». М., 1848.

10. Уже вскоре по возвращении Филарета Никитича из польского плена имеем известия о его частых болезнях. Так, в октябре 1619 года он пишет сыну: «А о том благодарю Господа Бога моего Иисуса Христа, что нас обоих (с великой старицей Марфой) посетил болезнию; а вам бы, Великому Государю, об наших старческих болезнях не кручинитися». По поводу той же болезни великая старица пишет Филарету: «писал еси, государь, ко мне, что тебе, государю свету моему, от немощи вашей от лихорадки есть мало полегче, и аз о том сердечно обрадовалася; а что по грехам ножка абольтна камчюгом, и о том зельно скорбела». Спустя лет десять в одном письме Филарета Никитича к сыну читаем: «у руки, государь, раны зажили, а опухоль еще не опала». А в письме его к царице Евдокии Лукьяновне о той же болезни говорится более подробно. «А генваря в 15 день, после вечернего пения, на молебне, впервые в тое больную руку взял служебный сулок, а до того времени никако было взять в тое больную руку сулка невозможно; а ныне, государыня, руке моей такожде, яко же в 15 день и в 16 день на праздник; а опухоль еще не опала». (Письма Рус. государей, 57, 61, 228, 240.) Запись о кончине его Дворц. Разр. II. 348. Хронограф Пахомия эту кончину ставит в прямую связь с неудачею Смоленского похода: «и абие патриарх впаде в великую скорбь по сем же и успе». (Изборник А. Попова. 318); только он ошибочно заставляет его пережить и самую капитуляцию.

Акты Моск. Госуд. I. №№ 571 – 639, с перерывами. Тут отписки Шеина, распоряжения о сборе беглецов и нетчиков о беглых казаках и детях боярских. Отписки Черкасского и Пожарского из Можайска, известия о Казановском и Гонсевском, заступивших путь к Смоленску, условия капитуляции, донесения Горихвостова и пр. «А кто с дороги сбежит и поворотится назад на Кострому, и тех нетчиков в Костроме велят *перевешать* (№ 611); это было бы единственное подобное распоряжение; может быть, следует прочесть: переписать. Князь Прозоровский предлагал не сдаваться королю, а испортить наряд, взорвать порох и «идти в отход», но Шеин его не послушал (№ 631). Акты. Арх. Эксп. III. №№ 236 – 248. (Указ Черкасскому и Пожарскому идти под Смоленск сменить Шеина в № 239). С.Г.Г. и Д. III. №№ 99 (Соборный приговор 29 января) и 101 (грамота нижегородскому Печерскому архимандриту, с упреком, что он прислал только 200 руб., тогда как в предыдущем году прислал 1000). Разряд. Кн. II. 557 – 636.

Dyaryusz wojny Moskiewskiej: фланговой обход короля, бой 9 октября, обложение Шеина и состояние польского войска (46 – 60). Эпизод о столкновении Лесли с Сандерсоном, переданный со слов одного англичанина, который перебежал из русского лагеря в польский после убиения Сандерсона (68 – 69). (Считаю этот рассказ более достоверным, чем другие версии, наприм., та, которая приводится в «Истории» Соловьева, т. IX, гл. 3). Эпизод о Петре Хенемане (62 и 71). Тут же приводится со слов Хенемана сказка о каком-то фокуснике англичанине, который в Москве обещал царю выставить конный полк и будто по его приказу рейтары в полном воору-

жении выскакивали из-под печки (63). О поимке Огибалова с грамотами, зашитыми в сапоги (73). Грамота, привезенная Воронцом в Москву (75—80. Содержание ее см. в «Переп. м. Рос. и Пол.» 53—54). Рассказы Воронца о настроении в Москве (81 и 82). Капитуляция Шеина и унизительные церемонии отпуска русской армии (102—110). Отрывки из Польского дневника в Ист. Библ. I (744—758). Вассенберг (107—128).

На гравюре Гондиуса особенно любопытна сцена капитуляции или преклонения русских знамен. (Эта сцена снятая, по моему заказу с гравюры, собственно для публичного чтения 4 апреля 1897 г., прилагается и в настоящей книге). На переднем плане группа верхом: здесь, во-первых, король Владислав и позади его королевич Ян Казимир; они в низких и широких шляпах с перьями; с левой стороны короля оба польные гетмана, Радивил и Казановский, с открытыми и подбритыми кругом головами; у одного из них в руках булава; за ними канцлер епископ Жадик с крестом на древке в руке и в круглом шлеме с маленьким крестиком на верхушке; потом три сенатора — обычные спутники и соглядатаи при короле — в хламидах с горностаевыми капюшонами. У ног королевского коня на коленах четыре русских воеводы в долгополых кафтанах, с непокрытыми головами и длинными бородами; за ними припал на одно колено, очевидно, полковник-иноземец, с палашом на боку и круглою шляпою в руке (по-видимому, Карл Деэберт); рядом с ним знаменосцы наклоняют три свернутые знамени, а три другие готовы наклониться; далее идут пешие отряды с мушкетами на плече и саблями на боку. Вдоль их пути выстроена польская пехота с развернутыми знаменами, с конными и пешими офицерами впереди. Голландец Гондиус, кажется, не был очевидцем сих событий, а работал по рассказам и описаниям. Во-первых, как мы сказали, у него преклоняют колена четыре воеводы; тогда как их было три: Шеин, Измайлов и кн. Прозоровский, а четвертого, больного князя Белосельского, везли в санях. Во-вторых, тут представлены оба гетмана; тогда как в действительности присутствовал один Радивил, а Казановский находился в ту пору с особым отрядом между Дорогобужем и Вязьмою. Впрочем, его присутствие на церемонии не объясняется ли условною любезностию, желанием не обидеть его, как участника Смоленской эпопеи? Большая гравюра, изображающая сцены этой эпопеи, состоит из 12 медных досок; кроме нее есть малая, состоящая из четырех досок, представляющая детальные планы осады, образцы укреплений и инженерных работ и т.п. Эти гравюры снабжены указателем или объяснительною брошюрою, которая переведена на русский язык: «Изображение атаки и обороны Смоленска 1634 года». СПб., 1847. Самые доски, увезенные из Варшавы Петром Великим, хранятся в Петербургском Военно-топографическом депо. Я пользовался экземпляром той и другой гравюры, принадлежащим Петербургскому Артиллерийскому музею и обязательно сообщенным мне генералом Н.Е. Бранденбургом. Тот же генерал составил наиболее обстоятельное описание Смоленской осады из всех известных дотоле описаний сего события. Первая половина этого труда была помещена в «Военном Сборнике» за 1869 год (апрель и сентябрь), а вторая осталась не напечатанной; но, благодаря любезности автора, я имел под рукою и эту рукописную часть описания. Вышедшим в 1890 г. первым томом Актов Моск. Госуд-ва отчасти успел воспользоваться покойный профессор истории Русского военного искусства в Николаевской Академии Генерального штаба Д.Ф. Масловский, в своей

небольшой статье о наших поместных войсках XVII столетия. Она помещена в Военном Сборнике за 1890 г. сентябрь. Относительно технической стороны Смоленской осады хорошим пособием служит труд ген. Ласковского «Материалы для истории инженерного искусства в России». Часть I, СПб., 1858, и приложенный к этой первой части особый атлас карт, планов и чертежей.

Зерцалова «Акты XVI – XVIII вв.». Тут кроме «М.Б. Шеин под Смоленском», есть между прочим сведения «о польских лазутчиках на Руси в 1633 — 34 гг.». Из них видно, что во время Смоленской осады поляки посылали лазутчиков в Можайск узнать о войске Черкасского и Пожарского, а также и в Москву; лазутчики эти были из русских людей. Ibidem еще о Земском Соборе 1634 г.; автор утверждает, что никакого особого Земского Собора по поводу крымцев не было, вопреки Латкину. Соборное определение 28 января 1634 года о пожертвовании всеми сословиями денег на жалованье ратным людям в Актах Эксп. III. № 242 и С.Г.Г. и Д. III. № 99.

Осада Белой между прочим описана в Диариуше, изд. Рембовским, и в польском же Дневнике или его отрывках, помещенных в Т. I Русск. Ист. Библиотеки. Переговоры и мир Поляновский: «Переписка между Рос. и Пол.» в Чт. О. И. и Д. 1862. IV. «Временник» 1850. Кн. 5. Смесь. Дворц. Разр. Условия Поляновского договора обстоятельнее всего изложены в «Переписке м. Рос. и Польшей». Польше уступлены на вечные времена следующие города: Смоленск, Белая, Дорогобуж, Рославль, Монастырское Городище (Муромск), Чернигов, Стародуб, Попова Гора, Новгород-Северский, Почеп, Трубчевск, Невель, Себеж, Красное и волость Велижская, со всеми уездами, военным снарядом, посадскими и пашенными людьми. Для размежевания спорных земель условлено выслать с обеих сторон по три человека к 22 сентября в пять пограничных пунктов; а для торжественного утверждения договора к 10 февраля будущего года обоюдно выслать послов в обе столицы. Послам вообще разрешено иметь при себе свиту в 100 человек с 150 конями, посланникам 30 человек и 50 лошадей, а гонцам 6 человек и 10 лошадей. В числе особых статей, предложенных поляками, находилось участие русских послов в выборе нового короля; причем Московский царь мог быть выбран на Польский престол с известными обязательствами. Но таковые статьи не имели серьезного значения, и русские послы отклонили их формальное внесение в договор. Награды Московским уполномоченным: Дворц. Разр. II. 373, 380 – 382. Временник. V. Смесь. 1 – 2. Барсукова «Род Шереметевых». III. 171 — 173. С ссылкою на портфели Малиновского в Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. Челобитная Волконского о пожаловании его за Белую и награды ему в Ак. М. Г. I. № 717. О ратификации Поляновского договора, выдаче гробов Шуйских, их встрече в Москве и приеме литовских послов, Песочинского и Сапеги, те же: «Переписка м. Рос. и Пол.», Дворц. Разр. и Барсукова «Род Шерем.». Кроме того, Pamiethiki Albrychta Stanislawa X. Radziwill. Poznan. 1839. Диариуш послов (Александра Песочинского и Казимира Льва Сапеги) к ц. Михаилу от к. Владислава в 1635 г., составленный секретарем посольства Петром Вяжевичем, в Археогр. Сборнике, т. IV. Вильна. 1867. № 51. Реляция тех же послов королю об их Московском посольстве. Ibid. № 52. По поводу встречи гробов Шуйских в «смирном платье», можем указать в Дворц. Разрядах (II. 512), относящееся к 1636 году, объяснение, в чем обыкновенно состояло смирное или траурное платье. «Была на Государе шапка казанская с пелепелы, а диади-

ма была меншая, платно бархат вишневой двоеморховой, на нем звездки золоты, на платне кружево низано. Бояре и окольничие и дворяне и стольники были в смирном платье: в охобнях объяринных, и в зуфных и темновишневых, и в багровых и в гвоздишных. Рынды были в вишневом платье. А были Государь и бояре в смирном платье для того, что до приходу (литовских) посланников к Москве за два дни не стало государыни царицы и великия княжны Софии Михайловны». Относительно Шуйских см. монографию варшав. проф. Д.В. Цветаева «Царь Василий Шуйский в Польше» (у меня оттиск монографии, еще неоконченной). О привозе его тела из Варшавы в Москву и погребение в Успенском соборе в IV ее главе.

Для судьбы Шеина главный источник это отрывок из Розыскного дела или собственно судебный приговор над ним и его товарищами в Акт. Арх. Эксп. III. № 251. Можно было бы весьма сожалеть о том, что это Розыскное дело пока не найдено вполне; ибо любопытно было бы узнать ответы самого Шеина и его товарищей. Но вновь обнародованные источники, особенно первый том Актов Моск. Гос-ва, т.е. акты Московского Разряда того времени, достаточно выясняют почти весь ход войны и Смоленской осады, и те искажения фактов, которые, по всей вероятности, Шеин приводил в свое оправдание, едва ли много прибавили бы этому выяснению. Важнее отсутствие свидетельских показаний. По хронографу Столяровскому, комиссия, назначенная для суда над Шеиным, «сыскивала ратными людьми, которые были с ним под Смоленском. И ратные многие всякие люди в сыску боярам сказали на боярина на Михаила Шеина и на Артемия и на сына ево Василья Измайловых многая их неправды, а к государю нераденье, а к ратным людям жесточь и утеснение». (Изборн. А. Попова. 373.)

Олеарий (кн. III, гл. 6) рассказывает следующее. В Москве неудачу Смоленской осады приписали измене Шеина. Когда войско воротилось, то оно прямо жаловалось на измену своего предводителя. Сначала жалобщиков не уважили и поступили с ними строго; тогда вспыхнуло восстание, и, чтобы утишить его, народу обещали казнить Шеина. А последнего обманули: сказали ему, что он только для виду будет выведен на казнь, но что в последнюю минуту его помилуют. Доверяясь сему обещанию и особенно слову патриарха, Шеин спокойно лег на землю; но ему тотчас отрубили голову. Сын Шеина в тот же день, по требованию народа, был до смерти засечен кнутом, а приятели его сосланы в Сибирь. Очевидно, или Олеарию кто-то сообщил неточные сведения, или он их потом спутал. Мы знаем, что сын Шеина был сослан и умер на дороге. (Впрочем, возможно, что предварительно он был сечен.) Хотя рассказ о народном бунте мало достоверен, а обманное обещание помилования того менее; но несомненно, что воротившиеся из-под Смоленска ратные люди обвиняли Шеина в измене и возбудили против него сильное общественное негодование, которое успокоилось только после его казни. Олеарий прибыл в Москву, спустя три месяца с несколькими днями после этой казни, и мог заметить общее настроение; здесь были еще свежи впечатления Смоленской катастрофы, и толки о Шеине как изменнике еще не замолкли. Также смутно и сбивчиво рассуждает об этом деле русский хронограф. Он напирает особенно на клятву или крестоцелование, данное Шеиным польскому королю перед своим отпуском из плена. (Об этой клятве упоминает и помянутый отрывок из Розыскного дела, т.е. акт официальный.) «Царь и патриарх, — пишет он, — впадоша в кручину и в недоверие о болярине своем Михаиле

предореченного крестного целования, такожде и боляре Московские уязвляющеся завистию и клеветами на Михаилу, такожде дохождаше слух и в полки к Михаилу, яко многи царю и патриарху наветуют на него такожде и в полках воздвизается на него ропот велик за гордость и нерадение его; он же от гордости своея на всех воевод и на немецких полковников нача злобитися и их бесчестити, ратных же людей оскорбляти, а с сопостаты битися и для конских кормов по селам не повеле отпущати и к Москве нача грубо писати, а с Москвы к нему грамоты прихождаху токмо со осуждением и опалою». «Приде под Смоленск сам Польский и Литовский король Владислав со многими гетманы и со всею своею радою, не зело же в тяжце силе, но в промысле усердие, и посылает к Михаилу Шеину и вспоминает ему крестное целование. Михаило же паки унывает и паки на ратных своих людей гневается и никакого промыслу не чинит многое время». (Из хрон. Пахомия. Изборн. А. Попова. 317 — 318). Далее у него патриарх Филарет умирает от скорби уже после капитуляции Шеина, хотя дата его кончины указана верно (только 2 октября вместо 1-го). Явные неверности вроде того, будто из Москвы Шеину писали все с укоризною и опалою, показывают, что составитель сего хронографа астраханский архиепископ Пахомий, писавший спустя лет двадцать после события, не имел о нем точных сведений и рассуждает на основании разных противоречивых слухов (сведения об этом хронографе см. у Ан. Попова «Обзор Хронографов рус. редакции». 236 — 242). Вообще обвинение Шеина в измене проникло почти во все русские источники.

По поводу официального выражения, что троим осужденным в Москве отрубили головы «на пожаре», укажу на заметку А.И. Бунина о значении слова пожар в старину (Археологич. Известия. 1898. № 5 — 6). Он объясняет это название вообще в смысле торговой площади, а в Москве так называлась Красная площадь и кроме нее Лубянская. К приведенным им свидетельствам присоединю еще одно: «ко пречистой Богородице Казанской, что на пожаре». (Выходы государей. М., 1844, стр. 115, под 22 октября 1643 г.).

О ссылке и смерти Ивана Шеина, о ссылке и возвращении в Москву кн. Прозоровского, Тимофея Измайлова, его сына Льва и сына Артемьева Семена Измайлова см. Акты. Эксп. III. №№ 335 — 349. О Тимофее Измайлове встречается сведение в «Записи. Кн. Моск. стола»: состоявший у Большой казны Тимофей был отставлен от службы уже в марте 1633 года. (Рус. Ист. Библ. IX. 525). Там же находим известие о подьячем Разрядного приказа Пятом Спиридонове: «за литовскую посылку» он переведен дьяком в Поместный приказ, получил 600 четей поместного оклада и денег 70 рублей (555). А известный Иван Граматин в мае 1634 г. назначен думным дьяком, ведавшем Посольский приказ, и вскоре пожалован печатником (558 и 559). Любопытна в той же Записной книге роспись больным ратным людям, оставшимся под Смоленском, а потом отпущенным в Москву. Имена их в издании пропущены; но судя по некоторым приведенным из числа служивших в полках иноземного строя, это все русские люди. Между прочим «Индрихова полку» (Фандама) пропущено до 90 имен, а приведены только двое: сын боярский Никита Котов и Андрей Левшин. (575). Но и отсюда ясно, что Фандама командовал не иноземным, а русским солдатским полком. Примером пограничных споров и беспорядков, наступивших тотчас за Поляновским миром,

может служить донесение из Комарицкой волости воеводы Ф. Пушкина о неправильном присвоении себе литовскими людьми села Олешкович (Времен. Об. И. и Д. Кн.4).

11. Пример благодушного отношения к поведению Шеина и объяснения наших неудач несостоятельностию русского войска, ненадежностию и неповиновением иноземцев и интригами бояр представляет «История»-Соловьева, т. IX, гл. 3-я. Он ссылается и на вышеприведенный хронограф Пахомия, хотя это довольно мутный источник; притом же, как мы указали, Пахомий главным образом приписывает неудачу не этим причинам, а тайной присяге, данной Шеиным королю. Вслед за Соловьевым боярской интриге против Шеина приписал неудачный исход войны и И.Е. Забелин в своей Монографии «Минин и Пожарский». (См. *Рус. Архив* 1872. № 5 и стр. 144 отдельного издания.) Особенно усердным защитником Шеина явился Зерцалов в указанной выше статье «М.Б. Шеин под Смоленском». (Чт. О. И. и Др. 1897. Кн. 2. Смесь), где он предположение Соловьева о боярских интригах, помешавших успехам Шеина, довел до крайности и почти все его неудачи объясняет именно сими предполагаемыми интригами. Главная причина подобных выводов заключалась в недостаточно подробном фактическом знакомстве с данными событиями; а между тем писатели, хорошо осведомленные с ходом и разными фазисами военных действий под Смоленском, уже и ранее неодобрительно относились к поведению Шеина и его способу осады; такова, например, вышеназванная монография ген. Н.Е. Бранденбурга. Ныне же после издания новых и обильных источников (см. выше) весь ход военных действий и поведение Шеина настолько выяснилось, что оправдывать бедственный конец похода какими-то боярскими интригами нет никакой возможности. Между прочим, защитники его ссылаются на причиненное будто бы ими постоянное голодание русской армии и недостаток боевых припасов. В действительности, как мы видели, наоборот, неприятели удивлялись огромным запасам всякого рода, которые они нашли в острожках и земляных городах, покинутых русскими. А недостаток съестных припасов произошел конечно тогда, когда Шеин допустил отрезать свои сообщения и очутился в блокаде.

Основанные на детальном изучении фактов, свои выводы о Смоленской эпопее я имел случай изложить на публичном чтении 4 апреля 1897 года. В заключение сего чтения я позволил себе привести аналогию между Шеиным и французским маршалом Базеном, который также своим бездействием и бесцельным сидением в Меце довел французскую армию до позорной сдачи. Любопытно, что и польские источники относятся к Шеину как к серьезному противнику, не выставляя на вид его позорного поведения; разумеется, для того, чтобы не умалить славу польских побед. Точно так же относятся к Базену немецкие известия и по той же причине. По поводу означенного моего чтения в печати высказаны некоторые возражения. Особенно резко отнесся к нему новый и крайний поборник догадки С.М. Соловьева, г. Оглоблин в статье «Правда о боярине М.Б. Шеине» (Историч. Вестник, 1898, июнь). Во всех и всюду он видит только одно: боярскую интригу против Шеина. Мой ответ на эту статью в Рус. Старине (ноябрь того же года).

О вооружении русской конницы той эпохи, т.е. дворян и детей боярских, любопытные подробности находим у голландца Гутериса. Всадники «имели лук, который во время езды висел у них на ремне около шеи, слева

колчан со стрелами, а подле него широкая сабля; справа под седлом виднелись длинное ружье, слева палаш, который так велик, что его можно было поднять только обеими руками; потом еще у седла укреплена пара пистолетов и к правой руке обыкновенно привешена короткая, толстая плеть». (Такое полное вооружение, конечно, имели наиболее состоятельные люди). Вообще знатные люди, по его словам, отличались великолепным убранством своих коней и имели у седла небольшой барабан (набат), «в который они во время езды прилежно ударяли». (Чт. О. И. и Д. 1863. V.)

12. О поставлении патриарха Иосафа в Изборнике Ан. Аотова. 318 и 428. С.Р.Л.Л. IV. 334. Дворц. Разр. II. 362, 363. С.Г.Г. и Д. III. № 105. Рус. Ист. Библ. IX. 551 – 552. Архим. Досифея «Летоп. Соловецкий». М. 1833, стр. 62. При сем патриархе дело Суздальского архиепископа Иосифа Курцевича, прибывшего из юго-запад. России, потом низложенного: Летоп. Густын. м. в Чт. О. И. и Д. 1848. VIII, и 1863. 1. Рус. Ист. Библ. II. № 166. Акты Эксп. III. № 249. См., между прочим, жалобу суздальских кожевников на грабительства и насильства сего архиепископа Иосифа в 1620 г. Чт. О. И. и Д. 1863. I. Патриарху Иоасафу принадлежат: «Память» или наставление поповским старостам о наблюдении за церковным благочинием, 1636г. (Ак. Эксп. III, № 264); «Лествица властем» или роспись, в каком порядке, какие архиереи и настоятели монастырей должны присутствовать на соборах, соборных богослужениях и при патриаршей трапезе (Досифея «Опис. Соловец. монастыря». III); смиренное послание к царю на вопрос его, что предпринять против Крымского хана, позволявшего грабить и притеснять Московских послов (Соловьева «Ист. Рос.» XI. Приложение, взятое из столбцов Приказа Тайн. Дел. Также в Зап. Рус. и Слав. Археол. II). По сему поводу, см. сообщение Зерцалова «Об оскорблениях царских послов в Крыму в XVII в.» Чт. О. И. и Д. 1893. III.

С.Г.Г. и Д. III. № 98 (от 4 октября 1633 года, через три дня по кончине Филарета послан в Чебоксары приказ о возвращении из ссылки М.М. Салтыкова). О кончине Ивана Никитича Юрьева или Романова в Др. Рос. Вивл. XX. 99 и в Нов. Лет., изданному кн. Оболенским в 1553 г. Первое приложение. (Он был погребен в Новоспасском монастыре). См. также таблицу членов семьи Романовых и их родства Н.Н. Селифонтова — тщательно составленная «Родословная» в Сборнике материалов по истории предков Михаила Феодоровича. (Ч. II. СПб., 1898. Издание Костром. Ученой Архивн. Комиссии). Дворц. Разр. II. 354, 366, 487, 650 (пожалованья в бояре). Указываем на производство в бояре помимо окольничества потому, что Морозовы и Шереметевы, кажется, не были в числе фамилий, имевших эту привилегию; исключение может относиться разве к князю Репнину. (См. Ключевского: «Боярская Дума». Гл. X.) Акты Эксп. III. № 187. Акты Моск. Гос. II. №№ 98 и 99. Дворц. Разр. II. 571. Акты Эксп. №№ 273 (Государев приказ взять из Тихвинского монастыря «на время» ратную сбрую), 274, 275, 284 (о даточных людях с монастырей. Упоминается Приказ сбору ратных людей), 291, 219.

О построении новых городов, засек и прочих укреплений: Акты Эксп. №№ 260, 261, 268, 270, 303 – 305. Акты Моск. Гос. III. II. №№ 8, 40, 57 – 224. Пособия: Беляева «О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украйне Московского государства». М., 1846. Е. Щепкиной: «Тульский уезд в XVII веке». Чт. О. И. и Д. 1892. IV. (Тут о засечных линиях и Завитае.)

Багалея: «Материалы для истории колонизации». Харьков, 1886. «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Моск. Госуд-ва». М., 1887. «Переселение Черкас из Польши в Моск. Госуд. до Алексея Михайловича». (Черкасы были поселены в Воронежском уезде, в Курске, Корочи, Кромах, Белгороде и т.д.) См. также «Царские грамоты на Корочу воеводам». Тут о черкасах, поселенных в Короче, в числе 400 человек. (Чт. О. И. и Д. 1859. II.) О живущей чети, между прочим, у Милюкова: «Государств. хозяйство России». 17 — 22. Со ссылкою на указы 1630 и 1631. (Указная книга Помест. приказа. Изд. Сторожевым.) Его же «Спорные вопросы финансовой истории Моск. Госуд-ва». СПб. 1892. 115 — 128. Это собственно рецензия на сочинение Лаппо-Данилевского об «Организации прямого обложения», в котором впервые указаны, помимо *сохи и двора,* еще на третью единицу обложения, именно *живущую четверть,* состоявшую из известного числа дворов, крестьянских и бобыльских. По толкованию г. Милюкова, живущая или платежная четверть означает распаханное поле и соответственное ему количество дворов, и подати брались только с распаханной пашни, «оставляя в стороне перелог и дикое поле».

В Актах Моск. Гос. II, № 192, находим любопытный приказ царя Ф.И. Шереметеву, чтобы прислал в село Покровское на Покровское поле «московских сотников и стрельцов Иванова приказу Головленкова, а для ученья с ними быть на Покровском поле немчину Ивану Ермису». Стало быть, тогда и стрельцов учили немецкие инструкторы. Для характера междубоярских отношений и местнических счетов заслуживает внимания случай в 1634 г.: боярин Борис Салтыков не хотел сидеть за царским столом ниже князя Юрия Сулешова, потому что он «иноземец». (Дворц. Разр. II. 363. О пожаловании Сулешовым имений в 1629 г., в том числе муромского села Карачарова, см. в Актах Эксп. III. № 332.) В параллель сему случаю укажем на углицких дворян и детей боярских, которые «всем городом» бьют челом царю, в 1639 г., чтобы велел выписать из дворового списка Ив. Шубинского, которого роду никто в этом списке не бывал, а бывали они в денщиках и в нарядчиках; «верстал» же его помянутый князь Юрий Яншеевич Сулешов; «пущен» он в дворовый список «не по отечеству своему и не по службе»; что они считают себе за бесчестье. Те же угличане бьют челом на Маракушева и Третьякова, которые неправильно «написали по выбору». (Времен. О.И. и Д. Кн. II. Смесь.) Князь Юрий Сулешов встречается и в «Сыскном деле о ссоре межевых судей стольника князя Вас. Ромодановского и дворянина Лариона Сумина». Межевыми судьями тут называются лица, посланные на разные пункты для совместного с польскими комиссарами размежевания границ после Поляновского договора. Ромодановский и Сумин действовали на Псковском порубежье. Здесь однажды они поссорились. Ромодановский «учал бранить (Сумина) матерны, называл его страдником» и хотел бить; а Сумин схватился за рукоять ножа, и укорял князя в том, что он один без товарища сносится с литовскими людьми. В пылу раздражения Сумин закричал Ромодановскому, чтобы он не воцарялся, подобно родственнику своему Д.М. Пожарскому, который будучи под Москвою, докупался государства и потратил на то 20 000. Отсюда возникло судебное дело; розыск о нем поручен был государем князю Юрию Сулешову. Привлечено было много свидетелей. Особое внимание розыска обратилось на слова Сумина о Пожарском. Но обе стороны путали и отказывались от своих слов. Дело это началось в 1635 году, а в 1640 оно все

еще не было кончено, т.е. царь не полагал своего решения. (Чт. О. И. и Д. 1848. № 7).

13. О Сибирской колонизации, управлении, ясаке и пр. Акты Истор. III. №№ 85 – 234, с перерывами. С.Г.Г. и Д. III. №№ 37, 53, 60, 67, 68. В № 60 грамота Филарета Киприану 1622 г. с указанием беспорядков. В том же году царская грамота верхотурским воеводам с указанием на те же беспорядки и с приказом не вступаться в духовные дела, а служилым людям подчиняться суду архиепископскому (Акты Ист. № 113). Расходы на поставление Киприана и царское ему жалованье см. в Дополн. к Дворц. Разр. I. 224 – 239. Для характеристики его см. «О неправдах и непригожих речах Новгор. митр. Киприана». Сообщ. Зерцаловым в Чт. О. И. и Д. 1896. I Акты Эксп. III. №№ 184 и 265. В № 184 царская грамота верхотурскому воеводе Даниилу Милославскому и дьяку Селетцыну о том, чтобы оказывать содействие таможенному и заставному голове при досмотре сибирских воевод и дьяков с их братьями, детьми и племянниками; чтобы они, едучи из Сибири в Москву, не могли провозить тайком дорогих мехов и чтобы торговые люди также этих мехов не провозили, записывая их на свое имя. Сию «мягкую рухлядь» семьи и родственники воевод, отправляясь в Москву, провозили в санях, каптанах, сумах, коробьях, чемоданах, в платье, постельях, подушках, винных бочках и даже в печеных хлебах, именно: соболей, лисиц, бобров и пр. Велено их выводить из саней и каптанов и накрепко осматривать даже в пазухах, штанах и в платье, куда зашивали меха. У торговых людей вещи и даже деньги заранее должны быть расписаны в так наз. проезжих грамотах, и что окажется на Верхотурской заставе лишнего, то отбирать на государя. Точно так же воеводам и дьякам запрещается привозить с собою в Сибирь какие-либо товары и торговать ими; особенно преследовалась тайная торговля вином и табаком. Кроме соблюдения царских таможенных доходов, при запрещении вывозить воеводам и дьякам мягкую рухлядь из Сибири, имелось в виду обуздать их ненасытное корыстолюбие и выжимание лишнего ясака от инородцев в свою пользу. Но подобные меры, очевидно, мало достигали своей цели. Относительно сбора ясака характеристичны слова служившего в Тобольске дьяка Третьяка Васильева в челобитной царю: «а до нас и после нас николи с Тобольских ясачных людей ясаку сполна не сбирывали; славен был Сибирскою службою (на воеводстве) боярин князь Юрий Яншеевич Сулешов, а и при том ясаку сполна не сбирывали». (Времен. Об. И. и Д. Кн.9. Смесь, стр. 4.) Ко времени тобольского воеводства Сулешова, к 1622 – 23 гг., относятся любопытные книги, приходная и расходная Туринского острога, помещенные в Актах относ. до юрид. быта. Т. II. №№ 142 и 143. Дополн. к Актам Ист. Т II. №№ 67 – 101. (Разные сибирские дела). См. также Оглоблина «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа». Ч. I. (Чт. О. И. и Д. 1895. II.).

Пособия: Фишера: «Сибирская история». СПб., 1774. Буцинского: «Заселение Сибири». Харьков, 1889. «Записки к Сибирской истории служащие». Др. Рос. Вивл. III. «Летопись Великоустюжская», изданная Трапезниковым под редакцией А.А. Титова. М., 1889. Здесь под 1630 г. говорится об отсылке из Вологды, Тотьмы, Устюга и Сольвычегодска в Тобольск поселенцами 500 мужчин и 150 женщин. В 1639 г. вновь несколько семейств послано в Тобольск, а в 1644 г. тоже несколько семей отправлено в Туринск; но, неизвестно почему, они поселились в Пермском краю на месте Екате-

ринбурга. Для Верхотурья см. исследование А. Дмитриева: «Верхотурский кремль и подчиненные ему крепости в XVII – XVIII вв.». Пермь, 1885. Грамоты XVI и XVII вв., относящиеся к городу Верхотурью. (Времен. О.И. и Д. Кн. 25.) Наказная грамота Соликамскому воеводе о владениях Ортемки Бабинова, проведшего и расчистившего Сибирскую дорогу, 1617 г. (Ibid. Кн. 20).

14. С.Г.Г. и Д. III №№ 108, 112, 113 (Земский собор по вопросу об Азове), 114, 114. Акты Моск. Гос. II. №№ 188 и 190. Тут донесение из Валуек воеводы Голенищева о вестях, которые приносили ему рассыльные станичники-казаки из-под Азова, осажденного турками, в июле и сентябре 1641 года. Число осаждавшего войска, преувеличенное до 250 и до 300 тысяч по «Сказанию», здесь показано таким образом: «стоит под Азовым крымских людей 40000, да Турских людей 40 каторг, акроме мелких судов. Да идут под город под Азов крымские мурзы с крымскими людьми 20 000, да турских людей идут под Азов морем 20 каторг» (№ 188). Войсковым атаманом при обороне Азова был Наум Васильев; во время приступа он смертельно ранен; на его место казаки выбрали Тимофея Лебяжью шею (№ 190). А в ближайшем к Азову Черкасском городке атаманствовал в то время Степан Иванов; из этого городка посылались в Азов подкрепления и партии лазутчиков для добывания языков, т.е. пленных неприятелей, которых расспрашивали под пытками; эти языки и были главным источником получавшихся в Москве, сведений о турецко-татарских войсках, стоявших под Азовом. Акты Ист. III. № 296. (Грамоты 1643 г. донских казаков, хотевших уйти на Яик. Тут упоминается Раздорный городок на Дону.) Взятие Азова и оборона его казаками послужили предметом особого сказания, которое вошло и в Летопись о мн. мятежах, и в хронографы. (Третья редакция. Изборник А. Попова. 392 – 394.) См. также «сказание об Азовском сиденьи, как Донские казаки сидели в осаде от турок во граде Азове, пять тысяч человек против триста тысяч человек». (Рус. Архив. 1898, № 8. Сообщено А.А. Карасевым.) Рассказ ведется несколько былинным тоном; написан, по-видимому, каким-то московским книжником, который риторично прославляет Михаила Феодоровича и Московское государство. Расспросные речи Донских казаков, Азовских сидельцев см. в Неофиц. части Донских войск. Вед. 1861 г. № 10. «О посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазаревского в Турцию в 1643 г.». «Наказ» ему и «Статейный список» сего посольства — С. Смирнова: Временник Об. И. и Д. Кн. 6, 8 и 9. Посольство было отправлено после очищения Азова казаками для восстановления мирных сношений с Турцией.

Об атамане Ивашке Каторжном упоминают в 1643 году указанные выше грамоты воеводам на Корочу. По его словам, он был казак белогородской; взятый в плен татарами, продан в Царьград на каторгу, и был на ней 12 лет; но вместе с товарищами побил сторожей и ушел из полону. Однако далее один короческий обыватель оспаривает его показание. (№№ грамот 4 и 9. Чт. О. И. и Д. 1859. II.) По-видимому, это одно и то же лицо с Ивашкою Семеновым Мошкиным, который в челобитной царю, в 1643 г., называет себя калужским стрельцом и рассказывает о том, как во время Азовского сидения под его предводительством 280 русских пленников на турецкой каторге возмутились и побили 240 турок, а 40 взяли живыми, и на этой каторге ушли в Сицилию. Вместе с Ивашкою и некоторые другие освободившиеся пленни-

ки бьют челом о вспоможении и призрении. Один из них, Якимка Быков, терпевший 40 лет то в литовском плену, то в татарской и турецкой неволе, просит постричь его в Новоспасском монастыре «без вкладу», т.е. без взноса какой-либо суммы или имущества. (Чт. О. И. и Д. 1894. Кн.2.) Происшествие с русскими пленниками на каторге подтверждается рассказом одного очевидца, итальянца. (Киев. Стар. 1883. Июнь. И тот, и другой рассказ перепечатан в «Мемуар. относ. к Ист. Южной Руси». Вып. 2. К., 1896.) В указанной книге «Чтений О. И. и Д.» напечатан сообщенный Зерцаловым, любопытный «сыск» про грамотку одного из детей боярских к его отцу в то время, когда в Москве шел Азовский вопрос. Из нее видно, что здесь было какое-то недовольство служилых людей боярами и пущена какая-то молва о намерении землею побить бояр. Грамотка эта, случайно попавшая в руки правительства, повела к большому розыску.

15. Акты Эксп. III. №№ 226. (О фальшивых монетчиках тот же акт в С.Г.Г. и Д. III. № 106), 278, 282 (о московской волоките). Акты Ист. III. № 204 (по делу бывшего чердынского воеводы Христофора Рыльского. Под № 194 см. грамоту ему, как чердынскому воеводе, о содействии двум московским чиновникам, посланным для поимки татей и разбойников; о разбойниках еще Акты Эксп. № 315 и Акты Юрид. № 52). К московской волоките: в 1639 г. подтверждено, что воеводам украинных городов разрешено судить иски до десяти рублей, а сверх того «судить на Москве в приказех». (Акты Моск. Гос. II. № 173. А в № 157 об отмене откупов разных мелких промыслов). Относительно кабаков и продажи питей вообще: Акты Ист. III. №№ 122, 153, 184, 185. Акты Эксп. III. № 146. Акты Юрид. № 28 (тут судное дело о корчемстве, 1615 г. В нем кабацкая цена ведра водки определена в 2 руб. 10 алтын), 60, 302. (Кстати: Ibid. № 227, цена пуда соли показана в 2 алтына 4 деньги). Прыжова: «История кабаков в России». 1868. Дититина: «Царский кабак Московского Государства». (Статьи по истории рус. права. СПб. 1896). Как пример, до чего доводило пьянство в кабаке даже знатных людей, укажем на челобитную князей Дм. Мих. и Дм. Петр. Пожарских (и тот, и другой при сем именуют себя «Митькою»): они жалуются царю на своего племянника Федьку Пожарского, который «по кабакам ходит, пропился до нага и стал без ума». (Времен. О.И. и Д. Кн.4.) А как пили и безобразничали в кабаках иногда сами чиновники, видно из донесения устюжского воеводы Петра Волынского, который посадил за то Офоньку Котельникова, но кнутом бить его не посмел, потому что он «на Устюге Великом в судейках». (Чт. О. И. и Д. 1883. I. Ibid. донесение того же воеводы, что два крестьянина вынули из гроба мертвеца и били его на правеже за ростовщичество.) Какие творились бесчинства около церквей и монастырей в храмовые праздники от пьянства, показывает челобитная новгородского хутынского архимандрита с братией, в 1632 г. На память чуд. Варлаама, приезжают кабацкие головы и откупщики и ставят под монастырем кабак, «и от того кабака ставится воровство, и душегубство, и крова, и драки, и продажи, и убытки великие, и в церковь ходят люди пьяные, и пакости чинят в монастыре и в церкви многие». (Чт. О. И. и Д. 1866. III.) См. также г. Оглоблина «Елецкая Явочная книга 1615—16 гг.» в Чт. О. И. и Д. 1890. II. В этой книге заключаются разрешения на домашнюю варку вина, по случаю поминок, свадьбы, крестин, именин, каких-то «бабьих каш» и т.д. Кроме того были явки по случаю общих праздников. Автор делает такой вы-

вод, что в начале XVII века у ельчан было мало праздников и что они не особенно были склонны к пьянству. Как кабацкие головы и целовальники завлекали слабых людей в пьянство, отпуская им в долг, см. Шуйские акты, изд. Гарелиным. № 57. Как дьяки пользовались обстоятельствами приобретать у военнослужилых людей вотчины за ничтожную плату или просто за судебную услугу, доказывает пример дьяка А. Дурова, завладевшего вотчиною рязанца Гвоздева во время Смоленского похода. Царь велел ему возвратить вотчину, а впредь запретил воеводам и дьякам покупать вотчины «на службах», т.е. в военное время. «Многие, будучи на службах, воруют, бражничают и для воровства вотчины на малые деньги отдают; проворовав вотчину, и впредь государю не слуга будет» (Акты до Юридич. быта древ. России. III. № 365). (Ibid. № 275. Соборный приговор 1620 г. о дворцовых селах и черных волостях, находящихся в завладении у разных лиц. Этот акт относится к примеч. 6.) Как игумны с братией обижали соседние небольшие женские монастыри, например, отнимая у них сенные покосы, и как чиновники, посылаемые межевать поместные и вотчинные угодья, обижали мелких помещиков, поступая вопреки наказам, о том см. «Костромская старица». Вып. 4. 83—88.

Любопытны челобитные дмитровцев, в 1638 г. чтобы у них вместо воеводы был по-прежнему губной староста. Государь исполнил просьбу. А спустя шесть лет те же дмитровцы просят, чтобы вместо губного старосты был у них опять воевода. Та же история повторяется в Кашине и некоторых других городах. («Дела о губных старостах и воеводах». Времен. Кн. 4). «Со 121 году (1613) при государе царе и в. кн. Мих. Феод-ча всея Руссия в городех учинены воеводы и приказные люди; а до 121 году при боярях и при царе Василье в тех городех воеводы были ж; а при ц. Фед. Ив-че и при ц. Борисе по 113 год по Ростригин приход в тех городех воевод не было; а были в них судьи и губные старосты и городовые прикащики». Далее идет роспись этим городам (Ibid. Книга 3). На это место см. замечание Градовского «История местного управления». 288—290.

О крестьянах и холопах: Акты Моск. Гос. I. №№ 550. II. №№ 13, 41, 143, 160, 184, 241. Акты Ист. III. № 213. Акты Экс. III. №№ 279 и 350. Назначение десятилетнего срока для выдачи беглых крестьян и бобылей в Акт. Эксп. (№ 360) отнесено к 1634 году. Но тут какое-либо недоразумение; так как указанная в тексте челобитная дворян и детей боярских, по которой назначен им девятилетний срок, относится к 1637 году (Акты Моск. Г. II. № 143). Как мелкие помещики стремились к закрепощению крестьян и как они негодовали на продолжавшиеся случаи вывода, а некоторые горько жаловались по сему поводу на насилия от приказчиков и крестьян такого сильного лица как Ив. Ник. Романов, о том см. архивное свидетельство в «Ист. России» Соловьева, в дополнениях к IX т. Эти жалобщики биты нещадно батогами и посажены в тюрьму, так как на повальном обыске их жалобу не подтвердили. Негодование же на вывод крестьян было так велико, что нашлись такие помещики, которые грозили выжечь вотчины у выводчиков и побить их крестьян, а себе искать «иного государя». Для отношений на монастырских землях см. подрядные в бобыли и в крестьяне. Акты Юрид. №№ 193—196. Для отдачи сел и деревень монастырям на помин души любопытна данная кн. Д.М. Пожарского Троицкому монастырю и духовная Юрия Токмакова в пользу обители Дионисия Глушицкого. Ibid. №№ 119 и 425. А как царское правительство помогало монастырям закреплять за

собою села и починки, появлявшиеся на их землях, для образца см. Акты относ. до Юрид. быта. Т. I. № 28. Для покупки вотчин у помещиков в патриаршее владение. Ibid. Т. II. № 147. А № 127 представляет несколько образцов служилых кабал, данных по займу за проценты. Как пособие Беляева «Крестьяне на Руси». Подчинение крестьян помещикам в эту эпоху выражается в жалованных грамотах следующею формулою: чтобы крестьяне «помещика своего слушали, пашни на него пахали и доход помещиков ему платили». (Истор. заметка о Бежецком верхе в Чт. О. И. и Д. 1881. III.) Для примера, как крестьяне бегали от помещиков в украинные места, записывались там в служилые люди и по требованию помещиков возвращались им, см. помянутые выше грамоты воеводам на Корочу. О правах наследования супругов см. Алексеева в Чт. О. И. и Д. 1868. Кн. 2. Владимирского-Буданова «Указная книга Поместного приказа».

Противупожарные меры постройки и книгопечатное дело: Акты М. Гос. П. № 139. Акты Эксп. III. №№ 290, 296, 302, 310, 317; в последней грамоте, 1642 года, предписывающей прислать из Пскова иконописцев для расписания Успенского собора, приведены имена или «роспись» четырех псковских иконописцев: «Богдан Никифоров, Абрамко Жданов, Савка Жданов, Терешка посадской человек». К тому же времени относятся сведения об иконниках и других мастерах, работавших над обновлением Успенского Собора, у Ив. Е. Забелина «Материалы для истории иконописи». (Временник Об. Ист. и Д. Кн. 7.) В 1627 г. при Успенском соборе упоминаются иконные мастера Федор Савин, Третьяк Гаврилов «с товарищи». См. «Материалы для истории г. Москвы», собранные тем же И.Е. Забелиным, изданные Моск. Город. Думою. Ч. I. 1884 г. В этих материалах находим много подробностей о расходах на исправление и украшение Успенского собора и других храмов столицы. Между прочим, например, такие сведения; в 1629 г. 30 октября «указал Вел. Гос. св. патр. Филарет Никитич сделати в соборную церковь Успения Пресв. Богородицы 300 антиминсов, и дано Холщового ряду Луке Ларионову за 51 арш. холстинные рубль 18 алтын с деньгою». Или в 1634 г. марта 27 «ключарю Ивану Наседке Ризы Господни к ковчегу на гойтан, на чем привешивают печать, 6 денег» (стр. 15 и 28). Иконные мастера иногда давали на себя «служивую запись» архимандритам и архиереям. Наприм. в Новгороде иконник Иван Дранишников известному Киприану, впоследствии митрополиту. (Времен. Об. И. и Д. Кн. 25.) Дворц. Разр. II. 328, 370, 522, 552, 583, 584, 643, 677, 734, 821 — 822. С.Г.Г. и Д. III. № 77 (о сожжении «на пожаре» Учительного Евангелия Ставровецкого и других подобных книг»). Летоп. Рус. Лит. и Древн., изд. Тихонравовым. 1859. IV. Отд. 2. (Прение о катехизисе Лаврентия Зизания. Особо издано Общ. Люб. Др. Письма СПб., 1898). О летописцах и записках, касающихся Смутного времени, см. у меня к Первой части IV тома, прим. 1-е. Об Ив. Хворостинине: Акты Эксп. III. №№ 147 и 149. С.Г.Г. и Д. III. № 90. Здесь исчислены тяжкие вины и заблуждения Хворостинина. Но 1632 год поставлен на грамоте вместо 1623, как это указал еще митр. Макарий в XI т. Истории Рус. Цар., стр. 61). Для князя С.И. Шаховского-Хари см. еще переписку с ним дьяка Третьяка Васильева. (Времен. О. И. и Д. Кн. 9. Смесь.) «Иерусалимское хождение» Василия Гагары, напечатанное в известном сборнике Сахарова, в иной редакции (см. Ibid. т.е. Времен. Кн. 10. Смесь). Образцы переводной Космографии в Изборнике Ан. Попова. «Книга, глаголемая Большой Чертеж», изд. по

поручению Общества Ист. и Др. Г.Н. Спасским. (М., 1846). См. его предисловие. Для наглядного знакомства с книжною словесностью данной эпохи, преимущественно духовною, см. «Роспись книгам св. патр. Филарета «Обзор Русс. Духов. Литературы».

Иностранные мастера: С.Г.Г. и Д. III. №№ 76, 89, 94, 100, 102, 103, 109, 118. Акты Ист. 244 (о часовых мастерах). Времен. Об. Ист. и Др. Кн. 16. Смесь. (Две жалованные грамоты 1638 г. органного дела мастеру Мельхеру Луневу.) Акты Юридич. № 40 (челобитная городового мастера и подмастерья, родом голландцев, посланных на Терек для постройки земляных укреплений. Дворц. Разр. П. 319. (Посылка Стрешнева и Светешникова в 1639 г.) Акты Ист. III. № 245. Здесь грамота верхотурскому воеводе Максиму Стрешневу о медной руде. Этот Стрешнев посылал в Невьянскую и Ирбитскую волости своих сыновей, Григория и Петра, для сыска медной руды, которую они и нашли в разных местах «по сказкам крестьян», и выплавили из образцов несколько золотников меди. Затем присланы были куски руды и разные камни с зеленью и желтизною в Сибирский приказ, а отсюда в Приказ Большой Казны (которым ведал Ф.И. Шереметев); здесь их осматривал иноземец «водовзводный мастер» Христофор Головай и плавильщик англичанин Рыцарь (Ричард) Штишь. Они нашли в некоторых кусках колчедан, а в камнях с зеленью и желтизною меди не нашли. Царь приказал послать в Верхотурье образцы медной руды из других мест, и присланные камни велел отдать для нового исследования серебрянику Куземке Сафьянову. Это распоряжение сделано было в 1645 г., незадолго до кончины Михаила Феодоровича. Акты — до-юридич. быта. Т. II. № 230 (о посылке в 1635 году на Сысолу реку для сыску оловянной, медной и серебряной руды). Акты М.Г. И. № 236. (Андрей Виниус и Тульский завод.) Две грамоты: тульским кузнецам, в июле 1619, и тульским кирпичникам, в августе 1622 г., у Верха. 11. 81 — 86. Ibid. 207 — 208. См. также Гамеля «Описание Тульского оруж. завода». М., 1826. О том, как иногда вели себя иноземные гости или торговцы, см. дело вологодских англичан, которые силою оружия не допустили царских досмотрщиков в свои амбары, где у них хранились табак и другие запретные товары. Акты Юрид. № 344.

Вопрос об иноверных храмах при Михаиле Феодоровиче: Акты Ист. III. №№ 92 (стр. 114) и 225. С.Г.Г. и Д. № 116. Олеарий в переводе Барсова. 369 — 370. Проф. Д.В. Цветаева: «Вероисповедное положение протестантских купцов в России в XVI и XVII веках». М., 1886. (Со многими ссылками на неизданные архивные источники.) Переписная книга города Москвы. 1638 года. Издание Моск. Город. Думы. М., 1881. Наказ назначенным для сего писцам найден В.О. Эйнгарном и сообщен в Чт. О. И. и Д. 1890. III. В параллель ему см. указ 1621 года об измерении и описании дворов и дворовых мест в Москве; причем велено «иноземцам быти всем без мест». Акты — до-юрид. быта. III. № 365.

Чин погребения патриарха Иоасафа и избрания Иосифа в Древ. Рос. Вивл. VI. № 8. Ibid. № 9: «Чин патриарша круг города на осляти шествия, бываемого в день постановления Российских патриархов, и следующие потом обряды, 1642 г.». Новопоставленный патриарх поднес дары царице, царевичу Алексею и всем трем царевнам кубками, атласами, камками и пр. «А вносили все те дары из Государевы казны с Казенного двора и отнесены опять на Казенный же двор». Царица и дети ее отдарили патриарха по-

добными же предметами. «А назад те дары у патриарха не взяты». О поставлении патриарха Иосифа см. также А. Попова «Изборник». 319 и 429. Дворц. Разр. II. 675 – 677. Выходы. 101, 102.

16. О самозванце Лубе и других: С.Г.Г. и Д. III. №№ 119 — 121. Акты Юж. и Зап. Рос. III. №№ 306 – 311 и 318 – 319. Дополн. к Ак. Ист. VI. №№ 438, IV – IX. Соловьева IX. Прим. 10. (Ссылка на дела польские №№ 66 — 68 и на рукопись Синодальной Библ. № 69.) О ложном Шуйском и Тимошке Анкудинове у Олеария. Кн. III. Гл. 12. Дворц. Разр. II. 391, 392, 406, 504, 505, 748, 751. (О приеме Голштинского посольства и Стемповского.) Акты Ист. III. № 181. (Договор с голштинцами о десятилетней привилегии их торговой компании на торговлю с Персией). Путешествие Олеария в переводе Барсова в Чт. О. И. и Д. 1868. г. См. в предисловии переводчика известия как о самом Олеарии, так и о разных изданиях его путешествия. О построении Голштинцами корабля в Нижнем у Д.В. Цветаева «Протестантство и протестанты в России». Стр. 722. Его же «Основание Русского флота». СПб., 1896. О новгородских «вестовых письмах» упоминает г. Якубов в предисловии к своим извлечениям из статейных списков, относящихся к Столбовскому договору. (Чт. О.И. и Д. 1897. III.) К сожалению, он упоминает о них только в примечании и не представляет образцов, в другом примечании к тому же предисловию, на стр. IX, г. Якубов сообщает о шведском резиденте Крузебиорне и поправляет статью г. Форстена: «Сношения Швеции с Россией в царствование Христины» (Ж. М. Нар. Пр. 1891, июнь), по смыслу которой Крузебиорн «в 1634 г. лишь хлопотал о допущении резидента и уехал в Швецию» и воротился только по истечении 10 лет. Между тем в Московском архиве хранятся записи о пребывании Крузебиорна за все это время в Москве в качестве резидента и никакого прекращения сношений незаметно. К той же эпохе относится «Посольство дьяка Елчина и свящ. Захарова в Дадианскую землю (часть Грузии), 1639 – 1640 гг.» С.А. Белокурова. Чт. О. И. и Д. 887. II.

17. Датское сватовство и прения о вере: Источники: Nachricht von Waldemar Christian Guldelowe Grafen von Schleswig-Holsteun etc. в Magazin fur die neue Historic Бюшинга. X. Русский перевод Шемякина в Чт. О. И. и Д. 1867. IV. («Поездка в Россию. Вальдемара Христиана Гильденлеве».) Олеарии. Дворцовые Разряды. II. 667, 714 – 728. Голикова; «Дополнение к деяниям Петра В.». Т. II. Акты Ист. III. № 302. С.Г.Г. и Д. III. № 117. Указанное выше Обозрение Датского Архива Щербачевым. (Чт. О. И. и Д. 1893. I.)

Пособия. Православ. Собеседник. 1861. II. (Материалы для истории полемики против лютеран.) Исследование И. Соколова: «Отношение протестантизма в России в XVI и XVII веках». М., 1880. А.П. Барсукова: «Род Шереметевых». III, СПб., 1883. Два обстоятельные исследования проф. Д.В. Цветаева: «Из истории брачных дел в царской семье Московского периода». М., 1884. «Литературная борьба с протестантством в Моск. государстве». М., 1887. Гл. III и IV. Он указывает на официальные документы о сватовстве Вальдемара и его пребывании в России, находящиеся в Моск. Гл. Архиве Мин. Ин. Дел, где они рассеяны среди дел Датских, Греческих и Приказных, в библиотеке Архива и в Моск. Синод. Библиотеке. Далее, основанное также на архивных документах и других рукописных источниках, обширное и детальное исследование А. Голубцова: «Прения о вере,

вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны». М., 1891. В приложениях у него помещены брачные условия царя с Вальдемаром (стр. 377 и след.). Кроме того, г. Голубцовым относящиеся сюда материалы изданы в Чт. О. И. и Д. (1892. II.) под заглавием «Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны».

Пренебрежительное отношение датчан к москвичам и глумление над их невежеством, между прочим, отразились в названной выше книге «Поездка в Россию Вальдемара». Например, вот как автор-датчанин описывает патриарха Иосифа, пришедшего навестить королевича: «Патриарх был в белой шапке с длинными и широкими наушниками, которые с ушей спускались по щекам на грудь к нему и придавали ему некоторое сходство с охотничьей собакой с большими отвислыми ушами». Наших богословов-полемистов он сравнивает со свинопасами и называет их круглыми невеждами, от которых ничего нельзя было добиться, кроме ребяческих слов и грубых мужицких ответов. С другой стороны, неудовольствие москвичей на датчан и на излишнее ухаживание царя за Вальдемаром ясно отразилось в неизданной доселе книге, озаглавленной «Повесть о внезапной кончине государя Михаила Феодоровича, случившейся по безуспешному делу супружества княжны Ирины Михайловны с Вальдемаром королевичем». Эта книга или точнее сборник известен по трем рукописям: Цпарского, Ундольского и Е.В. Барсова. О нем см. у Цветаева (Из ист. брач. д., 68 — 69) и Голубцова («Прения о вере», 334 — 342). В этой книге прямо выражается радость о том, что брак Ирины с принцем не состоялся: если бы принц даже крестился по принуждению, он все-таки не стал бы питать добрые чувства к России, и от него была бы смута в государстве, если бы он захватил более власти «со своими погаными немцами», ибо «не отстал бы от своего яда и держал бы внутри себя». Возбуждение московских бояр и духовенства во время прений о вере между прочим сказалось по отношению к известному тогда книжнику князю С. Ив. Шаховскому. Сей последний написал к царю письмо, в котором крайне осторожно и даже робко пытался из Писания вывести ту мысль, что можно королевича присоединить к православию не перекрещивая его. Узнав о таком письме, бояре обвинили кн. Шаховского в том, что он «пристал к королевичу» (т.е. чуть ли не в измене) и настояли на его ссылке в Усть-Колу на воеводство. (Голубцов, 180 — 183, и его же Памятники прений о вере, №№ 8 и 9). Значение прений о вере и вытекавшее из них побуждение нашего правительства к «устройству в Москве правильной школы с помощию греков и ученых киевлян» обстоятельно развиты в последней VIII главе названного исследования г. Голубцова. Относительно «Кирилловой книги» указания на заимствования из сочинений южнорусских ученых см. Макария: «История Рус. Церкви». XI. 122 — 123. А на стр. 71 — 73 преосв. Макарий указывает на неудавшуюся попытку патриарха Филарета завести в Москве греко-славянскую школу, с помощью приезжего из Александрии греческого архимандрита Иосифа. Это было незадолго до кончины Филарета. Выше названное исследование Соколова «Отнош. протест. к России» в данных прениях видит не попытку московскую обратить королевича в православие, а наоборот попытку протестантской пропаганды в Москве, заранее подготовленную — что, конечно, натяжка.

Относительно Шлякова-Чешского архивные документы несколько разногласят со свидетельством Олеария; они относят раскрытие его самозван-

ства к 1647 году; после чего он был сослан Алексеем Михайловичем в Соловки, откуда возвращен в следующем году. См. исследование Д.В. Цветаева: «Протестантство и протестанты в России». М., 1890. 355—370. О прекращении его и царским ему подарках и жалованье см. «Акты о выездах в Россию иноземцев» в Рус. Ист. Библ. VIII. 212—215. В Москву являлись и самозванцы духовного сана, именно приходившие с православного востока за подаянием. О них см. в «Ист. Рус. Церкви» Макария. XI. 234—237. О сватовстве Касимовского царевича за Ирину Михайловну, относящемся уже к царствованию Алексея Михайловича, любопытное сообщение находим у Павла Алеппского в его «Путешествии Антиохийского патриарха Макария в Россию». Прекрасный перевод этого в высшей степени важного для нас арабского памятника совершен недавно проф. Муркосом. См. Вып. 3-й. М., 1898 г. Стр. 89—90. Потом царевич все-таки крестился. Павел Алеп. называет его Сеид Махомед. Переводчик ссылается при сем на итальянского путешественника Альберта Вимена да Ченеда, который подтверждает известие Павла (Отеч. Зап. 1892 г., Апрель). По русским источникам этот царевич назывался Сеит Бурхан. «Сметн. список 139 году» (Времен. О. И. и Д. Кн. 4. Смесь. Стр. 30. См. также Шишкина: «История Касимова». 82).

18. Уезжая на богомолье даже в ближние или подмосковные монастыри, царь обыкновенно поручал оберегать столицу или собственный дворец и царское семейство особым боярам, например: «мая в 10 день (1634 г.) государь царь и великий князь Михаила Федорович всея Русии ходил молитца в Новой девич. монастырь. А на Москве указал государь быти бояре: князь Иван Ондреевич Голицын, Лукьян Степанович Стрешнев. Мая в 13 день гос. царь и в. кн. Мих. Фед. всея Рус. ходил молитца к Спасу на Новое и в Симонов и в Ондроньев монастыри. А на Москве указал государь быти бояре» (те же двое, что выше). Если царь отправлялся несколько подальше и был в отсутствии не один день, то конечно свита увеличивалась и распорядки усложнялись. «Июля в 16 день государь царь и в. князь Михаило Федорович всея Русии позволил итти молитца к Николе чудотворцу в Угрешский монастырь; а с ним государем бояря и окольничие и думные люди и стольники и стряпчие и дворяне московские и жилцы по списком. А в окольничих (т.е. устроителях станов или остановок) указал государь быти князю Миките, княж Михайлову сыну Мезецкому, да Богдану Приклонскому. А на Москве указал государь быть боярам князю Ивану Ивановичу Шуйскому, Федору Ивановичу Шереметеву, Борису Михайловичу Салтыкову. Окольничей (остающийся при дворце) Михаило Михайлович Салтыков. И товож дни на государево Цареве и в. князя Михаила Федоровича всеа Русии дворе дневать и ночевать: с боярином со князем Иваном Ивановичем Шуйским — стольники (такие-то), стряпчие (такие-то), дворяне (более 20 имен), дьяки (такие-то). На следующее 17 июля дежурным начальником во дворце предстоит быть боярину Ф.И. Шереметеву; причем следует подобная же роспись стольников, стряпчих, дворян и дьяков, которые должны с ним дневать и ночевать. Потом идет роспись дворян и дьяков, назначенных быть с окольничим М.М. Салтыковым. (Рус. Ист. Библ. 557—558, 565—566). О царских богомольных поездках прекрасная статья И.Е. Забелина: «Троицкие походы». (Чт. О. И. и Д. 1847. Кн.5). По поводу сих походов укажу в Актах Моск. Гос., II, № 180, царский наказ 1640 г. Ф.И. Шереметеву о присылке чертежника «на поле» из Оружейного при-

каза. «Писано в нашем походе у Живоначальныя Троицы в Сергиевом монастыре. Лета 7148 сентября в 25 день».

Для образца замены государя царевичем на церковных торжествах: 6 января 1644 г. «Государь за кресты на ердани не был, а ходил за кресты государь царевич князь Алексей Михайлович. А на государе царевиче было платья: платно золотное по бархату, зашивана земля золотом пряденым, на горностаех, кафтан становой атлас по серебряной земле» и т.д. Или: «апреля в 14 день государь царевич Алексей Михайлович ходил за кресты к Покрову Пресвятой Богородицы, что на Рву». «А Государь за кресты не ходил и стола у Государя не было». («Выходы государей царей и великих князей». М., 1844. 117 и 119). Переписку Михаила Феодоровича с патр. Филаретом во время путешествий на богомолье см. «Письма Русских государей». Т. I. М., 1848. Известия о царских докторах, Аптекарском приказе и двукратном лечении царя в 1643 и 1645 гг. см. Акты Ист. III. №№ 173, 225 — 246, 291 — 305. Письма Сибилисты из-за границы к Ф.И. Шереметеву у Рихтера: «История медицины в России». II. Прибавление №№ IX — XI. «Материалы для истории медицины в России». СПб., 1881. Издание Медицинского департамента. См. № 325: о предсмертной болезни Михаила и ее лечении, по сказке докторов. (Акты, сюда относящиеся, большею частию извлечены из указанных выше Актов Исторических.) Змеева — «Чтения по врачебной истории России». СПб., 1896. В 1641 году доктору Вегделину Сибилисту и лекарю Вилиму Крамору царские подарки за то, что «отворяли жилную», т.е. пускали кровь царю и царице. (Чт. О. И. и Д. 1892. III.) В 1642 — 43 гг. производилось «Сыскное дело о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну». (Сообщено Зерцаловым в Чт. О. И. и Д. 1895. III.) Дело любопытное по части ворожбы и суеверий. Обвиненный Афонька Науменок, человек Ивана Стрешнева, подвергся страшным пыткам и сослан в Сибирь, а не казнен, очевидно, по недостатку улик. Тут же Зерцалов, на основании одного архивного документа, сообщает следующее: в 1649 году один тюремный сиделец крестьянин уверял, будто он подслушал разговор о том, «что де князь Семен Сатыев Урусов блаженной памяти государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея России, в третьей естве окóрмил». Это только показывает, как легко возникают подобные слухи в случаях какой-либо не совсем ожиданной для народа кончины.

О кончине Михаила Феодоровича: Летопись о мн. мятежах. 373 — 374. Хронографы. Изборн. А. Попова. 319, 395 и 429. Древн. Рос. Вивл. XVI. 107 — 111. Тут сказано, что Михаил скончался ровно 50 лет, так как день кончины пришелся в день его рождения. Помянутая выше «Повесть о внезапной кончине Михаила Феодоровича». О Никите Ивановиче Романове при сей кончине говорит Берх: «Царств. Алексея Михайловича», I, 23, со ссылкою на Theatrum Europaeum. II. Прим. 11. Подробности о погребении Михаила в лубяных санях и причитании царицы в названной выше «Поездке Вальдемара в Россию». Бюшинг. X. 267. Рус. перевод Шемякина. 61. Характерная черта — плач царицы на груди или на персях у другой женщины заставляет предполагать, что это была ее наперсница.

Прилагаемый при сей книге портрет Михаила Феодоровича заимствован из собрания Московского Главного Архива Иностр. Дел. Он представляет царя в его молодые годы.

19. Обстоятельность Олеариева описания въезда в столицу и царского приема Голштинского посольства мы можем проверить официальными

московскими записями. Вот что читаем в «Записной книге Московского стола 1633—1634 гг.».

«Августа в 14 день государь царь и в. князь Михаило Федорович всея Русии указал голстенсково князя послов встретить за городом по Тверской дороге, где бывал деревянный город. А на встрече указал государь быти стольником и стряпчим и дворяном московским и диаком и жилцом и подьячим и гостем и всяким сотенным торговым людем и инозѐмцем московским». «А смотрити и уряживати их по спискам указал государь разрядным дьяком, думному Ивану Гавреневу, да Михаилу Данилову, да Григорию Ларионову. А в приставех указал государь быти у голстенских послов Ондрею Васильевичу сыну Усову, да подьячему Богдану Обобурову. И по государеву цареву и в. князя Мих. Фед-ча всеа Русии указу для встречи гостенского посла были стольники и стряпчие и дворяне московские и диаки и жилцы и приказные люди и всяких чинов люди, по сему государеву указу, в приволокех и в чюгах и в кафтонех и в шапках в горлатных и во всяком цветном платье, на оргамацех и на конех на добрых, с полами и с саблями с оправными; а на оргамацех и на лошадех конские наряды были большие чепи гремячие и чепи поводные и кутазы и чепраки и всякие конские наряды». Далее царский прием послов 19 августа здесь описан также согласно с Олеарием. Рындами были при сем князья Телятевский и Волконский, Бутурлин и Телепнев. При входе в Золотую меньшую палату посла (назван один Филипп Сукрузиус, т.е. Крузе) объявлял государю окольничий кн. Фед. Фед. Волконский. Небольшое разногласие с Олеарием заключается в том, что, по его словам, в сводчатой палате находились гости или именитые купцы, а по Записной книге: «в сенех перед Золотою полатою сидели дьяки в золоте». Но несомненно, были и гости, которые вообще участвовали в придворных тооржествах и при приеме послов: в списках чинов на этих приемах гости следуют тотчас за дьяками. См. списки шести приемов различных послов в 1632—1642 гг. (Акты до-Юрид. быта. Т. III. № 351.) Потом еще разногласие относится к чиновнику, который после приема ездил к послам с царским столовым прибором, напитками и кушаньями. По Олеарию, он был княжеского рода. По Записной книге князь Вас. Петр. Львов исполнял эту обязанность 16 декабря, т.е. после торжественного отпуска послов; а 19 августа то был стольник Никифор Сергеевич Собакин. Вообще же эта Запись передает приемы гораздо короче Олеария (Рус. Ист. Библ. IX. 571—572). Тот же царский переводчик Ганс Гельмес упоминается у Пальма при приеме Швед. посольства в 1617 году. А недостаток Олеария в описании В. Новгорода несколько восполняется подробностями о нем у помянутого выше голландца Гутериса, бывшего здесь почти 20-ю годами раньше. Впрочем, у Олеария приложен характерный вид Новгорода.

Известие Олеария о боярышнях и служанках, ехавших верхом за царицыной каретой, разъясняет нам V примечание к названной выше статье И.Н. Забелина: «Троицкие походы». Отсюда узнаем, что в октябре 1632 г. с царицей Евдокией Лукьяновной ехали, кроме дворовых боярынь, постельницы, мастерицы, портомои, карлы и карлицы, в количестве 88 человек. Для этой свиты наряжено 40 колымаг, запряженных 80-ю лошадьми, и 40 «верховых иноходцев для постельниц и мастериц». Всего для Троицкого «осеннего» похода царицы понадобилось 171 лошадь, считая свиту, мастеровых, сторожей и кладь, но не считая конвойных дворян и детей боярских. На сих походах царь и царица раздавали бедным людям милостыню и, кроме того, деньги за разные подношения. Так, во время Троицкого осен-

него похода царицы в сентябре 1636 года, дорогою еще по Москве роздано было милостыни 1 рубль 12 алтын, да рубль торговому человеку Микитке Павлову за «потешный возок с деревянными коньми» (детскую игрушку); всяких «потех» куплено на 6 алтын 4 деньги; в селе Тайнинском деревни Андреевой крестьянке Овдотьице Григорьевой полтина за поднесенные «блинки», в селе Здвиженском нищим 16 алтын, в селе Рохманцове попу за молебен полтина, а проскурнице гривна, в селе Пушкине куплено калачиков на 6 алтын 4 деньги, в селе Братошине крестьянину Ваське Матвееву полтину за поднесенный «пресный мед сотовой да репу» и т.д. Эти любопытные сведения извлечены И.Е. Забелиным из архива Оружейной палаты. Еще более подробностей о сих выездах в изданных им же «Дополнениях к Дворц. Разр.» в Чт. О. И. и Д. за 1882—83 гг. Особенно любопытно описание царицыной поездки в Николо-Угрешский монастырь в июле 1634 года. Здесь, между прочим, расписано, какие боярыни «приезжие» и какие «дворовые» должны сидеть в каких колымагах царевичей и царевен. (В числе первых упоминается жена Ив. Б. Черкасского, красавица Авдотья Васильевна.) Тут было постельниц замужних 22 и мастериц замужних 15, да вдовых 5; верхами ехало 37 (следовательно, все, исключая вдовых). Далее подробно исчисляются все взятые с собою платья и наряды царицы и царевен (903—910). Тем же И.Е. Забелиным сообщено, подтверждающее набожность ее, письмо царицы Евдокии Лукьяновны, 1634 г., к новгородскому протопопу Максиму: посылая ему в подарок материю зуфь, она поручает ему сделать для нее описание новгородских святынь, собственно мощей. Что он и исполнил. (Чт. О. И. и Д. 1862. IV.) Однажды царица посетила Кириллово подворье в Москве, молилась там и пожаловала корм на братию. Но дворовые дьяки на просьбу братии отвечали, что им о том приказу не было. Братия просила напомнить царице (Акты Юрид. № 366). О распространенном обычае белиться свидетельствует письмо царицы Евдокии Лукьяновны к ее сестре Федосье Лук. Стрешневой: перечисляя посылаемые ей куски тафты, камки, полотна, шелку, волосник золотой, шубку на соболях, серьги золотые с жемчугом и пр., она упоминает и «два фунта белил». (Времен. О. И. и Д. Кн. 1.)

Олеариево описание процессии Вербного Воскресенья интересно сравнить с описанием той же процессии у Павла Алеппского, относящемся к следующему повествованию. У последнего оно еще подробнее и обстоятельнее. («Путеш. Антиох. патр. Макария». Вып. 3, стр. 173 — 180.) См. также И.Е. Забелина: «Домашний быт русских царей». М., 1872. стр. 351. Его же статья «Вербное воскресенье в старину». Любопытное изображение сей процессии с патриархом, сидящим боком на коне, и с царем держащим за повод, см. у Олеария; а также изображение крестного хода 1 октября, именно сцену перед храмом Василия Блаженного на Лобном месте, где патриарх дотрагивается крестом царского чела. Есть у него и портрет Михаила Феодоровича в царском наряде; но трудно поручиться за его сходство: бритые щеки и бородка клином возбуждают некоторое сомнение. (У меня под рукой подлинник в двух изданиях: 1656 и 1696 гг.)

Относительно князя Муцала имеем целое судное дело, относящееся к 1642 году. В этом году видим снова в Москве «мурзу черкасского Муцала», который бьет челом на стольника князя Ивана Хилкова и дьяка Углева, по «заводу» которых Терские казаки погромили его торговых людей и узденей, ехавших из Дербента в Терский город; он искал на них 500 рублей.

Царь назначил ему суд перед князем Бор. Ал. Репниным и дьяком Ларионовым. Но князь Хилков до суда не допустил и помирился, заплатив ему половину, 250 руб.; другую половину мурза искал с дьяка Углева, который еще не воротился в Москву. Тут Муцал называет своим дядею князя Димитрия Мамстрюковича, а последний именует его своим племянником. (Чт. О. И. и Д. 1894. Кн. III.) Это дело извлечено Зерцаловым из Архива Мин. Юстиции. Тут же сообщен документ о жалованной грамоте Ф.И. Шереметеву на одну вотчину; из сего документа видно, что Дим. Мамстр. Черкасский служил в Москве еще при Б. Годунове, в 1601 году. Ф.И. Шереметев приходился шурином кн. И.Б. Черкасскому; так как был женат на его сестре Ирине Борисовне. Род и разные ветви князей Черкасских см. у кн. П. Долгорукого «Рос. Родосл. книга». II. Кстати: список всех бывших при Мих. Фед-че бояр, окольничих и других думных чинов, сообщенный Глебовым-Стрешневым, см. в Архиве Ист. Юрид. свед. Калачова. Кн. II. Полов. I.

О соседней с Усой речке Усолке и ее соляных ключах, см. у Олеария карту р. Волги с изображениями городов Саратова и Астрахани; кроме того отдельные виды Тетюш, Самары, Козмодемьянска, Царицына, Черного яра, Девичьей горы на Самарской луке и пр. О поселениях на Самарской луке, городе Самаре и купце Надеи Светешникове, который завел соляные варницы на Усолке, см. диссертацию проф. Перетятковича: «Поволжье в XVII и начале XVIII в.». Одесса, 1882, стр. 220 — 232. На стр. 222 говорится о том, что Саратов в начале XVII века перенесен с левой стороны Волги на правую. А для Самары в 1645 г., по приказу Михаила Феодоровича, был вылит особый «вестовой колокол». Как города переносились тогда с одного места на другое, см. царскую грамоту о перенесении города Еренска в 1639 году. (Времен. О. И. и Д. Кн. 25.)

По поводу того умиления, с которым смотрел Московский народ на царя и все его семейство при царском выезде и о котором сообщает Олеарий, выше, в тексте, я заметил, что это умиление лучше всего объясняет нам, почему самодержавие легко было восстановлено при Михаиле Феодоровиче. К сему замечанию или указанию на народную преданность царской власти надобно прибавить, что такому восстановлению помогло и другое важное обстоятельство: единственное сословие, которое могло делать оппозицию самодержавию и действительно пыталось его ограничить, т.е. боярское, было лишено какого-либо единодушия или сплоченности. Оно распадалось на группы, обусловленные преимущественно родством и свойством; а эти группы почти постоянно находились между собою в соперничестве и вели бесконечные местнические счеты. Таким образом местничество сослужило большую службу самодержавию как при его развитии, так и при его восстановлении. Царствование Михаила Феодоровича особенно обильно делами по местничеству: забыв всякие общие интересы, бояре с каким-то ожесточением спорили о местах друг с другом по каждому поводу. Отчасти это объясняется тем, что в предыдущее Смутное время их счеты в значительной степени перепутались, так как одни роды в это время выдвинулись на передний план, а другие отодвинулись или захудали.

20. Источники: Акты Западной России IV. №№ 142 — 160, 169 — 176, 185, 186. Акты Южной и Западной России. II. №№ 1 — 22, 25 — 48. В № 8 жалоба 1601 г. православных панов Загоровских на Ипатия Потея в том, что он

послал вооруженных людей на церковь Св. Василия во Владимире и силою отторг ее на унию, а схваченного в ней при богослужении священника Мартына собственноручно ударил в зубы и «раскровялил»; мало того, взяв ножницы, постриг ему голову на четыре стороны; после чего велел ее совсем оголить, т.е. его расстриг. В приложениях к этому II тому помещено сочинение 1608 г. печерского иеродиакона Леонтия о ересях по поводу явления унии. В их числе приведена «Ересь, еже в одеждах по обычаю мнихов и езуитов строитися и по воли их носитися, капу назад закинувши половлоску ея убравши, и так ходити позволяти». Тейнера: Vetera Monum. Pol. et Lith. III. Гарасевича Annales eccles. Ruthenae. Львов, 1867. Витебская старина. Изд. Санукова. Т. I. №№ 118—120. V. Ч. I. №№ 90, 93, 97, 99. Чт. Об. И. и Др 1859. III. (В 1605 г. Виленским братством привлечен к Виленскому трибунальному суду иеродиакон Антоний Грекович, который уличен на месте преступления в связи с черницею Лычанкою; он успел бежать, перешел в унию и заочно осужден на смерть.) Акты Вилен. Археогр. Комиссии. VIII. №№ 10—48, с перерывами. (Борьба Святодухов. братства с унией). Виленский Археогр. Сборник. I. №№ 73, 76 (завещание Кирилла Терлецкого в пользу брата своего Яроша и дочери Ганны Велятицкой). II. №№ 19—24 (преимущественно Могилевское братство). VI. 58—79 (архим. Сенчило). X. №№ 5, 7. (Духовное завещание Ипатия Потея.) Архив Юго-Западной России. Ч. II. Т. I. №№ 5, 6, 8, 9, 10. Ч. I. Т. VI. №№ CXXXII—CLXII, с перерывами. (В № CXXXП по апелляции Загоровских на Ипатия Потея по вышеприведенному случаю Люблинский трибунал своим декретом, в 1603 г., Ипатия Потея от ответственности освободил.) Того же Архива т. VI. № CXXXI. Здесь приговор Люблинского трибунала по грязному делу: об изнасиловании епископом Кириллом Терлецким девки Палашки, проездом остановившейся вблизи его резиденции; за нее вступился ее патрон. Дело это тянулось целые девять лет. Гродский Владимирский суд оправдал Терлецкого. В 1603 году Люблинский трибунал подтвердил решение Владимирского суда.

Литература: Бантыш-Каменского: «Историч. известие о возникшей в Польше унии». М., 1795. «Описание Киевософ. собора и Киевской иерархии». Киев. 1825. «Описание Киевопечерской лавры». К., 1826. Кояловича: «Литовская церковная уния». Т. II. Зубрицкого: «Летопись Львовского братства». Петрушевича: «Сводная Галицко-Русская летопись». Костомарова: «Историч. монографии». III. Священ. Трипольского: «Униатский митрополит Ипатий Потей». К., 1878. Говоровского: «Униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский». Вестник Юго-Запад. России, 1864. «Памятники Русск. Старины в запад. гг.». V. (Васильевского — Очерки истории города Вильны.) Митр. Макария — «История Рус. церкви». Т. X. Чистовича — «Очерки истории Западнорус. церкви». II. Крачковского — «Очерки униатской церкви». Чт. Об. И. и Др. 1871. I. Левицкого — «К истории водворения унии в Киеве». Чт. Об. Нестора Летоп. V. С.Т. Голубева — «Материалы для истории Западнорусск. церкви». Вып. I. К., 1891. (Он, между прочим, документально доказывает, что Киево-Софийский собор с самого начала унии был отобран от православных).

В Чт. О. И. и Д. 1862. Т. IV, издано в разных редакциях Бодянским «Наставление иезуита для истребления православия в Польше». Проект сей относят к XVI веку; но по всем признакам он составлен после введения унии, т.е. в XVII веке.

21 и 22. Руск. Историч. Библиотека. VII. («Вопросы и ответы православному с папежником». 1603 г. и «Гармония Восточной церкви с костелом Римским». 1608 г. — униатское сочинение). Акты Запад. России. IV. № 149. («Перестрога»), Θρηνοζ to iest Lament jedynej powszechnej Apostolskiej Wschodnieej Cerkwie etc. przez Theophila Ortologa (Смотрицкого). W Wilnie. 1610. Ответ Скарги: Na treny y Lament Theophila Ortologa do Rusi. etc. 1610. Ответ Мороховского: Παρηχορεια albo utolenie uszczypliwego lamentu. Wilno, 1612. Стебельского — Zywot ss/ Ewfrozyny y Paraskewy. Униатского священника XVII века Якова Суши: Saulus et Paulus Ruthenae unionis Meletius Smotrisvius; Cursus vitae B.Iosaphat Kuncevicii. То и другое в новом издании иезуита Мартынова. Bruxellis, 1864 и Parisis, 1865. Его же издания: «Апология моему странствованию на восток» (М. Смотрицого). Leipzig-Paris, 1863, Кирилло-Мефодиевский сборник (некоторые сочинения Смотрицкого). Париж и Лейпциг, 1867. Saint losaphat et ses detracteurs. Lyon, 1875. Елеонского — «Мелетий Смотрицкий» (Правосл. Обозрение. 1861). Кульчинского — «Жизнеописание Иосафата Кунцевича». Львов, 1868. Говорского — «Иосафат Кунцевич». (Вест. Югозапад. Рос. 1862.) Бенедиктинца Альфонса Гепэна — Saint losaphat, archeveque de Polock. Два тома. Poitiers. 1874. Петровского — «Очерк истории Базильянского ордена». (Труды Киев. Акад. 1870. II.) В Русской Ист. Библ. Т. IV. (СПб., 1878), под редакцией П.А. Гильдебрандта, с хорошими примечаниями и указателем, изданы: «Оборона унии» — сочинение виленского архимандрита Льва Кревзы. 1617 г. и впервые напечатанный полный текст знаменитой «Палинодии» — сочинение киевского иеромонаха Захарии Копыстенского 1621 — 1622 гг. Этому сочинению посвящена особая диссертация проф. Завитневича. См. также его речь, произнесенную перед ее публичной защитой: «О значении западно-русской богословско-полемической литературы конца XVI и начала XVII в. и место занимаемое в ней Палинодией». (Христианское Чтение 1884. 1 — 2.) Чт. Об. И. и Д. 1878. Кн. I. («Два казаня» виленского архимандрита Леона Карповича.) Архив Югозапад. России. Т. VII. К., 1887. (Verificatia niewinnosci. Obrona Verificacii. Iustificatia niewinnosci.) Речь Древинского у Бантыш-Каменского. 69. Письмо Сапеги Кунцевичу, ibid. 75. (Еще прежде в Рус. магаз. Туманского. 1793. Ч. III.) Акты Южной и Запад. Рос. II. №№ 44 — 62 и 167.

Вилен. Археогр. Сборник Учебного Округа. I. №№ 86 — 92 (в № 88 спор полоцкого мещанина с Кунцевичем о погребении сына. (На в № 90 письмо киевлян к гетману Сагайдачному о притеснении веры). II. №№ 29 — 32 (в № 29 письмо Сапеги Рутскому об излишке усердия). В приложении к этому тому «Записки игумена Ореста» о Могилеве. Здесь под 1618 г. известие о бунте могилевцев против Кунцевича и насильственном затем водворении унии. VII. №№ 49 — 52; 55 — 59. (В № 49 от 1615 г. митрополит Вельямин Рутский просит Слонимский съезд настаивать, чтобы высшее униатское духовенство заседало в сенате, как это было постановлено на Берестейском съезде 1596 года.) «Архив Юго-запад. Рос.» VI. CLXIV и след. CCXV — CCXXVIII, CCXLIV. (Тут письма Иова Борецкого к Мих. Феод-чу и Смотрицкого к Виленскому братству), CLXXX — CLXXXHI (жалобы Киевского магистрата на архимандрита Плетенецкого и его капитулу, а также на игумена и братию Кириллова монастыря, по поводу противузаконного заведения ими корчем, шинков и ярмарок при их монастырях, и жалоба на униатского митроп. В. Рутского за то, что он велел своему наместнику Садковскому открыть в Киеве четыре шинка), CLXXX VI (князь Четвертинский

дает фундуш Преображенскому монастырю с обязательством, чтобы он всегда оставался в православии), CLXXXVIII, CXC и CCIX (жалобы униатов на Волыни на обиды и побои от православных). Витебская Старина. Изд. Сапунова. Т. I. №№ 47, 49, 52, 53, 153—155. Приложения. № 175. Т. V. №№ 61—85. «Памятники», изд. Временной Киев. Комиссией. Т. I. №№ I—XIII. (Акты, относящиеся к Луцкому Крестовоздвиженскому братству.) II. №№ 1—10. (Дарственная запись Гулевичевны 1615 г. Опись Киевского братства и другие акты, относящиеся к первой эпохе этого Богоявленского братства.) Пространная жалоба православной русской шляхты на Варшавском вольном сейме 1623 года, в том же году напечатанная особой книжкой на польском языке («Документы, объясняющие историю Западнорусского края». СПб., 1865. № XIX). Supplem. ad. Hist. Rus. Mon. CXCIII—CXCVI. (Письмо папы Урбана VIII к Сигизмунду III, по поводу унии и убиения Кунцевича.)

Макария Булгакова — «История Киевской Академии». СПб., 1843. Это сочинение впоследствии самим автором призвано неудовлетворительным. По сему предмету есть превосходный труд С.Т. Голубева; «История Киевской Духовной Академии». Вып. I. Период Домогиланский. Киев. 1886. Автор ее обстоятельно доказывает, что основание Киевобратской Богоявленской школы произошло не ранее 1615 года, и что настоящее имя фундаторши было не Анна, а Гальшка (Елизавета) Гулевичевна. В своем другом труде, посвященном Петру Могиле, он также говорит много о Киевских школах, религиозном движении в Киеве, предшественниках Могилы в Печерской Лавре и о Мелетии Смотрицком. Общие пособия для данной эпохи те же вышеназванные труды Бантыш-Каменского, Кояловича, Крачковского, митр. Макария, Чистовича; кроме того, Лукашевича — Dzieje wyzn. Helweck. Островского — Dzieje y prawa Kosciola Polskiego; Зубрицкого — «Летопись Львов. Ставроп. братства»; преосв. Филарета — «Обзор русской духовной литературы»; Пекарского «Представители киевской учености в XVII веке». (Отеч. Зап. 1862. Т. I.) «Сочинения» Максимовича. Т. 1. (О епископе Исаакии Борисковиче); Ф. Терновского — «Южнорусское проповедничество XVI и XVII вв. (по латино-польским образцам). К., 1869; тенденциозная «История воссоединения Руси» — Кулеша. Т. III. М., 1877 (Религиозное, социальное и национальное движение в эпоху Иова Борецкого). В.В.Антоновича — «Очерк отношений Польского государства к православию и православной церкви». (Монографии по истории Западной и Юго-Запад. России. Т. 1. К., 1885) и «Киевские войты Ходыки». (Ibid.).

23. С.Т. Голубева превосходное исследование «Петр Могила и его сподвижники». Т. 1. Киев, 1883. Т. II. К. 1898. Снабжено массою приложенных «Материалов для истории Западнорусской церкви». Его же вышеуказанная «История Киевской Духовной Академии». Максимовича «Акт избрания Петра Могилы в митрополиты Киевские» (Собр. соч. Т. 1). «Петр Могила митрополит Киевский». Соч. С. Р. (Чт. О. И. и Д. 1877. Кн.1). Ф. Терновского — «Киевский митрополит Петр Могила» (биографич. очерк. Киев. Стар. 1882. Апрель). Bibliographie Hellnques par Emile Legrand. IV. Paris. 1896. (Тут» Pierre Movila-notices biographiques psr Emile Picot с подробною Bibliographic des ouvrages publics psr Pierre Movila ou qui lui sont dedies). Петр Могила, будучи архимандритом, сделал третье Киевское издание Номоканона с своим предисловием, в 1629 г. Первое издание его напечата-

но в типографии Киево-Печерской лавры монахом Памвою Берындою в 1620 г., а второе в 1624 г., с предисловием Захария Копыстенского. С Киевских изданий было напечатано в 1639 г. и первое Московское издание. (Проф. Павлова: «Номоканон при большом Требнике». Учен. Записки Моск. Унив-та. Вып. 14. 1897 г. О Памве Берынде см. Филологические Записки. 1869. Вып. 2 и 3.) «Описание Киевопечерской Лавры». К., 1826. Прибавления. №№ 4—8. (Записки П. Могилы на основание Лаврского училища и его завещание.) Архив Юго-Запад. России. Т. VII. Тут: «Собственноручные записки Петра Могилы», т.е. его благочестивые сказания, рассуждения и заметки о разных предметах. Каталог книг, купленных Могилою в Варшаве и Кракове в 1632 — 1633 гг., т.е. во время Элекцийного и Коронацийного сеймов — почти исключительно латинские. Далее, Synopsis и Supplementum. Synopsus — сочинения, изданные Виленским братством в защиту православия и относящиеся к тому же времени, а также ответ на них со стороны униатов: Rozmowa albo rellatia rozmowy dwoch Rusinow schismatica z unitem — соч. Скупинского. Сильвестра Коссова — Πατεριχον albo Zywoty ss.oycow Pieczarskich. W dukarni S. Lawry Pieczarskiy. Roku 1635. Афанасия Кальнофойского — Τερατουργημα lubo cuda ktore byly и пр. В той же друкарни. 1638.

Археографич. Сборник. Изд. Виленского Учеб. круга. Т. 1. по 90. (Садковский тресками покрыл Св. Софию); Т. II. № 36 (Королевская грамота Петру Могиле на Киевскую митрополию неунитскую); Т. VII. № 64 (Письмо архимандрита Петра Могилы Христ. Радивилу с просьбою соединиться с православными для общей борьбы против насилий от латинян и униатов). Архив Югозапад. России. Т. VI. 1 CCXXXVII (1627 г. Житомирский староста Тышкевич хотел силою воспротивиться избранию П. Могилы в сан Киево-Печерского архимандрита), CCL (1630 года П. Могила вооруженною рукою с монастырскими крестьянами и запорожцами нападает на митрополичье имение село Зазимово, на что жалуется Рутский). Акты Южной и Западной России. Т. II. №№ 56, 59. Т. 111. №№ 1—94. Тут: О бегстве монахов Густынского и монахинь Ладинского монастырей в Московское государство; о приезде в Москву монахов от П. Могилы и Киевских игумнов; продолжение сношений П. Могилы и южнорусских монастырей с Москвою. См. также доклад А.А. Руссова: «Некоторые документы, касающиеся Густынского и Мгарского монастырей», в Сборнике Харьковского Историко-филологического Общества. (Т. IV. Харьк., 1892.) С. Ступишина — «О князьях Корыбутах-Вишневецких» (Вест. Югозапад. Рос. 1861. Июль и август). «Летопись Густынского монастыря» (Чт О. И. и Д. 1848. № 8. С приложением разных документов, относящихся к Густынскому, Мгарскому и Ладинскому монастырям. Тут и послание Исаии Копинского Еремии Вишневецкому). Supplementum ad Hist. Rus. Mon. №№ LXVII—LXXII. (Сеймовые споры о вероисповедном вопросе и королевские грамоты 1632—33 гг., обеспечивающие православным свободу вероисповедания и трактующие о разделе церквей в г. Бельзе. А № LXIX — об утверждении Петра Могилы в сане митрополита.) Памятники, изд. Временной Комиссией. К., 1846. Т. II. № 11 и 12. (Грамота королевская Киевобратскому игумну на две церкви с угодьями и духовное завещание П. Могилы 1646 г.)

Pamietniki Albrechta Stan. Radziwilla. Poznan. 1839. Latopisies Ioachima Jerlicza (православного шляхтича). Warszawa. 1853. Под 1647 г. по поводу кончины П. Могилы Ерлич дает его характеристику, налегая по преимуществу

на его жестокие поступки с Исаией Копинским, некоторыми игумнами и старцами, на его денежные вымогания и т.п. У С. Голубева, во II томе его «Петр Могила», стр. 231, из слов С. Коссова на погребение епископа Иосифа Бобриковича приведено известие, что креховский инок Герасим, спустя семь лет после своей смерти, исцелил от тяжкой болезни П. Могилу, бывшего тогда еще в светском звании, чем и можно объяснить его ревность к православию и духовному званию. Ibid. стр. 232—239, любопытные соображения о знатном русском вельможе Адаме Киселе: увлекшись единением церквей в смысле равноправности православия с латинством и ненарушимости православного учения и обряда под папским верховенством, он перешел было в унию; но, узнав истинное ее значение, воротился в православие и был одним из его столпов. В.О. Эйнгорн во введении к своему исследованию «О сношениях Малорос. духовенства с Москов. правительством в царств. Алексея Михайловича», обращает внимание на различие этих и других отношений при Иове Борецком и Петре Могиле. Иов, как и православные епископы его времени, были люди незначительные и бедные, которые в борьбе с унией возлагали главную надежду на единоверную Москву; тогда как П. Могила и его епископы были из знатных, богатых фамилий; поэтому они более ладили с польскими панами и неодобрительно относились к казацким восстаниям. (Чт. О. И. и Д. 1893. III.)

24. Археограф. Сборник. Изд. Виленского Учебного Округа. Т. I. №№ 94—154, с перерывами. В №№ 115 и 117 королевский декрет 1640 г., чтобы мещане полоцкие ходили в униатскую церковь; они же противятся и не хотят совершать требы у попов униатских; 105, 125 и 130 заключают судебные дела, свидетельствующие о грубых суевериях, а 118 и 151 — об изнасиловании, кончившиеся ничем (в первом случае униат и православная девушка). Т. II: №№ 38, 44, 103 и 104 (1633 г. униаты с католиками нападают на церковь Богоявления в Бельске и отнимают ее насильно у православных, вопреки грамоте Владислава IV); 38, 44 (1635. Грамота короля о том, какие монастыри, церкви и имущества принадлежат униатской иерархии); 105 и 106 (о возвращении церквей, отнятых у православных в Бельске и Дрогичине); 107 и 108 (притеснения православным от униатов в Бельске). Т. III. №№ 47 (о чародействе Анны Павлюковой Короткой); 49—62 (Тут длинное дело 1631 года о колдовстве попадьи Раины Громычиной). Т. IV. № 54. (1642 г. Королевское предписание униатскому митрополиту Антонию Селяве о нечинении притеснений православным Дисненским мещанином.) Т. XI. №№ 7—10 (Акты 1633 г. о возвращении православным некоторых церквей от униатов в силу королевского универсала); 12—14 (О православном братском монастыре Св. Симеона). Письма Папы Урбана VIII в Польшу к разным лицам об унии, 1643 г. Hist. Russiae Monum. II. № CXIII. Витеб. Старина, Сапунова. Т. I. №№ 57—68. Т. V. №№ 86 — 117 (№ 91 о покушении полоцких мещан на жизнь униат, архиеп. Антония Селявы).

Архив Юго-Западной России. Т. VI. №№ CCLIII—CCLXXI (постановления сеймов Конвокацийного и Элекцийнго, королевские грамоты и прочие акты относительно споров униатов с протестантами); CCLXXV (1634 г. Луцкие ксендзы жалуются на монахов Луцкого братства и мещан, которые напали и избили студентов иезуитского коллегиума); CCLXXXV (1635 года. Еремия Вишевецкий отнимает заднепровские монастыри у Исаии Копинского); CCXCVIII (1638 г. Православные обыватели Русского

воеводства жалуются на маршала, что он на сеймике не дозволил внести в инструкцию послам требование в пользу православной церкви и, наоборот, включил параграф, ей неблагоприятный). Далее встречаются несколько актов, указывающих на распространение и крепость арианства или социнианства на Волыни и в Киевщине. Эти ариане также угнетают православных. Наприм., в № CCCXXIV, в 1647 г., жалоба православного священника на арианина дворянина Беневского (арендатор имения пана Андрея Лещинского на Волыни), который принуждает его православных прихожан покупать мясо у евреев и за отказ за то запечатал церковь, напал на дом священника и произвел разные бесчинства. Но в тяжбах с католиками протестанты часто терпят неудачу. Наприм., в Виленском Археогр. Сборнике, Т. VIII, любопытное и длинное дело о Кейданской плебании, которую владелец Степан Кишка, протестант, отнял у ксендза Кобылинского. Дело проходило все инстанции, было и в гродском суде, и в трибунале, и у короля; решалось то в пользу Кобылинского, то Кишки. Сего последнего сменил польный литовский гетман Христофор Радивил, женатый на Анне, дочери Кишки, и тоже протестант. Дело тянулось с 1600 до 1628 г., и окончилось мировой сделкой Радивила с виленким католическим епископом Евстафием Воловичем и его капитулой. Католики себя отстояли.

Относительно Афанасия Филипповича, преосв. Филарета Черниговского «Русские Святые». Т. III. О.И. Левицкого — «Афанасий Филиппович, игумен Брестский». (Киев. Университ. Известия, 1878.) Костомарова — «Историч. монографии». Т. XIV. Арс. Маркевича — «Афанасий Филиппович, игумен Брестский». Варшава. 1880. «Диариуш Берестайского игумена Афанасия Филипповича, 1646 г.», издан в Рус. Ист. Библиотеке. Т. IV. СПб., 1888. Е.Е. Голубинского — «История канонизации святых в Рус. церкви». Серг. пос. 1894. Наконец, о Филипповиче см. в книге проф. Голубева «Петр Могила». II. 183—195.

25. Архив. Юго-Запад. России. Ч. VI. Т. I. «Акты об экономических и юридических отношениях крестьян в XVI—XVIII вв.». Им предпослана обширная вступительная статья И. Новицкого, объясняющая крестьянские повинности, сельскохозяйственные инвентари, аренды, заставы, переходы крестьян. Архив Югозап. Росс. Ч. VII. Т. I. «Акты о заселении Юго-Западной России». Вступительная статья проф. Владимирского-Буданова. Особенно заслуживают внимания №№ XLIII (Люстрация староств Киевского воеводства 1616 г.), XLIV (Жалованная грамота Сигизмунда III Киево-Печерскому монастырю на разные имения в Вел. Кн. Литовском, 1616 г.), XLV (люстрация Житомирского староства 1622 г. Староста его Александр Заславский, воевода Брацлавский, с согласия короля, отдал это староство в аренду двум лицам: одну часть пану Андрею Пересецкому, а другую еврею Шлеме Фабисевичу), XLVI (люстрация Остерского староства 1628 г.), LV (Заставная запись гетмана Март. Калиновского Михаилу и Екатерине Аксакам на имения в Брацлавском воеводстве, 1647 г.), LXII (Арендный контракт, которым кн. Еремия Вишневецкий предоставляет коронному стражнику Александру Замойскому город Лубны в трехлетнее владение, 1647 г.), XLVII (Тарифа подымной подати Киевского воеводства, 1631 г.), XLIX (Указание на множество крестьянских повинностей), CXXI (Жалоба поручика Бараша на кн. Януша Острожского). Арх. Югохап. Рос. Ч. IV. Т. I. «Акты о происхождении шляхетских родов в Югозапад. России». (Тут мало

для данной эпохи.) «Летопись Густынского монастыря». (Чт. О. И. и Д. 1848. № 8). Тут сведения об основании монастырей Межигорского, Густынского, Мгарского и Ладинского; а в приложениях известное письмо Исаии Копинского Еремии Вишневецкому и его же устав о панщине для монастыря Ладинского 1628 года. Lustracye Krolewszczyzn Wolynia, Podola i Ukrainy z pierwszej polowy XVII wieku. Wydal Aleksander Jablonowski. Warszawa, 1877. С обширным введением издателя, озаглавленным Starostwa Ukrainne w pierwszej polowie XVII w. Боплана «Описание Украины». К. Шайнахи Skice Historyczne T. III. Lwow, 1861 (Zdobycze pluga polskiego) и Dwa lata dziejow naszych. T. I. Poldlka w rokii 1646. W Lwowie 1865, (О колонизации Украины в первой главе: Kresy poganskie.) Пшездзецкого Podolr, Wolyn', Ukraina. W., 1841. Проф. Багалея «Займанщина в Левобережной Украйне XVII и XVIII ст.» (Киевск. Старина 1883, декабрь).

Любопытный проект заселения Украйны был составлен еще в 1590 году киевским католическим бискупом Иосифом Верещинским. (О сем лице см. III том «Истории России». Прим. 97.) Русский перевод этого проекта в Киев. Старине. 1895, март. Он советует Речи Посполитой скорее заселить по преимуществу обедневшею или малоземельною шляхтою, укрепить замками и войском пустую Украйну, о которой отзывается восторженно, как о земле Обетованной, текущей молоком и медом, но которую безнаказанно грабят и опустошают соседние татарские орды. На содержание войска он предлагает употребить не только установленную кварту с королевских имений, но и назначить десятую долю с сельских произведений русских областей, а расходование этой десятины или роль казначея при войске поручить именно Киевскому бискупу с его капелланами, на остатки же от нее основать в Киеве Иезуитский коллегиум для образования русской молодежи. Сейм 1590 года, по-видимому, мало обратил внимания на этот проект. Впрочем, в последующее затем время и произошла усиленная колонизация Украйны.

Что касается до народной поговорки «от Кракова до Чакова» и пр., то Чаков тут, очевидно, есть Очаков. Это объяснение (словесное) принадлежит М.К. Любавскому, автору известного труда «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства». М., 1892.

26. Те же книги Архива Юго-Зап. Рос., что и в предыдущем примечании. Кроме того сего Архива часть третья. Т. I (Акты о казаках). Обширное введение проф. Антоновича. В особенности №№ 8 XLV—LXXIV (в последнем завещание Сагайдачным капитала в пользу Львовского братства), LXXVIII (Куруковский договор), LXXX—LXXXI и LXXXV (к восстанию Тараса), LXXXIX—XCIII (К гетманству Петржицкого в 1632 г.), XCVI—XCVIII, CI (Договор под Боровицею 1637 г.), CII (передача имущества Остраницы Домановскому), CVIII, CIX, CXI (к Адаму Киселю. Последний № о назначении его каштеляном Киевским, в 1646 г.; причем в числе его заслуг указано, что он во время стояния Владислава IV под Смоленском привел из Запорожья 20 000, потом вместе с Лукою Жолкевским и Еремией Вишневецким вторгся в Московскую землю и препятствовал поданию помощи Шеину, помогал усмирению казацких бунтов и пр.). Виленский Археографический Сборник. Т. VII. №№ 39. 46. 60. 63. 66 (1633 г. Краковский каштелян Станислав Конецпольский уведомляет литов. польного гетмана Христ. Радивила, что запорожцы под Смоленском занимаются грабежом, а к вой-

не ленивы, потому что их просьбы о правах и вольностях православной веры оставлены без внимания), 27. (гетман Запорожский Тимофей Михайлович Арандаренко оправдывается от обвинений, взводимых на запорожцев, тем, что они не знают, куда им идти и что делать, так как их «рвут на части»: одни велят защищать Украйну от Москвитян, другие от турок, третьи велят идти к Смоленску и т.д.). Т. XI. №№ 57 (письмо запорож. гетмана Михаила Дорошенка к гетману Христ. Радивилу), 60 (запорож. гетмана Ив. Мих. Сулимы), 63 (запорожского старшого Тимофея Михайловича Арандаренка). Акты Зап. и Южн. Рос. II. № 47 (Предсмертное письмо Сагайдачного Сигизмунду III). С.Г.Г. и Д. III. № 51 (Грамота Михаила Феодоровича в ответ на посольство Сагайдачного).

Volumina legum. S. Prsb. 1859. II. Стр. 465 (Конституция 1609 года, чтобы запорожские казаки подчинялись юрисдикции старост, подстарост, панов и пр.). 111. 187 (1618 г. Об укрощении казацких морских предприятий), 237 (1626 г. Одобрение Куруковского договора), 440 (1638 г. Ordynacya woyska Zaporowskiego regestowego. За исключением 6000 реестровых остальные должны быть обращены в хлопов или посольство; вместо старшого от сейма назначается комиссар, пребывающий в Трактемирове; полковники по очереди каждый с своим полком держат стражу на Запорожье; казаки реестровые освобождаются от предварительного суда или praejudicium старост и подстарост; в случае тяжбы мещанина с казаком заседают подстароста с полковником; мещане королевские не смеют не только сами себя или сыновей своих помещать в казаки, но и дочерей своих выдавать за казаков; казаки не должны иметь земли в отдаленных местах Украйны и пр.). Latopisiec Joachima Jerlicza. Из польских хроник наиболее важна для казацких восстаний латинская хроника Пясецкого. Далее, известные Pamietniki Альбрехта Радзивила. Dyaryusz Kazimierza Filipa Obuchowicza. (Pamietniki historyczne. Wydal Michal Balinski). Wilno. 1859. «Верше на жалосный погреб зацнаго рыцари Петра Конашевича Сагайдачнаго през инока Касиана Саковича». Киев; 1622. Эти вирши переизданы в приложениях к «Истории Киев. Духовн. Академии». С.Т. Голубева. I. 14—46.

Из летописей собственно Малороссийских: Летопись *Грабянки*. Киев, 1853. Летопись *Самоила Велички*. Т. IV. Киев. 1864. Летопись *Самовидца*. К., 1878. Сборник летописей относящихся до истории Южной и Западной Руси. К. 1888. Во всех этих летописях, изданных Киевской Археограф. Комиссией, заключается очень скудный материал для эпохи до Хмельницкого. Только в Сборнике Летописей заслуживает внимания «Дневник похода против Запорожских казаков 1625 года», т.е. о восстании Жмайла и действиях у Курукова озера. (Кроме того, в Киев. Стар. 1889, октябрь, с комментариями г. Николайчика и в Мем. относ. к Ист. Южн. Рос. Вып. 2). А в издании Летописи Велички любопытны приложения: 1. «О войне Остраниновой с ляхами» (тут и его универсал); 2) «Записки Матвея Титловского». 1621 г. (Хотинская война с участием Сагайдачного), 3) «Дневник Симеона Окольского» 1638 г. — довольно подробный диариуш о восстании Остраницы и Гуни, изданный в Кракове и переведенный с польского невразумительным русским языком и 4) «Дополнение дневника Окольского, составленное Степаном Лукашинским». (Этот дневник и дополнение, переведенные вновь К. Мельниковым, в «Мем. относ. к Ист. Южн Рос.» Вып. 2.) Также скудный материал представляют: «Повесть о том, что случилось на Украйне». Сообщено Срезневским. Чт. О. И. и Д. 1848. № 5. «Ле-

тописное повествование о Малой России» Ригельмана. (Ibid. 1847. № 5) «Южнорусские летописи», открытые и изданные Н. Белозерским. Т. I. К., 1856. О Хотинской войне Якова Собесского латинские комментарий, изданные в Данциге в 1646 г. Перевод К. Мельникова в «Мемуарах, относ, к Ист. Южн. Руси». Вып. 2. К., 1896. Ibidem помещены «Сведения о походе на Крым Михаила Дорошенка 1628 г.», Кратковременное царствование Султана Османа II, его поход против поляков и свержение см. Цинкейзена Geschichte des Osmanischen Reiches. III.

Пособия, кроме устарелых историй Малой России Еантыш-Каменского и Маркевича, во-первых, Максимовича «Собрание сочинений». Т. I. Здесь его статьи: «О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян», «Исследование о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном» и «Сказание о гетмане Петре Сагайдачном». Во-вторых, Кулиша «История воссоединения Руси». Т. II. СПб., 1874., и «Отпадение Малороссии». Т. I. (Чт. О. И. и Д. 1888. В. 2) — не лишенные интереса, но тенденциозные сочинения. Между прочим, он пытается доказывать, что казацкие восстания не имели своим мотивом защиту православия, а происходили из причин чисто политических и экономических, т.е. направлены были против закрепощения и повинностей. Но вероисповедная ревность несомненно присоединялась к этим причинам, особенно со времени гетманства Сагайдачного, бывшего усердным ревнителем православия. В-третьих, указанное выше соч. Шайнохи Dwa lata и проч. Сюда относятся 2 и 3 главы, т.е. Козачина Z rycerzow w chlopow. Далее, Каманина «К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого». К., 1894. (Рецензия на него М.К. Любавского. Ж.М.Н. Пр. 1896. Июль). Д.И. Эварницкого «История Запорожских казаков». Т.Н. СПб., 1895 — вообще обстоятельный труд, основанный отчасти на архивных материалах. Между прочим, на 613—614 стр. исправляется крупный хронологический промах Максимовича относительно похода Сагайдачного на Кафу. В пример того, как сбивчивы и неточны известия о казацких морских походах, укажем на статью В.М. Истрина «Греческая запись о набеге казаков на Константинополь в начале XVII века». (Ж.М.Н. Пр. 1898, июль). По записи выходит, что этот поход был в 1623 году 9 июля; но приведенные в ней имена султана и патриарха не соответствуют тому времени. Популярное иллюстрированное издание Антоновича и Беца «Исторические деятели Юго-Западной России». Вып. I. К., 1883. (Тут портрет Сагайдачного.)

Об Остранине в Чугуеве см. Д.И. Багалея «Очерки из истории колонизации и пр.» 174—196. Тут разобран вопрос о его казни в Варшаве: автор склоняется к мнению Соловьева, что был казнен не сам Остранин, а его отец (не брат ли?). О судьбе Остранина см. также «Воронежские акты» Второва и Александрова-Дольника I.100—104. (Тут говорится об измене чугуевских Черкас и убиении их гетмана и похваляется верность поселенных воронежских черкас.) II. 180—182 (О выдаче денежного жалованья поселившимся в Воронеже черкасам.) Об Анне Алоизе Острожской: Максимовича. Соч. Т. I. («Письма о князьях Острожских»), Ор. Левицого «Анна-Алоиза, княжна Острожская» (Киев. Старина, 1883, ноябрь) и «Несколько слов о княжестве Острожском» во Времен. О. И. и Д. Кн. 14. Тут акт раздела имений, который учинил князь Константин-Василий между своими сыновьями Янушем и Александром.

Что в данную эпоху существовало только шесть казацких полков, такое положение выведено мною из некоторых официальных актов, каковы

особенно договоры поляков с казаками, начиная с Курукова и кончая Масловым Ставом. Например, см. Куруковский договор в Чт. Об. И. и Др. 1861. IV. Смесь. Там прямо указано 6 полков. Отсюда понятно известное и постоянное старание польского правительства сохранить цифру реестровых именно в 6000. Очевидно, нормальный казацкий полк считался в 1000 человек. Этот вопрос, как и вообще организация Малороссийского казачества до Хмельницкого, не подвергались доселе тщательным исследованиям, несмотря на довольно обширную литературу о Днепровском казачестве. Я не имел под руками монографии В.В. Антоновича «История Малорусского казачества». Киев, 1882 — 1883. (Если не ошибаюсь, это его литографированные лекции.) Мне доставлена из него следующая выписка (стр. 45 — 46): «После похода на Москву, Сагайдачный уже не возвратился на Запорожье, а фактически завладел всею заселенной Украйной. Теперь он дает более широкое устройство казакам, разделяет их на полки и присоединяет к полкам такие области, где давно не было казаков, как наприм. Северская, Киевская и др. Учреждение десяти полков, приписываемое Ружинскому, на самом деле осуществляется только теперь». Но на каких данных основаны эти выводы, признаюсь, мне пока неизвестно.

Относительно Малороссийского казачества подведу итоги моим выводам, добытым изучением данной эпохи;

Во-первых, ни городовое, ни запорожское казачество еще не получило той полной организации, какую обыкновенно ему приписывают и каковая выработалась только со времени Хмельницкого, с гетманскою властью включительно. Во-вторых, до него городовое казачество сосредоточивалось, главным образом, на правобережной Украйне, а на левобережную центр тяжести стал переходить с его времени. В-третьих, до Хмельницкого было шесть реестровых полков, из которых только один Переяславский находился вполне на левой стороне Днепра. В-четвертых, Запорожье еще не выработало своей политической и хозяйственной обособленности с пределами своих владений или «вольностей». В-пятых, к причинам казацких восстаний, кроме политических и экономических, особенно со стороны усилившегося крепостного права, присоединилась со времени Сагайдачного и вероисповедная, т.е. уния. В-шестых, стремление казачества к своему умножению, самоуправлению и хозяйственному преуспеянию встречало главное противодействие от ближайших представителей старостинского уряда, именно от подстарост. (Столкновение Хмельницкого с подстаростою, как известно, послужило началом нового движения.) В-седьмых, внешние отношения Речи Посполитой, особенно нужда в войске, притом дешево ей стоившем, постоянно мешали попыткам ее ограничить реестр и прекратить переход народа в казачество, и т.д.

Уже после отпечатания моего текста получил я, благодаря любезности М.К. Любовского, вышедший в 1897 г. труд А. Яблонского об Украине (Polska XVI wieku pod wzgledem geograficcznostatystycznum. Tom XI. Ziemie Ruskie. Ukraina). Это обстоятельное и очень почтенное сочинение собственно посвящено XVI веку; но касается и первой половины XVII, именно по отношению к казачеству (стр. 442 — 470). Выводы его в общих чертах почти совпадают с моими, за немногими исключениями. Прибавлю, между прочим, его указание на казацкие надворные отряды у знатных панов, составлявшие легкие конные хоругви; о них я еще не имел случая говорить. Главным же образом этот том имеет отношение к моему III тому «Истории России». Г. Яб-

лоновский говорит о недостоверности или легендарном характере той казацкой организации или реформы, которая приписывается Стефану Баторию (424—426) и говорит как бы впервые. Но в этом случае я упредил его. См. прим. 98 к III тому. Польский автор, впрочем, идет далее и совсем отрицает участие Батория в казацкой организации. Полагаю, что такое полное отрицание едва ли справедливо. Возможно, что шестиполковый состав реестрового казачества берет начало именно с той эпохи. Нужно заметить, что у г. Яблоновского этого шестиполкового состава мы не встретили, и вообще количество полков в данную эпоху он не определяет.

27. Tagebuch des Erich Lassota von Stebau. Halle. 1866. Перевод его «Дневник Эрих Ляссоты из Стеблева». В извлечении издан в 1873 г. проф. Бруном с комментариями, а вторично в новом переводе К. Мельникова в «Мемуарах, относящихся к истории Южной Руси». Вып. I. К., 1890. Боплана Description d'Ukranie etc. впервые переведено и издано на русском языке с комментариями Ф. Устряловым. СПб., 1832: Вторично «Описание Украйны» издано во втором вып. сейчас названных мемуаров. А. Скальковского «История Новой Сечи». Изд. 3-е. Ч. II. Од. 1886 («Краткое обозрение истории кошей Запорожских»). Д.И. Эварницкого «Число и порядок Запорожских сечей». К., 1884. Относительно, упоминаемого Бопланом, женского монастыря, соседнего с Печерской Лаврой, см. С.Т. Голубева «О древнейшем плане города Киева 1638 года». К., 1898. стр. 78 и самый план, приложенный к Тератургиме Кальнофойского.

28. Виленский Археогр. Сборник. Т. I. № 157 (1646 г. Постановление Полоцкого магистрата о шести плацах для жидов). Т. IV. № 50 (1633. Жалоба Виленских обывателей на притеснения от жидов). Архив Юго-Запад. России. Ч. VII. Т. I. (1622 г. По поводу люстрации житомирские мещане жалуются на то же. Стр. 334. А на стр. 327 отметка люстраторов, что житомирский староста Александр с Острога Заславский, с согласия короля, отдал это староство в аренду двум лицам: одну часть пану Андрею Пересецкому, а другую жиду Сломе Фабисевичу, «которые не захотели показать условия аренды».) «Сборник летописей Южной и Западн. Руси». Во введении на стр. XLIV В.В. Антонович сообщает из рукописной летописи львовского каноника Юзефовича факт о трехдневной кровавой борьбе на улицах Львова мещан с евреями, в 1644 г. Но далее в извлечениях из этой латинской летописи данное место не приведено. Витеб. Старина. Сапунова. I. №№ 133—135. (Последний акт, заключающий привилегии евреям, 1633 г., судя по примечанию, подложный.)

Польское сочинение неизвестного автора первой половины XVII века Robak zlego sumnienia (Червь нечистой совести) перепечатано Юзефом Чехом в Кракове в 1853 г. (Wady Staropobkie). Rozdzial XI этого сочинения заключает выше приведенную мною в тексте мрачную картину жидовства. Аналогичный отзыв о жидах епископа Верещинского находится в указанном выше его проекте заселения Украйны (Киев. Стр. 1895, март). К первой четверти XVII века относятся и жалобы Мучинского или Межинского о том, что жиды отняли у христианских купцов и ремесленников все средства к существованию. (Zwiercadio Korony Polskiey. Urazy cieakie utrapienia wielkie od zydow etc.) Жалобы эти были предъявлены на сейме 1618 г. Коллонтай в своем соч. Rosprawa o Zydach (96 и 97), указывает из той же эпохи еще следующие изда-

ния, направленные против жидовства: Boukuwuema Swawola wyuzdana zydowska. W Krakowie. 1648. Lament dzieci pomordowanych przez Zydov. 1651. (Известное обвинение в убиении христианских детей.) Jasny dowod o doktorach zydawskich, iz nietyiko dusze, ale cialo swoie na wieczne zginenie daia, ktorzy lekarzow zydowskich i Tatarow uzywaia, etc. 1623. O powietrzu morowem u Kaliszu. 1623. Шайноха в своем Dwa lata dzieyow naszych в том же роде говорит о деятельности евреев на Украйне на основании польских писателей XVII века Пясецкого, Старовольского, Коховского (107 — 115). Шайноху повторяет в этом отношении и Яблоновский во введении к помянутому выше его изданию Lustracye Krolewszczyzn. Стр. XXV, LXXIII и XC. См. также жалобу минского городничего Скоруны на евреев-арендаторов, опустошивших его имение, 1627 г. (Вест. Юго-Запад. России. 1866. XI).

В приложениях к «Летописи Самоила Велички», именно в «Дополнениях к дневнику Окольского» находим следующее любопытное известие о «неслыханных и нововымышленных данях», которые ляхи вместе с жидами взимали с украинского люда (Т. IV, стр. 301): «так что название дуды, повивачное, огородщину, подимное, поголовщину, очковое, сътовчизну, сухомещизну, пороховщизну, пересуды и аренды, а сверх того от всякого скота и от пчел десятую долю, а от рыбных ловлей урочное». К этому месту в рукописи сделано примечание, объясняющее значение названных даней, и со вставкою цифр, указывающих денежную стоимость даней, но без определения монетной единицы (вероятно, гроши). А именно «Изъяснение даней, жидами взимаемых: от играния на дудке, на свирели, на скрипнице и прочую (4), от детей новорожденных за повияч (200); от всяких, садових и огородних плодов (200), от каждой хаты (5), подушенный оклад (10), от вступающих в брак (6), от улия пчел (2), от рыболовне из стодоле (sic) (10), от ветраних млинов и жерновей (20), судние посули, то есть на... позвах для судящих (20); откупы жидовские церквей Божиих так же и всяких питейных вещей, пороговщину от каждого рога волевого, коровового десятую долю, а ежели нету десяти, то...»

В Volumina legum нашли мы довольно скудный материал по отношению к еврейству, собственно только определение поголовной подати. А именно. Т. II. По конституции 1565 она определяется по 1 злоту с головы; тоже повторяется и в следующих конституциях XVI века. Т. III, стр. 113. Конституция 1613 года предписывает в Короне вносить по 3 злотых с каждой головы коронному подскарбию. Отдав эту подать, жиды уже свободны от поборов со своих ремесел и слуг. Они могут откупить сразу всю сумму, и тогда освобождаются от сборщиков. Стр. 128. Та же конституция определяет в Литве поголовное жидовское в 9000 злотых. 194, конституцией 1620 г. с евреев Короны вся сумма определена в 70 000 злотых — это чрезвычайный или усиленный сбор, а с В. Кн. Литовского 9000, что составляло тройную сумму; обычная это 3000 в год. 214, конституция 1621 г.: в Короне 22 000, а в Литве двойную сумму, т.е. 6000, из которых вторые 3000 за освобождение от посполитого рушения. В подобном же роде идут еще несколько конституций. При сравнении сумм не надобно забывать, что в состав Короны входила и вся Юго-Западная Русь; следовательно, Литва по объему была гораздо ее менее. Стр. 281, Конституция 1628 г.: с Короны 60 000, а с Литвы треть этой суммы, т.е. 20 000. Как и прежде, упоминается при сем о жидовском «старшом», который дает присягу и собирает подать в каждом центральном пункте с одним из высших членов магистрата, также обязанным присягою. В 1629 г. в Короне 80 000; но от подымного и новоустановленных пошлин не увольняются. А в Литве в это время обязаны ежегодно платить по 12 000 и т.д.

Для данной эпохи, если не считать небольшую брошюру проф. Леонтовича о правах Литовско-русских евреев вообще, мы собственно не имеем никаких цельных пособий по истории еврейства в Западной России, вроде указанных нами в предыдущем томе некоторых сочинений, особенно книги Бершадского, для XVI столетия.

Кроме приведенных выше напечатанных материалов для сей эпохи, мы имели под руками в списках целое собрание актов (более сотни), извлеченных из Виленского Центрального Архива, благодаря любезности председателя Виленской Археографической Комиссии Ю.Ф. Крачковского. Весьма желательно, чтобы Комиссия приступила к изданию этих актов, относящихся к истории еврейства в Западной Руси во второй половине XVI и первой XVII века. А пока, чтобы дать понятие о качестве и содержании сообщенных мне актов, укажу некоторые из них за период времени от 1592 по 1635 год. Написаны они частию по-русски, частию по-польски.

1592 год. 26 января. Из актовой книги Слонимского гродского суда еврей Агрон Гошкевич вносит перед мозырским подкоморием, подстаростою Слонимским (известным) Иваном Мелешком просьбу о недозволении другому еврею, Зелику Шмойловичу, собирать чоповое в таких-то местах, так как оно сдано ему, Гошкевичу, в аренду.

18 сентября. Еврей Моисей Шиманович заявляет тому же судье о покраже у него крестьянином из скрыни денег и разных вещей, каковы: жемчуг, полотно, золотые и серебряные перстни, сукно, кошули, простыни, воск и пр.

1593. Перед тем же судьей заявление о том, что земянин напал на дороге на еврея, отнял у него верхового коня, ружье и корд.

1594. Несколько актов, заключающих хлопоты евреев о невзыскании с них поворотного сбора на основании королевского листа.

Мая 21. Земянин жалуется на евреев местечка Дворци, которые избили его киями и изранили.

Октября 29. О вводе во владение дворецкого еврея Хаима Мошевича Полонкою, имением пана Монтовта, которое берется за долги, за 227 коп. грошей. Тут перечислено несколько крестьян сего имения: «Янкут Становевич, под ним земли волока, под ним земли подволоки, маетности рабочее не имеет ничего; Степан Кузьмич, под ним земли волока, маетность его вол один; Петруть Вербач, под ним земли волока, маетности его вол один, кляча одна» и т.д. «Повинность тых людей яко они сами нам поведили, иж в каждым тыдъню по два дни на роботу ходить повинни, а с каждое волоки в рок цыншу повинни дать по грошей пятьдесят, по ботце жита, по ботце овса, по возу сена, по гусяти, по курети».

1598. Января 1. Слонимский жид Еська — скупщик покраденных вещей.

Марта 5. Слонимский жид-ростовщик Шимон не возвращает заложенных вещей, несмотря на уплату денег.

1603. Мая 1. Лев Сапега, земский судья Гродненского повету, жалуется на еврея Юска Шимановича, арендатора его млынов, корчем и торговых пошлин в местечке Голынце, что он не заплатил арендной суммы.

Мая 27. Жалоба еврея Моисея Лазаревича, арендатора имения Жировиц, о нанесении ему крестьянами побоев и ран.

1605. Марта 7. Еврейка Хаина Есковна Шимановая хочет взять у Кристофа Гарабурды Фатрево за долг в 540 коп. грошей, вследствие 100% об-

ратившихся в 1080. Но Гарабурда возному отказал в выдаче имения, и предъявил с своей стороны обвинение в клевете; так как еврейка хвалилась, будто великий канцлер Лев Сапега обещал у нее это село перекупить.

Апреля 6. Пан Лукаш Гарабурда дает заемное письмо еврейке Хаине Есковне Шимановой с залогом своего имения: за 140 коп. грошей обязуется через год уплатить 280 (опять 100%!), да еще неустойку и ответствует своим имением.

Июля 18. Некий пан Годебский отказывается платить чоповый сбор двум евреям, его арендовавшим, и ссылается на то, что сеймовыми постановлениями 60-х и 90-х годов XVI столетия запрещено жидам быть мытниками, сборщиками и арендаторами. (Разумеется, тщетная ссылка на законы!)

Марта 24. Земянин Слонимского повета Иван Солтан жалуется на арендатора своего имения Жировиц, Ицхака Михелевича, что он с своими приятелями Слонимскими жидами распространил моровое поветрие в его имении. Но оказывается, что в январе Солтан этого жида уже убил и имущество его ограбил.

Отсюда возникает большое дело.

Апреля 5. По жалобе вдовы Михелевича Естеры, великий канцлер и слонимский староста Лев Сапега потребовал к суду Солтана и его жену Кристину, обвиняемых в убийстве жида-арендатора. Судьею тот же слонимский подстароста Ив. Мелешко. По апелляции Солтана дело перешло в Минский трибунал. Солтан нашел было человека, который принял убийство на себя; но это ни к чему не послужило.

1606. Августа 2. Явка баницийного листа на Ивана Солтана за убийство Михелевича. Минский трибунал приговорил Солтана к смертной казни; но тот бежал, и на него была объявлена баниция, т.е. он поставлен вне закона. Имение его Жировицы осталось в залоге у Естеры, вдовы Михелевича.

Августа 16. От имени Ивана Мелешка, теперь уже Мстиславского кастеляна, и его жены Ганны Фурсовны предъявляется в Слонимский гродский суд вводный лист на владение бывшим Солтановым Жировицким имением, которое было в заставе у еврейки вдовы Естеры Михелевичевны. (Очевидно, пресловутый Иван Мелешко ловко воспользовался преступлением Солтана, чтобы завладеть его имением).

Апреля 24. Заявление возного о позве шляхтичу Кондеровскому, не уплатившему в срок долга жидовке Хаине Шимановой. Неважный сам по себе акт, но приводим его для наглядного представления о процедуре судебных позвов. А именно.

Возный Слонимского повету Григорий Офонасович Мизкгир, имея при себе стороною двух шляхтичей, Конопацкого и Яновича (такие два ассистента при возном вообще назывались «стороною»), явился с позвом, приглашавшим на Трибунальный суд, в Руды, именье пана Юрья Юрьевича Кондеровского, и воткнул позывной лист в большие ворота, ведущие на двор; причем объявил случившейся тут панской челяди, что этот позов сделан по жалобе жидовки Хаины Юсковны Шимановой о незаплате сорока трех коп. грошей литовских; а срок к явке на суд в Вильну для обеих сторон, «поводовой и позваной», назначается четырехнедельный, считая со дня положения позва в ворота. Другой такой же позывной квит предъявлялся истцу на его дворе.

Марта 3. Заявление в Слонимский гродский суд об убийстве жида Ильи Шмойловича крестьянином пани Абрамовой Мелешковой, Гришкою Жда-

новичем, на большой дороге, ради грабежа находившихся при нем денег, 26 коп. грошей. Заявление сделано паном Корсаком, урядником Рожанского имения великого канцлера Льва Сапеги, у которого убитый жид состоял арендатором.

Марта 10. Когда возный, Андрей Васильевич Мизкгир, и несколько рожанских евреев везли убийцу Гришку Ждановича, то дорогою напали на них слуги пана Юрья Зеновича, избили и ограбили евреев, а убийцу у них отняли. Зенович виновных слуг выдал суду.

Марта 22. Убийца Шмойловича, выданный своей госпожой суду, пытанный и сознавшийся, осужден на смерть и казнен. Представитель обвинения, управляющий Сапежинским имением, Корсак, домогался еще годовщины за убитого; но представитель обвиненной стороны, управляющий имением Мелешковой, Суходольский настаивал на том, что у Гришки Ждановича нет никакой маетности и платить годовщину не из чего. Сие дело наглядно показывает, что еврей обыкновенно имеет своего пана протектора, у которого состоит клиентом, разумеется, будучи в то же время у него арендатором. Этот, как покровитель, в нужном случае вступается за своего клиента; а тут, как видим, добивается кары за его убийство. Разумеется, смотря по силе и значению своего протектора, его клиенты — евреи многое позволяли себе, рассчитывая на безнаказанность.

1608. Мая 10, Управляющий Полонкою, имением пана Тризны, старосты Бобруйского, приносит жалобу на то, что жиды (клиенты) пана Пакоша напали на возвращавшегося со Свислочской ярмарки подданного Тризны, избили его и изранили.

Мая 2. Подобная же жалоба управляющего имением Софьи Завишной на соседних евреев-арендаторов, которые напали на его двор, нанесли ему тяжкие побои и отняли некоторые вещи

1610. Июля 8. Такая же жалоба одной пани на Слонимских евреев, которые дорогою напали на ее слугу и ограбили его.

Октября 10. Такая же жалоба одного шляхтича на жида, который со своими помощниками избил киями его, шляхтича.

Марта 18. Опять жалоба на побои от жидов.

Марта 1. Евреи жалуются на побои от христиан.

1615. Октября 8. Жалоба шляхтича на жида, незаконно заключившего его в тюрьму..

1617. Февраля 4. Еврей не возвращает заложенных вещей, хотя получил долг.

1619. Мая 26. Жалоба на побои от жида крестьянину.

Июня 16. Нападение евреев на шляхтича и грабеж.

1626. Мая 15. Трибунальный декрет, отменяющий смертный приговор Ошмянского гродского суда двум евреям за нападение на шляхтича, на основании присяги шести евреев, отрицавших нападение.

1629. Июня 19. Обвиненные в смерти шляхтича, брестские евреи присягают в своей невинности.

Апреля 18. Евреи — сборщики податей присягают в правильном ее взимании.

1630. Марта. Два пинские еврея жалуются на преждевременное отнятие у них Александром Немиричем его имения, которое было у них в аренде.

Ноября 14 и 23. Пан Щигельский жалуется на убийство своего гайдука евреем-арендатором в корчме из пистолета. Но пан Дольский, у которого

этот еврей арендовал корчму, вступился и доказывает, что сам Щигельский убил своего гайдука, когда стрелял в еврея и промахнулся.

1630. Декабря 28. Ян Пясецкий, слуга и шафар (приказчик) князя Константина Вишневецкого, старосты Черкасского, приносит следующую жалобу в Пинский гродский суд. С байдаками, нагруженными поташом, он плыл по Припяти до Пинска, откуда предполагал потом возами доставить его в Брест. Но у Чернобыля сам Павел Сапега, чернобыльский державец, с двумя жидами, своими арендаторами, напал на байдаки, стрелял из мушкета и задержал их на целую неделю, незаконно требуя мыта. Убытку всего он причинил на 500 польских злотых, и хотя отпустил потом, но за зимним временем поташ был свален около Пинска.

1634. Марта 24. Виленские евреи предъявляют в Виленский гродский суд требование об исполнении магистратом королевского листа; дарованного им Владиславом IV на его коронации, чтобы им не делали помехи в торговле.

4 Апреля. Жалоба виленских евреев на виленских ремесленников, которые причиняют им побои на еврейском кладбище.

1635. Ряд актов о денежных взысканиях со стороны евреев.

4 Марта. Перечень имущества, награбленного в виленской синагоге и у разных евреев виленскими мещанами. По всем признакам, христианское виленское мещанство вело горячую борьбу за свое существование; но в конце концов жидовство, с помощью властей, одолело. (См. также указанный выше акт в Археогр. Сборнике. IV. № 50.)

СОДЕРЖАНИЕ

Учебно-методическое пособие

Иловайский Дмитрий Иванович

Новая династия

Редактор *Т.П. Мазепова*
Технический редактор *Г.А. Этманова*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *К.С. Парсаданяна*

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский р-н,
сел. Новокаякент, ул. Новая, 20

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП «Издательство
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Утрата законной власти, «голодные бунты», нашествие разного рода самозванцев, открытая интервенция Польши и Швеции... Патриотическая деятельность Земского собора, самоотверженный подвиг патриарха Гермогена, Минина и Пожарского... Все это — начало XVII века в государстве Российском.

Лишь избрание «всей землей» на престол представителя новой династии Михаила Федоровича Романова положило конец Московскому разоренью. Народ сплотился именем монарха. Пробудившееся национальное достоинство и вера в свое великое предназначение спасли Россию.

Смута в итоге не изменила державного хода российской истории, а лишь временно нарушила его, но она стоила великих жертв, а еще — послужила и служит трагическим назидательным уроком всем поколениям русских людей.

Историческая библиотека

ISBN 5-17-017474-8